

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 211.

1 Января 1866.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Получается въ Вольной Русской Гипографіи, 40, Pré l'Évêque и въ главныхъ депо — у Г. Георга, 10, Corraterie, Genève; у Н. Трюбнера и Ко., 60, Paternoster Row, Londres. Цѣна за листъ 50 сантимовъ безъ пересылки. Прилагаемъ почтовой тарифъ:

Въ Германію	15с.
— Австрію	15с.
— Англію	15с.
— Бельгію	5с.
— Францію	5с.
— Италію	3с.
— Неаполь и Сицилію	20с.
— Грецію (черезъ Марсель)	5с.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10с.
— Швецію	25с.
— Швейцарію	5с.

Parait à Genève tous les quinze jours. Le dépôt principal est chez H. GEORG, à Genève, Corraterie, No. 10. A Londres, chez N. TRÜBNER et Co., 60, Paternoster Row. Le prix de chaque No. est de 50 centimes, le port de la poste non compris. Tarif postal:

Allemagne	15с.
L'Autriche	15с.
Angleterre	15с.
Belgique	5с.
France	5с.
Italie	3с.
Naples et Sicile (voie de Marseille)	20с.
Grèce (voie de Marseille)	5с.
Turquie et Princ. Danubiennes (voie de Marseille)	10с.
Suède	25с.
Suisse	5с.

ОГЛАВЛЕНІЕ. Частныя письма объ общемъ вопросѣ (Письмо первое)—Дело Н. Андрущенко (Продолженіе). Смѣсь: Крѣпостники—Судебное убійство въ Москвѣ — Вируютъ ли право короны чинovníки избѣгать законы? — Школа въ Лугано—Сибирскіе поджигатели—Подарки къ новому году—Изъ Сибири—Объявленіе.

ЧАСТНЫЯ ПИСЬМА ОБЪ ОБЩЕМЪ ВОПРОСѢ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Вы допрашиваете меня, другъ мой, о томъ—что такое, наконецъ, социализмъ? какъ онъ произошелъ, что онъ произвелъ въ Европѣ? въ какомъ отношеніи къ нему стоитъ Россія и русская община и артель? Мой отвѣтъ принимаетъ такіе размѣры, что въ одномъ письмѣ его не выскажешь.* Въ самомъ дѣлѣ, тутъ стекаются всѣ современные вопросы и всѣ требуютъ разрѣшенія въ одну общую цѣль—подобнымъ, можетъ быть единымъ путемъ достиженія. Какъ ни трудны, не только разрѣшеніе, но и самая постановка вопросовъ—а все же отказать отъ этой работы, по мѣрѣ силъ, нѣтъ ни права, ни охоты.

И такъ начнемте сначала: какимъ образомъ развитіе и положеніе Европы привело къ первой мысли о социальномъ устройствѣ?

Слѣды понятій общиннаго (соціального) владѣнія и общиннаго труда встрѣчаются и въ древнемъ мірѣ†. Мысль о владѣніи и трудѣ сообща и раздѣлѣ доходовъ соотвѣтственно нуждамъ каждаго—также естественна, какъ и мысль о владѣніи въ раздѣлѣ (особо, лично), о трудѣ въ раздѣлѣ, объ отдѣльномъ пользованіи съ труда и владѣнія. Осуществленіе той или другой мысли является смотря по обстоятельствамъ. Въ самомъ патрархальномъ мірѣ, при деспотическомъ управленіи вожда, мы найдемъ попытки общиннаго устройства владѣнія землей (такъ въ древней Индіи сборъ жатвы принадлежалъ селу) стадами (у кочевыхъ племенъ), долею при раздѣльномъ трудѣ, долею даже при совокупномъ трудѣ. Взглядъ на поземельное право является различнымъ: иногда община владѣетъ извѣстнымъ участкомъ земли, принадлежащей государству (народу); иногда лицо владѣетъ участкомъ земли, принадлежащей государству (такъ у Евреевъ; лицо могло владѣть участкомъ только извѣстное число лѣтъ, потому что земля божія—сказано въ Левитѣ (3-й книгѣ Моисеевой) гл. XXV, § 23).

* Двѣ статьи, помѣщенные “Къ концу года” въ двухъ послѣднихъ листахъ “Колокола”, такъ органически, естественно втекаютъ въ письма Огарева о русскомъ социализмѣ, такъ служатъ имъ введеніемъ, что я не считалъ нужнымъ продолжать ихъ.—И—ръ.

† Я не думаю, чтобы слово: социальное—можно было по руски перевести иначе, какъ общинное. Объ этомъ столкнемся впоследствии.

Но вообще, при географическомъ неравноуѣсіи рода человѣческаго является *захватъ*, и владѣніе въ пользу захватывающаго (частная поземельная собственность), и трудъ въ пользу захватывающаго (рабство), и доходы въ пользу захватывающаго. Однако покоренные не могутъ быть оставлены ни при чемъ, и вотъ подвластныя племена, когорымъ по закону уже ничего не принадлежитъ, въ дѣйствительности являются опять—то при общинномъ, то при раздѣльномъ устройствѣ своего относительнаго владѣнія, изъ котораго платятъ подать трудомъ или долею дохода. Коренная точка отправленія *захвата*—тѣнетъ все общественное настроеніе только къ выдѣлу, къ раздѣлу и личной неравноуѣрною собственности. Между тѣмъ успокоиться въ неравноуѣрному роду человѣческому также нельзя какъ и чему бы то ни было въ природѣ. Отсюда, подвластныя стремятся къ освобожденію, раздѣлѣ къ равенству, отношеніе личностей къ равноправности.

Древній міръ умираетъ съ идеаломъ *lex agraria*, раздѣлъ поземельной собственности на равные участки между всѣмъ населеніемъ, которое предполагается достигшимъ безразличія классовъ и личной равноправности; раздѣлъ поземельной собственности на равные участки долженъ служить основой и обезпеченіемъ личной равноправности. Въ новомъ европейскомъ мірѣ мы находимъ коренную точку отправленія *новой захвата*. Изъ этого захвата вырабатывается вся исторія европейскаго міра. Подвластныя стремятся къ освобожденію, раздѣлѣ къ равенству, отношеніе личностей къ равноправности. Понятіе общиннаго поземельнаго владѣнія совершенно исчезаетъ, закончившись крестьянскими войнами; поземельная община въ Европѣ оказалась слабѣе силы захвата и стлрлась. Стремленіе раздѣла къ равенству домогается своей цѣли—личнымъ вытягиваніемъ у захвата на сколько чего возможно, всякими окольными путями. Поземельная собственность—или переходитъ отъ захвата во владѣніе капитала посредствомъ найма, или совершенно отходитъ отъ захвата въ руки капитала посредствомъ дробной продажи. Но большинство, т. е. народъ остается безъ владѣнія. Капиталъ составляется изъ вытягиванія отъ захвата и отъ бездомства—въ среднія руки. Трудъ и владѣніе, т. е. два элемента цѣнности—въ разныхъ рукахъ, и потому, не смотря на все

развитіе промышленности, выросшей изъ поземельнаго (сельскаго) владѣнія въ фабричную (городскую) промышленность, цѣнность является фальшивою, ложною.

Тутъ я не могу не сдѣлать небольшого отступленія, или замѣтки, которая можетъ стать между нами спорнымъ пунктомъ, по которую мнѣ высказать необходимо для того, чтобъ вамъ было ясно дальнѣйшее развитіе моего убѣжденія: Цѣнность равна *труду и вещи*.

Приписать цѣнность тому или другому порознь невозможно. Хотя экономисты и говорятъ, что *только трудъ* даетъ цѣнность, ибо безъ приложенія труда—матеріалъ не имѣетъ цѣнности; взятая совершенно абстрактно—мысль эта можетъ и справедлива, но ее надо вытягивать изъ какого-то начала владѣнія, прибавляя къ нему исторію труда; между тѣмъ какъ мы не въ состояніи ни придать современнымъ вещамъ цѣнности всего, родомъ человѣческимъ въ продолженіи вѣковъ потраченнаго на нихъ труда, ни приравнять нулю значеніе самихъ вещей. Вдобавокъ трудъ безъ матеріала—не только не имѣетъ цѣнности, но не имѣетъ существованія. Матеріалъ имѣетъ стоимость самъ по себѣ; это зависитъ отъ потребностей, отъ спроса и вызываетъ силы труда. Мы можемъ брать въ расчетъ не исторію труда, а матеріалъ въ его современной стоимости и какой трудъ можетъ быть къ нему вновь приложенъ; для насъ важенъ *трудъ и матеріалъ*. Стоимость труда, при раздѣльности труда и владѣнія, можетъ повышаться и понижаться съ возвышеніемъ или пониженіемъ стоимости матеріала—смотря по обстоятельствамъ, по временнымъ и мѣстнымъ условіямъ. Но истинная цѣнность лежитъ въ соединеніи труда и матеріала; истинная цѣнность можетъ явиться только при соединеніи труда и матеріала въ одни руки. Отъ этого, для социализма, основаніе *матеріала* чрезвычайно важно. А въ матеріалѣ основа основъ—*почва*. Отъ этого, для социализма, такъ важно основаніе общественнаго, народнаго владѣнія почвой. Кредитъ можетъ имѣть только настоящая цѣнность, т. е. цѣнность, равная труду и матеріалу. Ремесленная артель, имѣющая въ виду не пользованіе почвой, а инымъ матеріаломъ (на пр. сукномъ для портняжной артели), артель нуждается въ кредитѣ собственно для приобрѣтенія матеріала. Если она представитъ въ обезпеченіе настоящую цѣнность, уже существующую, а не проблематическую, не цѣнность *in spe*, т. е. представитъ въ обезпеченіе цѣнность равную труду и матеріалу, тогда она получитъ кредитъ, который употребитъ для приобрѣтенія новаго матеріала, и впоследствии можетъ развить новый кредитъ на основаніи новой дѣйствительной цѣнности, равной труду и новому матеріалу. Иначе трудъ во ожиданіи—не представляетъ дѣйствительной цѣнности и слѣдственно не представляетъ обезпеченія, и кредитъ только мечта, или случайность, которая не приведетъ къ общему результату. Отсюда заключеніе, что для созданія артельного кредита необходимо предшествующее народное владѣніе почвой, т. е. основное соединеніе труда и владѣнія въ одни руки, краеугольное основаніе дѣйствительной цѣнности.

Теперь возвращаюсь къ моей исторической нити. Я сказалъ что нахожденіе труда и владѣнія въ разныхъ рукахъ приводитъ къ фальшивой цѣнности. Отсюда равноправность личныхъ отношеній достигается только юридическаго названія, номинальнаго положенія; раздѣлъ, не смотря на все свое тяготѣніе къ равенству, не способенъ достигнуть его; осво-

божденіе подвластныхъ совершиться не можетъ. Такимъ образомъ ставила задачу, не разрѣшая ее—Французская революція.

Еще отступленіе: говоря о развитіи европейскаго мира, нельзя пропустить движенія христіанской религіи, которой приписывается пересозданіе древняго мира и съ которой начинаютъ исторію новой Европы. Христіанство явилось какъ цѣльное, отвлеченное ученіе на замѣнъ старыхъ религій и не касаясь практическаго вопроса общественнаго устройства. Оно было принято повопришедшимъ народамъ, которыми никакаго дорогаго религіознаго убѣжденія терять было нечего и у которыхъ съ осѣдлостью нарождалась потребность выйти изъ начала дикой кровожадности въ начало личнаго благоволенія, проповѣдуемаго христіанствомъ. Личное благоволеніе человѣка къ человѣку—могло смягчить нравы, но для него не требовалось никакаго особаго, обдуманнаго, съ убѣжденіемъ осуществляемаго, политическаго, гражданскаго, экономическаго, вообще общественнаго устройства. Христіанство и до сихъ поръ осталось въ своей отвлеченности и потому прилагаемости къ какимъ бы то ни было государственнымъ формамъ; самая опредѣленная сторона христіанства—церковь—являлась сама какъ захватъ народной собственности и свободы; поэтому движеніе цивилизаціи въ Европѣ, постепенно противу-церковное, церковь будучи не религіознымъ ученіемъ, а политическимъ учрежденіемъ. Но самое существенное движеніе цивилизаціи касается не только освобожденія отъ наслія церкви, какъ политическаго учрежденія; оно идетъ изъ тяготѣнія къ освобожденію вообще отъ захвата себѣ въ собственность народами приходскими владѣніями народовъ просто или прежде поселившихся. Такъ какъ это освобожденіе не кончено и нуждается въ новомъ преобразованіи, то начало этого новаго преобразованія никакъ не можетъ играть роли христіанства, т. е. роли ученія на столько отвлеченнаго, чтобъ оно могло быть прилагаемо ко всякому общественному устройству. Новое преобразование можетъ быть по преимуществу только практическое, т. е. измѣняющее самое общественное устройство, и потому его главное содержаніе *экономическое* и преслѣдуетъ остальные общественныя формы только по мѣрѣ важности ихъ отношенія къ себѣ, по мѣрѣ ихъ связи съ собой, или ихъ противурѣчія себѣ.

Теперь возвращаюсь къ прежнему результату: Французская революція (а также англійская и другія), рѣшила освобожденія подвластныхъ изъ захвата посредствомъ раздѣла и не могла рѣшить его, потому что просто ровный раздѣлъ недостижимъ и невыполнимъ. Онъ былъ бы мыслимъ и возможенъ, если бы жизнь общественная не имѣла движенія и можно было всѣ данныя, изъ которыхъ она слагается, раз навсегда разрѣзать на части какъ пироги, безъ всякихъ дальнѣйшихъ или различныхъ потребностей; но такъ какъ это невозможно, а владѣніе у народа было отнято, то раздѣлъ не могъ развиться дальше номинальной равноправности въ личныхъ отношеніяхъ и эта равноправность, не имѣя дѣйствительнаго основанія во владѣніи, не могла удовлетворить требованію дѣйствительнаго освобожденія.

Невозможность исхода освобожденія въ раздѣльную собственность была понята гораздо прежде Французской революціи. Слѣды этого мнѣнія мы можемъ встрѣтить и у средневѣковыхъ мыслителей; но главное начало противопоставленію

исхода освобождения въ общинность, не въ раздѣль—принадлежитъ XVIII столѣтію и въ особенности английскимъ мыслителямъ. Загляните, на примѣръ, въ Томаса Пейна. Мысль эта была такъ нова, что прошла почти незамѣтно и не только нигдѣ не наша практическаго приложенія (котораго не наша и до сихъ поръ), но не имѣла ни читателей ни послѣдователей. Громко она явила: только послѣ французской революціи, когда безуспѣшность исхода въ раздѣль уже оказалась на практикѣ.

Но къ чему же, въ Европѣ, привелъ вопросъ объ исходѣ освобожденія въ общинность, а не въ раздѣль? Въ сущности онъ привелъ къ противупоставленію самостоятельности труда—власти владѣнія, а не къ соединенію труда и владѣнія въ одни руки. Выросло стремленіе труда—по мимо владѣнія—создать новое общественное устройство. Эта мысль опять развѣтвилась на двѣ, и не разом—и послѣдовательно. Сначала она забыла, отбросила существующій міръ и принялась за построеніе новаго міра въ книгѣ; это ея теоретическій періодъ, гдѣ единственная попытка практическаго приложенія была сдѣлана Кабэ—а конечно не удалась потому, что хотѣла жить внѣ міра сего и невольно возвратилась къ какой то моисеевской постановкѣ, которая не могла удалиться.

Потомъ, изъ теоретической—мысль перешла въ практическую; стали составляться соединенія труда (по мимо владѣнія) въ видѣ рабочихъ ассоціацій, и также не могла удалиться, потому что создать цѣнность трудомъ безъ владѣнія—также невозможно, какъ создать цѣнность владѣніемъ безъ труда (въ понятіи это все равно, что отдѣлать человека отъ природы и погавить ихъ самихъ по себѣ порознь). Исторія совершилась посредствомъ насилія владѣнія надъ трудомъ; трудъ сдѣлался элементомъ подвластнымъ владѣнію; его присоединеніе посредствомъ подвластности ложно. Цѣнность, не смотря на ея экономическое опредѣленіе новѣйшихъ временъ, принимаетъ фальшивое значеніе на практикѣ, а отсюда и вся общественная жизнь въ ложномъ положеніи, потому что всѣ отношенія—ложны. Но труду, какъ бы онъ ни соединился между собою, отрѣшенно отъ владѣнія, достигнуть своей цѣли—т. е. соединенія съ владѣніемъ и возстановленія естественной цѣнности (труда и вещи)—составляетъ задачу или вовсе неразрѣшимую, или до такой степени длинную, что она равняется безконечности. Отсюда, практическая постановка общиннаго (соціального) начала въ Европѣ—привела скорѣе къ миражу, чѣмъ къ дѣйствительному результату.

Мы имѣемъ только двѣ страны—такъ сказать—внѣ Европы, которыя поставили вопросъ не теоретически, а исторически: это сѣверные соединенные штаты Америки—и Россія. Обѣ страны, въ сущности, представляютъ—не начало *захвата*, а начало *заселенія*. Отсюда ихъ огромная разница отъ европейской цивилизаціи. Только Сѣверные Штаты вышли изъ Европы, не отдѣлились отъ начала раздѣла и, какъ бы раздѣль ни тяготѣлъ къ равенству, они не могутъ иначе дѣйствительно пересоздаться, какъ соединеніемъ поземельныхъ раздѣловъ въ общинное дѣло; зачатки такого исхода уже есть; имъ можетъ помочь болѣе чѣмъ гдѣ нибудь достигнутая личная свобода, равноправность и конфедерация, т. е. централизація общаго правительства (конгресса), при весьма приблизительной свободѣ отдѣльныхъ областей, выгдѣ лучше

недостигнутой. Вдобавокъ—лучшая оцѣнка труда, чѣмъ въ Европѣ (особенно послѣ уничтоженія рабства черныхъ) и приблизительно нераздѣльность владѣнія съ трудомъ (что еще теперь зависитъ отъ огромнаго количества земли относительно населенія), все же приближаютъ цѣнность къ болѣе естественной постановкѣ, чѣмъ въ Европѣ; отъ этого и дѣятельность людей нигдѣ не убита и вездѣ сильнѣе чѣмъ въ Европѣ.

Россія сохранила основное поземельное владѣніе общины; этого само, постоянно колеблющееся въ своихъ дѣйствіяхъ, правительство—не могло измѣнить ни при освобожденіи помѣщичьихъ, ни при учрежденіи государственныхъ крестьянъ. Дальнѣйшая промышленность—фабричная, ремесленная—въ Россіи можетъ расти на почвѣ земледѣльческаго народнаго владѣнія, какъ артель, какъ движущаяся ассоціація, вовсе не нуждаясь ни въ привилегированныхъ городскихъ классахъ, ни въ привилегированныхъ сельскихъ помѣщикахъ, ни въ привилегированныхъ казенныхъ чиновникахъ. Если Россія массою еще колеблется въ теоріи раздѣла, въ lex agraria (въ формѣ передѣловъ) и не достигла до мысли объ общинномъ трудѣ надъ общиннымъ владѣніемъ, то это не только потому, что обстоятельства не привели ее къ этой мысли, а потому что обстоятельства правительственно такъ устроились, что мѣшаютъ ей—естественно же она не можетъ не прйти къ этому результату.

Крѣпостное право, совершенное сверхъ различныхъ потребностей и подъ европейскимъ влияніемъ, и подъ влияніемъ правительственнаго рабощрежденія, исказило развитіе общиннаго владѣнія, но не разрушило его. Изъ общиннаго владѣнія легче дойти до общиннаго труда чѣмъ на оборотъ, потому что основа реальнѣе; владѣніе находится въ рукахъ труда и ихъ соединеніе къ созданію естественной цѣнности—естественно. Тутъ, къ общинному преобразованію Россія едва ли не ближе чѣмъ соединенные Штаты, не смотря на ея азіатское единодержавіе и на ихъ европейскую, номинальную свободу лица. Европейское влияніе чрезвычайно губительно для обоихъ и ихъ инстинктивная ненависть къ Европѣ весьма понятна, не смотря на всѣ ошибочныя подражанія и непониманіе причины этой ненависти.

Покажѣте оставимтесь на результатѣ, что по мимо приведенія цѣнности къ естественному значенію, т. е. совокупности труда и владѣнія, ихъ соединенія въ одни руки—соціальный міръ, или экономическій переворотъ—невозможенъ.

Но прежде чѣмъ мы будемъ особенно заниматься разъясненіемъ положенія и стремленій Сѣверныхъ Штатовъ и Россіи, мы должны заняться разсмотрѣніемъ теоретическихъ соціальныхъ построеній и практическихъ соціальныхъ попытокъ въ западной Европѣ, ради того чтобъ показать всѣ возбужденные ими общественные вопросы и наконецъ опредѣлить понятіе и значеніе социализма.

И такъ до слѣдующаго письма.

И. Огаревъ.

ДЪЛО П. АНДРУЩЕНКО*.

(Продолженіе).

На вопросъ комиссіи, въ которомъ, между прочимъ, объяснялось, что невѣроятно, чтобы Шатиловъ, будучи въ близкихъ отношеніяхъ съ Мосоловымъ и получая отъ него воззванія, не спросилъ кто и черезъ кого ихъ пересылалъ. Шатиловъ показалъ, что дѣйствительно Мосоловъ никогда не говорилъ ему кто привозилъ прокламаціи и отъ кого онѣ присылались, думаетъ, что Мосоловъ не скрылъ бы отъ него если бы у него спрашивалъ. Но Шатиловъ не спрашивалъ, потому, что положилъ себѣ за правило въ такихъ дѣлахъ не спрашивать, а принимать къ свѣденію, что другіе сами сочтутъ нужнымъ сообщить ему. Другая побудительная причина не спрашивать Мосолова, что естественное любопытство Шатилова было удовлетворено тѣмъ, что Мосоловъ показывалъ однажды бумажку съ печатью *Земля и Воля* и съ просьбой принять и не опасаться подателя ея. Шатиловъ подумалъ тогда, что къ Мосолову являлись лица съ такими бумажками и что, можетъ быть, онъ самъ не знаетъ кто привозитъ прокламаціи, какъ Шатиловъ не зналъ, кто далъ ему прокламацію: *Доло давили васъ*. Къ тому-же самое дѣло распространенія прокламацій мало занимало Шатилова и полагаетъ, что и другихъ также, и если они были проводниками прокламацій въ обществѣ, то сами-то не очень имъ сочувствовали, доказательствомъ чему можетъ служить то, что поднять былъ вопросъ на вечерѣ у Андрущенко, принимать-ли для распространенія прокламаціи и, дѣйствительно, вторую прокламацію не распространяли. Если же распространили первую прокламацію, то только по нелѣпой стыдливости отказать въ помощи, которую у нихъ просили.

Наконецъ Шатиловъ присовокупилъ, что онъ принося искреннее раскаяніе въ томъ, что позволилъ себѣ вовлечься въ такое дѣло, проситъ комиссію довести объ этомъ до свѣденія государя императора и исходатайствовать всемилоостивѣйшее прощеніе и смягченіе участи его, въ уваженіе молодости и крайне болѣзненнаго состоянія бѣдной, лишенной рукъ и ногъ матеря его, которая не перенесетъ кары, заслуженной преступленіемъ его.

5) Лѣкаръ *Петръ Лебединскій* (содержится въ крѣпости съ 11го Сентября 1863 года). Первоначальное обвиненіе Лебединскаго, по показаніямъ Андрущенко, заключалось въ томъ, что онъ привелъ Андрущенко къ Мосолову въ Февралѣ 1863 г. и что Лебединскій находился на сходкѣ въ квартирѣ Сулина и Андрущенко, содѣйствовалъ побѣгу Кельсіева и Гижитскаго и наконецъ передалъ Андрущенкѣ нѣсколько экзempl. воззванія: *Доло васъ душили братцы*. Но Лебединскій вначалѣ отвергъ всѣ эти обвиненія, объяснивъ, что говорилъ Андрущенкѣ о Мосоловѣ и видѣлъ его въ квартирѣ послѣдняго, играющимъ на фортепiano; на сходкѣ не былъ, Кельсіева видѣлъ въ квартирѣ Повитовскаго (это могло быть въ 1861 г.), а Гижитскаго совершенно не знаетъ. На очной ставкѣ съ Сулинымъ, Лебединскій сознался, что былъ на сходкѣ въ квартирѣ его и Андрущенко. Равнымъ образомъ сознался и въ томъ, что участвовалъ въ распространеніи воззваній, бралъ для разсылки ихъ адресы у Николая Пльинскаго и Андрущенко и получилъ чрезъ Заіончковскаго отъ

* въ началѣ этой статьи, л. 208, стр. 1708, первая строка сверху, напечатано: "Библиотека казенныхъ студентовъ" вмѣсто: "Библиотека казенскихъ студентовъ".

Шатилова воззваніе: *Свобода* No. 1 экзempl. не менѣе ста, которые раздѣлил на пачки, нѣсколько бросилъ въ университетъ, другіе разбросалъ по бульварамъ, а остальные уничтожилъ.

Сдѣлавъ такое признаніе, Лебединскій призналъ справедливымъ показаніе Андрущенко о томъ, что будто бы онъ, Лебединскій передалъ воззванія, для распространенія, Левашеву. Относительно участія въ способствованіи къ побѣгу Кельсіева, Лебединскій объяснилъ, что въ тотъ день, когда бѣжалъ Кельсіевъ изъ части, онъ Лебединскій, былъ въ квартирѣ Сулина и Андрущенко, которые проводили его на сѣнной бульваръ, сами воротились домой; Лебединскій же дождался Кельсіева и далъ ему изъ своихъ денегъ 25 руб., сказавъ ему адресъ квартиры братьевъ Пльинскихъ, изъ коихъ Николая встрѣтилъ наканунѣ, просилъ принять къ себѣ Кельсіева. Гижитскій же приходилъ къ нему на квартиру и просилъ его оказать ему содѣйствіе къ побѣгу, но Лебединскій никакого содѣйствія не оказывалъ и не спрашивалъ Гижитскаго, какъ онъ прибылъ въ Москву и гдѣ проживалъ.

Хотя Лебединскій, какъ выше сказано, сознался въ бытности на сходкѣ, но по требованію комиссіи разъяснить все происшедшее, онъ показалъ, что былъ постоянно отвлекаемъ частнымъ разговоромъ съ Повиковымъ и многого не могъ слышать, такъ онъ не слышалъ, какіе вопросы Сулинъ предлагалъ Мосолову и что послѣдній отвѣчалъ, не видалъ чтобы Мосоловъ читалъ что нибудь, хотя слышалъ разсужденія его о необходимости для нравственнаго развитія народа внушать ему необходимость грамоты, важность школъ. Кромѣ того Мосоловъ разсуждалъ о правахъ женщины въ обществѣ, равноправности ея съ мужчиною. Разговоръ объ азбукѣ былъ дѣйствительно по поводу того, что Сулинъ просилъ адресы у Мосолова, но разговоръ этотъ не имѣлъ значенія условиться для секретной переписки. Говорили о возможности составить азбуку изъ цифръ посредствомъ вырѣзки на бумагѣ. Что же касается до совѣта каждому изъ участвовавшихъ на собраніи, выбрать для себѣ помощника для пропаганды, Лебединскій этого не слышалъ. Послѣ того какъ Лебединскій сказалъ, что онъ былъ на сходкѣ въ квартирѣ Сулина, ему былъ предложенъ вопросъ, по показанію Мосолова, о томъ, что всѣ лица, бывшія на сходкѣ знали о сношеніяхъ его съ обществомъ *Земля и Воля*, на который Лебединскій отвѣчалъ что онъ зналъ лично отъ Мосолова, что у него по временамъ бывали изъ Петербурга члены общества, но для чего ему, Лебединскому, неизвѣстно; предполагалъ впрочемъ, что это дѣлалось съ цѣлью возбудить интересъ живаго участія въ этомъ обществѣ, а что отъ имени общества дѣйствительно печатаются воззванія *Свобода*; къ этому Лебединскій присовокупилъ, что о побѣдѣ Андрущенко въ Петербургѣ, съ письмомъ Мосолова, Лебединскому неизвѣстно. Это послѣднее обстоятельство Лебединскій подтвердилъ и на очной ставкѣ съ Андрущенкою, который также остался при своемъ показаніи.

6) Лѣкаръ *Иванъ Заіончковскій* (содержится въ крѣпости съ 27 Сентября 1863 г.). Относительно Заіончковскаго, Андрущенко показалъ, что онъ бывалъ по воскресеньямъ у Мосолова и находился на сходкѣ въ квартирѣ Андрущенко и Сулина, а Шатиловъ объяснилъ, что онъ передалъ Заіончковскому 150 и 200 экзemplаровъ воззванія *Свобода* No. 1, для

распространения. Противъ сего Заюнчковскій отозвался, что онъ не относитъ къ числу своихъ знакомыхъ Андрущенко, потому что съ нимъ знакомства не поддерживалъ, хотя и былъ случайно въ квартирѣ, которая не знаетъ кому принадлежала — ему или Сулину; ида однажды съ Новиковымъ, Заюнчковскій зашелъ къ нимъ на минуту, потому что не хотѣлъ оставить товарища, но въ это время не засталъ ихъ дома. Болѣе сего онъ не посѣщалъ Андрущенко, не помнитъ впрочемъ, въ этотъ ли разъ видѣлъ Андрущенко въ его квартирѣ и вернувшись назадъ по приглашенію зашелъ къ нимъ встрѣтивъ у нихъ Лебединскаго, Мосолова и Лебашева или это было при второй прогулкѣ. Въ дальнѣйшихъ отвѣтахъ Заюнчковскій отрицалъ участіе въ происходившемъ на сходкѣ, и добавилъ, что въ тотъ вечеръ, какъ онъ зашелъ въ квартиру Сулина и Андрущенко, ничего особеннаго не говорилъ и если принималъ участіе въ бѣсѣдѣ, то говорилъ о географіи, потому что ему подъ руки попался новый атласъ, съ которымъ онъ почти все время провозился, не обращая вниманія на окружающихъ. Наконецъ въ представленномъ въ комиссію, дополнительномъ объясненіи, Заюнчковскій согласился на то, что во время нахождения на квартирѣ Сулина и Андрущенко былъ пьянъ, а потому ничего не помнитъ.

На очной ставкѣ съ Андрущенкою, Заюнчковскій подтвердилъ свои показанія, но Андрущенко объяснилъ, что Заюнчковскій пришелъ на сходку съ Лебединскимъ и Новиковымъ; сначала вечера онъ сидѣлъ за овальнымъ столомъ, спиной къ окну, возлѣ Новикова и Левашова, разговоръ съ Заюнчковскимъ Андрущенко ни припомнить и не можетъ также привести обстоятельства, которое бы ясно показывало нетрезвое состояніе Заюнчковскаго.

Равнымъ образомъ и Мосоловъ на очной ставкѣ съ Заюнчковскимъ показалъ, что въ какомъ видѣ Заюнчковскій былъ на сходкѣ не знаетъ, потому, что не обратилъ на это вниманія тѣмъ болѣе, что Заюнчковскій къ нему съ вопросами не обращался и особенно замѣтнаго участія въ разговорѣ не принималъ. Заюнчковскій же отозвался, что, такъ какъ въ собственныхъ воспоминаніяхъ не имѣетъ достаточныхъ фактовъ, чтобы точно утверждать въ этотъ ли самый вечеръ онъ былъ у Сулина, когда у него собирались поименованныя выше лица, или отрицать это, то долженъ положиться въ этомъ случаѣ на показанія другихъ лицъ.

Наконецъ Шатиловъ на очной ставкѣ съ Заюнчковскимъ, который утвердилъ вышеприведенный отзывъ свой, объяснилъ: что Заюнчковскій явился на сходку послѣ Шатилова; особыхъ рѣчей Заюнчковскаго Шатиловъ не помнитъ, а также ни одного обстоятельства, которое могло бы указать на не нормальное состояніе Заюнчковскаго.

На возобновленный комиссіей вопросъ, Заюнчковскій объяснилъ: что онъ прямо и откровенно рассказалъ случай посѣщенія Сулина, какъ могъ припомнить его. Не будучи твердо увѣренъ, тамъ ли видѣлъ въ этотъ вечеръ перечисленныхъ имъ въ первомъ показаніи лицъ, или около того времени встрѣтилъ ихъ у Мосолова, Заюнчковскій не могъ поручиться за это воспоминаніе; а такъ какъ онъ не помнитъ содержанія бывшихъ разговоровъ, то и сомнѣвается были ли они во время посѣщенія имъ Сулина; когда же другія лица подтвердили это, то Заюнчковскій, не имѣя въ этомъ случаѣ точныхъ данныхъ, положился въ этомъ случаѣ на показанія ихъ. Что же касается до сомнѣній комиссіи въ искренности

показанія о бытности въ нетрезвомъ видѣ, то Заюнчковскій позволяетъ себѣ опереться на фактъ показаній самыхъ свидѣтелей, именно: несмотря на внимательный распросъ каждою изъ нихъ, говорилъ ли Заюнчковскій съ кѣмъ нибудь о чемъ нибудь и дѣлалъ ли какіе нибудь вопросы или отвѣты, показанія ихъ были отрицательныя. Это уже одно, какъ кажется Заюнчковскому, подтверждаетъ искренность его показанія.

Заюнчковскій отвергъ показаніе Шатилова о передачѣ имъ Заюнчковскому для распространенія 150 или 200 экземпляровъ воззванія *Свобода* No. 1, отзываясь, что Шатиловъ никакимъ воззваніемъ ему не передавалъ. Но на очной ставкѣ съ Шатиловымъ, Заюнчковскій объяснилъ, что дѣйствительно получилъ отъ Шатилова въ его квартирѣ прокламаціи, для чего по просьбѣ Лебединскаго заѣзжалъ къ Шатилову (сначала въ управленіе желѣзной дороги, потомъ по его приглашенію, на квартиру. Хотя онъ не помнитъ хорошо, сказалъ ли ему Лебединскій, что именно передаетъ ему Шатиловъ; но этимъ вовсе не желаетъ отстранить отъ себя вины, потому что все равно онъ узналъ у себя на квартирѣ, что именно привезъ Шатиловъ же объяснилъ, что сколько помнитъ, онъ условился съ Заюнчковскимъ, чтобы послѣдній взялъ прокламаціи для распространенія; но противъ положительныхъ заявленій Заюнчковскаго, что Шатиловъ не съ нимъ условился объ этомъ и что онъ прѣзжалъ по порученію Лебединскаго, Шатиловъ не можетъ противорѣчить и допускаетъ возможность, что условился въ распространеніи не съ Заюнчковскимъ, а съ Лебединскимъ. Причина почему могъ перемѣшать эти двѣ личности — та, что Шатиловъ считаетъ ихъ столь близкими друзьями, что у нихъ ничего не скрывается; они и жили тогда вмѣстѣ, но все таки помнитъ Шатилову, что онъ условился именно съ Заюнчковскимъ.

Противъ сего Заюнчковскій возразилъ, что показаніе Шатилова о томъ, что будто онъ съ нимъ условился о воззваніи у Мосолова, несправедливо, такъ какъ иначе Шатиловъ сказалъ бы Заюнчковскому свой адресъ, куда прѣхать, а на дѣлѣ было такъ, что его просили заѣхать къ Шатилову Лебединскій и сказать гдѣ можетъ найти его.

На очной же ставкѣ съ Заюнчковскимъ, который уличалъ Лебединскаго, что онъ привезъ отъ Шатилова воззванія по просьбѣ Лебединскаго и положилъ ихъ въ квартирѣ на шиферку, откуда Лебединскій взялъ ихъ по возвращеніи домой, Лебединскій сознался, что онъ дѣйствительно получилъ отъ Заюнчковскаго прокламаціи въ количествѣ неменѣе 100 экземпляровъ.

Наконецъ Лебединскій показалъ, что обстоятельства, при которыхъ онъ просилъ Шатилова дать воззванія, и просилъ ли его или онъ самъ предложилъ воззванія, не помнитъ.

7) Бывшій студентъ Московскаго университета *Александръ Новиковъ* (содержится въ крѣпости съ 28 Сентября 1863 г.). Изъ показаній Андрущенко видно, что Новиковъ бывалъ у Мосолова по Воскресеньямъ, что онъ находился на сходкѣ въ квартирѣ Сулина и Андрущенко и что кромѣ участія во всемъ происходившемъ на этой сходкѣ, когда стали расходиться, между Сулинымъ и Новиковымъ, стоявшими отдѣльно, происходилъ разговоръ, начало котораго Андрущенко не слышалъ, но когда приблизился, Новиковъ говорилъ: “Памъ непременно надоио имѣть свой станокъ”. — “Да онъ есть”, сказалъ Сулинъ. — “А вы же говорите, что уничтожите”. — “Я не хотѣлъ, чтобы

Петровский знает". — "Такъ гдѣ же онъ?" — "Ахъ Боже мой, да есть завопанъ". — "Ну опъ испортится". — "Желѣзный то"? возразилъ Сулянь. Тутъ Андрущенко вмѣшался въ разговоръ и сказалъ: "Мнѣ Пушторскій говоритъ, что у нихъ есть 4 станка, да они печатать не умѣютъ". — "Такъ за чѣмъ же они держать"? спросилъ Новиковъ. "Ужь этого я не знаю. Воззвание *Свобода No 1*, говорилъ, печатали два мѣсяца". На вопросъ Новикова, познакомился ли Андрущенко съ Гулевичемъ, онъ отвѣчалъ, что не познакомился, хотя Мосоловъ и давалъ адресъ или къ нему или къ Пушторскому; но Андрущенко далеко было идти къ Гулевичу: "Напрасно", сказалъ Новиковъ и разговоръ прекратился. Къ сему Андрущенко присовокупилъ, что станокъ, о которомъ говорили Сулянь съ Новиковымъ, какъ полагаетъ онъ, долженъ быть тотъ, на которомъ они съ Петровскимъ печатали въ концѣ 1860 г. *Разборъ книги барона Корфа*, соч. Огарева. Книга эта продавалась по 2 руб. за экземпляръ и Андрущенко давалъ Петровскій на продажу 500 экземпляровъ, но какъ продажа не шла, то Петровскій взял ихъ обратно.*

Новиковъ при допросѣ отвергъ всѣ означенныя показанія Андрущенко, объяснивъ, что на сходкѣ не находился, а у Мосолова бывалъ какъ гость, чтобы попросить книгу для чтенія; у Андрущенко же бывалъ, но не во время сходки; о станкѣ и о лицахъ, живущихъ въ Петербургѣ, съ нимъ никогда не говорилъ.

На очной ставкѣ съ Сулянымъ, Новиковъ сознался, что былъ на сходкѣ. Затѣмъ на особый вопросъ Новиковъ объяснилъ, что на собраніе къ Суляну, онъ приглашенъ не былъ и попасть на него слѣдующимъ образомъ: вечеромъ въ тотъ день Новиковъ вмѣстѣ съ Лебединскимъ отправились по обыкновенію гулять на бульваръ, при чемъ кто то изъ нихъ предложилъ зайти къ Суляну, гдѣ они просидѣли вечеръ. Вопросы, которые будто бы предлагалъ Сулянь, Новиковъ не слышалъ, равно и отвѣтовъ на нихъ не давалъ, ибо весь вечеръ разговаривалъ съ Лебединскимъ, и такъ какъ предметъ разговора былъ довольно интересенъ, Новиковъ не обращалъ вниманія на другихъ. Также не видѣлъ доставалъ ли Мосоловъ какую бумагу и читалъ ли ее; списывать эту бумагу Новикову никто не давалъ, предложеніе Мосолова относительно того, чтобы каждый избралъ себѣ товарища для веденія пропаганды, онъ также не слышалъ; помнить только, что когда кончился разговоръ его съ Лебединскимъ, онъ услышалъ, что другіе также спорили о чемъ то, чуть ли даже дѣло не шло о женщинахъ. Потомъ кто то спросилъ Мосолова, постоянно ли онъ будетъ жить въ Москвѣ, для того чтобы обращаться къ нему съ разными порученіями. Потомъ начали разсуждать о способности многихъ лицъ вскрывать и читать чужія письма и предложили избрать шифръ; но вмѣсто шифра взяли физиологію Фогта и рѣшили писать по ней, и такъ какъ Новиковъ никогда не предполагалъ писать Мосолову, то скоро забылъ ключъ. Разговора же съ Андрущенкою о поѣздѣ его въ Петербургъ и о двухъ лицахъ, къ которымъ онъ имѣлъ адресы, Новиковъ не имѣлъ.

На очной ставкѣ съ Андрущенкою, Новиковъ утвердилъ свои показанія, при чемъ и Андрущенко остался при своемъ показаніи.

(Продолженіе въ слѣд. листѣ).

* Петровскій, Сулянь и Новиковъ за литографированіе сочиненія составили вмѣстѣ съ другими лицами подъ судомъ правительствующаго сената и дѣло о нихъ уже окончательно рѣшено.

С М Ъ С Ъ.

КРѢПОСТНИКИ.

Tu te reveilles, belle endormie!

Правой ли, лѣвой ли ногой вступить Россія въ Новый Годъ, мы не знаемъ, и скорѣе думаемъ *лѣвой*, но во всякомъ случаѣ каждый шагъ ея въ немъ будетъ чрезвычайно интересенъ.

Мертвые, полусогнившіе выходятъ изъ могилъ, не хотятъ лежать въ землѣ, если она отходить крестьянамъ.

Правительство безмысленно хлещетъ по социальнымъ теоріямъ, крѣпостники прогуливаются съ распушенными знаменами.

Мы слышали, что передъ смертью, выходятъ рубцы кнута у наказаннаго, но никогда не слышали, чтобъ они выступали и у палачей.

Годъ тому назадъ самъ Катковъ, замаранный всѣми грязями, нагло улыбающийся, когда его называли "доносчикомъ", отталкивалъ отъ себя обвиненіе крѣпостничества.

Теперь совсѣмъ напротивъ, цѣлая банда бывшихъ рабовладѣтелей открыто плачетъ объ утраченномъ крѣпостномъ правѣ. Она вспоминаетъ о 19 Февралѣ 1861, какъ о днѣ великаго несчастія, въ томъ родѣ какъ французскіе республиканцы вспоминаютъ о 2 Декабрѣ. Чувства эти были у нихъ всегда, мы въ этомъ не сомнѣвались, но они ихъ скрывали. Что-же развязало ихъ языкъ?

Два года террора царской демагогіи, плаванья въ крови и насиліяхъ, два года подкупной клеветы и казенной журналистики.

Это первый плодъ того растлѣнія общественнаго мнѣнія, которое такъ мастерски вело правительство, того дикаго кровожаднаго настроенія, въ которомъ его защитники поддерживали и разжигали умы съ 1862 года. Это первыя лавры съ польскихъ побѣдъ, позорныхъ столбовъ въ Петербургѣ, съ ссылокъ, казней, пытокъ...

Безцеремонность, съ которой является у насъ крѣпостническая реакція, не часто встрѣчается въ исторіи. Оплакивающе прошедшее стараются обыкновенно придать ему видъ почтенныхъ мощей, нравственный смыслъ, на его безчестныя раны и грязныя наготы набрасываютъ покрывало. Ничего подобнаго у нашихъ нео-крѣпостниковъ: они жалѣютъ своего права на чужую работу и сердятся на помѣху, такъ какъ воры сердятся на руку закона, мѣшающую имъ красть. Въ нашъ вѣкъ только одна страна доходила до этихъ геркулесовыхъ столбовъ разврата мысли и слова, это Сѣверо-Американскіе Южане, когда они передъ войной являлись въ церквахъ и журналахъ защищать рабство. Свой своему по неволѣ брать.

Черезъ какія же бѣдствія пройдетъ Россія, если она можетъ производить такой ядъ и не умѣетъ отдѣлываться отъ него? Гнилое худосочіе, унаслѣдованное нами отъ цѣлыхъ поколѣній, родившихся въ развратѣ рабовладѣнныя, бродитъ въ нашихъ жилахъ, притупляя сердце, помрачая умъ и доводя горестъ за утрату неправой корысти до дерзкаго протеста—какъ будто одна страсть къ даровому стяжанью въ состояніи вывести насъ изъ апатической дремоты и страдательнаго повиновенія.

Юбилей въ *вольномъ* экономическомъ обществѣ далъ случай обвинить нашихъ нео-крѣпостниковъ. Что такое это *вольное* общество, знаетъ всякон, а кто не знаетъ пусть прочтетъ отчетъ В. Безобразова. Это одна изъ тѣхъ ценскихъ

ныхъ декорацій, которыми Екатерина II обманывала Европу, въ родѣ картонныхъ деревень, которыми Потемкинъ обманывалъ ее. Пустое, бессмысленное и безжизненное, оно дожило до ста лѣтъ съ той же пользой, съ которой доживаютъ до нихъ попугаи и вѣроны. Зная съ кѣмъ имѣть дѣло, правительство разрѣшило столѣтнему *вольному* обществу собрать со всѣхъ концовъ Россіи сельскихъ хозяевъ, посоветоваться съ ними и въ случаѣ нужды сдѣлать свои представленія, т. е. правительство давало ему право собрать конгрессъ по важнѣйшему вопросу народной жизни и предоставило право петиціи, въ которомъ отказало московскому дворянству.

Этотъ конклавъ, этотъ конвентъ сельскаго хозяйства захотѣлъ показать, что и онъ живой и рѣшился... на что вы думаете?.. Отгадайте!..

Наши милые трутни подъ вывѣскою пчель рѣшились беспокоить правительство? *О принятіи законодательныхъ мѣръ способствующихъ распаденію сельской общины.* Самому предсѣдателю отдѣленія стало совѣстно и онъ этимъ непреходимымъ рабамъ замѣтилъ, что о такихъ вещахъ судятъ и разсуждаютъ, но не просятъ распоряженій начальства.

По счастью нашелся въ залѣ человѣкъ, который не вытерпѣлъ и сталъ за общину. Рѣчь свою (которую петербургскія газеты имѣли небрежность передать въ нѣсколькихъ словахъ) г. Панаевъ заключилъ тѣмъ, что рѣшать вопросъ о мѣрахъ къ уничтоженію общины въ собраніи представителей капитала и безъ представителей труда было бы несправедливо. “Самъ же г. Панаевъ видитъ въ общинѣ лучшее рѣшеніе вопроса объ отношеніи капитала къ труду—великое начало существующе только у насъ. Это начало *право человека на землю*”.—“*Право на землю*, замѣтилъ г. Бушенъ, тоже самое что извѣстное *право на трудъ!*”*

Этимъ намекомъ дѣло не кончилось, а только началось, букетъ приготовилъ издатель *Вѣсти* г. Скарятинъ: “бойко внятно и самодовольно сказалъ онъ длинную рѣчь.... въ защиту крѣпостнаго права. Говоря, что защитники общины оставляютъ ея заслугою невозможность пролетаріата, батрачества, г. Скарятинъ нашель, что *въ этомъ-то и состоитъ средъ общины*, ибо по его мнѣнію, *батрачество* (пролетаріатъ) *полезно для государства*, такъ какъ оно отдаетъ рабочія руки во власть искусныхъ домохозяевъ и собственниковъ. До сего времени, по мнѣнію г. Скарятинъ, благодѣтельную роль, въ этомъ отношеніи играло крѣпостное право. Крѣпостное право была великая производительная сила, говорилъ, г. Скарятинъ, пересчитывая благодѣянія крѣпостнаго права, состоящая въ томъ, что помещикъ слѣдилъ за хозяйствомъ крестьянина, помогалъ ему, поощрялъ трудолюбивыхъ, исправлялъ нерадивыхъ, и заключилъ такъ: “*Отъ этого порядка вещей вышрывали вѣсь: вѣсь этотъ порядокъ рухнетъ 19 февраля 1861 г.* Община не можетъ замѣнить его, и поэтому (въ виду распространенія батрачества) и слѣдуетъ ее уничтожить”.

И человѣкъ публично сказавшій это цѣль и невредимъ?

Да дѣло то въ томъ, что вовсе не одинъ человѣкъ, а legionъ. Вотъ что проповѣдуетъ г. П. Бланкъ:

“Г. Петръ Бланкъ поужительно отрицаетъ у всего, что не изображаетъ изъ себя російскаго патриція, право вмѣшиваться въ управленіе общественными дѣлами; обязанность и право *обогатиться* “объ общественномъ благосостояніи, спокойствіи

* *Вмѣстѣ сдѣланы нами изъ “Сиб. вѣд.”, N 293 и др.*

и порядкѣ”, по его мнѣнію, принадлежатъ исключительно однимъ патриціямъ. “Эту лепту обязапо дворянство нести на алтарь своего отечества, *въ возмездіе за трудъ рабочіи—его питающей и за дѣла торговля, обеспечивающей его домашнюю жизнь и удовлетворяющей его потребности*”. Онъ говоритъ: *рабочіе* люди, куда естественно отнесемъ весь болѣе обдѣнѣннѣйшій классъ народонаселенія, по самому названію своему, имѣть обязанность, вызываемую и нуждою къ содержанию себя (и нуждою, стало бытъ чѣмъ-то другимъ еще? можетъ быть, необходимостью питать російскихъ патриціевъ?) и своего семейства, работать на другихъ жителей государства и тѣмъ извлекать средства жизни, а иногда и выгоды для самихъ себя” (но только *иногда*, замѣтите; постоянно же не болѣе, какъ на содержание себя и притомъ такъ, какъ привыкъ содержать себя рабочій русскій человѣкъ).

“Вы напечатали вашу сказку, говоритъ *Голосъ*, въ газетѣ именуемой себя, говорятъ, *представительницею и защитницею интересовъ російскаго дворянства*; если никто изъ этого дворянства *не уличитъ васъ въ томъ, что вы зашли дальше, нежели требуетъ, по меньшей мѣрѣ, приличіе*, то намъ остается думать, что вашъ взглядъ *раздѣляется* всѣми російскими патриціями, то есть, что всѣ они, *вопреки закону*, отрицаютъ у народа, у рабочихъ людей, право на участие въ дѣлахъ земства, право, предоставленное ему недавнимъ закономъ, чуть ли не отрицаютъ даже право на образованіе, подыгравъ предлогомъ, что рабочій человѣкъ, будто бы, и не гонится за большимъ образованіемъ. Между тѣмъ, въ томъ же номерѣ газеты, гдѣ помѣщена статья г. Петра Бланка, говорится, что какіе то “тайные враги дворянства стараются внушить (кому?) будто оно недовольно, раздражено уничтоженіемъ крѣпостнаго права”, и говорятся громкія фразы по поводу того, что “законодатель имѣлъ въ виду уничтожить великую неправду; онъ хотѣлъ возстановить *право людей*, которыхъ прежній порядокъ приравнивалъ къ вещи”. Да развѣ проповѣдывать, что *рабочіе люди* обязаны только вѣкъ свой работать “на другихъ жителей государства” и только “*иногда*, ради выгоды, для самихъ себя,” не значить въ сущности стремиться, къ этому прежнему порядку?

Что, господа адресные и неадресные дворяне, какъ вы вывернетесь, какъ уклонитесь отъ нескромно поставленнаго вопроса *Голосомъ*?

Или вы тоже вѣрите по Аристотелю и Бланку, что есть натура рабская и натура человѣческая и что если гдѣ вѣтъ пролетаріата, такъ *его надобно разводиться*?

И вы, г. Голохвостовъ, “живущій вѣрою хоть въ депь смерти поклониться Россіи, какъ самой великой, самой могучей и самой *свободной* державѣ въ мірѣ”?

И вы, г. Орловъ-Давыдовъ, графъ-богословъ, любомудръ† и ученикъ Единбургскаго университета?

* Какъ жаль, что помещики поздно догадались о грядущемъ запросѣ на пролетаріатъ, они могли бы, при тѣхъ поощрительныхъ и христіанскихъ средствахъ, которыя имъ давалъ законъ до несчастнаго 19 Февраля, поставить большое количество матеріала.

† Извѣстному противнику Буцена и Бэля титулъ богослова принадлежалъ давно, но несправедливо именованъ графъ въ посѣдніе “дебаты”, гдѣ онъ съ такою новою ясностью истолковалъ московскому дворянству различіе между олигархіей и аристократіей. “Аристократія и олигархія, сказалъ снательный ораторъ, это два понятія совершенно нечуждасныя между собой. Олигархія есть стремленіе сосредоточить власть въ рукѣ немногихъ людей, тогда какъ аристократія стремится привлечь къ управленію лучшихъ людей”. Въ этого ясно, что демократія старается набрать въ управленіе что ни есть хуже

Не может быть.

Конечно не может быть—но дайте намъ медь влихъ рѣчей, а то какъ бы и васъ не постигла участь, которой одинъ изъ васъ “между жаркимъ и бляманже” пугать клеветниковъ дворянства, говоря, “что они преступили передъ *человѣчествомъ* (*ennemis du genre humain!*) и что ихъ ждетъ проклятие потомства и разныя историческяя неприятели”.

... И куда дѣлись всѣ рьяные, матерые друзья и защитники меньшихъ братьевъ, общины, общиннаго землевладѣнія?..

Гдѣ Н. Аксаковъ?

Гдѣ Ю. Самаринъ?

Не лучше-ли было бы вмѣсто *духовнаго Дня* издавать *День свѣтскій*—и ломать копья за наше право на землю—чѣмъ огвѣчать цѣлыми печатными листами убійственной скуки какому-то отцу Мартынову, которая письма никто не читаетъ и читать не будетъ?

Проснитесь Бруты! Пока вы ликовали побѣду надъ Польшей и занимались уничтоженіемъ иезуитовъ—посмотрите какую безобразную голову подняло православное помѣшничество.

И—ръ.

— *Судебное убійство въ Москвѣ.*—27 Ноября (9 Дек.). Крестьянинъ Архипъ Пудинъ приговоренъ полевымъ судомъ къ растрѣлянью. Намъ вѣтъ ни малѣйшаго дѣла ни до преступленій Пудина, ни до дѣйствій судей со ппорами. Безобразіе полевого суда, не на полѣ, а въ мирномъ городѣ очевидно. Слѣны Москвы обогрятся русской кровью, пусть москвитине неистовые патріоты поближе увидятъ, какъ разстрѣливаютъ люди.

— *Имѣютъ ли право коронные чиновники измѣнять законы?* Пересматривая русскія официальныя реляціи, мы нашли слѣдующій фактъ безпримѣрнаго самоуправства. Генералъ фонъ Кауфманъ пришелъ къ мысли назначать въ западно-русскихъ городахъ въ городскыя головы не по выбору общества (какъ велитъ законъ) а по опредѣленію отъ правительства. Мало ли какой вздоръ можетъ придти фонъ Кауфману въ голову—но онъ осмѣлился эту противозаконную мѣру привести въ исполненіе, и назначилъ Ковенскимъ градскимъ главой какого то Петровскаго.

— *Школа въ Лугано.*—Мы прочли въ *Нордъ* 15 Декабря интересную рекламу какой то русской школы заведенной какимъ то докторомъ Гейслеромъ въ Лугано. “Гейслеръ обращаетъ особенное вниманіе на то, что онъ не принимаетъ въ учителя ни одного русскаго или польскаго выходца”.

Родители могутъ по этому судить о гражданской нравственности луганской школы. Бывали школы (особенно иезуитскія) въ которыхъ не принимались протестанты, по такой наивной политической рекламы намъ читать не случалось.

— *Симбирскіе поджигатели.*—Девять мѣсяцевъ тому назадъ (Кол. 1 Апрѣля 1865) мы спрашивали: “Не скажетъ ли намъ г. Ждановъ, производившій слѣдствіе по Симбирскому пожару, много-ли открыто нигилистовъ, много-ли поляковъ—а главное не скажетъ-ли чего нибудь на счетъ несчастія, постигнувшаго канцелярію подполковника Бендерскаго, сдѣлавшуюся жертвою хищной стихіи, точно также какъ и канцелярія его предшественника, поглещенная той же несчастливой стихіей?”

негодяевъ. Какія же будущность у нея? Мы рекомендуемъ составителямъ проиней и христоматій, не уезжать изъ виду эту дѣтскую, но глубокую сентенцію Графа.

Съ тѣхъ поръ г. Ждановъ умеръ или отравленъ (по намекамъ *Моск. Вѣдом.*), а бывший симбирскій губернаторъ г. М. Анисимовъ, защищаясь отъ *Моск. Вѣд.*, печатаетъ слѣдующее: “При томъ изъ самой статьи г. К. П. В. Б. видно, что характеръ поджоговъ былъ таковъ, что никакія мѣры предупредить ихъ не могли. По словамъ той же статьи, мѣстнымъ руководителемъ дѣйствій заговорщиковъ было лицо, котораго начальныя буквы фамилии выставлены въ статьѣ. Господинъ этотъ, какъ извѣстно, *призывается былъ для охраненія города отъ пожаровъ, но если онъ вмѣсто того, чтобы городъ охранять, самъ распоряжался его жечь, то спрашиваю всѣхъ и каждого: возможно ли было предупредить эти поджоги?”*

Не наша вина, что на статью *Колокола* не обратили вниманія. И послѣ этого безсовѣстность *Моск. Вѣд.* идетъ до того, что онѣ ставятъ вопросъ: “Польскіе-ли заговорщики, или доморощенные нигилисты, или агенты всесвѣтной революціи, общество должно знать своихъ враговъ”... Такъ это губернское начальство призывало для охраненія города—нигилиста, мацциневскаго агента, польскаго повстанца.. Скажите пожалуйста?

— *ПОДАРКИ КЪ НОВОМУ ГОДУ.*—“Современникъ” получилъ второе предостереженіе. Не надобно было имѣть много пророческаго таланта, чтобы предсказать судьбу его, какъ мы сдѣлали въ прошломъ листѣ. Ай да Вауевъ... работаетъ исправно. Какъ приятно должно быть *Дню*, что его православіе такъ усердно отражается отъ нечестиваго духа!

— & Мы получили страшную вѣсть, но не знаемъ достоверна-ли она, намъ пишутъ о смерти *Яковлева* въ Сибири и помѣшательствѣ *Обручева*. Умоляемъ извѣстить насъ правда ли это?

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Обращаемъ особенное вниманіе нашихъ читателей на то, что Вольная Русская Типографія въ Женевѣ принимаетъ съ новаго года сверхъ заказовъ для печатанія на русскомъ, и на польскомъ, сербскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ.

Типографія снабжена новыми шрифтами и можетъ ручаться не только за точное и красивое выполненіе, но и за сравнительную дешевизну заказовъ.

Подробный тарифъ цѣнамъ печати на разныхъ языкахъ, въ разныхъ форматахъ и на разной бумагѣ—желающіе могутъ найти въ Бюро Типографіи, 40, Pré l'Evêque.

— Полное Собраніе КОЛОКОЛА, ОБЩАГО ВѢЩА и ПОДЪ СУДЪ, отъ 1857—1865, перепл., 75 франковъ.

Въ Женевѣ *Колоколъ* продается у г. Георга, Corraferic; въ Лондонѣ у N. Trübner et Co., 60, Paternoster Row; въ Парижѣ А. L. Herold, 67 Rue Richelieu; Брюссель С. Muquardt, F. Claassen; Вевѣ Richard Lesser, 15, Rue du Lac; Лозаннѣ Martigner et Chavannes; Лейпцигѣ F. A. Brockhaus; Берлинѣ Ferd. Schneider, 11, Victoria Strasse, Schneider et Co., 19, Unter den Linden, B. Behr, 27, Unter den Linden; Гамбургѣ Perthes Besser et Mauke, Hoffmann et Campe; Любекѣ Fr. Asschenfeldt; Штеттинѣ Von der Nahmer; Флоренціи Eugène Vieusseux; Апеннахъ K. Wilberg; Карль W. Hammerschmidt; Констанцѣ F. Schimpff et Comp., Köhler et Weiss.

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 212.

15 ЯНВАРЯ 1866.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, 40, Rue l'Évêque и въ главныхъ депо — у Г. ГЕОРГА, 10, Corratierie, Genève; у Н. ГРЮБНЕРА и Ко., 60, Paternoster Row, Londres. Цѣна за листъ 50 сантимовъ безъ пересылки. Предлагаемъ почтовой тарифъ:

Въ Германію	15с.
— Австрію	15с.
— Англію	15с.
— Бельгію	5с.
— Францію	5с.
— Италію	3с.
— Неаполь и Сицилію	20с.
— Грецію (черезъ Марсель)	5с.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10с.
— Швецію	25с.
— Швейцарію	5с.

Paraît à Genève tous les quinze jours. Le dépôt principal est chez H. GEORG, à Genève, Corratierie, No. 10. A Londres, chez N. GRÜBNER et Co., 60, Paternoster Row. Le prix de chaque No. est de 50 centimes, le port de la poste non compris. Tarif postal:

Allemagne	15с.
L'Autriche	15с.
Angleterre	15с.
Belgique	5с.
France	5с.
Italie	3с.
Naples et Sicile (voie de Marseille)	20с.
Grèce (voie de Marseille)	5с.
Turquie et Princ. Danubiennes (voie de Marseille)	10с.
Suède	25с.
Suisse	5с.

ОГЛАВЛЕНІЕ: НЕКРОЛОГЪ С. Г. ВОЛКОНСКАГО—Дѣло П. Андрущенко (Продолженіе). Смѣсь: Врагъ "Дневника Варшавскаго"—Враги о

сибирскихъ зажигателей—Велико-княжескій социализмъ—Изъ Петербурга—Изъ Сибири—Объявленіе.

КНЯЗЬ СЕРГѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ВОЛКОНСКІЙ

Сходить въ могилу великіе страдальцы николаевского времени, ваши отцы въ духѣ и свободѣ, герои перваго пробужденія Россіи, участники великой войны 1812 и великаго протеста 1825...

Пусто... мелко становится безъ нихъ...

Князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій скончался 28 Ноября (10 Декабря).

Съ гордостью, съ умиленіемъ вспоминаемъ мы нашу встрѣчу съ старцемъ въ 1861 году. Говоря объ ней въ Колоколъ (л. 186, 1864), мы боялись назвать старца.

"... Старикъ, величавый старикъ, лѣтъ восьмидесяти, съ длинной серебряной бородой и бѣлыми волосами, падавшими до плечъ, рассказывалъ мнѣ о тѣхъ временахъ, о своихъ, о Пестелѣ, о казематахъ, о каторгѣ, куда онъ пошелъ молодымъ, блестящимъ и откуда только что воротился сѣдой, старой, еще болѣе блестящей, но ужь инымъ свѣтомъ.

"Я слушалъ, слушалъ его — и когда онъ кончилъ, хотѣлъ у него просить напутственнаго благословенія въ жизнь — забывая, что она уже прошла... и не одна она... Между висѣльцами на Кронверкской куртнѣ и висѣльцами въ Польшѣ и Литвѣ, этими верстовыми столбами императорскаго тракта—прошли, смѣняя другъ друга въ холодныхъ, темныхъ сумеркахъ три шеренги... скоро ступаютъ ихъ очерки и пропадутъ въ дальней синевѣ. Пограничные споры двухъ поколѣній, поддерживающіе ихъ память, надождать—и изъ за нихъ всплывутъ тѣни старцевъ-хранителей и черезъ кладбище сыновей своихъ, призовутъ внуковъ на дѣло и укажутъ имъ путь."

Удивительный крикъ людей... Откуда XVIII вѣкъ бралъ творческую силу на созданіе гигантовъ вездѣ, во всемъ, отъ Niagara и Амазонской рѣки до Волги и Дона... Что за бойцы, что за характеры, что за люди!

Спѣшимъ передать нашимъ читателямъ некрологъ князя С. Г. Волконскаго, приславный намъ княземъ П. В. Долгоруковымъ:

НЕКРОЛОГЪ.

Князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій былъ человѣкъ замѣчательный по твердости своихъ убѣжденій и по самоотверженности своего характера. Онъ родился въ 1787 г. и все

годъ 18.

улыбалось ему при рожденіи его: богатство, знатность, связи, все было дано ему судьбою; онъ былъ сыномъ андреевскаго кавалера и статсъ-дамы; внукомъ фельдмаршала Рѣпина, въ домѣ котораго воспитывался до 14^{ти} лѣтняго возраста, т. е. до кончины дѣда; 24^{хъ} лѣтъ отъ роду, онъ былъ полковникомъ и флигель-адъютантомъ; 26^{ти} лѣтъ произведенъ въ генералъ-майоры и нѣсколько недѣль спустя, получилъ, за Лейпцигскую битву, анненскую ленту... Все это принесъ онъ въ жертву своимъ убѣжденіямъ, своему пламенному желанію видѣть отечество свое свободнымъ, и тридцати-девяти лѣтъ отъ роду пошелъ на каторгу въ нерчинскіе рудники... Волконскій хотѣлъ уже совсѣмъ оставить службу и ѣхать путешествовать, когда принятъ былъ въ тайное общество, Мих. Ал. фонъ Визинимъ, въ дому у графа Киселева, гдѣ Пестель читалъ отрывки изъ своей Русской Правды. Пестель и другіе члены общества требовали, чтобы Волконскій непременно служилъ, потому что имѣя возможность, по своему чину, получить бригаду и даже дивизію, онъ могъ быть полезнымъ обществу въ случаѣ возстанія.

Императоръ Александръ зналъ, что Волконскій принимаетъ участіе въ замыслахъ лучшей части тогдашней молодежи; онъ командовалъ 1^ю бригадою 19ой пѣхотной дивизіи и когда главнокомандующій, князь Витгенштейнъ, просилъ государя, въ 1823 году, о назначеніи его дивизионнымъ командиромъ, говоря что Волконскій отлично знаетъ службу, Александръ отвѣчалъ: "если-бы онъ занимался только одною службою, онъ бы давно командовалъ дивизіею!" Однажды, на маневрахъ, Александръ, подозвавъ Волконскаго, поздравилъ его съ отличнымъ состояніемъ, въ которомъ находятся вѣрныя ему полки Азовскій и Дибровскій, и сказалъ: "совѣтую вамъ, князь, заниматься только вашею бригадою, а не государственными дѣлами; это будетъ полезно и для службы и для васъ"*.

Когда умеръ Александръ и въ бумагахъ его пайдень былъ доносъ Майбороды, Чернышевъ послалъ былъ изъ Таганрога

* Все помѣщенные здѣсь факты сообщены мнѣ Волконскимъ, вмѣстѣ со многими подробностями о декабристѣ, которыя будутъ напечатаны въ моихъ запискахъ. Онъ просилъ меня не обнародовать ихъ при его жизни, и только согласился напечатать предмѣлованную мнѣ статью Три предателя, Бошнякъ, Майборода, Шервудъ, но поставилъ условіемъ, чтобы означено было, будто статья извлечена изъ записокъ умершаго декабриста. Эта статья помѣщена въ 9-мъ No. моего журнала "Листокъ"

въ Тульчинъ, гдѣ находилась главная квартира Витгенштейна, для арестованія Пестеля и другихъ. Проѣздомъ черезъ Умань, гдѣ находился Волконскій, Чернышевъ видѣлся съ нимъ и Волконскій, изъ его словъ и пѣкоторыхъ вопросовъ, догадался, что дѣло неовко... Онъ самъ поѣхалъ въ Тульчинъ, и нашелъ Пестеля уже арестованнымъ и привезеннымъ изъ полковой квартиры своей въ Тульчинъ Добрымъ Витгенштейномъ, знавшимъ Волконскаго съ дѣтства, предупредить его объ ожидавшей участи. "Смотри, сказалъ Витгенштейнъ, не попадись: Пестель уже сидитъ подъ арестомъ, и завтра мы его отправляемъ въ Петербургъ; смотри чтобъ и съ тобою бѣды не случилось!" Графиня Киселева, рожденная Потоцкая, совѣтовала Волконскому бѣжать за границу; предложила ему въ проводника ея, весьма преданнаго семейству Потоцкихъ, и который браться проводить князя въ Турцію, отъуда ему легко было перелетѣть въ Англию. Волконскій отказался бѣжать, говоря, что не хочетъ покинуть своихъ товарищей въ минуту опасности. Отобѣдавъ у Витгенштейна, онъ поѣхалъ къ дежурному генералу 2ой армии, Ив. Пв. Байкову, у котораго содержался Пестель, и засталъ Байкова и Пестеля за часомъ Пользуясь минутою, когда Байковъ долженъ былъ отойти къ оному, чтобы переговорить съ прибывшимъ изъ Таганрога курьеромъ, Пестель носильщикъ сказалъ Волконскому "хоть будутъ съ меня житья тянуть—ничего не узнаютъ; одно можетъ пась погубить—это моя *Русская Правда!* Юшневскій знаетъ гдѣ она: спасите ее, ради Бога!"*

Возвратясь въ Умань, Волконскій отвезъ жену свою, на снось беременную, въ деревню къ отцу, знаменитому Инъ. Инъ. Раевскому, гдѣ она родила, 2 Января 1826 года, сына Николая. 7 Января онъ оставилъ жену у Раевскихъ, сказавъ ей, что имѣетъ порученіе объѣхать разные полки; не послушался совѣта старика Раевского который уговаривалъ его бѣжать за границу, и поѣхалъ въ Умань. На дорогѣ встрѣтивъ съ сообщившаго къ нему вѣрнаго слугу, съ уведомленіемъ, что прибылъ фельдшеръ изъ Петербурга, что кабинетъ князя опечатанъ, и у дома приставленъ караулъ. Волконскій продолжилъ путь, поздно вечеромъ прибылъ въ Умань на свою квартиру, и на слѣдующее утро былъ арестованъ своимъ дивизионнымъ начальникомъ Корниловымъ†, тѣмъ самымъ, который, за три недѣли предъ тѣмъ, возвратясь изъ Петербурга, говорилъ ему: "Ахъ! Сергѣй Григорьевичъ, видѣлъ я тамъ министровъ и прочихъ людей, управляющихъ Россіею: что за чародѣй! осеть на ослѣ считать и ослѣмъ погоняетъ!"

Привезенный фельдшеремъ въ Петербургъ, прямо въ земній дворецъ, введенный въ кабинетъ Николая Павловича со связанными руками, Волконскій, изъ августѣйшихъ устъ, былъ осужденъ брашно и ругательствами *самыми площадными!* Его потомъ отвезли въ Петропавловскую крѣпость и посадили въ Алексѣевскій рavelинъ. При входѣ въ этотъ рavelинъ, на лѣво были комнаты эконома Диненлекера, страшнаго взяточника, пресверно кормившаго заключенныхъ; на право отъ входа рачинались казематы, числомъ семнадцать, и отбѣгали весь рavelинъ, посреди котораго маленькій дворъ съ чахлою

* Юшневскій далъ прочесть "Русскую Правду" Александру Александровичу Брокосу и Зинину, жившимъ въ Тульчинѣ на одной квартирѣ. Узнавъ объ арестѣ Пестеля, они зарыли рукопись въ землю, въ семи верстахъ отъ Тульчина, у деревни Хлѣбани. Во время слѣдствія въ Петербургѣ, у Зинина пыткой вынудили признаніе, и ослѣ отъ рavelинъ былъ, подъ карауломъ чернышевскаго адъютанта Стыцова, изъ Петербурга въ Тульчинъ и Хлѣбань, за рукописью, которая нынѣ должна находиться въ бумагахъ слѣдственнаго дѣла по 14 Декаб.

† Оцемъ рыцаряго сталъ секретаря Корнилова.

зеленую, и на этомъ дворѣ похоронена мнимая Тараканова (она умерла послѣ родовъ въ Декабрѣ 1775 года, и объ ней выдумали будто она угонута въ паводненіи, бывшемъ 2 года послѣ ея смерти). Въ первомъ, на право отъ входа, казематѣ, сидѣлъ Рыльевъ; рядомъ съ нимъ князь Евгеній Оболенскій; въ третьемъ, угловомъ казематѣ, заключенъ былъ какою то грехъ Севенисъ, укрывши богатую жемчужину у греха Зоя Павловича; въ четвертомъ казематѣ помещенъ былъ Волконскій; рядомъ съ нимъ Плавъ Пущинъ; далѣе помещены были, но Волконскій не могъ запомнить въ какомъ порядкѣ: князь Трубецкій, Пестель, Сергѣй и Матвѣй Ивановичи Муромовы, князь Одоевскій, Вильгельмъ Кюхельбекеръ, Лукинъ, князь Щенинъ, Николай и Михаилъ Александровичи Бестужевы, Ивановъ и Арбузовъ.

На допросахъ, Волконскій велъ себя съ большимъ достоинствомъ. Дибичъ, по своему пылкому характеру прозванный "самоваръ-пашей", на одномъ допросѣ имѣлъ неприличіе назвать его измѣнникомъ, князь ему отвѣчалъ: "я иногда не былъ измѣнникомъ моему отечеству, которому желалъ добра; которому служить не изъ за денегъ, не изъ за чина, а по долгу гражданина!" Волконскій, какъ мы сказали, командовалъ бригадою, состоявшею изъ полковъ Азовскаго и Дибровскаго; изъ девяти офицеровъ Азовскаго полка и осми офицеровъ Дибровскаго, введенныхъ княземъ въ заговоръ, арестованъ и сосланъ былъ, и то во своей собственной неосторожности, лишь одинъ штабсъ-капитанъ Азовскаго полка Иванъ Оедоровичъ Фохтъ: прочие же шестнадцать совершенно ускользнули отъ пресѣдованій правительствъ, благодаря твердой сдержанности Волконскаго на допросахъ.

Однажды, на очной ставкѣ Волконскаго съ Пестелемъ, Павелъ Васильевичъ Голеншевъ-Кутузовъ, въ молодости своей бывшій въ числѣ убійць Павла, сказалъ имъ: удивляюсь, господа, какъ вы могли рѣшиться на такое ужасное дѣло, какъ зареубиство? Пестель отвѣтилъ: "удивляюсь удивленію именно в. п—ва; вы должны знать лучше насъ, что это было бы не первый случай!" Кутузовъ не только побѣдилъ, но и позлещалъ, а Пестель, обращаясь къ прочимъ членамъ коммисіи, сказалъ съ улыбкою: "случаюсь, что у насъ въ Россіи за это жаловали андреевскія пенны!"

Изъ многочисленныхъ членовъ верховнаго уголовнаго суда только четверо говорили противъ смертной казни: адмиралъ Мюрдвиновъ, ген. отъ инфантеріи графъ Толстой, ген.-лейт. Эммануэль и севатаръ Кунтиковъ. Что же касается до Сверанскаго, принимавшаго участие въ заговорѣ, онъ согласался на все и не протестовалъ противъ смертной казни.

Волконскій сосланъ былъ въ Пермскіе рудники, и о пребываніи въ этомъ ужасномъ мѣстѣ можно прочесть въ Запискахъ г.н. Евгенія Оболенскаго. Можно вообразить себѣ, что онъ тамъ вынесъ, на этой каторгѣ, гдѣ начальникомъ, Тимоѣи Степановичъ Бурианевъ, однажды угрожалъ ему и Трубецкому выскѣчь ихъ плетью. Туда пріѣхала къ нему жена его, княгиня Марія Николаевна, на которой онъ женился въ началѣ 1825 года. 17^{ти} лѣтиса красавица весьма не хотѣла выходить за 38^{ми} лѣтняго человека; она уступила лишь совѣтамъ и просьбѣ родителей, но, выйдя за мужъ, во всю жизнь свою вела себя какъ истинная героиня; заслужила благоговѣніе современниковъ и потомства. Родители ея не хотѣли отпущать ее въ Сибирь; она уѣхала, обманувъ ихъ бдительность и оставивъ имъ своего младенца сына (вскорѣ

умершаго). Прибывъ въ Иркутскъ, она была постигнута къ рьеромъ, привезшемъ ей письмо Бенцендорфа, который, именемъ государя, убѣждаетъ ее возвратиться : она отказалась это сдѣлать. Иркутское начальство предъявило ей положеіе о женахъ ссыльно-каторжныхъ, гдѣ сказано, что заводское начальство можетъ или употребить на свои частныя работы, можетъ, на пр., заставить мыть полы. Она объявила, что готова на все, ноѣхала къ мужу и больше съ нимъ не разлучалась. Въ Августѣ 1827 года Волковскій и его товарищи переведены были изъ Верхнеискихъ рудниковъ въ острогъ, парочно для нихъ выстроеныя при впаденіи рѣчки Читы въ рѣчку Ингуду (гдѣ нынѣ городъ Чита), и гдѣ они нанли уже привезенныхъ туда изъ петербургской крѣпости многихъ декабристовъ. Всего въ Читѣ было 75 человекъ. Они вели между собою общее хозяйство; положено, чтобы каждый давалъ на столъ по тридцать рублевъ асс. въ годъ; но для избавленія бѣдныхъ товарищей отъ обязанности уплаты, Волковскій, Трубецкій, Фомъ-Вазинъ и Пинига Муравьевъ давали каждый по три тысячи руб. асс. въ годъ, Вальковский, Пвашевъ, Луининъ, Свистуновъ и въкоторыя другіе давали также больше назначенной суммы; зажиточные складывались для полученія книгъ и журналовъ въ общее пользованіе. Въ Августѣ 1830 года они были переведены всѣ на Петровскій заводъ, въ 400 верстахъ отъ Читы, и потомъ, мало по-малу, расселены по Сибири. Въ Декабрѣ 1834 года умерла мать Волковскаго, и на смертномъ одрѣ просила государя облегчить участь сына; ему позволено состоять на Петровскомъ заводѣ въ званіи посетителя, а не каторжника, то есть жить не въ острогѣ, а въ домѣ у жены его. Въ 1836 году онъ переведенъ въ селеніе Уриновское, въ 19 верстахъ отъ Иркутска. Уже въскольго лѣтъ спустя позволено было ему жить въ Иркутскѣ, считаясь посетителемъ уриновскимъ, и онъ оставался въ этомъ положеніи до 1856 года. Русское правительство, которое умѣетъ казнить, ссылать, наказывать свирѣпо и безтолково, не умѣетъ прощать; оно не позволяю Волковскому жить въ Петербургѣ, да и самое пр. бываніе въ Москвѣ разрѣшено ему лишь въ слѣдствіе тяжкаго недуга, постигшаго зятя его Мочалова. Лѣта брали свое: состарѣлся князь Сергій Григорьевичъ, страдалъ подагрой, но все еще бодрый духомъ, принималъ живое участіе во всемъ, что происходило вокругъ него : все благородное находило отголосокъ въ его душѣ, и многотѣпныя страданія нисколько не уменьшили безпредѣльной работы сердечной, отличительнаго свойства этого самнаническаго человека—въ старости маститомъ сохранившаго всю теплоту возвышенныхъ чувствъ юношескихъ. Въ Августѣ 1863 года онъ лишился жены своей, и этотъ ударъ поразилъ его неслыханно. Съ тѣхъ поръ здоровье его стало слабѣть; онъ впалъ въ немощь, и 28 Ноября 1865 г. 78 лѣтъ отъ роду, тихо угасъ на рукахъ дочери своей, въ селѣ Вороняхъ, въ козлецкомъ уѣздѣ черниговской губерніи.

Каждый истинный русскій, чуждый холопства зимлетворцоваго, съ умиленіемъ помянетъ имя этого человека, который своимъ убѣжденіемъ, своему желанію видѣть родину свою свободною, принесъ въ жертву всѣ блага земныя : богатство, общественное положеніе, даже свою личную свободу ! Миръ праху твоему, благородная, почтенная жертва твоему самодержавію, изъ любви къ отечеству проявившій генеральскіе эполеты на кандалы каторжника.....

Князь Петръ Долгоруковъ.

ДѢЛО П. АНДРУЩЕНКО.

(Продолженіе)

8) Бывшій студентъ московскаго университета *Яковъ Сулинъ* (содержится въ крѣпости съ 10 Сентября 1863 года).

При первыхъ допросахъ комиссіи Сулинъ отвергалъ все относящееся до него обетованія, именно : что онъ собиравалъ у себя въ квартирѣ сходку и предлагать вопросы, предлагалъ также печать и възваницю для выдачи тѣмъ, которые будутъ вносить деньги; что говорить Повкову о типографическомъ станкѣ, который закопать въ землю, что выѣхать съ Андрущенко провожать на Сѣнныи бульваръ Лебединскаго, ходившаго туда встрѣчать Кельсева и что по просьбѣ его, Сулина, дѣвѣна Зайцева укрывала у себя Кельсева.

На очной ставкѣ съ Мосоловымъ, Сулинъ сознался, что участвовалъ въ сходкѣ, бывшей въ квартирѣ его в Андрущенко.

Затѣмъ, при дальнѣйшихъ допросахъ, Сулинъ объявлялъ, что по освобожденіи его изъ подъ ареста по дѣлу производившемуся въ правленіи сенатѣ въ Москвѣ, онъ изъ разговоровъ съ Андрущенкою узнать о существованіи въ Москвѣ кружка подъ названіемъ *Библиотека казанскихъ студентовъ*. Желая познакомиться съ убѣжденными людьми, составляющими этотъ кружокъ, онъ, Сулинъ, съ Андрущенкою пошелъ къ Мосолову, гдѣ, какъ говоритъ Андрущенко, собиравались лица, составлявшія кружокъ. Въ тотъ вечеръ у Мосолова говорили о литературѣ, университетѣ и т. д. и ни одного слова о вопросахъ политическихъ. Желая знать какое участіе и какимъ образомъ принимаютъ эти лица въ политическихъ вопросахъ, Сулинъ приглашалъ къ себѣ на квартиру Мосолова, Шатилова и Андрущенко; приглашать ли в бытъ ли на сходкѣ Лебединскій, Зайончковскій и Норововъ, этого Сулинъ не помнитъ, Левашевъ же на сходкѣ не былъ. Сулинъ не помнитъ тѣхъ выраженій, въ которыхъ предлагать вопросы и въ какихъ отвѣчалъ ему, но сущность ихъ заключалась въ слѣдующемъ : онъ спросилъ, составляетъ ли кружокъ *Библиотека казанскихъ студентовъ* нѣкое съ обществомъ *Земля и Воля*. Отвѣчали : нѣтъ. При этомъ Сулинъ пресообразилъ, что о существованіи въ Петербургѣ общества *Земля и Воля* онъ узналъ отъ Андрущенко; но о дѣятельности, нѣтъ и средствахъ этого общества, Андрущенко ему не говоритъ. Далѣе Сулинъ спрашивалъ, нѣтъ ли общество *казанскихъ студентовъ* свою типографію и будетъ ли издавать какия бы то ни было сочиненія. Отвѣчали : типографіи нѣтъ и никакихъ сочиненій издавать не будетъ. Затѣмъ Сулинъ спросилъ : что должны дѣлать члены этого кружка? Отвѣчали : стараться распространять въ публикѣ такія сочиненія какъ Шюссеръ, Прудонъ, Милль и имъ подобныя. Последній отвѣтъ Сулинъ понялъ такъ : нужно заинтересовать общество политическими вопросами, нужно пропандизировать Павловскъ. Сулинъ спросилъ : какая цѣль общества, что оно хочетъ? Тогда Мосоловъ прочиталъ бывшую при немъ программую, сущность которой, сколько помнитъ, заключалась въ слѣдующемъ : нужно желать и помогать государству въ скорѣйшемъ достиженіи того идеала, до котораго рано или поздно должно дойти вѣчное государство. Затѣмъ Мосоловъ указалъ на демократическо-республиканскій строй, какъ на идеаль, къ которому стремится жизнь всякаго государства. Сулинъ не предлагалъ вопроса, нужно ли обществу нѣтъ печать и не понимается затѣмъ она нужна обществу а потому не могъ

предлагать этого вопроса. Какіе онъ еще предлагалъ вопросы и что ему отвѣчала, Сулинь не помнитъ; равно не знаетъ имѣло ли это общество отношенія къ петербургскому комитету и въ чемъ эти отношенія состояли. Вообще Сулинь долженъ сказать, что общество *Казанскихъ студентовъ*, сколько онъ могъ судить по разговорамъ бывшихъ у него на квартирѣ, не рѣшили ему вопроса, какъ должно оно дѣйствовать и гдѣ къ тому средства. Послѣ этой сходки Сулинь уѣхалъ въ Новочеркасскъ, не взявъ на себя никакихъ обязательствъ и вообще сношеній съ обществомъ *Библиотека казанскихъ студентовъ* никакихъ не имѣлъ. О томъ же, что говорилъ Новикову, будто типографическій станокъ закопанъ въ землѣ, Сулинь отвергъ показанія Андрущенко по этому предмету, равно отозвался, что о побѣздкѣ Андрущенко въ Петербургъ ничего не знаетъ, и такое отрицательство утвердилъ на очной ставкѣ съ Андрущенкою, который также остался при своемъ показаніи.

Накопецъ Сулинь далъ отрицательный отвѣтъ по показанію Андрущенко, что провожалъ Лебединскаго на сѣнной бульварѣ и что Зайцева укрывала Кельсиева по просьбѣ его—Сулипа. Причемъ показалъ, что хотя ходилъ вмѣстѣ съ Лебединскимъ и Андрущенкою на сѣнной бульварѣ но не знаетъ, что Лебединскій шелъ встрѣтить Кельсиева и что хотя знакомъ съ Зайцевою, но не просилъ ее скрывать у себя Кельсиева. Лебединскій показалъ, что вѣроятно Сулинь знаетъ о томъ, что шелъ на бульваръ, чтобы встрѣтить Кельсиева; Зайцева же и мать ея показали, что Кельсievъ у нихъ никогда не былъ. Кромѣ того Андрущенко объяснилъ, что передалъ Сулипу, по просьбѣ его, нѣсколько экземпляровъ воззванія *Свобода No 1*, но Сулинь отвергъ это показаніе.

9) Бывшій студентъ московскаго университета *Александръ Левашовъ* (содержится въ крѣпости съ 27 Сентября 1863 г.)

Андрущенко показалъ: что а) Левашовъ посѣщалъ Мосолова по Воскресеньямъ; б) что онъ наводился на сходкѣ въ квартирѣ Сулипа; в) что Левашовъ получилъ отъ Лебединскаго экземпляры воззванія *Свобода No. 1* и распространялъ ихъ; г) что онъ способствовалъ побѣгу Кельсиева; и д) что Левашовъ укрывалъ у себя Гижицкаго. Левашовъ показалъ: что онъ ходилъ къ Мосолову, чтобы получить журналы, которые онъ выписывалъ. На сходкѣ въ квартирѣ Сулипа и Андрущенко не былъ, хотя и посѣщалъ Андрущенкою въ другое время вмѣстѣ съ Мосоловымъ и Корабьинымъ. На очной ставкѣ съ Андрущенкою Левашовъ утвердилъ свое показаніе; но Андрущенко объяснилъ, что Левашовъ дѣйствительно присутствовалъ на сходкѣ и что упомянутое Левашовымъ посѣщеніе съ Мосоловымъ и Корабьинымъ дѣйствительно было, но только ранѣ сходки—и Андрущенко не смѣшиваетъ его съ другимъ, т. е. съ тѣмъ, когда была сходка. Кромѣ того Андрущенко на вопросы комиссии, утверждая о бытности Левашова на сходкѣ, объяснилъ, что помнитъ это потому, что на сходкѣ было всего 8 человѣкъ, для которыхъ онъ разливалъ чай. Онъ еще болѣе утверждаетъ въ этомъ, потому что подъ конецъ вечера, пришелъ одинъ изъ товарищей Левашова, Мамаевъ, который слышалъ отъ кого-то, что будто бы полиція нашла на слѣдъ Кельсиева и разыскиваетъ его въ Петровскомъ паркѣ; но Мамаеву было сказано, что Кельсievъ въ другомъ совершенно безопасномъ мѣстѣ. Мамаевъ не долго оставался въ квартирѣ и ушелъ вмѣстѣ съ Левашовымъ; что говорилъ Левашовъ во время сходки, Андрущенко вспомнить не можетъ. Съ своей стороны Лева-

шовъ показалъ, что онъ не могъ быть на сходкѣ, и хотя Андрущенко говоритъ, что посѣщеніе его вмѣстѣ съ Мамаевымъ и Корабьинымъ было прежде упомянутой сходки, но Левашовъ хорошо помнитъ, что послѣ бытности у Андрущенко съ сказанными лицами, онъ пробылъ въ Москвѣ всего одинъ день, что вечеръ этого дня онъ провелъ дома въ чтеніи съ Корабьинымъ романа *Взбаламученное море*, что онъ выѣхалъ на другой день утромъ вмѣстѣ съ Корабьинымъ, учениками своими Протасовыми и товарищемъ ихъ, ученикомъ 1 ой Московской гимназій, Минаевымъ; 9-го Іюня, утромъ, Левашовъ былъ дома (въ селѣ Галичій, Рязанской губерніи). Слѣдовательно, 8-го утромъ выѣхалъ, 7-го былъ на своей Московской квартирѣ, а 6-го вечеромъ у Андрущенко съ упомянутыми лицами. Къ сему Левашовъ присовокупилъ, что о времени пріѣзда его домой сказано въ письмѣ къ нему, матери его, отъ 18-го Ноября, хранящемся у коменданта и могутъ подтвердить всѣ упомянутыя Левашовымъ лица. Противъ этого Андрущенко возражалъ, что въ прежнихъ своихъ показаніяхъ, онъ не могъ съ точностію опредѣлить, какого именно числа Іюня была сходка; теперь же, вспомнивши вѣкоторыя обстоятельства, онъ убѣжденъ, что сходка происходила 4-го Іюня. Это Андрущенко основываетъ на слѣдующемъ: Сулинь, по освобожденіи 23 Мая изъ смиреннаго дома, въ первое за тѣмъ Воскресенье т. е. 26-го Мая не былъ у Мосолова, а былъ у него съ Андрущенкою въ слѣдующее Воскресенье 2-го Іюня и черезъ день послѣ этого во вторникъ, пригласилъ на сходку. Во вторникъ было 4-го Іюня. Такъ послѣ 2-го Іюня Сулинь у Мосолова на обыкновенныхъ собраніяхъ не былъ, слѣдовательно позже 9-го Іюня (третье воскресенье), сходка быть не могла. Что сходка не могла быть позже 9-го Іюня подтверждается еще и тѣмъ, что Кельсievъ въ это время не былъ въ Москвѣ и слѣдовательно Мамаевъ, приходившій во время сходки уведомить объ опасности угрожающей Кельсievу, могъ быть у Андрущенко только тогда, когда Кельсievъ жилъ еще въ Москвѣ, т. е. въ самомъ началѣ Іюня. Кромѣ того Андрущенко присовокупилъ, что на сходкѣ онъ спрашивалъ Левашова, возьметъ ли онъ при выѣздѣ изъ Москвы воззванія, на что Левашовъ отвѣчалъ, что возьметъ небольшое количество.

Такъ какъ лица, созваніяся въ бытности на сходкѣ, именно: Мосоловъ, Шатиловъ, Лебединскій, Новиковъ и Сулинь, также показали, что Левашовъ не былъ на сходкѣ и всѣмъ имъ дана была очная ставка съ Андрущенкою, на которой объяснили: Мосоловъ, Сулинь и Лебединскій, что они не помнятъ присутствія Левашова на сходкѣ. Шатиловъ—что о бытности Левашова на сходкѣ, онъ утверждаетъ потому что въ памяти его остался разговоръ о взятіи книгъ въ библиотекѣ. Шатиловъ говоритъ, что прочелъ эту книгу, взявши у Левашова, на что получилъ возраженіе, что Левашовъ уѣхалъ; но съ кѣмъ говорилъ объ этомъ не помнитъ. О приходѣ Мамаева, котораго Шатиловъ не знаетъ, также не помнитъ; такъ что никакъ не можетъ согласовать показаніе Андрущенко съ своимъ, развѣ только одинъ случай можетъ объяснить это, что Шатиловъ перепуталъ въ означенный разговоръ имѣлъ въ другое время и въ другомъ мѣстѣ. Впрочемъ Шатиловъ остается при своемъ убѣжденіи и полагасть, что Андрущенко могъ запомнить подробности и перепутать ихъ. Новиковъ—что Левашовъ на сходкѣ не участвовалъ, ибо онъ, какъ помнитъ Новиковъ, зашелъ только на

нѣсколько минутъ и тотчасъ вышелъ. Объ участіи Левашова въ содѣйствіи къ побѣгу Кельсіева, Андрущенко показалъ, что о просьбѣ Кельсіева помочь ему, Андрущенко въ числѣ другихъ сообщилъ Левашову, который изъявилъ на это согласіе; что черезъ Левашова Андрущенко переслалъ Кельсіеву нѣ часть подпунктъ, что приготовившись къ побѣгу изъ части, Кельсіевъ уведомилъ Левашова, чтобы ожидали его ночью на Сѣнномъ бульварѣ, близъ Смоленскаго рынка, и что Левашовъ, кажется, провожалъ Кельсіева при выѣздѣ его изъ Москвы. Но Левашовъ, отвергая показанія Андрущенко, объяснилъ, что былъ знакомъ съ Кельсіевымъ и посѣщалъ его въ части 2 раза: одинъ разъ вмѣстѣ съ Андрущенкою, а другой одинъ и въ этотъ разъ получилъ или передалъ записку Кельсіева, отъ него ли къ Андрущенко, или отъ Андрущенко къ нему—хорошо не помнить. Въ запискѣ говорится о книгахъ и что не содѣйствуя по дѣлу Кельсіева, онъ узналъ о дѣлѣ его случайно уже въ Рязани. Такое показаніе Левашовъ подтвердилъ и на очной ставкѣ съ Андрущенкою, который также остался при своемъ показаніи. О распространеніи Левашовымъ воззваній, Андрущенко объяснилъ, что въ тотъ разъ, когда Лебединскій приходилъ къ нему за адресами для разсылки воззваній, онъ передалъ Левашову, бывшему въ квартирѣ Андрущенко, пачку воззваній, *Свобода* No. 1, изъ которыхъ Левашовъ отдѣлилъ экземпляровъ 15, запечаталъ ихъ въ пакетъ, и пакетъ этотъ отдалъ въ домъ Сазонова (близъ пречистенскаго бульвара) коридорному слугѣ, для передачи студенту Козловскому; изъ остальныхъ экземпляровъ Левашовъ долженъ былъ передать часть кому то изъ знакомыхъ въ д. Устинова, близъ Собачей площадки, а часть раздать знакомымъ; но какъ Левашовъ поступилъ съ ними, Андрущенко неизвѣстно. Левашовъ и Лебединскій отвергли означенныя объясненія Андрущенко и утверждали свое показаніе и на очной ставкѣ съ нимъ, причѣмъ Андрущенко также остался при своемъ показаніи. Козловскій показалъ: что въ концѣ Марта 1863 г., когда онъ былъ болѣнъ, коридорный служитель дома Сазонова, передалъ ему пакетъ и сказалъ, что его принесъ неизвѣстный человекъ, на которомъ были надѣты пальто и шляпа бѣлая и велѣлъ передать пакетъ Козловскому; когда онъ распечаталъ пакетъ, то нашелъ въ немъ воззванія, которыя тогда же уничтожилъ. Къ сему Козловскій присовокупилъ, что Левашовъ жилъ въ томъ же домѣ Сазонова, но онъ съ Левашовымъ знакомъ не былъ, такъ что даже при встрѣчѣ не кланялись съ нимъ. По объявленіи Левашова, онъ дѣйствительно жилъ въ домѣ Сазонова и въ Мартѣ 1863 г. носилъ пальто горюховаго цвѣта и черную теплую фуражку. Наконецъ относительно Гижикцаго, Андрущенко показалъ, что въ концѣ Мая, или въ началѣ Юня 1863 г. скрывался у Левашова Гижикскій, что это очень извѣстно Андрущенко отъ самаго Левашова. Лебединскій же говорилъ Андрущенко, что Гижикскій, посланный кажется, въ Оренбургскую губернію, былъ привезенъ оттуда въ Москву однимъ раскольникомъ, у котораго пробылъ нѣсколько времени, а потомъ скрывался у Левашова и его знакомыхъ и что Лебединскій при помощи своего знакомаго, Зильверовича, досталъ Гижикскому заграничный паспортъ, съ которымъ онъ уѣхалъ въ Петербургъ, но что потомъ случилось съ Гижикскимъ, уѣхалъ ли онъ за границу или нѣтъ, никому не извѣстно. Левашовъ показалъ, что онъ съ Гижикскимъ былъ знакомъ и видѣлся съ нимъ до ссылки его въ г. Мензепинскъ за участіе въ дѣлѣ

московскихъ студентовъ; по возвращеніи же его оттуда въ Москву, Левашовъ не только не укрывалъ Гижикцаго, вслѣдствіи чего не могъ говорить объ этомъ съ Андрущенкою, но даже не видѣлъ Гижикцаго, слышалъ же о пребываніи Гижикцаго въ Москвѣ, отъ матери его, которая говорила, что Гижикскій надѣмалъ много хлопотъ Касаткинымъ, написавъ имъ по городской почтѣ письмо, такъ что Касаткинымъ пришлось имѣть дѣло съ полиціей. Зильверовича же онъ также знаетъ, потому что встрѣчалъ его у Заіончковскаго. Такое показаніе Левашовъ утвердилъ на очной ставкѣ съ Андрущенкою, который остался при своемъ показаніи. Лебединскій и Заіончковскій показали: первый, что Гижикскій былъ въ означенное время въ Москвѣ и просилъ его содѣйствія къ побѣгу и что Гижикцаго о пріѣздѣ его въ Москву изъ Мензепинска и объ укрывательствѣ въ Москвѣ, не спрашивалъ, тѣмъ болѣе, что видѣлъ въ немъ нежеланіе рассказывать объ этомъ; а второй показалъ: что онъ былъ знакомъ съ Зильверовичемъ, потому что вмѣстѣ съ нимъ занимался, но что о снабженіи Зильверовичемъ Гижикцаго заграничнымъ паспортомъ имъ ничего неизвѣстно. По соображенномъ комиссіею о Гижикскомъ и Зильверовичѣ свѣдѣніямъ, оказалось: а) Управляющій третьимъ отдѣленіемъ, собственной его им. величества, канцеляривъ, 1-го Сентября 1863 г. уведомилъ, что Гижикскій былъ студентомъ Московскаго университета и согласно высочайше утвержденному рѣшенію о безпорядкахъ происходившихъ въ 1861 году въ московскомъ университетѣ, сосланъ былъ на жительство въ городъ Мензепинскъ, откуда въ Маѣ 1863 г. скрылся. Въ Юнѣ получено было письмо изъ Берлина, на имя Варвары Яковлевны Зноско, въ которомъ онъ, уведомляя о прібытіи своемъ въ Берлинъ, сообщалъ между прочимъ, что въ Москвѣ былъ выданъ полиціи однимъ изъ своихъ родственниковъ; но успѣлъ скрыться отъ преслѣдованій. б) Вслѣдствіе письма къ г-жѣ Зноско (мать Мензепинскаго окружнаго начальника государственныхъ имуществъ) а также двухъ писемъ его къ бывшему Мензепинскому городничему Катанскому и доктору Потаренко, по высочайшему повелѣнію, сообщенному Оренбургскому и Самарскому г-рѣ губернатору, о побѣгѣ Гижикцаго произведено строжайшее слѣдствіе; но виновныхъ въ содѣйствіи къ побѣгу Гижикцаго не обнаружено и в) Управляющій третьимъ отдѣленіемъ, собственной его им. величества канцеляривъ, 3 Октября 1863 г. сообщилъ, что Зильверовичъ, 30 Августа того же года, отправленъ на жительство въ Уфу, по подозрѣнію въ принадлежности къ польскому революціонному обществу, и въ сношеніи съ пересылавшемся черезъ Москву преступниками изъ поляковъ.

10) Коломенскій 2-ой гильдіи купецъ *Семенъ Басовъ*, (содержится въ крѣпости съ 24 Сентября 1863 года). Андрущенко показалъ: что оказавшіяся у него воззванія: *Что нужно народу* передалъ ему въ первыхъ числахъ Мая 1863 г. Басовъ, съ которымъ онъ былъ давно знакомъ въ Москвѣ, и что въ одномъ изъ разговоровъ Басовъ объявилъ ему, что есть у него нѣсколько экземпляровъ еще прошлаго года. На просьбу Андрущенко приести одинъ экземпляръ, Басовъ обѣщалъ вспомнить это и черезъ нѣсколько дней принесть ему всѣ экземпляры, чтобы сбросить съ себя, какъ онъ говорилъ, обузу. Хотя Басовъ не объяснилъ, отъ кого онъ получилъ эту брошюру; но Андрущенко полагасть, что отъ Яценки, съ которымъ Басовъ былъ знакомъ, а это предположе-

ніе Андрущенко основывается на томъ, что Ященокъ въ 1862 г. судился за печатаніе запрещенныхъ сочиненій. Къ сему Андрущенко присовокупилъ, что Басовъ принесъ къ нему означенныя воззванія въ чертежную межевой канцеляріи, и вызвавъ его черезъ сторожа изъ присутствія, передалъ ихъ въ коридоръ. Возвратившись со связкою, Андрущенко показывалъ экземпляры товарищу своему прапорщику Пасхалову, говорилъ ему, что ихъ только что принесли и по просьбѣ его далъ ему одинъ экземпляръ. На другой день Пасхаловъ объявилъ : что брошюра такъ плохо отпечатана, что мѣстами съ трудомъ можно читать, а въ другихъ мѣстахъ и вовсе нельзя разобрать. Наконецъ Пасхаловъ спрашивалъ гдѣ печаталась она, но Андрущенко не могъ объяснить, потому что самъ не зналъ этого.

Купецъ Басовъ показалъ : что былъ знакомъ съ Андрущенкою и Ященокъ, но никакихъ возмутительныхъ воззваній у него не было и таковыхъ ни отъ кого не получалъ, слѣдовательно и распространять не могъ, равно ничего не знаетъ о лицахъ, печатавшихъ оныя. Если же отрицательность его не принимается въ уваженіе, то и показаніе Андрущенко не имѣетъ никакой достовѣрности, какъ безъ доказательства, а что касается до другихъ показаній Андрущенко, оправданныхъ признаніемъ оговоренныхъ имъ лицъ, то это также не можетъ прибавлять достовѣрности показанію Андрущенко относительно его, Басова. Обвиняя его, онъ можетъ скрывать другое лице, которымъ болѣе дорожить, а можетъ быть облегчать и собственную вину, если самъ приготовлялъ воззванія Басовъ обязанъ сказать въ свое оправданіе, что никакому дѣлу возмущенія не только содѣйствовать, но и сочувствовать не можетъ, такъ какъ общественное потрясеніе нарушаетъ и уничтожаетъ правильный ходъ торговли, отъ которой зависитъ источникъ его существованія. Наконецъ отсутствіе всякой побудительной причины для Басова и ничтожность значенія такого человѣка, какъ Андрущенко, все это не можетъ допустить справедливости къ обвиненію его въ передачѣ Андрущенко воззваній. Такое дѣло въ глазахъ Басова сколько преступно по намѣренію, столько бесплодно по послѣдствіямъ и никто, имѣющій сколько нибудь здраваго смысла, не посягнетъ на него. На очной ставкѣ Басова съ Андрущенкою оба остались при своихъ показаніяхъ.

Послѣ очной ставки, Андрущенко въ поданномъ въ комиссію показаніи объяснить, что Басова въ коридорѣ чертежной, кажется, видѣлъ прапорщикъ Пасхаловъ, который выходилъ курить въ то время, когда Андрущенко стоялъ съ Басовымъ въ коридорѣ, которому онъ, возвратясь въ канцелярію далъ одинъ экземпляръ брошюры, сказавъ, что ихъ ему только-что принесли; навѣрно не утверждаетъ этого, но приводитъ какъ весьма возможный случай, вслѣдствіе котораго Пасхаловъ могъ даже предположить, что Басовъ передалъ ему, Андрущенко, экземпляры брошюры, ибо отдавая одинъ изъ нихъ Пасхалову онъ сказалъ, что это ему, Андрущенко, только-что принесли, не говоря кто именно. Спрошенный по ссылкѣ Андрущенко прапорщикъ Пасхаловъ подтвердилъ показаніе Андрущенко о полученіи отъ него одного экземпляра брошюры и сперва объяснилъ, что не помнитъ кто принесъ Андрущенко воззваніе; но если Андрущенко припомнитъ ему хорошенько всѣ обстоятельства этой передачи, которой онъ могъ быть невольный или нечаянный свидѣтель, то быть можетъ Пасхаловъ

узнаетъ личность купца Басова; но долженъ прибавить : врядъ-ли? На очной ставкѣ съ Андрущенкою, на которой онъ объяснилъ, что Пасхаловъ могъ видѣть то лицо, съ которымъ онъ стоялъ въ коридорѣ чертежной межевой канцеляріи въ первыхъ числахъ Мая 1863 г., Пасхаловъ отозвался, что можетъ быть онъ и видѣлъ названное Андрущенкою лицо и готовъ сказать онъ ли это или нѣтъ, если ему его предъявятъ. На концѣ очной ставки съ Басовымъ, Пасхаловъ показалъ, что по предъявленіи ему Басова, онъ признаетъ, что Басовъ дѣйствительно напоминаетъ личность разговаривавшую съ Андрущенкою въ коридорѣ чертежной межевой канцеляріи.

11) *Дворянинъ Павелъ Холодовскій-Цибульскій* (содержался въ крѣпости первый разъ съ 5 Сентября по 14 Октября и второй разъ съ 4 Декабря 1863 по 19 Января 1864 г., за тѣмъ отданъ на поруки). Распоряженіе объ арестованіи Холодовскаго-Цибульскаго сдѣлано было въ то время, когда Андрущенко не сознавался какимъ образомъ приобрѣлъ оказавшіяся у него воззванія и другія запрещенныя сочиненія, поводомъ же къ арестованію послужило упомянутое въ началѣ записки письмо, которое Андрущенко написалъ, содержащее въ Черниговскомъ острогѣ и передалъ для отправленія Альфонскому. Въ письмѣ этомъ между прочимъ говорится, чтобъ Холодовскій Цибульскій передалъ бывшей хозяйкѣ квартиры Андрущенко, мѣщанкѣ Третьяковой и всѣмъ лицамъ провожавшимъ Андрущенко изъ Москвы, что если ихъ будутъ спрашивать, то чтобы они показали, что связки доставлены Андрущенко, передъ его выѣздомъ изъ Москвы, неизвѣстнымъ человѣкомъ, а книги и бумаги могли находиться въ шкафу. При допросѣ въ комиссіи Холодовскій-Цибульскій показалъ, что онъ былъ знакомъ съ Андрущенкою, находился у него въ числѣ другихъ лицъ передъ выѣздомъ его изъ Москвы и послѣ того получилъ отъ него со станціи желѣзной дороги письмо, въ которомъ Андрущенко увѣдомлялъ объ арестованіи его и писалъ, что это можетъ случиться со всѣми, кто былъ при отъѣздѣ его, что если спросятъ о какихъ нибудь пакетахъ, то говорить, что ихъ принесли, въ отсутствіе Андрущенко, неизвѣстными человѣкомъ при письмѣ въ которомъ говорилось, чтобы Андрущенко передалъ первому явившемуся и потребовавшему ихъ въ Кіевѣ, а Третьякова чтобы показала, если ее будутъ спрашивать о бумагахъ на шкафѣ, что ихъ оставили постояльцы. Но Холодовскій-Цибульскій, не принимавшій никакого участія въ дѣйствіяхъ Андрущенко, никакихъ распоряженій по письму не дѣлалъ, кромѣ того, что сказалъ о немъ Третьяковой, объявившей, что она не возьметъ никакой отвѣтственности на себя, да еще сообщилъ, согласно просьбѣ Андрущенко, въ Петербургѣ Смирнову съ тѣмъ, чтобы онъ не увѣдомлялъ родныхъ Андрущенко объ его арестѣ; самое же письмо уничтожилъ. Такъ какъ при обыскѣ Холодовскаго Цибульскаго у него ничего подозрительнаго не оказалось, то по распоряженію комиссіи Холодовскій Цибульскій 14 Октября 1863 г. былъ освобожденъ изъ подлѣ ареста. Между тѣмъ Андрущенко, при дальнѣйшихъ допросахъ его 5 Ноября 1863 г., показалъ, что стихи, начинающіеся словами : "Долго насъ помѣщичьи душили", получены имъ отъ Холодовскаго-Цибульскаго въ количествѣ, кажется, 3 экземпляра. Изъ нихъ одинъ экземпляръ Андрущенко далъ Бѣлозерскому, другой оставался у Андрущенко, а третій вѣроятно взялъ себѣ Рѣчицкій, когда у него находились воззванія и запрещенныя сочиненія, принадлежащія Андрущенко. Кѣмъ сочинены и напечатаны эти стихи, Андрущенко неизвѣстно; равно онъ не

помнить подробностей передачи их ему Холодовскимъ-Цибульскимъ, но, кажется, онъ принесъ ихъ въ квартиру Андрущенко; а также не знаетъ откуда взялъ ихъ Холодовскій и оставилъ ли у себя сколько нибудь экземпляровъ.

По такому показанію Андрущенко, Холодовскій былъ спрошенъ чрезъ московскаго жандарм. штабъ офицера и при допросѣ показалъ, что стиховъ Андрущенко не передавалъ, а потому онъ, Холодовскій, 4 Декаб. 1863 г. былъ доставленъ въ крѣпость для очной ставки съ Андрущенкою. На очной ставкѣ Холодовскій остался при своемъ показаніи, что не передавалъ стиховъ Андрущенко, который также утверждалъ свое показаніе.

Изъ показаній Шатилова и Тычинскаго видно, что означенные стихи есть пѣсня, которая поется на студенческихъ иирушкахъ въ Казани и многимъ изъ нихъ извѣстна на память.

Содержаніе стиховъ слѣдующее :

Долго насъ помѣщали душили,
Ставовые бити,
И привыкли всякому злодѣю
Подоблять мы шею.
Въ страхѣ насъ кварталные держали,
Имѣцы мунштривали.
Что тутъ дѣлать, долголь до напасти
Покоримся власти.
Мироты тѣмъ и пробалялись
Надъ нами ломались,
Мы де глупы, какъ овечьи стада,
Стричь, да брить насъ надо.
Про царей поны твердили миру,
Съ пива или съ жиру—
Самъ де Богъ помазалъ ихъ елеемъ
Какъ же инкнуть съѣемъ.
Судъ Шемакнѣ, до Бога высоко
До царя далеко,
Царь сидитъ тамъ въ Питерѣ не слышитъ,
Знай указы пишетъ.
А указъ какъ бисеромъ наизагъ,
Не про насъ нишь писанъ;
Такъ и этакъ ты его читаешь—
Все не понимаешь
Каждый бутыръ звать себя съ пахальствомъ
Мазнымъ пахальствомъ.
Знать и этихъ, господи ты Боже,
Мазалъ масломъ тоже.
Кто слышалъ о 25-мъ годѣ
Ръ крещенномъ народѣ?
Когда-бъ мы тогда не глупы были
Давно-бъ не тужили.
Подписи въ то время на злодѣевъ
Кондратій Рыльевъ,
Да полномникъ Пестель, да иные
Бояре честные.
Не сумѣли въ тѣ поры мы смѣло
Отстоять нхъ дѣло,
И сложили головы за братій
Пестель, да Кондратій.
Не найдется что-ль у насъ инова
Друга Пугачева,
Чубомъ крѣпкой грудью всталъ онъ смѣло
За свитое дѣло

12) Бывшій студентъ московскаго университета *Павель Шиповъ* (содержался въ крѣпости съ 18 Сентября 1863 до 16 Января 1864 г., отданъ на поруки). Павель Шиповъ въ 1862 г. былъ привлеченъ къ дѣламъ комиссіи и содержался въ крѣпости съ 11 Іюня по 21 Ноября 1862 года, когда по требованію 1-го отдѣленія 6 департ. управл. сената былъ вытребованъ въ Москву, по случаю предавія его, вмѣстѣ съ коллежскимъ регистраторомъ Иваномъ Кельсиевымъ, суду въ означенномъ департ. сената, а 8 Декабря того же года

Шиповъ освобожденъ на поруки матери его, дѣйствительной статской совѣтницы Шиповой.

Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта Шиповъ признанъ виновнымъ: а) въ недонесеніи правительству о передачѣ ему Шипову неизвестнымъ лицомъ пяти экземпляровъ печатныхъ возмутительнаго воззванія "Молодая Россія" и оставленіи бумагъ сихъ у себя; б) имѣніи у себя возмутительной рукописной статьи: "Третья кровь" и в) въ составленіи во время безпорядковъ, бывшихъ между студентами московскаго университета и другими лицами, къ студентамъ рѣчи, призывавшей ихъ къ противудѣйствию и сопротивленію властямъ, отъ правительства установленнымъ. За эти поступки опредѣлено: заключить Шипова подъ арестъ на 3 мѣсяца, а потомъ отдать подъ надзоръ полиціи на 3 года, причемъ внушить ему всю неумѣтность допущенныхъ имъ въ письмѣ къ матери дерзкихъ выраженій о дѣйствіяхъ верховной власти; за имѣніе же отрывковъ изъ записокъ Якушкина, статьи "Философія рѣволюціи и социализмъ", брошюры К. С. Аксакова и возмутительной статьи Кельсиева, а также за оскорбительныя выраженія въ письмѣ Кельсиеву, Шипова наказанію не подвергать и отъ суда освободить.

Во исполненіе этого рѣшенія, Шиповъ, для выдержанія подъ арестомъ 3 мѣсяцевъ, былъ помѣщенъ въ московскій губернской тюремный замокъ; но 18 Сентября 1863 года переведенъ въ здѣшнюю крѣпость, по прикосновенности его къ производимому комиссіею дѣла.—Поводомъ къ новому арестованію Шипова въ крѣпости было показаніе Андрущенко объ участіи Шипова въ содѣйствіи побѣгу Ивана Кельсиева изъ пречистенскаго частнаго дома.

Въ первоначальномъ показаніи своемъ о лицахъ содѣйствовавшихъ побѣгу Кельсиева, Андрущенко объяснилъ, что первый подпирокъ для расчлененія желѣзной рѣшетки доставилъ Кельсиеву Шиповъ; но Кельсиевъ передалъ этотъ подпирокъ, содержащемуся вмѣстѣ съ нимъ, студенту Квятковскому, а потому Андрущенко купилъ въ магазинѣ Кирюфа другой подпирокъ для Кельсиева и передалъ ему оный чрезъ Левашева.

При допросѣ въ комиссіи, Шиповъ показалъ, что познакомился съ Иваномъ Андрущенко чрезъ брата его Еженія, который находился въ университетѣ, что Кельсиева посѣждалъ въ пречистенскомъ частномъ домѣ, по освобожденіи своемъ на поруки чрезъ каждые полторы недѣли, на что получалъ разрѣшенія, при чемъ или передавалъ ему книги и журналы или говорилъ объ общемъ ихъ дѣлѣ, которое производилось въ сепатѣ, а въ Январѣ или Февралѣ 1863 г. далъ Кельсиеву заимообразно 10 р. с. и что содѣйствовать побѣгу Кельсиева, опъ, Шиповъ, не могъ, по той причинѣ, что уѣзжалъ изъ Москвы въ имѣніе отца 8 Мая 1863 г. и жилъ тамъ безвѣздно до послѣднихъ чиселъ Іюля.

Послѣ сего, по случаю отрицательства Шипова, Андрущенко показалъ, что въ началѣ Мая 1863 г., до ѣзда его въ Петербургъ*, въ одномъ изъ разговоровъ съ Шиповымъ о Кельсиевѣ, Андрущенко сказалъ, что въ случаѣ если нужно будетъ подпирокъ для Кельсиева, то лучше всего въ магазинѣ Кирюфа, при чемъ Шиповъ сказалъ, что знаетъ этотъ магазинъ. Послѣ того, дня чрезъ 2 или 3, Андрущенко видѣлся съ Шиповымъ въ своей квартирѣ, куда заходилъ онъ. Въ общемъ разговорѣ, котораго въ точности не помнитъ, Шиповъ сказалъ, что дѣло на счетъ подпирка улажено, изъ

* Андрущенко былъ въ Петербургѣ 9—12 Мая 1863 г.

этого Андрущенко заключилъ, что подпилка доставленъ уже Кельсіеву; другихъ же доказательствъ Андрущенко не имѣетъ и не знаетъ, было ли кому извѣстно о доставленіи Шиповымъ подпилка Кельсіеву. Къ этому Андрущенко присовокупилъ, что за все время знакомства съ Шиповымъ, онъ приходилъ къ Андрущенкѣ разъ 5 или 6 и притомъ обыкновенно утромъ, оставаясь не болѣе четверти часа. Всѣ эти посѣщенія Андрущенко перемѣшалъ между собою, такъ что не можетъ припомнить, зачѣмъ приходилъ Шиповъ и какой происходилъ у нихъ разговоръ, кромѣ пріобрѣтенія для Кельсіева подпилка.

(Продолженіе въ слѣд. листѣ).

С М Ъ С Ъ.

— *Вранье Дневника Варшавскаго.*—Въ 289 № *Дневника Варшавскаго* между разнымъ пошлымъ враньемъ напечатано о какомъ-то *военномъ обществѣ* польскихъ изгнанниковъ, переѣхавшемъ изъ Невшателя подъ мое “нокровительство въ Женеву”. “Совѣтъ общества имѣетъ правильныя засѣданія каждую недѣлю, на которыхъ почти всегда бываетъ самъ Герценъ или его сотрудникъ К. Засѣданія бываютъ или въ мѣстахъ публичныхъ или въ домѣ Герцена. Одно только общество военное и представители Мирославскаго живутъ между собой и съ Герценомъ въ какой-то гармоніи, другія же находящіяся здѣсь общества держатся вдали”. “Герценъ и Д. даютъ у себя поочередно два раза въ недѣлю такъ называемые литературные вечера. На одномъ изъ такихъ вечеровъ Чарнецкій и Ржонсницкій *вышрали у Герцена въ штось переплетное заведеніе*, которое въ настоящее время оплачиваетъ издержки совѣта военнаго общества”. Въ заключеніи сказано, что изъ другихъ польскихъ обществъ никто не приглашается на вечера Герцена, Бакунина и К-и. (Бакунинъ-то въ Женевѣ!).

Мы не прячемся въ тѣни, а потому всѣ знающіе и насъ и меня могутъ по этому нелѣпому образчику оцѣнить какихъ дрянныхъ и негодныхъ лазутчиковъ имѣетъ русское правительство за границей. Это стыдно Бергу, деньги на шпіонство отпускаются большія—тутъ нѣмецкая экономія неумѣтна. Дежурнаго корреспондента написавшаго этотъ бредъ слѣдуетъ отставить съ тѣмъ, чтобъ впредь къ шпіонскимъ должностямъ не опредѣлять.

Нужно-ли говорить, что во всемъ этомъ враньи нѣтъ слова правды, что я никакого польскаго *военнаго общества* не знаю, что я вовсе не играю въ карты, что въ моемъ домѣ никогда не собирался никакой комитетъ, никакого общество, бюро, клубъ, департаментъ и пр. и пр., и что я не былъ ни на какомъ засѣданіи въ “мѣстахъ публичныхъ”.

Къ чему вся эта ложь? Для кого это пишется?—чортъ ихъ знаетъ!—Видно недостаточно срѣзались на катковскихъ поджигательствахъ!

Ц—ръ.

— *Вранье о симбирскихъ защитателяхъ*—сами себя и другъ друга предають!—“Въ Русскомъ Инавалдѣ, по поводу различныхъ толковъ о симбирскихъ пожарахъ, пишутъ слѣдующее: Теперь мы имѣемъ нѣкоторыя свѣденія, которыя показываютъ, что по дѣлу о симбирскихъ пожарахъ не только не было еще судебного разбирательства, по даже и само слѣдствіе еще не окончено. Мы можемъ сообщить нашимъ читателямъ, что все, что до сихъ поръ было сдѣлано слѣдственною комиссіею, еще *весьма далеко отъ окончательнаго уличенія*

кого бы то ни было; напротивъ, есть много поводовъ сомнѣваться въ основательности первоначально возникшихъ подозрѣній и обвиненій”.

— *Велико-княжескій социализмъ*—*Михайловская теорія собственности.* Къ римскому понятію о неприкосновенной собственности, къ аллодіальному и феодальному праву, къ Прудоновскому колебанію между собственностію и владѣніемъ, къ ученію коммунистовъ и фалапги, является новое социальное ученіе *Михайловское* и нѣсколько магометанское. *Голосъ* (№343) изложилъ довольно хорошо велико-княжескій “бабувизмъ”, въ корню уничтожающій право собственности. “Смыслъ всѣхъ рѣчей его высочества, говоритъ *Голосъ*, заключался въ томъ, что объявляя представителямъ народа, именемъ Государя, какъ высшею санкціею нашего закона, о неприкосновенности правъ cadaго на полученію имъ землю, увѣрить ихъ также и въ томъ, что они, вступая такимъ образомъ юридически въ общія права гражданина, принадлежащія каждому вѣрно-подданному, кромѣ того, что съ 1-го января 1866 г. должны будутъ платить за это подать на содержаніе своей же администраціи, но что это право всякаго гражданина на землю будетъ имъ обезпечено ненарушимо правительствомъ лишь до тѣхъ поръ, пока они не будутъ слушать злонамѣренныхъ людей, стремящихся поколебать ихъ довѣріе къ правительству”.

— *Изъ Петербурга* есть письмо, новаго мало. Разсказываютъ о дракѣ протопопа съ діакономъ въ Исакіевскомъ соборѣ по окончаніи архіерейскаго богослуженія, дѣло чисто личное, такъ его и принялъ митрополитъ, по просьбѣ одесскаго архіерея, родственника протопопу давшему *заушеніе* и *лани-тобитіе* отцу діакону. Разсказываютъ о томъ, что новгородскій полицмейстеръ наказалъ палками двухъ арестантовъ въ острогѣ, *однаго дворянина, другаго французскаго подданнаго*; о томъ, что Френкель за что-то осерчалъ на Гернгросса, а Гернгроссъ на Френкеля; о томъ, что палачъ Муравьевъ скоро будетъ палачемъ финансовъ и казнить кредитъ. Между больше или меньше любопытными подробностями корреспондентъ нашъ пишетъ, что въ I-мъ департ. Сената, гдѣ большею частію подрядные дѣла съ казною, *ласность не допущена.*

Лучшее что есть въ письмѣ, это то, что въ Петербургѣ служили панихиду по полученіи достовѣрнаго извѣстія изъ Сибири о кончинѣ Михайлова.

— & До насъ дошелъ ужасный слухъ, мы умоляемъ написать намъ справедливъ ли онъ? Говорятъ будто бы Михайловъ былъ тѣлесно наказанъ, и будто бы онъ умеръ съ цѣпями на ногахъ? Мы боимся вѣрять въ такую роскошь злодѣйства...

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Обращаемъ особенное вниманіе нашихъ читателей на то, что Вольная Русская Типографія въ Женевѣ принимаетъ съ новаго года *сверхъ заказовъ для печатанія на русскомъ, и на польскомъ, сербскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ.*

Типографія снабжена новыми шрифтами и можетъ ручаться не только за точное и красивое выполненіе, но и за сравнительную дешевизну заказовъ.

Подробный тарифъ цѣнамъ печати на разныхъ языкахъ, въ разномъ форматѣ и на разной бумагѣ — желающіе могутъ найдти въ Бюро Типографіи, 40, Pré l'Evêque.

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 213.

1 ФЕВРАЛЯ 1866.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Получается въ Вольной Русской Типографш, 40, Pré l'Evêque и въ главныхъ депо — у Г. Георга, 10, Corraterie, Genève; у Н. Трюбнера и Ко., 60, Paternoster Row, Londres. Цѣна за листъ 50 сантимовъ безъ пересылки. Предлагаемъ почтовой тарифъ:

Въ Германію	15с.
— Австрію	15с.
— Англію	15с.
— Бельгію	5с.
— Францію	5с.
— Италію	3с.
— Неаполь и Сицилію	20с.
— Грецію (черезъ Марсель)	5с.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10с.
— Швецію	25с.
— Швейцарш	5с.

Parait à Genève tous les quinze jours. Le dépôt principal est chez H. GEORG, à Genève, Corraterie, No. 10. A Londres, chez N. TRÜBNER et Co., 60, Paternoster Row. Le prix de chaque No. est de 50 centimes, le port de la poste non compris. Tarif postal:

Allemagne	15с.
L'Autriche	15с.
Angleterre	15с.
Belgique	5с.
France	5с.
Italie	3с.
Naples et Sicile (voie de Marseille)	20с.
Grèce (voie de Marseille)	5с.
Turquie et Princ. Danubiennes (voie de Marseille)	10с.
Suède	25с.
Suisse	5с.

ОГЛАВЛЕНІЕ. Письма къ будущему другу (Письмо пятое) — Дѣло Н. Андрущенко (Продолженіе) Смѣсь: Уездъ 10 Декабря — Новый видъ крѣпостнаго

права — Еще глубже — Откуда холера и какъ распространяется — Отчетъ кассы взаимнаго вспоможенія русскихъ эмигрантовъ въ Женевѣ. ✓

ПИСЬМА КЪ БУДУЩЕМУ ДРУГУ*

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

(Америка и Европа, Едгаръ Кингъ и его послѣдняя книга — Письмо къ нему).

Давно я не писалъ къ вамъ, около двухъ лѣтъ... и какихъ.. которые стоятъ двадцати самыхъ скверныхъ... а между тѣмъ опять накопилось на душѣ много горечей и хочется о нихъ говорить, только не съ близкими знакомыми, они сами все знаютъ и все рѣшили — а съ близкими незнакомыми, которыхъ я могу предположить не до такой степени герметически законченными. Вы такъ дружески исполняли два года тому назадъ эту роль, что вѣрно не откажетесь теперь, тѣмъ больше что вы мнѣ этимъ сдѣлаете большое облегченіе.

Облегченіе отъ чего? Отъ усталости, думаете вы, и ошибаетесь... гораздо хуже... отъ невозможности устать. Это состояние очень похоже на тщетное усиліе уснуть когда не спится. Я отъ души завидую труженикамъ честно прошедшимъ бразду свою и спокойно идущимъ — поставивъ плугъ свой подъ навѣсъ — на палаты погрѣть ломанья кости, распрямить сгорбленные члены и такъ иной разъ потолковать о настоящемъ и еще больше о быломъ, вспоминая о немъ въ томъ примитивномъ, успокоенномъ и холодномъ видѣ, которое получаетъ все лежащее въ гробу.

Кажется чего бы лучше... клубка достаннаго нашему времени *теперь* не распутаетъ, вихрь революцій и реакцій, увлечъ и перепуталъ все старое и новое... старое не уцѣлѣетъ и новое не погибнетъ, но всему надобно отстояться, дойти до химическаго соединенія, до покоя творчества. Все что можетъ придти въ ясность изъ этого хаотическаго, клокочущаго, бродящаго раствора придетъ въ ясность, но ее насильственно не заставишь родиться, прежде чѣмъ зародышъ созрѣетъ и ясли будутъ готовы... до тѣхъ поръ *искомое* останется путеводной звѣздой для волхвовъ, а не солнцемъ освѣщающимъ всѣхъ. Можетъ въ пользахъ новорожденнаго это и очень хорошо... да... да haben Sie warten gelernt?... Куда!

Какіе удары нашему безпокойному самолюбію и нашей страсти спасти миръ нанесли — и Астрономія и Геологія и Физиологія, а пуще всего новая исторія... все ничего. Знаемъ что планеты не около земли вертятся, что земной шаръ и

* "Письма къ будущему другу" были помѣщены въ 180 & 181, 182, 184 и 186 л. "Колокола" за 1864 годъ.

безъ людей жилъ очень хорошо, что наши дѣдушки и бабушки были ближе къ обезьянамъ чѣмъ мы къ китайцамъ... а намъ все кажется, что мы какіе-то Зевсы или Іеговы, и можемъ создавать міры по образу и подобию нашему — что вздумалъ выросшій вѣками и сросшійся горемъ и кровью быть перестроить на фаланстеры и — тотчасъ брошены деревни и города, соборы и театры, рестораны и дворцы; пошны и жандармы, офицеры и ростовщики, судьи и лоретки такъ и побѣгутъ въ фалангу работать — каждый по своей страсти.

Тутъ обыкновенно разочарованіе... упреки роду человѣческому и новыя усилія грудныхъ дѣтей убѣжденіемъ сдѣлать въ шесть мѣсяцевъ взрослыми... и новыя проклятія за ихъ лѣнь, тупость, глупость, за то что они не умѣютъ скоро расти.

Есть время *острой* работы, но есть время и труда выжидающаго, наблюдающаго. Секунды не можетъ потерять хирургъ и мѣсяцы борется докторъ съ болѣзнию.

Одинъ изъ умнѣйшихъ людей нашего времени Людвигъ Фейербахъ, на вопросъ зачѣмъ онъ замолкъ и почти ничего не пишетъ — отвѣчалъ: "Главное что у меня было на душѣ я высказалъ, пусть читаютъ". Не думая нисколько себя сравнивать съ Фейербахомъ, я все же имѣю право ему завидовать... Мнѣ не рааъ приходило въ голову грѣховное искушеніе, именно мысль языческаго эпикуреизма: удалиться куда нибудь въ пустыню возлѣ большаго трактира нѣмецкихъ водъ, и устроить тамъ какое нибудь шале, съ диваномъ превращающимся въ ванну, съ аквариумомъ въ которомъ плаваютъ стерляди и нѣра, съ садомъ въ которомъ порхаютъ бекасы... по исполнить ее не достаетъ силъ.

Недавно я совсѣмъ было изготовился на зимнія квартиры, взялъ специальную карту Висбадена, Пирмонта и какъ на смѣхъ вмѣстѣ съ ней попались газеты — тутъ Message Американскаго президента, ну и къ чорту шале и къ чорту аквариумъ съ икрой... "Здѣсь великая земля свободнаго труда, въ которой работа вознаграждается больше чѣмъ гдѣ нибудь, трудовой хлѣбъ вкусенъ сознаниемъ гражданскаго участія работника въ дѣлахъ отечества; здѣсь умъ человѣческій не знаетъ цѣпей и можетъ вольно ринуться во всѣ четыре стороны... Очищенные горемъ, укрѣпленные борьбой, повторимъ обѣтъ нашихъ отцовъ, возлагавшихъ на насъ побѣду республиканскихъ началъ на нашемъ материкѣ. Мы не

дѣлали пропаганды въ Европѣ, оставляя народы тамошніе заниматься своими династическими интересами... но такое поведеніе съ нашей стороны возлагаетъ и на нее свои обязанности”.

Вотъ и *Guai chi la tocca!*.. Да горе, каковъ портной? А еще пьяница?...

И какъ то свѣжо поднялась грудь—и не хочется думать о диванѣ на кислыхъ водахъ... Новый свѣтъ! молодой свѣтъ! Ужъ лучше тамъ шале... Все въ немъ не по европейски, не по людски. Восемьсотъ тысячъ войска распушены и тотчасъ поглощены работой, сотни генераловъ, которыхъ отвагѣ удивлялись нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ, которые были облечены диктаторской властью, были покрыты славой и лаврами, гдѣ они? Одинъ пашетъ свои поля и продаетъ хлѣбъ, другой въ главѣ торговаго предпріятія, третій просто трактирщикомъ... ни мундировъ, ни эполетъ, сабля въ углу... пусть себѣ ржавѣетъ. Война не ремесло, а несчастье, злая необходимость. Обѣ стороны дрались страшно, доказывая по дорогѣ что для большой, для колоссальной войны вовсе не нужны постоянныя арміи, вѣчная причина всякаго деспотизма, вѣчно раскрытая артерія, которой истекаетъ государство деньгами въ миръ, кровью въ войну... “Намъ скоро можно будетъ сговориться, съ той минуты какъ сила оружія рѣшила судьбу—нѣтъ ни побѣдителей, ни побѣжденных” и велѣлъ свести войско на пятьдесятъ тысячъ человекъ.

А наша то Нинона Ланкло, беззубая и сѣдая, ей и въ Бельгіи мало пятидесяти тысячъ, не смотря на то, что она ни съ кѣмъ изъ сосѣдей воевать не можетъ... За то вѣдь какіе интересы... Бисмаркъ I, Метернихъ II... Папа производитъ во святые какихъ то изувѣровъ и въ свои защитники разбойниковъ, дипломаты въ затрудненіи кому отдать Молдавію, кому Валахію, одни думаютъ нельзя-ли вымѣнять Венецію на Бухарестъ, Мексикку на Яссы, точно мы еще живемъ между Вестфальскимъ миромъ и Вѣнскимъ конгрессомъ. И не странно ли, что вѣщшіе защитники, послѣдніе чичисбеи Ниноны всѣ на Невѣ, такъ какъ тамъ же были и послѣдніе эмигранты и послѣдніе мальтійскіе кавалеры — они слова не даютъ сказать объ Европѣ, объ общей матери, учительницѣ, наставительницѣ, какъ будто кто нибудь виноватъ, что учительница устарѣла и наставительницу надобно водить подъ руки?

“Все это славянофильство!”... Тутъ Америка ужасно кстати является на выручку, ужъ ученье то Монро и Джонсона врядъ ли изъ “Дна” идетъ!

А впрочемъ и славянофильствомъ трудно испугать... правда, что оно какъ то всегда противно припахивало ладопомъ и рясой, а теперь еще противнѣе выпачкалось въ крови... ну да вѣдь и всё остальное выпачкано въ крови... остается попробовать славянофильство разстричь въ свѣтское званіе п тогда посмотрѣть, что въ немъ приму играетъ попъ или быть народный. Нельзя-же славянофильства съ лица Россіи гнать за то, что первые проповѣдники его черезъ край хватили православной благодати.

Почему же намъ не дѣлать съ ними того, что всякій мыслящій читатель дѣлаетъ на пр. съ какимъ нибудь Яковомъ Бѣмомъ, спокойно отыскивая въ лѣсу мистическихъ образовъ и видѣній, его глубокое пониманіе, оправленное въ средне-вѣковую рѣзбу? Бѣмъ не подозрѣвалъ настоящей своей силы и еслибъ кто нибудь называлъ его, положимъ пантеистомъ, онъ точно также обругалъ бы пантеизмъ, какъ Аксаковъ ругаетъ социализмъ, всякій разъ когда онъ ему подвернется па языкъ.

Рьяность нашихъ западниковъ, въ числѣ которыхъ есть люди стоящіе съ нами на одномъ берегу, объясняется исключительнымъ положеніемъ нашего общества. Стоя за Западъ, ему все еще кажется что онъ уличаетъ *не Западъ*, а домашнюю неурядицу, забывая, что петербургское правительство, не смотря на всѣ шалости послѣдняго времени—*архи-западное*. Въ Европѣ такихъ неистовыхъ защитниковъ *ея* какъ у насъ вовсе нѣтъ, особенно между серьезными умами. Они часто молчатъ... какъ молчалъ тотъ знаменитый математикъ, который вычисливъ и провѣривъ свое вычисленіе о близости трещины земнаго шара, испугался и скрылъ свои выкладки... но невыносимая тяжесть иной разъ беретъ верхъ и тогда являются такія книги какъ Стюарта Миля *On liberty*, и Французомъ пишутся такія строки :

“... Міръ видѣлъ уже въ глубокой древности нѣчто подобное тому, что совершается теперь. Съ одной стороны старая цивилизація, осѣвшая подъ окаменѣлыми преданіями — Персія, Вавилонъ, Халдея, Египетъ не способныя оторваться отъ своего прошедшаго, отъ храмовъ, мумій, лабиринтовъ, гробницъ, міръ многопроизводящій, богатый караванами, торговлей, пышный, сладострастный, покрытый жемчужными цѣплями... Съ другой стороны нарождающаяся Греція, брошенная въ иную форму, грубая, но свободная... и такой свободой, которую міръ до того времени не видывалъ... міръ начинающійся съ дорійскихъ Пуританъ—въ великому негодованію Азіи”.

И онъ указываетъ на старую Европу, выковавшую на самое себя, съ чрезвычайными усиліями, узорчатая и золоченая цѣпи, изъ которыхъ она не можетъ выйти — въ то время, какъ на противоположномъ берегу Океана, юная страна, не заботясь о старыхъ распряхъ “въ героической молодости своей душитъ гидры, убиваетъ немейскихъ львовъ... и оскорбляетъ своей отвагой, своей свободой, созданіемъ своихъ городовъ и государства — дряхлый міръ, не смѣющій ни подражать ей, ни вступить съ ней въ борьбу”.*

... Эдгаръ Кине, около полу-столѣтня слѣдившій за всѣмъ, что дѣлалось во Франціи, пришелъ къ одному заключенію, къ одному упованію, къ упованію на *другой міръ, на Соединенные Штаты*.

... Кине печаленъ, угрюмъ, для него его взглядъ безотраденъ, онъ имъ удрученъ. Французъ не можетъ переносить свои Лары въ дальнія страны, да еще за Океанъ. Латинскіе народы принадлежатъ латинской землѣ—для Кине осталась послѣ этого отрѣченія, послѣ этого нравственнаго Фонтенебло... своя Св. Елена. Даже пустой культъ человечества у него разбился : “Я слишкомъ близко видѣлъ этотъ кумиръ человечества... и не склоню колѣна передъ тѣмъ, кто самъ стоитъ на обоихъ—передъ всякой торжествующей силой... Преклоняться передъ этимъ пресмыкающимся звѣремъ, на своихъ милліонахъ ногъ?... Нѣтъ, отдайте мнѣ лучше Ибисовъ и священныхъ змѣй Нила”.

И тотъ космополитическій прогрессъ *иди нибудь*, который можетъ утѣшить бойкую сангвиническую философію Бэка, не заживитъ раны сосущей Француза, утратившаго Францію. Оставалась для него одна дверь, *онъ ее то и захлопнулъ съ озлобленіемъ*.

Неужели легче умирать въ разваливающемся домѣ, чѣмъ строить другой или идти вонъ? Горе обладателямъ наслѣдст-

* Edgar Quinet, *La Revolution*.

венныхъ, каменныхъ палатъ... то-ли дѣло жить въ собственноручной избѣ, старая плоха—взялъ да и срубилъ новую... былъ бы топоръ да лѣсъ!

... Тутъ мы стучимся опять головой въ упрямое поппосsumus отходящаго міра.

Кине съ необычайной отвагой для француза произвелъ слѣдствіе объ отравѣ революціи католицизмомъ. Съ искусствомъ великаго художника и ясностью діалекта, указываетъ онъ какъ новая Вещь изнемогаетъ, и не можетъ переварить яда даннаго, въ гостин, накрытой фригійской шапкой.

И тотъ же человѣкъ остановился испуганный, какъ передъ Медузиной головой, передъ юридической церковью, передъ догматомъ римскаго права безграничной собственности. Въ посягательствѣ на ея самовластье видитъ онъ гибель личной свободы, объявляетъ его *чуждымъ* гению латинскихъ народовъ и указываетъ вдали на наши степи... "Коммунизмъ и рабство, казнитесь молъ, вотъ куда вы идете!"

Мнѣ больно было за него и за насъ, я не вытерпѣлъ и написалъ ему :

"Мы представляемъ починъ *инаго* отношенія человѣка къ почвѣ, наша задача состоитъ въ опытѣ развитія личной свободы безъ потери *права на землю*, въ опытѣ ограниченія самодержавія недвижимой собственности неотъемлемымъ правомъ на поземельное владѣніе, словомъ, сохранения общинной собственности рядомъ съ личнымъ пользованіемъ. Посельщики, сами разработавшіе нашу землю, привычные къ полевымъ передѣламъ, безъ слоя завоевателей на нашихъ плечахъ, намъ легче другихъ Европейскихъ народовъ осуществить одно изъ рѣшеній социальной задачи. Отношеніе человѣка къ землѣ, такъ какъ мы его понимаемъ, не новое изобрѣтеніе въ Россіи, это первобытный фактъ, *естественный*, прирожденный въ нашемъ бытѣ, мы его нашли родившись, потомъ забросили, не поняли, и теперь хотимъ, съ искреннимъ раскаяніемъ развить его при помощи науки и опыта западнаго міра.

"Отнимите у насъ эту задачу и мы снова впадемъ въ варварство, изъ котораго едва вышли, или оступимся ордой завоевателей.

"И вотъ причина почему мы не промѣняемъ нашъ аграрный законъ, въ его неразвитіи, ни на старое латинское право, ни на англо-саксонское законодательство. Религія собственности по римскому закону, по французскому кодексу, убила бы намъ впередъ наше будущее, такъ какъ убила въ союзѣ съ церковью вашу великую революцію. Ясно, что съ двумя такими абортивами республика девяностыхъ годовъ, не могла родить ничего живаго.

"Народъ парижскій понялъ это, когда поднимая въ первый разъ голову послѣ бурь террора, онъ заявилъ свою нужду въ конвентѣ мрачнымъ крикомъ: "хлѣба!" Его отпустили ничего не сдѣлавши для него. Онъ съ тѣхъ поръ пересталъ мѣшаться въ дѣла, и былъ правъ.

"Безуміе Бабефа, утопіи почти всѣхъ социальныхъ ученій, нисколько не опровергають началъ. Напротивъ, степень жара, бреда, свидѣтельствуегь о силѣ болѣзни. Припадкы соотвѣтствуютъ страданіямъ—даютъ право на патологическое заключеніе. Если терапия не удалась, изъ этого не слѣдуетъ, что вопросъ леченія слѣдуетъ обойти. Къ тому-же какъ мы видимъ это невозможно. Соціальныи, экономическій вопросъ—Magnum Ignotum нашего времени. А потому то мы

всякій разъ обращаемъ, когда представляется случай, вниманіе нашихъ старшихъ, нашихъ *patres conscripti* въ наукѣ и цивилизаціи на то, что прозябаетъ въ нашихъ степяхъ. До сихъ поръ на Россію смотрятъ какъ на лавину угрожающую паденіемъ. Мы хотимъ показать, что подъ снѣгомъ, есть земля владѣемая иначе, чѣмъ историческая земля стараго міра.

"Такова была причина, которая заставила меня въ 1851 г. написать длинное письмо къ знаменитому другу вашему, (теперь и моему скажу я) Мишле. Вообще послѣ неудачи Февральской революціи я только объ одномъ этомъ и проповѣдую... Вы мнѣ это навѣрное поставите въ облегчающую причину. Восхищаясь строгой, величавой картиной, полной силы и отваги, которой вы изобразили самоубійство революціи католицизмомъ, я невольно вспомнилъ о *другомъ врагѣ*."

... *Его-то* мертвыми руками изъ за гроба попробовалъ схватить за горло... боецъ инаго закала, Прудонъ... но въ могилу себѣ не стащилъ. И такъ какъ Кине все такъ оставилъ щель захлопнувши дверь, такъ Прудонъ не настолько раскрылъ ее, чтобъ можно было пройти...

— Cordon, s'il vous plait!

... Il faut donc, messieurs, qu'une porte soit ouverte ou fermée!

И— рь.

10 января 1866 г.

ДѢЛО П. АНДРУЩЕНКО.

(Продолженіе).

На вновь предложенный Шипову вопросъ, въ которомъ было объяснено, что показаніе его о выѣздѣ его изъ Москвы 8 Мая не исключаетъ возможности къ участію въ побѣгѣ Кельсіева, такъ какъ приготовленія къ нему могли начаться гораздо ранѣе, онъ, Шиповъ, показалъ, что не доставлялъ Кельсіеву ни подписка, ни денегъ и ни какими другими средствами не содѣйствовалъ его побѣгу, да это было бы безразсудно съ его стороны, такъ какъ онъ могъ впередъ знать, что при возбужденіи вопроса о побѣгѣ Кельсіева, вслѣдствіи частыхъ и открытыхъ посѣщеній его, подозрѣніе бы пало на него всею тяжестью. Далѣе Шиповъ объяснилъ, что передъ отъѣздомъ изъ Москвы, онъ былъ у Андрущенко и просилъ его идти вмѣстѣ съ нимъ навѣстить въ смирительномъ домѣ Ящепку, но Андрущенко отказался пездоровьемъ; о приобретеніи же тогда для Кельсіева подписка и разговора не было равнымъ образомъ Шиповъ дня за два или за три предъ отъѣздомъ изъ Москвы былъ у Кельсіева.

На очной ставкѣ Шиповъ утвердилъ свои показанія, при чемъ и Андрущенко остался при своихъ показаніяхъ.

Спрошенный по ссылкѣ Андрущенко, студентъ *Квятловскій* показалъ, что во время содержанія его въ Пречистенскомъ частномъ домѣ съ 7 Апрѣля до 14 Мая 1863 г., онъ никакого знакомства съ Кельсіевымъ и вообще ни съ кѣмъ сношенія не имѣлъ, отъ Кельсіева подпунктъ не получалъ, о намѣреніи его бѣжать не зналъ и самъ подобнаго намѣренія не имѣлъ.

Кромѣ того, по спешенію, комиссіею поручено было московскому жандармскому штабъ-офицеру дознать въ магазинѣ Кирюфа покупали ли тамъ подпункты Шиповъ и Андрущенко. Но полковникъ Воейковъ донесъ, что изъ разспросовъ братьевъ Василя и Александра Кирюфъ, что продавцы эти Шипова и Андрущенко не знаютъ.

Отец Павла Шипова, действительный статский советник, Александр Шиповъ, нѣсколькими прошениями ходатайствовалъ объ освобожденіи его сына изъ подъ ареста. Въ прошеніяхъ этихъ дѣйств. ст. сов. Шиповъ объяснилъ, что сынъ его не могъ участвовать ни въ какихъ преступныхъ дѣйствіяхъ, что онъ съ 10 Мая по 29 Іюля безвыѣздно находился въ деревнѣ за 400 верстъ отъ Москвы и что дальнѣйшее преслѣдованіе его сына, можетъ вредно дѣйствовать на его умственные способности, ибо въ послѣднее время въ немъ замѣтно было глубокое отчаяніе. При просьбѣ отъ 14 Ноября 1863 г. дѣст. ст. сов. Шиповъ представилъ черновую кассовую книгу, кноторы своего имѣнія въ доказательство того, что въ книгѣ этой всѣ расходы съ 16 Мая по 27 Іюля писаны рукою сына его, находившагося въ это время въ имѣніи.

13) Канцелярскій служитель Андрей Ильинскій,

14) Вольнослушатель московскаго университета Николай Ильинскій и

15) бывшій студентъ того же университета Никандръ Сорокинъ; (первый и второй содержатся въ крѣпости съ 25 Сентября 1863 г., а третій содержался съ 11 Ноября 1861 г., и 10 Февраля 1863 г., освобожденъ подъ надзоръ полиціи). Иванъ Андрущенко показалъ: что братья Ильинскіе и Сорокинъ посѣщали Мосолова по Воскресеньямъ и что содѣйствіе ихъ въ укрывательствѣ Кельсіева въ Москвѣ и къ доставленію средствъ скрыться ему за границу заключалось въ томъ, что Кельсіевъ, освободившись изъ Пречистенскаго частнаго дома прибылъ къ Ильинскимъ, которые ушли вмѣстѣ съ Сорокинымъ, во время нахождения Кельсіева у нихъ на квартирѣ. Андрей Ильинскій досталъ отъ Павлѣвича заграничный паспортъ и передалъ его Кельсіеву, о чемъ самъ Ильинскій говорилъ Андрущенко; въ числѣ лицъ, провожавшихъ Кельсіева изъ Москвы по рязанскому тракту, находился Ильинскій, (какой именно не объяснено). Изъ Новочеркаска или изъ Керчи, Кельсіевъ писалъ о своемъ пріѣздѣ Ильинскому и о томъ, что въ Казани получилъ деньги, болѣе ста рублей.

При допросѣ въ комиссіи Андрей и Николай Ильинскіе и Сорокинъ показали, что они бывали по воскресеньямъ у Мосолова въ качествѣ гостей безъ всякихъ другихъ цѣлей.

Далѣе Андрей Ильинскій сознался, что не былъ знакомъ съ Кельсіевымъ во время содержанія его подъ арестомъ, Ильинскій за недѣлю или двѣ до побѣга Кельсіева, встрѣтился на улицѣ съ Лебединскимъ, далъ ему обѣщаніе принять у себя Кельсіева*.

Изъ квартиры своей Ильинскій проводилъ Кельсіева къ Мосолову, потомъ когда Кельсіевъ пришелъ къ нимъ въ другой разъ, онъ взявъ платя, принадлежащаго Андрущенко, которое носилъ Кельсіевъ, купилъ ему дорожное на толкучемъ рынкѣ на деньги, полученные отъ Кельсіева и наконецъ провожалъ Кельсіева до дилижанса, при чемъ никого другаго не было. Относительно же свѣденій, полученныхъ отъ Кельсіева съ дороги, Андрей Ильинскій объяснилъ, что отъ Кельсіева получены были 2 телеграммы, одна на имя Ильинскаго, а другая на имя Сорокина, но кому онъ предназначались, Ильинскій не знаетъ, потому что не просилъ Кельсіева писать къ нему. Кромѣ того получено было письмо, кажется изъ Нижняго Новгорода, въ которомъ

* Лебединскій показалъ, что, сколько припомнитъ, посылалъ Кельсіеву, по по просьбѣ его, съ Ильинскимъ деньги 1 руб. или 1 руб. 50 коп. Показаніе же о просьбѣ принять къ себѣ Кельсіева, Лебединскій вполне подтвердилъ.

говорилось о преслѣдованіи полиціею; но вообще письмо было написано такъ темно и загадочно, что понять его было трудно. Къ сему Андрей Ильинскій присовокупилъ, что братъ его, Николай въ укрывательствѣ Кельсіева участія не принималъ, ибо почти постоянно находился въ университетѣ; если же бывалъ дома, то рѣдко показывался въ ихъ общей комнатѣ болшею же частію сидѣлъ въ комнатѣ хозяйской. О снабженіи же Кельсіева заграничнымъ паспортомъ, Андрей Ильинскій объяснилъ, что обвиненіе въ этомъ совершенно несправедливо, такъ какъ паспорта Кельсіеву онъ не передавалъ.

Сорокинъ также сознался, что Кельсіевъ проживалъ въ общей ихъ квартирѣ, что былъ впущенъ, рано утромъ, кѣмъ то изъ Ильинскихъ; прежде того онъ Кельсіева не зналъ и почему онъ пришелъ въ его квартиру, а не къ кому другому, также не знаетъ. Затѣмъ Сорокинъ объяснилъ, что получалъ ли кто телеграфическую депешу и письмо отъ Кельсіева ему неизвѣстно. Николай Ильинскій показалъ, что вовсе не знаетъ Кельсіева и никогда не зналъ о томъ; что онъ былъ въ ихъ квартирѣ, Сорокинъ ему не говорилъ. На вопросъ о томъ, что на него падаетъ обвиненіе въ передачѣ Кельсіеву паспорта, полученнаго отъ Павлѣвича, Николай Ильинскій отвѣчалъ слѣдующее: “на подобный вопросъ я право затрудняюсь отвѣчать, до того все сказанное въ немъ несправедливо. Я же сказалъ, кажется, что Павлѣвича не знаю и не видалъ никогда, точно также какъ и Кельсіева. Какимъ образомъ, не зная ихъ, я могъ отъ перваго, получить паспортъ и передать послѣднему, да еще въ моей квартирѣ? Это, какъ мнѣ кажется, болѣе чѣмъ неправдоподобно”. Когда же Ильинскому было предъявлено, что о бытности Кельсіева въ квартирѣ его показываетъ Сорокинъ, то онъ отвѣчалъ, что это кажется для него весьма страннымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ на вопросъ, въ которомъ говорилось, что на имя Николая Ильинскаго были получены отъ Кельсіева депеши, Ильинскій объяснилъ, что дѣйствительно депеша была получена на имя Сорокина, и кажется, изъ Керчи; по чтѣ въ ней говорилось и кѣмъ она была прислана Ильинскій не помнитъ, но только не отъ Кельсіева, по крайней мѣрѣ была написана другая какая то фамилія, кажется отъ Воронова, или что то въ этомъ родѣ. Депеша эта сильно удивила Сорокина тѣмъ болѣе, какъ онъ говорилъ, что у него нѣтъ знакомыхъ съ подобной фамиліею; знакомые, которымъ они говорили объ этомъ, ничего объяснить не могли. Потомъ черезъ нѣсколько времени прислана была другая депеша, изъ города, котораго Ильинскій не нашелъ на картѣ Россіи. Эта депеша была на французскомъ языкѣ и адресована кажется, на имя брата и подписана другою фамиліею. Она еще болше удивила ихъ и они наконецъ придумали, что это ни больше, ни меньше, какъ хитрость господина, пославшаго депешу къ нимъ, съ тою цѣлью, чтобы сказанное въ ней дошло не прямымъ путемъ, а путемъ переходящаго извѣстія. Въ первой депешѣ говорилось, сколько помнитъ Ильинскій: “я въ Керчѣ и чрезъ недѣлю отправлюсь далѣе. Увѣдомте о происходящемъ”.

На очной ставкѣ съ Сорокинымъ, Николай Ильинскій объяснилъ, что нѣкоторое время въ ихъ квартирѣ проживалъ межеваго корпуса чиновникъ Петровъ, какъ знакомый Сорокина, ѣдущій на Кавказъ. На очной же ставкѣ онъ не зналъ, что подъ именемъ Петрова былъ Кельсіевъ, и никакъ не могъ предполагать, чтобы Сорокинъ могъ скрыть настоящую фамилію Кельсіева. Ильинскій дѣйствительно впустилъ

въ квартиру Кельсіева, который спросил Сорокина и назвал себя Петровымъ. Черезъ нѣсколько времени Ильинскій ушелъ въ университетъ и оставилъ Сорокина спавшимъ, а потому не знаетъ, что безъ него происходило.

На эти улики Сорокинъ въ отмѣну прежняго своего показанія, объяснилъ, что Ильинскій зналъ о пахожденіи въ ихъ квартирѣ Кельсіева, но припомнивъ хорошо онъ можетъ сказать, что Ильинскій не зналъ объ этомъ, ибо Кельсіевъ былъ названъ ему Петровымъ, межевымъ чиновникомъ, ѣдущимъ на Кавказъ.

Съ своей стороны Николай Ильинскій уличалъ Сорокина, что были получены двѣ депеши, хотя Ильинскому неизвѣстно кто именно прислалъ ихъ; на это Сорокинъ отозвался, что онъ дѣйствительно получилъ депешу отъ Кельсіева, но что настоящее имя его не было извѣстно Ильинскому. Содержаніемъ полученной депеши, было извѣстие о благополучномъ прибытіи въ Керчь и объ отъѣздѣ его дальше. Второй же депеши Сорокинъ не получалъ, и ничего о ней не знаетъ, равно не помнитъ, говорилъ ли онъ кому-нибудь о получении депеши. Напротивъ, Андрей Ильинскій, на очной ставкѣ съ братомъ, объяснилъ: что онъ не знаетъ, чтобы Кельсіевъ, проживая на ихъ квартирѣ, назывался Петровымъ, что его звали Иваномъ Ивановичемъ, а не по фамилии и что письмо, полученное изъ Нижняго Повгорода, по его предположенію было писано Кельсіевымъ. Николай же Ильинскій, подтверждая прежнее свое показаніе, что Кельсіевъ назывался Петровымъ, относительно анонимнаго письма, полученнаго изъ Нижняго Повгорода, отозвался, что оно можетъ быть, и получено было братомъ его или Сорокинымъ, но такъ какъ оно незначительное и не требовало особаго вниманія, то очень можетъ быть, что они не сказали Ильинскому объ этомъ письмѣ.

По показанію Андрущенко, что Андрей Ильинскій досталъ заграничный паспортъ для Кельсіева отъ Павловича, по собранымъ комиссіею свѣденіямъ, оказалось, что помѣщикъ виленской губерніи Людвигъ Павловичъ, 5 Іюля 1863 г. по прошенію, поданному московскому военному генералъ-губернатору, съ представленіемъ документовъ, получилъ заграничный паспортъ за No. 1296 и о потерѣ его никому не объявлялъ и что Павловичъ, по подозрѣнію въ дѣйствіяхъ противъ правительства и въ сношеніяхъ съ польскими преступниками, въ Августѣ того же года, высланъ изъ Москвы на жительство въ г. Устюгъ, Вологодской губерніи.

По сношенію съ начальникомъ вологодской губерніи, у Павловича былъ обыскъ, по ничего подозрительнаго не оказалось и отобрано отъ него показаніе, въ которомъ онъ изъяснилъ, что заграничный паспортъ дѣйствительно получилъ, имѣя намѣреніе ѣхать за границу, но не поѣхалъ отъ недостатка денежныхъ средствъ. Самое же намѣреніе къ отъѣзду за границу родилось въ немъ изъ опасенія подвергнуться, за преданность правительству, преслѣдованію со стороны агентовъ, такъ называемаго центрального комитета, ибо въ Москвѣ разнеслись слухи, что комитетъ требовалъ въ Царство Польское своихъ уроженцевъ онаго и западныхъ губерній, а Павловичъ нисколько не сочувствовалъ безпорядкамъ и противузаконнымъ дѣйствіямъ. Не поѣхавъ за границу, Павловичъ хранилъ паспортъ у себя, но такъ какъ онъ не имѣлъ ни одного ящика, который бы запирался на замокъ, то передалъ паспортъ на сохраненіе, копчившему курсъ въ московскомъ

университетѣ, Александру Новомейскому, у котораго онъ долженъ находиться въ пастоящее время. Къ сему Павловичъ присовокупилъ, что Ильинскихъ зналъ не много, по паспортнымъ не передавалъ. Кельсіева не знаетъ и никогда его не видалъ. Лекаръ Новомейскій отозвался, что показанія Павловича, о передачѣ ему на сохраненіе паспорта, не справедливо, ибо онъ паспорта отъ него не бралъ ни для себя, ни для сохраненія, хотя и видѣлъ его у Павловича, который отправляясь гулять и опасаясь потерять паспортъ, оставлялъ его у него и потомъ снова бралъ. Къ сему Новомейскій добавилъ, что онъ готовъ подтвердить справедливость своего показанія, даннаго по совѣсти и долгу присяги на очной ставкѣ съ Павловичемъ. Затѣмъ Павловичу были снова предложены вопросы, но онъ остался при прежнемъ своемъ показаніи.

Кромѣ вышеизложеннаго, Андрей Ильинскій, въ подпомъ въ комиссію добровольномъ показаніи объяснилъ, что страхъ предъ грозящей бѣдой не допустилъ его дать точнаго отвѣта, на вопросъ комиссіи о дѣятельности кружка, какъ названъ онъ въ вопросахъ 'Библиотека казанскихъ студентовъ', но сознавая важность опущеннаго факта, касающагося и Ильинскаго, онъ просилъ принять слѣдующее его показаніе: Весной 1863 г. братъ его Николай передалъ ему, что въ его отсутствіе приходилъ Лебединскій и желалъ видѣть его и что братъ его, по просьбѣ Лебединскаго, далъ ему адреса нѣкоторыхъ лицъ, по которымъ онъ разошлетъ просьбы о помощи сосланнымъ студентамъ. Узнавъ отъ брата, что Лебединскій отправился къ Мосолову, онъ пришелъ туда и увидѣлъ на столѣ письменный приборъ и нѣсколько конвертовъ, изъ коихъ нѣкоторые были адресованы; у Мосолова тогда находились: Лебединскій, Шатиловъ и, кажется, Шестаковичъ. Обратясь къ Лебединскому, Ильинскій сказалъ, что адреса, данныя его братомъ, не могутъ принести пользы и лучше ихъ уничтожить; затѣмъ, читая адреса, онъ зачеркивалъ ихъ одинъ за другимъ, имѣя намѣреніе уничтожить такимъ образомъ всѣ; но, по просьбѣ Лебединскаго, оставилъ два или три. Послѣ чего, по предложенію Лебединскаго, онъ подписалъ 2 адреса на конвертѣ, по кому не знаетъ, равно не знаетъ, что въ конвертѣ было писано. Видя, что Мосоловъ былъ тогда не въ духѣ, Ильинскій вскорѣ ушелъ отъ него. Въ заключеніе всего Ильинскій добавилъ, что все объясненное не служитъ прямымъ отвѣтомъ на вопросъ, что знаетъ объ дѣятельности кружка, потому что оно касается лицъ въ немъ помеченныхъ и Ильинскій не знаетъ, чтобы кружокъ имѣлъ какую нибудь дѣятельность, хотя и слышалъ какъ Мосоловъ, въ видѣ предложенія, говорилъ, чтобы завести школы, въ которыхъ бы преподавались естественныя науки, собирать для этого пожертвованія, переводить хорошия книги и г. п.

Николай Ильинскій подтвердилъ показанія брата, относительно передачи имъ Лебединскому адресовъ, объяснилъ, что Лебединскій, прося у него адреса, говорилъ, что по нимъ пошлются просьбы о пособіи бѣднымъ студентамъ. Лебединскій показалъ, что онъ не говорилъ этого Николаю Ильинскому, когда просилъ у него адреса, что Андрей Ильинскій приходилъ къ Мосолову, гдѣ нашелъ и Шатилова, но не помнитъ былъ ли тамъ Шестаковичъ. Фамилія эта ему неизвѣстна, что Андрей Ильинскій вычеркивалъ адреса, но не помнитъ, просилъ ли его оставить нѣкоторые изъ нихъ, и что по адресамъ, когорые собиралъ Лебединскій, посланы были воззванія *Свобода* No. 1. На очной ставкѣ съ Николаемъ Ильин-

скимъ, Лебединскій утвердилъ, что не объявлялъ ему для чего бралъ у него адреса; Ильинскій же остался при своемъ показаніи.

Мосоловъ объяснилъ, что онъ не помнитъ, чтобы Андрей Ильинскій заставлялъ его, Шатилова и Лебединскаго за подписываніемъ адресовъ и что участіе въ разсылкѣ прокламацій Шестаковича, Мосоловъ не можетъ допустить потому, что по молодости его лѣтъ не сообщалъ ему ничего подобнаго и просилъ о томъ Шатилова.

Такое показаніе Мосоловъ утвердилъ на очной ставкѣ съ Андреемъ Ильинскимъ, а на очной ставкѣ съ Лебединскимъ, Мосоловъ объяснилъ, что онъ былъ при подписываніи адресовъ, ибо иначе и быть не могло, но объясняемыхъ Лебединскимъ обстоятельствъ могъ не видѣть, отлучась въ другую комнату по обязанности хозяина; при разсылкѣ же ими т. е. Мосоловымъ и Шатиловымъ воззваній, никого посторонняго не было. Шатиловъ же показалъ, что не помнитъ, чтобы когда нибудь занимался у Мосолова въ присутствіи Андрея Ильинскаго и Шестаковича; что очень можетъ быть, что Ильинскій былъ у Мосолова и писалъ адреса, но въ такомъ случаѣ, это было безъ участія Шатилова и что объ участіи Шестаковича въ написаніи и разсылкѣ адресовъ, Шатилову неизвѣстно.

На очной ставкѣ съ Лебединскимъ, Шатиловъ объяснилъ, что при подписываніи конвертовъ были онъ, Мосоловъ и Лебединскій, и что присутствія Ильинскаго и Шестаковича не помнитъ. При этомъ Лебединскій утвердилъ свое показаніе, отзываясь, что онъ не видалъ Шестаковича.

Но на очной ставкѣ съ Андреемъ Ильинскимъ, который остался при своихъ показаніяхъ съ присовокупленіемъ, что и онъ не утверждаетъ о бытности Шестаковича, Шатиловъ показалъ, что онъ ничего не помнитъ о присутствіи Ильинскаго и Шестаковича при написаніи адресовъ, что такъ какъ Андрей Ильинскій говоритъ о себѣ, что былъ, то Шатиловъ допускаетъ возможность, что онъ могъ забыть о его присутствіи.

16) Служившій въ управленіи московско - нижегородской желѣзной дороги, пензенскій мѣщанинъ *Илья Савиновъ* (содержался въ крѣпости съ 24 Сентября 1863 по 27 Января 1864 г., освобожденъ на поруки). По показаніямъ Андрущенко и Мосолова видно, что у Савинова нѣкоторое время, вслѣдствіи просьбы Мосолова, скрывался Кельсіевъ; Савиновъ при первомъ допросѣ сознался, что Кельсіевъ дѣйствительно былъ приведенъ къ нему Мосоловымъ, обѣдали вмѣстѣ съ Савиновымъ, рассказывалъ ему о томъ, какимъ образомъ онъ бѣжалъ и вечеромъ уѣхалъ вмѣстѣ отъ него съ Андрущенкою, но куда, Савиновъ не знаетъ. Кромѣ того Савиновъ показалъ, что по предложенію Мосолова, онъ пожертвовалъ въ пользу Кельсіева 1 р. и убѣдилъ дать 2 р. служащаго на нижегородской желѣзной дорогѣ Верешко, каковыя деньги передалъ Мосолову на Окуловской станціи; когда ѣхалъ въ С. Петербургъ, встрѣтилъ неизвѣстнаго человѣка, объявившаго ему, что Кельсіевъ былъ тогда уже въ Берлинѣ, и что далъ согласіе Мосолову принять къ себѣ Кельсіева по глупости.*

17) Дочь коллежскаго совѣтника, дѣвица *Варвара Зайцева* (находится на свободѣ). Андрущенко показалъ, что послѣ побѣга Кельсіева изъ Пречистенскаго частнаго дома,

* Савиновъ объяснилъ объ укрывательствѣ у себя Кельсіева, на вопросъ, въ коемъ говорилось, былъ ли онъ знакомъ съ Кельсіевымъ, до предъавленія ему показаній по сему предмету Мосолова и Андрущенко.

онъ имѣлъ разговоръ съ Сулинымъ о томъ, какъ лучше скрывать Кельсіева до отъѣзда его изъ Москвы. Подробностей всего разговора, Андрущенко не помнитъ, но смыслъ его былъ тотъ, что Кельсіеву не возможно будетъ оставаться долго въ одномъ мѣстѣ, напр. у Ильинскихъ, у которыхъ онъ тогда находился, а потому они перебирали нѣкоторыхъ лицъ, гдѣ бы могъ Кельсіевъ скрываться, тогда Сулинъ сказалъ Андрущенко, что поѣдетъ въ Сокольники къ Зайцевой, и проситъ ее объ этомъ и надѣется, что она не откажетъ и Кельсіевъ будетъ въ совершенной безопасности. Дѣйствительно, послѣ этого Сулинъ былъ въ Сокольникахъ и устроилъ это дѣло, о чемъ говорилъ Андрущенко. Когда послѣ этого Андрущенко былъ у Савинова и видѣлся съ Кельсіевымъ, то послѣдній уже зналъ, что отъ Савинова ему слѣдовало отправиться къ Зайцевой на другой день, однако же Кельсіевъ не хотѣлъ дожидаться и вечеромъ того же дня, вмѣстѣ съ Андрущенкою, выйдя изъ квартиры Савинова, поѣхалъ въ Сокольники. Андрущенко довелъ Кельсіева до извозчика, нанялъ его и они разстались. Отъ кого Кельсіевъ зналъ, что ему слѣдовало скрываться у Зайцевой, Андрущенко неизвѣстно, можетъ быть Кельсіевъ и говорилъ это, но Андрущенко не помнитъ. Сулинъ, отвергая показаніе Андрущенко, что по просьбѣ его Кельсіевъ укрывался у Зайцевой, объяснилъ сначала, что онъ, Сулинъ, съ Зайцевой былъ знакомъ, и что сколько извѣстно Сулину, Зайцева была знакома съ Кельсіевымъ и посѣщала его, когда онъ содержался подъ арестомъ, а потомъ, что онъ не можетъ положительно утвердить о томъ, что Зайцева бывала у Кельсіева, а что о томъ, что она была знакома съ Кельсіевымъ, Сулинъ слышалъ отъ кого то изъ своихъ знакомыхъ, но отъ кого именно, онъ не помнитъ и вѣрно ли это, не знаетъ. Сама Зайцева показала, что Кельсіевъ въ ихъ домѣ не былъ, въ Пречистенской части его не посѣщала, Кельсіева вовсе не знаетъ и о побѣгѣ его ничего не слыхала. Относительно же Сулина, Зайцева объяснила, что онъ былъ хорошей ея знакомый и чрезъ него она познакомилась съ Ященкою и посѣщала ихъ обоихъ, когда они содержались подъ арестомъ. Согласно съ Варварою Зайцевою о незнакомствѣ съ Кельсіевымъ, показала и мать ея Марія, объяснивъ, что кромѣ Сулина у нихъ бывалъ Гольцмиллеръ, какъ знакомый ихъ*.

Примчаніе. При обыскѣ у Зайцевой оказались фотографическія карточки Герцена и Огарева, о коихъ она показала, что имѣла ихъ для того, для чего имѣла карточки прочихъ литераторовъ.

18) Сынъ титулярнаго совѣтника *Иванъ Рѣчицкій* (содержался въ крѣпости съ 27 Сентября 1863 по 27 Января 1864 г. освобожденъ на поруки). По показанію Андрущенко, что Рѣчицкій хранилъ у себя всѣ принадлежавшія Андрущенко воззванія и другія запрещенныя сочиненія и, возвращая ихъ, съ согласія Андрущенко, оставилъ нѣсколько экземпляровъ себѣ, Рѣчицкій объяснилъ, что дѣйствительно, по просьбѣ Андрущенко, опасавшагося обыска, хранилъ у себя, принадлежащія ему запрещенныя бумаги около 2-хъ недѣль и, возвращая ихъ, удержалъ у себя по одному экземпляру воззванія *Свобода* No. 1 и брошюры *Что нужно народу*, съ тою цѣлью, чтобы внимательно прочесть и хорошенько размыслить: справедливо ли держаться такого рода убѣжденій? По пришелъ къ тому убѣжденію, что этихъ воззваній не

* Сулинъ, Ященко и Гольцмиллеръ состояли подъ судомъ за печатаніе и распространеніе запрещенныхъ сочиненій.

только не слѣдуетъ распространять, но даже имѣть у себя. Поэтому Рѣчицкій счелъ за лучшее ихъ сжечь, что и сдѣлалъ, прїѣхавши въ Черниговъ; познакомился же съ Андрущенкою еще въ Черниговѣ, въ бытность гимназистомъ, а въ Москвѣ, куда Рѣчицкій прїѣхалъ съ цѣлю поступить въ университетъ, случайно встрѣтился съ Андрущенкою, который передалъ ему письмо отъ гимназиста черниговской гимназіи, Гаркунова и затѣмъ онъ былъ у Андрущенкои предъ выѣздомъ его изъ Москвы, при чемъ онъ говорилъ о доставленныхъ ему неизвѣстнымъ лицомъ двухъ связокъ—Андрущенко объяснилъ, что сколько и какія именно воззванія оставилъ у себя Рѣчицкій, онъ не знаетъ и не спрашивалъ его объ этомъ, ибо Рѣчицкій возвратилъ ему ихъ предъ самымъ отъѣздомъ его изъ Москвы, о томъ же, отъ кого получилъ воззванія, Андрущенко Рѣчицкому не говорилъ.

19) Студентъ московскаго университета *Владимиръ Карачаровъ* (содержался въ крѣпости съ 27 Сентября 1863 по 21 Января 1864 года, освобожденъ на поруки). Карачаровъ подвергался обвиненію по слѣдующему показанію Андрущенко: Кельсіевъ, до побѣга своего, прислалъ къ нему товарища своего по университету Карачарова, чтобы онъ познакомился съ Андрущенкою и Карачаровъ объявилъ ему, что отъ Кельсіева онъ узналъ, что въ кружкѣ Андрущенкои и другихъ, можно получить воззванія, а потому просилъ достать ихъ и притомъ побольше экземпляровъ, говоря, что имѣеть между своими товарищами трехъ или четырехъ человекъ, которымъ желалъ бы раздать воззванія для распространения; но такъ какъ чрезъ два дня Карачаровъ долженъ былъ уѣхать въ Самару, то просилъ Андрущенко поторопиться. Андрущенко имѣлъ тогда, полученныхъ отъ Лебединскаго экземпляровъ 10 воззванія начинающагося словами "Долго давили васъ", которые онъ отдалъ Карачарову, обѣщаясь достать еще. Но когда Андрущенко обратился за этимъ къ Шатилову, то и онъ не могъ дать, ибо у него болѣе не оставалось, а вмѣсто того Шатиловъ написалъ письмо къ своему знакомому, учителю въ Нижній Новгородъ и письмо отдалъ Андрущенко, для передачи Карачарову. По этому письму, Карачаровъ долженъ былъ получить въ Нижнемъ Новгородѣ воззванія, сколько нужно и кромѣ того, Шатиловъ поручалъ передать учителю, чтобы онъ прислалъ воззванія въ Москву. Шатиловъ подтвердилъ показаніе Андрущенкои, объяснивъ, что онъ передалъ ему письмо къ Копиченкѣ, написавъ въ немъ, чтобы удовлетворилъ подателя и что кто долженъ былъ отвести письмо къ Копиченкѣ, Шатиловъ не знаетъ и Карачарова никогда не видалъ.* Содержавшійся въ городѣ Казани подъ арестомъ, по прикосновенности къ дѣламъ бывшей тамъ слѣдственной комиссіи, учитель нижегородскаго мужскаго института Николай Копиченко показалъ, что въ лѣтніе мѣсяцы Іюнь и Іюль, онъ уѣзжалъ изъ Нижняго Новгорода на кумысь въ Саратовскую губернію, а потому, если Карачаровъ и заходилъ къ нему, то Копиченко не могъ его видѣть. При этомъ Копиченко добавилъ, что онъ никакихъ воззваній не получалъ, слѣдовательно не распространялъ и не знаетъ гдѣ печатались прокламаціи и что онъ не доумѣваетъ по какимъ соображеніямъ Шатиловъ могъ думать, что къ нему, Копиченкѣ, можно было обращаться за воззваніями, тѣмъ болѣе, что онъ съ Шатиловымъ былъ хорошо знакомъ въ Казани и Шатилову долженъ

* Выше сказано, что по объясненію Шатилова, ему указало на Шатилова неизвѣстное лице, привезши Шатилову означенныя прокламаціи.

быть хорошо извѣстенъ взглядъ Копиченки вообще на воззванія. При допросахъ въ комиссіи, Карачаровъ показалъ, что былъ знакомъ съ Кельсіевымъ и посѣщалъ его 2 раза въ Пречистенскомъ частномъ домѣ, во всемъ же прочемъ отвергъ показанія Андрущенкои. Но на очной ставкѣ съ Андрущенкою, Карачаровъ сознался, что получилъ отъ него нѣсколько номеровъ воззванія *Свобода* No. 1 и прокламацію: *Долою васъ братцы душили* и также письмо Шатилова къ Копиченкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Карачаровъ отозвался, что не говорилъ Андрущенко о 2 или 3 товарищахъ, какъ способныхъ распространять прокламаціи. Въ тотъ же день когда была означенная ставка (14 Ноября 1863 г.) Карачаровъ представилъ въ комиссію особый отзывъ, въ которомъ изъяснилъ, что глубоко тронутый извѣстіемъ о высочайше дарованномъ правѣ комиссіи, повергать участь чистосердечно кающихся на всемілостивѣйшее рѣшеніе, онъ рѣшился изложить весь ходъ дѣла съ полною правдивостью. Посѣтивъ въ Пречистенской части, содержащагося тамъ товарища своего по гимназіи Федосѣева, Карачаровъ увидѣлъ тамъ Кельсіева и познакомился съ нимъ; предъ отъѣздомъ изъ Москвы онъ опять видѣлся съ Кельсіевымъ, который спросилъ, имѣеть ли Карачаровъ возможность пріобрѣтать прокламаціи и на отрицательный его отвѣтъ предложилъ познакомиться съ Андрущенкою, говоря, что онъ дастъ ему воззванія. До этихъ поръ Карачаровъ былъ далекъ отъ всякой политической дѣятельности и не имѣлъ ни одного знакомаго, принадлежащаго ей. Не обдумавъ, въ какое важное дѣло увлекается, Карачаровъ взялъ у Андрущенко означенныя выше воззванія и даже спросилъ его, не можетъ ли дать онъ больше, надѣясь распространить ихъ по прїѣздѣ въ Пензенскую губернію. Андрущенко отвѣчалъ, что у него въ то время больше воззваній не было, но что онъ постарается достать ихъ завтра, т. е. въ день отъѣзда Карачарова. Дѣйствительно, Андрущенко пришелъ къ нему, но вмѣсто прокламацій далъ ему маленькую записку въ Нижній Новгородъ къ Копиченкѣ. Прїѣхавъ въ этотъ городъ, Карачаровъ зашелъ къ бывшему своему начальнику Захарову и отъ него узналъ, что носятъ слухи о какомъ то заговорѣ въ Казани, что онъ открытъ и городъ объявленъ въ осадномъ положеніи. Это извѣстіе заставило Карачарова одуматься, онъ вспомнилъ о матери, о томъ что его ожидаетъ. Воротившись въ гостиницу, Карачаровъ сжегъ прокламаціи и записку къ Копиченкѣ. Не утаилъ ничего, заключаетъ Карачаровъ, изъ моихъ сношеній съ людьми, преданныхъ политической дѣятельности, повергаю свою участь великому милосердію государя императора. Все выше сязанное скрѣплю монимъ честнымъ словомъ.

20) Студентъ московскаго университета *Константинъ Козловскій* (24 л.) изъ крестьянъ Черниговской губерніи, православнаго исповѣданія, содержался въ крѣпости съ 29 Сентября 1863 г. по 19 Октября того же года. Андрущенко показалъ, что Лебединскій пачку воззваній *Свобода* No. 1, изъ копѣй Левашевъ, отдѣливши экземпляровъ 15, запечаталъ ихъ и пакетъ отдалъ въ домъ Сазанова (близъ Пречистенскаго бульвара) для передачи студенту Козловскому. Встрѣтившись послѣ того съ Андрущенкою, Козловскій рассказывалъ ему какъ былъ удивленъ полученіемъ пакета съ воззваніями и узналъ отъ слуги только то, что неизвѣстный человекъ принесъ и велѣлъ передать пакетъ Козловскому, а Андрущенко объяснилъ Козловскому, что пакетъ принесъ Левашевъ. По словамъ

Козловскаго, онъ раздавалъ всѣ принесенныя ему воззванія. Лебединскій и Левашевъ, какъ выше объяснено, отвергли показаніе Андрущенко. Козловскій же объяснилъ, что въ концѣ Марта 1863 г., во время его болѣзни, коридорный служитель того дома, гдѣ онъ жилъ, подалъ ему пакетъ, сказавъ, что его принесъ неизвѣстный человѣкъ; распечатавъ этотъ пакетъ, Козловскій, всѣ оказавшіяся въ немъ воззванія, немедленно сжегъ, а потому, когда выздоровѣлъ, то при встрѣчѣ съ своими знакомыми, выражалъ или удивленіе или негодованіе, по поводу присылки къ нему воззваній и хотя желалъ узнать, кто именно принесъ воззванія, но не припомнитъ, чтобы кто нибудь указалъ на лице, доставившее ихъ. Въ числѣ другихъ лицъ, о полученіи воззваній, говорилъ и Андрущенко, но не помнитъ, чтобы Андрущенко объявлялъ ему, что пакетъ съ воззваніями принесъ Левашевъ. На одной ставкѣ Андрущенко и Козловскій объяснили: 1-й что объявлялъ Козловскому, что воззванія принесъ Левашевъ, который при Андрущенкѣ, запечатавъ ихъ въ пакетъ, изъ его квартиры отправился къ Козловскому и, что сколько помнитъ Андрущенко, Козловскій говорилъ, что полученныя воззванія онъ роздалъ, но кому именно не объяснилъ и 2-й, что не помнитъ, говорилъ ли ему Андрущенко, что пакетъ съ воззваніями принесъ Левашевъ и что онъ, Козловскій, не говорилъ Андрущенкѣ о раздачѣ воззваній, такъ какъ всѣ, полученныя воззванія, сжегъ въ тотъ же вечеръ.

(Продолженіе въ слѣд. листѣ).

С М Ъ С Ъ.

— *Указъ 10 Декабря* предписываетъ, въ западныхъ губерніяхъ, владѣльцамъ секвестрованныхъ имѣній (гдѣ то они проживаютъ, и скоро ли узнаютъ объ указѣ!) и владѣльцамъ имѣній сосланнымъ *административнымъ порядкомъ*, (т. е. безъ всякаго суда) продать эти имѣнья, въ теченіи *двухъ лѣтъ*, русскимъ владѣльцамъ, или промѣнять на имѣнья въ Россіи. Казна даже отказывается отъ крѣпостныхъ пошлинъ со сдѣлокъ по этому предмету. *Le Nord* увѣряетъ, что уже теперь казенныя пособія русскимъ помѣщикамъ, на покупку польскихъ имѣній, подняли цѣны на эти имѣнья. Какъ ни великодушно самопожертвованіе и безъ того бѣднѣющей казны, чтобы достигнуть раззоренія безъ суда изгнанныхъ и сосланныхъ поляковъ, все же мы не можемъ не усомниться въ мнѣніи оффиціозной газеты, не подкрѣпленномъ никакими фактами, и не можемъ не видѣть, что имѣнья, которыя вслѣдствіе юридической нецѣпости и преднамѣреннаго неправосудья должны быть проданы или промѣняны въ опредѣленный срокъ, пойдутъ за ничто—тѣмъ болѣе, что для русскихъ помѣщиковъ, исключая пріобрѣтенія *за ничто*, нѣтъ никакой достаточной причины ни на покупку, ни на промѣнъ. По этому юридически новое постановленіе равняется *ограбленію безъ суда сосланныхъ*. Но положимте, что вслѣдствіе министерства *Моск. Влд.*, такъ уже слѣдовало всѣми неправдами обрусить западный край; все же зло, которое начальники края обличали, состоитъ по ихъ словамъ въ томъ, что “сила сословія заключается въ *корпоративной* замкнутости владѣнія недвижимою собственностью”. За чѣмъ же пополнять русскими покупателями “*корпоративную* замкнутость владѣнія недвижимою собственностью”? *Развѣ нельзя было продать также земли крестьянамъ и крестьянскимъ громадамъ?* Дѣло могло бы обойтись легче и менѣе раззорительно для продавцевъ при

пособіи крестьянству со стороны казенныхъ кредитныхъ учреждений.

Или это средство не по вкусу демократической имперіи?

— *Новый видъ крѣпостнаго права.* — Намъ пишутъ, что рязанской губерніи, Пронскаго уѣзда, помѣщикъ Ценинъ—далъ своимъ освобожденнымъ крестьянамъ займы тысячи двѣ рублей сер. съ тѣмъ, чтобы проценты и уплату капитала получать въ годы работою. Проценты оказались такъ велики, что совершенно поглощаютъ работу и погашеніе долга для крестьянъ невозможно. Къ сожалѣнію этотъ новый видъ крѣпостнаго права, сводящій дѣло совсѣмъ на старые порядки, не составляетъ исключительнаго одиночнаго явленія — не только въ цѣлой Россіи — но и въ одной рязанской губерніи. Россія должна благодарить за упроченіе крестьянской свободы — общее дворянское безденежье, иначе прежнее крѣпостное право боярское легко перешло бы въ крѣпостное право ростовщиковъ.

— *Еще глупе.* — Бергъ—графъ Бергъ, вы обмануты, вы ограблены, вы даромъ платите шпионикамъ *in partibus*, они васъ дѣлаютъ смѣшнымъ, а насъ ставятъ на какой-то таинственный пьедесталъ революціоннаго міродержавія. Вотъ что мы прочли въ 16 № *Кельнской Газеты*: “Въ числѣ неправдоподобныхъ изобрѣтеній указываемъ мы на новость, перешедшую изъ *Дневника Варшавскаго* въ разныя газеты, что бѣжавшій изъ Дублина глава *феніанъ Стефенсъ*, поѣхалъ въ Женеву *совѣщаться съ Герценомъ*. Сколько мы знаемъ Герцена, онъ никогда не мечталъ объ отторженіи Ирландіи отъ Англіи и пр.”. Какъ же можно было печатать такой вздоръ? Спросите хоть князя Черкаскаго, который насъ лично знаетъ, играемъ-ли мы въ штошь и бунтуемъ-ли ирландцевъ?.. Этого шута корреспондента мало отставить, какъ я вамъ совѣтовалъ въ прошломъ листѣ, велите ему пріѣхать въ Варшаву и... и высѣките его.

— *Откуда холера и какъ распространяется.* Мы съ гордостію прочли въ *Моск. Влд.*, что медицинскому факультету московскаго университета принадлежитъ пальма двухъ замѣчательныхъ открытій по части злой эпидеміи. Факультетъ особой энцикликкой или прокламаціей объявляетъ: “что эпидемическая холера называется *азіатской*, потому что она изъ *Ази* распространяется въ прочія части свѣта” и что: “распространеніе холеры изъ *Ази* совершается посредствомъ людей; люди переносятъ холеру изъ одной мѣстности въ другую”... *Nostra docta corpore!*

ОТЧЕТЪ КАССЫ ВЗАИМНАГО ВСПОМОЖЕНІЯ

РУССКИХЪ ЭМИГРАНТОВЪ ВЪ ЖЕНЕВѢ

(съ 1-го Сентября 1865 по 1-ое Января 1866 года).

Получено:

Ежемесячныхъ взносовъ	465фр.	70с.
Единовременныхъ пожертвованій	148фр.	—
Всего	613фр.	70с.

Издержано:

На срочныя ссуды	208фр.	—
Безсрочныя	226фр.	—
Всего	434фр.	—

Остается на лицо 179фр. 70с.

Женева 23 Января 1866.

Распорядитель—Л. Мечниковъ.

P. S. Получено изъ Петербурга: за N№ 0,339—10р.с.; 0,101—10р.с.; 202—25р.с. (Всего 45р.с.) и внесено въ пассивную книгу.—Л. М.

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 214.

15 ФЕВРАЛЯ 1866.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré l'Evêque и въ главныхъ депо — у Г. ГЕОРГА, 10, Corraterie, Genève; у Н. ТРЮБНЕРА и Ко., 60, Paternoster Row, Londres. Цѣна за листъ 50 сантимовъ безъ пересылки. Прилагаетъ почтовой тарифъ:

Въ Германію	15c.
— Австрію	15c.
— Англію	15c.
— Бельгію	5c.
— Францію	5c.
— Италію	3c.
— Неаполь и Сицилію	20c.
— Грецію (черезъ Марсель)	5c.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10c.
— Швецію	25c.
— Швейцарію	5c.

Parait à Genève tous les quinze jours. Le dépôt principal est chez H. GEORG, à Genève, Corraterie, No. 10. A Londres, chez N. TRÜBNER et Co., 60, Paternoster Row. Le prix de chaque No. est de 50 centimes, le port de la poste non compris. Tarif postal.

Allemagne	15c.
L'Autriche	15c.
Angleterre	15c.
Belgique	5c.
France	5c.
Italie	3c.
Naples et Sicile (voie de Marseille)	20c.
Grèce (voie de Marseille)	5c.
Turquie et Princ. Danubiennes (voie de Marseille)	10c.
Suède	25c.
Suisse	5c.

ОГЛАВЛЕНІЕ : УЖАСЪ ВЪ ВРАЖЬЕМЪ СТАНУ—Дѣло И. Андрущенко (Продолженіе)—Письмо Москвича. Сибѣ : Изъ Цетербурга (Земскія учрежденія—Валуевъ—цензура—“Народная Лѣтопись”—Помѣщики-царовальники)—“День”—Строгоповъ и Воронцовъ—Сосланный купецъ—Объявленіе.

УЖАСЪ ВЪ ВРАЖЬЕМЪ СТАНУ.

Соціализмъ! — будто социализмъ существуетъ?—Прудонъ пережившій его, самъ умеръ; никто во всей Европѣ не занимается имъ, не боится его, spectre rouge былъ электро-рампой уловкой бонапартизма. Утописты и мечтатели образумились, кто въ Каенѣ, кто въ конторѣ у Черейры, кто въ Сенатѣ...

Такъ кричатъ консерваторы и тонкіе политики, а съ ними и вся золотая посредственность въ Европѣ.

Тоже, но съ ругательствами и грубостями повторяетъ наша мѣдная посредственность, наши свѣженпросольные торы, неокрѣпостники и славяно-идиотствующіе братія.

А на сердцѣ у нихъ все что то не ладно. Нѣтъ нѣтъ—а что то страшно и все страшнѣе, будто и spectre rouge не бредъ, будто и не весь социализмъ въ конторѣ Черейры, будто они ходятъ по кратеру...

Кому не случилось быть свидѣтелемъ увѣренности чухоточныхъ въ томъ, что болѣзнь прошла и они выздоравливаютъ, и вдругъ глухой, страшный кашель изъ пустой груди пугаетъ больнаго, беспомощно смотритъ онъ на васъ большими глазами, какъ бы спрашивая : “Какъ вы думаете, кажется это не простой кашель?”

Чалоточные больные очень жалки, этого нельзя сказать о нашихъ Собакевичачъ консерватизма.

Газета крѣпостниковъ, шнырявшая надъ социалистами, шнырявшая надъ нами, послѣ того какъ Моск. Вѣдомости насъ убили, вдругъ закашлялась, поперхнулась чѣмъ-то зловѣщимъ, и передъ испуганными глазами пронеслось все ненавистное—Положенія 19 Февраля и Колоколъ (который такъ ничтоженъ, такъ ничтоженъ...) и право на землю и батраки помогающіеся его... Что же это говорить Газета : “Прежде социализмомъ занимались гимназисты, юные канцеляристы и умственные недоросли, а теперь занимаются имъ люди серьезные и идѣ же?—въ самомъ правительствѣ и еще подъ чьей эгидой?—подъ эгидой Положеній 19 Февраля, послужившихъ рѣшительнымъ шагомъ къ усиленію у насъ социализма... При такомъ ходѣ дѣла социализмъ дѣлается серьезной опасностью, подъ право собственности (какъ его понимаетъ газета) подкапываются люди практическіе, имѣющіе опредѣленную цѣль... Собственности угрожаютъ люди

способные, энергическіе, дѣльцы... Что значатъ передъ этими дѣльцами такіе младенцы какъ Прудонъ, Луй Бланъ? Эти послѣдніе говорили праздныя рѣчи и умѣли бунтовать черни, съ когорой легко справляться картечью, какъ это сдѣлалъ Каваньякъ. Первые же дѣлаютъ свое дѣло втихомолку, но прочно и основательно”.

Не зная какъ быть, Газета бросается очистить правительство отъ пагубнаго признанія права на землю въ принципѣ : “Этотъ принципъ дѣйствительно превозглашенъ и поддерживался настойчиво, но гдѣ? — въ лондонскомъ журналѣ Колоколъ. Отсюда до введенія права на землю какъ принципа въ русское законодательство еще далеко”.

Далью насъ не испугаешь... мы и почтовыхъ лошадей ждѣть умѣемъ, и на своихъ привычки ѣздить изъ стѣнныхъ деревень въ Москву. А что на фактъ право на землю признано—этого топоромъ не вырубншь. Если фактъ постоять за себя, таъ взойдетъ и въ законъ, обобщится и въ принципъ и въ право.

“Крестьяне освобождены съ землею не потому, чтобы законъ призналъ какое-то право работника на обрабатываемую имъ землю, а потому, что законодатель опасался предоставить неизвѣстности 20 миллионъ людей”.

Эта-то опасность и сдѣлается закономъ, (nécessité fait loi) эта-то необходимость, не имѣя передъ собою болѣе энергическаго препятствія, какъ возгласы нѣсколькихъ крѣпостниковъ, и станетъ правомъ. И ш можетъ праву придается мистическій, теологическій смыслъ, тогда это не во чаеги шляхетной Вѣсти, а принадлежитъ въ бозѣ представившемуся Дію, но День-то именно и проповѣдывалъ “право на землю”, точно такъ какъ и мы грѣшныя социалисты.

Въ заключеніе Вѣсть обращаетъ серьезное вниманіе всѣхъ русскихъ собственниковъ на этотъ цовый фактъ социализма :

“Пусть они всмотрятся серьезно въ положеніе дѣла и зорко слѣдятъ за людьми, которые стали заниматься социализмомъ не изъ любви къ искусству, а потому что это сдѣлалось выгоднымъ.(?) Пусть они не послужатъ жалкимъ орудіемъ въ рукахъ людей корыстныхъ. Или право собственности, или социализмъ, какъ въ тамбовской, такъ и въ лифляндской губерніи. Если батраковъ, людей свободныхъ, не крѣпостныхъ слѣдуетъ надѣлать помѣщичьею землею въ курляндской губерніи, то слѣдуетъ же и московскихъ мѣщанъ надѣлать чьею нибудь землею. Повторяемъ, или право собственности, или социализмъ. Или Европа, или киргизская степь. Середицы тутъ нѣтъ”.

Ну а какъ есть?

И—рѣ.

ДЪЛО И. АНДРУЩЕНКО.

(Продолженіе).

21) Дворянинъ Черниговской губер. *Иванъ Маслоковецъ*, 24 лѣтъ, состоялъ частнымъ землебромъ при городничьей межевой комиссіи, воспитывался въ гимназіи, но курса не кончилъ, содержался въ крѣпости съ 3 Сентября по 14 Октября 1863 г. Въ бумагахъ Андрущенко, между прочимъ, оказалось письмо Маслоковца, отъ 23 Мая 1863 г., въ которомъ Маслоковецъ писалъ: "я получилъ изъ Москвы 8/ZW... Велике дило бильше ничего не скажу, покуль не позволите изосказати... я богатъ съ кимъ изъ близкихъ. Однимъ словомъ, каждому здравомыслящему человѣку треба идти прямо, смило и чесно." Андрущенко показалъ, что онъ, по просьбѣ Лебединскаго передавалъ ему адреса своихъ знакомыхъ, въ томъ числѣ и Маслоковца, съ которымъ познакомился во время службы своей въ черниговской губерніи, а Лебединскій въ числѣ другихъ отправилъ къ Маслоковцу воззванія, а Маслоковецъ полагалъ, что воззваніе прислано Андрущенкою, писалъ къ нему письмо. Маслоковецъ показалъ, что познакомился съ Андрущенкою и бывалъ у него за книгами для прочтенія. О томъ что воззваніе ему было прислано Андрущенкою полагалъ потому, что оно было прислано изъ Москвы, а въ этомъ городѣ, кромѣ Андрущенко, у Маслоковца знакомыхъ не было. Воззваніе тотчасъ по полученіи Маслоковецъ сжегъ и никому не показывалъ и не давалъ читать. Называлъ воззваніе великимъ дѣломъ и какъ бы показывалъ къ нему сочувствіе изъ хвастовства и по необходимости. Въ заключеніе Маслоковецъ присовокупилъ, что онъ съ полною откровенностію утверждаетъ, что письмо, служащее единственнымъ поводомъ привлеченія его къ дѣлу, не служитъ доказательствомъ наклонности Маслоковца къ противоправительственной дѣятельности и есть ничто иное, какъ не обдуманый поступокъ молодаго человѣка, котораго настоящій урокъ заставитъ не уклоняться на будущее время отъ прямого пути.

Примѣчаніе. При обыскѣ Маслоковца въ бумагахъ его оказался портретъ Герцена, съ подписью его фамиліи, о коемъ Маслоковецъ показалъ, что портретъ отрисовалъ самъ и сдѣлалъ подпись, но когда и гдѣ рисовалъ по давности не помнитъ.

22) Подпоручикъ Черниговскаго баталіона внутренней стражи *Александръ Бѣлозерскій* (27 лѣтъ, изъ дворянъ, Черниговской губерніи, православнаго исповѣданія, воспитывался во 2-омъ кадетскомъ корпусѣ, въ службѣ съ 1855 года, содержался въ крѣпости съ 2 Сентября 1863 г.). Поручикъ черниговскаго баталіона внутренней стражи *Герасимовъ* донесъ начальству, что вечеромъ 10 Іюня 1863 г. онъ былъ въ гостяхъ у Бѣлозерскаго, который читалъ ему два возмутительнаго содержанія листка и говорилъ о разныхъ предметахъ въ неприязненномъ духѣ къ правительству и что вслѣдствіе указаній Бѣлозерскаго былъ произведенъ обыскъ у Андрущенко, по которому найдены принадлежавшія Андрущенко воззванія и запрещенныя сочиненія. При производствѣ въ Черниговѣ совѣтникомъ губернскаго правленія Бѣлецкимъ дознанія, Бѣлозерскій показалъ, что листовъ возмутительнаго содержанія Герасимову не читалъ, что Герасимовъ былъ у него въ гостяхъ и пилъ чай и водку и что 8-го Іюня вечеромъ были у него Андрущенко, Носъ и Тыщинскій и провели время въ обыкновенныхъ разговорахъ, при чемъ и ихъ угощали чаемъ, водкою и закускою. Напро-

тивъ, поручикъ Герасимовъ показалъ: что Бѣлозерскій, въ бытность у него Герасимова, разговаривалъ съ нимъ съ начала о польскихъ дѣлахъ, при чемъ отозвался, что поляки не такъ виноваты, какъ о нихъ говорятъ и пишутъ, затѣмъ вынувъ изъ боковаго кармана стихи, далъ читать Герасимову, такъ какъ деньщикъ Бѣлозерскаго стоялъ въ дверяхъ, то онъ предложилъ Герасимову перейти въ другую комнату и здѣсь рассказывалъ ему о томъ, какимъ образомъ бѣжалъ въ С. Петербургъ изъ каземата, какой то студентъ, содержавшійся тамъ по политическимъ дѣламъ 103 дня, какъ способствовали этому побѣгу другіе студенты, какъ онъ отправился въ Англію къ Искандеру и т. д. Когда же Герасимовъ выразилъ удивленіе о слабомъ надзорѣ за подобными людьми, то Бѣлозерскій сказалъ, что въ Петербургѣ все сдѣлать можно, а когда затѣмъ Герасимовъ спросилъ, гдѣ печатаются подобныя бумаги, то Бѣлозерскій отвѣчалъ: въ Петербургѣ и въ доказательство вынулъ изъ кармана листъ бумаги, напечатанный въ два столбца, съ печатью *Земля и Воля* и прочитавъ этотъ листъ Герасимову, на вопросъ Герасимова откуда Бѣлозерскій получаетъ всѣ свѣденія и бумаги, онъ объявилъ: что дня три тому назадъ прѣхалъ изъ С. Петербурга какой то студентъ и привезъ ихъ съ собою и что у него есть много хорошаго, послѣ чего Бѣлозерскій продолжалъ, что въ дѣлѣ замышляемаго возстанія участвуютъ многія лица, проживающія въ разныхъ краяхъ имперіи, даже лица занимающія высокія мѣста, способствуютъ въ этомъ, а Польскій центральный комитетъ никогда не можетъ быть открытъ, потому что состоитъ подъ предсѣдательствомъ какого то важнаго сановника при намѣстникѣ Царства Польскаго, покровительствующаго и Русскому комитету, что центральный комитетъ кроется въ домѣ самаго Намѣстника, а русскій въ С. Петербургѣ и Москвѣ, наконецъ Бѣлозерскій назвалъ фамилію означеннаго сановника, которая была польская и начиналась съ буквы *М*. При допросѣ въ комиссіи Бѣлозерскій сознался, что читалъ Герасимову стихи, начинающіеся, словами: *Доло насъ помпщики душили* и воззваніе *Свобода* No. 1, и объяснилъ, что получилъ эти листки по почтѣ отъ неизвѣстнаго лица, и что прочитавъ ихъ Герасимову, уничтожилъ, какъ вещь вестоющую вниманія и возмущающую душу. Затѣмъ Бѣлозерскій показалъ, что разговоръ, переданный Герасимовымъ есть ложь, ибо не соглашался ни со взглядами Бѣлозерскаго на вещи, ни съ убѣжденіями его. Полякамъ, Бѣлозерскій никогда не сочувствовалъ, въ особенности послѣ ихъ катехизиса, обращенія къ дворянству и другихъ произведеній польской прессы, наконецъ Бѣлозерскій родился на той почвѣ, которая нѣсколько разъ была обогрета кровью его предковъ, въ борьбѣ за притѣсненія со стороны поляковъ. Разговоръ, переданный Герасимовымъ и чтеніе листовъ потребовали бы гораздо болѣе времени, сколько пробылъ у него Герасимовъ. Бѣлозерскій читалъ ему листки, безъ всякаго предварительнаго разговора, исключая того, что упомянулъ прежде, что бѣжалъ какой то студентъ изъ С. Петербурга къ Искандеру. Послѣ чтенія листовъ, Герасимовъ не выражалъ никакого удивленія, а просто спросилъ, гдѣ печатаются подобныя листки, а Бѣлозерскій сказалъ, что въ Петербургѣ или въ Москвѣ; на вопросъ же откуда досталъ ихъ, Бѣлозерскій засмѣялся и сказалъ: секретъ, не скажу. Говоря о студентѣ прѣхавшимъ изъ Москвы, Бѣлозерскій назвалъ его Андрущенкою, прибавляя, что онъ можетъ быть будетъ участвовать въ изданіи мѣстной газеты *Черниговскій листокъ*.

Блюзерскій говорилъ еще, что вѣрно есть участники въ дѣлѣ русскаго центрального комитета, въ такомъ видѣ, что слова его выражали одно предположеніе, а утверждать этого, положительнo не могъ, потому что никого изъ нихъ не зналъ. Что касается до прочихъ обстоятельствъ, то кромѣ скаланнаго что польскій центральный комитетъ, такъ притаился въ Варшавѣ, что его до сихъ поръ не могли открыть, болѣе Блюзерскій ничего не говорилъ. Что побудило Герасимова возводить на него, Блюзерскаго, вѣдности, подобныя объясненныя имъ, Блюзерскій не знаетъ, или онъ смѣшалъ, слышавши это отъ кого другаго, или просто безовѣстнымъ образомъ нагаля на него, Блюзерскаго. Напротивъ, Андрущенко показалъ, что онъ передалъ Блюзерскому воззваніе *Свобода* № 1 въ то время, когда вмѣстѣ съ Носомъ и Тыщинскимъ былъ у него, стихи же далъ ему въ самый день приѣзда въ Черниговъ, когда Блюзерскій пришелъ въ квартиру Носа. Подъ конецъ вечера у Блюзерскаго онъ хотѣлъ читать стихи, но Тыщинскій остановить его, сказавъ что знаетъ ихъ. Потомъ они вмѣстѣ съ Блюзерскимъ пришли въ квартиру Носа, гдѣ послѣдній легъ спать, а они втроемъ просидѣли до 2-хъ часовъ ночи и разговаривали. Андрущенко показывалъ Блюзерскому и Тыщинскому фотографическія рисунки и карточки и при этомъ рассказывалъ имъ о своихъ знакомыхъ, говоря какъ нѣко орыхъ изъ нихъ не засталъ въ Москвѣ, ибо они или въ ссылкѣ или въ заключеніи, рассказывалъ также о побѣгѣ Кельсена и проч. При вторичномъ допросѣ Блюзерскій сознался, что получилъ стихи и воззваніе отъ Андрущенко, взялъ изъ любопытства и никому, кромѣ Герасимова, не читалъ и послѣ этого уничтожилъ. Равнымъ образомъ Блюзерскій объяснилъ: что былъ у Носа и слышалъ рассказы Андрущенко о его знакомыхъ, а также о Кельсевѣ, другихъ же фамилій не помнитъ, потому что слышалъ ихъ въ первый разъ и потомъ никогда не повторялъ. Андрущенко также говорилъ о какихъ то кружкахъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, но кто принадлежалъ къ нимъ, Андрущенко не объяснилъ. Показывалъ фотографическія карточки, изъ коихъ онъ можетъ припомнить карточку Чернышевскаго, бывшаго учителя въ томъ корпусѣ, гдѣ воспитывался Блюзерскій и карточку, на которой были нарисованы двѣ личности, и Андрущенко говорилъ, что это были Герценъ и Огаревъ. Слышанное отъ Андрущенко Блюзерскій передавалъ Герасимову и вѣроятно сказалъ ему нѣсколько больше подробностей, сколько можетъ объяснить комиссия, ибо между разговоромъ Блюзерскаго съ Андрущенкою и Герасимовымъ былъ небольшой промежутокъ времени, но прошествіи же долгаго времени и отъ тревогъ, которымъ подвергался, Блюзерскій почти ничего не можетъ привести на память изъ разговоровъ съ Андрущенкою. Но все то, что Блюзерскій отвергъ при первомъ показаніи, онъ и теперь честнымъ словомъ и по чистой совѣсти утверждаетъ, что Герасимову объ этомъ не говорилъ.

23) Сынъ коллежскаго секретаря *Александръ Тыщинскій*, (содержался въ крѣпости съ 16 Октября 1863 по 10 Февраля 1864 г. освобожденъ подъ строгій надзоръ полиціи). По показанію Андрущенко, Тыщинскій въ бытность у Блюзерскаго, когда послѣдній хотѣлъ читать стихи, начинающіеся словами: *Домо насъ помъщики душили*, Тыщинскій сказалъ, что давно знаетъ ихъ и спросилъ Блюзерскаго откуда онъ взялъ ихъ. Блюзерскій указалъ на Андрущенко, а онъ прибавилъ, что стихи—пѣсня, положена на голосъ и идетъ въ ходъ.

Послѣ сего Тыщинскій спросилъ, есть ли у Андрущенко, кромѣ стиховъ, что еще либо и тогда онъ сказалъ, что есть, Тыщинскій просилъ дать ему, прибавивъ, что теперь и ему будутъ присылать, что будетъ печататься. Послѣ разговора, происшедшаго въ квартирѣ Носа и по уходѣ Блюзерскаго, Тыщинскій, ложась спать, попросилъ дать ему для прочтенія что есть у Андрущенко и Андрущенко далъ ему воззванія: *Свобода* № 1 и другое начинающееся словами: *Домо давили насъ*. На другой день, Тыщинскій, передъ отъѣздомъ, спросилъ, есть ли у Андрущенко еще экз. означенныхъ воззваній и просилъ дать ему. Андрущенко досталъ изъ чемодана и далъ ему, примѣрно по 5 экз. этихъ воззваній и брошюры *Что нужно народу?* Но Тыщинскій сказалъ, что этого мало и просилъ дать еще нѣсколько экземпляровъ *Свобода* № 1, а потому Андрущенко далъ ему еще столько же. Тыщинскій же, получивъ отъ Андрущенко все означенное, уѣхалъ. При допросѣ въ комиссіи Тыщинскій показалъ, что приѣхавъ въ Черниговъ за покунами, онъ остановился на квартирѣ Носа, гдѣ узналъ, что Носъ и Андрущенко были тогда у Блюзерскаго, а потому и онъ отправился къ нему. Блюзерскій всѣхъ ихъ угощалъ закуской, въ которой подавалась водка и Тыщинскій былъ выпивши. Разговора о стихахъ онъ не помнитъ, такъ какъ не считалъ ихъ важными и зналъ на память, потому что они, когда Тыщинскій былъ студентомъ, ходили по рукамъ. Что же касается той фразы, которою будгобы хвалился у Блюзерскаго, что и ему будутъ присылать, то отъ этой фразы Тыщинскій отказывается, какъ неимѣющей никакого значенія, потому что никто не общалъ ему высылать и онъ никого не знаетъ, кто бы могъ это дѣлать. Если даже Тыщинскій сказалъ эту фразу, чего положительнo не помнитъ, то это было ни больше ни меньше, какъ хвастовство поддутьившаго человѣка, ибо какъ уже сказалъ Тыщинскій, у Блюзерскаго пить водку. Рассказовъ Андрущенко въ квартирѣ Носа, Тыщинскій также не помнитъ, кромѣ рассказа о побѣгѣ Кельсена, да еще о томъ, какъ Яценко спасъ одну женщину изъ рукъ жестокаго отца, и не помнитъ по той же причинѣ, что у Блюзерскаго пить водку. Воззванія у Андрущенко, Тыщинскій дѣйствительно взялъ и привезъ ихъ съ собою, городничкаго уѣзда, въ с. Макишино, въ имѣніе помѣщика Чичерипа, у коего былъ домашнимъ учителемъ, но на другой день, приѣхавшій изъ Чернигова, человѣкъ Чичерина, рассказать, что Носъ, Андрущенко и Блюзерскій арестованы. Тыщинскій догадался въ чемъ дѣло и, опасаясь у себя обыска, сжегъ все полученное отъ Андрущенко, не успѣвъ даже никому показать, да и въ деревнѣ некому было показывать. Брать у Андрущенко воззванія изъ одного лишь любопытства, а не изъ какихъ либо особенныхъ цѣлей и не изъ сочувствія къ подобнымъ вещамъ. На вопросъ комиссіи, въ которомъ, между прочимъ, было сказано, что любопытство Тыщинскаго было уже удовлетворено тѣмъ, что онъ читалъ воззванія и притомъ для этого не надо было просить и брать 20 экземпляровъ, Тыщинскій показалъ, что съ какою именно цѣлью онъ взялъ у Андрущенко нѣсколько экземпляровъ, въ этомъ и самъ тогда не давалъ отчета, вѣроятно съ цѣлью имѣть у себя столь любопытный и столь запрещенный предметъ. Взялъ же Тыщинскій по нѣскольку экземпляровъ каждаго воззванія, именно по 5, во 1-хъ потому, что такъ сунулъ ему въ руку Андрущенко, во 2-хъ отъ того, что воззванія напечатаны очень дурно, такъ что изъ 5, едва-едва можно выбрать одинъ, сколько нибудь такой, что можно читать безъ

затрудненія. Что Тышинскій, бравши воззванія у Андрущенко, не имѣлъ опредѣленной цѣли, можетъ служить подтвержденіемъ то, что онъ вовсе не просилъ у Андрущенко извѣстнаго числа экземпляровъ, а взялъ такъ, какъ далъ ихъ Андрущенко. Хотя все сказанное Тышинскимъ не можетъ служить оправданіемъ его, но онъ повторяетъ, что взялъ воззванія не съ цѣлью распространять, а по общей слабости имѣть у себя запрещенный плодъ, но нѣсколько же экземпляровъ взялъ для того, чтобы выбрать лучшей. Равнымъ образомъ Тышинскій не можетъ представить доказательства, что никому не передалъ воззваній и только можетъ поручиться своею честью, что сей часъ же, какъ услышалъ объ арестѣ Андрущенко, всѣ ихъ сжегъ. На очной ставкѣ съ Тышинскимъ, Андрущенко подтверждая свое показаніе въ относящихся до Тышинскаго обстоятельствахъ, присовокупилъ, что дѣйствительно онъ закусывалъ у Бѣлозерскаго и былъ въ возбужденномъ состояніи, отъ спиртныхъ напитковъ. Тышинскій сказалъ, что если онъ сказалъ извѣстныя слова, то сказалъ, будучи подгулявши изъ желанія похвастать и что говорить эти слова Тышинскій не имѣлъ повода. Кромѣ того въ бумагахъ Андрущенко оказались 2 письма Тышинскаго, въ коихъ упоминается о *Колоколѣ* и *Полярной Звѣздѣ*. Тышинскій показалъ, что проѣзжая въ 1861 году изъ Дерпта на родину, онъ остановился въ Москвѣ у товарища своего Матаревскаго, у котораго встрѣтилъ брата Ивапа Андрущенко, Евгенія. Евгеній Андрущенко просилъ его отвезти брату его, находящемуся тогда въ Черниговской губерніи нѣкоторыя тайныя вещи, 1 экземпляръ *Полярной Звѣзды* и 12 *Колокола*. Пріѣхавъ на родину, въ г. Барзну, черниговскаго уѣзда, онъ писалъ Андрущенко, находящемуся въ городкѣ, о привезенномъ изъ Москвы, а когда Андрущенко прислалъ человѣка, то передавая чрезъ него вещи: *Полярная Звѣзда* и *Колоколъ*, написалъ Андрущенко другое письмо. Это показаніе подтвердили Иванъ и Евгеній Андрущенко.

Примѣчаніе. По показанію Тышинскаго, онъ въ 1859 г. состоялъ подъ судомъ и содержался въ здѣшней крѣпости по дѣлу харьковскихъ студентовъ и по окончаніи дѣла, посланъ изъ Дерптскій университетъ для продолженія курса, былъ исключенъ, по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія, за неисполненіе требованій проректора.

24) Операторъ черниговской врачебной управы *Степанъ Носъ* (содержится въ крѣпости съ 3 Августа 1863 г.). Относительно Носа изъ показаній Андрущенко видно, что вмѣстѣ съ Андрущенкою и Тышинскимъ находились въ гостяхъ у Бѣлозерскаго и что изъ разговоровъ съ Носомъ, Андрущенко узналъ, что нѣкоторыя лица въ Черниговѣ получаютъ по почтѣ воззванія, но какого они содержанія Носъ не знаетъ, поэтому Андрущенко 10 Іюля 1863 г., утромъ, далъ прочесть Носу прокламацій, но о другихъ воззваніяхъ, бывшихъ у Андрущенко, Носъ не могъ знать, потому что онъ не говорилъ ему. Причина, по которой Андрущенко не хотѣлъ показывать всего Носу, заключалась въ томъ, что когда еще въ 1863 году, Андрущенко жилъ на квартирѣ съ Носомъ, былъ съ нимъ въ короткихъ отношеніяхъ, и не считалъ нужнымъ скрываться предъ нимъ, то изъ частныхъ разговоровъ, Носъ хорошо зналъ образъ мыслей Андрущенко и о знакомствѣ его въ Москвѣ, кромѣ того онъ давалъ Носу прочитывать нѣкоторыя изъ тѣхъ сочиненій, которыхъ имѣлъ у себя и онъ зналъ, что у Андрущенко ихъ всегда можно было найти.

Великимъ постомъ 1862 г., Лазаревскій бралъ у Андрущенко для прочтенія *Колоколъ* и передавалъ его Заикѣ, а Носъ, бывши у Заики, получалъ отъ него *Колоколъ* и доставлялъ его Андрущенко. Но послѣ того, какъ нѣкоторые изъ знакомыхъ Носа были арестованы въ Полтавѣ, Носъ сталъ остерегаться и объявилъ ему, что не хочетъ, чтобы Андрущенко держалъ въ квартирѣ запрещенныя сочиненія, такъ что когда Андрущенко, передъ отъѣздомъ въ Москву, положилъ на время между книгами Носа *Полярную Звѣзду* и еще другое сочиненіе, Носъ въ отсутствіи его отдалъ ихъ Бахеру, сказавъ, чтобы онъ унесъ ихъ, иначе Носъ выброситъ ихъ вонъ, это было причиною нѣкотораго неудовольствія между ними, и вслѣдствіи этого Андрущенко не хотѣлъ показывать Носу всего привезеннаго изъ Москвы и предупреждалъ Тышинскаго не показывать ему полученныхъ отъ Андрущенко воззваній.

При допросахъ въ комиссіи Носъ показалъ, что 10 Іюля 1863 г. Андрущенко не давалъ ему воззваній и не говорилъ о нихъ, но рано утромъ того числа Носъ, проходя чрезъ комнату Андрущенко, увидѣлъ на столѣ 2 бумажки, изъ коихъ на одной была печать *Земля и Воля*, а другая была стихки. Взглянувъ мелькомъ на бумажки, Носъ спросилъ Андрущенко, гдѣ прячетъ онъ подобныя вещи, а Андрущенко отвѣчалъ, что въ карманѣ. Относя это къ разсѣянности и вѣтренности и не подозрѣвая въ Андрущенко никакого злаго умысла, онъ спросилъ его: можетъ быть у васъ еще есть? Но Андрущенко отвѣчалъ — нѣтъ. Послѣ сего Носъ пришелъ въ свою комнату и сталъ заниматься у стола, но вдругъ явился полицмейстеръ и другія лица для производства обыска. На очной ставкѣ съ Андрущенкою, который утвердилъ свое показаніе, Носъ объяснилъ, что въ день обыска, онъ случайно нашелъ на столикѣ бумаги и до этого времени Андрущенко воззваній ему не показывалъ; *Колоколъ* же въ 1862 г. видѣлъ у него и кое что прочитывалъ. Изъ акта объ обыскѣ, въ квартирѣ Носа, между прочимъ, видно, что когда черниговскій полицмейстеръ и другія лица производили обыскъ въ той комнатѣ, въ которой находился Андрущенко, Носъ сидѣлъ на стулѣ въ сосѣдней комнатѣ, не обращая вниманія на происходившее въ его квартирѣ. Когда же полицмейстеръ подошелъ къ нему и объявилъ, что необходимо обыскать ту комнату, въ которой находился Носъ, то онъ отвѣчалъ, что въ комнатѣ всѣ вещи принадлежатъ ему, а не Андрущенко и потому обыскивать не слѣдуетъ, потребовалъ предписанія начальника губерніи. Не смотря на это было приступлено къ обыску и въ одномъ изъ чемодановъ найдены въ сверткахъ возмутительныя воззванія, тогда Носъ бросился на полицмейстера и нанесъ ему побои, послѣ чего Носу были связаны руки. Въ оправданіе себя въ этомъ поступкѣ, Носъ при производствѣ слѣдствія въ г. Черниговѣ и на допросахъ комиссіи объяснилъ, что причиною его было неуважительное и притязательное обращеніе съ нимъ полицмейстера, который, найдя пистолетъ, съ укоряющей улыбкой сказалъ: а это что, а это на что? и отдавая пистолетъ приставу сдѣлалъ выраженіе, какъ будто уличалъ Носа въ преступленіи; при чемъ онъ подумалъ, неужели его подозрѣваютъ въ смертоубійствѣ и неужели ему нельзя имѣть въ комнатѣ пистолета, когда всѣ имѣютъ, что вещи Носа и книги, которыя лежали въ порядкѣ, разбросывались по полу и валялись подъ ногами, что не желая быть свидѣтелемъ происходившаго, Носъ вышелъ изъ квартиры, чтобы во врачебной управѣ испытывать на фельд-

шерское званіе ученика черниговскаго богоугоднаго заведенія, но полицмейстеръ послалъ за нимъ казака, который воротилъ его, какъ будто какаго то преступника, и что когда былъ осмотрѣнъ чемоданъ, въ которомъ, какъ Носъ, по выраженію глазъ полицмейстера, могъ замѣтить, что - то оказалось, то Андрущенко объявилъ, что чемоданъ принадлежитъ ему, но полицмейстеръ подступилъ къ Носу и сказалъ: “видите, вы говорили нѣтъ больше вещей Андрущенко”. При этихъ словахъ Носъ почувствовалъ ошочательное пораженіе своего духа и поруганіе чести и достоинства. Ничего преступнаго не зная за собою, тутъ вдругъ съ болѣею силою потрясло душу его все предшествовавшее и pistols, которымъ уличали его, и погоня за нимъ казака, и неуважительность при обыскѣ, все слилось въ какой то хаосъ и несчастно чувствовалъ, что невинно наступаютъ на его душу, хотятъ сдѣлать поруганіе ему, хотятъ крови его и подъ натискомъ такихъ сильныхъ ощущеній, Носъ впалъ въ припадокъ болѣзненнаго потрясенія, о которомъ, какъ о послѣдовавшемъ, онъ не можетъ дать себѣ отчета, что и какъ дѣлаюсь съ нимъ, къ тому же и самый поступокъ съ нимъ Андрущенко, болѣзненно потрясъ душу его, Носа. Къ сему Носъ присовокупилъ, что предписанія начальника губерніи отъ полицмейстера не требовалъ и что о томъ, что чемоданъ принадлежитъ будто бы ему, онъ не говорилъ. Напротивъ, полицмейстеръ и другія лица, присутствовавшія при обыскѣ, и изъ нихъ 2 понятыхъ и 2 жандарма подъ присягой показали, что никакихъ притязаній къ Носу полицмейстеръ не оказывалъ, равнымъ образомъ изъ показаній не видно, чтобы Носъ выходилъ изъ квартиры во время обыска и былъ возвращенъ полицмейстеромъ, но всѣ спрошенные лица объясняли, что Носъ въ то время, когда производился обыскъ въ вещахъ Андрущенко, ходилъ по комнатамъ и игралъ на скрипкѣ.

(Оковчаніе въ слѣд. листѣ).

ПИСЬМО МОСКВИЧА.

Голоса изъ Россіи, съ нѣкотораго времени, стали все рѣже и рѣже доноситься въ *Колоколь*. Потому-ли это, что не стоитъ писать о вещахъ никому уже не новыхъ, потому-ли, что наши дѣятели все еще празднуютъ трусу, или просто по славянской лѣни и по мѣлнню, что пиши не пиши лучше не будетъ, мы не памѣревы входить въ объясненія. Думаемъ мы, перелистывая *Колоколь*, что было бы можно обо многомъ сказать, да какъ то не выговаривается: и изъ трусости, и отъ неумѣнья, и ради лѣни и оттого, что махнетъ русскіи челвѣкъ рукой, да и дѣлу конецъ. А между тѣмъ есть много пожалуй и не новаго, на чемъ можно остановиться, что можно повторить еще разъ. Вотъ отчего вы позволите сообщить вамъ объ томъ, что пона еще носятъ слѣды свѣжихъ впечатлѣній. Кругомъ такая несладница, что не знаешь съ чего и начать. Дружные усилія нашей реакціи успѣли не только процвѣсть, но и приносятъ уже обильные плоды. Какъ-то странно: реформы и реакція, шагъ впередъ и три назадъ. Видно, что современная наша исторія возшла въ созвѣздіе рака и пока не освободится изъ подъ его вліянія идти иначе не можетъ. “Реформа нынѣшняго царствованія, говоритъ офиціальнй московскій скрибентъ: *отмѣна* крѣпостнаго быта, дарованіе *нѣкоторой* свободы русской мысли и русскому слову, введеніе гласнаго и *правильнаго* судопроизводства, *лучшая* система народнаго просвѣщенія, *если только*

она дѣйствительно будетъ приведена въ исполненіе, и на дѣльнѣшемъ планѣ усиленное развитіе путей сообщенія и матеріальнаго благосостоянія и *необходимое* преобразование церковнаго и гражданскаго быта”... Намъ очень нравится это перечисленіе благъ дарованныхъ и доложенствующихъ явиться. Хороши тутъ слова: *отмѣна* (читай замѣна) и *нѣкоторой* и *правильнаю* и *если* и на *дѣльнѣшемъ* и *необходимое*. Внадасъ даже въ нѣкое пріятное умншеніе и видишь въ глубокой, глубокой дани всѣ эти *необходимыя*, но еще неизвѣстно какія преобразования. Но пока эта даль очертится опредѣленнѣе, дѣйствительность не красива. Вамъ и вашимъ читателямъ вполне извѣстно къ чему привели всѣ эти уставныя грамоты, цифры которыхъ такъ величественно красуются на отчетахъ. Извѣстно, что совмъ нашихъ крѣпостниковъ не только давно поднялъ забрану, но мѣстами уже примѣпаетъ и на дѣль *замѣну* старата крѣпостнаго быта — новымъ. Скарятинъ открыто упрекаетъ правительство въ коммунизмъ и говоритъ, что этому не бывать, что вотъ де хотъ и надѣлп крестьянъ землей, а они все таки не въ состояніи уплатить недоимокъ по оброкамъ и выкупнымъ платежамъ. Лонгиновъ радуется, что слава тебѣ господи, не вездѣ еще прорывается мужичье въ земсна управы, и се онъ одинъ, конечно, думаетъ, что если де и пробрается кое гдѣ мужикъ въ земские представители такъ развѣ за тѣмъ, чтобы снимать калоши и пальто съ нашихъ провинціальныхъ грандовъ. Да что Лонгиновъ, самъ московскій скрибентъ, какъ извѣстно “макающій свое перо въ разумъ”. Катковъ, котораго дрожашую отъ волненія рѣчь, по поводу указа объ свободѣ крестьянъ, мы когда то слушали въ купеческомъ собраніи, это тотъ-же самый Катковъ, выводитъ перомъ, что все это освобожденіе и представительство ведетъ прямо къ анархш. Ну а тѣ, которые привыкли *jugate in verba magistris*,—о нихъ уже и говорить нечего. Коли молъ отпаяли у насъ рабовъ и холопей,— такъ подавай намъ за это дворянскую конституцію. Муравьеву поднесли въ Ноябрьѣ прошлаго года альбомъ, на серебряной крышкѣ котораго мануфактуръ совѣтникъ Сазиковъ пречитро изобразилъ на одной сторонѣ русскаго крестьянина, босаго, въ изорванномъ рубашкѣ, а на другой молодца въ богатой поддевѣ, въ шляпѣ на бекрень, который бошко поглядываетъ. Гдѣ это муравьевые приспѣшники и Сазиковъ наши постѣднато, если не въ александрпскомъ театрѣ? А бѣдный то, босой, въ изорванной дерюгѣ мужикъ, сълонивши голову на грудь, не зная какъ и чѣмъ запятить всѣ новые для него поборы, чуть ли не на каждомъ шагу въ необозримой Россіи. Позвольте, дайте срокъ, говорятъ доктринеры. Да, *дайте срокъ*... думаемъ и мы.

Судебная реформа, гласное судопроизводство. Слышали вы тоже и объ этомъ. Знаете вѣрно какъ вдругъ въ газетахъ является, что такой то молъ отпависпъ въ Сибирь. А объ судѣ никто ничего и не слыхалъ. Оно гочно отрылицъ суды для публпки, да только не для всякой, а больше для избранной, *по билетамъ*. Новая свобода, дарованная ценсурѣ угнѣтать пишущихъ всѣми способами и мѣрами, дала уже нѣсколько образчиковъ таковъ судебной гласности. Билеты на такіе суды есть всегда для генералъ губернатора и его чиновниковъ, полицмейстеровъ, для разныхъ начальствующихъ и ихъ женъ, вообще для тѣхъ, кому слѣдуетъ исполнять роль публпки. Тотъ же московскій скрибентъ обругалъ адвокатовъ, которые

дерзнула добросовѣстно защищать судимыхъ. Рѣшеніе суда почему то дѣлается въ тайнѣ и публикѣ предоставлено только угадывать на чемъ было оно основано. Предварительныя слѣдствія производятся по старому жапдармскимъ полковниками и частными приставами, допросы пытки и побои идутъ тоже своимъ чередомъ. Однимъ словомъ: *милость и правда* царствуютъ въ русскихъ судахъ.

Нѣкоторая свобода мысли и слова всего лучше опредѣляется словами одного изъ этихъ инквизиторовъ управленія по дѣламъ печати. Туруновъ открыто проповѣдуетъ, что журналистика во всей Европѣ существуетъ только для того, чтобы придавать благовидную форму правительственнымъ ошибкамъ, что тоже должно быть и у насъ. Валуевъ спѣшитъ перешеголять Лавалега: въ 4 мѣсяца 6 предостереженій и дюжины двѣ *commissiоnés*. Предостерегали даже Головинна въ лицѣ Краевского. Были приготовлены также два предостереженія и московскому скрибенту; ихъ однако успѣлъ остановить Щербининъ, который, представляясь государю, отозвался объ Катковѣ, какъ о лучшемъ и самомъ благонамѣренномъ журналистѣ. Правая рука по управленію печатью у Валуева нѣкто Викторъ Фуксъ, авторъ *Treize* *ополченій земли русской*, отрывки изъ которыхъ Щербининъ изъ низопоклопства нанечаталъ въ своей книгѣ для народа, *Ицелъ*, составленной съ самымъ невѣроятнымъ обскурантизмомъ и набитой всякой ультра-патриотической дребеденью. За такое достойное содержаніе *Ицелъ* послѣдовало высочайшее разрѣшеніе купить этого лѣкарства на 4000 рублей, для разсылки по сельскимъ школамъ. Фуксъ этотъ извѣстенъ тѣмъ, что, будучи казначеемъ у Паскевича, не досчиталъ 3000 рублей и, когда бытъ нойманъ на этомъ, то валялся у него въ ногахъ, вымаливая прощенье. Теперь этотъ Фуксъ (*Reineske* въ русской шкурѣ) на вопросъ: почему онъ оставилъ мѣсто у Паскевича? обыкновенно отвѣчаетъ: “мы не сошлись по кассовому вопросу”. Подъ его то особеннымъ наблюдениемъ и состоитъ *Современникъ*. *Гласный* судъ по дѣламъ печати, который судить между прочимъ съ закрытыми дверями извѣстнаго вамъ Бюмера, судить и Краевского за статью въ *Гололѣ* о расколѣ. Не стоило бы и говорить объ этомъ, еслибы не сдѣлалось извѣстно, что Краевскій выдалъ и автора статьи и чиновника министр. внутр. дѣлъ, который доставилъ автору матеріалы.

По новому положенію о печати, нѣкоторыя изданія не подходятъ подъ освобожденіе отъ предварительной цензуры и ихъ то цензора, увѣряя, что на нихъ однихъ падаетъ теперь вся отвѣтственность, если что либо проскользнетъ въ нихъ, допекаютъ такъ, какъ никогда еще въ Россіи цензура никого не допекала. Изъ анекдотовъ о ценсурѣ можно составить цѣлыи томъ, мы надѣемся, что рано или поздно онъ будетъ у васъ въ рукахъ.

Есть и другая неутѣшительная сторона въ современной русской журналистикѣ и литературѣ. Надъ ней прежде всего начинается обнаруживаться близкое наступленіе финансоваго кризиса. Подписки на журналы и газеты въ 1865 году была плохая. За исключеніемъ Ильи Арсеньева, листокъ котораго — помойная яма всякихъ правительственныхъ, полицейскихъ и общественныхъ нечистотъ, приобретаетъ все болѣе и болѣе читателей изъ тупоумной публики, нѣтъ ни одной редакціи, которая бы довела свое изданіе до конца года безъ займовъ. На нынѣшній годъ подписка еще хуже. Книгъ,

особенно переводныхъ, выходитъ довольно много; но покупателей мало и нѣсколько вышнихъ магазиновъ висятъ на волоскѣ. Сотрудники порядочныхъ издателей голодаютъ; на всю пишущую братію учреждена какая то систематическая полицейская облава. Ихъ таскаютъ въ кварталъ, допытываются объ ихъ средствахъ къ жизни, знакомствахъ, домашнихъ дѣлахъ и проч. Впрочемъ говорятъ, что Анненковъ, отличившійся все время особенною яростью противъ писателей и узнававшій объ нихъ каждую сплетню изъ извѣстнаго всѣмъ эстетическаго источника, будетъ скоро смѣненъ Девомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *кровожаднаго*.

Какія тамъ будутъ церковныя и гражданскія преобразованія, темна вода въ облачѣхъ. Толкуютъ пока только о смѣнахъ: какого генерала послать въ Рейтерны, пока еще не рѣшено. Муравьевъ, говорятъ, и не прочь бы, но съ условіемъ играть приму; Суворова какъ неудобнаго генераль-губернатора прочать въ министры двора вмѣсто Адлерберга, котораго, говорятъ, дѣлаютъ фельдмаршаломъ мирнаго времени вѣроятно за то, что онъ извѣстенъ своею неувыдаемою храбростью въ любовныхъ похожденияхъ. Кстати объ Суворовѣ, говорятъ что онъ передъ новымъ годомъ, по ходатайству помѣщика Романовскаго, разрѣшилъ въ видахъ *искорененія пьянства*, сѣчь на стѣзкахъ тѣхъ изъ пьяныхъ, которые попадаютъ въ кварталъ. Какъ видите наши новогодніе *étrennes* совсѣмъ особаго свойства и должны быть по сердцу и славянофиламъ и западникамъ.

До сихъ поръ мы, кажется, больше говорили о Питерѣ; а что же дѣлается въ Москвѣ? Я не стану говорить ни о важныхъ заведеніяхъ въ Думѣ, ни о представленіяхъ гласнаго судопроизводства, ни объ университетѣ, ни о балѣ у князя Долгорукова, ни о толкахъ по поводу петерб. земскаго собранія, на которомъ почтенные ораторы увѣнчали себя лаврами и котораго послѣдствія оказались такъ ощутительны и для нареднаго воспитанія, и для столичнаго и уѣзднаго хозяйства и т. д. и т. д. Вы позволите мнѣ остановиться на обѣдѣ московскихъ купцовъ америкаанскому посланцу. Объ этомъ обѣдѣ прощрали не только русскія, но даже и иностранныя газеты. Подробный отчетъ объ немъ помѣщенъ въ тѣхъ лакомыхъ прибавленіяхъ, которыми московскій скрибентъ награждаетъ своихъ подписчиковъ по Воскресеньямъ. Для меня этотъ обѣдъ занимателенъ особенно потому, что въ немъ вполне отразились всѣ смѣшныя и жалкія стороны половины московскаго общества*. Что хотѣла выразить этимъ обѣдомъ московская амбарная аристократія? Поблагодарить еще разъ, какъ говорилъ Ляминъ, америкаанцевъ за добрый пріемъ русской эскадры; высказать *си мпати* *сильнаго къ сильному*, какъ выразился Горбовъ: увѣрить, что этотъ обѣдъ *многозначительное* собраніе; поразить ораторскимъ искусствомъ не понимающаго по русски генерала; доказать что сукошный фабрикантъ читать Кери и нашелъ въ немъ только защитника охранительной системы; объяснить Клею, что нашъ Добчинскимъ *съ юности служилъ наукъ* и потому пьетъ здоровье Кери и наконецъ шепельнуть нашимъ демократизмомъ, предложивъ лицемѣрный тостъ за бѣдныхъ рабочихъ... Мы искренно увѣждены, что, слушая весь этотъ сумбуръ, генераль Клей думалъ совершенно иное. Не зная хорошо Россіи, онъ все таки долженъ знать ее на столько, что сходство между Россіей и Штатами, на которое такъ напирала московскіе

* Съ благодарностью помѣщая корреспонденцію “Москвича”, мы считаемъ себя обязанными сказать, что значеніе обѣда понимаемъ не такъ.—Ред.

Ораторы, совершенно незначительно въ сравненіи съ тою громадною разницею, которая существует между двумя странами. Онъ вѣроятно тоже читалъ Керн, знаетъ и раздѣляетъ его мнѣніе, что послѣдній не даромъ ненавидитъ централизацию, ненавидитъ абсолютизмъ, неравенство передъ закономъ, что Америка представляетъ собою всѣ ступени народнаго хозяйства начиная съ первобытной и оканчивая послѣдними приложениями научныхъ открытій, что свободѣ челоѣка тамъ нѣтъ никакой преграды, что американскія ассоціаціи представляютъ ту громадную силу, передъ которой покоряются самыя дикія явленія природы, что Керн проводить строгое различіе между trade и commerce, что успѣхи послѣдняго, упрощая и удешевляя обмѣнъ между потребителемъ и производителемъ, возможны только при развитіи политическаго свободы. Гдѣ же все это въ Россіи, правительство которой стремится къ полнѣйшей централизаци, гдѣ нѣтъ никакой свободы ни политическою, ни гражданскою, гдѣ нѣтъ ни путей сообщеній, ни ассоціацій, гдѣ угнетающіе его больше мѣняли и купцы чѣмъ производители, гдѣ *возвышеніе всего народа до полного равенства передъ закономъ* — *ria desideria*, гдѣ наконецъ нѣтъ еще и этого закона, потому что русскій законъ пока абсолютная воля. Да, странное впечатлѣніе долженъ былъ вынести г. Клен изъ этого обѣда.

Наивныя слова извѣстнаго бон-вивана Рязанова: “м. г. въ нашемъ обѣдѣ приходитъ время тостовъ”, показываютъ ясно, что собралось московское кучечество на обильные тосты. Тутъ оно было на свободѣ. Изъ академіи его не ловко было бы выгнать, какъ выгнали нѣкогда-то Закревскій съ извѣстнаго обѣда въ эзерциргаузѣ. Оказались приготовленныя и переприготовленныя рѣчи, Yankee doodle и хоръ Молчапова, Керн и стихи Алсанава. Оби не патриотическихъ тостовъ не мѣшаетъ однако нѣсколько челоѣку трезвому заподозрѣть и *страстную* любовь къ роднѣ, и *горячее сочувствіе* къ нашему рабочему сословию и вообще весь этотъ подогрѣтый обильными возлияніями энтузіазмъ.

Финансовыя вопросы, которые, по словамъ начинающаго исправлять должность оратора Горбова, особенно близки и понятны людямъ промышленности, могли и должны были напомнить нашимъ купцамъ жалкое состояніе нашего мѣстнаго рынка, упадокъ русскаго кредита, русской коммерціи, повсюдній произволъ, жалкое состояніе фабричнаго и рабочаго люда. Американцы, обопчивъ великую войну, дѣйствительно могли довѣрчиво отнестись къ будущему. Цифра нхъ войска уменьшена до 50,000 челоѣкъ. Въмѣсто дефицита уже оказывается излишекъ; раны быстро заживаютъ и Керн можетъ быть оптимистомъ.

Что же насъ то заставляетъ видѣть будущее въ розовомъ цвѣтѣ. Рубль нашъ упалъ на 316 и не можетъ подняться не смотря на всѣ фокусы искусственной поддержки. Государственный долгъ выросъ до громадной цифры 1,332,592,575 руб., не считая еще выкупныхъ свидѣтельствъ, рентъ, втораго выпуска пяти процентныхъ билетовъ, что составитъ еще около 500,000,000 руб. Нашимъ промышленнымъ людямъ должно быть извѣстно замѣчаніе г. Шинова, что въ 23 года управленія графа Капнина, не смотря на четыре войны, не считая Кавказской, не смотря на холеру и голодные годы, не было ни одного разу займовъ съ высокими процентами. Изъ иностраннаго займа въ 82 милліона рублей, остается уплатить только 38,557,000. Сдѣланный имъ внутренній заемъ

съ выпускомъ 4% процентныхъ серій былъ въ 26,750,000 р. такъ что весь долгъ представлялъ 65,307,500 р. Брокъ сдѣлалъ въ 1859 и 1855 годахъ иностранный заемъ въ 96,615,500 р., съ 1857 года процентный долгъ возросъ до 800,000,000 р. Сумма всѣхъ заключенныхъ съ 1817 до 1857 года долговъ доходила до 530,000,000 рублей, что ежегодно приращало долгъ на 13,250,000; съ 1857 увеличивается нашъ долгъ ежегодно на 100,000,000 руб. И куда и на что уходятъ всѣ эти займы? Что сдѣлано съ послѣднимъ голландскимъ заемомъ? Надъ этимъ стоитъ задуматься. Куда же намъ произносить пока тосты за созданіе такого торговаго флота какъ американскій? Если вамъ дѣйствительно близки финансовыя интересы пашей страны г. Горбовъ, отчего же не займетесь вы этимъ вопросомъ вмѣстѣ съ вашими застольниками? Правда что это нѣтруднѣе приготовленія рѣчи, но за то въ этомъ было бы больше (хоть и не страстной) любви къ роднѣ, чѣмъ во всемъ этомъ ни къ чему пенужномъ разнагольствіи и тостахъ.

Ваетъ, господа, удивило, что Соединенныя Штаты такъ скоро перешли отъ дефицита къ излишку. А что дало этотъ излишекъ какъ не сокращеніе воиска до 50 000 челоѣкъ? У насъ въ этомъ отношеніи пожалуй тоже реформы. Миліоннѣе пашеть возможнымъ опредѣлить военный бюджетъ на 1866 годъ въ 116,589,000 рублей, то есть уменьшить его противъ 1864 года на 35,566,000 рублей. Но за чѣмъ этотъ составъ армии все еще въ 805,000 челоѣкъ и 75,000 лошадей. Война на Кавказѣ окопчена, Полюшу придавили, гдѣ же враги? Какое же сравненіе между Россіей и Соедин. Штатами? А что сдѣлали вы, у которыхъ столько горячаго сочувствія къ рабочему классу. Чѣмъ улучшили вы и возвысили положеніе фабричнаго люда, работающаго на вашихъ фабрикахъ? Завели на фабрикахъ продажу всего, что нужно рабочему люду, и вычитаете у него изъ жалованья отпускаемыи ему въ три дорога товаръ, который онъ беретъ по неволѣ? И только?

А что сдѣлали вы для народнаго воспитанія? Клей послѣ тоста Якушчикова могъ подумать, что вся академія создана вами и содержится на ваши средства. Гдѣ, когда и въ чемъ высказалась ваша частная инициатива для русскаго образованія? Нѣсколько стипендій по случаю прѣзда высочайшихъ особъ въ Москву, или заявленія сочувствія Муравьеву, — да и только?

Гдѣ наконецъ и въ чемъ выразилось то дружное, сплѣное духомъ единство и горячее участіе въ нашихъ государственныхъ дѣлахъ, которое характеризуетъ американцевъ, съ которыми вамъ такъ нравится себя сравнивать? Гдѣ ваши политическія убѣжденія и какъ они мирятся съ неограниченнымъ самодержавіемъ, когда вы знаете, что для развитія торговли и промышленности необходима извѣстная доля политическаго и гражданскаго свободы? Отчего вамъ угрожаетъ какой нибудь Катковъ, цыкнетъ на васъ кварталный, — и вы смиренно тишете, куда они васъ ведутъ? Почтенный Еремей Давидовичъ Куртина, зная русскій языкъ, скоро узнаетъ, что большая часть его московскихъ амфирионовъ только и дѣлаютъ, что говорить да обѣдаютъ, думая что это-то и есть дѣло. Какъ тогда покажется ему смѣшнымъ весь этотъ затѣянный на Варварѣ или въ Троицкомъ энтузіазмъ, всѣ эти депутаты, главные распорядители, всѣ эти доморощенные ораторы съ Керн и безъ Керн, этотъ неизмѣнный спутникъ всѣхъ куческихъ обѣдовъ ученый декламаторъ Чижевъ и все, что составляетъ такой контрастъ между Москвою и Америкой.

Жалѣемъ мы объ одномъ : отчего бы напр. Хлудову, Солдатенкову и Чижову не сводить Клея послѣ объѣда въ Кремль, показать бы ему Ивановскую колокольню и спросить : а

Кто царь колоколь подниметь ?

Кто царь пушку унесетъ ?

МОСКВИЧЬ.

С М Ъ С Ъ.

ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА

(Земскія учрежденія—Валуевъ-цензура—“Народная Лѣтопись”—Помѣщичьи-царовальники—“День”—Сославный купецъ).

— Въ комитетѣ министровъ шла рѣчь о закрытіи земскихъ учрежденій, въ виду того, что земскія собранія стремятся все болѣе и болѣе къ независимости отъ администраціи, занимаются предметами не касающимися прямо ихъ вѣдѣній, что въ нихъ произносятся рѣчи волнующія умы и что развитіе этихъ учрежденій клонится къ ограниченію самодержавной власти. Предложеніе о принятіи репрессивныхъ мѣръ противъ земства исходило отъ Милютина-варшавскаго, какъ говорятъ, и большинство министровъ было на его сторонѣ. Защищалъ земскія учрежденія одинъ Валуевъ и дѣло остановилось на какомъ-то компромиссѣ.

Чиновники испугались первыхъ проявленій живаго духа въ земскихъ собраніяхъ и конспирируютъ въ своихъ канцеляріяхъ противъ земства. Они дрожатъ за казенное содержаніе, за экстраординарныя суммы, за казенныя квартиры. Ихъ страшитъ мысль, что можетъ быть когда нибудь придется отдать отчеты въ своихъ дѣйствіяхъ не начальству, а представителямъ народа. При всей ихъ ограниченности они понимаютъ, что настоящій порядокъ не останется во вѣки вѣковъ въ Россіи; что не будетъ же она вѣчно въ безграничной власти промотавшагося правительства и грабящихъ ее чиновниковъ.

Вѣроятно бюрократы вовекутъ правительство въ репрессивныя мѣры, и въ такомъ случаѣ оно само вызоветъ и приготовить почву для насильственнаго переворота.

— Издатель *Современника*, послѣ двухъ предостереженій, просилъ у Валуева поставить *Современникъ* снова подъ цензуру. Валуевъ отказалъ, ссылаясь на то, что переходъ *Современника*, “этого свободолюбиваго журнала”, подъ цензурное положеніе будетъ равносильно прямому, фактическому заявленію, что новое безцензурное положеніе русской журналистики хуже стараго, цензурнаго. Впрочемъ, не исполняя просьбы Некрасова, Валуевъ утѣшилъ *Современникъ* слѣдующаго рода совѣтомъ : “продолжайте ваше изданіе на томъ же положеніи, а я даю слово не давать третьяго предостереженія и не закрывать журнала... если только редакция *Современника* согласится представлять статьи на мое предварительное разсмотрѣніе...”

— *Народная Лѣтопись* издаваться не будетъ. Сначала, при дозволеніи вновь открыть эту газету, запрещено было публиковать ея программу, а потомъ Валуевъ попросилъ нельзя-ли доставить ему примѣрно списокъ сотрудниковъ этой газеты. Ему указали на гг. Антоновича, Елисѣева, Жуковскаго и пр., на что Валуевъ милостиво отвѣтилъ, что все это прекрасно, но что по выходѣ 1го № газета получитъ первое предостереженіе, по выходѣ 2го — второе и т. д. “Пока я министръ, добавилъ онъ, я не дамъ ходу нигилистической закваскѣ” (гг. Антоновичъ, Елисѣевъ, Жуковскій—нигилисты!!!).

— Въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* пишутъ изъ Корсуна : “Вслѣдствіе затруднительности производить обработку хлѣба

вольнораемнымъ трудомъ, при ничтожномъ барышѣ, а иногда и при отсутствіи его вовсе, землевладѣльцы годъ отъ году уменьшали размѣры хлѣбопашества и получая чрезъ это, разумѣется, еще меньше доходу, продавали за безцѣнокъ выкупныя свидѣтельства, проживали вырученныя отсюда деньги и вслѣдствіе этого дошли до такого положенія, что остались какъ рыба на мели. Находясь въ такомъ безвыходномъ положеніи, многие изъ помѣщиковъ вздумали пуститься съ послѣдней копейкой на аферы, преимущественно на виноторговлю. По прошествіи непродолжительнаго времени, изъ этихъ предприятий вышло мало утѣшительнаго; люди трудолюбивые, смотрящіе за всею сами, а главное оставившіе свое барство, — выиграла; тѣ же, которые привыкли на дѣло смотрѣть свысока и загребать жаръ руками управляющихъ, раззорились въ концѣ. То же самое случилось и съ мелкими владѣльцами. Прожили выкупныя деньги, доходовъ больше не стало, пришлось продавать послѣднія крохи земли за безцѣнокъ, и на послѣднюю копейку завести кабачекъ. Этихъ заведеній появилось множество въ нашей губерніи, до нѣсколькихъ тысячъ, чуть-ли не больше 5ти. Расчетливые люди, не сбывавшіе цѣны, не занимавшіеся сами водкою, повели свои дѣла порядочно, т. е. выручили средства къ существованію. Но большинство мелкихъ торговцевъ пошло по другой дорогѣ” и проч.

— Аксаковскій *День* не будетъ выходить. Что это значитъ? Не частныя же обстоятельства могли издателя заставить прекратить журналъ, о которомъ онъ объявлялъ мѣсяць тому назадъ. Разыгрался что-то нашъ Валуевъ, видно скоро свернется.

Не проще-ли бы было поручить Каткову издавать въ обѣихъ столицахъ пять, шесть журналовъ съ разными названіями и однимъ направленіемъ?

— ВЫГОВОРЪ ГЕНЕРАЛЬ - АДЪЮТАНТУ ГРАФУ СТРОГОНОВУ 2му. Въ *Сенатскихъ Вѣдом.* (№ 7) напечатано что государь обративъ вниманіе на рѣчь, произнесенную Строгоновымъ 8 Декабря 1865 года, въ засѣданіи одесской городской Думы—призналъ рѣчь его *крайне оскорбительной для министра финансовъ и въ высшей степени неприличной и неумѣстной*. А потому велѣлъ Строгонову сдѣлать “выговоръ”, а князю Воронцову (градскому главѣ въ Одессѣ) объявить его *неудовольствіе* за допущеніе такой рѣчи и съ распространенія въ печати.

Вотъ и Строгоновъ и Воронцовъ попали въ одну категорію съ Благосвѣтловымъ, Некрасовымъ, Краевскимъ... демагоги, нигилисты!..

— *Правда-ли*, что изъ Петербурга сосланъ въ Сибирь безъ суда и слѣдствія какой-то купецъ, ходившій по дѣламъ торговцевъ Маріинскаго рынка?

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Обращаемъ особенное вниманіе нашихъ читателей на то, что Вольная Русская Типографія въ Женевѣ принимаетъ съ новаго года сверхъ заказовъ для печатанія на русскомъ, и на польскомъ, сербскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ.

Типографія снабжена новыми шрифтами и можетъ ручаться не только за точное и красивое выполненіе, но и за сравнительную дешевизну заказовъ.

Подробный тарифъ цѣнамъ печати на разныхъ языкахъ, въ разныхъ форматахъ и на разной бумагѣ — желающіе могутъ найдти въ Бюро Типографіи, 40, Pré l'Evêque.

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 215.

1 МАРТА 1866.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré l'Evêque и въ главныхъ депо — у Г. Гюрга, 10, Corraterie, Genève, у Н. Грюбнера и Ко., 60, Paternoster Row, Londres. Цѣна за листъ 50 сантимовъ безъ пересылки. Предлагаемъ почтовой тарифъ:

Въ Германію	15c.
— Австрію	15c.
— Англію	15c.
— Бельгію	5c.
— Францію	5c.
— Италію	3c.
— Неаполь и Сицилію	20c.
— Грецію (черезъ Марсель)	5c.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10c.
— Швецію	25c.
— Швейцарію	5c.

Parait à Genève tous les quinze jours. Le dépôt principal est chez H. GORG, à Genève, Corraterie, No. 10. A Londres, chez N. TRÜBNER et Co, 60, Paternoster Row. Le prix de chaque No est de 50 centimes, le port de la poste non compris. Tarif postal:

Allemagne	15c.
L'Autriche	15c.
Angleterre	15c.
Belgique	5c.
France	5c.
Italie	3c.
Naples et Sicile (voie de Marseille)	20c.
Grèce (voie de Marseille)	5c.
Turquie et Princ. Danubiennes (voie de Marseille)	10c.
Suède	25c.
Suisse	5c.

ОГЛАВЛЕНИЕ: М. С. Хотинскій (Эпизодъ изъ исторіи нашего заморскаго шпіонства)—Дѣло И. Андрущенко (Окопчаніе).

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЙ СТАТСКІЙ СОВѢТНИКЪ И КАВАЛЕРЪ

М. С. ХОТИНСКІЙ

(Эпизодъ изъ исторіи нашего заморскаго шпіонства).

М. С. Хотинскій, прочли мы съ мѣсяцъ тому назадъ въ русскихъ газетахъ, умеръ; онъ отмѣтили его ученыя труды, его 65 лѣтъ, ловкій переводъ популярной астрономіи Араго, и забыли его походъ въ Лондонъ. Желая пополнить этотъ пробѣлъ, мы расскажемъ его.

Въ началѣ 1863 года, какой-то старикъ явился въ нашу типографію въ Лондонѣ и, послѣ разныхъ приготовленій и околичностей, сказалъ Чернецкому, что у него есть тетрадь какихъ-то отрывковъ непронужденныхъ ценсурой, что онъ хотѣлъ бы дать ихъ мнѣ, но боится что я окруженъ шпіонами. Онъ спрашивалъ: не возьмется-ли Чернецкій ихъ передать. Чернецкій обѣщалъ ему сказать мнѣ и совѣтовалъ просто захватить въ Orsett house. Онъ отказался... Нѣсколько разъ приходилъ въ типографію, бралъ книги и Колоколъ и наконецъ все таки рѣшился, не смотря на опасность, ѣхать ко мнѣ. Два раза онъ не засталъ меня, я поѣхалъ къ нему. Паружность Хотинскаго (онъ же по русски былъ въ грязномъ, засаленомъ халатѣ на распашку и въ грязномъ бѣльѣ) очень не понравилась мнѣ. Онъ былъ учтивъ до униженія, шамшилъ беззубые комплименты, не могъ придти въ себя отъ радости, отъ волненія, что видитъ меня. И вдругъ началъ мнѣ разсказывать, что и онъ на старости лѣтъ гошимъ, что его призывали въ III отд. за какіе-то стихи въ пользу студентовъ, потомъ, чтобъ похвастать поэтическимъ дарованіемъ своимъ, сталъ мнѣ декламировать отвратительно-пишеческое стихотвореніе à la Barkoff. Когда онъ кончалъ, я промолчалъ и не улыбнулся. Онъ нѣсколько сконфузился и замѣтилъ, что онъ эти стихи читалъ Потапову въ свое оправданіе въ III отд. "И вѣрно съ успѣхомъ", прибавилъ я.

Что это, просто-ли развратный, илюгавый старичишка, вырвавшійся изъ общества въ которомъ "оправдываются" пахавыми стихами, или хуже? Во всякомъ случаѣ я рѣшился быть съ нимъ очень осторожнымъ.

Вечеромъ, въ одно Воскресенье онъ явился ко мнѣ, я предупредилъ всѣхъ, что я за него не отвечаю. Онъ расираскивалъ о русскихъ и полякахъ, и показался мнѣ до того подозрительнымъ, что я его шутя спросилъ во второе посѣ-

щеніе: "А что, какъ вы думаете, слѣдуетъ, или не слѣдуетъ колотить шпіоновъ если подвернутся?"—Что за доказательство колотить, отвѣчалъ Хотинскій, исколотить можно всякаго, если есть сила въ рукахъ".—"Вы мирный гражданинъ", сказалъ я ему и подумалъ: "онъ боится, это очень подозрительно, надобно отъ него отдѣлаться".

Онъ былъ раза два еще и тоже вечеромъ въ Воскресенье. Пока я придумывалъ какъ ему затворить дверь, приходитъ письмо. Знакомый почеркъ извѣщаетъ меня о томъ, что Хотинскій отправленъ шпіономъ изъ Петербурга, съ 1000фр. жалованья въ мѣсяцъ, слѣдить за мной и моими знакомыми. Въ истинности письма я не имѣлъ никакого сомнѣнія.

Здѣсь надо приостановиться и сказать, что подобнаго рода письма мы получали не разъ. Искренняя и глубокая благодарность анонимнымъ друзьямъ, дѣлавшимъ намъ или лучше нашему дѣлу такую великую услугу.

Первое письмо извѣщало насъ о Михайловскомъ, сидѣльцѣ у Трюбнера. Онъ предложилъ свои услуги черезъ Хребтовича (тогдашняго русскаго посла въ Лондонѣ) и обѣщался, за 200 фунтовъ въ годъ, доставлять списки лицъ посѣщающихъ насъ, образчики рукописей выкраденыхъ изъ типографіи, по мѣрѣ возможности узнавать пути, по которымъ посылается Колоколъ (отъ Трюбнера онъ же самъ посылать) и имена корреспондентовъ. Вышло затрудненіе: кто долженъ платить эти 200 фунтовъ. Князь Горчаковъ отказался, князь Доморукій тоже не хотѣлъ, рѣшились спросить государя. Пока шли переговоры, мы получили письмо, увѣщали Михайловскаго, прогнали его отъ Трюбнера и напечатали въ журналахъ.

Дѣло было въ 1857 году, въ тѣ времена, когда государю "еще новы были всѣ наслажденія самовластия" и шумъ льстецовъ и сонмъ шпіоновъ.

— Кто велѣлъ составить этотъ листъ? спросилъ Александръ Николаевичъ, бросая образцовый образецъ нашихъ гостей въ каминъ.

— Его представилъ Хребтовичъ.

— Онъ меня компрометируетъ.

И Хребтовичу достался нагоняй.

Бруновъ былъ слишкомъ уменъ, чтобъ дѣлать что подобное. Тѣмные агенты при немъ перестали дѣйствовать явно.

Второе письмо извѣщало насъ о Шуваловской родомонтадѣ, грозившей извести меня. Это письмо, послужившее косвеннымъ образомъ моему воскрешенію изъ мертвыхъ въ русскіи печати и прямымъ отвѣту отъ Шедо-Ферроти на мое письмо къ Брунову, — было получено въ двухъ экземплярахъ, одно было адресовано на имя Люнея Ротшильда и прочтено мною въ его присутствіи, другое на имя одного изъ извѣстныхъ нашихъ литераторовъ, который тотчасъ мнѣ его доставилъ.

И вотъ третье письмо, предупреждающее о Хотинскомъ. Обличить старая негодя было необходимо. Съ письмомъ въ рукѣ, отправился я къ князю П. В. Долгорукову, 10 Апрѣля 1863 года, онъ только-что пріѣхалъ въ Лондонъ и жилъ въ Альбермаль отелѣ. Онъ Хотинскаго знавалъ еще въ Петербургѣ и не подозрѣвалъ, но письмо мною полученное его не удивило. Дѣйствительно, въ Хотинскомъ было что-то впередъ подтверждавшее всякаго рода обвиненія.

Рѣшили мы пригласить астронома ко мнѣ и прочесть ему при свидѣтеляхъ письмо. Я бралъ на себя обвинить его въ глаза; далье программа не шла, мнѣ особенно хотѣлось се оставить импровизаціи, вдохновенно минуты. Чтобъ стоворитися о времени, мы послали одного изъ нашихъ знакомыхъ звать вечеромъ кой кою изъ назначенныхъ къ Долгорукову; распорядившись, я пошелъ читать газеты, а Долгоруковъ обѣдать въ Wellington. Тутъ счастливая звезда помогла астроному-наблюдателю. Онъ случайно тоже обѣдалъ въ Wellington'ѣ, подошелъ къ князю и объявилъ ему свое желаніе идти къ нему вечеромъ. Такимъ образомъ встрѣча съ нимъ, по его собственной винѣ, была не у насъ.

Когда я взошелъ къ Долгорукову, я засталъ почти всѣхъ и между прочимъ Хотинскаго, покойно разваливагося на диванѣ, онъ былъ въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа, хорошо поѣлъ, хорошо выпилъ и ничего не подозрѣвая ждалъ чаю.

— А вотъ и А. П., сказалъ онъ, вставая и подавая мнѣ руку.

— Погодите, прежде чѣмъ я вамъ подамъ руку, я хочу вамъ прочесть письмо.

Всѣ кругомъ молчали. Хотинскій взглянулъ на меня, на нихъ, и совершенно измѣнился въ лицѣ.

— Что такое? Очень радъ.

— Садитесь... онъ сѣлъ къ столу, я взялъ другой стулъ, сѣлъ возлѣ и громко прочесть письмо, наирая на слово *шпионъ*.

Старикъ вскочилъ и растерянно глядя то на меня, то на другихъ, сказалъ: Гдѣ? кто? кто этотъ злодѣй этотъ подлець, который меня обвиняетъ, его имя?—дайте его письмо?

— Да вѣдь не меня, а *ваше превосходительство* обвиняютъ въ шпионствѣ, а если я вамъ скажу имя, дамъ письмо, я такой же буду шпионъ.

— Господа, сказалъ онъ, этого я не ожидалъ... Что же это, и онъ вдругъ, понижая голосъ и рывляясь плаксиво, простоналъ: Вспомните, у меня есть дочь, пощадите *честное* имя старика... вы его запятнаете по извѣсту...

— Объ вашей дочери слѣдовало прежде думать, сказалъ я, съ презрѣниемъ глядя ему въ глаза.

Хотинскій закричалъ: Что это, *guet-apens*...

Огаревъ, вѣчно тихій, закричалъ на него еще сильнѣе. Онъ срѣзался.

Какъ невыразимо гадокъ былъ этотъ грязный старичишка, каждая черта его выражала страхъ, стыдъ, безсильную злобу пойманнаго звѣря, онъ былъ увѣренъ, что его поколотятъ;

еслибъ не князь Долгоруковъ и не Albermal Hôtel, можетъ его довѣріе и оправдалось бы. Я конечно не препятствовалъ бы. Этого рода тварей въ сущности ничѣмъ не проберешь, кромѣ тѣлесной боли и лишеніемъ средствъ, но послѣднее невозможно.

Я устала глядя на него, нервы не выдержали столько радости — и почти не принималъ никакого участія въ финалѣ.

Хотинскій обернулся ко всѣмъ бывшимъ въ комнатѣ и воинственнымъ гласомъ спросилъ: Неужели, господа, вы меня считали за доносчика?

— Считали, отвѣчали всѣ.

— Вы меня спрашивали имя банкира, которому можно вѣрно поручить деньги въ *Петербургѣ*, для присылки въ *Общій Фондъ*.

— Вы три раза допытывались узнать отъ меня фамилию молодого русскаго, котораго вы встрѣтили въ Orsett house.

Пастушило минутное молчаніе.

— Князь, сказалъ я, вы хозяинъ, освободите насъ отъ его присутствія.

— Вы понимаете, сказалъ ему Долгоруковъ, что единственное одолженіе, которое вы можете намъ сдѣлать — это выйти вонъ.

Хотинскій хотѣлъ что то сказать.

— Возлѣ васъ колокольчикъ, сказалъ Долгоруковъ.

Слово колокольчикъ подѣйствовало. “Я иду, я оставляю васъ — бормотать дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ, я прерываю всѣ сношенія — я такъ уважалъ” и онъ бросился, забывъ свое пальто и внутренно радуясь цѣлости шель и реберъ.

Пальто ему бросили въ слѣдъ, а Долгоруковъ громко сказалъ лакею внизу: “этого человѣка не пускать больше.”

Мы пошли по домамъ, въ грустномъ расположеніи, сцена сама по себѣ была гадкая, и чего то не доставало...

... Знаменитый физиологъ Лонже, гуляя какъ то со мной въ Montpellier и жалуюсь на боль, оставшуюся въ боку отъ сильной плерези, сказалъ мнѣ: “А знаете ли отъ чего у меня была эта проклятая плерези? Вы не повѣрите — а я васъ увѣряю, что такъ. Вы знаете, что мы заклятые враги съ ***. Онъ называлъ одного академика. “Разъ этотъ злой старичишка до того меня разсердилъ, что я схватилъ его за руку и вѣ себя отъ бѣшенства сказалъ ему: “если вы не замолчите, еще одно слово”. Онъ замолчалъ, и я его не поколотилъ — а пришелъ домой въ лихорадкѣ и слегъ въ постель. Поколотилъ я этого и зверга, у меня не было бы плерези”

Въ 161 листѣ *Колокола* (15 Апрѣля 1863), мы и печатали о вѣсти полученной нами на счетъ астронома Хотинскаго и прибавили: “Предоставляя г. Хотинскому всѣ средства подтвердить или опровергнуть официальность своего ученаго порученія, мы съ своей стороны головы всегда способствовать благодѣтельнымъ видамъ правительства и убѣжденные, что въ Англійи всего труднѣе дѣлать знакомства — постараемся *слѣдующаю миссионеръ-наблюдателя* рекомендовать англійскому народу”.

Послѣ сцены въ Albermal Hôtel, Хотинскій скрылся — и мы стали забывать его, какъ вдругъ снова письмо: “Хотинскій опять отправляется въ Лондонъ, вѣроятно онъ будетъ тамъ вмѣстѣ съ этимъ письмомъ и проч.” Немовѣрная глупость этого шпионскаго *рецидива*, заставила меня сначала усомниться, а потомъ вдвое повѣрить въ нее.

Нѣсколько дней прошло — ни слуха, ни духа. Русскіе, не говоряніе по англійски, остаиваются обыкновенно въ грязныхъ французскихъ отеляхъ на Лестер - Скверъ и на улицахъ и переулкахъ къ нимъ притекающихъ. Это центръ лондонскаго разврата, ночныхъ кабаковъ, почпыхъ силъфидъ, Кафе - шантав', Аргайль - рума и всѣхъ другихъ румовъ, съ музыкой и безъ музыки. По химическому еродству и этнографической необходимости, наши соотечественники средней руки льгнутъ къ этимъ мѣстамъ. Хотинскій по всѣмъ правамъ долженъ былъ осѣсть тамъ, да тамъ онъ и прежде жилъ. Я отправился сначала на его старую квартиру, хозяйка сказала что у нея онъ не былъ, (она продавала газеты) но что кажется она его видѣла на улицѣ.

За тѣмъ я пошелъ въ *Sablondière Hôtel*. Помните ли вы, сказалъ я консьержу, мѣсяца два тому назадъ у васъ стоялъ такой то? Миѣ говорили, что онъ опять пріѣхалъ.

— Пѣтъ не помню.

— Да онъ такой, такой — старый, беззубый.

— Позвольте, онъ польскій генералъ?

— Можетъ быть.

И консьержъ справился въ книгѣ. *M. Chotinskj, général polonais*, да онъ сѣхалъ.

— Гдѣ же генералъ теперь живетъ?

Коммиссіонеръ стоявшій у входа, сказалъ что онъ живетъ возлѣ, на Лестер-Скверѣ, въ такомъ то N.

— Пожалуста сходите къ нему, и спросите дома ли онъ?

Коммиссіонеръ пошелъ. А я обратясь къ консьержу и гарсонамъ сказалъ: Вы не подумайте, что я знакомъ съ этимъ человѣкомъ, или что онъ въ самомъ дѣлѣ польскій генералъ, онъ русскій шпионъ. Если вамъ случится кому-нибудь это рассказать, даже ему самому, то не забудьте отъ кого слышали — и я передамъ консьержу карточку, къ великому удовольствию его и его товарищей.

Коммиссіонеръ возвратился. Дѣйствительно Хотинскій жилъ тамъ, но его не было дома.

Оставить Хотинскаго въ покоѣ было невозможно. Я началъ съ того, что пошелъ въ ближнее кафе и написалъ короткое извѣщеніе о возвращеніи "русскаго агента Хотинскаго въ Лондонъ", предостерегая поляковъ нашихъ друзей и отмѣтивъ его квартиру. Съ этою запиской пошелъ я въ *Daily News*. Въ редакціи засталъ я Эдуарда Пигота. Напечатаете? спросилъ я. — "Да, если вы подпишите". — Письмо подписано. Отъ Пигота я пошелъ лабиринтомъ крошечныхъ, продыленныхъ переулковъ, каждый съ своимъ сквернымъ запахомъ, отдѣляющимъ Флитъ Стритъ отъ Соо. Тамъ въ одномъ изъ наиболѣе продыленныхъ переулковъ, держалъ крошечный кафе, бывшій мой поваръ, отличнѣйшій и прекраснѣйшій старикъ Ватеріано Тассинари. Романьоль, старый солдатъ итальянскаго возстанія, рефюжне со время римской кампаніи 1849 года, одна изъ тѣхъ пѣнкомъ выдѣлавшихся плебейскихъ натуръ, недалкихъ, честныхъ, простыхъ, героическихъ, для которыхъ *la patria, l'unità, l'indipendenza italiana* — религія, долгъ, нравственность, семья, для которыхъ Маццини и Гарибальди — Богъ и Папа. Уставши жариться у плиты нѣсколько часовъ въ ряду, старикъ завелъ свое маленькое заведеніе, едва доставлявшее ему пропитаніе. Къ нему то я и явился часу въ девятомъ вечера. Старый левъ печально сидѣлъ съ трубкою въ зубахъ, передъ бутылкой какого то итальянскаго вина, положи свою сѣдую бопаро-

тievскую голову на руку, онъ крѣпко думалъ...объ Итали-ли думать онъ, или объ томъ, что финансы плохи?

— Тассинари, я къ вамъ съ просьбой. Онъ поднялъ голову. Я рассказалъ ему первую исторію съ Хотинскимъ, а потомъ мое новое обрѣтеніе честнаго старца.

— *Virbone!* — говорплъ старикъ, и лице его все больше и больше оживлялось. — *Faut-t-il lō battr'?*

— *Pas encore*, отвѣчалъ я смѣясь, но надо его взять подъ надзоръ, чтобъ онъ не ухалъ, не переѣхалъ, не пропалъ бы изъ виду. Гдѣ его въ Лондонѣ потомъ сыщешь?

— *Je sарite parfaitement, je sарite*, будьте покойны.

"Le vieux coursier a senti l'aiguillon".

Старикъ скучалъ, былъ безъ дѣла, единственное развлеченіе, которое у него было "эскармуши" съ его супругой, французенкой и съ мальчикомъ сыномъ, котораго онъ любилъ безъ души и колотилъ, чтобъ сдѣлать "человѣкомъ", ему надоѣло, онъ былъ безъ дѣла, безъ занятія. Вдругъ *Iddio* посылалъ ему заботу, хлопоты и въ перспективѣ надежду поколотить *un agente del Tzar...* и Тассинари помолодѣлъ — наплъ мпѣ стаканъ ужаснаго итальянскаго вина, увѣряя что оно очень хорошо — и что онъ его получаетъ прямо съ корабля какого то капитана; послѣднее могло быть справедливымъ, но о вкусахъ спорить не велѣно.

Daily News утромъ, *Express*, *Evening Star* и проч. вчеромъ возвѣстии на другой день Лондону о пріѣздѣ шпиона и о его мѣстѣ жительства. Хотинскій, съ христіанскимъ смиреніемъ схлебнувшій все что было въ *Albermal street*, увидя свое имя въ англійскихъ газетахъ, написалъ мнѣ слѣдующее письмо (*Кол.*, л. 165, 10 Іюня 1863):

"Мн. Гг въ No 161 'Колокола' я прочелъ статью, въ которой вы извѣщаете о полученномъ Вами извѣщеніи, что какой-то профессоръ Ходинскій или Хотинскій отправляетъ отъ III отд. наблюдателемъ въ разные страны и между прочимъ въ Лондонъ, съ капиталомъ въ 12,000 фр. или руб., за симъ вы прибавляете, что какой-то д. с. с. Хотинскій проживаетъ въ Лондонѣ и занимается разными наблюденіями и пр.

"Я не отвѣчалъ тотчасъ же на это извѣщеніе, потому что находился въ Россіи. Бывъ, возвратясь на короткое время въ Лондонъ, спѣшу настоящимъ отвѣтомъ, покорнѣйше прося Васъ, мм. гг., во имя правды, которой защитниками Вы себя объявляете, напечатать это письмо въ ближайшемъ номерѣ вашего журнара.

"До профессора Ходинскаго или Хотинскаго, котораго я вовсе не знаю, мнѣ нѣтъ никакого дѣла, равно какъ и до слѣзаннаго ему будто-бы порученія. Что же касается до меня нижеподписавшагося, то я дономъ считаю довести до вашего и всѣхъ вашихъ читателей свѣденія, что я ни отъ кого подобныхъ порученій не принимаю, да вообще исполнять такіа порученія несогласно съ моимъ характеромъ и убѣжденіями. Я въ теченіи слишкомъ двадцати лѣтъ занимаюсь постоянно науками, а въ послѣднее время присоединилъ къ тому еще промышленно-торговое предпріятіе, къ соглядатайству же и миссіонерству чувствую себя совершенно неспособнымъ. Что касается до средствъ моихъ къ жизни, то хотя до этого нѣтъ никакого дѣла, но и могу откровенно сказать Вамъ, что неговоря о собственномъ небольшомъ состояніи, я напечаталъ болѣе двадцати томовъ учено-литературныхъ трудовъ и сотрудничалъ во многихъ русскихъ журналахъ, что доставляло мнѣ постоянно около 4,000 руб. въ годъ и мѣнять этого честнаго труда на тотъ, который вы мнѣ навязываете, я не намѣренъ и даже не вижу выгоды.

"Если вы имѣете какія-либо положительныя доказательства, что я продалъ себя, то напечатайте ихъ и пусть публика судить насъ. Если же этихъ доказательствъ нѣтъ, то возводимое на меня обвиненіе есть чистая клевета! Спрашиваю Васъ и каждого — позволительно-ли бросать грязью на честное имя человѣка изъ за подозрѣнія, немнѣющаго никакихъ положительныхъ основаній? Вызываю Васъ доказать мою виновность и если вы не докажете (что я энергически утверждаю), то пусть весь стыдъ клеветы падетъ на ее изобрѣтателя. Я былъ въ Лондонѣ и теперь нахожусь здѣсь по моимъ частнымъ дѣламъ и занимаюсь покупками, да посѣщеніями здѣшнихъ ученыхъ учрежденій, а не присматриваю за кѣмъ бы то ни было, или вывѣдываю какіхъ-либо тайнъ политической пропаганды.

"Повторяя просьбу мою о напечатаніи этого письма въ ближайшемъ номерѣ 'Колокола', я желаю Вамъ, мм. гг., того же спокойствія совѣсти, которымъ самъ наслаждаюсь. — М. Хотинскій, 31, Leicester Square, London".

Мы отвѣчали въ томъ-же *Колоколъ* :

“Для насъ эта исповѣдь наивнаго сердца также мало опровергаетъ связи ученаго автора “двадцати томовъ” съ III отд. канцеляріи е в , какъ его личное объясненіе у князя П. В. Долгорукова, которое г. Хотинскій заиматовалъ, не смотря на то, что “Листокъ” могъ ему легко напомнить.

“Требовать отъ насъ доказательствъ документальныхъ—старая шутка. Мы можемъ доказать только доносомъ на того кто писалъ, но доносовъ мы не дѣлаемъ, или дѣлаемъ ихъ на основаніи similia similibus, исключительно и шпіоновъ. Письмо, въ которомъ насъ извѣщали о служебныхъ рекреацияхъ г. Хотинскаго, я ему читалъ вслухъ при пяти свидѣтеляхъ, и онъ не изъявилъ никакого сомнѣнія въ его матеріальной достовѣрности. Но дѣло не ограничивается этимъ письмомъ. Мы были извѣщены и о послѣдующихъ дѣйствіяхъ ученаго корреспондента потановскаго заведенія, мы знали, что онъ снова ѣдетъ въ Лондонъ (въ чемъ можемъ сослаться на кн. П. В. Долгорукова и на нѣсколько другихъ свидѣтелей) и не знали чему больше дивитися—циническому-ли мужеству г. Хотинскаго, или нечестности Потанова, посылающаго того же тайнаго корреспондента въ тотъ-же городъ, гдѣ его тайный трудъ былъ такъ явно оцѣненъ—забывая, что маскарадная шутка оканчивается тамъ, гдѣ падаетъ маска.

“За сямъ, издатели “Колокола”, отказываются отъ помѣщенія всякаго рода писемъ и статей г. Хотинскаго—кромѣ “Колокола” есть много органовъ для такихъ продуктовъ”.

... Черезъ день послѣ того какъ я поѣхалъ Тассинари, онъ явился ко мнѣ часовъ въ 8 утра, причесанный и веселый, онъ принесъ мнѣ рапортъ, что Хотинскаго отдалъ подъ надзоръ, что questo birbante труситъ чего-то, никого не принимаетъ, не открываетъ ставни въ спальнѣ и что ему принесли вчера на домъ три бутылки Porto и шесть портера.

— Allez! il est sous une bonne surveillance.—J'ai là, au rez-de-chaussée, un perroquet, qui me dit tout...

Я съ изумленіемъ смотрѣлъ на итальянца.

— Sì, sì, il est des nostres ce perroquet, è da Forlì...

Давно ли это попугаи извѣстные за болтовню употребляются по части шпіонства за шпіонами?

— Lui m'a arrangé la barba stamatinе, c'est un grand ami à moi ..

Гугъ только я понялъ, что дѣло шло не о попугаѣ, а о парикмахерѣ, который жилъ въ одномъ домѣ съ Хотинскимъ.

Я не могъ не рассказать этотъ комическій инцидентъ, который насъ тогда необыкновенно смѣшилъ.

Хотинскій замѣтилъ надзоръ и, вѣроятно раза два встрѣтивъ Тассинари, не выпесъ его глаза и однимъ добрымъ утромъ уѣхалъ изъ Лондона “въ Teneriffъ дѣлать наблюденія надъ солнечнымъ затмѣннемъ”, какъ онъ объявилъ хозяину.

Похожденія его какъ шпіона въ Лондонѣ и сцена въ домѣ у Долгорукова разнеслись, но такъ велико растлѣніе русскаго общества, что лазутчикъ осмѣлился явиться ораторомъ въ географическомъ обществѣ, и считающія себя честными газеты—помянули его добрымъ словомъ послѣ его смерти.

Годъ тому назадъ мнѣ рассказывалъ одинъ флотскій капитанъ, что его товарищъ, бывшій въ 1863 г. въ Лондонѣ, съ своимъ кораблемъ, сказывалъ ему, что Хотинскій приѣзжалъ на его корабль, предлагалъ молодымъ офицерамъ, штурманамъ и гардемаринамъ *Колоколъ* и *Полярную Звѣзду*, говорилъ, что знакомъ со мной, что бываетъ у Долгорукова и спрашивалъ не хотять-ли они познакомиться. Быть представленнымъ Хотинскимъ никто не хотѣлъ, но молодые люди взяли у него книги и *Колоколъ*, а онъ донесъ объ этомъ въ III отдѣленіе, и еслибъ говорилъ мнѣ капитанъ не братъ начальника того корабля, то молодые люди попались бы по милости этого негодя въ бѣду.

Какой почтенный старецъ и какое почтенное правительство, употребляющее такія средства!

ДѢЛО П. АНДРУЩЕНКО

(Окончаніе).

По окончаніи слѣдствія въ г. Черниговѣ, Посъ объявилъ судебному слѣдователю, что не отвергая и не подтверждая показаній, данныхъ свидѣтелями, онъ не отрицаетъ справедливости ихъ и проситъ прежде составленія надъ нимъ приговора, истребовать медицинское заключеніе о состояніи духа его въ моментъ происшедшаго случая, такъ какъ это только можетъ быть разрѣшено психіатріею. На вопросъ о семъ черниговскаго уѣднаго суда, тамошня врачевная управа отозвалась, что раздраженіе души отъ какихъ бы причинъ и условій ни послѣдовало въ моментъ сильныхъ ощущеній гнѣва, къ несчастію можетъ отуманить разумъ. Къ этой катастрофѣ можно примѣнить и жалкій поступокъ Носа, который въ пылу гнѣва, къ удивленію знающихъ его благородную служебную честность, не мысленно перешелъ за предѣлы разума. Но что было поводомъ патетическаго состоянія души Носа, въ моментъ его поступка свидѣтельскія показанія могутъ лучше и безошибочнѣе разрѣшить этотъ вопросъ, чѣмъ врачевная управа. Кромѣ того управляющій III отд. собст. его имп. величества канцеляріи, сообщилъ имѣющимся въ ономъ свѣденія о Носѣ. Изъ свѣдѣній этихъ видно, что черниговскій гражданскій губернаторъ, 6-го Февраля 1860 г. доносилъ министру внутреннихъ дѣлъ, что дошедшія до министерства слухи о сборищахъ молодыхъ людей въ квартирѣ Носа, справедливы. Въ 1862 г., раннею весною, по полученнымъ отъ полиціи указаніямъ, губернаторъ пригласилъ къ себѣ Носа и внушалъ ему, что сборища, на коихъ выражались бы такъ называемыя малороссійскія стремленія, ни подъ какимъ видомъ терпимы не будутъ, на что Носъ увѣрялъ, что бывшіе у него посѣтителы не имѣли никакой въ означенномъ духѣ цѣли и вмѣстѣ былъ положенъ всему этому конецъ. Стремленіе кружка, собиравшагося у Носа и называвшагося въ публикѣ, въ видѣ насмѣшки, *курениемъ*, выражались тѣмъ, что участвовавшія въ немъ лица носили крестьянскую одежду и занимались пѣніемъ малороссійскихъ пѣсенъ. По малому сочувствію, съ какимъ были встрѣчены подобныя выходки и въ особенности по ничтожности значенія и вѣсѣ въ чьихъ либо глазахъ лицъ бывшихъ у Носа, губернаторъ счелъ тогда возможнымъ ограничиться запрещеніемъ созывать у себя подобныхъ гостей; тѣмъ же изъ сихъ послѣднихъ, которыхъ встрѣчалъ на улицѣ, въ малороссійской одеждѣ, губернаторъ сдѣлать у себя въ кабинетѣ не гласную головомойку. Въ Декабрѣ 1862 г. черниговскій жандармскій штабъ-офицеръ объявилъ, что у Носа бывають сходбища молодыхъ людей, вслѣдствіе сего губернаторъ снова пригласилъ къ себѣ Носа, и въ третій разъ призывалъ къ себѣ, когда получилъ запросъ изъ министерства и въ оба эти раза подтвердилъ ему то, что было сказано въ первый разъ, при чемъ Посъ далъ слово отстранить поводъ къ подобнымъ парѣканіямъ.

О посѣщеніяхъ же его нѣкоторыми лицами, онъ объяснилъ простымъ послѣдствіемъ долговременнаго его пребыванія въ Черниговѣ и обширнымъ кругомъ знакомства. Къ этому губернаторъ присовокупилъ, что по его мнѣнію, полезно было бы ограничиться въ отношеніи Носа, сдѣланнымъ ему внушеніемъ, ибо иначе онъ и лица его посѣщавшія достигнутъ нечаянной, по крайней мѣрѣ желаемой ими цѣли,

приобрѣтенія какого либо значенія. Прежде сего черниговскій жандармскій штабъ-офицеръ 12 Января 1863 г., секретною запискою, доносилъ, что въ Юнѣ 1863 г. въ г. Черниговѣ, нѣкоторые изъ дворянъ, по примѣру студентовъ мѣвскаго университета, начали ходить въ национальныхъ малороссійскихъ костюмахъ, которые надѣвали и состоящие на службѣ чиновники. Вслѣдствіе сего, по совѣщаніи съ пачальникомъ губерніи, сообщено предсѣдателямъ присутственныхъ мѣстъ, чтобы они не дозволяли подвѣдомственнымъ имъ чиновникамъ ходить въ непривоенномъ одѣяніи, съ тѣмъ, что если кому либо одѣтому въ костюмъ простолюдина, будетъ оказана полицейскими служителями *невѣжливость, то жалобы на это будутъ оставляться безъ вниманія.* Этою мѣрною было прекращено ношеніе национальной одежды. Впослѣдствіи дознано, что операторъ Носъ принималъ къ себѣ молодыхъ людей, безъ различія состоянія, лишь бы гость былъ одѣтъ въ национальный костюмъ и выѣзжалъ съ нимъ за городъ, гдѣ раскладывали огонь, жарили на палочкахъ сало, пили, пѣли малороссійскія національныя пѣсви, декламировали стихи Шевченко, по въ чемъ заключались ихъ толки неизвѣстно, и такъ какъ все это велось въ секретѣ, то начальникъ губерніи потребовалъ къ себѣ Носа, и объявилъ ему, что *скандальныя* поступки его влекутъ за собою невыгодное мнѣніе о немъ начальства и что если и за нимъ въ его квартирѣ будутъ собираться молодые люди *въ малороссійскихъ костюмахъ*, то для прекращенія сего будутъ приняты болѣе серьезныя мѣры. Носъ этого Носъ прекратилъ на нѣкоторое время свои загородныя прогулки и собранія молодыхъ людей, но называлъ свою квартиру куренемъ, выставивъ на стѣнѣ ящикъ, въ который посѣтителю куреня были обязаны класть мелкія деньги и сверхъ ящика прибилъ надпись: *кто куре дудочку, той клади копійку, а кто молочу, той два копійки, для добраго діла.* Въ заключеніе черниговскій штабъ офицеръ объяснилъ, что такъ какъ посѣтителю куреня безпрестанно увеличиваются, то можно заключить, что поступки Носа могутъ имѣть дурныя послѣдствія, а потому ходатайствовалъ о переводѣ Носа, называя его главнымъ предводителемъ общества малороссофиловъ, на службу въ отдаленныя великороссійскія губерніи, гдѣ национальность его не будетъ имѣть *подражателей?*

Въ бумагахъ Носа, между прочимъ, оказалось письмо Киевскихъ студентовъ, въ видѣ адреса и съ подписью “Высокоповажне панове, чернеговска громада”, а въ другихъ письмахъ къ Носу, отъ разныхъ лицъ, онъ называется Куреннымъ Атаманомъ.

При производствѣ въ Черниговѣ слѣдствія, Носъ объяснилъ что зимою 1862 г., онъ подавалъ полицмейстеру майору Ляшенкѣ объявленіе, которое было написано четко и правильно, но Ляшенко при чтеніи его обратился къ нему съ вопросомъ “вы аптекаръ?”,—на что Носъ отвѣчалъ, что онъ не аптекаръ, а операторъ и что объявленіе званія его написано довольно четко. Продолжая читать объявленіе, Ляшенко постоянно измѣнялъ слова, какъ бы не понимая смысла, а потому Носъ, чтобы прекратить дальнѣйшіи разговоръ, попросилъ Ляшенку возвратитъ объявленіе, при чемъ добавилъ, что объявленіе написано по русски и четко и что его удивляетъ такое обращеніе Ляшенки. Хотя съ этихъ поръ Носъ не имѣлъ никакого дѣла съ Ляшенкою, но догадывался, что частныя доклады начальнику губерніи о томъ что у него (Носа), собирается сборище непозволительныхъ людей,

были отъ полицмейстера, тогда—какъ подобныхъ сборовъ Носъ никогда себѣ не позволялъ.

Примѣчаніе. Къ дѣлу приложена копія объявленія Носа, поступившаго въ черниговскую городскую полицію 27 Февраля 1862 г. Въ этомъ объявленіи Носъ жаловался полиціи, что къ нему въ квартиру 3 раза забирались воры, а однажды уже вывели изъ конюшни лошадей, что постоянно повторяющіяся въ городѣ воровства происходятъ отъ множества безпаспортныхъ евреевъ, и что въ находящемся вблизи квартиры Носа гостиницѣ, въ теченіи всей ночи бываетъ шумъ и пьянство. Объявленіе это передано для исполненія приставу второй части г. Чернигова, который, обязавъ содержателя гостиницы подпискою о недопущеніи беспорядковъ, донесъ 10 Марта того же года, что, относительно преслѣдованія воровъ, съ его стороны имѣется надлежащее распоряженіе.

При допросѣ въ комиссіи Носъ объяснилъ: что слово *громада* не было въ употребленіи у нихъ въ Черниговѣ и онъ слышалъ его отъ студентовъ мѣвскаго университета и петербургскихъ знакомыхъ, употреблявшихъ это слово относительно своихъ товарищей и знакомыхъ, которые, вѣроятно, взявши какой нибудь предметъ дѣятельности, трудились паче нимъ, или же сообщались для чтенія, бесѣды и также пѣнія.

Такъ Носъ представлялъ себѣ значеніе слова *громада*, которое было въ употребленіи преимущественно у Киевлянъ, но оно неправильно присвоено извѣстному числу людей, трудящихся для какого нибудь дѣла, по этому Носъ шутитъ надъ этимъ словомъ и говоритъ, что хвастаются знаніемъ языка, а не знаютъ значенія слова “громада”, что какіе нибудь полтора человекъ называются громадою. Вѣроятно, писавшій къ нему письма болѣе изъ чести сдѣлалъ ему это названіе, придавая этому слову значеніе лицъ, трудящихся или надъ издаціемъ учебниковъ или надъ распространеніемъ грамотности или разработкою народныхъ или архивныхъ памятниковъ.* Куреннымъ атаманомъ, года три назадъ его дразнилъ Кулишъ, проѣздомъ чрезъ Черниговъ, вѣроятно въ шутку, впрочемъ Богъ его знаетъ, по крайней мѣрѣ Носу это не нравилось, ибо онъ имѣетъ свое крещеное имя и названіе.

Въ Черниговѣ о словѣ *громада*, какъ не существующемъ, никто не знаетъ и оно, вѣроятно, въ видѣ чести употреблено писавшимъ. Трудиться надъ издаціемъ книжки, надъ распространеніемъ грамоты и разработкою народной словесности можно при университетѣ, гдѣ есть люди и ученые университетскаго образованія, а въ Черниговѣ что знаетъ канцелярскій чиновникъ, кончившій курсъ въ уѣздной школѣ? Онъ получаетъ 10 руб. жалованія, доходить до животнаго состоянія, не имѣя возможности имѣть для образованія своей души и къ употребленію свободнаго времени нужныя книги. Состояніе этихъ людей возбуждаетъ сожалѣніе и всякій желающій добра видитъ какъ отъ недостатка развитія тратятъ они свои силы въ порокахъ, чтобы заглушить свое неутихнтельное положеніе. Съ одной стороны Носъ былъ внимателенъ къ ихъ положенію, по простотѣ обращенія и доступности они свободно приходили къ Носу, или за книгами, или за медицинскимъ пособіемъ, и онъ—ради человѣческаго чувства, никогда не отказывалъ имъ, при чемъ иногда говорилъ съ ними о чемъ либо, приходилось съѣсть пѣсню и хлѣбомъ солью подѣ-

* Изъ дѣла видно, что Носъ занимался составленіемъ народнаго Лечебника и извлеченіемъ историческихъ свѣдѣній изъ старыхъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ черниговскаго губернскаго правленія.

лится; къ тому же онъ имѣлъ книги для продажи, то желающіе приходили покупать ихъ, но для этого не было никакого опредѣеннаго времени, большею же частью онъ не бывалъ дома особенно вечеромъ*. Направленіе Носа, взглядъ на жизнь, на общество, на власть находится въ самыхъ честныхъ нравственныхъ и законныхъ отношеніяхъ, объ этомъ извѣстно всякому въ Черниговѣ, извѣстно товарищамъ Носа и ближайшему начальству, такъ что настоящій несчастный случай поразилъ глубокимъ страданіемъ всѣхъ знающихъ Носа.

25) Московскій книгопродавецъ *Кундтъ* и

26) Петербургскій книгопродавецъ *Шмидекампа*.

По показанію Андрущенко, что *Колоколъ* и *Полярную Звѣзду* онъ покупалъ въ Москвѣ у книгопродавца *Кундта*, былъ произведенъ у него обыскъ, равно у *Шмидекампа*, который, какъ оказалось изъ писемъ его къ *Кундту*, взятыхъ у сего послѣдняго при обыскѣ, участвовалъ вмѣстѣ съ нимъ въ пріобрѣтеніи запрещенныхъ сочиненій и пересылалъ изъ С. Петербурга въ Москву.

По производству комиссіи оказалось: книгопродавецъ *Кундтъ* получалъ изъ иностранной цензуры въ С. Петербургѣ чрезъ посредство комиссіонера своего *Шмидекампа*, выписываемыя изъ за границы запрещенныя сочиненія, покупалъ будто у неизвѣстныхъ евреевъ въ Москвѣ *Колоколъ* и въ бытность въ 1863 г. за границею, вывезъ оттуда нѣсколько номеровъ *Колокола*, которые у него при обыскѣ и найдены. Изъ писемъ и бумагъ *Кундта* и *Шмидекампа*, взятыхъ у нихъ при обыскѣ, видно: что первый изъ нихъ, настоятельно требовалъ, а второй высылалъ ему изъ Санктъ Петербурга, безусловно запрещенныя сочиненія, получая ихъ изъ иностранной цензуры.

Купецъ *Шмидекампа* объяснилъ, что получалъ для *Кундта* изъ иностранной цензуры запрещенныя сочиненія съ разрѣшенія цензоровъ по реверсамъ, предъявляя въ цензуру письмо *Кундта* и никогда ничего не скрывалъ, что такія сочиненія и тѣмъ же путемъ получали чрезъ него книгопродавцы въ Москвѣ: *Готье*, *Рено*, *Альтъ* и *Дейбверъ*, для себя же *Шмидекампа* выписывалъ книги изъ *Лейпцига*, чрезъ *Брауна*. Изъ того же показанія *Шмидекампа* видно, что онъ *Кундтъ* и другіе книгопродавцы платили въ цензурѣ деньги въ видѣ благодарности.

Комиссія, сообразивъ вышеизложенныя обстоятельства, относительно дѣйствій книгопродавцевъ *Кундта* и *Шмидекампа*, по торговлѣ запрещенными сочиненіями и имѣя въ виду, что высочайшимъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату 14 Января 1863 г., наблюденіе за производеніями печати и управленіе цензурою, возлагаются на министерство внутреннихъ дѣлъ, заключила: дѣло по изясненному предмету, отдѣлить отъ общаго производства комиссіи и препроводить къ министру внутреннихъ дѣлъ, для дальнѣйшаго изслѣдованія въ законномъ порядкѣ и поступленія съ виновными по закону, предоставивъ при этомъ стать секретарю *Вауеву* окончательное распоряженіе, относительно содержанія подъ арестомъ *Кундта* и *Шмидекампа*.

Такое заключеніе комиссіи удостоено высочайшаго утвержденія, при чемъ его величеству благоугодно было повелѣть обратить на то обстоятельство, что *Кундтъ* и другіе

книгопродавцы платили въ цензуру деньги въ видѣ благодарности, особенное вниманіе министра внутреннихъ дѣлъ.

27) Акцизной надзиратель въ г. Старицѣ, Тверекой губ. коллежскій секретарь *Николай Данскій*.

28) Студентъ Моск. университета *Иванъ Дрига*, (находится на свободѣ).

Въ бумагахъ Андрущенко оказалось письмо къ нему студента *Дрига* въ 1861 г. изъ Москвы, въ которомъ *Дрига* увѣдомлялъ, что экземпляры *Колокола* онъ взялъ, у кого говорилъ Андрущенко, а *Полярной Звѣзды* въ глаза не видалъ.

Андрущенко показалъ, что въ бытность свою въ Черниговской губ., въ письмѣ къ *Дригѣ*, просилъ его, чтобы онъ взялъ у студента Данскаго *Колоколъ* и *Полярную Звѣзду*, и хранилъ бы у себя до удобнаго случая, при которомъ могъ бы переслать Андрущенко эти изданія. *Колоколъ*, по просьбѣ Данскаго, Андрущенко оставилъ ему для прочтенія предъ выѣздомъ изъ Москвы, а *Полярную Звѣзду* Андрущенко въ то время еще не получилъ отъ *Кундта*, но заплативши ему деньги, просилъ его по полученіи изъ за границы, передать Данскому. Спрошенные на мѣстѣ нахождения *Дрига* въ Москвѣ, а *Данскій* въ г. Старицѣ, объяснили: *Дрига*, что по рекомендаціи Андрущенко, онъ бралъ отъ умершаго студента *Маховѣва Колоколъ* и *Полярную Звѣзду*, которые и возвратилъ *Маховѣву* по прочтеніи, о чемъ увѣдомилъ Андрущенко, что отъ самаго Андрущенко онъ *Колокола* не бралъ и что порученія отъ него взять у Данскаго означенныя изданія, ни письменно, ни словесно не получалъ; *Данскій* объяснилъ, что Андрущенко передъ своимъ отѣздомъ изъ Москвы, просилъ его, какъ знакомаго, получить книги отъ *Кундта* и выслать ему, но просьба эта Данскимъ исполнена не была, такъ какъ вскорѣ послѣ того онъ, по случаю наступленія каникулъ уѣхалъ изъ Москвы, что сколько помнитъ *Данскій Колокола* у Андрущенко не просилъ и онъ ему такого не оставлялъ, и что по этому просьбы Андрущенко къ *Дригѣ Данскій* исполнить не могъ.

29) Учитель Черниговской гимназіи надворный совѣтникъ *Дорошенко*,

30) Лѣкарь *Федоръ Клетиковскій*.

Андрущенко показалъ: что найденныя у него при обыскѣ рукописныя воззванія: *Къ молодому поколѣнію* и 3 нумера *Великорусса* оказались у него по слѣдующему случаю: въ Февралѣ 1863 г. Андрущенко ѣздилъ съ студентомъ *Павломъ Кивичемъ* изъ Чернигова въ Кіевъ и познакомился у *Кивича* съ приходившимъ къ нему *Кистяковскимъ*, докторомъ, который просилъ Андрущенко передать въ Черниговѣ *Дорошенкѣ* письмо и запечатанный пакетъ, а такъ какъ *Кистяковскій* говорилъ чтобы особенно беречь пакетъ и передать его собственноручно *Дорошенкѣ*, то это подстрекнуло любопытство Андрущенко, такъ, что онъ распечаталъ пакетъ и увидѣвъ какія въ немъ хранились бумаги, оставилъ ихъ у себя, рѣшившись сказать *Дорошенкѣ*, что посылку отъ *Кистяковскаго* забылъ въ Кіевѣ; *Дорошенко* показалъ, что онъ въ Февралѣ 1862 г. ни чрезъ Андрущенко, ни черезъ кого другаго, ни письма, ни воззваній не получалъ, да, сколько помнитъ, едва въ Февралѣ 1862 г. былъ знакомъ съ *Кистяковскимъ*. *Кистяковскій*, по случаю нахождения за границею, для излеченія болѣзни неспрошенъ. Кромѣ того въ бумагахъ Андрущенко оказалось письмо къ нему *Дорошенки* отъ 5 Августа 1861, въ

* Изъ дѣла видно, что къ Носу дѣйствительно присылали издатели книги на малороссійскомъ языкѣ для продажи.

коемъ между прочимъ сказано: "извините, Иванъ Алексѣевичъ, что я не отвѣчалъ на ваше письмо, до сихъ поръ я не былъ въ Черниговѣ, теперь же скажу, что всѣхъ подробностей Нѣжинскаго дѣла я не знаю, подробное же описаніе находится въ хорошихъ рукахъ и навѣрно не погибнетъ для потомства и даже современниковъ". Дорошенко показалъ, что Нѣжинскаго дѣла, кромѣ дѣла въ Нѣжинскомъ уѣздѣ, въ с. Базуновѣ, о неповиновеніи крестьянъ владѣльцу, Дорошенко не знаетъ, такъ какъ дѣтнія капикулы онъ всегда проводилъ въ Нѣжинскомъ уѣздѣ, у роднаго брата, то вѣроятно, узнавши объ этомъ, Андрущенко спрашивалъ его о неповиновеніи крестьянъ, на что Дорошенко и отвѣчалъ ему о томъ, что дѣло это отписано кѣмъ то изъ очевидцевъ и что описаніе находится въ такихъ рукахъ, что не погибнетъ, Дорошенко слышалъ тогда, но кѣмъ оно описано и какое употребленіе сдѣлано изъ описанія не знаетъ. Согласно съ этимъ показалъ и Андрущенко, объяснивъ: что Дорошенко ничего о Нѣжинскомъ дѣлѣ ему не писалъ и кого онъ имѣлъ въ виду, говоря, что описаніе находится въ хорошихъ рукахъ — не знаетъ.

31) Студентъ Московскаго университета *Михаилъ Головинъ*.

Въ бумагахъ Андрущенко оказалось письмо къ нему Головина, отъ 11 Мая 1861 г. въ которомъ, между прочимъ говорилъ: "Совѣтую также вамъ не писать прямо на имя моей фамилии, потому что Головины извѣстны Тимашевкѣ по сочиненіямъ Ивана Головина, живущаго также за границей, пожалуй, чего добраго, на почтѣ письмо перехватитъ, по подозрительности фамилии и я не буду имѣть удовольствія получить отъ васъ вѣсточку и разныя прекрасныя вещи, да и Герценъ пожалѣетъ, по этому пишите мою фамилию на выворотѣ Г-ну Ниволугу". По показанію Андрущенко, Головинъ передъ отъѣздомъ своимъ въ 1861 г. за границу, сообщалъ, что намѣренъ быть въ Лондонѣ и посѣтить Герцена и такъ какъ ему не хотѣлось явиться къ Герцену съ пустыми руками, то просилъ Андрущенко, чтобы до этого времени то есть до поѣздки въ Лондонъ, Андрущенко писалъ бы ему письма такого рода, чтобы онъ могъ изъ нихъ почерпнуть что нибудь и представить Герцену для напечатанія въ своихъ изданіяхъ. Лѣтомъ 1861 г. Андрущенко послалъ одно письмо Головину въ Туринъ, содержания котораго хотя не помнить, но утверждаетъ, что оно назначалось собственно Головину, ибо живя тогда въ Городницкомъ уѣздѣ, Черниговской губернии, Андрущенко не могъ сообщить свѣденія интересныхъ для Герцена. Головинъ объяснилъ: что онъ видѣлся съ Андрущенкою 2 или 3 раза, и въ оба эти раза долженъ былъ выслушивать о Герценѣ и такъ какъ убѣжденія Головина о немъ были диаметрально противоположны съ убѣжденіями Андрущенко, то Головинъ долженъ былъ подтрунивать надъ нимъ и отвѣчать саркастически. Это впечатлѣніе осталось у Головина и за границею, откуда писалъ Андрущенко только для исполненія приличія и просилъ его сообщить какъ выразился, разныя прекрасныя вещи, разумѣя подъ этимъ новыя явленія въ области науки и обыденной жизни. Сохраняя же саркастическій тонъ къ представленіямъ Андрущенко о Герценѣ, Головинъ выразилъ опасенія свои, что Герценъ пожалѣетъ бы, если не получитъ отъ Андрущенко извѣстій. Желая оградить себя отъ митыхъ возгласовъ Андрущенко о Герценѣ, Головинъ долженъ былъ обезопасить себя отъ полученія писемъ Андрущенко, рассчитывая вполне на то, что письмо, адресованное на переверотскую фамилію, можетъ

не попасть въ руки Головина, что и оправдалось къ величайшему его удовольствію, ибо не получилъ ни одного письма.

Примѣчаніе Въ бумагахъ Головина оказалось двѣ фотографическія карточки Герцена и Огарева, о коихъ Головинъ отозвался, что ихъ навизалъ ему въ Берлинѣ кпипопродавецъ, у котораго онъ покупалъ книги.

32) Неслужащій дворянинъ *Евгеній Андрущенко* (21 года уроженецъ Херсонской губ., воспитывался въ Московскомъ университетѣ, по курсу не кончилъ, содержался въ крѣпости съ 7-го Сентября по 14 Октября 1863 г.).

Въ бумагахъ Ивана Андрущенко, оказались письма брата его Евгенія, изъ коихъ въ однихъ говорится о посылкѣ *Полярной Звѣзды* и *Колокола*, а въ другихъ о томъ, что студенты Московскаго университета Аргирополо и Заіончковскій, арестованы, чтобы берегся Иванъ Андрущенко, что Яценко арестованъ, а Сергѣевъ подвергался допросу и что Евгеній Андрущенко самъ не советѣтъ покоенъ. Евгеній Андрущенко показалъ, что *Полярная Звѣзда* и *Колоколъ* были оставлены въ Москвѣ братомъ его, передъ отъѣздомъ его въ Черниговскую губернію и онъ передалъ ихъ Тыщинскому, проѣзжавшему тогда черезъ Москву изъ Дерпта въ Черниговскую губернію, свою родину, для доставленія Ивану Андрущенко. Относительно извѣщенія объ арестахъ, Евгеній Андрущенко объяснилъ: что по приѣздѣ въ Москву, онъ былъ пораженъ слухами объ арестахъ. Въ числѣ подвергнувшихся аресту были Аргирополо и Заіончковскій, и такъ какъ онъ зналъ, что братъ его Иванъ Андрущенко былъ знакомъ съ ними, то онъ предупредилъ брата остерегаться, на основаніи ходившихъ слуховъ о чисто напрасныхъ арестахъ. Письмо о Яценкѣ онъ писалъ потому, что зналъ о личныхъ отношеніяхъ его къ брату, а потому жалѣлъ его и хотѣлъ видѣть его. Узнавъ объ арестѣ Аргирополо и Заіончковскаго, Евгеній Андрущенко отправился къ Яценкѣ съ запискою объ арестѣ Аргирополо и Заіончковскаго. Когда же пришелъ къ Яценкѣ въ другой разъ, то узналъ, что онъ уже былъ арестованъ и что писанная имъ записка, взята при обыскѣ въ числѣ бумагъ Яценки, и потому Евгеній Андрущенко боялся безъ всякой вины съ его стороны быть замѣшаннымъ въ это дѣло.

33) Неслужащій дворянинъ *Гавріилъ Коваленко* (20 лѣтъ, сынъ чиновника, служащаго въ г. Черниговѣ, окончилъ курсъ въ гимназій, православнаго исповѣданія, содержался въ крѣпости съ 26 Сентября по 14 Октября 1863 г.).

Поводомъ привлеченія Коваленко къ настоящему дѣлу послужило то, что онъ по показанію Ивана Андрущенко находился въ его квартирѣ, предъ отъѣздомъ Андрущенко изъ Москвы и что Коваленко жилъ въ Москвѣ на одной квартирѣ съ Рѣчицкимъ, у котораго хранились всѣ принадлежавшія Андрущенко воззванія и другія запрещенныя сочиненія.

Коваленко показалъ: что имѣлъ ли Андрущенко предъ выѣздомъ въ Кіевъ какія либо воззванія, ему неизвѣстно, знаетъ только, что онъ везъ съ собою какой то пакетъ, который просилъ доставить въ Кіевъ. Объ этомъ пакетѣ Андрущенко въ бытность свою, дня за два, въ квартирѣ Коваленки говорилъ, что въ отсутствіи Андрущенко, кто то принесъ къ нему какой то пакетъ съ просьбою отдать его въ Кіевъ первому спросившему о пакетѣ; о томъ же, что Рѣчицкій хранилъ у себя принадлежавшія Андрущенко воззванія и другія запре-

ценныя сочиненія, онъ, Коваленко, не зналъ, а Рѣчицкій объ этомъ не говорилъ.

34) Отставной коллежскій секретарь *Николай Смирновъ*,

35) Служащій въ государственной канцеляріи коллежскій совѣтникъ *Василій Бѣлозерскій* (находится на свободѣ).

Иванъ Андрущенко, содержась въ Черниговскомъ острогѣ написалъ Смирнову письмо, оставшееся неотправленнымъ, въ которомъ извѣщая о своемъ арестѣ, просилъ Смирнова сообщить объ этомъ живущему съ нимъ въ одномъ домѣ редактору *Основы Бѣлозерскому* и написать въ Москву, къ брату его Андрущенко Евгенію въ Новгородскую губернію. Иванъ Андрущенко показалъ : что онъ былъ знакомъ съ Смирновымъ, потому что хотѣлъ жениться на одной изъ его сестеръ, другихъ же отношеній къ нему не имѣетъ. Просилъ его сообщить въ Москву объ арестѣ потому, что думалъ, что Смирновъ объ этомъ напишетъ Холодовскому - Цибульскому, какъ близкому человѣку Андрущенко, котораго знаетъ и Смирновъ. Бѣлозерскаго же никогда не видѣлъ, но однажды писалъ ему, посылая рассказъ на малороссійскомъ языкѣ, для помѣщенія въ журналѣ *Основа*. Смирновъ также показалъ что былъ знакомъ съ Иваномъ Андрущенкою, по означенной имъ причинѣ, но о противуправительственной его дѣятельности не зналъ.

При обыскѣ квартиры Смирнова, между прочимъ, оказалось : а) *Общее Вѣче* No. 1, б) *Правдивый* No. 8, в) книга Долгорукова *Моимъ Польскимъ и Русскимъ друзьямъ*, на французскомъ языкѣ, г) II номеровъ Краковской газеты *Czas*, д) прокламация подъ названіемъ *Свобода* No. 1. Смирновъ показалъ, что *Общее Вѣче* и *Правдивый*, онъ купилъ въ Одессѣ, а прочія сочиненія получены по почтѣ, но кто прислалъ ихъ, не знаетъ. Такъ какъ Андрущенко показалъ, что никогда не видѣлъ Бѣлозерскаго, то онъ объ отношеніяхъ къ Андрущенко спрошенъ не былъ. По поводу оказавшагося у Бѣлозерскаго портрета Герцена, съ надписью карандашомъ : "Вамъ отъ меня, 28 Ноября М. Д.", онъ объяснилъ, что означенный портретъ подаренъ ему, но кѣмъ Бѣлозерскій не знаетъ; кому принадлежитъ надпись и что она означаетъ, объяснить не можетъ, но думаетъ, что въ надписи пропущено слово подарокъ. Бѣлозерскій не можетъ даже навѣрное утвердить, что эти слова непосредственно относились къ Бѣлозерскому при первоначальномъ надписаніи.

Примѣчаніе Кромѣ того въ бумагахъ Бѣлозерскаго оказалось письмо въ запечатанномъ пакетѣ, отъ жены бывшего саратовскаго губернатора Екатерины Барановской, съ адресомъ "*Героиму Киневичу, гражданскому инженеру французской компани желѣзныхъ дорогъ*". Бѣлозерскій объяснилъ : что онъ былъ знакомъ съ Барановскимъ и его женою и письмо послѣдней было послано, вѣроятно, не прямо къ нему, Бѣлозерскому, ибо онъ починилъ бы какимъ образомъ оно попало къ нему въ бумаги, быть можетъ жена Бѣлозерскаго, въ состояніи будетъ объяснить эти обстоятельства*. Героима Киневича Бѣлозерскій вовсе не знаетъ, никогда его не видѣлъ и никогда съ нимъ не говорилъ.

* Въ самомъ письмѣ Барановская говоритъ "позабывъ N. дома, вашъ обитаемаго, адресую письмо свое Бѣлозерскому", и въ немъ ничего предосудительнаго не заключается. Но Киневичъ по дѣламъ слѣдственной комисіи, бывшей въ Казани, обвиняется въ важныхъ государственныхъ преступленіяхъ, а Барановская изобличена въ перепискѣ преступнаго содержанія съ Штабъ-капитаномъ Авдѣевымъ, дѣло по сему послѣднему обстоятельству производится въ настоящей комисіи.

36) Уволенный изъ московскаго мѣщанскаго общества *Семенъ Тоонъ* (20 лѣтъ).

37) Московскій 2-ой гильдіи купеческій братъ, *Иванъ Полосатовъ* (27 лѣтъ), и

38) Рязанская мѣщанка *Анна Третьякова*.

Тоонъ и Полосатовъ содержались въ крѣпости съ 7 Сент., первый по 14, второй по 19 Октября 1863 года, а третья находится на свободѣ. Передъ выѣздомъ изъ Москвы, Иванъ Андрущенко проживалъ на квартирѣ у Анны Третьяковой, у которой также жили Тоонъ и Полосатовъ. Андрущенко объяснилъ, что онъ писалъ изъ черниговскаго острога Полосатову, чтобы сей послѣдній черезъ Третьякову предупредилъ о немъ знакомыхъ Андрущенко. Третьякова и Полосатовъ знали, что Андрущенко знакомъ съ такими лицами, изъ которыхъ многіе преслѣдовались правительствомъ за вредный образъ мыслей, а такъ какъ Третьякова знакома съ нѣкоторыми изъ нихъ, на пр. Сулинымъ, Яценко, Петровскимъ, Лебедневскимъ, то Андрущенко просилъ предупредить ихъ о своемъ арестѣ. Тоонъ находился въ то время, когда онъ выѣзжалъ изъ Москвы, но ни въ какихъ прогивуправительственныхъ дѣйствіяхъ участія не принималъ, равно какъ и Полосатовъ ничего не зналъ. Третьяковой же было извѣстно о подозрительномъ образѣ мыслей и о преслѣдованіи правительствомъ повмѣнованныхъ лицъ изъ разговоровъ, которые часто происходили въ ея присутствіи между этими лицами, квартировавшими у Третьяковой, а также изъ того, что они были судимы и содержались подъ арестомъ. Тоонъ показалъ что онъ былъ знакомъ съ Андрущенкою, сходилъ съ нимъ довольно часто и находился въ то время, когда Андрущенко выѣзжалъ изъ Москвы, но о дѣятельности Андрущенко противъ правительства, не зналъ и участія въ этой дѣятельности не принималъ, равно ничего не слыхалъ о полученіи Андрущенкою какой то связки.

Полосатовъ же показалъ, что съ Андрущенкою вовсе знакомъ не былъ и видѣлъ его только разъ въ своей лавкѣ, куда онъ приходилъ за покупкою каленкору и въ другой разъ, когда принесъ ему купленный каленкоръ и получилъ за оный деньги, письма же отъ Андрущенко не получалъ. Въ подтвержденіе этого послѣдняго обстоятельства, Полосатовъ изъявилъ готовность принять присягу.

Напротивъ Тоонъ и дворянинъ Холодовскій-Цибульскій объяснилъ, что Третьякова говорила имъ о полученномъ Полосатовымъ письмѣ отъ Андрущенко, въ которомъ онъ сообщалъ объ арестѣ его, и Холодовскій-Цибульскій добавилъ что кромѣ того Полосатовъ говорилъ ему о полученномъ имъ письмѣ.

Но Полосатовъ, на очныхъ ставкахъ съ Андрущенкою, Тоономъ и Холодовскимъ - Цибульскимъ, утверждалъ, что письма не получалъ, однакожъ въ отмѣну прежняго своего объясненія показать, что былъ у Андрущенко два два и выѣсть съ нимъ обѣдалъ и пилъ чай въ одной комнатѣ.

Третьякова по настоящему дѣлу не спрошена.

— *Корреспонденція* изъ Казани и письмо изъ Петербурга будутъ помѣщены въ слѣдующихъ листѣ.

продаются :

ВЪРОИСПОВѢДАНІЕ ДУХОВНЫХЪ ХРИСТІАНЪ,
обыкновенно называемыхъ *Молочанами*. Цѣна 2 Франк.
ДЛЯ ИСТИННЫХЪ ХРИСТІАНЪ
Сочиненіе Платія. Цѣна 50 сантимовъ.

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 216.

15 МАРТА 1866.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré l'Evêque и въ главныхъ депо — у Г. Георга, 10, Corratierie, Genève; у В. Грюбнера и Ко., 60, Paternoster Row, Londres. Цѣна за листъ 50 сантимовъ безъ пересылки. Предлагаемъ почтовой тарифъ:

Въ Германію	15с.
— Австрію	15с.
— Англію	15с.
— Бельгію	5с.
— Францію	5с.
— Италію	3с.
— Неаполь и Сицилію	20с.
— Грецію (черезъ Марсель)	5с.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10с.
— Швецію	25с.
— Швейцарію	5с.

Parait à Genève tous les quinze jours. Le dépôt principal est chez H. GEORG, à Genève, Corratierie, No. 10. A Londres, chez N. TRUBNER et Co., 60, Paternoster Row. Le prix de chaque No. est de 50 centimes, le port de la poste non compris. Tarif postal:

Allemagne	15с.
L'Autriche	15с.
Angleterre	15с.
Belgique	5с.
France	5с.
Italie	3с.
Naples et Sicile (voie de Marseille)	20с.
Grèce (voie de Marseille)	5с.
Turquie et Princ. Danubiennes (voie de Marseille)	10с.
Suède	25с.
Suisse	5с.

ОГЛАВЛЕНІЕ: Частныя письма объ общемъ вопросѣ (Письмо второе)—Взъ Казапи—Взъ Петербурга. Смѣсь · Правительство

и напросы—“Дневникъ Варшавскій”—Объявленія.

ЧАСТНЫЯ ПИСЬМА ОБЪ ОБЩЕМЪ ВОПРОСѢ ПИСЬМО ВТОРОЕ*.

Не думайте, что въ письмахъ къ вамъ я возьмусь за подробное изложеніе каждаго социальнаго учения; это возможно развѣ въ цѣлой отдѣльной книгѣ, которую издать было бы очень полезно, но требуетъ участія многихъ рукъ и сообразнаго разпределенія труда. Моя цѣль только показать вамъ — какъ въ наше столѣтіе, въ Европѣ, мысль социализма вступила въ движеніе, какими главными теоріями заявила себя, къ чему пришла въ дѣйствительной жизни, да потомъ и перейти къ практическимъ даннымъ, къ исторически возможнымъ выводамъ (результатамъ).

И тутъ опять я не обойдусь безъ маленькаго отступленія... Мнѣ надо остановить ваше вниманіе на этомъ понятіи: “выводъ” или “результатъ”—ради его противоположности съ понятіями “пророчества” и “отвлеченнаго построенія”.

Выводъ—это заключеніе, слѣдующее за рядомъ изслѣдованій, наблюденій, опредѣленныхъ данныхъ; если дѣло является какъ вопросъ, какъ задача, то выводъ есть уясненіе мскомаго на основаніи уже найденныхъ, уясненныхъ фактовъ, разрѣшеніе неизвѣстнаго по его отношенію къ ряду извѣстныхъ. Пророчество, напротивъ того, только фантастическое предположеніе, что вотъ то то непременно совершится такимъ то образомъ—и тутъ берется или отношеніе къ несуществующему факту, или несуществующее отношеніе къ какому нибудь факту†, или просто не берется никакого основанія и вообще предположеніе дается на вѣру. Также и отвлеченное построеніе есть принятіе какой нибудь мысли на вѣру — и потомъ изъ этой мысли ведется рядъ заключеній, которыя изъ нея можетъ быть и слѣдуютъ, но самая мысль и эти заключенія вовсе не обращаютъ вниманія на дѣйствительность вещей и ихъ значеніе, и могутъ съ пими совершенно не совпадать. Къ пророчеству и отвлеченному построенію человѣкъ чрезвычайно склоненъ; они ему кажутся ясны, хотя бы и не были ясны; на нихъ основаны усвѣхъ вообще всѣхъ

* Письмо первое см. 211 л. “Колокола”, 1 Января 1866.

† Такъ на примѣръ, въ гадапіи, будущее берется по отношенію къ какой нибудь семеркѣ; или сповѣданіе, вмѣсто изслѣдованія физиолого-патологической дѣятельности мозга во время сна, и участія въ ней памяти и впечатлѣній прошедшаго,—принимается за предсказаніе будущаго, и пр. и пр. т. п.

религій и метафизикъ, и всѣ трудности, становящіяся на пути положительнаго знанія, которое есть только “выводъ” изъ извѣстныхъ опредѣленныхъ данныхъ.—и на пути положительнаго дѣла, которое есть практическій “выводъ” изъ существующихъ обстоятельствъ, постановка въ жизнь — псьомаго, выведеннаго положительнымъ знаніемъ. Уже изъ этихъ, всколзь сказанныхъ опредѣленій—вы видите какъ глубоко расходятся направленія положительнаго “вывода” и “мистическаго или метафизическаго построенія”.

Вы, вѣроятно, знаете книгу Конта (*Traité de Philosophie positive*) и слѣдственно знаете его дѣленіе Исторіи на эпохи религіозныя, эпохи метафизическія и эпохи реальнаго (положительнаго) изученія. Какъ ни трудно провести въ Исторіи рѣзкія разграниченія, вставить въ рамки классификаціи—жизнь, которая слагается изъ многообразныхъ элементовъ и переливается изъ одного склада въ другой непрерывнымъ токомъ, какъ ни трудна такая задача, какъ ни опасно ей самой попасть въ кругъ метафизическаго построенія*—тѣмъ не менѣе это дѣленіе Конта выведено изъ совершенно вѣрнаго наблюденія. Его можно подмѣтить не только въ Исторіи, но въ каждой человѣческой жизни, хотя бы самые переходы изъ одного склада въ другой и оставались неуловимы. Потребность достовѣрности въ пониманіи и жизни — заставляетъ дѣтство, при неразвитости средствъ и свѣденій, прибѣгать къ фантастическимъ образамъ и вѣрить въ ихъ существованіе, въ случайностяхъ искать предзнаменованій, пророчествовать; заставляетъ юность, также при неразвитости средствъ или свѣденій, изъ отвлеченной мысли, хотя бы ничѣмъ не доказанной, развивать и приписывать за дѣйствительность цѣлый отвлеченный (метафизическій) міръ, ни мало не заботясь насколько по дорогѣ встрѣчается вещей его опровергающихъ. Наконецъ, только зрѣлый возрастъ ищетъ достовѣрности въ наблюденіи и опытѣ, т. е. въ положительномъ изученіи дѣйствительныхъ данныхъ и на немъ основываетъ свои “выводы”. Я не спорю, что пути обычно являются смѣшанными: подъ часъ ребенокъ прибѣгаетъ къ наблюденію и опыту; подъ часъ зрѣлый человѣкъ, ошибаясь въ наблюденіи, сворачиваетъ на метафизическія построенія и фантастическія вѣрованія; но все же означенные три способа исканія досто-

* Ксожалѣнію, Контъ въ послѣдствіи не избѣжалъ этой ошибки!

вѣрности въ пониманіи и жизни (религіозный, метафизическій и положительный) другъ отъ друга различны и тотъ или другой является главнымъ, существеннымъ, преобладающимъ дѣятелемъ разныхъ возрастовъ челоѵка (даже въ его обыденныхъ отношеніяхъ) и разныхъ эпохъ Исторіи, — такъ каждый способъ присущъ тому или другому физиологическому складу, или строю общественныхъ обстоятельствъ.

Боюсь заболчить это отступленіе, не объяснившись съ вами сколько возможно до зла; боюсь, чтобы вы не придали “названіямъ” какого нибудь иного значенія и не приписали мнѣ мыслей, которыхъ я не имѣю. Такимъ образомъ, не подумайте, чтобы я слову “метафизика” и слову “философія” придавалъ какое-либо значеніе и разомъ изгонялъ изъ положительнаго пониманія — метафизическіе и философскіе вопросы. Подъ словомъ “философія” обычно разумѣются общія міровыя основанія, или общія основанія цѣлой группы явленій, и потому философскіе вопросы составляютъ естественную потребность челоѵческаго разумія; только “метафизика” рѣшаетъ ихъ на свой ладъ, т. е. принимаетъ за философское основаніе предпологаемыя ею мысли, идеи, предшествующія фактамъ, и группируетъ факты сообразно имъ, — между тѣмъ какъ положительное пониманіе, изъ существующихъ фактовъ, *выводитъ* общій законъ ихъ существованія, который и есть уясненіе, рѣшеніе философскаго вопроса. По этому Контъ былъ совершенно правъ, назвавши свою научную методу — “положительною философіей”.

Замѣьте также различіе между “математической” методой и методой “отвѣчнаго построенія (метафизической)”. Математическая метода есть *выводъ* изъ существующихъ количественныхъ отношеній, постоянное разрѣшеніе уравненій; между тѣмъ какъ “отвлеченное построеніе” есть произвольное развитіе системы на основаніи предположенія. По этому я не могу радѣять мнѣнью, чтобы математическая метода была дѣло чуждое въ пониманіи какого либо вопроса, не исключая вопроса общественнаго, и не могу себѣ представить, чтобы она, сознательно приложенная, не входила въ разрѣшенія этого вопроса какъ важное пособіе. Если я стану избѣгать ее въ вашихъ письмахъ, то это, конечно вина не математической методы — а вашихъ личныя затрудненія*.

Кажется, мы теперь уже не собьемся въ смыслѣ главныхъ выраженій, попавшихся намъ по дорогѣ и можемъ свободно переходить собственно къ нашему предмету. Я надѣюсь, что мое маленькое отступленіе вамъ впоследствии во многомъ поможетъ.

Во первыхъ, оно насъ наводитъ на вопросъ: что же такое въ общественномъ дѣлѣ его *положительная* сторона, его

* До сихъ поръ у насъ математика — дѣло совершеннаго спеціалиста, да еще преимущественно техническаго, не зная ея не составляетъ образованія, которое относится только къ незнанію этико-литературныхъ и консервативно-политическихъ затверженій. Эта точка зрѣнія введена у насъ физиологіей и прегъ въ такъ называемое классическое образованіе, не замѣчая, что она домогается обобщенія спеціализма, ни къ чему кромѣ себя не приложимаго, — и враждуетъ противъ науки, которая есть дѣйствительно общія, потому что даетъ основаніе, приемъ, методу для постановки и разрѣшенія всякаго отношенія, всякой мысли (“La pensée n’est que la conception d’un rapport” — говоритъ Курно)... Какъ бы то ни было, покада власть на сторонѣ философовъ математика — не смотря на то, что единственная наука, въ которой самыя выводы а priori совпадаютъ съ ходомъ дѣйствительности, — большей частью остается недоступною, едва касаясь начальной ариметикой до юношей, не готовимыхъ спеціально къ какой нибудь военной или штатской техникѣ.

положительныя данныя, на которыхъ можетъ быть основанъ *положительный выводъ*? Общественная жизнь не есть какой нибудь завершенный фактъ, въ которомъ, зная его элементы и ихъ связующую силу, мы имѣемъ, какъ выводъ, его постоянную форму — и наша задача рѣшена. Общественная жизнь складается изъ элементовъ прошедшаго (традиціи) и новыхъ потребностей, слѣдственно идетъ путемъ постоянной реформы. Новыя потребности необходимо возникаютъ изъ элементовъ прошедшаго — или просто какъ ихъ видоизмѣненіе, перестановка, новое сочетаніе; или какъ совершенное противорѣчіе (antinomia), вызываемое въ челоѵческомъ пониманіи отживающимъ и несостоятельнымъ сложившимся элементомъ и приводящее къ новому устройству, по которому, замѣтите, не можетъ такъ оторваться отъ своей почвы, чтобы начать общественную жизнь будто совсѣмъ сызнова, отбросивъ элементы прошедшаго какъ несуществующее. Напротивъ того, новому устройству приходится переработывать именно данный историческій матеріалъ, а не иной: чѣмъ больше въ этомъ матеріалѣ элементовъ, подходящихъ къ новому пониманію, тѣмъ легче прививается къ жизни новое устройство; чѣмъ больше сила традиціи преобладаетъ надъ силой новыхъ потребностей — тѣмъ невозможнѣе новому устройству привиться къ жизни. Какъ примѣръ послѣдняго опять приведу вамъ римское lex agraria, возникшее изъ *противоположности* римскому началу собственности, отжившему и несостоятельному передъ насущными потребностями римскаго населенія; но сила традиціи преобладала и lex agraria не привилась къ жизни — и все что оказалось возможнымъ — это переходъ къ неудовлетворяющему, безвыходному колебанію интересовъ и за тѣмъ постепенное разрушеніе стараго міра, со всеми его проектами переустройства, въ которомъ онъ сталъ неспособенъ*. Новый общественный вопросъ могъ только разрѣшиться осуществленіемъ потребности поземельнаго равенства, совпадавшей въ мнѣніи народа съ достиженіемъ вазушнаго хлѣба и всего житейскаго благосостоянія; но осуществленіе поземельнаго равенства зависѣло отъ состава силы народной и отъ удобствъ преобразовать въ это равенство, старыя элементы собственности. Между тѣмъ удобства въ этому преобразованію въ элементахъ старой собственности не было никакихъ; сила сословій, имѣвшая ее въ рукахъ по праву древняго и позднѣйшаго историческаго захвата, сила сословій традиціи и капитала, была по крайней мѣрѣ на столько же сильна какъ сословіе новой потребности, или по крайней мѣрѣ на столько же сильна, чтобы мѣшать ей составиться (организоваться). Такимъ образомъ, въ этомъ раздвоеннѣ силъ и стремленій, лежалъ постоянный споръ и недостижимое разрѣшеніе. Покончить споръ предстояло только третьимъ силъ, силъ постороннихъ, и рѣшеніе должно было придти только на основаніи постороннихъ цѣлей, и слѣдственно несообразно ни съ старыми элементами, ни съ новыми потребностями. Такъ вмѣсто идеала равенства, началась новая всемірная монархія, чтобы рушиться подъ наплывомъ міра дикаго.

Впрочемъ, эта оцѣнка прошедшаго по механическому раз-
* “Ровнымъ образомъ перелетается въ тогдашнемъ Римѣ двойное неудобство выродившейся олигархія и еще не развившейся, но уже червоточной подѣленной демократіи”... (Römische Geschichte von Theodor Mommsen, 2 Band, 4 Buch, Kapitel II. Berlin, 1861. — 3 Auflage). — Советую вамъ перечестъ 2-ой и 3-ей томы этой книги; ничто вамъ такъ живо не напомнитъ все вопросы современной Европы.

счету дѣйствовавшихъ силъ — не можетъ-же вамъ показаться сомнительной, потому что равно согласна и съ фактами и съ количественнымъ (математическимъ) отношеніемъ силъ, принимавшихъ въ нихъ участие, т. е. согласно съ разсудкомъ. Скорѣе она приведетъ васъ къ наблюдению, что положительныхъ, хотя и гибнувшихъ силъ общественной жизни, во время оно, все-же было двѣ, что новая потребность точно также играла роль дѣйствующей силы — какъ и старый элементъ, что мы еѣ должны приять точно также за положительную общественную силу какъ и старый элементъ, и наконецъ что весь вопросъ, равно для оцѣнки прошедшаго и для *вырожденности* исхода въ будущемъ заключается въ способности новой потребности составиться (организоваться) въ силу и въ способности старого элемента по ней преобразоваться. Конечно, я не стану теперь входить въ подробный разборъ недавней новой потребности древняго міра въ поземельномъ равенствѣ; но я думаю, что могу, не приводя васъ въ сомнѣніе, сдѣлать еще тотъ выводъ, что когда старый элементъ въ своемъ общественномъ бытѣ, не содержитъ ничего для основы новой потребности, то этой новой потребности или новой силѣ не только трудно удержаться, но даже трудно уясниться и придти въ положительный составъ.

Подъ впечатлѣніемъ этого вывода, я перейду къ современному европейскому міру. Его экономическія отношенія развивались изъ феодальнаго захвата собственности; сдѣлано, изъ простаго обирания захватывающими у покоренныхъ — почвы, ея произведеній и труда человѣческаго — это развитіе переходило, при усложненіи обстоятельствъ, изъ пассивной системы исключительной войны и грабежа — въ многосложную систему посредствующей торговли и выросло въ самостоятельное среднее сословіе, въ аристократію капитала. Очевидно, въ послѣдствіи обомъ захватывающимъ сословіямъ — падающему феодализму и составляющейся въ силу денежной аристократіи — изъ древняго римскаго міра сподручно было почерпнуть его законодательство, потому что въ общественныхъ отношеніяхъ оказывалось много сходнаго, и нить преданія была скорѣе занута и потерта чѣмъ порвана. Кой гдѣ, особенно на итальянской почвѣ, не прерывались даже преданія республиканскихъ началъ и переходило, у городскихъ населеній, въ понятие народнаго воли. Но собственно понятію народнаго владѣнія вещью и общиннаго труда — положительныхъ основаній въ феодально-купеческомъ мірѣ никогда не было, и они могли возникнуть только путемъ отрицанія, какъ новая потребность общественной жизни въ противоположность феодально-купеческому строю, опирающемуся на римско-юридическихъ основаній. По этому, новая потребность — какъ дѣло чистой англійской — не росла прямо изъ дѣйствительной жизни, а возникла медленно и смутно и мы, въ теченіи среднихъ вѣковъ, съ трудомъ можемъ найти ея выраженіе у отдѣльныхъ мыслителей, мечтающихъ не ясно объ особомъ мірѣ, или встрѣчаемъ ея выраженіе въ минуты страстной борьбы по другимъ (религіознымъ) вопросамъ. (На примѣръ, въ XIV столѣтіи, подъ религіознымъ влияніемъ Виклифа, у народныхъ проповѣдниковъ какъ John Ball и др.). Но на сколько нибудь ясное выраженіе новой потребности, мы еще едва находимъ (какъ и вамъ говорилъ въ прошломъ номерѣ) у нѣкоторыхъ не замѣтно прошедшихъ англійскихъ мыслителей XVIII столѣтія, и наконецъ въ первый разъ встрѣчаемъ новую потребность сколько нибудь

опредѣленнѣе, хотя еще совершенно идеалистическую и не способную составиться въ дѣйствительную силу слова или дѣла, — встрѣчаемъ во время французской революціи у Бабёфа. Она не принадеется къ жизни общественной, но служить зачаткомъ всего послѣдующаго движенія французскаго социализма, и потому она для насъ чрезвычайно важна и я прямо съ нея начну рѣчь о нашемъ предметѣ.

Система Бабёфа для насъ тѣмъ интереснѣе, что по ней можно наглядно прослѣдить — какъ теоретическія созданія общественнаго быта, не имѣющія корня въ общественной жизни, составляются легко — ни на чѣмъ не заживаясь, увлекаютъ своихъ творцовъ кажущейся легкостью приложенія, но не прилагаются, и если содержатъ плодотворную мысль — то она выростетъ не на ихъ почвѣ и не въ ихъ время, а тамъ гдѣ пойдетъ огъ своего природнаго корня, и тогда когда этотъ корень достаточно зажилъ для своего ростка.

Бѣдный Бабёфъ! На него такъ привыкли смотрѣть какъ на нѣко менѣе первостепенное, что его неудачи изучаются спокойно и сдѣлано ясно, чѣмъ неудачи позднѣйшихъ, ближе къ намъ стоящихъ знаменитостей; а большая часть его экономическихъ и социальныхъ истинъ, всѣми повторенныхъ, приписывается его первокласснымъ современникамъ или его преслѣдателямъ. Въ этомъ случаѣ, рѣчь о первенствѣ имѣетъ огромную важность. Мы иной разъ встрѣчаемъ во французской политической литературѣ желаніе упрочить за французской революціей, особенно въ лицѣ Робеспьера, первую мысль, первое движеніе социализма — изъ пристрастія — ли къ Робеспьеру, или для того, чтобы во французскомъ народѣ увидать всѣ элементы социальной будущности. Но изучая Бабёфа, мы напротивъ того должны придти къ заключенію, что первая мысль социального устройства во Франціи принадлежитъ Бабёфу и его тайному обществу; что Бабёфъ и его товарищи пришли къ ней, не на основаніи народнаго обычая, которому ихъ система составляла бы завершеніе, къ которому отсылалась бы какъ результатъ къ своимъ предшественникамъ, положительнымъ данностямъ; что Бабёфъ и его товарищи пришли къ ней *литературно*, слѣдуя по пути отрицанія философіи XVIII столѣтія; что элементовъ социального устройства ихъ система не встрѣтила не только въ исторической, до-революціонной, но и въ самой революціонной Франціи, la France de la montagne, и что литературный результатъ, выработанный на пути отрицанія Бабёфомъ съ товарищами — отнюдь не составилъ въ силу, способную преобразовать въ себя традиціонные, положительные элементы общественныхъ отношеній, элементы настолько сильные, что перешли изъ границъ въ революцію и сохранились въ ней.

Эдгаръ Кинс, въ своей исторіи революціи, (томъ II, кн. I5) приводитъ слова изъ неизданныхъ записокъ Бодо (Baudot): "Конвентъ не имѣлъ иного понятія собственности какъ понятие Гражданскаго Уложенія (Code Civil); Конвентъ всегда считалъ собственность главнымъ основаніемъ общественного устройства. Я никогда не слышалъ, чтобы кто нибудь изъ членовъ этого собранія выразилъ предложеніе, противное этому принципу. Конвентъ часто обвиняли въ убѣжденіяхъ, испровергающихъ всякую собственность. По моимъ точнымъ свѣденіямъ, нельзя найти ни одного слова, ни одной фразы, сколько нибудь подтверждающей это обвиненіе".

“Это” — говорит Кине — “не неопредѣленный, преувеличенный взгляд чело́вѣка, работающаго въ пользу какой нибудь цѣли; это непосредственное впечатлѣніе, высшенное чело́вѣкомъ, посвященнымъ въ тайны своей партіи и которому было бы невозможно закрыть глаза на такое громадное дѣло, какъ проектъ поглощенія личной собственности. Это было бы тоже, что не знать о существованіи Везувія, живя возлѣ жерла. Мнѣніи конвента въ 1793 году, т. е. мнѣнія “горы” такъ мало вели къ ученію о равенствѣ имуществъ, что Бабёфъ, когда обнародовалъ свое ученіе, набросилъ по дозрѣнію на всѣхъ членовъ конвента, безъ исключенія. Онъ первоначально рѣшилъ не допускать ни кого изъ нихъ на свои совѣщанія. Съ другой стороны, при открытіи заговора, самые смѣлые, самые предпринимчивые монтаньяры — такъ удивились этому разраженію утопій, что усомнились въ искренности вещей, слышанныхъ ими въ первый разъ отъ роду. Они долго упорствовали въ убѣжденіи, что заговоръ былъ только капканъ, поставленный имъ директоріей, директоріи они приписывали изобрѣтеніе ученія о “равныхъ” и видѣли въ немъ только полицейскую уловку. Ихъ недоверіе въ этомъ случаѣ шло такъ далеко, что они признали существованіе проектовъ и мнѣній Бабёфа только тогда, когда Бонаротти снялъ всѣ завѣсы въ своихъ “Запискахъ”*, а это случилось двадцать лѣтъ спустя, во время реставраціи. И такъ очевидно, что монтаньяры конвента вискорько не тянули къ системѣ коммунизма или къ равенству имуществъ. Что касается Робеспьера, не трудно замѣтить, что онъ также мало склонился въ эту сторону. Его выраженія на этотъ счетъ такъ сильны, что вяжутъ его по рукамъ. “Вы должны знать, говоритъ Робеспьеръ 24 Апрѣля 1793, что аграрный законъ, о которомъ вы такъ много говорили — ни что болѣе какъ призракъ созданный мошенниками для устрашенія малоумныхъ; доказать міру, что огромное неравенство достойно служить причиною многихъ бѣдствій и многихъ преступленій — можно было и безъ революціи. Тѣмъ не меньше мы убѣждены, что равенство имуществъ — химера. Гораздо важнѣе сдѣлать бѣдность достойной почтенія, чѣмъ уничтожить богатство”.

“Правда”, продолжаетъ Кине, “что въ преніи съ Жирондистами о конституціи, Робеспьеръ шелъ дальше. Онъ хотѣлъ имѣть надъ ними большой шагъ впередъ, и не отрицая собственности, онъ требовалъ 24 Апрѣля, чтобы народъ не принималъ участія въ общественныхъ расходахъ, которые падали бы исключительно на богатыхъ... Но послѣ побѣды (надъ Жирондистами) — онъ отрѣкается отъ своихъ словъ, и 17 Іюня 1793 говоритъ: “Я одно время раздѣлялъ заблужденіе Дюко (Ducos); кажется, я даже *идею* писалъ объ немъ. Но я возвращаюсь къ настоящимъ принципамъ; я посвященъ здравымъ смысломъ народа, который чувствуетъ, что единственное, ему предлагаемое, есть только оскорбленіе... Оно породило бы сословіе пролетаріевъ, сословіе илотовъ, и равенство и свобода погибли бы навсегда”.

Кромѣ этой выписки изъ Кине, † я выпишу вамъ нѣкоторые

* Conspiration pour l'égalité dite de Babeuf, par Buonarrotti, 1828. Эта чрезвычайно интересная книга теперь становится рѣдкостью, а новаго изданія не предвидится. Замѣчательно, что Бонаротти, ни въ чемъ не разходящійся съ Бабёфомъ, его ярый послѣдователь, самъ не подозреваетъ, что они проповѣдуютъ социализмъ.

† La révolution par Edgar Quinet, Paris, librairie internationale, 1865. Если вы еще не читали книги Кине о Революціи — прочтите; это, конечно, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ французскихъ изданій послѣдняго времени.

пункты изъ самаго законодательства 1792—1795 годовъ. На примѣръ, “провозглашеніе правъ чело́вѣка и гражданина, предложенное Максимилианомъ Робеспьеромъ”* —

“Пунктъ 6. Собственность есть право каждаго гражданина пользоваться и располагать по произволу (à son gré) той долей состоянія, которая за нимъ обезпечена закономъ”.

“Пунктъ 7. Право собственности каждаго, какъ всѣ остальные права, ограничено обязанностию уважать права другаго”.

Въ текстъ конституціи 1793 года † этотъ порядокъ мыслей перешелъ въ слѣдующей формѣ:

“Пунктъ 2. Права суть: равенство, свобода, обезпеченность (sûreté), собственность.

“Пунктъ 8. Обезпеченность состоитъ въ покровительствѣ, оказываемомъ обществомъ каждому изъ своихъ членовъ для сохраненія личности, правъ и имуществъ.

“Пунктъ 16. Право собственности есть право каждаго гражданина пользоваться и располагать по произволу (à son gré) своими имуществами, доходами, плодами своего труда и промышленности.

“Пунктъ 18. Каждый чело́вѣкъ можетъ законтрактовать свои услуги, свое время, но не можетъ ни продаться, ни быть продаваемъ. Личность не есть отчуждаемая собственность. Законъ не признаетъ холопства (domesticité); можетъ быть только контрактованіе прислугъ (solns) и благодарности (reconnaissance) между чело́вѣкомъ, который работаетъ, и чело́вѣкомъ, который его употребляетъ на работу.

“Пунктъ 19. Чело́вѣкъ не можетъ быть лишень самоналѣйшей частицы своей собственности, безъ собственнаго на это согласія, исключая случая общественной необходимости, законно подтвержденной, и подлѣ условіемъ справедливаго и напередъ заплаченнаго вознагражденія.

“Пунктъ 21. Общественная помощь есть священный долгъ. Общество обязано давать пропитаніе несчастнымъ гражданамъ — или доставляя имъ заработокъ, или обезпечивая средства существованія тѣхъ, которые уже не въ состояніи работать.

“Пунктъ 22. Образование (instruction) потребность всѣхъ. Общество должно поощрять всѣми силами успѣхи общественнаго поиманія (progrès de la raison publique) и сдѣлать образование доступнымъ для всѣхъ гражданъ (mettre l'instruction à la portée de tous les citoyens).

“Пунктъ 23. Общественная порука (garantie sociale) состоитъ въ дѣйстви всѣхъ для обезпеченія каждому пользованія и сохраненія его правъ; эта порука основана на народномъ владычествѣ (souveraineté nationale)”.

Я выписываю эти пункты, чтобы показать вамъ порядокъ мыслей о социальномъ устройствѣ, дальнѣе котораго во Франціи 1793 года не шла самая крайняя партія, представлявшая дѣйствующую, положительную силу, силу окою трехъ лѣтъ стоявшую на степеняхъ верховной власти, партія якобинцевъ, партія горы. Вы видите, что этотъ порядокъ мыслей не содержитъ ничего изъ тѣхъ основаній, которыя мы опредѣленно или неопредѣленно привыкли называть социализмомъ. Но даже и этотъ порядокъ мыслей не выдержалъ передъ натѣвомъ силы *капитализма* и перешелъ черезъ директорію въ имперію. Сила капитализма росла отъ живаго, историческаго корня; въ капитализмъ разрѣшалось умирившее феодальное владычество; капитализмъ стоилъ идеаломъ для всѣхъ стремленій пролетаріата; капитализмъ могъ найти поддержку въ имперіи, которая ему не мѣшала и которой онъ не мѣшалъ. Аграрно-республиканская, неясно уравнивающая, древнеклассическая, отрицательно-неполная мысль горнаго конвента — могла увлечь въ минуту борьбы, но и ея власть не имѣла никакой прочной основы въ общественныхъ отношеніяхъ капитализма.

* Déclaration des droits de l'homme et du citoyen, proposée par Maximilien Robespierre.

† Constitution de la République française, décrétée par la convention nationale en l'an 1793. Déclaration des droits de l'homme et du citoyen.

II — еще разъ повторяю вамъ — тѣмъ меньше могъ проникнуть въ жизнь народа социализмъ Бабёфа, что съ Бабёфа только начинается социализмъ; социализмъ, который въ сущности ничего не имѣетъ общаго даже съ классическимъ “братствомъ” конвента; социализмъ, котораго имени еще не называли ни Бабёфъ ни его послѣдователи, но *въ успѣхъ котораго они вѣрили въ тоже время*, какъ составляя заговоръ, находили себя вынужденными поставить на его знамени конституцію 1793 года (съ которой не были согласны) для того чтобъ *цѣль заговора была сколько нибудь понятна массамъ!* Стало ихъ социальная цѣль не была понятна массамъ.

Не будь Бабёфъ съ товарищами идеалисты — они, прежде чѣмъ вѣрить въ успѣхъ дѣла, для котораго надо искать чужаго знамени, — поискали бы въ общественной жизни Франціи основаній, которыхъ послѣдствія могли бы совпадать съ ихъ социализмомъ. Съ тѣхъ поръ социализмъ Бабёфа развился во Франціи *литературно*; но укажите мнѣ, гдѣ развились во Франціи реальные элементы, которые пустились бы въ ростъ вмѣстѣ присущій социализмъ?...

Впрочемъ, вернемтсѣ къ самой системѣ Бабёфа...

(Продолженіе вѣредь).

Н. Огаревъ.

ПЗЪ КАЗАНИ

(Письмо въ редакцію Колокола).

По осени 1864 года, въ Казань долженъ былъ вступить 54^й резервный баталіонъ. Для него мѣстное губернское начальство заблаговременно должно было нанять помѣщеніе. Свиты е. и. в. генераль-маіоръ Нарышкинъ (казанскій губернаторъ), распорядился наймомъ совершенно негоднаго дома, за очень дорогую цѣну.

Въ подлужной слободѣ на визмѣнной, заливаемой водою мѣстности, у купца *Матвѣя Русскихъ*, былъ старый, уже совсѣмъ заброшенный, кожевенный заводъ. Самая мѣстность, на которой былъ расположенъ заводъ, болотистая и сырая, представляетъ самыя неблагоприятныя условія для здоровья, крпичныя стѣны кожевеннаго завода прямо поставлены на сырую почву и потому не имѣя особаго фундамента изъ дикаго камня или цоколя, па сквозь пропитаны сыростью. Мѣстность вокругъ этого завода насыщена органическими веществами, остающимися при выдѣлкѣ кожи; отъ ихъ гніенія тутъ распространяется такая вонь и міазмы, предъ которыми не устоятъ даже *солдатское* здоровье. II вогъ эгого-то кожевенный заводъ избранъ, по желанію свиты е. и. в. генераль-маіора Нарышкина, подъ казарменное помѣщеніе 54го резервнаго баталіона.

По предварительному условію, всѣ передѣлки, необходимыя для обращенія старыхъ, не жилыхъ зданій кожевеннаго завода въ казармы, должны были быть окончены къ прибытію баталіона къ Сентябрю 1864 г., и въ нихъ должно бытъ приготовлено помѣщеніе на 1176 человекъ. Что же вышло? Прибылъ баталіонъ, а помѣщенія нѣтъ: въ это только время хозяиномъ бывшаго завода приступлено къ выламыванью кожевенныхъ кадеи: пища для солдатъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней варилась на дворѣ. Въ виду такихъ неудобствъ баталіонный командиръ Чурскій на другой-же день, по прибытію баталіона доносилъ губернскому военному начальнику,

что онъ не имѣетъ увѣренности въ безопасности устроенныхъ казармъ, для здоровья солдатъ, что по его мнѣнію гражданскому начальству, еще до заключенія контракта съ домохозяйствомъ, слѣдовало бы заранѣе чрезъ мѣстнаго врача удостоверить на счетъ годности какъ дома, такъ и самой мѣстности въ гигиеническомъ отношеніи; въ то-же время Чурскій вѣдалъ, что во вновь устроенныхъ казармахъ вслѣдствіе сырости, неизбежно будетъ страдать здоровье солдатъ, въ концѣ Сентября просилъ мѣстное гражданское начальство, при заключеніи контракта, включить между прочимъ условіе, чтобы, если въ строеніяхъ окажется вредная для здоровья сырость, то друія помѣщенія были наняты на счетъ купца Русскихъ. Кромѣ того Чурскій требовалъ, чтобы контрактъ безъ его участія заключаемъ не былъ. Но если нашъ *паша* чего не захочетъ, тому не бывать. Къ участию въ заключеніи контракта Чурскій приглашенъ не былъ и необходимое условіе на случай сырости въ контрактъ включено не было.

1 Октября 1864 года, контрактъ заключенъ на 3 года, съ платою по 6,600 руб. въ годъ. Этимъ контрактомъ Русскихъ обязывается приготовить помѣщеніе для 1176 человекъ и окончить всю постройку не позже 1 Декабря 1864 года; въ числѣ пунктовъ замѣчательныхъ и для дѣла важенъ слѣдующій: “*если бы въ продолженіе контрактнаго срока мой домъ по высоч. повелѣнію долженъ освободиться, то въ такомъ случаѣ я Русскихъ, не долженъ имѣть претензій. Равно, если будетъ замѣненъ мой домъ другими войсками, живущими въ Казани во временныхъ квартирахъ*”. Между тѣмъ, работы по передѣлкѣ строеній шли медленно и къ 1 Декабря окончены не были; по удостовѣренію коммиссіи, въ нихъ не могли помѣститься весь баталіонъ, такъ что часть баталіона (до 400 человекъ), надо было размѣстить частью въ домѣ купца Подошвенникова, частью въ столовой, при казармахъ въ домѣ купца Русскихъ. Очевидно, что Русскихъ условія не исполнить и контрактъ нарушить, слѣдовательно, можно было нанять на его счетъ другое помѣщеніе; этого не сдѣлано, но этого мало: въ домѣ Русскихъ нельзя было жить. Военное начальство это видѣло и настаивало на уничтоженіи контракта. Чтобы имѣть законныя основанія для своихъ требованій, начальникъ штаба Батезатулъ отнесся въ казанскую врачебную управу, съ просьбою обсудить вопросъ о помѣщеніи баталіона въ гигиеническомъ отношеніи. Управа отвѣчала еще 16 Декабря 1864 года, что подлужная слобода заливается водою и отличается не здоровымъ климатомъ и что безъ большаго риска нельзя оставить тамъ войска; въ Февралѣ 1865 г. лично осматривавшій зданія Русскихъ дѣйств. ст. сов. Цыцуринъ (окружной военно-медицинскій инспекторъ) замѣтилъ, что эти зданія пропитаны убійственною сыростью и потому въ предупрежденіе могущей развиться эпидеміи, просилъ о безотлагательномъ выводѣ изъ нихъ баталіона. Даже губерпскій архитекторъ Грицевичъ, состоящій, какъ всякому понятно, подъ прямой зависимостью Нарышкина, и тотъ, когда военное начальство жаловалось на неудобство помѣщенія 54го баталіона, а ему поручено было осмотрѣть строенія Русскихъ, доносилъ его превосходительству, что за всѣми исправленіями, какія можно и должно бы произвести въ домѣ Русскихъ, *хотя бы и улучшилось нѣсколько помѣщеніе нижнихъ чиновъ, а все таки въ казармахъ нельзя оставлять людей безъ опасенія за ихъ здоровье. Вся мѣстность, на которой выстроены заводъ обращенный въ казармы.*

чрезвычайно сырая и волючая, вследствие тленія разныхъ органическихъ вещей, которыми удобрена почва... Сырость, и сырость затхлая всосалась въ каменные стѣны, особенно въ нижнихъ этажахъ, помѣщенныхъ частью въ землю. Маленькія окна, не достаточная высота каморъ и чрезвычайно большое количество людей, предполагаемое къ помѣщенію въ этихъ полуподвалахъ, никогда не позволяютъ осушить ихъ. По всему нижнему этажу только одни полы, безъ отдушинъ подъ ними: наваленныя подъ ними щепы, опилки остатки дубоваго корья, при сырой мѣстности, подвергаются гниенію и испаренію отъ нихъ проходитъ чрезъ полы въ самыя каморы. Посудите, можно-ли оставлять баталіонъ въ такомъ помѣщеніи?

По контракту всё исправленія должны быть покончены къ 1 Декабря 1864 года; Русскихъ нарушилъ это условіе, следовательно можно было тотчасъ-же покончить дѣло съ нимъ; дѣйствующая подъ влияніемъ губернатора квартирная коммиссія не смѣла подумать объ этомъ. она назначила крайній срокъ къ окончанію построекъ 10 Января и хотя осмѣлилась погрозить купцу Русскихъ отыскать другой домъ на его счетъ, но ничего не смѣла сдѣлать, даже гораздо послѣ, хотя по дому Русскихъ требуемыхъ поправокъ не было. Выведенныя изъ терѣбна поблажками купцу Русскихъ, командующій войсками казанскаго военного округа, ген.-лейт. Семякинъ въ Маѣ отнесся къ Нарышкину, уже съ настоятельнымъ требованіемъ, чтобы по случаю не исполненія главныхъ условій контракта, со стороны купца Русскихъ, контрактъ немедленно былъ прекращенъ. Нарышкинъ ни какихъ рѣшительныхъ мѣръ не принималъ къ ускоренію работъ по исправленію зданій купца Русскихъ и уничтожить контрактъ не хотѣлъ. Между тѣмъ, рѣшилъ скорѣе расположить солдатъ лагеромъ, нежели оставить ихъ въ такомъ вредномъ для здоровья ихъ помѣщеніи, какъ казармы перестроенныя изъ нежилыхъ зданій, стараго кожевеннаго завода, Семякинъ телеграммою къ военному министру въ Августѣ прошлаго года, просилъ разрѣшенія на наемъ другого дома и на выводъ баталіона изъ дома Русскихъ. Министръ внутр. дѣлъ, волей-не-волей долженъ былъ испросить высоч. повелѣніе на это перемѣщеніе. Тогда-то пробудился начальникъ нашей губерніи и было отъ чего: вѣдь баталіонъ очутился по *щучьему* велѣнію на новой квартирѣ, а между тѣмъ за нанятый по контракту домъ Русскихъ, также надо три года платить изъ городскихъ суммъ, на равнѣ съ домомъ Свѣшниковъ, нанятымъ по *щучьему* велѣнію на 10 лѣтъ. Въ тоже время и другое затрудненіе: какъ уничтожить контрактъ съ купцомъ Русскихъ, когда Нарышкинъ такъ усердно отстаивалъ этого купчинку, не доносишь о несправности его министерству и, не смотря на невыполненіе контракта со стороны Русскихъ, не хотѣлъ уничтожить контрактъ? Нарышкинъ воднялся на лигрость, чтобы уничтоженіе контракта не пало на него и чтобы ему не было стыдно передъ купцомъ Русскихъ, давшимъ ему полномѣсную взятку, онъ въ Октябрѣ сталъ подбивать министра Валюева испросить *высоч. повелѣніе на уничтоженіе*, на основаніи указаннаго выше пункта. Министръ Валюевъ не смотря на то, что ему послапа конія контракта, сталъ доказывать, что контрактъ не можетъ быть нарушенъ*, что домъ Русскихъ долженъ быть исправленъ и

* Договоры дескать съ казною должны быть хранимы свято и оставаться въ своей силѣ, хотя бы вели и къ ущербу казны!

за тѣмъ замѣнить войсками, проживающими въ Казани на временныхъ квартирахъ. Министръ сознаетъ, что домъ не въ исправномъ положеніи; следовательно контрактъ нарушенъ уже самимъ купцомъ Русскихъ, слѣд. ничего не стоитъ уничтожить этотъ контрактъ: по министерскіе сообщенія—дѣло великое: "нельзя дескать уничтожить контракта; надо другія войска мучить въ тѣхъ казармахъ изъ которыхъ Семякинъ такъ энергически вытянулъ баталіонъ". Вступившись за купца Русскихъ, Валюевъ въ тоже время держитъ сторону и Нарышкина, какъ будто участвовалъ въ дѣлѣ съ нимъ. Онъ отнесся къ военному министру съ уборомъ Семякину за то, что послѣдній безъ предварительнаго сношенія съ губерскимъ начальствомъ вошелъ съ представленіемъ о наймѣ новаго дома, въ замѣнъ дома Русскихъ. Теперь этотъ укоръ извѣстенъ здѣсь и, говорятъ, Семякинъ хочетъ всё на чистую воду вывести.

ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА

(Письмо въ редакцію Колокола)

..... Зажигательная рѣчь графа Строгонова укрѣпила Рейтерна на своемъ мѣстѣ. Валюевъ, "герой нашего времени", прочтенъ какъ нельзя больше. Поговариваютъ (это было даже въ *Аугсбург. Газетѣ*) будто Милютинъ-военный ѣдетъ на Кавказъ, а на его мѣсто Кауфманъ.

За тѣмъ интересная исторія о мнѣніи поданномъ государю княземъ П. П. Гагаринымъ, предсѣдателемъ совѣта; въ этомъ мнѣніи Гагарина доказывается, что распоряженія Валюева ведутъ къ нарушенію общественнаго спокойствія, что устроенныя по его плану земскія собранія повели только къ столкновенію интересовъ дворянства, что на равнѣ съ демократическимъ движеніемъ, угрожающемъ благополучію дворянства, послѣднее заявляетъ требованія, клонящіяся къ ограниченію верховной власти, что послѣднія постановленія о печати ни къ чему больше не ведутъ, какъ только къ напрасному раздраженію, что тѣ статьи журналовъ, которыя могли бы спокойно пройти—послѣ министерскихъ предостереженій только больше привлекаютъ къ себѣ вниманіе читающей публики, а между тѣмъ изъ боязни карательныхъ мѣръ писатели легко могутъ употреблять для пропаганды средства не литературныя*. Въ словахъ Гагарина есть конечно, доля правды. Извѣстно, что московское, петербургское и харьковское дворянства заявили кое-что, не нравящееся престолу, министрамъ и вообще лицамъ близкимъ къ престолу; недавно рязанское дворянство въ собраніи своемъ также высказалось въ пользу *общей думы* и въ пользу возстановленія интересовъ дворянства. Зная изъ опыта, что петиціи къ высшей власти объ этомъ ни къ чему путному не служатъ, не рѣшилось заявлять своихъ желаній предъ Валюевымъ и и. в., а ограничилось телеграммою къ предводителю

* При этомъ я долженъ упомянуть, говоритъ корреспондентъ, что доцентъ здѣшняго университета, Ламанскій, когда его статья объ исключительномъ господствѣ нѣмецкихъ бароновъ въ остзейскихъ губерніяхъ не могла въ настоящемъ видѣ явиться въ печати, обратилъ ее въ госуд. совѣтъ. Оттуда ее передала Валюеву; а Валюевъ, говорятъ, пригласивъ къ себѣ Ламанскаго, сталъ ему выговаривать зачѣмъ своихъ замѣчаній онъ не представилъ къ нему Валюеву, и при этомъ прибавилъ, что тенденціи статьи Ламанскаго несогласны съ видами правительства. Ламанскій отвѣчалъ, что съ удовольствіемъ бы выслушалъ фактическія опроверженія приведенныхъ въ статьѣ статистическихъ данныхъ, но совершенно отказывается вести объясненія о видахъ правительства.

моск дворянства заявившей о его сочувствіи къ началамъ высказаннымъ на моск. собраніи (губернаторъ успѣшилъ телеграфировать Валугу о высказанныхъ на собраніи тенденціяхъ, и заступавши на этомъ собраніи мѣсто губернатора предводителя, уѣздный предводитель Рѣдкинъ отстраненъ уже отъ должности). Кромѣ того не проходитъ ни одного земскаго собранія, на которомъ бы не было высказано желанія вести контроль суммамъ собираемымъ съ земства и помимо его расходнымъ на пр. на почты, на военныя надобности. Все это, разумѣется само собой, очень не правится. Что постановленія о печати раздражаютъ общественное мнѣніе, это не подлежитъ сомнѣнію. Два данныхъ *Современнику* предостереженія уменьшили подписку на этотъ журналъ; на *Русское Слово* (начала, пока ему было дано только одно предостереженіе, была живая подписка, но когда появилось 2ое предостереженіе, подписка на *Русское Слово* также стала типе. Потомъ пошли толки, что опять цензуры просили даже оппозиционные журналы; открылось, что для спасенія своего, журналы, по дипломатическимъ соображеніямъ Валуга, должны оставаться и *безъ цензуры* и *подъ цензурой* въ одно и тоже время. Но милости такого распоряженія декабрьская книжка *Русскаго Слова* не могла вѣсть до сихъ поръ; приходится въкоторыя статьи, уже набранныя, бросить, другія изуродовать, однѣ статьи замѣнить другими. Ноябрь. и декабрь. книжки *Современника* вышли въ одномъ волюмѣ, но совсѣмъ окарначенные. Все это возбуждаетъ непріязненныя къ правительству толки. Литературные предприиматели наконецъ стали прибѣгать къ такому маневру: чтобы какая нибудь чахлая книжонка разошлась, они публикуютъ къ общему свѣденію, что дескать книга такая-то предварительной ценсурѣ не подвергалась. П послѣ такого объявленія книга идегъ разумѣется, и публика *неважная* можетъ увлекаться только подобными объявленіями, но самый фактъ важенъ, тѣмъ болѣе важенъ, что *даже неважная* публика не любитъ цензуры и не вѣритъ тѣмъ книжкамъ, которыя выходятъ подъ ценсурнымъ интеллемъ.

Такимъ образомъ въ представленіи Гагарина есть доля правды, факты вѣрны, но окраска фактовъ, ихъ толкованіе — дрянно и пошло. Земскія положенія именно тѣмъ и съверны, что по нимъ земство не имѣетъ настоящей силы и значенія, что ему не предоставлено право знать куда многія суммы идутъ и какъ употребляются, что къ *попеченію* о нуждахъ земства все-таки *привлечены* и губернаторы и министры, что земство можетъ заниматься только извѣстными вопросами, поставленными въ програмѣ, что отъ участія въ дѣлахъ земства устранина настоящи (а не *Моск. Вѣд.*) *интелигенція*, люди, внимающіе къ себѣ довѣріе умомъ и честностью, хотя не имѣющие поземельной собственности, но все-таки прямо или косвенно привлекаемые къ несенію разныхъ земскихъ и государственныхъ налоговъ. Положеніе о печати ниже всякой критики, какъ по своему двоядушію, такъ и потому, что предоставляетъ министру внутр. дѣлъ право казнить печать и мысль по его произволу. Е. в. по прочтеніи записки, представленной Гагаринымъ, показала ее Валугу. Послѣдній по этому случаю представилъ отъ себя в. в., что Земскія Положенія и Положеніе о печати были въ предварительномъ разсмотрѣніи госуд. совѣта, что тамъ многіе пункты, бывшіе въ проектѣ, измѣнены и пр. Выстѣ съ тѣмъ Валуга просилъ объ увольненіи отъ должности. Е. в. отозвался, что на мѣстѣ

Валуга и самъ онъ попросилъ бы отставки, но какъ государь онъ проситъ Валуга *продолжать полезно служеніе*.

Сибургское земское собраніе положило просить, чтобы ему давали отчетъ въ употребленіи суммъ, расходимыхъ на *военныя надобности*, оно отказывается производить только на собственныи счетъ, содержаніе красносельскаго шоссе, устроеннаго какъ столь, для проѣзда е. в. въ лагери и поглощающаго почти всѣ сборы здѣшняго уѣзда, перевозить пушны на счетъ только мѣстнаго земства, издерживать свои суммы на издержки по маневрамъ, когда до 100 тысячъ собирается подъ С. Петербургомъ. “Да какже такъ? вѣдь доселѣ производилась же всѣ эти издержки, на счетъ здѣшняго земства”, замѣчаютъ земству петербургской губ. — “Да!” отвѣчаетъ земство: “но до этого времени остатки земскихъ сборовъ по другимъ губерниямъ, поступали на пополненіе суммъ петербургскаго земства, а теперь земство каждой губ. должно вести свои счета особо!”

Здѣшнее земство пригласило велик. кн. Елену Павловну, къ участію въ земскихъ сборахъ. — “Какъ такъ? да вѣдь я вел. княгиня! этого никогда не было!” — “Точно такъ, наше высочество!” отвѣчаетъ земство: “да вотъ видите: прежде вы не платили, а теперь ужъ надобно платить, у васъ въ Петергофскомъ уѣздѣ, есть имѣніицѣ—а земству деньги нужны!”

Служившій въ департаментѣ полниии исполнительной, гр. Дмитрий Николаевичъ Толстой, былъ избранъ крестьянами Данковскаго уѣзда, членомъ въ земскую управу; открылись засѣданія, сіятельныи графъ доходитъ до такого либерализма, что садится между крестьянами. Но когда началось обсужденіе разныхъ вопросовъ по дѣламъ земства, то графъ заявляетъ также мнѣніе, которое очевидно, не въ пользу крестьянъ. Сидѣвшій подлѣ графа, *человѣкъ теплый*, крестьянинъ Шустовъ, прямо замѣчаетъ сіятельному сосѣду, что дескать ваше сіятельство, говорите *неладно*. Завязывается споръ и крупный и громкій; тогда сіятельный графъ, чтобы разомъ поразить своего противника сказалъ въ опроверженіе мужицкихъ разсужденій слѣдующее золотое изреченіе: “еще спорить вздумалъ! ты будь доволенъ и тѣмъ, что я рядомъ сижу съ тобой!”

Архiepископъ харьковскій Макарій, прославленный за свое богословіе и исторію церкви, вздумалъ находившееся у него серебро и золото продать за высокую цѣну и получилъ въ обмѣнъ разнаго рода билеты и сери. Всѣ эти билеты оказались фальшивыми. Какъ истинный настоятель, потерпѣвшій ничто фальшиваго, онъ разослалъ ихъ по церквамъ своей епархіи и получилъ въ замѣнъ ихъ настоящіе денежные знаки. Теперь, разумѣется, подлѣ благодѣльнымъ предлогомъ, его зовутъ въ св. Синодъ. Вѣдь былъ же случай съ Аркадьемъ, бывшимъ архимандритомъ въ Черни, а теперь въ Петрозаводскѣ. Аркадій, находясь въ Черни и въ Петрозаводскѣ, при помощи архимандрита Павла, бывшаго въ прежнее время его комнатнымъ служителемъ и обиравшій поповъ какъ въ Черни такъ и въ Петрозаводскѣ, распространившій ужасъ на двѣ епархіи системою шпіонства, покрови-

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 217.

1 АПРѢЛЯ 1866.

Выходитъ : за раза въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи 40, Rue l'Evêque и въ главныхъ депо — у Г. Георга, 10, Corratierie, Genève; у Н. Трюбнера и Ко., 60, Paternoster Row, Londres. Цѣна за листъ 50 сантимовъ безъ пересылки. Прилагаемъ почтовой тарифъ :

Въ Германію	15с.
— Австрію	15с.
— Англію	15с.
— Бельгію	5с.
— Францію	5с.
— Италію	3с.
— Неаполь и Сицилію	20с.
— Грецію (черезъ Марсель)	3с.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10с.
— Швецію	25с.
— Швейцарію	5с.

Parait à Genève tous les quinze jours. Le dépôt principal est chez H. GEORG, à Genève, Corratierie, No. 10. A Londres, chez N. TRÜBNER et Co., 60, Paternoster Row. Le prix de chaque No. est de 50 centimes, le port de la poste non compris. Tarif postal :

Allemagne	15с.
L'Autriche	15с.
Angleterre	15с.
Belgique	5с.
France	5с.
Italie	3с.
Naples et Sicile (voie de Marseille)	20с.
Grèce (voie de Marseille)	3с.
Turquie et Princ. Danubiennes (voie de Marseille)	10с.
Suède	25с.
Suisse	5с.

ОГЛАВЛЕНІЕ : 1789—Николаевская желѣзная дорога и ея этико-политическая экономія. Смѣсь : несовершеннѣйшіе злодѣи и совершеннѣйшіе злодѣи судившіе его—Уваженіе къ выборнымъ людямъ—Объявленія.

1789

Еще шагъ, и мы увидимъ États Généraux на Невѣ. Мы прямо идемъ къ 1789. Намъ это не удивляетъ, мы это говорили съ перваго листа Колокола. Глубину, силу, неотразимость *движенія*, подвизагося послѣ крымской войны и смерти Николая, мы давно оцѣнили и поняли. Такого рода движенія иногда сбиваются съ дороги, иногда вязнутъ въ грязи, но не останавливаются, особенно не останавливаются полицейскими мѣрами, случайными жестокостями и бессмысленными ссылками.

Петербургское самовластье только могло держаться, не замѣчая дряхлости своей, въ нѣмой тишинѣ рабства и косномъ застоѣ всѣхъ живыхъ силъ. При первомъ колебаніи Архимедова точка ускользнула изъ правительственныхъ рукъ, у нихъ остались однѣ перегорѣлыя возжи и одинъ перержавившій тормазъ... а склонъ съ каждымъ шагомъ круче и круче... Куда дождемъ, мы не знаемъ, но остановиться нельзя!

... Казалось, что "сердечное согласіе" правительства съ общественнымъ мнѣніемъ по польскому вопросу поглотить *движеніе* — нисколько! *Движеніе* въ немъ окрѣпло, стало сильнѣе, оно убѣдилось въ слабости правительства и въ своей силѣ, оно видѣло его растеряннымъ въ минуту опасности, и кровожаднымъ отъ страха передъ крикунами, оно видѣло Зимній дворецъ въ зависимости двухъ англійскихъ клубовъ и перестало его уважать, оно видѣло государя болтающаго, плачущаго, желающаго остановиться, увлекаемаго противъ воли—и перестало его бояться. Человѣкъ, который въ минуту первой опасности вызывалъ адреса преданности, долженъ принимать и другого рода адреса. Князь Щербатовъ совершенно справедливо замѣтилъ это въ своей рѣчи.

Инцидентъ въ петербургскомъ дворянскомъ собраніи имѣетъ значеніе историческаго событія, событія революціоннаго, оппозиціоннаго, съ полнымъ букетомъ 89 года и съ разными оригинальностями, какъ и слѣдовало ожидать, съ Суворовымъ на пр., который (по свидѣтельству Nord'a) съ душевнымъ прискорбіемъ передалъ дворянству veto "исполнительной власти", заторопившейся до того, что отвѣчала прежде официалаго вопроса, стало быть по доносу какого нибудь лазугчика.

Годъ IX.

Подробности читатели наши знаютъ лучше насъ, мы не читали даже, благодаря скромности *свободныхъ* газетъ русскихъ, текста четырехъ пунктовъ, предложенныхъ Щербатовымъ, особой корреспонденціи мы еще ждемъ, а потѣму разсказывать не считаемъ нужнымъ.

Но сказать наше мнѣніе о новой фазѣ революціоннаго движенія мы не считаемъ неумѣстнымъ.

Мы не со стороны дворянства—какъ сословія.

Мы не со стороны правительства въ его петровской формѣ.

У правительства съ дворянствомъ свои счеты. За чѣмъ оно сначала подкупало его, отдавая ему землю и народъ? За чѣмъ оно сперва изъ него сдѣлало опричнину и дворню, а потомъ стало отбирать неправо отданное отцамъ у дѣтей?

За чѣмъ дворянство позволяло себѣ колѣ на головѣ тесать пока правительство отдавало ему на грабежъ и сѣченье народъ и сдѣлалось нетерпѣливо-лихорадочно либеральнымъ, когда *часть* добычи стали отнимать?

Въ ихъ семейную ссору мы не вступимъ.

Но если мы не со стороны дворянства и не со стороны правительства, то безусловно со стороны *движенія*.

Все что можетъ подмытъ, смыть казарму и канцелярію, все что можетъ увлечь въ общій потокъ и въ немъ расцустить бюрократію и сословныя монополии, военную администрацію штатскихъ дѣлъ, писарей обкрадывающихъ казну, казну обкрадывающую народъ, все это будетъ принято нами съ радостью и восторгомъ—*чьими бы руками ни было сдѣлано*. Ломайте, господа, ломайте пуще всего другъ друга. На эту ломку уйдетъ вся ваша и вся наша жизнь... Дѣти наши потомъ сосчитаются. Революціи вообще оставляютъ не маіораты, а полудостигнутые идеалы и вновь раскрытые горизонты.

Странная вещь, два бойца схватились, а побѣда зависитъ отъ *третьяго*, къ кому онъ примынетъ союзникомъ, тотъ и одолѣетъ, и этогъ третій—безмолвный народъ, нѣмое множество. Онъ *еще молчитъ* и держится за землю.

Только увлекая его въ движеніе, дѣлая изъ своего дѣла—дѣло общее, дѣло пародное, земское, только отрѣкаясь отъ монополей, можетъ дворянство вести серьезную рѣчь съ правительствомъ.

А правительство только и можетъ подорвать олигархическія

притязанія поставивъ ихъ лицомъ къ лицу съ народнымъ большинствомъ, съ народной волей, которая хочетъ отстоять и отстоять свое право на землю.

Въ то самое время какъ князь Щербатовъ доказывалъ невозможность идти далѣе канцелярски управляя Россіей, вышла въ Парижѣ книжка *Revue des Deux Mondes* съ новой статьей Мазада о Россіи. Вѣроятно читатели ваши помнятъ его примѣчательную статью, напечатанную года два тому назадъ. Статья эта опечатила Александра Николаевича, надѣлала много шума и была поддержана возраженіемъ Жюппи fils'a. Мы находимъ вторую статью еще вѣрѣе и замѣчательнѣе, не смотря на то, что въ многихъ случаяхъ мы не дѣлимъ мнѣній г. Мазада. Французы попяли наконецъ какого рода силы проснулись въ Россіи и какая работа двигается и подымаетъ этотъ материкъ — а у насъ еще есть желчевики, остающіеся въ старческомъ брюзжаніи или узкомъ отчаяніи.

Мы надѣемся въ слѣдующемъ листѣ *Колокола* ближе ознакомить читателей съ трудомъ Мазада.

И—ръ.

НИКОЛАЕВСКАЯ ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА

и

въ этико-политическая экономія*.

Отъ издателей

Печатавъ присланную намъ записку о подвигахъ нашихъ государственныхъ хозяевъ на *большой дорогѣ*, между Москвой и Петербургомъ, мы, естественно, не можемъ ручаться въ точности за нее, что читатели найдутъ въ ней. Но достаточно прочесть этотъ горячо и съ очевиднымъ знаніемъ дѣла написанный рассказъ для того, чтобы, не задумываясь, отнести его къ числу матеріаловъ для исторіи русской администраціи и для уясненія причинъ жалкаго состоянія русскихъ финансовъ. Отъ петербургскаго правительства ждать нечего, и потому такие матеріалы не для него. Мы думаемъ, что они нужны нашему земству, отъ котораго такъ заботливо утаиваютъ все, что можетъ навести на мысль объ истинномъ положеніи дѣлъ въ Россіи. Легко вообразить себѣ на какую скалу подымается эта организованная, систематическая *темная экономія* по всѣмъ отраслямъ управленія, если на одной только желѣзной

* 2/14 Марта "С. П. Вѣдомости" напечатана слѣдующее: "Пассажиры на поѣздѣ николаевской желѣзной дороги, вышедшей изъ Москвы въ половинѣ седьмого часа вечеромъ, въ прошлую пятницу, какъ сообщаютъ въ "Голосѣ," пройдя шесть верстъ за Тверь, гдѣ взятъ былъ свѣжій локомотивъ, вдругъ остановился. По осмотру машины, оказалось, что водопроводная трубка подъ локомотивомъ—лопнула. Далѣе слѣдовать поѣзду было невозможно. Послали пѣшкомъ кондуктора въ Тверь, просить помощи. На дворѣ—глухая ночь; поднялась страшная вьюга; несчастные пассажиры, прозябшіе и промородавшіеся, должны были ожидать шесть часовъ, пока прибылъ такъ называемый "дежурный" локомотивъ, отвезшій ихъ обратно въ Тверь, откуда поѣздъ отправился въ путь неравнѣе, какъ часа черезъ два. Результатомъ всего этого было то, что поѣздъ вмѣсто шести часовъ вечера, прибылъ въ Петербургъ въ три часа ночи, опоздавъ такимъ образомъ девять часовъ, и не отъ какихънибудь климатическихъ или метеорологическихъ условий, а единственно отъ недосмотра. Очевидецъ приключенія прибавляетъ, что въ поѣздѣ, при шести вагонахъ, было всего два кондуктора и одинъ оберъ-кондукторъ, которые не успѣвали тормозить вагоновъ по сигналу машиниста, что также подавало поводъ къ неприятностямъ и могло бы имѣть гибельныя послѣдствія. Увеличивающееся число безпорядковъ по николаевской дорогѣ невольно обращаетъ на себя вниманіе."

Лучшаго оправданія печатаемой нами статьи нѣтъ.

дорогѣ и на одномъ только топливѣ въ короткое время завоевано болѣе 2,000,000 рублей. Гуляютъ безнаказанно наши *блѣдныя волки* изъ конца въ конецъ Россіи. Добытая вѣдомъ и кровью копейка падаетъ въ казну какъ въ бездонную яму. Мудрено-ли, что никакими заплатами не покроешь всѣхъ прорѣхъ русскаго государственнаго рублища? Мудрено-ли, что займы и дефициты растутъ съ каждымъ годомъ, что паденію нашего курса не видать и конца?

Мы убѣждены, что въ Россіи не мало людей, которые могутъ сообщить такіе же матеріалы по каждому министерству, по каждой отрасли управленія. Если русскому земству еще долго не суждено видѣть обнародованіе такихъ фактовъ въ самой Россіи, то пусть всѣ знающіе дѣло честные люди присылаютъ эти матеріалы къ намъ. Мы готовы печатать ихъ, увѣренные, что ихъ обнародованіе поможетъ русскому земству глубже проникнуть и короче познакомиться съ нашими администраціями и администраторами.

Нужно-ли говорить, что мы также готовы печатать всякія возраженія и опроверженія, основанныя на фактахъ.

Въ продолженіи прошлой 1864/65 года зима, вниманіе Петербурга и Москвы было обращено на частое опаздываніе поѣздовъ Николаевской желѣзной дороги, не только товарныхъ и пассажирскихъ, но даже и почтовыхъ. Началось оно съ половины Января, а продолжалось и за Апрѣль даже. Причиною опаздыванія были постоянныя поломки составныхъ частей локомотивовъ и вагоновъ, какъ то: осей, рычаговъ у поршней, колесъ и проч. менѣе значительныя поврежденія. Публика основывала свои сужденія, въ большей части случаевъ, о причинахъ такой неисправности на толкахъ по станціямъ дороги, гдѣ самыя правдоподобныя, по мнѣнію проезжающихъ, объясненія, они получали отъ служащихъ по дорогѣ.

Неправильность въ движеніи по желѣзной дорогѣ вызвала ропотъ и желаніе узнать: почему поѣзды стали опаздывать всякій день отъ 3хъ до 12хъ часовъ, почему оси, рычаги и прочее стали ломаться? Въ газетахъ былъ рядъ статей, прочитывая которыя нельзя было не замѣтить, что всѣ объясненія причинъ, имѣли основаніемъ распространенные служащими по дорогѣ инженерами удобные для нихъ слухи, которымъ вторили начальники станцій и ихъ помощники, оберъ-кондукторы и машинисты, но вторили нѣкоторые изъ нихъ безсознательно, вѣря и сами слухамъ, другіе же, какъ напр. дорожные мастера и машинисты изъ того, что они находятся въ зависимости отъ инженеровъ. Болѣе знакомыхъ изъ добывающихся истинныхъ причинъ—служащіе, повиновавшіе въ чемъ *суть* дѣла, наводили на открытіе истины и при желаніи повѣрить поусерднѣе на мѣстѣ всѣ подробности и основанія къ нимъ, выступали передъ любознателями явно и ясно. Къ сожалѣнію ни въ одной газетной статьѣ объ истинныхъ причинахъ высказано не было. Въ газетахъ толковали о такихъ причинахъ, которыя дѣйствительно способствовали ломкѣ, но однѣ онѣ не могли породить такого хроническаго безпорядка, безъ главной, существенной причины, о которой ни гдѣ ни полслова.

Первою причиною выставлялись морозы, но и болѣе жестокіе морозы бывали не разъ въ продолженіи 14-лѣтняго существованія дороги, а этого не бывало; наконецъ, около 10 Марта прекратились и морозы, а поѣзды все еще опаздывали.

Вторую причиною полагали то, что контрагентъ подвижнаго состава Французъ Каиль и Ко. дурно ремонтируетъ составъ и вообще взмѣнилъ систему предшественника своего американца Уайпанса и Ко. Прямой и естественный вопросъ тутъ выступаетъ неизбежно—чего же смотрѣли инженеры, пока дѣло не дошло до гвалта и общаго крика? А вотъ чего: дурно исполнять контрактныя обязанности, съ инженерной точки зрѣнія, не бѣла, ежели хорошо платятся, а ежели и хорошо исполняютъ, да не хорошо платитъ подрядчикъ условленные %, такъ онъ вредный и дурной человекъ, а въ особенности еще, ежели дешево взялся за подрядъ.

Вторая причина показалась обществу правдоподобнѣйшею, тѣмъ болѣе, что на такое обвиненіе Каиль не возражалъ; но публика не догадалась себѣ представить, что Каиль при всемъ желаніи и правѣ возражать, вмѣстѣ расчесть этою не дѣлать. Раздраженіе публики еще не такъ страшно для подрядчика, поговорять, да и перестануть, а возражая съ поясненіемъ истинныхъ причинъ поломки, онъ обвинялъ бы инженерное начальство, въ зависимость котораго онъ поставленъ контрактомъ. Контракты въ Россіи пишутся такъ, что всегда обязавшійся стоитъ къ начальство имѣющимъ лицамъ, отъ самаго мелаго до высшаго, въ полной зависимости и полъ подымъ отъ тою ихъ произволомъ, хотя законъ и не требуетъ этого, но контрактъ лишь форма, соблюдаемая въ интересахъ гербовыхъ пошлинъ, а никакой контрактъ, ни законъ не сильны противъ начальства. Такая ужь манера писать контракты существуетъ у насъ, и въ 1000 контрактахъ едва-ли найдется одинъ, гдѣ обѣ обязавшійся стороны поставлены въ точное, опредѣлительное, безъ придрогъ независимое и ясное положеніе; таковъ обычай и подчиняться неисполнимымъ требованіямъ контрактовъ, въ расчесть угадать съ начальствомъ, а безъ этого какъ пишешь, все выйдетъ дурно. Недовольные, да еще раздраженные инженеры могли разорить Каиля въ одинъ годъ, а потому и приходилось ему молчать, а жалобы въ инженерномъ кругу совершенно напрасны потому, что и высшій и низшій слой инженеровъ составляютъ одну клянку, воспитанную въ однихъ стѣнахъ, системахъ и убѣжденіяхъ, что инженерное мѣсто должно быть теплое, ежели же и высказываютъ изъ нихъ оригиналы не пользующіеся теплотою, то товарищескіе законы заведения все таки не освобождаютъ ихъ отъ обязательства ни въ какомъ случаѣ не мѣшать ни товарищу ни подчиненному или начальнику, а при невзгодахъ, даже обязываютъ вытягивать изъ бѣды и защищать попавшаго собрата по заведенію.

Начальникъ Николаевской желѣзной дороги, ген.-майоръ Серебряковъ, въ особенности точно выполняетъ товарищескіе законы и преуспѣваетъ все покрывать что дѣлаетъ его подчиненными, а почему увидимъ дальше.

Третьею причиною было призвано то, что на нашихъ дорогахъ не ведутся формулярные списки частямъ подвижнаго состава. Никто не знаетъ сколько верстъ пропало колесо, ось, вагонъ, тендеръ, локомотивъ, а въ слѣдствіе этого и нельзя держаться предупредительной системы, т. е. замѣнять извѣстную часть новою, не ожидая ея поломки, при соображеніи съ формулярнымъ спискомъ этой части. Не отвергая и эту причину, должно сдѣлать инженерамъ вопросъ, *со первыхъ*: кто же мѣшалъ имъ ввести эту мѣру, сдѣлавъ ее обязательною для контрагента; *во вторыхъ*: объяснить не-

знающей публикѣ, что оси, которыя ломались чаще всего, г. Каиль принялъ не отъ предшественника своего Уайпанса, который по бывшему контракту своему обязанъ былъ сдать все въ годномъ видѣ и сдать все инженерамъ, но все негодное, а Каиль все это припаялъ отъ инженеровъ какъ матеріалъ годный, апробованный механиками и браку подлежащій, принялъ безъ всякихъ возраженій и протестовъ; правда, не совсѣмъ это красиво со стороны Каиля, но какъ могъ онъ протестовать и лѣзть на ссору съ инженерами при самомъ началѣ своего подряда. Изъ этого уже одного видно, что не Каиль виноватъ, а инженеры. Не отвѣтятъ ли они: почему отъ Уайпанса приняты дурныя стертые оси за хорошия, т. е. за сколько, за какую цѣну, ежели не забыли уже, а забывать крупныя кушны не слѣдовало бы. Самъ Уайпансъ, опять взявъ тотъ же подрядъ отъ казны и отъ Каиля остальной его контрактный срокъ, не скажетъ во сколько обошелся ему куштинъ переработки всего дурнаго, при сдачѣ инженерамъ, въ хорошее. Уайпансу теперь невыгодно это сказать да и не благодарно было бы выдавать и осуждать своихъ покровителей, предоставившихъ ему опять, теперь, на нѣсколько лѣтъ содержаніе подвижнаго состава съ вновь придуманнымъ средствомъ не только возстановить сбитую Каилемъ плату изъ 2,000,000 р. въ годъ на 1,000,000, но полученіемъ платы съ пуда и съ головы, по повому контракту Уайпанса, говорятъ, доводить эту плату до 3, ежели еще не больше миллионъ рублен. Страшное дѣло: противъ 2,000,000 дапныхъ Клейнмихелемъ Уайпансу, кричали, что дорого, газеты трактовали это дѣло, разокались замѣнѣ Уайпанса Каилемъ, который говорилъ, что и при 1,000,000 дѣло это выгодное и очень бы выгодное безъ инженернаго грабежа, а перешли опять съ 1,000,000 можетъ быть на 4, возвѣстивъ, что Уайпансу вповѣ отдано дѣло съ платою съ пуда и съ головы и всѣ замолчали. Никто не поднимаетъ вопроса: къ чему усложнить расчеты пудами и головами, выгодно ли это, или для того и столкнули Каиля съ опредѣленною его и умѣренною цѣною, замѣненною потемками и какимъ-то мутнымъ, туманнымъ расчетомъ, чтобы удобнѣе было въ мутной водѣ рыбу ловить!

Обращаясь къ предмету моего разсказа, я повторю, что морозы и неведение формулярныхъ списковъ подвижному составу, способствовали поломкѣ, очень можетъ быть, что отъ ослабленія инженеровъ, за извѣстное конечно вознагражденіе, Каиль хуже чѣмъ бы слѣдовало исполнялъ свою обязанность; но повторяю также, что эти причины второстепенныя, главныя же и существенныя тѣ, что отъ Уайпанса принято негодное за годное и что полотно дороги доведено инженерами до непоправимо дурнаго положенія. Чтобы припаяться за разъясненіе этого пункта, я вынужденъ опять сдѣлать длинное отступленіе.

Дорога до 1859, кажется, года ремонтировалась по контракту купцомъ Смолинымъ, который былъ въ то же время и поставщикомъ дровъ на всю дорогу. Инженеры получали отъ Смолина хорошия % и говорятъ, будто бы, кромѣ мѣстныхъ расходовъ, онъ вносилъ начальнику дороги съ обоихъ дѣлъ больше 30,000 р. с. въ мѣсяцъ и при желаніи выѣхать изъ Петербурга куда пибудь, не могъ этого сдѣлать иначе, какъ съ разрѣшенія Серебрякова, при которомъ sine qua non требовалась вся условленная мѣсячная плата впередъ, за все время отлучки. Смолинъ жилъ роскошно въ Петербургѣ, давалъ балы и обѣды на славу и какъ ни выгодно было его

дѣло, но замотался и началъ затягивать по немногу расчеты съ инженерами; они предложили Смолину считаться только подрядчикомъ съ его залогами, а весь ремонтъ, съ извѣстною выгодною въ его пользу, сдать имъ инженерамъ, но Смолинъ не согласился на это, дѣло его было слишкомъ выгодное, а за отказомъ его, инженеры задумали устроить такъ, чтобы съ окончаніемъ Смоленскаго контракта и ремонтъ и отопленіе поручено было дѣлать имъ хозяйственнымъ способомъ. Возня съ подрядчикомъ, не всегда исправно выплачивавшимъ субсидіи, показала инженерамъ скучною и невѣрно обезпечивающею ихъ процентные расчеты, безъ которыхъ они, хоть бы и не нуждались въ деньгахъ, не могутъ себя чувствовать довольными, какъ рыба безъ воды. Задумано и сдѣлано было предложеніе предоставить имъ быть — почти безотчетными хозяевами на госуд. дорогѣ, т. е. и поставщиками и приемщиками въ тоже время. Кондиціи къ торгамъ на дрова, чтобы никто не могъ взяться, предложены были почти неисполнимыя, или, по меньшей мѣрѣ, отдающіе взявшагося храбреца въ полный произволъ инженеровъ; не нуждаясь ни въ залогахъ ни въ деньгахъ, предложены департаменту желѣзн. дорогъ, не высокіе цѣны на дрова, а съ ремонтныхъ цѣнъ Смолина, предложена крупная сбавка. Казалось бы чего лучше и благонамѣреннѣе, цѣны сбавляютъ и повидимому только и хлопчуть о государственной экономіи, но послѣдствія добавили близорукость тѣхъ, кто такъ смотрѣлъ на безкорыстные, съ виду, заботы о государственномъ благѣ.

Главнѣйшимъ путемъ сообщеній былъ тогда Чевкинъ, человекъ неспособный къ такой должности по мелочности его и лишнему усердію къ интересамъ казны, но человекъ честный и набивать карманъ па счетъ государства не способный. По отопленію, явились какія-то отчаявшія головы и взяли поставку дровъ па 3^х отдѣленійхъ дороги, а на 2^х только отдѣленіяхъ эта поставка осталась за офицерами дороги, но за то на ремонтѣ Серебряковъ увѣрилъ Чевкина, что безъ научныхъ, техническихъ свѣдѣній, подрядчикъ не можетъ вести дѣло ремонта.

Отъ слѣдившихъ за участіемъ ремонтнаго подряда, инженеры не могли скрыть своихъ стремленій по этой части и Чевкинъ не разъ слышалъ предсказанія, что ежели онъ допустить дорогу до хозяйственныхъ рукъ инженеровъ, то она будетъ доведена до нельзя дурнаго положенія, но голоса этихъ людей, для самолюбиваго и упрямаго Чевкина, были голосами вопіющихъ въ пустынь. Инженеры подразнили скупость Чевкина значительною сбавкою изъ Смоленскихъ цѣнъ и онъ отдалъ ремонтъ имъ, не изпробовавъ даже на торгахъ, не найдутся-ли подрядчики съ подобными же сбавками.

И такъ старанія инженеровъ не пропали, вынесъ ихъ на своихъ могучихъ плечахъ Серебряковъ. Разрѣшеніе ремонтировать дорогу хозяйственнымъ способомъ имъ было дано и объявлено за годъ до срока Смоленскаго контракта. И дали-жь они себя знать злополучному Смолину, въ этотъ послѣдній его годъ, они потребовали отъ него небывалаго ремонта, чтобы получить дорогу въ свое распоряженіе какъ повую. Смолинъ въ этотъ годъ былъ доведенъ до полнаго раззоренія и съ окончаніемъ контрактныхъ своихъ обязательствъ, былъ объявленъ скорѣ въ Москвѣ несостоятельнымъ и чуть-ли не засажень въ извѣстную московскую яму.

Не нуждаясь ни въ залогахъ, ни въ оборотномъ капиталѣ, провоза бесплатно всѣхъ рабочихъ, матеріалы и частно слу-

жащихъ своихъ, не платя сами себѣ, до поры до времени, 10 по меньшей мѣрѣ % съ рубля — я сказалъ уже — инженеры сдѣлали большую сбавку изъ цѣнъ Смолина, чуть-ли не 300,000 рбу. сер. въ годъ и за такое похвальное движеніе на пользу государственныхъ интересовъ, имъ дано значительное добавочное содержаніе. Въ первый-же годъ вполнѣ хозяйственнаго своего распоряженія, они почти не ремонтировали дороги, “кромѣ разчистки снѣга, для моціону и для блезиру” какъ выражались, прославляя этотъ годъ, дорожные мастера. Конечно въ первый-же годъ временно упущенные % съ подрядчика чуть-ли не удесатерились. Такимъ, почти, за малыми исключеніями, порядкомъ, дѣло ремонта шло до 1864. Гравье, щебень, шпалы (деревянные поперечины подъ рельсами) все это ставилось только на бумагѣ по квитанціямъ, а въ дѣйствительности едва-ли $\frac{1}{2}$ поступала на дорогу, а прочее, подъ названіемъ экономіи, отдавалось подрядчикамъ, но не той экономіи, которая, при желаніи кого нибудь разхвалить на официальномъ языкѣ называется *благоразумною* а на языкѣ практическихъ инженеровъ в подобныхъ имъ, — на оборотъ. Подрядчику выдавались квитанціи на вполнѣ принятый матеріалъ, которая въ дѣйствительности принята лишь половина, а за не припятое онъ платилъ приемщикамъ $\frac{2}{3}$ иногда и не менѣе $\frac{1}{2}$ контрактной цѣны деньгами или кредитомъ до полученія изъ казны, или случалось даже и обязательствами на постороннее, подставное лицо. (Одно изъ такихъ замысловатыхъ обязательствъ съ компаніями въ отдѣльномъ письмѣ, ослабляющемъ силу обязательства — ежели то то исполните, или такому-то лицу мѣшать не будете — хранится до лучшихъ временъ у одного господина, на себѣ испытавшаго всю силу и ширь инженернаго произвола со всѣми его процедурами).

Въ началѣ года Серебряковъ собиралъ у себя начальниковъ отдѣленій, и въ этомъ семейномъ комитетѣ, рѣшалась участь ремонта дороги, по всѣмъ пяти отдѣленіямъ, съ подраздѣленіями на дѣйствительные расходы, на благоразумную экономію и на болѣе понятную и пріятную *просто экономію*. Тутъ же опредѣлялся и бюджетъ доходовъ главнаго начальника, рѣшался вопросъ: безъ оглядки ли стричь овцу-казну, вплотную, или съ осторожностію и съ эффектами и купштилками, въ видѣ благоразумныхъ экономій. Затѣмъ начальники отдѣленій, каждый у себя, съ своими сотоварищами подчиненными, дѣлали свою домашнюю разкладку, и наконецъ дистанціонные начальники у себя дома, въ одиночку, по всѣмъ математическимъ правиламъ и вычисленіямъ, выкраивали и выжимали еще что возможно и согласно мѣстнымъ условіямъ. Нажива шла уже по системѣ плавно, гладко, съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ, какъ говорится въ уложеніи о наказаніяхъ, при опредѣленіи степени виновности судимаго. Казеннымъ десятникамъ, изъ мужичковъ большею частью и отставныхъ унтеровъ, не запрещается видѣть нѣкоторые продукты, догадываться, но въ дѣлѣ съ благородными господами не вступать, бромѣ мелкихъ вынодишекъ, въ родѣ досокъ, лѣсу, камня, гвоздя и вообще желѣза и проч., для своего домашняго обихода и конецъ концовъ; право кошения травы по откосамъ дороги, что составляетъ безотчетное полное достояніе начальниковъ отдѣленій и дается ими, въ видѣ подарковъ, начальникамъ станцій, ихъ помощникамъ, кассирамъ, гражданскимъ уже чиновникамъ какъ и прочему служилому люду. По всей линіи дороги, этихъ клочковъ сѣна, которыми

замыкается большое количество ртовъ, существуетъ немало. Дорожные мастера, держась за хорошія мѣста свои, хотъ и видятъ все, но молчатъ и пребываютъ къ начальству съ полнымъ уваженіемъ, возводя умѣнье не выносить сора изъ избы, при какихъ бы то ни было случайностяхъ, въ добродѣтель. Трудно что нибудь узнать отъ казеннаго десятника, по части грѣховъ начальства, но поймать случай быть незамѣтнымъ въ ихъ пріятельской между собою веселой бѣсѣдѣ, очень интересно. Намъ случилось воспользоваться такимъ праздникомъ. Разговоръ компании происходилъ за чаемъ, неразлучнымъ съ водкою и дешевымъ хересомъ, какой можно представить въ единственной харчевнѣ-пріютѣ на маленькой станціи. Участвовавшими въ разговорѣ, кромѣ дорожныхъ мастеровъ, изъ которыхъ одинъ справлялъ имѣнины жены своей, были два унтер-офицера рабочей и жандармской командъ и заштатный дьячокъ, мѣстный житель, переписывающій вѣдомости одному изъ мастеровъ. Съ легкими саркастическими улыбками трактовали они господскіе проказы, въ родѣ хвостоватѣмъ чей начальникъ дистанціи ловче и смѣле устраиваетъ свои экономіи, а слѣдовательно по этому уже и неоспоримо умѣе другихъ. “Вашъ что еще, простой баринъ, не больно привыченъ, Бога видно знаетъ, а вотъ нашъ, такъ чудеса производитъ, да такъ храбро, а самъ строго еще требуетъ, чтобъ было по его приказанію сдѣлано, а не по наряду, что и со стороны то глядя за него боязно, а ему все ни по чемъ, ловокъ больно.” — “Эхъ, братецъ ты мой, замѣчаетъ другой, на то ужъ и обучаютъ ихъ, пока дойдетъ то онъ сердешной до такой благодати, такъ всякая наука произойдетъ, вотъ значить и ловокъ, хотъ бы значить примѣрно сказать вашъ, ужъ ловче его на што, ну да вы тоже ему пособляете, вѣдь вы тоже сами изъ военныхъ, знаете службу, а нашъ человекъ смиренный и самъ по себѣ, да и наше дѣло мужицкое, не въ понятіи значить, вотъ онъ и имѣетъ опаску, а ужъ объ нашемъ что говорить, все гладко у него выходитъ, и другимъ совѣтъ даетъ какъ значить на счетъ порядку, такъ и по наукѣ, по ихней, по инженерской, а нашъ говоритъ: вотъ Семеновъ примѣрно это дѣло вотъ такъ, по рехметнѣ значить; а я молъ ему: никакъ вѣтъ ваше высокоблагородіе, кажись нѣтъ, ну онъ значить и въ сумленіе такъ ли молъ вѣрно, а вѣдь вы и сами рехметчики, вы значить поддерживаете его и смѣкаете сами скорѣе нашего. Жандармской унтеръ офицеръ замѣтилъ что ихній капитанъ изъ солдатъ и безъ рехметики, тоже маху не даетъ, гдѣ можно чѣмъ поживиться, что тутъ не наука дѣло дѣлаетъ, а мѣсто, да притомъ же силу человекъ забереть, и ужъ какъ начальникомъ сдѣлалъ, учонъ ли неучонъ ли, ужъ себя не забудетъ. Дьячекъ вставлялъ свое духовное слово что грѣхъ осуждать начальниковъ, что ихъ Господь ужъ такъ умудрилъ и предоставляетъ имъ всякіе доходы; а унтеръ офицеръ рабочей команды, атестовалъ въ общемъ значеніи, всѣхъ инженерныхъ начальниковъ ж. дороги, отмѣнными и честнѣйшими людьми за то, что не обижаютъ солдата, а еще пароватъ, видя хорошаго человека предоставить ему великіе доходы и выгоды. Разказъ этотъ истинный, записанъ нами на мѣстѣ, именно потому, что изъ общихъ сужденій этой публики, выходила пропитанность простаго народа убѣжденіемъ, что пользование инженеровъ въ порядкѣ вещей, что иначе и быть не должно, что на то они люди ученые по этой части, что за тяжкіе труды по ученію имъ даются такіа мѣста какъ бы сознательно правительствомъ въ награду, какъ бы

плодами ученія и затѣмъ институтъ путей сообщенія, изъ приведенныхъ простодушныхъ разказовъ, по понятіямъ этихъ людей, выступаетъ какимъ то сказочнымъ разбойничьимъ гнѣздомъ, школою для воровъ, въ которой съ малолѣтства обучаютъ воровать топлъо и чисто.

Говоря о различныхъ видахъ экономіи, мы упустили сказать, что числа рабочихъ, употребленныхъ, будто бы для ремонта, были всѣ дутые, только небольшая часть работала на дорогѣ да и что было работать, когда на участъ было 20, 30, не болѣе шпаль для перемѣны на всю осень, часть рабочихъ отряжалась для земляныхъ работъ и планировокъ дачъ начальника дороги и начальниковъ отдѣленій, а самая большая часть изъ показаннаго по отчетамъ и вовсе не существовала. Все вниманіе и дѣятельность опекуновъ ремонта, было направлено на наружную отдѣлку и украшения станцій и садовъ ихъ.

Такие тонкіе хозяйственные расчеты въ продолженіи 4 лѣтъ уничтожили капитальный ремонтъ Смоленна. Прошлая зима не могла уже пройти благополучно, не выдержала больше дорога, съ наступленіемъ морозовъ и *авось* на этотъ разъ не удался. Все начало ломаться и поѣзды опаздывали. Да и какъ было обойтись безъ случаевъ: когда половина шпаль до того гнилы, что, отъ прикосновенія къ нимъ лома или крики, разсыпаются и всѣ безъ исключенія плохи подбиты щебнемъ, а поэтому вода въ продолженіи осени накопилась подъ шпалами, пропитала грунтъ и съ появленіемъ морозовъ безъ спѣга, замерзла въ немъ и на немъ, а затѣмъ началось и выпучиваніе шпаль, которыя какъ худо подбитыя, во время прохода поѣзда, подъ тяжестью его давали осадку. Осадки шпаль, были до того чувствительны, что въ иныхъ мѣстахъ какъ на пр. на 11ой верстѣ отъ Петербурга на 101ой и 102ой (между станціями Бабино и Чудова), на 142ой и 143ой (между Грядюю и Вишерю), машинисты не могли отъ толчковъ стоять на локомотивахъ и переходили на тендеръ. На машинистовъ напалъ такой паническій страхъ, что по словамъ самихъ офицеровъ инженерныхъ, рѣшительно отказывались нѣкоторые принимать поѣздъ, говоря, что жизнь имъ дороже службы, однако никто не былъ изъ нихъ за непослушаніе отрѣшенъ отъ должностей, вѣроятно изъ опасенія, что выпущенный изъ службы, стало бытъ освобожденный отъ затычки рта, даровымъ съномъ, машинистъ заговорить пожалун очень громко и хотъ изъ этого воля, ничего разумѣется выйти не могло, но вѣдь на ворѣ и шанка горить.

Когда публика начала нечестно говорить о ежедневныхъ поломкахъ, то высшее начальство инженерное вынуждено было сдѣлать маневръ заботливости и стремленія будто бы узнать истинную причину опаздыванія поѣздовъ и частыхъ поломокъ. Для этой цѣли назначена была сначала коммисія, въ числѣ членовъ которой былъ извѣстный экономическими способностями полковникъ Гаубе, обладающій шегольскимъ домомъ на Басейной улицѣ; онъ составилъ себѣ извѣстность еще во время своего директорства на пареко-сельской желѣз. дорогѣ. Въ 1861 году назначена коммисія подъ командою извѣстнаго своею дѣйствительною честностью полковника П. Ц. Зуева, а въ 1864 г. — капитана Вельцова. Когда главноуправляющему указывали, что вмѣсто условленныхъ, хотъ и весьма дико, контрактомъ 3^{хъ} вершковой толщцы дровъ, принимаются 2^{хъ} вершковые и менѣе, что по мнѣнію департамента желѣзной дороги сильно увеличивается цѣнность

отопленія — отвѣчали, что это не правда, что всѣ дрова 3^х вершковые, и это когда самъ министр путей сообщенія и братъ его, лѣтомъ десятки разъ проѣзжающій мимо дровъ на свои дачи, могли открыть обманъ доносившихъ комиссій, но дерзость ихъ, или увѣренность въ свисхожденіи высшаго начальства, была такъ велика, что они твердо и смѣло доносили, что вздоръ, всѣ дрова, а не лицевые только полѣнницы, 3^х вершковые. Дѣйствія комиссіи кончаются безъ всякихъ послѣдствій, даже остается незамѣченною чудотворная сила комиссій, по велѣнію которыхъ 2^х вершковые дрова, за двѣ недѣли страха отъ объявленія, что поѣдетъ такая — то комиссія, приготовьтесь дескать товаръ лицомъ показать, поѣхали и достали до 3^х вершковъ и министр, проѣзжающій мимо дровъ десятки разъ и дающій предписаніе о назначеніи комиссій, спокойно вымещиваетъ догадку, что все это неправда, что комиссія убѣдилась въ точнѣйшемъ выполненіи контракта и такомъ выполненіи, которое угодно только Божіи и чудотворцы развѣ въ состояніи выполнить. Поднятый вопросъ заканчивается очищеніемъ № бумаги, подписано все, утверждено и съ печатью долой! И это на одномъ только 1^м и 2^м отдѣленіяхъ патронева была совѣтъ комиссій. по указанію на исполненіе контракта поставщика дровъ 1го и 2го отдѣленій А. И. Княжевскаго, такъ-же бывшимъ въ некоторое время въ числѣ воспитанниковъ института путей сообщенія. На 3^х и 4^м отдѣленіяхъ у ижевскихъ полковниковъ Вериги и Воробьева, 4 года сряду отъ плывавшихъ дорогу хозяйственнымъ способомъ по своимъ отдѣленіямъ, не только 2^х вершковые дрова были въ рѣдкость, но придумана была между народомъ особая мѣра, толщину дровъ изображающая, тамъ говорили, что у насъ дрова требуются толщиной *въ козью ногу*, а для красоты только съ лица въ 2 и 3 иногда вершка, да вѣдь сгорѣли также. Вотъ вамъ и польза хозяйственнаго распоряженія, когда поставщикъ и пріемщикъ заключаются въ одномъ лицѣ. Вотъ для чего и были составлены двѣ копейки въ торгамъ на дрова, неизбѣжныя для подрядчиковъ только, а не для самихъ ижевскихъ, вотъ для чего и были поднесены предложенія дешесыхъ вѣвъ, съ виду такіа благонамѣренныя, но надо имъ не понимать вовсе предмета, о которомъ приходится судить, или не хотѣть и понимать, а желать только рисоваться тѣмъ, что предметомъ мой, министръ и державалъ на извѣстный предметъ миллионъ, а я 700,000 руб. сер.

Комиссія проѣхавъ по дорогѣ, конечно допеска, что все обстоитъ благополучно, а что поюмки происходятъ и съ ними опаздыванія поѣздовъ отъ морозовъ, отъ неудовлетворительнаго отчасти ремонта, но не добого, а рождиваго состава; о состояніи дороги собственно, ни рѣчи, ни помину не было и главное, отъ неведения, формулярныхъ списковъ подвижному составу. Такое, съ виду вѣрное, но не полное заключеніе комиссій можетъ вызвать вопросъ не клевета-ли и выдумана все нами сказываемое зѣбрь, но мы не усиливаемся развѣивать свои доказательства *до поры, до времени*, а попросимъ отвѣтить ижеперовъ :

1) Отъ чего, за недѣлю до поѣздки комиссій для осмотра дороги, генералъ Серебряковъ, на особомъ поѣздѣ осматривая дорогу, самъ съ дистанціонными начальниками, съ шаблономъ повѣрялъ угладу рельсовъ и отъ чего на осмотрѣнныхъ

имъ мѣстахъ по шаблону въ зимнее время, подбивались шпалы и вывѣрялись рельсы на болѣе низкихъ и мягкихъ грунтахъ, тогда какъ для ремонта дороги назначены лѣтніе мѣсяры?

2) Отъ чего, когда комиссія ѣхала по дорогѣ, она осматривала тѣ-же самые мѣста, которые Серебряковъ вывѣрялъ и поправлялъ и незамѣтила, что это свѣжая работа, зимнее исправленіе и затѣмъ отъ чего ни въ какихъ другихъ мѣстахъ дорога не подвергалась осмотру, кромѣ особенно вопіющихъ и уязвимыхъ? А просматривалась-ли при этомъ отчетность, провѣрялись-ли дѣйствительно употребленные, съ отпускомъ ихъ, шпалы напрымѣръ, камень и прочее и существуютъ-ли какія мѣры учета принятыхъ шпалъ напрымѣръ, вынутыхъ за негодностію и новыми замѣненыхъ въ родѣ пломбъ что-ли, валагаемыхъ съ 1 № хоть по 20,000 № на все отдѣленіе, или дистанцію, или даже участокъ? Ежели бы эти пломбы съ изображеніемъ № и года налагались послѣ пріема особымъ лицомъ въ родѣ г. Краснопольскаго или полковника Ивана Осиневича Алексѣевскаго и при употребленіи въ дѣло снимались бы и представлялись на ревизию, замѣняясь какимъ нибудь другимъ признакомъ подъ тѣмъ-же № по употребленіи въ дѣло и по выпутіи за негодностію вновь осматривались и повѣрялись и такъ при каждомъ новомъ отпускѣ, то пельзя бы было принимать 5,000, а показывать 7,000 или по крайней мѣрѣ уменьшилась бы кража.

3) Отъ чего на разстояніи между Петербургомъ и Колпиномъ полотно дороги было насыщено щебенкою зимою 64/65 года, а не былъ этотъ ремонтъ отложенъ до лѣта и

4) Отъ чего такой же ремонтъ, но въ меньшемъ размѣрѣ производился между станціями Тосна и Ушани? Неужели только изъ того, что зимою рабочіе дешевле, или изъ опасенія, что ужъ очень плохо и слишкомъ явно подъ самымъ Петербургомъ распорядился Серебряковъ отсутствіемъ давно обязательнаго и конечно своевременно выведеннаго въ расходъ (присутствія) ремонтныхъ частей полотна дороги?

Разборъ по порядку состоянія дороги, на всемъ ея протяженіи, для сокращенія труда, я опредѣлительно и безъ ошибокъ вырала словами : чѣмъ дальше въ лѣсъ тѣмъ больше дровъ и меньше щепокъ, да и для меча, постояннаго жителя Петербурга наблюдать и собирать свѣденія поближе окою себя, поудобнѣ правду сказать, хотя пзъ этого нельзя еще заключать, что я не трудился обзоромъ и осмотромъ дальше того, что подъ рукою, нѣтъ, я все лѣто посвятилъ этому дѣлу и почти, могу сказать, прошелъ всю линію николаевской ж. дороги до Москвы и прошелъ не даромъ.

Чтобы пояснить старанія Серебрякова скрывать дѣйствія своихъ подчиненныхъ, я расскажу кой-какіе подвиги его. На сей разъ я ограничусь мѣстною молвою, ея видимыми основами и послѣдствіями, о пріобрѣтеніи Серебряковымъ подъ дачу земли у помѣщика Стобеуса, близъ Любанской станціи, о способѣ постройки этой дачи съ обдѣлкою земли при ней и проведеніемъ дороги. Молва, какъ видите не совсемъ пустая, а съ видимыми и осязаемыми подкрѣпленіями.

Помѣщикъ Стобеусъ, не много выше водогрѣйки съ водо-подъемными машинами, на рѣкѣ Тигодѣ, выстроилъ водяную мельницу. По причинѣ вреда отъ этой мельницы сосѣдямъ выше ея по рѣкѣ, затопленіемъ луговъ и заноромъ текучей воды рѣки Тигоды, а ниже вреда казенной водогрѣйкѣ, снабжающей водоподъемными машинами локомотивное зданіе

Любанской станціи тѣмъ, что нижнюю часть рѣки за плотинною мельницей, онъ посадилъ безъ воды на сорѣ, пескѣ и илѣ, постройка этой мельницы незаконна; но съ потѣщающею г. Стобеуса постройкою, мельницею, пѣнною и по суммѣ и по самолюбію строителя, разстаться онъ, когда напомнили ему о дѣлаемомъ съ 2^х сторонъ вредѣ и противозаконіи, не пожелалъ. На основаніи выраженнаго г. Стобеусомъ пожеланія укротить свои порывы, въ благодѣтельствованіи мельницею, какъ онъ выдавалъ цѣль постройки ея, сосѣдей, всѣ ближайшіе верхніе по рѣкѣ сосѣди, подняли гвалтъ, что затоплены луга ихъ и обратились, съ требованіемъ защиты, къ ставовому приставу, а нижній на рѣкѣ сосѣдъ водогрѣна желѣзн. дороги, въ лицѣ представителя своего, начальника дистанціи, меньшій гвалтъ, что мельница посадила дорогу безъ воды, что для водоподъемныхъ машинъ, наступила служба тяжелая и поднимать и фильтровать воду очищая ее отъ грязи и сору. Съ 2^х сторонъ такимъ образомъ возникло дѣло о *бдѣствіяхъ и притѣсненіяхъ отъ Стобеусской мельницы*. По прошествіи, какъ водится, нѣкотораго количества лѣтъ, полицейскіе покровители зашумѣли быю до того, что уѣздный врачъ при появленіи въ 1862 или 1863 г. какой то въ той мѣстности болѣзни — находить, запертую и сдѣланную нетекучею, воду рѣки Тигоды вредною для здоровья потребителей ея, верхнихъ сосѣдей мельницы; но видно утомились шумѣть и свели вопросъ съ права о нарушеніи законовъ — на приведенный въ цѣнность 10 рублевый, будто бы всѣмъ верхнимъ сосѣдямъ убытокъ въ годъ, отъ затопленія луговъ, а убытка никто не искалъ и вознагражденія за него не просили, требуя лишь возстановленія закона, уничтоженіемъ мельницы. Обязали г. Стобеуса платить ежегодно 10 р. и на томъ дѣло порѣшили, претендующимъ же всѣмъ сосѣдямъ объявили, что они должны быть довольны такимъ саломоновскимъ судомъ и признавать 10-рублевое вознагражденіе достаточно полнымъ и за вещественныя ихъ потери отъ затопленія и за оскорбленіе и нарушеніе ихъ законныхъ владѣльческихъ правъ. Относительно сдѣлавшагося будтобы вреднымъ свойства воды въ рѣкѣ Тигодѣ, за завтракомъ у г. Стобеуса, приглашенные къ оцѣнкѣ и вещественнаго вреда и свойства воды, два мѣстные дворянина и ставовой приставъ, порѣшили, что даже вода, на заводѣ г. Стобеуса съ тою водою мѣраемая, положительно безвредна, а на вкусъ пріятна и что такие же будто бы результаты были получены отъ смѣшенія той же воды и съ виноградными винами и даже въ несмѣшанномъ ви съ чѣмъ ея видѣ, по заключительнымъ испытаніямъ, въ концѣ уже завтрака обесживаемая вода оказалась не только не вредною, и даже благопотребною и полезною. Всѣ полицейскіе порядки при этомъ были соблюдены и даже злоупотребные, можетъ быть собитые съ работы и долго ждашіе, какъ водится, вачальства, голодаючи, крестьяне, повятые, чуть ли не были приведены, съ подобающимъ уваженіемъ къ кресту и евангелію, на тощакъ къ присягѣ.

Ну, а что же претенденты? спросятъ насъ сосѣди верхней части рѣки. Да что, скушавъ грибъ пороптали еще разъ на продажность не только закона коронными его представителями, мелочными полицейскими торговцами по этой части, но и на продажность совѣсти двумя сосѣдними дворянами и порѣшили, что безъ висѣлицъ подобнымъ торговцамъ ничего не подѣлаешь, а пока то сіе случится, больше нечего дѣлать какъ, замѣнивъ упованіе на высшихъ упованіемъ на всевышняго, продолжать тянуть сколько можно терпѣливѣе и осто-

роживѣе горькую долю безсудности, съ постояннымъ памятованіемъ пословицы: отрѣжь помы и прочь пойдѣ, ибо въ судъ пойдешь, кромѣ сожалѣнія о кормленіи судей, изъ него ничего не вынесешь. Такъ и замолчала, связанная мельницею верхняя рѣка Тигода, а ва нижней? Виновагъ еще за отступленіе, но вѣдь какъ начнешь разбираться и вдумываться въ болѣзневное положеніе заѣденной экономами и беззаконіемъ милой родины, такъ ва которую сторону ви взглянешь, всѣ поражены страпномъ гвалтомъ, а сама она, болящая, уподобляется лежащею въ казенной больницѣ и до чего ви дотронешия, вездѣ больно и такъ больно, что молчать ве поѣдъ силу, ну и кричишь, хоть и знаешь что крикомъ однимъ безъ лекарствъ не помочи, но вѣдь глаба человѣческая натура, все думается неслышнть ли главный докторъ, въ котораго все таки вѣришь, можетъ быть и потому только, что онъ главный, не скажнтся ли, давь дѣйствительныя лекарства, вмѣсто пачкающихъ на врачъ лекарствъ подмастеровъ его(!) Мы оставились на положеніи нижней р. Тигоды, чтожь цѣлая? — Съ нею еще короче порѣшили; претендентъ ся казна, въ лицѣ генерала Серебрякова, прекратила свои претензіи на томъ разсужденіи, что пока машины водоподъемныя еще дѣйствуютъ, а гдѣ нужно исправить ихъ, когда испортятся, то замѣняется новыми еще лучшаго устройства, а чтобъ ссориться изъ этого съ г. Стобеусомъ, теперь уже знакомымъ и сосѣдомъ, да при томъ изъ за казеннаго дѣла, фи! За тѣмъ, конечно, дѣло о Стобеусской мельницѣ и уничтоженіи ея вреднаго существованія затихло. Замѣчательно только, говорить народная молва, что передъ этимъ затишемъ дѣла, г. Серебряковъ сунулъ у г. Стобеуса, подъ дачу нѣсколько десятинъ земли въ 1ой верстѣ отъ Любанской станціи и говорятъ, что показанные въ кучей цѣности 1,000 р., или по 100 будто бы рублей за десятину, выставлены лишь для соблюденія государственнаго мербоваго дохода и законнаго порядка о крѣпостныхъ оошлипахъ. Не ручаюсь впрочемъ за полную вѣрность такой молвы...

На воось приобрѣтенной землѣ началъ Серебряковъ строить дачу, проводить дороги, разбивать и планировать сады и парки. Постройку дачи производилъ плотникъ Никифоръ Петровъ и онъ гроша за работу не получилъ, да и не требовалъ, а състроилъ за то, чтобы получить постоянныя плотничныя работы, по Николаевской жел. дорогѣ — и получилъ ихъ. Всѣ земляныя работы исполнилъ подрядчикъ Филиппъ Леоптьевъ съ товарищемъ и также бесплатно, на тѣхъ же условіяхъ и съ того времени всѣ земляныя работы по 2^{му} отдѣленію дороги исключительно отдаются ему, а отъ 5 до 10 человекъ землекоповъ до сихъ поръ онъ посылаетъ для работъ на дачу Серебрякова. “На естое мы не обиждаемся ни сколько, говоритъ товарищъ Леоптьева, потому значить, что Филиппъ, хоть по реметигѣ и ве мастеръ, однако понасмотрѣвшисъ на господъ — всѣ илие дѣла и всякіе тамъ ихніе этакіе порядки, значить расчоты и выгоды понимать можетъ и вѣдь не одному генералу даромъ работали и у полковника Висневскаго и у Савицкаго на мызахъ работали, а Филиппъ своего не упустилъ, смѣкаетъ тоже гдѣ нужно расчоты свои.” Маляры, штукатуры, кровельщики и всѣ прочіе мастера присылаемы были для отдѣлки мызы со всей дороги, одни только печники были наняты въ Петербургѣ потому, что ремонтные печники плохи, но и тѣ, какъ всѣ рабочіе пріѣзжавшіе для работъ мызы, провезены были по жел. до-

рогъ, въ видѣ казенныхъ рабочихъ бесплатно. Вообще при постройкѣ дачи Серебрякову оставалось только прѣзжать любоваться и указывать, какъ и чтобы онъ желалъ. Дача эта изображала изъ себя балуемое дитя со множествомъ нянекъ. Для присмотра за всѣми работами по постройкѣ мызы, Серебряковъ назначилъ дорожнаго мастера Александровскаго, съ Чудовской станціи (за 30 слишкомъ верстъ) и тотъ все лѣто, до окончанія отѣлки мызы, ежедневно прѣзжалъ въ 6 ч. утра въ Любань съ почтовымъ поѣздомъ, якобы по казенной надобности и только на почъ, въ 10 ч. вечера, съ послѣднимъ поѣздомъ пассажирскимъ возвращался домой въ Чудово, гдѣ участокъ его, въ его отсутствіе, поручался допривительству только патроновъ дороги, угодниковъ Божіихъ *Козьмы* и *Даміана*, нарицаемыхъ въ святцахъ безсребренниками. Сверхъ Александровскаго, другою нянькою былъ начальникъ дистанцій, капитанъ Синицынъ, а за тѣмъ еще высшимъ и усерднымъ наблюдателемъ, чтобы все было хорошо и чтобы дача его превосходительства не терпѣла ни въ чемъ недостатка при сооруженіи — былъ начальникъ 2-го отд. дороги, инженеръ полковникъ Висневскій. Первые двое были постоянными безсмѣнными няньками, а Висневскій наѣздомъ только, разъ въ недѣлю, за долгъ почиталъ освѣдомляться о успѣхѣхъ дѣла и семенилъ заявлять предъ его превосходительствомъ свое вниманіе.

(Окончаніе въ слѣд. листѣ).

С М Ъ С Ъ.

— *Несовершеннолѣтній злодѣй и совершеннолѣтние злодѣи судившіе его.* Сенатъ разсматривалъ дѣло представленное рязанской уголовной палатой, объ исправ. должность исправника Д. Левашевъ. “Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, сенатъ нашелъ, что Дмитрій Левашевъ 20-ти лѣтъ и 9-ти мѣсяцевъ, обазывается виновнымъ: 1) въ истязаніяхъ и жестокоствяхъ при отпращиваніи должности, состоявшихъ въ подверженіи въ Іюнь 1864 года тѣлесному наказанію розгами чрезъ полатыхъ и собственноручно розгами и арапникомъ, для вынужденія показаній по дѣлу о двухъ бѣжавшихъ арестантахъ и за дѣйствія, почему-либо Левашеву не понравившіяся, разныхъ лицъ, какъ не изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, такъ и изъятыхъ отъ онаго стариковъ, женщинъ, имѣющаго знакъ отличія и дѣтей священнослужителей, въ которыхъ въ нѣсколько пріемовъ, въ теченіе продолжительнаго времени и съ нарушеніемъ всякаго уваженія къ естественной стыдливости женщинъ; 2) въ нанесеніи оскорбленія дѣйствіемъ, заключаемымъ въ вырываніи бороды, трепаніи за волосы и нанесеніи собственными руками побоевъ разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ должностнымъ лицамъ волостнаго и сельскаго управленія, и 3) въ противно-законномъ лишеніи одного крестьянина свободы. За сіи преступленія, Левашевъ, какъ несовершеннолѣтній, подлежалъ бы, на основаніи св. зак. (изд. 1857 года) тома XV кв. 1-й улож. о наказ. статей 387, 389, 390, 165, 141 и 152, по продолженію 1863 года, отдачи въ военную службу рядовымъ, съ выслугою, безъ лишенія особенныхъ правъ и преимуществъ, но какъ рѣшеніе рязанской угодной палаты, коимъ Левашевъ приговоренъ за означенныя преступленія лишь къ домашнему аресту въ его домъ на поторы недѣли, вошло въ окончательную законную силу и за симъ, на основаніи св. зак. (изд. 1857 года) тома XV кв. II ст. 414, мѣра слѣдующаго подсудимому наказанія не можетъ быть усугублена, то Сенатъ признаетъ

необходимымъ принять относительно Левашева предупредительныя мѣры, вызываемыя его противозаконными поступками и настоятельною необходимостью преградить на будущее время возможность поступленія на службу такого лица, которое доказало своими дѣйствіями, что оно неспособно и недостойно отправлять оную. По сему сенатъ, на основаніи св. зак. (изд. 1857 года) тома I учрежд. Правитель. Сената, с. 2,230, т. II ч. 1-й ст. 263—265 и т. XV кв. 1-й улож. о наказ. ст. 62, опредѣляетъ: исправлявшаго должность рязанскаго исправника Дмитрія Левашева впредь на государственную службу не опредѣлять и къ участию въ выборахъ и къ поступленію на должности по назначенію земства, дворянства, городовъ и селеній не допускать.”

— *Уваженіе къ выборнымъ людямъ.* Изъ Казани пишутъ въ *С. П. Вѣдомости*: “Двое гласныхъ изъ крестьянъ, возвращаясь вечеромъ послѣ собранія домой, были забраны въ полицію, на томъ основаніи, что у нихъ въ карманѣхъ не было паспортовъ. Сколько ни твердили мужички, что они гласные, что завтра по утру имъ нужно являться въ собраніе, ихъ все-таки посадили въ кутузку. Желаніе ихъ присутствовать на собраніи было такъ велико, что они изъявили даже желаніе дать приличный выкупъ, лишь бы ихъ выпустили изъ кутузки. Собраніе, говорятъ, заступилось за своихъ товарищей, но дѣло все-таки кончилось ничѣмъ, потому что представителямъ въ кутузкѣ ничего особенно дурнаго не сдѣлали”.

— *Полное Собраніе КОЛОКОЛА, ОБЩАГО ВѢЩА и ПОДЪ СУДЪ, отъ 1857—1865, перепл., 75 франковъ.*

Въ Женевѣ *Колоколъ* продается у г. Георга, Corraterie; въ Лондонѣ у N. Trübner et Co., 60, Paternoster Row; въ Парижѣ А. L. Herold, 67 Rue Richelieu; Брюсселѣ С. Muquardt, F. Claassen; Вевѣ Richard Lesser, 15, Rue du Lac; Лозаннѣ Martignier et Chavannes; Лейпцигѣ F. A. Brockhaus; Берлинѣ Ferd. Schneider, 11, Victoria Strasse, Schneider et Co., 19, Unter den Linden, В. Behr, 27, Unter den Linden; Гамбургѣ Perthes Besser et Mauke, Hoffmann et Campe; Любекѣ Fr. Asschenfeldt; Штетинѣ Von der Nahmer; Флоренціи Eugène Vieusseux; Аѳинахъ К. Wilberg; Каирѣ W. Hammerschmidt; Константинополѣ F. Schimpff et Comp., Köhler et Weiss.

— Въ Швейцаріи *Колоколъ* продается у: Martignier et Chavannes à Lausanne; R. Lesser à Vevey; Schabelitz, Hanke à Zürich; Dalp à Berne; Huber à Rorschach; Urfer à Interlaken.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Обращаемъ особенное вниманіе нашихъ читателей на то, что Вольная Русская Типографія въ Женевѣ принимаетъ съ новаго года сверхъ заказовъ для печатанія на русскомъ, и на польскомъ, сербскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ.

Типографія снабжена новыми шрифтами и можетъ ручаться не только за точное и красивое выполненіе, но и за сравнительную дешевизну заказовъ.

Подробный тарифъ цѣнамъ печати на разныхъ языкахъ, въ разномъ форматѣ и на разной бумагѣ — желающіе могутъ найдти въ Бюро Типографіи, 40, Pré l'Evêque.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré l'Evêque, Genève.

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 218.

15 АПРѢЛЯ 1866.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré l'Evêque и въ главныхъ депо — у Г. Георга, 10, Corratierie, Genève; у В. Грюбнера и Ко., 60, Paternoster Row Londres. Цѣна за листъ 50 сантимовъ безъ пересылки. Прилагаемъ почтовой тарифъ:

Въ Германію	15с.
— Австрію	15с.
— Англію	15с.
— Бельгію	5с.
— Францію	5с.
— Италію	3с.
— Неаполь и Сицилію	20с.
— Грецію (черезъ Марсель)	5с.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10с.
— Швецію	25с.
— Швейцарію	5с.

Paraît à Genève tous les quinze jours. Le dépôt principal est chez H. GEORG, à Genève, Corratierie, No. 10. A Londres, chez N. TRÜNNER et Co., 60, Paternoster Row. Le prix de chaque No. est de 50 centimes, le port de la poste non compris. Tarif postal:

Allemagne	15с.
L'Autriche	15с.
Angleterre	15с.
Belgique	5с.
France	5с.
Italie	3с.
Naples et Sicile (voie de Marseille)	20с.
Grèce (voie de Marseille)	5с.
Turquie et Princ. Danubiennes (voie de Marseille)	10с.
Suède	25с.
Suisse	5с.

ОГЛАВЛЕНІЕ : Отъ издателей—Прудонъ «Новая теорія собственности»—Послѣ смерти—Николаевская желѣзная дорога и ея эτικο-политическая экономія (Окончаніе). Смѣсь : Слухъ—Оберъ-полицейскій Аннепковъ—Владиміръ Костомаровъ—Баронъ Гакстгаузенъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ

Длинныя филиппики, помѣщенныя въ Русскихъ Газетахъ о статьѣ Мазада въ *Revue des Deux Mondes*, заставляютъ думать, что статья эта не запрещена въ Россіи. Было бы слишкомъ глупо дозволить возраженія, не дозволить статьи. А потому мы и приостановились съ печатаніемъ ея, не смотря на то, что переводъ статьи сдѣланъ и г. Буллозъ самымъ любезнымъ образомъ позволилъ ее помѣстить. Если впрочемъ наши читатели заявятъ желаніе, мы помѣстимъ ее въ одномъ изъ слѣдующихъ листовъ.

ПРУДОНОВА «НОВАЯ ТЕОРІЯ СОБСТВЕННОСТИ»

“La propriété — c'est le vol,
“La propriété — c'est la liberté”.
Прудонъ.

I.

Смерть не помѣшала Прудону сказать свое послѣднее слово. Я не согласенъ съ тѣми, кто признаетъ за критикою Прудона одно только отрицательное значеніе, но и самъ Прудонъ соглашается, что предъидущимъ его трудамъ надъ правомъ собственности не доставало крайнихъ выводовъ, подведенныхъ итоговъ. Этотъ пробѣлъ Прудонъ обѣщавъ пополнить еще въ 1840 г., т. е. въ годъ выхода перваго его мемуара о собственности : *Se que c'est que la propriété?* Затѣмъ онъ нѣсколько разъ повторилъ это обѣщаніе, исполненія котораго вѣроятно не безъ нетерпѣнія ждали всѣ, интересующіеся теоріею общественности, которой Прудонъ остается до нашего времени лучшимъ представителемъ.

“Новая теорія собственности” и есть это давно обѣщанное ея авторомъ окончательное (по его мнѣнію) рѣшеніе вопроса собственности. Я далека отъ того, чтобы видѣть въ этой книгѣ *résumé*, а еще менѣе вѣнецъ Прудоновой дѣятельности; но она заканчиваетъ эту дѣятельность, какъ въ фактическомъ отношеніи такъ и въ отношеніи мысли. Теперь итоги подведены, мысль проведена и досказана до конца.

Полноненіе вышло нѣсколько неожиданное по видимому и для самаго автора

Годъ IX.

Установивъ въ первомъ своемъ мемуарѣ существенное различіе между *собственностью* (*dominium*) и *владѣніемъ* (*possessio*), Прудонъ находитъ, что первое, т. е. собственность, вовсе не сущность дѣла, вовсе не необходимая основа или аятецедентъ всякой общественности. Собственность оказывается только формою владѣнія, или точнѣе одною изъ формъ владѣнія потому, что такихъ формъ мы уже имѣемъ нѣсколько въ нашемъ историческомъ прошломъ, не говоря уже о томъ, что мысль паша, отправляясь отъ строго-реалистическихъ данныхъ и нисколько не вдаваясь въ фантазерство, можетъ создать новыя формы владѣнія, столь же осуществимыя, какъ и уже существовавшія въ исторіи. Но, оставаясь пока при однихъ только формахъ прошедшаго, мы можемъ поименовать здѣсь *патріархальный коммунизмъ*, *первобытное германское общинное владѣніе*, *аллодіальное* и *феодалное владѣніе*, наше *русское общинное* (или, какъ называетъ его Прудонъ въ разбираемомъ сочиненіи) *славянское владѣніе* (*possession slave*).

Формою владѣнія, избранною тѣмъ или другимъ народомъ, тѣсно обуславливается и форма или складъ общественности этого народа. Въ Римской исторіи мы видимъ очень наглядно, что не только переходъ отъ республики къ цесаризму, но и переходъ отъ одной республиканской формы къ другой, тоже республиканской, явились вслѣдъ за видоизмѣненіемъ формы владѣнія. Впрочемъ вдаваться въ подробности мѣшаетъ мнѣ объемъ *Колокола*, съ которымъ я по неволѣ долженъ согласовать и самый объемъ своихъ замѣтокъ. Та форма общественности, въ основѣ которой залегло римско-германское, т. е. теперешнее или абсолютное право собственности, составляетъ государственность. Слѣдовательно, отрицать государственность, значить въ тоже время отрицать и право собственности въ томъ смыслѣ, въ которомъ оно опредѣлено конвентомъ и признано всѣми исторически-живущими обществами. Эта круговая порука между собственностью и государствомъ очень хорошо понята и выяснена Прудономъ въ его предъидущихъ сочиненіяхъ.

Понять эту круговую поруку, — понять, что государство есть *эквивалентъ* (да будетъ мнѣ позволено употребить этотъ терминъ, который вполне передаетъ мою мысль) собственности, довольно легко и притомъ очень важно, потому, что

это пониманіе предостережетъ насъ отъ мнѣшья смѣшья буржуазнаго либерализма. Но для этого необходимо вспомнить то, что Прудонъ говоритъ о происхожденіи права собственности и что не могли опровергнуть ни Бастья, ни Бланки (экономисты), ни подобные имъ пророки и апостолы всемогущества и божественности капитала и божественнаго права *utendo ed abutendo re sua*.

Право это точно божественнаго происхожденія, говоритъ Прудонъ, но на языкѣ его слово божественный имѣетъ не тотъ смыслъ, который придаютъ ему денсты церкви и биржи. Объ этомъ смотрите его замѣчательное введеніе въ "Систему экономическихъ противурѣчій". Божественно, по словарю Прудона, то, что является продуктомъ не сознательной и цѣлесообразной дѣятельности человѣка, а плодомъ тѣхъ темныхъ вѣщепій, инстинктовъ, стремленій, которыя живутъ въ человѣкѣ, какъ стихіи, заставляють его дѣйствовать помимо его воли, сознанія, — дѣйствуя подъ влияніемъ которыхъ, человѣкъ не отвѣчаетъ за себя. Совершенствоваться для человѣка значитъ преодолевать въ себѣ сознаніемъ эту животную или божескую сторону своего бытія. Вотъ въ такомъ-то смыслѣ божественно происхожденіе права собственности, т. е. оно не сознательно придумано какимъ-нибудь законодателемъ, лицомъ или корпусомъ, а явилось въ исторіи человѣчества, какъ стихійный, безразличный, космическій фактъ, ненуждающийся въ оправданіяхъ за прошлое, но перемѣняющій свои оправданія въ настоящемъ, кромѣ того, что значительное большинство людей въ нашихъ цивилизованныхъ обществахъ продолжаетъ еще руководиться въ своей дѣятельности или бездѣятельности тѣми-же истинами, подъ влияніемъ которыхъ появилось въ первый разъ въ Римской исторіи право собственности, а впоследствии переродился въ это право аллодыализмъ франковъ и саксонской феодализмъ. Послѣ этого нечего конечно искать праву собственности разумнаго, т. е. человѣчески-сознательнаго основанія. Всѣ подобныя порожденія божественнаго или стихійнаго творчества отличаются всецѣлостностію, т. е. ихъ нельзя переобрабатывать и передѣлывать, а надо принимать или отвергать огуломъ, сполна. Прудонъ укоряетъ непониманіемъ этого свойства подобныя явленія—тѣхъ половинныхъ повторовъ, которые хотять сохранить самое учрежденіе собственности, но уничтожить ея злоупотребленія. Право собственности значитъ право не только пользоваться чѣмъ-нибудь, но и злоупотреблять этимъ чѣмъ-нибудь по своему произволу. Если у меня могутъ отнять мою вещь, потому, что я злоупотребляю ею, то я уже не собственникъ, т. е. я владѣю вещью не на основаніи собственности... — Какъ-бы ни развивалось право собственности, злоупотребленія и противурѣчія его будутъ развиваться вмѣстѣ съ нимъ. Отрѣкаться отъ нихъ оно не можетъ : это значило-бы примѣняться къ окружающей средѣ, совершенствоваться; а къ этому, — уже сказано, — продукты божескаго или стихійнаго творчества неспособны. Отелло подъ влияніемъ такой стихійной ревности душилъ Дездемону. Онъ можетъ совершенно простить ее, оставаясь все тѣмъ-же стихійнымъ человѣкомъ; но онъ не можетъ принять во вниманіе уголовный кодексъ и расправиться со своею супругою дозволенными законами "отеческими мѣрами".

Вдаваясь далѣе въ эмбриогенію собственности, Прудонъ находитъ, что учрежденіе это есть плодъ человѣческаго любостязанія (concupiscence), жадности, корыстолюбія, однимъ

словомъ тѣхъ сторонъ человѣческой природы, которыя нѣсколько безцеремонно прокляты Христомъ и другими идеалистами, но не смотря на проклятіе, продолжаютъ все таки пропѣвать въ каждомъ изъ насъ, какъ падре Гавацци послѣ папской аваемы. Недаромъ собственность и религія враждуютъ между собою; недаромъ Христосъ запираетъ передъ богачами ворота своей санкюлотской небесной монархіи, а экономисты, — Христы (но по большей части бездарные) биржеваго царствія, посмѣиваются надъ ученіемъ церкви о процентахъ : учрежденія эти родственны, а потому вражда между ними понятна. Я обращаю вниманіе на это родство, потому что оно поможетъ намъ яснѣе понять неспособность собственности совершенствоваться, а также и то : въ какомъ смыслѣ и въ какой мѣрѣ собственность подлежитъ отщепенію.

Религія, точно такой-же продуктъ божескаго или стихійнаго творчества, какъ и собственность. Только въ религіи отразилась другая и крайне противоположная любостязанію жадности, сторона человѣческой природы : а именно стремленіе къ нравственному равновѣсію, къ созерцательности и справедливости. Человѣкъ совершенствуется и замѣчаетъ, что религія очень плохое средство удовлетворять тѣмъ потребностямъ, которыя породили ее. Но религія не способна совершенствоваться; въ доказательство стоитъ сослаться на нецѣпость всевозможныхъ денстическихъ и протестантскихъ компромисовъ. Человѣкъ либо держится религіи (т. е. либо опъ стихійный человѣкъ); либо-же онъ человѣкъ сознанія — тогда ему не нуженъ ни Вишну, ни Ягова, ни "Великій Геометръ". Конечно человѣкъ можетъ нѣкоторое время стоять на рубежѣ стихійной и сознательной жизни. Но до вѣчно стоящихъ у порога никому нѣтъ дѣла.

Какъ продукты стихійнаго творчества и религія и собственность создавъ въ своемъ родѣ геніяльныя, т. е. каждая развиваетъ свою сторону до крайности, до нецѣпости, до невозможности : религія доводитъ до бездушнаго мертвецкаго идеализма сторону нравственныхъ стремленій; собственность требуетъ, чтобы человѣкъ не зналъ ничего, кромѣ корысти и нещадно давить подъ колесами своей триумфальной колесницы всякаго, кто на мигъ позналъ бога кромѣ ея. Такъ поступаетъ Богородица съ Дѣвой Орлеанской, такъ дѣйствуютъ всѣ божества. Только Богородица дѣйствуетъ въ невѣщественномъ мѣрѣ фикцій и отвѣченій; потому приговоры ея, чтобы дать себѣ почувствовать человѣку, неживущему въ безплотномъ мѣрѣ христіанскихъ призраковъ, нуждаются въ вещественной рукѣ палача. Палача отчислили отъ духовнаго штата къ свѣтскому — и благо. Собственность дѣйствуетъ въ вещественномъ мѣрѣ явленій общественныхъ, палачи ея, выдвинутые на верхъ конкуренціею счастливыя, ни отъ какой власти не зависятъ и не могутъ быть отставлены отъ должности до дѣхъ поръ, пока горизонтъ нашихъ общественныхъ понятій клиномъ сходится на государствѣ, которое есть только политической эквивалентъ собственности.

Собственность, какъ сказано, — геніяльно-одностороннее порожденіе любостязанія, жадности, корыстолюбія. Она, по Прудоновскому выраженію, апотеоза этихъ непохвальныхъ, но къ сожалѣнію (а можетъ быть и пожалѣть тутъ не о чѣмъ) очень свойственныхъ человѣку качествъ. Въ человѣкѣ эти стороны пополнены весьма многими другими. Но собственность, въ силу своего божественнаго происхожденія, выдвинулась

такова, что она подавляетъ въ человѣкѣ все, неаправленнѣе прямо къ стяжанію. Полный человѣческій эгоизмъ влечетъ человѣка къ сближенію съ себѣ подобными, къ общественности, которой единственная основа, взаимность или пропе стараніе сдѣлать свои выгоды, выгодами всѣхъ и каждого (въ чемъ одномъ только и можетъ заключаться гарантія личности). Эгоизмъ собственности, т. е. эгоизмъ взятый поимно всѣхъ непрямо похотливыхъ и корыстныхъ побужденій, или *любо-стяжаніе* ведетъ къ полной разрозненности и интересовъ. Герой собственности, гениальный спекуляторъ, если опъ только можетъ быть искрененъ хоть на одну минуту, — долженъ поставить своимъ девизомъ: *невыгода всѣхъ и каждого — моя выгода*. И этотъ девизъ выражаетъ не только завѣтное стремленіе собственниковъ; онъ выразитъ и долженъ выразить собою весь смыслъ, все цивилизационное значеніе собственности. Сохраните учрежденіе собственности, но предположите на время уничтоженныя стремленіе каждого собственника увеличить свое владѣніе въ ущербъ всѣмъ остальнымъ собственникамъ и несобственникамъ: въ жизни произойдетъ такой застой, какого не выдумать самѣму бѣшеному теологу; у васъ получится уродливѣйшее изъ невозможныхъ учрежденій: первобытный коммунизмъ съ пролетаріатомъ и неравенствомъ.

Можетъ быть иной читатель, сбивый съ толку изображеніями добродѣтельныхъ спекуляторовъ въ родѣ Констанжого, или же теоріями Роберта Оуэна о гуманистически-благодѣтельнымъ вліяніи, которое могла-бы имѣть выгода, корысть, хорошо понимаемая, не видитъ логической необходимости производимой собственностью разрозненности, выгоды лица и всей коллективности остальныхъ лицъ, собственниковъ или несобственниковъ, составляющихъ общество. Но во 1^х Робертъ Оуэнъ говоритъ о выгодѣ *хорошо* понимаемой и видѣтъ не намѣкаетъ на то, чтобы онъ считалъ собственническое пониманіе выгоды, хорошимъ ея пониманіемъ. Во 2^х богатѣть не въ ущербъ остальнымъ никакой собственникъ не можетъ; но это было-бы слишкомъ длинно доказывать и здѣсь не умѣстно, потому что здѣсь идетъ рѣчь о томъ только, что собственность есть учрежденіе, стремящееся изъ выгоды всѣхъ удѣлить львиную часть одному, — невыгоду многимъ обратитъ въ пользу немногихъ (на пр. случаи голода, денежные и торговые кризисы и т. п.). Силу она всегда даетъ имущему надъ неимущемъ, своему надъ несобственникомъ. Возьмемъ такой случай, гдѣ человѣкъ силою собственнаго ума и таланта сдѣлавъ великое открытіе и, разбогатѣвъ самъ (какъ Жанъ-Вальжанъ на пр.), облагодѣтельствовалъ сотни своихъ ближнихъ. Мы не будемъ даже говорить о томъ, что, при господствѣ собственности, всякое подобное открытіе, обогащающее міръ, непременно (въ силу конкуренціи) разоряетъ соотвѣтственное количество людей, несдѣлавшихъ такого-же точнаго открытія. Христофоръ Колумбъ, возвеличавъ Испанію открытіемъ Америки, убилъ торговлю Средиземнаго моря. Но поимно этого: развѣ выгода всѣхъ не требуетъ, чтобы каждое полезное открытіе становилось по возможности достояніемъ всѣхъ и каждого? и развѣ собственность не требуетъ, чтобы каждый, сдѣлавшій подобное открытіе, хранилъ его про себя какъ средство взымать дань со всѣхъ, желающихъ пользоваться его изобрѣтеніемъ?

Собственность неизбежный источникъ неравенства, какъ потому что, удѣлы, доставшіеся каждому въ силу перваго захвата были неравны (для большинства равнялись нулю),

такъ и потому еще, что собственность заставляетъ каждого направлять свои силы именно туда, гдѣ опъ можетъ задавить собрата, т. е. конкурента. Будучи сама односторонняя, собственность изъ каждого дѣлаетъ односторонность, машину, (ссылаясь на все, что говорено въ пользу подраздѣленія труда).

Иному покажется, что я вдаюсь въ неумѣстную филиппику противъ собственности съ точки зрѣнія ея нефилантропичности; а я между тѣмъ только перечисляю права, которыя собственность имѣетъ на то, чтобы ее не отрицали, такъ какъ ее отрицали идеалисты, начиная съ Платона или Христа, и невѣжи, начиная монахами и кончая вел. кн. Михаиломъ Николаевичемъ* или Муравьевымъ... Объ этомъ послѣ.

Разрозненныя собственностью, наталкиваемыя сю одна на другую, личныя выгоды ведутъ къ распаденію общественности. Два равносильные собственника могутъ заключать между собою союзъ, федерацію. Но между собственникомъ и несобственникомъ, или между двумя собственниками неравно богатыми, никакія общественныя отношенія невозможны. Примиреніе столь разрозненныхъ интересовъ можетъ быть только насильственное, искусственное. Оно — то и есть государственность.

Въ средніе вѣка государственности не было: собственность — крайне односторонній продуктъ любостыжанія, уравновѣшвалась религіею — крайне одностороннихъ продуктомъ созерцательности. Средніе вѣка потому-то и имѣютъ характеръ неустойчивости (и въ самомъ дѣлѣ не устояли), что людямъ свойственно не балансировать между двумя крайностями, а искать твердой почвы, по которой можно бы идти впередъ, не опасаясь на каждомъ шагѣ свалиться въ пропасть, которая ищутъ наполнить или миновать вовсе, если опъ неополнимы. Съ протестантизмомъ религія пала, а великая революція покончила и съ послѣдними остатками теодпейскаго хлама. Съ тѣхъ поръ собственность осталась безграницною владѣльцею цивилизованнаго міра.

Стремленія къ общественности не дозрѣли еще и теперь до того, чтобы замѣнить религію въ дѣлѣ контрбалансированія собственности. Слѣдуетъ-ли раздувать ихъ такъ, чтобы изъ нихъ образовать новую религію или по крайней мѣрѣ суррогатъ религію? Не думаю, чтобы это было возможно, но что оно нежелательно — въ этомъ я увѣренъ. Стремленіе къ общественности даетъ намъ такую точку опоры, какой не имѣли творцы религіи и собственности, потому что оно, — это стремленіе, — не односторонне, не разлагаетъ человѣка на отвлеченія или фикціи (духъ и матерію), а беретъ его всецѣлостно. Общество на столько-же обязательно для человѣка въ силу самой его природы, — на сколько можетъ быть дѣломъ его ума, его силы. Въ обществѣ человѣкъ можетъ осуществить свои стремленія къ идеальному, къ нравственной гармоніи, не отказываясь отъ стремленія къ чувственному благосостоянію. Христіанство прокипявъ плоть, осуждало чувственныя стремленія стать любостыжаніемъ, жадностью, — точно также какъ собственность дѣлаетъ невозможнымъ для своихъ служителей преслѣдованіе непохотливыхъ цѣлей, осуждаетъ нравственнаго человѣка на идеализмъ, идущій въ разрѣзъ съ экономическою дѣятельностью, мертвый, пустой. Занятые служеніемъ Иеговѣ и золотому тѣльцу люди забыли общество, которое держалось кое-какъ противу разрозняющей силы собственности централизационною силою религіознаго фанатизма. Само собою разумѣется,

что религія, контрбалансируя собственность, ни мало не думала объ интересахъ общественности. Но своего представителя, своего фактора въ числѣ историческихъ элементовъ, стремленіе къ общественности и до сихъ поръ не имѣеть.

Какъ всякая односторонность, собственность у корня подточена противорѣчіемъ, которое обнаружилось во всей полнотѣ тогда только, когда самая собственность, лишившись противодѣйствія религіи, достигла апогея своего развитія. Собственность повелѣваетъ несобственникамъ, точно также какъ и собственникамъ. Желаніе нищаго стать собственникомъ, при системѣ собственности точно также неограничено, какъ и самое право собственности. Прогрессъ человѣчества въ системѣ собственности заключается въ томъ, что человѣкъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ энергіи и силы для достиженія единственной предположенной ему цѣли — стать собственникомъ. Катаклическая при самомъ своемъ началѣ, то есть, вытекшая не изъ разумно-сознанной необходимости, а изъ катаклизма, т. е. произвольнаго, политическаго факта перваго захвата, собственность предоставленная сама себѣ должна дойти до втораго захвата, до новаго и столь-же произвольнаго раздѣла богатствъ.

Защищать собственность противъ такого втораго захвата, явилось государство, котораго настоящее назначеніе обнаруживается всего нагляднѣе тамъ, гдѣ оно достигло наибольшаго своего развитія, — т. е. во Франціи послѣ *coup d'état*. Это попятно: развивается учрежденіе тогда, когда оно всего лучше и всего проще приспособлено для своей цѣли, когда оно освобождается отъ постороннихъ элементовъ, примѣшанныхъ къ нему неумѣиѣмъ или историческою случайностію.

Государство не болѣе какъ наемная сила, защищающая собственность противъ собственническихъ стремленій нищей братіи. Силою перваго захвата оно защищаетъ собственниковъ отъ возможности втораго захвата. Такъ или иначе — государство живетъ *рентою*, т. е. оброкомъ, платимымъ нищими собственникамъ. Право собственности, значитъ право на ренту, потому что весь валовой доходъ состоитъ изъ издержекъ по производству и репты. Въ издержки по производству включается, какъ вѣдомо каждому, издержки на жизнь только производящихъ членовъ.

Чѣмъ сильнѣе собственническій прогрессъ, т. е. чѣмъ энергичнѣе и грознѣе собственническія стремленія несобственниковъ, тѣмъ труднѣе и многосложнѣе задача государства, — тѣмъ большая часть репты, т. е. привилегіи собственниковъ, затрачивается на защиту привилегіи собственности. Какъ и всѣ, отдавашіе свою защиту въ руки кондотьеровъ, собственники трепещутъ передъ своими защитниками. Государство въ исрасходованіи суммъ на защиту перваго захвата удерживается тѣмъ только, что новый катаклизмъ можетъ быть гибеленъ и для него. Оно вдается порою въ коммунизмъ, т. е. льститъ собственническимъ ипстицтамъ несобственниковъ, чтобы застраховать себя на случай новаго катаклизма. Собственники терпятъ коммунистическія замашки государства (въ Россіи, во Франціи) отчасти изъ страха передъ кондотьеромъ, отчасти потому, что каждая такая попытка, ослабляя недовольство массъ, ослабляетъ съ тѣмъ вмѣстѣ необходимость репрессивныхъ мѣръ, т. е. уменьшаетъ до извѣстныхъ предѣловъ бюджетъ государства и фискальные поборы.

Въ массѣ коммунистическія стремленія очень легко могутъ оказаться сильнѣе собственническихъ стремленій, и новый

катаклизмъ, или второй захватъ легко можетъ быть концемъ собственности не только перваго захвата, но и собственности, какъ основы общественности. Никакая иная форма общественности, кромѣ государственности, при порядкѣ собственности невозможна, потому что государство есть насильственное, катаклическое, или политическое примиреніе, экономически разрозненныхъ собственностію и интересовъ.

— Такую-то картину современнаго историческаго быта, раскрыли передо мною труды Прудона надъ правомъ собственности отъ 1840 до 1846 г., т. е. до его “Системы Противорѣчій” включительно.

Результатъ этой части Прудоновой дѣятельности — отрицаніе государства и собственности. Всего рѣшительнѣе въ этомъ отношеніи его первый мемуаръ (*Se que c'est que la propriété?*).

Основаніемъ для этого отрицанія служитъ то, что право собственности разумнаго основанія въ сознаніи человѣческомъ не имѣеть: оно совершившійся фактъ и вовсе не экономического, а политическаго свойства. Отрицать государство безъ собственности, или собственность безъ государства — невозможно.

Показавъ, что внѣ собственности и государства, — то есть тамъ, гдѣ близорукии доктринерами и робкими рабами совершившихся фактовъ чудится только хаосъ и разрушеніе, лежитъ вся сущность дѣла, т. е. *владѣніе*, которое одно только необходимый antecedentъ общественности, — что собственность не больше какъ одна изъ историческихъ формъ этого владѣнія, — Прудонъ значительно расширяетъ нашъ горизонтъ общественныхъ понятій и освѣщаетъ совершенно новымъ свѣтомъ задачу теоріи общественности. Вотъ почему отрицать за ними положительное значеніе едва ли возможно.

Но отрицая собственность, Прудонъ, — какъ глубокой мыслитель, — понимаетъ очень хорошо, что человѣчество не проведетъ мокрой губкой по прожитымъ вѣкамъ, не вычеркнетъ вовсе періодъ собственности изъ исторіи. Легко можетъ быть, что новый народъ, хоть бы вашъ русскій, создавшій свое общинное владѣніе точно тѣмъ же стихійнымъ творчествомъ, какимъ создалось на Западѣ право собственности, — выйдетъ на историческое поприще болѣе сильный этимъ стихійнымъ невѣжествомъ, чѣмъ сознаніемъ вносимаго имъ въ исторію соціалистическаго начала. Можетъ быть на развалинахъ романо-германскихъ государствъ образуется новый міръ точно также, какъ сами эти государства образовались на развалинахъ римскаго цесаризма. И снова вѣка пройдутъ пока люди осматрятся и съ жадностію стапуть собирать клочки и остатки исчезнувшаго съ лица земли собственнически — государственнаго величія. Но такъ или иначе, рано или поздно, доишутся же до того, чѣмъ жили эти исчезнушіе вѣка, извлекутъ изъ погибшей цивилизаціи все, что можетъ способствовать достиженію все той же цѣли: “анархіи, автономіи личности, самоправности лица” во Прудоновскому опредѣленію... Тѣмъ или другимъ путемъ пойдетъ исторія — богъ вѣсть; но прошлое всегда будетъ antecedentомъ будущаго. Съумѣть различить въ настоящемъ то, что изъ него должно перейти въ будущее, — подать руку отъ настоящаго къ будущему — таковъ во всѣ времена долгъ мыслящихъ людей. Это-то и дѣлалъ Прудонъ едва-ли не одинъ во всей пишущей Франціи...

Перечисляя выше противурѣчія собственности, я старался

налегать именно на то значеніе, которое—благодаря противурѣчіямъ и злоупотребленіямъ—собственность имѣетъ въ исторіи человѣческаго развитія: изъ всѣхъ осуществленныхъ исторіею способовъ владѣнія, *собственность* наиболѣе предоставляет простора личной инициативѣ, наиболѣе предоставляет человѣка самому себѣ, наиболѣе даетъ гарантій его свободѣ.

И тогда же, т. е. въ 1846 г. Прудонъ опредѣляетъ задачу, надъ разрѣшеніемъ которой онъ трудился съ тѣхъ поръ и до самой своей смерти: найти “высшую формулу, которая равно удовлетворяла бы коллективному интересу и личной инициативѣ, соединяя въ себѣ всѣ преимущества собственности и ассоціаціи, не имѣя ни одного изъ ихъ обоюдныхъ недостатковъ”.

О томъ, какое положительное и неожиданное (какъ сказано) для него самаго рѣшеніе даетъ Прудонъ этой задачѣ, воспользуемся впредь.

Женева, 3 апрѣля 1866

Л. Мечниковъ.

ПОСЛѢ СМЕРТИ

Наконецъ-то и правительство отслужило по Михайловѣ своего рода панихиду. Мы помѣщаемъ ниже “Дѣлю о послабленіяхъ начальствующими лицами Михайлову, Обручеву и Макѣеву”.

Что за мелкое, гадко злое, ничтожное правительство, которое идетъ черезъ годы копаться около могилы страдальца, замученнаго имъ, и отыскивать *виновныхъ въ состраданіи*... Какъ это у нихъ нѣту никакого такта, воспитанія,— коли нѣтъ сердца на столько—чтобъ понять что роль сытой гѣны, шляющейся около ея-же обглоданныхъ костей—мерзка, глупа... Будничные люди, узкіе лбы... не вамъ вести Россію на совершеніе ея судебъ, вы только можете тормозить колеса или прибавлять грязь подъ ними. Даже *Independence Belge* не вынесла и пожимая плечами спросила: “что-же выигрываетъ правительство отъ такихъ процессовъ?”

Мы перепечатаваемъ эту мезитическую гадость царскаго злопамятства, для того чтобъ сохранить въ *Колоколѣ* еще документъ для будущей характеристики этихъ людей и еще оправданье почему мы такъ отъ души ихъ ненавидимъ.

“Докладъ по этому дѣлу происходилъ, 16 Марта, во 2-мъ отдѣленіи 6-го департамента правительствующаго сената (въ Москвѣ). Обстоятельства дѣла слѣдующія.

“Третье отдѣленіе собственной ея импер. велич. канцеляріи, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1862 г. получило извѣстіе, что начальствующія лица города Тобольска оказывали послабленіе содержавшемуся въ тобольскомъ пересыльномъ замкѣ государственному преступнику Михайлову, котор. и, будучи отправленъ изъ Петербурга 14 Декабря 1861 г. и, прибывъ въ Тобольскъ 30 Декабря того же года, не отправлялся къ мѣсту ссылки до 27 Января 1862 г., что все тобольское общество оказывало ему сочувствіе, что, по прибытіи въ Тобольскъ, онъ былъ раскованъ и содержался въ тобольскомъ замкѣ незаконнымъ; что вице-губернаторъ Соколовъ, прокуроръ Жемчужниковъ и начальникъ провіантской камисіи, полковникъ Жданъ-Пушкинъ, принимали его у себя въ домахъ и вмѣстѣ съ нимъ обѣдали; что къ Михайлову въ тюремный замокъ прибѣжали и оказывали сочувствіе къ его положенію военный медикъ Онучинъ, жена его, директриса тюремнаго комитета купчиха Пиленикова и другія дамы, которыя подносили Михайлову букеты цвѣтовъ; что въ тотъ день, когда Михайловъ долженъ былъ отправиться изъ Тобольска къ мѣсту ссылки—въ Нерчинскъ, въ квартирѣ Жданъ-Пушкина, изъ которой онъ былъ отправленъ, разбиты были его кандалы и кольцо изъ нихъ послѣ видѣли на столѣ у вице-губернатора съ привязанною дощечкою, на которой было написано: “Покровителю угнетенныхъ—отъ Михайлова”; что, при самомъ выѣздѣ Михайлова изъ города, повозка его остановлена была у заставы, гдѣ многие мужчины и дамы прощались съ нимъ, пили шампанское и кричали “ура!”, а за заставою онъ былъ остано-

вленъ вице-губернаторомъ Соколовымъ, который прощался тутъ съ нимъ и далъ коробку съ чѣмъ-то.

“Вслѣдствіе этого донесенія, государю императору благоугодно было назначить изслѣдованіе о противузаконныхъ послабленіяхъ начальствующихъ лицъ города Тобольска, оказанныхъ государственному преступнику Михайлову, и вообще о сочувствіи къ его преступленію тобольскаго общества, для чего и назначенъ былъ генералъ-майоръ Сколковъ. При слѣдствіи, произведенномъ послѣднимъ, оказалось, что со стороны начальствующихъ лицъ города Тобольска дѣлапо было одинаковое послабленіе съ Михайловымъ государственному преступнику Обручеву и безсрочно-ссылочно-каторжному Макѣеву.

“Показанія обвиняемыхъ при слѣдствіи были слѣдующія.

“Смотритель тобольскаго тюремнаго замка, Козаковъ. Михайловъ, Обручевъ и Макѣевъ, во время бытности ихъ въ Тобольскѣ, содержались не на кандалномъ дворѣ, а во флигелѣ для подсудимыхъ арестантовъ изъ дворянъ, съ разрѣшенія, по отношенію къ Михайлову, тобольскаго вице-губернатора. Камеры ихъ не запирались. Обручевъ и Макѣевъ доставлены были въ Тобольскъ безъ оковъ и незаконнымъ же были отправлены изъ Тобольска къ мѣсту ссылки. Михайловъ прибылъ законнымъ; по прибытіи помѣщенъ былъ не въ замкъ, а въ квартирѣ надзирателя острога, Устюгова, и въ тотъ же день, по приказанію полицмейстера, былъ раскованъ, и затѣмъ переведенъ во флигелъ для подсудимыхъ дворянъ. Камера его, также какъ у Обручева и Макѣева, не запиралась. Увольнялся онъ изъ замка, съ разрѣшенія полицмейстера, къ вице-губернатору Соколову, лекарю Онучину и другимъ лицамъ. Посѣтителю бывали у Михайлова съ разрѣшенія вице-губернатора.

“Отъ этого послѣдняго показанія Козаковъ на другомъ допросѣ отказался, объяснивъ, что ссылку на вице-губернатора научить его сдѣлать полицмейстеръ Кувичинскій, а что на самомъ дѣлѣ впускалъ посѣтителей онъ самъ, безъ визитовъ, въ чемъ и сознаетъ себя виновнымъ.

“Показаніе полицмейстера Кувичинскаго. Преступники Михайловъ, Обручевъ и Макѣевъ содержались не на кандалномъ дворѣ, а во флигелѣ для подсудимыхъ арестантовъ изъ дворянъ, по это было сдѣлано по издавна введенному порядку въ тобольскомъ тюремномъ замкѣ, гдѣ отдѣлялись содержавшіеся преступники привилегированныхъ сословій отъ простаго. Что же касается того, что давалъ ли онъ прямо приказаніе смотрителю замка Козакову о содержаніи Михайлова, Обручева и Макѣева во флигелѣ подсудимыхъ дворянъ, то онъ этого не помнитъ; но, можетъ быть, и давалъ. Камеры означенныхъ трехъ преступниковъ никогда не запирались, также по существующему издавна порядку. Отдавалъ ли онъ приказаніе смотрителю расковать Михайлова по прибытіи его въ Тобольскъ, не помнитъ, но не отрицаетъ, что могъ и отдавать, уважая въ преступникѣ дворянское сословіе, къ которому послѣдній прежде принадлежалъ. О посѣщеніяхъ, дѣлаемыхъ къ Михайлову разными лицами, онъ въ началѣ ничего не зналъ, но когда смотритель доложилъ ему объ этомъ, то онъ не приказалъ никого пропускать безъ его записокъ; самъ же дозволялъ бывать у Михайлова только полковнику Жданъ-Пушкину, а также дозволялъ Михайлову быть на обѣдѣ у лекаря Онучина. Въ самый день отправленія Михайлова изъ Тобольска къ мѣсту ссылки, онъ дозволялъ ему быть въ домѣ Жданъ-Пушкина, откуда Михайловъ отправился въ Нерчинскъ, а не заковалъ его при отправленіи потому, что не пришло это въ голову.

“Генералъ-майоръ Сколковъ, при произведеніи слѣдствія, открылъ, по отношенію къ Михайлову, слѣдующее обстоятельство. На другой день, по прибытіи Михайлова въ Тобольскъ, лекарю тюремнаго замка, по обыкновенію, осматривалъ его и нашелъ, что у него сильное кровохарканіе, а на тѣлѣ были синяки на нижней части голени, почему началъ его лечить, но, по тѣснотѣ помѣщенія въ больницѣ, Михайловъ, во время леченія, оставался въ своей камерѣ и поэтому же оставленъ былъ въ Тобольскѣ съ 31 Декабря 1861 г. до 27 Января 1862 г. Въ январѣ 1862 года Михайловъ подавалъ прошеніе въ тобольскій приказъ о ссылныхъ, о разрѣшеніи ему отправиться къ мѣсту ссылки, по болѣзненному его состоянію, не съ партією пересыльныхъ арестантовъ, а на почтовыхъ. Вслѣдствіе этого прошенія, тобольская врачебная управа свидѣтельствовала Михайлову, и заявила, что онъ дѣйствительно не можетъ не только что идти съ партією арестантовъ, но не можетъ даже слѣдовать и на пересыльныхъ. подводахъ, почему разрѣшено ему было отправиться, на свой счетъ, на почтовыхъ. Въ день отправленія его въ ссылку изъ Тобольска, въ квартирѣ Жданъ-Пушкина, по показанію находившагося у послѣдняго въ услуженіи человѣка Лыскова, капитанъ генеральнаго штаба Скибинскій взялъ изъ чемодана Михайлова, гдѣ лежали арестантскія его вещи, кандалы, разбивалъ ихъ молоткомъ, а жена Жданъ-Пушкина сказала, было бы, что кольцо отъ этихъ кандаловъ нужно оставить на память о Михайловѣ. Но это показаніе Лыскова опровергается показаніями двухъ жандармовъ, сопровождавшихъ Михайлова изъ Тобольска, которые объявили слѣдственной комиссіи, что, принимая изъ квартиры Жданъ-Пушкина арестантскія вещи Михайлова, они припили, вмѣстѣ съ ними, и кандалы его, совсѣмъ цѣлыя. Кроме того, въ комиссіи, для большаго убѣжденія, по распоряженію генералъ-майора Сколкова, при кузнецкѣ, разбивались арестантскія кандалы молоткомъ, и оказалось, что, безъ помощи кузнеца, разбить ихъ невозможно, о чемъ и составленъ былъ генералъ-майоромъ Сколковымъ актъ.

“Продолжаются показанія подсудимыхъ.

“Показаніе тобольскаго губернатора Виноградскаго. О послабленіяхъ, которыя оказывались Михайлову, Обручеву и Макѣеву, онъ совершенно ничего не зналъ. Вице-губернаторъ и директоръ попечительнаго о тюрьмахъ комитета, напротивъ, всегда представляли ему, что въ тюремномъ замкѣ нѣтъ никакихъ безпорядковъ, самъ же онъ не могъ бы допустить ихъ, потому что хорошо знаетъ, что всякое послабленіе, оказываемое такимъ преступникамъ какъ Михайловъ, Обручевъ и Макѣевъ, есть протестъ противъ правительства. Объ этихъ послабленіяхъ онъ не могъ имѣть даже частныхъ свѣдѣній, потому что не имѣлъ никакихъ частныхъ сношеній съ обществомъ — все время его поглощало служебными занятіями, въ которыхъ онъ, какъ человекъ бѣдный, видѣлъ всю цѣль своей дѣятельности. Кроме того, во время бытности Михайлова въ Тобольскѣ, онъ занятъ былъ приготовленіемъ къ ожидавшейся ревизіи генераль-губернатора, и потому узналъ о послабленіяхъ, дѣлавшихся преступникамъ, только изъ бумаги, полученной имъ отъ генерал-губернатора, вследствие которой онъ потребовалъ донесенія объ этомъ предметѣ отъ полицей-мейстера, и получить объясненіе, что послабленія преступникамъ дѣлались смотрителемъ замка по приказанію вице-губернатора и прокурора. Это донесеніе онъ препроводилъ отъ себя къ генерал-губернатору. Доходя до него частные слухи, что преступникъ Макѣевъ отлучался изъ замка къ прокурору, за что онъ дѣлалъ выговоръ полицей-мейстеру, въ статейномъ же спискѣ Макѣева не сказано было, что онъ отправляется въ ссылку закованымъ и изъ свѣдѣній, полученныхъ имъ отъ приказа о ссылныхъ, видно было, что онъ прибылъ въ Тобольскъ незакованный. Обручеву, по ходатайству жандармскаго штаб-офицера, онъ позволялъ прогуливаться, для здоровья, около памятника Ермака, въ сопровожденіи жандарма.

“Показаніе вице-губернатора Соколова. Какъ предсѣдатель губернскаго правленія, онъ постоянно занимался дѣлами о преступникахъ; какъ директоръ попечительнаго о тюрьмахъ комитета, онъ постоянно бывалъ въ тобольскомъ тюремномъ замкѣ для наблюденія за помѣщеніемъ арестантовъ, а какъ докторъ * считалъ своею обязанностью всегда помогать преступникамъ въ ихъ недугахъ, и Михайлова онъ сожалѣлъ, какъ больного человека. Занимаясь, въ продолженіе 10 лѣтъ, изученіемъ легочной чахотки, въ доказательство чего представляетъ нѣсколько статей своихъ объ этой болѣзни, онъ видѣлъ въ Михайловѣ не только что больного, достойнаго сожалѣнія, но и интересный субъектъ для изученія со стороны науки; зналъ онъ его только по литературнымъ трудамъ и, въ особенности, по его статьямъ о женщинахъ. На квартиру къ себѣ Михайлова онъ дѣйствительно прывозилъ, для подачіи медицинскаго пособія; а такъ какъ Михайловъ являлся къ нему къ четыремъ часамъ, то онъ оставлялъ его у себя обѣдать, но въ шесть часовъ отправлялъ въ замокъ, подъ присмотромъ полицейскаго чиновника, который его къ нему и привозилъ. Этихъ случаевъ было только два. Впрочемъ, главный начальникъ всѣхъ тюремныхъ заключеній въ губерніи — губернаторъ, который, въ продолженіе трехъ лѣтъ совместно служилъ съ нимъ, никогда не дѣлалъ ему никакихъ замѣчаній по поводу неисполненія лежавшихъ на немъ обязанностей, относительно тюремныхъ заключеній, между тѣмъ, какъ самъ губернаторъ, въ продолженіе трехъ лѣтъ, былъ въ острогѣ не болѣе трехъ разъ. Что касается прощанія съ Михайловымъ за заставку, то происходило оно слѣдующимъ образомъ: онъ поѣхалъ съ женою своею, по случаю болѣзни послѣдней, въ загородный монастырь; но, не доѣзжая до монастыря, долженъ былъ возвратиться назадъ, по причинѣ усилившагося вдругъ холода и вѣтра. На возвратномъ пути увидѣлъ онъ ѣхавшую по направлению отъ города повозку, но не зналъ, кто въ ней сидитъ, а когда подъѣхалъ къ ней, то увидѣлъ сидящаго въ повозкѣ Михайлова, и потому остановился проститься, причемъ отдалъ послѣднему бывшую съ нимъ коробку съ 5 рѣбечиками; но это было сдѣлано подаеніемъ, которое законъ не воспрещаетъ давать преступникамъ и которое дѣлается въ Россіи повсемѣстно.

“Показаніе прокурора Жемчужникова. Преступники Михайловъ, Обручевъ и Макѣевъ содержались во флигелѣ подсудимыхъ дворянъ, потому что по порядку, введенному въ тобольскомъ тюремномъ замкѣ, содержащиеся арестанты изъ привилегированнаго сословія отдѣлялись отъ простыхъ, что, по его мнѣнію, непротиворѣчитъ 101 ст. XIV т. уст. о содержаніи подѣстръ; а такъ какъ Михайловъ и Макѣевъ помѣщались хотя и въ одномъ корридорѣ, но въ разныхъ камерахъ, то, слѣдовательно, 101 ст. не была нарушена. Во время содержанія онъ видѣлъ ихъ раскованными, но приказанія расковывать не давалъ; заковать же ихъ онъ не могъ приказать, потому что, на основаніи законовъ, лица привилегированнаго сословія освобождаются отъ оковъ, и онъ считаетъ, что дѣйствія его были бы болѣе противозаконныя, еслибы онъ приказалъ заковать Михайлова и Макѣева. Кроме того, вопросъ о заковываніи преступниковъ въ разныхъ мѣстахъ понимается различно; такъ, Михайловъ, осужденный въ каторгу на 6 лѣтъ, присланъ былъ въ оковахъ, а шведскій подданный Богардъ, изъ Варшавы, осужденный въ каторгу на 12 лѣтъ — безъ оковъ; слѣдовательно, незакованіе Михайлова можетъ быть отнесено къ ошибочному пониманію закона. О посѣщеніи Михайлова разными лицами онъ ничего не зналъ. Одинъ разъ бралъ его къ себѣ обѣдать, съ тою цѣлью, чтобы дать ему возможность, при его сильной болѣзни, воспользоваться хорошою

* Тобольскій вице-губернаторъ Соколовъ — докторъ.

пищею и разрѣшенія на это ни у кого не спрашивалъ. Разговоры съ нимъ ни о чемъ противозаконномъ не имѣлъ, а говорилъ только о своихъ влеченіяхъ, которыхъ Михайловъ зналъ давно, потому что жилъ въ томъ городѣ, въ которомъ жила его родная сестра. Сочувствія къ нему, какъ къ государственному преступнику, не имѣлъ, а сочувствовалъ ему, какъ человеку несчастному и больному и смотрѣлъ на это сочувствіе, какъ на дѣло состраданія къ ближнему, примѣръ котораго показывалъ самъ государь императоръ. Конфирмаціи надъ Михайловымъ онъ не читалъ; но изъ словъ послѣдняго узналъ, что онъ осужденъ былъ за найденное у него сочиненіе, авторомъ котораго былъ не онъ, но принялъ его на себя, чтобы отстранить отъ отвѣтственности дѣйствительнаго автора, и это обстоятельство не могло не возбудить въ немъ, Жемчужниковѣ, сочувствія къ осужденному, пострадавшему за другихъ, о самомъ же этомъ сочиненіи онъ ничего не зналъ. Притомъ, онъ не предполагалъ, чтобы правительство, ввѣривъ ему должность прокурора, усомнилось въ его преданности и чистотѣ дѣйствій. Макѣева онъ зналъ съ того времени, когда тому было шесть лѣтъ, былъ знакомъ съ его родителями, обласкавъ ими и потому положеніе этого арестанта не могло не заинтересовать его тѣмъ болѣе, что по словамъ Макѣева, преступленіе было совершено имъ въ чаду, въ порывѣ необдуманности, и онъ видѣлъ, что хотя наказаніе, назначенное осужденному, было жестоко, но угрозы совѣсти за совершенное преступленіе мучили его сильнѣе наказанія. Кроме того, Макѣевъ, на пути слѣдованія, въ Тюмени, перенесъ сильнѣйшую горячку, послѣ которой, не оправившись, прибылъ въ Тобольскъ. Видя въ немъ, какъ и Михайловѣ, человека страдающаго болѣзью, онъ бралъ его къ себѣ обѣдать, съ тою же цѣлью, какъ и перваго, и зналъ, что они бывали въ домахъ у нѣкоторыхъ почетныхъ лицъ Тобольска, хотя самъ не встрѣчалъ ихъ ни въ одномъ домѣ, но не придавалъ важности отлучкамъ ихъ изъ замка, во-первыхъ, по болѣзненному ихъ состоянію, а во-вторыхъ, потому что въ законахъ нѣтъ статьи, запрещающей выпускать временно-пересыльныхъ арестантовъ изъ заключенія; если же и существуетъ въ XIV т. 100 ст., то она относится въ арестантамъ подсудимымъ, а не пересыльнымъ.

“На это объясненіе прокурора сдѣлано было ему комиссіею замѣчаніе, что если нѣтъ въ законахъ статьи, запрещающей выпускать пересыльныхъ арестантовъ, то нѣтъ и такой, которая дозволяла это дѣлать, и потому онъ долженъ былъ сообразоваться съ духомъ законовъ. Прокуроръ отвѣчалъ, что, во-первыхъ, если законъ чего не запрещаетъ, то, значитъ, дозволяетъ, а во-вторыхъ, онъ сообразовался съ духомъ законовъ, почему арестанты и не выпускались безъ различія; но особенно онъ сообразовался притомъ съ духомъ той власти, отъ которой исходитъ законъ; духъ государя императора выражается въ милости и снисхожденіи, что показалъ онъ тотчасъ же по восшествіи своемъ на престолъ, освободивъ изъ ссылки политическихъ преступниковъ и Михайлову уменьшивъ срокъ работъ, назначенный ему при осужденіи.

“Производившій слѣдствіе, генералъ-майоръ Сколковъ донесъ, что общество тобольское вовсе не сочувствовало преступленію Михайлова, что букетовъ дамы ему не подносили, потому что при сибирскихъ морозахъ очень трудно имѣть живые цвѣты и что если нѣкоторые изъ лицъ города и выказывали сочувствіе Михайлову, то это дѣлалось: или изъ желанія прослыть передовыми людьми, покровительствуя юными литературу, или изъ подражанія другимъ. Вице-губернаторъ Соколовъ оказывалъ участіе Михайлову, съ цѣлью сблизиться черезъ него съ литераторами и приобрести для себя сотрудничество въ какомъ-нибудь журналѣ. Полковникъ Жданъ-Пушкинъ знакомъ былъ съ Михайловымъ въ Петербургѣ, и потому встрѣтилъ его въ Тобольскѣ, какъ знакомаго.

“Произведенное слѣдствіе, по окончаніи, передано было по соглашенію министра внутреннихъ дѣлъ съ шефомъ корпуса жандармовъ, по докладу которыхъ государь императоръ повелѣлъ передать его въ первый департаментъ правительствующаго сената, для опредѣленія порядка отвѣтственности виновныхъ, такъ какъ они принадлежали къ разнымъ министерствамъ. 1-й департаментъ правительствующаго сената требовалъ заключенія отъ министра внутреннихъ дѣлъ и шефа корпуса жандармовъ, относительно опредѣленія отвѣтственности виновныхъ, находящихся въ ихъ непосредственномъ распоряженіи, на что министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ сенату, что губернаторъ Виноградскій и вице-губернаторъ Соколовъ подлежатъ отвѣтственности, послѣ отдаленія отъ должности, за превышеніе и бездѣтельность власти, по 383 ст. XV т., а шефъ корпуса жандармовъ нашенъ нужнымъ предать военному суду тобольскаго жандармскаго штаб-офицера. Послѣ этого, 1-й департаментъ правительствующаго сената опредѣлилъ губернатору Виноградскому, уволенному отъ должности, сдѣлать выговоръ въ административномъ порядкѣ, а вице-губернатора, прокурора, полицей-мейстера и смотрителя тюремнаго замка предать суду. Комитетъ министровъ, въ который поступило опредѣленіе это правительствующаго сената, нашелъ, что губернаторъ Виноградскій, также какъ и другіе, долженъ быть преданъ суду, на что восполнѣло высочайшее соизволеніе. Военный министръ Онучинъ и капитанъ генеральнаго штаба Скибинскій, по распоряженію военнаго министра, уволены отъ службы безъ прошеній”.

И въ тоже самое время въ Англіи освободили безъ наказанія волонтера ирландца, который подъ хмелькомъ говорилъ, что намѣренъ убить принца Вальскаго!

НИКОЛАЕВСКАЯ ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА

И
ЕЯ ЭТИКО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

(Окончаніе).

Замѣчательно, что почти все рассказываемое нами, пзвѣстно и всѣмъ 5^{ти} жандармскимъ капитанамъ николаевской жел. дороги, ихъ полковнику Либгарту и самому министру Мельникову. Разъ былъ такой случай: ремонтный подрядчикъ маляръ, кажется, дурно рассчиталъ своихъ рабочихъ и они пошли съ жалобой къ Мельникову, когда онъ былъ на дачѣ своей, близъ Любанской же станціи, въ 2^{хъ} верстахъ отъ новой дачи Серебрякова. Рабочіе изложили свою жалобу въ рассказѣ, не безъ умысла, что они, числясь рабочими по ремонту дороги, работали около 2^{хъ} мѣсяцевъ на дачѣ Серебрякова, но денегъ за эти работы ни отъ подрядчика, ни отъ Серебрякова, будтобы, не получили. Разумѣется рабочіе удовлетворили и никакихъ больше слѣдовъ случай этотъ по себѣ не оставилъ.

Такіе чудеса продолжаютъ дѣлаться по управленію желѣзными дорогами въ то время, когда всѣ сознали необходимость провести сѣтъ дорогъ въ государствѣ.

Спрашивается: можетъ ли государство предпринять такую огромную эксплуатацію капиталовъ, чрезъ своихъ инженеровъ путей сообщенія? Во что обойдутся эти дороги и сколько изъ каждаго рубля будетъ утянуто, кто съ точностью разрѣшитъ эти вопросы? Впрочемъ, ежели нельзя отвѣчать точно, удовлетворительно, то можно для разрѣшенія вопроса послѣдняго, представить значительныя данныя. Взавъ справку о цѣнности разныхъ жел. дорогъ русскихъ, увидимъ, что Варшавская желѣзн. дорога, политая французскими инженерами шампанскимъ съ безцерепоными расходами на телеграммы о высылкѣ страсбургскихъ пироговъ и подобномъ вздорѣ, обошлась уродливо дорого, 105 почти тысячъ за версту, тогда какъ Рижская около 67,000, Рязанская 81,000, Волго-Донская 63,000, Московско-Ярославская 63,000, а Николаевская ни больше, ни меньше 208,468 р. на версту умудрилась посадить.

А вѣдь какой хорошій и простой есть способъ вричь темную экономію. Такъ нѣтъ, какъ будто и педогадываются о немъ и никто ни гугу. Что можетъ быть проще какъ велѣть напечатать каждой изъ желѣзн. дорогъ ея расходъ по каждому предмету отдѣльно и за каждый годъ особо, (о дня существованія дороги и такимъ манеромъ продолжать съ настоящаго, т. е. послѣдняго года, печатать за каждую третью года и за весь годъ особо въ концѣ его, но не одпѣ, какъ теперь, проходныя статьи и количество пассажировъ и пудовъ клади, а какъ вачали было дѣлать французы и всѣ расходныя. Вотъ бы красиво выставилась Николаевская жел. дорога передъ прочими, допуская даже и не полную справедливость въ ея отчетахъ. Уродливость употребленія одинаковаго качества топлива на пр. въ одинаковой конструкціи, силѣ и быстротѣ движенія машинъ, на Николаевской жел. дорогѣ показала бы втрое предъ Варшавскою, или другими и такъ во всѣхъ потребностяхъ дороги. Чегожъ за причина, что этого нѣтъ — явное ли потворство лицъ, посланныхъ на это дѣло покормиться, страсть ли къ потемкамъ вообще, или просто недогадливость и невниманіе высшаго правительства къ такому, какъ бы не важному, не государственному предмету; а казалось бы чего важнѣе, теперь въ особенности, предмета для Россіи, какъ сбереженіе денегъ, которыхъ милліоны безнаказанно поглощаются администраторами. Жаль правительство, при допущеніи двухъ послѣднихъ причинъ, больше сказать нечего, а допуская 1ую, страшно и думать о ея побужденіяхъ.

Надо думать однакожъ, что такого поваго Эльдорадо, какъ Николаевская желѣзн. дорога, не найдутъ уже гг. командиры и до мѣрѣ развитія гласности, поприще нль артистической дѣятельности надо думать будетъ суживаться. Можно себѣ представить какъ не церемонились они при постройкѣ дороги,

когда за 1^{ше} 10 лѣтъ движенія, они на одномъ отопленіи нажили больше 2^{хъ} милліоновъ руб. Вотъ на чемъ основана эта цифра.

Въ 1^{ше} 10^{ти} лѣтіе признавалось необходимымъ на отопленіе дороги 70,000 кубич саж. дровъ, а съ 1860 года открылась возможность при тѣхъ же машинахъ съ несравненно больше чѣмъ вдвое увеличеннымъ количествомъ отъ поѣздовъ, довольствоваться 50,000 куб саж., слѣдовательно 20 только лишннихъ тысячъ саж. дровъ, хотя на самомъ дѣлѣ гораздо болѣе, составляютъ на дровахъ 200,000 руб. экономя въ годъ, или въ 10 лѣтъ, 2 милліона руб. сер.

Половину перваго 10^{ти} лѣтія, плата за отопленіе производима была поверстно до 1860 г., а основаніемъ къ поверстному цѣнѣ, конечно была масса дѣйствительной потребности, показываемаго необходимымъ, количества топлива и задаточныя и прочіе деньги подрядчику Смолену, отапливавшему поверстно, производились на основаніи этой массы, до представленія окончательнаго поверстного расчета, по количеству заготовленныхъ и предъявленныхъ имъ дровъ, по относительно условленной цѣнности сажени дровъ. Учеты числа пройденныхъ верстъ, пользовавшимся дровами поѣздовъ, говорятъ такъ велись, что чортъ ногу переломить при отысканіи въ нихъ толку и порядка и ежели бы не такой же поверстный расчетъ, но съ лучшимъ контролемъ американца Уаннанса, то всѣ повѣрки сведены бы были къ тому, чтобъ покрыть все мракомъ неизвѣстности. Пропадали, говорятъ, при сравненіи 2^{хъ} контролей, цѣлые поѣзды по лишннихъ являлось больше, чѣмъ продающихся. Полной точности въ повѣркѣ одной отчетности другою быть не могло потому, что отапливавшій получалъ за пройденное число верстъ и съ порожними вагонами и съ грузомъ одинаковую плату, а контрагентъ подвижнаго состава имѣлъ инныя условія. Чело не перебивало при этихъ хитрыхъ варьяціяхъ, но чтобъ подробно разбирать ихъ, надо говорить особо отъ настоящаго рассказа.

Ч такъ примемъ за основаніе только 2 милліона лишннихъ въ первые 10 лѣтъ на отопленіе, и то вѣдь почтенный кушъ, чуть не 40 верстъ честно строеной дороги — а на большую семью начальниковъ разошлся незамѣтно*.

Подрядчики или поставщики получаютъ квитанціи на полное количество, а ставятъ много что $\frac{2}{3}$ его, дрова ли то, щебень, поперечины ли (деревяныя), а за не поставленное платятъ $\frac{2}{3}$ и не менѣе $\frac{1}{2}$ контрактной цѣны. Не скажи мы о подрядчикахъ, можно бы было задуматься надъ вопросомъ о затруднительномъ положеніи инженеровъ, куда дѣвать такую массу денегъ какъ 2,000,000 р. с. на одпыхъ дровахъ; на самомъ же дѣлѣ чуть не милліонъ изъ 2^{хъ}, остался въ рукахъ подрядчиковъ, а за тѣмъ что же значить милліонъ съ чѣмъ нибудь на такую большую семью, да еще въ 10 лѣтъ, въ особенности на долю наименьшаго, какихъ нибудь 30,000 р. с., а въ годъ и всего то 3,000,000 или въ мѣсяцъ даже меньше 300 р. с., что-жъ это за сумма для молодого образованнаго челоуѣка и стоитъ ли о ней говорить и чему тутъ позавидовать. Ну, конечно, есть другія не менѣе важныя доходныя статьи, но и все то вмѣстѣ считая, маленькій офицерикъ больше 10,000 руб. сер. въ годъ едва ли зашибеть. Какъ начнешь доискиваться корня названію доходныхъ мѣстъ,

* Какъ избежать кражъ казны по Николаевской жел. дорогѣ и опредѣлить дѣйствительныя и справедливыя потребности всего, было предложено Чевкину въ 1859 г. словесно однимъ г., а въ 1860 г. письменно. Господинъ этотъ предлагалъ слѣвать его агентомъ на нѣкоторое время, съ залогомъ за незначительный % въ его пользу, изъ принесенныхъ только имъ выгодъ въ знаніи посредника между правительствомъ и инженерами, по ему не постижимо почему не разбѣрили этого — а воспользуясь откровенно высказанными имъ основаніями его предложенія, уменьшили на 20,000 саж. расходъ дровъ, въ видѣ опыта, будтобы по собственному своему вдохновенію и догадкѣ, что они лишніе. И досталось же, говорятъ, этому барину, когда инженеры пронохали о его предложеніи, вызвавшемъ какъ свѣсъ на ихъ головы уменьшеніе на 20,000 саж. отпуска дровъ въ годъ, т. е. обнаруженіе тѣмъ самымъ ежегодной "траты" на дровахъ за прошедшее время, по меньшей мѣрѣ на 2,000,000 руб. въ годъ. Потѣшно, что это явное обнаруженіе не имѣло никакихъ послѣдствій за прошедшее время, кромѣ убавленія дохода въ будущемъ, т. е. съ 1860 года!

теплыми и хлбными мѣстечками, такъ прійдешь къ тому, что теплыя получили начало отъ дровяной экономіи, составляющей по всѣмъ вѣдомствамъ непремѣнную и важную статью доходныхъ начальническихъ бюджетовъ, а хлбными отъ солдатскихъ провантовъ.

Изъ числа придаточныхъ доходовъ инженера есть доходъ обычный, какъ бы узаконенный 10 не менѣе % съ суммы подряда, сверхъ расчетовъ за экономію отъ подрядчика, ежели онъ хочетъ, чтобы все чисто и гладко шло, а ктожъ себя врагъ, кто этого не хочетъ, много-ли такихъ самопадѣянныхъ беспечныхъ борцовъ, у которыхъ въ головѣ соединить выгоды съ новыми, какими-то дикими порядками? Вести дѣло чисто, выискался, говорятъ, одинъ какой-то, сочинитель, предложившій Чевкину себя въ агенты противъ воровства, его считаютъ недорослемъ, по этой части; онъ взялъ подрядъ дешево да и говоритъ, такъ прямо и говорить безобразно начальникамъ: "не изъ чего молъ мнѣ вамъ платить, а грабить казну на экономіяхъ не желаю, что молъ вы мнѣ сдѣлаете, принимай и требуй у меня все на чистоту и мнѣ подавай все какъ есть по контракту, я чисто молъ веду свои дѣла и никого не боюсь, вездѣ прямо пойду и громко скажу, коли обижать вздумаете". Подивились начальники, да и принялись за свое дѣло сочинять средства къ избавленію отъ такого супостата. Одинъ въ полѣ не воинъ, въ поддержкѣ начальства высшаго пріюнился, ну и свернули молодца въ полгода, свернули прежде чѣмъ онъ успѣлъ досказать свои проповѣди о гражданскихъ доблѣстяхъ и прочихъ человѣческихъ обязанностяхъ и добродѣтеляхъ. Скорехонько столкнули, хоть онъ и очень усиливался продолжать нѣсколько лѣтъ свои уроки и поученія. Шибко пошелъ, круто началъ, шибко и сваллся и пропалъ безслѣдно и безвозвратно куда-то, изъ границъ даже вонъ, обыкновенно кончаютъ разсказъ объ этомъ чудакѣ, да тутъ же и прибавляютъ: *по дѣломъ*, искусившіяся въ дѣлахъ съ казною купцы, не берись не за свое дѣло, потому значить, что это дѣло купеческое, а не господское, тутъ надо, главная причина, комерцію понимать, какъ съ кѣмъ значить обходиться слѣдуетъ и уваженіе опять же къ начальству имѣть. Философствовалъ много говорятъ другіе болѣе цивилизованные, поэзія въ головѣ была, много проектовъ писалъ, умѣе другихъ хотѣлъ показать себя, да съ законами то о честности и выболталъ кому не надо благонамѣренные планы свои и кончаютъ такъ-же — *по дѣломъ*, да не говори проговаривайся, вотъ и свияца теперь въ кулакъ, себя то по міру пустилъ, да и другихъ прихватилъ, а воровства не убавилъ: приостановились было на годикъ, а въ другой навелъ за три. Есть и такіе судьи изъ цивилизованныхъ, конечно, которые рѣшаютъ свои заключенія объ этомъ чудакѣ коротко и рѣзко тѣмъ, что все это *шумлизмъ*, дери его горой!

Не смотря на все описанное нами, съ прискорбіемъ прочитали мы въ газетахъ, что въ воздаяніе за усердіе, труды и приносимую обществу пользу, 4 Апрѣля 1865 года, въ праздникъ пасхи, новый Фамусовъ, министръ уже теперь путей сообщенія, Мельниковъ получилъ бѣлаго орла 1ой степени. Его и всѣхъ предмѣстниковъ его безсмѣнный помощникъ, безмолвный, безсловесный и все подписывающій, старый генералъ-лейтенантъ Гастфельдъ — александровскую ленту. Не находя въ спискѣ награжденныхъ близнеца Гастфельда, одинаково виновнаго съ нимъ только въ умѣнны подписывать свою фамилію, директора департамента ж. дороги П. А. Языкова, мы узнали, что онъ уволенъ наконецъ отъ судѣннн, сряду нѣсколько лѣтъ на директорскомъ стулѣ, съ выдачею ему отступныхъ на выходъ въ видѣ аренды въ 12,000 руб. сер. Вскорѣ затѣмъ Серебряковъ сдѣланъ инспекторомъ всѣхъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Покойный вел. кв. Михаилъ Павловичъ имѣлъ, говорятъ, претензію острить и удачнѣйшею изъ остротъ его было данное имъ названіе вѣдомству путей сообщенія *государственная молъ*.

Въ Петербургѣ былъ распространенъ въ концѣ 1863 года слухъ, что будто бы какой-то проказникъ составилъ вѣдомость лицамъ, поступавшимъ на начальниковъ желѣзной дороги отъ самаго начала ея приготовления до нашихъ временъ. Вѣдомость эта была такого рода: Всѣ фамилии, начиная съ Мельникова и Крафта выставлены въ систематическомъ порядкѣ и въ графахъ, противъ каждаго было обозначено: время прибытія, все движимое и частію недвижимое, начиная съ бѣлья, халата, до послѣдняго чубука съ оцѣнками и итогомъ. Въ графахъ по выѣздѣ съ дороги все благопріобрѣтенное за сколько времени и итогъ. Не многіе уѣхали почти съ тѣмъ-же, а противъ $\frac{2}{3}$ и въ нмущественныхъ и въ денежныхъ графахъ, значились крупныя прибавленія, а у тѣхъ небесныхъ птицъ, которыя не *пеклись* объ *утрѣи*, было показано сколько въ годъ они проматывали. Противъ *Носсе*, на примѣръ, значилось въ денежной графѣ что-то около 200,000 руб. сер., изъ которыхъ 100,000 отмѣчены были отданннми изъ % на Сибирскіе промыслы, въ 1853 кажется, году, по письменному обязательству чуть-ли не у нотариуса Успенскаго 2го, Петру Васильевичу Зиновьеву. За Носсе не менѣе красиво рисовались братья Граве, по были и такія графы, какъ у *Казначеева*: пріѣхалъ съ полными чемоданами, а уѣхалъ ни съ чѣмъ и отъ отца еще получалъ пособіе постоянное.

Съ наступленіемъ морозовъ въ этомъ году (1865) съ 1го Ноября, *опять* начались поломки, не смотря на замѣну камня Уайвансомъ и опять поѣзды опаздываютъ. Пока не исправятъ грѣховъ по полотну дороги и по ремонтнымъ частямъ подвижнаго состава всѣмъ тѣмъ же *опять*, конца не будетъ, а примутся за это не прежде, какъ загубивъ какой-нибудь лѣтый поѣздъ пассажировъ. Вотъ еще странное *опять*: Серебряковъ уже уступилъ свое мѣсто честнѣйшему Зуеву, а служащіе у Серебрякова теперь на дачѣ получаютъ *опять* жалованье, якобы казенные рабочіе отъ дорожнаго мастера Любанской станціи Лешкова садовникъ Трофимъ 14 руб. с., работникъ Яковъ 10 р. и дворникъ Степанъ 8 р. въ мѣсяць Неужели и этимъ *опять* конца не будетъ.

Да когда-же переведется и исчезнетъ *государственная молъ*!

С М Ъ С Ъ.

— *Слухъ*. Намъ пишутъ, что въ государственномъ совѣтѣ или въ совѣтѣ министровъ *серьезно* обсуживается проектъ обложенія заграничныхъ паспортовъ большой податью. И что есть полная надежда, что проектъ этотъ утвердится.

Браво! И николаевскій грабежъ на большихъ дорогахъ возвращается... Освободитель прикрѣпленныхъ хочетъ быть прикрѣпителемъ къ землѣ свободныхъ... И все это вынесутъ. И Аксаковъ и Самаринъ будутъ рукоплескать!

— *Оберъ-полицейстеръ Анненковъ*, не далъ дозволенія купеческому клубу пригласить Стасюлевича для чтенія въ немъ историческихъ лекцій, имъ молъ и Лохвицкаго довольно.

— *В. Костомаровъ*, извѣстный своей гнусной ролей въ дѣлѣ Чернышевскаго, своими подлогами, доносами и пр. — умеръ.

— Вѣсть о смерти *Волокитина*, не подтверждается.

— Декабря 24 (5 Янв.), добрались до Иркутска Вѣтошниковъ и Владиміровъ. Они ѣхали съ Серно-Соловьевичемъ, но не доѣзжая 270 верстъ, послѣдній сильно заболѣлъ.

— *Баронъ Гакстгаузенъ* издалъ новую книгу о сельскихъ учрежденіяхъ Россіи: *Die ländliche Verfassung Russland ihre Entwicklungen und ihre Feststellung in der Gesetzgebung von 1861*, Leipzig, Brockhaus, 1866. Въ предисловіи Гакстгаузенъ говоритъ, что въ составленіи книги, ему помогали д-ръ *Скрибицкій* своими переводами изъ огромнаго количества матеріаловъ, собранныхъ авторомъ. Изъ этихъ то матеріаловъ д-ръ *Скрибицкій* составилъ полнѣйшій Сборникъ всего относящагося до крестьянскаго вопроса въ Россіи. Онъ начнетъ печать перваго тома (всего будетъ пять) въ нынѣшнемъ году.

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 219.

1 Мая 1866.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré l'Evêque и въ главныхъ депо — у Е. Георга, 10, Corrairie, Genève; у И. Грюбнера и Ко., 60, Paternoster Row Londres. Цѣна за листъ 50 сантимовъ безъ пересылки. Прилагаемъ почтовой тарифъ:

Въ Германію	15с.
— Австрію	15с.
— Авлію	15с.
— Бельгію	5с.
— Францію	5с.
— Италію	3с.
— Неаполь и Сицилію	20с.
— Грецію (черезъ Марсель)	5с.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10с.
— Швецію	25с.
— Швейцарію	5с.

Paraît à Genève tous les quinze jours. Le dépôt principal est chez H. GEORG, à Genève, Corrairie, No. 10. A Londres, chez N. TRÜBNER et Co., 60, Paternoster Row. Le prix de chaque No. est de 50 centimes, le port de la poste non compris. Tarif postal :

Allemagne	15с.
L'Autriche	15с.
Angleterre	15с.
Belgique	5с.
France	5с.
Italie	3с.
Naples et Sicile (voie de Marseille)	20с.
Grèce (voie de Marseille)	5с.
Turquie et Princ. Danubiennes (voie de Marseille)	10с.
Suède	25с.
Suisse	5с.

ОГЛАВЛЕНІЕ : Иркутскъ и Петербургъ—Пруднова "Новая теорія соественности" (Продолженіе). Смѣсь . Русскому дворянству—Изъ Петербурга—Еще

Внѣ. Ж. Д.—Благодѣтельные помѣщики—Le Nord—Изъ рѣчи Муравьева—Изъ частнаго письма—Изъ Вятки—Шахъ Константинъ Николаевичу—Объявленія.

ИРКУТСКЪ И ПЕТЕРБУРГЪ

(5 марта и 4 апрѣля 1866)

Намъ рѣшительно нѣтъ шанса хоть косвенно сказать слово въ пользу предрержащихъ властей. Выстрѣлъ 4 апрѣля былъ намъ не по душѣ. Мы ждали отъ него бѣдствій, насъ возмутила отвѣтственность, которую на себя бралъ какой-то фанатикъ. Мы вообще терпѣть не можемъ сюрпризовъ ни на именинахъ, ни на площадяхъ—первые никогда не удаются, вторые почти всегда вредны. Только у дикихъ и дряхлыхъ народовъ исторія пробивается убійствами. Убійства полезны больше всего лицамъ, династическимъ перемѣщеніямъ. Къ серальнымъ упраздненіямъ въиценосцевъ Петербургъ привыкъ, онъ не забылъ ни Ропши, ни Михайловскаго двора.

Пуль намъ не нужно... мы въ полной силѣ идемъ большой дорогой, на ней много капкановъ, мною грязи, но въ насъ еще больше надеждъ, на ногахъ тяжелыя колоды—въ сердцахъ колоссальныя, неизлагаемыя притязанія. Остановить насъ невозможно, можно только свернуть съ одной большой дороги на другую—съ пути стройнаго развитія на путь общаго возстанія.

Пока мы собирались высказать это иными словами, рѣчь наша подкосилась черной вѣстью изъ Иркутска, Серно-Соловьевичъ умеръ 5 марта...

... Эти убійцы не даютъ промаховъ!

Благороднѣйшій, чистѣйшій, честнѣйшій Серно-Соловьевичъ—и его убили.....

Укоряющая дѣнь Серно-Соловьевича прошла мимо насъ печальнымъ протестомъ, такимъ-же напоминовеніемъ, какъ вѣсть о Варшавскихъ убійствахъ 10 апрѣля 1861 года, пронеслась грознымъ memento и покрыла трауромъ нашъ праздникъ освобожденія крестьянъ.

Послѣдній маркизъ Поза, онъ вѣрилъ своимъ юнымъ, дѣвственнымъ сердцемъ, что *илъ* можно вразумить, онъ человѣческимъ языкомъ говорилъ съ государемъ, онъ его тронулъ и—и умеръ въ Иркутскѣ, изнеможенный истязаніями трехлѣтнихъ казематовъ. За что? Прочтите сенатскую записку, и всплесните руками.

Враги, заклятыи консерваторы по положенію, члены государственнаго совѣта были поражены доблестью, простотой, геройствомъ Серно-Соловьевича. Человѣкъ этотъ былъ до

Годъ IX.

того чистъ, что Моск. Вѣдом. не обругали его, не донесли на него во время слѣдствія, не сдѣлали намека, что онъ поджигатель или воръ... Это былъ одинъ изъ лучшихъ, *веселыхъ* провозвѣстниковъ поваго времени въ Россіи... И онъ убитъ... "Да они не хотѣли его смерти". — Что за вздоръ, Михайловъ умеръ, Серно-Соловьевичъ умеръ, Чернышевскій болѣнъ... Какія-же это условія, въ которыя ставятъ молодыхъ и выпосливыхъ людей, что они не выдерживаютъ пяти лѣтъ? Въ этой методѣ замучивать своихъ враговъ, но немногу, безъ прямой отвѣтственности, лежитъ такая глубь лжи, трусости, лицемерія—или такая преступная небрежность, передъ которой всякое прямое тиранство чувствуетъ себя на столько выше, на сколько разбойникъ выше вора.

Развѣ жизнь этихъ людей *не тьмъ-же* свята для Россіи, не *тьмъ-же* застрахована какъ и жизнь императора, развѣ они не изъ *тьмъ*, которые вмѣстѣ съ нимъ участвовали въ пробужденіи Россіи, въ крестьянскомъ вопросѣ, въ упованіяхъ на будущее?...

Нѣтъ, не нуженъ нашъ голосъ въ соборномъ хорѣ иконованій, негодованій, протестацій, демонстрацій. Пусть ждущие на водку радуются *намеками* и плачутъ *доносами*, пусть работѣнное ханжество, раслѣвающее юношество до поддѣльнаго идолопоклонства, до того, что учащіяся инженеры, заказываютъ икону, а московскіе студенты споняются къ Шверской служить молебень— пусть они одни участвуютъ въ концертѣ. Звукъ нашего голоса не идетъ въ ихъ строй.

Мы не можемъ понимать другъ друга.

Вотъ примѣръ. Сумасшедшій, фанатикъ или озлобленный человѣкъ изъ *дворянъ*, стрѣиветь въ Государя; необыкновенное присутствіе духа молодого крестьянина, рѣзкая быстрота соображенія и ловкость его, спасаютъ Государя. Чѣмъ-же онъ его награждаетъ? — *возведеніе изъ въ дворянское достоинство!* Не для сравненія ли въ общественномъ положеніи съ сирѣявшимъ? — Весь смыслъ, весь урокъ, въ которомъ исторія для вятчей простоты сдѣлалась аллегоріей, притчей— все вымарано*, заклеено "дворянской грамотой".

* Даже "Кладрадачъ" не вынесъ этого :

Müller — Also der Mörder war ein Russischer Edelman ?

Schultze — Ja ..

Müller — Und der den Kaiser jetettet hat war ein Bauer ?

Schultze — Ja...

Müller — Und zur Belohnung dafür is nu der Bauer ? ..

Schultze — Zum Edelman gemacht

Müller — Nu diese Zeitungen. Hol der Döbel die ganze Presse.

— Придумайте изъ всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ, изъ всѣхъ неслѣпыхъ наградъ, — самую неслѣпую, вѣбудетъ не такъ вопиюще безобразно. Назовите Комиссарова — лейб-крестьяниномъ, дайте ему ленту черезъ плечо, но на крестьянскую поддевку, дайте ему медаль — на брильянтовой цѣпи, дайте ему самый большой брильянтъ изъ короны на цѣпи медалей, дайте ему миллионъ (и при томъ золотой монетой, а не бумажками) только оставьте его *крестьяниномъ* — только не дѣлайте изъ него фонъ-Комиссарова.

Вырывая Комиссарова изъ его среды, оскорбляютъ крестьянство, надѣвая на него дворянскій мундиръ, его самого дѣлаютъ смѣшнымъ, онопляютъ. Что-же за понятие имѣетъ государь о крестьянствѣ, если онъ думаетъ, что человѣкъ, совершившій подвигъ, долженъ быть исторгнутъ изъ этого болота?..

Что-бы Комиссарову бить челомъ, объ увольненіи его отъ дворянской грамоты?.. Другой крестьянинъ, который также бы защитилъ своею грудью, своего земскаго царя, и который совершенно невинно страдаетъ на каторгѣ жертвой правительственнаго непростовства — *Мартыановъ*, такъ бы и поступилъ.

Живъ-ли онъ бѣдный? * Или и онъ пошелъ за Михайловымъ и за Серно-Соловьевичемъ?

Что покушеніе 4 Апрѣля опять рядомъ съ пскреннимъ участіемъ, взболтаетъ все рабочіе русскаго общества. всѣ полицейскія манія шпионовъ-самозванцевъ, журналистовъ-доносчиковъ, литературныхъ палачей, всю неуклюжую визость полубразованной орды, всю необузданность чиновничьей среды, когда она выслуживается приносясь, мы въ этомъ не сомнѣвались. А все же читаемъ краснѣя за безстыдство выраженій и поступковъ.

Разносится слухъ, что назначаютъ слѣдователемъ Лавскаго, — клубный воилъ — дай намъ Муравьева... дай намъ его, облитого кровью и покрытого проклятыями цѣлой страны... правительство позволяетъ себя насиловать и мплостиво соглашается... клубный восторгъ и эта страшная фигура водянаго воина, посѣдлага въ каверзахъ и выткахъ, полуслѣпаго инквизитора въ одышкѣ, встаетъ изъ какого то угла, гдѣ онъ былъ броневъ и обѣщаетъ дворянамъ — поработать исправно. Орловъ-Давыдовъ — будущій перъ “глава-олигархической оппозиціи”, наслѣдникъ Орловыхъ убившихъ Петра III. привѣтствуетъ его съ чувствительностью и *цѣлуетъ Комиссарова по порученію Паскевича* †. Орловъ-Давыдовъ который когда государь хотѣлъ его обвинить послѣ покушенія какъ Турпенева Бурмистръ, поцаловалъ у государя руку: “Ручку батюшка, ручку!”...

* Хотѣли въ память крестьянскаго подвига, возвратили его... Во всемъ хламѣ дурной риторики и битыхъ фразъ, которыми наполнены теперь русскія газеты, мы не могли не отмѣтить слѣдующихъ строкъ въ “Голосѣ”:

“Говорятъ, что двое родственныхъ О. П. Комиссарова находятся въ Сибири, куда они были сосланы, при существованіи крѣпостнаго права, помѣщикомъ безъ суда, и что послано приказаніе о возвращеніи ихъ. Не ручаемся за справедливость этого слуха. Но да позволено будетъ намъ, при мысли о крестьянствѣ, снашемъ жизнь государя-освободителя, выразить сердечное желаніе, чтобы это событіе было освящено разрѣшеніемъ возврата на родину всѣмъ тѣмъ изъ бывшихъ крѣпостныхъ людей, которые были сосланы въ Сибирь не по суду за преступленіе, а по безудному распоряженію помѣщиковъ. Какъ часто, при существованіи крѣпостнаго состоянія, ничтожный проступокъ, даже просто защита своихъ человѣческихъ правъ, вела крестьянина въ Сибирь!”

† Катковъ и тутъ перещеголялъ — вотъ что онъ печатаетъ въ формѣ письма къ издателямъ: “и былъ сегодня въ одномъ почтенномъ домѣ. Ура! раздалось въ послѣдней компаніи, ура! въ десять голосовъ — и я вбѣжалъ, удивленный лишь радостнымъ крикомъ, когда, за минуту передъ тѣмъ, все общество бесѣ-

Рядомъ съ такимъ вѣрноподданическимъ самозавеніемъ, какъ скромный полевой цвѣтокъ, является какое нибудь милѣйшее, наивнѣйшее письмо, прибитое къ кровавымъ столбамъ *Моск. Вѣдомостей*.

“Получивъ ужасное извѣстіе, что въ августѣнаго и возлюбленнѣйшаго нашего монарха какой-то злодѣй стрѣлялъ въ то время, когда его величество изволилъ выходить изъ Лѣтняго Сада, я, по обязанности своей, долженъ былъ отправиться къ своимъ пациентамъ въ два большія семейства, гдѣ сообщилъ объ этомъ варварскомъ поступкѣ. П что же? Какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ семействѣ всѣ навзрыль заплакали и начали собираться въ церковь помолиться о спасеніи нашего обожаемаго монарха

“Факту этому покорнѣйше васъ прошу дать мѣстечко на столбцахъ вашей уважаемой газеты, чтобы зналъ злодѣй, что онъ стрѣлялъ не въ одно сердце, а въ сердце всей великой русской семьи нашего великаго государя”.

Москва, 5 Апрѣля.

Военный медикъ Менщиковъ.

Само собою разумѣется, что всѣ эти отдѣльныя блѣстки бѣднѣютъ передъ полицейскими пароксизмами *Московскихъ Вѣдомостей*. Мы ихъ ждали, мы впередъ себѣ дѣлали праздникъ, предвидя, что онѣ непременно постараются и насъ пристегнуть къ дѣлу. Такъ и вышло.

Мы глубоко убѣждены, что полицейская манія, одна изъ самыхъ крутыхъ формъ сумасшествия, и что психіаторы слишкомъ мало обращаютъ на нее вниманіе. Само собою разумѣется, что эта болѣзнь развивается не у нормальныхъ людей, а въ особено приготовленныхъ и способныхъ организмахъ, снѣдаемыхъ завистью, самолюбіемъ, самообожаніемъ, желаніемъ власти, ленты, мѣста, мести. Все это такъ, но однажды вытравивъ все человѣческое въ субъектѣ — для болѣзни удержи нѣтъ. Подозрительность, доносъ, клевета — становятся потребностью, голодомъ, жаждой... когда не на кого доносить, у больнаго дѣлается тоска, онъ выдумываетъ молодую Грузію, молодую Арменію... А тутъ въ насъ стрѣляютъ. Не можетъ же Катковъ отдѣлать себя отъ единства Россіи, отъ государя, онъ разомъ государь и Комиссаровъ. Спасать Россію для него привычное дѣло. Что на немъ много елѣя царскаго помазанія, онъ заявилъ на канунѣ покушенія (3 Апрѣля), объявляя, что онъ вовсе не намѣренъ слушаться министерскихъ распоряженій, что онъ никому не подчиняется кромѣ государя, что онъ знаетъ своего Александра Николаевича, а никого другаго знать не хочетъ... Скромненькіе министры вынесли, и хорошо сдѣлали... а то не далеко бы ушли, отъ Константина Николаевича и Шедо-Феротти... которымъ достанется теперь съ Муравьевской помощью. Услышавъ свистъ пули и оттолкнувъ руку убійцы, Катковъ, съ головой еще не обритой мечется на короткой веревкѣ — какъ бульдогъ, котораго не спустили, прыгаетъ, визжитъ, лагетъ, стараясь перекусать всѣхъ.

Получивъ телеграмму изъ Петербурга, вотъ что онъ печатаетъ: “Сегодня въ 4½ часа по полудни, неизвѣстный выстрѣлилъ... *Полагаютъ*, что это *передѣтый революціонный эмиссаръ*” — и за тѣмъ: “Недавно зарезо пожаровъ освѣщало все пространство Россіи; теперь совершается покушеніе на жизнь ея государя. Неужели и теперь не найдемъ мы средствъ проникнуть въ тайну злодѣянца и не коснемся корней его?”

Кто-же это полагалъ? И что значить *передѣтый эмиссаръ*? Развѣ революціонные эмиссары имѣютъ свой мундиръ, свои выпушки и ветлички какъ жандармы? Это что-то напоминаетъ “заграничныхъ выходцевъ” той же газеты.

По “патосъ”, какъ писывалъ гегелистъ-эстетикъ Катковъ, довало со смущеніемъ и неудержимымъ негодованіемъ о злодѣйскомъ покушеніи. “Что такое?” Десять голосовъ наперерывъ аакричали мнѣ на встрѣчу: “Графъ Муравьевъ назначенъ председателемъ слѣдственной комиссіи — ура! Теперь дѣло пойдетъ не подъ спудомъ, а на чистоту! Теперь дѣло прямо пойдетъ по своей дорожкѣ, а не вокругъ да около!”

въ сороковыхъ годахъ, не тутъ — онъ весь въ этомъ томномъ замирающемъ: “*Неужели и теперь не найдемъ мы средствъ проникнуть?*” Тутъ какое-то мѣлкое, какой-то страхъ... ну можетъ какая нибудь жертва ускользнетъ... а вмѣстѣ съ тѣмъ сердце чуетъ жженое мясо, хрупъ ломаныхъ костей... Можетъ быть попадется какой нибудь вигиллистъ издѣвавшійся надъ Катковымъ въ *Искрѣ*, и его кости будутъ хрустѣть, взваетъ онъ что значить писать противъ насъ... “*Ну а какъ не найдутъ средствъ?*” — Успокойтесь, *найдутъ*, въ этомъ отношеніи ваша исторія насъ оставляетъ не безъ наслѣдства, не безъ примѣра, стоитъ прочесть царствованіе *великаго* Петра. Съ легкой руки перваго намекъ пошли писать вѣдомости, мы только удивлялись одному, куда дѣлся лондонскій банкиръ Т., другъ Маццини, вербовавшій въ Тульчѣ черезъ насъ зажигателей... но удивлялись не долго, только до 7 Апрѣля:

“Можетъ ли допустить Россія, чтобы эти области (Дунайскія Княжества) еще въ большей мѣрѣ чѣмъ прежде при князѣ Кузѣ, стали гнѣздомъ всесвѣтной революціи, которая отсюда вела бы свои подкопы противъ сосѣдней Россіи, — чтобы тамъ непрежнемъ, и еще болѣе чѣмъ прежде, скоплялись шайки русскихъ отверженцевъ и нельскихъ революціонеровъ, организовали изъ себя общества поджигателей и высылали противъ Россіи всякаго рода политическихъ преступниковъ?”

И вотомъ полоборота, фронтъ и доносъ съ блнвдажемъ.

“Нечего пазывать вамъ на кого, то-есть на какую враждебную внутреннюю партію указываетъ общественное мнѣніе. Вся надежда теперь на сѣдствие на ея обязанности раскрыть истину во всей ея наготѣ, со всѣми мельчайшими подробностями, со всѣми отбѣнками.”

— “*Полноте, да вѣдь это скорѣе поляки?*”

И нашъ Ноздревъ не обинуясь, говоритъ: “*Да, да, самые польскіе поляки, въ этомъ никто не сомнѣвается... все это сдѣлалъ Сбраковскій съ того свѣта и Огрызко изъ каторги*”... Стрѣлявшій, не русский, пишетъ Катковъ, по несчастію въ *самое то время какъ полякъ оказался саратовскимъ помѣщикомъ Каракозовымъ*.

Но волчекъ спущень, Каткову мало Молдо-Валахія и поляковъ, вигилистовъ и зажигателей, “*подавай барынѣ весь туалетъ*”, и вотъ онъ собираетъ въ какую-то корреспонденцію хера все, и оканчиваетъ доносомъ. *Огадайте на кого? — Не скажу.*

Корреспонденція пачинается дальними апрошами Сначала какъ обычная форма, какъ принятый ритуаль, безъ котораго Катковъ не можетъ обойтись, намекъ на молюдежъ, на “*авторовъ Земли и Воли*”, потомъ сомнѣніе — *не были-ли эти авторы “оружіемъ въ рукахъ болѣе искусныхъ”*. Далѣе догадка что искусныя руки — руки польскія... апроши становятся ближе, тѣснѣе... и вдругъ атака:

“Я могу указать на корень зла, лишь слегка, но вотъ симптомы неясной постановки русскаго дѣла во-первыхъ. это почти одновременное нападеніе на русскую печать и на ту якобы презырную свободу, которою она пользуется при системѣ административныхъ предостереженій, — нападеніе съ двухъ разныхъ сторонъ съ точки зрѣнія крушыхъ землевладѣльцевъ (русскихъ!) въ газетѣ *le Nord* и съ польской точки зрѣнія въ *Revue des Deux Mondes* и *Journal des Débats*. Вотъ вамъ одинъ симптомъ. Другой состоитъ въ томъ, что газета “*Вѣсть*,” подъ фирмой поддержки русскаго крушнаго землевладѣльца, явно покровительствуетъ идеямъ отнюдь нерусскимъ. Всякое заявленіе, служащее къ распространенію невыгоднаго мнѣнія о землевладѣнн въ западномъ краѣ, она тотчасъ помѣщаетъ въ свои столбцы, а противоположныя проходитъ уюорнымъ молчаніемъ... “*Вѣсть*” выгнѣсила “*Голось*” изъ западнаго края и трубитъ побѣду. Она имѣетъ на то полное право”

На этой прелести мы оставляемъ литературный застѣнонь, съ полнымъ и глубокимъ презрѣніемъ, вовсе не къ Каткову, онъ дѣлаетъ свое катковское дѣло, но къ его нубннѣ.

Мы ждемъ съ петербургемъ доносъ Каткова на Леонтьева (доносить ему болѣе не на кого), и обращаемся къ жалкому

стаду нашего общества, пищаго духомъ, но благороднаго происхожденіемъ.

Наградить неслѣдуетъ того какъ сдѣлалъ государь Комиссарова, невозможно. Но вѣрноподданные и тутъ попробовали не безъ успѣха состязаніе. Оппозиціонный Щербатовъ находитъ, что спасти жизнь государя показываетъ большія экономическія способности и именно по части “*сельскаго хозяйства*” и предлагаетъ его членомъ экономического общества — съ этой легкой руки пошли дѣлать Комиссарова членомъ клубовъ, ученыхъ обществъ, собраній, музеевъ, лицеевъ и пр. Того и смотри, что корпораціи московскихъ привилегированныхъ повивальныхъ бабокъ, избереть его почетнымъ повивальнымъ дѣдушкой — а общество минеральныхъ водъ включить въ число почетныхъ ботыныхъ и заставить даромъ пить Емскую, Зедлицкую, Пирмонтскую и всяческую испую и горькую воду... За чѣмъ-же вы это дурчитесь? Пожалѣйте-же человека, который спасъ государя

ПРУДОНОВА “НОВАЯ ТЕОРІЯ СОБСТВЕННОСТИ”

II.

Викторъ Консидеранъ, говоря о Прудонѣ, приводитъ слѣдующія слова Гейне о Кантѣ: “*природа*”, говоритъ онъ, “*создала этого человека для того, чтобы вѣсить и мѣрить бакалейные товары; а онъ вѣситъ и мѣряетъ идеи, убѣжденія, вѣрованія, общественныя учрежденія, но съ тѣмъ-же безпристрастіемъ, съ которымъ лавочникъ отвѣшиваетъ вамъ золотникъ корицы или перцу...*”

Консидеранъ не принадлежитъ къ числу непосредственно оскорбленныхъ “*присяжными демократами*” или “*литературными майоратами*”, да и высказался онъ прежде, чѣмъ появились эти два замѣчательныя полемическія произведенія Прудона; а потому странно, что онъ не сумѣлъ уловить той живой, истинно поэтической струи, которая искрится и плещетъ рѣшительно во всемъ, что только дѣлать и говорилъ Прудонъ, — въ мельчайшихъ и слабѣйшихъ его произведеніяхъ точно такъ-же, какъ и въ лучшихъ. Неужели Консидеранъ знаетъ что нибудь поэтичнѣе той страстности мысли и той разумности страсти, которою пронизаны насквозь даже ошибки Прудона?..

Такъ или иначе, въ этихъ неудачно примененныхъ къ Прудону словахъ справедливы двѣ вещи: во-первыхъ, нѣкоторое пристрастіе Прудона къ *всему*; во-вторыхъ, тѣсное сродство Прудона съ Кантомъ. Я бы выразилъ это сродство другими словами, заимствованными тоже изъ Гейне. “*Робеспьеръ*”, говоритъ Гейне: “*казнилъ короля; — Кантъ казнилъ бога*”. Прудонъ — слѣдуетъ добавить — “*казнить проявленія самовластия и божественности въ общественномъ мнрѣ, казнить собственность и ея политическую функцію — государство*”.

Однажды казненнаго вернуть въ жизни не во власти человека. Гора (la montagne) была казнена сама за то, что казнилъ короля, она казнила не бога, а Анахарсиса Клотна, который не вѣрилъ въ Бога. Кантъ, задумавшій прицать наружныи признакъ жизни казненному пмѣ богу, казнилъ свою философію и имѣлъ успѣхъ (по свидѣтельству того-же Гейне) только передъ своимъ лакеемъ Лампе, у котораго кромѣ барина и бога ничего не было на свѣтѣ. — Та-же печальная участь постигла-бы Прудона, еслибы онъ вздумалъ воскре-

силь убитую имъ, но не похороненную еще и не отпѣтую собственностью.

А вѣдь смыслъ рѣшенія задачи собственности, предлагаемаго имъ въ его “Новой Теоріи” таковъ: противурѣчія собственности не будутъ разрѣшены ни въ какомъ синтезѣ, ни въ какой “высшей категоріи”. Противурѣчія, крайности, антипоміи, вовсе и не должны разрѣшаться, а должны уравновѣшивать взаимно одна другую. Для того, чтобы эта діалектическая формула не отталкивала своею математическою отвлеченностью, постараюсь въ двухъ словахъ привести ея примѣненіе по Прудону-же къ дѣлу обществѣнности.

Собственность (это мы уже видѣли) стремится разобщить людей. Но ея политическая функція, безъ которой она сама невозможна — государство, стремится собрать такъ сказать людей въ одно безличное цѣлое. Какъ сила тяготѣнія, которою держится міръ, разлагается на центробѣжную и центростремительную, такъ точно и сила, которою держится міръ обществѣнности составляетъ изъ двухъ противудѣйствующихъ: центробѣжной силы собственности—центростремительной силы государства.

Мораль: собственность (*государство*—скажу здѣсь разъ навсегда—относится къ собственности, какъ *теплота къ движению* по новѣйшимъ теоріямъ Грове, Тиндаля и пр.) должно не уничтожить, а *уравновѣсить* (*équilibre de la propriété*).

По видимому вѣдь очень близко къ мѣщанскому эклектизму, къ экономистическому *laissez faire, laissez passer*, къ рутинной середкѣ на половинѣ?

Конечно “присяжные демократы”, и съ Е. Пельтаномъ во главѣ, не замедлили провозгласить, что Прудонъ отрѣкается отъ самаго себя, беретъ назадъ свой смѣлый афоризмъ о тождествѣ кражи и собственности. Они торжествуютъ, потому что Прудонъ имъ всегда казался какимъ-то Блондиномъ діалектики, отважнымъ парадоксалистомъ, готовымъ наложить руки на самаго себя, лишь бы только щегольнуть новизною. Они будутъ имѣть успѣхъ, потому что большинство читателей относится къ теоретикамъ обществѣнности, какъ Некрасовскій становой (“Деревенскія Новости”) къ крестьянамъ, которыхъ у него въ ставѣ было 25,000: “гдѣ тутъ еще разбираться и высѣчь-то всѣхъ не успѣешь”.

Опровергать господъ, рассчитывающихъ въ своихъ произведеніяхъ на то, что публика, по своему общественному положенію, должна ограничиваться видимостями, вѣщностями... должна, говорю я, потому что въ силу специализаціи труда вникать въ сущность дѣла есть служба, спеціальность, *Fach* писателей, а довольствоваться верхами, и видимостями—ремесло, служба публики... Опровергать такихъ взяточниковъ и казнокрадовъ литературнаго вѣдомства—дѣло болѣе полицейское, чѣмъ литературное. Но не упомянуть о нихъ я не могъ, потому что долго мнѣ придется говорить какъ будто въ ихъ духѣ, а я ни на минуту не хочу быть заподозрѣнъ въ солидарности съ ними...

Я говорилъ о пристрастии Прудона къ вѣсамъ, взвѣшиванію, уравновѣживанію (*balance — équilibre*). Это требуетъ поясненій, которыя здѣсь прямо идутъ къ дѣлу.

Лавочники упогребляютъ вѣсы преимущественно для того, чтобы обвѣшивать; но дѣлаютъ они это не по художественному влеченію, а потому что такова обязанность, возложенная на нихъ властью абсолютной собственности. Когда они обдосужатся, когда они на минуту перестаютъ бытъ рабами

собственности, и становятся просто людьми, то имъ противны вѣсы, какъ и все, напоминающее ихъ рабство. Идеалы людей — плоды досуга; а потому изъ идеаловъ лавочника, изъ его представленій о прекрасномъ, строго изговяются вѣсы и другія орудія измѣренія: идеалы мѣщанскія *несоизмѣримы*, т. е. фантазіи, химеры, предназначенныя исключительно для того чтобы заставить обдосужившихся рабовъ забыть свое рабство Гейне думаетъ ополчить Канта, представляя его взвѣшивающимъ и соизмѣряющимъ идеи и вѣрованія. Подобное воззрѣніе на вѣсы свойственно вообще тѣмъ, кто *дѣломъ* считаетъ только обмѣриваніе и обвѣшиваніе, а все прочее ненужною роскошью, *hors d'œuvre*’омъ, который у мѣста только при сытномъ обѣдѣ. Но и они понимаютъ, что безъ взвѣшиванія и измѣренія дѣло не дѣлается.

Прудонъ смотрѣлъ какъ на дѣло, на свою социалогическую дѣятельность и понималъ очень хорошо, что люди вообще не взвѣшиваютъ и не измѣряютъ идеи и общественныя учрежденія, что иные къ нимъ совершенно равнодушны, а другіе на ихъ равнодушіи основываютъ очень выгодныя сдѣлки и предпріятія. Не буржуазное безпристрастіе, а глубокая вѣра въ то, что всякое зло въ мірѣ общественномъ есть результатъ нашего безумія и невѣжества; не равнодушіе, а горячая любовь къ истинѣ и разумности, даютъ силу Прудону такъ безпошадно, какъ это дѣлалъ онъ, взвѣшивать наши общественныя учрежденія, и не лавочническое спокойствіе, а торжество разума освѣжало его, когда онъ показывалъ намъ, что въ томъ или другомъ общественномъ учрежденіи, которое намъ выдаютъ за непогрѣшимое, неотразимое, съ неба къ намъ слетѣвшее въ совершеннѣйшемъ своемъ видѣ,—на одну долю разумности сто — безумія, невѣжества, узкаго эгоизма, равняющагося неповиманію собственной своей выгоды.

Такому процессу подвергъ Прудонъ собственность въ первыхъ своихъ двухъ мемуарахъ. Къ сожалѣнію тогдашнее состояніе науки не позволяло Прудону примѣнить къ своему дѣлу обыкновенныя торговыя или аптекарскія вѣсы (отъ этого его показанія стали бы еще болѣе общедоступными и неотразимыми). Но онъ совершенно основательно назвалъ *системою взвѣшиванія* или *діалектическими вѣсами* тотъ приемъ, какимъ онъ анатомировалъ учрежденіе, которому до тѣхъ поръ только поклонялись, или-же проклинали его.

“Діалектическія вѣсы” съ честью покончили свое дѣло: онѣ показали намъ какую смѣсь грязи мы считали за чистое золото. Социалогическая схоластика съ средневѣковою тіарою и фриійская шапка платонического революціонаризма не устояли противъ этого очень полезнаго орудія изъ домашняго обихода...

Но Прудонъ сумѣлъ пойти дальше, замѣняя при этомъ “вѣсы” инымъ, болѣе удобнымъ орудіемъ изслѣдованія...

Въ полнѣйшемъ, если не лучшемъ изъ своихъ сочиненій (*Système des contradictions*) онъ замѣняетъ свою систему равновѣсія Гегелевскимъ діалектическимъ приемомъ... Да не устрашить иного читателя это злуполучное имя: Прудоновскій гегелизмъ до того простъ и ясенъ, что Гегель вѣроятно и не понималъ бы даже его. Я знаю, что въ настоящее время діалектическая критика покончила свое дѣло на поприщѣ теории обществѣнности: въ физиологической и химической лабораторіи вырабатываются и отчасти уже выработались могутъ бытъ новыя и болѣе совершенныя, чѣмъ всевозможная діалектика, орудія для изслѣдованія общественныихъ вопросовъ. По

тѣмъ то необходимое осмотрѣться прежде, ясно усвоить себѣ уже то, что сдѣлаво на этомъ поприщѣ; и тѣмъ болѣе, что, приравливаясь къ новому орудію, мы должны будемъ углубляться въ тѣе тайники, вдаваться въ тѣе побочности и подробности, за которыми слишкомъ часто уроегся передъ нами главная цѣль.

Весьма недостатчно было бы понять, что значительная доля зла, невѣжества, грубаго насилия и произвота кроется въ каждомъ изъ нашихъ общественныхъ учреждений, если бы у насъ не было никакихъ указани, никакихъ гарантій возможности, если не неизбежности, иного, лучшаго. Откуда взялось это зло? Что оно обозначаетъ собою? Или чего хочетъ оно отъ насъ (по выраженію самаго Прудона)?

Вѣдь и Гизо понималъ очень хорошо, что “у колыбели всякой власти стоитъ насилие”. Доктринеры еще менѣе дальновидные чѣмъ Гизо, давно понимаютъ интимные и разумную необходимость ими-же защищаемыхъ учреждений. На этомъ-то половинномъ понимани развилась нынѣ— всеполащающая школа презрѣнія разумности и челоѣчности, школа гражданскаго разврата, проповѣдывающая необходимость религіи, которую она считаетъ тупой сказкой; святость *raison d'Etat*, подѣ которой она очень хорошо понимаетъ разбойнически заговоръ, азартную игру, въ которой ставка не только одежда, но и кровь, и жилы неправо распинаемаго.

Заслугою Прудона слѣдуетъ считать не то только, что онъ съ помощью “вѣсовъ” открылъ огромную примѣсь вздора и лжи къ крошечной долѣ разумности въ каждомъ общественномъ учрежденіи. Этого было бы еще очень мало, потому что за *разумныя* эти учрежденія намъ никто и не выдавалъ: мистическая схоластика божественнаго права выдавала ихъ за данныя свыше. “Присяжные” и подленькіе стоятъ на томъ, что разумностью сѣсняться нечего, а надо набить собственный карманъ; остальное все вздоръ. *Laissez faire, laissez passer*, а въ переводѣ на русскій: казните и давите въ мѣру, т. е. чтобы не дать опомниться, во и не слишкомъ ужъ раздражить...

Прудонъ, съ первыхъ словъ сказанныхъ имъ по этой части, открываетъ новые горизонты. Его разложеніе общественныхъ явленій съ помощью все тѣхъ же “вѣсовъ” устанавливаетъ прочную связь между этими явленіями и тѣмъ простымъ, такъ сказать ежедневнымъ челоѣческимъ разумомъ, безъ вѣдома котораго многое творится на бѣломъ свѣтѣ, но который рано или поздно спросить, если не—зачѣмъ? то—какъ? творится то или другое, и этимъ положить начало своему владычеству на новомъ поприщѣ. Прудонъ этотъ разумъ начинаетъ строго выяснять свои отношенія ко все еще замкнутому для него міру общественности.

Разложенныя или вѣтъ, общественныя учрежденія гѣсняются нестройнымъ роемъ, то произвольно сгруппированныя въ философія системы, то вовсе не сгруппированныя въ хронологическомъ безпорядкѣ. Драма борьбы за кусокъ хлѣба развивается скачками. Исторія тщательно помѣчаетъ одиѣ перемѣны декораций; предоставляя желающимъ приговить такъ или иначе экономическую сущность къ сохраненнымъ ей безъ задней мысли, или изъ угодливости къ ситвымъ міра сего, политическимъ, юридическимъ и всякимъ другимъ рамкамъ или формамъ... Гегелевская трилогія даетъ Прудону средство сгруппировать эту пеструю массу въ стройную шеренгу, и не по вѣшнимъ признакамъ, а по отношенію

именно къ той долѣ разумности, которая, возрастая тутъ, тамъ исчезая среди наплыва стихійныхъ случайностей, въ сущности одна только способна и развиваться, и умирать, т. е. имѣть свою исторію.

Испошленная формула *разумности всего существующаго воцеловѣчивается*. “Да”, говоритъ Прудонъ: “разумъ творить исторію. Но разумъ этотъ вовсе не то мистическое существо, за которое вы его выдаете: онъ очень сродни челоѣческому здравому смыслу. Здравый смыслъ этотъ знаетъ только то, чему онъ научится; а учимся мы не фантазіями, а опытомъ, по большей части горькимъ. Исторія челоѣческихъ обществъ, если ее станемъ разбирать не по официальнымъ источникамъ, свидѣтельствуетъ только о томъ, что челоѣчество во всѣ времена стремилось по возможности лучше приравниться къ тому, что природа и оно само натворили въ своемъ сомнамбулизмѣ. Только для этого одного желанія мало—надо умѣние. Челоѣкъ (а слѣдовательно и челоѣчество) органически односторонень: онъ не можетъ сразу объять своимъ умомъ всѣ неизбежныя послѣдствія того или другаго. Но эти неизбежныя послѣдствія очевидно всѣ будутъ сводиться къ двумъ категориямъ: во-1^х, онѣ будутъ таковы, какими мы ихъ хотѣли, т. е. предвидѣнныя нами, согласныя съ нашими видами (тезисъ); во-2^х, такъ какъ мы всѣхъ сторонъ не имѣли въ виду заранѣе, то въкоторыя изъ этихъ неизбежныхъ послѣдствій будутъ для насъ неожиданны, несогласны съ нашими преднамѣреніями—будутъ противурѣчить нашимъ видамъ или желаніямъ (антитеза). Наконецъ челоѣчество, ознакомившись съ обѣими этими категориями, наученное опытомъ, найдетъ способы миновать эти неожиданныя послѣдствія, придумаетъ новый и лучшій путь къ достиженію предназначенной себѣ цѣли (синтеза). Съ этимъ новымъ случится тоже, и т. д.”

Подвергая этой же процедурѣ задачу собственности, Прудонъ поступаетъ такъ:

Во-1^х, онъ ищетъ опредѣлить: какихъ разумныхъ цѣлей мы можемъ достигнуть посредствомъ этого учрежденія?

Во-2^х, на какія неизбежныя противурѣчія, т. е. на какія неожиданныя и горькія послѣдствія мы наткнемся (т. е. въ сущности наткнулись уже) съ учрежденіемъ анархизма собственности?

Во-3^х, какимъ инымъ путемъ мы можемъ достигнуть тѣхъ же цѣлей и избѣгнуть въ тоже время противурѣчій собственности?

На первые два вопроса отвѣтъ уже давно данъ блистательный. Передать здѣсь хотя бы въ самой сжатой формѣ всю ихъ сущность, я не считаю возможнымъ. Должно замѣтить, что учрежденія такія какъ собственность (объ этомъ говорено уже въ первой моей замѣткѣ) никогда не могутъ быть подведены къ одному знаменателю. “Защитимъ умомъ крѣпокъ” не только русскій челоѣкъ, но и вообще челоѣкъ; а что еще хуже—въ жизни каждаго единичнаго или коллективнаго челоѣка бывають періоды дѣйства или варварства, когда онъ никакимъ умомъ не крѣпокъ, когда онъ творить не спрашивая зачѣмъ? Только такъ сотворенное и есть абсолютно, т. е. неспособно быть передѣлываемо, только оно и влечетъ за собою *непременно* противурѣчія (антиномію). Очувшись, т. е. приходя постепенно къ сознанію, челоѣчество начинаетъ задумываться надъ тѣмъ, какія оно можетъ извлечь выгоды изъ того что уже существуетъ какъ фактъ. То есть средство является прежде, а потомъ уже придумывается для него цѣль. Очень

естественно, что такая цѣль (т. е. точнѣе говоря : употребленіе — которое мы можемъ сдѣлать изъ того, что сами создали не какъ люди, а какъ природа, не задумываясь, безсознательно) можетъ быть чрезвычайно разнообразно. Такъ и съ собственностью : отправления ея чрезвычайно разнообразны, какъ и самыя злоупотребленія и противурѣчія ея. Въ большинствѣ случаевъ ея лучшая роль переливается сама собою въ противурѣчіе; очень часто также одна и тажа функція собственности дѣйствуетъ и *pro* и *contra*.

Приемъ “уравновѣшенія” есть какъ-бы балотировка того или другого учрежденія; точнѣе судъ надъ нимъ. Взвѣсивъ аргументы *pro* и за каждыи изъ нихъ положивъ въ урну по бѣлому шару, вы взвѣшиваете аргументы *contra* и за каждый кладете по черному. Пересчитавъ тѣ и другіе, вы рѣшаете на основаніи ихъ, относительнаго количества. Но съ этимъ приемомъ вы должны принять учрежденіе съ его дурными сторонами, если хорошихъ въ немъ больше. Если-же вы отвергли учрежденіе — у васъ *tabula rasa* : “вѣсы” не даютъ вамъ данныхъ для новой постройки, которая бы замѣнила отвергнутое.

Гегелевски-Прудоновскій приемъ лучше въ томъ отношеніи, что съ нимъ вы взвѣшиваете не хорошия и дурныя стороны учрежденія, а узнаете все то хорошее, чего вы можете достигнуть съ помощью этого учрежденія и это хорошее является вамъ совершенно независимымъ отъ его случайной, исторической формы. Напримѣръ : экономическая функція собственности заключается въ томъ, что она труженнику въ вознагражденіе за трудъ оставляетъ только дѣйствительную цѣну самаго производства; а весь избытокъ производства надъ тѣмъ, что стоило самое производство, присваиваетъ обществу въ формѣ *ренты*. Общество отдаетъ эту ренту привилегированнымъ своимъ членамъ вмѣсто того, чтобы употреблять его на улучшение быта всѣхъ своихъ членовъ. Таковъ фактъ. Разбирая его, мы видимъ съ одной стороны, что работникъ не имѣетъ никакого естественнаго права, никакого разумнаго основанія на то, чтобы присвоить себѣ ту часть доходовъ производства, которая создана не имъ, а природою или коллективною силою общества, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Справедливость требовала-бы, чтобы два работника, затрачивающіе одно и тоже количество труда среди различныхъ условій естественныхъ и общественныхъ, пользовались-бы равнымъ вознагражденіемъ. Стало быть собственность, присваивая *ренту* (т. е. избытокъ цѣны продукта надъ цѣною труда) обществу, а не лицамъ является орудіемъ справедливаго распредѣленія богатства. Но мы уже знаемъ, что общество, основанное на собственности, не можетъ обойтись безъ иерархіи и не можетъ не приносить ниже стоящаго на иерархической лѣстницѣ въ жертву выше стоящимъ. Мы знаемъ, что собственность есть признаніе за извѣстнымъ разрядомъ лицъ права на ренту. Не будь этого — вся цѣна продукта оставалась бы въ рукахъ того, кто вмѣстѣ съ природою и обществомъ создалъ данный продуктъ. Но при порядкѣ собственности, рента сѣдается привилегированными паразитами. Тутъ, какъ ни взвѣшивайте, вы можете только изъ двухъ золъ выбрать меньшее. Методъ Прудоновыхъ “противурѣчій”, даетъ возможность цѣль — справедливое распредѣленіе богатствъ или присвоеніе ренты обществу, а не лицу, — поставить вполне независимо отъ исторической случайности — собственности, безъ которой мы бы вѣроятно долго еще не

появили, какимъ несложнымъ путемъ можно достигнуть (на теоріи по крайней мѣрѣ) справедливаго распредѣленія богатства и въ чемъ корень экономического неравенства. Этотъ методъ наталкиваетъ васъ на необходимость такого средства, которое не съ грѣхомъ пополамъ и не между прочимъ касалось-бы столь важнаго дѣла.

Съ помощью этого-то метода Прудонъ опредѣляетъ свою задачу. Зачѣмъ-же онъ въ разрѣшеніи ея соскакиваетъ съ рельсовъ и возвращается къ “вѣсамъ”, къ экилибраціи? Я не думаю, чтобы задача была разрѣшима чисто діалектическимъ путемъ; но зачѣмъ-же въ діалектикѣ отступать назадъ?...

(Продолженіе впереди).

Л. Мечниковъ.

Женева, 18/6 Апрѣля 1866

СМѢСЬ.

Русскому дворянству. — Мы получили по почтѣ прилагаемый адрессъ, съ просьбою объ его помѣщеніи въ *Колоколь*. Исполняемъ желаніе приславшаго. — *Ред.*

“Что вы замолки? что васъ испугало? то-ли что просьбу петербургскаго дворянства не приняли, или то, о чемъ оно просить? Поймите что это вопросъ, что надо объясниться, на васъ смотреть Россія.

“Ежели вы въ другихъ губерніяхъ не потребуете участия всѣхъ сословій въ управленіи, то будьте увѣрены, что не будете участвовать въ немъ, ни вмѣстѣ, ни одни. Очень вѣроятно, что адрессъ отъ васъ не примутъ, тогда ясно, что правительство нарушая вашу привилегію, единственную, которой вы можете пользоваться на общую пользу, хочетъ васъ занять вашими личными интересами и отдѣлить отъ народа; вамъ остается одно : въ каждой губерніи отказаться отъ привилегій, отъ своего существованія, какъ сословія и вы будете имѣть за себя народъ. Знаю, говорятъ будто это похоже на самоубійство и выразить слабость и неспособность сословія и проч., кажется ясно, что это фразы : во-первыхъ, заниматься родословными книгами, показываетъ слабость, а не силу ума, а во-вторыхъ, основываясь на этихъ книгахъ особые права на избавленія, отъ самыхъ тяжелыхъ повинностей и проч., на счетъ остальнаго народа, и отстаивать эти права, пожалуй твердость, только врядъ-ли достойная уваженія”.

Дворянинъ.

— *Изъ Петербурга* (запоздалое письмо) — С Петербургскій купецъ Василій Ивановичъ Стахеевъ, 20 Ноября 1865 года, подалъ генералъ-губернатору Суворову, прошеніе о разрѣшеніи ему открыть книжный магазинъ при редакціи *Русскаго Слова*. Побужденіемъ къ открытію магазина при редакціи было то обстоятельство, что при настоящемъ упадкѣ книжной торговли, купецъ Стахеевъ больше всего рассчитывалъ на подписчиковъ *Русскаго Слова*. По указанію канцеляріи генералъ-губернатора, Стахеевъ долженъ былъ приложить къ прошенію : 1) Свидѣтельство мѣстной полиціи о томъ, что въ нанятой подъ магазинъ квартирѣ, никакихъ препятствій къ открытію магазина не представляется и 2) Документъ отъ домовладѣльца о его согласіи на открытіе книжной торговли въ его домѣ. Судя по такому требованію, Стахеевъ долженъ былъ заранѣе законтрактовать квартиру на возможно-продолжительное время и при этомъ не стѣсняться никакими опасеніями какихъ-нибудь новыхъ препятствій къ открытію

магазинна. Онъ былъ увѣренъ, что много-много протянется какая нибудь недѣля и онъ будетъ спокойно поторговывать. Не тутъ-то было; справляется въ канцелярии генералъ губ. и получаетъ отвѣтъ, что разрѣшеніе прошенія останавливается за мин. внутр. дѣлъ. Оправляется въ мин. внутр. дѣлъ, тамъ говорятъ, что прошение передано въ главное управленіе по дѣламъ печати. Обращается сюда, здѣсь говоритъ, что еще не могутъ разрѣшить: “подождите”. Является Стахеевъ снова и Щербининъ задаетъ ему вопросъ: “Съ какой стати вздумалось вамъ открывать книжный магазинъ при редакціи *Русскаго Слова*”? Стахеевъ, разумеется, объясняетъ, не стѣняясь, свой кунечески расчетъ—“Почините”, отвѣчаетъ Щербининъ, “уже если открывать торговлю при редакціи *Русскаго Слова*”. Стахеевъ опять гнетъ на свои лады: “что дескать мнѣ нужно не направленіе журнала, а хорошій выходной сбытъ товару!” При этомъ однакоже, озабоченный судьбою своего предпріятія, онъ спросилъ, можно ли ему надѣяться на полученіе разрѣшенія. Ему отвѣтили, что можетъ надѣяться. “Ну”, думаетъ Стахеевъ “хоть и долго, да всежъ таки, слава Богу, дѣло сдѣлывается”. Если прежде ему нужно было законтрактовать квартиру, то теперь когда со стороны ген.-губ. пренятствій въ открытію магазина не найдены, а въ главномъ управленіи по печати тоже обнадѣживаютъ, такъ можно заказать полки, выручки, столы и прочую мебель; можно и должно магазинъ наполнять книгами, чтобы прямо не теряя времени, послѣ получения разрѣшенія начать торговлю. Не мало затрачено денегъ, на задатокъ хозяину, на совершеніе контракта, на укомплектованіе магазина, на наемъ служащихъ при магазинѣ, на покупку книгъ, на заготовленіе книгъ, дровъ и пр. По судьбы вышшняго не исповѣдимы: уже въ Февралѣ оказалось что: *открытие магазина при редакціи Русскаго Слова признается неудобнымъ...* Ну что тутъ прикажете дѣлать? *не подавать ли жалобу въ сенатъ?*

— *Еще Николаевская желѣзная дорога.* — Мы получили письмо, строго критикующее помѣщенную нами статью о Николаевской дорогѣ (217 и 218 т.). Авторъ письма желалъ бы больше фактовъ. Онъ заключаетъ слѣдующимъ рядомъ вопросовъ:

“Когда рѣчь идетъ о Николаевской дорогѣ, находящейся въ несомнѣнно скверномъ положеніи, то что вамъ за дѣло до лицъ... не интереснѣе ли было бы для насъ добратся до положительнаго и категорическаго отвѣта на слѣдующіе вопросы:

“Что донесла первая коммиссія, которой было поручено узнать истинную причину опаздыванія поѣздовъ и частыхъ поломокъ?

“Что доносили другія (постороннія) коммиссія, которыхъ было вѣсколько?

“Что сдѣлало министерство, получивъ эти донесенія? Но есть еще вопросы, которые въ моихъ глазахъ, гораздо важнѣе. Впрочемъ, въ сущности, всѣ они приводятся къ одному:

“Отчего Николаевская дорога не публикуетъ ежегодно самыхъ подробныхъ отчетовъ о вѣсѣхъ ея операціяхъ?

“Пусть только отвѣтятъ на этотъ вопросъ, и пусть отвѣтитъ именно министръ, а не начальство дороги и не департаментъ ж. дороги. Свѣденія у нихъ есть или должны быть непременно; но мы не знаемъ до какой степени имъ предоставлено право дѣлиться этими свѣденіями съ публикою, если они — предположимъ — и расположены посвящать ее въ свои домашнія

тайны. Стало-бысть, тутъ все зависить отъ министра. Или онъ хочетъ, или не хочетъ. Если онъ хочетъ, то отчего отчеты не печатаются? А если не хочетъ, — то отчего онъ не хочетъ? Вывода изъ этой дилеммы я не вижу. Обратите пожалуйста, внимание на то, что этотъ безобразный порядокъ дѣлъ существуетъ съ самаго открытія дороги и подумайте о томъ въ какое безобразное состояніе онъ привелъ одну изъ наиболѣе доходныхъ дорогъ Европы (я разумю по валовому доходу). При Клейнмихелѣ, считавшемъ государственною тайною даже *устройство* электрическихъ телеграфовъ, подобный порядокъ былъ какъ нечья боѣе иштуратень. Тогда вопросъ мой разрѣшается просто. Но отчего та же самая система преобладала и преобладаетъ при Чевинѣ и при Мельниковѣ, считавшихся всегда честными людьми, но крайней мѣрѣ? Чего они боятся? И почему они такъ причуются отъ гласности, а нейдутъ къ ней прямо на встрѣчу? Пусть, на примѣръ, Мельниковъ напечатаетъ послѣдній контрактъ свой съ Уайнсомъ, перещеголовившій, говоритъ, даже тотъ, — тоже съ американцами — который Мельниковъ софтовалъ показывать иностранцамъ, какъ величавую достопримѣчательность Петербурга противъ него, т. е. противъ послѣдняго контракта, былъ, я слышалъ, лучший люди корпуса”*.

— *Благодѣтельные помѣщики*: (Графиня Орлова-Денисова, баронъ Яксуль, графъ Шереметевъ). — Намъ пишутъ изъ Россіи о слѣдующихъ благодѣтельныхъ и отеческихъ мѣрахъ, взятыхъ разными помѣщиками для упроченія благосостояніи брестыянъ. Передавая эти факты, мы оставляемъ достовѣрность ихъ на совѣсти корреспондента.

Графиня Орлова-Денисова, при разверстаніи угодій съ крестьянами, отрѣзала лучшую землю себѣ, а крестьянамъ своимъ въ Коломягахъ (въ какой губерніи?) назначила землю, состоящую изъ мловъ и трясины. Чтобы уладить это дѣло, она задобрива мѣкогорыхъ крестьянъ, а главному изъ нихъ, имѣвшему вліяніе на другихъ, дала привилегію открыть лавку.

Баронъ Яксуль давно усиливается огнять дома у бывшихъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ деревни Гатобари, утверждая, что дома эти господские: у него тутъ фабрика. Имъ пришло переселиться просто въ боюта. Сперва дѣло поведено было въ пользу крестьянъ, но потомъ онъ повелъ дѣло съ большей ловкостью; его перерѣшили въ пользу Яксуля. Теперь это дѣло пересматривается въ высшихъ инстанціяхъ.

У графа Шереметева была огромнѣйшая дворня. Пѣкоторые изъ дворовыхъ въ награду за службу получали землю. Когда состоялось Положеніе 19 Февраля, графъ земли подаренные дворовымъ, сталъ отбиривать обратно въ свою собственность, на томъ основаніи, что по Положенію дворовые не должны быть надѣляемы землею. Пѣсколько семей дворовыхъ изъ знаменитаго Останкина, повели объ этомъ процессъ; онъ являлся и доселѣ съ сомнѣтельнымъ успѣхомъ для дворовыхъ, потому что пѣги документовъ удостоверяющихъ дареніе. Пѣкоторые изъ крестьянъ того же Шереметева приобрѣтали землю, при дѣйствіи крѣпостнаго права, на имя сѣятельнаго помѣщика. По введеніи Положенія объ освобожденіи крестьянъ, земли тѣ зачислены въ собственность помѣщика. О послѣдней операціи было впрочемъ уже заявлено въ *Спб. Вѣдомостяхъ*.

* “Русские журналы говорятъ очень сильно о безпорядкахъ на Николаевской дорогѣ, но если не ошибаюсь, еще ни одинъ изъ нихъ не касался “Отчета” и призывъ, по которымъ его держать подъ судомъ или подъ сукномъ”.

— *Le Nord* (отъ 29 Апрѣля), подхватывая пѣснь своего регента и запѣвалы Каткова, сдѣлалъ ужъ не намекъ, а простое указаніе на *наше ученіе*, какъ на печальный источникъ *нигилизма* — изъ котораго *Каракозовъ* почерпнулъ свое воззрѣніе. Всѣ эти продѣлки и штуки въ родѣ *complicité morale* избрѣтенной министромъ Ебергомъ, стары и биты. Пусть *Le Nord*, укажетъ въ какихъ книгахъ, статьяхъ, изданныхъ нами, въ *Полярной Звѣздѣ*, въ *Колоколѣ*... гдѣбы то ни было — мы проповѣдывали убійство. Мы — протестовавшие противъ воровскаго введенія смертной казни въ русское уголовное право, мы противники всякихъ кровавыхъ расправъ.

— *Изъ рѣчи Муравьева*. Мы только-что прочли рѣчь Муравьева и выписываемъ изъ нея слѣдующія замѣчательныя слова: “Я счастливъ, что поставленъ государемъ во главѣ того учрежденія, которое должно служить къ открытію злоумысла и преступника. — Я скорѣ лягу въ гробъ, чѣмъ оставлю не открытымъ это зло, — зло не одною человека, но многихъ дѣйствовавшихъ въ совокупности”. (Какъ же это онъ знаетъ прежде слѣдствія, или онъ уже заготовилъ бумаги, фальшивые документы, какъ въ дѣлѣ Чернышевскаго? Хорошъ залогъ въ безпристрастїи!) “Надѣюсь что вы дворяне — поможете въ эгомъ” (въ раскрытіи дѣла). Да развѣ все дворянство поступило въ третье отдѣленіе?

— *Изъ частнаго письма*. — “Въ Петербургѣ послѣ перваго шума и гвалта настала полоса страха и тревоги. Количество арестуемыхъ растетъ съ каждымъ днемъ; достовернаго никто ничего не знаетъ, ни о лицѣ стрѣлявшаго, ни о всемъ дѣлѣ”.

— *Вятка, 5/17 марта*. — Пять лѣтъ тому назадъ елабужскій купецъ, Федоръ Филиповичъ Постниковъ, взялъ на себя постройку этаповъ по контракту и при этомъ внесъ 12,000 руб. залогу. Заподрядивъ рабочихъ и заготовивъ въ достаточномъ количествѣ матеріалъ, Постниковъ привялся за работу разомъ на всѣхъ пунктахъ, гдѣ по распоряженію министерства должны были быть устроены этапы; но въ то время, когда постройки уже были близки къ оковчанію, пришло предписаніе Валуева остановить работы, по случаю состоявшихся предположенія о перемѣнѣ системы отправленія и заключенія преступниковъ. Постниковъ, какъ человекъ бывалый, соблюлъ при остановкѣ работъ, всѣ необходимыя въ его положеніи мѣры осторожности и пригласилъ земскую полицію, къ составленію описи находящемуся на лицо количеству заготовленныхъ матеріаловъ и къ осмотру дѣйствительнаго состоянія работъ, по возведенію этапныхъ помѣщеній. По его хлопотамъ, его матеріалъ, заготовленный для оковчателной постройки этаповъ, и самыя зданія, хотя и недоковченныя, были приняты въ казну. Оставалось получить обратно залогъ и слѣдующія за произведенныя работы деньги; не тутъ-то было; три года бился Постниковъ, обращаясь къ тому, то къ другому влиятельному лицу, переѣзжалъ изъ одного города въ другой для личнаго хода тайства и по осени прошлаго года, проживъ въ С. Петербургѣ, Сентябрь, Октябрь и Ноябрь, едва добился того, чтобы ему возвратили собственныя его, представленныя въ обеспечение соблюденія контракта деньги, въ количествѣ 12,000 р., а о вознагражденіи затраченнаго времени, труда и капитала — и помину вѣтъ.

— *Шахъ Константину Николаевичу*. — На мѣсто Головина, назначенъ министромъ просвѣщенія графъ Толстой. Особенно жалѣтъ Головина нечего, слабый былъ человекъ и подъ конецъ бросился въ самое театральное ханжество, но и это не помогло. Графъ Д. Толстой сочинитель книги: *Du Catholicisme romain en Russie*. Такое назначеніе шагъ дальше въ правительственное изувѣрство и катковщину. Хорошъ первый результатъ выстрѣла. И всего больше хорошъ онъ для Константина Николаевича. Графъ Толстой служилъ въ морскомъ министерствѣ, и поссорился съ великимъ княземъ изъ за Головина... а теперь садится на его мѣсто.

— Насъ спрашиваютъ можно ли пополнить коллекцію *Колокола* листами отъ 141 до 196. Очень можно — просимъ выслать адресъ на имя г. *Тхоржевскаго*: Женева, Русская Типографія, 40 Pré l'Évêque.

ПРОДАЮТСЯ:

ЕЩЕ РАЗЪ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ ИСКАНДЕРА

Съ приложеніемъ ненапечатаннаго разсказа

ТРАГЕДІЯ ЗА СТАКАНОМЪ ГРОКА

Цѣна: 1 тал. или 3 фр. 75 сент.—Prix: 3 fr. 75 c. ou 1 Thlr.

ВЪРОИСПОВѢДАНІЕ ДУХОВНЫХЪ ХРИСТІАНЪ

обыкновенно называемыхъ *Молоканами*. Цѣна 2фр. вк.

ДЛЯ ИСТИННЫХЪ ХРИСТІАНЪ

Сочиненіе Игнатія. Цѣна 50 сантимовъ.

— *Полное Собрание КОЛОКОЛА, ОБЩАГО ВѢЩА и ПОДЪ СУДЪ отъ 1857—1865, перепл., 75 франковъ.*

Въ Женевѣ *Колоколъ* продается у г. ГЕОРГА; Corraterie; въ Лондонѣ у N. Trübner et Co., 60, Paternoster Row; въ Парижѣ А. L. Herold, 67 Rue Richelieu; Брюсселѣ С. Muquardt, F. Claassen; Вевѣ Richard Lesser, 15, Rue du Lac; Лозаннѣ Martigner et Chavannes; Лейпцигѣ F. A. Brockhaus; Берлинѣ Ferd. Schneider, 11, Victoria Strasse, Schneider et Co., 19, Unter den Linden, В. Behr, 27, Unter den Linden; Гамбургѣ Perthes Besser et Mauke, Hoffmann et Campe; Любекѣ Fr. Asschenfeldt; Штетинѣ Von der Nahmer; Флоренціи Eugène Vieusseux; Аѳинахъ К. Wilberg; Гаарѣ W. Hammerschmidt; Константинополѣ F. Schimpff et Comp., Köhler et Weiss.

— Въ Швейцарїи *Колоколъ* продается у: Martignier et Chavannes à Lausanne; R. Lesser à Vevey; Schabelitz, Hanke à Zürich; Dalp à Berne; Huber à Rorschach; Urfer à Interlaken.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Обращаемъ особенное вниманіе нашихъ читателей на то, что Вольная Русская Типографія въ Женевѣ принимаетъ съ новаго года сверхъ заказовъ для печатанія на русскомъ, и на польскомъ, сербскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ.

Типографія снабжена новыми шрифтами и можетъ ручаться не только за точное и красивое выполненіе, но и за сравнительную дешевизну заказовъ.

Подробный тарифъ цѣнамъ печати на разныхъ языкахъ, въ разномъ форматѣ и на разной бумагѣ — желающіе могутъ найдти въ Бюро Типографіи, 40, Pré l'Évêque.

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЬ 220.

15 Мая 1866.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, 40, Prê l'Evêque и въ главныхъ депо — у Г. Гюрга, 10, Corraterie, Genève; у Н. Грюбнера и Ко., 60, Paternoster Row Londres. цѣна за листъ 50 сантимовъ безъ пересылки. Прилагаемъ почтовой тарифъ:

Въ Германію	15с.
— Австрію	15с.
— Англію	15с.
— Бельгію	5с.
— Фрацію	5с.
— Италію	3с.
— Неаполь и Сицилію	20с.
— Грецію (черезъ Марсель)	5с.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10с.
— Швецію	25с.
— Швейцарію	5с.

Parait à Genève tous les quinze jours. Le dépôt principal est chez H. GEORG, à Genève, Corraterie, No. 10. A Londres, chez N. TRUBNER et Co., 60, Paternoster Row. Le prix de chaque No. est de 50 centimes, le port de la poste non compris. Tarif postal :

Allemagne	15с.
L'Autriche	15с.
Angleterre	15с.
Belgique	5с.
France	5с.
Italie	3с.
Naples et Sicile (voie de Marseille)	20с.
Grèce (voie de Marseille)	5с.
Turquie et Princ. Danubiennes (voie de Marseille)	10с.
Suède	25с.
Suisse	5с.

ОГЛАВЛЕНІЕ : Новости изъ Россіи—Частныя письма объ общемъ вопросѣ (Письмо третье). Слѣсъ : Овъ Огрызкъ—Военная юстиція—Стихи и проза Некрасова

—Второе предостереженіе и второй Годуновъ—Спасиво Муравьеву—Нестовтъ—“Не солги”—Ю. Н. Голицынъ на воздухъ—Еще о Некрасовѣ—Объявленія.

Новости изъ Россіи безконечно печальны.

Выстрѣлъ 4 Апрѣля растетъ не по днямъ, а по часамъ въ какую-то общую бѣду и грозитъ вырости въ еще страшнѣйшія и въ еще больше незаслуженныя Россіей бѣдствія.

Полицейское бѣшенство достигло чудовищныхъ размѣровъ. Какъ кость, брошенная разсвирѣпѣлымъ сворамъ, выстрѣлъ вновь раззадорилъ злобу грызшихся и сдулъ слабый пепель, которымъ начало было заносить тлѣвшій огонь; темныя силы еще выше подняли голову и испуганный кормчій, ведетъ на всѣхъ парусахъ чинить Россію въ такую черную гавань, что при одной мысли объ ней, цѣпенѣетъ кровь и кружится голова.

Выстрѣлъ безумень, но каково нравственное состояніе государства, когда его судьбы могутъ измѣняться отъ случайностей, которыхъ ни предвидѣть, ни отстранить невозможно, именно потому что онѣ безумны. Мы рѣшительно не вѣримъ ни въ серьезный, ни въ огромный заговоръ... Заговоръ создается, выдумывается теперь—такъ какъ Фуше выдумывалъ якобинское участіе въ “адской машинѣ” улицы Никезъ. Такого рода дѣйствія могутъ быть местию отходящаго, личнымъ отчаяніемъ, но не водвореніемъ новаго... Кому полезень былъ бы успѣхъ? Развѣ консерваторамъ-крѣпостникамъ.

Жизнь народная превосходно повяла выстрѣлъ. Она его превратила въ торжество. Какая овація, коронація, какой елей или sainte-chrême могли больше утвердить тронъ, больше укрѣпить личную силу государя, какъ этотъ выстрѣлъ, съ рукой спасающаго крестьянина, со всей обстановкой. Тутъ-то бы государю и стать во весь ростъ, во всей полнотѣ великодушнаго забвенія... а стрѣлявшаго предоставить обыкновенному суду, но суду гласному. Онъ и этого не сдѣлалъ и не можетъ сдѣлать—онъ окруженъ другимъ заговоромъ, онъ окруженъ русскимъ тайнымъ жондомъ. Темная интрига сдѣлала себѣ изъ выстрѣла знамя гибели, то знамя, которое на старинныхъ нѣмецкихъ картинкахъ мы видимъ въ рукахъ смерти вмѣстѣ съ косой... Да, жондъ будетъ косить на право и

на лѣво, косить прежде всего своихъ враговъ, косить освобождающееся слово, косить независимую мысль, косить головы гордо смотрящія впередъ, косить народъ которому теперь льстятъ, и все это подъ осѣненіемъ знамени возвыщающаго, что они спасаютъ царя, что они мстятъ за него. Горе Россіи, если царь окончательно повѣритъ, что тайный жондъ его спасаетъ. Мы пройдемъ страшнѣйшей бироновски-аракчеевской эпохой, мы пройдемъ застѣночнымъ ханжествомъ новыхъ Магницкихъ, мы пройдемъ всѣми ужасами свѣтскаго инквизиторства николаевского времени, да еще со всѣми усовершенствованіями вводимыми поддѣльной гласностью и полицейской, сквернословящей литературой.

При Николаѣ—мучили, цытали, бросали въ казематы и ссылали на каторгу—молча. Не было обиды. Теперь никакая казнь, никакая каторга, не можетъ предохранить отъ ругательства и клеветы казенныхъ лаятелей. Безстыдные, злые и подлые—они бьютъ лежащихъ, они оскорбляютъ трупы... для нихъ предѣловъ нѣтъ... это опять такъ наша “голь кабацкая”, во употребленная на полицейское дѣло... Отъ лицъ они перейдутъ къ идеямъ, къ институтамъ... и ничего не устоитъ прогивъ этухъ нигилистовъ-консерватизма... Развѣ мы не слышали уже крикъ противъ образованія бѣдныхъ, противъ слишкомъ легкой доступности къ наукѣ?... Развѣ мы не читали доносы восходящіе въ могилы, гдѣ похоронены трупы и въ могилы, гдѣ похоронены живые... развѣ не везутъ изъ каторжной работы, изъ рудниковъ какія то тѣни въ цѣпяхъ... Они хотятъ судить исторію, и привязать ее къ позорному столбу, какъ привязывали Чернышевскаго...

... И во всей то толпѣ шитой золотомъ, во всей Памятной книжкѣ, во всемъ Адрессъ-календарѣ не найдется ни одного человѣка, съ душой честной и правдивой, ни одного преданнаго... дѣлалъ же имъ государь добро... который бы сводилъ его, не на другой день послѣ варолюмеевской ночи, а накануне за тайныя кулисы... Это былъ бы второй Комисаровъ.

Ну что же есть между вами живъ человекъ? И—гь.

ВОТЪ ВАМЪ И ГЛАСНЫЙ СУДЬ!

Въ засѣданіи Ст.-Петербург. Думы 15/27 Апрѣля, было объявлено генераль-губернаторомъ, что постановленіе Думы объ испрошеніи высоч. повелѣнія *судить гласно* стрѣлявшаго въ государя, было повергнуто на разсмотрѣніе... Но что государю “благоугодно было отклонить ходатайство по этому предмету”.

ЧАСТНЫЯ ПИСЬМА ОБЪ ОБЩЕМЪ ВОПРОСѢ.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Въ письмахъ позволяется быть искреннѣе, личнѣе чѣмъ просто въ статьѣ, и я сознаюсь, что пишу къ вамъ о Бабёфѣ не безъ волненія — такъ люди и идеалы французской революціи, на которой *мы все* выросли и воспитались, еще памяты, близки, родственны. Я говорю *мы все*, потому что сколько въ себѣ встрѣчаю нестертыхъ слѣдовъ того времени, столько-же и въ вашихъ молодыхъ стремленіяхъ нахожу изъ него усвоенныхъ, отчасти переобразованныхъ, но все тѣхъ-же убѣжденій. Языкъ у насъ другой, прибыло нѣсколько научнаго опыта и пониманія, а основа мало измѣнилась, такъ что въ томъ, что теперь кажется новымъ, я узнаю старое и еще не совсѣмъ переработанное. Французская революція набросала столько идей, или лучше сказать — идеаловъ, что имъ еще и теперь не пришлось дойти до настоящей провѣрки и развитія. Сама Франція, можетъ, всего менѣе способна достигнуть этой задачи и вынесла изъ нея только огромное самолюбіе или самоудовлетвореніе за постановку идеаловъ, самоудовлетвореніе, которое отнимаетъ способность на ихъ реальное развитіе и осуществленіе.

Въ приложеніи, я хочу вамъ представить одно изъ писемъ Бабёфа, въ которомъ, мнѣ кажется, онъ всего ярче и полнѣе выразился; это его отвѣтъ какому-то гражданину М. V., затаенному консерватору, который требовалъ отъ Бабёфа плана его организациі общественнаго равенства; по этому въ отвѣтъ Бабёфа сосредоточились все его идеалы. Я его перевелъ почти цѣликомъ, кромѣ нѣсколькихъ пропусковъ декламациі, фразъ, безъ которыхъ ни одинъ французъ не можетъ обойтись, даже самъ Бабёфъ. Но въ томъ что я выписалъ изъ Бабёфа, вы найдете сущность имъ поставленныхъ идеаловъ, выраженную языкомъ того времени всегда наивнымъ, когда не переходитъ въ декламацию — и дѣтскую вѣру въ немедленное приложеніе идеаловъ, съ одной стороны нисколько не развитыхъ для возможнаго приложенія, а съ другою по сознанію самаго автора — нисколько неповятныхъ массамъ (какъ я уже говорилъ въ прошломъ письмѣ). Тутъ вы легко убѣдитесь, что Бабёфъ не имѣетъ себѣ дѣйствительнаго предшественника и приходитъ къ своей теоріи путемъ отрицанія существующаго. Въ мірѣ, ему знакомомъ, современномъ, онъ видитъ зло — и спѣшитъ замѣнить его всеми противуположностями. Онъ видитъ въ немъ зло тѣмъ больше, что и самая теорія “горы” пала передъ дѣйствіями слабой и не демократической директоріи; а Бабёфъ и съ теоріей “горы” не согласенъ, гдѣ онъ находитъ измѣну идеѣ равенства — въ принятіи принципа собственности за основаніе. Между тѣмъ онъ въ то-же время себя считаетъ преемникомъ той-же идеи равенства и, строя теорію отвлеченнаго социализма, убѣжденъ, что онъ построилъ только теорію равенства; для социализма-же у него нѣтъ ни названія, ни опредѣленія.

По этому я думаю, что я безошибочно сказалъ въ прошломъ письмѣ, что у Бабёфа, въ его теоріи, идетъ преемничество *литературное*, а не политическое, не вслѣдъ развитія историческихъ фактовъ и положительныхъ потребностей; оно идетъ изъ всего, существенно всосаннаго передовыми людьми того времени изъ философіи XVIII столѣтія; оно идетъ дальше — прямымъ переходомъ къ ея результатамъ, не зацѣпляясь о прежде или недавно пережитыхъ обстоятельствахъ; оно даже не имѣетъ, по мимо развитія отвлеченной мысли, никакой основы въ обычномъ правѣ народномъ, какъ у Англичанъ; все что исторія для него создала — кромѣ чуткой способности осязать современное зло — это указаніе на превосходства и ошибки древне-классическаго міра, во всякаго, силой національнаго развитія поставленнаго основанія для социальныхъ учрежденій. Древне-классическій міръ (сдѣлавшійся теперь въ Россіи такимъ педагогически-спорнымъ пунктомъ) могъ дать философіи XVIII столѣтія свои общеполитическія, отвлеченныя построенія, вовсе идеалистическія и просто умозрительныя, Платона и Аристотеля, — и тутъ еще не было ничего натянутого — и могъ дать совершенно натянутое пристрастіе къ сближенію французской жизни съ греческою или римскою, исканіе подражаній, которыя не привели ни къ какому сходству — хотя бы и относительно французскаго цезаризма, свиду всего больше подходящаго — и ни къ какой фактической реформѣ, которая не могла выйти изъ древне-классическихъ данныхъ, сколько бы ни затрогивалось похожихъ вопросовъ, а должна была выйти изъ своихъ событій и общественныхъ отношеній. Жизнь, централизованная въ Парижѣ, давала, во время переворота, полный ходъ отвлеченнымъ умозрѣніямъ и партіямъ которыя ими жили, но собственно народъ, и въ самомъ Парижѣ, волновали не умозрѣнія — а минуты страстныхъ ненавистей и безотчетныхъ увлеченій. — Умозрѣнія, основанныя на римскомъ правѣ собственности, *droit d'user et d'abuser*, и виѣшней юридической равноправности, какъ приведенное мною въ прошломъ письмѣ “провозглашеніе правъ челоуѣка и гражданина”, были, конечно, ближе даже къ парижскимъ массамъ, чѣмъ теорія Бабёфа. Они поощряли дѣйствительный идеалъ пролетарія — выходъ въ буржуа, и не мѣшали буржуа въ правѣ копенія и злоупотребленія собственностью; они могли еще имѣть за себя движенія въ противуположныхъ станахъ, пока въ одномъ станѣ массы не устали, а въ другомъ силы не поднялись. Теорія-же Бабёфа имѣла наибольшій успѣхъ въ своемъ кружкѣ, и не смотря на его вѣру въ легость, съ которою еѣ можно объяснить народу, народъ не понималъ ея значенія и вскорѣ послѣ казни Бабёфа и Дарте и ссылки ихъ товарищей (7 Мая 1797), съ восторгомъ становился на пути національной славы императорства, при которомъ капитализмъ окончательно выработалъ свое неограниченное владычество. Замѣьте, что такъ отнеслись къ теоріи Бабёфа парижскія массы, по которымъ все-же пробѣжало звучною волною ново-тайнственное слово общечеловѣческаго братства и невольное потрясеніе отъ мысли и казни Бабёфа: чего-же было ждать отъ провинцій, (кромѣ не многихъ мѣстностей) ничего не усвоившихъ, ни во что непосвященныхъ? * А между тѣмъ, вдумайтесь въ теорію

* Товарищи Бабёфа, ссылаемые въ крѣпость на островъ близъ Шербурга, закованные въ дѣли и запертые въ рѣшетчатые клѣтки, — дорогою были торжественно встрѣчены въ Мельро, Аргентавѣ и Сантило; а въ Фалезѣ, Канѣ, Валопѣ — подверглись большой опасности. (Бонапарти, заговоръ Бабёфа, Т. 2).

Бабёфа, хотя бы только изъ его письма къ М. V., — и, не смотря на все ея дѣтское простодушие, вы найдете въ ней зачатокъ всѣхъ социальныхъ идей, развившихся впоследствии: *общинная собственность, соединеніе труда, распределеніе его сообразно силамъ и склонностямъ, равное распределеніе предметовъ потреблеія, общее воспитаніе, перемѣна юридическихъ основаній, упрощеніе законодательства, раздѣленіе страны по однородности мѣстностей и удобствамъ почвы (федеративное или областное)*. Вы тутъ найдете въ зародышѣ Сен-Симона и Фурье, и сквозь всё это пробѣжало совершенно противорѣчащее французское начало централизаціи и чиновничьяго управленія. Последняго противорѣчія самъ Бабёфъ не замѣтилъ, также какъ его не замѣтили и послѣдующіе французскіе социалисты. Чувствовать необходимость федеративнаго основанія, безъ котораго естественный социализмъ не можетъ сложиться, и рядомъ съ этимъ ставить во главѣ единой націи — управленіе полновластнаго комитета, который не можетъ обойтись безъ цѣлой сѣти подчиненнаго чиновничества — это, конечно, промахъ. Но мы едва-ли и вправѣ требовать отъ человѣка, въ первый разъ ставящаго передъ обществомъ социальныя идеалы, чего нибудь кромѣ этихъ идеаловъ; мы едва-ли вправѣ требовать отъ него безошибочнаго приведенія ихъ въ исполненіе со всѣми свойственными только имъ политическими формами. Тѣмъ болѣе мы не вправѣ этого требовать, что — если общественныя идеалы могутъ быть поставлены путемъ отрицанія, какъ противоположность существующему общественному злу, — то новыя политическія формы могутъ явиться не иначе, какъ слагаясь, по направленію новыхъ идеаловъ, *изъ существующаго материала*; надѣтъ на сколько нибудь самостоятельное общество, цѣлое отвлеченное построеніе новыхъ политическихъ формъ — чистая невозможность.

Бабёфъ вѣрилъ въ свои идеалы и ихъ приложимость; въ письмѣ къ М. V. онъ даже рисуетъ картину послѣдствій, вытекающихъ изъ введенія его системы. Но мы находимъ въ его “отрывкѣ проекта экономическаго учрежденія”, что онъ самъ ищетъ посредствующаго пути для ея введенія. Для этого онъ полагаетъ въ республикѣ основаніе большой національной общины, которая, мнѣ кажется, должна была играть роль средоточія, откуда бы приложеніе теории разпространилось и въ извѣстные сроки вступало въ силу. Выпишу вамъ нѣсколько статей изъ этого отрывка.

Ст. 1. Въ Республикѣ будетъ учреждено большое національное общество (или община, *communaute*, по выраженію Бабёфа).

Ст. 2. Национальная община получаетъ въ собственность слѣдующія имущества:

Имущества, объявленныя национальными и непроданныя 9 Термидора, II года (9 Юля 1793),

Имущества враговъ революціи, переданныя несчастнымъ по декрету 8 и 13 Ventose (Февраля) II года,

Имущества, доставшіяся или имѣющія достаться республикѣ по судебнымъ приговорамъ;

Зданія, назначенныя для общественныхъ дѣлъ;

Имущества, которыми коммуны пользовались до закона 10 Юня 1793;

Имущества, состоящія подъ болыницами и заведениями общественнаго образованія;

Квартиры, занимаемыя бѣдными гражданами, въ исполненіе прокламаціи французамъ отъ*.....;

* Точки, очевидно, относятся къ числу, которое еще будетъ назначено и доказываютъ, что прокламація только имѣется въ виду, но еще не издана. Это встрѣчается во многихъ мѣстахъ проектовъ Бабёфа.

Имущества тѣхъ, которые предоставятъ ихъ Республикѣ;

Имущества тѣхъ, которые обогатились въ общественныхъ должностяхъ;

Имущества хозяевъ, не занимающихся ихъ обработываніемъ.

Ст. 3. Право наслѣдства по завѣщанію уничтожается: всѣ имущества, состоящія во владѣніи частныхъ лицъ, по смерти ихъ достанутся національной общинѣ.

Я особенно обращаю ваме вниманіе на эту выписку, которая показываетъ всю трудность задачи. Подобное рѣшеніе еще было бы возможно для сразу поставленнаго неограниченнаго правительства, и то подъ условіемъ сразу повсемѣстно привести его въ исполненіе; но какимъ образомъ привести его въ исполненіе посредствомъ общества, постепенно растущаго и постепенно прилагающаго свои постановленія, и слѣдственно имѣющаго противъ себя враговъ, которыхъ матеріальная сила не уничтожена и у которыхъ полное время на всякаго рода противодѣйствія? Это вопросъ, гдѣ мы невольно приходимъ и къ тому выводу, что заговоръ Бабёфа не могъ удался, и къ тому выводу, что французская жизнь, по своему национальному или государственному единству, подчиненному одному центру (Парижу), можетъ производить свои перевороты только посредствомъ *coup d'état*, гдѣ успѣхъ — болѣе или менѣе продолжительный — принадлежитъ парти силы, сосредоточенной въ столицѣ, а собственно опоры въ дѣйствительности, въ народномъ обычаѣ или народномъ пониманіи, для развитія социальныхъ понятій — не находится. Бабёфъ чувствуетъ, что эта опора необходима; но не смотря на всю свою неподдѣльную преданность народу и благу общему, онъ ищетъ ее создать въ будущей централизаціи, въ проектируемомъ имъ будущемъ правительствѣ.

Такъ, въ слѣдующемъ, за проектомъ экономическаго декрета, проектъ постановленія объ общемъ трудѣ, мы находимъ регламентацію, которой исполненіе и поддержаніе совершенно подчинено будущему правительству. На примѣръ:

Ст. 6. Законъ (а откуда онъ возмется?) опредѣляетъ, для каждаго времени года, сколько часовъ въ день должны работать члены національной общины.

Ст. 2. Высшая власть (*l'administration suprême*) будетъ прикладывать къ трудамъ національной общины употребленіе машинъ и способовъ для уменьшенія человѣческаго труда.

Ст. 10. Переселеніе работниковъ изъ одной общины въ другую предписывается высшею властью, смотря по силамъ и потребностямъ общины.

Ст. 11. Высшая власть принуждаетъ къ насильнымъ работамъ (*travaux forcés*, каторга), подъ надзоромъ ея означенной общины, мужчинъ и женщинъ, виновныхъ въ негражданствѣ (*incivisme*), праздности, роскоши и безпорядкахъ, подающихъ дурной примѣръ обществу. Ихъ имущества приобрѣтаются (*sont acquis*), въ національную общину.

Откуда беретъ Бабёфъ свою *высшую власть* — невозможно прослѣдить. Власти посредствующія между высшей властью и общинами, подчиненныя, *городскія* (*administrations municipales*) — учреждаются по выборамъ и имѣютъ при себѣ совѣтъ изъ стариковъ, который ихъ поучаетъ; эти старики назначаются отъ каждаго класса работниковъ (ст. 7). Работники же раздѣляются на классы, смотря по роду занятій (ст. 4.); это опять напоминаетъ цѣхи. Городская власть извѣщаетъ о состояніи работниковъ высшую власть (ст. 9). По аналогіи слѣдовало бы заключить, что и высшая власть выборная; но положительно этого нигдѣ не сказано.

Далѣе при распределеніи и употребленіи имуществъ національной общины, мы находимъ слѣдующія замѣчательныя статьи:

Ст. 1. Ни одинъ членъ общины не можетъ пользоваться ничѣмъ, кромѣ того, что ему законъ опредѣляетъ черезъ дѣйствительное посредство члена городского магистрата (la tradition réelle du magistrat — слѣдственно начальника, чиновника).

Ст. 2. Національная община отнынѣ опредѣляетъ каждому изъ своихъ членовъ: здоровую квартиру, спокойную и чистую; одежду для работы и для отдыха, полотняную или шерстяную, смотря по національному обычаю; мытье бѣлья, освѣщеніе и отопленіе; достаточное количество пищи изъ хлѣба, мяса, куръ, рыбы, яицъ, масла коровьяго или оливковаго (huile); вина и другихъ напитковъ, употребляемыхъ смотря по мѣстностямъ; овощей, плодовъ, приправъ и другихъ предметовъ, которыхъ совокупность составляетъ посредственное и скромное довольство Помощь медицины.

Ст. 3. Въ каждой общинѣ, въ извѣстные сроки, будутъ общіе обѣды, на которыхъ члены общества будутъ объявлены присутствовать.

Ст. 4. Содержаніе гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ не различается отъ содержанія членовъ общества.

Ст. 5. Каждый членъ національной общины, получившій вознагражденіе (un salaire) или сохранившій себѣ монету — долженъ быть наказанъ.

Ст. 6. Члены національной общины могутъ получать свои порціи только въ округѣ, гдѣ имѣютъ свое мѣсто жительства, кромѣ случаевъ переселеній, дозволенныхъ правительствомъ.

Ст. 8. Въ каждой общинѣ находятся чиновники (magistrats), имѣющие обязанность раздавать по квартирамъ членамъ національной общины произведенія земледѣлія и искусства.

Ст. 9. Законъ опредѣляетъ правила вѣсн и равдачи.

Наконецъ, въ проэктѣ объ администраціи національной общины, мы находимъ:

Ст. 1. Національная община находится подъ законнымъ управленіемъ высшей власти (administration suprême de l'état).

Ст. 2. Относительно управленія, республика раздѣлена на области.

Ст. 3. Область (région) включаетъ всѣ прилежащія округа (départements contigus) которыхъ произведенія почти одинаковы.

Ст. 4. Каждая область имѣетъ посредствующее управленіе (administration intermédiaire) которому подчинены всѣ окружныя управленія (administrations départementales).

Въ проэктѣ о монетахъ мы находимъ слѣдующее:

Ст. 1. Республика болѣе не чеканитъ монеты.

Ст. 2. На оставшіяся въ рукахъ національной общины монеты, республика покупаетъ у иностранныхъ народовъ потребные предметы.

Ст. 3. Каждый человекъ, не принадлежащій къ общинѣ, уличенный въ передачу монеты члену общины, будетъ строго наказанъ.

Ст. 4. Въ республику болѣе не будетъ ввезено ни золота, ни серебра...

Чтобы покончить съ выписками, которыхъ набирается, можетъ, слишкомъ много, выпишу вамъ еще проэктъ революціи Бабёфа, и тогда кажется, уже окончательно могу сдѣлать свои замѣчанія. Вотъ этотъ

ПРОЭКТЪ

Равенство

Свобода

Общевъ благо (bonheur commun)

Революціонное правятельство общаго спасенія (directoire insurrecteur du salut public).

..... Основываясь на томъ, что торжественная революція сего дня должна на всегда уничтожить нищету, источникъ всѣхъ притѣсненій —

предписываетъ слѣдующее:

Ст. 1. По окончаніи возстанія, граждане бѣдные, вышъ дурно помѣщенные, не возвратятся болѣе въ свои жилища; они немедленно будутъ помѣщены въ домахъ конспираторовъ (Бабёфъ конечно, разумѣетъ конспираторовъ противъ зла народнаго).

Ст. 2. У богатыхъ, вышѣ означенныхъ возмется мебель для удовлетворительной мебелировки сав-кюлотовъ.

Ст. 3. Революціонные комитеты Парижа имѣютъ принять всѣ надлежащія мѣры для скорого и точнаго исполненія сего указа.

Вы видите, что идеалы, поставленные въ письмѣ къ М. V. всѣ вѣрны, всѣ сохранились и въ послѣдующихъ социальныхъ

теоріяхъ, и въ послѣдующихъ стремленіяхъ рабочихъ ассоціаций, хотя и не осуществленныхъ; но вы видите также, что въ дѣйствительномъ приложеніи и въ развитіи подробностей своей теоріи, Бабёфъ не находитъ реального общественнаго строя, не находитъ подъ собой почвы и создаетъ, рядомъ съ социализмомъ, правительственную централизацию, которой осуществленіе должно совершиться посредствомъ *сюр д'ѣтат*, т. е. въ приложеніи Бабёфъ хватается за невозможности.

Тѣмъ не менѣе взгляните прежде всего въ его хорошія стороны и вы увидите, что въ его идеалахъ высказанъ окончательный смыслъ французской революціи, т. е. выходъ изъ міра римско-феодальнаго и римско-буржуазнаго въ міръ социализма. Не даромъ Бунаротти, хотя и самъ не видитъ въ задачѣ ничего дальне революціонной организаціи равенства и осуществленія конституціи 1793 года, съ восторгомъ встрѣчаетъ возможность сравненія общины Бабёфа и общины Роберта Оуэна*. Задача поставлена. Бабёфъ — какъ я сказалъ — выводитъ еѣ изъ всѣхъ противоположностей и ищетъ ея логическаго развитія. Вы найдете у него замѣчательное чутье, которое заставляетъ его касаться всѣхъ существенныхъ вопросовъ, всѣхъ существенныхъ предметовъ экономическаго общественнаго быта. Разрѣшивъ ихъ правильно онъ еще не въ состояніи, да они и теперь, семьдесятъ лѣтъ спустя, еще нигдѣ не разрѣшены правильно; но заслуга Бабёфа въ томъ, что онъ не проходитъ ихъ мимо. Такимъ образомъ, въ его курьозной, внезапной отбѣнѣ монеты, и въ его проэктахъ торговли и транспортовъ (увы! также совершенно подчиненныхъ исключительному распоряженію *высшей власти*) вы увидите чувство необходимости устраненія торговаго захвата, ажіотажа, и введенія уравниванія обмѣновъ (мѣны). Простимъ-же Бабёфу, что онъ еще не находитъ никакого средства разрѣшенія задачи, какъ уничтоженіе монеты — какъ будто сила вопроса въ такомъ или иномъ матеріалѣ, изъ котораго приготавливаются деньги, а не въ томъ, чтобы онъ, въ какомъ-бы видѣ ни было, находились въ извѣстномъ отношеніи къ производительности и движенію обмѣновъ. Простимъ Бабёфу неправильное разрѣшеніе задачи за ея постановку, которой развитіе продолжается и теперь. Въ ней вы невольно усмотрите зародышъ теоріи взаимности (*mutualité*) поставленной Прудономъ, (о чемъ мы будемъ говорить впоследствии) теоріи, можетъ также еще не разрѣшающей вопроса, но ближе подходящей къ ибли. Вы также найдете у Бабёфа, сквозь его построения централизации, сознание необходимости областнаго, федеральнаго распределенія края — для осуществленія социальныхъ основаній. Вы также найдете (въ самомъ письмѣ къ М. V.) его сознание дурнаго вліянія въ преобладаніи городовъ и необходимость новой организаціи сѣль. Но сила современнаго общественнаго строя, самый потокъ революціи и недостатокъ опыта стягиваютъ его въ обычную колею и всё его построеніе фантазируемой централизациі сводится на преобладаніе городовъ и растетъ не изъ потребностей цѣлой народной массы, а изъ стремленій городского пролетаріата, собственно парижскаго, и даже ограниченнаго числомъ небольшого меньшинства образованнаго пролетаріата. Такимъ образомъ теорія Бабёфа не имѣетъ опоры, вовсе не понятна народной массѣ

* Ph. Buonarotti, conspiration pour l'égalité dite de Babeuf. Bruxelles, 1828. Подстр. прим. къ стр. 296, т. 1.

и имѣть противъ себя рѣшительную, сплошную, сильную и дѣятельную враждебную ассоціацію всѣхъ собственниковъ, повсемѣстно, а въ Парижѣ имѣющихъ за себя перваго консула и безошадное войско.

При этомъ не могу не замѣтить: я глубоко уважаю подражаніе, которое было для насъ воспитаніемъ — усвоеніемъ сдѣланнаго на Западѣ, усвоеніемъ имъ нашего былаго (такъ социализмъ объяснилъ общину и право на землю); но не смотря на все это, мнѣ становится больно и страшно за нашу подражательность европейскому обычаю, особенно французскому, подражательность, хранящуюся равно въ правительственной сферѣ, въ олигархическомъ конституціонализмѣ и въ людяхъ, ближе подходящихъ къ социальному направленію. Я боюсь встрѣтить въ нашихъ социалистахъ — выставленіе впередъ исключительно городского образованнаго пролетаріата и приведеніе его въ центръ всѣхъ социальныхъ стремленій, въ особаго рода сословіе, при чемъ можно только достигнуть до ассоціаціи, не имѣющей вещественной опоры и до невозможной борьбы со всѣми направленіями другихъ сильно поставленныхъ городскихъ сословій. И это въ то время, когда въ Россіи существуетъ историческое основаніе сельскаго строя, стоящаго на общинномъ владѣніи почвы — строя, къ которому долженъ примыкать образованный городской пролетаріатъ, образованное меньшинство. Оно должно примыкать къ этому строю, если ему дорогъ не только свой кусокъ хлѣба (который городская борьба едва-ли иначе доставитъ какъ выходомъ въ буржуазію), а дорого собственно русское социальное дѣло; оно должно примыкать къ нему всѣми способами, какіе имѣетъ для проповѣданія болѣе совершенной общинной организаціи села, и введенія ея въ повсемѣстную жизнь большинства дѣйствительнаго, народнаго. И не думаю чтобъ къ подобному результату привело подражаніе худымъ сторонамъ теоріи Бабёфа, его невольной нераздѣльности отъ городского преобладанія, которое во Франціи развилось цѣлой исторической жизнью, а въ Россіи зиждется на чиновничествѣ, чуждомъ народному строю, и падетъ съ его преобразованиемъ. Но объ этомъ я еще поговорю въ другой разъ...

Теперь-же пора мнѣ заключить это письмо и еще разъ повторить вамъ, что, хотя Бабёфъ, въ приложеніи своей теоріи, и пришелъ, ради перваго шага, къ перетасовкѣ жилищъ богатыхъ и бѣдныхъ, а не къ дѣйствительному осуществленію существеннаго содержанія самой теоріи, тѣмъ не меньше мы не должны забыть его заслугу въ постановкѣ социальной задачи и съ уваженіемъ помянуть его благородную дѣятельность и гибель.

Да и то сказать — социализмъ того времени имѣлъ дѣлски-религиозный взглядъ на свои идеалы, и совершенно метафизическое, фантастическое развитіе ихъ въ теорію; тогда трудно было стать на болѣе положительную почву. Будемъ надѣяться, что теперь уже наступила пора выхода изъ всякаго рода доктринерства — гизотовскаго или революціоннаго — въ дѣйствительное развитіе положительныхъ, фактическихъ основаній.

Н. ОГАРЕВЪ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Отвѣтъ на письмо М. В. изданное и адресованное Графу Бабёфу, трибуну народному, 30 Января 1796 г. (Pluviose, an IV).

Въ истинномъ обществѣ не должно быть ни бѣдныхъ, ни богатыхъ. Богатые, не хотяще отка-

заться отъ излишка въ пользу неимущихъ, — враги народа. — Целью революціи уничтожить неравенство и возстановить все общее благо. (Ст. 7, 8 и 10 разбора ученія (doctrine) трибуна, объявленнаго и разпространеннаго (affichée) сего 20 Мар (Germinal).

Прежде всякихъ доказательствъ возможности, справедливости изящества системы дѣйствительнаго равенства, падо, въ отвѣтъ гражданину М. В., возстаповить вопросъ, котораго онъ кажется не понимаетъ, когда говоря о раздѣлѣ земель, прибавляетъ: "дѣло не только въ раздѣлѣ, но въ томъ, чтобъ раздѣлъ былъ проченъ (durable)".

Совсѣмъ не то. Система равенства исключаетъ всякій раздѣлъ; именно раздѣлу, наши общества — результаты нужъ, страстей и невѣжества нашихъ отцовъ — обязанности всѣми тиранствами и бѣдствіями, которыхъ мы сдѣлались жертвами*.

Раздѣлъ земель, который по мнѣнію некоторыхъ, высшая степень общественнаго блага, ухудшилъ бы зло, испугавъ эгоизмъ собственниковъ, на которомъ основано то что теперь называется общественнымъ благомъ, и произвелъ бы — скорое возвращеніе безпорядковъ, отъ которыхъ предостерегается въ немъ спасеніе.

Теперь посмотримъ, что разумѣется подъ дѣйствительнымъ равенствомъ: общій трудъ; общія наслажденія.

Трудъ, — необходимости, безъ которой рѣшилось бы общество, никто, по справедливости, не можетъ уклониться отъ него. первый, кто уклонился отъ труда уменьшилъ общественное богатство, или навѣчилъ свою работу на себя.

Два сильные доводы подтверждаютъ эту систему: 1) трудъ община увеличилъ бы богатство общества, которое, въ настоящемъ положеніи, можетъ разчитывать на полезный трудъ только небольшого числа своихъ членовъ; 2) трудъ, распределенный на всѣхъ членовъ, которые въ состояніи работать, избавилъ бы отъ несноснаго бремени тѣхъ, которыхъ мы теперь исключительно осуждаемъ на работу, а на другихъ перенесъ бы только небольшую долю труда, что со временемъ для всѣхъ стало бы источникомъ наслажденія. И не понимаю какимъ образомъ можно добросовѣстно принимать наше современное положеніе за наилучшее тогда, когда большинство народа живетъ хуже чѣмъ въ самомъ простомъ естественномъ состояніи (l'état de simple nature)...

Тутъ каждый работаетъ для большаго общественнаго семейства и каждый получаетъ отъ него существованіе, удовольствія и счастье; вотъ что въ природѣ: вотъ положеніе, гдѣ равенство не мечта и свобода каждого прочно поставлена.

Ты говоришь, гражданинъ М. В., о пожелтованіи всѣхъ вкусовъ, всѣхъ наклонностей, о равенствѣ, которое было бы между пищенъ художника и пищенъ сапожника, и о паденіи изящныхъ искусствъ, какъ о послѣдствіи системы дѣйствительнаго равенства и этимъ думаешь доказать ея нецѣльность. Твое возраженіе показываетъ, что ты не избѣгъ нашихъ старыхъ предразсудковъ. Полагать, что возвратиться къ равенству значитъ сдѣлаться дикимъ и рубымъ — доказываетъ непониманіе сущности равенства. Указывать на отвратительность пожертвованій, когда мы хотимъ положить предѣлъ безчеловѣчнымъ и постояннымъ нуждамъ бѣдноты людей; когда мы хотимъ, чтобы трудъ каждого приносилъ ему спокойное и пріятное существованіе: это значитъ или просто невниманіе, или соучастіе съ тѣми, которые, ради праздности и несправедливости къ труду, стали врагами равенства.

Въ самомъ дѣлѣ, какой бы это былъ ужасъ, господинъ М. В., если бы вамъ хлѣбъ, ваше мясо, ваше вино и одежда — выходили изъ одной лавки и имѣли одинъ вкусъ съ приласами сапожника? Но вѣдь бѣда такая — природа создала это грязное животное съ асудкомъ и чувствами такими-же какъ и у васъ самихъ! Вы плачете въ доволствѣ — неужто вамъ еще нужна картина чужихъ страданій для помяненія вашего блаженства?

Предполагаемое паденіе даже въ изящныхъ искусствѣхъ — тоже одно изъ рѣзкихъ возраженій многочислыхъ господъ, которые хотятъ убѣдить всѣхъ, что весь міръ рухнетъ, если у нихъ отнимутъ или похитятъ отъ нихъ отличія, привилегіи и знатность. Конечно, если бы паденіе искусствъ и могло случиться, то масса народа, которому ихъ выгоды совершенно чужды, не замѣтила бы никакой неприятой перемены. Но этого паденія случиться не можетъ;

* Замѣчательно, какъ въ подстрочномъ примѣчаніи къ этой страницѣ — Бабёфъ раздѣляетъ droit de nature и état de nature: "Естественное право существенно различается отъ естественнаго состоянія. Первое — результатъ опыта и размышленія, второе — первыхъ впечатлѣній и невѣжества".

искусства, при нашей системѣ равенства, очевидно, получили-бы значеше общей пользы, соотвѣтственно высокимъ чувствамъ, порожденнымъ ассоціаціей счастливыхъ людей. Граждане имѣли-бы хорошую пищу, хорошую одежду, все удовольствія, безъ роскоши: только сама республика была-бы богата, блестяща, могущественна...

Можетъ быть кой какія искусства, ремесла, которыхъ произведенія только развлекаютъ скуку небольшого числа чужезднцхъ и высасываютъ изъ нихъ кучи денегъ, — можетъ быть такія искусства и ремесла — уступятъ мѣсто другимъ, увеличивающимъ довольство большинства. Но какой-же человекъ пожалѣетъ о такой счастливой переимѣ? Науки и изящныя искусства освободятся отъ ихъ теперичнаго побужденія — постоянной удручительной пажды, гениальный человекъ найдетъ побудительную причину своихъ стремленій — въ любви къ славѣ, сброситъ съ себя иго лести и эгоизма меценатовъ и поставитъ себѣ единственною цѣлью общее благо.

Вслѣдъ за легкомысленными поэмами, вслѣдъ за мелкой архитектурой, мы увидимъ возникновеніе црковъ, храмовъ и великихъ портиковъ, гдѣ царь-народъ (*peuple souverain*), у котораго теперь жилища хуже чѣмъ у животныхъ, могъ бы пойти въ самихъ зданіяхъ и въ произведеніяхъ философіи — науку, примѣры мудрости и любовь къ ней.

Въ этомъ чудесномъ планѣ, едва мною набросанномъ, пашлось-бы рѣшеніе задачи: основать общество (государство) гдѣ каждый человекъ могъ-бы, при наименьшихъ усилахъ, наслаждаться самой довольственной жизнью.....

Французской революціи было предназначено осуществить понятіи философіи, которыя еще недавно принимались за мечтанія. Мы начали — докончимъ-же. Если-бы мы остановились на той точкѣ, гдѣ мы теперь, — человечеству не очень пришлось-бы насъ благодарить.

А чтобы перейти изъ нашего сквернаго положенія къ тому, о которомъ я говорю, — слѣдуетъ:

- 1) Соединить все вышѣ существующія богатства подъ власть республики.
- 2) Заставить работать всѣхъ способныхъ къ труду (*valides*) гражданъ, каждаго смотря по способности и его настоящимъ привычкамъ.
- 3) Сдѣлать работы наиболее полезными, соединяя между собою тѣ, которыя служатъ другъ другу пособіемъ и давая новое направленіе тѣмъ, которыя основаны только на современномъ застоѣ скученныхъ богатствъ.
- 4) Постоянно соединять въ общественныя кладовыя произведенія земли и промышленности.
- 5) Ровно разпредѣлять произведенія и удовольствія.
- 6) Пресѣчь источникъ всякой частной собственности и торговли и замѣнить ихъ благоразумнымъ распределеніемъ, возложеннымъ на общественную власть.
- 7) Учредить общественныя воспитательныя дома, гдѣ каждый приучился бы къ труду, наиболее сообразному его силамъ и наклонностямъ.

Легко понять, что очень кратковременная ежедневная работа — обезпечила бы каждому жизнь болѣе удобную и освобожденную отъ всѣхъ безпокойствъ, которыя насъ обычно преслѣдуютъ; и что тотъ, кто теперь работаетъ до истощенія силъ чтобы получить очень не много, конечно согласится работать не много чтобы много получить.

Также уже достаточно доказано, что успѣхъ наукъ гораздо больше зависятъ отъ любви къ славѣ чѣмъ отъ жадности къ богатству; и что въ такомъ случаѣ, наше дѣйствительно философское общество, имѣя все средства рѣшительно и безошибочно оказывать уваженіе своимъ благодѣтелямъ, могло бы вызвать ихъ большее число, чѣмъ вызывается обществомъ испорченными, гдѣ гени и добродѣтель, находясь въ презрѣніи и нищетѣ, всегда встрѣчаютъ глупость и преступленіе одаренныя всѣми благами жизни.

Люди, на которыхъ было бы возложено сохраненіе нашей системы, механизмъ которой весьма простъ, были бы также признаваемы за работниковъ, необходимыхъ для общаго блага; и не имѣя возможности получить больше наслажденій чѣмъ другіе граждане (слишкомъ заинтересованные наблюдать за нами) они, безъ сомнѣнія, не имѣли бы и никакого повода сохранять свою власть въ противность волѣ народной.

Если все ватруженія, которыя предразсудки ставятъ труду и общему пользованію въ небольшомъ народонаселеніи, могутъ быть легко преодолены, то нѣтъ никакой причины, чтобы они не могли быть преодолены и въ такомъ большомъ народонаселеніи какъ во Франціи.

Я вижу въ порядкѣ будущаго:

- 1) Искусства, вслѣдствіе разумности учрежденій, водворенныя, смотря по

мѣстностямъ, тамъ гдѣ какое всего полезнѣе; доступныя земледѣльцамъ и потому приводяція наконецъ къ уничтоженію большихъ городовъ, этихъ средоточій всѣхъ пороковъ, и къ заселенію Франціи сѣлами, наполненными счастливыми жителями, которыхъ размноженію не было бы препятствій

2) Людей просвѣщенныхъ, приученныхъ къ труду чрезъ общественное воспитаніе, любящихъ свое отечество больше чѣмъ они въ настоящее время любятъ свои семейства; людей, обсуждающихъ съ знаніемъ дѣла общественныя потребности, и въ первый разъ являющихъ міру примѣры демократіи и добродѣтели, отстанаваемыхъ съ львнымъ мужествомъ цѣлымъ народонаселеніемъ.

3) Французовъ — безъ мопеты, безъ лишеній, безъ тоски и жадности копилъ, весело платящихъ отечеству общій долгъ — трудъ; вкушающихъ все естественныя удовольствія и проводящихъ остальное время въ общественныхъ празднествахъ, въ обсужденіи законовъ и въ поученіи юношества.

4) Общество, освобожденное отъ процессовъ, ненавистей, завистей, и всѣхъ несчастныхъ послѣдствій собственности.

5) Законодательство, сведенное на самыя простыя основанія и могущее служить обществу способомъ увеличенія познаній и удовольствій.

6) Отечество, въ минуту опасности, находящее въ привлеченіи полчасовой работы на день, — больше солдатъ и способовъ, чѣмъ въ настоящее время могутъ доставить все финансисты Европы вмѣстѣ.

Вотъ гдѣ свобода, миръ и блаженство.....

Если бы сильныя міра сего не имѣли выгоды препятствовать развитію обществениости человеческой, я бы не сомнѣвался въ успѣхѣ этого предпріятія. Потому что стоитъ только ясно и искренно говорить съ народомъ, чтобы онъ немедленно сталъ за равенство.....

Paris, 28 Germinal, l'an 4 de la république.

С М Ъ С Ъ.

— *Объ Огрызку.* Говорятъ, что Муравьевъ велѣлъ привести изъ каторжной работы Огрызку, по навѣтамъ-ли *Московскихъ Вѣдомостей*, по собственному-ли чувству ненависти? Его и Домбровскаго Муравьевъ непремѣнно хотѣлъ убить... Хорошо жить теперь въ Россіи — съ одной стороны Катковъ указываетъ, — съ другой Муравьевъ приказываетъ. Неужели кто нибудь кромѣ ихъ спокойно спитъ?

— *Военная юстиція.* — Намъ столько разъ приходилось говорить о безобразіи военныхъ судовъ въ мирное время, и о кровавыхъ приговорахъ, что передаемъ безъ всякихъ комментарій приговоръ, произнесенный въ Тобольскѣ 25 Февраля, по дѣлу объ убійствѣ трехъ женщинъ въ Тюмени: *Сметанинъ, Бердюжинъ, Устюжанинъ и Лукинъ*, приговорены къ разстрѣлянню, а *Слъпушкинъ* къ каторжной работѣ на 12 лѣтъ. Приговоръ посланъ на утвержденіе командующаго войсками въ Западной Сибири.

Не можемъ удержаться, чтобы рядомъ съ дикой сентенціей, незаконной по *русскимъ* законамъ и по русскому понятію права, не выписать изъ рѣчи защитника г. Реутскаго (кандидата Киевскаго университета) биографію одного изъ приговоренныхъ на военно юридическое убійство:

“Лукинъ родился въ Московской губ., въ троико-сергіевскомъ посадѣ. Родители его были мелкіе торговцы, бѣдные, но честные люди. Они могли научить сына только грамотѣ и своему занятію — болѣе ничему. Едва мальчикъ подросъ на столько, что могъ зарабатывать себѣ насущный хлѣбъ, родители отправили его въ Москву. Въ этомъ многолюднѣйшемъ городѣ имперіи, заключающемъ полумилліонное населеніе(?) они оставили его одного, безъ друзей, безъ знакомыхъ, безъ наставниковъ. 13-тилѣтній мальчикъ долженъ былъ одинъ, безъ малѣйшей поддержки и совѣта, пробивать себѣ дорогу въ жизни. Рѣдкій на его мѣстѣ вышелъ бы съ честью изъ такого положенія. Но Лукинъ не потерялся. Онъ преодо-

лѣтъ всѣ соблазны, всѣ затрудненія и счумѣлъ честнымъ трудомъ списать насущный кусокъ хлѣба не только себѣ, но и оказывалъ еще посильную помощь своимъ родителямъ.

“Но этотъ честный путь мальчика скоро былъ остановленъ однимъ изъ тѣхъ несчастныхъ случаевъ, которые совершенно извращаютъ всѣ понятія человека, которые совращаютъ его съ прямой дороги и кладутъ свое вѣло на всю остальную жизнь человека.

“Лукинъ былъ разнощикомъ фруктовъ. Въ одно воскресенье, поутру, онъ шелъ съ такимъ же, какъ самъ, труженикомъ-разнощикомъ по одной изъ улицъ Москвы. Въ это самое время, въ сосѣдней улицѣ, неизвѣстные воры обокрали лавку и прикащики успѣли только замѣтить, какъ изъ лавки выбѣжали два вора и скрылись въ лабиринтѣ улицъ и переулковъ той части города. Прикащики побѣжали ловить ихъ; въ сосѣдней улицѣ имъ попадаются на встрѣчу два разнощика, ростомъ и видомъ похожіе на убѣжавшихъ воровъ. Прикащики схватываютъ ихъ и, какъ воровъ, приводятъ въ полицію. Эти разнощики были подсудимый 15-лѣтній Лукинъ и его товарищъ. Обоихъ ихъ заключаютъ въ острогъ, по подозрѣнію въ этой кражѣ. Въ это время въ острогѣ сидѣло около 1,000 человекъ разнаго рода подсудимыхъ и арестантовъ.

“И вотъ 15-лѣтній мальчикъ, незнавшій ни жизни, ни людей, попадаетъ въ тотъ особенный міръ, гдѣ самое черное злодѣяніе считается доблестью, гдѣ нарушение закона признается долгомъ, гдѣ порокъ и преступленія возведены въ искусство. Два года просидѣлъ 15-лѣтній Лукинъ въ этой заразной атмосферѣ, рядомъ съ ворами, убійцами, разбойниками и т. п. Черезъ два года только судъ оправдываетъ его и освобождаетъ. Судъ могъ возвратить ему свободу, но не могъ возвратить ему свѣтлаго взгляда на жизнь, довѣрія къ людямъ и закону. Все это безвозвратно было потеряно Лукинымъ въ томъ мрачномъ убѣжищѣ, въ которомъ онъ прожилъ два года. Два года жизни въ острогѣ не могли пройти безслѣдно по впечатлительной душѣ юноши.”—(*Голосъ* No. 88).

— *Стихи и проза Некрасова.* — Вслѣдъ за стихами Комисарову, Некрасовъ явился со стихами Муравьеву. Вслѣдъ за стихами Муравьеву, онъ явился съ прозой, въ томъ же игорномъ клубѣ, который превращенъ въ Ескуриаль темнаго жовда. “Муравьевъ, пишутъ *Моск. Вѣд.* No. 84., говорилъ довольно много послѣ обѣда; онъ указывалъ на вредныя ученія, распространяемыя въ обществѣ, на пигализмъ прививаемый къ молодому поколѣнію. Г. Некрасовъ, издатель *Современника*, присутствовавшій при этой бесѣдѣ, повторялъ, обращаясь къ графу: “*Да, ваше сіятельство, нужно вырвать это зло съ корнемъ*”. Нельзя не порадоваться такому согласію между взглядами литературныхъ дѣятелей и потребностями общества”.

Браво, Некрасовъ... браво!... Что вы написали стихи въ честь крестьянина, который спасъ государя, васъ не удивило. Мы не любимъ ни официальныхъ восторговъ, ни горестей совпадающихъ съ распоряженіями полиціи, однако понимаемъ, что подвигъ Комисарова могъ разшевелить демократическую музу вашу... Но что вы пишете стихи въ честь Муравьева, въ которыхъ вы говорите: “вся Россія бьетъ ему челомъ”, чтобъ “онъ виновныхъ не щадилъ!”... Но что вы, забывая всякой стыдъ и всякое приличіе, осмѣливаетесь приговаривать палачу, оттачивающему свой топоръ, “да в. с. нужно вырвать это зло съ корнемъ”.

Признаемся... этого и мы отъ васъ не ждали, а вѣдь вамъ извѣстно какъ *интимно* мы знаемъ вашу біографію и какъ *много* мы могли отъ васъ ждать.

Браво, Некрасовъ, браво!

— *Второе предостереженіе и второй Годуновъ.* Главное управленіе по дѣламъ печати получило второе предостереженіе отъ Каткова. Оно повѣся голову ждать третьяго, а за тѣмъ и упраздненія. Перепутанный Валувъ, у котораго открылось такое краснорѣчіе, что “залы благороднаго собранія” его называютъ *le prince de la rage**, посидѣвши умиловитъ правительствующаго издателя смиреніемъ, увичиженіемъ—и похвальной кротостію. Но арендатору этого мало и, если каючая администрація не отрѣчется, бѣя себя въ грудь и ланиты отъ своего предостереженія, онъ грозитъ сложить съ себя регентство. Мы предвидимъ свѣтло идущее на затмѣніе Комисарова. Побѣдутъ дворяне избранные сами собою, побѣдутъ со всѣхъ концовъ Россіи на долгихъ и почтовыхъ, бить челомъ отцу редактору и самодержцу... кварталные и жандармы, агенты тайной полиціи, поны, обскуранты пошлютъ телеграммы... Россія изойдетъ, истощится адрессами, такъ какъ она истощалась нѣсколько лѣтъ тому назадъ юбилеями. Катковъ будетъ отказываться какъ Борисъ Годуновъ, какъ Іоаннъ въ Александровской слободѣ, дворянство заплотитъ за него штрафъ и поднесетъ вторую чернильницу..... Государя забудутъ, Каракозова (изъ татаръ) казнятъ..... вѣтъ, ибѣтъ, Муравьевъ протянетъ дѣло до смягченія сердца — редактора-регента.

И оно смягчится, но на какихъ условіяхъ, ему нельзя дешево взять за второе спасеніе единства Россіи: Константина Николаевича въ отставку — всѣхъ соприкосновенныхъ къ дѣлу о предостереженіи въ Сибирь, уничтоженіе всей семьи Коршей, переводъ Краевского на другіе золотые пріиски (въ Камчаткѣ), *Скето-Фероти* на каторжную работу, смертную казнь трехъ поляковъ по его выбору—наконецъ онъ вѣроятно погребуетъ, чтобъ его поминали на ектеньѣ... “и еще помолимся о единствѣ Россіи хранитель, воередакторъ и архистратигъ московскомъ и всероссійскомъ бояринѣ Михаилѣ и супругѣ его”.

Пусть держится... все дадутъ... Страхъ многомилостивъ и всешедрь.

И въ самомъ дѣлѣ, отойди онъ отъ вѣдомостей, что будетъ съ Россіей, на кого оставить государя, на одного Муравьева съ нимъ съ однимъ страшно въ комнатѣ оставить кого-бы то ни было...

— *Спасибо Муравьеву.* Отрѣзанные отъ Россіи, мы всегда радуемся, когда случай доводитъ до насъ вѣсть о старыхъ знакомыхъ. Такъ мы узнали съ искреннимъ удовольствіемъ о томъ, что Н. П. Боткинъ, живъ и здоровъ, по телеграмѣ Муравьева, въ которой тотъ его благодаритъ за какой-то мадригалъ, присланный почтеннымъ Николаемъ Петровичемъ, — еще болѣе почтенному Михаилу Николаевичу, о чемъ и извѣщаетъ публику alter ego Михаила Николаевича, Михаилъ Никифоровичъ.

* Рѣчи сказанныя Валувымъ на извѣстномъ обѣдѣ, плохи по пустотѣ, но пѣсности, по трюизмамъ и проч., по министръ чрезвычайно льститъ дворянамъ, и зная языкъ, къ которому шашъ “крупные помѣщики” привыкли, онъ употребляетъ слова: “вы изволили”, рѣшительно оставшіяся въ употребленіи у старыхъ дворянскихъ людей, у пняекъ, ключицъ и проч. Въ отмѣтку ему, “залы дворянскаго собранія” мзволитъ находить, что внутреннія дѣла — Цицероны и возводятъ его въ сіятельное званіе “князя рѣчи”.

НЕСТОИТЬ

(Отъ издателей)

Мы просимъ позволенія у особъ, подписавшихъ письмо, которымъ требуется, чтобъ редація *Вѣсти* назвала хоть одно русское имя въ числѣ тѣхъ “всемирныхъ революціонеровъ и ихъ сообщниковъ”, которые въ Женевѣ говорили 6/18 Апрѣля, что знаютъ званіе стрѣлявшаго въ государя. Не смотря на очень замѣчательныя подписи, мужскія и женскія, намъ кажется, что подымать эту тысячу первую клевету нестойтъ. Ни одного русскаго имени, принадлежащаго къ той средѣ, о которой говорить нстербургскія листокъ, она не назоветъ. Въ этомъ мы увѣрены!

— “*Не соли*”. “Двора е. в. оберъ-церемоніймейстеръ, вице-президентъ капитула російскихъ орденовъ (*сею хранителя чести, заслугъ, доблестей и рыцарскихъ подвиговъ и дѣяній!*) Тайный совѣтникъ Хитровъ, всемилоостивѣйше уволенъ, согласно прошенію его, но боѣзпн вовсе отъ службы”.

Тутъ въ трехъ строкахъ три лжи. Во-первыхъ, Хитровъ слава богу здоровъ, во-вторыхъ, вышелъ не только изъ службы вопреки своему желанію — но и изъ клуба въ Ниццѣ, откуда его уволили за оригинальное пониманіе выигрышей и проигрышей и нѣкоторыя практическія улучшенія въ ставкахъ и полученіи денегъ, не нашедшія сочувствія товарищей, не по капитулу, а по игорному дому.

Мы давно знали объ этомъ дѣлѣ, и молчали, не находя въ этой обыкновенной исторіи ничего умнаго, новаго, ни хитраго, кромѣ фамили шалува вице-президента капитула, во перецъ всемилоостивѣйшими укрывательствами не могли не напомнить правды.

— *Юр. Никъ Голицынъ на воздухѣ* — Мы съ большимъ удовольствіемъ прочли въ *Моск. Вѣдомостяхъ*, что нашъ лондонскій Орфей, кн. Ю. П. Голицынъ, имѣлъ тоже свою долю овацій непрерывно продолжающихся съ 4 Апрѣля. “18 Апр. на Кузнецкомъ мосту служилъ молебень. Голицынъ управлялъ пѣвчими... Не смотря на дождь и вѣтеръ, народу собралась громадная масса; крыши соедѣнныхъ домовъ были упизаны зрителями. По удаленіи духовенства, хоромъ военной музыки и хоромъ пѣвчихъ, подъ общимъ управленіемъ князя Ю. П. Голицына, много разъ исполненъ былъ народный гимнъ, а также и хоръ *Слався* изъ оперы Глинки. Громкое тысячекратное ура почти непрерывнымъ гуломъ оглашало воздухъ. По окончаніи пѣнія народъ восторженно выражалъ признательность кн. Голицыну, подбрасывая ему, по русскому обычаю, и на ура *Комисарову*, предлагаемое княземъ, отвѣчалъ громнымъ ура князю”.

Тотъ кто знаетъ объемъ, высоту, густоту, словомъ воиномъ кн. Голицына, у того также замретъ душа, какъ у насъ, при чтеніи, что его швыряли въ воздухъ, — ну сорвись такая масса — подумать страшно!

— *Еще о Некрасовѣ*. — Въ *Отголоскахъ* No. 38 сказано, что Муравьевъ, по видимому не большой поклонникъ виршей Некрасова, замѣтилъ ему: “Я желалъ бы васъ отсравить отъ всякой круговой поруки съ зломъ, противъ котораго мы боримся, но врядъ могу-ли”... Ха, ха, ха...

Vivez donc des privations,
Prenez donc des précautions!

... Вотъ первая награда..... А вторую пророчить одинъ крѣпостнический органъ, говорящій наивно: “что все равно найдутъ ли или нѣтъ сообщниковъ Каракозова, они виноваты”.

ПРОДАЮТСЯ :

ЕЩЕ РАЗЪ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ ИСКАНДЕРА

Съ приложеніемъ неапечатаннаго разсказа

ТРАГЕДІЯ ЗА СТАКАНОМЪ ГРОКА

Цѣна : 1 тал. или 3 фр. 75 сантим. — Prix 3 fr. 75 c. ou 1 Tblr.

ВЪРОСПОВѢДАНІЕ ДУХОВНЫХЪ ХРИСТІАНЪ,
обыкновенно называемыхъ *Молочаами*. Цѣна 2 франк.

ДЛЯ ИСТИННЫХЪ ХРИСТІАНЪ

Сочиненіе Писатля. Цѣна 50 сантимовъ.

— Полное Собраніе КОЛОКОЛА, ОБЩАГО ВѢЩА и
ПОДЪ СУДЪ, отъ 1857—1865, перепл., 75 франковъ.

Въ Женевѣ *Колоколъ* продается у г. Георга, Corraterie; въ Лондонѣ у N. Trübner et Co., 60, Paternoster Row; въ Парижѣ А. L. Herold, 67 Rue Richelieu; Брюссель С. Muquardt, F. Claassen; Веверъ Richard Lesser, 15, Rue du Lac; Лозаннѣ Martignier et Chavannes; Лейпцигѣ F. A. Brockhaus; Берлинѣ Ferd. Schneider, 11, Victoria Strasse, Schneider et Co., 19, Unter den Linden, B. Behr, 27, Unter den Linden; Гамбургѣ Perthes Besser et Mauke, Hoffmann et Campe; Любекѣ Fr. Asschenfeldt; Штетинѣ Von der Nahmer; Флоренціи Eugène Viousseux; Аппахъ K. Wilberg; Карль W. Hammerschmidt; Константинопольѣ F. Schimpff et Comp., Köhler et Weiss.

— Въ Швейцаріи *Колоколъ* продается у : Martignier et Chavannes à Lausanne; R. Lesser à Vevey; Schabelitz, Hanke à Zürich; Dalp à Berne; Huber à Rorschach; Urfer à Interlaken.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Обращаемъ особенное вниманіе нашихъ читателей на то, что Вольная Русская Типографія въ Женевѣ принимаетъ съ новаго года сверхъ заказовъ для печатанія на русскомъ, и на польскомъ, сербскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ.

Типографія снабжена новыми шрифтами и можетъ ручаться не только за точное и красивое выполненіе, но и за сравнительную дешевизну заказовъ.

Подробный тарифъ цѣнаиъ печати на разныхъ языкахъ, въ разномъ форматѣ и на разной бумагѣ — желающіе могутъ найдти въ Бюро Типографіи, 40, Pré l'Evêque.

12, BOULEVART MONTMARTRE, 12

A PARIS

SALON DE LECTURE

Ancien Cabinet de Lecture de la Bourse

RÉUNI AUX SALONS LITTÉRAIRES DU PASSAGE JOUFFROY

à l'Entresol (entrée par le Bazar Européen).

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré l'Evêque, Genève.

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 221.

1 Юня 1866.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, 40, Rue l'Evêque и въ главныхъ депо — у Г. Георга, 10, Corraterie, Genève; у Н. Трюбнера и Ко., 60, Paternoster Row Londres. Цена за листъ 50 сантимовъ безъ пересылки. Предлагаемъ почтовой тарифъ:

Въ Германію	15с.
— Австрію	15с.
— Англію	15с.
— Бельгію	5с.
— Францію	5с.
— Италію	3с.
— Неаполь и Сицилію	20с.
— Грецію (черезъ Марсель)	5с.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10с.
— Швецію	25с.
— Швейцарію	5с.

Parait à Genève tous les quinze jours. Le dépôt principal est chez H. GEORG, à Genève, Corraterie, No. 10. A Londres, chez N. TRÜBNER et Co., 60, Paternoster Row. Le prix de chaque No. est de 50 centimes, le port de la poste non compris. Tarif postal:

Allemagne	15с.
L'Autriche	15с.
Angleterre	15с.
Belgique	5с.
France	5с.
Italie	3с.
Naples et Sicile (voie de Marseille)	20с.
Grèce (voie de Marseille)	5с.
Turquie et Prine. Dalmatiennes (voie de Marseille)	10с.
Suède	25с.
Suisse	5с.

ОГЛАВЛЕНІЕ : Письмо къ императору Александру II—Напоминаніе—Изъ Петербурга—Прудцова "Новая теорія собственности". Смѣсь : Недогадумѣнн — Говенія Каракозовыхъ—Важная поправка—Задержаніе "Моск. вѣдом."—Барометръ на градусъ выше—Изъ Сердобска—Кн. Мещицковъ—Иностранка—Бл. кат.

ПИСЬМО КЪ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II.

Государь,

Было время, когда Вы читали "Колоколъ"—теперь Вы его не читаете. Которое время лучше, то или это, время-ли освобожденій и свѣта или время заточеній и тьмы—скажетъ Вамъ ваша совѣсть. Но читаете Вы насъ или нѣтъ, этотъ листъ Вы должны прочесть.

Вы кругомъ обмануты и нѣтъ честнаго человѣка, который смѣлъ бы Вамъ сказать правду. Возлѣ Васъ пытаются, вопреки вашему приказанію, и Вы этого не знаете. Васъ уверяютъ, что несчастный стрѣлявшій въ Васъ былъ орудіемъ огромнаго заговора, но ни большаго, ни малаго заговора вовсе не было; то что они называютъ заговоромъ—это возбужденная мысль Россіи, это развязанный языкъ ея, это умственное движеніе, это ваша слава рядомъ съ освобожденіемъ крестьянъ. Васъ ведутъ огъ несправедливости къ несправедливости, Васъ приведутъ къ гибели, если не въ этомъ свѣтѣ, то въ будущемъ свѣтѣ исторіи. Васъ приведутъ къ гибели заговорщики въ самомъ дѣлѣ Васъ окружающіе, не потому чтобъ они этого хотѣли, а потому что имъ это выгодно. Они пожертвуютъ Вами, такъ какъ они жертвуютъ теперь своими невинныхъ, которыхъ невинность они знаютъ, такъ какъ они жертвуютъ честью семей, выдавая позорные билеты честнымъ женщинамъ.....

Что Вамъ не можетъ это нравиться, я въ этомъ убѣжденъ, и оттого-то рѣшаюсь писать къ Вамъ. Но этого мало. Узнайте сами истину—и проведите свою волю, какъ вы ее провели при освобожденіи крестьянъ.

Четвертый разъ выхожу я на дорогу, по которой Вы идете и останавливаетесь на ней, чтобъ обратить ваше вниманіе, не на себя, а на Васъ самихъ.

"Отъ Васъ ждутъ крокоети, отъ Васъ ждутъ человѣческаго сердца", писалъ я, когда Вы сѣли на престолъ. "Вы необыкновенно счастливы!"—"И до сихъ поръ ждутъ, вѣра въ Васъ сохранилась", прибавилъ я черезъ два года съ половиной.

Прошло семь лѣтъ, и какъ много прошло въ эти семь лѣтъ! Я былъ на югѣ Франціи когда получалъ вашъ сынъ. Первая вѣсть услышанная мною въ Женевѣ была вѣсть о его кончинѣ. Я не выдержалъ и, бранимый многими, взялся за перо и написалъ Вамъ третье письмо, въ которомъ говорилъ: "Судьба неумолимо, страшно коснулась Васъ, въ жизни людской есть минуты грозно торжественныя. Вы въ такой минутѣ, ловите ее. Остановитесь подъ всей тяжестью удара и подумайте, только безъ сената и снода, безъ министровъ и штаба, подумайте о пройденномъ и о томъ куда вы идете. Рѣшитесь, не дожидаясь второго удара".

Вы не рѣшились. Судьба еще разъ коснулась Васъ, и пусть меня называютъ сумасшедшимъ и слабымъ, я пишу къ Вамъ, такъ трудно мнѣ окончательно расстаться съ мыслью, что Вы вовлечены другими въ тотъ историческій грѣхъ, въ ту страшную неправду, которая совершается возлѣ Васъ.

Вы не можете желать зла Россіи за ея любовь къ Вамъ. Это неестественно. Станьте-же во весь ростъ за нее, изнемогающую подъ тяжестью клеветы и испуганную ташнымъ судилищемъ и явнымъ произволомъ.

По всей вѣроятности это послѣднее письмо мое къ Вамъ, Государь. Прочтите его. Одно безпопечное, мучительное горе о гибнущей юной, свѣжей силѣ подъ нечестными ногами нечестивыхъ стариковъ, послѣднихъ въ взяткахъ, каверзахъ и интригахъ, одна эта боль могла меня заставить еще разъ остановить Васъ на дорогѣ и еще разъ поднять голосъ.

Вниманія, Государь, вниманія къ дѣлу. Его имѣетъ право требовать отъ Васъ Россія.

НАПОМИНАНИЕ

Мы просимъ нашихъ читателей утромъ вставая и вечеромъ ложась спать — вспомнить, что дѣло о выстрѣлѣ 4 [16] Апрѣля не будетъ судиться публично.

ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА

Наконецъ-то письмо изъ Петербурга. Передаемъ главную часть его : “Аресты самые безобразные, самые безпричинные продолжаются. Во чтобы то ни стало хотятъ запугать государя и увѣрить его, что онъ своею кротостью и благодушиемъ далъ созрѣть охватившему всю Россію заговору, что необходимы рѣшительныя мѣры. Это, причиняемое доносящими журналами, безмѣрно. Все общество сначала было увѣрено, что не выпче-завтра раскроютъ огромный заговоръ, всѣ готовы были помогать полиціи и на первомъ планѣ помогали *гвардейские офицеры*. Танва, въ которой ведется дѣло, послѣ общаго Муравьевымъ гласности, охладилъ многихъ — начинаютъ подозрѣвать интригу. Но дѣло сдѣлано и толчекъ данъ... Изъ полиціи Треповъ выгоняетъ всѣхъ, кто по его понятію не способенъ быть злымъ гонителемъ всего молодого и живаго, изъ учебныхъ заведеній гонятъ учителей, на урокахъ которыхъ ученики держатъ себя развязнѣ. Шпионовъ бездна здѣсь, много отправлено въ Москву, въ провинціи и въ чужіе края, особенно въ Швециарно (*милости просимъ*!). Муравьевъ удвоилъ имъ жалованье.

“Каракозовъ не признаетъ себя Каракозовымъ и не признаетъ двоюроднаго брата его признаваго. Муравьевъ требовалъ вынискать изъ Сибири Чернышевскаго, *на что государь не согласился*. Изъ лицъ извѣстныхъ арестованы : *Благосветловъ* (въ самомъ началѣ), *Зайцевъ*, *Курочкины*, *Худяковъ*, полковникъ *Лавровъ*, *Елисейевъ*, *Европеусъ* съ женой и его братъ, *Ковалевскій*, *Слпцовъ*, арестовано много дѣвицъ и женщинъ (нигилистовъ). Изъ послѣднихъ нѣкоторыя выпущены и вмѣстѣ съ гѣмъ награждены *желтыми билетами*, которые выдаютъ публичнымъ женщинамъ.

— “Отысканы ли слѣды какого нибудь общества?” — спросилъ одинъ знакомый Муравьева. “Общества нѣтъ никакого, но будетъ, если не истребить вредныя *задатки*”. Муравьевъ ищетъ этихъ задатковъ вездѣ, даже за границей. Онъ хочетъ приплести къ дѣлу 4/16 Апрѣля не только обличителей, отрицателей и нигилистовъ находящихся здѣсь, но и тѣхъ которые за границей. Говорятъ, что вольный слушатель медицинской академіи *Бѣльскій* (или *Бельшнъ*), здоровый, красивый малый, находясь подъ арестомъ заболѣлъ и отправленъ въ секретное отдѣленіе военносудопутнаго госпиталя. Въ прошлую Субботу 30 Апр. [12 Мая] утромъ въ 9 часъ въ своей камерѣ онъ повѣсился. На стѣнѣ найдена надпись : “меня по приказанію Муравьева пороти патайками”.

“Говорятъ, что Каракозова, пытали разными оригинальными средствами. Онъ твердо отвѣчалъ при первомъ допросѣ. Ночью допросы опять начались и продолжались безпрерывно *трое сутокъ*. Пытать его хирургическими средствами не смѣютъ; *утверждаютъ, что государь не приказалъ*, а потому прибѣгли къ новымъ *безслыднымъ* пытаніямъ и къ наукѣ. Сначала его ставили въ какой-то футляръ, но докторъ *Здекауеръ* сказалъ, что онъ или умретъ, или совсѣмъ сойдетъ

съ ума, а потому ученый врачъ и посоветовалъ футляръ замѣнить раздражающимъ электрическимъ токомъ (*Здекауеръ пожалованъ 16/28 Апрѣля въ тайные совѣтники!*). Несчастный пациентъ заболѣлъ, пересталъ принимать пищу, говорятъ онъ при смерти. Многие увѣряютъ, что онъ умеръ 2/14 Мая (?) (Что сдѣлаетъ Муравьевъ, развѣ поставитъ свѣжаго Каракозова?)...

...“Въ день выстрѣла графиня Ридигеръ сказала императрицѣ, что она давно слышала, что будетъ покушеніе, что она слышала это отъ Потоцкой и говорила Аппенкову, который не повѣрилъ. Потоцкая посажена въ тюрьму и сошла съ ума (этогъ фактъ мы прежде читали въ *Times*). Партія Муравьева и *Московскіе Вѣдомости* старается изъ подъ руки бросить подозрѣніе на Константина Николаевича... Муравьевъ разсорила уже съ Шуваловымъ”.

P. S. Курочкиныхъ выпустили.

Передъ этимъ письмомъ мы остановились съ какою то безопечной, жгучей болью... воль куда пришло это царствование *освобожденія* и виновать не царь (изъ письма видно ясно какъ онъ бѣгетъ и упирается въ поемкахъ сдѣланныхъ около него) — а *общество*, превратившееся въ полицію, и безправственная *пресса*, сдѣлавшаяся общественнымъ доносчикомъ и обвинителемъ при Муравьевѣ.

Несчастный народъ, въ которомъ могла зародиться и назрѣть такая среда, нагая и уродская, которая безнаказанно учитъ палачей, рукоплещетъ имъ и натравливаетъ ихъ!

“Мы еще не созрѣли”, говорилъ кто то въ Петербургѣ, и всѣ сердились на него, а *ужь смили*, прибавимъ мы — *страшно смили*...

У насъ была готова статья, но прочитавши письмо, мы ее изорвали, все слабо и бѣдно, словъ не достаетъ, мы это глубоко чувствуемъ!

Но нельзя-же и руки сложить въ праздномъ озлобленіи, нельзя-же замолчать съ проклятемъ на губахъ! Нѣтъ, это была бы измѣна всей нашей жизни, а ея не много вперед. Мы остатокъ ея употребимъ на обличеніе передъ міромъ историческаго преступленія, совершающагося въ Россіи и на подкрѣпленіе и утѣшеніе несчастнаго молодого поколѣнія, идущаго на мученичество за свою свягую любовь къ истинѣ, за свою юную вѣру въ Россію. Мы старики станемъ у изголовья гонимыхъ, отирая пятны клеветы и благословляя погибающихъ провозвѣстниковъ *будущей Россіи*.

Ее они не запугаютъ, отъ нея *Здекауеръ* не вылечитъ своимъ электрическимъ токомъ.

... А хорошо это употребленіе электричества. Наука и пресса, исполняющія *должность* палача и орудія пытки... Далѣ паденіе человѣческое идти не можетъ.

Что-же въ самомъ дѣлѣ прибавить? Развѣ *желтые билеты*, выданные дѣвицамъ и женщинамъ, за то что онѣ остригли волосы и мечтали, что лучше жить работой, чѣмъ на чужой счетъ и — тотъ журналъ, который въ нихъ же и бросилъ грязью...

Насъ упрекали недавно, что мы, смѣясь, говоримъ о мерзостяхъ и неистовствахъ, дѣлающихся теперь въ Россіи.

Не поняли нашего смѣха.

Но пусть такъ, будемъ говорить серьезно — и во-первыхъ поставимъ вопросъ, откуда явилась эта удесятиривная ветерпи-

мость въ обществѣ, окружающемъ какъ вѣнокъ слѣдственную фабрику, на которой Муравьевъ тачаетъ не существующій заговоръ? Откуда это повое остервененіе противъ *нигилизма*, подь которымъ теперь разумѣютъ всякую свободную, независимую мысль, всякое ученіе не похожее на то, что проповѣдуютъ нео-архипосники?

Неужели просто изъ любви къ Александру Николаевичу, освободившему большую часть ярыхъ обличителей отъ повинны дохода — столько сентиментальности въ нихъ вѣтъ: и тутъ корни видно идутъ дальше.

... Два года тому назадъ, въ первый разъ на дворянскихъ вершинахъ Россіи, заявила потребность совершенствованія учрежденіи, высказалось желаніе гражданской свободы и собственнаго участія въ своихъ дѣлахъ. Это было въ Москвѣ — чего-же лучше?

Но вотъ что уже не такъ хорошо. *Первое* слово сказанное въ московскомъ дворянскомъ собраніи, было враждебно независимой печати и вслѣдъ за благодарностью журналистско-доносчику, явился съ своей плоской рѣчью Орловъ-Давыдовъ, требуя ограниченія самовластия и *книгопечатанія* (у насъ то!) бравя произволъ чиновниковъ и переводъ Бэка...

По химическому сродству, среда, которая не могла выносить свободаго слова, соединилась съ инквизиторами и палачами. До Каракозова, или какъ онъ тамъ называется, дѣла имъ вѣтъ, его тогчасъ же оттерли на второй планъ, доносы въ ихъ журналахъ обвинили въ атентатъ — все *свободномыслящее въ Россіи*, восходя отъ нигилистовъ до Чернышевскаго, отъ Чернышевскаго до Петрашевскаго, добираясь до Бѣлинскаго и т. д. Умри Каракозовъ, живи онъ — имъ совершенно все равно, за тѣмъ то и *тайна* передъ публикой — а вдвое того передъ государемъ, который долженъ вѣрить во что въ ни стало *въ вселенскій заговоръ*.

Какую же *свободу* нужно было эгимъ азіатскимъ рабамъ съ ихъ боязнью мысли и слова? На что она имъ? Оплакивать крѣпостное состояніе они и теперь могутъ — они сами не знаютъ каково имъ будетъ безъ ливреи, она приросла къ нимъ, имъ будетъ жутко и холодно на вольномъ воздухѣ... Это тѣже помѣщики и тѣже чиновники, въ другомъ изданіи. Орудія у нихъ взяты изъ сѣзжихъ, изъ уголовныхъ палатъ, литература у нихъ слѣдственное дѣло, въ серьезный споръ ни они, ни ихъ журналы не идутъ. Въ серьезномъ спорѣ мы первые готовы поднять перчатку, нашлись бы и другіе дома, еслибъ возраженіе имъ не пахло петропавловской крѣпостью. Они не спорятъ, а жалуются на начальству, они обращаются не къ противникамъ, а доносятъ о безпорядкахъ; они вызываютъ не возраженія, а экзекуци, они хотятъ не убѣждать, а *усмирять*.

Пока консервативно-либеральное дворянство было одно съ своими литературными дворецкими, со своей слабонервной оппозиціей, оно было смѣшно; но когда съ нимъ испугъ Россіи, Муравьевъ, да три полиціи, да армія, да электрические токи, да самъ Валувевъ *изволитъ* быть съ нимъ — тогда не до шутокъ.

Вмѣстѣ они представляютъ ту темную силу, которая влечетъ слабого государя отъ одного преступленія къ другому и толкаетъ Россію въ ея прежній хаосъ.

... Да за чѣмъ же у государя вѣтъ энергіи вырваться изъ опеки? За чѣмъ онъ не сдѣлаетъ того, что умѣлъ сдѣлать Наполеонъ I съ Салон, и не допроситъ самъ Каракозова,

для того чтобъ узпачъ не только правду о выстрѣлѣ, но правду о томъ, какъ въ Россіи, во второй половинѣ XIX вѣка дѣлаютъ слѣдствія?

Зачѣмъ?...

И— рѣ.

ПРУДОНОВА "ПОВАЯ ТЕОРІЯ СОБСТВЕННОСТИ"

III.

Я сказалъ уже, — и особенно настаиваю на этомъ: — діалектическіе чисто приемы въ общественной наукѣ поюнчили уже свое дѣло, и гегелизмъ, давшій возможность Прудону въ 1846 г. такъ удачно постановить современную социологическую задачу, не выручилъ-бы его теперь, не даль-бы намъ удовлетворительнаго отвѣта на имъ же поставленный вопросъ: — какая болѣе совершенная форма владѣнія (или же, говоря языкомъ Прудона: какая "высшая категория") совмѣститъ въ себѣ всѣ выгоды и права собственности и общиннаго владѣнія, — дастъ требуемый просторъ личной инициативѣ, пенарушая коллективныхъ интересовъ, — удовлетворитъ анархическимъ стремленіямъ челоуѣка, невызывая той разрозненности частныхъ выгодъ, которая (при системѣ собственности) дѣлаетъ необходимымъ и возможнымъ только насильственное, виѣшнее, политическое (а не экономическое) ихъ примиреніе — т. е. государственность?

Я согласенъ даже на то, что прежде, чѣмъ приступить къ рѣшенію этого вопроса, мы спросимъ сами себя: — возможна-ли теоретически такая "высшая категория"? можетъ-ли умъ челоуѣческій создать такую новую форму владѣнія, или усовершенствовать старыя на столько, чтобы онѣ отвѣчали хоть приблизительно этимъ требованіямъ.

Прудонъ не подвергаетъ въпачимъ изслѣдованіямъ возможность или невозможность этой "высшей категории". Въ 1846 году онъ безусловно допускалъ ее только на томъ основаніи, что по гегелевской діалектикѣ всякое представленіе объ абсолютѣ неизбѣжно разлагается на три категории: двѣ противурѣчащія одна другой и третью высшую, вмѣщающую въ себя предыдущія обѣ со всѣми ихъ противурѣччями.

"Какая-же была моя мысль съ тѣхъ поръ (т. е. со времени 'системы экономическихъ противурѣччій?') — говоритъ онъ: 'собственность, будучи абсолютъ, должна синтезировать въ высшей формулѣ и проч... Я назвалъ эту высшую формулу, (которую предвидѣлъ и провозгласилъ еще въ 1840 году, неопредѣляя и необясняя ее) *владѣніемъ*; но этотъ терминъ двухсмысленъ и напоминаетъ собою такія учрежденія, которыхъ я не могъ желать а потому я отказался отъ него въ послѣдствіи".

Конечно этихъ причинъ, т. е. двухсмысленности термина и того, что онъ напоминаетъ собою непривлекательную для Прудона форму владѣнія, — достаточно для того, чтобы отбросить самое слово, замѣнить его другимъ, непредставляющимъ этихъ неудобствъ. Но я привожу здѣсь собственныя слова Прудона для того только, чтобы показать, что возможность *синтезирования* (т. е. примиренія противурѣччій) собственности, онъ выводилъ не изъ изслѣдованія самого дѣла, а изъ діалектическомъ необходимости, т. е. изъ аргумента, который не для всѣхъ равно убѣдительно.

Точно также онъ теперь отвергаетъ эту возможность. "Я узналъ", говоритъ онъ, (*Théorie Nouvelle*, Гл. VIII, стр. 206): "что, хотя антиномія и есть неизбѣжный законъ

природы, феноменъ сознания, но она не разрѣшается, а остается вѣчно тѣмъ, что она есть, т. е. началомъ жизни и развитія. Только ее можно *уравновѣсити* (balancer), эквилибрируя самыя ея противурѣчія, или же противопоставляя ее другимъ антиноміямъ”.

Диалектика уже настолько скомпрометирована въ настоящее время, что, — еслибы репутация Прудона была менѣе упрочена, — меня совершенно справедливо могли бы упрекнуть въ желаніи подорвать кредитъ Прудона этими выписками изъ него. Въ самомъ дѣлѣ, способность убѣждаться такимъ путемъ добытыми данными не можетъ возбудить сочувствія къ нему именно въ тѣхъ изъ нашихъ читателей, для которыхъ Прудонъ всего болѣе можетъ имѣть значенія. Очевидно, признаніе возможности или невозможности синтезирования собственности въ Прудонѣ есть дѣло чисто личное и во всякомъ случаѣ основанное на его вѣрѣ въ абсолютность законовъ мышленія, а не на реальномъ изученіи дѣла — Въ этомъ-то и заключается одно изъ существеннѣйшихъ неудобствъ чисто диалектическаго приема или метода изслѣдованія, что съ нимъ всегда предоставляется на произволъ изслѣдователя известное илѣнго; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы диалектическій методъ вообще, или же блистательнѣйшій его представитель — Прудонъ, не имѣли въ общественной наукѣ никакого положительнаго, реальнаго значенія.

Ошибочно было-бы думать, что наука начинается съ опредѣленія своего предмета: — она ведетъ къ нему. Для начала же совершенно достаточно установить изучаемый предметъ такимъ образомъ, чтобы къ нему отырыть былъ широкій доступъ научному анализу. Не на всякой почвѣ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ научно, и умъ, привычный къ богословскому рѣшенію, удовлетворяющійся имъ, прежде всего заявитъ себя тѣмъ, что не сумѣетъ дать вопросу соотвѣтствующей ему постановки. Если васъ спросятъ: “на чемъ стоитъ міръ?” — скажете-ли вы: на трехъ китахъ, или на силѣ тяготѣнія, — рѣшительно все равно, потому что въ головѣ способнаго поставить такой вопросъ, сила тяготѣнія не замедлитъ превратиться въ апокалиптическое чудовище. Въ Аристофановой комедіи “Облака” Сократъ силится объяснить старцу Стрепсиаду, что громъ и молнія возможны рѣшительно безо всякаго вмешательства разгнѣванныхъ боговъ. Онъ очень только по тогдашнему времени рассказываетъ ему, какимъ образомъ облака электризуются черезъ движеніе. “Да кто-же заставляетъ двигаться облака, если не Зевсъ?” спрашиваетъ Стрепсиада. — “Вихрь, очень просто”. — И почтенный старецъ отправляется рассказывать всѣмъ и каждому, что новое божество — Вихрь, свергло Зевса съ престола и вмѣсто него распоряжается вселенною. Онъ даже лукаво посмѣивается надъ тѣми, кто не слышалъ еще этой послѣдней политической новости съ Олимпа... — Въ нашей постановкѣ общественныхъ вопросовъ мы, — въ этомъ должно сознаться, — недалеко ушли отъ старухи цѣловальницы (въ повѣсти Патанина) со злобою спрашивающей гимназиста сына: — на чемъ-же стоитъ міръ, если не на трехъ китахъ? или отъ аристофановскаго старца Стрепсиада.

Дѣло въ томъ, что нетрудно установить надлежащимъ для научнаго изслѣдованія образомъ предметъ, удобно укладываемый подъ микроскопъ, или въ химическую реторту; нужно немного чисто внѣшней ловкости для того, чтобы отпрепарировать очень хорошо самоалѣйшаго изъ про-

тозойдовъ. Но когда предметомъ научныхъ изслѣдованій служить общество, общественное богатство, общественное благодѣяніе, общественная нравственность и тому подобныя понятія отвлеченныя, собирательныя, эластическія до крайности, поддающіяся подъ разнообразнѣйшія толкованія, то требуется не simplex или скальпель, не механическая ловкость, а громадный запасъ добросовѣстности и почти гениальныя умъ для того только, чтобы отпрепарировать ихъ надлежащимъ образомъ, — чтобы добраться: каковъ-же наконецъ рядъ жизненныхъ, осязаемыхъ, біологическихъ или антропологическихъ явленій кроется подъ этими отвлеченными прозвищами?

Французскіе политико-экономисты служатъ намъ очень многозначительнымъ образцомъ того вреднаго фразерства, до котораго можно дойти, нусаясь въ научныя или псевдонаучныя изслѣдованія надъ предметами, неустановленными вовсе, мелькающими и рябящими въ глазахъ, какъ полупрозрачныя призраки Фета, скользкими, какъ путь литературныхъ доносовъ, отражающими своею прозрачностью самыя мощныя удары научнаго анализа и критики.

Тотъ путь экспериментальнаго научнаго изслѣдованія, которымъ мы добываемъ положительныя свѣденія о предметахъ единичныхъ, не имѣетъ въ себѣ ручательства за точное и вѣрное примѣненіе этихъ свѣденій или данныхъ къ понятіямъ коллективнымъ, — что собственно составляетъ до сихъ поръ предметъ наукъ общественныхъ или нравственныхъ. Попытки подобныя обобщенія въ большинствѣ случаевъ доходятъ рѣшительно до карикатурныхъ противурѣчій съ наукою, здравымъ смысломъ и дѣйствительностью. Такъ на пр. сравнительная физиологія, а за одно съ нею и здравый смыслъ показываютъ намъ со всею несомнѣнностью точнаго и положительнаго научнаго метода, что мозговая и нервная (или вообще такъ называемая психическая или сознательная) дѣятельность — роскошь и цвѣтъ природы — есть результатъ сытости, — развивается дальше тамъ, гдѣ встрѣчаетъ больше питательныхъ веществъ или элементовъ органической жизни, и гдѣ эти элементы съ меньшими усилиями могутъ быть извлекаемы развивающимся организмомъ изъ окружающей среды. Политико-экономическія-же теории указываютъ намъ на голодъ, какъ на главнѣйшаго двигателя цивилизации, и т. д.

Подобныя шалости нашей теории общественности насчитываются десятками и будутъ насчитываться до тѣхъ поръ, пока наши понятія объ общественности, о коллективности будутъ пребывать въ хаотическомъ состояніи, — пока мы не условимся понимать всегда одинъ и тотъ же рядъ конкретныхъ жизненныхъ явленій, подъ существительными отвлеченными, употребительными какъ въ научномъ, такъ и въ разговорномъ языкѣ. Хорошій академическій словарь въ этомъ смыслѣ, долженъ-бы былъ положить конецъ по крайней мѣрѣ десяти десятиямъ всѣхъ безконечныхъ споровъ партій, или же по крайней мѣрѣ изобличить, что вовсе не теоретическія интересы и побужденія прикрываются въ большинствѣ случаевъ риторическою хламидою “духа партій”.

— Объясняетъ-ли все это читателю, почему я не намѣренъ вовсе проходить молчаніемъ диалектическую сторону трудовъ Прудона или свисходительно укрывать его слабости и промахи въ этомъ отношеніи?

Только диалектика, — и притомъ добросовѣстная, смѣлая и болѣе жизненная чѣмъ метафизическая диалектика Прудона,

— могла намъ дать ту установившуюся понятій и социологической задачи, безъ которой опасно было (это мы уже знаемъ изъ опыта позитивистовъ) пускаться въ дальнѣйшее плаваніе. Говоря, что теперь діалектической приемъ покончилъ уже свое дѣло на поприсѣ социологии, я этимъ самымъ хочу сказать, что Прудонъ вполне удовлетворительно исчерпалъ приготовительный или препарационный процессъ относительно предмета социологическихъ изслѣдованій. Всякая дальнѣйшая попытка въ томъ-же родѣ будетъ либо реинфляціею прежняго, либо вовсе излишнею. “Новая теория собственности” не могла избѣжать этой альтернативы.

Оставемся на ней при взглядахъ самаго Прудона, который лучше всѣхъ своихъ критиковъ понимаетъ, какъ именно вяжется это его новое произведение съ основнымъ смысломъ всей его предъидущей дѣятельности.

Дѣло идетъ все о томъ-же возможности синтезирования собственности, которую Прудонъ такъ смѣло провозгласилъ въ 1846 г.

“Что касается сущности дѣла”, говоритъ онъ на стр. 205 разбираемаго сочиненія: “моя надежда не обманула меня,— что явствуетъ изъ этой книги. Однако уловить истинную истину я могъ не иначе, какъ измѣнивъ самый методъ”.

Свое мнѣніе объ этомъ измѣненіи метода я высказалъ въ предъидущей своей статьѣ. Тамъ оно имѣло значеніе потому, что изъ него мы могли судить, на сколько именно самоотрѣченія мы найдемъ въ новой книгѣ Прудона. Здѣсь-же мы обратимъ вниманіе на то, что по мнѣнію самаго Прудона *эквилибрація* собственности, предлагаемая имъ теперь, по сущности совершенно равняется *синтезизаціи* собственности, провозглашенной имъ въ 1846 г. Съ тѣхъ поръ, какъ социологическая задача по отношенію къ собственности строго опредѣлена, съ тѣхъ поръ какъ мы знаемъ, во-первыхъ, какой рядъ жизненныхъ явленій составляетъ ту категорію общественныхъ явленій, которую Прудонъ называетъ *тезисомъ* или функциональностью собственности; во-вторыхъ, какими рядомъ житейскихъ, непридуманныхъ бѣдствій связывается противурѣчивость права собственности...; съ тѣхъ поръ — говорю я, — мы гораздо смѣле можемъ обращаться съ діалектической стороною дѣла, — принять *ad libitum* Прудона ту или другую его формулу (синтезизацію или *эквилибрацію*); или даже не принять ни той, ни другой, ибо — какъ уже сказано — діалектическая сторона задачи рѣшена, указаво то направленіе, въ которомъ должна работать наша мысль. Мы будемъ искать уже не суррогата собственности, а — изслѣдуя шагъ за шагомъ ту роль, которую играетъ собственность въ нашемъ общественномъ организмѣ, — отрѣшать постепенно каждый жизненный фактъ, каждое послѣдствіе міровыхъ или природныхъ, постоянно дѣйствующихъ причинъ, отъ его исторической, случайной формы, опредѣляя по возможности съ научною точностью каждый такой случай, гдѣ порожденія человеческой мысли и творчества, сознательнаго или стихійнаго произвола, становятся попереки пути къ достиженію возможнаго *maximum'a* общественного благоденствія, творять не плюсы, а минусы въ смыслѣ развитія обществственности.

Но — скажутъ мнѣ — если мы совершенно безразлично можемъ принять ту или другую формулу, синтезизацію или *эквилибрацію* собственности, то зачѣмъ-же было трудиться Прудону писать цѣлую книгу о дѣлѣ, не затрагивающемъ

никакихъ существенныхъ интересовъ? Да и не заблуждается ли Прудонъ, предполагая что между двумя этими формулами имѣтъ существеннаго различія, а есть только формалистическое? — Въдъ въ первомъ случаѣ онъ откровенно отрицаетъ право собственности, предполагаетъ возможность и необходимость совершенно новой категоріи, которую конечно все равно, какъ вы назвать, но которая во всякомъ случаѣ не будетъ правомъ собственности. Во второмъ случаѣ, т. е. при формулѣ *эквилибраціи*, онъ сохраняетъ и собственность и государство: — стало бытъ, тутъ дѣло не объ одной только формѣ.

Прудонъ, извѣдавши собственнымъ опытомъ всю силу и значительность діалекческаго метода, можетъ легко придавать нѣкоторымъ его частностямъ и утонченностямъ такое значеніе, какому они не имѣютъ въ глазахъ другихъ. Несомнѣнно, что только формалистическаго интереса ради онъ не сталъ бы писать своей “Новой теории”, или, что изъ такихъ побужденій написанная, хотя бы Прудонъ книга, не обратила бы на себя ничего вниманія... Правда, большая часть новой книги Прудона состоитъ изъ краткаго перечня и подтвержденій его прежнихъ положеній и выводовъ. Кромѣ того она заключаетъ въ себѣ весьма интересныи хотя бѣлый и скатыи, историческіи обзоръ функциональности и значенія, какъ римскаго права собственности, такъ и другихъ формъ или видовъ владѣнія (патріархально-коммунальнаго, аллодыальнаго, феодальнаго) — обзоръ, вижущійся точно также съ предъидущею его дѣятельностью, какъ и съ позднѣйшею. По тѣмъ менѣе книга эта и самая замѣна принципа трилогіи или синтезизаціи принципомъ *эквилибраціи* или *билогіи*, заключаетъ въ себѣ сторону не только формалистически новую и дополняетъ Прудоновскую дѣятельность, хотя и не въ томъ смыслѣ, на который по видимому рассчитываетъ онъ самъ.

Брайшій индивидуализмъ или анархизмъ Прудона служилъ яблокомъ раздора между нимъ и приверженцами воззрѣній, имѣющихъ съ Прудоновыми воззрѣніями ту общую сторону, что всѣ онѣ равно выходятъ изъ міра государственности и собственническаго абсолютизма. Полемизируя болѣе противъ социалистовъ, чѣмъ противъ капиталистовъ и собственниковъ, Прудонъ (въ I^{мъ} своемъ мемуарѣ о собственности) формально объявляетъ себя не-социалистомъ и потому много разъ заявляетъ объ этой своей несолидарности съ учениями фаланстеровъ, ассоціационистовъ и организационистовъ всѣхъ отгѣнковъ воззрѣній. Причина этого разрыва Прудона съ французскими социалистами весьма понятна и заключается въ томъ, что для Прудона цѣль и крайній предѣлъ социальнаго развитія заключается въ полнѣйшей и существенно гарантированной свободѣ лица, личной инициативы, отъ какого-бы то ни было коллективнаго гнета; тогда какъ социалисты, съ которыми разрываетъ Прудонъ, по видимому вполне готовы подчинить эту личную инициативу требованіямъ коллективнаго интереса. Несогласіе это, по видимому весьма коренное, естественно и необходимо однакоже должно исчезнуть въ крайнемъ развитіи обонхъ этихъ ученій, потому что съ одной стороны, коллективныи выгоды и свобода всѣхъ невозможны или даже немыслимы безъ единичной свободы каждаго; съ другой стороны, и по ученію того же Прудона, личная свобода найдетъ себѣ серіозную гарантію не иначе, какъ подѣ условіемъ *взаимности*, т. е. переставъ бытъ привилегіею немногихъ, а сдѣлавшись неотъемлемою прерогативою всѣхъ. Очевидно, что стремленіе, норма, идеаль, одинъ и тѣже у обѣихъ сторонъ

и что чѣмъ полнѣе, крайнѣе, выскажется каждая изъ нихъ, тѣмъ ближе ихъ окончательное примиреніе не на взаимныхъ уступкахъ и компромиссахъ, а на сознаниі тождества ихъ обоюдвой задачи.

Въ своей “Новой Теоріи” Прудонъ въ этомъ смыслѣ высказывается рѣшительнѣе чѣмъ когда-либо, такъ что теперь между его ученіемъ и собственно социалистическими (въ духѣ Консидерава, а также Луи Блана) теоріями, всего менѣе возможны какіе-бы то-ни были компромиссы, и черезъ это конечно значительно приближается возможность дѣйствительнаго ихъ примиренія. На это-то я и думаю обратить особенное вниманіе въ настоящихъ своихъ замѣткахъ. Но прежде я хочу точнѣе засвидѣтельствовать и выясниль самый фактъ, состоящій по моему мнѣнію, въ весьма тѣсной связи съ замѣною принципомъ эквиграціи гегелевскаго діалектическаго приема.

Даже отвергая всего рѣшительнѣе абсолютное право собственности (какъ на пр. въ *Se que c'est que la propriété*) Прудонъ никогда не изъявлялъ покушеній выкинуть собственническій періодъ изъ исторіи человѣческаго развитія. Даже провозглашаемая имъ “новая высшая формула” долженствующая разрѣшить или примирить въ себѣ противурѣчія собственности, вовсе не предполагаетъ окончательнаго отрѣшенія отъ прошлаго, крутаго разрыва съ нимъ. При всей своей новизнѣ, она естественно и органически, какъ *третья* категория въ усвоенномъ Прудонемъ методѣ вытекаетъ изъ первыхъ двухъ. Принципъ эквиграціи едва ли долженъ идти дальше ея въ дѣлѣ своей солидарности съ этимъ прошлымъ, а изъ новаго сочетанія существующихъ элементовъ сообразно этому эквиграционному началу, легко можетъ возникнуть такое же новое сочетаніе идей и учрежденій, какъ и при самой замѣнѣ права собственности прежнею “высшею категоріей”. Я обращаю вниманіе читателя особенно на то обстоятельство, что Прудонъ нигдѣ не говоритъ о необходимости новаго чего-то такого, чтобы замѣнило или смѣнило право собственности: онъ говоритъ о новой діалектической категоріи, о новой послѣдовательности идей, при которой неизбѣжно освѣтятся новымъ свѣтомъ наши воззрѣнія на наше настоящее и будущее, измѣнятся наши отношенія на теоріи и на практикѣ къ элементамъ можетъ быть и теперь уже находящимся въ наличности. Въ этомъ отношеніи синтетизація собственности и эквиграція ея дѣйствительно безразличны.

Существенное различіе между ними начинается вотъ гдѣ: Пока Прудонъ видитъ рѣшеніе задачи собственности въ своей “Высшей категоріи”, то мы еще рѣшительно не знаемъ: какія именно изъ сторонъ вывѣшняго экономическаго строя общественности считаетъ онъ за источникъ зла, — что именно въ настоящемъ правѣ собственности по его мнѣнію несовмѣстно съ прогрессомъ, хотя и знаемъ заранѣе и изъ его же собственной критики, что собственность, какъ порождение стихійнаго творчества, ни къ какимъ ограниченіямъ и видоизмѣненіямъ неспособна.

Собственно социалисты были въ этомъ отношеніи опредѣленнѣе: они прямо указывали зло въ самомъ принципѣ собственности, т. е. въ фактѣ личнаго абсолютнаго владѣнія. По ихъ ученію право собственности можетъ принадлежать только коллективнымъ лицамъ, обществу, народу, общинѣ. Частныя лица могутъ владѣть извѣстными участками не иначе, какъ подъ условіями, — не иначе какъ принимая на себя

обязательства, налагаемыя на нихъ, какъ на ленниковъ или вассаловъ, единственнымъ законнымъ и абсолютнымъ собственникомъ — народомъ, государствомъ, обществомъ.

Прудонъ полемизировалъ противъ такого воззрѣнія по множеству специальныхъ и частныхъ вопросовъ и нѣсколько разъ высказывалъ, что право собственности въ его воззрѣніяхъ не выиграетъ ни на волосъ отъ того, что мы признаемъ его не за единичными, а за коллективными личностями.

Тѣмъ неменѣе онъ ни разу не показалъ, чѣмъ-же всего прежде и главнымъ образомъ тотъ синтезисъ или то владѣніе въ которомъ онъ видѣлъ окончательное рѣшеніе задачи собственности, разнится отъ всѣхъ другихъ и хорошо извѣстныхъ намъ способовъ владѣнія, въ томъ числѣ и отъ владѣнія собственническаго. А между тѣмъ вопросъ этотъ возникалъ самъ собою и требовалъ настоятельнаго отвѣта.

Оставляя принципъ синтетизаціи для принципа эквиграціи, Прудонъ до извѣстной степени отвѣчаетъ на этотъ первый вопросъ, или по крайней мѣрѣ вовсе устраняетъ и этотъ вопросъ и возможность какого-бы то ни было компромисса между его воззрѣніемъ и коммунально социалистическими ученіями (все равно: съ отгѣнкомъ ли государственности, или же съ отгѣнками націонализма). О послѣднемъ онъ говоритъ весьма недвусмысленно самъ, объясняя — почему онъ отбросилъ сбивчивый терминъ *владѣнія*? — “Потому” говоритъ онъ, “что терминъ этотъ напоминаетъ учрежденія, которыхъ я желать не могъ”.

Съ новымъ терминомъ *эквиграціи* собственности онъ выводитъ насъ изъ всякаго сомнѣнія на этотъ счетъ и высказываетъ опредѣленно и ясно, что зло по его мнѣнію не въ *принципѣ* собственности, не въ абсолютизмѣ, не въ неограниченности ея. Въ этомъ случаѣ Прудонъ всего болѣе послѣдователенъ самому себѣ и своему началу анархіи. Именно въ томъ, что пугало близорукихъ и робкихъ эклектиковъ, онъ видитъ единственный цивилизационный смыслъ, единственное назначеніе собственности. “Собственность не должна и не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ правомъ пользования и злоупотребленія”. “Никакой регуляторъ, никакая посторонняя власть не должна вмѣшиваться между произволомъ собственника и его собственностью; — только подъ этимъ условіемъ мы можемъ достигнуть равенства и анархіи — двухъ крайнихъ предѣловъ соціального развитія”.

Прудонъ обращаетъ на это особое вниманіе. Онъ сравниваетъ между собою всѣ существующія формы владѣнія, въ томъ числѣ и нашу русскую общинность, которая — по его мнѣнію “составляетъ громадный шагъ впередъ на поприщѣ цивилизаціи и съ избыткомъ искупаетъ запоздалость развитія славянскихъ расъ”. Но принципъ абсолютной собственности оказывается по этомъ сравненію анархичнѣе, прогрессивнѣе всѣхъ другихъ. “Собственность, т. е. всемогущество гражданина надъ доставшейся ему въ удѣлъ частью достоянія общественнаго, превышаетъ всѣхъ законовъ”.

И такъ: зло не въ принципѣ, не въ абсолютизмѣ собственности. Есть вещи, говоритъ Прудонъ, въ которыхъ никакое вмѣшательство между произволомъ дѣйствующаго и его дѣйствіемъ, терпима быть не можетъ. Такова на привѣръ любовь. Допуская ее, освящая ее своимъ признаніемъ, общество, власть, не можетъ создавать “альковныя законы”, хотя и знаетъ очень хорошо, что любовь эта очень часто переходитъ въ развратъ. Спросите законодателя: почему къ числу такихъ, нетерпящихъ

посторонняго вмѣшательства вещей, опъ отнесъ и собственность? Вѣроятно и самъ овъ не сумѣетъ дать отвѣта на это; но во всякомъ случаѣ не намъ сознательно уничтожать то, что создано безсознательнымъ творчествомъ прежнихъ вѣковъ въ пользу авархін и свободы.

Л. Мечниковъ.

(Продолженіе впрѣдъ).

С М Ъ С Б.

— *Поправленное недоразумѣніе.* Въ прошедшемъ листѣ *Колокола*, говоря о пѣснопѣвнѣ Некрасова Муравьеву и его одобрителномъ поощреніи въ прозѣ, мы сказали: “Этого и мы отъ васъ не ждали, а вѣдь вамъ извѣстно какъ интимно мы знаемъ вашу біографію и какъ *многаго* мы могли отъ васъ ждать”. Эти строки приняты за доносъ, однимъ господиномъ, писавшемъ къ намъ на дняхъ; ему вѣроятно показало, что мы хотѣли сказать, что *знаю* біографію Некрасова, мы ждали отъ него *много хорошаго*. Но самое простое перечитываніе фразы ему покажетъ, что мы ждали отъ Некрасова, зная его antecedенты* — *бездну дурнаго*, но все же не ждали панегирикъ Муравьева. А потому слова наши не только не доносъ, но оправданіе, но облегчающая причина, которой польза можетъ воспользоваться. Послѣ высказаннаго мнѣнія можно ли думать, чтобъ между имъ и нами, были какія-бы то ни было сношенія?

— *Уничтоженіе, ионеніе, срытіе съ лица земли, приравненіе къ нулю Каракозовыхъ.* — Вглядываясь въ необузданность нашего азіатскаго рабства, въ его монгольскій характеръ, въ самомъ дѣлѣ начинаешь вѣрить Гапри Мартинъ, что мы чистые Туранцы, т. е. какая то тибетская чухпа, укравшая иранскій языкъ, кой-какъ спрятавшая монгольскіе скуды и надѣвшая нѣмецкое платье. Мы неблагопристойно раболѣпны. На дняхъ мы читали какъ какой то ветеранъ требовалъ уничтоженія фамиліи Каракозовыхъ, (по счастью ограничиваясь *именемъ* и позволяя лицамъ продолжать свое существованіе подъ другимъ заглавіемъ) — и дивились нелѣпости этой фантазіи, никакъ не ожидая, что помѣшечій Rêve Duchêne подаритъ насъ и не такой прелестью:

“Памъ доставлена, пишетъ *Вѣсть*, изъ Сердобскаго уѣзда, мѣста родины преступника Дмитрія Каракозова, слѣдующая корреспонденція:

“Передъ 25 Апрѣля, всѣ уѣздные предводители губерніи съѣхались въ Саратовъ, чтобы составить всеподданѣйшій адресъ, по случаю покушенія 4 Апрѣля и о томъ, что преступникъ вышелъ изъ нашей мѣстности. 28 Апрѣля всѣ саратовскіе предводители должны были выѣхать по дорогѣ въ Петербургъ.

“Сердобскій уѣздный предводитель г. Аяповъ, вслѣдствіе уговора съ прочими предводителями о немедленномъ отъѣздѣ ихъ въ Петербургъ, не могъ прибыть лично въ Сердобскъ, а прислалъ эстафету на имя уѣзднаго исправника Церинскаго и просилъ его собрать повѣстками на 26 число, въ городъ, дворянъ уѣзда и пригласить кандидата предводителя А. П. Ладоженскаго. Между тѣмъ, пошліи по городу и уѣзду разносчивые и нелѣпые толки о предметѣ оидаемаго собранія дворянства. Два родные брата преступника Дмитрія Карако-

* Мы готовы — если нужно для его оправданія и по желанію его друзей — ихъ напечатать.

зова, (изъ которыхъ одинъ мелкопомѣстный дворянинъ и въ то же время мѣстный уѣздный врачъ въ томъ же уѣздѣ Алексѣй Влад. Каракозовъ), совершенно убиты горемъ отъ безславья, постигшаго все ихъ семейство, вслѣдствіе злодѣйскаго преступленія брата. Въ настоящее время говорятъ, что эти несчастные не знаютъ что имъ дѣлать теперь съ собою и съ своимъ именемъ. Рассказываютъ, что къ *Алексию Каракозову* явился одинъ изъ чиновниковъ мѣстной полиціи и увѣрялъ его, что народъ въ припадкѣ ожесточенія можетъ совершить надъ ними насилие, если они покажутся на улицу и что дворяне не допустятъ ихъ въ собраніе, если они осмѣлятся туда явиться подъ какимъ-нибудь предлогомъ; что ильнне у нихъ дворяне купятъ обязательно и домъ ихъ и усадьбу и въ живалъ преступникъ Дмитрій Каракозовъ, уничтожатъ, сравняютъ, а можетъ быть и сожгутъ(!); что наконецъ, имъ *всѣмъ Каракозовымъ*, теперь нѣтъ мѣста не только въ сердобскомъ уѣздѣ и саратовской губерніи, — но что ихъ даже во Франціи и Англии будутъ преслѣдовать...

“26 Апрѣля, въ 4 часа по полудни, кандидатъ предводителя Ладоженскій объявилъ уѣздное собраніе дворянства открытымъ и прочталъ прошеніе собранію двухъ братьевъ Каракозовыхъ (Алексѣя и Петра), объясняющее: какъ къ нимъ приходилъ въ Сердобскъ наканунѣ одинъ изъ членовъ сердобской полиціи, что говорилъ, — и въ заключеніе они объявляютъ дворянству ихъ желаніе *измѣнить свою фамилію*, отступить отъ земли ежели дворяне хотятъ ее приобрести, и въ то же время пожертвовать свою долю изъ стоимости имѣнія на какое нибудь благотворительное дѣло. Самихъ просителей въ собраніи не было. Вслѣдъ затѣмъ въ собраніи высказано было мнѣніе, что если семейство Каракозовыхъ пожелаетъ имѣніе свое продать дворянамъ, а дворяне пожелаютъ купить; то это сдѣлать можно, пенначе какъ согласно правиламъ Св. Зак. т. X и XI; что двухъ братьевъ Каракозовыхъ, находящихся въ Сердобскѣ, не взирая на запрещеніе чиновниковъ полиціи (буде оно и было) слѣдуетъ пригласить въ собраніе и составить съ ними предварительный договоръ о продажѣ ихъ имѣнія, ежели они имѣютъ право располагать имъ свободно”.

До этой бѣлой горячки раболѣпна, до этого дикаго тупоумія дѣйствительно не доходятъ европейскіе народы. Какъ же государь дозволяетъ гнать, оскорблять совершенно невинную семью изъ-за выстрѣла 4 Апрѣля? Хорошо, что надо ѣздить въ Сердобскъ, чтобъ искать Каракозовыхъ, да и тамъ ихъ двое; ну, а будь стрѣлявшій Ивановъ или Петровъ — имъ же числа и мѣры вѣтъ?

Да покраспѣйте же...

Или хоть бы Шуваловъ, министръ полиціи, заставилъ васъ покраспѣть по начальству.

ВАЖНАЯ ПОПРАВКА.

Подъ этимъ заглавіемъ въ 36 №. *Вѣсти* напечатано слѣдующее:

“Въ №. 29 вашей газеты напечатано извѣстіе изъ *Женеви*, въ которомъ, между прочимъ, было сказано, что истинная пѣль покушенія на жизнь государя должна быть въ замыслахъ революціонеровъ всемирной пропаганды.

“Предположенія эти получили нѣкоторое подтвержденіе. Въ *Женеви* (гдѣ печатается *Колоколъ* и другія революціонныя славянскія изданія), журналы печатали 6 (18) Апрѣля, что преступникъ русскій; люди, завѣдомо состоящие въ сообщеніи-

чествъ съ революционерами всѣхъ народовъ, утверждали, что преступникъ не только русскій, но дворянинъ.

“Откуда знали они это 6 (18) Апрѣля утромъ, когда въ Петербургѣ сдѣялось извѣстнымъ только 12 (24) Апрѣля — имя и званіе преступника”.

“Не желая вводить въ заблужденіе кого бы то ни было, мы считаемъ своимъ долгомъ пояснить, что *одинъ изъ редакторовъ Вѣсти находилъ въ то время въ Женевѣ и ницего подобнаго не слышалъ*. Оставляя напечатанное въ № 29 *Вѣсти* извѣстие на отвѣтственности автора ницема и отрывая ему наши столбцы, если онъ пожелаетъ подтвердить сообщенный имъ слухъ, вышеозначенный редакторъ *Вѣсти* предполагаетъ — не былъ ли авторъ введенъ въ заблужденіе тѣмъ обстоятельствомъ, что дѣйствительно въ одномъ изъ женеvскихъ журналовъ была напечатана, кажется 6 (18) Апрѣля, телеграмма, въ которой сообщалось извѣстие, что англійскій журналъ *The Owl (!)*, напечаталъ, что преступникъ есть русскій дворянинъ”.

Кажется къ этому прибавить ничего не нужно...

— *Задержание Моск. Вѣдомостей*. Россія на два мѣсяца избавлена отъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Рано радовался Катковъ поправію Головинна. Какъ правъ поэтъ сказавшій :

У цзя, у нашего,
Все такъ политично,
Что и безъ Тимашева
Высѣкутъ отлично;
И къ чему тутъ зяне
У Цѣннаго моста?
Выидеть приязаніе —
Отдернуть и просто.

И такъ къ отрицательнымъ рѣдкостямъ Москвы прибавляется еще одна: къ большой пушкѣ, изъ которой нельзя стрѣлять, къ большому колоколу, въ который нельзя звонить, присоединяется большой издатель, который не будетъ издавать. Это двухмѣсячное задержание статей Каткова, именно теперь, когда поле допосовъ такъ горячо, можетъ сильно разстроить здравіе воередактора и тѣлохранителя единства Россіи. Какая неосторожность со стороны правительства, — все сепаратисты в поляхъ!

— *Барометръ на градусъ ниже*. Благородная фигура князя Суворова исчезаетъ съ перваго плана дѣйствій. Это ужъ “шахъ” самому себѣ. Оберъ-полицмейстеръ С - Петербургскій подчиняется III отдѣленію, такъ и вся Россія.

— *А они все шуютъ заговора!* Отецъ Каракозова, пишущій изъ Сердобска, въ одну Петербургскую газету, служилъ за судьей сердобскаго земскаго суда и умеръ лѣтъ 10 — 15 тому назадъ *помпшанымъ*, старшій братъ его тоже впасть въ *помпшательство* и по настоящее время содержится въ домъ умалишенныхъ.

— *Лебединая острога князя Меншикова*. При князѣ Меншиковѣ говорили о невозможности найти при теперешнихъ обстоятельствахъ способнаго министра финансовъ. Меншиковъ сомнѣвался. — Ну да вы, князь, приняли бы портфель Рейтерна? — спросилъ его кто то. — “Непремѣнно, отвѣчалъ Меншиковъ, да оно мнѣ и слѣдуетъ. Я былъ морскимъ министромъ — когда почти не было флота, главноначаль-

ствующимъ въ Крыму — когда не было арміи, кто-же лучше меня можетъ быть министромъ финансовъ — когда нѣтъ ни гроша денегъ?”

Эта острога напоминаетъ тѣ времена, когда ѣдкія замѣчанія Меншикова развлекали мрачную тоску Зимняго дворца при Николаѣ. Мы боялись, что усердіе, показанное княземъ при защитѣ крѣпостнаго права, лишило его этой способности, и съ удовольствіемъ видимъ, что ошиблись.

— *СПРАШИВАЕТСЯ* : Не могутъ-ли доставить намъ свѣденія о томъ “блѣдномъ” заговорникѣ, гулявшемъ съ злыми умыслами по саду 4/16 Апрѣля — котораго знаменитый генералъ Тотлебенъ собственноручно саватилъ, скрутилъ, смутилъ, вручилъ. Гдѣ онъ? Кто онъ? Полякъ или нигилистъ? Когда его будутъ гальванопластать? Имя, отчество, профессія?

(Просимъ прислать прямо въ Типографію).

Еввата. Въ прошломъ листѣ “Колокола” вкралась важная ошибка на стр. 1804, въ 1-мъ столбцѣ, на 5 строкѣ, пропущены передъ точкой слова “не печатать его”. Тамъ же, на 9 строкѣ, вмѣсто “онъ”, напечатано “она”.

ПРОДАЮТСЯ :

ЕЩЕ РАЗЪ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ ИСКАДЕРА

Съ приложеніемъ ненапечатаннаго разсказа

ТРАГЕДІЯ ЗА СТАКАНОМЪ ГРОКА

цѣна · 1 тал или 3 чр 75 септ — Prix 3 fr 75 c. ou 1 Thlr.

ВЪРОИСПОВѢДАНІЕ ДУХОВНЫХЪ ХРИСТІАНЪ,
обыкновенно называемыхъ *Молоканами*. Цѣна 2 франк.

ДЛЯ ИСТИННЫХЪ ХРИСТІАНЪ

Сочиненіе Пгнатія. Цѣна 50 сантимовъ.

— *Полное Собрание КОЛОКОЛА, ОБЩАГО ВѢЩА и ПОДЪ СУДЪ, отъ 1857—1865, перепл., 75 франковъ.*

Въ Женевѣ *Колоколъ* продается у г. Георга, Corraeteric; въ Лондонѣ у N. Trübner et Co., 60, Paternoster Row; въ Парижѣ A. L. Herold, 67 Rue Richelieu; Брюсселѣ C. Muquardt, F. Claassen; Вевѣ Richard Lesser, 15, Rue du Lac; Лозаннѣ Martigner et Chavaunes; Лейпцигѣ F. A. Brockhaus; Берлинѣ Ferd. Schneider, 11, Victoria Strasse, Schneider et Co., 19, Unter den Linden, B. Behr, 27, Unter den Linden; Гамбургѣ Perthes Besser et Mauke, Hoffmann et Campe; Любекѣ Fr. Asschenfeldt; Штетинѣ Von der Nahmer; Флоренци Eugène Vieusseux; Аоннахъ K. Wilberg, Канрѣ W. Hammerschmidt; Константинополѣ F. Schimpff et Comp., Köhler et Weiss.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Обращаемъ особенное вниманіе нашихъ читателей на то, что Вольная Русская Типографія въ Женевѣ принимаетъ съ новаго года сверхъ заказовъ для печатанія на рускомъ, и на польскомъ, сербскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ.

Типографія снабжена новыми шрифтами и можетъ ручаться не только за точное и красивое выполненіе, но и за сравнительную дешевизну заказовъ.

Подробныя тарифы цѣнамъ печати на разныхъ языкахъ, въ разныхъ форматахъ и на разной бумагѣ — желающіе могутъ найдти въ Бюро Типографіи, 40, Pré l'Evêque.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré l'Evêque, Genève.

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 222.

15 Іюня 1866.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Женевѣ
Получается въ Вольной Русской Типографіи,
40, Pré l'Evêque и въ главныхъ депо — у
Г. Георга, 10, Corratere, Genève, у Н.
Грюбнера и Ко, 60, Paternoster Row
Londres Цѣна за листъ 50 сантимовъ безъ
пересылки. Прилагаемъ почтовой тарифъ

Въ Германію	15с.
— Австрію	15с.
— Англію	15с.
— Бельгію	5с.
— Францію	5с.
— Италію	3с.
— Неаполь и Сицилію	20с.
— Грецію (черезъ Марсель)	5с.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10с.
— Швецію	25с.
— Швейцарію	5с.

Parait à Genève tous les quinze jours.
Le dépôt principal est chez H. GROS, à
Genève, Corratere, No. 10. A Londres,
chez N. TRÜBNER et Co, 60, Paternoster
Row. Le prix de chaque No est de 50 cen-
times, le port de la poste non compris. Tarif
postal :

Allemagne	15с.
L'Autriche	15с.
Angleterre	15с.
Belgique	5с.
France	5с.
Italie	3с.
Naples et Sicile (voie de Marseille)	20с.
Grèce (voie de Marseille)	5с.
Turquie et Princ. Danubiennes (voie de Marseille)	10с.
Suède	25с.
Suisse	5с.

ОГЛАВЛЕНІЕ : ОТЬ ГОСУДАРЯ КНЯЗЮ П. П. ГАГАРИНУ—Финансовое Положеніе—Опять по поводу Николаевской Железной Дороги. СМѢСЬ : Прозрѣнія—Муравьевъ

—Фальшивыя монетчики изъ дворянъ—Счетъ “Кельнской Газеты”—Изъ Петербурга Имя доктора, Толстой счетъ, Трепова бьетъ—Оть Издателей.

ОТЬ ГОСУДАРЯ

КНЯЗЮ П. П. ГАГАРИНУ.

“Князь Павелъ Павловичъ,

“Единодушныя изъявленія вѣрноподданческой преданности и довѣрія ко мнѣ, ввѣреннаго Божиимъ Промысломъ управленію моему народа, служатъ мнѣ залогомъ чувствъ, въ коихъ я нахожу лучшую награду за мои труды для блага Россіи.

“Чѣмъ утѣшительнѣе для меня сіе сознаніе, тѣмъ болѣе признаю и своею обязанностию охранять русскій народъ, отъ тѣхъ зародышей вредныхъ злоученій, которыя со временемъ могли бы поколебать общественное благоустройство, если бы развитію ихъ не было постановлено преградъ.

“Событіе, вызвавшее со всѣхъ концовъ Россіи доходящія до меня вѣрноподданческія заявленія, вмѣстѣ съ тѣмъ послужило поводомъ къ болѣе ясному обнаруженію тѣхъ путей, которыми проводились и распространялись эти пагубныя лжеученія. Исслѣдованія, производимыя учрежденною по моему повѣленію особою слѣдственною комисіею, уже указываютъ на корень зла. Такимъ образомъ Провидѣнію благоугодно было раскрыть предъ глазами Россіи, какихъ послѣдствій надлежитъ ожидать отъ стремленій и умствованій, дерзновенно посягающихъ на все для нея искони священное, на религиозныя вѣрованія, на основы семейной жизни, на право собственности, на покорность закону и на уваженіе къ установленнымъ властямъ.

“Мое вниманіе уже обращено на воспитаніе юношества. Мною даны указанія на тотъ конецъ, чтобы оно было направлено въ духѣ истинъ религіи, уваженія къ правамъ собственности и соблюденія коренныхъ началъ общественного порядка, и чтобы въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ, не было допускаемо ни явное, ни тайное проповѣданіе тѣхъ разрушительныхъ понятій, которыя одинаково враждебны всѣмъ условіямъ нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія народа. Но преподаваніе, соответствующее истиннымъ потребностямъ юношества, не привнесло бы всей ожидаемой отъ него пользы, если бы въ частной семейной жизни проводились ученія, несогласныя съ правилами христіанскаго благочестія и съ вѣрноподданческими обязанностями. По сему я имѣю твердую надежду, что видамъ моимъ по этому

важному предмету, будетъ оказано ревностное содѣйствіе въ кругу домашняго воспитанія.

“Не менѣе важна для истинныхъ польвъ государства въ его совокупности, и въ частности для каждаго изъ моихъ подданныхъ, полная неприкосновенность права собственности во всѣхъ его видахъ, опредѣленныхъ общими законами и положеніями 19-го Февраля 1861 г. Независимо отъ законности сего права, одного изъ самыхъ коренныхъ основаній всѣхъ благоустроенныхъ гражданскихъ обществъ, оно состоитъ въ неразрывной связи съ развитіемъ частнаго и народнаго богатства, тѣсно между собою соединенныхъ. Возбуждать сомнѣнія въ семъ отношеніи, могутъ одни только враги общественнаго порядка.

“Къ утвержденію и охраненію сихъ началъ, должны стремиться всѣ лица, облеченныя правами и несущія обязанности государственной службы. Въ правильномъ государственномъ строѣ, первый долгъ всѣхъ призванныхъ на служеніе мнѣ и отечеству, состоитъ въ точномъ и дѣятельномъ исполненіи своихъ обязанностей, безъ всякаго отъ видовъ правительства уклопенія. Превышеніе и бездѣйствіе власти одинаково вредны. Однимъ лишь неуклоннымъ исполненіемъ сихъ обязанностей можетъ быть обезпечено то единство въ дѣйствіяхъ правительства, которое необходимо для осуществленія его видовъ и достиженія его цѣлей.

“Мнѣ извѣстно, что *нѣкоторые изъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ*, принимали участіе въ разглашеніи превратныхъ слуховъ или сужденій о дѣйствіяхъ или намѣреніяхъ правительства, и даже въ распространеніи тѣхъ противныхъ общественному порядку ученій, которыхъ развитіе допускаемо быть не должно. Самое званіе служащихъ, даетъ въ такихъ случаяхъ болѣе вѣса ихъ словамъ и тѣмъ самымъ способствуетъ къ искаженію видовъ правительства. Подобныя безпорядки не могутъ быть терпимы. Всѣ начальствующіе *должны наблюдать за дѣйствіями своихъ подчиненныхъ* и требовать отъ нихъ того прямаго, точнаго и неуклоннаго исполненія предуказанныхъ имъ обязанностей, безъ котораго невозможенъ стройный ходъ управленія, и которымъ они сами должны подавать примѣръ уваженія къ власти.

“Наконецъ, для рѣшительнаго успѣха мѣръ, принимаемыхъ противъ пагубныхъ ученій, которыя развились въ общественной средѣ и стремятся поколебать въ ней самыя

коренныя основы вѣры, нравственности и общественнаго порядка, всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ правительственныхъ частей надлежитъ *имѣть въ виду содѣйствіе тѣхъ другихъ, здравыхъ, охранительныхъ и добродѣтельныхъ силъ*, которыми Россія всегда была обильна и досель, благодаря Бога, преизобилуетъ. Эти силы заключаются во всѣхъ состояніяхъ, которыми дороги права собственности, права обезпеченнаго и огражденнаго закономъ землевладѣнія, права общественныя, на законѣ основанныя и закономъ опредѣленныя, начала общественнаго порядка и общественной безопасности, начала государственнаго единства и прочнаго благоустройства, начала нравственности и священныя истины вѣры. Надлежитъ пользоваться этими силами и сохранять въ виду ихъ важныя свойства, при назначеніи должностныхъ лицъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія. Такимъ образомъ обезпечится отъ злонамѣренныхъ нареканий, во всѣхъ слояхъ народа, надлежащее довѣріе къ правительственнымъ властямъ. Въ этихъ видахъ, согласно всегдашнимъ моимъ желаніямъ и неоднократно выраженною мною воѣ, надлежитъ по всѣмъ частямъ управленія оказывать полное вниманіе охраненію правъ собственности и *ходатайствамъ, относящимся до пользы и нужды* (право петиціи!) разныхъ мѣстностей и разныхъ частей населенія. *Надлежитъ прекратить* повторяющіяся попытки къ возбужденію вражды между разными сословіями, *и въ особенности къ возбужденію вражды противъ дворянства, и вообще противъ землевладѣльцевъ*, въ которыхъ враги общественнаго порядка естественно усматриваютъ своихъ прямыхъ противниковъ. Твердое и неуклонное соблюденіе *этихъ общихъ* началъ положить предѣль тѣмъ преступнымъ стремленіямъ, которыя пылѣ съ достаточною ясностію обнаружилась и толжны подтекать справедливой карѣ закона. Поручаю вамъ сообщить настоящий рескриптъ мой, для надлежащаго руководства, всѣмъ министрамъ и главноначальствующимъ отдѣльными частями.

“Пребываю и пр.

“Александръ”

Въ царскомъ Селѣ 13/25 Мая 1866.

... И такъ вотъ оно послѣднее эхо на выстрѣль!

Страхъ передъ чѣмъ то неопредѣленнымъ, благочестивыя, но не повья размышленія, дурной стогъ, безлименные намеки, заученый урокъ и правственный *coup d'état*...

Мы рѣшились цѣлкомъ перенечатать эту тяжѣю думанную и тяжело написанную диссертацию*, потому что видимъ въ ней своего рода исторически, пограничный стоибъ—дурно сдѣланный, дурно обращенный, неуклюжий межевой знакъ, но все же знакъ.

Будь это риторическое упражненіе о развращеніи умовъ и сердецъ, о лжеученіяхъ и теоріи собственности писано не только Деляновымъ, туда же пустившимся въ краснобайство, но и самимъ Толстымъ министромъ *духовныхъ дѣлъ*, мы не обратили бы на него ни малѣйшаго вниманія. Такия-ли чудеса мы читали въ журналахъ, ставшихъ поперекъ дороги русскаго развитія. Но высочайшая діатриба, брошенная съ той высоты, на которой стоитъ тропь, совсѣмъ другое дѣло. Какъ бы она ни была лишена собственнаго вѣса, она должна долетѣть до нашихъ низменныхъ полей пушечнымъ ядромъ, и что нибудь разбить, или разбиться.

* По всей вѣроятности письмо это писалъ “самъ къ себѣ” Гагаринъ. Все это продолженіе системы, начатаѣ съ извѣстнаго пожара въ Петербургѣ, системы интимизаціи государя. Его увѣряютъ и страшатъ, онъ увѣряется, страшается и подписываетъ, какъ будущій конституціонный императоръ, не зная что — il regne, mais ne gouverne pas.

Внимательно разсматривая эту царскую грамоту, напоминающую намъ въ своемъ свѣтскомъ любомудріи духовную иконопись, которой изукрасилъ митрополитъ Филаретъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, насъ прежде всего поражаютъ *три вещи*.

Во-первыхъ изъ нея выходитъ ясно какъ день, что заговора примыкающаго къ выстрѣлу 4/16 Апрѣля (какъ мы говорили и повторяли) *не было — до того не было*, что его не могли напугать, не смотря ни на потемки, въ которыхъ дѣлаются сѣдствіе, ни на выборъ сѣдопроизводителя, ни на средства употребленныя имъ. Заговоръ и помысли, участіе нигилистовъ и всемірной революціи — все это интрига, ложь, клевета. Ее втюкнувъ въ уста государя даже они не осмѣлились. Остаются выѣхать на *правственомъ соучастіи* т. е. на безпраздвенной *complicité morale*—перехвативши дружескія и семейныя переписки, помѣчавши для себя мысли, запутать ими все мыслящее въ молодомъ поколѣніи, все проснувшееся къ умственной жизни смертию Николая и вздохнувшее свободно послѣ нея. О какихъ виноватыхъ говоритъ письмо, понять невозможно. По дѣлу Каракозова могли быть виноватыми одни *сопричастные ему*, а не всѣ люди, думающіе что русское управленіе не есть идеаль всѣхъ правленій и разсуждающіе о правѣ собственности. Прудонъ очень много писалъ о собственности, но никогда не былъ обвиняемъ ни въ какомъ атентатѣ. Это младенческое неразвитіе самыхъ первоначальныхъ юридическихъ понятій, какъ-то грустно поражаетъ... Тѣмъ не меньше *отрицательное* признаніе, что заговора нѣтъ, мы отмѣчаемъ какъ первую и великую побѣду правды надъ интригой мелкаго петербургско-московскаго жопа.

Одинъ противникъ указалъ и призналъ, безъ имени, живую силой и мощью—соперникомъ, съ которымъ надобно считаться, который растетъ и будетъ расти, если его не задушить теперь, словомъ, призналъ и объявленъ государемъ за *беллигерантную сторону*.—Кто этотъ противникъ съ опущеннымъ забраломъ?—Вѣрно либеральное дворянство, такъ упорно и самостоятельно стремившееся ограничить самодержавіе, оппозиціонное, петиціонное?... О немъ ни слова... Гигантъ въ колыбели, котораго правительство боится, въ которомъ чуется будущаго наследника — это *соціальныя ученія*, это идеи нѣсколькихъ ничтожныхъ интераторовъ, молодыхъ людей, нигилистовъ, и насъ грѣшныхъ. Характеръ того движенія, которое стремится къ разюженію старыхъ формъ русской жизни, мѣшающихъ сложиться выростающимъ силамъ ея, инстинктивно сознанъ *соціальнымъ**... и потому правительство становится за вѣчный утѣсь консерватизма и реакціи, за поземельную собственность: ее оно хочетъ защищать, ею оно хочетъ защищаться... на помощь ей зоветь катихизисъ, домашнее воспитаніе, соглядатайство начальниковъ и всѣ свои силы т. е. всѣ свои полиціи.

Эту царскую инвеституру мы принимаемъ за *вторую побѣду*.

Третья побѣда — “не намъ, не намъ”, во и не *народу русскому*. Кстати къ народу, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ фактовъ письма къ Гагарину — это полнѣйшее

* Само собою разумѣется, что ни одно серьезное соціальное ученіе никогда не падало на право собственности съ точъ и зрѣнія грабежа. Читатели наши видѣли недавно изложеніе Прудоновой новой теоріи. Критика собственности — грабежемъ дѣлается только имперскими социалистами въ западныхъ губерніяхъ. Однимъ изъ главъ этого ученья самъ П. П. Гагаринъ. Мы знаемъ его мнѣніе при обсуживаніи въ государственномъ совѣтѣ Милютинской инструкціи. Ультра соціальныя и пивелаторскія тенденціи князя (хотѣвшаго въ 1849 арестовать Милютину подѣлу Петрашевскаго) тѣмъ больше удивляли, что князь былъ одинъ изъ яростнѣйшихъ крѣпостниковъ когда дѣло шло о земельномъ издѣлѣ русскихъ крестьянъ.

отсутствие *парода*, которому такъ недавно льстили... ни одного ласкаваго слова, ни одного привѣтствія, ни даже спасибо за спасеніе жизни! Пейзажи надѣли. Комисарова лишля правъ состоянія, зачислили по дворянству, и доволно съ нихъ. Третья побѣда—прежнему, старому, царскому другу дѣтства, — *помѣщичеству**. Его какъ слабаго цыпленка, двуглавый орелъ беретъ подъ оба крыла, за него вѣчною недоросля правительствомъ, какъ мамка Митрофанушки, готова выпаранать глаза каждому. Письмо *кладетъ предѣлъ* — всякому гласному обсуживанно великаго процесса — помѣщиковъ съ крестьянами.

Вотъ и все.

За тѣмъ государь сообщаетъ съвозъ Гагарина пароду, что онъ хочетъ вести Россію *другимъ* путемъ. *Какимъ?* Этого кажется онъ и самъ еще порядкомъ не сообразилъ, но ясно что *дурнымъ*. Изъ всего письма видно раздраженіе, желаніе управлять круче, подтянуть поводья короче, тѣснить больше, давить крѣпче... Съ этою цѣлю державный корреспондентъ князя Гагарина, предлагаетъ сдѣлать изъ всѣхъ начальниковъ — соглядатаевъ для своихъ подвластныхъ, а потомъ *предписать* имъ “имѣть въ виду содѣйствіе *тѣхъ друиыхъ*, здравыхъ, охранительныхъ и добродѣльныхъ силъ, которыми Россія обильна”.

Тутъ мы признаемся, ничего не понимаемъ, это въ родѣ того, что поется въ сибирской пѣсни: “разговоръ мой дорогой, разговаривалъ со мной”. Тутъ явнымъ образомъ Гагаринъ за Гагарина зашелъ...

Къ этой то *энергической и удобоисполняемой* мѣрѣ, ничего не прибавлено, кромѣ увѣренности, что: “Соблюденіемъ этихъ общихъ началъ положится предѣлъ” всему злу и все пойдетъ какъ по маслу.

... Мы вообразимъ себѣ какъ государь проскучавъ это длинное посланіе Гагарина къ Гагарину, обтеръ потъ съ державнаго лица, и бросая перо, которымъ подписывался, сказалъ: “Ну слава богу, свась тронъ, алтарь, дворянство, собственность, правственность, порядокъ... Правда, тяжелыми періодами надобно спасать всѣ эти хорошія вещи, ну да разъ въ жизни, куда ни шло... За то дѣло сдѣлано!”.

Теперь Павелъ Павловичъ извольте-ка всѣмъ начальникамъ — не исключая ни горвыхъ, ни солянныхъ, ни медицинскихъ, ни морскихъ — вмѣшять въ строжайшую обязанность вызывать *тѣ, друія и благонадежныя силы*.

Государь отдохнуть.

И дворянство, съ 1860 года дрожавшее отъ страха и гнѣва, также отдохнуть... не нужно ни траниться на *Вѣсть*, ни Сазикову заказывать золотую песочницу, временно-задержаннымъ *Моск. Вѣдомостямъ*, ни дѣлать видъ, что коли такъ — такъ-такъ, а не такъ — такъ давай конституцію, хотимъ молъ учрежденіи... à l'anglais...

Спите, братцы, почивайте!...

А вы, бѣдные сосланные, въ певоды заключенные, удѣлѣвшіе въ цѣляхъ, работающие въ рудникахъ гонимые друзья — мужайтесь. Мы дожили съ вами до великаго времени. Не

* Дворянство такъ это и поняло, “Вѣсть” (N. 38) въ своихъ комментаріяхъ къ Эпистолю, прямо говорить: “что не понимаетъ какъ послѣ рескрипта оставаться на государственной службѣ людямъ, которые не могутъ не сознаться въ своей враждѣ къ дворянству”. Поздравляемъ служащихъ, они не только на службѣ государства, парода, но и дворянства, такъ какъ ихъ дворян, людская, кучера, прачки...

даромъ вы страдаете, не даромъ и мы работали цѣлую жизнь. *Это зря страдаю дня, но дня, который мы ожидали.*

... Когда императоръ Траянъ послалъ Плинія на слѣдствіе о лжеученіи Назареевъ, когда Сепать Римскій задумывался надъ распространеніемъ нечистой и безнравственной суеты казнаго Іудея, а Тертулианъ защищать ее отъ гнусныхъ обвиненій въ *убійствахъ*, когда еще прежде Перопъ сваливать на нихъ какъ на *поджигателей* вину павѣстнаго пожара, а другіе цезари травили ихъ *масно и всенародно* наивными Муравьевыми изъ звѣрица — Дѣло Христіанства было выиграно.

И мы послѣднимъ писаніемъ Кесаря шагнули впередъ. Намъ дарованъ, за царской сѣрбиной патентъ, мы не забудемъ 13/25 Мая 1866 года.

Это пачаю борьбы... это пачаю войны.

Конца ея мы не увидимъ... врядъ увидятъ-ли младшіе изъ юныхъ. Тутъ развивается исторія, упорно защищается отходящее, медленно, смутно нарождается водворяемое... но самый процессъ, самая драма исторической беременности подна поэзіей. Всякому поколѣнью свое, мы не ропщемъ на наивнай, мы дожили не только до красной полосы на Востокъ, но и до того, что враги наивн ея видятъ. Чего же больше ждать отъ жизни, особенно когда человекъ, положи руку на грудь, съ чистой совѣстью можетъ сказать: и я участвовалъ въ этой гигантской борьбѣ, и я внесъ въ нее свою ленту...

... А вы Павелъ Павловичъ пишите еще письмо къ себѣ, какойнибудь комментариемъ къ царскосельскому посланію или какъ Плиній jun. пишите самому цезарю о изложеліи новыхъ Назареевъ, о ихъ ничтожности, о вашемъ къ нимъ презрѣніи... только пишите!

И—ръ.

ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

При разборѣ положенія нашей торговли и промышленности и отношенію ихъ къ состоянію финансовъ страны, мы останавливались на взглядахъ нѣкоторыхъ финансистовъ, печатно утверждающихъ, что разница между привозомъ въ какуюнибудь страну товаровъ и вывозомъ ихъ, не имѣетъ будто бы влияния на финансовое положеніе вообще и на курсъ въ особенности, той страны, которая получаетъ больше, чѣмъ отпускаетъ. Полагая, что такое мнѣніе невѣрно, мы основываемъ свои заключенія на слѣдующемъ:

1) Если въ цѣль произведенія будетъ напримѣръ изъ Россіи на 100,000 руб. с., а привозъ на 70,000, то разницею въ 30,000 руб. иностранцы будутъ имѣть нужду въ нашихъ рубльяхъ, тогда какъ при обратномъ положеніи мы, не будучи въ состояніи отвѣчать суммъ ввозимой ими цѣнности товаровъ, товарамъ же, нуждаемся въ ихъ франкахъ, гульденахъ, или шиллингахъ, слѣдовательно на ихъ монеты у насъ есть спросъ и они дорожаютъ для насъ по этой причинѣ, на нашу же пѣть у нихъ спроса и она дешевѣетъ.

2) При развитіи промышленности и торговли на столько, что привозъ товара не будетъ превышать вывоза, а будетъ балансировать, почти до равенства, мы не будемъ имѣть нужды различиваться съ иностранцами золотомъ за привозимые товары, а будемъ разбираться векселями, какъ водится въ торговомъ быту обыкновенно, т. е. ежели на нашихъ биржахъ будетъ находиться равное количество иностранныхъ векселей, то монета наша за границу уходить не будетъ, ежели она и заведется у насъ, или, что еще хуже, какъ теперь есть, не будемъ вынуждены мы искать ее у иностранцевъ же и поднимать на нее цѣну.

А ежели къ этому еще прибавится улучшеніе въ нашихъ законахъ и въ насъ самихъ уваженіе къ законности; ежели мы не будемъ поселять въ иностранцахъ опасеній ни за производъ и неравноправность, или ослабленія со стороны закона, въ пользу однихъ, со стѣпненіемъ другихъ, ни за неумѣнье или нежеланіе понимать правильныя условія торговли; ежели перестанемъ пробавляться по прежнему на половину обманомъ въ товарѣ: то торговля наша и промышленность поднявшись изъ настоящаго застоя, будутъ привлекать къ намъ и капиталы иностранныя будутъ служить важнѣйшимъ основаніемъ хорошему положенію бурсы и ея прочности.

На промышленность нашу и торговлю, можетъ быть и на основаніи опровергаемаго нами сейчасъ взгляда нѣкоторыхъ финансистовъ, не обращается у насъ должнаго вниманія, слѣдовательно и не существуетъ сознанія важнѣйшихъ двигателей государственной жизни.

Нельзя сказать, чтобъ мы совершенно бездѣйствовали, а тѣмъ менѣе, чтобъ мы спустились на деньги при стремленіяхъ развиваться; но кто-жъ не видитъ, что мы и дѣятельность и деньги тратимъ не туда куда нужно и не такъ производительно какъ бы слѣдовало.

Мы изъ всѣхъ силъ натягиваемся, напримѣръ изъ Амура сдѣлать чуть-ли не рай; мы въ видахъ простора торговли беремъ Ташкентъ и хлопочемъ объ устройствѣ благосостоянія его обитателей. Мы устраиваемъ петровскую академію для образованія специально приготовленныхъ сельскихъ хозяевъ-управляющихъ и на все это тратимъ громадныя силы; но до Амура-ли намъ или Ташкента, до петровской-ли академіи, когда множество важнѣйшихъ потребностей неисправляется по недостатку средствъ, когда у насъ промышленность не развивается, а убивается по немѣнью механиковъ, химиковъ и прочихъ специалистовъ, по недостатку наконецъ и не-устройству сбыта. Мы собираемся готовить въ петровской академіи сельскихъ хозяевъ, когда за немѣнью банковъ, за немѣнью наличныхъ средствъ, по бездѣйности хлѣба съ паденіемъ винокурень и за немѣнью дорогъ всѣ хозяйства падаютъ и хозяйничать будетъ надолго неидѣ и не чѣмъ, при всѣхъ познаніяхъ, но безъ денегъ. Мы заботимся о жителяхъ Малой Азіи, а у себя дома и финансовый и всякій хаосъ дѣлаетъ жизнь невыносимою и гонитъ людей за границу.

Когда у насъ дефициты растутъ, государство балансируетъ банкротства, а мы на всѣ названныя новости затрачиваемъ бездну денегъ и силъ и вездѣ только начинаемъ, все *на авось* а кончать не подь силу, или по безцѣльности и ошибочности началъ или по безденежью.

Для успѣха нашей промышленности и торговли намъ еще надо учиться. Намъ слѣдовало бы знакомиться съ Западною Европою, но больше и по внимательнѣе, и перенимать у нея полезныя приемы, по части сбыта, наприм. Мы ошибочно не хотимъ усвоить себѣ иностранную систему развитія промышленности и торговли чрезъ *commis-voyageur*'овъ, ежели знаемъ ее. Система эта, для нашей заграничной въ особенности торговли, была бы намъ очень полезна, но въ измѣненномъ и улучшенномъ нѣсколько видѣ. Здѣсь всякой производитель ищетъ, какъ безпрестанно читаешь въ газетахъ, *commis-voyageur*'а для такого-то товару и посылаетъ съ нимъ образцы, по которымъ тотъ запродастъ, а хозяинъ, по его требованіямъ, высылаетъ разнаго достоинства и цѣны товаръ, но по образцамъ точно и вѣрно. Специалисты *commis-voyageur*'ы, знатоки своего дѣла, получаютъ не жалованье, а проценты. Точно слѣдовать этому намъ нельзя, но мы должны стараться открыть за границею, въ болѣе бойкихъ мѣстахъ конторы комиссіонерско-агентскія, которыя бы сначала черезъ *commis-voyageur*'овъ, а потомъ газетными голько объявленіями или циркулярами и приобретенною извѣстностью отыскивали сбытъ для русскихъ произведеній по высланнымъ къ нимъ изъ Россіи образцамъ. По-

лучая за тѣмъ изъ Россіи товаръ на комиссію съ выдачею ли авансовъ въ русскихъ портахъ изъ отдѣленій своихъ конторъ, устроенныхъ конечно и въ Россіи, или и безъ авансовъ, доволствовались бы платою не большихъ % за комиссію.

Въ этомъ родѣ конторы существуютъ уже въ Парижѣ, Лондонѣ и Ленингѣ, но не специально для этой цѣли—занимаясь преимущественно услугами для русскихъ за границею по размѣну денегъ и доставленіемъ различныхъ свѣденій и мелочныхъ посредничествъ между пріѣзжими русскими и мѣстными жителями и высылкою въ Россію иностранныхъ произведеній—но съ главнѣйшею цѣлью содѣйствовать развитію русской промышленности и торговли, съ постоянными выставками образцовъ русскихъ товаровъ, или съ запасами даже ихъ, конторы еще нѣтъ, а онѣ необходимы.

Представимъ нагляднѣе выводу отъ такихъ учреждений: производитель какого нибудь Бугуруслаускаго, что-ли, уѣзда, находится теперь въ необходимости ограничивать свое производство лишь мѣстною потребностью, и держать цѣну, слѣдовательно, на товаръ выше той, до какой бы онъ могъ довести его, пользуясь при массѣ сбыта меньшимъ барышомъ, но вознаграждающимъ его положеніемъ безатруднѣе въ сбытѣ и на массѣ его, изъ маленькихъ выгодъ, составлять вознаграждающую его трудъ и капиталъ, болшую иногда сумму, чѣмъ при большихъ барышахъ, но въ ограниченномъ количествѣ сбыта. Не фабрикантъ и не заводчикъ, а сельской хозяинъ на томъ-же самомъ основаніи не расширяетъ хозяйства свои и сбываетъ при мало-мальской возможности, а иногда и безвыгодно мѣстнымъ только покупателямъ монополистамъ, на которыхъ онъ смотритъ въ одно и то-же время, какъ на враговъ за притѣсненія въ цѣнѣ, обѣдахъ и обѣсахъ и какъ на покровителей, которые и выручаютъ и закабаляютъ его въ вѣчныя слуги монополиста. Отъ этого происходитъ доведеніе до безстыдства обманомъ въ товарѣ—что видишь, то купишь, подмѣшиваніемъ въ отношеніи качества и сортовъ, подмочкою для вѣса, или съ камнями и пескомъ въ серединѣ для той же цѣли.

При осуществленіи нашего взгляда тотъ-же производитель не трогаясь съ мѣста, могъ бы написать въ одну изъ русскихъ конторъ за границею свои вопросы, о возможности сбыта за границею его произведеній, по цѣнамъ отъ *minimum* до *maximum* и за незначительное денежное вознагражденіе получилъ бы отвѣтъ со свѣденіями о приблизительныхъ наименьшихъ цѣнахъ, пошлинныхъ, страховых, комиссіонныхъ, транспортныхъ и складочныхъ заграничныхъ расходахъ и предложеніе выслать образцы и ихъ цѣны, или и самый товаръ.

Загѣмъ производителю остается собрать свѣденія о внутренней транспортировкѣ до портовъ, пошлинахъ на вывозъ и находя выгоду, при избѣжаніи необходимости ограничиваться мѣстнымъ производствомъ, при *minimum* доставленныхъ ему цѣнѣ, хотя и менѣе крупную, но дающую возможность увеличить производство и выбиться изъ рукъ монополистовъ на дорогую всѣмъ свободу—высылать свой товаръ, заботясь лишь о его качествахъ и о возможно болшемъ обезпеченіи капиталовъ со стороны инъ, съ которыми онъ вступаетъ въ новое дѣло; а какъ это послѣднее сдѣлать, стоитъ подумать и не иначе рѣшиться какъ обусловивъ предприятие.

Посылая свой товаръ за границу и на комиссію притомъ, для продажи, Бугуруслауской производителю выиграетъ на массѣ производства, сказали мы и доставитъ еще пользу государству и пошлинами и привлеченіемъ капиталовъ; но и это еще не все, это матеріальныя только выгоды, а есть еще и нравственныя, состоящія въ томъ, что онъ будетъ заботиться о достоинствѣ товара и честности дѣла потому, что не сваливаетъ товаръ на условіяхъ—что видишь то купишь, а подвергается браку и слѣдовательно волен-неволей пріучается къ правильной торговлѣ на чести. При этомъ является непримѣнное замѣчаніе, что дома хотъ и не большой оборотъ да

вѣрный, а за границу посылать все-же есть рискъ; по это замѣчаніе будетъ не отъ торговца человѣка, который знаетъ, что безусловно вѣрнаго въ торговлѣ нѣтъ, а посылая товаръ на minimum цѣны, стало быть, нѣтъ и риска на убытокъ, а остается лишь одинъ вопросъ и рискъ, цѣны ли будутъ деньги и въ какой мѣрѣ обезпечены они. И на это много можно бы сказать усложнительныхъ комбинацій, но мы не пишемъ уставъ заграничнаго агентства, который, полагаемъ безъ особеннаго труда и усилій, можетъ быть составленъ такъ, что устранить все затрудненія въ отправкѣ на комиссію товаровъ.

Спросить, что-же высылать отъ насъ за границу? Сверхъ вабитон дорожи салу, льну, льняному семени, кожѣ, лѣсу, пенькѣ, ищите сбыта и найдете возможность продать все что хотите, только не дорожитесь. Скипидаръ напримѣръ, смола, льняные очески, даже Тульскія и Торжковскія издѣлія къ удивленію нашему, находятъ здѣсь сбытъ. Въ прошлую навигацію привезена была въ Лондонъ партія куриныхъ яицъ и продана быстро и съ большимъ барышомъ. Много найдется у насъ предметовъ для отпуски, надо только знать въ какую страну какіе товары сбываются, надо чтобы прежде поискали сбыта и потомъ уже дѣло пойдетъ безъ остановочнаго. Нашей водкѣ, напримѣръ, не могли найти ходу и небольшіе, отдѣльные попытки были безуспѣшны, а въ прошлую зиму высочайше требоваше на хлѣбный спиртъ въ большомъ количествѣ, и Россія не зная этого, не могла такимъ случаемъ воспользоваться, а этотъ одинъ случай могъ упрочить за Россіею постоянный сбытъ этого товара. Для сбыта товару надо искать дорогу прежде, потомъ набивать ее, а иногда и пробивать съ усиліями. Если заграничные комисіонерства будутъ заниматься дѣломъ также, какъ въ Петербургѣ у насъ ведутъ комисіонную торговлю рыбою отъ ладожскихъ рыбаковъ петербургскіе садкачели живорыбни, то дѣло конечно не далеко уйдетъ. Сады продаютъ получаемую отъ ловцовъ рыбу по цѣнѣ, кака есть, не извѣщая никогда о томъ, что цѣна снала на живую рыбу, а что со въ то-же время подешевѣла и потому не лучше ли солить, коптить или вялить рыбу, чѣмъ отдавать за безцѣнн, что слѣдуетъ варить клей и топить жиръ, вотъ такими то способами, что результаты этого дѣла такіе то. Хозяева садковъ и сами не знаютъ, что жиръ везется изъ за границы (къ намъ то!) вмѣсто собственнаго изготовленія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ иностранной торговлѣ и владѣльцы товаровъ и сбывающіе ихъ комисіонеры наведутъ дѣло съ большимъ пониманіемъ и вниманіемъ. Намъ можетъ быть скажутъ, что такая мысль не новость уже, но не прививаются онѣ къ намъ, и укажутъ при этомъ на содержимыхъ правительствомъ нашихъ финансовъ агентовъ за границею, и не только въ Парижѣ и Лондонѣ, а даже и въ Брюсселѣ; но ни торговлѣ, ни промышленности нашей это не помогаетъ. Мысли правительства, омыслимъ мы на это, и намѣренія помогать торговлѣ, ежели съ этими намѣреніями оно посылало за границу агентовъ своихъ, хороши, но исполненіе ихъ дурно и обвиненіе въ томъ должно падать на то же правительство. Да вѣдь и изъ Амура сдѣлать рай, и Ташкентъ облагодѣтельствовать, и Турцію уничтожить, и Египетъ пошевелить и петровская академія и коннозаводство со случными конюшнями, — все достойныя уваженія намѣренія, но исполнимы-ли они, время-ли ихъ исполнять намъ и нѣтъ ли силъ-ли, а главное какъ они исполняются и достаточно ли только сказать *повелѣваемъ*? Мы не знаемъ какое назначеніе имѣютъ финансовыя агенты за границею за такое крупное имѣю отъ государства вознагражденіе, какъ 10,000 фр. въ годъ жалованья, чины, креслы и хуже всего пенсія; но вѣроятно, или ихъ обязанности служить не на пользу промышленности и торговли, или онѣ служатъ лицамъ, а не дѣлу и не сознаютъ себя обязанными государству ничѣмъ и потому плохо занимаются, ежели не сказать совсѣмъ не занимаются по части

названныхъ предметовъ, и ни они сами, ни правительство о ихъ дѣятельности никогда ничего не заявляетъ, потому, мы думаемъ, что заявить нечего, или въ итогѣ окажутся бы, что игра не стоитъ свѣчъ, что они для названпой цѣли ничего не сдѣлали и что ихъ дѣятельность выказана бы обвиненіе на правительство, создающее мѣста и бросающее деньги безъ учета слѣдующей отъ мѣста пользы, или не въ прямыхъ государственныхъ цѣляхъ и интересахъ.

Мы знаемъ напримѣръ, а финансовыя агенты и этого не знаютъ, какъ имѣли мы случай убѣдиться, что Америка, до войны своей, вывозила въ западную Европу до 200,000 пуд. скипидару, знаемъ что скипидаръ въ Англии и Франціи доходить до 7 рублей сер. за пудъ за послѣднее время, а русскіе его производители, не зная куда съ нимъ дѣваться, продавая только на 3 руб. с. за лучшей бѣлый, и отъ 80 коп. до 1 руб. 50 коп. за красный, и при началѣ развитія дѣла, когда все, какъ извѣстно обходится самому несравненно дороже, чѣмъ въостѣствіи, когда дѣло направится. При существованіи внутри Россіи, едва-ли и 10 химическихъ скипидарныхъ заводовъ, основанныхъ по русской натурѣ на авось, не соображаясь съ потребностью и съ примѣнемъ къ сбыту, заводчики не находили его, и о заграничномъ требованіи его не знали. Да и какъ было имъ знать напримѣръ, что въ нѣкоторыхъ государствахъ вводится обычай покрывать лакомъ наружные стѣны домовъ, стало быть сильно увеличивается требованіе на лакъ. А ежели бы и узнали они это, какъ бы они приписались за дѣло сбыта, не имѣя въ виду къ кому обратиться за границею за несуществовавшимъ убазаннымъ нами агентствомъ, а существованіе русскихъ финансовыхъ агентовъ за границею, цѣль ихъ назначенія и ихъ обязанности, не секретъ лишь для ближайшаго ихъ начальства. Не знали и иностранцы о существованіи въ Россіи этого товара, какъ не знали, положительно утверждаемъ, и финансовыя агенты наши, незамѣчая даже и развивающейся за границею въ скипидарѣ потребности и что этимъ товаромъ Россія могла бы заваливать иностранные рынки съ полною возможностью убить всякую на него конкуренцію въ цѣнѣ, по развитіи дѣла. Полезнѣйшее для Россіи дѣло это, такъ въ ней и затерло по неотысканію сбыта и въ предпріятія по этой части въ Россіи убивались въ началѣ ихъ развитія. Дѣло дошло до того, что нѣсколько молодыхъ людей русскихъ, получивъ въ Россіи привилегію на добываніе жидкихъ продуктовъ изъ дерева, перенесли свою дѣятельность за границу и показавъ въ Гентѣ, на маленькомъ пробномъ заводикѣ, чего можно ждать отъ ихъ изобрѣтенія въ устройствѣ такихъ заводовъ, получили предложенія отъ иностранцевъ и устроили уже два завода въ Испаніи и Франціи. Россія во время американской войны, могла бы, повторяемъ, взять исключительно въ свои руки торговлю жидкими продуктами изъ дерева, что увеличило бы ея отпускную торговлю на 10 можетъ быть милліонн рублей въ годъ. Принимая въ расчетъ, что перевозъ изъ Россіи до английскихъ и французскихъ портовъ отъ 20. до 50 коп. съ пуда, легко убѣдиться, какъ выгодно могло быть для Россіи это дѣло. При этомъ должно замѣнить, что жидкіе продукты изъ дерева получаютъ изъ корней, или иней его, которыхъ безчисленныя пространства, послѣ срубленныхъ лѣсовъ казенныхъ и частныхъ, остаются гнить не только центрально, но еще служить помѣхою къ обращенію земли, ими занимаемой, на какое нибудь полезное употребленіе, въ видѣ пашни, покоса, или хогъ выгона. Изъ скипидара получается и освѣтительный продуктъ, а между тѣмъ не только уѣздные города, но и большинство губернскихъ, у насъ освѣщаются по старинѣ все еще масломъ, чего не могло бы быть при развитіи скипидарнаго дѣла!

А хлѣбный спиртъ, который изъ Пруссіи находятъ же себѣ сбытъ въ то время, какъ наши винокурни закрываются раззоривъ многихъ, а закрываются они и съ нами уменьша-

ются хлебныя запашки. Наши растительныя масла и ихъ жмыхи имѣютъ огромный ходъ за границу и репутацію, а ленъ и его семя? Но столько ли ихъ высылаютъ, сколько бы могли, и кто же высылаетъ — не производители, а монополисты-торговцы, и это потому большею частію, что у производителей нѣтъ въ виду средствъ и удобствъ самимъ это дѣлать, отъ чего промышленность и идетъ, какъ бы не хотя, въ размѣрахъ только крайней нужды, а польза ея неравномѣрно разливается на трудящихся. Наши полотна парусинныя совсѣмъ перестали быть отпускнымъ товаромъ, а на нихъ есть огромныя требованія. Наши свѣчи стеариновыя, какихъ нѣтъ за границею, совсѣмъ не идутъ туда по дороговизнѣ, отъ неразвита правильной торговли, а большую часть сала между тѣмъ, мы отправляемъ за границу какъ сырой матеріалъ. Частыя обнаруженія злоупотребленій въ отпускемъ изъ Россіи товарѣ, какъ недавно было въ Бельгій съ льномъ, портятъ репутацію и сырыхъ то нашихъ продуктовъ.

У насъ нѣтъ и въ помышленіи сваливать заботу на государство объ устройствѣ указанныхъ агентовъ, для пріискаванія сбыта русскимъ произведеніямъ, напротивъ, желательно бы было, чтобъ названныя нами учрежденія образовались въ видѣ частныхъ предпріятій; но разъ существуетъ расходъ на финансовыя агентовъ и расходъ большой, мы досаждемъ лишь на то, что расходъ этотъ непроемливъ и нежелая вовлекать государство въ новые расходы на этотъ предметъ, все таки скажемъ, что при невозможности вызвать частную предпримчивость для этой цѣли, о чемъ правительству слѣдовало бы подумать серьезно и внимательно, никто бы конечно не осудилъ его и не поспѣвалъ ежели бы оно вошло и въ новые даже расходы для такой важной цѣли; но мы увѣрены, что этого не нужно будетъ дѣлать. Для начала учрежденія съ избыткомъ достаточно и того капитала, который бесполезно теперь тратится на финансовыя агентовъ. Пусть правительство обяжетъ агентовъ своихъ собрать свѣденія о томъ какія русскія произведенія могутъ идти за границу, по какимъ минимумъ и максимумъ цѣнъ и при какихъ условіяхъ происходитъ колебаніе цѣнъ, въ какіе порты какія цѣны провозныя и пошлинныя, изъ чего состоятъ прочие расходы и цѣнность ихъ, и за тѣмъ свѣденія эти, по разъ заведенному порядку, должны быть доставляемы периодически и объявляемы во всѣхъ русскихъ газетахъ съ прибавленіемъ свѣденій о существующихъ агентскихъ конторахъ по части сбыта русскихъ произведеній, и частная предпримчивость на устройство такихъ конторъ—явится съ обезпечительными ли залогами, изъ земель и домовъ, или фондомъ изъ акцій и процентныхъ бумагъ, неприкосновеннымъ для учредителей и отвѣтственнымъ за ихъ дѣйствія, или за гаранціею и отвѣтственностью правительства. Такъ или иначе, но они явятся и помогутъ развитію нашей торговли.

Конечно лучше, чтобъ они явились по своей инициативѣ безъ всякихъ правительственныхъ субсидій, или не болѣе какъ объявленіемъ о существованіи конторъ и ихъ условіяхъ, высылкою имъ, въ видѣ посредничества на первый разъ, образцовъ, или чѣмъ вибудъ въ родѣ этого. Эти нецѣнныя услуги правительства ободряютъ и подвигаютъ русскую промышленность несравненно лучше драгоцѣнныхъ услугъ финансовыхъ агентовъ съ совершенно непужнымъ ихъ существованіемъ.

Не ясно ли, что въ нашей натурѣ существуетъ апатичность и какъ бы неспособность подумать о своихъ интересахъ. Не странно ли на пр., что всѣ живущіе за границею брюзжатъ, охаютъ, изъ себя выходятъ, что курсъ сильно падаетъ; по все это происходитъ только при необходимости размѣнивать русскія деньги, да тѣмъ тутъ же и кончается. Большинству русскихъ, приходится мѣнять ихъ и часто и много.

Дѣло вѣдь доходитъ до того съ 25, 50 и 100 рублевыми

бумажками, что ихъ не мѣняютъ, по причинѣ развитія подѣлки и потому они за деньги не признаются, и съ полнымъ карманомъ 25 рублевыхъ билетовъ можно умереть съ голоду; а вѣдь никто не хочетъ серьезно подумать о такомъ грустномъ положеніи и печальной перспективѣ и никто, не принимается за придумываніе выхода изъ такой бѣды, а выходъ то есть.

Разумѣя здѣсь тѣхъ, кто живетъ чуть непостоянно за границею, съ семействами въ особенности, мы спрашиваемъ ихъ: не лучше ли вмѣсто бесполезнаго брюзжанія и оханія, составить компанію между собою и устроить предлагаемое нами агентство и выбравъ дѣльныхъ между собою, или главнѣе честныхъ людей, потому что въ этомъ дѣлѣ, громъ дѣятельности и честности почти ничего не нужно — приступить безъ всякихъ споровъ и сношеній съ правительствомъ къ дѣлу. Пока агентство получить извѣстность и репутацію, а безъ обезпечительнаго крупнаго фонда въ земляхъ ли, домахъ, или процентныхъ бумагахъ, комиссионное дѣло скоро и широко не можетъ пойти, покупайте на ваши русскія бумажки товаръ въ Россіи и получайте здѣсь ваши деньги не бумажками или векселями, а товарами. Ежели бы вы барышей большихъ и не нажили, то ужъ на курсѣ то не будете терять нисколько. На возраженія же: намъ нужны деньги сегодня а товары продадутся черезъ мѣсяць, легко отвѣчать. Были бы товары, даже накладные только объ отправкѣ ихъ, здѣсь ваша контора достанетъ денегъ подъ обезпеченіе товаровъ неполученныхъ даже, по однимъ лишь консаментамъ, или накладнымъ, изъ 6% годовыхъ сколько угодно. Поведите только дѣло честно и чисто и не о чемъ будете теребить и брюзжать, нестрашны будутъ и угрозы поднять цѣны на паспорта, а ужъ упреки въ томъ, что живя за границею, вы дѣлаете вредъ родиѣ, сами собою исчезнуть, потому что вы будете приносить пользу не только себѣ, но и государству. Какъ устроить агентство и конторы для пріема денегъ въ Петербургскомъ, Рижскомъ и Одесскомъ портахъ въ кредитныхъ билетахъ и обращеніи ихъ въ товаръ, для высылки за границу и куда именно, по требованію центральной конторы уладить не хитро.

Много есть видовъ покровительства развитію промышленности и торговли и безъ денежныхъ расходовъ, со стороны государства, а однимъ только вниманіемъ, участіемъ къ дѣлу и при пониманіи его, удаленіемъ только существующихъ неудобствъ и стѣсненій. Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ: въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ вѣдомствъ, по каждому изъ нихъ существуетъ стремленіе отстаивать спеціальныя интересы управляемой части, слѣдовательно въ общемъ строю нѣтъ единства заботъ о государственномъ благѣ. Общественныя интересы изъ глазъ правителей ускользаютъ, а не принимаются въ соображеніе, всѣ служатъ лицамъ а не дѣлу, и изъ всѣхъ силъ стараются отличатся въ отстаиваніи интересовъ казны по своей части или вѣдомству до несправедливостей и не думая о вредѣ отъ этого общественномъ, считая это не только не преступнымъ, но даже добродѣтельнымъ, въ чемъ и утверждаются, получая отъ правительства за усердіе, какъ бы неразумно ни было оно, награды, вмѣсто порицаній.

(Продолжете впредь).

опять по поводу николаевской желѣзной дороги

Мы получили письмо по поводу замѣчаній напечатанныхъ въ 219 л. *Колокола*, по поводу статьи о "Николаевской Жел. Дорогѣ" (*Кол.* 217 и 218), помѣщаемъ изъ него слѣдующіе отрывки:

"М. Г.,

"Въ 219 л. *Колокола* прочитали мы съ удовольствіемъ, что статья вами напечатанная о Николаевской Желѣзной Дорогѣ, вызвала строгую критику. Особенно отрадно появленіе этой критики тѣмъ, что выказываются люди интересующіеся общественными бѣдами. Авторъ письма къ вамъ, дѣлающій

вопросы недостающие и неразрешенные, по его мнению, в критикуемой статье, задается, к удовольствию нашему и таким еще вопросами, до которых действительно не достигали наши Русские газеты. При настоящем положении едва ли и решатся когданибудь на это наши газеты, ежели не забыли словь Дмитрива о приволье петербургской жизни для лицъ власти имѣющихъ: "Моей руку тамъ рука, дно тамъ золотое". Кому-жъ изъ ответственныхъ редакторовъ прійдетъ охота сломить себѣ шею получениемъ предостереженій, а за такого рода вопросы, сдѣлають ихъ не одно за другимъ, а всё 3 вдругъ. Критикъ статьи "Николаевская жел. дорога", говоритъ: что за дѣло намъ до нихъ, намъ нужно больше фактовъ. Мы согласны съ нимъ въ томъ, что меньше словъ, но больше дѣла, полезнѣе для предмета, за который берутся не шутя и не изъ личностей; но чтобы лица были вовсе ненужны—не соглашаемся. По нашему мнѣнию имена такихъ людей слѣдуетъ выставить всегда и вездѣ. Ни пощады, ни великодушія такие люди не заслуживаютъ, да наконецъ никто и не имѣетъ права великодушничать въ дѣлахъ общественныхъ, а не своихъ личныхъ. Вотъ на какомъ основаніи много лицъ въ статьѣ выставлены поименно, — одни для обличенія, другіе, какъ подтвержденіе фактовъ. Критикъ, можетъ быть стоитъ тутъ за тотъ взглядъ, что корень зла не въ личностяхъ, а въ системѣ. Кто-жъ будетъ спорить противъ такого взгляда; но если мало еще людей готовыхъ серьезно всматриваться въ общественныя бѣдствія, бороться съ ними, по мѣрѣ силъ, самоотверженно и безкорыстно, когда нельзя на проломъ идти къ преслѣдованію и измѣненію системы, то не слѣдуетъ еще изъ этого, чтобы тѣхъ противъ которыхъ можно идти боѣе или менѣе свободно, оставлять въ покоѣ за ихъ пользованія дурною системою. Изъ всѣхъ силъ, мы полагаемъ, слѣдуетъ вызывать на такихъ людей общественный судъ и тѣмъ будить и вызывать въ обществѣ проявленіе хоть чувства самосохраненія, ежели не самолюбія.

Вопросы автора письма къ вамъ, всё разрешены по возможности, въ критикуемой имъ статьѣ. Вопросъ 1ый и его разрѣшеніе онъ найдетъ на страницахъ 1778, № 217, въ 1ой колоніи двухъ предпоследнихъ періодовъ. Вопросъ 2ой въ началѣ того же столбца, на 1ой строкѣ, гдѣ дальше сказано и о томъ, что сдѣлало министерство по этимъ донесеніямъ. Оно закончило конечно, дѣло стереотипными фразами: "А какъ по изслѣдованіямъ комиссіи оказалось, что контракты исполняются въ точности (невыполнимые то?), слѣдовательно указываемое въ просьбѣ генерала Н. относительно мѣры дровъ не справедливо, а потому, дѣло сіе зачислить кончепнымъ и сдать въ архивъ". (Одна изъ постороннихъ, какъ называетъ критикъ, комиссія была вызвана по справедливому и добросовѣстному заявленію генерала Н. участвовавшего въ торгахъ на поставку дровъ въ 1860 году, требуемыхъ торговыми кондіціями не тонѣ 3хъ вершковъ. Второе заявленіе о томъ же было отъ какого-то купца). Относительно послѣдняго вопроса, намъ остается указать критику на 218 №, страница 1787 отъ словъ: "А вѣдь какой хорошей и простой есть способъ ирригировать темную экономію и т. д."

Въ концѣ своихъ вопросовъ и заключеній по нимъ, авторъ критики обращается къ министру, ожидая отъ него самаго, на основаніи предполагаемой чести, отвѣтовъ категорическихъ отъ него и почему онъ боится гласности

Не дожидаться ему отвѣтовъ министра, скажемъ мы утвер-

дительно, а почему, попытаемся доказать: министерское мѣсто хорошее какъ почетъ и какъ 15,000 руб. ежегоднаго жалованья, ленты, звѣзды, аренды, свита, дворецъ съ садами и затѣями и все на государственный счетъ, даже и отопленіе съ освѣщеніемъ. Далѣе — честь мундира, честь института путей сообщенія, гдѣ и самъ опъ выучепъ познавать и цѣнить блага міра сего, честь, благо, любовь и благословенія товарищей и сослуживцевъ, въ ихъ отдаленныхъ даже потомствахъ, а конецъ концовъ и опасеніе прослыть за "нигилиста", пренебрегающаго условіями до него сложившейся жизни высшаго круга, вводящаго небывалые порядки, запрещенные, почти, высочайше при выговорѣ московскому дворянству за прошлогдніе выборы.

"Право *вчинанія* по главнымъ частямъ постепеннаго совершенствованія, принадлежить исключительно мнѣ, (скажи государь) и неразрывно сопряжено съ самодержавною властію, Богомъ мнѣ ввѣренною". И вотъ благонамѣренный и честный даже, въ извѣстной степени, человекъ, по мнѣнью, слѣдовательно не на столько честный, чтобы забывать какъ трудно карабкаться на министерское мѣсто и какъ хорошо сидѣть на немъ и любоваться перспективными съ него видами, положеніемъ пенсіонера всей земли русской примѣняется къ священнымъ высочайшимъ словамъ и не беретъ на себя обязательныхъ даже для него *вчинаній*, чтобы не прослыть за безпокойнаго человека, недобраго начальника и дурлаго воспитанника института. Да и какъ бы могъ сдѣлать онъ, когда это кромѣ представляющейся возни повѣрять, кипятиться безпрестанно, т. е. вредить здоровью, нужному для государства, и когда это не можетъ иначе кончиться, какъ переполненіемъ Сибирскихъ или Тмутараканскихъ, какихънибудь баталіоновъ рядовыми изъ благородныхъ господъ путейскаго воспитанія?

"А слезы жепъ, дѣтей, матерей и обвиненія въ такомъ жестокосердіи всего благороднаго общества; развѣ могутъ выдержать все это первы благовоспитаннаго мужчины, принадлежащаго къ высшему кругу? Пѣтъ, нельзя ему этого сдѣлать! Пусть дѣлають послѣ меня, скажетъ себѣ министр, а чтобы отъ моей руки пострадали, хоть и государственные воры, но кто-жъ богу не грѣшенъ, все же благородные люди и путейцы притомъ же и подасть въ отставку скорѣе, чѣмъ подниметь руку на *вчинаніе*, вырвать съ корнемъ зло отъ доходовъ путейскаго вѣдомства. Мы увѣрены, что ежели бы вздумали заставить министра путей сообщенія напечатать истинный отчетъ расхода на постройку Николаевской дор. и отчетъ расхода по 1860 г. за время и по предмету ея движенія, — онъ не сдѣлаеть этого и какъ ни жаль теплаго мѣсячка, а подасть въ отставку. Съ 1860 года можетъ быть начнутъ печатать, ежели поприжать, но до того времени ни за что. Мы видали отчеты всѣмъ осуждаемой въ мотовствѣ Варшавской дор., сравнивали ихъ съ знакомыми намъ расходами Николаевской и положительно утверждаемъ, что на нѣкоторые предметы Николаевская дорога, безъ всякихъ основаній, тратитъ вдвое больше, а есть и такія чудеса въ ея расходахъ, что волосъ дыбомъ всапетъ у людей понимающихъ и неравнодушныхъ къ дѣлу.

"Этого отчета не добиться намъ и говорить о томъ нечего, а чтобы строгой критикѣ повѣрять, что это такъ и что причины тому нами сказываемыя вѣрны и уважительны, по взгляду большинства, мы ему укажемъ на № 218 *Колокола*.

Во второй колоніи, стр. 1787 онъ найдеть, что до 1860 года дровъ употребляемо было на Николаевской дорогѣ въ годъ 70,000 куб. сажень, а съ этого времени 50,000 с. Пусть онъ справится въ департ. жел. дорогъ и цифры эти подтвердятся. Какого же отвѣта нужно ему краснорѣчивѣе, какъ 20,000 саж. дровъ въ годъ лишнихъ расходовалось при меньшемъ движеніи цѣлые десять лѣтъ, и ни министр, никто ни гугу противъ такого, громко вопиющаго факта!

“А попробуйте официально спросить министра и онъ не задумываясь отвѣтитъ вамъ неправда и подтвердитъ тѣмъ, что съ 1854 г. (но онъ о годѣ умолчитъ, замѣнивъ чѣмънибудь другимъ опредѣленіе періода) отапливали дорогу поверстно и 70 ли, 700 ли тысячъ подрядчикъ сожжетъ, казнь все равно, скажетъ онъ. Кто знаетъ дѣло, того не собьешь такимъ отвѣтомъ, а вѣдь по видимому резонъ. А квитанціи отапливавшему поверстно? А до 1854 г. что было? А съ 1860 г. контракты, заключенные развѣ не на 70,000 саж.? во обнаруженные, какъ совершенно вѣрно объяснено у васъ въ выноскѣ No. 218, кѣмъ то и потому неудержавшіеся въ этой цифрѣ? А цѣлые кипы копій съ официальныхъ документовъ и рапортовъ, развѣ недостаточные улики для того, чтобъ обнаружить грабежъ. Мы знаемъ одного господина съ большимъ запасомъ юридическихъ даже доказательствъ, съ цѣлымъ чемоданомъ, пересмотрѣнныхъ нами, необходимѣйшихъ копій за время движенія дороги по 1863 г. При существующемъ безсудьи, говоритъ этотъ господинъ, еще нельзя выпускать на свѣтъ этихъ чемоданныхъ затворниковъ и онъ правъ въ этомъ, а также и въ томъ, что ведя бой бумажный или словесный, не слѣдуетъ вдругъ выпускать весь запасъ силы, а главные средства для пораженія приберечь до поры, до времени. Жаль что ни онъ, никто не можетъ угадать когда наступитъ такая пора, а между тѣмъ моль все продолжаетъ свое дѣло, пока ее не раздавятъ.

“Въ одномъ мѣстѣ, авторъ письма, говоря о новомъ контрактѣ Чайнанса, съ пуда и съ головы, контрактѣ, проскользнувшемъ во время отсутствія Чевкина за границу (Чевкинъ теперь предсѣдатель департамента госуд. экономіи и всѣ смѣты и предположенія проходятъ черезъ него) называетъ этотъ контрактъ перещеголявшимъ прежніи, который Меньшиковъ совѣтовалъ показывать иностранцамъ, въ числѣ достопримѣчательностей Петербурга, тоже съ американцами. Вѣроятно не знаетъ авторъ письма, что эти американцы были тотъ же самый Чайнансъ и Ко., на два года только обитые съ теплаго насиженаго дѣла Кайлемъ и Ко. и отъ того заключеніе о первомъ, прошедшемъ и настоящемъ съ пуда и съ головы (невступавшемъ еще впрочемъ въ дѣйствіе, кажется до 1го Іюля еще существуетъ дешевый контрактъ Кайля) контрактахъ, вышло блѣднѣе, чѣмъ бы онъ, слово американцы замѣнилъ словами съ тѣмъ же Чайнансомъ.

“Новый контрактъ заключенъ безъ торговъ за полгода до срока стараго и чуть ли не на шесть лѣтъ впередъ!”

С М Ъ С Ъ.

Прозерпина-Муравьевъ. Какіе-то шалуны напечатали въ Познанскихъ газетахъ о похищеніи Муравьева, съ разными забавными подробностями, какъ его бросили въ Неву и пр.

Можно думать, что это онъ самъ посылаетъ такія пошлыя утки по міру, для того чтобъ все-таки доказать, что заговоръ существовалъ и какой еще: въ которомъ участвовали — кареты и лошади; царскія ливреи и императорскія рѣпки.

За чѣмъ это выдумываютъ такія исторіи, отъ которыхъ *l'eau vient à la bouche...* не Прозерпина отъ *инфантерій*, а читателю.

— *Фальшивые монетчики изъ дворянъ.* Читатели нашъ помнятъ дѣло о фальшивыхъ ассигнаціяхъ въ харьковской губерніи, въ дѣланіи которыхъ участвовали предводители, помѣщики и пр. Послѣ полного замиренія *исполнительной власти* съ благороднымъ дворянствомъ, слѣдопроизводителемъ предписано: *вести слѣдствіе такъ, чтобъ дворянъ какъ можно больше выгородить.* Къ фальшивымъ бумажкамъ, прибавятся фальшивыя бумаги. По плодамъ можно судить о пользѣ новаго союза!

Счетъ Кельнской газеты. “Кельнская газета” отъ 4 Іюня сообщила, что по дѣлу Каракозова въ Петербургѣ арестовано 139 человекъ, въ Москвѣ 98. Изъ нихъ подъ слѣдствіемъ умерло 2 въ Москвѣ, а 9 въ Петербургѣ.

— *Изъ Петербурга.* Мы получили вчера новую корреспонденцію изъ Петербурга, отъ другаго лица. Подтверждая все напечатанное нами въ прошломъ листѣ, корреспондентъ пишетъ, что онъ сомнѣвается въ томъ, что медицинскую помощь Каракозову подавалъ *Здекауеръ* и называетъ другое имя, знакомое намъ. Мы не печатаемъ до новаго подтвержденія втораго имени, считаемъ обязанностью передать сомнѣнія корреспондента нашимъ читателямъ.

Муравьевъ почти совсѣмъ отстранилъ отъ слѣдствія комиссію и работаетъ одинъ съ прежнимъ своимъ соглядатаемъ виленскимъ жандармскимъ полковникомъ. Члены комиссіи это допускаютъ. И Муравьевъ съ своимъ жандармомъ составляетъ *вдвоемъ показанія и рапорты!* Дѣло идетъ медленно, люди сидятъ по пяти недѣль недопрошенные (*т. е. такъ какъ въ Польшѣ было съ поконъ вѣка*). Члены комиссіи осмѣлились представить Муравьеву “что слѣдовало бы ихъ допросить, можетъ де есть и непричастные къ дѣлу”. На это онъ отвѣчалъ “ничего, пускай посидятъ”. Тутъ нечего пояснять, прибавятъ!..

Министръ Толстой вводитъ *тѣлесныя* наказанія въ гимназіяхъ до II класса. А въ полпивной *Германіи*, тѣлесно наказали Трепова, куда варшавскій Гарунъ-Аль-Рашидъ явился собственноглазно наблюдать за порядкомъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ

Рескриптъ 13 Мая послужитъ страшнымъ орудіемъ преслѣдованія книгопечатанія, онъ измѣнитъ и измѣнитъ къ худшему безъ того незавидное положеніе вашей прессы. Пусть же литераторы и журналисты вспомнятъ, что сверхъ нашей русской типографіи въ Женевѣ, есть иѣсколько въ Германіи. Наконецъ, что въ Европѣ очень легко и очень не дорого можно достать шрифтъ, и печатать въ любой типографіи. Печать и жизнь за границей дешевле. Мы съ своей стороны предлагаемъ всѣ наши средства и услуги. Особенно важныя и небольшого объема брошюры или статьи мы готовы печатать на свой счетъ, при *Колоколь*, или особо.

Необходимо показать, что при всей нецеремонности средствъ реакціи — она въ сущности несостоятельна противъ движенія умовъ.

Всего лучше было бы основать большое *Revue*, рано или поздно, необходимость доведетъ-же до періодическаго изданія за границей.

Особенно просимъ обратить вниманіе на эти строки.

— Превосходная статья “*Non possumus*” и вторая статья о *Финансахъ*, нами съ величайшей благодарностью получены.

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЬ 223.

1 Юля 1866.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré l'Évêque и въ главныхъ депо — у Г. Георга, 10, Corratorie, Genève; у Н. Грюннера и Ко., 60, Paternoster Row Londres. Цѣна за листъ 50 сантимовъ безъ пересылки. Прилагаемъ почтовой тарифъ:

Въ Германію	15с.
— Австрію	15с.
— Англию	15с.
— Бельгію	5с.
— Францію	5с.
— Италію	3с.
— Неаполь и Сицилію	20с.
— Грецію (черезъ Марсель)	5с.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10с.
— Швецію	25с.
— Швейцарію	5с.

Parait à Genève tous les quinze jours. Le dépôt principal est chez H. GEORG, à Genève, Corraterie, No. 10. A Londres, chez N. TRÜBNER et Co., 60, Paternoster Row. Le prix de chaque No. est de 50 centimes, le port de la poste non compris. Tarif postal:

Allemagne	15с.
L'Autriche	15с.
Angleterre	15с.
Belgique	5с.
France	5с.
Italie	3с.
Naples et Sicile (voie de Marseille)	20с.
Grèce (voie de Marseille)	5с.
Turquie et Princ. Danubiennes (voie de Marseille)	10с.
Suède	25с.
Suisse	5с.

ОГЛАВЛЕНІЕ: Война—Частныя письма объ общемъ вопросѣ (Письмо четвертое)—Финансовое Положеніе (Продолженіе). Смѣсь: Три убійства въ Тамбовѣ—

Сказка о гостинцѣ царю и о домѣ Комиссарову—Головастики—Всякая всячина изъ нашей реакціи—Neue Frankfurter Zeitung—Извѣщеніе.

И такъ опять кровь и кровь...

На черномъ фонѣ Польши и тупой реакціи въ Россіи, зарево всныхнувшей войны еще зловѣщѣе отражается чѣмъ въ 1859 году.

Оправдывать эту войну или обвинять ее — дѣло праздное. Что за прокъ обвинять или правдывать чуму, холеру? Придетъ холера, надо склонить голову, лечить ея раненыхъ, хоронить убитыхъ, а главное надо искать причины бѣдствій и стараться ихъ устранить.

Мы знаемъ, что холера всходитъ и прозябаетъ въ ямахъ, наполненныхъ гніющими нечистотами, и если не особенно усердно ихъ чистимъ, то все же собираемся чистить. Война прозябаетъ и всходитъ, напротивъ, на вершинахъ еще больше наполненныхъ другаго рода гніеніемъ — тамъ ее и слѣдуетъ предупреждать. Для массъ война имѣетъ тотъ же характеръ роковой, бессознательный — какъ моръ. Она только и сильна отсутствіемъ сознанія внизу и отсутствіемъ совѣсти и правды на верху. Разумѣется, для всякой драки есть *достаточныя причины* — но вѣдь и для холеры есть. Причины теперичней войны лежатъ въ насильственныхъ соединеніяхъ и расторженіяхъ народностей, въ avortement нѣсколькихъ революцій, въ лихорадочномъ состояніи умовъ, которымъ политическіе перевороты много обѣщали и мало дали, въ разнообразныхъ наростахъ или выростахъ — въ родѣ Пруссіи, въ застарѣлыхъ обструкціяхъ и уродскихъ срощеніяхъ — какъ Австрія... И для холеры организмъ долженъ быть расположенъ и воспитанъ, — у нея своя логика, если не дипломатическая, то химическая.

Весь европейскій вопросъ и на этотъ разъ сводится въ сущности на вопросъ *дренажа* — вопросъ очищенія ямъ и вершинъ, очищенія засоренныхъ мозговъ и провѣтриванія подваловъ и дворцовъ, на вопросъ свѣта и воздуха.

Одинъ самоотверженный легионъ “мортусовъ”, одно преданное братство нравственныхъ “золотарей”, открыто проповѣдую опасность труповъ и похороны мертвыхъ, устраненіе всего живаго отъ всего гніющаго — водружая открыто свою хоругвь, проповѣдую всенародно, а не изподтишка свое апостольство — могутъ въ будущемъ поставить предѣлы мору, гуртовымъ избіеніямъ и тупоумному позору кровавой славы...

Гдѣ они, эти “ночные работники”, какъ ихъ называетъ Англія и которыхъ мы зовемъ на бѣлый свѣтъ? Кто имъ дастъ patent, кто ихъ услышитъ? До нихъ-ли, когда весь блескъ, весь шумъ, вся тревога, весь лирическій безпорядокъ, вся поэзія войны поглощаетъ уши, глаза и умъ. Война пьянитъ, ожиданіе крови, кровавыхъ новостей пьянитъ... Чѣмъ меньше мысли, тѣмъ больше задора.

Думаетъ-ли кто -нибудь (кромя Италиі, которая пользуется сей вѣрной оказіей) изъ-за чего вся эта кровавая кутерьма? Нельзя-же драться изъ-за того, что Пруссія и Австрія ругаются какъ двѣ судомойки, или какъ два русскихъ консервативныхъ журнала...

... Нѣмецъ на нѣмца возстаетъ и оба знаютъ, что который бы ни побѣдилъ, всѣмъ нѣмцамъ будетъ хуже.

Что за пиръ безумія:

Венгерецъ противъ Италиі.

Венгерецъ за Италію.

Полякъ противъ Италиі.

Полякъ за Италію.

Галиція противъ Познаня.

Познань противъ Галиціи.

Галиція за Познань.

Познань за Галицію.

А тутъ кроаты, далматы, русины, хорваты, словомъ наши двоюродные братья славяне — будутъ драться съ усердіемъ *противъ всѣхъ и за всѣхъ*, только не за себя; они еще не обзавелись со временъ Кирила и Мефодія своимъ домомъ и своимъ хозяйствомъ...

..... Прусское ополченіе нехотя идетъ проливать свою кровь за будущаго втораго Фридриха втораго, за лучшаго короля и за лучшаго Бисмарка... Оно идетъ хмурясь и ворча, но все-же *пойдетъ и будетъ драться*. Тутъ то и лежитъ тайна и сила великаго нравственнаго міазма и мозгового поврежденія, великаго обмана и великой глупости. Если тысячи откажутся идти, нѣсколько десятковъ падутъ подъ пулями, а остальные будутъ цѣлы. Если-же они всѣ пойдутъ противъ своей воли, тысячи падутъ и только десятки воротятся домой. Кажется расчетъ немудренъ. Бенгаль называлъ преступниковъ дурными счетчиками, какъ будто всѣ другіе хорошо считаютъ? У преступниковъ только ошибки грубѣе, само-

бытиѣ—а арифметика у всѣхъ слаба. Да и что всѣ эти ничтожныя частныя ошибки, которыя такъ удачно поправляетъ зубъ за зубъ уголовного закона—передъ гуртовыми ошибками высшаго порядка! Что значить въ самомъ дѣлѣ вся масса убійствъ, членовредительствъ, грабежей, воровства, плутовства въ продолженіи десяти лѣтъ — передъ однимъ мѣсяцемъ войны и двумя дипломатическихъ фальшивыхъ нотъ, искреннихъ увѣреній и задушевныхъ ультиматумовъ? Все это исчезаетъ “какъ капля въ море опущенца”. Подумайте объ этомъ.

По счастью мы посторонніе, не призвапы брать прямого участія въ этомъ кровавомъ безуміи, мы даже не намѣрены говорить о разныхъ стадіяхъ болѣзни. Но намъ казалось, что разъ должно было обозначить наше отношеніе къ войнѣ.

Удержать собравшуюся грозу никто не можетъ, развѣ какаянибудь нелѣпость колоссальнѣе суммы тѣхъ, которыя ее вызвали. На это считать нельзя. А потому принимая войну за неотразимый фактъ, мы отъ души желаемъ избавленія Венеціи, желаемъ гибель Австріи, но съ тѣмъ выѣстъ гибель Пруссіи... Желаемъ такъ, какъ желали бы, чтобъ будущая холера обошла нашихъ друзей, честныхъ, добрыхъ людей, и если ей необходимо морить, уморила бы Муравьева, его литературныхъ адъютантовъ, квартальныхъ журналистовъ и другихъ соглядатаевъ и доносчиковъ.

Далѣе наши скромныя желанія не идутъ. Да и большаго эта война дать не можетъ. Въ ней слишкомъ много неклеющагося дерется за одно и слишкомъ ясно видна чья то передергивающая рука въ должности руки провидѣнія.

Намъ особенно противны журналисты и писатели, зовущіе войну, толкающіе въ нее народы. Повели бы мы всѣхъ этихъ кабинетныхъ любителей баталій, военныхъ столкновеній, атакъ и отступленій — на поле сраженія, пожалуй послѣ битвы, чтобъ они ознакомились съ чудовищемъ, которому кадятъ чернилами. Давтъ блѣднѣть въ своей хирургической поэзіи, въ своихъ описаніяхъ божественнаго безчеловѣчья—передъ очерками Эрмана и Шатріена, передъ Толстовскими иллюстрированными *реляціями* 1805. Полно смотрѣть свысока на одни инспекторскіе смотры, на одну парадную форму! что вы за генералъ-анъ-шефы? ступайте въ перевязную, въ лазаретъ, въ избу лишенную отца, въ мансарду лишенную хлѣба...

... И эта старая, бѣдная Европа опять увидитъ не на театрѣ, а на самомъ дѣлѣ Шиллеровскій *Wallensteinslager*.... А впрочемъ почему же и не увидать?.. Чего же не достаетъ для постановки? Все мертвое цѣло — и германскій императоръ, и протестантскій король, и капуцинъ съ своей ломанной проповѣдью, и пасторъ съ своей скучной проповѣдью и даже та Гейневская маркизанка вѣрно найдется, которая такъ удивительно начинаетъ свою пѣсню :

Und die Husaren lieb ich sehr
Ich liebe sehr dieselben;
Ich liebe Sie ohne Unterschied
Die Blauen und die Gelben,
Und die Musketiere liebe ich sehr
Ich liebe die Musketiere....

... Вы хотѣли все сохранить и старое и новое, вы хотѣли быть разомъ дѣдомъ и отцомъ, отцомъ и сыномъ, цѣтизмомъ и наукой, попомъ и мыслителемъ, вы хотѣли свободу и короля, папу и свободу, постоянныя права и постоянныя войска... Вотъ намъ за это Валленштейновъ лагерь и кануны тридцатилѣтней войны.

— А потомъ?

— А потомъ болотами крови и горами костей старый міръ доташится на деревяшкѣ и съ ластыремъ героизма на глазу до Вестфальскаго или Вѣнскаго конгресса, который ничего не рѣшитъ, никого не удовлетворитъ, но на время хлороформизируетъ нивалида. А нивалидъ однакъ все таки останется очень доволенъ — что лишившись ноги и глаза, семьи и состоянія, онъ сохранилъ и своего короля, и свою церковь, и все что надобно для спасенія души въ томъ свѣтѣ и гибели свободы и благосостоянія на этомъ.

— Гдѣ мой профессоръ*, который такъ трогательно и краснорѣчиво читалъ о великихъ успѣхахъ международнаго права, въ то самое время какъ Сольферинскія пушки гремѣли въ Итали?...
—————

И—ръ.

СОВРЕМЕННОЕ и РУССКОЕ СЛОВО окончательно запрещены.

Письмо Государя къ Гагарину писалъ Панинъ, Викторъ Никитичъ Панинъ!.. Всѣ могилы, всѣ богадѣльни открываются, всѣ давноумершие, схороненные, забытые и смердящіе ползутъ на сцену и самъ длинный Панинъ!

ЧАСТНЫЯ ПИСЬМА ОБЪ ОБЩЕМЪ ВОПРОСѢ.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

“Возникаетъ новое ученіе, которое называется положительнымъ; его цѣль — опредѣлить конечную общественную форму рода человѣческаго и посредствующія общественныя формы, которыя надо будетъ пройти для ея достиженія. Средства этого ученія — наблюденіе. Или, говоря общѣ: оно выѣтъ въ виду опредѣлять будущее какъ функцію прошедшаго”.
(Margerin, письмо къ Фурнелю, 15 Мая, 1826).

Отъ Бабѣфа я хочу перейти къ Сен-Симону и Сен-Симонистамъ. Хотя я вамъ и помянулъ о сравненіи, которое дѣлаетъ Бонаротти между Бабѣфомъ и Оуэномъ, но мнѣ кажется, что лучше прибегнуть къ Оуэну для перехода социализма изъ теоретической дѣятельности въ практическую. Оуэнъ къ ней ближе. Мнѣ тѣмъ больше хочется не прерывать рѣчи о французскихъ школахъ, что въ нихъ между собою много общаго, много однороднаго настроенія. Начало ихъ почти современно другъ другу; упрекнуть которуюнибудь въ присвоеніи чужой мысли — нельзя. Онѣ просто вырастаютъ изъ одинакихъ обстоятельствъ и развиваются каждая сама по себѣ, почти не имѣя понятія другъ о другѣ, но проникнутыя одинакими потребностями и особымъ французскимъ складомъ мысли, гдѣ напряженность и формализмъ перемѣшиваются съ исканіемъ правды и убѣжденія. Къ этому разряду я причисляю Сен-Симона и Фурье. Прудонъ стоитъ отдѣльно; о немъ намъ придется говорить гораздо позже. Разборъ же всѣхъ второстепенныхъ школъ — увлекъ бы меня слишкомъ далеко отъ цѣли, которая невольно становится передо мною; эта цѣль — *соціальныя зачатки въ Россіи и спростности ихъ развитія*...

Но на такихъ школахъ, какъ школы Сен-Симона и Фурье, намъ нельзя не остановиться. Ихъ огромное вліяніе на міръ имъ современный ставитъ ихъ главнымъ рассадникомъ социальныхъ понятій въ Европѣ. Даже теперь, когда прошло больше тридцати лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ исчезла община сен-

* “Колоколъ”, л. 144, 1862, “Концы и Начала” (Письмо IV).

симонистовъ, еще остаются ея послѣдователи, сохранившіе и въру въ самыя ея фантастическія догматы; и между тѣмъ экономическія истины, которыя проинкли сквозь эту ненужность фантастическаго, не только въ западной Европѣ, сдѣлали свое великое дѣло — внесли новые элементы въ науку, вызвали болѣе положительныя социальныя потребности, болѣе практическія попытки, но и у насъ отозвались своимъ вліяніемъ, вызвали новыя стремленія, привели къ сознанию нашихъ основъ и возможностей.

У меня еще живо сохранилось въ памяти впечатлѣніе, которое производило на наше юношество тридцатыхъ годовъ — школа сен-симонистовъ, ея преслѣдованіе и разрушеніе. Много переработалось съ тѣхъ поръ. Идея новой религіи, которая когда то насъ увлекала, стала намъ чуждою; но направленіе положительнаго социализма выдвинулось впередъ и не можетъ остаться безъ дальнѣйшей разработки и послѣдствій.

Между тѣмъ говорить о Сен-Симонѣ и его школѣ — задача весьма не легкая. Новое изданіе біографій и сочиненій, предпринятое членами прежней общины, еще недокончено* Превжнія изданія стали совершенной рѣдкостью. Средства къ изученію ограничены, и раборъ тѣмъ больше затруднителенъ, что невольно приходишь къ вопросамъ, которыхъ люди самой школы себѣ не задавали и не задаютъ.

Точно ли Сен-Симонъ и послѣ него образовавшаяся религіозная община — составляютъ одно цѣлое, одно ученіе, — или ученики не совершенно вѣрно объяснили себѣ учителя — и ученіе пошло въ сторону, или развѣтвилось и нигдѣ не составило одного цѣльнаго развитія?...

Нельзя не замѣтить, что изъ всѣхъ социальныхъ ученій, Сен-Симонизмъ имѣлъ въ Европѣ самое большое вліяніе; а между тѣмъ отдѣлъ экономическихъ вопросовъ, который естественно ставится въ основаніе всякаго социального ученія, въ немъ разработанъ всего неопредѣленнѣе и уступаетъ главное мѣсто отдѣлу вопросовъ религиозныхъ, вопросу брака, даже опредѣленію мѣста, которое должны занять въ общественномъ построеніи — наука и искусство. И хотя мы сами и не можемъ не придти къ заключенію, что вопросы этого порядка разрѣшаются только по ихъ зависимости отъ экономическихъ основаній — но, разсматривая ученіе Сен-Симонистовъ, мы должны показать какъ ставили задачу сами Сен-Симонисты и потому прежде всего остановимся надъ вопросомъ религиознымъ и постараемся себѣ объяснить: почему онъ является у нихъ главнымъ? почему онъ на европейское общество, особенно во Франціи, производитъ свиду самое сильное впечатлѣніе, а приходитъ къ тому, что устраняется и уступаетъ мѣсто вопросамъ чисто экономического порядка?

Приступая къ дѣлу, я прежде всего прошу васъ обратить вниманіе на мой эпиграфъ, который я вамъ выписалъ изъ Сен-Симонистовъ, и который приводитъ насъ къ первоначальной мысли самаго учителя, т. е. Сен-Симона.

Мысль эта указываетъ намъ, что на ней строится новая историческая школа, возникаетъ новый взглядъ на развитіе рода человеческого. И дѣйствительно, изъ среды этой же школы, независимо отъ религіознаго направленія, но выходя изъ той же мысли, являются: историческое ученіе Конта,

* Oeuvres de St. Simon et d'Enfantin, publiées par les membres du Conseil institué par Enfantin pour l'exécution de ses dernières volontés et précédées de deux notices historiques. Paris, E. Dentu, éditeur, 1865—66. До сихъ поръ вышло семь выпусковъ.

разработка Исторіи на ея народныя элементы — Августина Тьерри. Тутъ для насъ чрезвычайно важно то, что мысль, возникающая на рубежѣ XVIII и XIX столѣтій, и такъ наглядно служащая прямымъ основаніемъ новому пониманію Исторіи, — эта новая мысль носить въ себѣ логическую необходимость социальныхъ понятій и влечетъ самаго Сен-Симона къ постоянному выводу, что “*всѣ общественныя учрежденія должны имѣть цѣлью нравственное, умственное и физическое усовершенствованіе сословія самаго многочисленнаго и самаго бѣднаго*”. Для насъ важно то, что простая мысль, опредѣлявшая будущее какъ функцию прошедшаго, уже, въ это время, не можетъ не привести къ необходимости общественнаго пересозданія, въ которомъ сословіе *и мушкетеровъ* (des oisifs) у Сен-Симона) и сословіе немущихъ работниковъ должны слиться въ одну общую людскую производящую силу, гдѣ каждый былъ бы вознагражденъ за трудъ пользованіемъ возможными благами жизни. “По мѣрѣ своей способности”, добавили Сен-Симонъ и его школа, “и каждая способность по мѣрѣ своей производительности (à chaque capacité selon ses œuvres)”. Связь этого экономического вывода и основной исторической мысли — опредѣлять будущее какъ функцию прошедшаго — попятна.

Мысль, выражающая постоянное развитіе человеческого общества, въ умственномъ и матеріальномъ отношеніи, не могла остановиться на развитіи какаго нибудь привилегированнаго класса и должна была придти къ развитію большинства, къ развитію всеобщему, поголовному; она должна была придти къ необходимости инаго экономического распорядка въ обществѣ. Она не могла остановиться на развитіи какаго нибудь привилегированнаго народа и должна была придти къ развитію и соединенію всѣхъ народовъ и слѣдственно къ необходимости установленія всеобщаго мира. Но заставляя Исторію не на той желаемой, но на такой то опредѣленной степени развитія, она только могла показать какъ эта степень развитія настоящаго поколѣнія европейскихъ народовъ вытекла изъ прежнихъ развитій, постоянно тяготѣя, приближаясь къ будущей, желаемой степени развитія, и эту будущую степень развитія поставитъ цѣлью, задачей, на которую должны быть употреблены усилія людскія и которая требуетъ общественнаго преобразования (réorganisation sociale).

У Сен-Симона эта мысль выражена въ разныхъ мѣстахъ совершенно опредѣленно: “Безъ сомнѣнія, придетъ время”, говоритъ онъ*, “когда всѣ народы Европы поймутъ, что прежде надо рѣшить общіе вопросы и потомъ спуститься къ разрѣшенію вопросовъ национальныхъ; тогда страданія станутъ уменьшаться, смуты угасать, войны прекращаться; вотъ цѣль, къ которой мы постоянно тяготѣемъ, вотъ куда влечетъ насъ ходъ ума человеческого! Но что же достоинѣе человеческой предусмотрительности — невольно тащиться къ этой цѣли или стремиться къ ней сознательно?”

“Воображеніе поэтовъ отнесло золотой вѣкъ къ колыбели рода человеческого, къ невинности и грубости первыхъ временъ; скорѣе слѣдовало бы отнести къ этому времени вѣкъ желѣзный. Золотой вѣкъ рода человеческого не позади насъ, а впереди, онъ долженъ состоять въ совершенствѣ общественнаго порядка; наши отцы его не видали, наши дѣти его достигнутъ; наша обязанность разчистить имъ дорогу къ его достиженію”.

* Письмо къ Конту и Дюноде, редакторахъ “Европейскаго цензора”, 1814.

Далѣе, постоянно преслѣдуя мысль общественнаго преобразованія, онъ говоритъ : “Система общественнаго устройства до сихъ поръ была только *переходная* (*provisoire*), потому что большинство народонаселенія находилось въ такомъ состояннн невѣжества, что должно было оставаться *подъ опекой*. — Вотъ что я называю *старой системой*.”

“Просвѣщеніе увеличилось; положеніе вещей совершенно измѣнилось; эта переменна, особенно замѣчательная во Франціи, обуславливаетъ и общественное устройство ему соответственное; это устройство, чтобъ быть прочнымъ, должно быть непосредственно соединено съ потребностями большинства, и это то и есть устройство, которое я называю *новой системой*”.

Кажется, эти двѣ выписки чрезвычайно ясно выражаютъ историческую мысль Сен-Симона. Но, конечно, этого вывода можно было достигнуть безъ всякаго вмѣшательства религіозной идеи; основать на немъ необходимость новой религіи не представляется никакой логической нужды.

И вотъ я возвращаюсь къ прежней задачѣ : какимъ образомъ Сен-Симонъ дошелъ до постановки главнымъ вопросомъ вопроса религіознаго? И точно ли онъ является у него главнымъ, или—собственно у Сен-Симона—онъ имѣетъ мнимую важность, а дѣйствительно ставится главнымъ вопросомъ у послѣдующей школы, школы — Эвфантева?

Сен-Симонъ началъ свое литературное поприще “Письмомъ женеваго жителя къ своимъ современникамъ” (1802) и кончилъ книгой о “новомъ христіанствѣ” (въ Апрѣлѣ 1825). Въ первомъ письмѣ равно какъ и въ послѣдней книгѣ онъ говоритъ о необходимости новой религіи для преобразованія рода человѣческаго; но всѣ положенія преобразованія, о которомъ онъ постоянно писалъ и хлопоталъ, не только не совпадаютъ съ этой мыслью, но скорѣе противорѣчатъ ей. Религіозная мысль Сен-Симона сводится исключительно на то, что *обновленная религія должна уменьшить важность богословнн и вѣроисповѣданія, и увеличить значение нравственности*, или, иными словами, эта мысль сводится на замѣву религіознаго человѣческимъ. Только простое выражение своей мысли, какъ я вамъ еѣ высказалъ, Сен-Симонъ самъ отъ себя скрылъ — и не преднамѣренно, не ради пріобрѣтенія вліянія и пропаганды, а вслѣдствіе общаго правила историческаго развитія, котораго метафизичности онъ не замѣтилъ. Это метафизическое правило заключается въ слѣдующемъ силлогизмѣ : “все въ исторіи развивается и потому *приблизительно* доходить до совершенства, но не *кончается*; религія развивается въ исторіи; слѣдственно религія должна *приближаться* къ совершенству, но никогда не *кончиться*”.

На сколько это метафизическое начало можетъ выдержать критику дѣйствительности, на сколько религія можетъ быть предметомъ совершенствованія — судите сами, или — давайте судить вмѣстѣ. Я хочу вамъ показать все великое Сен-Симона и весь его промахъ, и показать вамъ, что, ксожалѣнію, промахъ его больше пошелъ въ ходъ у его школы, чѣмъ его великое. Пожалуй, возражайте мнѣ, что, стало быть, такая судьба человѣчества — преимущественно увлекаться безуміями и даже до истины доходить только путемъ безумія*. Это

* “Въ храмъ славы вступаютъ только ускользнувшіе изъ домовъ сумасшедшихъ”, пишетъ Сен-Симонъ своему племяннику; “но не всѣ ускользнувшіе изъ домовъ сумасшедшихъ вступаютъ въ него. Развѣ одинъ изъ милліона, остальные ломаютъ себѣ шею. Чгобъ избавить васъ отъ этого несчастія — я хочу дать вамъ нѣсколько совѣтовъ, или лучше — хочу зажечь два свѣтильника на вашемъ политическомъ поприщѣ, словомъ — хочу объяснить вамъ значеніе идей Религіи и Политики”...

возраженіе можетъ имѣть свой видъ или свою долю правды; но дѣйствительно я съ вами согласиться не могу. По этому, мнѣ приходится, и ради моего убѣжденія, и ради самой личности Сен-Симона — взойти въ подробности. Надѣюсь, что онѣ вамъ не васкучатъ; во всякомъ случаѣ прошу вашего терпѣнія.

Сен-Симонъ родился въ 1760 году, 17 Октября, т. е. двумя годами раньше Бабефа*; но мнѣ нигдѣ не встрѣтилось слѣда какихъ нибудь отношеній между ними. Изъ этого вы можете только заключить, что у нихъ подготовка одна и они оба приходятъ къ одной цѣли; но стремятся въ ней разными путями. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что *колецъ дѣятельности* Бабефа совпадаетъ съ *началомъ дѣятельности* Сен-Симона и, по этому мы должны въ пониманнн Сен-Симона встрѣтить новыя даванія, изъ которыхъ оно складывается и которыя не входили въ пониманіе Бабефа. Начальная подготовка обоихъ, безъ сомнѣнія одна : Философія XVIII столѣтія. Это тѣмъ очевиднѣе, что Сен-Симонъ былъ воспитанникъ д’Аламберта. Тринадцати лѣтъ онъ отказался идти къ первому причастію, чтобъ не сдѣлать липемѣрнаго поступка, за что былъ посаженъ въ тюрьму St Lazare своимъ отцомъ, графомъ де Сен-Симонъ, но вскорѣ убѣжалъ оттуда. Въ 1779 году онъ уѣхалъ въ Америку, гдѣ участвовалъ въ войнѣ за освобожденіе, подъ начальствомъ Булье и Вашингтона. Тамъ уже начинаютъ проглядывать зачатки его будущей дѣятельности и мнѣній.

“Сама война”, говоритъ онъ, “меня не интересовала, но меня занимала пѣль этой войны и ради нея я переносилъ трудъ войны безъ отвращенія. Я хочу цѣли, часто думалъ я, стало долженъ хотѣть и средствъ. Отвращеніе отъ военнаго ремесла совсѣмъ охватило меня, когда миръ сталъ приближаться. Я чувствовалъ ясно какое поприще я долженъ избрать, поприще, къ которому влекли меня мои вкусы и естественныя наклонности; у меня не было призванія быть солдатомъ; я былъ склоненъ къ дѣятельности совершенно другаго, *даже противорѣчащаго* рода... — Я видѣлъ, что Американская революція была началомъ новой политической эры, что эта революція неизбежно внесетъ важный успѣхъ въ общую цивилизацію и въ скоромъ времени приведетъ къ огромнымъ переменамъ въ общественномъ устройствѣ Европы”.

По окончаннн войны за американское освобожденіе, Сен-Симонъ занялся предложеніемъ мексиканскому вице-королю — соединенія двухъ морей, долею посредствомъ рѣчныхъ водъ. По получивъ отказъ, возвратился во Францію. Ему было тогда 23 года. Вы уже тутъ можете видѣть его будущее направленіе : стремленіе къ общему миру, точка зрѣнія историческаго развитія цивилизаціи, огромное приложеніе точныхъ наукъ къ общественной дѣятельности.

Вы также можете видѣть, что до сихъ поръ онъ не расходится съ Бабефомъ въ своемъ направленнн. То-же вы найдете и въ началѣ французской революціи, гдѣ Сен-Симонъ все еще не начинаетъ своего литературнаго поприща, но работаетъ въ мнръ совершенно практическомъ. Въ Ноябрь 1789 г. онъ избранъ предсѣдателемъ избирательнаго собранія своей коммуны (Фальви, близъ Перонны) и благодаритъ своихъ согражданъ слѣдующимъ образомъ : “Мнѣ очень лестно, что, по вашему выбору, я имѣю честь предсѣдательствовать въ вашемъ собраннн; одно смущаетъ мою радость — если вы выбрали меня изъ уваженія къ вашему *помѣщику* (*seigneur*)

* Бабефъ родился въ 1762 году.

а не къ моимъ лучшимъ достоинствамъ. *Помпциковъ больше нтъ*; мы здѣсь всѣ совершенно равны и, чтобы мой титулъ *графа* не вводилъ васъ больше въ ошибку предположенія будто я имѣю передъ вами какія нибудь высшія права, — я объявляю, что я навсегда отказываюсь отъ этого титула, который ставлю гораздо ниже званія гражданина и прошу васъ внести мое отрѣченіе въ протоколъ засѣданія”.

Въ Маѣ 1790 года Сен-Симонъ проводитъ въ кантональномъ собраніи адресъ въ *assemblée constituante*, въ которомъ выражена благодарность за великія реформы и просьба объ уничтоженіи *нечестивыхъ различій* (*distinctions impies*) по праву рожденія. “Всѣ граждане”, говоритъ Сен-Симонъ, равно имѣютъ доступъ ко всѣмъ почестямъ и общественнымъ должностямъ, по мѣрѣ своихъ способностей, безъ всякаго явнаго различія, кромѣ степени дѣлести и таланта”. (Тутъ уже мы встрѣчаемъ тему, которую увидимъ въ полномъ развитіи впоследствии).

Далѣе, въ этотъ періодъ дѣятельности, онъ такъ устремленъ противу-народнымъ смысломъ старыхъ сословій, что настаиваетъ на предложеніи устранить отъ всякихъ общественныхъ должностей людей, принадлежащихъ къ дворянству и духовному сословію — и самъ примѣра ради, отказывается отъ должности мера своей коммуны. Но потомъ, во время борьбы “Горы и Жиронды”, онъ очевидно перестаетъ вѣрить въ успѣхъ французской революціи, устраняется, практически ищетъ приобрести состояніе какъ средство пропаганды, и внутренне ищетъ — чего не находитъ въ существующихъ партіяхъ — точки зрѣнія высшей чѣмъ современная воинственная политика, ищетъ признаковъ мысли преобразования, которая была бы “не простымъ заимствованіемъ изъ исторіи или метафизики древней Греціи и Рима.”

Наконецъ, въ 1797 году, Сен-Симонъ принялся за разработку мысли *физико-политической*. Для этого, онъ прежде всего сталъ посѣщать политехническую школу, изъ которой въ 1801 году, перешелъ въ медицинскую школу, гдѣ преимущественно занялся физиологіей, употребляя для опытовъ оставшіяся у него деньги. Потомъ ѣздилъ въ Англию, гдѣ оказался недоволенъ состояніемъ науки, не задававшей себѣ физико-политической цѣли, также какъ вскорѣ послѣ того и въ Германіи остался недоволенъ наукой, которая по его мнѣнію, хотя и предназначена въ непродолжительномъ времени сдѣлать огромные успѣхи, но тогда была основана на мистическихъ началахъ.

Такимъ образомъ, въ 1802 году, когда Сен-Симонъ въ Женевѣ и когда начинается его литературная дѣятельность, мы находимъ, что для него совершилось много обстоятельствъ, которыя должны положить огромную разницу, между его пониманіемъ и пониманіемъ Бабёфа. Бабёфъ приходитъ къ выводамъ, которыхъ достиженіе онъ возлагаетъ на революцію. Сен-Симонъ беретъ подобныя же выводы — за основанія новой науки и осуществленію ихъ предпосылаетъ ея развитіе. Бабёфъ выводитъ свои положенія изъ критическаго смысла философіи XVIII столѣтія, хочетъ посредствомъ возстанія разбить правительство, въ которомъ потухалъ духъ французской революціи и замѣнить его формами, мало совпадавшими съ общими социальными положеніями. Сен-Симонъ спервоначала ищетъ догматической формы науки, на основаніи которой можетъ осуществиться общественное преобразование Европы. Стремленіе къ догматической формѣ науки —

вмѣсто критической формы философіи XVIII столѣтія — могло у него возродиться изъ общаго настроенія въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка, настроенія гонимыя за непреложными, религиозными убѣжденіями. Вспомните Де Местра, Бональда, Шатобриана, Ламене, множество болѣе мелкихъ чистиковъ того времени и ихъ вліяніе на литературу, политику и правительства разныхъ государствъ — и вы поймете, что Сен-Симонъ могъ видѣть необходимость въ постановкѣ религиозно-догматическаго основанія — въ противоположность разбивающему анализу философіи XVIII вѣка, и даже въ противоположность своему собственному воззрѣнію на основанія положительной науки.

Въ первый разъ его религиозная мысль является въ его “письмѣ женеваго жителя къ современникамъ”. Это письмо онъ въ 1802 г. отправилъ къ Наполеону, тогда первому консулу, но оно никогда не дошло по назначенію. “Я стану разсматривать религію”, говоритъ Сен-Симонъ въ своемъ письмѣ, “какъ человѣческое изобрѣтеніе, какъ единственное по своей натурѣ политическое учрежденіе, способное къ общен организации человѣчества”. Далѣе онъ впадаетъ въ библейской тоны: “Въ эту ночь”, говоритъ онъ, “я слышалъ слѣдующія слова (разумѣется — свыше): Римъ откажется отъ претензіи быть средоточіемъ Моей церкви. Папа, кардиналы, епископы и попы перестанутъ говорить во имя Мое. Человѣкъ устыдится нечестивости, съ которой онъ поручаетъ такимъ безумцамъ дѣйствовать во имя Мое. Я запретилъ Адаму различіе добра и зла, онъ ослушался меня; Я изгналъ его изъ рая, но оставилъ его потомству средство укротить гнѣвъ Мой: Пусть оно трудится въ усовершенствованіи познанія добра и зла, и Я улучшу судьбы его; настанетъ день — когда Я сдѣлаю рай изъ земной обители”.

Вотъ божественное начало, которое Сен-Симонъ полагаетъ соотвѣствующимъ современной цивилизаціи. Но какимъ образомъ онъ можетъ связать его съ своей физико-политической наукой — это вопросъ, который едва ли разрѣшимъ. Его физико-политическая наука заключаетъ развитіе міра, развитіе и усовершенствованіе природы, начиная отъ механическихъ отношеній до общественной жизни человѣчества. И “еслибы человѣческая порода исчезла съ земнаго шара”, говоритъ онъ въ своемъ *Введеніи къ научнымъ занятіямъ XIX столѣтія**, то порода наилучше организованная стала бы совершенствоваться”. Можно ли согласить эту теорію естественнаго прогресса съ системой новой вѣры или обновленія христіанства — на это вы, вѣроятно, также не увидите достаточной причины, какъ и я еѣ не вижу. Въ брошюрѣ, издавннй Сен-Симономъ въ 1810 г. подъ заглавіемъ *Новой Энциклопедіи* и посвященной имъ своему племяннику Виктору Сен-Симону, эта несообразность еще яснѣе бросается въ глаза изъ софійовъ, которые онъ пишетъ своему племяннику. Онъ ему совѣдуетъ “сдѣлаться послѣдователемъ перваго нововводителя въ религіи, который шествуя по пути открытій Лютеромъ, но идя далѣе его въ реформѣ, будетъ умѣть расширить религиозно область разума и сжать въ болѣе тѣсныя предѣлы область откровенія; нововводителя, который введетъ въ семинаріи изученіе опытныхъ наукъ и поставитъ въ самую сжатую рамку преподаваніе наукъ богословскихъ;

* Эту книгу Сен-Симонъ кончилъ въ 1806 году, въ крайней бѣдности, раззоренный, черезъ надувательство, своимъ товарищемъ по денежнымъ дѣламъ, графомъ Редершъ. Вѣкто Даръ далъ ему содержаніе и издалъ его книгу въ 1807—1808 годахъ.

нововводителя, который прекратит настоящее раздѣленіе церкви и употребитъ всѣ усилія, чтобы возстановить папство, конклавы и соборы, придавъ имъ устройство, сообразное съ современнымъ положеніемъ просвѣщенія". Кажется эта выписка достаточно опровергаетъ сама себя.

Наконецъ въ своей книгѣ о новомъ Христіанствѣ Сен-Симонъ еще рѣзче опровергаетъ собственное сопоставленіе своей религіозной и научной теоріи: "Лютеръ, говоритъ онъ, предписалъ протестантамъ изучать христіанство изъ книгъ, писанныхъ въ самомъ его началѣ и особенно изъ Библии; онъ объявилъ, что не признаетъ другихъ догматовъ, кромѣ тѣхъ, которые изложены въ священномъ писаніи. Эта мысль также нелѣпа какъ была бы мысль математиковъ, физиковъ, химиковъ, всякихъ ученыхъ, которые стали бы утверждать, что ихъ науки лучше всего изучаются въ самыхъ древнихъ сочиненіяхъ, о нихъ писанныхъ".

Дѣло въ томъ, что тутъ въ сущности нѣтъ выбора — или наука, которая не можетъ не совершенствоваться, разрабатываемая новыми опытами и приобретающая новыя познанія, часто противоположныя прежнимъ; или религія, которая не можетъ не оставаться неизмѣнно вѣрна своимъ начальнымъ догматамъ, ибо иначе перестанетъ быть религіей....

Н. ОГАРЕВЪ.

(Продолженіе впереди).

ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

(Продолженіе)

При изустныхъ торгахъ разжигаются страсти конкурентовъ до того, что они берутъ подряды не только въ явный убытокъ и подъ чужие иногда залоги, лишь бы получить задаточныя деньги, крайне необходимыя для другаго, болѣе выгоднаго дѣла; но бывали и такіе случаи, что торги кончались предложеніемъ побѣжденнаго, начавшаго торговаться съ 3000 р. с., взять подрядъ т. е. исполнить его — даромъ и тогда ему антагонистъ его не уступалъ, а предлагалъ еще хитрѣе — просьбою позволить своихъ 200 руб. с. прибавить, но потѣшить себя и противнику не уступить. Торги останавливались на этомъ и торговый потѣшный листъ, со всѣми его сбавками по копѣечкѣ, не оставивъ на себѣ ничего вниманія, а передъ всѣми фигурировало только заявленіе г-на № исполнить подрядъ изъ патриотическихъ чувствъ бесплатно и съ пожертвованіемъ еще 200 руб. с. Фактъ-же безобразія "идраву моему не препятствуй", кромѣ личной потѣхи присутствующихъ, никого не занималъ и никто ни о причинахъ его, ни о послѣдствіяхъ не размышлялъ.

Безразсудныя стремленія достигать на торгахъ невозможныхъ цѣнъ, основываются лишь на цѣнахъ прошлагоднихъ, или прежнихъ трехъ лѣтъ, или на наименьшихъ изъ состоявшихся по разнымъ вѣдомствамъ за этотъ періодъ; безъ всякаго разбора началъ, основывалась наименьшая цѣна. Есть-ли она послѣдствіе увлеченій, или вѣдомство и мѣсто достигшее этой цѣны представляетъ собою какия нибудь исключительныя выгоды и удобства звныя, или тайныя и этимъ вызываетъ готовность торгующихся брать дешевле, предоставляя начальству шегопать отличіемъ — тогда какъ въ основаніяхъ такой готовности есть невидимыя, но удобныя причины, при которыхъ ловкимъ маневромъ достигается разрѣшеніе важной задачи, соединять полезное съ пріятнымъ? Въ инженерскомъ департаментѣ военнаго министерства всякой беретъ дешевле

за тотъ же самый предметъ, чѣмъ въ вѣдомствѣ инженеровъ путей сообщенія, потому, что въ послѣднемъ отъ сторожа до присутствія, всѣ требуютъ взятки какъ должнаго, прежде чѣмъ дойдетъ дѣло до исполненія контракта, гдѣ ужь безъ 10% по крайней мѣрѣ, не дадутъ ни одной квитанціи. Затѣмъ къ видимымъ основаніямъ относятся мѣста сдачи и удобство выгрузки, дальность или близость подвозки, а къ невидимымъ и самымъ лажнымъ, количество темной экономіи. По всѣмъ казеннымъ зданіямъ Петербурга эконолическихъ дорогъ на примѣръ, за которые отъ поставщиковъ берутъ половину цѣны деньгами, до 100,000 саж. въ годъ.

Все это происходитъ отъ того, что лица, собравшіяся производить торги не имѣютъ часто понятія о предметѣ торговъ, никогда объ этомъ предварительно не совѣщаются и практическихъ свѣденій не собираютъ и много ежели соберутъ и просмотрятъ *зампчательныя въ Россіи* справочныя цѣны, или подобныя имъ офиціальныя свѣденія. Чего проще предметовъ на примѣръ, какъ сѣно или дрова, но прошлагодніе ихъ цѣны могутъ и близко не подходить къ основаніямъ желать ихъ въ этомъ году.

Засуха съ весны, а дожди при уборкѣ, дѣлаютъ цѣну сѣна, а безснѣжная и теплая зима, маловодье, иногда болѣзнь лошадей, рекрутскіе наборы и тому подобныя бѣдствія, возвышаютъ, или понижаютъ цѣнность дровъ и ежели я берусь за цѣну прошлагодную, или не на столько выше, какъ бы слѣдовало, то не ясно-ли проглядываютъ въ этомъ мои безнравственныя, болѣею частью, расчѣты, къ изслѣдованію которыхъ никто не стремится, *ибо* рука руку моетъ.

Никто не сознаетъ, что кромѣ обязанности чиновника, на немъ есть еще обязанности гражданина, да и никто отъ нихъ этого не требуетъ, а удалось заподрядить дешево и цѣль достигнута, какъ-же будетъ исполняться неисполнимое, никому и дѣла нѣтъ, подписано и съ плечъ долой.

Министръ государственныхъ имуществъ заботясь о сохраненіи лѣсовъ, устанавливаетъ цѣну на дрова до 2½ вершковъ толщиной, а за 3хъ вершковый лѣсъ требуетъ плату уже какъ за строевой лѣсъ, пригодный на холодныя строения, а министръ путей сообщенія придумалъ, послѣ 10 лѣтъ отопленія Николаевской жел. дороги, которая проходитъ чрезъ казенные лѣса, употреблять вмѣсто 2хъ вершковыхъ дровъ, общеупотребительныхъ всѣми и вездѣ, дрова не тонѣе 3хъ вершковъ, т. е. изъ строеваго лѣса. Ежели у пассажировъ отъ 2хъ вершковыхъ дровъ ни голова не болѣла, ни машины не страдали отъ того, то какая-же цѣль министра кромѣ, истребленія лѣсовъ, или траты безъ всякаго основанія лишнихъ чрезмѣрно денегъ, за его капризы, при употребленіи строеваго непременно лѣса въ дрова? Вотъ какъ объясняется это нововведеніе тѣми кто знаетъ основанія къ капризамъ министра. Его обманули инженеры, представивъ ему, въ лицѣ начальника дороги генераль-маіора Серебрякова о выгодѣ и чуть-ли не необходимости такого измѣненія въ размѣрѣ дровъ, въ расчетѣ что Чевкинъ двойной цѣны на торгахъ не утвердитъ, а дешевле купцы не возьмутъ и снабженіе дровами дороги будетъ поручено имъ-же инженерамъ а принимая и употребляя сами, они не будутъ стѣсняться никакими ни мѣрами, ни объѣмами. Обманутый, но самолюбивый Чевкинъ продолжалъ, на государственный счетъ, капризничать и употребленіе дровъ изъ строеваго лѣса пошло въ ходъ и еще хорошо что только на бумагѣ, а не на дѣлѣ.

Была еще и другая причина къ пзмѣненію размѣра дровъ, это застѣпчивость сознаться въ томъ, что многа лишнихъ дровъ выходило потому будтобы прежде, что дрова были тонѣе, а теперь, хотя въ сущности тѣже дрова и лишь на 10,000 саж., 50 подбираютъ на лицевую сторону круннѣхъ, а что теперь размѣръ дровъ толще и потому ихъ на всю дорогу уменьшилось 20,000 сажъ въ годъ. При этомъ должно замѣтить, что Варшавская жел. дорога напечатать свой расходъ вызвала въ министрѣ сознание, что у него на Николаевской жел. дорогѣ употребляется топлива вдвое болѣе Варшавской, и что слѣдовательно все то, что объяснено ему было какимъ-то господиномъ, предлагавшимъ себя въ агенты и посредники между казною и ея инженерами, дѣйствительно справедливо. Но чтожь больше вышло изъ этого, кромѣ маленькаго сокращенія воровства? Требуешь-ли министръ путей сообщенія отъ каждой дороги объявленія ея расходовъ, преслѣдуешь-ли причины въ разности расходовъ одной дороги предъ другою? Ничего не бывало, онъ не только ничего этого не дѣлаетъ, но и по государственной Николаевской дорогѣ, какъ примѣръ и руководство для другихъ, вновь возникающихъ, онъ объявляетъ лишь о приходѣ суммъ съ количествомъ проѣзжавшихъ пассажировъ и товаровъ, а расходный подробный отчетъ держитъ въ величайшемъ секретѣ. Да и какъ министру объявить о томъ, когда по сравненіи съ другими, Николаевская жел. дорога будетъ образцомъ грабежа казны. Никакия силы, мы полагаемъ, не заставятъ министра напечатать подробные расходы ни на постройку дороги, ни за время движенія ея въ первые 10 лѣтъ. Всякой бы не слѣпой увидѣлъ тогда, сравнивъ напримѣръ расходъ на топливо, когда дрова сами такъ сказаны валились въ локомотивы, до 1860 года и послѣ этого времени, что на одномъ отопленіи украдено болѣе 2,000,000 руб. сер. Скорѣе въ отставку подастъ Мельниковъ, чѣмъ это напечатаетъ. Тутъ самъ собою является вопросъ: что-же сдѣлалъ министръ государственныхъ имуществъ, протестовалъ-ли противъ такого самодурства министра путей сообщенія? Нѣтъ. Да ему и вѣкогда обращать вниманія на мелочи, онъ и не замѣтилъ этого, онъ ѣздилъ съ докладами и обдумывалъ какъ бы половчѣе устроить ихъ и отличиться поэффектнѣе по своей части, а ссориться съ своимъ-же братомъ министромъ, который и у него найдетъ много случаевъ подставить ногу, да еще при томъ не за себя лично, а за казну — нестоитъ!...

О трехъ только рѣкахъ во всей Россіи, по части лѣсныхъ сплавовъ по нимъ, существуютъ въ законахъ нѣкоторыя указанія и о Зѣ еще въ особомъ высочайше утвержденномъ положеніи; всѣ же прочія рѣки, при случаяхъ судебныхъ разбирательствъ, примѣняются къ покровительствуемымъ законами по произволу судей, не входя въ разсмотрѣніе непримѣнимости этихъ рѣкъ, по ихъ особенностямъ.

Берегъ императорскаго стеклянаго завода и не личная собственность царя, а принадлежность короны, отдается отъ кабинета его величества съ торговъ въ содержаніе тому, кто дастъ дороже и получаетъ за это право стѣснять промышленность платами, за право останавливаться судамъ у этого берега, какую вздумается назначить содержателю берега, не стѣсняясь ограниченіемъ предѣловъ платы въ то время, какъ для нѣкотораго рода товаровъ на судахъ, какъ напримѣръ древесный уголь, не отведено еще городомъ и не устроено пристани.

За право причала или выгрузки сѣна или дровъ, удобныя для того мѣста, какъ дворъ кавалергардскаго полка, или придворно-конюшенный дворъ, собираютъ, въ свою пользу деньги.

Смольскій монастырь пользуется по высоч. повѣленію императ. Александра I^{го} привилегіею не позволять судамъ останавливаться у его длиннаго и удобнаго для того берега и привилегія эта, не смотря на потребность времени и разницы въ движеніи торговомъ 20^{хъ} и 60^{хъ} годовъ, не измѣняется. Основаніемъ привилегіи было ходатайство начальницы смольнаго монастыря о томъ, что окна заведенія благородныхъ дѣвицъ выходятъ на рѣку Певу, а рабочіе неприлично себя ведутъ и потому это можетъ имѣть вліяніе на нравственность дѣвицъ. И это стѣсненіе конечно устраняется не смотря на высоч. повѣленіе, по устраняется опять таки нечистыми путями и обходами, за плату, въ пользу школы для служительницъ дѣтей, какъ говорятъ. Что-же такое высоч. повѣленіе, или точнѣе высочайшее стѣсненіе для настоящаго времени, какъ не орудіе прогнѣвъ тѣхъ, кому не хотять дозволить обонти его не кривымъ путемъ. И это неприличное поведеніе управления смольскимъ монастыремъ, не считается печальницею настоящаго времени неприличнымъ, имѣющимъ своею безправственностью вліяніе на ея личную и цѣлаго совѣта управления нравственность.

А различныя кстатіи и не кстатіи сборы со стѣснительными формами на таможенныхъ и заставахъ, шосейныхъ напримѣръ, съ ихъ командами, обходящимися государству очень дорого и кромѣ злоупотребленій и страха воинственною силою ничего неприносящихъ; но нуженъ ли этотъ страхъ? у вѣмцевъ шосейныя заставы отдаются съ торговъ, въ чистую выгоду государства, а команду замѣняетъ одна женщина, съ груднымъ иногда ребенкомъ даже и вмѣсто дорожныхъ казармъ не большая будка, съ проведенною въ нее пѣпью для поднятія шлагбаума, и собираютъ же исправно сборъ, безъ страха отъ ничего не дѣлающей команды, изъ 20 иногда отнятыхъ отъ сохи рукъ.

Русскій.

(Продолженіе впрелъ).

С М Ъ С Ъ.

Три убійства въ Тамбовѣ. 26 Апрѣля (7 Мая) въ 8 час. утра были убиты солдатами бѣлымъ днемъ, по приказанію начальства три челоуѣка, Меркуль и Иванъ *Рябушкины* и Семень *Пономаревъ*. Такъ какъ у насъ смертной казни въ *не-военномъ* сводѣ нѣтъ, а преступники беззаконно и бессмысленно судились военнымъ судомъ въ мирное время, то мы и считаемъ обязанностью упомянуть объ этомъ новомъ преступленіи правительства. До чего жители Тамбова развращены и кровожадны, ярко выставляють *Тамбовскія Вѣдом.*, — рассказывая со всѣми подробностями совершенное солдатами злодѣйство, при огромномъ стеченіи народа, онѣ прибавляють: "И ни единой слезинки не кануло на ихъ могилу!"

— *Сказка о гостиницѣ царю и о домѣ Колмисарову.* Въ русскихъ газетахъ помѣщена любопытная сказка, совершенно въ азіатскомъ вкусѣ. Въ Задонскѣ жилъ да былъ рабъ Божій Антонъ *Садофьевъ*, у него было два сына, одному стукнуло *тридцать годковъ*, другому *тридцать съ четьрьмя*. Старикъ Садофьевъ, заботясь какъ дѣтокъ пристроить и вѣроятно начитавшись въ Библии какъ Авраамъ водилъ на закланіе Исаака, и какъ Богъ Исаака приколотъ не дозволилъ, а велѣлъ

его зачислить на правах оберъ-патріаршескихъ дѣтей въ лейбъ-Левиты — вздумалъ ихъ подарить “*въ даръ батюшкѣ-царю*”. Батюшка-царь посмотрѣлъ, посмотрѣлъ, и думаетъ— хороши дѣти, кото, ыхъ отецъ сбываетъ съ рукъ, да и велѣлъ ихъ отдать въ солдаты (тоже какъ Исаака съ разными правами). О томъ хотѣли-ли дѣтки, одинъ въ 30, другой въ 34 года, какъ Дѣва Орлеанская мирный посохъ промѣнять на мечъ воинственный и счеты на гусарскую шашку, — объ этомъ ни слова въ сказкѣ, помѣщенной въ 145 *Н. Голоса*.

Это все еще съ Каракозовскаго дѣла ихъ разбираетъ! Да и то правда, не будь выстрѣла, Задонскому патріарху пришлось бы везти на ребятишекъ по крайней мѣрѣ конокрадство, или что нибудь такое неприятное, чтобъ ихъ отдать въ солдаты. Азія, да и только! Такъ и отзывается Камбизомъ, Киромъ, Ксерксомъ и Антаксерксомъ!

Вотъ распорядители-то по дѣлу обогащенія Комисарова и опростоволосились, предложивши съ горяча купить ему домъ. Имъ бы вѣличь кликнуть, кто хочетъ молъ жертвовать дѣтми для составленія дворни Осипу Ивановичу, послали бы со всѣхъ сторонъ—и купцы, и дворяне и чиновники недорослей и перерослей обоого пола. А то съ домомъ-то вышло не хорошо. *Инвалидъ* говоритъ, что пожертвовано на домъ 20,000 руб. сер. Ну на это дворца не купишь... а и у французскаго короля, какъ совѣтовалъ почтмейстеръ въ “Мертвыхъ Душахъ”, призавать вельзя, за упраздненіемъ такой должности.

... Восторга сколько угодно, а что касается до оныхъ — *атанде*. Да и что за матеріализмъ, не дорогъ подарокъ — дорога любовь... А вѣдь ужъ какъ умасливали - то Осипа Ивановича... Вотъ оно *molt' olato, ros' acceto!*

— *Головастики трубящіе побѣду*. Мы не до того античны, чтобъ радоваться сидя въ покойной гавани, какъ тонетъ корабль, — но съ другой стороны совершенно согласны, что мало зрѣлищъ доставляютъ больше удовольствія, какъ зрѣлище какъ одна надувающаяся лягушка за другой, переходить предѣлъ и лопаеть. Трещина обыкновенно дѣлается когда ее всего меньше ожидаютъ — когда какая нибудь жаба сладострастно упивается въ наслажденіи собой, упивается властью, мстью, силой, доносить безъ нужды, отравляетъ безкорыстно...

Первая жаба былъ Катковъ, вторая вѣроятпо будетъ Муравьевъ, если не успеетъ прежде самъ умереть.

Но ими болото не очищено.

За крупными жабами тянутся маленькія лягушки и всякіе головастики. Примѣръ коноводовъ — ихъ не останавливаетъ и не дѣлаетъ осторожными. Мы такъ и видимъ какъ они всѣ перелопачуются.

Милые головастики, опасны ваши дѣта, остерегитесь... рычагъ, на который вы опираетесь, далеко не такъ крѣпокъ. Вы вообразили себѣ, что манифестъ 13/25 Мая, снова, подъ другимъ именемъ, возстановитъ крѣпостное право, испортитъ и безъ того не очень широкія земскія учрежденія, дастъ новыя права крупному землевладѣнію... снова изъ Россіи сдѣлаетъ помѣщичье имѣнье, въ которомъ царь, окруженный столбовой дворней, возьметъ себѣ весь трудъ крестьянина, чтобъ онъ не баловался, а передняя съѣстъ село и пр.?

А дѣло выстрѣла начинаетъ надобѣдать, жмурки продолжаются слишкомъ долго. Свисть пули пролетѣвшей надъ

парской головой, черезъ два съ половиной мѣсяца перестаетъ шумѣть въ ухахъ. Скучно.

А кто устоитъ противъ Бога и скуки?

Всѣ устали и всѣ недовольны. Люди ожидавшіе торжественнаго спектакля, съ удивительной постановкой, съ Муравьевымъ-Синяя борода, съ измученнымъ Каракозовымъ и толпою его сообщниковъ, съ кинжалами, ядами, револьверами — кричатъ больше всѣхъ.

Всѣ тѣ, которые подавленные страхомъ, молчали все это время, кричатъ за ними.

А наконецъ и вся честная, здоровая часть общества, начинается, съ неудовольствіемъ смотрѣть на вѣчные аресты, на грубые отвѣты Муравьева, на тайну, за которой не могутъ скрыть колоссальнаго *fiasco*.

— *Всякая всячина изъ нашей реакціи*. Вадуевъ напечаталъ свою энциклику по поводу письма къ Гагарину. Онъ рекомендуетъ въ немъ полицейскимъ начальникамъ: “Обнаруживать особую заботливость о православной церкви”. Къ общимъ обязанностямъ “распорядительной и полицейской власти”, отнесено “наблюденіе за молодыми людьми, посѣщающими открытыя учебныя заведенія или вступающими по окончаніи учебныхъ курсовъ на службу”, т. е. вся молодежь отдава подъ надзоръ квартальныхъ и сыщиковъ мнн. вн. дѣлъ, безъ ущерба надзору отъ III отдѣла.

Independance думаетъ, что государь медлитъ оттого *пхатъ* послѣ атентата въ Москву, что Каракозовъ когда то былъ слушателемъ Московскаго университета. Если это такъ, то чему же дивиться сердобскому дворянству воюющему противъ всей семьи Каракозовыхъ, даже противъ ихъ имени... *Vanitas vanitatum*, къ чему послужили всѣ раболѣпныя телеграммы, записки, доносы, тосты московскихъ профессоровъ, за чѣмъ студенты ходили славить Каткова, беспокоить Пверскую Божию мать. — Дѣшайте послѣ этого подлости, унижайтесь, отрѣкайтесь отъ убѣжденій цѣлой жизни!

Объ атентатѣ, объ процессѣ, продолжаетъ *Independance*, никто больше не говоритъ и не думаетъ. Муравьевъ заговора не открылъ и слѣдственно все сказанное нами въ прошлыхъ листахъ *Колокола*, оправдано вполнѣ. Заговора не было и тысячу разъ повторяемъ: Заговора не было; все что дѣлается — колоссальной обманъ. Обмануть можно оробѣвшаго государя, оторопѣвшую толпу, но вельзя обмануть Историю.

— *Neue Frankfurter Zeitung*, № 151, 3 Юня, характеризуетъ рескриптъ князю Гагарину — *глупымъ* (*närrisch*). “Имп. Александръ, вообще человекъ умный (*Sonst ein venünftiger Mann*), обнародовалъ по поводу извѣстнаго покушенія рескриптъ, въ которомъ моралистъ соревнуетъ съ монархомъ боящимся революціи, чтобъ доказать глубокую связь между отдѣльнымъ преступленіемъ и зловредными ученіями подкапывающими и пр. Это глупое посланіе (шутовское, дурацкое — *närrisch*) подражаніе (*Abklatsch*) Метерниховой государственной мудрости, дѣлается *пикантнымъ* только потому, что русскимъ чиновникамъ снова рекомендуется уважать *право собственности*”. Даже вѣмцевъ умудрилъ!

— Статья подписанная *W.*, письмо по поводу Каракозовскаго дѣла и еще финансовая статья — нами получены исправно.

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЬ 224.

15 Іюля 1866.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Получается въ Военной Русской Гипографіи, 40, Pré l'Écluse и въ главныхъ книжныхъ магазинахъ — у Г. Георга, 10, Corraterie, Genève; у Н. Грюбнера и Ко., 60, Paternoster Row Londres. Цѣна за листъ 50 сантимовъ безъ пересылки. Прилагаемъ почтовой тарифъ:

Въ Германію	15с.
— Австрію	15с.
— Англию	15с.
— Бельгію	5с.
— Францію	5с.
— Италію	3с.
— Неаполь и Сицилію	20с.
— Грецію (черезъ Марсель)	5с.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10с.
— Швецію	25с.
— Швейцарію	5с.

Parait à Genève tous les quinze jours. Le dépôt principal est chez H. GEORG, à Genève, Corraterie, No. 10. A Londres, chez N. TRÜBNER et Co., 60, Paternoster Row. Le prix de chaque No. est de 50 centimes, le port de la poste non compris. Tarif postal:

Allemagne	15с.
L'Autriche	15с.
Angleterre	15с.
Belgique	5с.
France	5с.
Italie	3с.
Naples et Sicile (voie de Marseille)	20с.
Grèce (voie de Marseille)	5с.
Turquie et Princ. Danubiennes (voie de Marseille)	10с.
Suède	25с.
Suisse	5с.

ОГЛАВЛЕНІЕ: П. А. Мартыяновъ—Великій заговоръ большая ложь—Каракозовъ, царь и публика—Финансовое Положеніе (Продолженіе). Смѣсь:

Общественныя удовольствія въ Петербургѣ—Кои надо, отчего и не посылать—Иностранная цензура—Изъ письма къ намъ—Слухи—Правда-ли?—Поправка.

П. А. МАРТЪЯНОВЪ.

На дняхъ мы получили вѣсть о кончинѣ на Петровскихъ Заводахъ Петра Алексѣевича Мартыянова. Онъ умеръ въ каторжной работѣ, вся вина его состояла въ томъ, что онъ свою пламенную любовь къ русскому народу смѣшивалъ съ вѣрой въ земскаго царя. Царь убилъ его за это.

Мы были правы говоря о смерти Серно-Соловьевича*, что правительственные Каракозовы не даютъ промаховъ.

ВЕЛИКІЙ ЗАГОВОРЪ — БОЛЬШАЯ ЛОЖЬ.

Indépend. Belge (3 Іюля) говоритъ, что дѣло Каракозова оканчивается и можетъ окончено уже теперь. По слѣдствію открыто, что покушеніе 16 (4) Апрѣля *не было слѣдствиемъ заговора*, давно обдуманнаго и далеко распространеннаго, а дѣломъ небольшой кучки людей сводящейся на семь человекъ, изъ которыхъ шесть должны были по жребію исполнить намѣреніе, а седьмой заготовить прокламаціи.

“Корни”, которыхъ такъ хвастливо кинулся искать Муравьевъ, не такъ-то были глубоки. За то онъ выдумалъ два новыхъ дѣла, такъ что сверхъ коммисіи по дѣлу объ аляутатѣ, являются еще двѣ коммисіи, а именно: коммисія по дѣлу тайныхъ обществъ и коммисія объ *опасныхъ классахъ въ петербургскомъ населеніи*. Если къ этому прибавить еще пять-шесть коммисій: “о продовольствіи войска, о снабженіи водой Петербурга, о сохраненіи льсовъ”, и все это отнести къ Каракозовскому дѣлу, конечно, его можно продлить годы... во кого же можно надуть такими пошлыми натяжками?

Срѣзались, почтенный графъ?.. Тутъ видно не въ Польшѣ!

* Мы недавно узнали подробности о кончинѣ Серно-Соловьевича его большого переѣхала тройка, въ которой вели другнхъ сосланныхъ; поднятый на дорогѣ, онъ былъ доставленъ въ Иркутскій лазаретъ и тамъ умеръ. Что за *scandalum* эта императорская Россія!

Годъ X.

КАРАКОЗОВЪ, ЦАРЬ И ПУБЛИКА *

I.

Pas de rêveries!

АЛЕКСАНДРЪ II.

Каждый народъ имѣетъ на столько хорошее правительство, на сколько заслуживаетъ.

ТАЛЕЙРАНЪ.

Рабочія волненія улеглись, экстазъ исчезъ, молебны и гимны прекратились, “великій мужъ” Комисаровъ-Костромскій, осыпанный всяческими оваціями, титулами, деньгами и орденами, становится уже предметомъ остротъ (въ тихомолку), —однимъ словомъ, все праздничное замѣняется будничнымъ, прозаическимъ. Теперь, когда на мѣсто экзальтированнаго чувства вступаетъ въ свои права трезвый умъ, легко можно взглянуть на прошлое, оцѣнить его и посмотрѣть, что изъ того вышло.

А вотъ что: Петербургъ, за нимъ Москва, а до нѣкоторой степени и вся Россія, находится чуть не на военномъ положеніи; аресты, обыски и пытки идутъ безпрерывно; никто не увѣренъ въ томъ, что онъ завтра не подпадетъ подъ страшный Муравьевскій судъ за какое нибудь слово, сказанное много лѣтъ тому назадъ. Или даже просто за знакомство съ кѣмъ нибудь изъ арестованныхъ; правительство окончательно сбросило съ себя и послѣдніе дырявые остатки либеральной маніи; обскуранты взяли царя рѣшительно подъ свою опеку; невыносимо тяжелая, душная, николаевская атмосфера охватила собою всю свитую Русь; печать придумана до нелѣпости, а въ перспективѣ видѣется еще худшее; коротко, царь за спасеніе своей жизни и за преданность ему Россіи отплатилъ ей страшною полицейско-депотическою реакціей и заключить свою отплату казнями и ссылками многихъ.

Кто-же причиною того? Кого винить должно?

Да кого же, какъ не насъ самихъ? Мы, мы сами причиною того; мы виноваты.

* Слѣшимъ передать нашимъ читателямъ еще замѣчательную статью, вызванную рядомъ правительственныхъ нештатовъ и общественныхъ рабочихъ послѣ 4/16 Апрѣля. По несчастію она опоздала немного. Мы не во всѣхъ подробностяхъ раздѣляемъ мнѣніе автора, но это нисколько не мѣшаетъ намъ вспомнить цѣлѣ этотъ — протестующій голосъ русскаго изъ Россіи въ несчастномъ Каракозовскомъ дѣлѣ.—Изд.

Разсмотримъ это.

Убийства царя никто изъ русскихъ не желалъ; это извѣстно и понятно всѣмъ — отъ царя до мужика; мы думаемъ, что даже и такой ярый революціонеръ, который могъ бы считать по принципу святымъ дѣломъ убіеніе царей, порицалъ бы посягательство на Александра и сказалъ бы: “этотъ царь заслужилъ себѣ, не въ примѣръ прочимъ, пощаду, право доживать спокойно свои дни”. Онъ сказалъ бы такъ, принявъ во вниманіе, что Россія весьма много обязана Александру (хотя правда, нѣтъ почти ни одной мѣры, ни одного закона, которымъ можно бы было удовлетвориться, и, напротивъ, многое можетъ возбуждать и дѣйствительно возбуждаетъ только сильное неудовольствіе) Слѣдовательно поступокъ Каракозова находить себѣ объясненіе или въ его помѣшательствѣ или фанатизмѣ. Что Каракозовъ дѣйствовалъ одиноко, а вовсе не по порученію какого нибудь общества, это такъ ясно, что вѣтъ не могутъ искренне сомнѣваться ни царь, ни все русское общество, ни самъ Муравьевъ. Пафонецъ весь народъ, все русское общество такъ усердно заявили свои чувства, что царю, если бы и была — какая нибудь кучка людей, приличіе всего было бы оставить ее безъ вниманія и тѣмъ даже пощадить Каракозова — а за любовь народную вступить самымъ рѣшительнымъ образомъ на самый либеральный путь и ее расположить къ себѣ.

Если такъ, то къ чему-же тѣ обширные размѣры, которые приняла слѣдственная коммиссія? Къ чему *Московскія Вѣдомости* и *Вѣсть*, стараются еще болѣе расширить ихъ?

Отвѣтъ ясенъ: царь и ретрограды пользуются этимъ случаемъ, только какъ предлогомъ: первый къ тому, чтобы кровью и терроромъ уничтожить всѣхъ тѣхъ, которые осмѣливаются судить объ его мѣрахъ и не одобрять многія изъ нихъ; послѣдніе, чтобы истребить всѣ слѣды свободы, завербовать царя окончательно въ свой лагерь и свернуть его на вполнѣ ретроградный путь.

И они достигаютъ своей цѣли!...

Не страшно-ли и не возмутительно-ли слышать, что за всякое слово, неблагомысленно сказанное о царѣ келейно, въ частной бесѣдѣ или въ пріятельскомъ письмѣ, хотя бы нѣсколько лѣтъ тому назадъ, призываютъ къ допросу и судятъ какъ соучастника въ посягательствѣ? Какая связь между тѣмъ и другимъ? Долго-ли быть такой азіятивѣ? При томъ, развѣ неизвѣстно, какъ сильно измѣнилось у насъ общественное мнѣніе съ 1863? Развѣ каждому изъ насъ не приходилось встрѣчать даже революціонеровъ, превратившихся въ вѣрноподданныхъ и, по большей части, не вслѣдствіе личныхъ расчетовъ, а просто по вліянію всей среды, какъ прежде подъ вліяніемъ иной среды они были радикалами? Развѣ это неизвѣстно кому нибудь? По этому, если бы даже признать, что азіатская теорія преслѣдованія за слово и мысль справедлива, то и тогда было бы преступно подвергать теперь кого бы то ни было ответственности, за оказанное и думанное въ прежніе годы. Но у насъ и не то дѣлается! Нашъ извѣстный и даровитый ученыи, философъ и математикъ, полковникъ и профессоръ математики Лавровъ, (не говоря о многихъ другихъ, еще болѣе невинныхъ) засажень за то только, что онъ либераленъ и имѣлъ у себя чужое письмо, не благомысленно (не болѣе) отзывавшееся о царѣ! Такъ то у насъ губятъ мысль, талантъ, не смотря на ихъ скудость! Убиты Михайловъ, Серно-Соловьевичъ, сосланъ Чернышевскій и пр.

и всѣ безвинно! Но и этихъ жертвъ еще мало злодѣямъ. Цинизмъ правительства, преслѣдующаго Сибирскихъ чиновниковъ за гуманность къ человѣку, которому вся Россія сочувствовала и который уже погубленъ правительствомъ, далеко превзойденъ цинизмомъ *Московскихъ Вѣдомостей*, нападающихъ на власти, дозволившия Чернышевскому писать романъ въ тюрьмѣ! Страшно страдаютъ, мучатся на каторгѣ люди единственно за свои убѣжденія, и онѣ еще быють лежачихъ и досаждютъ, что не сдѣлали ихъ участь еще худшею. Онѣ и *Вѣсть* дошли до геркулесовыхъ столбовъ, укоряя правительство за недостаточность нѣповѣства, за слабость цензуры и пр. и всѣми силами старающъ сдѣлать солидарными съ Каракозовымъ всѣхъ нигилистовъ, включая сюда всѣхъ сколько нибудь свободно мыслящихъ, всѣхъ перетрогравдовъ.

И царь слушается ихъ и безпрекословно идетъ по ихъ указаніямъ, отчасти потому, что слабъ характеромъ, а отчасти и потому, что уже сталъ тяготиться проблесками свободы, мельбающими въ Россіи; его уже прельщаетъ, какъ видно, образъ батюшки, Николаевскія времена возстановляются. — *Pas de rêveries!*

Царь нашъ, какъ и вообще царь, весьма туго подается на либерализмъ, на расширеніе свободы народа, во весьма легко, во всякое время готовъ, по первому внушенію одной, двухъ газетъ, на всяческія репрессивныя мѣры. Онъ убѣдился, что весь народъ ему преданъ, что опасности нѣтъ никакой, что слѣдовательно можно дать полный просторъ самодержавному разгулу, — и вотъ мы видимъ его во главѣ реакціи. Чѣмъ за преданность, манифестаціи и пр. отплатилъ онъ народу? А вотъ чѣмъ:

1) Усиленіемъ тайной полиціи, шпионства, желаніемъ проникнуть въ мысли, чувства каждаго лица, въ тайны семейства.

2) Изгнаніемъ Головинна и Суворова, то есть единственныхъ до нѣкоторой степени либеральныхъ лицъ въ высшихъ сферахъ. Замѣненъ Головинъ Толстымъ — ханжой и обер-прокуроромъ синода, *въ каковомъ званіи и остается*. Это назначеніе, сильный шагъ назадъ. У насъ народное образованіе идетъ не изъ среднихъ вѣковъ и потому получило вмѣсто средневѣковой гораздо болѣе широкую основу, такъ что науки не только никогда не считались у насъ за *concillae theologiae*, но даже богословіе уже Елизаветою не удостоено чести стать на ряду съ другими науками, или, точнѣе сказать, просто съ науками; богословскаго факультета она не завела въ Москвѣ, а потому и прочіе университеты также свободны отъ него. Только позднѣе — и кажется Николаемъ введено догматическое и нравственное богословіе для студентовъ всѣхъ факультетовъ. (Такой безсмыслицы нѣтъ и въ Германіи). Въ гимназическомъ уставѣ 1804 г., законъ божій былъ помѣщенъ не во главѣ, а въ концѣ списка предметовъ, на ряду съ наименѣе важными, и преподаваніе его предоставлялось, какъ добавочный предметъ, одному изъ свѣтскихъ учителей. При Николаѣ уже дѣло значительно измѣнилось сообразно съ возведеннымъ въ теорію принципомъ “православія и самодержавія”. Но какъ дико и невѣроятно кажется, что теперь, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе въ этомъ отношеніи пятится народное просвѣщеніе: попы все болѣе приобрѣтають значенія и вліянія. Головинъ, по слабости своей, постоянно дѣлалъ имъ всяческія уступки — но эта каста до крайности жадна, упряма и злопамятна; она хочетъ достигнуть уже не только преобладанія, но

полного господства пады дѣлами образования народнаго и не могла простить Головинну и того, что онъ не съ такою ревностю помогалъ ей, какъ бы ей того хотѣлось, ни того, что и сдѣланныя имъ уступки были противъ его воли. Уже и теперь начальное образованіе попало почти исключительно въ руки поповъ; во главѣ училищныхъ совѣтовъ стоятъ архіереи при иерейскихъ членахъ понахъ; въ гимназіяхъ число уроковъ закона божіа увеличено (во 2-ой половинѣ XIXго вѣка, преподаватели поны и въ университетахъ и въ гимназіяхъ сравнены съ преподавателями наукъ; въ Кіевѣ, гдѣ поны особенно буйныи за господство, послати для нихъ умасления и удовлетворенія Ширинскаго-Шихматова*. Теперь же, въ довершение всѣхъ этихъ безумныхъ мѣръ, государь назначаетъ министромъ усерднаго синодскаго слугу и издастъ самыи крѣпостнико и ново-побезныи циркуляръ къ министрамъ! Не странно ли, не безобразно ли, что въ то время, какъ религиозныя суевѣрія слабѣютъ съ каждымъ днемъ во всей Европѣ, когда съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе открывается — даже слѣднымъ — несостоятельность, нераціональность богословія, несовмѣстность его съ наукою и съ духомъ времени, въ то время, какъ образованіе болѣе и болѣе теряетъ церковный характеръ и выпадаетъ изъ руки духовенства, даже тамъ, гдѣ церковная школа есть многовѣковое историческое дерево, когда италинское правительство само вырываетъ образованіе изъ рукъ духовенства, когда изъ Бельгійскихъ учебныхъ заведеній совсѣмъ изгнано преподаваніе религии, когда даже въ тяжелой Германіи съѣздъ учителей два года тому назадъ, высказался въ пользу полного освобожденія школы отъ церкви и религій, въ то самое время, подъ конецъ XIXго вѣка, у насъ хотятъ возстановить среднее вѣка! Другими словами, царь хочетъ задержать и изуродовать и безъ того ничтожное движеніе нашего образованія и еще болѣе помрачить и теперь находящійся въ невѣжествѣ народъ! Это въ благодарность народу за восторгъ.

3) Царь назначилъ свирѣпаго Муравьева предсѣдателемъ слѣдственной коммисіи и объявилъ Россію, а особенно Петербургъ, въ осадномъ положеніи. Съ какою цѣлью—это сказано выше. Очень, можетъ быть, что Муравьевъ *откроетъ* нѣкую комбинацію заговоровъ, но въ этомъ ничто не повѣрится. Я знаю различныя слѣдствія, которыхъ открытія были положительно ложны. Мнѣ извѣстно напр. въ подробности слѣдствіе о воскресныхъ школахъ, производившееся Идановымъ. Могу сказать по совѣсти, что оно, почти цѣльнымъ,

* Родъ князей Ширинскихъ-Шихматовыхъ (татарскаго происхожденія), замѣчательнъ въ исторіи русскаго проsvщенія — одинъ изъ нихъ былъ любимцемъ всероссійскаго адмирала-патріарха Шинкова (зкорявшаго между прочимъ даже митрополитовъ, синодъ и почти всѣхъ русскіхъ архіереевъ въ слабости и даже въ измѣнѣ православію) и составителемъ, по порученію Шинкова, знаменитаго по самому дѣлу, самому цѣльному обскурантизму, цензурнаго Устава 1826 г.; другой Ширинскій-Шихматовъ умеръ на дѣвѣ въ схимѣ вѣлкой; третій въ качествѣ патріарха-министра объявлялъ, кажется въ 1851, циркулярно по университетамъ для руководства, что греческій языкъ преподается въ университетахъ преимущественно съ тою цѣлью, чтобы студенты могли читать въ подлинникѣ святыхъ отцовъ восточной церкви, уничтожилъ преподаваніе философіи, а преподаваніе логики и психологіи получило исключительно попомъ, и наконецъ строго велѣлъ Рюрику придти въ Новгородъ не въ 852 г., какъ было доказано кругомъ, а въ 862 (узнавъ вѣроятно изъ Апокалипсиса, что 862 единственно вѣрное число), наконецъ четвертый былъ прежде въ Вильнѣ повечителемъ, а теперь святительствуетъ въ Кіевѣ, и, судя по одной кіевской корреспонденціи въ "Петербургъ Вѣдомъ" и по нѣкоторымъ другимъ дошедшимъ до меня достовернымъ свѣденіямъ, такъ усердно, что завелъ въ учебныхъ заведеніяхъ чуть не монастырскіе порядки, директора и преподаватели стали наперерывъ стараться перещеголять другъ друга въ халхествѣ и тѣмъ заявить себя передъ нимъ.

отъ начала до конца живо; ложность многого я могу доказать положительными фактами. Какія натяжки, какія безосновныя комбинаціи, какое тисное стремленіе устранить все, что сколько-нибудь служитъ къ опроверженію, а въ болѣе все то, чѣмъ положительно опровергается его предвзятое мнѣніе! Этотъ самыи Идановъ былъ потомъ слѣдователемъ въ Симбирскѣ и дѣйствительно, при своихъ пріемахъ могъ бы доказать очень многое такое, что и во снѣ никому не сплосъ. А въдъ Муравьева нетъя еще статься за урядъ со Идановымъ и другимъ слѣдователями: что могутъ надѣяться одно его имя, одинъ его взглядъ и одинъ взглядъ на его лице! Прибавьте къ этому общепотребительныя у насъ изслѣдованія политическыи (да отчасти и прочныи) преступленій, всевозможныя невыносимыя нравственныя и физическыя истязанія во время продолжительно-мучительныхъ заключеній, представьте все это и соедините со Идановскимъ способомъ комбинаровать, и тогда окажется яснымъ, что можно будетъ открыть все, что ни заблагоразсудится. Да въдъ Муравьевъ уже до начала слѣдствія объявилъ въ своей рѣчи: "что это дѣло не одного, а многихъ". *Московскія Вѣдомости*, обвиняя поляковъ и нигилистовъ, *Вѣсть*, обвиняя однихъ нигилистовъ, сами, разумѣется, не вѣрятъ своимъ словамъ. Бѣдные поляки и нигилисты! За поляковъ заступається хоть *Вѣсть*, разумѣется не по чувству справедливости, — это въ ней смѣшно предпологать, а потому только, что при словѣ полякъ имѣются въ виду главнымъ образомъ помѣщики; за нигилистовъ же (подъ этимъ названіемъ стали теперь пониматься всѣ ретрограды) и слова никто не посмѣетъ сказать, ибо тотчасъ самаго притянутъ къ страшному Муравьеву, какъ соучастника въ преступленіи... Идутъ пытки (ихъ можно производить и съ инструментами и безъ нихъ), потомъ пойдутъ казни, каторга, ссылки лучшихъ людей, представителей народнаго ума и образованія... Такъ то царь отплачиваетъ народу за спасеніе своей жизни и за живованія!

4) Печать стѣснена до смѣшнаго. Въ прошломъ году лицемерно обманули журналистовъ; подъ видомъ расширения свободы еще болѣе стѣснили печать и съ каждымъ днемъ становилось хуже. Теперь, разумѣется, ни одно изданіе не подумаетъ освободиться отъ цензуры, если не прикажутъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ запрещены *Русское Слово*, *Народная Литописъ* и даже *Московскія Вѣдомости*; *День* самъ ушелъ отъ напасти заблагоразсудительно; *Современникъ*, *Петербургскія Вѣдомости* и *Голосъ* получили по 2 предостереженія и слѣдовательно висятъ на волоскѣ, *Вѣсть* одно предостереженіе; кромѣ того Бибииковъ, Краевскій, Коршъ, и Пельрасовъ подпани подъ судъ; остаются, слѣдовательно, только *Отечественныя Записки* и *Русскій Вѣстникъ*. Валусъ поставилъ себѣ, какъ видно, задачею современно уничтожить жалкую нашу журналистику и давленіе ея должно доставлять ему просто забаву, увеселеніе; иначе невозможно объяснить, какимъ образомъ нѣсколько самыхъ невинныхъ статей могли вызвать предостереженія и судебныя преслѣдованія. Но до низзма стѣсненія дошли уже постѣ посягательства Каракозова, т. е. царь такимъ образомъ поблагодарилъ печать за высказанныя ею чувства преданности къ нему; въ это то время двѣ газеты получили по второму предостереженію, а потомъ и отданы еще подъ судъ. До посягательства ожидали, по случаю серебряной свадьбы и дня рожденія государя, разныхъ лакомствъ, уничтоженія данныхъ предостереженій, амнистіи нѣкоторыхъ лицъ, — и по всей вѣроятности это бы и было.

Но какъ начались народныя неистовства, то царь совершенно основательно разсудилъ, что нечего ласкать *такой* народъ, дай ему что нибудь приятное, онъ, пожалуй, и совѣмъ сойдегъ съ ума; слѣдуетъ его, напротивъ, немного охолодить, — и дѣйствительно, печать стѣснена до невѣроятности въ то самое время, какъ она во всѣхъ странахъ достигаетъ самой широкой свободы. Скажете иной, что то дѣлаетъ не царь, а Валуевъ. Вздоръ! Развѣ у этихъ чиновниковъ есть какия нибудь личныя убѣждения? Они пойдутъ куда угодно, по приказанію. Пожелай царь, и Валуевъ сегодня сдѣлается отъявленнымъ крѣпостникомъ, завтра нигилистомъ, послѣ завтра умѣреннымъ и то если бы онъ замѣтилъ въ царѣ хоть малѣйшій слѣдъ неудовольствія, на его обѣщанство противъ печати, то онъ немедленно пріостановился бы. Слѣдовательно, онъ поступаетъ согласно съ желаніями царя, а потому царь долженъ и отвѣчать за всѣ его поступки. Въ этомъ случаѣ я, впрочемъ, сложусь съ официальнымъ корреспондентомъ *Nord'a*, который объясняетъ, что у насъ, гдѣ нѣтъ конституціи, нельзя обвинять министровъ, не обвиняя въ тоже время государя. Думаю однако, что при такихъ обстоятельствахъ стыдно продолжать изданія; всякой честный и уважающій себя журналистъ, долженъ прервать изданіе, заявивши причину; еще было бы лучше, если бы всѣ редакторы согласились и въ одинъ день прекратили бы свои изданія. Разумѣется, что никакой честный человѣкъ не долженъ бы потомъ просить о разрѣшеніи издавать новый журналъ, пока Валуевъ не спросилъ бы прежнихъ редакторовъ взяться вновь за свои изданія.

5) Царь написалъ, т. е. подписалъ рескриптъ, или лучше сказать, буллу на имя предсѣдателя министровъ. Онъ увѣряетъ въ немъ, что хочетъ охранить народъ отъ ложныхъ ученій... Сколько нечестности въ этихъ словахъ! Что за патріархальный взглядъ! Царь выставяетъ себя какъ совершеннѣйшаго и единаго, мудраго отца несовершеннѣйшихъ и неразумныхъ дѣтей — народа, который онъ беретъ подъ свою отеческую опеку! До сихъ поръ не переварятъ той мысли, что роль царей, какъ родоначальниковъ и патріарховъ существовала только въ доисторическія времена и теперь находится развѣ только у дикарей! Отъ *ложныхъ* ученій... Всякое учене, которое царь объявляетъ за ложное, такъ таки всѣ и должны признать за ложное? О всякомъ ученіи каждый самъ рѣшаетъ, ложно-ли оно или нѣтъ. Да и въ состояніи-ли правительство охранять народъ отъ какихъ бы то ни было ученій (не говоря уже о томъ, что оно не имѣетъ на то никакого права)? Дѣйствительно, ложныя ученія сокрушаются жизнью, свободою, нравственною и умственною борьбою, а не царско-полицейскимъ приязомъ. Далѣе, неужели будетъ у насъ еще долго продолжаться пагубное смѣшеніе царства земнаго съ небеснымъ, при которомъ царь считаетъ своимъ долгомъ охранять и церковь, т. е. объявлять себя главою церкви и слѣд. заступать мѣсто Іисуса Христа, который, по церковному ученію — глава церкви? Что это за божье намѣстничество! Какъ все это несообразно съ духомъ времени! Замѣйте далѣе, что въ цѣлой этой царской буллѣ нѣтъ ни слова, ни намекъ о прогрессѣ, о свободѣ, о развитіи народныхъ силъ... Это умолчаніе въ ней очень знаменательно... Вообще всею этою буллою царь показалъ, что онъ теперь рѣшительно отказывается даже отъ того послѣдняго либерализма, который онъ до сихъ поръ проявлялъ, что ему не подѣ силу роль великаго и славнаго благодѣтеля народа, которую онъ

могъ бы заслужить, и что онъ предпочитаетъ стать подъ одинъ мелкій уровень съ тѣми дюжинными царьками, которые ревниво заботятся только объ охраненіи своей власти во всей ея полнотѣ. Царь свидѣтельствуеетъ далѣе что онъ не желаетъ впредь искать поддержки и опоры въ любви народной, быть царемъ народа, пзъ кровавыхъ и потовыхъ трудовъ котораго онъ беретъ, при теперешнемъ жалкомъ финансовомъ положеніи такую сумму (кромѣ множества земель и приисковъ), о которой и подумать не смѣетъ ни одинъ изъ другихъ властителей, даже въ гораздо болѣе богатыхъ странахъ и объявляетъ себя царемъ партіи и при томъ партіи, враждебной благу и развитію народному! Вотъ тебѣ, народъ, за преданность! А вѣдь вмѣсто всего этого, государь могъ бы воспользоваться этою народною преданностью для полнаго сокрушенія крѣпостнической и поповской оппозиціи, окружить себя людьми народа и свободы, рѣшительно стать во главѣ народа, быстро, не оборачиваясь, вести его по самому широкому пути свободы и просвѣщенія, заглавить прежнія ошибки и тѣмъ заслужить себѣ ярко-свѣтлое и громкое имя въ исторіи... Но гдѣ ему? Для этого нужны сильный умъ, крѣпкая воля и истинная любовь къ народу и странѣ... Онъ могъ бы сдѣлаться величайшей исторической личностью, — и мѣняетъ ее на жалкую роль царька маленькой партіи. Становясь такимъ царькомъ крѣпостнической партіи, онъ тѣмъ самымъ освобождаетъ народъ отъ всякихъ обязательствъ, по отношенію къ нему...

Такъ вотъ вамъ, господа, къ чему привели ваши вакхическія ликованія! “Какимъ-же образомъ они могли привести къ тому?” спросятъ иные простаки.

Позвольте на это прежде всего отвѣчать вопросомъ: съ какой стати вы такъ неумѣренно ликовали? Что оно не было искренно, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія: никакой экстазъ не можетъ долго продолжаться. Неужели-же радость о спасеніи государя (который при томъ до сихъ поръ, никого не могъ вполнѣ удовлетворить), была въ васъ такъ сильна, что вы цѣлый мѣсяцъ были въ экстазѣ, т. е. что вы и дома, въ своемъ семействѣ и на единѣ, то и дѣло, что только радовались, ликовали, плясали, пѣли и молились? Очевидно нѣтъ, это невозможно. Слѣдственно, вы экзальтировали себя только на показъ предъ публикою; слѣдственно, вы притворялись, слѣдственно это была ложь. Не говоря о томъ, что притворство не честно, позвольте васъ спросить, съ какою цѣлью вы такъ вакхально притворялись? Если безъ цѣли, безъ смысла, безъ разума, то это не только не дѣлаетъ вамъ никакой чести, но даже возбуждаетъ къ вамъ презрѣніе, не только въ людяхъ разумныхъ, но даже и въ томъ, въ честь котораго вы такъ неразумно, бессознательно ликуете. Дѣйствительно, многие плясали такъ себѣ, бессознательно; сюда принадлежитъ масса простаго народа, который съ изступленіемъ кричалъ ура! и Николаю, и будетъ кричать всякому царю. *Таки*ми заявленіями никакой царь не можетъ гордиться... Оставляя въ сторонѣ и тѣхъ, которые восторгались по своему официальному положенію, я долженъ сказать, что многие неистовствовали изъ желанія показать, что всѣ въ Россіи не только проливъ замысла Караѣзова, но и бесконечно преданы государю и тѣмъ отстранить реакцію и преслѣдованія и склонить царя на сторону народа.

Вотъ эта то послѣдняя группа меня преимущественно побудила написать эту статью.

II.

Нѣтъ ничего ошибочнѣе мысли, что преданностью, покорностью, любовью къ царямъ можно поставить ихъ на путь свободы, побудить къ либеральнымъ и полезнымъ для всего народа мѣрамъ. Такое мнѣніе показываетъ только крайнюю и печальную *политическую дѣтскость*, социальную незрѣлость, отсутствіе всякаго политическаго такта, полное непониманіе и незнаніе исторіи и вообще чрезвычайно слабое умственное развитіе—плодъ плохаго школьнаго и общественнаго образованія. Казалось бы на первый взглядъ, что царь, обязанный своею жизнью народу изъ народа, съ восторгомъ тотчасъ окруженный народомъ, осыпанный поздравленіями, оваціями, гимнами и мольбами, наконецъ празднующій вслѣдъ за тѣмъ два семейные праздника, въ которыхъ также принимала участіе Россія и ея пресса—казалось бы послѣ всего этого что царь даже изъ простаго приличія долженъ благодарить Россію, весь русскій народъ чѣмъ нибудь расширяющимъ его права, свободу, развитіе, цивилизацію. Но вѣдь ничего, такъ таки рѣшительно ничего этого не было, но за то вмѣсто того мы видимъ усиленіе шпионства, поповское потемнѣніе просвѣщенія, осадное положеніе, давленіе мысли и слова— и въ перспективѣ казни, ссылки, лишеніе мѣстъ, полицейскій надзоръ и тому подобныя прелести. Въ томъ то и коренныя ошибки, господа, что вы судите о царскомъ сердцѣ и умѣ по сердцу и уму человѣческому. Взгляните на то, что правительство наше или царь было наиболѣе либерально до 1862, т. е. сначала подъ вліяніемъ несчастной войны, а потомъ потому, что общество относилось къ нему рѣшительно оппозиціонно, враждебно; въ 1862 г., послѣ пожаровъ, уменьшившихъ въ журналистикѣ и публикѣ оппозицію, является уже начало реакціи; въ 1863 г., когда, въ виду Европейской войны, народъ выказалъ самыя патріотическія чувства, которыя у насъ до сихъ поръ свизываются съ преданностью къ самодержавію, царь, въ благодарность, счелъ за самое лучшее круто повернуть на реакціонный путь; наконецъ теперь, когда увидѣлъ преданность и любовь, онъ совсѣмъ сбросилъ и все, что намекало на либерализмъ и явился въ чистой, деспотической наготѣ. Взгляните далѣе, хоть на новѣйшую исторію: Европа обязана всѣми своими лучшими правами, учрежденіями и благосостояніемъ не покорности, а борьбѣ, оппозиціи и революціямъ. Посмотрите на то, что въ 1863 г., въ то время, какъ Россія исходила адрессами и изліяніями вѣрноподданническихъ чувствъ, финляндцы припяли угрожающее положеніе. Въ отвѣтъ на всѣ заискиванія, просьбы и намеки генераль-губернатора о подачѣ адреса, они настоячиво требовали сейма и либеральныхъ мѣръ; достигаютъ они того и другою, государь лично открываетъ сеймъ либеральною рѣчью на французскомъ языкѣ и вноситъ самыя либеральныя предложенія, но и послѣ того, они объявляютъ адрессъ излишнимъ. И что же, кто выигралъ? Финляндія стала одною изъ весьма либеральныхъ странъ, а Россія, завоевательница ея, поставлена въ гораздо худшее положеніе, чѣмъ была прежде; послѣ разныхъ уступокъ финляндцамъ, даны и Россіи изъ приличія нѣсколько уступочекъ, да и тѣ съ избыткомъ вознаграждены разными стѣсненіями. Государь вынужденъ былъ дѣлать Цолыпѣ и Финляндіи уступки, за ихъ умственное и историческое развитіе и оппозиціонное отношеніе, хотя имѣлъ за собою противъ нихъ стихійную силу 60 милліонной Россіи; чего-же могли бы достигнуть поляки и финляндцы, еслибы

у нихъ были особыя государи, не имѣющие за собою никакои ордъ покорной деспотизму.

Что же было бы, господа писатели адрессовъ, еслибы вы въ 1863 г. сохраняли самое оппозиціонное отношеніе и въ каждомъ адрессѣ энергически объявили бы, что вы готовы самымъ рѣшительнымъ образомъ отразить неприятельское нашествіе, но что прежде или царь долженъ совершенно измѣнить составъ правительства, или что вы сами его замѣните такимъ, которое немедленно ввело бы самую полную свободу печати, ассоціацій, сходокъ, широкое мѣстное самоуправленіе и созвало бы русскій парламентъ на самыхъ либеральныхъ, демократическихъ основахъ? И все это было бы... Въ слабомъ патріотизмѣ васъ также нельзя было бы тогда обвинить. Теперь, послѣ посягательства можно было бы опять заявить свою преданность государю, но только не такъ нехлѣпо, не вакханально, не раболѣпно, а сдержанно, съ самоуваженіемъ и политическимъ тактомъ; можно было написать и адрессы, но не церковнаго, а политическаго характера, высказывая въ каждомъ изъ нихъ желаніе видѣть царя гораздо болѣе либеральнымъ и прогрессивнымъ и показать ему, что тогда, даже такіе фанатики какъ Каракозовъ, были бы немыслимы. Если бы всѣ или хоть большинство адрессовъ были такого рода, то и результаты были бы иные. Если же было бы опасно писать такіе адрессы, то не слѣдовало бы писать никакихъ.

Невольно, хотя и съ болью, вспоминаются слова Талейрана—“Каждый народъ такъ управляется, какъ онъ того заслуживаетъ”...

Мы поступали совершенно безсмысленно и этимъ - то неразумнѣемъ все портимъ; мы заставляемъ самое правительство и государя смотрѣть на насъ съ заслуженнымъ презрѣніемъ; отсутствіемъ всякаго политическаго такта и самоуваженія мы довели дѣло до того, что государь уже свернулъ на вполне ретроградный путь, вошелъ въ лагерь крѣпостниковъ и поповъ, которые и не выпустятъ его оттуда.

Но вѣтъ худа безъ добра. Мы увидѣли къ чему послужили наши экстазы; мы увидѣли чѣмъ государь за нихъ отплатилъ, и увидимъ еще больше; за восторгами уже стало слѣдовать быстрое охлажденіе; реакція и съ нашей стороны начнется сильная; мы скоро станемъ къ власти въ такое же положеніе, въ какомъ были въ началѣ 1862 г., съ тою только разницею, что оппозиція наша, умудренная опытомъ, будетъ гораздо крѣпче, стойче и разумнѣе.

Я съ удовольствіемъ могу заявить, что у насъ въ Петербургѣ (вѣроятно и въ другихъ мѣстахъ) уже многие такъ начинаютъ думать. Заучите же твердо слѣдующее правило: “Горькая преданность къ царямъ всегда пагубна для страны, не мы должны служить государю, а онъ намъ; мы же на нашу симпатію, на сколько онъ заслужитъ ее либеральными мѣрами и стремленіемъ удовлетворить требованіямъ и потребностямъ интеллигентнаго общества. Скорѣе должно скрывать нашу преданность—если есть таковая—чѣмъ ее выказывать въ преувеличенныхъ размѣрахъ”. Мы просимъ всѣхъ нашихъ читателей, всѣхъ истинно любящихъ Россію, всѣхъ желающихъ блага народу, твердо запомнить это правило, распространять его постоянно между всѣми друзьями и знакомыми и побуждать всѣхъ къ систематической, стойкой, но не порывистой оппозиціи, пока мы не достигнемъ всего

того, на что мы имѣемъ право, того, что есть необходимая принадлежность современной цивилизации, того, что достигнуто другими народами и что мы обозначимъ выше.

Много совершенно въ Россіи несправедливостей послѣ 4 Апрѣля; но изъ всего ряда ихъ на насъ особенно бѣднѣнное впечатлѣніе произвела овація Каткову со стороны части студентовъ московскаго университета какъ потому, что она была самая несправедливая, такъ и потому что совершена студентами близкаго намъ къ сердцу университета. Дѣти, дѣти! взгляните сами на свой поступокъ рѣзкостно, и вы поблагодарите, да можете быть уже не разъ и краснѣти. Кромѣ общаго, доказаннаго выше несправедливости манифестаціи, въ этомъ поступкѣ студентовъ есть не мало и другихъ несправедливостей, свидѣтельствующихъ о крайней слабости ихъ развитія и историческаго и политическаго образованія. Комиссаровъ спасъ жизнь царю — вы за то дѣлаете овацію Каткову! Не безсмысленно-ли это? Развѣ Комиссаровъ потому только Каракозова, что начинался *Искъ. Вѣдомостей* (которыхъ онъ можетъ быть и въ глаза никогда не видать)? Но это не все. Полюдимъ, что вы сдѣлали ему овацію за патриотизмъ и только неразумно выбрали время и поводъ. Но, господа, неужели же вы до такой степени неразвиты, что не видите въ дѣйствіяхъ Каткова только коммерческаго расчета? Неужели вы не можете понять, что истинный патриотъ будетъ необходимо, и *притомъ прежде всего* заботиться о свободѣ народа, объ его благосостояніи, объ уничтоженіи всего злаго, всего враждебнаго ему, всего препятствующаго ему неуклонно подниматься на болѣе и болѣе широкую и высокую степенъ культуры? А что дѣлаетъ Катковъ? Вѣдь онъ не только не борется съ этими враждебными силами, но самъ соединился съ ними и явился передовымъ ихъ борцемъ. Взгляните на то, каковъ онъ былъ прежде и каковъ теперь! А отъ чего съ нимъ случился такой переходъ?

Жаль за студентовъ, еще болѣе жаль за Россію, жаль и за государя. Горько обманулась въ своихъ ожиданіяхъ вся мыслящая и честная Россія; и этого государя вмѣсто благоговѣній ожидаютъ... не хочется договаривать... Прощайте, золотыя мечты! Государь хочетъ теперь губить развитие страны за то только, что увидѣлъ, что почти всѣ ему *тѣмъ* предались, и что его смерти желать только одни Барятинскіе! Какъ же это беззастѣно! Изъ друга и благодѣтеля всего народа онъ сталъ теперь жалкимъ орудіемъ враждебной и злой партіи пугачевыхъ Крѣпостниковъ сумѣли теперь съ нимъ заговорить... *Нужно обществу напастися, и ты уже начался, развѣ!* Государь съ крѣпостниками и понами работаютъ въ пользу *Колокола* вѣтромъ, какъ кажется, предстоитъ еще болѣе значительная роль, чѣмъ та которую онъ играть прежде... Пусть же онъ слышитъ живыхъ, пока будетъ въ томъ надобность!

ФИНАНСОВОЕ ПОМОЩЕНІЕ.

(Продолженіе.)

А каналы и вообще водныя сообщенія, съ ихъ прямыми, а болѣе косвенными налогами и поборами, развѣ не могли бы быть отданными съ торговъ, сдѣлавшись менѣе стѣснительными и безправственными съ уничтоженіемъ произвола и злоупотребленій власти. Ладожской, наиримѣръ каналъ, съ его водоподъемною машиною времени Очаковскихъ, для снабженія водою, при маловодѣ, канала изъ неизчерпаемаго

источника, Ладожскаго озера, продавать эту воду судовицкамъ, чтобы съ бѣднѣшимъ грузомъ впускать изъ рѣки Волхова суда въ каналъ. На вопросъ у начальства, путейскаго разумѣется и съ военною же путейскою компаніею, отъ чего же вы не пускаете въ каналъ суда съ полнымъ грузомъ когда у васъ, при существованіи водоподъемной изъ озера машины, не должно быть недостатка въ водѣ, вамъ отвѣчаютъ, что машина 20 уже лѣтъ какъ испорчена (а на отопленіе ея деньги все таки отпускаются). Когда складчина судовицковъ поднесетъ начальству приличную субвенцію, то объявленное стѣсненіе слишкомъ малою водою, нѣсколько устраняется, но при помощи-ли машины, или другою мудростью или пересью, неизвѣстно.

Нынѣ воть еще случаи существованія разлада въ общемъ государственномъ управленіи и почтении, что государство съ его интересами само по себѣ, а личные соображенія почтоваго вѣдомства сами по себѣ.

Послѣ открытія Николаевской жел. дороги, Московское шоссе опустѣло и богатѣйшимъ на немъ содержателямъ почтовыхъ гостиницъ отъ средней рогадки до Москвы пришлось плохо, т. е. ушли отъ нихъ тѣ громадныя барыши, какими они пользовались, отпуская ежедневно сотни обѣдовъ, или порцій. При этомъ должно замѣтить, что зданія огромныя, каменные, съ дворами и садами, давались имъ казенныя бесплатно, ремонтировались эти зданія съ подряда на счетъ почтоваго вѣдомства и 300 р. къ тому содержателю имѣли право получать себѣ на отопленіе и ежели не получили, такъ не потому, что было слишкомъ ужъ зазорно брать еще и на отопленіе, а изъ того, что выражати эту сумму признательность начальнику, для наблюденія за ними на все разстояніе назначенному.

Для начальника это составляло кушъ со всѣхъ гостиницъ не мѣшкой, а содержатели считали за благо, что поклонилась чужимъ, т. е. казеннымъ добромъ, въ видѣ 300 рублей и тѣмъ отдѣлались. При всемъ нежеланіи жел. дороги успѣла отъ содержателей гостиницъ и ямщиковъ, она была открыта въ 1850 г. и начальники покровители содержателей гостиницъ въ шибъ гг. Желовскаго и Правдинскаго, не забыли о нихъ вь выхлопотали по 500 рублей жалованія въ годъ или пособій, что и продолжалось по 1860 г. Пособіе отъ государства людямъ пользующимся зданіями, садами и огородами казенными бесплатно и 300 рублей на отопленіе зданій, и за что же вся эта статодать?

Не слишкомъ ли ужъ несправедливая заботливость въ ущербъ людей дѣйствительно нуждавшихся и имѣвшихъ право на участіе и помощь? Ежели бы эти пособія, по 500 рублей, а съ деньгами на отопленіе по 800 рублей, или по 10 хоть возьмемъ, гостиницъ, или путевыхъ дворовъ, какъ назывались они съ начала въ офиціальныя бумагахъ, (а ямщиковъ называли именованными дворами потому что почти всѣ содержатели имѣли) по 8,000 рублей въ годъ, а въ 10 лѣтъ 80,000 рублей, были употреблены на школы спеціальныя съ помѣщеніемъ ихъ въ этихъ 10 казенныхъ зданіяхъ, то сколько бы выиграю отъ этого общество въ видахъ промышленности своей и торговли, такъ вѣтъ о 10 имѣнцахъ больше заботиться, чѣмъ объ обществѣ, и до 1860 года никто объ этомъ не догадывался. Кому то вздумалось предложить почтовому вѣдомству отдать ему здание одной изъ гостиницъ безъ 800 руб. съ тѣмъ даже, что ежели существованіе гостиницы

высочайше назначенной слѣдственной комиссіи Рескриптъ государя теперь ясно и официально указываетъ на тѣхъ, кого слѣдуетъ считать врагами отечества и его собственными. Всѣ возбуждающіе вражду между сословіями, вносящіе тайный и явный развратъ въ семейную жизнь, всѣ подрывающіе коренныя начала государственнаго строя и религіи, по словамъ государя, суть враги его и отечества, т. е. презрѣнные измѣнники родины! Глубокое сочувствіе державнымъ словамъ государя, вотъ встрѣча, которая подобаетъ рескрипту державнаго освободителя двадцати милліоновъ подданныхъ. Отнынѣ рескриптъ этотъ долженъ послужить основаніемъ для всѣхъ министерскихъ распоряженій. Неисповѣнія его мы даже и предполагать не смѣемъ.

“При такой обширной программѣ, полной надежды на будущее, можемъ ли забыть имя строгаго обличителя и карателя измѣнниковъ Россіи, перваго поборника *русскаго дѣла* — графа Михаила Николаевича Муравьева, за здоровье котораго съ глубокимъ чувствомъ уваженія какъ передъ твердымъ бойцомъ за русскую истину — я имѣю честь предложить этотъ тостъ”!

— *Иностранная цензура.* Валуевъ въ своей реакціонной рывности повѣщаетъ своимъ подчиненнымъ :

“При оставленіи на прежнемъ основаніи цензуры иностранной, согласно ст. IV высочайшаго именнаго указа, давшаго правительствующему сенату въ 6-й день Апрѣля 1865 г., всѣ ея распоряженія сохраняютъ свою обязательную силу въ отношеніи какъ обращающихся въ Россіи иностранныхъ сочиненій, такъ и переводовъ съ оныхъ, причемъ разрѣшеніе иностранною цензурою обращенія въ Россіи книги на иностранномъ языкѣ вовсе не заключаетъ въ себѣ изъятія отъ ответственности за содержаніе оной, въ случаѣ перевода на русскій языкъ, такъ какъ всякое подобное разрѣшеніе касается, по закону, буквально лишь иностраннаго изданія и подѣ условіемъ онаго не на русскомъ языкѣ. Въ отклоненіе могущихъ возникнуть по сему предмету недоразумѣній, при печатаніи частными лицами переводовъ съ иностранныхъ сочиненій, поборнѣйше прошу ваше превосходительство слѣдовать зависящее распоряженіе объ объявленіи вышеизложеннаго во всеобщее свѣдѣніе, чрезъ припечатаніе въ губернскихъ вѣдомостяхъ”. — (*Голосъ* № 158).

— *Изъ письма къ намъ** (Каракозовское дѣло). Наконецъ то всѣ убѣдились въ Петербургѣ, что заговора не было. Вамъ принадлежитъ честь, что вы первый это высказали и повторили. Читалъ ли государь ваше письмо или нѣтъ — не знаю. Но что и онъ не вѣритъ въ колосатый заговоръ, это такъ. Онъ сердился, что такую кучу людей перебрали безъ всякаго толка. Муравьевъ сталъ десятками выпускать, хотя и не отказываетъ себѣ въ удовольствіи снова забирать людей по ничтожнымъ запискамъ, по письмамъ, въ которыхъ сказано какая либо либеральная мысль, сто разъ напечатанная. Одинъ профессоръ, медикохирургической академіи, просидѣлъ недѣль шесть, за то, что его отецъ ему написалъ въ интимномъ письмѣ, что какое-то мнѣніе имъ высказанное, согласно съ воззрѣніемъ *Колокола*.

Муравьева акціи падаютъ. Онъ съ самаго начала надѣлалъ бездну неосторожностей — общество не можетъ простить Муравьеву, что онъ его надулъ гласностью; вся партія Кон-

ставитива и онъ самъ, не могутъ простить старанія Муравьева принудить ихъ къ дѣлу. Муравьевъ обвинялъ великаго князя почти открыто, на пр. говоря : “не странно ли, что именно въ день атентата государственный совѣтъ *не расходился* до шестаго часа чего безъ особенной причины не бываетъ?.. какъ будто великій князь ждалъ чего то”. Ссора Муравьева съ Шуваловымъ продолжается и все третье отдѣленіе смотритъ на великаго инквизитора съ злобой и досадою, мѣшая ему гдѣ можетъ. Потому то онъ и употребляетъ по тайной полиціи гвардейскихъ офицеровъ, которые, надобно правду сказать, учтивѣе жандармовъ. Ссора съ Шуваловымъ доводитъ Муравьева до замѣчательныхъ рѣшеній Г-на Худикова, жена одного изъ арестованныхъ, была взята полиціей; женщина очень молодая, первная и къ тому же беременная, она прошла рядомъ ужаснѣйшихъ мерзостей, ее допрашивали по письмамъ мужа, которыхъ онъ никогда не писалъ и *въ которыхъ почеркъ былъ поддѣланъ* (Чернышевскаго дѣло ввело въ обычай употребленіе фальшивыхъ писемъ), еѣ сбивали показаніями *одинадцатилѣтниму* ребенка, кажется ея родственника, котораго держали въ части, заставляя угрозами — говорить всякій вздоръ. Выведенная изъ терпѣнія энергичная женщина — громко сказала объ этомъ Муравьеву въ присутствіи, при другихъ членахъ, назвала его “кровожаднымъ звѣремъ, вѣшателемъ и пр.”. Онъ велѣлъ еѣ тотчасъ удалить. Но прискакалъ какой то полицейскій съ вѣстью, что еѣ очень дурно, что она выкинула и при смерти. Муравьевъ послалъ доктора освидѣтельствовать. Докторъ возвратился съ вѣстью, что она очень плоха. “Такъ сейчасъ еѣ отправить, какъ можно покойнѣе домой”, и еѣ выпустили. Вы думаете что у Муравьева явилось раскаяніе, сожалѣніе — нѣтъ, онъ добавилъ : “А то Шуваловъ еще на насъ взвалитъ что мы еѣ уморили”.

Комисаровъ исчезаетъ со сцены, Тотлебенъ говоритъ : “его надобно прибрать”. Онъ кутитъ, но денегъ у него не много. Государь ему обѣщалъ 5000 руб., но Комисарову дали только 1500. Какъ это случилось — не знаемъ. Рассказываютъ, что онъ нашумѣлъ съ своими приятелими въ какомъ то трактирѣ; пришелъ квартальный унимать, но услышавши, что шумитъ *спаситель*, сконфузился. А Комисаровъ подозвалъ его и спросилъ : “какъ же вы знаете, что я давно здѣсь, и не являлись!”

— *Слухи.* Выписываемъ изъ письма къ намъ, нисколько не гарантируя достовѣрность : “Свиданіе Наполеона съ вашимъ императоромъ (пшетъ вѣмецъ), дѣло рѣшеное. На этомъ свиданіи будетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ о передачѣ Польши по лѣвую сторону Вислы Пруссіи или Австріи. Восточная Галиція, говорятъ, будетъ присоединена къ Россіи”.

— *Правда-ли*, что Муравьевъ, недоувѣряющій шуваловцамъ, употребляетъ на всѣ *тонкія и деликатныя работы* по Каракозовскому дѣлу Преображенскихъ офицеровъ, и правда ли, что нѣкоторые (на пр. Клейнмихели, Барятинскій и др.) приобрѣли большую ловкость въ этихъ мирныхъ занятіяхъ?

— *Правда-ли*, что министръ просвѣщенія посылаетъ монаховъ — для ревизованія свѣтскихъ школъ?

ПОПРАВКА. Въ 222 л. “Колок.” на стр. 1817, во 2 колод., 11 строка сверху, напечатано : “что Америка, до войны своей, вывозила въ западную Европу до 200,000 пуд. свинца”, слѣдуетъ читать “2,000,000 пуд”.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 40, Ргѣ l'Éveque, Genève.

* Писано недѣли двѣ тому назадъ.

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 225.

1 АВГУСТА 1866.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Получается въ Войной Русской Типографіи, 40, Pré l'Evêque и въ главныхъ депо — у Г. Георга, 10, Corratierie, Geneve; у Н. Трюбинера и Ко., 60, Paternoster Row Londres. Цѣна за листъ 50 сантимовъ безъ пересылки. Прилагаемъ почтовой тарифъ:

Въ Германію	15с.
— Австрію	15с.
— Англию	15с.
— Бельгію	5с.
— Францію	5с.
— Италію	3с.
— Неаполь и Сицилію	20с.
— Грецію (черезъ Марсель)	5с.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10с.
— Швецію	25с.
— Швейцарію	5с.

Parait à Genève tous les quinze jours. Le dépôt principal est chez H. GEORG, à Genève, Corratierie, No. 10. A Londres, chez N. TRUBNER et Co., 60, Paternoster Row. Le prix de chaque No. est de 50 centimes, le port de la poste non compris. Tarif postal:

Allemagne	15с.
L'Autriche	15с.
Angleterre	15с.
Belgique	5с.
France	5с.
Italie	3с.
Naples et Sicile (voie de Marseille)	20с.
Grèce (voie de Marseille)	5с.
Turquie et Princ. Danubiennes (voie de Marseille)	10с.
Suède	25с.
Suisse	5с.

ОГЛАВЛЕНІЕ: Частныя письма объ общемъ вопросѣ (Окончаніе четвертаго письма)—Катковъ и Государь—Прудупова новая теорія собственности—Финансовое Положеніе (Окончаніе). Смѣсь Родина въ буфетѣ—Новости изъ Россіи—Вавилонское столпотвореніе—Поі-воен. убійство въ Харьковѣ—Бѣшенство доносовъ.

ЧАСТНЫЯ ПИСЬМА ОБЪ ОБЩЕМЪ ВОПРОСѢ.

ОКОНЧАНИЕ ЧЕТВЕРТАГО ПИСЬМА.

Въ прошлый разъ я остановился на томъ, что наука не можетъ совершенствоваться, потому что сущность ея въ накопленіи суммы опытовъ и познаній. Я сказалъ, что религія не можетъ совершенствоваться, потому что сущность ея въ сохраненіи законченной суммы вѣрованій.

Но я также думаю, что, лишь бы религія не была казенною, не была политическимъ учрежденіемъ, церковно-полицейскою властью, а просто свободнымъ убѣжденіемъ, то социальный вопросъ вовсе не обязанъ трогать религію и можетъ вести, помимо ея, пропаганду своего экономического содержанія.

Не подумайте, что я становлюсь мистикомъ, или впадаю въ дипломатію, т. е. въ лицемѣріе, которое никогда еще не подвигало дѣйствительно пропаганды, а только лишило её прямой силы, рѣшительнаго употребленія всѣхъ въ ней лежащихъ средствъ и слѣдственно полнаго вліянія. Вы даже можете мнѣ сказать, что социальный вопросъ, безъ философскаго реализма, далеко не будетъ имѣть своего значенія и, вмѣсто того, чтобъ проповѣдовать на сколько возможно лучшее устройство этой жизни, предоставитъ большинству народа добиваться вознагражденія въ будущемъ мирѣ, посредствомъ принятія на себя, въ здѣшней юдоли плача, всѣхъ страданій — въ пользу маленькаго меньшинства, т. е. вы можете мнѣ сказать, что социальный вопросъ, лишенный основанія реализма, не только не пойдетъ въ ходъ — а убьётъ самъ себя. Вы даже приведете мнѣ примѣръ — какъ религія вообще враждебно относится къ социализму: это судьбы Оуэна въ соединенныхъ Штатахъ, гдѣ, несмотря на всю гражданскую свободу, вліяніе протестантскихъ церквей не допустило его, учредить такую общину какъ въ Лаваркѣ.

Позвольте же разсмотрѣть это возраженіе и доказать вамъ, что я не впадаю ни въ мистицизмъ, ни въ лицемѣріе, а просто хочу того пути, который естественно возможенъ.

Безъ всякаго сомнѣнія, социализмъ связанъ съ наукой дѣйствительнаго опыта и разчета, а не съ наукой историческаго повторенія однихъ и тѣхъ же затверженныхъ началъ — какъ является мысль поддержанія сословныхъ различій, батрачнаго труда и частнаго захвата въ пользу меньшинства.

Эту связь социализма съ наукой показали Сен-Симонъ, и въ этомъ его великая заслуга. А наука опыта и разчета, безъ сомнѣнія связана съ философскимъ реализмомъ; она не можетъ взять себѣ другаго основанія, не измѣняя самой себѣ; отъ этого Сен-Симонъ уклонился — и въ этомъ его ошибка.

Но я вамъ и не говорю, чтобъ социализмъ могъ отрѣчься отъ науки и ея реализма. Я только говорю, что проповѣдая свое экономическое содержаніе, онъ не обязанъ вступать въ споръ о научномъ началѣ реализма — прежде постановки другаго спора, котораго рѣшеніе необходимо въ жизни, спора о свободѣ проповѣди вообще, равно для религіи, и для науки. И та и другая равно — должны сдѣлаться достояніемъ свободного убѣжденія, а не государственнаго припужденія. Только тогда, и та и другая могутъ имѣть значеніе нравственной силы, а не полицейской власти. Если государство предписываетъ такую то религію, или такую то науку — то эта религія и эта наука принимаются по необходимости, а не по убѣжденію, и потому лишены всякой внутренней человеческой чистоты и нравственнаго значенія. Православіе ли обращаетъ расколъ, расколъ ли обращаетъ православіе, наука ли обращаетъ то или другое — пусть обращеніе совершается силою слова и убѣжденія. Чтобы человѣкъ считалъ чтонибудь за истину, онъ долженъ быть въ томъ убѣжденъ. Не только чистота науки, но чистота религіи, для вѣрующаго, требуетъ невмѣшательства государственной власти въ религіозныя дѣла. Наступающая пора свободного убѣжденія необходима — не только потому, что она можетъ служить расчисткой путей для реализма, а и потому, что нельзя предположить скачка къ реформѣ пониманія — прежде чѣмъ общество не пришло къ сознанію необходимости свободы, т. е. чистоты, искренности и нескрываемости каждаго убѣжденія. Если общественность, хотя бы и у насъ, на столько жива, что не замрѣтъ ни отъ внезапнаго землетрясенія, ни отъ собственнаго ничтожества, — то ей вельзя совершить перехода изъ принужденнаго вѣрованія къ положительному пониманію — иначе какъ черезъ время сознанія и признанія свободы убѣжденія, равно религіознаго и научнаго. По этому каждый изъ насъ обязанъ помогать осуществленію этого времени, по мѣрѣ средствъ и силъ.

По это несколько не мѣшаетъ проповѣданію экономическому.

едет не будет ощущать никакого закона относительно установления религии или веры, — то либо вбросит новшество. Соединенные Штаты не признают в конституциях отдельных штатов (Нью-Гэмпшир, Массачусетс, Вермонт, Уоррен, Коннектикут и Миссисипи) — признаю только то, что не признают в Северной Каролине, и в Техасе, но не то, что никто не признают в Вирджинии, Нью-Йорке и в штатах Нью-Джерси и Пенсильвании. Новое Завѣтъ и истинный Христос — не религия, не может занимать общественное положение и в 1855 году слово "протестантской" замѣнено словом "христианской". Но не смотря на эти исключения, все же, еще законом Конгресса 13 Июня 1787 года, принято за основное юридическое правило для правительства Соединенных Штатов, (въ северу отъ рѣки Оуэна), что человек, ведши себя мирно и добросовестно никогда не будет тревожиться, за свои убѣждения или религиозныя чувства. Этот законъ, въ Вирджинии достигъ до признанія полной свободы убѣждения и въ Нью-Йоркѣ, гдѣ при пересмотрѣ конституции въ 1846 году, постановено, что "никто не можетъ не быть допущенъ къ свидѣтельству — за мѣшканія о религиозныхъ предметахъ*" Такимъ образомъ правительство Соединенных Штатовъ не преслѣдовало и не могло преслѣдовать Оуэна, и онъ своимъ неуспѣхомъ въ Америкѣ обязанъ не учреждениямъ, а общественному настроенію. Онъ обязанъ неуспѣхомъ, до того, — людямъ, собравшимся подъ его знамя, не понимая цѣли своего товарищества, до того — протѣжамъ мстителей, которые не могли стерпѣть основнаго положенія Оуэна, что въ его экономическое товарищество могли вступать каждый, какова бы религіознаго мѣшканія ни было, что для вступленія въ товарищество не требовалось никакого исповѣданія а въ публичныхъ школахъ — богословія не преподавалось, и каждый могъ учиться богословію отдѣльно, по своимъ особымъ желаніямъ и понятіямъ. Но, не смотря на временную неудачу Оуэна, о которомъ мнѣ еще придется говорить въ другой разъ, и при которомъ много было сдѣлано ошибокъ и съ его стороны, — тѣмъ не менѣе учение его быстро разпространялось въ Сѣв. Америкѣ, гдѣ уже въ 1827 г. считалось до 30 кооперативныхъ общинъ †. Оно появилось даже въ самыхъ религиозныхъ общинахъ, какъ общины Републикановъ, квакеровъ (shakers) мормонитовъ и др. ‡.

Я счелъ обязанностью упомянуть вамъ обо всемъ этомъ, не для того чтобы теперь говорить объ Оуэнѣ, а для того чтобы показать вамъ, что — какъ бы то ни было — уже одинъ фактъ признанія закономъ полной свободы убѣждения — даетъ, на долю соединенныхъ Штатовъ, больше вѣроятностей скорѣйшаго развитія социализма, чѣмъ въ странахъ, гдѣ первою имѣетъ право — какъ государственное учреждение — и полицейская власть, преслѣдовать всякое для нея чуждое убѣждение. Одно изъ главныхъ препятствій еще более быстрому развитію кооперативнаго пачота въ Сѣв. Америкѣ въ настоящее время, это трудность возникающимъ общинамъ собрать капиталъ для приобрѣтенія земель, цѣна которыхъ увеличивается не по днямъ а по часамъ, особенно въ мѣстностяхъ самыхъ промышленныхъ и самыхъ свободныхъ отъ государственнаго вліянія; но когда мы находимъ, даже въ общинахъ

Миссъ Мартино, 1841 года, — какъ кооперативное пачото проникаетъ въ Массачусетс, въ такое уже религиозное общество какъ общество квакеровъ, — то мнѣ, конечно, въ правѣ заключить о вѣроятностяхъ, что собственно религиозное настроеніе въ Сѣв. Америкѣ, не на то оно будетъ служить препятствіемъ къ развитію социализму и что теперь уже — не оно служитъ серьезнымъ препятствіемъ къ развитію его экономическаго содержанія, а скорѣе другія матеріальныя недостатки.

Но изъ этого мы никакъ не можемъ заключить съ Сен-Симонами, чтобы, въ замѣну разныхъ существующихъ ересей и вѣроисповѣданій, можно и нужно было изобрѣсти новую религію, основанную на метафизическихъ предположеніяхъ, которая не могла удовлетворить ни заветной вѣры, ни достовѣрности здраваго смысла. Также не можемъ заключить, чтобы общественное развитіе могло идти отъ подобнаго религиознаго изобрѣденія къ осуществленію социальнаго экономическаго содержанія, но только на оборотъ, что отъ развитія социальнаго экономическаго содержанія — общественное пониманіе можетъ выйти на пути здраваго смысла. Это для насъ еще очевидное высказывается, въ слѣдующемъ письмѣ, при разборѣ школы Эдмунда, наиболѣе оправдана на изобрѣденіи метафизической религіи.

Теперь собственно слово о религиозныхъ общинахъ въ Россіи.

Правительство — изъ подражанія къ западной Европѣ, изъ историческаго и развитія ишшего инокатаго населенія — приблизилось къ понятію вѣротерпимости. Такимъ образомъ законъ до нѣкоторой степени не сдѣлываетъ вѣроисповѣданія и догматовъ, магометанъ, евреевъ, но по существу нашего правительства — оно не могло, при удобномъ случаѣ, не вмѣшательство и тутъ сдѣлать вліяніе административныхъ властей. Для примѣра возьмемъ хотя Евреевъ, которымъ дозволено было также и для которыхъ могутъ воспитываться въ христіанскихъ школахъ и вступать въ университеты, не мѣшая своего вѣроисповѣданія, — по которымъ при томъ не могутъ носить свои особенныя одежды, или развѣ только послѣ шестидесятилѣтняго возраста донашивать старое платье съ генераль-губернаторскаго позволенія (Сводъ законовъ вѣд. 1857 г., т. IX, ст. 1369), а женщинамъ еврейкамъ запрещается брить головы (ст. 1371). Вообще, если вы заглянете въ т. IX Св. законовъ, книгу I раздѣл V (о состоящихъ въ родствѣ) — вы найдете болѣе полномоченіе на вѣротерпимость, при разныхъ вмѣшательствахъ мелкихъ и ненужныхъ степеней. Но стѣсненія становятся гораздо сильнѣе — по закону — относительно всякаго рода старообрядцевъ, или вообще такъ называемыхъ ересей и расколовъ. Томъ XV Св. законовъ, кн. I, раздѣл II отдѣленіе второе — исключены отъ общины казаками, и исправленными прошивъ старосты села, — такъ что уже одна ст. 216 опредѣляетъ, что казаки какъ въ распространеніи существующихъ уже между отпадшими отъ Церкви православной ересей и расколовъ, такъ и въ заведеніи какихъ либо новыхъ повреждающихъ вѣру ересей, подвергаются за сии преступленія: лишению всѣхъ правъ состоянія и сельскъ на поселеніе — въ Европейской Россіи — въ Закавказской край, въ Ставропольской губерніи и Закавказскаго края въ Сибирь, а по Сибири — въ сѣверо-восточнѣйшей оной мѣста". Такимъ образомъ правительство всегда можетъ въ силу своего закона преслѣдовать всякое не Цинколанское объясненіе христіанства

* Kent On American law (Vol I part IV, lecture XXIV) Boston, 1859.
 † Робертъ Оуэнъ и его попытки общественныхъ реформъ, сочиненія Дюбуа-Любува, т. IV.
 ‡ America compared with England, by R. W. Russell (of Cincinnati) London 1849.

и если оно не безпреставно преслѣдуетъ — это потому, что вообще въ нашемъ общественномъ настроеніи, также мало вражды противъ сектаторства какъ и противъ иновѣрства, и когда неособенно возбуждены, корысти ради, къ преслѣдованію — духовенство и грабящія власти, то общества — какого бы противоположнаго убѣжденія ни были противу преслѣдуемыхъ — всегда готовы скорѣе прикрыть ихъ, чѣмъ помочь власти имущимъ. Отъ этого — у нашего народа болѣе внѣшняго отношенія къ религіозному вопросу, чѣмъ въ другихъ странахъ — у насъ расколъ, не смотря на всѣ правительственныя преслѣдованія, сохранился почти на половину населенія; и притомъ надо замѣтить, что мы, относительно религіозной постановки, найдемъ слѣдующее :

1) Наше православное крестьянское населеніе, когда не по особому приказанію правительства, остается въ самыхъ дружбыхъ отношеніяхъ съ иновѣрцами (татарами, идолопоклонцами и пр.) и тѣмъ болѣе съ старовѣрцами, въ разницы истолкованій которыхъ — оно мало вдается.

2) Большинство нашего православнаго населенія покланяется, въ религіи, гораздо болѣе нѣкоторымъ привычнымъ суевѣріямъ, чѣмъ какимъ либо особымъ истолкованіямъ. Духовенство, которое очень мало образовано, покланяется своимъ обрядамъ какъ службѣ, но собственно объясненіемъ религіи занимаются развѣ немногія личности; по этому духовенство нравственнаго вліянія на народъ почти вовсе не имѣетъ (совершенно противоположно европейскому западу и Сѣв. Америкѣ).

3) Въ такъ называемомъ образованномъ сословіи, кромѣ славянофиловъ, немногихъ мистиковъ и барынь, религіозныя чиновники службы ради. Большая часть учащагося меньшинства не относится къ религіозному вопросу.

Отсюда вы можете легко заключить, что пропаганда *свободы убѣжденія* не встрѣтитъ въ Россіи препятствія въ общественномъ смыслѣ и что всякое преобразование неминуемо приведетъ къ нему; между тѣмъ какъ всякое новое, хотя бы Сен - Симонистское объясненіе религіи, могло бы только встрѣтить общественное противодѣйствіе.

Далѣе, замѣтите, что русскому крестьянству, надѣленному землей, не нужно капиталовъ для пріобрѣтенія оной къ заселенію (какъ въ самой Америкѣ) и что имѣющаяся у крестьянства земля, можетъ послужить для него основаніемъ кредита для прикупки земель. Отсюда, вы легко можете заключить, что пропаганда социальнаго-экономическаго содержанія, соединенія труда и владѣнія, организациі села и промышленной артели, обмѣна и торговли — не можетъ встрѣтить препятствія въ общественномъ смыслѣ крестьянства, и что это социальнаго-экономическое содержаніе должно стать основаніемъ всего развитія русскаго преобразованія.

Дайте совершенно досказать .

Когда вамъ приходится говорить о теоріи социализма, когда вы папа рѣчь — книга или лекція, и слѣдственно прежде всего относится къ учащемуся меньшинству, мы не можемъ не ставить общности всѣхъ вопросовъ, какъ она логически развивается въ нашемъ пониманіи, — безъ всякихъ ограниченій;

Но это только одна сторона дѣла и, я думаю, что не смотря на всю ея научную обширность, остановиться на ней въ Россіи особенно, было бы свести развитіе социализма на весьма медленное движеніе, которое, затрогивая не многія вершины цивилизаціи, едва касалось бы дола, т. е. того

народа, котораго практическое движеніе, при имѣющихся возможностяхъ, именно и составляетъ созиданіе социализма въ дѣйствительности общественной жизни;

По этому, проповѣдуя, по мимо всякихъ религіозныхъ и философскихъ началъ земледѣльческой общины, гдѣ владѣніе уже общинное по обычаю и закону. — соединеніе труда, мы достигнемъ инаго громаднаго результата — осуществленія дѣйствительно-соціальной экономической общины; а возводя ее въ дальнѣйшія степени движенія, мы достигнемъ ея осуществленія въ ремесленно-фабричномъ и торговомъ отношеніи.

Кажется — мое четвертое письмо теперь окончено со всѣми своими отступленіями, безъ которыхъ я не могъ обойтись. Въ слѣдующій разъ я надѣюсь приступить къ школѣ Сен-Симонистовъ и закончить мнимо-религіозную эпоху социальнаго ученія во Франціи.

Н. Огаревъ.

КАТКОВЪ И ГОСУДАРЬ.

Не справился государь безъ Каткова, и снова приставилъ его къ тѣмъ плюсамъ московской клоаки, изъ которой четыре года была ключемъ грязь и нечистота заражавшая всю Россію. Двухъ недѣль не могъ государь подождать и какъ физиологъ рѣшилъ, что шестинедѣльнаго очищенія достаточно и Каткову. Катковъ съ своей стороны не даромъ помирился съ государемъ, онъ поставилъ условія — и ихъ приняли, онъ выговорилъ себѣ право, по первому предостереженію оставить Россію на произволъ судьбы и сепаратизмовъ. При этой угрозѣ пусть сунется какой нибудь *Валуевъ* съ своими комитетами сдѣлать предостереженіе...

Въ русскихъ газетахъ скрыли прямое участіе государя въ негоціаціи этого мира, но *Le Nord* все проболталъ и даже рассказалъ о новомъ Тильзитѣ, т. е. о свиданіи государя съ Катковымъ. Катковъ, какъ Наполеонъ, вѣроятно сказалъ государю : "Sire, все это одни недоразумѣнія, намъ не изъ чего ссориться, обвиняйтесь"... и тронутый Александръ II, какъ Александръ I, вѣроятно отвѣчалъ *классическимъ* стихомъ : "Дружба великаго человѣка — даръ небесъ!"

Жалкую роль играетъ нашъ эксъ-благодушный монархъ. Одна роль въ мірѣ жалче его роли, это пантомимная роль *безъ словъ*, которую играетъ Константинъ Николаевичъ. Онъ долженъ храбро отступать какъ Бенедекъ, и молча уступать какъ рыба морская.

Манифестъ Каткова о замиреніи, напечатанный 25 Іюля (6 Іюля) въ *Моск. Вѣдомостяхъ* ничѣмъ не отличается отъ всѣхъ манифестовъ даваемыхъ коронованными главами въ важныхъ случаяхъ. Сравнить не мудрено, теперь въ Германіи мода на манифесты, они издаются дюжинами : гессенскіе, брауншвейгскіе, ганноверскіе, саксонскіе... тотъ-же тонъ, та-же невозмушаемая дерзость и фальшивое смиреніе, тѣ-же набожпья фразы *безъ вѣры* и смысла — "Да упрочитъ Богъ наши слабѣющія силы и да поможетъ онъ намъ", говоритъ Катковъ какъ прусскій король. "Мы благодаримъ Бога за то, что нами было испытано", говоритъ Катковъ какъ австрійскій императоръ. Пола императорской порфиры уступленная ему, обязываетъ его къ казенной религіи — того требуетъ приличіе сана. И мы вислоко не удивимся, если патріархъ *Моск. Вѣдомостей*, при первомъ парадѣ въ соборѣ, сядетъ на сиротствующій со времени неблагочестиваго Петра I, патріаршій тронъ.

Введеніе пошлаго ханжества и лицемѣрной религіозной фразеологіи, одинъ изъ самыхъ печальныхъ, гадкихъ и вредныхъ плодовъ нынѣшняго царствованія. Къ нѣмецкой казарменности, къ нѣмецкому канцелярскому *стилю*, къ правамъ конюшни и экзерциргауза, мы еще заняли у нѣмцевъ ихъ обязательный, служебный патизмъ и превратили его въ православное подьячество. Прежде были люди необразованные какъ Николай, фанатики какъ славянофилы, говорившие кстатим не кстатим текстами и молитвами, но въ ихъ словахъ могло быть неразвитіе, смѣшеніе понятій, помѣшательство — но не было служебнаго притворства, въ ихъ словахъ слышалась искренность. Одни поны были обязаны по ремеслу къ тяжелому слогу, славянскимъ оборотамъ и обращеніямъ къ богу и всѣмъ святымъ... Теперь лицемѣрный языкъ Магницкаго становится языкомъ салоновъ и цѣлой литературы. Для насъ нѣтъ большаго униженія русской мысли и русскаго разума — какъ это гессенъ-дармштатское православие.

Ну а какъ нашъ арендаторъ-патріархъ истинно возвѣрилъ?

Графъ Толстой, вы экспертъ и знатокъ по этой части, это ваша специальность... какъ вы на счетъ искренности обращенія стараго Гегелиста, стараго Шелингиста, разцвѣтшаго въ зловредномъ обществѣ Бѣлинскаго и Бакунина?

Мы не вѣримъ въ него.

А вѣримъ мы въ то, что теперь Каракозовское дѣло пойдетъ какъ по маслу. Некрасовъ будетъ удовлетворенъ, *до корней доберутся*, а нѣтъ ихъ — они выростутъ въ *Моск. Вѣдомостяхъ*. Теперь раскроется вселенскій заговоръ какъ на ладони, отъ Лондона, Парижа, Швейцаріи, Швеціи — до Тульчи, Яссы, Бухары и Самарканды... “Злодѣи міра трепещите!”

Катковъ рѣшительно былъ необходимъ наканунѣ казни... чтобъ раздражить умы, чтобъ само правительство увѣрить, что оно должно свирѣпствовать. Муравьевъ безъ него былъ нецеломъ, незаконичей — не оттого-ли онъ и срѣзался и не открылъ заговора, что былъ лишенъ руководства *Московскихъ Вѣдомостей*?

Но для дѣла ничего не потеряно. Катковъ отлежавшись на лѣтнемъ солнцѣ, сосредоточилъ въ униженіи и злобѣ лучшій ядъ свой и при починѣ впустилъ одну изъ безцѣвнѣйшихъ капель его въ статьѣ 134 № *Моск. Вѣдомостей*.

Не вывче завтра назначится судъ надъ людьми, которыхъ припутали въ украденномъ отъ гласности слѣдствіи по Каракозовскому дѣлу. Судъ будетъ составленъ не изъ судей — а изъ людей старыхъ, глупыхъ, безъ малѣйшаго повиманья дѣла и съ большимъ запасомъ раболѣпства и желанья выслужиться. Но можетъ и въ ихъ числѣ замѣшется какъ въ дѣлѣ Петрашевскаго, какой нибудь честный старикъ Набоковъ, или какъ въ дѣлѣ Серяно-Соловьевича Назимовъ, или какъ въ нашемъ допотопномъ дѣлѣ благороднѣйшій Стааль — и ему противно будетъ губить съ плеча, безъ доказательствъ отсылать зря — въ угоду Муравьеву и англійскому клубу — на казнь и на каторгу людей ничего не сдѣлавшихъ. Такъ вотъ усыпить ихъ то проснувшуюся совѣсть, и съ тѣмъ вмѣстѣ напугать глупый хоръ и неумный дворецъ и взялся спущенный Катковъ. Онъ говоритъ о какомъ-то *нигилистѣ*, подѣйствовавшемъ на Каракозова и привезшемъ съ собой изъ за границы “новозникшее въ сферахъ всесвѣтной революціи ученіе о необходимости умертвить всѣхъ коронованныхъ особъ въ Европѣ”. Чего же больше? Рука судей покойно подпишетъ приговоръ каждому нигилисту бывшему за границей.

“Всесвѣтная революція”* и нигилистъ возвратившійся изъ за границы, представляютъ легкую возможность для возстановленнаго сыщика — все на свѣтѣ связать съ Каракозовскимъ дѣломъ, и — надобно отдать справедливость, онъ никого не забылъ, ни Бакунина, ни *Колоколь*, ни наше мощное агентство въ Тульчѣ, ни поляковъ, ни пожары... Все это вранье, науженное въ грязи полицейскихъ рапортовъ, и въ еще вясней грязи собственнаго воображенія, не заслуживало бы вниманія въ другое время — но въ настоящую минуту, когда оно подталкиваетъ людей на висѣлицу и на каторжную работу, молчать нельзя.

— Гдѣ же остановится наше паденіе? Гдѣ мы коснемся дна, предѣла подлости и бездушья? Мы все опускаемся глубже и глубже... вспомните крикъ негодованія, съ которымъ была встрѣчена доктрина слѣпаго повиновенія, вказанная однимъ московскимъ доцентомъ — а *теперь*, а *теперь* проповѣдуется не философія, а *поэзія рабства, бѣшенство рабства*. Читали-ли вы въ подлѣйшихъ выходкахъ византійскаго раболѣпія, восточнаго самоуничиженія что вибодъ подобное слѣдующимъ строкамъ *Моск. Вѣдом.* отъ 3/15 Іюля:

“Государство и династія не есть у насъ дѣло партій, государь не есть у насъ предводитель дружины; онъ есть прирожденный вождь всего своего народа, находящійся въ спокойномъ и неоспоримомъ обладаніи своимъ верховными правами. А потому не только официальные дѣятели поставлены на разные посты, съ соотвѣтственною каждому долю исполнительною властью, но и каждый честный гражданинъ долженъ по совѣсти, въ сферѣ своей общественнаго дѣйствія, видѣть въ себѣ слугу государя и радѣть, какъ говорили наши предки, его государеву дѣлу, которое для всякаго должно быть своимъ кровнымъ дѣломъ”.

... Если ты ѣшь — ты ѣшь государю, если у тебя холера — болѣнь государь, если ты женишься — женился государь, если ты принимаешь лекарство — ты лечишь его величество!

ПРУДОНОВА НОВАЯ ТЕОРІЯ СОБСТВѢННОСТИ†

IV.

Пора бы наконецъ приступить прямѣе къ дѣлу, то есть выяснить съ возможною обстоятельностью: что же это за *эквилибрація собственности*, являющаяся какъ крайній результатъ, какъ послѣднее слово Прудоновой дѣятельности.

Но къ сожалѣнію слишкомъ много побочныхъ и случайностей тѣсно вяжутся съ сущностью дѣла; и я напередъ знаю, что далеко не всѣ ихъ разъяснилъ и отстранилъ въ предъидущихъ своихъ статьяхъ.

Какъ бы ни была существенна и многозначительна новѣйшая формула Прудонова рѣшенія задачи собственности, — вся совокупность Прудоновой дѣятельности для насъ дороже его послѣдней книги, и я не боюсь потратить время на то, чтобы отстоять стройность и цѣлостность этой дѣятельности, представляющей собою (и конечно не въ моихъ только глазахъ) передовое явленіе на поприщѣ социалогическомъ теоріи, или общественной науки.

Нелегко было уловить преемственность или послѣдовательность развитія, дѣйствительно существующую между тремя различными періодами Прудоновой дѣятельности по вопросу собственности: между періодомъ двухъ первыхъ мемуаровъ и знаменитаго «*la propriété c'est le vol*»; — періодомъ системы противурѣчій, и наконецъ — позднѣйшимъ періодомъ “Новой Теоріи”. Нелегко, говорю я, потому что преемственная связь

* Въ томъ же листѣ “*Моск. Вѣдом.*” самъ Катковъ говоритъ, что всесвѣтная революція — химера.

† Первая статья была въ 218 листѣ, 2-ая — въ 219, 3-ая — въ 221.

С М Ъ С Ъ.

РОДИНА ВЪ БЪФЕГЪ.

Intein minutes d'arret..

Intein minutes d'arret...

и все что было въ вагонахъ высыпалось въ залу ресторана и бросилось за столъ, торопясь съѣсть обѣдъ въ какія вибѣдъ двадцать минутъ, изъ которыхъ дорожное начальство непремѣнно украдетъ пяти-шесть—да еще прежде испугаетъ аппетитъ страшнымъ звонкомъ и крикомъ *En voiture!*

Взошла высокая барыня въ темномъ и ея мужъ въ свѣтомъ, съ ними двое дѣтей... взошла съ застѣнчивымъ, недовольнымъ видомъ, бѣдно одѣтая дѣвушка, у которой на рукахъ были какието мѣшечки и баульчики—она постояла... потомъ пошла въ уголъ и сѣла, почти возлѣ меня. Зоркій взглядъ гарсона ее замѣнилъ, прорѣвъ съ тарелкой на которой лежалъ кусокъ ростбифа, онъ спустился какъ коршунъ на бѣдную дѣвушку и спросилъ ее: “что она желаетъ заказать?” — “Ничего”, отвѣчала она и гарсонъ, котораго звали англискій шерманъ, побѣжалъ къ немъ... но черезъ минуту онъ опять подлетѣлъ къ ней и махая салфеткой, спросилъ ее. “Что бы вы заказали?”

Дѣвушка что-то прошептала, покрасилась и встала. Меня такъ и кольнуло. Мнѣ захотѣлось предложить ей чего нибудь, но я не смѣлъ.

Прежде чѣмъ я рѣшился, черная дама повела черными глазами по залѣ и увидя дѣвушку, подозвала ее пальцемъ. Она подошла, дама указала ей на недоѣденныя дѣтями супъ, и та *стоя*, середь ряда сидящихъ и удивленныхъ путешественниковъ, смущенная и потерянная, сѣла ложки двѣ и поставила тарелку.

Essieurs les voyageurs pour Ocionungen, asijonction ennnmer et jontontuux — en voiture!

Всѣ бросились съ ненужной поспѣшностью къ вагонамъ.

Молчать я не могъ, и сказалъ гарсону (не коршуну, а другому): “Вы видѣли?”

— “Какъ же не видать—это русские, да вѣдь *только русские и способны на такая дѣла*”.

— “Я думаю вы правы”, сказалъ я, униженный и съ стѣпеннымъ сердцемъ пошелъ своей дорогой.

— *Новости изъ России* Путешествующие по Николаевской желѣзной дорогѣ, подвергнутые всѣмъ ея ужасамъ и безпорядкамъ — подвергнуты сверхъ того, съ Каракозовскаго дѣла, необходимости имѣть полигейскій пропускъ или билетъ. На заграничные паспорты рѣшительно хотятъ положить огромный поборъ.

— *Вавилонское столпотвореніе*. — “Желая ознаменовать день чудеснаго спасенія е. в. госуд. импер. отъ руки убійцы, римско-католическое духовенство Россіенскаго уѣзда, собрало по подвизѣ 250 рублей сер., и деньги эти пожертвовало на украшеніе вновь строящейся въ г. Россіенскѣ *православной* церкви... А представители вѣнскаго еврейскаго общества особеннымъ протоколомъ положили ходатайствовать, чтобы всѣхъ младепцевъ мужскаго пола (иудейскаго закона), рождающихся въ г. Вильвѣ въ день 4 Апрѣля, освящать именемъ Александра”. — (*Спб. Вѣд.* № 182).

Намъ кажется не безъ интереса, что лица празднуютъ день спасенія жизни государя тѣмъ, что поступаютъ наперекоръ своимъ убѣжденіямъ, каковы-бы они тамъ ни были.

— *Полевое - военное убійство въ Харьковѣ*. Солдаты 11/23 Юня, убили безъ законнаго суда, по приказанію начальства какого-то *Поплавскаго*, обвиняемаго въ убійствѣ. Что г. Асаковъ, много взяли вашими протестами противъ незаконныхъ казней?... Зачѣмъ-же вы въ *дни оны* поддерживали это кровожадное правительство?

— *Бшшенство доносовъ*. (Первое предостереженіе Краевскому). Какъ овладѣло бшшенство доносовъ — стѣна отбѣлявшая тайную полицію отъ литературы ваза, и шпионы, фискалы, журналисты, профессора и сыщики смѣшались въ одну семью. Англійскій клубъ, сдѣлаясь добавочной камерой третьяго отдѣленія, государь пишетъ передовыя статьи на имя Гатарина, Гатаринъ ихъ вноситъ въ журналъ “комитета министровъ”. Все это хорошо — но фискалы наши стали добираться до частной жизни... мѣсяцевъ въ шесть мы привыкнемъ и къ этому — но сначала будто дико. Педѣли двѣ тому назадъ въ фельетонѣ *Голоса*, сильно хватившаго, *со времени святительства* графа Толстаго, православныя помѣщены рассказы о какой-то барынь-расколникѣ, у которой есть другъ; о какомъ-то старовѣрѣ, у котораго есть французенка. Прибавлены разные примѣты, названіе улицъ и пр Мы вѣримъ, что во Аристѣ братъ Андрей, какъ Гейце, подъ старость началъ бояться смерти и прежнихъ грѣшковъ и какъ ювкій человекъ сталъ ревновать — о министерской церкви, а не о какой другой. Но какъ-же объяснить, что онъ тотчасъ маленькимъ Катковымъ — пошелъ въ маленькіе доносы? Конечно Краевскій не самъ пишетъ, въ грамотности его и враги не обвиняютъ, но если онъ избралъ себѣ почетное мѣсто дворника двухъ *зальжнихъ* журналовъ, такъ и смотри чтобъ въ нихъ не было дебоширства, а все шло бы чинно и прилично.

Старче Андрею, поосторожиѣ бы, поосторожиѣ!

Это все *задержаніе* Каткова падѣло бѣду. Вся мелюзга вѣстовниковъ пустилась въ отсутствіи *отца доносовъ* — со всякими смелостями, намеками. . и мы де Катковы и мы будемъ имѣть “реидеву” съ государемъ и чернильницу съ золотымъ перомъ.

ПРОДАЮТСЯ:

ЕЩЕ РАЗЪ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ ИСКАПДЕРА

съ приложеніемъ неапечатаннаго разсказа

ТРАГЕДІЯ ЗА СТАКАНОМЪ ГРОБА

Цѣна 1 тал или 3 фр 75 сент.—Prix 3 fr 75 c. ou 1 Thlr.

ВЪРОИСПОВѢДАНІЕ ДУХОВНЫХЪ ХРИСТІАНЪ,
обыкновенно называемыхъ *Молоканами*. Цѣна 2 франк.

ДЛЯ ИСТИННЫХЪ ХРИСТІАНЪ

Сочиненіе Игнатія. Цѣна 50 сантимовъ.

— Въ Швейцаріи *Колоколъ* продается у: Martignier et Chavannes à Lausanne; R. Lesser à Vevey; Schabelitz, Hanke à Zurich; Dalp à Berne; Huber à Rorschach; Urfer à Interlaken.

НА ДНЯХЪ ПОСТУПИТЬ ВЪ ПРОДАЖУ БРОШЮРА
ПРАВІТЕЛЬСТВО И МОЛОДОЕ ПОКОЛѢНІЕ

— по поводу выстрѣла 4 апрѣля 1866 —

Соч. Никифора Г.*** (Цѣна 1 фр. 50 сент.)

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré-l'Évêque, Genève.

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЬ 226.

15 АВГУСТА 1866.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, 40, Rue Fédérale и въ главныхъ депо — у Г. Лорга, 10, Corratier, Genève; у П. Грюбера и Ко., 60, Paternoster Row Londres. Цѣна за листъ 50 сантимовъ безъ пересылки. Предлагаемъ почтовой тарифъ:

Въ Германію	...	15с.
— Австрію	15с.
— Англію	15с.
— Бельгію	5с.
— Францію	5с.
— Италію	3с.
— Неаполь и Сицилію	20с.
— Грецію (черезъ Марсель)	5с.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10с.
— Швецію	25с.
— Швейцарію	5с.

Parait à Genève tous les quinze jours. Le dépôt principal est chez H. GEORG, à Genève, Corratier, No 10. A Londres, chez N. TRÜBNER et Co., 60, Paternoster Row. Le prix de chaque No. est de 50 centimes, le port de la poste non compris. Tarif postal:

Allemagne	15с.
L'Autriche	15с.
Angleterre	15с.
Belgique	5с.
France	5с.
Italie	3с.
Naples et Sicile (voie de Marseille)	20с.
Grèce (voie de Marseille)	5с.
Turquie et Princ. Danubiennes (voie de Marseille)	10с.
Suède	25с.
Suisse	5с.

ОГЛАВЛЕНИЕ: Прудонова новая теорія собственности—Финансовое Положеніе. СМѢСЬ: Первое засѣданіе уголовного суда въ Москвѣ—

Ess. Bouquet "Московскихъ Вѣдомостей"—Замышляемый заговоръ въ Глазго—Святые танцы и грѣшныя розги—Объявленія.

ПРУДОНОВА НОВАЯ ТЕОРІЯ СОБСТВЕННОСТИ

V.

Такимъ образомъ мы можемъ свести къ двумъ болѣе или менѣе обширнымъ категоріямъ всѣ тѣ ученія, которыя, хотя различными путями, выводятъ однакоже нашу мысль изъ тѣсныхъ рамокъ собственнически-государственной централизаціи. Подробнѣе съ такъ называемыми социалистическими доктринами читатели *Колокола* познакомятся изъ "Частныхъ писемъ объ общемъ вопросѣ". Я же имѣю въ виду исключительно ту только пользу, которую мы можемъ извлечь изъ яснаго пониманія Прудонова "Новой теоріи собственности" въ ея связи со всею предыдущею дѣятельностью этого замѣчательнаго мыслителя. Потому я и скажу о каждой изъ этихъ категорій ровно столько, сколько окажется строго-необходимымъ для достиженія этой цѣли.

Къ первой категоріи мы отнесемъ всѣ тѣ ученія (совершенно понимаю всякихъ историческихъ, политическихъ и другихъ случайностей ихъ возникновенія), которыя отрицаютъ право собственности въ самомъ его принципѣ, то есть считаютъ исходъ изъ настоящаго затруднительнаго положенія возможнымъ иначе, какъ при замѣнѣ принципа и самого факта личнаго владѣнія—владѣніемъ общественнымъ. Власть, представительница единственнаго собственника, т. е. общества—строго опредѣляетъ тѣ условия, на которыхъ общественныя богатства (т. е. извѣстная доля ихъ) могутъ быть уступлены во владѣніе частнымъ лицамъ. Она же слѣдитъ за исполненіемъ этихъ условий и, въ случаѣ надобности, отбираетъ у провинившагося владѣльца его удѣль. Господство на практикѣ одной изъ системъ подобнаго рода можетъ быть достигнуто рядомъ законодательныхъ мѣръ, обуславливающихъ неограниченный произволъ собственника и опредѣляющихъ условия производства новыхъ богатствъ (организация труда), ихъ распределенія и обмѣна (организация кредита и торговли)...

Можетъ быть къ этой же категоріи слѣдовало бы отнести и тѣ воззрѣнія, которыя предполагаютъ современныи ходъ дѣлъ до того уже подточеннымъ у самаго корня язвою пролетаріата и собственническаго безчеловѣчія, что видятъ единственный исходъ въ историческомъ катаклизмѣ, въ радикальной замѣнѣ существующаго порядка новымъ, основаннымъ на учрежденіяхъ столь-же стихійныхъ, какъ и самое право собственности,

во которыя не былъ бы — какъ право собственности — обоготвореніемъ одной захватывающей, любостяжательной силы человѣка. Образчикомъ подобнаго рода стихійныхъ учрежденій можетъ служить намъ хоть-бы наша русская община. Во всякомъ случаѣ этого рода воззрѣнія имѣютъ уже то общее съ нашею первою категоріею, что отрицаютъ самый принципъ безусловнаго личнаго владѣнія.

Прудонъ самъ требуетъ для себя новой категоріи. Уже прежде, въ своемъ письмѣ къ Консидерану въ апрѣлѣ, и во многихъ другихъ случаяхъ, онъ формально заявлялъ о своей несогласности съ социалистами первой категоріи. Но пригдѣ онъ еще не становился такъ рѣшительно, какъ въ настоящемъ своемъ сочиненіи, на сторону *собственности-свободы* (это его собственное выраженіе), на сторону принципа абсолютнаго права собственности, т. е. позитивнаго невмѣшательства какой бы то ни было посторонней, регулирующей власти въ дѣлю владѣнія.

Но чтобы имѣть возможность основательно судить о томъ: въ какой мѣрѣ существуетъ возможность взаимнаго примиренія этихъ двухъ категорій, или же на сколько—если онѣ оказались бы непримиримы—мы должны отдать преимуществу той или другой изъ нихъ?.. для этого—говорю я—необходимо поближе познакомиться съ тѣмъ, что Прудонъ называетъ "эквивибраціею собственности".

Самая же формула эквивибраціи, послѣ того что говорено было здѣсь о ней, можетъ быть принята нами безъ дальнѣйшихъ сравненій; по крайней мѣрѣ она ни почему не могла бы послужить явнымъ раздора между приверженцами двухъ только что установленныхъ категорій социалистическихъ воззрѣній. Между прочимъ, въ видахъ удобства изложенія, будемъ придерживаться терминологіи самаго Прудона и назовемъ *соціализмомъ* первую категорію, за Прудоновскимъ же социализмомъ удержимъ имъ данное названіе *анархизма*.

Говоря о формулѣ эквивибраціи, я отнюдь не думаю говорить о самомъ словѣ. Формула эта — какъ мы уже знаемъ — выражаетъ собою въ сущности ничто иное, какъ *уравненіе условий конкуренціи*. Такого же уравненія условій или шапсовъ конкуренціи желаютъ рѣшительно всѣ социалисты, безо всякаго различія отбѣиковъ воззрѣнія. Я стало быть былъ правъ, говоря, что тутъ еще не начинаются разногласіе между анархизмомъ и социализмомъ.

Ошибочно было бы предполагать также, будто антагонизм между двумя этими воззрениями может быть сведен на вопрос о государственном вмешательстве или невмешательстве, т. е. на спор партии Лассаля съ Шутьце-Деличемъ.

Правда, въ Прудонъ экономическій элементъ преобладаетъ значительно надъ политическимъ, и по нѣкоторымъ частнымъ случаямъ, (напр. по вопросу о народномъ кредитѣ въ 1848), онъ отрицаетъ государственную инициативу тамъ, гдѣ собственно социалисты считали ее вполне уместною. Но обобщать такіе частные случаи мы не имѣемъ никакого основанія. Прудонъ, первый выяснившій столь блистательно круговую поруку, дѣйствительно существующую между государствомъ и собственностью, конечно превосходно понималъ, что снѣжкомъ много незначительныхъ политическихъ факторовъ участвуютъ въ воспроизведеніи явленій изъ нашего экономического быта и что вообще колеса двухъ, совместно существующихъ и взаимно влияющихъ другъ на друга механизмовъ: — государства и собственности — снѣжкомъ далеко заходятъ другъ въ друга. Затрогивая одинъ изъ нихъ, вы *ipso facto* затрогиваете и другой. Всякій разговоръ о правѣ вмешательства сведется на праздную (часто на недобросовѣстную) болтовню.

Невдаваясь въ болѣе подробныя изслѣдованія, мы могли бы опредѣлить это разногласіе тѣмъ, что Прудонъ ни въ какомъ случаѣ не допускаетъ, чтобы вмешательство власти разграничивало правильное употребленіе своей собственности отъ злоупотребленій ею. Короче: онъ считаетъ возможнымъ спасти принципъ безусловнаго и безответственнаго собственностическаго владѣнія; тогда какъ социалисты въ гибели этого принципа видятъ единственную возможность спасенія. Если при этомъ они не становятся сторонниками историческаго или хотя бы политическаго катаклизма, то потому только, что также самая цѣль весьма удобна достигается рядомъ экономическихъ эволюцій и учрежденій, невыходящихъ изъ предѣловъ компетенціи государственной власти даже тамъ, гдѣ наименѣе господствуетъ централизація.

По вопросу этотъ — то есть разногласіе, существующее и до сихъ поръ между собственно социалистами по Консидерансу и Луи-Блану и анархистами по Прудону, — мнѣ кажется чрезвычайно важнымъ. Въ настоящее время социалистическія учения по видимому лежатъ подъ спудомъ, не возмущаютъ собою умы такъ, какъ это было въ 1848 г. Люди, незнакомые даже и съ азбукою общественной науки, (напримѣръ наши консервативные публицисты) относятся къ нимъ съ высокою.

Но тутъ-то и неволь приходится на умъ превосходное сраженіе, которое дѣлаетъ Мишле во введеніи къ своей исторіи французской революціи. Говоритъ о настроеніи умовъ въ началѣ востановившихся годовъ прошлаго столѣтія, — то есть когда уже, можно сказать, Франция вступила въ революцію, и сравниваетъ это настроеніе съ блескомъ и шумомъ пятидесяти годовъ того же вѣка. — Премьеръ Вольтера, Руссо и литературному болвану, дѣлающему еще беззастѣдливымъ собою массы, несравненно еще дѣйствительнымъ, осуществившимся фактомъ,

— Мишле подмѣчаетъ явленіе, повторяющееся вездѣ и всегда въ подобномъ случаѣ. А именно: нѣкогда революціи еще не было, пока только смѣлѣйшіе изъ передовыхъ людей обмѣнивались предвѣдѣніемъ ее въ туманѣ неопредѣленнаго будущаго, — каждый готовъ бы былъ полагаться, что нѣчто необычайное дѣлается вопреку ему, что вѣковныя основы міра обществен-

ности рунутся и пересоздаются. Въ послѣдніе же годы царствованія Людовика XV Возлюбленнаго, да и почти что наканунѣ взятія Бастиліи, все казалось погруженнымъ въ сонъ и оцѣпенѣніе; Франція по видимому была совершенно довольна и своимъ королемъ, и своимъ бездефектнымъ рабствомъ, и и проч. “Галь”, говоритъ Мишле: “вы изданы видите в такую гору, на которую вамъ приходится взбираться. Вы заранѣе поражены ея величавымъ видомъ, духъ вашъ замираетъ при одной мысли подняться на такую колоссальную высоту. Не безъ причины вы подходите ближе, ближе...”

Наконецъ гдѣ же? — Гдѣ примѣтно поднимается каменья, скучная тропинка, незначительные холмы, или уродливые каменные валы, — и вы идете на право и на лѣво.... Гора исчезла. Только отступившись назадъ, вы замѣчаете, что находитесь почти у самой вершины ея...”

Не такъ-ли и съ социализмомъ? Онъ поглощаетъ собою все наше вниманіе, пока мы созерцаемъ его на приличномъ разстояніи. Теперь, когда мы уже вошли въ него, когда съ тяжелымъ трудомъ, шагъ за шагомъ пробираемся мы по дѣйствительной еще, неизбитой тропинкѣ, мы очень естественно теряемъ изъ виду цѣлое. Одинъ крутой, обрывистый уголъ скалы, до котораго мы добрались, заслоняетъ отъ нашихъ глазъ колоссальныя вершины. Социализма нѣтъ — говоримъ мы: *сюр д'Etat* и премудрость консервативовъ отвратили грозу, заставили разсыпаться прахомъ красныя призраки.

Дурная сторона всего этого та, что такіа переловатія случайности мѣстности вводятъ въ соблазнъ и тѣхъ, кто бы отъ души радъ служить начинающемуся будущему, что онъ и отъ нихъ глазъ укрываютъ стройное цѣлое. Мы твердо убѣждены, что — что ни говори, или какъ ни огматывайся по этому поводу, журналисты и всякіе коноводы на пути часто задомъ-напередъ понимаемаго прогресса, — дѣло всежъ такъ тутъ, оно дѣлается, и мы, и вы, и друзья и враги наши, — *volens-nolens*, содѣйствуютъ ему отрицательно или поощрительно. Но именно въ этихъ-то обстоятельствахъ чрезвычайно важно развернуть передъ глазами каждаго весь планъ, всю совокупность неотражаемаго, исторически-фатальнаго дѣла, заставляющаго васъ дѣлать его во мнѣшное гашеніе сирота и желанія.

Вотъ эти-то соображенія побуждаютъ меня не останавливаться на однихъ общностяхъ по поводу разногласія между двумя передовыми отбѣлками современныхъ социалистическихъ воззрѣній — между анархизмомъ и собственно-социализмомъ въ установленномъ уже выше смыслѣ этого слова. Дѣло идетъ не о томъ, чтобы дать пальму первенства тому или другому изъ нихъ; а о томъ, чтобы замѣтывать по возможности изъ обоихъ то, что они могутъ дать намъ руководящаго, указующаго не отдаленныя цѣли (онѣ у обоихъ одинаковы и по видимому достаточно уже сознаны гальдскимъ и вѣмн), а тѣ пути, которыя съ наименѣею затратою труда въ и времени тольшны привести насъ къ желаннымъ результатамъ. Если при этомъ критеріумъ прогрессивности я буду замѣтывать у Прудона, предполагая повѣйшую свободу личной инициативы, автономію личности, то есть анархію крайнимъ предѣломъ общественнаго развитія, — то это вовсе не изъ пристрастія къ разбираемому мною здѣсь публицисту, а потому только, что Прудонъ болѣе другихъ представляетъ диалектическую ясности, строже и опредѣленнѣе другихъ уста-

Но именно то, что должно бы послужить ручательством за долговѣчность и счастливое развитие этого новаго принципа: — то есть его полнота и всеобъемлемость —, послужило къ его гибели.

Съ одной стороны, собственнической міръ пачинаеть оживать отъ соприкосновения съ юнымъ, полнымъ силъ аллодіальнымъ организмомъ. Жизнь, какъ и смерть, во многихъ случаяхъ оказывается заразительною: — всѣмъ извѣстны опыты по этой части, продѣланные на старость библенскимъ царемъ Давидомъ надъ юною Абагаилью... Оживившейся квинтессенсической міръ находитъ себѣ новыя оплоты въ итальянскихъ муниципальныхъ республикахъ. Но бѣда не въ этомъ, а въ томъ, что юный аллодіальный міръ, — когда ему приходитъ время устояться, осѣсться, — по всюду встрѣчаетъ уже готовые, сложившіяся формы, хотя и безъ содержания. Онъ самъ слишкомъ богатъ содержаніемъ и потому послѣднее для него не помѣха. Внѣшній блескъ и установленность отжившаго собственническаго величія — опасная приманка для варваровъ всякаго рода. И, паперекоръ мудрому совѣту Христа, — новое вино льется въ старые мѣха. Герулы, готы, лангобарды селятся въ роскошныхъ палатахъ выгнавшихся или перебитыхъ ими *pater-familias*’овъ... Францiйскіе конунги рядятся въ пурпуръ отставленныхъ отъ должности цезарей. Немудрено, что накопецъ одному изъ нихъ маскарадный уборъ этотъ оказывается по плечу... Мало по малу въ грудахъ стараго хлама отыскиваются папирусы и таблички, учрежденія и постановленія отставныхъ титулованныхъ и не титулованныхъ отцовъ отечества. Услужливые монахи тотчасъ же читаютъ и переводятъ ихъ безграмотнымъ преемникамъ Августовъ и Марковъ-Авреліевъ. И если новые варвары оказываются менѣе древнихъ Галловъ профанами въ дѣлѣ искусства и поэзіи, то всеже въ нихъ достаточно духа властолюбія и хищности, чтобы понять римскую фикцію государственнаго единства, и плѣниться ею. Начинаются державныя попытки упрочить за собою почти что шутки-ради примѣренныя-было орнаменты цезарей. Въ новомъ мірѣ начинаютъ искать тѣхъ опоръ древнимъ фикціямъ, которыхъ уже не могъ дать міръ, породившій эти фикціи.

Такую опору для власти представляла въ системѣ аллодіализма іерархичность — результатъ военнаго происхожденія аллодіальныхъ общинъ. Остаются эту случайную іерархію провести въ область гражданскихъ отношеній, соразмѣрить качество владѣнія количеству обладаемой земли (величинѣ аллода) — и феодальная монархія готова. Феодализмъ — это тотъ же аллодіализмъ, по съ іерархіею или чипопочитаніемъ между владѣльцами; — это уродливый компромиссъ между аллодомъ и собственностью. — Такимъ-то бастарднымъ порожденіемъ разрѣшается эта форма владѣнія, имѣвшая однакоже въ себѣ несомнѣныя задатки для удовлетворительнаго разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, передъ которыми сломился древній міръ, надъ разрѣшеніемъ которыхъ трудятся безъ большаго успѣха лучшіе люди нашего времени. — Накопецъ французская революція оказывается вынужденною покончить во чтобы то ни стало съ разившимся до чудовищности этимъ двухмысленнымъ положеніемъ. А выходъ ей представлялся одинъ: — вернуться къ давнымъ-давно благополучно скончавшейся собственности.

Согласитесь, что всего этого не было бы, если бы примиренія между аллодіальнымъ социализмомъ и анархичностью

квинтессенсической собственности предоставлено было неслучайности, не Каролингамъ и Капетингамъ, не Бенедиктамъ и Гильдебрандамъ, не грабителямъ большихъ дорогъ и не мопаламъ...

Л. Мечниковъ.

Женева, 4 Юня 1866.

ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНІЕ*

1 Января 1866.

Во всѣхъ финансовыхъ статьяхъ русскихъ газетъ послѣдняго времени, проявляется страхъ за возможность государственнаго банкротства, а въ разборѣ причинъ къ тому и средствъ къ поправленію грозящей бѣды, видно затаенное негодованіе на дѣйствія правительства вообще, а бюрократіи въ особенности и осужденіе ихъ дѣйствій на сколько для печати возможно. Осужденія эти до того стали расти, что правительственная газета, *Сверная Почта*, принялась въ № 199, 1865 года увѣрять и успокаивать, что финансовыя дѣла наши еще не такъ плохи, что у правительства еще очень много средствъ къ ихъ поправленію и, выясняя свои, т. е. правительственные, взгляды на эти средства, подразнила, при этой медвѣжьей услугѣ, указаніемъ на 3.160,000,000 рублей сер. въ государственныхъ имуществвахъ одной Европейской Россіи заключающіеся.

Лишь только успѣла *Сверная Почта* выступить съ своимъ краснорѣчіемъ, какъ *Петерб. Вѣдомости* въ № 243 заявили, что тенденціи правительственнаго органа недобросовѣстны и, чтобы они не успѣли обморочить публику, разобрали ихъ и доказывали ошибочность взглядовъ *Сверной Почты*. Министръ внутреннихъ дѣлъ, не отрѣшаясь, хоть бы въ уступку времени, отъ бюрократическаго своего взгляда времени Фамусовыхъ и Молчаливыхъ и отъ требованій того времени: не смѣлъ передъ старшими свое сужденіе имѣть, послалъ редактору *Петерб. Вѣдомостей* г. Коршу, 20 Сент. 1865 г., за такую смѣлость сужденій и дерзость помысленій, предостереженіе, въ которомъ успивался доказать, что *Петерб. Вѣдом.* заблуждаются.

Эта журнальная война уже сама по себѣ показываетъ, что есть что-то неладное, а дѣйствія обонихъ воюющихъ выясняютъ положеніе финансоваго вопроса на столько, что затруднительность уладить его, безъ откровенной и серьезной готовности правительства къ радикальнымъ мѣрамъ, дѣлается для всѣхъ ясною.

Разберемъ, по возможности, на сколько основателей страхъ за настоящее положеніе финансовыхъ нашихъ дѣлъ, на сколько резонны сѣтованія на дѣйствія правительства и попробуемъ указать на мѣры, по нашему взгляду честныя и возможные, къ отклоненію не только причинъ страха, но и къ полному уничтоженію возрождающагося раздраженія, опаснѣйшаго изъ всѣхъ раздраженій потому, что оно вызывается причинами, затрогивающими карманы, уменьшающими, можетъ быть, на половину имущества каждаго, безъ малѣйшей къ тому вины со стороны народа, какъ бы за излишнюю только его покорность и вѣру въ правительство.

* Читатели наши помнятъ отѣтку въ прошломъ листѣ. Мы печатаемъ теперь не продолженіе, а начало брошюры о финансахъ. Оно можетъ нѣсколько поздно — по интересъ, возбужденный прежними отрывками, былъ такъ великъ и брошюра такъ неизбежна, что мы рѣшились не лишать читателей и этой части.

За тѣмъ взглянемъ на важнѣйшую сторону русскаго финансоваго вопроса, на необходимость ограниченія расхода, судя объ этомъ по бюджетахъ 1863, 1864 и 1865 годовъ и дефицитахъ ихъ. Взглянемъ отчасти и на прочность и основательность приходныхъ цифръ, какъ въ прямой народнои тягости—податяхъ, такъ и въ косвенныхъ налогахъ и отчасти же взглянемъ и на возможность, при настоящемъ положеніи, къ исполненію, крайне необходимымъ, предпринятыхъ уже и пензѣжныхъ къ предпріятію, реформъ и устройству желѣзныхъ дорогъ.

Въ Россіи у насъ издавна существовали бумажныя деньги, сдѣлавшіяся теперь главною, будто бы, причиною настоящаго нашего денежнаго бѣдствія: онѣ назывались *ассинаціями*. Въ копѣи прошлаго вѣка ихъ было до 200 миллионовъ и на массу населенія ихъ было мало. Полагаемъ, что ежели бы бумажныя деньги сохраняли при выпускахъ характеръ первоначальнаго ихъ значенія, то даже настоящая ихъ масса не тяготила бы государство. Конечно, изъ этого не слѣдуетъ, что выпускъ бумажныхъ денегъ могутъ быть безпредѣльны и что при всякомъ недостаткѣ, вызываемомъ иногда и недѣлительностью пуждою, нужно обращаться къ нимъ безразсечно и незадумываясь надъ вопросомъ, что изъ этого будетъ.

При Николаѣ *ассинаціи* замѣнены были *депозитными* билетами. Появленіе *депозитныхъ билетовъ*, какъ квитанцій въ извѣстныя суммы, на отдачу въ сохраненіе (по значенію слова *déposer*) правительству народное добро, вызвало въ народѣ радость и удовольствіе отъ удобства ихъ въ народномъ обращеніи.

Осповавъ неприкосновенный монетный фондъ, т. е. собравъ сумму въ монетѣ и слиткахъ, равную, будто бы, обеспеченію выпущенныхъ въ обращеніе депозитныхъ билетовъ, Николай, довольный своею новою мѣрою, будучи охотникомъ вообще до парадовъ, отпраздновалъ эту бумажную реформу парадомъ въ честь золота и серебра. Изъ банка провезли ихъ съ небывалою торжественностью въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ было тогда главное казначейство, и съ торжественною официальнойностью призванные къ сопровожденію монеты высшіе правительственные чины и представители отъ дворянства, купечества и разныхъ вѣдомствъ званій и цеховъ, сосчитали цѣнность неприкосновеннаго фонда, уложили и заперли крѣпко на крѣпко, запечатавъ множествомъ печатей и всѣ — довольные тѣмъ, что начато благое дѣло, закончили этотъ парадъ крѣпкою вѣрою въ неприкосновенность фонда.

Пораздумавъ, вѣроятно, объ участи новаго затворника Петропавловской крѣпости, монетнаго фонда, государь скоро позабылъ и церемоніи при его заключеніи и святость его значенія, приказавъ вынуть изъ главнаго казначейства нѣсколько миллионовъ цѣковыхъ и скупить на нихъ французскихъ долговыхъ бумагъ; безъ всякой къ тому необходимости, какъ говорятъ, побуждаемый однимъ лишь честолюбіемъ похвастать русскимъ богатствомъ — знай де насъ языцы и разумѣй каковы мы есть. Можетъ быть основаніемъ къ этому была казавшаяся толкою, финансово-политическая выходка, сообразная времени и обстоятельствамъ; но по такъ, или инымъ побужденіямъ, а это было, и мы передаемъ лишь что знаемъ.

Порѣшивъ такимъ образомъ со всевозможными печатями,

царь пустякъ сокрытыи таланты въ обращеніе и, ужъ разъ прикоснувшись къ неприкосновенному фонду, отбросилъ всякія церемоніи и вмѣсто депозитныхъ билетовъ съ обеспечительнымъ фондомъ, высочайше повелѣлъ: въ замѣнъ ихъ выпустить *кредитные билеты* съ темными фразами въ новыхъ о предметѣ ихъ обеспеченія и съ пеленою на дѣлѣ, по громкою на бумагѣ, обязанностью безпрепятственнаго размѣна ихъ на звонкую монету по требованію, до 100 руб. на одно лицо и съ намскомъ на существованіе для того размѣннаго фонда, т. е. какъ бы о существованіи суммы въ металѣ, равной суммѣ кредитныхъ билетовъ.

Замѣнъ депозитныхъ билетовъ кредитными, хотя, съ виду, заключался только въ перемѣнѣ названія при тѣхъ же правахъ для владѣющаго ими, и объ измѣненіи правъ или обязанностей ничего заявлено не было; но обязанности выпускавшаго новые билеты сильно измѣнились, на самомъ дѣлѣ. Это измѣненіе, высказанное, или вѣрнѣе прикрытое темными фразами надписей на новыхъ билетахъ, какъ увидимъ далѣе, прошло незамѣченнымъ. Никто и не догадался всмотрѣться въ разницу старой и новой мѣры, никто и не додумался до того, чтобы видѣть, что этою новою мѣрою сдѣланы какъ бы косвенно принудительныи заемъ у народа его монеты и различнаго добра, замѣняемыхъ кредитными записками или росписками, *подъ отвѣтственностью всего достоянія государства*. Это былъ крупный шагъ произвола, сплзное его движеніе впередъ, а послѣдствіями его — наше настоящее положеніе.

Для чего царь это сдѣлалъ, ему знать, говорилъ народъ. Онъ не вмѣшивался и не входилъ въ изслѣдованіе побужденій и сущности этой замѣны и не наблюдалъ за массою выпуска новыхъ бумажныхъ денегъ; а налюбовавшись только искусствомъ каллиграфіи въ напечатанныхъ на оборотѣ кредитныхъ билетовъ обязанностяхъ выпускавшаго и правахъ получающаго новаго бумажки — доступными человѣческому глазу и мельчайшими, почти невидимыми шрифтами, принималъ эти новыя бумажки охотно и на вѣру, что достоинство ихъ тоже какъ и депозитныхъ. Въ этой перемѣнѣ, при представляющихъ удобствахъ въ бумажныхъ деньгахъ и для храненія и для пересылокъ, народъ не видѣлъ ни дурнаго, ни опаснаго, а охотно несъ свое золото, серебро, сукно, кожу, муку и прочее для войскъ и другихъ потребностей, будучи доволенъ еще, что замѣнить сто тяжелыхъ монетныхъ рублей одною бумажкою, равной имъ цѣности. Но причинѣ этой перемѣны только, пока рубль бумажный не началъ чахнуть, народу не представлялось и необходимости заглядывать въ виды правительства. Ему и въ голову не приходило, что вымѣненный имъ у правительства за 100 коп. бумажный рубль само же правительство умрится довести когда нибудь до 75 коп., ежели еще не меньше. Народъ, къ полной вѣрѣ и основанію на ней спокойствію своему, имѣлъ въ виду еще и писанный законъ, въ которомъ сказано—статья 1120 государственныхъ кредитныхъ учреждений: “государственные кредитные билеты будутъ выпускаться въ 100, 50, 25, 10, 5, 3 и 1 руб. сер., *настоящей цѣности*, т. е. заключающіе въ себѣ чистаго серебра 4 золотника 21 долю. “Ст. 1125”: государственные кредитные билеты обеспечиваются всѣмъ достояніемъ государства и безостановочно размѣняются на звонкую монету”.

Имѣя въ виду такіе законы, упрекать себя теперь народу въ неосторожности, при видѣ настоящаго положенія бумажныхъ

денегъ, кажется не за что. Правительство никогда съ нимъ не совѣтовалось о своихъ видахъ и намѣреніяхъ, народъ не былъ имъ избалованъ такимъ вниманіемъ и, привыкнувъ быть подъ опекою, опъ вѣрилъ во все что дѣлали опекуны и во что приказывали они вѣрить, вѣрить безусловно. Правительство не только не сообщало народу своихъ видовъ, но напротивъ, скрываето всегда отъ него, какъ отъ малолѣтняго, основанія — а иногда и исполненіе своихъ мѣръ, требуя отъ опекаемыхъ безусловнаго признанія за благо всего, что исходило сверху. Если бы правительство не дѣлало секретовъ изъ своего управленія, то народъ могъ бы припомнить, что въ началѣ 1800хъ годовъ нашъ рубль доходилъ уже до 25 коп., а государственныя имущества висѣли на волоскѣ; а имѣи въ памяти такіе примѣры, приостерегся бы и такъ или иначе помѣшалъ бы, авось, дойти до настоящей нищеты; по многіе-ли знали это и ктожъ занимался, да и можно ли было заниматься вопросомъ государственныхъ финансовъ, составлявшимъ государственную табу? До объявленія государственнаго бюджета народъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о состояніи финансовъ; самое изученіе государственной финансовой механики почиталось въ массѣ мудростью, достигаемою только для избранныхъ въ совѣтникахъ государя, разсуждать о пей и осуждать почиталось почти грѣхомъ, подобнымъ тому, какъ почитается еще, тою же массою, грѣхомъ разбирать премудрости Апокалипсиса, чтобъ не пошатнуть вѣры въ его мудренныя потемки, какъ предпочтается иногда приятное заблужденіе неприятной истинѣ въ отношеніи тѣхъ въ кого или во что мы вѣримъ и вѣрить хочется. Конечно, такое состояніе можно называть и заблужденіемъ и ослѣпленіемъ, но отвергать существованіе этой общечеловѣческой слабости нельзя. Блаженъ кто вѣруетъ, говоритъ и святое наше писаніе и на бѣду не прибавляетъ ни полслова исключенія для такой слѣпой и обязательной вѣры въ пользу государственныхъ дѣлъ, заключающихъ въ себѣ иногда участь цѣлаго народа, а не личныя блага вѣрующаго.

Таково было время, но оно уже проходитъ и многое уже измѣнилось къ лучшему, замѣтятъ намъ, и мы согласимся съ тѣмъ, что во многомъ можно снисходить къ прошедшему, благо что прошло; но вѣдь на бѣду не совѣмъ, а послѣдствія только теперь и начали отзываться на насъ и можетъ быть еще очень долго будутъ замѣтны и чувствительны. Мы не въ видѣ ропота на правительство за его прошедшее, привели здѣсь отношенія народа къ его управленію, а чтобъ припомнить кстаги, какъ много нравственной отвѣтственности лежитъ на царяхъ передъ народомъ, за ихъ безапелляціонное: “мы повелѣваемъ”, а вѣдь это “мы” выражаетъ волю, желанія и согласія народа. Припоминать теперь то, что многимъ изъ насъ пзвѣстно, вынуждаетъ насъ не желчь, не бесполезная ненависть къ прошедшему, насъ вынуждаетъ говорить это желчь и ненависть къ настоящему, слишкомъ ужъ большому пренебреженію къ народу, выразившемуся въ безцеремонномъ толкованіи о народныхъ интересахъ правительственной газеты *Сверная Почта*, или, что одно и то же, министра внутреннихъ дѣлъ, Валуева. Въ приведенномъ нами 199 №, *Сверная Почта* поучаетъ насъ тому, что за долги, дѣлаемые правительствомъ, отвѣчаетъ народъ и даже не долею своего состоянія, въ видѣ податей, а *всѣми своими средствами*. Съ бюрократической точки зрѣнія, полагается справедливымъ не касаться для поправленія настоящаго финансоваго поло-

женія до государственныхъ имуществъ, пока народъ безмолвно платитъ, что бы ни потребовали. Въ отношеніи государственныхъ имуществъ, говоритъ *Сверная Почта*, правительство остается полнымъ владѣльцемъ ихъ и хозяиномъ.

Заложить въ банкъ Френкеля государственныя имущества, для покрытія текущихъ нуждъ, т. е. обезпечить тѣми же имуществами еще новый заемъ, не красиво, не погасивъ стараго, т. е. кредитныхъ билетовъ и другихъ бумагъ на сумму до одного миллиарда рублей, не считая долговъ земству, долговъ разнымъ вѣдомствамъ и вообще не разобравшись съ долгами, крѣпкими, до сихъ поръ, лишь тѣмъ, что они обезпечены государственными имуществами, думали мы прежде и какъ не велить уже теперь думать *Сверная Почта*.

Выясняя, что подъ фразою: “кредитные билеты обезпечиваются всѣмъ достояніемъ государства” и даже подъ другою подобною же фразою, выражающею обезпеченіе 5% билетовъ: “всѣми средствами, въ распоряженіи правительства паходящимися”, не разумѣлись, когда писался законъ о кредитныхъ бумагахъ, или когда они выпускались, — государственныя имущества, *Сверная Почта* вразумляетъ насъ теперь, говоря, что подъ названными фразами разумѣлись лишь государственныя доходы. Стало быть, продолжаетъ доказывать *Сверная Почта*, заложить вновь государственныя имущества, обезпечивающіе государственныя долги, ничего некрасиваго нѣтъ; вѣдь закладываютъ же люди частныя, говоритъ она, свое имущество во вторыя руки, конечно съ цѣлью, чтобъ его же улучшить и побольше извлекать изъ него, съ полученіемъ новыхъ средствъ на это. То есть лишь бы вѣрили, не договариваетъ газета, а пока вѣрятъ, можно занимать безъ конца, подъ обезпеченіе благовидно указываемаго имущества, а что на этомъ же самомъ имуществѣ долговъ больше его цѣпности, по мнѣнію газеты, выяснять не слѣдуетъ, пусть де самъ догадается это сдѣлать тотъ, кто вѣритъ, или ужъ на себя и пѣваетъ за липнюю довѣрчивость. А возможно ли, или хоть легко ли узнать такой важный секретъ, о которомъ разсказывать запрещено тѣмъ кто знаетъ, а отбивъ олоту узнавать и обсуждать, секреты 9/10 и понятія о нихъ не имѣютъ. О томъ же, главнымъ предметѣ, что заложивъ и съ хорошею цѣлью, можно безпутно употребить вновь полученные къ улучшенію средства, *Сверная Почта* молчитъ. Какова чиновничья замашка, выѣзжать на толкованіи темно-крючкватыхъ выраженій! Разумѣется, стало быть, какъ видно изъ продолженія поясненій правительственной газеты, счетъ головъ нашихъ и представлялся въ обезпеченіе набора съ нпчь, въ совокупности съ прочими государственными доходами, т. е. отъ государственныхъ имуществъ, отъ продаваемаго съ торговъ права снаивать народъ и отъ прочихъ правительственныхъ привилегій, такъ усердно отстаиваемыхъ бюрократами, кормящимися отъ нихъ.

Когда же всѣхъ этихъ доходовъ не достанетъ и правительство падѣляетъ долговъ, то за нихъ отвѣчаетъ народъ же и всѣми своими средствами. И не боится г. Валуевъ за такіе проповѣди получать *предостереженія* и не стыдится онъ примѣнять къ нимъ общую теорію государства и непримѣнимую къ нимъ логичность вопроса. Тянуть къ отвѣту неповинный народъ за долги правительства, во время его распоряженій всѣмъ государственнымъ добромъ, безъ малѣйшаго участія народа, изображающаго изъ себя, съ точки зрѣнія правительства, лишь стѣну противъ враговъ въ военное время, а

въ мирное безотвѣтныхъ плательщиковъ всякихъ сборовъ и поборовъ въ пользу благъ начальства и ради славнаго процвѣтанія, расширенія и совершенствованія отечества. И вѣдь за долги, притомъ, правительства не несостоятельнаго еще, а имѣющаго, какъ говоритъ *Сѣверная Почта*, богѣе 3хъ миллиардовъ въ государственныхъ имуществахъ, предоставленныхъ въ его распоряженіе для государственныхъ конечно, а не личныхъ нуждъ самого государя, имѣющаго на то еще удѣльные имущества, какъ статьи доходовъ короны, ни тѣмъ менѣе его соправителей.

Вотъ, напримѣръ, какъ не скупятся у насъ на сборы и въ такіе притомъ періоды, когда болѣе всего слѣдовало бы скупиться: на администрацію по выкупному учрежденію собирается съ крестьянъ по $\frac{1}{2}$ % съ рубля. Сборъ въ этомъ размѣрѣ былъ основанъ на предположеніи устроить выкупный учрежденіе въ пѣсколькихъ пунктахъ Россіи и на томъ, чтобы образовать запасный капиталъ на случай, что крестьяне несправно будутъ вносить въ казначейства выкупные платежи. Въ первомъ случаѣ, когда операція выкупная сосредоточена вся въ Петербургскомъ главномъ выкупномъ учрежденіи, сборъ этотъ чрезмѣрно великъ. Во второмъ, должно объявлять хоть одинъ разъ въ годъ сколько накопилось запаснаго капитала, когда прекратится это накопленіе и какъ будетъ поступлено съ нимъ, когда опасенія за невзгоды крестьянъ не оправдаются, и въ какой мѣрѣ и видѣ производительны будутъ для земства капиталы эти во время ихъ накопленія? Вопросъ этотъ, переставъ быть предметомъ свѣжнмъ, заброшенъ теперь литературою и это понятно; но почему на него не обращается вниманіе земскихъ учреждений, непостижимо. Или и въ этомъ случаѣ, по заведенному порядку, запрещается и земству заглядывать въ виды и мѣры правительства?

Русскій.

(Продолженіе впрѣдъ).

С М Ъ С Ъ

— *Первое засѣданіе уголовного суда въ Москвѣ, тридцать ударовъ розгами.* — Формы образованнаго суда выставляють въ новомъ безобразіи наше варварское законодательство и готовность судей его прилагать. Судились одна женщина и одинъ мужчина за бродяжничество, за пьяный видъ, въ которомъ арестованы, за безобразіе. Не говоря о послѣднемъ обстоятельстве, относящемся болѣе къ эстетикѣ, что за преступленіе бродяжничество, г. е. не-имѣніе письменнаго вида? Всѣ англичане въ Англіи и всѣ американцы въ Сѣверной Америкѣ — бродяги. Положимъ, что глупая бюрократія на нѣмецкій лапъ можетъ дѣлать легкое взысканіе за неимѣніе вида, но ссылатъ въ Восточную Сибирь на поселеніе и держать годъ въ тюрьмѣ за то, что человекъ не говоритъ кто онъ, и былъ пьянъ, въ странѣ гдѣ всѣ пьяны и трезвый составляетъ исключеніе — безобразно въ высшей степени. Поэтому не все — такъ легко наказана была женщина. Не угодно-ли прочесть отчетъ о гласномъ судѣ надъ женщинами:

“На скамьѣ подсудимыхъ заявилъ чѣсто второй обвиняемый, плещущій себя Василемъ Воробьевымъ, также Саловымъ, мужчина лѣтъ 30 съ богатырскими и довольно подотическимъ выраженіемъ лица.

Предсѣдатель (къ подсудимому). Какъ твое имя, фамилія или прозвище?

Подсудимый. Бродяга, не помнящій родства, ваше превосходительство.

Предсѣдатель. Но вѣдь какъ-нибудь тебя зовутъ?

Подсудимый. Я показатъ, что меня зовутъ Василемъ Воробьевымъ.

Предсѣдатель. Сколько тебѣ лѣтъ?

Подсудимый. Я показатъ, что мнѣ 33 года.

Предсѣдатель. Какого ты вѣроисповѣданія?

Подсудимый. Не знаю, ваше превосход.

Предсѣдатель. Но ты бывалъ же когда нибудь въ церкви и у св. причастія?

Подсудимый. Въ замкѣ я бывалъ въ церкви.

Предсѣдатель. Получилъ ли ты копію съ обвинительнаго акта?

Подсудимый не поинлъ вопроса и отвѣчалъ отрицательно, но предсѣдатель напомнилъ ему, что восемь дней тому назадъ онъ былъ вызванъ въ судъ и въ его, предсѣдателя, присутствіи ему вручена была копія, въ полученіи которой за него расписался защитникъ. Затѣмъ секретарь прочелъ слѣдующій обвинительный актъ товарища прокурора Нисарева:

“22 го Мая 1865 г. въ касимовское полицейское управленіе, рязанской губ., явился человекъ, назвавшійся бѣжавшимъ изъ московскаго губернскаго баталіона рядовымъ Василемъ Павловымъ Воробьевымъ. По справкѣ въ губернскомъ баталіонѣ оказалось, что находившійся въ немъ на службѣ рядовымъ Павелъ Васильевъ (а не Василій Павловъ) Воробьевъ не бѣжалъ, а выбытъ въ 1864 г. на службу же въ Кропштадтъ Нижніе чины баталіона назвавшася Воробьевымъ человекъ за Воробьева не признали. На допросѣ затѣмъ въ управленіи воинскаго начальника московской губ. человекъ этотъ, отказавшись отъ показанія, даннаго въ касимовскомъ полицескомъ управленіи, назвалъ себя крестьяниномъ оренбургской губ., уфимскаго уѣзда, деревни Самодуровки, помѣщика Обухова, Василемъ Михайловымъ Саловымъ, бѣжавшимъ въ 1854 г. съ принадлежавшаго его помѣщику кашаевскаго завода. Но когда собраныи по этому показанію свѣденіями было обнаружено, что находящаяся въ уфимскомъ уѣздѣ деревня Самодуровка никогда Обухову не принадлежала, а принадлежить помѣщику Сергѣеву, и что Василій Михайловъ Саловъ изъ нея, ни въ военную службу, ни въ Кашаевскій заводъ не поступалъ, означенный выше человекъ, на послѣднемъ допросѣ слѣдственному приставу Оедотову объяснилъ, что всѣ прежнія его показанія ложны и что ни о происхожденіи, ни о званіи своемъ ничего не знаетъ и объяснить не можетъ.”

На основаніи изложенныхъ обстоятельствъ, я признаю явившагося въ касимовское полицеское управленіе въ Маѣ 1865 г. и назвавшася первоначально рядовымъ Воробьевымъ, человекъ виновнымъ въ поступкахъ, указанныхъ въ 950, 951 и 952 ст. улож. о пак. пзд., 1866 г., а самыя его поступки подлежащими разсмотрѣнію оружнаго суда.

Предсѣдатель (къ подсудимому). Ты обвиняешься въ бродяжничествѣ. Сознаться ли ты въ этомъ преступленіи?

Подсудимый. Я не могу указать откуда я. Не помню.

Предсѣдатель. Ты сначала показывалъ, что ты рядовой Васили Воробьевъ, потомъ ты показалъ, что тебя зовутъ Василемъ Саловымъ: что повудило тебя давать эти ложныя показанія?

Подсудимый. Не могу знать ваше превосход.

Предсѣдатель. Откуда прибылъ ты въ Москву?

Подсудимый. Изъ Рязани.

Предсѣдатель. Братъ ли ты какой нибудь видѣ у тамошняго начальства?

Подсудимый. Меня изъ острога прямо на машину привезли.

Предсѣдатель. Такъ ты прибылъ оттуда уже арестантомъ. Гдѣ же ты пребывать до твоего арестованія?

Подсудимый. Мало ли гдѣ я шатался.

Предсѣдатель. Чѣмъ ты занимался?

Подсудимый. Ничѣмъ не занимался, гдѣ иногда работу возьмешь, а гдѣ и нищенствомъ пробавляешься.

Затѣмъ товарищъ прокурора г. Нисаревъ указалъ на обстоятельства, изложенныя въ обвинительномъ актѣ, привелъ статьи закона, опредѣляющія наказанія за бродяжничество и кромѣ того прибавилъ, что подсудимый за ложное показаніе подлежитъ наказанію розгами отъ 20 до 40 ударовъ...

... По окончаніи рѣчи защитника, предсѣдатель спросилъ подсудимаго не имѣетъ ли онъ чего-либо прибавить.

Подсудимый. Я боленъ ваше превосход.

Защитникъ. Онъ действительно боленъ, и я прошу судъ избавить его вовсе отъ тѣлеснаго наказанія, если окажется, что боленъ его такого рода, который избавляетъ отъ этого наказанія.

Предсѣдатель. Суду предстоитъ разрѣшить: 1) виновенъ ли подсудимый въ бродяжничествѣ и ложномъ показаніи о себѣ? и 2) какому подлежитъ онъ наказанію? Ни прокуроръ, ни защитникъ не возражали противъ этой постановки вопросовъ, и судъ удался для совѣщаній. По возвращеніи, предсѣдатель прочелъ слѣдующій приговоръ.

1866 г. Юня 21-го дня, московскій оружный судъ и т. д. (какъ въ первомъ резолюціи) на основаніи 950, 951 и 952 ст. улож. о пак. пзд. 1866 г. и 2 приложенія къ ст. 77, примѣч. § 5, опредѣлилъ Василія Павлова Воробьева (онъ же Саловъ), признавъ бродягою упорно скрывающимъ свое званіе и виновнымъ въ ложномъ показаніи, наказавъ розгами тридцатью ударами, заключить въ арестантскія роты на одинъ годъ, при чемъ, когда нѣтъ въ ротѣхъ достаточнаго

помещения, или осужденный будет признанъ неспособнымъ къ работамъ въ сихъ ротахъ, въ рабочи домъ или въ тюрьму на тотъ же срокъ, и затѣмъ, а равно и въ случаѣ, когда и въ рабочемъ домѣ или тюрьмѣ тоже не будетъ достаточнаго помещения, сослать для водворенія въ Восточную Сибирь, съ употребленіемъ его тамъ въ работы по усмотрѣнію и распоряженію мѣстнаго начальства и пр.

Ess. Vouquet Московскихъ Вьдомостей. Только что мы замѣтили, до какой степени безобразно противуестественное совокупленіе формъ образованнаго суда — съ налочными ударами, гласности съ побоями за то, что человекъ не хочетъ себя назвать или называесть ложно, — какъ еще больше безобразное совокупленіе печатнаго слова съ грубѣйшимъ рабствомъ является передъ нами во всемъ хитонской красотѣ, въ новомъ манифестѣ Каткова, которымъ онъ благодаритъ Россію за вѣрность ему во время задержанія его дѣятельности. Мы ограничимся отрывками, безъ разсужденій. Замѣтимъ только, что поводомъ манифеста — адреса, которые ему шлютъ пзъ губерній и праздникъ, который ему дали въ университетскихъ залахъ... "Тостъ за государя пии (какъ за всѣхъ государей, исключая отставленныхъ по прусско-австрійскому дѣлу) съ восторгомъ".

"Пусть наши читатели судятъ, что должны были чувствовать мы, зная, что въ этомъ энтузіазмѣ выразилась горячая общественная благодарность монарху за насъ, за благоволеніе намъ оказанное, насъ поднявшее и одушевившее новою бодростью, новымъ чувствомъ призванія. Подобныя минуты забыть невозможно; въ нихъ заключается творческая, рѣшающая сила. "Что мы пережили въ эти минуты, то можетъ быть названо событіемъ, и событіемъ не въ нашей только жизни, но и въ общественной.

"Въ чемъ же, однако, заключается значеніе нашей дѣятельности, которое отказать нельзя? Что виною встрѣчаемаго ею, столь живаго и повсемѣстнаго сочувствія въ русскомъ обществѣ?

"Политическая печать въ Россіи есть дѣло новое. Намъ довелось быть изъ первыхъ серьезныхъ органовъ силы, которой на Руси никогда не бывало и которая явилась только теперь, въ нынѣшнее царствование: вотъ первая причина того значенія, которое приобрѣла наша дѣятельность. Были ли при этомъ обнаружены нами какія-либо личныя достоинства, это вопросъ второстепенный".

Такъ и утопаетъ, такъ и мѣбегъ въ своемъ величій патриархъ-редакторъ. За это то упоенье собой онъ такъ и гадохъ памъ, тутъ есть какой-то духовный бздъ, котораго постоянный глазъ видѣть не можетъ безъ омерзепія... намъ не нужно знать какъ онъ исходитъ восторгами о себѣ, какъ онъ стонетъ, оттапывая все личное и смѣшивая себя съ Ромаповыми.

Но къ философіи рабства:

"Плодотворно только то право, которое видитъ въ себѣ не что иное, какъ обязанность.

"Для политической печати, какъ и для всякой политической дѣятельности, это есть долгъ государственной присяги. Честная, достойная своего имени политическая печать должна быть вѣдѣмъ инымъ, какъ постояннымъ, неуклоннымъ и неослабнымъ примѣненіемъ долга присяги, которая требуетъ, чтобы всякій радѣлъ о нераздѣльныхъ пользахъ престола и государства, и не останавливаясь ни передъ какими соображеніями, противился всему, что можетъ угрожать имъ опасностью, или причинять имъ существенный вредъ. Можно ли придумать программу, которая могла бы боѣе соответствовать призванію политической печати?

"Право публичнаго обсужденія государственныхъ вопросовъ поняли мы, какъ служеніе государственное во всей силѣ этого слова. Когда мы приступили къ дѣлу, насъ не призывали къ присягѣ, но мы произнесли ее про себя, и произнесли съ полнымъ убѣжденіемъ. Долгъ съ нею соединенный поставилъ мы во главу нашей дѣятельности, и подчинили ему все. Онъ былъ живисиннымъ средоточіемъ нашихъ мыслей до текущихъ дѣламъ; онъ былъ единственнымъ руководящимъ и возбуждающимъ началомъ нашей дѣятельности. Онъ усугублялъ наши силы, онъ оплодотворялъ нашу мысль, онъ давалъ зоркость нашему сужденію и цвѣтъ нашему слову, онъ поддерживалъ насъ въ борьбѣ, и въ немъ заключается гайна тѣхъ симпатическихъ отношеній, въ которыхъ находится къ намъ народное чувство".

... Гдѣ англійскіе законы, гдѣ англійская личная независимость... все потеряно... остался государь, присяга — мнриады какой-то нечистоты служащей ему, пеймѣющей по себѣ никакого значенія и Каткову

Черезъ день (154 X), показалось мало и опъ прибавилъ: "Въ Россіи есть только одна голя, которая имѣетъ право сказать: 'я законъ'. Передъ нею 70 милліоновъ преклоняются какъ одинъ человекъ. Она есть источникъ всякаго права, всякой власти и всякаго движенія въ государственной жизни. Она есть парочная свитыня, ею все держится и все единится въ государственныхъ дѣлахъ. Народъ вѣритъ, что сердце царево въ рукѣ Божіей. Она заколеблется, колеблется и падаетъ все. Служба государю не можетъ также считаться исключительною принадлежностью бюрократической администраціи. При томъ значеніи, какое верховная власть имѣетъ какъ вообще, такъ въ особенности въ Россіи, всѣ, отъ мала до велика, могутъ и должны видѣть въ себѣ, въ какой бы то ни было степени и мѣрѣ, слугъ государевыхъ"

Говорятъ, что государь очень не дальній человекъ, но неужели онъ такъ мало развитъ, такъ плохо воспитанъ Жуковскимъ, такъ совершенно виѣ своего времени живетъ и движется, что это тупорное, грубое ученіе отчаяннаго рабства ему нравится?

— *Замышляемое убійство въ Рязани.* Рядовой бѣлевскаго полка *Ефимовъ* сорвалъ погоны съ офицера того же полка, пришедшаго на гауптвахту для исполненія надъ нимъ приговора (тѣлеснаго наказанія) за совершенную имъ кражу. При допросѣ подсудимый заявилъ, что онъ не хотѣлъ подвергнуться наказанію розгами за кражу, потому что рѣшеніе комиссіи по сему дѣлу ему не было объявлено въ законной формѣ... (совершенно достаточно причина, чтобы въ Англии и Франціи приговоръ былъ уничтоженъ). Не смотря на все на это Ефимовъ приговоренъ къ смертной казни.

— *Святые тайны и грѣшныя розги.* Въ 1861 году, при введеніи въ дѣйствіе положенія о временно-обязанныхъ крестьянахъ, въ Тамбовѣ присланъ былъ генераль, баронъ Винценгероде. Въ какомъ-то селеніи произошло недоразумѣніе у крестьянъ съ помѣщикомъ; баронъ, вмѣстѣ съ жандармскимъ полковникомъ Дурново, отправились усмирять селеніе. Опредѣлили они наказать розгами многихъ крестьянъ, въ томъ числѣ 65^{ти} лѣтняго старика, который, въ день, назначенный для наказанія, исповѣдывался и приобщался, почему гг. Винценгероде и Дурново положили слѣдующую резолюцію: *наказатъ крестьянъ такихъ-то и такихъ-то, а старика такого-то отъ тѣлеснаго наказанія уволить, потому что онъ уже въ то утро приобщался святыихъ Христовыхъ тайнъ.*

ПРОДАЮТСЯ:

ЕЩЕ РАЗЪ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ ИСКАНДЕРА

Съ приложеніемъ неопечатаннаго разсказа

ГРАГЕДІЯ ЗА СТАКАНОМЪ ГРОКА

Цѣна: 1 тал или 3 фр. 75 сент — Prix 3 fr 75 c. ou 1 Tnl.

ВЪРОИСПОВѢДАНІЕ ДУХОВНЫХЪ ХРИСТІАНЪ,
обыкновенно называемыхъ *Молоканами*. Цѣна 2 франк.

ДЛЯ ИСТИННЫХЪ ХРИСТІАНЪ

Сочиненіе Игнатія. Цѣна 50 септимова.

ПРАВИТЕЛЬСТВО И МОЛОДОЕ ПОКОЛѢНІЕ

— по поводу выстрѣла 4 апрѣля 1866 —

Соч. Никифора Г*** (Цѣна 1 фр. 50 савт.)

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 227.

1 СЕНТЯБРЯ 1866.

Выходить два раза въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré l'Evêque и въ главныхъ депо — у Г. Георга, 10, Corraterie, Genève; у Н. Трюбнера и Ко., 60, Paternoster Row, Londres. Цѣна за листъ 50 сантимовъ безъ пересылки. Прилагаемъ почтовой тарифъ:

Въ Германію	15с.
— Австрію	15с.
— Англию	15с.
— Бельгію	5с.
— Францію	5с.
— Италію	3с.
— Неаполь и Сицилію	20с.
— Грецію (черезъ Марсель)	5с.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10с.
— Швецію	25с.
— Швейцарію	5с.

Parait à Genève tous les quinze jours. Le dépôt principal est chez H. GEORG, à Genève, Corraterie, No. 10. A Londres, chez N. TRÜBNER et Co., 60, Paternoster Row. Le prix de chaque No. est de 50 centimes, le port de la poste non compris. Tarif postal.

Allemagne	15с.
L'Autriche	15с.
Angleterre	15с.
Belgique	5с.
France	5с.
Italie	3с.
Naples et Sicile (voie de Marseille)	20с.
Grèce (voie de Marseille)	5с.
Turquie et Prine. Danubiennes (voie de Marseille)	10с.
Suède	25с.
Suisse	5с.

ОГЛАВЛЕНІЕ: Польша въ Сибири и Каракозовское дѣло — Фипансовок Положеніе (Продолженіе). Смѣсь Фогтъ, Дарвинъ, Молшотъ, Бокль — Опасное

положеніе американца Клея — Ссора между врагами — Ess. Vouquet "Моск. Вѣдомостей" — Восточная Галиція — Фондъ для эмигрантовъ.

ПОЛЬША ВЪ СИБИРИ И КАРАКОЗОВСКОЕ ДѢЛО.

Трудно убивать народы, даже со всѣмъ монгольскимъ бездушьемъ, съ адвокатами какъ Катковъ, съ катанами какъ Муравьевъ, и со всякими православными краснобаями изъ инженернаго вѣдомства и лютеровою ереси à la Кауфманъ. Добивали, добивали Польшу .. а она все жива... Она возстала въ Сибири — безнадежная, отчаянная, но все-же предпочитающая смерть — рабству. Наши читатели звають подробности изъ русскихъ газетъ: "Поляки ретировались въ лѣсъ (до лясу, острять мокрыя кровью Моск. Вѣд.). Лѣсъ окружили войсками и поватыми людьми, большей частью тунгусами и бурятами, отличными стрѣлками". Интересно было бы знать, что обѣщали "отличнымъ стрѣлкамъ" со штуки? Небось гривенъ по восьми, да сапогомъ подстрѣленного?

Подумать страшно, что съ нимъ будетъ... что бы ни было, все занесетъ снѣгомъ и будетъ нѣмо и бѣло, какъ саванъ.

Да въ самомъ дѣлѣ, уже эти поляки какой безпокойный народъ... чего имъ хотѣлось? — Ну, сослали въ Сибирь *безъ суда*, стало обиды нѣтъ. Корреспондентъ *Моск. Вѣд.* справедливо вспылить на нихъ: "Вотъ, говорить, какова благодарность за то, что всѣмъ осужденнымъ полякамъ, находящимся въ Сибири, государь облегчилъ участь".

Буряты облегчать ее радикальнѣе.

... А машина-то всё таки не идетъ. Сорвалась съ рельсовъ послѣ покойника Николая Павловича, бьетъ народъ на право и на лѣво... чадить, шипить. а въ рельсы не попадаетъ — то Путятинскіе матрикулы, то Каракозовская пуля, то нигилисты переведутъ Фогта, то социалисты заведутъ артель, то неблагодарные поляки не перестаютъ пзъ благодарности быть поляками.

Видно и идеи тоже трудно убивать, какъ народы. Это намъ доказываютъ подробности Каракозовскаго дѣла, напечатанныя въ *Съверной Почтѣ*.

Чтобы припутать къ нему всѣхъ, кто подъ руку попался, изъ людей не согласныхъ въ мнѣніяхъ съ обновленнымъ правительствомъ и сдѣлать изъ *частнаго случая, не имѣющаго никакой связи со всѣмъ остальнымъ* — палицу для пораженія всей юной Россіи — *Съверная Почта* рассказала факты, гораздо болѣе интересные, чѣмъ выстрѣлъ, который надоѣлъ всѣмъ до смерти.

Годъ X.

Всѣ люди, слабые вѣрой, думали, что страшные удары, которыми правительство било по молодому поколѣнію за все — за пожары, въ которыхъ оно не участвовало, за польское возстаніе, за воскресныя школы, за возбужденную мысль, за чтеніе книгъ, которыя читаетъ вся Европа, за мнѣнія, сдѣлавшіяся ходячей монетой, за общечеловѣчскія стремленія, даже за желаніе работать — приостановили движеніе, начавшееся послѣ Крымской войны. Нисколько. Оно только вѣлось глубже и дальше пустило корни. Въ Москвѣ (въ этомъ городѣ всѣхъ реакцій), рассказываетъ *Съверная Почта*, существовало уже нѣсколько лѣтъ общество между молодыми людьми, припавшими въ 1865 г. общее названіе *Организация*. Оно имѣло цѣлю распространять социалистическія ученія и приготовить переворотъ. Средствами для сего должны были служить:

- а) "Пропаганда между сельскимъ населеніемъ, съ объявленіемъ, что земля составляетъ собственность всего народа.
 - б) "Возбужденіе крестьянъ противъ землевладѣльцевъ, дворянства и вообще противъ властей.
 - в) "Устройство разныхъ школъ, артелей, мастерскихъ, переплетныхъ, швейныхъ и иныхъ ассоціацій, дабы посредствомъ ихъ сблизиться съ народомъ и вышарить ему злоредныя ученія социализма.
 - г) "Заведеніе въ провинціяхъ библіотекъ, бесплатныхъ школъ и разныхъ обществъ, на началахъ коммунизма, которыя, въ рукахъ членовъ главнаго общества, могли бы удобнѣе привлекать и готовить новыхъ членовъ и въ то же время состояли бы въ зависимости отъ централнаго общества въ Москвѣ и получали бы отъ него дальнѣйшее направленіе.
 - д) "Распространеніе въ народѣ социалистическаго ученія, посредствомъ воспитательныхъ семинарій и сельскихъ учителей; и
 - е) "Пропаганда по Волгѣ, пользуясь удобствомъ пароходныхъ сообщеній.
- "Общество подраздѣлялось на разные отдѣлы съ различными наименованіями, какъ то: 'взаимнаго вспомошествованія', 'переводчиковъ и переводчицъ', 'поощренія частнаго труда'. Всѣ эти отдѣлы, для прикрытія революціонной цѣли главныхъ распорядителей, предполагалось облечь законною формою, испросявъ на то утвержденіе правительства.

"Полагалось, устройствомъ бесплатныхъ школъ, швейныхъ и библіотекъ, объединять свои мысли, сблизиться съ различными кружками университета и иныхъ учебныхъ заведеній, и вообще привлекать въ общество разныхъ лицъ.

"Независимо отъ сего означенное общество стремилось входить въ ближайшія сношенія съ социалистическими кружками и дѣятелями въ Петербургѣ и другихъ мѣстахъ имперіи, которые поддерживались съ одной стороны направленіемъ преподаванія въ значительной части учебныхъ заведеній, а съ другой болѣею частью журналистики".

Такъ вотъ какъ былъ убитъ и похороненъ *социализмъ* и *нигилизмъ*, скромными органами которыхъ были и мы! *Отцы*, думавшіе идти за гробомъ *дѣтей*, могутъ отереть

слезы—*дѣти живы*. Правительство второй разъ замучить, убить ихъ... *а они останутся живы!* Муравьевъ — умреть, Катковъ—будетъ министромъ и Адлербергомъ—*а они останутся живы!*

Въ самую мрачную эпоху помѣщичества, въ самую безвыходную, полную экзекуцій и розогъ, наши мужички *не вѣрили* въ крѣпостное право, не вѣрили, что земля не ихъ. Ни православная церковь, кропившая водой и благословлявшая всѣ ужасы рабства, ни полиція, кропившая поля кровью, ни царскіе, ни домашніе палачи не могли исторгнуть у нихъ этой безумной вѣры. Мужичка сѣкутъ—ипогда засѣкаютъ. Сѣчетъ его становой, сѣчетъ управляющій, колотить баринъ изъ своихъ рукъ, а иногда барыня... а онъ, изувѣченный, идетъ къ себѣ на полати, иногда въ могилу... и думаетъ... дай срокъ, несчастье пройдетъ, *придетъ воля и земля*, потому что земля то, что ни толкуй — наша.

Мы, подъ старость, точно какъ наши мужички, хранимъ святую, горячую вѣру...

На этомъ и остановимся—и подождемъ второй страницы мрачнаго процесса, который Старая Россія дѣлаетъ Молодой.

Къ забавнымъ шалостямъ полицейской редакціи принадлежит слѣдующая фраза, свидѣтельствующая о томъ, какъ наши наивники III отдѣленія, патриоты по обязанностямъ службы, мало знаютъ отечественную исторію. “Нынѣ признается возможнымъ передать слѣдующія извѣстія объ обстоятельствахъ, сопровождающихъ *неслыханное еще въ Россіи преступленіе—покушеніе на цареубійство*”.

То есть, что же *неслыханное*? Развѣ то, что покушеніе не удалось.

Неужели литераторы при Муравьевѣ не слышали объ убійствѣ на улицѣ Дмитрія царевича.

Объ убійствѣ на площади единственнаго порядочнаго человека, бывшаго русскимъ царемъ, Дмитрія Самозванца.

Объ убійствѣ Бориса Годунова и сына его.

Объ убійствѣ Петра III любовниками жены его.

Объ убійствѣ Іоанна Антоновича тоюже добродѣтельной дамой.

Объ убійствѣ Павла I всѣмъ генералитетомъ, съ соучастіемъ неутѣшнаго сына — и объ убійствѣ царевича Алексѣя, по высочайшему повелѣнію нѣжнѣйшаго изъ родителей?

Неужели литераторы при Муравьевѣ не слыхивали французскую поговорку о “самодержавіи, ограниченномъ убійствами” (*temperé par l'assassinat*). Это была наша Magna Charta. Къ яду, ножу и шарфу — мы прибавили еще два ограниченія : *взятки и грязь*.

Вторая шутка даже не забавна, а всего менѣе забавна для государя, которому дѣлается, *sub rosa*, выговоръ за опущеніе по должности :

“Часть изъ участниковъ, сознаваясь чистосердечно въ оныхъ, и нѣкоторые, раскаиваясь въ своихъ заблужденіяхъ, высказываютъ откровенно, что они были вовлечены въ социалистическія и противоправительственныя стремленія, кромѣ допущеннаго ослабленія вообще наблюдательной власти”, тѣми органами нашей литературы, которые систематически распространяли всевозможныя разрушительныя начала. Ври незатруднительности пріобрѣтенія

* Основываясь на этомъ, храбрый Сеславинъ доносилъ въ “Моск. Вѣд.” указалъ безъ имени на эксъ-министра Головинна и на Чернышевскаго, котораго полиціантъ не можетъ иначе называть какъ преступникомъ. Головиннъ, умрите или экспатрируйте — и васъ, и вашего великаго князя, Катковъ дождетъ. Tenez vous pour averti.

запрещенныхъ иностранныхъ и русскихъ книгъ, при губительномъ вліяніи вообще революціонной литературы, на неопытные и восприимчивые умы молодежи и подъ вліяніемъ воображенія, бредившаго о возможности достигнуть общаго равенства, какъ относительно безграничной личной свободы, такъ и правъ собственности”.

— За чѣмъ это Муравейникъ такъ хлопочетъ сдѣлать государя *недобрымъ*, онъ—богъ съ нимъ, и безъ него самъ до этого очень успѣшно достигаетъ.

И—ръ.

ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНІЕ

1 Января 1866.

(Продолженіе)

Это по части мужичковъ, а вотъ не менѣе красивая заботливость правительства по части благосостоянія помѣщиковъ, по части способовъ къ процвѣтанію государства, и по части разныхъ благъ и удобствъ жизни подъ непосредственнымъ покровительствомъ бюрократіи.

При выдачѣ выкупныхъ свидѣтельствъ, или другаго вида денежныхъ бумагъ, за душевые земельные пады правительства, взявъ на себя совершеніе этой операціи, удерживаетъ справедливо частные долги дворянина, совершающаго выкупную сдѣлку; но крайне несправедливо удерживать разомъ весь банковый долгъ на мнѣ, нарушая условіе, на которомъ я закладывалъ ему свою бывшую собственность. Я закладывалъ ее на 37 лѣтъ, съ обязанностью погашать долгъ казнѣ частями въ этотъ срокъ, а не вдругъ. Плативъ исправно, положимъ 17 лѣтъ, я рассчитывалъ свою жизнь и на остальные 20, по мѣрѣ доходовъ своихъ, для увеличенія которыхъ и занималъ и употребилъ въ землю, напримѣръ, занятый въ банкѣ капиталъ. Я отчислялъ извѣстную часть доходовъ на погашеніе банковаго долга и велъ свои расчеты въ остальномъ, сообразно имѣющемуся у меня еще на 20 лѣтъ ссудному капиталу; вдругъ, за готовность мою и сочувствіе къ государственному перевороту, у меня отнимаютъ кредитъ на остальные, условленные 20 лѣтъ и требуютъ возврата всего моего остальнаго долга вдругъ. Я отказался отъ крѣпостныхъ рукъ, принимаюсь за наемныя, но средства на нихъ у меня, уже не спрашивая согласія, отнимаютъ. Каково мое положеніе и участь моего хозяйства, а съ нимъ, въ нѣкоторой степени, и хозяйства государства?

Сдѣлать это можно было лишь съ устройствомъ банковъ, въ особенности земскихъ, передавъ имъ мой долгъ и расчеты со мною, но не прежде. Конечно, продолженіе кредита должно было быть мною обеспечено равноцѣннымъ чѣмъ ибудь, за отходомъ отъ меня, бывшаго обеспеченія, крестьянскихъ душъ; но и то лишь въ такомъ случаѣ, ежели бы сумму, у меня удерживаемую, я желалъ получить опять себѣ на руки. А ежели я новаго обеспеченія не представляю, то слѣдовало бы, удержавъ остальную сумму долга моего, хранить ее въ капиталѣ съ моего счета въ банковыхъ оборотахъ во всѣ остальные 20 лѣтъ, или пока я не представлю равноцѣннаго залога, или самъ не попрошу закончить со мною счеты этою суммою; но не произволомъ отбирать ее отъ меня, какъ это сдѣлали и продолжаютъ еще дѣлать. Вотъ бы вамъ и средства первоначальныя для земскихъ банковъ; такъ нѣтъ, правительство отдѣляетъ свои интересы отъ народа слишкомъ усердно, и о земскихъ интересахъ не хотѣло вспомнить при этомъ случаѣ.

Сдѣлавъ въ этой выпискѣ длинное отступленіе отъ общаго хода статьи, мы скажемъ, кстати, нѣсколько словъ о надеж-

дахъ на земство, противъ котораго уже появляются крики за обремененіе народа новыми расходами. При этомъ укажемъ на положеніе, въ которомъ находилась какая нибудь часть государственныхъ порядковъ при управленіи чиновничьемъ. Возьмемъ врачебныя средства: что сдѣлаетъ земство — увидимъ, а до него всѣ врачебныя пособія заключались въ одномъ уѣздномъ врачѣ, безъ аптеки, на уѣздѣ, въ вѣсколько десятковъ тысячъ душъ. Прямое назначеніе этого врача — судебно-медицинскіе случаи. При появлении же въ какой нибудь мѣстности повальной болѣзни, уѣздный врачъ обязанъ удостовѣриться въ существованіи болѣзни, опредѣлить ея причины и средства къ устраненію ея развитія.

При такомъ посѣщеніи больныхъ, врачъ, не имѣя ни лекарствъ, ни фельдшера, ни тѣмъ менѣе больницы, не можетъ ничего сдѣлать для чающихъ облегченія, кромѣ совѣтовъ: не ѣсть луку, квасу, чорнаго хлѣба и простокваши, по крайней мѣрѣ всего вмѣстѣ избѣгать, затѣмъ онъ уѣзжаетъ изобрѣтать универсальное средство и начинать переписку объ отпускѣ на него денегъ. Не мудрено, что, при хозяйствѣ земства, расходы увеличатся, но вѣдь и относительной пользы отъ этого увеличенія, надо думать потребуютъ увеличивающіе, по крайней мѣрѣ хотъ могутъ его потребовать. О томъ, сколько умираетъ крестьянскихъ дѣтей до 5^{ти} лѣтняго возраста? не только этотъ докторъ, да и никто никогда ни малѣйшей рѣчи не ведетъ, а въ народонаселеніи то мы шибко нуждаемся; заботы уѣздныхъ врачей по большей части заклю чаются лишь въ томъ, чтобы, сознавая бесполезность своихъ прогнупокъ, возможно больше потребовать прогнуповъ, а проѣхать возможно менѣе. О повѣркѣ того, гдѣ былъ докторъ и что онъ сдѣлалъ, никто не заботился, для соблюденія же порядка при полученіи прогнуповъ полицейскія власти, живущія, ко взаимной выгодѣ, въ дружбѣ съ врачомъ, удостовѣряютъ, незамысливаясь, что докторъ ѣздилъ даже чуть не на луну.

При случаяхъ появленія эпидеміи на скотъ, еще забавнѣе участіе и помощь врачебная. На цѣлую губернію, до милліона можетъ быть штукъ скота, существуетъ одинъ губернский врачъ, веимѣющій возможности оказывать другихъ пособій, кромѣ совѣтовъ зарывать какъ можно глубже околѣвшее животное и шкуры не снимать. Совѣты эти онъ преподаетъ, сядя на телѣгѣ, пока перепрягаютъ лошадей, чтобы везти его, скачущаго изъ конца въ конецъ губерніи. Прямое назначеніе ветеринарныхъ врачей свидѣтельствовать и удостовѣрять о здоровьи прогоннаго, чрезъ резиденцію его, скола на продажу. Эта статья есть главнѣйшая его выгода, а онъ получаетъ ничтожное содержаніе, стало быть можно себѣ представить, какъ исполняетъ онъ прямое свое назначеніе.

А народное образованіе, а проведеніе въ массу уваженія къ законамъ и законности, а защиты народныхъ интересовъ отъ произвола администраторовъ!... И противъ этогого то учрежденія начинаются крики и придирки отъ тѣхъ, кому пріятно и полезно размахистое бюрократическое существованіе.

Въ отраду и утѣшеніе 199 № *Сѣверной Почты*, мы находимъ сходство между ея тенденціями, по вопросу о закладѣ Госуд. Имущ. въ банкѣ Френкеля (одновременное съ нашимъ вопросомъ), и предложеніемъ Турціи повѣго займа, обеспечиваемаго доходомъ съ овецъ и другихъ предметовъ, которые, если еще и не свободны отъ старыхъ долговъ, ими обеспечиваемыхъ, говоритъ турецкое правительство, но предполагаются быть свободными въ такомъ то году; вотъ подъ эти-то

предполагаемые быть свободными доходы турки ищутъ занять денегъ. Прочитавъ эту новость, мы не могли не остановиться на размысленіи о томъ, кому первому принадлежитъ изобрѣтательность такого заманчиваго предложенія при займѣ: турецкимъ финансистамъ или *Сѣверной Почтой*, съ тѣми русскими финансистами, которыхъ правительственный органъ нашъ такъ усердно отстаиваетъ.

Забываетъ что-ли г. Валуевъ съ его *Сѣверною Почтою*, что съ народа собирается ежегодно на текущія, необходимые расходы, въ разныхъ видахъ, прямыхъ и косвенныхъ, слишкомъ 350,000,000 рублей, и за то, что эти 350,000,000 не умѣютъ такъ распредѣлить, чтобы ихъ было достаточно на всѣ ежегодныя государственныя пужды; съ него хотятъ тянуть еще отвѣтственность и за сдѣланные правительствомъ долги, не разбирая даже подъ силу-ли ему платить и тѣ то 350,000,000 въ такое время, когда однимъ приходится выкупать свои земли, а другимъ, только что принесшимъ на пользу государства половину своего состоянія—передѣлывать все свое хозяйство и жизнь на иной ладъ, устраиваться съ земскими порядками и вводить новыя формы суда. Народъ хотятъ тянуть къ отвѣту за старые долги правительства, не обнаруживая въ тоже время ни малѣйшаго желанія показать ему отъ чего и какъ все это произошло и откуда, безъ участія народа въ распоряженіи расходами, накопились эти долги.

Мы говоримъ безъ малѣйшаго участія народа, потому, что участіе сословныхъ членовъ въ различныхъ дорожныхъ, строительныхъ и вѣкоторыхъ другихъ комисіяхъ, денежнаго, или вѣрнѣе расходнаго свойства, было до сихъ поръ паспльственное, лишь для формы; парализованное губернаторскимъ veto, или большинствомъ коронныхъ голосовъ, оно никогда не имѣло ни малѣйшаго значенія. Забываютъ гг. бюрократы, или они просто знать не хотятъ, что государственныя имущества ничто иное, какъ народное достояніе, данное имъ или взятое лишь въ управленіе и распоряженіе правительства, которое, по мнѣнію правительственной газеты, остается полнымъ владѣльцемъ и хозяиномъ даже по закладѣ вновь этого достоянія. Не довольно ли, казалось бы, уже и того, что народъ допустилъ безконтрольно, въ полномъ, слѣпаго довѣрія къ правительству хозяйничать надъ его государственнымими, т. е. народными имуществами! такъ вѣтъ — ихъ берегутъ для переада, а отвѣтственность за накопленные долги сваливаютъ на народъ же. Ну и разбирайтесь ими, скажетъ справедливо народъ, пропадай они, гдѣ нашего не пропадало? но разбирайтесь, рассчитайтесь, очистите хоть зады прошедшихъ дѣйствій, возвратите въ распоряженіе самого народа хоть то, что останется, ежели вамъ не подъ силу распоряжаться его добромъ толково и порядочно; или-же ужъ доматывайте даже до конца, да потомъ и дѣлайте какъ знаете, а насъ оставьте въ покоѣ, мы заявимъ свой протестъ на ваши дѣйствія, свое отреченіе отъ отвѣтственности за долги ваши, сдѣланные безъ нашего согласія. Покайтесь хоть разъ, народъ проститъ вамъ, покажетъ свою незлопамятность къ прошлому; по распутайте толкомъ все, что напутали, одумайтесь, да и начните хоть впередъ то толково управлять государственнымъ добромъ и перестаньте прикрывать мотовство свое одними красивыми итогами.

Мы пропускаемъ здѣсь нѣсколько страницъ брошюры. Авторъ продолжаетъ:

Ведя возможно послѣдовательно обзоръ взятаго вопроса,

мы должны сказать, что, вымѣнивая на кредитныя бумажки у народа золото, серебро и проч. добра до 10 руб. по огульному счету на душу (бумажекъ кредитныхъ 650 миліоновъ, а число жителей 70 мил.)—правительство не остановилось на этомъ: оно выпускало еще въ 8мъ займахъ внутреннихъ 4%, 4½ и 5% билеты комисіи погашенія долговъ (а въ какой мѣрѣ погасили эти билеты долги, намъ неизвѣстно), далѣе билеты государственнаго казначейства или серіи, билеты государственнаго банка 5% и металлическіе 4%, затѣмъ выкупныя свидѣтельства 5% и ренты, или непрерывно доходныя въ 5½%, и наконецъ внутренняго займа съ выигрившими въ 5% и вообще разныхъ процентныхъ бумагъ считается на сумму, сверхъ 650 мил. кредитными билетами, еще около 350 мил., или всѣхъ вмѣстѣ кредитныхъ и процентныхъ бумажныхъ денегъ находится въ обращеніи на сумму до 1 миллиарда рублей.

Здѣсь должно замѣтить, что, по оцѣнѣ вѣнскихъ долгамъ иностранцамъ, мы ежегодно платимъ процентовъ и погашеній до 35 мил. руб., да сверхъ того до 30 мил. руб. процентовъ по внутреннимъ, перечисленнымъ здѣсь процентнымъ бумагамъ, а золота добываемъ всего только до 18 мил. р. въ годъ, серебра же меньше чѣмъ на 1 мил. р. (мы прикупаемъ каждый годъ до 4000 пудовъ для собственныхъ надобностей).

Выпуская кредитныя билеты, правительство по 1125, приведенной нами выше, статьѣ закона, обязалось ихъ размѣнивать на звонкую монету, но, имѣя размѣннаго фонда 80 мил. а въ наличныхъ деньгахъ только 55 мил., оно почти перестало уже производить размѣнъ, подъ видомъ разныхъ стѣсненій народа, т. е. ограниченіемъ суммы на одно лицо, въ извѣстные дни только или часы и проч.; стало быть, оно не выполнило своего уговора съ народомъ, уговора, на основаніи котораго народъ стащилъ ему свое добро, за предложенныя въ замѣнъ бумажки, какъ не удобныя для помѣщенія въ карманъ, но крайне не выгодныя съ той минуты, какъ отъ обязательно обѣщаннаго размѣна ихъ отказываются, и заставляютъ, при размѣнѣ ихъ въ частныхъ рукахъ, нести на этомъ большія потери.

Перемѣна счета съ ассигнаціей на серебряный рубль, безъ всякой нужды, ради чванства лишь богатствами страпы, въ удовлетвореніе каприза императора Николая I, сдѣлала государству нашему также не мало зла. Далѣе правительство понизило достоинство размѣнной серебряной монеты, замѣнивъ употребленіе 84 пробнаго серебра-серебромъ чистаго достоинства 720й пробы, но расчету изъ прежняго серебрянаго рубля въ 5 двугривенныхъ на шесть, стало быть *не настоящей* цѣнности 4 золотника 21 доля чист. сер., какъ обязалось оно 1125 ст. закона.

Мысль объ этой мѣрѣ, какъ говорятъ, подали намъ покровители папи банкиры въ своихъ интересахъ; она имѣла основанія, только исполненія то ея были не много дико. Основаній къ этой мѣрѣ было два: недостатокъ размѣнной мелкой монеты и то, что серебряная монета наша была слишкомъ хороша, и потому сосѣднія государства находили расчетъ вывозить ее отъ насъ, какъ товаръ для обращенія въ различныя подѣлки. Недостатокъ въ мелкой монетѣ у насъ доходилъ до того, что съ рубля давали сдачи почтовыми марками или кожаными бирками, выпускаемыми отъ частныхъ лицъ, въ кругу не широкихъ ихъ торговыхъ оборотовъ. Стало быть, была нужда настоятельная въ мелкой монетѣ и

кстати ужъ въ замѣнъ серебра лучшаго худшимъ; обѣ, стало быть, существовали, но въ первомъ случаѣ для чего-жъ допустили до такой нужды, а во-второмъ, за чѣмъ же секретъ то о способѣ, какимъ вся эта музыкальная штука банкировъ совершилась, и какая была необходимость прибѣгать для разыгриванія всѣхъ этихъ варьяцій къ такимъ музыкѣйскимъ инструментамъ.

Разсказываютъ исторію замѣны серебра лучшаго худшимъ въ такомъ видѣ: во французскомъ банкѣ лежали безъ употребленія папи, свезенныя туда Николаемъ Павловичемъ при покупкѣ долговыхъ французскихъ бумагъ, цѣлковики, и на ихъ то намъ указали добрые геніи папи, банкиры. Возить изъ Парижа, выкупать на золото, потомъ перечекаивать дома—возня показалась намъ тяжелою, а нужда въ мелочи дошла до нелзя; вотъ мы и обратились къ Ротшильду съ просьбою: купи де наше серебро, перекачай его на парижскомъ монетномъ дворѣ, съ платою, говорятъ, еще отъ насъ за чеканку, сдѣлай изъ 5 двугривенныхъ 6, и размѣняй намъ эти двугривенные по 5 на 1 бумажный рубль. И вотъ Капгеръ въ Петербургѣ, по порученію, говорятъ, Ротшильда, предложилъ желающимъ мѣнять бумажки на мелкое серебро, и народъ обѣжалъ со всего Петербурга къ нему на Васильевскій островъ получать на рублевую бумажку новенькихъ 5 двугривенныхъ, и, возвращаясь, называлъ его благодѣтелемъ за то, что мѣняетъ безъ платы за промѣнъ съ преваивнымъ убѣжденіемъ, что иностранцамъ понадобились наши бумажки. Конечно, Капгеръ не послалъ вымѣняемыхъ бумажекъ за границу, а послалъ купленнаго на нихъ въ Россіи сала или хлѣба; 60й же двугривенной, т. е. 20 коп. на рубль, банкиры нажили за эту услугу. Мы продаемъ за что купили: при секретѣхъ правительства, у насъ нѣтъ другихъ источниковъ знать объ истинѣ какойнибудь правительственной мѣры, кромѣ народной молвы. Затѣмъ далѣе: выпуская 4% бумаги, правительство вслѣдъ за ними выпустило 4½, 5 и 5½ процентныя, стало быть сознательно убивало цѣнность предыдущихъ своихъ выпусковъ цѣнностью послѣдующихъ, и дошло до того, что за билетъ своего банка, выданный мнѣ вчера въ томъ, что отъ меня приято имъ для обращенія изъ % 1,000 руб., дастъ мнѣ сегодня само-же только чуть ли не 800 уже рублей подъ залогъ его

И такъ, для русскихъ самихъ есть не мало основаній къ сътованію за настоящее и къ страху за будущее финансовое положеніе, а въ выраженіи недовѣрія вѣнскими судьями и цѣпителями достоинства русскихъ денегъ и вообще русскихъ финансовъ силъ падо искать причину не въ массѣ бумажныхъ денегъ, а въ непослѣдовательныхъ, неограниченно произвольныхъ и слишкомъ безцеремонно неуважительныхъ отпущеніяхъ правительства къ народу.

Не достаточно ли и названныхъ причинъ, чтобы поколебать вѣру, ежели не въ благонамѣренность, то въ способности нашего правительства вести финансовый порядокъ государства.

Исторія съ золотомъ для искусственнаго поднятія курса, плодъ мудрости директора госуд. банка барона Штиглица, допущенный настоящимъ министромъ финансовъ, Рейтерномъ, еще болѣе доказало эту неспособность*.

* Тутъ кстати замѣтить, что при Николаѣ Павловичѣ, Штиглицъ былъ монополистомъ у насъ, и другихъ банковскихъ домовъ, говорятъ, открывать не позволялъ, а еврейскъ не позволялось даже и жить въ Петербургѣ; по уничтоженіи этого запрещенія, сейчасъ же появились и кромѣ Ротшильда банкиры, а онъ пошелъ чинить ловить и почести, а говорятъ и подъ рукою обдѣлывать, е съ большимъ удобствомъ, свои банковскія дѣла.

Затѣмъ уступка привилегій счета на звонкую монету барону Френкелю въ предлагаемыхъ оборотахъ его поземельнаго банка, когда онъ заявилъ намѣреніе, какъ выражались на засѣданіи общества сельскихъ хозяевъ въ Петербургѣ, рзорить русскихъ землевладѣльцевъ, показала и неумѣнье обсуживать финансовыя дѣла и полное невниманіе къ народнымъ интересамъ; или такое ужь положеніе, въ которомъ правительство растералось и хватается за всѣ средства, не разбирая ихъ.

Вслѣдъ затѣмъ Финляндія потребовала уваженія къ своимъ деньгамъ и получила это право, конечно съ правомъ въ то же время пренебреженія къ нашимъ; отсюда произошло раздумье въ публикѣ, что не слѣдуетъ ли и кореннымъ русскимъ жителямъ, — получающимъ за 100 коп. рублевую бумажку, которую, выѣзжая за черту коренной Россіи, отдають за 80 коп., — стремиться въ конецъ концовъ къ тому, чтобы и внутри имперіи объявить всѣмъ имѣющимъ въ карманѣ 100 руб. бумажку, что она, по высочайшей волѣ, уже не есть 100, а усохла до 80 руб. И при такомъ то положеніи, три года тому назадъ, бросили 1,200,000 р. на устройство Петровской земледѣльческой академіи въ Москвѣ; бросили на устройство названную сумму и продожаютъ бросать теперь на содержаніе заведенія по 135,000 руб. въ годъ, также мало подумавши и разобравши цѣль бросанія, какъ бросали въ старые годы на конполаводство, егермейстерскія и прочія затѣи, будучи въ томъ положеніи, о которомъ говорятъ не до жиру, а быть бы лишь жнву.

А на Амурѣ сколько посажено денегъ? Вотъ, напримѣръ: бросили цѣлый милліонъ рублей на постройку чегырехъ судовъ, одно негоднѣе другаго. То носъ тонетъ на одномъ, и командѣ доставится моціонъ тащить всѣ тяжести на корму, чтобы не затопить судна, то корма въ другомъ суднѣ находится въ подобномъ же положеніи и команду мучають и тамъ экстраординарными моціонами, изображая тѣмъ въ лицахъ сказочный разсказъ о томъ бѣдственномъ положеніи журавля на болотѣ, положеніи, которое вѣрно изображаетъ и наше фискальное управленіе. То носъ вытащить, говорится въ сказкѣ о бѣдствіяхъ журавля, такъ хвостъ завязнетъ, то хвостъ вытащить, такъ носъ завязнетъ. Для храбраго народа, привыкшаго брать грудью встрѣчающіяся препятствія, такія положенія въ расчетъ не берутся, все же намъ ни по чемъ.

При устройствѣ телеграфа на Амурѣ, нѣсколько дѣтъ хлопотали изъ всѣхъ силъ о томъ, чтобы поставить въ Николаевскѣ мачту такой высоты, какой нигдѣ нѣтъ, и добывъ, на удивленіе большаго міра, 24хъ саженое дерево для монстра мачты, два года собирались ставить его, а въ три едва поставили съ тяжкими усиліями, какъ дерево то и сломалось, по причинѣ чрезмѣрнои высоты, несоотвѣтствующей, подобіемъ Вавилонской башни, ни цѣли, ни положенію края, въ которомъ свирѣпствуютъ сильныя вѣтры. А силъ то человѣческихъ, а денегъ то убито на добываніе и поставовку такого неперимѣнимаго чудовища мачты, надо думать, не малое количество!

Кажется, въ этомъ некрасивомъ настоящемъ, во Френкелевской и подобныхъ ей исторіяхъ, причинъ страха и за будущее не мало, а причинъ сѣтованія на правительство за прошедшее, изъ котораго произошелъ совершившійся уже фискальный хаосъ — еще больше.

Заглянемъ еще разъ въ русскія газеты, чтобы судить о томъ, что дѣлается на вашей милой родинѣ, при концѣ 1865 года.

Когда хотятъ изобразить апатичность русской натуры и

выяснить пословицу — русскій умъ задомъ крѣпокъ, то говорятъ: у васъ какъ конь съ двора сбѣжить, такъ мы начнемъ конюшню строить. Наша звонкая монета разбѣжалась, говорятъ всѣ, за границу, русскіе сами тащатъ ее туда массою, до 100,000 русскихъ, изъ людей болѣе образованныхъ, бросили свои хозяйства и съ послѣдними выкупными свидѣтельствами спѣшатъ наполнить Дрезденъ, Парижъ, Женеву и разные нѣмецкіе города съ водами и рулетками. Они прожнвають свои деньги за границею во вредъ родинѣ, нуждающейся въ деньгахъ и въ образованныхъ людяхъ. Вотъ что, отъ времени до времени, пишутъ и говорятъ у насъ и о насъ на родинѣ. Затѣмъ кричатъ, что Россія накупила банкротства, и мечутся, какъ угорьные, хватаясь за всѣ возможные средства.

Нельзя не порадоваться пробужденію въ нашихъ землякахъ энергіи, выражающейся въ вознѣ ловить убѣжавшаго коня, наше золото, и принимать мѣры къ прегражденію возможности сбѣгать коню вновь, когда будетъ онъ пойманъ. Нельзя не признавать въ этомъ прогресса, и нельзя не отнестись съ признательностью къ царю за допущенную гласность, хоть бы и какъ уступку потребности времени, говорятъ газеты.

Мы готовы согласиться съ тѣмъ, что съели голодому бросаютъ съ барскаго стога даже и обѣдки, для избавленія отъ голодной смерти, то, пожалуй, слѣдуетъ быть признательнымъ и за то, принявъ въ расчетъ, что вѣдь могли и ничего не дать. Но мы не согласны съ тѣмъ, чтобы въ этой провой мѣрѣ видѣть основанія для такого шумнаго ея прославленія, чтобы признавать за нею больше какъ хорошее, можетъ быть, намѣреніе, пробу только, но еще не исполненіе. Вѣдь этою гласностью заправляютъ административныя возжи по собственному произволу держанаго ихъ, безъ всякой его отвѣтственности, или не больше какъ на бумагѣ только, а не на самомъ дѣлѣ, а всѣ наши бѣдствія то и заключаются только въ произволѣ Обвинять, напримѣръ, насъ, выѣжавшихъ за границу и въ отсутствіи патріотизма и чуть не въ государственной измѣнѣ позволительно кому и какъ угодно, а намъ возражать на эти огульныя обвиненія съ поясненіемъ причинъ добровольнаго изгнанія нечества на ночевую жизнь, поди-ка — скажутъ нельзя.

Пока осмѣиваютъ и выводятъ на сцену мелкій людъ, пока обирають и бьютъ людей безотвѣтныхъ можно упражняться въ разборахъ и осужденіяхъ и тѣхъ кто бьетъ, и тѣхъ кого бьютъ; но задѣвать и трактовать на такой же манеръ помазанныхъ царемъ министровъ-помочи и вообще высоко стоящихъ и имъ пріятныхъ лицъ — не замай, или за покушенія и намѣренія даже указывать на ихъ человѣческія слабости и ихъ начальническія пакости въ предостереженіяхъ недостатка не будетъ. Стало быть, это еще меньше пока, чѣмъ полугласность. Ну, наконецъ, и гласность, хоть лыкомъ шитая, судъ открытый, земское управленіе; но развѣ это уже и все, что нужно для свосной жизни гражданина? Если произволъ не уничтоженъ, то сколько бы ни было, по счету, новыхъ мѣръ, всѣ опѣ будутъ лыкомъ шитыя; все-жъ еще важнѣйшаго то не достигнетъ для того, чтобы потянуло на родину; а уничтожь произволъ и не только всѣ мы, тоже въ нѣкоторомъ родѣ кони, сорвавшіеся съ привязи, возвратимся и безъ усилій загонять, но даже и иностранцы почувствуютъ охоту тянуться на жптѣ въ русскомъ просторѣ, а вѣдь добиваться до эгого намъ петолько должно, но и крайне необходимо.

Вѣдь мы задыхались отъ безсудья и произвола, сжатые, не смотря на огромнѣйшую ширь Россіи, между чиновниками и солдатами. Дайте судъ, дайте голосъ народу и участіе въ дѣлахъ государства, неигрушечное, поправятся и государственныя финансы и певужны будутъ трудъ и усилія ловить коней, и конь бѣглець, поднимающій настоящую возню, возвратится къ вамъ самъ и не убѣжить вновь. Опустѣютъ отъ русскихъ и заграничныя Hôtel, и, всѣ и все возвратится, когда будетъ возможность жить, не опасаясь придирокъ и нападковъ отъ квартальнаго и становаго до Муравьева. Когда глазъ и уши не будутъ поражаться на каждомъ шагу грабежемъ казны, по всѣмъ вѣдомствамъ, въ видѣ тайныхъ доходовъ и въ видѣ явнаго раззоренія отъ неустройства государственнаго финансоваго вопроса.

Какъ бы ни была велика вѣра въ благонамѣренность царя, но дѣла то идутъ такъ, что всѣ мы при видѣ непостижимой его нерѣшительности на главное коренное преобразование, дѣлаемся болѣе или менѣе пессимистами и принимаемъ всѣ новыя реформы за цвѣтки пустоцвѣтныя, и плодовъ ждуть только не многіе хорошихъ, и то въ безконечной дали; большая же часть ждетъ дурныхъ, или ни въ какіе не вѣрять. Жаль все таки, скажемъ мы, при этомъ, что, сваливая всѣ обвиненія въ неокончаніи или окончаніи, да дурно, хорошихъ началъ царя на одного только его, забываютъ, что одинъ въ полѣ, да еще такомъ широкомъ, какъ Русь, неволею, что истреблять вѣвшуюся ржавчину не легко. Несправедливо, во многомъ, совершенномъ уже царемъ, не замѣчать благонамѣренныхъ порывовъ его и стремленій переломить прежде всего, въ себѣ самомъ, всосанное убѣжденіе помазанія на деспотизмъ, и ежели, на бѣду, недостатокъ твердости его характера и неумѣнье окружить себя честными и благонамѣренными людьми ни для кого не секретъ, а и порядочные люди, одинъ, два, да въ безсовѣстной массѣ и духотѣ заразной, придворной атмосферы, долго не удерживаются, то этимъ и объясняемъ мы неистребленіе придворной лести, лжи и обмана, съ существованіемъ протекцій и привилегій, и, наконецъ, важнѣе всего то, что царь, подавъ много надеждъ, такъ тихо спѣшитъ разставаться съ главнѣйшимъ нашимъ бѣдствіемъ, а его позоромъ, съ неограниченнымъ самодержавіемъ. Освобожденіе крестьянъ есть подвигъ съ его стороны, но онъ великъ только почитомъ и очень не красивъ исполненіемъ. Подписавъ этотъ важный и неотступно необходимый актъ, царь бросилъ дворянство на произволъ чиновниковъ, а отсутствіемъ суда и присутствіемъ произвола довелъ и освободителей и освобожденных до нищеты. Безпристрастно обсуждая крестьянскую реформу, развѣ можно отыскать въ ней (кромя исполненія вопіющаго долга справедливости) со стороны царя, какія нибудь жертвы? Напротивъ, интереса личнаго можно пайти много, и ближе всего онъ отыскивается въ упрямствѣ подѣлиться съ народомъ, на пользу его, своимъ самодержавіемъ. Не такимъ былъ бы подвигъ отреченія отъ самодержавія и всякихъ произволовъ. Время и обстоятельства вынудили бы, рано или поздно, крестьянскую реформу; царь не могъ этого не видѣть, а этого за стѣнами войска и освобожденнаго народа вынудить нельзя; стало быть это былъ бы великій подвигъ и доказательство истиннаго движенія сердца на пользу государства.

Мы обманывали бы себя, ежели бы не хотѣли видѣть, что бѣжимъ, сломя голову, къ банкротству. Напримѣръ въ 1865 г.

доходу было 372,000,000 р., а на содержаніе войска ассигновано 142,241,000 руб. Какъ не задуматься надъ этою цифрою, составляющею больше $\frac{1}{2}$ дохода? Какъ не спросить, неужели неизбѣжно необходимо намъ имѣть къ 1 Январю 1866 года войска 805,000 солдатъ и 75,000 лошадей.

Положимъ, что очень велика Россія, что желѣзныхъ дорогъ у насъ нѣтъ, слѣдовательно, положимъ, что и вся эта масса войскъ намъ необходима; но, неужели, нельзя съ этою массою устроиваться какъ нибудь по экономнѣе и извлекать изъ нея въ мирное время не одни красивые пароды и маневры. Положимъ, что мы находимся въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ Америка, и не можемъ, какъ она это сдѣлала по окончаніи войны, уменьшить войска съ милліона до 50,000 человекъ. Положимъ, что и враговъ у насъ больше, чѣмъ у нея, слѣдовательно американскія сокращенія въ войскѣ, до устройства желѣзныхъ дорогъ, у насъ немыслимы; но намъ кажется, что ежелибы половина этого милліона была распускаема на работы, на одинъ періодъ весны, лѣта и осени, а другая по очереди на другой періодъ, въ видахъ пособія въ сельскимъ работамъ и государственнымъ сооруженіямъ, какъ напримѣръ, для ускоренія постройки желѣзныхъ дорогъ, то думаемъ, что и солдатъ былъ бы доволенъ заработанными имъ и на руки полученными деньгами, и государственная производительность могла бы выиграть отъ полученія, при сильномъ недостаткѣ въ рабочихъ, 500,000 человекъ здоровѣйшаго народа. А развѣ не важна эта мѣра по послѣдствіямъ своимъ еще и тѣмъ, что солдатъ не будетъ отвыкать отъ общества, изъ котораго онъ вышелъ, отъ работъ и, возвращаясь въ отставку, не будетъ чуждымъ ни ему, ни работамъ, какъ теперь; да еще скотитъ за время службы копѣйку на черный день, ежели, напримѣръ, каждый за періодъ своего отпуску на работы, будетъ обязанъ вносить хоть по 1 р. на храненіе до отставки. Экономическій расчетъ отъ разбираемой нами мѣры говорить самъ за себя. Ежели считать содержаніе солдата въ 20 только коп. въ день, т. е. полагая 71,000,000, или половину военнаго бюджета расходомъ на солдатъ, то каждый день приносилъ бы государству, кромѣ огромной пользы въ рабочей силѣ, 100,000 руб., или 18,000,000 руб. въ полгода, расходованныхъ на содержаніе этой массы солдатъ.

Здѣсь кстати замѣтить о наймѣ рекрутъ. Отчего бы въ видахъ неразрушенія семейнаго быта и хозяйства не устроить такъ наемъ въ рекруты, что-бы желающій навѣяться могъ во всякое время приходиться въ извѣстное учрежденіе, и будучи принятымъ, получалъ бы 100 руб. деньгами на руки, а остальные употреблялись бы на застрахованіе его жизни, или, въ какомъ нибудь другомъ видѣ, на процентное храненіе, или, наконецъ, ему выдавали бы квитанцію, которую онъ продавалъ бы кому хотѣлъ, или даже той мѣстности, за которую онъ изъявлялъ желаніе навѣяться. Конечно о пріемѣ за извѣстную мѣстность должно быть объявляемо, точно такъ же, какъ слѣдуетъ объявлять и о количествѣ имѣющихся въ концѣ продажныхъ рекрутскихъ квитанцій. Мало по малу, это сдѣлало бы и службу солдатскую и добровольное вступленіе въ нее, по найму, не презрительными, а, напротивъ заманчивыми въ будущемъ и достойнымъ похвалы въ началѣ, вызывая не однихъ только пьяницъ и воровъ, а большую часть и такихъ, кого жизнь на возрастѣ встрѣтила какъ мачиха и выпудила видѣть въ этомъ наймѣ специальность.

Французская армія, къ слову сказать, на 37,000,000 жи-

телей находится въ близкой къ намъ цифрѣ 537,000 солдатъ. Въ какіе безотрадныя думы погружаютъ эти цифры солдатства, людей, чающихъ хоть когда нибудь такого совершенствованія отъ образованныхъ народовъ, когда не будемъ мы вынуждены, какъ говоритъ Гейне, изъ взаимнаго педовѣрія продовольствовать сотни тысячъ убійць. Мы воспользуемся ихъ лошадьми и мечами для плуга и обрѣтемъ міръ, свободу и благосостояніе.

Намъ заявляетъ уже теперь правительство, что дефицитъ изъ бюджета 1863 года былъ 15,707,770 руб. въ 1864 году, 46,486,128 руб., въ 1865 году, 22,375,707 рублей.

Чтожь изъ этого будетъ? На засѣданіи общества петербургскаго сельскаго хозяйства мы находимъ почти отвѣтъ: что намъ пѣтъ другаго спасенія, нѣтъ другаго исхода, кромѣ силъ и помощи земской.

На томъ же засѣданіи обращено было вниманіе, между прочимъ, и на упадокъ отпуска за границу нашего хлѣба. Въ 1864 г. пшеницы отпущено изъ южныхъ портовъ, не на 3, или 4 милліона, какъ бывало обыкновенно, а лишь на 2,620,000 рублей. Стало быть и тутъ, въ торговлѣ естественными нашими произведеніями, мы идемъ не въ гору а подъ гору.

Намъ нужны земскіе банки, а гдѣ взять денегъ на это? у насъ рукъ мало, пародъ спился, но какъ же намъ отказаться отъ намѣренія спаивать и развращать народъ, когда это *главная* статья нашего государственнаго дохода? Земство имѣетъ до 15,000,000 однаго продовольственнаго капитала, да столько-же капиталовъ общественнаго призрѣнія, отвѣчали въ названномъ засѣданіи по вопросу, гдѣ денегъ взять для банковъ; но всѣ эти капиталы или въ рукахъ правительства, или въ бумагахъ, которыя сильно упали уже, продолжаютъ падать, и трудно сказать, когда и на чемъ остановится это паденіе. Всѣ сознаютъ, что земству надо самому спѣшить устраивать банки, не ожидая, пока пустятъ козла въ огородъ, пока навяжутъ какаго нибудь благодѣтеля, въ родѣ банка Френкеля. Тверское земство уже выступило съ предложеніемъ проекта, на устройство банка въ скромной формѣ.

На томъ же, весьма дѣльномъ засѣданіи, гласный новгородскаго земства, князь А. П. Васильчиковъ говоритъ, что у нихъ считалось разныхъ земскихъ капиталовъ до 1,000,000 р. и, перечисляя эти капиталы съ подробностью, между прочимъ указываетъ, что изъ 200,000 руб. или около того, денегъ, значащихся въ приказѣ общест. призрѣнія, 171,000 заключается теперь въ билетахъ комисіи погашенія долговъ и акціяхъ главнаго общества російскихъ жел. дор. Жаль, что кв. Васильчиковъ, не поясняетъ при этомъ, кто напихалъ въ приказъ этихъ билетовъ и акцій въ замѣнъ внесенныхъ туда для обращенія изъ процентовъ земскихъ суммъ въ наличныхъ деньгахъ, по чьему распоряженію и настоянію и съ согласіемъ вкладчиковъ, въ лицѣ предводителей дворянства? и ктожь настаиваетъ теперь и вообще какія существуютъ основанія для новгородскаго земства, принимать отъ приказа вмѣсто денегъ —упавшіе въ цѣнѣ билеты и акцій?

Далѣе князь Васильчиковъ говоритъ, что изъ продовольственнаго капитала ихъ земства 191,000 руб. находится въ долгу за другими губерніями, но къ сожалѣнію опять не поясняетъ: кто распоряжался роздачею въ долги денегъ изъ чужаго кошелька, довѣреннаго на храненіе, а не для раздачь и благотворительностей, тогда какъ устройство всѣми созна-

ваемаго необходимымъ, не краткосрочнаго на 3 или 6 мѣсяцевъ, а болѣе продолжительнаго для землевладѣльцевъ дешеваго кредита, земство, имѣющее у себя по счетамъ такія суммы, не можетъ осуществить, и бьется какъ рыба объ ледъ, безъ этой мѣры, и конечно выбьется, наконецъ, скоро изъ силъ.

И такъ, изъ словъ князя Васильчикова видно, что новгородская губернія имѣетъ земскихъ капиталовъ до 1,000,000 р., а падо замѣтить, что она одна изъ болѣе неважныхъ, какъ болѣе обремененная войсками, подводами, лагерями, охотами и проч. Стало быть, во всѣхъ 52 губерніяхъ, можно предположить такихъ капиталовъ, хоть 50,000,000 руб., круглымъ счетомъ, не только лежащихъ *непроизводительно* въ нужнѣйшую для земства пору, но еще тающихъ со дня на день, въ видѣ падающаго курса.

Когда въ такое положеніе становятся дѣла частнаго человека, то они ликвидируются обыкновенно, а за растрату довѣренныхъ ему суммъ, законъ даетъ право обществу, ежели будутъ обнаружены злоупотребленія довѣремъ, лишать такого человека, честнаго имени и удалять совершенно справедливо, изъ общества, или снисходить, ежели упадокъ дѣлъ произошелъ отъ несчастій, неудачъ или неумѣнья даже, да прекращенія лишь кредита, съ отнятіемъ того что уцѣлѣло еще изъ довѣреннаго; за тѣмъ нерѣдко возникаетъ новый кредитъ, но уже какъ бы послѣ очищенія отъ всѣхъ старыхъ грѣховъ, обнаруженныхъ ликвидаціею, безъ которой фальшивое положеніе торговца можетъ тянуться безконечно долго, поражая одною фальшью-другую.

Въ нашемъ государственномъ хозяйствѣ, не говоря уже о злоупотребленіяхъ, доказательства неумѣнья вести его встрѣчаются и поражаютъ на каждомъ шагу. Не происходитъ ли это изъ того, что правительственные взгляды и интересы само по себѣ, а народныя сами по себѣ. Въ общемъ же итогъ выходитъ какъ то такъ, что мы ужъ очень строго держимся за свои христіанскіе принципы—работать болѣе усердно для ближнихъ, чѣмъ для себя.

Русскій.

(Продолженіе впереди).

С М Ъ С Ъ .

— *Фонтъ, Дарвинъ, Молишотъ, Бюкль* — соучастники Каракозовскаго дѣла. Ихъ сочиненія велѣно отобрать у книгопродавцевъ. Вотъ до какой тупости довели насъ духовные министры и бездушные крикуны казенныхъ журпаловъ!

— *Опасное положеніе американца Клея*. Генераль Клей публично въ Петербургѣ сказалъ пренеосторожную рѣчь и очень компрометировалъ своего друга Фокса. Вотъ его слова, такъ какъ онѣ напечатаны въ *Голосъ*: “Я республиканецъ, и большаго республиканца, какъ я, трудно найти и по ту и по эту сторону океана; а другъ мой Фоксъ... это истинный демократъ”. Что было съ Муравьевымъ, когда онъ узналъ? не вошелъ-ли онъ съ отношеніемъ къ президенту Джонсону, (портной, портретъ котораго висѣлъ рядомъ съ портретомъ Александра II въ залѣ, гдѣ были произнесены дерзновенныя слова)—о заарестованіи посла и капитана, какъ сопркосновенныхъ къ Каракозовскому дѣлу.

Знакомства съ Япки имѣютъ свои неудобства!

— *Ссора между врагами, сепаратизм Моск. Вѣдомостей.* Внутри темнаго правительства, въ самомъ средоточіи полицейскаго рѣка, раздѣляющаго Россію, обнаруживается замѣчательное раздвоеніе. *Моск. Вѣдомости* дѣлаются органомъ сепаратизма, органомъ старой вражды Москвы къ Петербургу. Издатель *Моск. Вѣд.*, прощенный государемъ, не простилъ Валуеву и статьи, напечатанной въ официальномъ журналѣ М. В. Д., по поводу Каракозовскаго дѣла, которую, вѣроятно, Валуевъ прочелъ десять, двадцать разъ, досталось, какъ будто ее писалъ полякъ, Константинъ Николаевичъ или Головинъ.

Дѣло все въ томъ, что *Моск. Вѣдомости* не понравилось — что тайныя общества социалистовъ, о которыхъ говорить статья, организовались въ Москвѣ. Имъ, во чтобы то ни стало, хочется приписать вѣхъ зачумленному Петербургу. Онѣ забываютъ, что, по ихъ-же ученію, въ Петербургѣ альфа и омега всей Россіи, святыня ея — императоръ, имъ же право — право и судъ — судъ, источникъ разума, истины, теплоты и свѣта. Какое право имѣетъ Москва противопоставить себя городу императоровъ, мы не знаемъ. Почему Москва выдѣляется изъ однообразія православнаго и безличнаго стада, за которое думаетъ и знаетъ, забѣгать и потѣять петербургскій царь — мы не понимаемъ. Независимое положеніе Москвы разрушаетъ безличное единство государева табуна. Можетъ-ли идти государство однимъ путемъ, когда городъ Зимпяго дворца будетъ тянуть въ одну сторону, а городъ Грановитой палаты — въ другую, когда Петропавловская крѣпость — туда, а Кремль — сюда, и не треснетъ-ли въ серединѣ чудовищная имперія, у которой края будутъ снапы въ такія-то арестантскія роты свинцомъ и кровью, въ то время, какъ въ ея сердцѣ будетъ гнѣздиться ненависть, зависть, ревность одной половины ея къ другой?

Чтобы выгородить Москву, Катковъ жертвуетъ частью своихъ ложныхъ доводовъ и частью вдеветъ, которые онъ положилъ въ основу *дыбъ*, на которой издается его журналъ. Чтобы доказать, что Каракозовъ имѣетъ началомъ петербургскія замыслы и всемирную революцію, онъ смѣется надъ важностью, которую придають гимназистамъ и студентамъ въ Москвѣ и надъ приписываемыми имъ видами.

Слушайте :

“Авторъ статьи “Сѣверной Почты” говоритъ о московскихъ кружкахъ, состоявшихъ изъ нѣсколькихъ студентовъ и гимназистовъ, какъ о вѣкомъ серіозномъ, тайномъ обществѣ, издавна существовавшемъ, какъ о революціонной организаціи, простиравшейся почти на всю Россію. Но слѣдственная комисія, которая конечно изучила до мельчайшихъ подробностей все, что до этихъ людей касается не нашла слѣдовъ участія этихъ революціонныхъ дѣятелей въ поджогахъ 1864 и 1865 годовъ. Еслибы эти кружки имѣли хоть сотую долю того значенія, которое имъ приписываетъ авторъ статьи, то могло-ли бы случиться, что они оставались бездѣйствующими во время поджоговъ, истребившихъ столько городовъ и селъ? Очевидно, что тогда дѣйствовали другаго рода революціонные элементы, не похожіе на московскихъ социалистовъ, которые сами суть не что иное, какъ жертва этихъ болѣе тайныхъ и болѣе серіозныхъ враждебныхъ силъ.”

“Намъ пензѣбно, въ какихъ соображеніяхъ пришла слѣдственная комисія относительно этихъ болѣе серіозныхъ источниковъ зла въ Каракозовскомъ дѣлѣ. Но надобно думать, что въ дальнѣйшихъ своихъ розыскахъ слѣдственная комисія не ограничилась изслѣдованіемъ ученій, составляющихъ философію нигилизма, а воспользовалась или воспользуется всѣми слѣдами, которые могутъ вывести ее въ нныя сферы. Очевидно, что не по слѣдамъ Каракозова и его ближайшихъ товарищей можно добираться до первоначальнаго источника, откуда произошелъ замыселъ, осуществившійся въ покушеніи 4-го Апрѣля”.

Катковъ-ли это? Его самъ Леонтьевъ не узнаетъ въ новомъ нарядѣ. Не онъ-ли съ 1862 г. только и толковалъ, что вся молодежь — всѣ социалисты, зажигатели, и не *Колоколь*-ли постоянно говорилъ : “По слѣдствію ничего не видно”.

... Молодецъ, онъ отъ пожаровъ отдѣлался, какъ отъ англійскихъ теорій по Гвейсту; вотъ и надѣйтесь на нихъ — Муравьевы и цари.

А какова пронія на счетъ изслѣдованія философіи нигилизма? Ну кто-же не видитъ, какъ мы были правы, указывая всю нецѣлѣность примѣшанія къ дѣлу Каракозова — сциализма, нигилизма, позитивизма, реализма, материализма, журнальныхъ статей, студентскихъ диссертаций и проч.

Истина пачинаетъ раскрываться прежде висѣлицы.

А проносъ къ висѣлицѣ, одного изъ обвиненныхъ Катковъ такъ и тащить на нее. Должно быть этотъ господинъ что нибудь писать противъ него, или проговорился о немъ?

Въ концѣ, какъ слѣдуетъ, *неуловимый* намекъ*. На кого, трудно сказать, въ этомъ то и секретъ, *pass*, какъ говорятъ иѣмцы. Можно думать, что подразумѣвается и Суворовъ, и великій князь, и *la bête noire* Головинъ.

— *Ess. Bouquet Mosk. Вѣд.* (№ 2) “Нельзя не сказать, что въ нашихъ судебныхъ уставахъ, относительно мировой юстиціи, есть нѣкоторое опущеніе. Между тѣмъ какъ всѣ другія судебныя установленія судятъ именемъ императорскаго величества, за мировымъ судомъ не выговорено это право. Не странно ли однако, что одно изъ самыхъ существенныхъ, самыхъ широкихъ судебныхъ отправленій должно совершаться не отъ имени того верховнаго начала, изъ котораго происходитъ всякая власть въ государствѣ? Отъ кого же должны производиться своя власть мировые судьи, если они должны чинить судъ свой не отъ имени его величества? Неужели отъ земскаго собранія, или отъ городской думы?” (“Москов. Вѣд.” 16 Юля).

— *Восточная Галиція.* Слухи о какихъ-то видахъ Россіи на Восточную Галицію повторяются въ послѣднее время разными журналами. Наши читатели можетъ вспомнить, что въ 224 л. *Колокола* мы говорили — о замышляемой интригѣ.

— *Фондъ для эмигрантовъ.* Мы получили на дняхъ *Сто двадцать* франковъ для нуждающихся эмигрантовъ. Деньги эти почти удивили насъ. Больше года какъ никто не посылать ни одной копѣйки, все полученное — давнымъ давно истрачено. А число нуждающихся растетъ. Мы благодаримъ приславшихъ, и обращаемъ на ихъ присылку вниманіе всѣхъ оставшихся вѣрными нашимъ убѣжденіямъ. Деньги будутъ исключительно употреблены на вспомошествованіе русскихъ, которые покинули свое отечество, удаляясь отъ политическихъ гоненій.

* “Были еще обстоятельства, о коихъ не упоминается въ статьѣ “Сѣверной Почты”, но на которыя нельзя не обратить вниманія, при изслѣдованіи политической стороны дѣла. Не замѣчательно-ли, что въ высшихъ петербургскихъ административныхъ сферахъ, въ началѣ нынѣшняго года, именно около той поры, когда московскіе нигилисты были возбуждаемы къ устройству революціонной организаціи и къ покушенію на царубійство, говорилось, какъ о фактѣ положительномъ, о существованіи какого-то тайнаго общества, составившагося съ цѣлю совершить какое-то политическое злодѣяніе?” (“Моск. Вѣд.” N. 168).

ПЕЧАТАЕТСЯ :

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

БЫЛОЕ И ДУМЫ

И С К А Н Д Е Р А

1848—1852

ЧАСТЬ V

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

ПАРИЖЪ — ИТАЛІЯ — ПАРИЖЪ

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ

РУССКІЯ ТѢВЫ

И. П. САЗОНОВЪ — ЭНГЕЛЬСОНЪ.

— *La feuille suivante paraîtra le 1 Octobre.*

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré-l'Éveque, Genève.

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 228.

1 Октября 1866.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré l'Evêque и въ главныхъ депо — у Г. Георга, 10, Corratierie, Genève; у П. Трюбнера и Ко., 60, Paternoster Row, Londres. Цѣна за листъ 50 сантимовъ безъ пересылки. Прилагаемъ почтовой тарифъ:

Въ Германію	15с.
— Австрію	15с.
— Англію	15с.
— Бельгію	5с.
— Францію	5с.
— Италію	3с.
— Неаполь и Сицилію	20с.
— Грецію (черезъ Марсель)	5с.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10с.
— Швецію	25с.
— Швейцарію	5с.

Parait à Genève tous les quinze jours. Le dépôt principal est chez H. GÉORG, à Genève, Corratierie, No. 10. A Londres, chez N. TRÜBNER et Co, 60, Paternoster Row. Le prix de chaque No. est de 50 centimes, le port de la poste non compris. Tarif postal:

Allemagne	15с.
L'Autriche	15с.
Angleterre	15с.
Belgique	5с.
France	5с.
Italie	3с.
Naples et Sicile (voie de Marseille)	20с.
Grèce (voie de Marseille)	5с.
Turquie et Princ. Danubiennes (voie de Marseille)	10с.
Suède	25с.
Suisse	5с.

ОГЛАВЛЕНІЕ: Висѣлица и Муравьевъ — Америка и Россія — Финансовое Положеніе (Окончаніе). Смѣсь: Письмо изъ Сибиря (изъ Czasa) — Дѣло грядоваго

Невѣдомскаго — Холоповъ въ душѣ врьдъ-и можно сдѣлать свободными людьми — Иновѣрство Безака въ Подольскомъ губер. — Петербургскіе, невѣжество и полицейское вѣдѣтельство православнаго духовенства — Николаевская желѣзная дорога — Биографія Муравьева-Вѣшателя — Общій фондъ.

Двухъ личностей, занимавшихъ Россію почти цѣлые полгода, *птъ больше*.

Трагическая и печальная личность фанатика-мстителя* в грубая фигура свирѣпаго старика-инвизитора исчезли почти вмѣстѣ.

Судьбы совершились прежде падѣ палачемъ, чѣмъ падѣ осужденнымъ.

Разлагающійся трупъ Муравьева, на дорогѣ къ висѣлицѣ Каракозова, такое страшное, громкое поученіе, такая грозная притча, что ихъ не обойдешь въ суетной разсѣянности, какъ бы она ни была велика.

За четыре дня до казни Каракозова, въ деревенской глуши, темной ночью, безъ свидѣтелей, безъ словъ раскаянія, безъ близкихъ и поповъ, безъ слезъ и помощи, задохнулся отвалившійся отъ груди Росси вампирь. — Какіе образы пугали его пѣмью агонію, отъ кого ринулся онъ, умирая безъ голоса, не приходила-ли “черная жепщина”, та, которая являлась князю Горчакову... не шель-ли рядъ молодыхъ героевъ съ веревкой на шеѣ? — За чѣмъ бѣжалъ задыхающійся старикъ отъ царскихъ имявнѣ, отъ какого барскаго слова?.. За чѣмъ Зимній дворецъ не остановилъ его, а бросилъ на окоченѣлый трупъ брилліантовые знаки Андрея?

Ни государь, ни общество не смюютъ пятна, которое имъ завѣщалъ умершій палачъ. Имя Муравьева останется выжженнымъ на царскомъ плечѣ, какъ имя Аракчеева на плечѣ Александра I. Разница въ томъ, что Аракчеева невидѣла тогдашняя Россія, а Муравьева носила на рукахъ современная. Разница въ томъ, что Александръ I любилъ Аракчеева и звалъ его честностью, а Александръ II терпѣть не могъ Муравьева и звалъ его корыстолюбіе. Разница въ томъ, что Александръ I вѣснилъ Аракчеева безгласной имперіи, а Муравьева вѣснила реакция (какъ намъ лично хвастался одинъ изъ представителей ея) безгласному государю.

Висѣлица злобѣе проводила американцевъ, ее послѣднюю видѣли они, отплывая... Что за хаосъ! Смерть, казнь, самодержецъ, ничего самъ не держащій, огромная клевета заговора, лопнувшая какъ мыльный пузырь... и звуки “Янки дудель”.

* Одни глупцы могутъ заподозривать, что мы слову “фанатикъ” придаемъ смыслъ брашны.

перемѣшанные съ “комаринскимъ мужикомъ”... Какія-то дикія, мрачныя группы сорвавшіяся изъ Бонаротьевскаго Guidizio, выступающія изъ “небожеской комедіи”.

Гдѣ найти Тацита и Давта вмѣстѣ, чтобы уловить, остановить, заклеить эту исторію во всемъ безуміи, во всей гадости настоящаго, съ ея раболѣпьемъ, лавжествомъ, съ ея успѣхами крѣпостниковъ, дураковъ — *не утративъ пророческій смыслъ бѣснованья, не забывалъ, что этотъ тяжелый, кровавый, грязный періодъ — періодъ родовъ, а не предсмертнаго бреда и бѣшенства.*

... Будемъ съ пстерпѣпьемъ ждать продолженія *безгласнаго* процесса — теперь пойдетъ одна ложь, только ложь. Личность Каракозова стоитъ одинокая и разобиненная, никого возлѣ... Это ясно. Но безъ *огромнаго* заговора выпутаться пеловко. Лишь бы эти кровавые гаеры, играющіе въ потемкахъ, сократили число жертвъ и антракты.

Передъ казнью въ 1826 году было напечатано Блудовское донесеніе, съ полнымъ приговоромъ суда. Не правда-ли, какъ въ *сорокъ лѣтъ*, послѣ всѣхъ криковъ, хвастовства и шарлатанства, подвинулась у насъ гласность, заковцовость, понятие юридической защиты, права?

И—ръ.

АМЕРИКА И РОССІЯ

Тихій океанъ — Средиземное море будущаго.

Всѣ русскія и нерусскія газеты полны вѣстями о сближеніи Сѣверо-Американскаго союзничества съ Россіей. Западные публицисты сердятся, хмурятся (и есть отчего). Русскіе перепечатаваютъ на десять ладовъ, съ разными вариациями, то, что нами было сказано немного попрежде, а именно *восемь лѣтъ* тому назадъ. Вотъ что напечатано въ нашей передовой статьѣ, 1 Декабря 1858, въ *Колоколъ*:

“Мы не избалованы сочувствіемъ другихъ народовъ, не избалованы также и ихъ *покиманіемъ*. Причинъ на это было много, и на главномъ планѣ вся петербургская политика съ 1825 года. Но Россія изъ этого періода выходитъ, отчего же одна Америка догадывается объ этомъ, и первая привѣтствуетъ ее?”

“Оттого, что Россія съ Америкой встрѣчаются *по ту сторону*. Оттого, что между ними цѣлый океанъ соленой воды,

но иѣтъ цѣлаго міра застарѣлыхъ предразсудковъ, остановившихся понятій, завистливаго мѣстничества и остановившейся цивилизаціи.

“Скоро будетъ *десять* лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мы высказали нашу мысль о взаимномъ отношеніи этихъ *будущихъ* въ подорожной современной исторіи. Мы говорили, что у Россіи въ грядущемъ только и есть одинъ товарищъ, одинъ попутчикъ—Сѣверные Штаты; мы повторяли это много разъ, и еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ имѣли случаи сказать: “Одно пустое, раздражительное, дипломатическое самолюбіе, и притомъ нѣмецкое, заставляетъ Россію мѣшаться во всѣ западные дѣла. Въ предстоящей борьбѣ, къ которой невольно втянется Европа, Россіи вовсе не нужно принимать дѣятельнаго участія. Намъ тутъ нѣтъ наследства, и мы равно не связаны ни воспоминаніями, ни надеждами съ судьбами этого міра. Если Россія *освободится* отъ *петербургской* традиціи, у нея есть одинъ союзникъ — *Сѣверо-Американскіе Штаты*.”

“Все, о чемъ мы свидѣльствовали, поднимая рѣчь на свой страхъ въ непріятномъ Западѣ, все, что мы предсказывали — отъ тайно бродящихъ силъ, отъ неминуемаго освобожденія крестьянъ съ землею, до избирательнаго средства съ Сѣверо-Американскими Штатами — все совершается очью.

“Это хронологическое *право давности* намъ слишкомъ дорого, чтобъ мы его уступили, именно въ то время, какъ *листъ* исторіи перевертывается, и съ новой страницей забудутся работники, пришедшіе на трудъ, предваривши утро.

“Впрочемъ, особеннаго дара пророчества не надобно было имѣть, чтобъ говорить то, что говорили мы; надобно было для этого только освободиться отъ домашнихъ и отъ чужихъ предразсудковъ, отъ свинцовой петербургской атмосферы и отъ забитыхъ понятій старой цивилизаціи. Для этого достаточно было независимо взглянуть на міръ. *Чередъ* былъ явнымъ образомъ за Америкой и Россіей. Обѣ страны преизбытствуютъ силами, пластичностью, духомъ организаціи, постоянностью, незнающей препятствія; обѣ бѣдны прошедшимъ, обѣ начинаютъ вполнѣ разрывомъ съ традиціей, обѣ расплываются на безконечныхъ долинахъ, отыскивая свои границы, обѣ съ разныхъ сторонъ доходятъ черезъ страшныя пространства, помѣчая вездѣ свой путь городами, селами, колоніями, — до береговъ Тихаго Океана, этого “*Средиземнаго моря будущаго*” (какъ мы разъ называли его, и потомъ съ радостью видѣли, что американскіе журналы много разъ повторяли это).

“Противоположность петербургской военной диктатуры, уничтожающей всѣ лица въ лицѣ самодержца, съ американскимъ самодержавіемъ каждаго лица—огромна. И это не все, самая роковая антиномія, которой окапчивается исторія Запада, не является-ли снова какъ личная разсыпчатость Америки съ одной стороны и какъ русскій общипный сплавъ съ другой?”

ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНІЕ

1 января 1866.

(Окончаніе)

Въ 1848 г., напримѣръ, мы бросили кучу денегъ и людей на подавленіе попытки венгерцевъ освободиться отъ австрійскаго гнета, а въ Крымскую войну таже Австрія показала намъ, что она принимала наши услуги не какъ услуги ей, а общему дѣлу торжества монархическихъ принциповъ. Вслѣдъ

за тѣмъ, сознавая невыгодность слѣдовать теперь прежнимъ деспотическимъ монархическимъ началамъ, она сдѣлала нѣкоторыя уступки духу времени и осмѣиваетъ наши тогдашніе порывы.

Во время Крымской войны, уменьшеніемъ сухопутной пошлины противъ морской на иностранные товары, мы не мало послужили Пруссіи, черезъ которую весь товаръ получался тогда транзитомъ; послѣ войны Россія, безъ всякой нужды, оставила за нею эту привилегію.

Сверхъ того, отдавъ Пруссіи исключительное право на выписку чрезъ нее газетъ изъ Россіи, мы заперли выходъ своей литературы, стѣсняя русскихъ, живущихъ за границею. Теперь, въ знакъ признательности за нашу заботливость объ интересахъ ея, Пруссія хочетъ забрать въ свои руки ключъ отъ нашихъ выходныхъ воротъ на морѣ.

Польшу рѣшили теперь, *de facto*, уничтожить экспроприаціею; но, спрашивается, кому предоставляются выгоды отъ такого рѣшенія? Опять не забыты нѣмцы, опять умудрились дать имъ поживиться польскими бѣдствіями. Польша не имѣетъ права покупать имѣній въ Польшѣ, а сколько побудь компрометированные въ послѣднемъ возстаніи поляки, настоящіе владѣльцы польскихъ имѣній, — не говоря уже о конфискованныхъ и севестрованныхъ, — должны убраться и продавать свои имѣнія, или же промѣнивать ихъ на какуюнибудь собственность внутри Россіи. Срокъ на продажу назначенъ двухгодичный, въ течение его за что ни продай, да продай нѣмцу, потому что русскимъ уже не до покупокъ, а некомпрометированныхъ въ Польшѣ, говорятъ, нѣтъ; но хорошо еще, если такихъ дѣйствительно вѣтъ, ну а ежели они есть, то приходится натравливать обвиненія и придираться, чтобы вынудить всѣхъ поляковъ уступить за безцѣнокъ свои имѣнія нѣмцамъ.

Наша русская финансовая задача сводится теперь вотъ на что: для людей, неслишкомъ дальновидныхъ и требовательныхъ, весь вопросъ сводится на то, чтобы курсъ поднялся; они не углубляются въ изученіе причинъ его паденія и средствъ прочно поправить, имъ просто только вынь да положь—потѣшь публику. Такого рода людей большинство и удовлетворить ихъ не такъ трудно. Забѣните безпроцентныя бумаги — процентными, и курсъ поднимется, особенно если еще придержаться въ своей промышленности, осуждаемой современною наукою, протекціонной системы. При этомъ, если уже въ бюджетѣ и увеличится статья на уплату процентовъ, за то государство выиграетъ на курсѣ и, можетъ, съ избыткомъ, смотря по умѣнью вести дѣла.

Другими, болѣе требовательными и дальновидными, вопросъ ставится гораздо сложнѣе, и, будь такихъ не незначительное меньшинство, надеждъ на поправленіе дѣлъ было бы больше. Эти люди берутъ за исходную точку будущность и, требуя радикальныхъ измѣненій въ финансахъ, говорятъ такъ: модемъ-ли мы жить по прежнему, спустя рукава, испытавъ результатъ подобной жизни, т. е., возможно-ли, имѣя вѣрнаго дохода, положимъ 350 мил., издерживать 400 мил.? Заѣмъ этотъ важный, главный вопросъ развѣтвляется на множество второстепенныхъ, какъ-то: 1) Не тяжелъ-ли для народа этотъ сборъ 350 мил., въ настоящемъ его видѣ? 2) Изъ чего онъ составленъ, правильно-ли разложенъ, т. е. не слѣдуетъ-ли убавить сборъ съ однихъ предметовъ и набавить на другіе? 3) Слѣдуетъ-ли, и въ какой мѣрѣ,

терпѣть безправственный доходъ, доставляемый спиваніемъ народа, и считать ли водку предметомъ необходимости? слѣдовательно, должно-ли задумываться надъ тѣмъ, чтобы соль освободить совершенно отъ налога, а водку обложить большою пошлиною при внутреннемъ потребленіи, напр. отъ 8 до 10 р. съ ведра, какъ это дѣлается въ Англии, и совсѣмъ освободить отъ пошлины, при внешней торговлѣ, въ видахъ поощренія хлѣбной промышленности? 4) Не слѣдуетъ ли, и въ какой мѣрѣ, всѣ предметы роскоши, хоть только привозные, спьяно обложить, въ пользу освобождения предметовъ необходимости? 5) Не слѣдуетъ-ли уменьшить, по возможности, государственныя повинности, въ виду необходимости увеличить повинности земскія? 6) Не должно-ли обратить особенное вниманіе на положеніе промышленности и торговли и позаботиться о болѣе правильномъ ихъ развитіи уясненіемъ ихъ настоящихъ недостатковъ? 7) Слѣдуетъ-ли, и есть-ли необходимость въ томъ, чтобы сохранять постоянное равновѣсіе между вывозомъ своихъ произведеній и ввозомъ иностранныхъ? возможно-ли это какими способами, т. е. влѣчь-ли таможенъ, или, безъ всякихъ репрессивныхъ мѣръ, только поощреніемъ своей промышленности?

Въ Россіи всѣ, сколько нибудь толковые люди, согласны въ томъ, что необходимо уменьшить государственные расходы и ввести большую бережливость въ расходованіи государственныхъ суммъ. Не ведется-ли это къ необходимости пересмотрѣть особенно внимательно всѣ расходныя статьи? и не откроется-ли при этихъ пересмотрахъ возможности сократить многія статьи, послѣдовать примѣру американцевъ, считавшихъ въ 1866 году дефицита 112 мил., а въ 1867 г. остатка отъ расхода 111 мил. долларовъ. На такомъ крупномъ прыжкѣ мы, конечно, не способны; но примѣръ этотъ не мѣняетъ имѣть въ виду, тѣмъ болѣе, что долги наши и американскіе сходны между собою. Въ Америкѣ госуд. долгъ къ 1 Января 1866 года составлялъ тѣ же 2 миллиарда, но отъ громадной разницы въ населеніи громадная разница и въ результатахъ: мы, указомъ 10 Января 1855 года, обѣщали приступить къ извлеченію изъ обращенія излишнихъ выданныхъ кредитныхъ билетовъ (добродѣтельно составляясь въ нихъ вѣдливость) черезъ три года по заключеніи мира, тогда какъ Америка начинаетъ дѣлать это въ первый-же годъ, по окончаніи военныхъ дѣйствій. Положимъ, что намъ не удастся за Америкой; но зачѣмъ-же и черезъ три года не дѣлаемъ мы того, что обѣщано, забывая высочайшіе указы, зачѣмъ обѣщаемъ то, на исполненіе чего нѣтъ ни возможности, ни честности, ни твердости характера? Кто-же послѣ этого можетъ вѣрить въ наши обѣщанія?

Мы продолжаемъ свои гадательные вопросы: 8) Не окажется-ли возможнымъ прекратить различныя аренды и прекратить денежныя подарки, на томъ основаніи, что честно служить долженъ всякій? Раздавать въ аренды государственныя земли, по личному вкусу государя, подданымъ, служащимъ вмѣстѣ съ нимъ государству, а не ему лично, есть крайняя несправедливость, въ особенности при той разцѣлкѣ заслугъ, какая ведется изстари и до нашихъ временъ. 9) Такія траты, какъ жалованья по 15,000 руб. сер. въ годъ одновременно по 4мъ министрамъ народнаго просвѣщенія, изъ конуъ Путятинъ въ министерствѣ всего годъ и, кромѣ студентческой исторіи и пустоты вообще, никакой пользы не сдѣлалъ, не слѣдуетъ-ли прекратить и совершенно отмѣнить? Да и самыя пенсіи то,

въ ихъ допотопной формѣ, уже слишкомъ устарѣли для нашего времени. 10) Не слѣдуетъ-ли не размножать, а сокращать количество министровъ, замѣняя ихъ директорами - специалистами? 11) Въ виду страшнаго безденежья, нельзя-ли не платить субсидій и подкуповъ различнымъ газетамъ, русскимъ и иностраннымъ, и различнымъ сплетникамъ и фискаламъ, а дома печатать побольше правды. Вообще, нельзя-ли сократить цифру заграничныхъ чрезвычайныхъ расходовъ? 12) Должно совершенно уничтожить, говоримъ уже утвердительно, лишнія должности финансовыхъ агентовъ за границею, получающихъ по 10,000 франковъ жалованья въ годъ, кромѣ чиновъ, наградъ и даже пенсій, а минимыя обязанности этихъ агентовъ возложить на посольства, которыя, можетъ, израсходуютъ всѣ вмѣстѣ годовое жалованье одного только агента, а пользы принесутъ несравненно больше. Наконецъ, почему не недопустить состоять при посольствахъ безъ жалованья тѣмъ изъ русскихъ, живущимъ постоянно за границею, которые пзъ однихъ наградъ и чиновъ вызовутся исполнять обязанности финансовыхъ агентовъ и ихъ помощниковъ. Въдѣ дѣлаетъ же такъ конституціонная Бельгія, разсылая отъ себя по всѣмъ европейскимъ дворамъ извѣщенія о смерти стараго короля и вступленіи на престолъ новаго, не предоставляя рассылаемымъ лицамъ ничего, кромѣ возможности получить иностранные орденъ, по денегъ на проѣзды никому изъ нихъ не даетъ. Хотя мѣста финансовыхъ агентовъ, въ настоящемъ ихъ видѣ, никакой пользы государству и не приносятъ, но безъ жалованья они еще могутъ быть терпимы и даже полезны, особенно если измѣнить программу дѣятельности этихъ лицъ. При допущеніи на службу безъ жалованья, все таки слѣдуетъ сдѣлать обязательнымъ для лицъ, принимающихъ агентскія обязанности, чтобы они подаркомъ пользовались даровыми паспортами и выгодами званія, а доставляли точно и періодически свѣденія о торговлѣ и промышленности страны, гдѣ живутъ, и отыскивали бы въ ней сбытъ для русскихъ произведеній. Эти свѣденія, по мѣрѣ полученія ихъ, примѣрно не менѣе 4-хъ разъ въ годъ, должны печататься въ русскихъ газетахъ. 13) Балы, илюминаціи, пышные прѣмы и праздники нельзя ли отложить до лучшей поры? 14) Итальянскія оперы и другіе театры нельзя ли прекратить частной дѣятельности? Въ Англии, напримѣръ, государство не тратитъ на театры ни копѣйки, тѣмъ менѣе это позволительно намъ, при настоящихъ обстоятельствахъ. 15) Мы думаемъ также, что государь, — берущій *десять* миллионъ руб. сер. въ годъ лично для себя, да 8 мил. для своего семейства, двора и т. д., всего же другимъ счетомъ около 20 мил. руб. сер. въ годъ (80 мил. франковъ, по курсу блаженныхъ временъ) — сознаетъ, что, при настоящемъ положеніи, брать съ России столько денегъ на свои удовольствія, значитъ грабить народъ. Ни одинъ изъ правителей Европы не получаетъ больше половины того, что тратитъ у насъ царствующій домъ, а между тѣмъ благоденствуютъ же эти господа*. Въдѣ сдѣлала же вѣчто подобное испанская королева передъ возмущеніемъ Ирма. Перебрала

* Жалованія императоровъ и королей въ Франціи: 1) русский царь 42,582,225 фр., турецкій султанъ 33,347,670 фр., французскій императоръ 25,000,000 фр., австрийскій 16,019,675 фр., итальянскій 16,850,000 фр., английская королева 13,087,500 фр., испанская 11,750,000 фр., прусскій король 11,750,000 фр., баварскій 6,230,825 фр., бельгійскій 4,201,400 фр., португальскій 3,800,000 фр., греческій 1,391,500 фр. А всего Европа расходуетъ чуть не 200 мил. на жалованія королей, кромѣ ихъ семействъ и дворцовъ.

и пересмотрѣвъ такимъ порядкомъ все и по всѣмъ частямъ и вѣдомствамъ, не псключая и духовнаго съ его громадными капиталами, окажется, мы увѣрены, что повсюду, кромѣ народнаго здравія и образованія, возможны значительныя сокращения расходовъ. Вопросы о банкахъ, въ особеннсти земскихъ, слѣдуетъ не стѣснять, а предоставить обсужденію народа. Къ постройкѣ жел. дорогъ слѣдуетъ допустить иностранцевъ, ежели самимъ не подь силу строить, и ежели дома не найдется ни капиталовъ, ни предприимчивости. А какъ казаться бы не цаитись и тому и другому на домашнее и такое важное дѣло, еслибъ народъ понялъ его важность и еслибъ обсуждать все предоставилось земству. Въ дорогахъ наше великое благо: съ ними мы уменьшимъ расходы на войско, и еще важнѣе въ рабочихъ силахъ; съ ними мы движемъ нашу промышленность и торговлю, и выйдемъ изъ того баснословнаго положенія, что въ одной мѣстности люди мрутъ съ голода, тогда какъ въ другой, въ тоже время, плачутъ отъ безцѣнности хлѣба и не знаютъ куда дѣться съ его избытками. Для поднятія домашняго кредита, слѣдуетъ посильнѣе примѣненіемъ ипотечной системы.

Разбирая вопросъ настоящей безцѣнности денежныхъ бумагъ съ поднятіемъ курса, нужно взяться за разрѣшеніе его съ двухъ сторонъ: необходимы 1) согласіе и готовность народа взять на себя эту пелегкую заботу и 2) согласіе царя уступить ее народу. Безъ этихъ двухъ согласій насъ ждетъ печальная будущиость.

При готовности обѣихъ сторонъ идти дружно и настойчиво къ предполагаемой цѣли, не слѣдуетъ ли взяться за дѣло такимъ образомъ?

Прежде всего привести въ извѣстность, т. е. повѣрить соединенною комисіею отъ земскихъ управъ и правительственныхъ лицъ: а) сумму всѣхъ находящихся въ обращеніи кредитныхъ билетовъ и другихъ процентныхъ бумагъ; б) стоимость государственныхъ имуществъ (опредѣливъ ихъ дѣйствительную цѣнность и не принимая огульной цифры, 3,160,000,000, основанной на расчетѣ количества десятиныхъ земель удобныхъ и не удобныхъ, цѣпныхъ правительствомъ по 10 руб., а лѣсныхъ пространствъ по 25 руб.); в) сумму внѣшнихъ государственныхъ долговъ, какъ капитальную, такъ и съ расчетомъ ежегодныхъ процентовъ, и г) суммы долговъ государства земству и разнымъ вѣдомствамъ. Приведя въ извѣстность цифры всѣхъ означенныхъ суммъ, отдать всѣ государственныхъ имущества въ распоряженіе земства, которому предоставить право выпустить потребное количество земскихъ (процентныхъ) облигацій или другихъ денежныхъ знаковъ, уничтоживъ соотвѣтственное этому количество настоящихъ бумажныхъ денегъ. Земскія облигаціи выпускать за общимъ ручательствомъ земскихъ представителей, съ точнымъ обозначеніемъ предметовъ, обеспечивающихъ новые денежные знаки, примѣрно на 1 руб. знаковъ и 1 руб. 50 коп. обеспечения, и, по мѣрѣ извѣщенія изъ государственныхъ имуществъ доходовъ, погашать, по возможности, и часть новыхъ бумажныхъ выпусковъ, конечно изъ остатковъ по внѣшнимъ и внутреннимъ долгамъ, не касаясь во всемъ этомъ общихъ государственныхъ доходовъ, необходимыхъ на текущіе государственные расходы. При каждомъ выпускѣ монеты, правительство должно давать ее для оборотовъ земству въ опредѣленной пропорціи, получая въ замѣнъ новыя земскія облигаціи, тѣже облигаціи оно

должно брать и въ замѣнъ существующаго размѣннаго фонда. При этомъ, конечно, обративъ фондъ въ звонкую монету для передачи земству, правительство откажется отъ права выпускать новыя бумажныя деньги безъ согласія земскихъ представителей. При затруднительности произвести эту мѣру безъ согласеній всего земства, предложить земствамъ итербургскому, новгородскому, тверскому, московскому и псковскому припятъ часть государственныхъ имуществъ, напр., Николаевскую желѣзную дорогу, по цѣности настоящаго ея дохода, съ имѣющимся на ней долгомъ (120 мил.) и соотвѣтственными обязанностями въ отношеніи погашенія кредитныхъ билетовъ.

Припавъ въ свое распоряженіе Николаевскую жел. дорогу, земство названныхъ четырехъ губерній будетъ считать ее исключительною своею собственностію, а общею земскою, и слѣдуетъ смотрѣть на эту операцію, какъ на средство извлечь доходы и уплатить долги государства всему земству и поправить русскіе финансы. Затѣмъ, губернии Архангельская, Вологодская и Олонецкая возьмутъ въ свое управленіе лѣса, и въ такомъ порядкѣ рыбныя, соляныя и прочіе промысла, рудники и все остальное перейдетъ въ завѣдываніе другихъ земствъ, — тогда, наконецъ, управленіе государственнымъ добромъ сольется въ одномъ общемъ земскомъ управленіи и облигаціи мѣстныя замѣнятся облигаціями отъ всего русскаго земства.

Впослѣдствіи земство отъ себя, своими хозяйственными мѣрами, дополнитъ недостатокъ въ желѣзныхъ дорогахъ. Говоря за выпускъ облигацій отъ земства, мы имѣемъ въ виду все русское земство; четыремъ-же губерніямъ оставляется это право лишь какъ временная мѣра, пока все земство соберется на припятіе въ свое управленіе всѣхъ государственныхъ имуществъ, согласится между собою и устроитъ центральное управленіе.

Такимъ образомъ тягость правительственныхъ заботъ сократится до обязанности блюсти только государственный порядокъ, судъ, правду и защиту государства, отбросивъ управленіе еще и хозяйствомъ, сократятся и расходы на администрацію, и правительству, по части финансовъ, останется одна лишь, правда, главная забота, но зависящая по преимуществу отъ него самого — это возможное сокращеніе и сбереженіе государственныхъ расходовъ, сообразно съ доходами, точно опредѣленными на покрытие текущихъ нуждъ.

Возможность войны, какъ неизбежнаго народнаго бѣдствія, народъ долженъ постоянно имѣть въ виду и на такіе черныя дни заблаговременно откладывать деньги.

Но, намъ скажутъ, — все это мечты, одни только планы и предположенія, ихъ легко набросать и рисовать въ воображеніи, но легко-ли обработать каждый изъ вопросовъ; сколько времени и силъ понадобится на это? Оно такъ, но всякое дѣло грудно только въ пачатѣ, особенно если за него берутся не шути и не пехоти, а серьезно; къ тому-же положеніе вопросовъ, которыми мы задаемся, таково, что неизбежно необходимо припяться за нихъ рано или поздно: честно ли по этому сваливать ихъ на будущее поколѣніе, думая, что на насъ вѣкъ хватить, что мы то доживемъ какъ нибудь, а послѣ насъ, хоть трава не рости? Начинать кому нибудь пужно, и пусть берутся за обработку вопросовъ теперь-же тѣ, кто ближе стоитъ къ матеріаламъ, необходимымъ для этого. Мы дѣлаемъ и дѣлали что было по силамъ; пусть-же

всякій, кому дороги вопросы, отъ которыхъ зависитъ благо государства, трудится по мѣрѣ силъ и, главное, трудится, не отчаяваясь въ слабости своихъ силъ.

Мы не пишемъ сочиненіе о финансахъ, а собравъ то, что паходимъ въ русскихъ газетахъ, разсматриваемъ факты и высказываемъ свои заключенія и взгляды на прошлое, настоящее и на мѣры для будущаго, тая мѣры, которыя, по нашему мнѣнію, поправили бы наши финансы и уже навѣрно подняли бы мнѣніе о положеніи русскихъ финансовъ силъ, отдѣливъ дурной взглядъ на цѣлый народъ, его силы и средства отъ взгляда на неумѣнне правительства вести финансовыя дѣла. Мы увѣрены, что, разобравъ добросовѣстно всю настоящую финансовую путаницу, выяснивъ все ошибки и послѣдствія ихъ, съ передачею въ распоряженіе земства государственныхъ имуществъ, всякій новый заемъ, внѣшній или внутренній, — если земство пойдетъ только нужнымъ сдѣлать заемъ для различныхъ реформъ и предпріятій, не говоря уже о выпускѣ земскихъ облигацій, — не затруднитъ Россію ни процентами, ни прочими условіями займовъ и въ то же время быстро подниметъ цѣну русскихъ денегъ.

Но возьметъ-ли земство на себя такую обузу? Оно должно взять для пользы государства. Неужели въ немъ не найдется дѣльных и честныхъ людей, для исполненія дѣйствительно не легкаго дѣла: поправленія государственныхъ финансовъ и упроченія его положенія?

На зовъ земства для дѣйствительно полезнаго и честнаго дѣла, — отзовутся и явятся новые дѣятели.

Мы заключимъ свой обзоръ отвѣтомъ обоимъ мнѣніямъ, существующимъ въ Россіи и о Россіи по финансовому вопросу. Первымъ, говорящимъ, что у насъ слишкомъ много бумажныхъ денегъ и слишкомъ мало монетныхъ и что отъ того курсъ нашъ падаетъ, мы поставимъ на видъ цифры 650 мил. руб. кредитными билетами, т. е. только по 10 руб. на душу семидесяти миллионнаго народонаселенія, и 350 мил. разными процентными бумагами, слѣдовательно еще по 5 руб. Такимъ образомъ оказывается, что бумажныхъ денегъ приходится по 15 руб. на душу, что не слишкомъ много, когда и въ другихъ странахъ, кромѣ бумажныхъ. Остается, слѣдовательно, жалѣть, что эти рубли не монетные, а бумажные; но не все ли намъ равно, какіе они, и даже неудобнѣе-ли бумажные, если только они крѣпки и не подвергаются колебаніямъ и сомнѣніямъ въ ихъ обеспеченіи; что же касается зрѣнок монеты, она уходитъ отъ насъ за границу вся, сколько бы ни трудилась ее добывать, вслѣдствіе неравннтя нашей промышленности и торговли и отъ совершенной безурядицы внутри государства, да и всегда будетъ уходить, пока будетъ продолжаться тотъ хаосъ, который дѣлаетъ невыносимымъ жизнь въ Россіи.

До Крымской войны, у насъ было кредитныхъ билетовъ на 300 мил. и сверхъ того еще серіи и 6 внутреннихъ займовъ въ билетахъ комисіи погашенія долговъ, но за курсъ свой мы не дрожали. Стало быть, признавалъ, что миллиардъ бумажныхъ денегъ имѣть намъ много, а слѣдуетъ держаться только половины, мы закончимъ предложеніемъ уничтожить ихъ на половину, отдавъ на погашаемую сумму въ распоряженіе земства государственныхъ имуществъ. Тогда, конечно, окажется, что для внутренняго обращенія денежныхъ бумагъ мало. Недостатокъ этотъ легко будетъ пополнить выпускомъ земскихъ облигацій. Но что же стаетъ съ остальною половиною при коп-

купленіи ея съ земскими облигаціями? Слѣдовательно, не лучше ли все государственныя имущества и соотвѣтственную имъ сумму долговъ отдать въ распоряженіе земства, которое выпустило бы свои бумаги, вмѣсто настоящихъ кредитныхъ правительственныхъ. Новые земскія бумаги, а въ особенности процентныя, будутъ крѣпки, какъ бы малъ ни былъ ихъ процентъ. Они будутъ крѣпче потому, что будутъ осязательно, ясно обеспечены извѣстными предметами и не будутъ зависѣть отъ произвола личности ни въ уничтоженіи предметовъ обеспеченія, ни въ ослабленіи довѣрія къ нимъ наплывомъ новыхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, все подъ тѣми же обеспеченіями, подъ отутынымъ названіемъ государственнаго достоянія. Никто, конечно, не усомнится въ лучшемъ достоинствѣ росписи ясно и вѣрно обеспеченной, чѣмъ не ясно, и не боитѣ ли основанія предпочитать отвѣтственность или ручательство цѣлой страны безотвѣтственности одной личности, хотя и помазанной Богомъ.

Въ Америкѣ, напр., бумажныя деньги частныхъ банковъ ходятъ совершенно такъ же, какъ деньги правительственныхъ банковъ, слѣдовательно, успѣхъ банковъ для вообще пародныхъ денегъ возможенъ.

Остается, значить, рѣшить только одинъ вопросъ: способъ-ли народъ нашъ управиться съ этимъ дѣломъ?

Мы отвѣчаемъ на этотъ вопросъ совершенно утвердительно, и несколько не сомнѣваемся, что предполагаемая мѣра быстро подниметъ и поправитъ нашъ курсъ.

Другимъ, — оставляющимъ совершенно въ сторонѣ вопросъ о количествѣ бумажныхъ денегъ и вообще неходящимъ въ изслѣдованіе ни причинъ упадка курса, ни средствъ къ поправленію его, а требующимъ лишь, опираясь на предоставленныя теперь Финляндіи права устапавливать разницу въ курсѣ своихъ и нашихъ денегъ, признавая и внутри государства кредитнаго рубля въ 80 коп., — мы отвѣтимъ, что это крайность, вызывающая новую несправедливость. Если такія ихъ требованія основаны на сомнѣніи въ достаточномъ обеспеченіи русскаго кредитнаго рубля, то мы, указавъ на цифровыя силы въ русскихъ государственныхъ имуществѣхъ, скажемъ, что правительству пока еще нѣтъ ни основанія, ни права сознать себя банкротомъ, или все равно объявлять, что росписи свои оно не можетъ признавать, по положенію своихъ дѣлъ, иначе, какъ 100 за 80. Такое объявленіе о банкротствѣ было бы злостнымъ банкротствомъ. Повторяемъ, въ рукахъ правительства на 3 миллиарда государственныхъ имуществъ, какъ оно недавно заявило, слѣдовательно оно пока еще далеко не банкротъ, и долги его достаточно обеспечены. Такимъ образомъ не бояться или опасаться слѣдуетъ намъ преждевременно, а приступать къ ликвидаціи несправнаго и отказывающагося отъ своей состоятельности должника, не умѣющаго вести свои денежные дѣла. Ликвидацию ему и легко и не страшно сдѣлать, ежели правда, что у него есть такое состояніе, какъ 3 миллиарда, а долговъ едва половина этой суммы. Въ вѣрности обеспеченія (15 руб. на душу) денежныхъ бумагъ сомнѣваться пока еще нечего; добра еще много, говорятъ, есть, хватить чѣмъ разсчитаться. Да ежели бы и не хватало, то въ Россіи изъ 70 мил. или, не считая Польши и Финляндіи, изъ 60 мил. выго, вѣроятно, не откажется отвѣчать 15 рублями, если управленіе финансами перейдетъ къ земству и перестанетъ находиться въ безотвѣтственномъ распоряженіи власти.

Говоря, что нечего опасаться за настоящее до того, чтобы уже признавать государство банкротом, мы должны прибавить, что это не значит, что слѣдует оставаться беззаботнымъ въ настоящемъ финансовомъ положеніи Россіи; напротивъ, еще годъ, другой, и несостоятельность правительства неизбежна. Заявленіе правительственной газеты *Сверная Почта*, что цѣнность государственныхъ имуществъ простирается на 3,160,000,000, мы полагаемъ — невѣрно. Сомнительно, чтобы она простиралась болѣе какъ за два миллиарда, и это сомнѣніе наше основываю на практическихъ свѣдѣніяхъ и на томъ же разчетѣ правительства, но съ поправкою невѣрной оцѣнки. Напрямѣрь, 94 мил. десятинъ подъ лѣсомъ, оцѣненные по 25 руб. на сумму 2,350,000,000 существуютъ только на бумагѣ, по планамъ и актамъ, а въ дѣйствительности чуть ли не до половины болотъ, неудобныхъ мѣстъ и когда то существовавшихъ, но вырубленныхъ и раскраденныхъ лѣсовъ, оставившихъ по себѣ лишь никуда негодные пустыри.

Земля оцѣнена круглымъ числомъ по 10 руб. за десятину, но въ этомъ счетѣ много такихъ земель, что и одного рубля не стоятъ. Такимъ образомъ, откинувъ 1,160,000,000 на преувеличенную разцѣнку и признавъ цѣнность государственныхъ имуществъ въ 2 миллиарда руб., мы увидимъ, что и долговъ внѣшнихъ и внутреннихъ наберется чуть-ли не на близкую къ тому же сумму. По этому нечего медлить и откладывать намѣренія взяться за финансовый вопросъ — приходится только разрѣшить два вопроса: возьметъ-ли народъ на себя государственный имуществъ и уступитъ-ли ихъ царь народу?

Что же значитъ царю уступить въ распоряженіе земства народныя имуществъ, приносящая со 142 мил. десятинъ земли (изъ конхъ до 100 мил. десятинъ подъ лѣсомъ), только фиктивный доходъ, и не лучше-ли это отчужденія по клочкамъ въ частныя, а можетъ и иностранныя руки. Конечно, передавая народу госуд. имуществъ, нельзя ему запрещать и отчуждать, ежели онъ это признаетъ нужнымъ. Лѣса, напр. оцѣниваемые въ 25 руб. за десятину, даютъ правительству воловаго дохода всего 11½ коп. съ десятины. Но не безосновательно ли держать 25 руб. капиталъ изъ 11½ коп. дохода, въ то время какъ со всѣхъ сторонъ слышится нужда и нужда неотступная въ деньгахъ. Николаевская жел. дорога напр. служить въ рукахъ правительства только лакомымъ кускомъ для кормленія инженеровъ, а въ подобномъ положеніи находится большая часть государственныхъ доходныхъ статей. Стоитъ полюбоваться въ 277^{мъ} № *Биржевыхъ Вѣдомостей*, отъ 19 Декабря 1865 года, новымъ контрактомъ Николаевской жел. дор. съ Уайнансомъ и Ко. (*Колоколь* за 1 и 15 Апрѣля, 15 Мая и 15 Юня 1866 года).

Еще разъ спрашиваемъ: что теряетъ и что выигрываетъ правительство, передавая государственный имуществъ въ руки народа? Теряетъ — ничего, а выигрываетъ не только поправленіе настоящихъ финансовыхъ обстоятельствъ, но и сваливаетъ съ себя тяжкій трудъ и отвѣтственность, и помѣщаетъ уступаемое народу, его-же народное добро, въ лучшія руки и подъ лучшій надзоръ.

Мы не коронные финансисты, слѣдовательно точныхъ и необходимыхъ данныхъ къ разрѣшенію такого важнаго вопроса не имѣемъ, и потому повторяемъ, что обсужденіе взятыхъ нами вопросовъ въ деталяхъ предоставляемъ самому

земству. Мы просто только гогось изъ народа, гогось высказывающій свои взгляды съ своей точки зрѣнія, наглядной, практической, со стороны народныхъ интересовъ. Мы очень рады будемъ услышать возраженія, всегда уясняющія дѣло.

Мы охотно идемъ и на осужденія, лишь бы добиться ихъ и разъяснить тѣмъ положеніе запутаннаго и непонятнаго пароду финансового дѣла, крайне опаснаго въ своемъ настоящемъ состояніи и, наконецъ, должнаго обязательно быть извѣстнымъ всякому гражданину, а не составлять, какъ это было до сихъ поръ, правительственной тайны.

Русскій

СМѢСЬ.

ПИСЬМО ИЗЪ СИБИРИ

(изъ *Czasa*)

Съ прибытія въ Александровскъ, сижу я постоянно въ заключеніи; за нами надсматриваютъ чрезвычайно строго. не выпускаютъ ни на шагъ изъ острога и не дозволяютъ ни видѣться, ни сообщаться съ товарищами. Сосланный въ каторжную работу на четыре года, я долженъ былъ цѣлый годъ ходить въ кандалахъ; по, слава Богу, срокъ свой я кончилъ безъ большого поврежденія ногъ, хотя цѣпь на лѣвой ногѣ и лежала на самой рацѣ. Кормовыхъ денегъ намъ давали по 10 копѣекъ въ сутки; изъ нихъ нужно было удовлетворить всѣмъ нашимъ потребностямъ. На каждаго арестанта полагается въ годъ двѣ рубашки, двѣ пары кожаныхъ башмаковъ, штаны съ подкладкою, халатъ съ бубновымъ тузомъ на спинѣ и шапка съ ушами. Одежда эта сдѣлана не изъ овечьей, а изъ коровой шерсти, и потому ужасно скоро осыпается; въ ней мы представлялись на всѣ смотры и парады. Изъ стараго же нашего платья мы подѣлали подтевки. Въ Александровскѣ работа была не трудная, потому что правительство закрыло фабрику, а насъ было много: мы работали въ рудникѣ, рубили дрова, возили кирпичъ, песокъ, глину и уголь и приводили въ порядокъ казенные дома и фабрики. Но въ Александровскѣ оставили только сосланныхъ на всю жизнь и на очень продолжительный срокъ; насъ-же, четырехъ и шестилѣтнихъ, перевели въ Сѣваковую*. Мы попали изъ огня да въ полымя, потому что тутъ гораздо хуже, чѣмъ въ Перчинскихъ рудникахъ. Здѣшнія власти грубы и не признаютъ насъ за людей. Въ день прибытія въ Сѣваковую насъ было 74; голодомъ, холодомъ и грубымъ обращеніемъ они довели насъ до того, что мы были вынуждены поступить энергически, вытолкать офицеровъ за двери, а потомъ съ голыми руками отражать нападеніе вооруженныхъ казаковъ и солдатъ. Не знаю, чтобы они съ нами сдѣлали, если бы насъ не спасли другіе заключенные, выломавшие двери острога. Дѣло это теперь судится въ Читѣ и одинъ изъ нашей партіи, нашъ артельщикъ, Карлъ Лехтанскій, изъ Волыни, за то что сказалъ передъ судомъ всю правду, получилъ 80 плетей и осужденъ въ каторжную работу въ кандалахъ на всю жизнь, а Оссокъ и Шлезингеру прибавлено 12 лѣтъ; намъ-же придется провести еще по году въ кандалахъ. Теперь намъ не много по лучше, но мы всегда голодны, хотя работы и меньше. Зимой въ Сѣваковой было жить ужасно. Насъ держали на морозѣ цѣлый день и посылали за 35 верстъ въ лѣсъ, не обращая вниманія ни на недостаточность пищи, ни на морозы, истинно баснословные. Страшно вспомнить о зимнихъ работахъ въ Сѣваковой.

* Вѣроятно вслѣдствіе знаменитой амнистии, о которой такъ кричатъ "М. В."

Въ 35 верстахъ есть фабрика лодокъ и судовъ на Ингуся. Тѣспота базенныхъ помѣшеній принудила насъ строить земляки, покрытыя дерномъ; въ нихъ мы живемъ даже зимою. Землянки выстроены по плану Варшавы, сѣланскому инженеромъ Марчевскимъ, котораго не только мы почитаемъ какъ отца, но даже русскіе очень уважаютъ за его таланты и нравственное превосходство. Такимъ образомъ у насъ есть улицы: Маршалковская, Сенаторская и т. п., хотя городъ и имѣетъ видъ кочевья эскимосовъ. Мы приступили уже къ постройкѣ часовни и воскресной школы. Есть также театр и оркестръ; театральныя представленія бывають по воскресеньямъ, но всего чаще пьюты офицеръ съ солдатами невѣжливо владѣется въ театр и разгоняетъ и актеровъ и зрителей. Въ фабрикахъ и ремесленникахъ нѣтъ недостатка, и еслибы правительство русское поступало съ тактомъ, они могли бы принести краю большую пользу.

На недостатокъ общества жаловаться не можемъ, потому что есть очень много людей превосходно образованныхъ, есть также и охота къ умственному труду. Тѣ немоще, которые имѣютъ деньги, живутъ лучше; остальные — же совершенно голы и въ гораздо худшемъ состояніи, чѣмъ сосланные въ Черниговскъ, потому что харчевня тѣже самыя, а всѣ продукты върое дороже.

Со времени послѣдняго проществія въ Сѣваловой, пача иство наше совершенно потеряло голову и не знаетъ что дѣлать, его преслѣдуетъ какой-то призракъ: людей сортируютъ и перемѣщаютъ безъ всякой цѣли, стѣсняютъ и надобдають какъ и въ чемъ могутъ.

Около Иркутска пашихъ нѣсколько тысячъ. Они работаютъ въ шести мѣстахъ по устройству дороги. Вслѣдствіе тяжелаго труда и недостатка во всемъ открылся убійственный тифъ. Ежедневно умираетъ болѣе десяти человѣкъ. Всѣ паши священники собраны въ одно мѣсто, на Алатуевскомъ заводѣ, находящемся въ безлюдной степи. Илъ всею больше боятся, хотя имъ и цего бунтовать въ этой пустыни.

Если съ нами не стануть обращаться иначе и не прекратятъ этихъ мелкихъ преслѣдованій, я не знаю до чего мы дойдемъ съ отчаяніемъ.

ДВѢЮ РЯДОВАГО НЕВѢДОМСКАГО

“У насъ такъ же свободно говорить, какъ въ Нью-Йоркѣ”
М. Погодинъ въ рѣчи къ американскимъ посланцамъ.

Московскія Вѣдомости сообщаютъ о первомъ засѣданіи уголовнаго департамента палаты, но дѣю о рядовомъ *Невѣдомскомъ*, слднномъ за произнесение дерзкихъ, оскорбительныхъ словъ противъ императора. По оловчанчи допроса публичну выгнали и двери присутствія были затворены. Когда сдѣлано было все, что нужно для осужденія подсудимаго, публика была снова допущена и предсѣдатель прочиталъ приговоръ, которымъ Невѣдомскій признанъ виновнымъ въ произнесении дерзкихъ, оскорбительныхъ словъ противъ государя, выразившихъ сочувствіе покушенію 4го Апрѣля, и приговоренъ, на основаніи ст. 246 уложенія о наказаніяхъ (изд. 1866), къ шести съ половиною годамъ каторжной работы на заводахъ.

Въ Англии солдатъ грозить подъ пьяную руку выстрѣлить въ герцога Вельскаго, судъ его освобождаетъ отъ всякаго наказания. Въ Англии секретарь леди пишетъ нѣсколько оскорбительныхъ писемъ Викторіи, совѣтуя ей лучше заблаговременно отказаться отъ престола; мало этого — печатаетъ эти

письма въ журпалахъ, и его оставляютъ въ покоѣ. Въ Россіи за нѣсколько словъ, подслушанныхъ какимъ то шпіопапп, человека ссылаютъ на 6½ лѣтъ на каторгу.

— *Хотелось въ души, врядъ-ли можно сдѣлать свободными людьми.* Беремъ изъ фельетона *Голоса* отъ 2/14 Сент. слѣдующій отрывокъ. Дѣю идетъ о первыхъ засѣданіяхъ окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ.

“Присяжные засѣдатели огвѣчаютъ на призывъ суда, болѣе чѣмъ не охотно — подчасъ съ полнѣйшимъ пренебреженіемъ; они отговариваются легкимъ недоразумѣемъ, предстоящими дѣлами, обязанностями государственной службы (отъ которой, однако, на дин ихъ судебныхъ засѣданій законъ вполне освобождаетъ ихъ), и т. п. И въ Петербургѣ, и въ Москвѣ штрафуется нѣсколько присяжныхъ за неявку безъ объясненія причинъ или по причинамъ не уважительнымъ, а въ минувшую субботу, 57-го Августа, у насъ не могло даже и состояться засѣданіе окружнаго суда, такъ какъ, за неявкою многихъ присяжныхъ, не могъ составитья требуемый комплектъ тридцати.

“Это же засѣданіе подало поводъ къ ряду выводовъ еще болѣе серьезнаго свойства. Когда до насъ дошла вѣсть, что у васъ въ Петербургѣ князь Саитыковъ, не взирая на послѣдовательно возрастающіе штрафы, не явился на засѣданіе окружнаго суда ни разу, не объясняя причинъ своей неявки, за что и преданъ былъ, наконецъ, суду, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, ю насъ дошли и очень странныя слухи о томъ, что въ средѣ русскаго дворянства образовалась партія, сочувственная направленію смѣхотворной газеты “Вѣсть”, партія, которая, давно уже, съ самой эманципаціи, питая безсильный протестъ противъ преобразованій послѣдняго времени, задумала нынѣ проявить его хотя бы этою абстиненціею отъ участія, въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей, въ засѣданіяхъ уголовнаго суда. Намъ рассказывали, что партія эта имѣетъ своихъ агентовъ и въ Москвѣ, и что дѣйствуетъ она въ силу своихъ сословныхъ привилегій, думая отстоять свое право служить или не служить, кромѣ случаевъ призыва со стороны высочайшей власти. Мы отказывались вѣрить, чтобы сословіе, считающее себя образованнѣйшимъ, могло такъ слабо, такъ плохо понимать свои права и привилегіи, чтобы оно могло такъ легкомысленно отвернуться отъ одной изъ лучшихъ, изъ драгоценнѣйшихъ своихъ привилегій. Мы отказывались вѣрить, чтобы дворянство, вмѣсто того, чтобы, благодаря самоуправленію, паладумомъ котораго служить независимая судебная власть, стать, въ силу своего положенія и своего образованія, во главѣ прочихъ классовъ общества на пути развитія внутренней политической жизни и тѣмъ снова завосвать себѣ передовое значеніе въ государствѣ, несравненно почетнѣйшее, чѣмъ прежнее матеріальное преобладаніе, добровольно отрелось отъ этого значенія и уступило его другимъ”.

Какъ это напоминаетъ аристократическія переругиванія прежнихъ лакеевъ въ передней: “Что ты меня облаялъ, такой, сякой — мужикомъ, я не мужикъ, а такой же дворовой, да еще почище.

— *Неизвѣстнаго происшествія*, генераль-адъютантъ Безакъ слѣдующимъ варварскимъ и глупымъ образомъ икопоборствуетъ въ Подольской губ; пусть наши ханжи, одержимые бѣсомъ православія и дьяволомъ полиціи, порадуются:

“Генераль-адъютантъ Безакъ, имѣя въ виду, что кресты, поставляемые на поляхъ или на дорогахъ, въ странѣ исконно православной, не должны имѣть (другаго вида, какъ тотъ, который хвоемъ церковью господствующей въ ны, по соображенію съ заключеніями православныхъ архимандрій въренныхъ его высокопревосходительству губернціи, предложилъ мнѣ приказать полиціямъ имѣть и соблюденіе, дабы при постановкѣ крестовъ, если на это будетъ кому-либо дано разрѣшеніе, соблюдали слѣдующія правила: 1) изображеніе распятаго Спасителя должно быть ипсанное, отнюдь не рельефное; 2) стоны Спасителя должны быть изображены пригвожденными, каждая отдѣльнымъ гвоздемъ, а не стоявшими одна на другую и пригвожденными однимъ гвоздемъ, какъ это изображается на католическихъ распятіяхъ; 3) глаза у Спасителя должны быть изображены закрытыми; 4) на крестахъ не должно быть изображеній пѣтуховъ, привадеиностей и орудій смертной казни Спасителя и сребренниковъ, а также ангеловъ и другихъ фигуръ; 5) равнымъ образомъ не должно быть дѣлаемо на крестахъ никакихъ надписей, безъ особаго, каждый разъ, разрѣшенія его высокопревосходительства. Настоящая ирашля должна быть соблюдаема при постановкѣ крестовъ всѣми лицами, въ какому бы христіанскому вѣроисповѣданію они не принадлежали. Что же касается до статуи святыхъ, которыя здѣсь то же прежде ставились на поляхъ и на дорогахъ, то постановка таковыхъ, какъ неупотребляемыхъ православною церковью, ни въ какому случаѣ не должна быть допускаема.”

— *Нетерпимость, невежество и полицейское вмешательство православнаго духовенства* — Помѣщаемъ цѣликомъ отвратительный доносъ Филарета архіепископа черниговскаго, — какъ новое и пагубное доказательство того, что дѣлаетъ съ просвѣщеніемъ лицемѣрное направленіе министровъ-богослововъ и ословъ въ ялобукахъ :

“Услышавъ не только отъ духовныхъ, но и отъ мірскихъ людей своей епархіи жалобу на то, что въ члестѣ книжекъ, присланныхъ изъ министерства народнаго просвѣщенія при прежнемъ министрѣ, для разсылки по сельскимъ училищамъ, книжка “Бояринъ Матвѣевъ, А Суворина” весьма вредна для народа, — я, по долгу пастырскому, вынужденъ былъ обратиться къ директору черниговской гимназии, дабы доставлены были мнѣ по одному экземпляру книжки, присланной для сельскихъ училищъ. По разсмотрѣніи книжки Суворина, оказалось, что жалобы на нее справедливы, и по моему убѣжденію она должна быть исключена изъ народнаго употребленія.

“Книжка “Бояринъ Матвѣевъ, А Суворина. М 18 '4 г”, присланная для раздачи по сельскимъ училищамъ — книжка вредная для народа.

“1) Она домогается погасить въ народѣ любовь и приверженность къ православію и породить въ немъ печальный видъ герентизма — по суду Суворина, на стр. 10-й и 11-й, благочестивые предки дурно дѣлали, когда “вселили въ него (въ ребенка) убѣжденіе, что только она православная вѣра греческаго исповѣданія истинная и вѣрная вѣра, а все другія христіанскія исповѣданія, вапримѣръ, католическое, лютеранское — богопротивныя ереси”.

“2) Она аподиктически осуждаетъ предковъ нашихъ за то, что въ букварахъ ихъ “помѣщались разные наставленія дѣтямъ о благочестіи, кротости и повиновеніи”, и что они заставляли “учить часословъ, псалтирь, апостольскія дѣянія”, стр. 11-я. По ея суду “болѣе полезно знаніе арифметики, гѣометрики и космографии”. стр. 13-я. Это значитъ, что для сочинителя все святое — пустота, а важное дѣло — матеріальная польза. И тоже желаетъ онъ посѣять въ народѣ

“3) Черныя краски, какими изобразилъ Суворинъ отношеніе мужа къ женѣ стараго времени (стр. 5, 6), возбуждаютъ мысль, что онъ желаетъ видѣть въ народѣ милую эманципацию; для него покорность жены мужу — великое петербургское.

“4) Книжка домогается ослабить въ народѣ даже вѣрность подданнаго Государю своему. Доселѣ народъ твердо знаетъ, что каждый по присягѣ обязанъ доносить начальству о заговорѣ противъ Государя и государства, о шашняхъ и глуностяхъ какого нибудь ведоучившагося демократа, въ родѣ Суворина, а Суворинъ пишетъ “теперь всякій порядочный человекъ считаетъ за ужасъ и крайнее безчестіе не только быть доносчикомъ, но и быть только подозрѣваемымъ въ доносѣ на кого нибудь” (стр. 25).

“5) Вотъ, какъ рисуетъ Суворинъ правительство времени царя Алексѣя Михайловича: “тогда правительство не обращало никакого почти вниманія на народъ. Его грабили воеводы, притѣсняли владычцы, не жалѣя правительства” (стр. 24). Еслибы возможно было, чтобы таковы были отношенія правительства къ народу при царѣ Алексѣѣ — царь лучшемъ, добрымъ, то каждый разсуждающій сельанинъ дойдетъ до убѣжденія, что вынѣ народъ для правительства — рабочий волъ, что бы ни говорили нынѣшніе правители. Какое же послѣдствіе изъ того? Бунты и неповиновеніе народа правительству. Поучительная же книжка Суворина для народа!

“Доволя о семъ до свѣденія вашего сіятельства, имѣю честь доложить, не благоудно ли будетъ учинить распоряженіе и о томъ, дабы книжки, присылаемыя изъ министерства народнаго просвѣщенія для епархіальныхъ сельскихъ училищъ, въ предудрежденіе ошибокъ, вредныхъ для церкви и государства, какова ошибка о книжкѣ Суворина, присылались не къ директору гимназіи, какъ сдѣлано при бывшемъ министрѣ просвѣщенія, а къ предсѣдателю губернскаго училищнаго комитета на его распоряженіе

“Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію и проч

Филаретъ архіепископъ черниговскій.

Армянинъ просвѣщенія, Деяновъ, поспѣшилъ извѣстить доносчика (кажется умершаго отъ холеры), что “разсказы изъ русской исторіи” отобранны, и впредь министерство будетъ предварительно книги высылать на духовную бойню черниговскаго владыки.

— *Николаевская желѣзная дорога.* (Изъ частнаго письма къ издателямъ) “Прочитавъ когда-то въ *Колоколъ* статью о Николаевской жел. дорогѣ, я былъ пораженъ па дняхъ ея влияніемъ: Въ 171 или 161 Но. *Московскихъ Вѣдомостей*, на послѣдней страницѣ (14 Августа), между объявленіями, напечатанъ вызовъ къ торгамъ на поставку дровъ для Николаевской жел. дороги. Въ статьѣ *Колокола* было сказано, что до 1860 года сжигалось или требовалось дровъ 70,000 сажъ въ годъ, 2^{хъ} вершковой толщины, съ 1860 года по 1867 требовали 50,000 саж. 3^{хъ} вершковой толщины, а на 1867

и 1868 годы требуютъ теперь только по 30,000 саж. и уже отъ 2^{хъ} до 2½ вершковъ.

Честь и слава *Колоколу*, ежели ему мы обязапы сбереженіемъ въ годъ 200,000 руб., а съ прежнею цифрою требоваши (до 1860 года), стало быть, расходилось по инженерному начальству чуть не до полмилліона руб. Движеніе-же, а слѣдовательно расходъ топлива все увеличивается?

Условія новаго требованія и цифры въ особенности какъ-то такъ хитро придуманы, что вызываютъ догадки въ читателѣ, что дескать *Колоколъ* злословилъ, говоря, что крадутъ. Что хоть и требованіе 50,000 сажъ съ 1848 года, по остатку ихъ отъ года до года копилась (6 лѣтъ молчали объ остаткахъ и два раза въ это время дѣлали торги, ни слова не говоря о нихъ), и потому де на 1867 и 1868 годы потребовали только 30,000 сажъ и уже 2^{хъ} вершковыхъ, что считалось 6 лѣтъ невозможнымъ, какъ объяснено въ *Колоколѣ*.

— У ГЕОРГА (Corraterie) продается М. П. МУРАВЬЕВЪ, соч. кн. П. В. Дюроукова (Biographie de M. Mouraview). Londres 1864.

Мы очень рекомендуемъ нашимъ читателямъ эту брошюру, она теперь во времени. Личность Муравьева должна въ послѣдній разъ пройти передъ нашими глазами во всей преступной гнусности своей. Она должна пройти, не столько для своей казни, сколько для казни современнаго русскаго общества.

Читай брошюру князя Долгорукова о Муравьевѣ, изданную имъ въ Лондонѣ въ 1864 г., нельзя не подивиться этому чисто петербургскому продукту. Заговорщикъ, выходящій изъ тюрьмы съ повышеніемъ чина, генералъ, никогда не бывавшій въ сраженіи, работный началъ, обихованный казноградъ — искоренитель злоупотребленій, палачъ, инквизиторъ, оманчивающій жизнь за смертными приговорами...

И этотъ человекъ былъ три года идоломъ полъ-Россіи, она удивилась ему, молилась ему... вѣроливо - ли это? А, впрочемъ, развѣ наши сосѣди башкиры и калмыки не дѣлаютъ — уродовъ, гадко безобразныхъ уродовъ своими идолами, смѣшивая идею божественнаго съ идеей насилія и зла... Варвары, все варвары по ту сторону Сырь-Дарьи и по эту.

— *Общій фондъ.*—Отъ г. Л. Мечникова получено 257 фр. деньгами и ему данное обязательство въ 212 фр. Деньги эти принадлежали упразднившейся кассѣ русскихъ эмигрантовъ въ Жевевѣ. Доволя объ этомъ до свѣденія нашихъ читателей, мы еще разъ просимъ ихъ вспомнить, что деньги Общаго Фонда исключительно назначаются для ссудъ и вспоможенія русскимъ политическимъ эмигрантамъ. Невозможность публичныхъ отчетовъ заставляетъ насъ принять эту сумму на личную нашу отвѣтственность.

— **GMINA**, nowe czasopismo polskie, wychodzące w Genewie, sprzedaje się w księgarni GEORGA, Corraterie, 10, i w Drukarni Pre-l'Évêque, 40. Cena numeru 30 centimow.

ПЕЧАТАЕТСЯ :

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

БЫЛОЕ И ДУМЫ

ИСКАНДЕРА

1848—1852

ЧАСТЬ V

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

ПАРИЖЪ — ИТАЛІЯ — ПАРИЖЪ

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ

РУССКІЯ ТѢНИ

Н. П. САЗОНОВЪ — ЭНГЕЛЬСОНЫ.

— Следующій 229 л. Колокола выйдеть 1 Ноября.

— *La feuille suivante paraîtra le 1 Novembre.*

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 229.

1 НОЯБРЯ 1866

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Получается въ Войной Русской Типографіи, 40, Pré l'Évêque и въ главныхъ депо — у Г. ГЕОРГА, 10, Corraterie, Genève, у Н. ТРЮБНЕРА и Ко., 60, Paternoster Row, Londres. Цѣна за листъ 50 сантимовъ безъ пересылки. Прилагаемъ почтовой тарифъ.

Въ Германію	15c.
— Австрію	15c.
— Англию	15c.
— Бельгію	5c.
— Францію	5c.
— Италію	3c.
— Неаполь и Сицилію	20c.
— Грецію (черезъ Марсель)	5c.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10c.
— Швецію	25c.
— Швейцарію	5c.

Paraît à Genève tous les quinze jours. Le dépôt principal est chez H. GEORG, à Genève, Corraterie, No. 10. A Londres, chez N. TRUBNER et Co., 60, Paternoster Row. Le prix de chaque No. est de 50 centimes, le port de la poste non compris. Tarif postal :

Allemagne	15c.
L'Autriche	15c.
Angleterre	15c.
Belgique	5c.
France	5c.
Italie	3c.
Naples et Sicile (voie de Marseille)	20c.
Grèce (voie de Marseille)	5c.
Turquie et Princ. Danubiennes (voie de Marseille)	10c.
Suède	25c.
Suisse	5c.

ОГЛАВЛЕНІЕ · ЗАГОВОРА НЕ БЫЛО — ПРИГОВОРЪ ВЕРХОВНАГО УГОЛОВНАГО СУДА — ГРЯЗЬ И БОИНИЦА — ПРОДАЖА ИМѢНІИ ВЪ ЗАПАДНОМЪ КРАѢ — “СНІЦА”

Смѣсь : Письмо князя П. В. Долгорукова — Революціонное воззваніе М. П. Погодина — По дѣлу заговора — Страсть къ розгамъ въ Подольскомъ Судѣ —

Копирмація — Чѣмъ люди гѣшатся — Объявленія.

ЗАГОВОРА НЕ БЫЛО!

Не было, такъ какъ не было *зажигателей* между ингилистами, такъ какъ не было ни одного доказаннаго преступленія со стороны Чернышевскаго и Серно-Соловьевича. Обманъ не удался. За то посмотрите, какъ бѣспуется Катковъ. Онъ не можетъ достаточно оплать, что Худякова не повѣсили, онъ дѣлается пелѣшь, глупъ, онъ дѣлается черсивъ въ своей статьѣ (202 №. *Моск. Вѣдомостей*), по страсть перевозогаеть..... Что это за чудовищное явленіе! Какова жизнь, каково прошедшее, въ которомъ могъ развиваться таюи гнилой чирій?.... Какова лужа-среда, которая его под держала! Передъ этимъ дѣйствительно останавливаешься съ холоднымъ потомъ на лбу, и спрашиваешь : какое очищеніе возможно этой среды? Чему-же дивиться, что *Марксъ* искалъ облегчительную причину въ томъ, что ядъ имъ былъ данъ противъ крысъ и лите, атора Каткова?..

Когда же Россія умоется Ты отъ этой грязи, отъ этой сукровицы, отъ этихъ гадовъ...

... Дай намъ, твоимъ дѣтямъ на чужбинѣ, страстно тебя любящимъ, дай намъ возможность жить съ поднятой головою, тебя защищать, тебя проповѣдывать, тебя открыто любить... обмоня отъ Катковыхъ, оботрись, на твоихъ губахъ оста іся скверный слѣдъ поцазуевъ Муравьева.

И—рѣ.

ПРИГОВОРЪ ВЕРХОВНАГО УГОЛОВНАГО СУДА

1) Признавая И н з т и л а зачинникомъ замысловъ о царевѣйствѣ, основателемъ общества, дѣйствія коего глонились къ эконоическому перевороту съ парашениемъ правъ собственности и испровераениемъ гос ударетвеннаго устройства, и въ беззавленіи правительству объ пзвѣстномъ ему преступномъ намѣреніи Каракозова — лишить, на основаніи 241, 242, 243 и 318 ст. улож. о пак., изд 1866 года, всѣхъ правъ состоянія, и казнить смертью черезъ повѣшеніе

2) Ермолова, Страдана и Юрасова, участвовавшихъ въ преступномъ выраженіи мыслей, относительно учрежденія общества для произведенія государственнаго переворота посредствомъ царевѣйства, и виновныхъ въ недонесеніи объ пзвѣстныхъ имъ преступныхъ замыслахъ, слѣдовало бы также подвергнуть

смертнои казни, но, принимая во вниманіе, что Ермоловъ и Страденъ оставили исполненіе намѣренія Каракозова совершить его преступное покушеніе въ первую его поѣзду въ Санктпетербургъ, а Юрасовъ не только не извѣвлялъ согласія на преступный умыселъ на царевѣйство, но и возражалъ противъ онаго, то вмѣсто смертной казни, лишить означенныхъ трехъ подсудимыхъ всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы въ рудникахъ — Страдана и Юрасова безъ срока, а Ермолова, какъ несовершеннолѣтняго, за силою 139 ст. улож. о пак., на 20 лѣтъ

3) Загнелова, Шаганова и Моткова, какъ членовъ общества организаци, имѣвшихъ полное свидѣніе о преступныхъ цѣляхъ онаго, а равно изобличившихъ въ знаніи и недонесеніи о преступномъ выраженіи мыслей, относительно учрежденія общества для произведенія государственнаго переворота посредствомъ царевѣйства, на основаніи 318 и 250 статей улож. о пак., лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы — Загнелова и Шаганова въ крѣпостяхъ на 12 лѣтъ, а Моткова, за силою 139 ст., на 8 лѣтъ

4) Николаева, какъ члена общества организаци, имѣвшего полное свидѣніе о преступной онаго цѣли и сознававшегося въ доставленіи Оеодосіеву средствъ къ совершенію отцубѣйства, имѣвшего цѣлью пробрѣтеніе значительной суммы денегъ для поддержанія означеннаго преступнаго общества, лишить, на основаніи 2-й части 318 ст. и 250 ст. улож. о пак., всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы на 12 лѣтъ.

5) Худякова, неизобличеннаго съ знаніи о намѣреніи Каракозова совершить покушеніе на жизнь священной особы Госдара Императора, въ способствованіи Каракозову въ этомъ преступленіи, но имѣннаго въ знаніи о существованіи и противозаконныхъ цѣляхъ тайнаго революціоннаго общества — лишить, на основаніи 3-й части, 318 ст. улож. о пак., всѣхъ правъ состоянія и сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири.

6) Малинина, Дмитрія Иванова, Линкина и Александра Иванова, какъ членовъ общества организаци, имѣвшихъ свидѣнія о противозаконныхъ цѣляхъ онаго, хотя и слѣдовало бы приговорить, по всей строгости 2-й части 318 ст. и 250 ст. улож. о пак., къ лишению всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ, но какъ они постоянно противо дѣйствовали тѣмъ противозаконнымъ цѣлямъ и предположеніямъ организаци, когда только они объявлялись на сходкахъ, которыя имѣли въ виду насильственный переворотъ и доставленіе обществу средствъ преступными мѣрами, и какъ они, для производѣйствія этому обществу, старались образовать особыя бужоки, испѣившія уже тѣхъ преступныхъ цѣлей, къ которымъ стремились главные члены организаци, а предназначенный для достиженія цѣлей, предусмотрѣнныхъ въ 319 ст. улож. о пак. и какъ, сверхъ того, они, а въ особенности Дмитрій и Александръ Ивановы, сдѣлали много чистосердечнаго признанія, и притомъ Линкинъ и Дмитрій Ивановъ не достигли еще и нынѣ совершеннолѣтія, имѣя только по 19-ти лѣтъ, то, признавъ ихъ подлежащими наказанію по 1-й части 319 ст. улож. о пак., лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать на поселеніе въ Сибирь.

7) Федосьева, избившаго въ принятіи мѣръ къ отравленію своего отца и неуспѣвшаго совершить это преступленіе вслѣдствіе его ареста, лишити, на основаніи 2 ч. 1,457 ст. улож., всѣхъ правъ состоянія и сослать въ Сибирь на поселеніе, съ преданіемъ на мѣстѣ ссылки церковному покаянію.

8) Маркса, какъ пособника, когото содѣйствіе было необходимо въ приготовленіи мѣръ для убійства частнаго лица, на основаніи 2 ч. 1,457 ст. улож. о пак., лишити всѣхъ правъ состоянія и сослать въ Сибирь на поселеніе.

9) Мавьскаго, какъ пособника въ укрывательствѣ государственныхъ преступниковъ, осужденныхъ въ каторжныя работы, лишити, на основаніи 2 части 316 ст. улож. о пак., всѣхъ правъ состоянія и сослать въ Сибирь на поселеніе.

10) Шестаковича, за укрывательство государственнаго преступника, осужденнаго къ каторжной работѣ, приговорити, въ уваженіе къ сдѣланному имъ исперичному сознанию, на основаніи 2 части 316 ст. улож. о пак., къ лишенью имъ означенныхъ въ сей части статьи наказаній, а именно къ лишенью всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житіе въ губерніи Томскую или Тобольскую.

11) Ланггауза, имѣвшаго свѣденія о существованіи тайнаго общества, но знавшаго въ точности всѣхъ членовъ оного и, сверхъ того, избившаго въ противозаконной передачѣ яда лицу, пенѣвшему права на полученіе оного, заключити въ крѣпости на восемь мѣсяцевъ, съ воспрещеніемъ ему, по указанію 867 ст. улож. о пак., навсегда продавать ядовитыя и сильподѣйствующія вещества.

12) Кичина, Соболева, Сергѣевскаго, Борисова, Воскресенскаго, Кутыева, Полумордвинова, Трусова и князя Черкезова, изъ коихъ никто не избившенъ въ имѣнн точныхъ свѣденій объ обществѣ, въ сходкахъ котораго они участвовали, или о существованіи котораго только знали, приговорити, на основаніи 3-й и 4-й статей 319 ст. улож. о наказ., къ заключенію въ крѣпости на 8 мѣсяцевъ, съ зачисленіемъ имъ времени, проведеннаго уже въ заключеніи.

13) Петерсона, недонесшаго объ укрывательствѣ Юрасовымъ государственнаго преступника Домбровскаго, признать, на основаніи 126-й ст. улож. о пак., подлежащимъ заключенію въ крѣпости на 6 мѣсяцевъ, съ зачисленіемъ ему времени, проведеннаго въ семь заключеніи.

14) Малыкова, Емелькова, Оволжнскаго и Никольскаго признать неподлежащими обвиненію въ принадлежности къ тайному обществу и по сему предмету отъ суда освободити, но какъ первые три избившены въ знаніи объ умыслѣ освободити государственнаго преступника Чернышевскаго, а четвертымъ въ умыслѣ освободити государственнаго преступника Серго-Соловьевича, то сдѣлавъ имъ внушеніе о томъ, чтобъ они впредь не входили въ сношеніе съ людьми, имѣющими такіе противозаконные замыслы, такъ какъ это противно и долгу любви и обязанностямъ каждаго вѣрноподданнаго, обязать ихъ подпискою, чтобъ они, не выѣзжая изъ Санктпетербурга, явились къ министру внутреннихъ дѣлъ, которому предоставити принять относительно всѣхъ этихъ лицъ тѣ мѣры, какія признаетъ необходимыми.

15) Никифорова, юридически неизбывшаго въ введенныхъ на него государственныхъ преступленіяхъ, отъ суда освободити, внушивъ ему отстраняться впредь отъ вредныхъ связей, такъ какъ онъ сими связями и неосмотрительнымъ своимъ поведеніемъ далъ поводъ къ столь важному обвиненію, и затѣмъ предоставити министру внутреннихъ дѣлъ, на основаніи 58 ст. улож. о пак., учредить надъ нимъ особый надзоръ полиціи.

16) Волженскому, какъ посѣщавшему общество взаимнаго вспоможенія, неразрѣшенное правительствомъ, вмѣнить въ наказаніе содержаніе въ крѣпости и затѣмъ признать его невиновнымъ въ государственномъ преступленіи.

Мѣра наказанія государемъ уменьшена. *Ишутинъ* — ссылается на вѣчно каторжную работу. Николаю Страндену, Петру Ермолову, Дмитрию Юрасову, Петру Николаеву, Максимилиану Загибалову, Вячеславу Шаганову, и Осипу Моткову сокращенъ срокъ каторжной работы: *Страндену* — на двадцать лѣтъ, *Ермолову* и *Юрасову* — на десять лѣтъ, *Николаеву* — на восемь лѣтъ, *Загибалову* и *Шаганову* — на шесть лѣтъ и *Моткову* — на четыре года.

Александра *Иванова* и Федора *Лалкина*, вмѣсто опредѣлен-

наго имъ наказанія, вѣдно лишити правъ и преимуществъ, и сослать на житіе въ Томскую губернію.

Дмитрія Иванова, чтобъ дать ему возможность ревностною службою престолу и отечеству доказать на дѣлѣ то раскаяніе, которое онъ выказалъ предъ верховнымъ уголовнымъ судомъ, вмѣсто опредѣленнаго ему наказанія, безъ лишенья его правъ и преимуществъ, *вѣдно отдать въ военную службу рядовымъ съ выслугою* *.

Болеслава Шестаковича, за силою 1-го п. 140 ст. улож. о наказ., освободити отъ лишенья особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ и затѣмъ, согласно съ постановленнымъ о немъ приговоромъ, сослать на житіе въ Томскую губернію.

За тѣмъ была напечатана голословная статья, въ которой тономъ развязнаго журналиста *кто то* рассказываетъ: что было въ верховномъ судѣ, кто въ чемъ признавался, кто кого вилъ и кто въ чемъ оправдывался. Ни малѣйшаго доказательства. Вотъ вамъ и гласный судъ и открытыя двери въ него.

Безцеремоннѣе поступать съ подсудимыми и съ публикой нельзя. Метода бездоказательныхъ обвиненій такъ-же приеллась прогрессивнымъ правительствомъ, какъ фальшивые документы (въ дѣлѣ Чернышевскаго).

ГУРТОВАЯ БОЙНЯ

Полдюжины обречено на растрѣяніе въ Владимірѣ на Клязьмѣ. Дѣло ужъ пошло охабками, par fourrées, какъ въ 1793 году... Въ скромномъ Владимірѣ на Клязьмѣ, въ *заль клуба*, гдѣ обыкновенно пьютъ, козыряютъ и пляшутъ..... какой-то полковникъ *Ольдерогъ* приговорилъ *шесть человекъ къ растрѣянію*. Въ томъ, что приговоръ утвердится, мы не имѣемъ права сомнѣваться, зная храбрость окружныхъ генераловъ—и русскіе поведутъ шесть русскихъ и ихъ всенародно подстрѣлять “христолюбивые” воины, изъ которыхъ благочестивѣйшее правительство дѣлаетъ палачей!

Сенать, совѣтъ, суподъ, все это набито стариками, стариками давно приговоренными не полковникомъ *Ольдерогомъ*, а самимъ генераломъ *отъ косы Сатурномъ* — къ лишенью живота. Какъ же въ нихъ не проснется, въ виду смерти, что нибудь человѣческое и они не рѣшатся протестовать противъ этого контрабанднаго, воровскаго ввода смертной казни, принимающей чудовищные размѣры? Хоть бы до неприличности догдо святительствующій *Филаретъ московскій* и *коломенскій*, защитникъ розогъ, хоть бы онъ возсталъ противъ пуль и объяснилъ царю-сагитарію, что царствовать не то же, что ходить на охоту, и что если очень забавно убивать медвѣдей, то очень скверно убивать людей.

Казнь смертная прогивна у насъ духу народному, противна нашему закоподательству, противна христіанству, которое теперь въ такой модѣ при дворѣ. Зачѣмъ-же ее вводить?

Развѣ до изобрѣтенія прогреса въ Зимнемъ дворцѣ и либерализма въ деспотизмѣ не было разбойниковъ въ Россіи? ...Отчего-же ихъ не казнили ни гуртомъ, ни по однопочкѣ?

Пошумѣлъ *Иванъ Ансаковъ*, пошумѣли другіе молодцы вмѣстѣ съ нимъ противъ смертной казни, да на полдорогѣ устали, отстали, прилегли отдохнуть.

* Войско снова дѣлается смпрительнымъ заведеніемъ!

Ну, храбрые люди, московские патриоты, такъ геройски собиравшіеся сходами и скопами, чтобъ *вотировать* неустрашимые адреса противъ поляковъ и телеграммы о вѣрноподавническихъ чувствахъ, такъ *свободно* и ничѣмъ не стѣснявшіеся въ дѣлѣ обругиванія Каракозова и въ бездѣльи заказыванія иконописныхъ образовъ св. Іосифа — покажите вашу прыть и любовь къ пароду русскому, подайте правительству прошение о томъ, чтобъ оно не убивало...

... Нѣтъ, у насъ ни въ чемъ ни выдержки, ни постоянности, ни настоящей страсти — неотступной, сосушей сердце (развѣ только къ карточной игрѣ). Какое кому дѣло до того, что во всей Россіи льется кровь казненныхъ, что вся имперія — одно лобное мѣсто, отдаиное всякой гарнизѣ для приученія ея къ крови.

И это въ то время, когда въ самой Европѣ, унаслѣдовавшей, съ прочимъ хламомъ прошедшихъ вѣковъ, смертную казнь, больше и больше говорятъ объ уничтоженіи ея!

Р. S. Только что мы дописали эти строки, какъ русскія газеты вновь привесли два смертныхъ приговора. Эти приговоры до того бездушно-гнусны, что мы ихъ перепечатываемъ :

“Въ Тагапрогской мѣстной газетѣ помѣщенъ приговоръ военнаго уголовного суда по дѣлу о разбоѣ, произведенномъ въ ночь съ 8 на 9-е Ноября, въ домѣ Андреева. По этому приговору, два главные злодѣя, а именно : ростовскіи мѣщанинъ Иванъ Грабенко, какъ признанный, во-первыхъ, зачинщикомъ разбоя, во-вторыхъ, непосредственнымъ его участникомъ и, въ-третьихъ, преступникомъ, нанесшимъ истязанія старнику Андрееву, и Петръ Власенко-Басенко, онъ-же Гаврило Аванасьевъ, во-первыхъ, за непосредственное участие въ преступленіи, во-вторыхъ, за побѣгъ изъ ростовскаго острога и, въ-третьихъ, за упорное отрицаніе своей личности — приговорены къ смертной казни разстрѣлявиемъ”.

Отвратительные душегубцы!

Второй Р. S. Конецъ нѣтъ. Это просто бѣшенство крови, еще казнь, 2 (14) Сентября разстрѣляли въ Астрахани преступника Рѣзцова... На что русскія газеты выносили, но и онѣ не вытерпѣли, и “Голосъ” добавилъ (№ 257) : “Астрахань въ первый разъ, кажется, со временъ Елисаветы Петровны, была свидѣтельницею смертной казни”.

Г Р Я З Ъ .

На насъ находить сомнѣніе, выписывать или нѣтъ изъ *русскихъ газетъ* мерзости и безобразія, дѣлающіяся у насъ ежеминутно, на каждомъ шагу. Нужно-ли всей этой массѣ гадостей еще разъ вынырнуть на нашихъ листахъ?

Все совершающееся грязно, гнусно, гадко, глупо, и все имѣетъ характеръ страшнаго однообразія : татарское раблѣнье, византійское хавжество, нѣмецкая наука рабства — въ обществѣ; татарское самовластье, византійское изувѣрство и нѣмецки-канцелярское капральство — въ правительствѣ. Между ними гады подкупной гласности — доносящіе, перевозносящіе, клеветующіе, лгушіе, ползущіе, сосущіе и портящіе государственное пищевареніе — глисты-риторы.

Мѣняться могутъ подробности, личности, умереть можетъ Гагаринъ — а не Муравьевъ; на мѣсто Берга — пошлютъ Барапова, на мѣсто Безака — Цезака, на мѣсто Магницкаго — Толстаго, на мѣсто Рунича — Каткова. Сущность остается таже, духъ тотъ-же, формы тѣ-же. Задремлетъ выпивши кучеръ, поослабитъ немножко возжи, проснется — хлеснетъ безъ вины... Вотъ и все.

Мѣняться къ лучшему, не то, что мѣняться къ худшему.

Возникли теперь изъ балійскихъ блать новый Апраксинъ дворъ, съ лавками, вопью, мышами, ворами, городовыми, съ гнилымъ товаромъ, съ недовѣсомъ, съ недомѣромъ и прочимъ добромъ... что-же вы думаете, на столько правительство станетъ человѣчественнѣе, на сколько оно пало отъ пожара? Совѣмъ нѣтъ, запишутъ купцовъ въ гильдію, на ихъ же счетъ поставятъ часовню, отслужатъ молебенъ и пошлютъ брать подати и заговорщицковъ. Развѣ Катковъ напишетъ въ *Московск. Вѣдомостяхъ*, что это молитвами въ благоуханіи почившаго Муравьева — богъ послалъ Россіи новый рынокъ изъ пучивъ морскихъ, и что между выплывшими купцами нѣтъ ни одного поляка.

Россія какое-то безконечное поле, кой-гдѣ засѣянное... и покрытое тукомъ. Нарождающагося, будущаго не видно... оно все въ землѣ, все въ зернѣ. Тукъ покрывающій состоитъ, какъ всегда, изъ догнивающего прошедшаго. Великіе агрономы, на нѣмецкій ладъ, навалили такой пластъ удобренія, что чуть зерно не задохло и теперь едва пробивается... Пока продолжалась зима все казалося бѣло и гладко, а какъ пришла оттепель, верхній-то слой и сказался. Надобно помочь натурѣ, надобно стараться, чтобъ онъ скорѣе сгнилъ и разложился, по копаться въ немъ руками и мѣсить ногами, таскать изъ него по соломенкѣ, и всякій разъ удивляться и плакаться, что она не пахнетъ розаномъ — это скучно и нечисто.

Судите сами. Разверните что хотите, что не запрещено, какъ *Современникъ* и *Слово*, не приостановлено, какъ *Спб. Вѣдомости*, и читайте гдѣ хотите — будетъ хорошо.

Въ Казанскомъ округѣ бродить гѣль Магницкаго и шипить слѣдующую іезуитскую рѣчь :

“По случаю холеры я не засталъ у васъ классовъ, и потому лишень возможности подѣть васъ въ дѣлѣ. Но положеніе гимназій мнѣ достаточно извѣстно, какъ по свидѣніямъ, которыя я имѣю изъ министерства народнаго просвѣщенія, такъ и по произведенной, по моему распоряженію, попутелемъ округа ревизіи гимназій. Должно сожалѣть, что въ прежнее время въ вашемъ составѣ находились такія личности, которыя не должны были бы вступать на учительское поприще : онѣ принимали на себя эту важную обязанность не для пользы юношества, а ко вреду для него, для распространенія разрушительныхъ идей, послѣдствіемъ которыхъ, какъ теперь оказывается на опытѣ, было умственное и нравственное развращеніе нѣкоторыхъ людей, сдѣлавшихся несчастною жертвою этой злой пропаганды. При мнѣ подобныя преподаватели невозможны; я обязанъ предъ священной особою государя императора и предъ моею собственною совѣстью не допускать, чтобъ училище, содержимое на счетъ правительства, обращалось въ притонъ противъобщественныхъ и противъгосударственныхъ теорій; я обязанъ предъ родителями сдать имъ юношей благовоспитанныхъ и истинно, а не ложно образованныхъ, наконецъ, я обязанъ предъ самими этими юношами способствовать тому, чтобъ изъ нихъ образовались люди дѣльные и основательные, которые со временемъ поблагодарили бы внутри сердца своего своихъ наставниковъ и руководителей, предостерегшихъ ихъ отъ ложныхъ путей. Я буду свято исполнять эту обязанность, пока буду вѣрять должностъ, возложенную на меня высокимъ монаршимъ довѣріемъ. Надѣюсь, и даже увѣревъ, что вы всѣ будете мнѣ въ томъ содѣйствовать; иначе и быть не можетъ”.

За оборотнемъ министромъ — на запяткахъ ливрейный холопъ реакціи — вторить барину :

“Теперь, слава Богу, основы нашей новой учебной системы не подлежатъ болѣе сомнѣнію, не подвергаются болѣе вопросу. Слова эти (воскресшаго Магницкаго) обнадеживаютъ, что министерство будетъ зорко смѣрять за тѣмъ, чтобъ въ нашихъ школахъ, подъ вѣдомъ педагоговъ, не было людей злопамѣренныхъ. Но и при самомъ бдительномъ надзорѣ въ этомъ отношеніи опасность для нашей молодежи не прекратится”.... (Моск. Вѣдом. No. 192).

Министръ внутреннихъ дѣлъ, чтобъ не отстать отъ не-Магницкаго, въ свою очередь грозить въ Сѣверной Почтѣ преслѣдованіями и наказаніями за перепечатываніе ученыхъ статей изъ периодическихъ изданій и книгъ специально-ученыхъ. Наука для касты, для мандариповъ, для доктринеровъ, для монаховъ и поповъ. Для публики довольно Поль де Кока и К.ни. Для народа и его пенужно, для него и грамота — роскошь, пародъ слишкомъ бѣдѣть, чтобъ имѣть право на мысль, мысль и наука, какъ судъ и расправа, должны принадлежать однимъ крупнымъ землевладѣльцамъ. Посмотрите, какую они кучу падумали и поняли съ уничтоженія Юрьева Дня.

Если популяризация науки отталкивается просвѣщеннымъ правительствомъ, за то, думаете вы, слово божіе и утѣшеніе религии оставлено пабожнымъ правительствомъ селянину и работнику. Совѣмъ нѣтъ.

Неизвѣстнаго вѣроисповѣданія Безакъ, икопоборець кіево-печерскій, нашель въ своемъ крестовомъ походѣ противъ *зablужденнiя креста*, яростнаго помощника въ *Дневникѣ Варшавскомъ*. Дневникъ паналъ на варшавскихъ кухарокъ, за чѣмъ онѣ ходять въ храмъ божій, “отчего останавливается работа. Дѣю дошло до того, что господа не хотять держать слишкомъ пабожную прислугу”....

Вольтеры и Магницкіе вмѣстѣ!

Rège Duchêne и Rège Loriquet!

Это напоминаетъ стараго кошуна Муравьева: когда началось у насъ движеніе противъ пьянства, въ циркулярѣ своемъ онъ ссылался на Свящ. Писаніе для поддержанія его, ставилъ въ примѣръ Ноя, подгулявшаго послѣ потопа (хорошо что не Лота) и компрометировалъ самого Христа за шутку съ виномъ въ Канѣ Галилейской*.

Что кухаркамъ не надобно имѣть религии, это ясно... жарься себѣ вмѣстѣ съ бараниной передъ очагомъ, религія для господъ, не для холоповъ, не для пищихъ—все это справедливо. Но насъ конфузить лютеранинъ Бергъ, онъ по своей ереси долженъ бы былъ уважать всякую пабожность и всякую религію, даже и такую, въ догматы которой не входитъ ни кабакъ, ни блины, ни грибы, и которая предпочитаетъ рѣзное изображеніе Христа—судальскому, съ лицомъ, парисованнымъ яичнымъ желткомъ съ прозолотью...

Идемте въ другую сторону. Вы всё читали, что Жуковскій и Пыпинъ были оправданы по суду. Въ пущую эпоху Каракозовской бѣлой горячки правительство требовало судебного разсмотрѣнія статьи Жуковскаго о “Молодомъ поколѣніи”, взводя на нее нелѣпѣйшее обвиненіе въ оскорбленіи дворянства (какъ будто его можно было чѣмъ нибудь больше оскорбить какъ освобожденіемъ крестьянъ). Обвиненіе было такъ глупо, что судъ оправдалъ ихъ. *Первое оправданіе по дѣламъ печати!* Не только общество, но и правительство должно было радостно привѣтствовать этотъ знакъ независимости суда — это оправданіе не только Жуковскаго, но искренности реформы. Пимало. Пашлись подкатковщики, натравившіе правительство, пашелся Валуевъ — жалкій, ничтожный, пустой Валуевъ, захотѣвшіе въ зародышѣ задуть свободу суда. Дѣло перенесено было въ уголовную палату — в обонхъ подсудимыхъ пашли виновными, и то не въ оскорбленіи дворянства, а за то, что бранятся!

* Если этотъ циркуляръ забыли, мы можемъ его перепечатать.

— А куда впсепо или перепсепо дѣло кандидата въ мировые посредники *Колубакина*, который предложилъ одному сосланному польскому помѣщику *Залъскому* — промѣняться съ нимъ имѣньемъ, т. е. взять неподходящую Залъскому вижегородскую деревню; предложилъ онъ съ разными угрозами и политическими намеками, а когда Залъскій отказался, написалъ на него *доносъ* въ *Виленскомъ Вѣстникѣ*?

Это уже разрѣшеніе послѣднихъ, первоначальныхъ узъ общественныхъ, тѣхъ послѣднихъ обеспеченій, которыя существуютъ въ Хивѣ и Тибетѣ.

Что за омутъ гадостей эта російская родина — бѣдная родина!

И за все за это одно утѣшеніе, что какого-то тайнаго и какого-то явнаго статскаго совѣтника послали въ Сибирь на поселенье — за воровство!

ПРОДАЖА ИМѢНІЙ ВЪ ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

Русское правительство, думая, что оно идетъ путями завоеваній на маперь древняго Рима, — изо всѣхъ силъ хлопочеть о руссификаціи западнаго края, и потому съ каждымъ днемъ больше заботится о продажѣ польскихъ имѣній русскимъ, или своему-же брату вѣмцу, и о переселеніи польскихъ землевладѣльцевъ во внутреннія губерніи Россіи. Такъ какъ этотъ проэктъ, кажется, дѣло рѣшеное, и препятствовать ему мы не имѣемъ возможности, то мы, по крайней мѣрѣ, считаемъ необходимымъ поставить самый вопросъ на его настоящую точку зрѣнія.

Всѣ громкія слова о руссификаціи, объ ассимилаціи, объ *oазисахъ**, которые русскіе землевладѣльцы должны основать въ сѣверозападныхъ губерніяхъ, — нисколько не мѣшаютъ замѣтить, что до сихъ поръ русское племя нигдѣ не производило ассимилацій или руссификацій другихъ племёнъ; всё его дѣло ограничивалось соединеніемъ племёнъ въ одни предѣлы, не мѣшая каждому жить по свѣдому. Если русское правительство и законодательство было зломъ, то оно *равно* было зломъ — для татаръ, малороссовъ, черкесовъ и т. д. — какъ и для самихъ русскихъ; но обычай, языкъ, вѣроисповѣданіе каждаго племени остались по прежнему, нисколько не обрусѣвшими. Такимъ образомъ татары внутри Россіи сохранили свой языкъ, и остались магометанами; мордва сохраняли свой языкъ; малороссы сохранили свой языкъ и обычай; Грузія не перестала говорить по грузински; Финляндія осталась Финляндіей. А тамъ, гдѣ правительство захотѣло ассимилировать, оно вынуждено было изгнать цѣлое племя изъ предѣловъ Россіи, какъ, на примѣръ, въ недавнее время черкесовъ, или неистовствовать, какъ въ Польшѣ, и все таки не дошло до руссификаціи.

Напротивъ того, если было что хорошее въ дѣйствіяхъ Россіи — это признаніе за каждымъ присоединеннымъ племенемъ права на особый языкъ, обычай, вѣроисповѣданіе. Въ нашемъ пародномъ невмѣшательствѣ въ построеніе чуждаго племени — лежитъ основаніе — не руссификаціи, а развитія федеративнаго элемента; и певольно приходитъ въ мысль — движеніе Россіи и Сѣверныхъ Штатовъ, идущее различными путями къ однородной цѣли, и ихъ естественное тяготѣніе другъ къ другу — сперва не смотря на различіе правительствъ, а потомъ... а потомъ — посмотримъ.

* “Московскія Вѣдомости”, No. 184.

Въ Польшѣ всякая попытка насильственной руссификаціи, кромѣ обоюднаго зла, не достигала никакого результата. Можетъ быть, и въ польскомъ племені — понятіе исключительной полонизаціи преобладало надъ стремленіемъ федеративнымъ — и съ своей стороны увеличило зло; но, кажется, уже пора бы съ обѣихъ сторонъ, вмѣсто исканія исключительныхъ национальностей, найти способъ жить, не мѣшая другъ другу, безъ всякихъ полонизацій и руссификацій.

Повторяю — не въ нашей возможности препятствовать распоряженіямъ, на которые темныя вліянія наталкиваютъ русское правительство. Наше дѣло поставить вопросъ на его возможную точку зрѣнія.

Я думаю, что не ошибаюсь, говоря, что темныя вліянія наталкиваютъ правительство на насильственную распродажу польскихъ имѣній. Кто — эти вліянія? Люди, стоящіе за нынѣ существующія права собственности, какъ за святыню, и изъ глубокихъ политическихъ соображеній наталкивающіе правительство на крайнее, послѣднее нарушение этихъ правъ собственности. Какъ-же назвать эти вліянія свѣтлыми? Они темны по сбивчивости понятій; они темны, потому что въ нихъ нѣтъ никакого сознанія цѣли образующей, просвѣтительной, развивающей естественныя силы края. Ихъ цѣль, называемая политическою, просто узко-полицейская цѣль, достойная понятій и дѣйствій всякаго кулака-капитанъ-исправника, обнаруживающая въ русскомъ правительствѣ — союзъ капитанъ-исправниковъ въ царя-исправника, или ставоваго пристава — какъ угодно...

Но такъ, какъ эти господа проводятъ свою мѣру вопреки собственной религіи собственности, то мы, люди, не стоящіе за нынѣ существующія права собственности, мы можемъ только хлопать въ ладоши, приговаривая: а вотъ, не много погодя, русскимъ дворянамъ будетъ приказано продать свои земли не дворянамъ — и вотъ осуществится давно мечтаемая *ликвидация сословій*.... Намъ только останется воспѣть хвалу безумно, совершающему то, чего разумъ не сможетъ.

Мы не имѣемъ ни малѣйшаго пристрастія ни къ какимъ полонизаціямъ или руссификаціямъ, такъ-же какъ не имѣемъ довѣрія ни къ какимъ насильственнымъ соединеніямъ или сепараціямъ; мы думаемъ, что свободный союзъ мѣстныхъ населеній въ одно цѣлое, при сохраненіи каждой мѣстностью самоуправленія, до сихъ поръ оказался единственной человѣческой формой общественной жизни, и что тамъ, гдѣ самое протяженіе страны обуславливаетъ различіе населеній и мѣстностей, обычаевъ и географическихъ данныхъ, тамъ, въ силу обстоятельствъ, самый складъ жизни ставитъ достиженіе этой формы — необходимостью.

Мы спрашиваемъ — какого блага, какого барыша, какой выгоды ожидаетъ правительство для цѣлаго, для государства, или для мѣстности, для западнаго края — отъ замѣны польской шляхты чисто русскою или, пожалуй, хоть курляндскою шляхтой?

Если польская шляхта, въ западномъ краѣ, была зломъ — и то не относительно правительства, которое само по себѣ зло, а относительно народа, то это не потому, что она польская, а потому, что она вообще шляхта. Чѣмъ же русская шляхта окажется лучше? Гдѣ и когда русская шляхта — помѣщичество было спасителемъ какойнибудь мѣстности, руководителемъ ея развитія? Гдѣ оно давало ходъ мѣстнымъ природнымъ и народнымъ силамъ? Гдѣ оно совершило чтонибудь

дѣйствительно дѣльное? До сихъ поръ оно только раззорялось и раззоряло, чинчествовало и сѣкло. Или оно въ западномъ краѣ вдругъ передѣлается, станетъ производительнымъ и не прижметъ мужика? Чиновникъ — кулакъ, купецъ — кулакъ, для минутнаго барыша ничего не пощадаютъ — ни земли, ни человѣка — и ихъ то ставятъ въ замѣны польской шляхты!... Говорятъ, что это руссификація, — что эти господа научатъ поляковъ и Литву говорить по русски (въ чѣмъ, впрочемъ, и особенной государственной необходимости не имѣется); но эти господа сами станутъ говорить по всячески, лишь бы выжать послѣдній сокъ. Русскій прогрессъ шелъ не по волѣ помѣщичества, а вопреки ей, черезъ людей, которые ставились безсловны...

Я надѣюсь, что насъ не заподозрятъ въ пристрастіи къ какому бы то ни было помѣщичеству, скорѣе — противъ насъ возстанутъ мпогіе, защищая *человѣческія* отношенія шляхтича къ крестьянину, милосердіе шляхтича, преданность крѣпостнаго, гордую любовь сверху и собачью привязанность снизу. Были-ли эти отношенія болѣе человѣчны въ западномъ краѣ, чѣмъ въ восточномъ — мы въ разборъ этого входить не станемъ. Мы вообще не вѣримъ въ возможность человѣчности подобныхъ отношеній. Даже самый изящный, по отдѣлкѣ, типъ ихъ — няня пушкинской Татьяны, все же, по содержанию, представляетъ съ одной стороны жалкую, безтоловую преданность, съ другой стороны привязанность, полную пренебреженія. Продолжать подобныя отношенія не нужно ни ради искусства, ни ради успѣховъ земледѣлія, которое, если и подвигнется, то навѣрное не на ихъ основаніи. Изъ за чего же, выводя изъ края стараго помѣщика, вталкивать въ край новаго помѣщика, который — не знаю останется-ли русскимъ, или самъ сдѣлается польскимъ, — а всего вѣроятнѣе явится наихудшимъ?

Но что всего замѣчательнѣе — это, что охотниковъ на покупку имѣній въ западномъ краѣ — не является. *Московскія Вѣдомости* истощаются въ жалобахъ на это неявленіе, на недостатокъ публикацій и свѣденій, на необходимость привлеченія русскихъ купеческихъ капиталистовъ и т. д. И не только *Московскія Вѣдомости* сердятся на непродажу имѣній въ западномъ краѣ, но и самъ главноуправляющій сѣверно-западнаго края сердится и предлагаетъ своимъ подчиненнымъ мѣры для ускоренія продажи, не забывая притомъ напомнить, чтобъ строго держались высочайшаго повелѣнія “сбѣ удостовѣреніяхъ, что покупающій не есть лицо польскаго происхожденія”.

Оно и не мудрено, что охотниковъ на покупку нѣтъ, или очень мало. Чиновникъ не пойдетъ покупать, потому что у него денегъ нѣтъ, а если и есть, то онъ ихъ краденое существованіе прячетъ въ безыменные капиталы. Дворянинъ не пойдетъ покупать, потому что онъ скорѣе былъ бы радъ продать свое и не покупать другаго; его мучатъ долги, а вольнонаемный трудъ такъ-же мало прельщаетъ въ западномъ какъ и въ восточномъ краѣ — (что не привлекаетъ и къ промѣслу имѣнія восточнаго на западное), потому что трудъ тамъ такъ-же не дешевъ и не обилешъ, какъ и здѣсь, и ни надо быть уже такимъ крупнымъ, чтобы какіе нибудь 3% дохода равнялись огромной суммѣ для прожитка (случай, въ которомъ покупка также не привлекательна), а если этого нѣтъ — то лучше идти въ чиновники наживать безыменные капиталы и потаенные доходы безъ всякаго (при поземельномъ владѣніи необхо-

дичаго) основнаго капитала, вещественнаго и умственнаго, даже безъ особаго труда — только при простомъ употребленіи подлпчанья къ верху и кулака къ низу. Купецъ не пойдетъ покупать, потому что его не прельщаетъ помѣщеніе капитала изъ за маленькаго процента; всякая торговля, при смышленности, приноситъ на столько больше, что даже права дворянства, обѣщанья русскимъ купцамъ при покупкѣ польскихъ имѣній, не составляютъ особои прелести ни какъ выгода, которой нѣтъ, ни какъ почестъ, которая тоже не имѣется: русскій купецъ, какой бы то ни былъ, всегда считаетъ себя дѣльчѣе русскаго дворянина. Оцѣнка имѣній также не составляетъ особой приманки для покупателей; продавцы дѣляютъ высоко, что при насильственномъ продажѣ совершенно естественно; повѣрочныя комисси дѣляютъ, принимая доходъ, равный 10% и слѣдственно капитализируя низко — имѣнья, которыя максимум можно предположить какъ приносящія отъ 6 до 7%. До сдѣлокъ добрались мудро, особенно когда съ обѣихъ* сторонъ — ни продавцу продать, ни покупщину купить — нѣтъ никакихъ существенныхъ потребностей.

Если же существенныхъ потребностей къ покупкѣ нѣтъ — ни у чиновничества, ни у дворянства, ни у купечества — почему же крестьяне исключены изъ числа покупателей? Можетъ быть между мѣстными, и даже между крестьянами другихъ губерній, нашлись бы дѣйствительныя потребности къ приобрѣтенію земель въ западномъ краѣ?

Можно предложить мѣстнымъ крестьянамъ соединиться въ общества для приобрѣтенія продаваемыхъ имѣній, съ долгосрочной уплатой годовыми взносами, при круговой порукѣ общества; а продавцамъ можно предложить все суммы государственными процентными бумагами, за поручительствомъ правительства. Такимъ образомъ составилась бы оборотъ равносильный учрежденію новаго банка, для долгосрочныхъ ссудъ крестьянамъ на покупку земель, при чемъ продавцы могли бы, по своему усмотрѣнію, довольствоваться рентою, или продавать получаемыя ими, въ уплату основнаго капитала, государственныя бумаги.

Сверхъ того можно предложить малоземельнымъ крестьянамъ другихъ губерній переселиться въ западный краѣ, приобрѣтая земли на тѣхъ-же основаніяхъ уплаты годовыми взносами. Не только крестьяне одного села, но желающіе изъ разныхъ деревень и мѣстностей могли бы соединиться въ новыя переселяющіяся земледѣльческія общины — и не только крестьяне, но желающіе изъ бывшихъ дворовыхъ и такихъ бы то ни было бѣдныхъ сословіи, которымъ переходъ на земледѣліе съ приобрѣтеніемъ земли, посредствомъ правительственной ссуды, представляетъ выгоду. Одно условіе необходимо при этомъ: чтобы вся сдѣлка и переселеніе были по добровольному соглашенію, по чистому желанію переселяющихся, а не по принужденію властей.

Иные говорятъ, что нашъ народъ не любитъ переселяться; мы не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Населеніе, которое привыкло къ артельнымъ переходамъ, легко перейдетъ

* Напр. въ объявленіяхъ, перепечатанныхъ въ “Московскихъ Вѣдомостяхъ” изъ “Киевлянина” — имѣніе поручика Изворскаго (сосланаго въ Пензенскую губернію) цѣнится съ о управляющимъ въ 48,255 руб. сер., а повѣрочная комисси считаетъ доходу 1738 руб. сер. и, капитализируя изъ 10%, цѣнить въ 17,381 руб. сер. (кромѣ лѣсу — 127 дес. по 40 руб., что вмѣстѣ составляетъ 22,451 руб. сер.). Когда тутъ торгъ дойдетъ до сдѣлки?... Разницы больше чѣмъ на половину! Развѣ правительство учинитъ грабѣжъ въ свою пользу, что будетъ еще отвратительнѣе и совершенно безвыгодно.

на новую земледѣльческую артель — лишь бы видѣло въ этомъ выгоду. Народъ не то, что не любитъ, а не любилъ переселеній, которыя постоянно совершались по принужденію помѣщиковъ безъ всякихъ льготъ — но со всяческими притѣсненіями. Отвращеніе отъ подобныхъ переселеній совершенно естественно. Но переселеніе, представляющее выгоду приобрѣтенія земли, при всякихъ нужныхъ льготахъ, и выгоду образованія новыхъ многоземельныхъ общинъ, переходя въ нихъ съ малоземелья или даже безземелья — такое переселеніе не можетъ не встрѣтить желающихъ переселиться.

На это говорятъ, отчего-же малоземельнымъ крестьянамъ не переселяться, на подобномъ основаніи долгосрочныхъ ссудъ, въ чисто русскія многоземельныя губерніи, гдѣ помѣщичья желали бы продать свои имѣнья? Мы и противъ этого ничего не имѣемъ — отчего-же не переселяться и въ русскія многоземельныя губерніи? Отчего-же не сдѣлать для малоземельныхъ и безземельныхъ повсемѣстнаго учрежденія долгосрочной ссуды государственными процентными бумагами, выдаваемыми продавцамъ, съ полученіемъ уплаты годовыми взносами, за круговую поруку переселяющихся? Это равнялось бы образованію общаго народнаго банка. Вдобавокъ малоземельное населеніе, которому по мѣстностямъ легче идти на востокъ — пошло бы на востокъ; а которое больше соединено съ западнымъ краемъ желѣзными дорогами — пошло бы на западъ. Вѣроятно даже, что въ западномъ мѣстномъ населеніи, при многоземели, меньше сыщется желающихъ приобрѣтать лишнія земли, которыхъ воздѣлываніе было бы слишкомъ трудно, — чѣмъ въ малоземельномъ населеніи русскіхъ губерній, гдѣ выгода очевидно равна для переселяющихся и для остающихся дома при большемъ количествѣ земли. Остающіеся могли бы на себя принять долю уплаты за землю, приобрѣтаемую ими отъ уходящихъ.

Назначенія количества продажныхъ земель въ западномъ краѣ и ихъ оцѣнка — до сихъ поръ такъ неопредѣленны и сбивчивы, что мы можемъ руководствоваться только предположеніями. Положимъ 1,000 продажныхъ имѣній по 300 десятинъ въ каждомъ, что составитъ 300,000 десятинъ. Положимъ по 25 р. с. десятину*, что составитъ 7,500,000 р. с. Положимъ по 3 десятины на душу и что въ малоземельныхъ губерніяхъ (напр. въ Орловской †, Курской и др.), откуда переселеніе можетъ большей частью совершиться по желѣзнымъ дорогамъ, нашлись бы 100,000 желающихъ приобрѣсти новыя земли, посредствомъ долгосрочной ссуды, съ уплатой 5% ренты и 1% погашенія — что пришлось бы по 4 р. 50 к. на душу въ годъ. Еслибы правительство предложило *перездѣ по желѣзнымъ дорогамъ даромъ и разныя льготы съ уплатъ казенныхъ податей* — то, конечно, переселяющимся было бы не трудно выплачивать такіе годовые взносы — и продавцамъ все же было бы лучше получать денежныя капиталы и ренту, чѣмъ насильно приобрѣтать безвыгодныя имѣнья въ ссылоч-

* Мы взяли такой максимум, который въ дѣйствительности, вѣроятно, не достигнется: въ Гродненской губерніи высшая цѣна оказалась 20 руб. десят. (См. *Dziennik Poznański*, No. 238).

† Напр. большая часть случаевъ проданныхъ имѣній въ Орловской губерніи, въ 1859 г., заключаетъ среднимъ числомъ около 5 десят. на душу; исключите отсюда господскія земли и усадьбы, и земли неудобныя, то въ падѣль едва пришлось по 2 десят. на душу, что уже представляетъ постоянно возрастающее малоземелье, и безъ сомнѣнія для крестьянъ выгоднѣе средство переходить общинами къ многоземелью, чѣмъ средство отдѣльнымъ лицамъ переходить въ бездомное батрачество.

ныхъ губерніяхъ. А между тѣмъ западный край былъ бы из-бавленъ отъ русской шляхты*.

Мы, конечно, представили этотъ расчетъ предположительно, потому что, при сбивчивости мѣстныхъ свѣденій и правительственныхъ намѣреній — до болѣе опредѣленныхъ данныхъ, никакой дѣйствительный проектъ невозможенъ.

Н. Огаревъ.

“G M I N A”

Подъ этимъ заглавіемъ вышелъ первый листъ новаго польскаго періодическаго изданія въ Женевѣ. Отъ души привѣтствуемъ его — и не можемъ иначе привѣтствовать его, такъ сочувственно-братски онъ намъ протягиваетъ руку. “Съ вашимъ трудомъ мы приходимъ соединить наши юныя усилія”, пишутъ къ намъ издатели *Гмины*. “Рожденные въ другомъ мѣстѣ, въ другомъ времени и окруженные иной обстановкой, можетъ, мы не въ одинъ тактъ будемъ звонить къ общей обѣднѣ — можетъ, нашъ голосъ прежде замретъ, чѣмъ вы сзовете на великое Вѣче вашъ народъ, замретъ въ той борьбѣ страстей, которая изъ вашего отечества сдѣлала палача, изъ нашего мученицу — но пока найдемте вмѣстѣ — вы также страдаете нашимъ страданіемъ, какъ мы красимъ вашимъ стыдомъ”.

Программа, высказанная *Гминой*, широка: она хочетъ проповѣдывать “преобразование общественнаго порядка въ земляхъ, составлявшихъ польскую республику, на основаніи древняго общиннаго устройства, примѣняя къ нему все, къ чему идутъ современныя стремленія”. Отъ этихъ словъ вѣтъ юнымъ, свѣжимъ — и мы искренно протягиваемъ наши руки молодымъ товарищамъ — въ общемъ походѣ.

И—ръ.

С М Ъ С Ъ.

Письмо кн. П. В. Долгорукова. Съ невыразимымъ удивленіемъ прочелъ я, въ № 194 Моск. Вѣдом., объявленіе Николая Петровича Ермолова, что напечатанныя имъ Записки Алексѣя Петровича Ермолова — изданіе, единственное по своей подлинности. что ходило много нечестныхъ и нечестныхъ копій..... нѣкоторыя изъ нихъ и напечатаны. — Постѣ этого, я нахожусь вынужденнымъ объявить, что рукопись, напечатанная мною въ Лондонѣ, Записокъ А. П. Ермолова о 1812 годѣ, была получена мною, въ 1862 году, отъ того-же самаго Николая Петровича Ермолова, что могу доказать письмами его и сестры его, Ематерины Петровны. Мы, русскіе эмигранты, видимъ, какъ много изъ прежнихъ нашихъ друзей стали во враждебныя къ намъ отношенія: одни, изъ молотальскаго холоуства, другіе, изъ византійской трусости и подлости, и мы отвѣчаемъ на это лишь смѣхомъ и презрѣніемъ..... Но обвинять меня въ подлостѣ, я не позволю никому, и кто на это попытается, тому я скажу — и докажу — что онъ говоритъ неправду.

Князь Петръ Долгоруковъ.

Saint-Jean, campagne Raisin, Женева, октябрь 1866.

Революціонное воззваніе М. П. Погодина.

Увѣченный примѣромъ Кошута и Маццини, и нашъ

* Можетъ быть намъ сказать, что этотъ оборотъ слишкомъ напоминаетъ, относительно крестьянства, услугу, которую покойники-Опекунскіе Совѣты привносили дворянству?... Тѣмъ лучше. Эта форма банка всего понятнѣе для народа.

Михаилъ Петровичъ пустилъ возмутительную грамоту къ “Галицкимъ братьямъ”. Все то, что *Московскія Вѣдомости* порицали, на что доносили, о чемъ говорили съ скрежетомъ зубовъ и на что вызывали пытки, тюрьмы и казни, все въ квадратъ и кубъ пахотится въ воззваніи Погодина.

Мы ничего не имѣемъ противъ закигательной прокламаціи Погодина и очень много за Галичанъ и за такія открытыя рѣчи. Но во-первыхъ, произносить ихъ не слѣдуетъ въ непристойныхъ мѣстахъ, а во-вторыхъ, непристойнымъ мѣстамъ не слѣдуетъ допускать такихъ рѣчей. — Что сказала бы арендаторина публичнаго дома, еслибъ кто-нибудь пришелъ къ ней служить молебень пречистой дѣвѣ? Есть *обязательное единство* псевденія, парушать которое безъ оскорбленія общественной нравственности нельзя. Что можетъ быть мерзѣе прусскихъ генераловъ, подбивавшихъ къ возстанію венгерцевъ и богемцовъ рѣчами, за которыхъ, еслибъ онѣ были обращены къ познанцамъ, тѣ-же генералы засадили бы ораторовъ *Lebenslang* въ Шпандау?

Мы перепечатываемъ почти цѣлкомъ воззваніе Погодина. Судите сами:

КЪ ГАЛИЦКИМЪ БРАТЬЯМЪ.

Останъ, запорожскій казакъ, захваченный Поляками въ плѣнъ, осужденъ былъ на смертную казнь въ Варшавѣ. Выведенный на площадь, вмѣстѣ съ своими товарищами, онъ преданъ былъ палачамъ. “Останъ выносивъ терзанія и пытки, какъ исполнилъ”, повѣствуетъ намъ поэтъ. “Ни крива, ни стога, не было слышно даже тогда, когда стали перебивать ему на рукахъ и ногахъ кости, когда ужасный хрискъ ихъ послышался, среди мертвой толпы, отдаленными зрителями; когда панячки отворотили глаза свои, — нечто похожее на стоны не вырвалось изъ устъ его, не дрогнуло лицо его. Тарасъ (бывша, отецъ его) стоялъ въ толпѣ, потупивъ голову, и въ то-же время, гордо приподнявъ очи, ободриительно только говорилъ “Добре, сынку, добре!”

“Но когда подвезъ его къ послѣднимъ смертнымъ мукамъ, казаясь, какъ будто стала подаваться его сила. И повелъ онъ очами вокругъ себя. Боже! все невѣдомая, все чужія лица! Хоть бы кто-нибудь изъ близкихъ присутствовалъ при его смерти! Онъ не хотѣлъ бы слышать рыданій и сокрушенія слабой матери, или безумныхъ воплей супруги, исторгающей волосы и бьющей себя въ бѣлыя груди, хотѣлъ бы онъ теперь увидѣть твердаго мужа, который бы разумнымъ словомъ освѣжилъ его и утѣшилъ при кончшій. И узнавъ онъ сяюю, и воскликнулъ въ душевной немощи! “Батъка, гдѣ ты? Слышишь-ли ты все?”

“Слышу”, раздалось среди всеобщей тишины...

Пять сотъ лѣтъ страдали, мучились и стонали, тѣла на тихомъ огнѣ, Галичане, наши родные братья, подъ вѣгомъ враждебныхъ племенъ, враждебныхъ религій, враждебныхъ языковъ! Они должны были тщательно скрывать свое происхожденіе, они должны были отпираться отъ своего родства, они должны были искажать свое имя, — все страха ради Иудейска

Но исповнялась наконецъ мѣра ихъ долготерпѣнія! Подъ ножами, подъ кинжалами, среди всѣхъ сатанинскихъ казней, несмотря ни на какія опасности, грозящая имъ гибелью, прерывистымъ, истомленнымъ голосомъ, задыхаясь, они восклицаютъ въ лицо своимъ врагамъ “Мы—Русскіе”, и прибавляютъ, калетя, обращаясь къ намъ, подобно замученному Остапу: “братья! слышите-ли вы?”

Слышимъ, слышимъ!

И пусть этотъ отвѣтъ, искренній, изъ глубины сердца извлеченный, освѣжитъ ваши слабѣющія силы, утѣшитъ васъ въ вашихъ бѣдствіяхъ, несчастные братья!

Въ комъ бьется скольконибудь человѣческое сердце, кто связанъ скольконибудь съ своимъ отечествомъ, съ своимъ племенемъ, кто чувствуетъ скольконибудь свои историческія обязанности, тотъ не могъ безъ внутренняго волненія, безъ умиленія, читать заявленія Галичанъ, переданныя намъ “Московскими Вѣдомостями” изъ Львовской газеты “Слово” (въ статьѣ, за которую нельзя довольно благодарить ихъ!) Повторимъ эти выраженія, простыя, истинныя, бьющіяся жизнью, представляющія рѣзкую противоположность со всѣмъ тѣмъ, что слышится теперь въ Европѣ, на колотырныхъ рынкахъ, въ поврежденныхъ палатахъ и перекупныхъ газетахъ.

“Въ 1848 году насъ спрашивали кто мы? Мы сказали, что мы всеміярыпшіше Ruthenen...” “Но можетъ быть вы Русскіе?” допрашивалъ насъ Стадіонъ (бывшій намѣстникъ и эксъ-министръ) Ми князю душой и тѣломъ, что мы не Русскіе, Russen, но что мы Ruthenen, что наша граница на Зорчѣ, что мы отрекаемся отъ такъ-называемыхъ Русскихъ, какъ отъ окальныхъ схизматиковъ, съ которыми не хотимъ имѣть ничего общаго...

Что-же побуждаетъ теперь Галицкихъ Русскихъ возвысить свой голосъ?

Опасение, что графъ Голуховскій, вѣстий Полякъ будетъ назначенъ канцлеромъ Галицїи. . .

“Въ видѣ польскаго канцлерства”, восклицаетъ львовское “Слово”, “настало время, по нашему мнѣнію, переступить намъ Рубиконъ, и сказать откровенно во всеуслышаніе мы не можемъ отдѣлаться кѣтайскою стѣной отъ нашихъ братьевъ и отречься отъ литературной, церковной и пародной связи съ остальнымъ русскимъ міромъ, мы не Рутены 1848 года, мы настоящие Русскіе”.

И вслѣдъ за галицїими Русскими, Русскіе въ Венгрии откровенно заявляютъ теперь о своемъ близкомъ родствѣ съ населеніемъ Русской Имперіи, и именуютъ русский литературный языкъ своимъ извѣчнымъ, прирожденнымъ достояніемъ, какъ плодъ исторической жизни всего Русскаго народа.

И мы Русскіе! восклицаютъ дѣти Карпатскихъ горъ, въ Венгрии, на роднѣхъ Вепелина, Ормаа, Уиковича, Кукольника!..

Государя и правительства имѣютъ свои отношенія между собою, свои обязательства, договоры, условія, вѣлы, намѣренія. Мы, Русскіе, никогда не вмешивались до сихъ поръ въ дѣйствія нашего правительства, касательно вѣдшихъ сношеній, и хорошо дѣтали, судя по сѣбѣ, ибо, благодаря этому порядку, правительство содѣйствовало болѣе всего образованію такого государства, которое представляетъ теперь почтенную силу 80 миллионовъ челоѣкъ, и молель употребляетъ ее по усмотрѣнію. Но мы имѣемъ теперь полное право, дарованное намъ олагодущимъ нашимъ государемъ, выразить свое искреннее мнѣніе о вѣдхъ текущихъ государственныхъ вопросахъ. Пользуясь этимъ правомъ, мы считаемъ своею священною обязанностію заявить живое сочувствіе къ тягостному положенію нашихъ родныхъ братьевъ и въ отвѣтъ на ихъ вопли, раздражающіе душу, послать имъ одно слово. Слышимъ, слышимъ! Неужели мы не можемъ сказать его? Сохрани Боже!

Если Пѣмцы сочли долгомъ подняться съ оружіемъ въ рукахъ за освобожденіе Гольштиніи и Шлезвига, изъ-подъ легкаго владычества датскаго, то какъ-же мы, Русскіе, будемъ переходить молчаніемъ, оставлять безъ теплаго участія судьбу миллионовъ Русскихъ братьевъ въ Галицїи и Венгрии? Неужели мы побоимся замолвить за нихъ слово, только слово, — слово мира, любви, естественнаго права? Нѣтъ, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!

Низкій поклонъ, горячій привѣтъ, выраженіе глубокаго почтенія, посылаемъ мы вамъ изъ Москвы и Кіева, Казани и Архангельска, Вильны и Астрахани, Чернигова и Владимира, Камчатки и Ташкента, Тифлиса и Одессы и пр. . .

М. Погодинъ.

— *По дѣлу заговора.* Заговоръ, который многіе подозревали, послѣ Каракозовскаго выстрѣла, обнаруживается больше и больше. Сверхъ частныхъ слуховъ, *Indépendance* и *Кельнская* газета сдѣлали два, три замѣчательные намека. Ясно, что Муравьевъ стоялъ въ главѣ компюта, составленнаго крѣпостниками, стародурами и вообще реакціей. *Кельнская* газета говоритъ, что онъ подавалъ въ отставку, потому что государю не нравились продѣлки полиціи и онъ сталъ подозревать причину излишняго усердія. Муравьевъ за нѣсколько дней до закрытія комисіи уѣхалъ въ деревню, “куда ему посылали бумаги”, говорятъ русскіе газеты. Да какъ-же онъ смѣлъ ѣхать, не кончивъ дѣло такой важности? святить церковь, не сѣшное дѣло. Онъ уѣхалъ въ опалѣ. Одинъ изъ главныхъ сообщниковъ первый отвязалъ свою комягу отъ потопушаго звѣря... *Московскія Вѣдомости* очень скромны въ своихъ плачахъ на гробѣ поваго Пожарскаго (не сдѣлавшагося даже княземъ, чего Муравьеву очень хотѣлось).

Государь и въ этомъ дѣлѣ поступилъ такъ-же шатко и безсмысленно, какъ во вѣдхъ дѣлахъ. Вѣсто того, чтобъ назначить новую комисію надъ муравьевскою, и открыть по горячимъ слѣдамъ вѣ продѣлки чернаго русскаго жонда, онъ даже не велѣлъ опечатать бумагъ Муравьева, а отдѣлался тѣмъ, что очистилъ пермскій пѣхотный полкъ отъ имени пача. — Теперь, конечно, поздно, узнать всю интригу — *хотя и можно.*

— *Страсть къ розгамъ въ подольскомъ судѣ.* Подольская палата уголовного суда испрашиваетъ у министра юстиціи замѣну тюремнаго заключенія и ареста наказаніемъ розгами, подъ предлогомъ, что мало помѣщеній для арестантовъ. Интересно знать отвѣтъ министра.

Русскія газеты забыли приложить при этой новости составъ подольской палаты; мы выписываемъ его изъ “Адресъ-Календаря” 1866 :

Предсѣдатель Дмитрій Николаевичъ *Кузнецовъ*,
Товарищъ предсѣдат. : Иванъ Осодоровичъ *Криштановскій*,
Засѣдатель отъ правител. . Титъ Платъевичъ *Зинковскій*,
Засѣдатель отъ дворянства : Лонгинъ Каэтановичъ *Звиногородскій*, Каэтанъ Касперовичъ *Яновичъ*,
Секретари Игнатій Пльичъ *Гороховскій*, Ипполитъ Даміановичъ *Люцидарскій*.

— **КОНФИРМАЦІЯ.** По выс. утвержденному заключенію генераль аудиторіата военнаго министерства, 120и артиллерійской бригады облегченной N. 6го баттерей, подпоручикъ *Кувязовъ*, за умышенное распространеніе возмутительнаго воззванія, имѣвшаго цѣлю возбудить въ бунту противъ верховной власти, крапение у себя другаго воззванія и разныхъ запрещенныхъ противъ правительства сочиненій, лишается чиновъ и вѣдхъ правъ состоянія и ссылается въ *каторжную работу* въ крѣпостяхъ на *восемь лѣтъ*.

Не скажетъ - и намъ кто - нибудь въ чемъ дѣло и какое это дѣло?

— *Чѣмъ люди тѣшатся* Въ русскіхъ газетахъ показалась замѣчательная генеалогія Дагмары и ея нареченнаго жениха, вотъ ужъ ab ovo такъ ab ovo. По ней, въ числѣ ихъ предковъ (не говоря о безчисленномъ множествѣ датскихъ королей и припцевъ, въ числѣ которыхъ только и выщущены Гамлетъ и его наслѣдникъ Фортинбрасъ) находятся : “Карлъ Великій, Гюго Капетъ, святой король Людовикъ IX, король англійскіе : Эдуардъ III, Эдуардъ IV, наконецъ Марія Стюартъ”. (*Голосъ*, No. 260). — Ну а Василій Великій, Викторъ Гюго, святой король Мельхиседекъ и Марія Египетская не предки?

Это бы все ничею, да вотъ что плохо. По свадебной родословной выходитъ, что наслѣдникъ чистый нѣмецъ, да еще и не совсѣмъ чистый, а изъ *архидерейскихъ дѣтей*. Намъ все учили, что Романовы, хоть не безъ нѣмецкой примѣси, но идутъ отъ русской *святской* семьи, — а тутъ выходитъ, что цесаревичъ “происходитъ по *прямой линіи, въ одиннадцатомъ колѣнѣ, отъ Фридриха I, графа Ольденбургскаго*”, и имѣеть въ числѣ предковъ *епископа Любекскаго*. Нѣмецъ, да еще изъ духовнаго званія, изъ монашескаго происхожденія! Что подумаютъ объ этомъ православные, вовсе недопускающіе съ люторовой эресью бракъ епископовъ?

— Вскорѣ поступятъ въ продажу *Записки князя П. В. Долгорукова* на французскомъ языкѣ :

MÉMOIRES

DU PRINCE

PIERRE DOLGOROUKOW

TOME PREMIER.

In-8° de 500 pages ; prix . 8 francs.

En vente à Genève ; chez MM. Joël Chevaliez, 2, Grande-Rue ; H. Georg, 10, Corraterie, à Londres, N. Trübner, 60, Paternoster Row.

ПЕЧАТАЕТСЯ :

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

БЫЛОЕ И ДУМЫ

ИСКАНДЕРА

1848—1852

— *Слѣдующій 230 л. Колокола выидетъ 1 Декабря.*

— **La feuille suivante paraîtra le 1 Decembre.**

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré-l'Evêque, Genève.

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 230.

1 ДЕКЯБРЯ 1866.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, 40, Rue l'Écluse и въ главныхъ депо — у Г. Георга, 10, Corratierie, Genève; у Н. Трюбнера и Ко., 60, Paternoster Row, Londres. Цѣна за листъ 50 сантимовъ безъ пересылки. Прилагаемъ почтовой тарифъ:

Въ Германію	15c.
— Австрію	15c.
— Англію	15c.
— Бельгію	5c.
— Францію	5c.
— Италію	3c.
— Неаполь и Сицилію	20c.
— Грецію (черезъ Марсель)	5c.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10c.
— Нидерланды	25c.
— Швейцарію	5c.

Parait à Genève tous les quinze jours. Le dépôt principal est chez H. GEORG, à Genève, Corratierie, No. 10. A Londres, chez N. TRÜBNER et Co., 60, Paternoster Row. Le prix de chaque No. est de 50 centimes, le port de la poste non compris. Tarif postal

Allernagne	15c.
L'Autriche	15c.
Angleterre	15c.
Belgique	5c.
France	5c.
Italie	3c.
Naples et Sicile (voie de Marseille)	20c.
Grèce (voie de Marseille)	5c.
Turquie et Princ. Danubiennes (voie de Marseille)	10c.
Suède	25c.
Suisse	5c.

ОГЛАВЛЕНІЕ : ПОРЯДОКЪ ТОРЖЕСТВУЕТЪ—“ВѢСТЬ” о Прудонѣ—КАРАКОВОСКОЕ ДѢЛО. СМѢСЬ : АМИНІЯ—ФОНДЪ—ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ПОРЯДОКЪ ТОРЖЕСТВУЕТЪ!

L'ordre règne à Vaisovie!
SEBASTIANI (1831).

I

Если Содомъ и Гомора гибли такъ интересно, какъ гибнуть *старые порядки* въ Европѣ, я нисколько не дивлюсь, что Лотова жена не во время обернулась, зная, что ей за это солоно придется.

Едва мы подходимъ къ концу 1866 года, такъ и тянетъ оглянуться.

Ну годъ!.. и *въ гостяхъ и дома* — хорошъ онъ былъ, бѣдностью событій его попрекнуть нельзя...

О Западѣ мы почти никогда не говоримъ. Безъ насъ о немъ говорятъ много и громко, онъ самъ говоритъ еще больше и еще громче, помощи нашей ему неужно, перекричать его мы не можемъ. Къ тому-же было время,—мы высказали наше мнѣніе до гла. Но события становятся до того крупны и рѣзки, несутся такъ быстро, что по необходимости передъ ними останавливаешься, повѣряешь и слушаешь думанное съ совершающимся.

Старый порядокъ вещей, упорно державшійся на своихъ правахъ давности, сталъ распадаться съ отчаянной быстротой. “Гнилая рыба”*, о которой говорилъ Гёте, валится кусками съ костей, на первый случай въ прусскую каску. Хороша будетъ уха, свареная въ пей!

Разложение *старого* міра не пустая фраза, теперь въ этомъ трудно сомнѣваться. Характеръ органическаго разложения состоитъ именно въ томъ, что элементы, входящіе въ данное взаимное отношеніе другъ къ другу, дѣлають вовсе не то, что они назначены дѣлать, что они хотятъ дѣлать, а это то мы и видимъ въ Европѣ.

Охранительная сила, консерватизмъ гонить въ зашеи *законныхъ* королей и властителей, рветъ свои трактаты, рубить сушь, на которомъ сидитъ.

Революція рукоплещетъ замѣнѣ глуныхъ и слабыхъ правительствъ сильнымъ военнымъ деспотизмомъ.

Все дѣлается — въ этомъ единственный смыслъ реакціи — для прочности, покоя, равновѣсія, и всѣ чувствуютъ, знаютъ, что Европа, сшитая *прускими шолками*, сшита на живую

нитку, что все завтра расплзется, что все это не въ самомъ дѣлѣ, что въ самомъ дѣлѣ будущность міра, этого великаго, цивилизованнаго, историческаго міра, виситъ на ниткѣ и зависитъ какъ въ сказкѣ о “Заколдованной розѣ”, отъ почекъ, но не розы — а пятидесяти-восьми-лѣтняго человѣка. Вотъ куда реакція спасла міръ. Міръ, стоявшій на трехъ китахъ, былъ прочнѣе.

Давно пзвѣстно, да и Байронъ повторялъ, что пѣтъ человѣка, который не обрадовался бы, услышавъ, что съ его другомъ случилось несчастье, которое онъ предвидѣлъ и отъ котораго предостерегалъ. Относительно политическаго міра и это удовольствіе притупилось для насъ. Восемнадцать лѣтъ тому назадъ насъ прозвали “Іереміями, плачущими и пророчащими на развалинахъ іюньскихъ баррикадъ”, и съ тѣхъ поръ каждый годъ сбывается что-нибудь изъ того, что мы предсказывали; сначала это льстило самолюбію, потомъ стало надоѣдать.

Былъ въ Европѣ больной человекъ, до него то и добивался Николай Павловичъ, самъ не очень здоровый, — теперь вся Европа больница, лазаретъ и главное домъ умалишенныхъ. Она рѣшительно не можетъ переварить противорѣчій, до которыхъ дожила, не можетъ сладить съ переломленной революціей внутри, съ двойной цивилизаціей, изъ которыхъ одна въ наукѣ, другая въ церкви, одна чуть не двадцатаго столѣтія, а другая едва XV. Да и легко-ли снять въ одно органическое развитіе—буржуазную свободу и монархическій произволь, социализмъ и католицизмъ, право мысли и право силы, уголовную статистику, объясняющую дѣло, и уголовный судъ, рубящій голову, чтобы она поняла.

Иной разъ кажется, будто Европа успокоилась, но это только кажется. Она въ своихъ задачахъ нигдѣ, никогда не доходила до точки, а останавливалась на *точкѣ съ запятой*. Парижскій трактатъ—точка съ запятой, Виллафранкскій миръ — точка съ запятой, завоеваніе Германіи Пруссіей — *семи-колонъ*. Отъ всѣхъ этихъ недоконченныхъ революцій и передрагъ, въ крови старой Европы бродитъ столько волненій, *страховъ и беспокойствъ*, что она не можетъ заснуть, а ей этого хочется. Лишь только она задремлетъ, кто нибудь — добро еще Наполеонъ, а то Бисмаркъ — подниметъ такой трескъ и шумъ, что она, испуганная, вскакиваетъ и спра-

* Die Welt geht auseinander wie ein fauler Fisch.

живаешь : гдѣ горить и что? И гдѣ бы ни горѣло и чтобы ни горѣло — погорѣлая она, кровь течетъ ея, деньги приплачиваются сю... Петръ I какъ то отгаскалъ за волосы невнятнаго арапченка, думая, что онъ его разбудить; въ Европѣ не только не кому отгаскалъ виновнаго, но еще передъ нимъ всѣ стаповятся на коѣлѣ. Оно, впрочемъ, и лучше, что есть будильники, а то и не такую бѣду наснатъ бы себѣ миръ.

Люди по натурѣ беспечны, и не ударъ громъ, они и не перекрестятся, какъ говоритъ поговорка. Человѣкъ завелъ садъ и жену, развелъ цвѣты и дѣтей, обманулъ всѣхъ сосѣдей, продавая имъ въ три дорога всякую дрянь, обобралъ всю мышечную силу окрестныхъ бѣдняковъ за кусокъ хлѣба и, благодаря прочному, законами утвержденному порядку, легъ спать вольнымъ франкфуртскимъ купцомъ, а на другой день проснулся подданнымъ прусскаго короля, котораго всю жизнь ненавидѣлъ, и котораго долженъ любить больше жены и цвѣтовъ, больше дѣтей и денегъ. Въ домѣ его бражничаютъ прусскіе драгуны, цвѣты ея съѣли лошади, дѣтей съѣлъ рекрутчина... Вотъ онъ и подумаетъ теперь, что ему обеспечило *государство и реакція*, въ пользу которыхъ онъ платилъ деньги, кривилъ душой, безъ вѣры молился и безъ уваженія уважалъ. вмѣстѣ съ нимъ подумаетъ и эта ватага колѣкъ переходившихъ, слѣпыхъ и безумныхъ королей Дипровъ, пущенныхъ по міру въ оборванныхъ порфирахъ — не пародами, а своимъ братомъ, Hohenzollern hochverschweistert.

Другіе народы и другіе вѣщепосцы тоже подумаютъ теперь о смыслѣ и крѣпости *присяги, преданности престолу, о святости законныхъ династій*.

Потсдамскій лейбъ пасторъ настроилъ молитву для ганноверскихъ церквей и заставилъ ихъ сегодня молиться за вчерашняго врага въ безконечно смѣшныхъ выраженіяхъ. Этого не дѣлать и Батый.

Кажется, что можетъ быть смѣшнѣе и нелѣпнѣе всего этого... а есть роль смѣшнѣе, именно революционеровъ

Правительства, сколачивающія единства и сортирующія людей и области по породамъ не для составления родственныхъ *группъ*, а для образования сильныхъ, *единоплеменныхъ государствъ*, знаютъ по крайней мѣрѣ что дѣлаютъ; но помогающіе имъ, если не руками, то крикомъ и рупорсканіями революционеры и эмигранты, понимаютъ-ли они что творять?

Въ этомъ-то безмысліи и заключается одна изъ тайнъ той хаотической пуганицы въ головѣ современнаго человѣка, въ которой онъ живетъ. *Старымъ умамъ*, въ ихъ логической лѣтн, легче убивать другихъ и быть ими убитыми, чѣмъ дать себѣ отчетъ о томъ, что они дѣлаютъ, легче *вѣрить въ знамя*, чѣмъ разобрать что за войско за ними.

Они мечтали о *свободѣ, равенствѣ и братствѣ*, ими взбудоражили умы, во дать ихъ не умѣли и не могли : “Нельзя-же все вдругъ да разомъ, и Римъ не въ одинъ день былъ построенъ”, а потому, для постепенности, они помирлись съ реакціей на томъ, что, вмѣсто свободы лица, будетъ свобода государства, національная независимость, словомъ, та *свобода*, которой вскопи бѣ пользуется Россія и Персія. Все шагъ впередъ. Только жаль, что вмѣсто равенства будетъ племенное различіе, и вмѣсто братства — ненависть народовъ, сведенныхъ на естественныя границы.

Въ 1848 году реакція явилась *реакціей*, она обѣщала *порядокъ*, т. е. полицію, и *порядокъ*, т. е. *полицейскій*, она

возстановила. Но лѣтъ въ десять смиренный домъ безъ развлечения надобѣтъ, безплодное, отрицательное знамя полицейскаго отпора и благоустройства износится. И вотъ мало по малу начало показываться новое, какъ бы это сказать, земноводное, амфибическое знамя; оно водрузилось между реакціей и революціей, такъ что вмѣстѣ принадлежало, той и другой сторонѣ, какъ Косидьберъ порядку и безпорядку. Освобожденіе национальностей отъ чужеземнаго ига, *никакъ не отъ своего*, сдѣлалось общимъ бульваромъ враждебныхъ началъ.

Лопнувшія гранаты Орскии возвѣстили новую эпоху, и съ тѣхъ поръ пошли всякія чудеса : латинскій міръ въ Мексикѣ, австро-пруссій въ Даниі, Пруско Австрія другъ въ другѣ, завоеваніе Венеціи пораженіемъ Италіи на сушѣ и на морѣ, Франція, укрѣпляющая *противъ себя* Рейнскую границу, присоединеніе пол-Германи къ Пруссіи — къ государству безъ отечества, и которое должно бы было первое распуститься въ нѣмецкое *gesamntes Vaterland*.

И какъ всегда бываетъ, возлѣ крупныхъ событій несутся въ какой-то неистовой “пляскѣ смерти”... личности, случайности, подробности, отъ которыхъ волосъ становится дыбомъ.

Возьмите хоть эту женщину, переваливающую овецъ, чтобы спасти поддѣльную корону своего мужа, которую она принимаетъ за настоящую *латинскую*. Родной братъ не даетъ ей наслѣдства отца, единственный покровитель пожимаетъ плечами и показываетъ ей статуи Кановы, она падаетъ въ обморокъ, и когда открываетъ глаза, передъ ней стоитъ *онъ* съ стаканомъ воды, и она, уже полуповрежденная, съ крикомъ : “меня хотять отравить” бѣжитъ вонъ, бѣжитъ къ папѣ. Въ Ватиканѣ встрѣчаются эти два безсмія, эти двѣ лжи. Старикъ, которому скоро нечего будетъ благословлять “ни въ городѣ, ни въ селепной”, видя у ногъ своихъ полуразвѣнчанную, вѣрующую въ него женщину, приходитъ въ обшенство. Она держитъ его за сутану и проситъ чуда, — грубый старикъ отпалкиваетъ ее, осыпаетъ бранью, чтобы скрыть, что у него нѣтъ чудотворной силы. Совсѣмъ *сумашедшую*, ее везутъ изъ Ватикана, а она шепчетъ . “меня хотять отравить”.

Около выжившаго изъ ума старика и безумной летять осколки всевозможныхъ коронъ, большихъ и малыхъ, увлекаемая собой и другую стародавность, другую *подагру*, которую не могутъ поддержать ни чахлые эрцгерцоги, ни жирные монсиёры.

На расчищенномъ мѣстѣ ставятся на зиму военные бараки. На этихъ бивакахъ будетъ продолжаться исторія.

Все разсортировано по зоологій, и признано по национальностямъ; одна зашатанная Австрія отстала, не зная какую кокарду прицѣпить къ надтреснутой коронѣ — *Славянскую, Нѣмецкую или Ветерскую*. Догадаться, что она прежде всего федерация, и что она только путемъ федерации, можетъ воскреснуть — не трудно, но не достаетъ мозговъ.

Этотъ актъ финала сыгранъ превосходно, быстро, отчетливо, съ поразительнымъ *ensembl'емъ*.

Остались кой-какія “слабости”, до которыхъ не коснулись, и которыми предоставили роль маленькихъ звѣрковъ, сажаемыхъ въ львиную клѣтку, для обнаруженія великодушна “царя звѣрей”.

... О Ромѣ! забытый Ромѣ, какъ онъ былъ правъ, проповѣдая необходимость противопоставить какъ плотину — напору социальныхъ волнъ — национальные вопросы.

По ветрьодуше — ветрьодушемъ, надобно-же знать и мѣру. До сихъ поръ одинъ *наружный* порядокъ быть возможнымъ... его подтачивали тысячи подземныхъ кротовъ, его подмытали тысячи подземныхъ ручьевъ. Что сдѣлать, пока рядомъ съ вольными типографями есть желѣзныя дороги, пока легкость передвиженія и трудность пресѣдованія за границей — помогаютъ другъ другу. Годъ тому назадъ парижскіе студенты вѣднн вѣдѣть съ нѣмецкими въ Льежъ, а въ пынѣшемъ французскіе и нѣмецкіе работники сходились на совѣщаніе съ англійскими и швейцарскими въ Жевевѣ. Простая истина говорить, что Франция и Пруссія не могутъ, не должны терять на европейскомъ континентѣ безъ явной опасности для себя, безъ волюющей непослѣдовательности, терять на нномъ основанн республикъ или свободныхъ государствъ, какъ терять безпаясная республика Савь-Мартино и оперная Валь д'Андоре...

... Тутъ поневоля приходитъ на умъ, такъ сильно грѣшанная прогнвъ національной сортировки, молитва :

Gott protège la Svizzera!*

Да, Швейцарія жаль, петинно, глубоко жаль!

Трудно, бошно себя представить, что вѣровая, готическая свобода изгонннн изъ ся ущенн, съ ея вершинъ, что на Альпахъ будутъ развѣваться прусскіе флаги и трехцвѣтное знамя французовъ. А съ другой стороны такъ ясно, что подобныя противорѣчія, при огромномъ неравенствѣ, рядомъ существовать не могутъ. Вѣ эти ключи свободныхъ государствъ, терниные, какъ цорные и публичныя дома, по разнымъ соображеніямъ, по разнымъ сннхожденіямъ, то какъ лайка между двумя камнями, то изъ боязни, чтобъ другая рука не протянулась за своимъ наемъ — утратили свое право на слабость, свою привилегію на край гибели. Никакихъ соображеній, никакихъ уваженій не остаются. Франция и Пруссія до того сильны, что они остановились : Франция не взяла береговъ Рейна, Пруссія не добралась всей Саксонн, все равно, все боате, да иль, пынче не взято, завтра можно взять.

Одинъ кусокъ не по чепостямъ — Англія. Не даромъ Франция такъ рвется черезъ каналъ... привести въ порядокъ ненавистную страну, съ ея ненавистнымъ богатствомъ...

Англія поблагоденствуетъ еще : въ ней будетъ уже не всемирная выставка, а всемирный складъ всего, до чего доработалась цивилизация, въ ней дѣйствительно увѣчается и пышно развернется послѣдняя фаза средневѣковой жизни, свободы, собственности. Все это до тѣхъ поръ, пока тутъ понимающій, но понимающій работникъ — выучить по складамъ, но твердо такія простыя правила, какъ : “маю habeas corpus а, надобно еще кусокъ хлѣба”, и французскую комментарию къ ней въ англійскомъ переводѣ : “У кого есть дубина, у того есть хлѣбъ”†.

* Когда въ Швейцаріи вводили единую монету во всѣхъ кантонахъ, въ федеральномъ собраніи представился вопросъ : на какомъ языкѣ сдѣлать надпись кругомъ монеты, чтобъ не обидѣть ни одну изъ національностей. Одинъ изъ представителей, шутя, предложилъ вырѣзать . Gott protège la Svizzera, и этимъ кончить вопросъ. Собраніе вѣрнн чеканить монету безъ всякихъ вразъ, а просто съ означеніемъ ценности.

Не замѣчательно-ли, что въ двухъ странахъ, въ которыхъ республика вошла въ жизнь и кровь — въ Северо-Американскихъ Штатахъ и въ Швейцаріи — спланы вмѣстѣ нѣсколько народностей — одна состоитъ изъ всесвѣтныхъ кришльцовъ и бродягъ, другая изъ разноплеменныхъ союзниковъ.

† Мы просимъ нашихъ читателей вспомнить, что въ 1853 и 1854 мы предсказывали, что Европа придетъ къ этому съ своей реакціей, въ рядѣ писемъ подъ заглавіемъ *Le vieux Monde et la Russie*.

... Да, смертельно жаль Швейцаріи — ея недостатки, ея грѣхи, мы знаемъ, но вѣдь она не за нихъ будетъ наказана, а за то, что осталась свободная, федеративная, республиканская — между двухъ деспотическихъ армій

Смотримъ, смотримъ — откуда можетъ придти спасеніе — и не видимъ.

Есть добрые люди, которые думаютъ, что французскій содагъ остановится передъ свитымъ словомъ : “Республика”, передъ свитыми Альпами, дававшими убежище его отцамъ и братьямъ. Въ прошломъ столѣтн онъ смѣло переходилъ горы и рѣки, съ ними была революція, но во пмя реакціи, овь не пойдетъ безславно душить кучку вольныхъ гражданъ...

... Эти добрые люди не знаютъ, что такое французскій солдатъ нашего времени, воспитанный Алжиромъ, зуавами, туркочами... —

Есть другіе хорошие люди, которые думаютъ, что сама Швейцарія должна проснуться, забыть ежедневную суету, федеральныя и кантональныя сплетни, комерцію горамн и иностранцами, и сдѣлать теперь все то, что она сдѣлаетъ, но слишкомъ поздно, т. е. схватиться за карабинъ, кликнуть кличъ народнымъ массамъ сосѣднихъ государствъ и указать имъ весь ужасъ, грозящій отъ этихъ ново вавилонскихъ и ассирійскихъ монархій. Конечно, это было - бы недурно, и во всякомъ случаѣ дало - бы Швейцаріи хорошую, великую кончину...

Но кто же можетъ откликнуться?

Бельгія, что-ли?... Спиа, нечего сказать.

Или ужъ не Австрія-ли пойдетъ на деревяжкѣ выручать свободу міра, съ побитыми воцками и побѣдоносными іезуитами?

И въ сущности, какое дѣло народнымъ массамъ, что изъ нихъ составляютъ вавилонскую или ассирійскую монархію. Развѣ чересполосица, урѣзки и привѣзки Вѣнскаго конгресса были лучше? развѣ имъ было когда нибудь лучше? о пѣмецкихъ, мелкопомѣстныхъ короляхъ, герцогахъ и говорить нечего. Надобно прочесть рѣчь баденскаго министра иностранныхъ дѣлъ въ камерѣ, чтобъ подивиться, какими разбойниками управлнлись нѣмцы, до тѣхъ поръ, пока не пошли на обруганіе прусскихъ владѣній*

Правда, что массы и прежде возставали всегда безмысленно, но онѣ бѣжали за какой нибудь радугою, была какая нибудь повальная мономанія, фанатическая вѣра, которая для нихъ дѣлалась дорожн семениаго крова и своей жизни. Гдѣ теперь эта радуга, это слово, этотъ идеаль? Швейцарецъ будетъ защищаться въ своихъ горахъ, какъ левъ, какъ вепрь — до послѣдней капли крови; онъ будетъ защищать свое, стародавнее, родное, онъ знаетъ, что отстаивать Ну а другимъ что за дѣло? Другіе просто не поймутъ; да и въ самомъ дѣлѣ какъ понять, когда для защиты человѣческихъ правъ приходится становиться съ австрійской стороны...

Хорошъ сумбуръ, къ которому привела спасительная реакція нашихъ западныхъ стариковъ, за то :

Революція — побѣднн,

Красные — побѣднн,

Соціализмъ — побѣднн,

* Выведенный изъ террннн панахкамъ, въ 1815, отъ австрійцевъ, Австрія и Баварія вступали съ Баденомъ въ союзъ, и въ тоже время тайно между собой приготавлились присоединить Баденъ къ Баваріи... Слово разбойникъ потому тутъ не идетъ — что разбойники между собою-то до крайней мѣры честны...

Порядокъ — торжествуетъ,
Тронъ — уврочень,
Полиція — сажаетъ,
Судъ — казнитъ,
Церковь — благословляетъ...

Радуйтесь, и благословляйте въ свою очередь!

... Стало такъ таки просто голову въ перья, и ждать, когда бѣда разразится?

Бѣда-то разразится, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но головы прятать неуживо. Лучше самоотверженно ее подвять, прямо посмотрѣть въ глаза событіямъ, да и въ свою совѣсть кстати.

Событія столько же создаются людьми, сколько люди событіями; тутъ не фатализмъ, а взаимодействие элементовъ, продолжающагося процесса, безсознательную сторону котораго можетъ измѣнять сознание. Историческое дѣло, только дѣло живаго, *пониманья* существующаго. Если десять человекъ понимаютъ ясно, чего тысячи темпо хотятъ, тысячи пойдутъ за ними. Изъ этого еще не слѣдуетъ, что эти десять поведутъ къ добру. Тутъ-то и начинается вопросъ совѣсти.

На какомъ основаніи Наполеонъ и Бисмаркъ ведутъ Европу? что они поняли?

Наполеонъ понялъ, что Франція *измѣнила* революціи, что она остановилась, что она испугалась; онъ понялъ ея *скудость* и то, что все остальное подчинено ей. Онъ понялъ, что старое, сложившееся общество, въ которомъ сосредоточены дѣятельныя силы страны, всѣ вещественныя и невещественныя богатства, хочеть не свободы, а ея представительной декораціи, съ полнымъ правомъ *d'user et d'abuser*. Онъ понялъ, что новое общество, идущее прямо къ социальному перевороту, ненавидитъ старое — но безсильно. Онъ понялъ, что масса не знаетъ ни того, ни другаго, и виѣ Парижа, да въ двухъ, трехъ большихъ центрахъ — живетъ готическими фантазіями и дѣтскими легендами. Онъ все это понялъ — посредн шума и возгласовъ, обавчивающагося республики 1848 года, посреди самонадѣянныхъ притязаній разныхъ партій и неутомимой оппозиціи; оттого-то онъ и молчалъ и выжидалъ, когда “груша поспѣетъ”.

Съ своей стороны и Бисмаркъ не хуже Наполеона оцѣнилъ своихъ филистеровъ; на лавкахъ франкфуртскаго парламента, ему былъ досугъ ихъ раскусить. Онъ понялъ, что нѣмцамъ политическая свобода столько-же нужна, сколько реформація имъ дала религіозной, что и эта свобода имъ нужна только *der Theorie nach*, что они власти повиноваться привыкли, а къ строгой англійской самозаконости вовсе не привыкли. И этого было-бы довольно; но онъ больше понялъ, — онъ понялъ то, что въ настоящую минуту нѣмцы свѣдаемы завистью къ Франціи, ненавистью къ Россіи, что они бредятъ о томъ, чтобъ быть сильнымъ государствомъ, сплотиться... за чѣмъ?... еслибы это можно было объяснить, тогда это не было-бы помѣшательствомъ. Итальянская *Unità* -- снать не давала нѣмцамъ *Einheits* патосу. Что выйдетъ изъ итальянской *Unità*, мы не знаемъ. Но необходимость ея, для того чтобъ прогнать австрийцевъ, Бурбоновъ и Папу — очевидна. Нѣмцы не для своего освобожденія хотѣли единства, а съ агрессивной цѣлью; ихъ столько обижали, что имъ самимъ захотѣлось обидить другихъ. Бисмаркъ все это понялъ... Овозоривши, унизивши народное представительство въ Берлинѣ до той степени, до которой въ исторіи

нашего вѣка не доходило ни одно правительство, онъ при-смотрѣлся; народъ молчитъ. А... если такъ... патриотическій вопросъ о Шлегвигъ-Готштейнѣ впередъ и давай бить датчань. Вся Германія рукоплескала перовному бою. Нѣмецкіе выходцы въ Лондонѣ, въ Нью-Йоркѣ, въ Парижѣ, праздновали побѣды: *Австрии и Пруссии*. Послѣ этого опыта, нечего было бояться, нечего церемониться, маска долой, и Бисмаркъ изъ Германіи пошелъ сколачивать имперію пруссаковъ, употребляя на пылы ключья изорванной конституціи. “Вы хотѣли сильного государства, вотъ вамъ оно, Франція съ нами теперь считается... Вы хотѣли униженія Австріи, мы вамъ ее забили почти до возрожденія — *Liebchen, was willst du den mehr?...*” Свободы графъ, Свободы!” — Ну ужь это извипите, да вамъ ея и не нужно. Пользуйтесь вашимъ величіемъ, молитесь — за будущаго императора пруссовъ — и не забывайте, что рука, которая раздавила цѣлыя королевства, раздавить всякую не благодарную попытку съ вашей стороны, съ неутомимой строгостью. *Sie sind entlassen, meine Herrn!* —

... Если отрѣшиться отъ нашихъ симпатій и антипатій, забыть, что намъ лично дорого и что ненавистно, то особенно кручинится о томъ, что дѣлается въ Европѣ, врядъ-ли придется. Военныя диктатуры и беззаконныя имперіи ближе къ выходу, чѣмъ традиціонныя королевства и законныя монархіи. Въ нихъ Европа не застрянетъ, а подведется къ одному знаменателю... а перегоритъ, и миромъ или войной дойдетъ до страшноты пустоты. Эта пустота и будетъ могилкой всего отжившаго.

Прудонъ какъ-то съ ужаснымъ безчеловѣчьемъ упрекалъ Польшу, “что она не хочеть умирать”. Мы гораздо справедливѣе можемъ это сказать о *старой* Европѣ. Она всѣми силами удерживается въ жизни, а болѣзнь, а смерть все подвигаются. Сознание, мысль, наука и всѣ ея приложения давно переросли готическія и мѣщанскія формы стараго государства. Духъ въ разладѣ съ тѣломъ — изнуренное, узкое и полное недуговъ, оно сковываетъ его. Французская революція 1789 года, тогда еще испугалась этого, и оттого вся сбилась въ войну и политику; она рада была внѣшнимъ занятіямъ — и изъ “правъ человека” развился кодексъ *мѣщанскаго права*.

Какъ ни была шатка и бѣдна революція 1848, но и она сильно рванулась продолжать перерванное политикой перерожденіе, и тутъ-то началась послѣдняя борьба умирающаго старика, отстаивающаго дни свои, вооруженнаго цѣлымъ арсеналомъ вѣковыхъ оружій — съ отрокомъ сильнымъ одной мыслью, одной вѣрой, одной истиной, который въ первой схваткѣ пустилъ пращу и не попалъ. Кажется, чего лучше — старый Гомаѣ побѣдилъ, а умираетъ-то онъ, а не отрокъ; еще два, три такихъ судорожныхъ припадковъ кроваваго бѣшенства, какъ окончившаяся война, еще два, три геройскихъ леченія доктора Бисмарка, и больному нечего бояться ни испанской чахотки, ни голландской водяной...

— Но вѣдь можетъ-же онъ передъ смертью придушить мальчишку, дерзко напоминающаго ему, что пора умирать. Можетъ. Хотя это и далеко невѣрно.

Что-же тогда?...

Идеи сѣются не въ землю. Паука, мысль — не *glebae adscripti*, не *крѣпки почвы*...

... Нѣтъ мѣста евангелію въ Іудей, его несутъ въ Римъ, его проповѣдуютъ варварамъ; нѣтъ молодому работнику простора въ отеческомъ домѣ, на родныхъ поляхъ, онъ уйдетъ въ Америку... не знаю куда.....

Мы это говоримъ не въ первый разъ, но считаемъ необходимымъ иногда повторять, и особенно необходимымъ повторить теперь, когда у насъ все покрыто такими темными тучами, и все такъ быстро, быстро пріуныло.

И—ръ.

“ВѢСТЬ” О ПРУДОНѢ*.

У висѣлицы Каракозова и у тридцати четырехъ позорныхъ столбовъ, передъ которыми разыгралась позорная комедія монаршей милости, наши литературные поставщики материала для уголовныхъ судовъ и муравьевскихъ комиссій, кажется повали, что исчерпали свою задачу, что дальше имъ идти прежнею дорогою не куда. Въ самомъ дѣлѣ, Муравьевъ, которымъ они травили своихъ противниковъ, умеръ; да и травить больше некого. И наша консервативная пресса мечется, очевидно, не зная, куда теперь направить свою дѣятельность.

Моск. Вѣдомости, выказавшія въ пережитомъ періодѣ своего рода талантъ, умѣнье вызывать полицескіе инстинкты тамъ, гдѣ прежде ихъ гнушались по традиціи (какъ напр. въ гвардейскихъ полкахъ), теперь вынуждены на раскольниковъ упражнять свой примѣтно остывающій пылъ, и выдерживать борьбу съ бывшими періями вѣнца. *Вѣсть* тѣмъ временемъ дѣлаетъ геройскія попытки, чтобы занять мѣсто бывшего своего патрона. Пока эта газета ограничивается тѣмъ, что печатаетъ запросные пункты *Колоколу*, или же сама намечаетъ весьма не двусмысленно на свой будто бы официальный характеръ, то намъ, конечно, до нея нѣтъ никакого дѣла. Мы знаемъ ее за архивъ всевозможнаго рода анекдотовъ въ родѣ происшествія съ сюртуконладѣльцемъ, напечатаннаго въ одномъ изъ ея номеровъ. Конечно есть въ ней статейки менѣе невиннаго свойства (напр., требование суда надъ учителями гимназій, въ которой учился Каракозовъ), но въ этомъ отношеніи она не оригиналь, а копія, хотя кошмаръ ея и не сеператисты да нигилисты, какъ у Каткова, а бюрократы и социалисты.

Но ей оказалось мало ея дѣйствительной или мнимой официозности; для успѣшнаго служенія землевладѣльческимъ интересамъ ей оказалось недостаточнымъ излагать только мнѣнія “лучшихъ государственныхъ мужей, находящихся въ нашемъ правительствѣ”. Она принялась излагать такъ же мнѣнія и воззрѣнія Прудона. Фактъ этотъ самъ по себѣ уже знаменателенъ и заслуживаетъ вниманія, какъ первая попытка нашихъ консерваторовъ-публицистовъ спуститься на попринципъ теории изъ области весьма практическихъ обвиненій въ поджогахъ, грабежѣ и царубійствѣ каждаго, кто осмѣливался не преклоняться передъ святостью и неприкосновенностью землевладѣльческихъ интересовъ. Еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Прудонъ въ глазахъ той же самой *Вѣсти* былъ мальчишкою. Вся его премудрость должна была разсыпаться въ прахъ передъ чѣмъ-то такимъ, что знала *Вѣсть*, или кто-то изъ ея добрыхъ знакомыхъ, и что повторялось уже будто бы столько разъ, что даже это надоѣло (см. *Вѣсть* за 30 Іюня).

Теперь Прудонъ оказывается уже “даровитѣйшимъ, если

* Мы получили статью эту 31 Октября, и потому по необходимости должны были оставить ее до нынѣшняго листа — Ред.

не добросовѣстнѣйшимъ изъ социалистовъ”, “патриархомъ социализма”. И это бы еще не бѣда; а дѣло въ томъ, что Прудонъ при всемъ томъ оказывается чуть-ли не такимъ-же защитникомъ “землевладѣльческихъ интересовъ”, какъ и сама *Вѣсть*. Онъ издается надъ suffrage universel. Онъ признаетъ, что “право собственности необходимо”, “что оно вочахнуть не можетъ”. Мало того, Прудонъ въ устахъ *Вѣсти* становится еще и идоломъ: онъ “желаетъ, чтобы собственникъ поставилъ себѣ правду цѣлю вездѣ и повсюду”. А по опредѣленію того-же Прудона правда есть равенство.

Я говорю: мы молчали бы, пока *Вѣсть* задавала бы *Колоколу* и всѣмъ социалистамъ допросные пункты; — я молчалъ бы и тогда, когда *Вѣсть* изъ своихъ статей о “Новой теоріи собственности” приводитъ выписки съ пропущенными въ нихъ словами, забывая прибавить, что объясненію двухъ страшныхъ для нея Прудоновскихъ выраженій *эквилибрація* и *синтезація*, встрѣчающихся довольно часто въ выписанныхъ ею мѣстахъ изъ моей статьи посвящена почти цѣлкомъ та-же статья. Ни о какой недобросовѣстности *Вѣсти*, ни о какой путаницѣ ея понятій мы не будемъ тратить словъ. Но въ настоящемъ случаѣ мы должны были подать свой голосъ, потому что *Вѣсть* такъ безцеремонно обращающаяся съ Прудонемъ, первая укажетъ полицейскимъ сыщикамъ на того, кто внутри Россіи выскажетъ знакомство съ перевираемою ею книгою. Мы говоримъ не съ *Вѣстью*, а съ тѣми, кто не можетъ уздать позорнаго ея Прудона иначе, какъ изъ нея.

И такъ, въ послѣдней своей книгѣ, Прудонъ не думаетъ отречься отъ социализма, отъ своей критики собственности, отъ своего афоризма: *собственность есть кража*. Тутъ кстати замѣтить, что Прудонъ всю свою жизнь боролся съ собственными социалистами, и назвать социалистомъ Прудона можно только тогда, если мы слову социализмъ условимся придавать смыслъ вообще всѣхъ теорій, выводящихъ насъ изъ узкаго міра государственности и собственности. Еслибы Прудонъ отрекся отъ своей критики собственности (какъ это утверждаетъ *Вѣсть*), то этимъ самымъ уничтожалась бы всякая связь между нимъ и какимъ-бы то ни было социализмомъ. Но Прудонъ, повторяю, до конца поддерживалъ свои прежнія положенія о собственности и подтвержденію ихъ посвятилъ бо́льшую половину своей “Новой Теоріи”. Прудонъ говоритъ одно: несъ цивилизаціонный смыслъ собственности въ томъ, что эта форма владѣнія не допускаетъ никакого посторонняго вмѣшательства въ дѣло распоряженія собственника своею собственностью; никто не въ правѣ указывать собственнику, что онъ можетъ и чего онъ не можетъ дѣлать со своею вещью. Такова заслуга самаго принципа собственности, и по этому собственности стоитъ въ глазахъ Прудона выше общиннаго владѣнія. Но въ той-же самой книгѣ Прудонъ указываетъ, что эта сторона точно также свойственна и другой, вовсе несобственнической, а *аллодиальной* формѣ владѣнія.

Противъ собственности возстаютъ и Прудонъ и другіе вовсе не за принципъ ея, а за то, что она, въ силу своего политическаго происхожденія, составляетъ привилегію немногихъ. Прудонъ хочетъ того, чтобы каждый, владѣющій чѣмъ-либо, владѣлъ какъ собственникъ, то есть, не терпя постороннихъ указаній на то, что онъ долженъ и чего не долженъ дѣлать со своею вещью. Но прежде всего онъ хочетъ, чтобы владѣлъ чѣмъ-либо *каждый*, чтобы *каждый* былъ бес-

печень въ своихъ первѣйшихъ потребностяхъ на столько, на сколько онъ сумѣетъ выработать себѣ изъ даромъ даромъ даннаго ему сыраго матеріала нужные для него продукты. Въ теперешнемъ институтѣ собственности Прудонъ ясно указываетъ общественное зло, заключающееся именно въ томъ, что собственникъ въ большинствѣ случаевъ вовсе не владѣетъ (т. е. когда онъ не воздѣлываетъ самъ свою собственность), а беретъ подачку (aubaine) за то, что уступаетъ другому право владѣть своею собственностью. Когда каждый станетъ собственникомъ, тогда подобныя спекуляціи на право собственности станутъ естественно невозможными. Собственность такая, какова она теперь — *собственность политическая привилегія*, или собственность-кража исчезнетъ сама собою. Останется *собственность экономическая, собственность свобода, собственность правда* (la propriété-justice).

Таковъ смыслъ Прудоновой ‘Новой Теоріи’ на сколько его можно передать въ немногихъ словахъ. Что-же касается того, будто *Вѣсть* не нашла въ книгѣ Прудона ‘практическаго отвѣта на вопросъ: что дѣлать для того, чтобы у насъ были *собственники по-правдѣ*, а не *по кражѣ*, — то на это слѣдуетъ замѣтить, что ‘заманчивое заглавіе’ книги Прудона (Nouvelle Théorie) само собою заставляетъ искать въ ней не отвѣтовъ на частныя вопросы, а только общіе законы или формулы. Чтобы мы сказали о томъ, кто, прочитавъ чью-нибудь ‘теоретическую механику’, вздумалъ-бы жаловаться на то, что она не научила его починять часы, или строить желѣзныя дороги. Но и то еще должно замѣтить, что ‘Новая теорія’ даетъ весьма полныя указанія на то: какимъ путемъ должны мы искать замѣны собственности-кражи — собственностью-свободою. ‘Путемъ *эквilibраціи собственности*’ — говоритъ Прудонъ, и поясняетъ эту свою формулу такъ:

Во-1-хъ, *путемъ налога* — говоритъ онъ — общество должно забрать всю ренту (то есть весь избытокъ самого производства надъ тѣмъ, что стоило это производство) въ свои руки. Такимъ образомъ въ рукахъ общества тотчасъ собрался-бы значительный капиталъ, который теперь тратится непроизводительно, или-же оставляется въ рукахъ политически привилегированныхъ лицъ. Нормально-же капиталъ этотъ долженъ идти на слѣдующія учрежденія, составляющія вмѣстѣ съ первыми сущность Прудоновской эквilibраціонной системы:

2) На учрежденія системы взаимности (système de mutualité или de garantie mutuelle).

3) На организацію кредита (его знаменитый *народный банкъ*, а также *Проектъ народной выставки* въ приложеніи къ ‘Новой теоріи’).

Каждому изъ этихъ сочиненій Прудонъ посвятилъ по отдѣльной книгѣ.

Очевидно, *Вѣсть* имѣетъ въ виду не Прудона, а кого-нибудь другаго, когда она рисуетъ социалистовъ въ видѣ армии, идущей на штурмъ собственности. Эти невѣдомые социалисты *Вѣсти* даже побѣждали, но только не умѣли справиться со своею побѣдою. Кто-же бы это? Конечно не Луи-Бланъ съ Луксенбургцами. Они точно имѣли власть (правда, но не на долгое время) въ своихъ рукахъ. Но и они на штурмъ собственности не ходили, а предполагали рѣшеніе социальнаго вопроса не въ погромъ и дѣлежъ имущества, а въ *организацію труда*. Недостаточность этой формулы указана всего лучше Прудономъ-же, но и ее нельзя никакъ причислить къ разряду террористическихъ чѣръ.

Остаются Фурье, С. Симонъ, Робертъ Овенъ, т. е. такіе дѣятели, которые указываютъ возможность социалистическаго развитія рѣшительно безъ всякихъ политическихъ переворотовъ, даже безъ всякихъ правительственныхъ реформъ. Противъ каждаго изъ нихъ многое можно возразить; каждаго изъ нихъ многимъ можно и слѣдуетъ понобить. Но все они представляютъ ту странную особенность, что, если говорить о нихъ, какъ *Вѣсть* говоритъ о Прудонѣ, т. е. безъ знанія ихъ самихъ, безъ предварительныхъ свидѣній, необходимыхъ для яснаго уразумѣнія дѣла, и безъ способности понимать чтобы то ни было, выходящее за предѣлы полицейскаго вѣдомства, то непременно смиримегируешь гораздо больше самого себя, нежели тѣхъ, въ кого желать бы бросить грязью.

Теперь два слова объ издѣваніи Прудона надъ suffrage universel.

Предоставляя желающимъ судить психическій фактъ *Вѣсти*, которая сдѣлала все возможное, чтобы, съ помощью комиссій и полиціи, воспретить читающей публикѣ доступъ къ самымъ источникамъ — теперь принимается за переложение этихъ источниковъ на свои права, — скажу только, что въ строкахъ, подтасованныхъ изъ Прудона этимъ журналомъ, трудно, даже при желаніи, не замѣтить: куда именно направлена ихъ пропія. въ сторону-ли дарованія человѣческихъ правъ людямъ (какъ это понимаетъ *Вѣсть*), или-же въ сторону системы представительства, которая несомнѣнно должна сводиться на жалкую и вредную игру, пока живетъ въ нашихъ обществахъ рабство. все равно, то-ли непосредственное крѣпостное рабство, по которому плачетъ *Вѣсть* (ея статья о вліяніи помѣщиковъ на правдивость крестьянства), или то буржуазно-пролетарьятское, къ которому она такъ усиленно стремится.

Полнѣ мои воззрѣнія на книгу Прудона изложены въ статьяхъ *Колокола*, гдѣ по мѣрѣ возможности я и буду продолжать свои труды надъ развитіемъ социологическихъ теорій. Развѣ серьезная критика докажетъ мнѣ, что моя дѣятельность неумѣстна или бесполезна. Но только не со стороны *Вѣсти* можно ждать ее.

Л. Мечниковъ.

30/18 октября 1866.

КАРАКОЗОВСКОЕ ДѢЛО.

Передаемъ нашимъ читателямъ ‘литературное сказаніе’, прибавленное къ приговору верховнаго суда. Оно никакъ не скрѣплено и не имѣетъ никакого юридическаго достоинства. Но оно очень важно, какъ выраженіе того, какъ правительство хотѣло представить дѣло и отчасти какъ само поняло. По этому мы снова обращаемъ вниманіе на то, что *Заговора не было* и что *никто* изъ наказанныхъ не принималъ никакого серьезнаго участія въ покушеніи Каракозова, а, напротивъ, все были противъ него:

‘Судебнымъ слѣдствіемъ обнаружено, что еще въ 1863 году составилъ въ Москвѣ кружокъ изъ молодыхъ людей, зараженныхъ социалистическими идеями; въ послѣдствіи эти люди начали дѣлать усилія для распространенія и осуществленія своихъ идей на практикѣ; съ этою цѣлью они начали устраивать школы и различныя ассоціаціи, какъ-то: переплетное заведеніе, швейную, основали общества переводчиковъ и переводчицъ и взаимнаго вспомошествованія, старались, для примѣненія своихъ теорій, приобрести ваточную фабрику въ Можайскомъ уѣздѣ и устроить заводъ въ Жиздринскомъ уѣздѣ на социальномъ началѣ для рабочихъ Мальцовскаго завода; нѣкоторыя изъ слѣдъ заведеній и обществъ были уже учреждены безъ разрѣшенія правительства, а нѣкоторыя были, кромѣ того, направлены къ явнопреступнымъ цѣлямъ, какъ, на примѣръ, въ одной школѣ (Мусатовскаго), открытой даже съ разрѣшенія правительства, препода-

Ване различных предметов влопилось къ очевидному возбужденію противъ Верховной власти. Затѣмъ нѣкоторые члены обществъ взаимнаго вспоможенія, а также переводчиковъ и переводчицъ, задумавъ организовать свою дѣятельность на опредѣленныхъ началахъ; для этого они стали собираться на сходки, обсуждать различные вопросы и предложения, составлять и разсматривать проекты уставовъ, и хотя такихъ проектовъ было нѣсколько, но ни одинъ еще не былъ окончательно принятъ, однакоже при этомъ нѣкоторыми изъ участвовавшихъ въ упомянутыхъ сходкахъ были заявлены цѣли и предлагаемы средства самыя беззастѣнливыя, самыя преступныя, въ числѣ цѣлей заявлялись не только эконимическій переворотъ, посредствомъ устроенія и писемной пропаганды, но и социальная революція, дѣлежъ собственности и переворотъ государственныя насильственными мѣрами, въ числѣ средствъ предлагались обворованіе купца чрезъ подставнаго служителя, ограбленіе почты, заведеніе тайной типографіи, освобожденіе изъ каторжныхъ работъ государственнаго преступника Чернышевскаго для руководства предполагаемому революціи и для изданія журнала, такъ какъ романъ этого преступника "Что дѣлать" имѣлъ на многихъ подсудимыхъ самое гибельное вліаніе, возбуживъ въ нихъ пелѣныя противообщественныя идеи, и наконецъ предлагалось принять за правило, что цѣль оправдываетъ средства. Большая часть изъ этихъ предложеній не была принята, но по нѣкоторымъ и безъ общаго согласія были дѣлаемы приготовленія: такъ Ермоловъ купилъ типографскій шрифтъ, а Странденъ готовился ѣхать въ Сибирь за Чернышевскимъ. Но самыя беззастѣнливыя, самыя тяжкія преступленія были задуманы не на общихъ сходкахъ, а въ совѣщаніяхъ между нѣсколькими лицами, къ числу этихъ преступленій принадлежатъ умыселъ и приготовленія Виктора Федосѣева отравить своего отца, для передачи наследства послѣ него тайному обществу, въ чемъ ему особенное содѣйствіе оказалъ Николаевъ; и наконецъ въ небольшомъ кружкѣ были возбуждены разсужденія о томъ, слѣдуетъ ли, по примѣру европейскаго революціоннаго комитета, въ числѣ средствъ для произведенія всеобщей революціи, допускать цареубійства и истребленія правительствъ вообще. Разсужденія объ этомъ предметѣ были возбуждены Ишутинымъ, который, возвратившись въ концѣ 1865 г. изъ С. Петербурга, сообщилъ своимъ товарищамъ: Каракозову, Ермолову, Страндену, Юрасову, Загибазову, Шаганову и Моткову свидѣнія, полученныя имъ отъ Худякова объ упомянутомъ европейскомъ комитетѣ Разсужденія между этими лицами по вопросу о цареубійствѣ вообще происходили нѣсколько разъ, но однимъ были отвергнуты совершенно, а другимъ отложены на неопредѣленное время, кромѣ Каракозова, который выразилъ отрывочными фразами полное сочувствіе этимъ преступнымъ предложеніямъ, и несмотря на то, что въ первый разъ во время повѣдки своей въ Петербургѣ великимъ постомъ былъ удержанъ Ермоловымъ и Странденомъ отъ совершения своего преступнаго покушенія, а Ишутинымъ былъ даже вызванъ изъ Петербурга въ Москву, вторично скрываясь изъ Москвы на Святой недѣлѣ, и безъ вѣдома своихъ товарищей совершилъ 4-го Апрѣля то преступленіе, за которое поспѣе уже назначенное въ законѣ наказаніе.

Въ связи съ этими преступленіями раскрыты и дѣйствія нѣкоторыхъ польскихъ агентовъ, относительно которыхъ обнаружено, что между ними и членами "Организаціи" сношенія существовали, что Поляки помогали Раскскому въ добываніи средствъ, необходимыхъ для задуманныхъ ими преступленій, и сами пользовались ихъ помощью при освобожденіи Поляковъ, осужденныхъ къ каторжнымъ работамъ.

Обращаясь къ опредѣленію вины каждаго изъ помечованныхъ выше подсудимыхъ, верховный усложный судъ усматриваетъ, что какъ предварительнымъ, такъ и судимымъ слѣдствіями обнаружено, что главными дѣйствующими лицами въ образованіи кружковъ съ преступными цѣлями были Ишутинъ, Ермоловъ и Странденъ, что Ишутинъ первый возбуждалъ разсужденія о европейскомъ революціонномъ комитетѣ и объ учрежденіи подобнаго ему общества въ Москвѣ, что въ разсужденіяхъ этихъ участвовали, кромѣ означенныхъ трехъ подсудимыхъ, Юрасовъ, Загибазовъ, Шагановъ и Мотковъ, которые всѣ однакоже возражали противъ всякихъ предположеній о цареубійствѣ, и что о намѣреніи Каракозова совершить покушеніе на жизнь священной особы Государя Императора великимъ постомъ было извѣстно Ишутину, Ермолову, Страндену и Юрасову; другимъ же подсудимымъ вплоть и положительно объ этомъ намѣреніи извѣстно не было. Сверхъ того слѣдствіемъ обнаружено, что Шагановъ составлялъ проектъ устава "Организаціи", въ которомъ было постановлено, между прочимъ, правило, что каждый членъ обязанъ записаться револьверомъ и выучиться стрѣлять, Николаевъ, также составившій проектъ устава, принимавъ, послѣ ареста главнѣйшихъ основателей "Организаціи", самыя дѣятельныя и наиболѣе преступныя мѣры для поддержанія этого общества, ибо добывалъ рецепты для отравленія отца Федосѣева. Мотковъ исправлялъ проектъ устава, составленный Ермоловымъ, и хранилъ проектъ, написанный Шагановымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ принималъ мѣры для противоудѣленія насильственному перевороту, Юрасовъ и Загибазовъ были членами общества имѣвшими полное свидѣніе о преступныхъ цѣляхъ его, но не выказавшими никакой особой дѣятельности.

Въ числѣ лицъ, которыя обвинялись въ знаніи о намѣреніи Каракозова совершить его преступное покушеніе, былъ однимъ изъ первыхъ домашній

учитель Худяковъ. Послѣ арестованія этого подсудимаго, онъ показалъ 7-го апрѣля, что вовсе не знаетъ Каракозова и что давалъ ему денежныя пособія въ качествѣ бѣднаго человѣка, явившагося къ нему подъ именемъ Владимірова; но когда Худяковъ былъ уличенъ въ томъ, что Каракозовъ былъ ему извѣстенъ подъ своимъ собственнымъ именемъ, то сознался 13-го Апрѣля, что скрылъ его фамицію изъ опасенія, чтобъ этотъ человѣкъ не наговорилъ на него или не припуталъ его къ своимъ дѣйствіямъ, изъ желанія сваять какіе-либо ковы на него, затѣмъ слѣдствіемъ обнаружено, что Худяковъ зналъ Каракозова, какъ двоюроднаго брата Ишутина, съ которымъ имѣлъ сношенія по поводу изданія своихъ сочиненій и у котораго занималъ деньги. О первомъ прѣздѣ Каракозова въ Петербургъ, Ишутинъ и Мотковъ узнали отъ Худякова, который, идя съ ними по улицѣ въ Москвѣ, спросилъ Ишутина "Зачѣмъ Каракозовъ въ Петербургѣ?" "Какъ, развѣ онъ въ Петербургѣ?" спросилъ Ишутинъ испуганнымъ голосомъ "Какъ же", отвѣчалъ Худяковъ, "онъ былъ у меня и просилъ 15 руб.". Послѣ этого извѣстія Мотковъ, по собственному его показанію, просилъ Худякова слѣдствіемъ Каракозовымъ, и если онъ будетъ стараться скрыть свое пребываніе въ Петербургѣ, изъ чего можно заключить, что онъ дѣйствительно имѣетъ намѣреніе совершить цареубійство, то навести на его слѣдъ полицію. Въ половинѣ Марта, когда Мотковъ былъ прѣздомъ въ Петербургѣ, Худяковъ сказалъ ему, какъ Мотковъ показалъ на судебномъ слѣдствіи, что Каракозова еще не выдалъ, но что Странденъ, прѣбывавшій за нимъ, не скрывается, слѣдовательно Каракозовъ не имѣетъ никакой преступной цѣли. Наконецъ самъ государственный преступникъ Каракозовъ оговорилъ Худякова въ томъ, что сообщилъ ему на Сампсоньевскомъ мосту и у него дома о своемъ намѣреніи совершить преступленіе и взял у него 15 руб., для покупки пистолета, объявивъ, что намѣренъ на дѣль совершить покушеніе, Худяковъ, по словамъ его, Каракозова, далъ ему, Каракозову эти деньги, во сказалъ, что отъ этого преступленія нельзя ожидать никакихъ результатовъ. Всѣ эти обстоятельства приводятъ къ заключенію, что хотя дѣйствительно Худяковъ въ началѣ своего ареста скрывалъ, что ему извѣстна фамилія Каракозова, по объясненію его, что это сдѣлано имъ лишь изъ опасенія, чтобы Каракозовъ не припуталъ его напрасно къ своимъ дѣйствіямъ, не можетъ быть отвергнуто безъ другихъ уликъ, и потому это не можетъ служить доказательствомъ, что Худяковъ зналъ о преступномъ намѣреніи Каракозова. Затѣмъ, хотя Мотковъ и Ишутинъ о прѣздѣ Каракозова въ Петербургъ узнали отъ Худякова, но какъ свидѣніе объ этомъ прѣздѣ было передано Худяковымъ на слѣдствіи въ обыкновенномъ разговорѣ, въ видѣ вопроса "Зачѣмъ Каракозовъ въ Петербургѣ?" то очевидно изъ этого не возможно вывести заключенія, что Худяковъ, зная о прѣздѣ Каракозова въ Петербургъ, зналъ и о цѣли его прѣзда. Далѣе, хотя Мотковъ утверждаетъ, что просилъ Худякова слѣдствіемъ Каракозовымъ, по оговорка, сдѣланная имъ самимъ, чтобы навести на слѣдъ Каракозова полицію, въ такомъ случаѣ, когда онъ старается скрыть свое пребываніе въ Петербургѣ, — освобождаетъ Худякова отъ обвиненія въ преднамѣренномъ неисполненіи этой просьбы Моткова, такъ какъ ни Каракозовъ, ни Странденъ, прѣбывавшій за нимъ, не скрывались, и слѣдовательно, не могли возбудить въ Худяковѣ опасенія, что первый изъ нихъ прѣхалъ для совершения преступленія. Независимо отъ сего Худяковъ въ томъ, что Мотковъ сообщалъ ему о своихъ опасеніяхъ относительно намѣренія Каракозова, не сознался и не изобличилъ. Наконецъ оговоръ государственнаго преступника Каракозова, не подтвердившійся никакими другими уликами, опровергается самыми обстоятельствами дѣла, потому что хотя Каракозовъ показалъ, что деньги на покупку пистолета далъ ему Худяковъ, но изъ дѣла видно, что пистолетъ былъ имъ купленъ еще въ Москвѣ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ Худяковъ не можетъ быть признанъ уличеннымъ ни въ знаніи о намѣреніи Каракозова, ни въ содѣйствіи ему для приведенія этого намѣренія въ исполненіе. Затѣмъ, хотя Худяковъ не сознался въ томъ, что свидѣнія о европейскомъ революціонномъ комитетѣ сообщены Ишутину имъ, но это обстоятельство подтверждается какъ показаніями Ишутина, такъ и другихъ лицъ, которыми послѣдній тогда же говорилъ, что свидѣнія о революціонномъ европейскомъ комитетѣ сообщены ему Худяковымъ, причемъ хотя Ишутинъ оговорилъ сначала Худякова, что онъ убѣждалъ его основать подобное же революціонное общество въ Москвѣ, но этотъ оговоръ имъ не доказанъ и онъ въ послѣдствіи показалъ, что мысль объ "Адѣ" принадлежитъ ему самому, не подлежащая однакоже сомнѣнію, что Худяковъ зналъ о существованіи въ Москвѣ революціоннаго общества, имѣвшаго цѣлью государственный переворотъ, ибо въ знаніи объ этомъ онъ участвуетъ не только оговоромъ Ишутина и показаніями Моткова, но и частыми сношеніями его, Худякова, съ членами "Организаціи" и съ лицами, разсуждавшими объ основаніи другаго преступнаго общества.

Подсудимые Малининъ, Дмитрій Ивановъ, Лапкииъ и Александръ Пявовъ принадлежали къ числу членовъ общества "Организаціи", имѣвшихъ свидѣніе о противозаконныхъ цѣляхъ и предположеніяхъ онаго, какъ это доказывается тѣмъ, что нѣкоторыя изъ преступныхъ предложеній на сходкахъ были оспариваемы и нѣкоторыя изъ противозаконныхъ предпріятій были отпавлены именно этими подсудимыми, на примѣръ, предложеніе объ ограбленіи почты было оспариваемо Александромъ Ивановымъ; шрифтъ, купленный Ермоловымъ, былъ уничтоженъ Ивановыми, затѣмъ Малининъ, Ивановъ и Лапкииъ старались вообще разстроить "Организацію", пренятствовали ей сходкамъ и образо-

вываѣ кружокъ, ея враждебныя, имѣвши цѣлю соціальную пропаганду, безъ насильственнаго переворота въ государство. Что касается обвиненія некоторыхъ изъ нихъ въ знаніи о разговорахъ относительно образования божіе преступнаго общества “Удъ”, то судебнымъ слѣдствіемъ доказано, что имъ были известны только рассказы Моткова относительно образования этого общества, и что они, имѣя намѣреніе противодействовать этому обществу и даже донести на него, не успѣли еще убѣдиться, дѣйствительно ли предложено основать его.

“Подсудимые Кичинъ, Соболевъ, Сергеевскій, Борисовъ, Воскресенскій, Кутыевъ, Полумурдвиновъ и князь Черкезовъ, хотя также принадлежатъ къ числу членовъ “Организаци”, кроме князя Черкезова, который зналъ только о существованіи этого общества, но никто изъ нихъ не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о цѣляхъ и предложеніяхъ общества, на слухахъ котораго они бывали рѣдко и не могли себѣ составить понятія даже о томъ, что такое социализмъ, нигилизмъ и коммунизмъ. Будучи вовлечены въ это общество главными его членами подъ бѣглымъ предлогомъ учрежденія общества взаимнаго вспоможенія, для котораго предполагалось испросить разрѣшеніе правительства, они, вступая въ это общество, имѣли въ виду только обѣщанное имъ облегченіе своей крайней нищеты и убѣжденіе, что безъ посторонней помощи они не могутъ кончить образованіе, которое одно могло обеспечить ихъ будущность. Затѣмъ хотя князь Черкезовъ обвиняется въ недонесеніи о противозаконномъ преподаваніи ученія въ школѣ Мусатовскаго, но на судебномъ слѣдствіи обнаружено, что свѣдѣнія объ этомъ преподаваніи онъ имѣлъ только по слухамъ.

“Вознесенскій вовсе не былъ членомъ общества “Организаци”, а названъ въ числѣ членовъ его по ошибкѣ Юрасовымъ, объявившимъ на судѣ, что Вознесенскій былъ лишь членомъ общества взаимнаго вспоможенія, для котораго предполагалось испросить разрѣшеніе правительства.

“Относительно прочихъ предметовъ обвиненія изъ дѣла видно, что однимъ изъ первыхъ предположеній главныхъ дѣятелей “Организаци” было освобожденіе осужденнаго въ каторжныя работы государственнаго преступника Чернышевскаго; для этого они хотѣли отправить въ Сибирь Страдена, который предположилъ, въ случаѣ открытія его замысла и мести, оравиться, и потому ему необходимо было достать ядъ. Съ просьбой о приобрѣтеніи яда товарищъ Страдена, Шагановъ, обратился къ учителю одной изъ московскихъ гимназій Трусеву, который познакомилъ его съ другимъ учителемъ Маркомъ, а сей послѣдній, полагая, что ядъ назначается для отравленія литератора Каткова, досталъ стрихнинъ отъ провизора Лаунгауза и передалъ Шаганову. Лаунгаузъ объясняетъ, что Маркъ сначала сказалъ ему, что стрихнинъ нуженъ для мышей, а когда стрихнинъ былъ уже ему отданъ, то на другой день Маркъ сказалъ ему, что одинъ изъ русскихъ революціонеровъ взять этотъ ядъ для отравленія литератора Каткова; желая получить этотъ ядъ обратно, Лаунгаузъ по его словамъ, долженъ былъ войти въ сношеніе съ Шагановымъ и Николаевымъ, изъ которыхъ послѣдній увѣрилъ его, что стрихнинъ остался безъ употребленія, потому что имъ нуженъ не такой ядъ, а медленно дѣйствующій, и просилъ его дать ему наставленіе, какъ составляется aqua torpiana, объяснивъ, что посредствомъ этого яда они надѣются приобрѣсти для своего общества большую сумму денегъ.

“Николаевъ на судебномъ слѣдствіи объяснилъ, что дѣйствительно просилъ у Лаунгауза рецептъ для составленія медленно дѣйствующаго яда, который въ послѣдствіи и передалъ въ десяти экземплярахъ Виктору Федосѣеву для отравленія его отца, такъ какъ сей послѣдній обѣщалъ, по полученіи наслѣдства, пожертвовать оное обществу “Организаци”, ибо онъ, Николаевъ, считалъ позволительными всякія мѣры для поддержанія того общества, которое имѣло цѣлю проводить въ народѣ начала, признаваемые имъ полезными для отечества и для народа.

“Викторъ Федосѣевъ показалъ на судѣ, что дѣйствительно имѣлъ намѣреніе отравить своего отца, для предоставленія наслѣдства послѣ него не обществу “Организаци”, а обществу взаимнаго вспоможенія, но когда сказалъ объ этомъ въ Бирсановѣ брату своему Павлу, то сей послѣдній угрозилъ его оставитъ свое намѣреніе и онъ, убѣдившись словами брата, рѣшился не приводить своего умысла въ исполненіе; а Павелъ Федосѣевъ показалъ передъ верховнымъ уголовнымъ судомъ, что когда братъ его Викторъ сказалъ ему въ Бирсановѣ о своемъ преступномъ намѣреніи и когда онъ, Павелъ, пораженный ужасомъ, хотѣлъ разбить указанныя ему склянки съ ядомъ, то оба они были арестованы полиціей. Изъ этого очевидно, что хотя Викторъ Федосѣевъ и объясняетъ, что рѣшился не приводить въ исполненіе своего умысла, но это опровергается уже тѣмъ, что онъ хранилъ при себѣ ядъ, и что склянки съ ядомъ намѣревался передъ самымъ арестомъ разбить не онъ, а братъ его.

“Учитель Трусевъ въ объясненіе своего участія въ этомъ дѣлѣ, показалъ, что Шагановъ дѣйствительно говорилъ ему о намѣреніи освободить Чернышевскаго, но онъ этому намѣренію не придавалъ никакой серьезности, относительно же принадлежности Шаганова къ тайному обществу, Трусевъ объяснилъ предъ верховнымъ уголовнымъ судомъ, что о существованіи тайнаго революціоннаго общества онъ, Трусевъ, не зналъ, а думалъ, что Шагановъ принадлежитъ къ кружку, имѣющему цѣлю распространеніе грамотности въ народѣ.

“Лаунгаузъ въ оправданіе свое о недонесеніи, что ему было извѣстно о тайномъ обществѣ “Организаци”, объяснилъ на судѣ, что о цѣли этого общества узналъ

только 12-го Апрѣля изъ разговора Николаева съ Маевскимъ, а Николаевъ подтвердилъ, что сообщалъ Лаунгаузу лишь о томъ, что цѣль “Организаци” заключается въ пропагандѣ социализма.

“Маевскій, не признавался ни въ знаніи о существованіи въ Москвѣ тайнаго общества, ни въ укрывательствѣ и снабженіи фальшивыми паспортами и деньгами польскихъ политическихъ преступниковъ, сознался лишь въ имѣніи сочиненій возмутительнаго содержанія, которыя онъ будто бы собиралъ для уничтоженія. При очевидной неосновательности приводимаго Маевскимъ оправданія въ имѣніи имъ возмутительныхъ сочиненій, онъ воишь изобличается, какъ въ знаніи о существованіи въ Москвѣ тайнаго революціоннаго общества, такъ и въ укрывательствѣ и способствованіи побѣгамъ политическихъ преступниковъ, осужденныхъ въ каторжныя работы. Въ этомъ убѣждающъ не только показаніи многихъ изъ подсудимыхъ (Шаганова, Николаева, Юрасова, Маркса, Трусова и Лаунгауза), но и жившаго съ Маевскимъ дворянина Барановскаго, и даже одного изъ скрытыхъ Маевскимъ преступниковъ, Олтаржевскаго. Впрочемъ, въ томъ, чтобы Маевскому была вполнѣ извѣстна преступность цѣлей революціоннаго общества, онъ остался неизобличеннымъ.

“Шестаковичъ, сознавшись въ укрывательствѣ осужденнаго къ каторжнымъ работамъ Ярослава Домбровскаго, просилъ верховный уголовный судъ обратить вниманіе на то, что сознание сдѣлано имъ на первыхъ допросахъ.

“Уѣздный учитель Петерсонъ сознался въ томъ, что зналъ объ укрывательствѣ государственнаго преступника Домбровскаго и не донесъ объ этомъ правительству.

“Что касается обвиненій мирового посредника Бибикова, секретаря козельской управы Оболенскаго, кохновскаго мѣщанина Никифорова, бывшаго судебного слѣдователя Маликова и бывшаго студента Никольскаго — въ знаніи о существованіи въ Москвѣ тайнаго революціоннаго общества, то это обвиненіе на судебномъ слѣдствіи не подтвердилось, точно также не подтвердился и оговоръ Никифорова Петерсономъ въ изъясненіи на словахъ умысла повторить покушеніе на жизнь священнои особы Государя Императора, потому что хотя учитель Петерсонъ на судѣ и повторилъ свой оговоръ на Никифорова, но оговора этого ни на судѣ ни при предварительномъ слѣдствіи ничѣмъ не доказалъ; между тѣмъ слѣдствіемъ обнаружено, что Бибиковъ, Оболенскій и Маликовъ знали объ умыслѣ освободить государственнаго преступника Чернышевскаго, а Никольскій самъ намѣревался освободить государственнаго преступника Серно-Сотюевскаго”.

С М Ъ С Ъ.

Амнистія. По поводу женитьбы наслѣдника провозглашена, съ обычной риторикой самохвальства всѣхъ полудикихъ правительствъ, скуная, жалкая и чрезвычайно ничтожная въ политическомъ смыслѣ амнистія. До прощенья въ самомъ дѣлѣ — Зимній дворецъ еще не доросъ. Прощать, значить понимать, значить обращаться на себя. Тотъ только умѣетъ прощать, кто умѣетъ раскаиваться, а не тотъ кто упивается своимъ собственнымъ милосердіемъ... Еслибъ государь подумать сколько онъ виноватъ въ томъ, что возбудилъ надежды — и неисполнилъ ихъ, что развязалъ языкъ и сталъ есылать за свободную рѣчь — тогда онъ понялъ бы, что *онеры въ партажъ*, и закрывая себя лице, сказалъ бы, освобождая сосланныхъ и захваченныхъ — “*простимъ другъ другу*”.

— Въ Фондѣ, въ полное распоряженіе издателей *Колокола*, присланы за No. 00578 *Тысяча двѣсти франковъ*. Передано отъ Л. М. *двадцать франковъ*. Напоминаемъ, что деньги эти идутъ исключительно на суды и вспоможенія *русскимъ эмигрантамъ*.

Продается ПЕРВОЕ ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

БЫЛОЕ И ДУМЫ

ИСКАНДЕРА

1848—1852

(ЦѢНА 6 фр.)

— *Первый листъ Колокола на 1867 выидетъ 15 Декабря.*

— *Le 1er No. de 1867 paraîtra le 15 Decembre.*

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré-l'Évêque, Genève.

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 231 & 232.

1 Января 1867.

Выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré l'Évêque и въ главныхъ депо — у Г. Георга, 10, Corratierie, Genève; у Н. Триювера, 60, Pat noster Row, Londres. Цѣна за двойной листъ 1 Франкъ безъ пересылки. Прилагается почтовой тарифъ.

Въ Германію	15c.
— Австрію	15c.
— Англию	15c.
— Бельгію	5c.
— Францію	5c.
— Италію	3c.
— Гречію (черезъ Марсель) ..	5c.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10c.
— Швецію	25c.
— Швейцарію	5c.

Paraît à Genève une fois chaque mois. Le dépôt principal est chez H. GEORG, à Genève, Corratierie, No. 10. A Londres, chez N. TRIVIERI et Co., 60, Paternoster Row. Le prix de deux No. est 1 franc, le port de la poste non compris.

Tarif postal :

Allemagne	15c.
L'Autriche	15c.
Angleterre	15c.
Belgique	5c.
France	5c.
Italie	3c.
Grèce (voie de Marseille) ...	5c.
Turquie et Princ. Danubiennes (voie de Marseille) ...	10c.
Suède	25c.
Suisse	5c.

ОГЛАВЛЕНІЕ : ПОРЯДОКЪ ТОРЖЕСТВУЕТЪ—БѢЛЫЙ ТЕРРОРЪ Сибѣ : Скоты · Распоряженіе пажгород. генер.-губернатора Огарева о крпполпнахъ, Фіора приплатя за опасную богородицу, Штрафъ съ дѣтей за разговоръ по польски, Гоненія литературы, По чаети народнаго просвѣщенія, Циркуляръ Гоболька. губернатора, Изъ судебныхъ сценъ, “Кіевскіи Телеграфъ”—“Москва”—Пѣмцы—La Nation — дитръ-актъ—Общій фондъ—Объявленія—Оглавленіе “Колокола” за 1866.

ПОРЯДОКЪ ТОРЖЕСТВУЕТЪ!

L'ordre régne à Varsovie!
SEBASTIANI (1831).

II

Да, по онъ обманулъ, онъ не сдержалъ слова, онъ не далъ покой, онъ не далъ мира, онъ не далъ жизни, а продолжилъ смерть; онъ отвелъ глаза отъ опасности, замаскировалъ пропасть декорациями и самой воиной не достигъ ни до какой прочности. Лишь только умоли барабаны... поднимается прежнее негодование и тотъ-же грозный вопросъ : “что мы сдѣлали съ Авелемъ?” раздается въ ухахъ стараго міра, призывая его къ страшному суду.

Приходится сложить биланъ, по задача ликвидаціи старой фирмы ужасно сложна, слишкомъ много всякого добра, нажитаго потомъ и кровью, наследственнаго и купленнаго на трудовую копѣйку. Какъ-бы ни была очевидна справедливость, но трудно-же безъ боя и сопротивленія все пустить съ молотка. Проволочками, пальятивами ищетъ старый домъ отдалить банкротство.

Только двѣ страны изъ всѣхъ вступившихъ въ большое русло, состоятъ на особыхъ правахъ у исторіи и иначе обращены къ будущему.

Ихъ задача проще.

Ихъ положеніе менѣе сложно.

Ихъ не тревожить въ настоящее время “неужное воспоминаніе и неразрѣшимый споръ*”.

О Сѣверо-Америкавскомъ союзѣ нечего хлопотать, онъ выплыветъ на всѣхъ парусахъ, au large.

Россія еще легче могла бы найти свой фарватеръ, но она сбилась съ дороги за какими-то туманами, сама выдумала себѣ обязательное прошедшее, сама потопила старые корабли, набросала камня въ своемъ морѣ и бонтся ударить весломъ.

* Много разъ приводили мы эти превосходные стихи Гете объ Америкѣ.
Dich stört nicht im Innern
Zu lebendiger Zeit
Unnützes Erinnern
Und vergeblicher Streit.

Объяснить что нибудь правительству — гигантскій подвигъ, за который мы не возьмемъ, оно скорѣе набредетъ темнымъ инстинктомъ, потопнется ощупью на дѣлю, чѣмъ что нибудь пойметъ.

Намъ хочется другаго, очинить снова нашъ основной вопросъ — отъ всего хлама и ила — и сказать падающимъ въ вѣрбъ друзьямъ нашимъ то, что сказалъ своимъ товарищамъ Сюзъ послѣ знаменитаго Allez dire Мирабо : “Мы сегодня тоже что были вчера — будемъ продолжать”.

... Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, я долго бесѣдовалъ съ однимъ старцемъ. Онъ половину своего слишкомъ шестидесятилѣтняго существованія провелъ въ тюремномъ заключеніи; его гнали всю жизнь, гонятъ теперь, не только враги, но свои. Человѣкъ этотъ, забытый въ тюрьмѣ, явился въ 1848 изъ мощи Mont-Saint Michel'я, и какъ то привидѣніемъ среди ликвидаціи Февральской резолюціи и когда отъ него ждали радостнаго привѣта, крика, восторга, онъ громко сказалъ : мы тожемъ и толпа, вывустившая его изъ тюрьмы отступила отъ него, какъ отъ злодѣя, какъ отъ юродиваго или зачумленнаго... “И топите насъ вы, а не враги наши”, продолжать онъ. Его посадили опять въ кѣтку и пользуясь его заключеніемъ, оклеветали его, — а республика потонула и потопили ее они.

Новые пятнадцать лѣтъ смотрѣть онъ, изъ за тюремныхъ рѣшетокъ, на гибель всѣхъ начинаній, всѣхъ упований, — сѣдой какъ лунь вышелъ онъ на этотъ разъ изъ тюрьмы; старика встрѣтила прежняя ненависть, прежняя злоба, и сломленный физически, въ страшной бѣдности, въ совершенномъ одиночествѣ исчезъ онъ въ горахъ, виѣ своей родины.

Старикъ этотъ Опостъ Бланки.

Силы и время тратятся по пустому.

У правительства недостатокъ пониманія, у насъ — вѣры.

Весь усилъ нашъ вновь испеченой, изъ затхлои европейской муки, реакціи — основанъ на этомъ.

Нѣкогда грозный трибуна, потрясавшій массы, заста-

лявший блѣднѣть своихъ судей съ лавки обвиняемыхъ, сталъ тихъ, его рѣчь полная мысли стала мягче, сдержаннѣе — во когда я съ недоумѣніемъ отозвался о роли Франціи, глаза его сверкнули. — “Европѣ одно спасенье—Парижъ... подавленный, молчаливый Парижъ... вы не знаете, что бродить и зрѣть въ парижскихъ массахъ... парижскій работникъ выручить Францію, Республику... всю Европу”. И такая то юная улыбка показалась на губахъ его. Онъ всталъ—худой, сѣдой, одѣнъ кисти и кожа — прошелся по комнатѣ и молча остановился, глядя вдаль, потомъ покачалъ головой, и сказалъ: “Если я не очень скоро умру, я еще увижу это, а вы и подавно”. Вотъ онъ—апостолъ Петръ, Кальвинъ, Сень-Жюсть, наши старцы 14 Декабря, “каторжные вѣры,” какъ выразился Кокрель о гюгенотахъ... миѣ представился умирающій Ворцель—и склонившій къ его изголовью Маццини.

Да, это та вѣра, которая двигаетъ горы, которой чудотворную власть едва можно измѣрить, которая больному говорить: “Возьми одръ твой и иди за мной” и больной идетъ!

Бланки ушелъ. Я былъ подавленъ имъ, и что-то темное всплывало на душѣ — на столѣ лежала книга, я ее взялъ, увѣренный, что найду ложь, грязь, клевету*—и не могъ отъ нея оторваться, другой рядъ мучениковъ, неусыпныхъ дѣятелей, юныхъ и старыхъ бойцовъ явился передо мной. *Виленская* официальная литература, поставила удивительный памятникъ — *польской эмиграции*. Даже съ точки зрѣнія сѣзжей и съ міросозерцаніемъ квартальныхъ надзирателей, — она велика вѣрой и любовью, настойчивостью и несокрушаемостью. Обвинительный тонъ памфлета, грубыя выраженія и грубыя насмѣшки надъ преданностью и несчастьемъ, даже безграмотный языкъ, какъ будто съ большей рельефностью представляютъ эту геройскую кучку, этотъ Ессе homo, заушаемый и въ терновомъ вѣнкѣ. Съ 1831 до 1866, она работаетъ, работа рушится; она начинаетъ вновь — она рушится опять, она опять начинаетъ. Правительства давшія ей убѣжище, такъ-же гѣснять ее какъ тѣ, которые отогнали ее отъ границъ своихъ; она теряетъ лучшихъ людей, скитається изъ страны въ страну и нигдѣ не привыкаетъ, и отсюда только *возвращается* въ свою родину, неся въ груди неисторгасную вѣру въ наступающее ея освобожденіе и готовность лечь за нее костью.

Отъ чего-же у насъ такъ *мало* вѣры — отчего наша вѣра такъ слаба? Отчего такъ многіе у насъ повѣсили голову и опустили руки при первой неудачѣ, при первыхъ несчастныхъ опытахъ, не давая *себѣ отчета даже въ томъ, что не ошибочно-ли сдѣланы они были?*

Неужели для того, чтобъ вѣрить *великой вѣрой*, пужно отчаянное положеніе или мистическое помѣшательство?

Что въ самомъ дѣлѣ перемѣнилось въ нашемъ внутреннемъ

* “Польская эмиграція, до и во время послѣдняго мятежа” (изъ “Вѣстника Западной Россіи”) Вильно 1866. Мы когда нибудь еще возвратимся къ этому кому грязи, такъ замѣчательно не попавшему въ цѣль.

вопросъ?... Мы проходимъ темной четвертью мѣсяца, въ ненастной ночи совершаются ужасы, говорятся мерзости — вотъ и все; но гдѣ-же характеръ прочности, необходимости, живучести этого явленія? гдѣ наткнулись мы на предѣлъ, на родовую ограниченность, на племенную неспособность, какіе элементы *общей надежды* разрушились, обаялись ложными? Излѣдовали-ли мы *силу*, насъ побѣдившую — и причину почему она такъ легко насъ побѣдила? Съ просопья, безъ опредѣленной цѣли, на новомъ дѣя насъ перепутья мы быстро увлекаемся въ ту или другую сторону, потому, что не имѣемъ опредѣленной дороги и увлекаемся *такъ*—по англійскому выраженію *by and by* — и оттого тотчасъ готовы идти назадъ, въ сторону. Спотыкнувшись, мы впадаемъ въ отчаяніе, мы натягиваемъ невѣрие, чтобъ сорвать сердце и равнодушіе, чтобъ отомстить за болю. Это короткое дычанье, эта способность *измѣны*, доказываютъ, что все бывшее *одно введеніе*, что это еще не “служба — службоника, а служба будетъ впереди”.

Борьба у насъ едва завязывается, едва обозначается.

Самой реакціи пѣту полныхъ *пяти лѣтъ*. Или великія жертвы, цѣлый народъ, нехотящій быть съ нами, зарѣзанъ. Муравьевъ былъ великимъ человѣкомъ и Кальковъ великимъ писателемъ, общество заявило себя мерзѣ Муравьева и Каткова вмѣстѣ, крѣпостники подняли голову съ наглостью, честное, независимое слово задавлено, люди пошли на каторгу по фальшивымъ документамъ, судъ надъ врагами существующаго порядка дѣлался въ непроницаемой тайнѣ, правительство запершись на ключъ, судило само въ своемъ дѣлѣ, противно началамъ имъ признаваемымъ, смертная казнь, незаконно введенная, сдѣлалась чѣмъ-то обыденнымъ, гражданскихъ преступниковъ судятъ офицеры, утверждаютъ генералы, разстрѣливаютъ солдаты, какъ будто всякій человѣкъ дѣлается *военнымъ*, какъ только кого-нибудь зарѣжетъ или ограбитъ.

Все это печально и на половину неужно, даже съ *ихъ* точки зрѣнія. Но развѣ можно было ждать, что *это* правительство, послѣдній плодъ, выросенный въ оранжереяхъ Зимняго дворца, поступитъ дѣльно и безстрастно, что оно поступитъ умно и человѣчески? Развѣ можно было ждать, что общество, составленное изъ людей выросшихъ въ развратѣ помѣщичьей жизни, привыкшее съ дѣтскихъ лѣтъ къ самоуправству и рабству, къ зрѣлищу страданій и истязаній, что общество, воспитавшееся на взяткахъ и ябедахъ, въ канцелярияхъ и шевальиныхъ судахъ, что общество, составленное изъ дѣйствующихъ лицъ Островскаго, изъ звѣривца “Темнаго царства” — поступитъ умно и человѣчески? что оно какъ Савль ослѣпнетъ негодяемъ и прозрѣетъ апостоломъ?

Нельзя же было ждать, чтобъ Александръ Николаевичъ заснувъ за чтеніемъ “Что дѣлать?” или *Колокола*, проспучился бы съ рьянымъ желаніемъ отдать землю пароду и начать въ Зимнемъ дворцѣ женскія и мужскія мастерскія?

Тогда и борьба была бы неужна, достаточно было бы чуда.

Въ мрачномъ зданіи петербургскомъ дѣйствительно повѣяло другимъ воздухомъ, тамъ-сямъ явились вѣхи и заглавія, посулы и намѣренія—но съ другой стороны старая николаевская плющильная машина осталась и была въ полномъ ходу.

Прессъ, которымъ сдавливалась каждая человѣческая мысль въ головѣ въ продолженіе тридцати лѣтъ былъ тутъ; все осталось цѣло — армейское управленіе гражданской частью, барская олигархія, подъяческая бюрокрагія. И вы мечтали, что со всѣмъ этимъ, правительство сдалось бы безъ боя, такъ какъ думали московскіе и петербургскіе либералы-помѣщики, что стоитъ потребовать *la charte* — такъ государь тотчасъ ее и закажетъ Буткову или Корфу.

Въ правительственной жизни русской одинъ новый элементъ развился въ послѣднее время, и его мы цѣнимъ очень дорого — это царскій языкъ, безпрестанно болтающій, это полиція, справляющая свои вужды съ трещеткой въ рукахъ, это литературная декастерія, ежечасно поддерживающая царское величіе и православную святость, это вольнонаемная и временно-обязанная журналистика, защищающая престолъ-отечество...

Этотъ шагъ въ грязь—огромный шагъ впередъ.

Грязь высохнетъ и отстанетъ, но замолчать нельзя будетъ. Жаль грубое, невѣжественное уничтоженіе честныхъ органовъ, но намъ было бы вдвое жаль, еслибъ упразднились безчестные органы.

Не то важно *что* правительство говорить, а то почему оно говорить. Оно говоритъ потому, что и у него *впры нтъ*. Оно чувствуетъ потребность не только другихъ, но и себя убѣдить—что оно *сильно* по прежнему, очень *сильно*. Будь у него николаевская самоувѣренность, оно стало бы разить не раскрывая рта. Оно говоритъ потому, что *боится*. Въ безотвѣтной нѣмотѣ, окружающей его — что-то не то что было прежде, слышна мышья бѣготня исторіи...

А мы—молчимъ, снѣдаемые въ свою очередь невѣріемъ и страхомъ.

Изъ этого велѣпаго положенія надобно выйти. Боясь моря, мы страдаемъ отъ качки — удерживаясь на одномъ мѣстѣ въ какомъ-то невозможномъ равновѣснн. Счастье наше, что корабль не идетъ ни на задъ, ни на мѣль не садится.

— “Да что намъ дѣлать? говорите опредѣленіе, формулируйте”...

Требованіе отъ насъ, чтобъ мы формулировали нашу мысль о русскомъ дѣлѣ, повторяется довольно часто. Оно удивительно, и заставляетъ насъ невольно улыбнуться наивному доказательству того невниманья и той небрежности, съ которой люди вообще читаютъ. Вся наша дѣятельность, вся наша жизнь была только *формулированіемъ одной мысли, одного убѣжденія* — именно того, о которомъ спрашиваютъ. Можно сказать, что мы всю жизнь ошибались, можно сказать, что наша мысль гибельна и убѣжденіе пелѣно, но сказать, что мы нашего воззрѣнія *не формулировали* — съ общечеловѣческой югнкой и памятью въ головѣ—*нельзя*.

Можетъ подъ “формулами” друзья наши понимаютъ какъ французы *рецепты*, т. е. впередъ данныя снадобья и приказы какъ поступать въ такомъ случаѣ и въ такомъ. Дѣйствительно, у насъ такихъ формулъ нѣтъ. Да ихъ и ненужно. Серьезные рецепты импровизируются — на общихъ основаніяхъ науки и на частномъ изслѣдованіи даннаго случая.

Усвойте себѣ общій взглядъ, общую формулу, и вы почти никогда не ошибетесь въ частномъ приложеніи... если не измѣните ей сознательно или безсознательно.

Итакъ, прежде чѣмъ продолжать нашъ обзоръ, протвердимъ еще разъ нашу алгебру.

Для этого намъ необходимо, прежде всякаго формулированія, напомнить кое-что изъ *школьныхъ тетрадей*. Все, что мы хотимъ сказать, очень не ново... даже чрезвычайно старо, но не имѣя въ виду этого стараго, можно легко сбиться. Всякая формула ничего не значитъ безъ яснаго пониманья элементовъ, изъ которыхъ она составлена.

Животные, достигая возможнаго органическаго совершенства, останавливаются на немъ, повторяясь, или продолжаютъ исподволь примѣняться къ средѣ, оставляя въ наслѣдство измѣненные или улучшенные органы. Человѣкъ отличается отъ животныхъ *исторіей*; характеръ ея въ противоположность животному развитію состоитъ въ преемственности, больше или меньше сознательныхъ, усилій, для устройства своего быта—въ наслѣдственной, родовой усовершенности инстинкта, пониманья, разума, при помощи памяти.

Ясно, что стадная жизнь, состаряетъ такое-же необходимое условіе историческаго развитія, какъ и самыя лица.

Начало исторіи — непокорность лица поглощающей его семьѣ, стремленіе стать на свои ноги — и невозможность на нихъ удержаться. Племеннымъ безразличіемъ замыкается животный міръ. Міръ человѣческой въ *Библии* начинается *грѣхопаденіемъ*, и *убійствомъ*, разрушающимъ семейную связь, т. е. постановленіемъ своей воли выше заповѣди и выше перваго условія сожитія.

Своеволье и законъ, лице и общество, и ихъ *нескончаемая* борьба съ безчисленными усложненіями и варіаціями, составляютъ всю эпопею, всю драму исторіи. Лице, которое только и можетъ *разумно* освободиться въ обществѣ, бунтуетъ противъ него. Общество, не существующее безъ лицъ, усмиряетъ бунтующую личность.

Лице ставить себя цѣлью.

Общество — себя.

Этого рода антипоміи (памъ) часто приходилось говорить объ нихъ) составляютъ полюсы всего живаго, онѣ не разрѣшимы: потому, что собственно ихъ разрѣшеніе—безразличіе смерти, равновѣсіе покоя — а жизнь только *движеніе*. Полной побѣдой лица или общества — исторія окончилась бы—хищными людьми или мирно пасущимся стадомъ...

Руссо говорящій, что человѣкъ родился *быть свободнымъ* и Гете говорящій, что человѣкъ не можетъ *быть свободнымъ* — оба правы, и оба не правы.

Личность не могла оторваться от общества, общество не могло закабалить лица, но притязания свои они подняли въ высшую сферу — въ сферу *права*. Оно разработалось всей новой историей, всёю европейскимъ развитіемъ

до юридической самосохранности — въ Англии,
до правъ человека — въ 1789,
до правъ разума — въ наукѣ.

Съ другой стороны власть противопоставила не только свое право, но и свою *силу* — основанную на отвлеченномъ понятіи государства, какъ цѣли личностей, на античномъ *Salus populi*, на христіанскомъ порабощеніи личной совѣсти — совѣстью общественной.

Теоретически освобожденная личность очутилась въ какой-то логической, отвлеченной пустотѣ; слабая — практически она стала лицомъ къ лицу передъ правительственной силой, опертой на государствѣ и церкви.

Воля индивидуализма дошла до перегиба.

Права лица и мысли остаются приобретениемъ мистическимъ, книжнымъ, великимъ какъ догматы, ничтожнымъ какъ приложение. Между ними и нѣтъ осуществленіемъ — какъ непреходимая пронасть — *блѣдность и невѣжество*. Личности мало правъ, ей подобно *обеспеченіе и воспитаніе*, чтобы воспользоваться ими. Человѣкъ, не имѣющій собственности — безличенъ. Право на ея приобретение несостоятельно. Одна артель можетъ выручить немущаго. Артель, основана на круговой поруцѣ, на *пожертвованіи* части личности — для общаго дѣла.

Съ собственности готической, аристократической, феодальной, цѣховой, городской сняты всё тяги, она не несетъ на себѣ никакихъ *обязанностей* относительно бѣдныхъ массъ, и вообще никакихъ — кромѣ обязанности найма сторожей въ свое охраненіе, судей въ свое оправданіе. Милостыня, которую даютъ нищей братии, состраданіе къ нимъ — чувство хорошее, но не обязанность относительно нуждающихся. Съ тѣхъ поръ, какъ массы поняли это, онѣ не поддерживаютъ политическаго, революціоннаго движенія и враждебно смотрятъ на мѣщанство, главнаго представителя индивидуализма. Боясь ихъ, мѣщанство ищетъ опоры и защиты въ правительствѣ, опертомъ на невѣжествѣ тѣхъ-же массъ. Отсюда неслыханная ни въ какія времена сила новыхъ полицейскихъ правительствъ.

Выходъ одинъ. Его указала Франція, второй разъ принимая міродержавную инициативу. Соціальный вопросъ, поставленный ею — *открытый вопросъ* для всей Европы.

Устранить его невозможно, разрешить его на пути національномъ, политическомъ, на пути реформъ, замѣняющихъ меньшимъ зломъ большее — невозможно; тутъ не поможетъ ни Итальянская *Unita*, ни Бисмаркова Пруссія, ни даже *manhood suffrage* въ Англии.

Между Европой и Азіей, развивается страпа на новыхъ основаніяхъ. Она выросла колонизацией, захватывая въ свою жизнь всякую всячину, она окрестилась безъ католицизма,

она сложилась въ государство безъ римскаго права и сохраняя, какъ народную особность свою — оригинальное понятіе объ *отношеніи человека къ землѣ*. Оно состоитъ въ томъ, что будто бы всякій работающій на этой землѣ, *имѣетъ на нее право, какъ на орудіе работы*. Это сразу ставитъ Россію на социальную почву и притомъ на чрезвычайно новую.

О *землѣ* не поминала ни одна революція, помогавшая *воли*, по крайней мѣрѣ послѣ крестьянскихъ воинъ. Ни съ горныхъ высотъ конвента, ни съ высотъ польскихъ барикадъ, мы не слышали слова *земли*. Понятіе земельного участка такъ чуждо европейскому пониманію, что Ласаль старался вытолкнуть землю изъ подъ ногъ работника, какъ гиру мѣшающую его свободной личности.

У насъ право на землю не утопія, а реальность, бытовой фактъ, существующій въ своей естественной непосредственности и который слѣдуетъ возвести въ фактъ вполне сознательный. Все сельское населеніе принимало съ покореніемъ въ себя это *естественное право* свое, не разсуждая о немъ. Его только не знали въ высшихъ слояхъ, образованныхъ на западный ладъ.

Селеная община, при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ она развивалась, цѣной *воли* продала землю общиннику. Личность, имѣющая право на землю, сама становилась крѣпка землѣ, крѣпка общинѣ. Вся задача наша теперь состоитъ въ томъ, чтобы развить полную свободу лица, не утрачивая общиннаго владѣнія и самой общины.

Возможно-ли это? — Въ этомъ, въ свою очередь, нашъ вопросъ будущаго.

Большое счастье, что наше право на землю такъ поздно приходитъ къ сознанію. Оно прежде не выдержало бы односторонняго напора западныхъ воззрѣній. Теперь они сами являются въ раздумьи, съ сомнѣніемъ въ груди. Соціализмъ далъ намъ огромное подспорье.

Середь ночи слѣдовавшей за 14 Декабремъ, за польскимъ возстаніемъ 1831 г., середь поразительной легости, съ которой николаевскій гнетъ придавилъ всё ростки — первые, закричавшіе *земля*, были московскіе славянофилы, хоть и они лѣвой ногой стали на дѣйствительную почву, но все же первые.

Они поняли нашу экономическую — социальную особность въ надѣлѣ земли, въ передѣлѣ земли, въ сельской общинѣ и общинномъ землевладѣніи; но понявши одну сторону вопроса, они опустили другую — *волю*, къ которой рвалась личность закабаленная селомъ, царемъ, церковью. Поклонники старинны *на зло* петровскимъ порядкамъ, неслые националисты, *преднамеренные* православные, они съ неблагодарностью забыли чѣмъ имъ дана единоспасающая цивилизація Запада, при свѣтѣ которой — они наши свои кладъ въ землѣ и разглядѣли его.

Европа, плывшая тогда на всѣхъ парусахъ буржуазнаго либерализма, не имѣла понятія о томъ, какъ живетъ въ сторонѣ нѣмой міръ Россіи; сами образованные русские мѣшали ей видѣть что нибудь другое, кромѣ плохихъ копій съ ея собственныхъ картинъ.

Первый пионер, пошедший на открытие России, был Гакстгаузенъ. Случайно попавши на сѣды славянскаго общиннаго устройства, гдѣ то на берегахъ Ельбы, вестфальскій баронъ поблалъ въ Россію и по счастью адресовался къ Хомякову, К. Аксакову, Кирѣевскимъ и др. Гакстгаузенъ былъ дѣйствительно одинъ изъ первыхъ, повѣстившихъ западному миру о русской сельской комунѣ и ея глубоко автономическихъ и социальныхъ началахъ — и когда?

Плануи Февральской революціи, т. е. плануи первого широкаго, но неудачнаго опыта ввести социальные начала въ государственную строй. Европѣ было недосугъ — за своимъ печальнымъ fiasco, она не замѣтила книгу Гакстгаузена. Россія оставалась для нихъ, тѣмъ-же непонятнымъ государствомъ, съ самовластнымъ императоромъ во главѣ, съ огромнымъ войскомъ, грозящимъ всякому свободному движенію въ Европѣ.

За Гакстгаузенымъ, почти непосредственно идутъ наши опыты ознакомить Западъ съ неофициальной Россіей.

Цѣлыхъ семь лѣтъ *учили* мы, на сколько могли, идѣ могли — Россіи. Пифагорово число мало помогло*. Нашъ слушали разсѣянно до Крымской войны, съ ненавистью во время ея, безъ пониманія прежде и послѣ.

“Трудно себѣ представить въ какомъ безвыходномъ, западномъ на глухо кружѣ понятій бьется современный европейскій человекъ и какъ ему трудно достается, какъ его сбиваетъ съ толку, какъ ему ставится ребромъ — всякая мысль, неподходящая подѣ заученныя имъ правила, подѣ заготовленныя имъ рубрики. Рядовые литераторы и журнальные поденщики стоятъ на первомъ планѣ. У нихъ для ежедневнаго обихода есть запасъ мыслей, знаній, сужденій, негодованій, восторговъ и главныхъ прилагательныхъ словъ, которыя у нихъ идутъ на все; ихъ по мѣрѣ надобности сокращаютъ, растягиваютъ, подбрасываютъ въ ту или другую краску. Эта трафаретная работа необычайно облегчаетъ трудъ; ее можно продолжать во всякомъ расположеніи, съ головою болѣю, думая о своихъ дѣлахъ, такъ какъ старухи вяжутъ чулокъ. Но все это идетъ пока дѣло вертится около знакомыхъ предметовъ. Новое событіе, неизвѣстный фактъ принимается напротивъ съ скрытой злобой — какъ незваный гость, его стараются сначала не замѣчать, потомъ выпроводить за дверь, а если нельзя иначе — оклеветать”.

Строки эти были писаны въ 1858 году. Тогда уже дверь въ Россію была не совсѣмъ закрыта, и мы оставая Западъ, обратили наше слово къ Россіи. Пробуждаясь, она, послѣ смерти Николая — жадно искала свободной рѣчи.

Съ чѣмъ-же вы явились передъ ней?

И—Рѣ.

* *Vom andern Ufer*—1850.

Du develop. des idées revolution. en Russie—1851.

Le Socialisme et le peuple russe, lettre à I. MICHELET—1851.

Le vieux monde et la Russie—1854.

Статьи въ герсеиномъ журналѣ *L'homme* и пр.

БѢЛЫЙ ТЕРРОРЪ*

ГЛАВА I

Нѣсколько словъ отъ автора.—Первые аресты.—Разказы о Каракозовѣ

Человекъ, который рѣшается въ настоящее время и при данныхъ обстоятельствахъ писать о такомъ недавнемъ событіи, какъ *дѣло* 4 Апрѣля, ставитъ себѣ не легкую задачу. Онъ долженъ плыть между Сцилои и Харибдой. Съ одной стороны правительство, подозрительное и нутное, боящееся всякой огласки, съ цѣлою стаей шпионовъ, обладающихъ сваркой и чуткѣмъ тончайшихъ интригъ; съ другой — толпа осужденныхъ или ожидающихъ приговора, люди въ оковахъ, идущие на каторгу, и люди сидящіе въ тѣсныхъ, сырыхъ и тинныхъ помѣщеніяхъ московскихъ частей †. Каждое неосторожное слово, каждый ничтожный фактъ, урывшійся отъ взоровъ общаго сѣдственнаго комиссіи, неразсказанный, позабытый или неизвѣстный “чистосердечно раскаявшимся” юношамъ, сообщавшимъ не только факты, но прозвгы, предположенія, мечты, надежды, словомъ, не только то, что было, но и то, чего не было, и то, что *могло быть*, даже то, чего *никогда не могло быть*, — могутъ компрометировать новыя лица, могутъ усилить тяжесть старыхъ обвиненій и дать въ руки правительства возможность въ дальнѣйшемъ дѣйствовать съ большимъ умѣньемъ и увѣренностью. Поэтому я не считаю себя въ правѣ говорить ни о тѣхъ людяхъ, которые дѣйствовали честно, стойко и разумно, устраивая ассоціаціи, заводя школы, развивая народный умъ и указывая ему надлежащие пути, работая тихо и незаметно, но бодро, вѣрно и неутомно идя къ своей цѣли; ни о тѣхъ, которые увеличившись невозможными, несущественными мечтами, отдѣлились и пошли ложнымъ путемъ, играя въ таинственные заговоры съ бровью, бипалами и пилотинами и ставя на карту свое и чужое дѣло. (Да не подумаютъ, что я ставлю Каракозова на одну доску съ этими людьми. Это былъ могучій характеръ, великій фанатикъ своей идеи, вѣчно послѣдовательный, не дѣлавшій дѣла на половину, но шедшій до конца, до послѣднихъ результатовъ, человекъ, достойный лучшей участи, и при иныхъ обстоятельствахъ могшій сдѣлаться героемъ, пождемъ народнымъ). Правительство не поняло смысла дѣла, доказательствомъ чему можетъ служить то трусливое предубѣжденіе, тотъ сверхъестественный ужасъ, съ которымъ оно смотрѣло ваяр. на Ишулина. Оно даже не рѣшилось оставить его въ сибирскихъ рудникахъ или крѣпостяхъ, но воротило съ дороги и засадило, замуrowало на вѣки вѣчные въ шлюссбургскіе застѣнки. Положимъ, Муравьевъ приговорилъ къ смерти двенадцать человекъ, а верховный уголовный судъ смягчилъ этотъ канibalскій приговоръ и представилъ дѣло нѣсколько въ иномъ свѣтѣ, но гѣмъ не менѣе этотъ приговоръ слишкомъ жестокъ и пахнетъ кровью. (Мы рассмотримъ его ниже).

Я не считаю себя въ правѣ сообщить, какъ велелъ министерскія ассоціаціи и безплатныя школы, указать ошибки и

* Печатая большую половину, чрезвычайно интересной рукописи, присланной намъ изъ Россіи, мы оставили совершенно на отвѣтственности писавшаго имъ приводимые факты. — Ред.

† Верховный судъ и Муравьевская сѣдственная комиссія упразднены; по московская сѣдственная комиссія еще не окончила своего дѣла и до сихъ поръ продолжаетъ “хватать” и размѣривать “корни”. (Съ 6 на 7 Октября взятъ студентъ Лебедевъ и отыскиваются многіе другіе).

возможность избѣгать ихъ и тотъ процессъ, которымъ выра-
богивались новыя воззрѣнія и обозначались новыя пути.
Говорить объ этомъ, значило бы выдавать свое дѣло, какъ
говорится, съ руками и ногами правительству.

Я не считаю себя въ правѣ говорить даже о своихъ личныхъ
отношеніяхъ къ осужденнымъ или къ тѣмъ, которые такъ
или иначе замѣшаны въ дѣло... Миѣ остается ограничиться
простымъ рассказомъ тѣхъ происшествій, которыя сѣдовани
за 4 Апрѣля, о дѣяніяхъ слѣдственныхъ комиссій, на сколько
миѣ они извѣстны.

Первые аресты въ Петербургѣ были произведены тотчасъ
же послѣ выстрѣла или по личнымъ соображеніямъ полиціи,
или же по доносу нѣкоего студента с.-петербургскаго уни-
верситета, *Кореево* или *Корейво*. Въ числѣ первыхъ аресто-
ванныхъ находился Худиковъ, которому *Моск. Вѣдомости*
съ такимъ усердіемъ приготавливали висѣлицу.

Каракозова въ третьемъ отдѣленіи заключили въ комнату,
стѣны и полъ которой были обиты мягкимъ войлокомъ.
Полъ-же покрыта кровать, стоящая по срединѣ и составля-
ющая чуть-ли не единственную мебель. Около этой кровати,
назначенной для *важныхъ государственныхъ преступниковъ*,
были поставлены четверо жандармовъ и офицеръ, обязан-
ность которыхъ состояла въ томъ, чтобы не давать Кара-
козову ни на одну минуту заснуть. Едва онъ начиналъ
засыпать, усердные исполнители монаршей воли начинали
толкать его подъ бока, щипать и измученнаго, утомленнаго
вели на допросъ. (Эта пытка продолжалась четверо сутокъ!).
Тамъ уже принимался пытать Муравьевъ, то съ помощью
успѣховъ современной науки и ея представителей въ лицѣ
ученыхъ докторовъ, то съ помощью простыхъ заплетныхъ
дѣлъ мастеровъ (эту должность исправляютъ теперь жандармы),
которые сѣки Каракозова, нога и этотъ способъ
дознанія не оказался опаснымъ для жизни и совершенно
безуспѣшнымъ въ примѣненіи къ этому желѣзному харак-
теру*. Такъ терпѣлъ онъ *вселемъ съ половиной сутокъ*, не
давая ни одного показанія, бросающаго хоть нѣкоторый
свѣтъ на его личность или дающаго "новую нить" (любимое
выраженіе шпионовъ и сыщиковъ), хладнокровно издѣваясь
надъ всѣми *усиліями* Муравьева, его клеветовъ и всѣхъ
добровольно прикомандировывавшихся къ дѣлу слѣдователей
и сыщиковъ†, пока, наконецъ, полиція случайно не наткну-
лась на слѣды новыхъ, *подозрительныхъ* людей, жившихъ
въ Москвѣ, на которыхъ уже доносилъ студентъ Корейво и
не такъ давно вышедшая изъ института, *Марія Кишинецъ*,
"покаявшаяся англичанка".

Каракозовъ, пріѣхавши въ Петербургъ, остановился въ
Знаменской гостинницѣ, не предъявляя своего вида, почему
даже послѣ выстрѣла 4 Апрѣля содержатель долго не рѣшался
объявить объ исчезновеніи 65 №, но по истеченіи законнаго
срока далъ знать полиціи, которая нашла шкатулку съ
листомъ синей сахарной бумаги и проволокой, да на полу
кочки мелко изрѣзанной бумаги. Эти кочки были тща-

* Одна великосвѣтская и во всѣхъ отношеніяхъ благовоспитанная графиня,
обладающая чувствительнымъ сердцемъ и слабыми нервами, на вопросъ:
пытаютъ-ли Каракозова? (эта дама знакома съ гр. Муравьевой) подняла очи
къ небу и съ ужасомъ и негодованіемъ воскликнула: "oh mon dieu!.. est ce
possible?.." "Нѣтъ, его не пытаются, но сѣкутъ каждый день".

† Отличалась и гвардія наша, безвѣрливо предложивъ свои услуги
Муравьеву и III отдѣленію.

тельно собраны. Нашлись искусники, которые, послѣ долгихъ
трудоу, ухитрились такъ сложить эти кочки и прочитать
адресъ (то были конверты). Тотчасъ-же по телеграфу дано
приказаніе арестовать Ишутина, живущаго въ д. Ишотова,
на патріаршихъ прудахъ. Воейковъ спросилъ: арестовать-ли
его товарищей, которые живутъ вмѣстѣ съ нимъ? отвѣтъ
получился, конечно, утвердительнымъ и въ ночь съ 8 на
9 Апрѣля были арестованы Юрасовъ, Ишутинъ, Ермоловъ,
Загибаловъ и, спустя два дни, Странденъ. Ишутина первого
потребовали въ Петербургъ. Говорятъ, его везли одного
съ отдѣльнымъ эскадроннымъ повозомъ и тотчасъ-же по
прібытіи въ Петербургъ повезли на допросъ, гдѣ онъ пока-
залъ, что не имѣетъ знакомыхъ въ Петербургѣ, но что туда
поѣхалъ недавно одинъ изъ его родственниковъ. Тогда его
повели въ казематъ Каракозова. Онъ, такъ по крайней мѣрѣ
гласитъ officialный рассказъ, имѣющій впрочемъ, большія
претензіи на драматизмъ, побѣднѣлъ, задрожалъ и отступивъ
на нѣсколько шаговъ сказалъ: "боже мой, Дмитрій, неужели
это ты!"

Тогда и только тогда стало извѣстно комиссіи, а вслѣдъ
за нею и всей Россіи имя того "глухого и презрѣннаго
злодѣя", который "не можетъ быть русскимъ!" (*Московскія
Вѣдомости*). До тѣхъ поръ онъ называлъ себя то Владими-
ровымъ, то Петровымъ, то полякомъ, то нѣмцемъ какимъ-то,
и всѣ ухищренія и пытки Муравьева, всѣ его *усилія* сло-
мились при столкновеніи съ могучею волею этого желѣзнаго
человѣка*, который погибъ напрасно и безплодно, какъ
гибнетъ большая часть русскихъ, неподходящихъ подъ уро-
вень толпы.

Не могу не привести, въ заключеніи этой главы, нѣсколь-
кихъ рассказовъ о Каракозовѣ, достовѣрность которыхъ не
подлежитъ сомнѣнію. Послѣ неудавшагося покушенія онъ
пытался перекусить на рубъ артерію. Это сей часъ-же
замѣтили и успѣшили заковать его по рукамъ и по ногамъ
крестообразно: правая рука въ лѣвой ногѣ, лѣвая въ правой
ногѣ, желѣзный обручъ обхватывалъ его тѣло въ видѣ пояса.
Когда пришелъ Муравьевъ, онъ лежалъ и не всталъ при его
появленіи. Муравьевъ приказалъ ему встать, онъ замѣнилъ
на это совершенно хладнокровно: миѣ незачѣмъ вставать,
вѣдь не вы миѣ нужны, а я вамъ. Однако жандармы
подняли. Муравьевъ остался наединѣ и началъ допросъ.
Каракозовъ не отвѣчалъ ни слова. "Ты, голубчикъ, загово-
ришь у меня, зарежь Муравьеву; я русской медвѣдь, какъ
начну ломать, только кости захрустятъ". Должно быть, вся
наипѣвшая ненависть, презрѣніе и негодованіе вдругъ
схватили это болное, изнывшее сердце; свернуль онъ
глазами, потрясъ цѣпью, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ближе
къ своему палачу и глухимъ, первымъ голосомъ сказалъ:
"Ты русскій, простой медвѣдь, а я бѣлый, морской, посмо-
тришь кто кого?" Испугался палачъ скованнаго врага,
къ самой двери отскочилъ и позвать стражу.

Каракозовъ пересталъ принимать пищу и когда замѣтили,
что онъ намѣренъ голодомъ уморить себя, его стали питать
бульономъ, посредствомъ трубки.

* Я ничуть не увлекаюсь и не утрирую. Каракозовъ въ Февралѣ мѣсяцѣ
вышелъ изъ клиники, гдѣ его одолевали десятки болѣзней, совершенно раз-
строившия его организмъ. Онъ былъ блѣденъ, худъ, изнуренъ и крайне слабъ
физически во время совершенія своего замысла. И тѣмъ удивительнѣе стан-
вится его совершенное хладнокровіе къ пыткамъ, тѣмъ благороднѣе его образъ
дѣйствій. Онъ сталъ давать показанія, когда молчать было уже излишне.

Его достоинства своими посѣщеніями великие князья и одинъ изъ нихъ также не преминули допросить “безумнаго злодѣя”. Каракозовъ по обыкновенію не отвѣчалъ ни слова, держать себя такъ, какъ будто совершенно никого изъ постороннихъ не было въ казематѣ. “Ты знаешь ли, что я братъ государя-императора?” спросилъ его князь Тотъ посмотрѣвъ на него и сказать съ улыбкой: “Съ чѣмъ васъ и поздравляю!”

Депутатовъ, явившихся въ Петербургъ съ адресами и поздравленіями, также хотѣли взглянуть на Каракозова: Одинъ изъ членовъ московской депутаціи, говорятъ Кокоревъ, вздумать было глумиться и ругаться надъ нимъ. Каракозовъ по обыкновенію ни слова не отвѣчалъ, а только взглянулъ на расходившагося откупщика, но такъ взглянулъ, что Кокоревъ молча, поспѣшнѣе ретировался. Каракозову наконецъ надоѣли эти казачьи посѣщенія, онъ рѣшился отдѣлаться отъ нихъ. Способъ, выбранный имъ, былъ очень оригиналенъ, но оказался вполне практическимъ. Едва показывается любопытствующій субъектъ, Каракозовъ встаетъ и обращается къ нему съ самымъ дружескимъ видомъ: “не правда-ли, какъ жаль, что намъ общее дѣло не удастся?” и руку протягиваетъ, а любопытствующій субъектъ чуть въ обморокъ не падаетъ отъ неожиданнаго приема. Тѣмъ и отучить!...

ГЛАВА II.

Повсемѣстные аресты. — Аресты въ Москвѣ. — Дѣйствія московской слѣдственной комиссіи, ея составъ.

Почью, съ восьмага на девятое Апрелья, начинается періодъ поголовнаго хватанія. Этою ночью отрывается блистательная дѣятельность Воейкова, Позняка и Джолю. Съ этой ночи аресты начались въ громаднѣхъ размѣрахъ. Брали всѣхъ и каждаго, кто только былъ оговоренъ, чье имя было произнесено на допросѣ кѣмънибудь изъ взятыхъ или находилось въ захваченной перепискѣ. Брали чиновниковъ и офицеровъ*, учителей и учениковъ, студентовъ и юнкеровъ; брали жепщицъ и дѣвочекъ, нянюшекъ и мамушекъ, мировыхъ посредниковъ и мужиковъ, князей и мѣщанъ; допрашивали дѣтей и дворниковъ, прислугу и хозяевъ; брали въ Москвѣ, брали въ Петербургѣ, брали въ уѣздныхъ городахъ, въ отдаленныхъ губерніяхъ; брали въ сѣлахъ и деревняхъ, брали въ посадахъ и мѣстечкахъ; брали, брали и брали по такой обширной программѣ, что никто и нигдѣ не чувствовалъ себя безопаснымъ, кромѣ членовъ комиссіи и сотрудниковъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Обѣски производились у всѣхъ, малѣйше заподозрѣнныхъ лицъ; полиція въ своемъ холонскомъ усердіи доходила до высоко-комическаго. Что я вовсе не фантазирую и не преувеличиваю, это можетъ заявить всякій, бывшій въ Россіи въ тѣ трудныя времена, но для доказательства, я приведу два-три факта. Въ Холму (псковская губ.) былъ арестованъ Маликовъ, судебный слѣдователь; въ калужской губ., въ козельскомъ уѣздѣ, мировой посредникъ Бибииковъ, Голофѣевъ, кп. Вадбашеній и секретарь мирового слѣзда Оболенскій, жена его была арестована черезъ нѣсколько часовъ послѣ прѣзда въ Москву въ гостиницѣ Мамонтова, содержалась тамъ нѣсколько недѣль, переведена

* Офицеръ Алексѣевъ взятъ въ Москвѣ съ 16 на 17 Апрелья, и отправленъ въ Петербургъ; позже арестованъ офицеръ Рудневъ и юнкеръ Овсяный (воспитанникъ Александровскаго военнаго училища).

въ сущевскую часть и черезъ 2½ мѣсяца освобождена, такъ какъ никакой вины, самое подозрительное и пристрастное, слѣдствие не могло открыть за ней*. Обыски производились и въ Орлѣ, и въ Екатеринославѣ, и въ смоленской губерніи, и въ калужской, и въ псковской, да по всей вѣроятности, во всѣхъ губерніяхъ и градоначальствахъ российской имперіи. Въ ночь со 2 на 3 Мая арестована швейная въ Катачномѣ перемль, захвачены четыре дѣвушки и старушка нянюшка (питая швея лѣтъ шестнадцать была арестована въ № Оболенской и содержалась боѣе трехъ мѣсяцевъ). Нянюшка сидѣла, подобно государственной преступницѣ, за двойными замками, за желѣзными дверями два мѣсяца. Ее водили на допросы и наконецъ, измученную нравственно и физически отпустили.

Б. и А. Ивановыхъ и Крылову не освободили и до сихъ поръ (10 Октябрю). Вопросы, которые имъ предлагались, были между прочимъ слѣдующаго сорта: сколько вы имѣли мужей? сколько разъ ты была въ гражданскомъ бракѣ, и т. п., только предлагались они въ самой омерзительной и возмутительно-цинической формѣ, приправленные гнусными, казарменно-бульварными шуточками. Сколько приходится вытерпѣвать, выносить нравственныхъ оскорбленій и униженій этимъ беззащитнымъ женщинамъ—и передать невозможно! Замѣчательны также и умомъ нѣкоторые вопросы. Спрашивали, напр., нянюшку: “давно-ли твои барышни перекрестились въ пингизмъ, въ новую вѣру?” и что всего замѣчательнѣе, эти вопросы звучали искренностью: такъ пошлы, тупы и не развиты были эти жандармы-слѣдователи, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ.

Была арестована также переплетная мастерская на Арбатѣ; работники-простомышны призывались къ допросу, потому были освобождены отъ преслѣдованій. Взяты всѣ инструменты и шрифтъ; книги прихода-расходныя; заключены въ часть Фаленъ и Колачевскій, заподозрѣнные въ распространѣніи социальныхъ идей въ средѣ работниковъ и обвиняемые въ устройствѣ переплетной ассоціаціи.

Произведены многократные обыски въ швейныхъ и въ мастерскихъ, казавшихся почему нибудь полиціи подозрительными. Первыми вопросами работникамъ и работницамъ, было: “получаете-ли вы жалованье? не читали-ли вамъ *Что дѣлать?*” Въ понятіяхъ московской полиціи социализмъ и пингизмъ путались; признакамъ и того и другаго было: носеніе синихъ очковъ, борстныхъ волосъ женщинами и длинныхъ мужчинами; отсутствіе кринолина, круглая шляпка; безплатное обученіе бѣдняковъ и не полученіе платы работницами, т. е. “такая ашняя, по выраженію одного полицейскаго мудреца, что ее самъ, прости господи, дьяволъ не разберетъ!” Первымъ вопросомъ арестованнымъ было: “не принадлежите-ли вы къ *сектѣ* пингистовъ?” и если обвиняемый въ этомъ преступленіи отрегается, слѣдователь подозрительно оглядывалъ его съ ногъ до головы и вопрошалъ: “а почему вы носите синіе очки?” или: “отчего вы не стрижетесь?” или: “почему вы ходите безъ кринолина?” Многихъ заставляли письменнo подписывать отреченіе—отчего бы вы думали?—первое, отъ лжеученія пингизма; второе, отъ журнала *Современникъ* и третье, отъ лжеученія социализма.

Читатель, не побывшій въ домѣ стумасшедшихъ, называвшемся и называющемся московской, высочайше утверж-

Тоже съ тверской, нижегородской и смоленской губ.

депной съдственной комиссией по политическимъ дѣламъ, вѣроятно подумаетъ, что мы шутимъ. Но та рука, которая пишетъ эти строки, подписала подобное отречение.

Сказаннаго довольно для обрисовки дѣятельности жандармовъ-сыщиковъ. Да, дѣтели, подобные господамъ Воейкову, Позняку, Дожло и иные съ ними, не спали ночей и не ѣдали куска. Они рыскали цѣлыя ночи; они выходили на ловлю съ зажженнымъ солнцемъ и, какъ тати и разбойники, скрывались при его появленіи. Да, они проливали, такъ сказать, свои поты *за отечество*, роясь въ сундукахъ, шкафахъ, шкатулкахъ, въ грязномъ бѣльѣ и во всякомъ сорѣ, взлѣзая на чердаки, спускаясь въ погреба и чуланы, исполняя самыя разнообразныя должности, заполняя подъ кровати и диваны, щупая и выстукивая обои, и не имѣли ни времени, ни возможности смежить свои отяжелѣвшія вѣжды. Они черпали силы, подобно г. Каткову, въ сознаніи великаго долга, великой миссии — раскрыть злю и вырвать оное съ корнями.

При обыскахъ и арестахъ Воейковъ (въ особенности) обращался рѣзко и грубо, по солдатски, на ты, украшая рѣчь свою площадною бранью и дикими остротами казарменнаго издѣлья, съ людьми, имѣвшими несчастье не принадлежать къ дворянской кастѣ. Имъ вообще приходилось хуже и въ содержаніи имъ отпускалось меньше. Взятыхъ бросали въ отвратительныя помѣщенія московскихъ частей. Были комнаты (напр. въ Арбатской части), до такой степени возмутительно грязныя и вонючія, полныя всякихъ нечистотъ, что человекъ незнакомый съ заведеніями этого рода, положительно откажется вѣрить. Я самъ, до моего ареста, не могъ вообразить, допустить, предположить, чтобы могли существовать такія омерзительныя лавуры. Только отхожее мѣсто какого нибудь большого дома, наполненнаго бѣдными жителями, которое никогда не чистится, можетъ дать понятіе объ этихъ вертепахъ. Я знаю комнату, въ которой ночь была *слоями* покрыта человеческими экскрементами; стояли въ углубленіяхъ и въ углахъ вонючія лужи; на самой кровати, состоящей изъ двухъ, трехъ, ничѣмъ не покрытыхъ досокъ, какіе то веселые люди совершили свои отправленія, и копошились въ немъ мириады самыхъ разнообразныхъ паразитовъ, очень лакомыхъ до человеческого тѣла. Впрочемъ, были помѣщенія довольно сносныя, въ особенности въ существующей части, что составляетъ однако очень рѣдкое исключеніе. Общюю же чертою была, есть и вѣроятно долго еще будетъ — нечистота, грязь, сырость и вонь. Въ пречистенской, напр. части, до 7 или 8 Октября, стекла не были вставлены въ рамахъ, морозы-же стали въ Москвѣ съ 18 или 19 Сентября, бывали сильные дожди, снѣгъ началъ падать со 2 или 3 Октября. Нища соответствуетъ обстановкѣ и счастливицамъ могутъ почитаться тѣ, которымъ родные или знакомые присылаютъ обѣды.

Многие изъ арестованныхъ сидѣли дни, недѣли и цѣлыя мѣсяцы не допрашиваемые, въ полной неизвѣстности за что они попали въ эту грязную яму. На допросы обыкновенно возили ночью, начиная съ десяти часовъ; комиссія засѣдала до разсвѣта и исчезала при первомъ солнечномъ лучѣ.

Не смотря на все безобразіе своего состава, московская съдственная комиссія не испытывала тѣхъ мѣръ, къ какимъ прибѣгала муравьевская. Впрочемъ, между ними существовала большая разница. Послѣдняя была верховною, неогра-

ниченною, снабженною широкими полномочіями, тогда какъ первая состояла только ея вѣтъ и не имѣла самостоятельнаго значенія. Самая личность председателя московской комиссии, князя Долгорукова (москвский генер.-губернаторъ), довольно добрая и мягкая, — таковъ, по крайней мѣрѣ, общій отзывъ и судившихъ, и судившихся. Въ немъ совершенно нѣтъ этой жандармско-инквизиторской злостности сыщика-слѣдователя; онъ не подкапывается подъ каждое ваше слово и выраженіе съ цѣлю поймать и упечь, напротивъ, онъ всегда бывалъ доволенъ освобожденію подсудимыхъ; онъ помогалъ имъ изъ нихъ средствами и всегда обращался вѣжливо, мягко и ласково, по человѣчески, а не по солдатски. Цельзя того-же сказать о другихъ членахъ комиссии. Берингъ... по его имя и дѣятельность такъ извѣстны читателямъ *Колокола*, что я совершенно избавленъ отъ неприятнаго труда говорить объ немъ. Познякъ самый злостный и болѣе всѣхъ остальныхъ образованный сыщикъ-слѣдователь. Онъ прошелъ огонь и воду; былъ *либераломъ* — рекомендація вполне достаточная. Воейковъ отличается отсутствіемъ самыхъ элементарныхъ знаній и совершенно не осмыслилъ. Жандармъ до мозга костей, сыщикъ и шпионъ по призванію. Михайловскій юнъ и жаждетъ отличиться и угодить начальству. Карьера его упрочена и мы можемъ поздравить его грядущимъ Познякомъ. Остальные не заслуживаютъ упоминенія, но мы не ошибѣмся и будемъ вполне справедливы, если скажемъ, что всѣ члены этой комиссии, исключая кн. Долгорукова, вполне заслуживаютъ висѣлицы, если признать принципъ необходимости смертной казни для всѣхъ злодѣевъ, столь усердно проповѣдуемый съ кафедръ московскаго университета.

ГЛАВА III.

Какъ отнесся народъ къ выстрѣлу 4 Апрѣля. — Истинный характеръ народнаго возмущенія — "Онъ русскій". — Царство слова и дѣла. — Пресѣдованіе нигилизма, то есть стриженныхъ волосъ и свинныхъ очковъ. — Фокусы московской полиціи.

Утромъ 5 Апрѣля (вторникъ), въ Москвѣ зазвонили и затревожили всѣ сорокъ сороковъ; по домамъ ходили будочники и разносили печатные листки, извѣщавшіе, что рука всевышняго спасла драгоценную жизнь царя, что злодѣй схваченъ и заточенъ. Впечатлѣніе было сильное; рѣшили, что никто другой не могъ этого сдѣлать, кромѣ поляка. Негодовали публицисты, негодовали члены англійскаго клуба, негодовали лавочники, ну, и народъ негодовать. Впрочемъ онъ негодовалъ по своему и совсѣмъ не на поляковъ. Чутьемъ какимъ-то угадалъ онъ, что стрѣлялъ не полякъ, но русскій; шла молва, что стрѣлявшій *дворянинъ-полтыцкикъ*, что это онъ отмститъ хотѣлъ націю за волю, которая и безъ того совсѣмъ испорчена дворянами. Вотъ какъ понялъ народъ выстрѣлъ вездѣ и повсемѣстно; вотъ почему свирѣпѣлъ онъ и готовилъ топоры. Только продажные казенные публицисты, да жалкіе, тупоумные писатели и ораторы, неспособные понимать смысла совершающихся фактовъ, могли придать взрыву народнаго чувства казенный и пошлый характеръ съ примѣсью той приторной и рутинной сентиментальности, которою отличаются русскіе селяне въ жалкихъ издѣльяхъ жалкой и почти невозможной въ настоящее время литературы. Пужень громадный запасъ безсовѣтности или идиотизма, чтобы народное движеніе послѣ 4 Апрѣля рѣшиться объяснять тѣми-же мотивами, которые управляли неистовой толпою пошлыхъ,

низкопомойныхъ холоповъ, прогонявшихъ со сцены поляковъ, пѣвшихъ “боже царя храни” и на колѣнахъ молившихся за царя и его спасителя Комисарова.

Нѣтъ, народнымъ движеніемъ управляю не холопское чувство вѣрноподданнической преданности. Эта преданность, крайне спорная и сомнительная, является результатомъ вѣковаго рабства и того безвыходнаго, глубокаго невѣжества, въ которое погруженъ народъ. Само правительство слишкомъ хорошо понимаетъ это; отсюда его безпощадныя преслѣдованія тѣхъ людей, которые усропваютъ народныя школы и учатъ народъ не краткому катехизису и псалтырю, но предметамъ полезнымъ и развивающимъ; отсюда его система держать народъ въ томъ-же вѣковомъ невѣжествѣ. Народъ дѣйствительно преданъ Александру II, но не потому только, что онъ царь, а потому, что Александръ II въ его глазахъ—его освободитель, милостивецъ и защитникъ. Во всѣхъ бѣдахъ и скорбяхъ народныхъ виноватъ не царь, а его совѣтники—*дворяне*. Со дня изданія перваго манифеста о “воль”, пошли въ народѣ толки, перешедше въ народную вѣру, что дворяне *сбиваютъ* царя, не даютъ ему дѣлать того, что онъ хочетъ сдѣлать, *портятъ волю*. Послѣ манифеста 19 Февраля и изданія “Положеній”, это мнѣніе еще болѣе утвердилось. Народъ былъ убѣжденъ, что данная воля “*подложная, дворянская*”, что помѣщики обманываютъ мужиковъ и хотятъ вновь закабалить ихъ, что скоро царь придетъ “настоящую, волющую волю”, въ силу которой вся земля будетъ мужицкая, а не барская. Это несчастное заблужденіе, эта несчастная вѣра въ царя, котораго обманываютъ, “обходятъ”, который самъ по себѣ не можетъ рѣшиться на такую вопіющую несправедливость, какою былъ манифестъ 19 Февраля и “Положенія”, дорого стали народу. Крестьяне отказывались служить помѣщикамъ, подписывать уставныя грамоты и во всѣхъ концахъ Россіи потекла кровь этихъ беззащитныхъ, безоружныхъ и несмысленныхъ людей. Дикіе сатрапы стрѣляли, рѣзали и засѣкали несчастный народъ, который послѣ всѣхъ уроковъ еще не опаматовался и въ массѣ остался при томъ-же наивномъ убѣжденіи, что царя “обошли”, что не онъ самъ, а помѣщики испортили волю. И до сихъ поръ онъ вѣритъ въ иную, *настоящую волю*, какъ евреи въ пришествіе Мессіи.

Всѣ крестьяне были несомнѣнно убѣждены, что выстрѣлъ сдѣлалъ *помѣщикъ* изъ мести и желанія послѣ смерти царя окончательно испортить волю и опять воротить крѣпостное право. Народное движеніе было движеніемъ чисто демократическимъ, враждебнымъ дворянству и всему тому, что носитъ на себѣ печать барства и аристократизма. Смерть Александра II была бы сигналомъ къ избиенію помѣщиковъ и Каракозовъ очень хорошо понималъ это. Глубокое убѣжденіе, что при жизни настоящаго государя невозможно ни какое народное движеніе противъ правительства, и привело его къ сознанію необходимости смерти Александра II: онъ, помимо “ада” и всякихъ разсужденій о всемірныхъ революціонныхъ комитетахъ, рѣшилъ убить лицемѣрнаго царя, задерживающаго народную жизнь, давящаго народныя*

* “Московскія Вѣдомости” по обыкновенію проврались отъ издѣлшнаго усердія. Онѣ торжественно объявляли однажды, что если бы увѣренія иностранныхъ газетъ, утверждавшихъ, что преступникъ русскій, оказались справедливы, то этотъ фактъ доказывалъ бы, что связь между русскимъ царемъ и народомъ порвалась. И вдругъ въ слѣдующемъ Но. убійственная телеграмма. *Вазусъ этотъ прошелъ незамѣченнымъ.*

силы, и тогда уже никакая земная сила, кромѣ смерти, не могла остановить его.

Наконецъ оффиціальнымъ путемъ стало извѣстно, что онъ русскій, не смотря на клятвенныя завѣренія *Московскихъ Вѣдомостей*, что онъ “не можетъ быть русскимъ”. Въ телеграммѣ говорилось, что онъ проповѣдывалъ крайнія ученія социализма. Тогда накинѣнная злоба, злоба самая гнусная и презрѣнная, злоба на все мелодое, свѣжее и здоровое нашла себѣ достаточное оправданіе. Тутъ уже не одиѣ *Московскія Вѣдомости* съ своимъ единомышленниками отличались, нѣтъ, всѣ массы, всякая “стыдливая покровы” были сброшены — и передъ нами, во всей ихъ омерзительной наготѣ, предстали и эти прежніе либералышки, и эти скромные Молчаншны, не рѣшавшіеся “свое сужденіе имѣть”, и эти втихомолку явившіеся мужи, до сей поры весьма перѣшпительно поддакивавшіе *Моск. Вѣдомостямъ*. Правительство также перестало стѣсняться и тѣ начала, которыя оно проводило подъ сурдинкою, въ секретныхъ предписаніяхъ къ разнымъ предержавнымъ властямъ, въ постоянномъ гоненіи и угнетеніи прессы, въ постоянномъ преслѣдованіи просвѣщенія и всего того, что могло бы вывести народъ изъ его вѣковаго отупѣнія, оно высказало теперь смѣло, открыто, не краснѣя и торжественно, оффиціально признаю ихъ исходной точкой своей системы въ знаменитомъ рескриптѣ отъ 13 Мая на имя предсѣдателя совѣта министровъ и впоследствии предсѣдателя Верховнаго Уголовнаго Суда, кн. Гагарина. Все что прежде пряталось отъ дневнаго свѣта и боялось высказаться открыто и обнаружить свои истинныя чувства, вмгъ зашевелилось. Наружу всплыла вся грязь и тина, “откупорились всѣ стьянки”, помонныя ямы и зловонныя клоаки. Величались и хвастались тѣми убѣжденіями, которыхъ прежде стыдились, гнушались, презирали и боялись паче позорнаго клейма. Обнаружилась вся та нравственная порча, все то дикое невѣжество, кровомадное, необузданное, которое никогда не доходило до такихъ несповствъ въ самый разгулъ польской революціи.

Къ стаѣ “единомышленниковъ” Муравьева и Каткова присоединились студенты московскаго университета, того самаго, въ которомъ учился Каракозовъ, Юрасовъ, Ермоловъ, Страденъ и другіе. Хожденіе къ Певрекой, пѣніе подъ окнами Каткова, слишкомъ извѣстныя безобразія и говорить объ нихъ снова я считаю совершенно излишнимъ. Но вотъ повны, характерныя факты. Студентъ С заиѣтилъ въ отложемъ мѣстѣ, что оно — единственное приличное мѣсто для совершенія тѣхъ безобразій, которыя позволяли себѣ студенты (эти достойные юности сбывали шансы со встрѣчныхъ): Двое изъ присутствовавшихъ при этомъ студентовъ изъ породы “*аристократовъ*” (къ моему искреннему сожалѣнію я забылъ ихъ фамили и потому прошу сообщить ихъ, знаетъ) немедленно отправились съ доносомъ къ инспектору .. даже вѣскольکو исказили текеть фразы съ попятною цѣлью. Камеръ-юнкеръ, бывший адъютантъ, Н. П. Красовскій, просилъ ихъ оставить “эти пустяки”. Къ тому-же, убѣждалъ онъ своихъ питомцевъ, что С. кончаетъ курсъ, держитъ экзамены, подобное дѣло можетъ повредить его карьерѣ. Но этого-то собственно и добивались ученики Баршева, ибо преступленіе влечетъ за собою наказаніе. Они настояли, чтобы дѣло пошло формальнымъ порядкомъ. С. засадили въ часть, таскали на допросы, по черезъ мѣсяць, московская слѣдственная коммиссія

въ лицѣ гг. Берина, Позняка и Воейкова, оправдала то, чего не могли оправдать студенты юридического факультета московскаго университета!..

Трезвыми студентами не уступали пьяные офицеры, сапожники, кучики. Въ трактирѣ *Сиратовъ*, офицеръ едва не изрубилъ пѣмца, который глубокомысленно замѣнилъ, что радоваться можно и даже должно, но зачѣмъ-же безобразничать; тамъ двое приличныхъ джентельменовъ (ужь не студенты-ли?) нигилистку прибили, а сине очки разбили; тамъ пьяная толпа, несшая на плечѣхъ портретъ Комисарова, помяла бока господина, неснявшаго шапку (видимое раздражаніе *трезвыми* студентами), а другая, отказавшагося купить портретъ Комисарова съ супругой, арестовали. Веселое было время!

На площадяхъ и у всѣхъ, такъ называемыхъ *воротъ* (пречистенскихъ, нинтескихъ и пр.), служились молебны. Ихъ устраивали мѣстные торговцы. Для этого на скоро сколачивалась эстрада и нѣчто въ родѣ деревяннаго балагана, открытаго съ одной стороны; приглашались трубачи, иверская и духовенство. Собирались толпы звѣкъ и народъ (онъ скоро омадѣлъ) принималъ участіе въ качествѣ простаго зрителя любопытнаго, но совершенно равнодушнаго и безразличнаго къ смыслу торжества. Вносидеи онъ даже почти не кричалъ ура, въ силу чего расхаживали въ толпѣ бутари и впушали патриотическія чувства кулаками—а также и религиозныя. Кто не становился на колѣни, того влекли въ сибирку и толпа преклоняла колѣни въ грязь, въ лужи и въ мокрый снѣгъ. По окончаніи молебна трубачи трубили “боже царя храни”, иверская садилась въ карету и уѣзжала на промѣль, а хоръ мальчишекъ съ акомпаниментами бутарей, что есть мочи голосилъ ура, но по большей части слышалось *уля*, такъ какъ кричали почти исключительно ребятами отъ 5 до 14 лѣтъ включительно. Пьянство было повальное. Пили и шампанское, и сивуху; пили народъ и на красной площади, и на тверской, гдѣ въ 1861 г. онъ билъ студентовъ. Онъ пилъ, кричалъ ура и толпами бѣжалъ, чтобы выпить на даровщинку и поглазѣть, но о “восторгѣ патриотическомъ” и помину не было! Вотъ очень характеристичный случай. Идетъ пьяный мужикъ, пѣсню поетъ (тогда въ часть не брали, и народъ таки потѣшился надъ однимъ рынымъ квартальнымъ, поставленнымъ въ невозможность дать въ зубы и повѣчь въ сибирку). “Эхъ, ты, мужланъ, нализался въ такой депъ”, замѣтилъ ему сѣдовласый, пузатый купецъ. “Нализался! а какъ не нализаться то. Мы этакого то дня, подика-сь съ самой коронаціи ждали”. Это мы собственными ушами слышали.

Во главѣ этого движенія шли, конечно, московскіе сроспѣея публицисты. Каждый *№* *Московскихъ Вѣдомостей* заключалъ въ себѣ новый доносъ. Не было статейки въ этой полицейской газетѣ, которая бы не содержала въ себѣ какогонибудь намека, указанія. Имъ мало было нигилистовъ, *Современника*, Жуковскаго etc., они доносили на семинари, школы, *Губернскія Вѣдомости*, они съ ужасомъ указывали правительству, что люди, много лѣтъ “упражнявшіеся” въ нигилистическихъ журналахъ, занимаютъ мѣста управляющихъ палатъ, т. е. Салтыковъ (въ Пензѣ предс. казенной палаты) и Уньковскій (въ Твери предс. контрольной палаты)*. Въ своемъ преслѣдованіи нигилизма и нигилистовъ *Моск.*

Вѣдомости дошли до потери всякаго смысла, до смѣшнаго, до уродливаго. Пошеніе длинныхъ волосъ или синихъ очковъ, было поступкомъ, съ точки зрѣнія Каткова, близко граничащимъ съ дѣломъ государственной измѣны. Стриженныя, у васъ нѣтъ кринолина, берегитесь. Стриженые волосы и отсутствіе кринолина суть несомнѣнные признаки нигилистки. А что такое нигилизмъ? Нигилизмъ есть государственная измѣна. Значитъ, умозаклукати *Моск. Вѣдомости*, стриженые волосы и отсутствіе кринолина государственная измѣна. Бездѣ и во всемъ, въ статьяхъ Мазата и въ синихъ очкахъ, въ “вопросѣ вододато покойна” и въ отсутствіи кринолина, глубокомысленному и проинцательному публицисту мерещились признаки подземной интриги, адской махинации. Московская полиція не отставала отъ своего вождя. Муравьевъ въ Петербургѣ выдавалъ нигилистамъ желтые билеты, Араповъ въ Москвѣ разослалъ по частямъ циркуляръ, видимо составленный редакціей *Моск. Вѣдомостей* и начавшейся словами: “Такъ какъ среда, выросившая въ своей средѣ Каракозова, заклеимла себя въ глаза общества—(бойкое перо! сеп часть видно кому принадлежитъ), между тѣмъ на бульварахъ и на улицахъ встрѣчаются личности, осмѣливающіяся носить костюмъ, присвоенный сказанной средѣ, то предписывается г. частному такой-то части обязать подьяской всѣхъ нигилистокъ, живущихъ въ его участкѣ, не стричь волосы, носить шивюшы и кринолины и не носить синихъ очковъ и маевыхъ круглыхъ шляпокъ. Буде-же нигилистка откажется дать требуемую подьяску, или-же давши оную, буде-же продолжать стричь волосы, носить очки, круглую шляпку и не носить кринолины, то выслать ее административнымъ порядкомъ изъ Москвы въ теченіи 24 часовъ. Всѣмъ членамъ полиціи вѣняется встрѣчную нигилистку брать въ часть для отобрания подписки, буде-же оная окажетъ сопротивление—выслать изъ Москвы”. Если я, кромѣ первой фразы, не буквально передалъ этотъ циркуляръ, то смыслъ его передаю мною съ буквальной точностью—ручаюсь въ томъ. Въ большое затрудненіе ставили частныхъ эти круглыя шляпки. Какія именно? рисунка не было приложено при циркулярѣ, а круглыя шляпки были въ модѣ, ихъ носили всѣ, ихъ носили полицейскія дамы и дѣвицы.

Чтобы окончательно урошить нигилизмъ въ глазахъ общества, московская полиція измыслила слѣдующую мѣру: Однажды (недѣли черезъ двѣ послѣ выстрѣла) на Тверскомъ бульварѣ появился полицейскій, изображающій нигилиста. Видъ онъ имѣлъ самый необузданный, по рецепту г. Ключникова. Волосы всклокоченные, косматые, длинные, костюмъ какой-то чудовищный, невозможный, шляпа необычнаго вида и величены; въ рукѣ толстая, сучковатая дубина, а на глазахъ и на лбу вѣсколько паръ синихъ очковъ, разнообразной формы и величины. Ходитъ онъ по бульвару, окруженный толпою мальчишекъ, и зычнымъ голосомъ кричалъ самыя пошлыя пелѣнцы, самыя глупыя выходки, между прочимъ: “я нигилистъ! я социалистъ! я другъ Каракозова!” И это на бульварѣ, полномъ публики, явной и тайной полиціи, передъ окнами оберъ-полицейстерской квартиры. Не правда-ли, остро?

Да, это была такая любочная и грубая продѣлка, что самая полиція рѣшилась черезъ три дня убрать этого нигилиста.

допесо на упр. коптр. и. Головачева, сначала Муравьеву, а потомъ форменнымъ порядкомъ Шувалову, что Головачевъ видимо неблагонамѣренный человекъ, что онъ не былъ на радостныхъ обѣдахъ и не подивсалъ адреса. Похвально!

* Кстати: Саратовское дворянство (депутация, являвшаяся въ Петербургъ)

По части изобрѣтательности московская полиция пасовала передъ петербургскою и должна была подражать ей, дѣлать то, что уже было сдѣлано въ Петербургѣ, на пр. вмѣнить въ обязанность публичнымъ женщинамъ остричь волосы, надѣть сине очки, словомъ связати, и преобразоваться въ “нигилистокъ”.

Одинъ изъ сосланныхъ подъ надзоръ полици.

С М Б С Б СКОТЫ

Голосъ приводитъ (въ 307 №), слѣдующее распоряженіе изъ “Нижегородскихъ губ. Вѣд.”:

“Г. Нижегородскій генералъ-губернаторъ Огаревъ, въ отношеніи, отъ 13 Октября 1866 года, за №. 140, къ г. начальнику губернии, изъяснилъ. Замѣчено имъ, что на улицахъ Нижняго-Новгорода встрѣчаются иногда дамы и дѣвчички, и жшца особаго рода костюмъ, хвосты такъ-называемыми “нигилистками” и всегда почти публичной слѣдующія отищя : круглыя шляпы, сгрывающія кортвы-обстриженные волосы, сине очки, башмачки и отсутствие кринолина.

“Со дня вступленія 4 Апрѣля, среда, воспитавшая злодѣя, заклеймена въ понятіи всѣхъ благомыслящихъ людей, а потому и ношеніе костюма, ей присвоеннаго, не можетъ, въ глазахъ блюстителей общественнаго порядка, не считаться дѣлостью, заслуживающею не только порицанія, но и пресѣдованія.

“Въ виду этого, онъ признаеть нужнымъ просить г. начальника губернии обратить особое вниманіе на подобныя личности и поручить городскимъ и уѣзднымъ полиціямъ, приглашать всѣхъ, одѣтыхъ вышеописаннымъ образомъ, въ полиціеискія управленія и обязывать ихъ подписками измѣнить свой костюмъ. Въ случаѣ-же сопротивленія съ ихъ стороны къ выдачѣ требуемаго обязательства, объявить имъ, что онѣ будутъ подлежать высылкѣ изъ губернии, на основаніи существующихъ законовъ, и, затѣмъ, учредить за образомъ ихъ жизни, дѣйствіями и сношеніями строгое наблюдение.

“При этомъ, г. Огаревъ наметъ публичнымъ сдѣлать настоящее распоряженіе извѣстнымъ жителямъ губернии, чрезъ привѣщаніе въ “Губерн. Вѣдомостяхъ”

Не смотря на извѣстныя способности генералъ-адъютанта Огарева, какъ костюмера, и портнаго и на легкости гермафродитнаго перехода отъ рейтузовъ къ юбкамъ и кринолинамъ, мы не думаемъ, чтобъ эта *скотская* и позорная мѣра принадлежала ему. Мы ее прежде видимъ въ Москвѣ. Мѣра эта идетъ изъ Петербурга, она останется мѣрой бездонной глупости прогрессивнаго правительства.

— *Флора принятая за опальную богородицу.* Возлѣ крупныхъ скотовъ — скоты мелкіе. Вотъ что за шопоборское скотство рассказано въ 89 № *Вѣсти* :

“Вниенской губерніи въ Д—скомъ уѣздѣ, находится помѣстье М—въ, принадлежащее графу Х—чу, въ этомъ имѣнии великолѣпный господскій домъ, съ большимъ садомъ, расположеннымъ возлѣ почтовой дороги, въ которомъ устроенъ лѣтній домикъ, въ готическомъ стилѣ, и зываемый “Темперей” и при немъ на холмѣ, вылита изъ бронзы, на вѣнской фабрикѣ, статуя Флоры. — Но такъ какъ здѣсь статуя, изображающая римско-католическихъ святыхъ, при публичныхъ дорогахъ не допускаются, то мѣстныи становой приставъ, считая навѣрно англичанку принадлежащую къ лику католическихъ святыхъ — распорядился сбросить ее съ пьедестала — не уведомивъ предварительно о томъ владѣтеля—причемъ тааъ безцеремонно обошлись съ бѣдною богинею греческаго Олимпа, что руки ея были безпощадно извѣчены”.

— Выписываемъ изъ *Вѣсти* слѣдующее письмо въ ея Редакцію о скотахъ еще мельче :

“Мм. Гг. Не касаясь того обстоятельства, приноситъ-ли существенную пользу обрусенію Западнаго края запрещеніе разговора на польскомъ языкѣ, я мечтаю только обратить вниманіе вашихъ читателей на слѣдующее обстоятельство : имѣютъ

ли право говорить по польски тѣ изъ поляковъ, которые на время прѣзжаютъ въ Западныи край изъ предѣловъ царства Польскаго, гдѣ закономъ не запрещается говорить на своемъ языкѣ? — Задался же я этимъ вопросомъ по слѣдующему случаю : прѣзжая недавно по варшавской желѣзной дорогѣ, я разговорился, какъ это обыкновенно бываетъ въ вагонахъ, съ неизвѣстнымъ мнѣ полякомъ, постояннымъ жителемъ Варшавы, который между прочимъ разсказалъ мнѣ включеніе, случившееся съ нимъ во время его прѣзда черезъ Друскинки въ Гродненскую губернію (небольшое мѣстечко, имѣчательное своими минеральными годами). Онъ разсказывалъ мнѣ, что дѣти его, прибывшіе съ нимъ въ Друскинки, по обыкновенію говорили между собою по польски, за что они, по распоряженію мѣстной полиціи, подверглись штрафу по 50 рублей за каждыа. Я сначала этому не повѣрилъ и не могъ допустить возможности взысканій съ дѣтей, которымъ едва ли можно знать о мѣстныхъ распоряженіяхъ полиціи, но убѣдился въ этомъ, когда отецъ ихъ показалъ мнѣ выданную ему изъ казначейства квитанцію за внесенные штрафы”.

— *Гоненія литературы.* Русскія газеты печатаютъ слѣдующее безобразное распоряженіе :

“1) Редакціямъ и сотрудникамъ газетъ и журналовъ, подвергнутыхъ, вслѣдствіе троекратнаго предостереженія, временной приостановкѣ, воспрещается, впредь продолженіе такой приостановки, издавать для подписчиковъ тѣхъ повременныхъ изданій, а равно выдавать имъ безплатно, или съ какою либо платою, или по особон публикати, какое либо, хотя и невременное, по отъ имени тѣхъ-же редакцій, изданіе, будетъ-ли то съ участіемъ или безучастія тѣхъ-же сотрудниковъ 2) Виновные въ нарушеніи сего запрещенія подвергаются взысканію до 500 руб. независимо отъ послѣдствій отвѣтственности, ксѣи они могутъ подлежать по уложенію о наказаніяхъ, изд. 1866 годѣ”.

— *По части народнаго просвѣщенія.*—Выписываемъ изъ русскихъ газетъ два факта :

“Въ мѣстечкѣ Куземпѣ, Зиньковского уѣзда, въ домѣ наследниковъ помѣщика Редькина, весною 1866 года была открыта, по инициативѣ мѣстнаго священника Осотора Засядко, но безъ предварительнаго разрѣшенія, школа для мальчиковъ и дѣвочекъ. Обучали въ школѣ бывшіи студентъ с.-петербургскаго университета Алексѣй Редькинъ, уволенный изъ с.-петербургскаго университета дворянинъ Владимиръ Циглевъ, жена его, урожденная Бричкель, окончившій курсъ въ первой с.-петербургской гимназиі дворянинъ Николай Алексѣевъ и нововрещенная въ Погтавѣ изъ еврейскаго закона Ольга Николаева Кречманъ. Въ школѣ обучалось до 53 дѣтей, въ томъ числѣ 8 дѣвочекъ, законъ Божій преподавалъ священникъ Феодоръ Засядко. Съ наступленіемъ полевыхъ работъ учение прекратилось. Погтавскій училищный совѣтъ о предѣлѣ сообщитъ о вышеописанномъ зиньковскомъ училищномъ совѣту и проситъ какъ его, такъ и всѣ училищные совѣты, неослабно наблюдать, чтобъ не открывали школы и не занимались обученіемъ лица, не получивши на то формальнаго разрѣшенія, и давать таковое только индѣмъ вполнѣ благонадежнымъ. Участіе же въ этомъ дѣлѣ священника Засядко предоставить усмотрѣнію епархіальнаго начальства”. (“Голосъ” №. 317).

— *Тобольскій губернаторъ (Деспотъ-Зиновичъ)* издалъ циркуляръ, въ которомъ говорится :

“Что нѣкоторые лица изъ сосланныхъ съ лишеніемъ за разныя противозаконныя дѣянія всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, и съ отдачею подъ надзоръ мѣстной полиціи, занимаются въ частныхъ домахъ обученіемъ дѣтей. Какъ эти лица не имѣютъ права вступать ни въ государственную, ни въ общественную службу, и какъ съ другой стороны всякое довѣреніе къ нимъ въ дѣлѣ воспитанія можетъ весьма неблагопритво отразиться въ умственномъ и нравственномъ направленіи дѣтей, то, на основаніи циркулярнаго предписанія министра внутреннихъ дѣлъ, которымъ обращено особенное вниманіе

мѣстной администраціи на охраненіе коренныхъ началъ вѣры, правдивности и общественнаго порядка, и вмѣнено въ обязанность оказывать возможное содѣйствіе къ воспитанію юношества въ духѣ религиозныхъ и вѣропопдаиическихъ обязанностей тобольскій губернаторъ предлагаетъ гг. окружнымъ начальникамъ и городничимъ ввѣренной ему губерніи имѣть дѣйствительное и неослабное наблюденіе за поведеніемъ и отношеніями къ мѣстнымъ учителямъ лицъ, сосланныхъ на житье, съ знаніемъ или ограниченіемъ правъ и вообще отданныхъ подъ надзоръ полиціи, отнюдь не дозволяя, чтобы подобныя лица занимались частнымъ воспитаніемъ дѣтей, дѣломъ, столько священнымъ, столько же имъ и несомненнымъ, и если будеть дознано, что кто нибудь изъ такихъ лицъ занимается хотя бы начальнымъ обученіемъ дѣтей, то подвергать денежному взысканію 75 руб., какъ того учителя, такъ и родителей, или родственниковъ, и опекуновъ, ввѣрившихъ обученіе своихъ дѣтей лицу, неимѣющему права на это" ("Голосъ" N. 318).

Каково? Огъ Кіева до Тобольска, и отъ деспотовъ Зиньковскаго уѣзда до Деспота-Зиновича, которми самъ бытъ сосланъ и либераль — по *исправился!*

При Николаѣ было лучше, многе Декабриеты давали уроки, на пр. князь Федоръ Петровичъ Шаховскій, учившій безденежно (что составляетъ *агравацію*) Въ 1851 сосланныи въ Тобольскъ за убійство, *Зыковъ*, давалъ уроки, и многе изъ поляковъ, которыхъ мы знали Мы припоминаемъ только два случая при Николаѣ, онъ дѣлалъ выговоръ и оба раза Оренбургскому Перовскому (который впрочемъ не обращалъ вниманія на это) — за Кольрейфа, который давалъ уроки музыки, и потомъ за Шевченку, которому запретилъ не только учить рисованью, но и рисовать. Какъ ни глупа *революционная музыка и мятежная живопись*, но ммъ далеко до Толстовской-Валуевщины. Да и Деспотамъ Зиновичамъ не близко до Перовскаго.

— *Изъ судебныхъ сценъ.* Жена унтеръ-офицера Андреева жаловалась на квартальнаго надзирателя Ярошевскаго, что онъ ее ругалъ и грозился засадить въ тюрьму. Противъ такого показанія квартальный показалъ, что онъ пятнадцать лѣтъ служить честно царю и отечеству, что Андреева мараетъ его честь, что онъ ее не ругалъ, а она передъ лицомъ судьи назвала его *шилистомъ*. На что Андреева возразила, что она и слова такого никогда не слыхала... (*Голосъ*, No. 286).

О Гоголь, гдѣ ты?

— Въ "Кіевскомъ Телеграфѣ" рассказанъ слѣдующій случай, напоминающій *доброе* старое время :

"Одинъ изъ начальниковъ небольшого штата подчиненныхъ, (по всемъ вѣроятности, въ одномъ изъ мѣстъ Югозападнаго Края, гдѣ издается "Кіевскій Телеграфъ"), замѣтивъ въ служащемъ подъ его вѣдѣніемъ нѣкоторое отступленіе отъ правилъ, при исполненіи своего дѣла, схватилъ его одною рукою за грудь, а другою, попявъ въ затылокъ, отвелъ въ уголъ комнаты и взыавшись всѣмъ своимъ громаднымъ туловищемъ на небольшую фигурку служащаго, съ ругательствами поставилъ его на колѣни. Мужчину лѣтъ 26-ти, занимающаго класную должность, не стѣпяясь присутствіемъ постороннихъ, насильно ставить на колѣни!" Тотъ, опомившись отъ такого изсннн и потасовки, всталъ и, подойдя къ начальнику, хогѣлъ было оправдаться и пзвиниться, но былъ отброшенъ тою-же сильною рукою начальника въ уголъ, съ приказаніемъ : "стоять, когда поставили!" Тотъ-же начальникъ, встрѣчавшійся съ другимъ изъ подчиненныхъ, впродолженіи короткаго времени, раза два, и получая каждый разъ должную честь, когда встрѣтилъ его въ третій разъ и тотъ прошелъ и не отдалъ чести, сорвалъ съ него шапку и съ такою силою бросилъ ее въ сторону, что случившаяся, на пути полета, стеклянная стѣпка (какія дѣлаются въ балконахъ) разбилась, не помѣшавъ шапкѣ летѣть еще очень далеко. Третьяго изъ подчиненныхъ, когда тотъ осмѣлился въ чемъ-то оправдываться, схватилъ онъ за грудь и, сильно потрясши его, отбросилъ къ стѣнкѣ, приказавъ : "тамъ стоять!"

— "МОСКВА", подъ этимъ стародавнимъ флагомъ славяно-филовъ, снова является послѣ бурь, непогодъ, тревоженій и покоя въ семейной гавани, знакомый намъ *парусъ*. Ночь — Аксаовскаго *Дня* была не длинна, онъ въ ней окрѣпъ и въ недѣльнаго становится ежедневнымъ. Сонъ его былъ даръ небесъ... что-же лучшаго можно было дѣлать во все время Каракозовскаго террора, какъ не спать?

Начало новаго *Дня*, судя по коротенькой программѣ, какъ всѣ начала, и въ особенности какъ всѣ московскія начала — смутно и спутано, ложка меду и бочка дегтю. Въ числѣ *лазовыхъ* сотрудниковъ мы находимъ гладенькии пѣмецкій умомъ *Бабста*, о славнофильствѣ котораго мы ничего не слыхали, кромѣ того, что онъ сѣчетъ армянъ въ училищѣ, отданномъ ему въ вознагражденіе за уроки въ дворцѣ (и *если это правда*, то конечно сѣчетъ знаменитыми Черкасскими розами). Рядомъ съ нимъ дикій, вырвавшійся изъ гайдамачины *Колловичъ*, котораго ими можетъ отсрацать всякаго отсталаго челоуѣка — т. е. такого, который не вѣритъ, что нѣтъ другого пути для исторіи, какъ въ крови по горло, въ Муравьевыхъ по горло, въ Катковыхъ по ступицу, какъ ломая христанскіе кресты, ссылая богородицъ съ пьедесталей, запрещая молиться по своему и говорить на родномъ языкѣ, какъ устранвая по высочайшему повелѣнію украинскія бойни и галиційскія порубки польскихъ помѣщиковъ.

Что касается самого издателя, до его программы нѣтъ, но мы знаемъ ее изъ прежнихъ трудовъ. Онъ станеть за русскую общину и за право на землю, за выборное начало и земское самоуправленіе. Онъ будетъ навѣрное противъ нео-крѣпостниковъ, ихъ дворовыхъ защитниковъ и усердныхъ вѣстовщиковъ... онъ будетъ противъ бюрократіи, этой *бумажной шаштики* и пр. и пр... Онъ будетъ, мы въ этомъ глубоко убѣждены, снова проповѣдывать противъ кроваваго права казни, даннаго надъ нами, беззаконно и воровски каждому капитану Копейкину и каждому Сколозубу... А потому, если онъ Колловича будетъ держать на возжахъ, Самарина упрости не писать такихъ же скучныхъ волюмовъ объ домипиканцахъ, беспедиктинахъ, капуцинахъ и пр., какъ онъ написалъ объ іезуитахъ; Бабста не сѣчь армянъ — то мы откровенно желаемъ ему успѣха.

И да будетъ ему Валуевъ легокъ!

— *Пльцы.* — Откуда эта печальная масса пѣмцевъ на русской службѣ, растущая и вовсе неумывающаяся со временемъ шутокъ А. П. Ермолова?

По случаю женитьбы наследника на Дагмарѣ, къ числу праздниковъ относится высоч. смотръ на Марсовомъ полѣ, 15 Октября 1866 г. Распредѣленіе командующихъ на этомъ смотрѣ слѣдующее :

"Всею кавалеріею командовать генераль-адъютанту барону *Бюллеру*.

1-ю линіею командовать генераль-лейтенанту *Дрейтелю*.

2-ю линіею — генераль-адъютанту барону *Бистрому*.

3-ю линіею — генераль-лейтенанту *Дубельту*.

4-ю линіею — свиты Е. В. генераль-маіору *Петерсу*.

5-ю линіею — генераль-маіору барону *Гершау*.

Подписать приказъ свиты Е. В. генераль-маіоръ *Рихтеръ*".

— *Издательская дѣятельность Будбергъ, Чичеринъ и Ко. въ Парижѣ.* — Ждемъ съ нетерпѣніемъ окончанія процесса Леопса Дюпонъ съ первымъ секретаремъ русскаго посольства.

Клеветники сначала говорили о подкупѣ журнала *La Nation* нашимъ правительствомъ. А дѣло по видимому было частное, предпринятое только подъ флагомъ парижскаго посольства.

АНТРЪ-АКТЪ И HORS-D'OEUVRE*

Gratis
Demandez l'Entracte — journal du soir — l'Entracte
— au soir, cinq centimes. — Demandez l'Entracte!

Слѣд Парижскихъ Театровъ.

Specimen.

Отъ издателей. Не желая подрывать почтенные органы, столь справедливо зажившие, какъ благодарность отечества, такъ и ея признательность — Антръ-Актъ ограничивается одними ложными слухами и неправдоподобными случаями.

Отдѣленіе дѣлъ государственныхъ.

Въ государственномъ совѣтѣ разсматривали чегыре послѣдніе просьбы, о переименованіи въ *Иосифы* — двухъ кварталныхъ надзирателей (однаго С.-Петербург., другою Уфимскаго), члена приказа общественнаго призрѣнія въ Костромѣ и находящагося подъ судомъ, за расхищеніе казенной собственности, съ нанесеніемъ ударовъ вахмистру, провиантскаго вѣдомства, подпоручикомъ Х. Совѣтъ принявъ въ уваженіе похвальное памѣреніе будущаго “Осиповъ” — просить мѣстныхъ начальства внушить велентамъ — о томъ, что они очень опоздали. Послѣ 1 Января нельзя будетъ переименовываться въ званіе *Иосифа*.

Литературно-ученое отдѣленіе.

Декабрь проходитъ тихо. Въ высшемъ свѣтѣ ждутъ “Синюю бороду” и “Красную шапочку” въ переводѣ незабвеннаго И. С. Тургенева.

Графъ Толстой — исправляющій, за болѣзнью Филарета, часть ея должности (именно “Кююменскую”) отслуживъ вчера собраніе обѣдно и услышавъ о новомъ трудѣ Ивана Сергѣевича возжелать почтить прежнія произведенія его; но съ тѣмъ вмѣстѣ имѣя въ виду, наче всею правдивостью вѣреннаго ему монастыря просвѣщенія, приказавъ по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ разослать “Отцы и Дѣти”, раздѣливъ предварительно романъ на двѣ части, такъ чтобъ ученикамъ достались *Отцы*, а учителямъ *Дѣти*.

Театръ.

Success fou!!! Подавляющій успѣхъ!!!

Сегодня, завтра — и весь мѣсяцъ всякій вечеръ:

ПОЛИЦЕЙСКАЯ КАСТЕЛЯНША

и

КНЯГИНИНСКАЯ КЛЮЧИЦА

или

ПОТАСОВКА ДВУХЪ СОПЕРНИЦЪ

Комедія-водевилъ съ ругательными куплетами и щелчками, при зажженныхъ подъ кастаньеты.

ПРИМѢЧАНІЕ. Касса открывается съ 6 утра по особенному распоряженію, по уже въ 5 билетовъ нѣтъ. Вчера цѣны поднялись до того, что одни помѣщики Западныхъ провинцій, отдавая за кресла — свой фольваркъ. Дирекція не приняла, по невозможности узнать ве бытъ ли столарт, дѣлавшій кресла No 17, польскаго происхожденія.

Вотъ отрывокъ изъ наименованнаго пьесы:

* Мы получили этотъ Specimen, съ просьбой помѣстить его. Полагая, что читатели простятъ эту шутку, — мы исполняемъ просьбу издателей. “Антръ-Акта”, только потому, что на свѣтъ ихъ дозволяются всякія глупости.

Явленіе IV. (Сумерки... Съ одной стороны барскій домъ, ограда, босой матынокъ, ворота; съ другою — частный домъ, такъ называемый потому, что онъ общи полицескій, каланча, городской нюхающей табакъ. Вдани нитейный домъ и перковь Никола въ Нунышахъ).

(Музыка играетъ “Боже царя храни”. Городовон и малячкы требуютъ се еще разъ).

Тѣже и *унтерша*, состоящая въ должности кастелянши — она входитъ продолжая потемнѣть съ *княгининой ключницей*.

Кастелянша. — Что ты меня тычишь крупною собственностью, я у твоихъ князей ничего не прошу, я довольна моимъ государемъ, и по переднимъ не таскаюсь...

Ключница. — Да вѣдь и не пустять, дворянство ваше не очень отъменно важное — за унтеромъ были, нечего величаться, да и поведеніе такое, что только въ полиціи и жить.

Кастелянша. — Какъ? — что? Поведеніе, — что?

Ключница. — Ахъ матушка, какъ раскричалась, словно мы я не знаемъ какъ ты прямо отъ Унтера Муравія поступила къ нѣмцу... какъ его нехристя... Кухмавъ что-ли — вотъ что въ три шеи прогнали?

Кастелянша. — Завидно стаю, ахъ ты фря эдакая, чужому несчастію радуешься, что твои Баранови лучше небось?

Ключница. — Ну, да и твой-то Безакъ!

Кастелянша. — Ты держи пемного ханло, я сей часъ доведу, что Русь продала матушку, въ вѣру пошла въ польскую, видно князевъ го домъ сенаратцой.

Ключница. — Не доущу помѣщика нашего ругать, не доущу. — Сей часъ побѣгу къ княгинѣ, сею минуту, она побѣдетъ къ графу Авександришотчу.

Кастелянша. — Атаде, Мадамъ, атаде, не угодно-ли прежде, на съѣзжую прогуляться. Кричить “Слово и Дѣло!”

Объ начинаютъ требить другъ друга... только и слышно
Къ князю, къ княгинѣ!... Не тѣ времена... что намъ князь... Въ полицію... въ полицію польку, католичку!...

(К а с т а н ь е т ы).

Дамы схватываютъ другъ друга за волосы, при чемъ оказывается, что объ въ парикахъ... дамы падаютъ... при чемъ оказывается что онъ мушкетеры.

Является множество араповъ (въ ихъ числѣ московскій оберъ-полицмейстеръ) — всѣхъ ведутъ въ часть.

Музыка играетъ “Боже царя храни!” — Арапы требуютъ повторенія.

ОБЩІЙ ФОНДЪ

За отъѣздомъ изъ Женева на два мѣсяца, прошу вмѣющихъ необходимость въ судахъ не больше пятидесяти франковъ и въ вспомошествованіяхъ не больше десяти фр., адресоваться къ г. *Л. Чернецкому*, въ Русскую Вольную Типографію — 40, Rue-l'Écluse. При этомъ мы просимъ вспомнить:

1°, что тѣ изъ русскихъ эмигрантовъ, которые брали суды и еще не возвратили, не имѣютъ права на суду, но только на вспомошествованія.

2°, что вспомошествованія не могутъ быть дѣланы чаще одного раза въ мѣсяцъ.

А. Герцевъ.

15 декабря 1866.

КОЛОКОЛЪ

НА

1867 ГОДЪ

будеть издаваться на прежнемъ основаніи, въ томъ-же духѣ и направленіи. Въ десять лѣтъ друзья и противники успѣли его узнать, и издателямъ прибавлять нечего.

На 1867 годъ КОЛОКОЛЪ будетъ выходить въ мѣсяць *одинъ разъ*, каждое 1ое число. Въ случаѣ нужды мы будемъ издавать двойные листы и листы съ прибавленіями.

Цѣна каждою листа *пятьдесятъ* сантимовъ.

ПРОДАЕТСЯ :

Въ Русской Вольной Типографіи въ Женевѣ, 40, Pré-l'Évêque.

Въ Женевѣ у всѣхъ главныхъ книгопродавцевъ.

Въ Парижѣ А. Franck, 67, rue de Richelieu.

„ Lemoine, libraire, 26, Place Vendôme.

Въ Берлинѣ Behr'sche Buchhandlung, 27, Unter den Linden.

„ F. Schneider et Ce, 19, Unter den Linden.

„ Adolf et Ce, 59, Unter den Linden.

Въ Дрезденѣ L. Wolf's Buchhandlung.

Въ Франкфуртѣ С. Jügel's Buchhandlung.

Въ Гейделбергѣ Bangel et Schmitt Buchhandlung.

Въ Константинополѣ S. H. Weiss, libraire, 323, Grand' rue de Pera.

Въ Цюрихѣ (Suisse) Schabelitz Buchhandlung.

Въ Вевѣ (Suisse) Richard Lesser, libraire :

КОЛОКОЛЪ, Лондонское изданіе, отъ 1го до 196го листа, въ переплетѣ, цѣна 75 франковъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ФРАНЦІИ И ИТАЛІИ, Искандера (1847—1852), съ портретомъ автора.

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА, Кн. I, II, III, IV, V, VI и VII.

ПРЕРВАННЫЕ РАЗСКАЗЫ, Искандера.

СЪ ТОГО БЕРЕГА, Искандера.

СТАРЫЙ МІРЪ И РОССИЯ (Письма А. Герцева къ В. Ливтову, переводъ съ французскаго).

РУССКІЙ НАРОДЪ И СОЦІАЛИЗМЪ, Письмо Искандера къ П. Мишле, (переводъ съ французскаго).

КТО ВИНОВАТЬ? Романъ въ двухъ частяхъ, Искандера (Лондонское изданіе съ дополненіями).

БЫЛОЕ и ДУМЫ, Искандера, Томъ I, II и III.

ЗА ПЯТЬ ЛѢТЪ, (1855—1860) Соціальныя и политическія статьи Искандера и П. Огарева, Часть I и II.

СТИХОТВОРЕНІЯ, П. Огарева, съ портретомъ автора.

14 ДЕКАБРЯ 1825 и Императоръ Николай. Издапо Редакціей “Полярной Звѣзды”, по поводу книги барона Корфа.

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ, кн. II.

ЗАПИСКИ КНЯГИНИ Е. Р. ДАШКОВОЙ. (переводъ съ англійскаго)

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II, (переводъ съ французскаго).

РУССКАЯ ПОТАЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX СТОЛѢТІЯ.

ЗАПИСКИ П. В. ЛОПУХИНА, составленныя имъ самимъ.

ГОЛОСА ИЗЪ РОССИИ, Кн. I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII и IX.

ДЕСЯТИЛѢТІЕ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФІИ въ Лондонѣ.

ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТОВЪ, Выпускъ I, Записки И. Д. Якушкина; вып. II, Записки князя Трубецкаго.

КНЯЗЬ М. ЩЕРБАТОВЪ и А. РАДИЩЕВЪ, съ предисловіемъ Искандера.

СБОРНИКЪ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ СВѢДЕНІЙ О РАСКОЛЬНИКАХЪ, Выпускъ I, II, III и IV.

СОБРАНІЕ ПОСТАНОВЛЕНІЙ ПО ЧАСТИ РАСКОЛА. Томъ I, Выпускъ I и II.

ЗАПИСКИ РУФИНА ПЛОТРОВСКАГО (1843—1846).

ЗАПИСКИ ДЕНИСА ВАСИЛЬЕВИЧА ДАВЫДОВА.

ЗАПИСКИ АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА ЕРМОЛОВА.

ВЪРОИСНОВѢДАНІЕ ДУХОВНЫХЪ ХРИСТІАНЪ, обыкновенно называемыхъ МОЛОКАПАМЪ.
ЕЩЕ РАЗЪ, Сборникъ статей Писацдѣра 1865.

ТАМЪ-ЖЕ ПРОДАЮТСЯ :

ПЕРВОЕ ОТДѢЛЕНІЕ IV ЧАСТИ

БЫЛОЕ И ДУМЫ

ИСКАНДЕРА

1848—1852

ПЕРВОЕ ОТДѢЛЕНІЕ

Предисловіе	Стр. III
ГЛАВА XXXIV	
Потерянный пасъ — Кенигсбергъ. — Собственноручный востъ. — Пріѣхали. — И у Бэжаемъ	5
ГЛАВА XXXV	
Англичанинъ въ шоловой курткѣ. — Герцогъ де Ноаль — Свобода и съ буютъ въ Марсель. — Аббатъ Сибуръ и всемірная рес- публика въ Авиньонѣ	14
ЗАПАДНЫЕ АРАБЕСКИ ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ	
Сонъ	23
Въ Грозу	28
Послѣ Грозы	37
Примѣты	47
Тифозная Горячка	55
ГЛАВА XXXVI	
La Tribune des Peuples. — Мицкевичъ и Рамонъ-де-ла-Сагрі — Хористы революціи 13 іюля 1849 — Хомера въ Парижѣ. — Отъѣздъ	59
ГЛАВА XXXVII	
Вавилонское столпотвореніе. — Нѣмецкіе Umwälzungsmen- неръ — Французскіе красные горцы. — Итальянскіе Inquisi- siti въ Женевѣ. — Мадзини, Гарибальди, Орсини. — Романская Германскія традиція. — Прогулка на "князь Радецкомъ".	89

ГЛАВА XXXVIII	
Швейцарія. — Джемъ Фази и Резюжье. — Monte-Rosa	Стр. 138
ЗАПАДНЫЕ АРАБЕСКИ ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ	
Il Pianto	169
Post Scriptum	180
ГЛАВА XXXIX	
Деньги и полиція — Императоръ Джемъ Ротшильдъ и Банкиръ Николай Романовъ. — Полиція и Деньги	191
ГЛАВА XL	
Европейскій комитетъ. — Русскій генеральный консулъ въ Пизцѣ. — Письмо къ А. Ф. Орлову. — Преслѣдованіе ребенка. — Фогты. — Перечисленіе пѣхъ придворныхъ совѣтниковъ въ тягловые крестьяне. — Приемъ въ Шателѣ	216
ГЛАВА XLI	
П. Ж. Прудонъ. — Пзданіе La Voix du Peuple. — Переписка. — Значеніе Прудона. — Прибавленіе	261
Раздумье по поводу затронутыхъ вопросовъ	287
ГЛАВА XLII	
Сонъ d'état. — Прокуроръ покойной республики. — Гласъ королий въ пустынь. — Высылка прокурора. — Порядокъ и цивилизация торжествуютъ	301
Осепано пох	311
(ЦѢНА 6 фр.)	

ЗАПИСКИ Кн. П. В. ДОЛГОРУКОВА НА ФРАНЦУЗСКОМЪ ЯЗЫКѢ

MÉMOIRES

DU PRINCE PIERRE DOLGOROUKOW

TOME PREMIER

In 8-vo de 500 pages; prix : 8 francs.

НА ДНЯХЪ ПОСТУПИТЬ ВЪ ПРОДАЖУ II^о ОТДѢЛЕНІЕ IV ЧАСТИ**БЫЛОЕ И ДУМЫ**

РУССКІЯ ТѢНИ

П. И. САЗОНОВЪ — ЭНГЕЛЬСОПЫ

(ЦѢНА 3 фр.)

Оба Отдѣленія вмѣстѣ 8 фр.

НВ. ПИСЬМА ИЗЪ ФРАНЦІИ И ИТАЛІИ, Изд. 2^о съ портретомъ автора, необходимое дополненіе къ вновь
изданному тому БЫЛОЕ И ДУМЫ, продаются у всѣхъ главныхъ книгопродавцевъ.— НА ДНЯХЪ ПОСТУПАЮТЪ въ продажу фотографическія карточки Николая Гавриловича ЧЕРНЫШЕВСКАГО.
Съ требованіями обращаться къ фотографу Буассона, Boissonas, Genève, Place Bel-Air, 2. ЦѢНА карточки 1 фр. 25с.

ОГЛАВЛЕНИЕ КОЛОКОЛА

ЗА

1866.

№ 211.—1 Января.

Частныя письма объ общемъ вопросѣ (Письмо первое) Дѣло И. Андрущенко (Продолженіе). Смѣсь : Крѣпостники. Судебное убійство въ Москвѣ. Имѣютъ ли право коронныя чиновники взѣмать законы? Школа въ Луганѣ Симбирскіе поджигатели. Подарки къ новому году. Изъ Сибири. Объявленіе.

№ 212.—15 Января

Иекрологъ С. Г. Волконскаго. Дѣло И. Андрущенко (Продолженіе). Смѣсь Вранье “Дневника Варшавскаго”. Вранье о Симбирскихъ Зажигателяхъ. Велико-княжескій социализмъ. Изъ Петербурга. Изъ Сибири. Объявленіе.

№ 213.—1 Февраля.

Письма къ будущему другу (Письмо пятое). Дѣло И. Андрущенко (Продолженіе). Смѣсь : Указъ 10 Декабря. Новый видъ крѣпостнаго права. Еще глупѣе. Откуда холера и какъ распространяется. Отчетъ кассы взаимнаго вспоможенія русскихъ эмигрантовъ въ Женевѣ.

№ 214.—15 Февраля.

Ужасъ въ вражьемъ стану. Дѣло И. Андрущенко (Продолженіе). Письмо Москвича. Смѣсь : Изъ Петербурга (Земскія учрежденія, Вагуевъ-цензура, “Народная Лѣтопись”, Помѣшники-цаловальники). “День”. Строгоновъ и Воронцовъ. Сосланный купецъ. Объявленіе.

№ 215.—1 Марта.

М. С. Хотинскій (Эпизодъ изъ исторіи нашего заморскаго шиповства). Дѣло И. Андрущенко (Окончаніе).

№ 216.—15 Марта.

Частныя письма объ общемъ вопросѣ (Письмо второе). Изъ Казани. Изъ Петербурга. Смѣсь : Правительство и папирсы. “Дневникъ Варшавскій” Объявленія.

№ 217.—1 Апрѣля.

1789. Николаевская желѣзная дорога и ея этико-политическая экономія. Смѣсь : Несовершеннолѣтній злодѣи и совершеннолѣтніе злодѣи судившіе его. Уваженіе къ выборнымъ людямъ. Объявленіе.

№ 218.—15 Апрѣля.

Отъ издателей. Прудопова “Новая теорія собственности”. Послѣ смерти. Николаевская желѣзная дорога и ея этико-политическая экономія (Окончаніе). Смѣсь : Слухъ. Оберъ-полицмейстеръ Анпенковъ. Владиміръ Костомаровъ. Баронъ Гакстгаузенъ.

№ 219.—1 Мая.

Иркутскъ и Петербургъ. Прудопова “Новая теорія собственности” (Продолженіе). Смѣсь : Русскому дворянству Изъ Петербурга. Еще Николаевская. Ж. Д. Благотѣльные помѣшники Le Nord. Изъ рѣчи Муравьева. Изъ частнаго письма. Изъ Вятки. Шахъ Константину Николаевичу. Объявленія

№ 220.—15 Мая.

Новости изъ Россіи. Частныя письма объ общемъ вопросѣ (Письмо третье). Смѣсь : Объ Огрызкѣ. Военная юстиція. Стихи и проза Некрасова. Второе предостереженіе и второй Годуновъ. Спасибо Муравьеву. Нестойтъ. “Не солги”. Ю. Н. Голицынъ на воздухѣ. Еще о Некрасовѣ. Объявленія.

№ 221.—1 Іюня.

Письмо къ императору Александру II. Напоминаніе. Изъ Петербурга. Прудопова “Новая теорія собственности”. Смѣсь : Недоразумѣніе. Гоненія Каракозовыхъ. Важная поправка. Задержаніе “Моск. Вѣдом.”. Барометръ на градусъ ниже. Изъ Сердобска. Кн. Меншиковъ. Просьба. Еггата.

№ 222.—15 Іюня.

Отъ Государя князю П. П. Гагарину. Финансовое Положеніе. Опять по поводу Николаевской Желѣзной Дороги. Смѣсь : Прозерпина-Муравьевъ. Фальшивыя монетки изъ дворянъ. Счетъ “Кельнской Газеты”. Изъ Петербурга. Имя доктора, Толстой съчетъ, Третьяковъ бытъ. Отъ Издателей.

№ 223.—1 Іюля.

Война Частныя письма объ общемъ вопросѣ (Письмо четвертое) Финансовое Положеніе (Продолженіе). Смѣсь : Три убійства въ Гамбовѣ. Сказка о гостиницѣ царю и о домѣ Комисарову. Головастики. Всякая всячина изъ нашей реакціи. Neue Frankfurter Zeitung. Извѣщеніе.

№ 224.—15 Іюля.

П. А. Мартыновъ. Великій заговоръ—большая ложь. Каракозовъ, царь и публика Финансовое Положеніе (Продолженіе). Смѣсь : Общественныя удовольствія въ Петербургѣ. Коли надо, отчего и не поспѣть. Иностранная цензура. Изъ письма къ намъ. Слухи. Правда-ли? Поправка.

№ 225.—1 Августа.

Частныя письма объ общемъ вопросѣ (Окончаніе четвертаго письма). Катковъ и Государь. Прудопова “Новая теорія собственности”. Финансовое Положеніе (Окончаніе). Смѣсь : Родина въ буфетѣ. Новости изъ Россіи. Вавилонское столпотвореніе. Пол.-воен. убійство въ Харьковѣ. Бѣшенство доносовъ.

№ 226.—15 Августа.

Прудопова “Новая теорія собственности”. Финансовое Положеніе. Смѣсь : Первое засѣданіе уголовного суда въ Москвѣ. Ess Bouquet “Московскихъ Вѣдомостей”. Замышляемое убійство въ Рязани. Святые тайны и грѣшныя розги. Объявленія.

№ 227.—1 Сентября.

Польша въ Сибири и Каракозовское дѣло. Финансовое Положеніе (Продолженіе). Смѣсь : Фогтъ, Дарвинъ, Мошотт, Бѣкъ. Опасное положеніе американца Клея. Ссора между врагами. Ess Bouquet “Моск. Вѣдомостей”. Восточная Галлія. Фондъ для эмигрантовъ.

№ 228.—1 Октября.

Впеѣница и Муравьевъ Америка и Россія. Финансовое Положеніе (Окончаніе). Смѣсь : Письмо изъ Сибири (изъ Czasa). Дѣло рядоваго Певѣдомскаго. Холоповъ въ душѣ врьдѣ-ли можно сдѣлать свободными людьми. Иконоборство Безака въ Подольской губер. Нетерпимость, невѣжество и полицейское вмѣшательство православнаго духовенства. Николаевская Желѣзная Дорога. Біографія Муравьева-Вѣшателя. Общій фондъ.

№ 229.—1 Ноября.

Заговора не было. Приговоръ верховнаго уголовного суда. Гуртовая бойня и грязь. Продажа имѣній въ западномъ краѣ. “Gmina”. Смѣсь : Письмо князя П. В. Долгорукова. Революціонное воззваніе М. П. Погодина. По дѣлу заговора. Страсть къ розгамъ въ Подольскомъ судѣ. Конфирмація. Чѣмъ люди тѣшатся. Объявленія.

№ 230.—1 Декабря.

Порядокъ торжествуетъ. “Вѣсть” о Прудонѣ. Каракозовское дѣло. Смѣсь : Амнистія. Фондъ. Объявленіе.

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 233 & 234.

1 ФЕВРАЛЯ 1867.

Выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, 40, Rue l'Evêque и въ главныхъ депо — у Г. Георга, 10, Corratierie, Genève, у П. Трюбера, 60, Paternoster Row, Londres. Цѣна за двойной листъ 1 франкъ безъ пересылки. Прилагаемъ почтовой тарифъ

Въ Германію	15c
— Австрію	15c
— Англію	15c
— Бельгію	5c
— Францію	5c
— Италію	3c
— Грецію (черезъ Марсель)	5c
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10c
— Швецію	25c
— Швейцарію	5c

Parait à Genève une fois chaque mois. Le dépôt principal est chez H. GEORG, à Genève, Corratierie, No. 10. A Londres, chez N. TRÜBER et Co., 60, Paternoster Row. Le prix de deux No. est 1 franc, le port de la poste non compris.

Tarif postal.

Allemagne	15c
L'Autriche	15c
Angleterre	15c
Belgique	5c
France	5c
Italie	3c
Grèce (voie de Marseille)	5c
Turquie et Princ. Danubiennes (voie de Marseille)	10c
Suède	25c
Suisse	5c

ОГЛАВЛЕНИЕ: Важная погрѣшность—Порядокъ торжествуетъ—Бѣлый терроръ (Продолженіе)—Указъ (24 Мая, 1806 г.) о Государст. Крестьянахъ.

Смѣсь: Новая "Бархатная книга" русскихъ дворянскихъ родовъ—Наше правосудіе—Процессъ г. Чичерина въ Парижѣ—Король-губернаторъ—Увѣдомленія.

ВАЖНАЯ ПОГРѢШНОСТЬ.

Во второмъ столбцѣ, первой страницѣ прошедшаго листа, переставлены *четыре строки*, и отъ этой перестановки искаженъ смыслъ всего столбца. Мы особенно просимъ нашихъ читателей обратить вниманіе, что снизу считая— 2, 3, 4 и 5 строки, начинающіяся со словъ: "*Силы и время*" и оканчивающіяся словами: "*основанъ на этомъ*", принадлежатъ къ началу того-же столбца, непосредственно послѣ словъ: "*ударить весломъ*".—Пздатели.

ПОРЯДОКЪ ТОРЖЕСТВУЕТЪ!

L'ordre régne à Varsovie!

SEBASTIANI (1831).

III

Со смертью Николая языки развязались. Накопившіяся, подавленные, затаенныя и желчныя мысли, выступали на свѣтъ и рассказывали о своихъ грезахъ, каждая на свой ладъ. Въ тогдашней Россіи было что-то праздничное, утреннее, весеннее и совершенно хаотическое.

Удивительная смѣсь разныхъ возрастовъ человѣчества, разныхъ направленій, возрѣвій — давно исчерпанныхъ и едва початыхъ явились на сценѣ. Это былъ оперный балъ, въ которомъ ярко мельпали всевозможные костюмы — отъ либеральныхъ фраковъ съ воротникомъ на затылкѣ времени первой реставраціи, до демократическихъ бородъ и причесокъ. Нѣмецкій доктринаризмъ рабства и абсолютизма, забытыя общія мѣста политической экономіи, шивъ рядомъ съ православнымъ социализмомъ славянофиловъ и съ западными социальными учениями "отъ міра сего". И все то это отражалось не только въ общественномъ мнѣніи, не только въ полураскованной литературѣ, но въ самомъ правительствѣ.

Многіе ждали, что оно поинется въ легко конституціонномъ смыслѣ; правительство устояло, хотя и само чувствовало, что остаться по прежнему *военно-судной имперіей* было невозможно. Въ сущности одно *дѣло* и было для него возможно — *дѣломъ* этимъ оно наносило себѣ японской ударъ, воображая имъ обновиться.

Годъ X.

Вся проснувшаяся Россія искренно жаждала независимаго слова, слова непотертаго ценсурнымъ ошейникомъ и не было ни одного вольнаго станка въ отвѣтъ этой потребности—кромѣ Лондонскаго. Мы оставили Западъ въ сторонѣ и обратили всѣ силы на то родное дѣло, къ которому стремились съ дѣтства черезъ всю жизнь.

Полная Звѣзда и *Колоколъ* являются въ самый разгаръ переѣзда и перестановки мебели, въ то возбужденное время неустоявнаго броженія, въ которое каждое слово могло сдѣлаться зачатіемъ и точкой отправления. Что-же мы, обрушившіе на себя отвѣтственность первой свободной русской рѣчи, казали? Съ чѣмъ явились, передъ едва протиравшимъ себѣ глаза исполномъ?

Вся положительная, созидаящая часть нашей пропаганды сводится на тѣже два слова, которыя вы равно находите на первыхъ страницахъ нашихъ изданій, въ ея послѣднихъ листахъ — на *Землю и Волю*, на развитіе того, что нѣтъ *Воли безъ Земли* и что *Земля не прочна безъ Воли*.

Мы были глубоко убѣждены, что аграрныя основанія нашего сельскаго быта, выдержатъ напоръ западнаго изувѣрства собственности, какъ выдержали нѣмецкій деспотизмъ, что *Земля* остается при деревнѣ и крестьянинъ при надѣлѣ, что имѣя землю и слѣдственно избу, что имѣя выборное начало и сельское самоуправленіе, русскій человѣкъ непременно дойдетъ *до воли* и превратитъ насильственную связь съ общиной въ добровольно соглашенную, въ которой личная независимость будетъ не менѣе признана круговой поруки. Мы были убѣждены и теперь еще не совсѣмъ въ этомъ разубѣдывались, что *починъ*, что первые шаги нашего переворота, совершатся безъ *красавыхъ потрясеній*.

Главнымъ камнемъ на дорогѣ лежало чудовищное *крѣпостное право*, его обойти нельзя было ни конституціонной хартіей, ни какимъ нибудь собраніемъ "нотаблей". Противъ крѣпостнаго права и были устремлены всѣ наши удары, всѣ усилія; устраненію его мы подчинили всѣ интересы.

Рядомъ съ освобожденіемъ крестьянъ, мы неотступно требовали *освобожденія слова*, какъ условія, какъ той атмосферы, безъ которой нѣтъ народнаго совѣта въ общемъ дѣлѣ. Одна гласность, одна печать могла замѣнить безсловный соборъ, который до освобожденія крестьянъ былъ невозможенъ; одно

живое, не связанное никакими формами, никаким цензомъ *представительство слова* могло уяснить вопросы и указать, что въ самомъ дѣлѣ и насколько созрѣю въ народномъ разумѣнн.

Около были частныя борябы и частные случаи, возникали вопросы изъ событий и совершались события путавшія все карты, вызывавшія страстные отпоры и увѣщанья, но срываясь съ пути, мы постоянно возвращались къ нему и постоянно держались нашихъ двухъ основныхъ идей.

И вотъ почему, когда государь призналъ въ принципѣ, освобождение крестьянъ *съ землей*, мы безъ малѣйшей непоследовательности и совершенно искренно сказали наше: “Ты побѣждаешь Галилеянина!” — за которое насъ столько порицали съ обѣихъ сторонъ.

Скажемъ мимоходомъ, что наше простое отношеніе къ правительству не хотѣли понять ни доктринеры върноподданничества, ни пуритане демагогіи. Оппозиционный характеръ нашей пропаганды, такъ точно какъ и обвинительный, составляли для насъ одну изъ практическихъ необходимостей, а не цѣль, не основу; твердые въ нашей вѣрѣ, мы не боялись никакого *мерщенья* и легко мѣняя оружія, продолжали ту же битву. Сблизиться съ дороги было для насъ невозможно.

Не смѣшно-ли человѣку второй половины XIXго столѣтія, вынесшему на своихъ плечахъ, стоптавшему своими ногами столько правительственныхъ формъ, однихъ бояться, передъ другими идолопоклонствовать? Форма, какъ се разумѣютъ на языкѣ военныхъ приказовъ — “мундиръ” и онъ пошевоѣ прилаживается къ живому содержанию... а не прилаживается, такъ внутри слабо и пусто. Поправляйте живое тѣло — мундиръ непременно лопнетъ, если узокъ. И будьте увѣрены, что путь ни очень хорошихъ, ни безусловно скверныхъ мундировъ. Для насъ, мѣщанская камера народныхъ представителей, не представляющая народа, также противна, какъ правительствующій сенатъ, ничѣмъ не правящій.

Мысль о переворотѣ безъ кровавыхъ средствъ намъ дорога, все что было говорено противоположнаго объ насъ, такое-же вранье, какъ то, что мы увѣряли поляковъ, что Россія была готова къ возстанію въ 1862. Въ ней, впрочемъ, не было ничего фантастическаго; въ русской жизни цѣль тѣхъ непримиримыхъ, упорныхъ, взаимно уничтожающихъ силъ, которыя вели западную жизнь отъ одного кроваваго конфликта къ другому. Если такая непримиримость существовала, то это между крестьяниномъ, и помѣщикомъ, но она то первая и разрѣшилась мирно и разрѣшилась-бы вовсе безъ крови, еслибы трусливое правительство и враждебные крестьянскому дѣлу исполнители его — не натянули ее безъ нужды.

Наше императорство и наше барство безъ корней и знаютъ это. Они приготавливались собороваться масломъ въ 1862 году — и ожили только когда имъ на выручку явились петербургскій пожаръ, катковское клеветничество и польское возстаніе. Народъ любитъ царя, какъ представителя защиты, справедливости (фактъ общій всемъ неразвитымъ народамъ) и не любитъ императора. Царь для него идеаль, императоръ — антихристъ. Императорская власть — держится войскомъ и бюрократіей, т. е. машинами. Войско бѣгет всякаго по приказу, безъ разбора, бюрократія переписываетъ и исполняетъ волю начальства безъ разсужденія. Такого рода правительства не вырубаются топоромъ, а при первой весенней теплотѣ распускаются въ волнахъ жизни народа и тонуть въ нихъ.

Мы твердо были убѣждены въ последнемъ. Уничтожалось-же помѣщичество на нашихъ глазахъ, какъ исчезающія картины, бѣднѣя и превращаясь въ разныя тусклые уродства. Русское императорство имѣетъ цѣли внешней политики, цѣли своего самосохраненія и огромную власть, по принципа не имѣетъ, тоже слѣдуетъ сказать о средѣ его обружающей, и это съ самаго Петра. Съ дня смерти Николая, до его похоронъ, дворъ и штабъ, министерство и общество умѣли сдѣлаться либеральными — “поверхностно, лицемѣрно”. Но кто-же сказать, что прежде все были глубокими и искренними абсолютистами?

Русское правительство было на дорогѣ къ какому-то превращенію, но испугавшись, круго сверотило съ себя. Главная ошибка наша — была ошибкой во времени, да сверхъ того, соображая все стили, все силы, мы забыли одну изъ самыхъ могучихъ силъ — *силу глупости*. На нее снова увѣрились старое.

Освобожденіе крестьянъ, ропотъ помѣщиковъ, настроеніе общества, журналистики, и некоторыхъ правительственныхъ круговъ... и все это вмѣстѣ исминуемо вело къ *первому шагу*, т. е. къ созванію думы или собора. Опыты московскаго и петербургскаго дворянства, доказываютъ это очевидно, по они, какъ и слѣдуетъ помѣщикамъ, опоздали. Когда они подняли голосъ, государь былъ второй разъ увѣщанъ на царство во всемъ самодержавіи своемъ — европейскими угрозами и народными оваціями.

Силы патриотической реакціи, мы не предвидѣли. Одушевленіе 1612 и 1812 года, только понятны при дѣйствительной опасности отечества; ее не было, но было желаніе всякаго рода демонстрацій — и мы пользовались языкомъ.

Мы смотрѣли на реакцію, какъ на несчастіе для и продолжали на первомъ планѣ разборъ и обсуживаніе экономическаго и административнаго переворота, въ отпоръ и томъ-же духѣ и направленіи *русскаго социализма*.

Отстаивая на первомъ планѣ право на землю, мы проповѣдывали развитіе выборнаго самоуправленія, отъ сета къ волости, отъ волости къ округу, отъ округа къ области — дальше мы не шли, *не должны были* идти — дальше мы указывали съ одной стороны безобразіе личнаго самовольства, военно-канцелярскаго управленія страной, серальнаго безчинства и помѣщичьяго звѣрства; съ другой на видѣющійся вдали соборъ, выбранный вольнымъ союзничествомъ областей — для обсужденія *земскаго дѣла*.

Одинъ изъ самыхъ труднѣйшихъ вопросовъ — не по трудности содержанія — а по закоспѣлости предразсудковъ обороняющихъ противоположный взглядъ, былъ вопросъ объ “общинномъ владѣніи землем”. Мы добивались у нашихъ экономистовъ и либераловъ того вниманья, которое намъ далъ Стюартъ Милль, сказавъ, что “общинное владѣніе”, неизвѣстное, нигдѣ неразвившееся и слѣдственно неисчерпаемое, посящее въ себѣ возможности многихъ формъ и результатовъ и составляетъ вопросъ. Въ то время, какъ личная собственность, по римскому праву дала все... все приложенія, и съ ними и *оказалась* далеко не состоятельной*.

Мы предвидѣли улыбку многихъ при словѣ *русской социализмъ*. Чему люди не смѣялись прежде понимая?

* Излагать здѣсь нашу мысль объ общинномъ владѣніи не приходится, желающіе ее вспомнить, могутъ пересмотрѣть цѣлыя ряды статей въ “Колоколѣ”, да сверхъ того письма къ Писку въ “Общест. Вѣстѣ”.

Это одна изъ принадлежностей той міродержавной силы, которая нами не была взята въ расчетъ.

Мы *русскимъ социализмомъ* называемъ тотъ социализмъ, который идетъ отъ земли и крестьянскаго быта, отъ фактического падѣла и существующаго передѣла полей, отъ общиннаго владѣнья и общиннаго управленія — и идетъ вмѣстѣ съ работничьей артелю на встрѣчу той экономической *справедливости*, къ которой стремится социализмъ вообще, и которую подтверждаетъ наука.

Название это тѣмъ необходимѣе, что рядомъ съ нашимъ учениемъ развивались, съ огромнымъ талантомъ и пониманьемъ, теории чужаго западнаго социализма и именно въ Петербургѣ. Это раздвоеніе, совершенно естественное, лежащее въ самомъ понятіи, вовсе не представляло антагонизма. Мы служили взаимнымъ доводеніемъ другъ друга.

Первые представители социальныхъ идей въ Петербургѣ, были *Петрашевы*. Ихъ даже судили какъ “Фурьеристовъ”*. За ними является сильная личность *Чернышевскаго*. Онъ не принадлежалъ исключительно ни къ одной социальной доктринѣ, но имѣлъ глубокий социальный смыслъ и глубокую критику современно существующихъ порядковъ. Стоя одинъ, выше всѣхъ головой, среди петербургскаго броженія вопросовъ и силъ, среди застарѣлыхъ пороковъ и начинающихся угрызений совѣсти, среди молодаго желанія иначе жить, вырваться изъ обычной грязи и неправды, Чернышевскій рѣшился схватиться за руль, пытаясь указать жаждавшимъ и стремившимся — *что имъ дѣлать*. Его среда была городская, университетская, среда развитой сюржи, сознательнаго недовольства и негодованія, она состояла исключительно изъ работничьихъ умственнаго движенія, изъ пролетаріата, интеллигенціи, изъ “способностей”. Чернышевскій, Михайловъ и ихъ друзья, первые въ Россіи звали не только труженника, съдаемаго капиталомъ, но и труженницу, съдаемую семьею, къ иной жизни. Они звали женщину къ освобожденію работой отъ вѣчной опеки, отъ унижителяго несовершеннотѣтя, отъ жизни на содержаніи — и въ этомъ одна изъ величайшихъ заслугъ ихъ.

Пронагандя Чернышевскаго была отвѣтомъ на *настоящія* страданія, слово утѣшенія и надежды гибнущимъ въ суровыхъ тискахъ жизни. Она имъ указывала выходъ. Она дала тогда литературу и провела черту между въ *самомъ дѣлѣ* юной Россіей — и прикидывавшейся такою Россіей, немного либеральной, слегка бюрократической и слегка крѣпостнической. Идеалы ея были въ совокупномъ трудѣ, въ устройствѣ мастерской, а не въ тощей пазатѣ, въ которой-бы Собакевичи и Поздревы разыгрывали “дворянъ въ мѣщанствѣ” — и помѣщиковъ въ оппозиціи.

Огромны успѣхъ социальныхъ ученій между молодымъ поколѣніемъ, школа вызванная ими, нашедшая себѣ не только литературные отголоски и органы, но начала практическаго приложенія и исполненія — имѣютъ историческое значеніе. Освобожденіе крестьянъ съ признаніемъ ихъ права на землю, съ сохраненіемъ общины и обращеніе къ социализму молодыхъ и дѣятельныхъ умовъ, незакупленныихъ жизнью, побитыхъ съ толку доктринаризмомъ, служили неопровержимымъ доказательствомъ въ пользу нашей всегдашней вѣры въ характеръ русскаго развитія.

Въ то время, какъ мы, слѣдуя шагъ за шагомъ, за пре-

* Намъ въ 1834 году правительство объявило въ Сѣвѣ - Симонпэмѣ.

ніями редакціонной комиссіи, за введеніемъ Постановленій 19 Февраля и разбирая самыя Постановленія, старались ввести въ сельскій переворотъ, въ самыя учрежденія, наиболѣе своего взгляда — въ Петербургѣ, Москвѣ и даже въ провинціяхъ готовились фаланги молодыхъ людей, проповѣдывавшихъ словомъ и дѣломъ общую теорію социализма, которой *частнымъ случаемъ* являлся сельскій вопросъ.

Но въ этомъ-то *частномъ случаѣ* и была архимедова точка, *починъ* русскаго государственнаго пересозданія. Однажды, земля уступенная крестьянамъ, право на землю, признанное и введенное въ заводительство. Однажды, выборное начало сельской общины, утвержденное, и общинное землевладѣніе, оставленное на свои собственные силы, какъ-бы для послѣдняго искуса... остальное должно было идти неминуемо съ быстротой развивающейся спирали, у которой вынуть съ одной стороны сдерживавшій шкворень.

Крестьянская реформа, при всей обивчивой неполнотѣ своей, тотчасъ повела къ экономическимъ, административнымъ и юридическимъ послѣдствіямъ своимъ — введеніемъ земскихъ учреждений, новаго суда и пр. Это были сплюгизмы, которыхъ не было возможности миновать.

Всѣ реформы, начиная съ крестьянской, были не только неполны, но преднамѣренно неаженны. Ни въ одной изъ нихъ не было той шири и окровенности, того увлеченія въ разрушеніи и созданіи, съ которымъ ломали и создавали великіе люди и великія революціи; по *во всѣхъ* была не признапа негодность, несостоятельность стараго правительства *указовъ и произвола*, по *во всѣхъ* двигался зародышъ, котораго развитіе было задержано и можетъ изуродовано, по *который былъ живъ*.

Мы слѣдили за всѣми реформами и каждую прикидывали на общую, родоначальную мысль кореннаго переворота, который тихо и незамѣтно, *sans phrase*, входилъ глубже и глубже въ землю и подымался надъ озимью полей. Мы не выходили изъ настоящаго положенія, ни въ голубую даль дорогихъ для насъ идеаловъ, ни въ чистыя сферы, отвлеченной социологіи; мы сколько могли отстраняли всѣ вопросы, неаходившіеся на череду, какъ напр. вопросъ семейный, религиозный*.

До конца 1863 года, мы все еще усиливались, не смотря на родную распутицу, слѣдить за государственной колыматой и тѣмъ громче звонили, чѣмъ больше она сбивалась съ дороги. Если ямщики не слушались, окружающая ихъ толпа слушала и осылая насъ ругательствомъ, дѣлая долю того, что мы говорили. Оглухла и она. И съ тѣхъ поръ, дѣятельная рѣчь должна была на время уступить одному крику обличенія и негодованія, которое вызывало общество, валяющееся въ крови и грязи, вмѣстѣ съ *пустымъ, бездушнымъ и измѣнившимъ* правительствомъ.

Правительство отступило по всей линіи, и при всемъ этомъ его отступленіе не имѣло ни серьезнаго оправданія, ни серьезнаго характера. Если оно въ самомъ дѣлѣ думало арестами зря и ссылками безъ разбора остановить *исторію*, уже обивчившееся народное развитіе, оно было-бы безмѣрно жалко, но мы полагаемъ, что такъ далеко не шли виды Зимняго дворца. Дворецъ, поддерживаемый въ страхѣ и тревогѣ своими свнухами и риторамн, боялся не *исторіи*,

* Если мы говорили много о старообрядцахъ, то это вовсе не съ религиозной точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія социальной и политической.

а чего-то възъ за угла — и это въ то время, когда онъ самъ всенародно и громко говорилъ, что правительство никогда не чувствовало себя сильнѣе и народнѣе, какъ именно тогда. И не мудрено. Изъ за патриотизма люди забыли все чело-вѣческое въ сердцахъ и все *безчеловѣческое* въ императорствѣ; газеты были полны вѣроподданическими акантамми... крестьяне освобожденные отъ помѣщиковъ и помѣщички освобожденные отъ состоянія, старообрядцы и евреи, казаки и иѣмцы, все на словахъ бѣжало поддерживать тронъ и алтарь. . Слѣдоваю ждать льготъ, разширення правъ, но правительство съ ужасомъ указываетъ на нѣсколько статей, на нѣсколько молодыхъ людей и отвѣчало на взрывъ предан-ности—взрывомъ тоненн и нествоствъ Чего именно оно боялось, оно не говорило.

Во всемъ этомъ безсомнѣнно было что-то безумное, такъ оно и кончилось—*выстрѣломъ 4 Апрѣля*.

Тѣ, которые *надѣялись*, озлобились на неисполниваго *надеждѣ*. Первая фанатическая, полная мрачной религии ватура, схватила пистолеть.

Местъ не удалась, но предлогъ былъ данъ и свачень съ днбом радостью, реакция была оправдана, царскіе *пугатели* были оправданы. И тѣмъ не менше, если мечь не удалась, *то и терроръ не удался*. Начавшись ложно, онъ запутался и увязъ въ полицейской грязи.

Что сдѣлала Муравьевская облава, что вытрубить его лейбъ-трубачъ Катковъ? Гдѣ вселенскій заговоръ, въ которомъ участвовали все темныя силы міра сего, англійскіе банкиры, эмигранты въ Швейцаріи, эмисары и миссіонеры Маццоли, поляки, мы и не мы, наконецъ какой-то всему міру неизвѣстный “всмірно революціонный комитетъ?”

Отъ всего дѣла остается трупъ нѣмымъ свидѣтелемъ скверной царской мести и несчастные, сосланные *безъ суда и защиты* люди, убитые въ томъ, что они *не хотѣли* царубійства...

Убить нѣсколько челоѣвъ, кого на скорую руку веревкой, то хронически тюрьмой — не мудрено; убивать умѣть и локомотивъ и чума и бѣлшая собака. Терроръ хватаетъ дальше, ему мало людей, онъ хочетъ убивать мысли, идеи, вѣрованія... и дѣйствительно послѣ ряда пьяныхъ и безумныхъ нествоствъ, явилась высочайшая цидула къ князю Гагарину, съ ученическими упражненіями о правѣ собственности, социализмъ; она пошла на полицейскія выкройки женскихъ юбокъ и имѣла послѣдствіемъ введеніе кринолиновъ въ государственныя учрежденія.

Эхо на выстрѣль Каракозова, обличило странную пустоту въ Зимнемъ дворцѣ, негальное отсутствіе серьезной мысли, обдуманности... да и на всѣхъ “горныхъ вершинахъ” нашихъ тоже. Что за нетопыри, что за совы, за воропы встреленулись, воднялись и выстѣли на бѣлый свѣтъ! Откуда спустились, изъ такихъ богадѣенъ, смиренныхъ домовъ или кладбищъ... этихъ продаженныхъ, не то свѣтскихъ архіереевъ, не то духовныхъ генераловъ, пошедшихъ, во имя царя и церкви, въ крестовый походъ противъ разума и образованія, в начавшихъ пести богословско-полицейскую *чужбу*, отъ которой и Россія уже отвыбла.

Все это такъ—но вслушайтесь, что говорятъ эти нетопыри и архіереи, министры и совы... Намъ дѣла нѣтъ, понимаютъ-ли они или не понимаютъ и какъ понимаютъ, вопросъ у насъ въ томъ, чтобы узнать противъ чего именно они идутъ, чего боятся, какъ католики боялись протестантизма, какъ

французскіе монархисты — революціи. Великій врагъ ихъ, Антихристъ, страшный судъ, котораго они боятся, противъ котораго идутъ—социализмъ.

И это не огромный шагъ впередъ?

И это значить останавливать исторію, идти вспять?

Они боятся... не конституціи, не республики, не демократіи... они боятся социализма — да еще смѣшаннаго съ какимъ-то *нигилизмомъ*

Думали-ли они когда нибудь, что собственно сверхъ синихъ очковъ и короткихъ волосъ содержится подъ этимъ словомъ?

Мы объ *нигилизмѣ* еще будемъ говорить, но здѣсь хотимъ только обратить вниманье тѣхъ добросовѣстныхъ людей, которые повторяютъ, какъ попугай слово, не зная его смысла. Они могутъ повѣрить, что нигилизмъ женщина, положившая ноги на столъ и пьющая шампанское и притомъ женщина, родившаяся за “обѣдомъ флигель-адъютанта князя Б.” въ сороковыхъ годахъ, у котораго смѣялись надъ шагистикой Николая, а потому мы для нихъ скажемъ — что *нигилизмъ* въ серьезномъ значеніи — *наука и сомнѣнне, изслѣдование вмѣсто вѣры, пониманье вмѣсто послушанья*.

Объявляя себя противъ народнаго бѣлосостоянія и чело-вѣческой мысли, противъ социализма и разума, правительство ставится за изувѣрство, крѣпостничество, глупость...

Послѣдній терроръ, дѣйствительно убилъ его больше, чѣмъ людей. Онъ убилъ нравственно значеніе правительства; оно, покачиваясь и болтая вздоръ, сходило съ бѣстѣщаго помоста—на которомъ драпировалось со смерти Николая — подъ руку съ Осипъ Ивановичемъ Комисаровымъ - Костромскимъ.

Бой будетъ *внѣ его, помимо его*.

Ничѣмъ не учитываемая власть можетъ много вредить, но въ самомъ дѣлѣ остановить движеніе, котораго оно испугалось и которое унесетъ весь материкъ къ другимъ судьбамъ — *не можетъ*. Оно двигается съ нимъ—несоизвѣстно — какъ челоѣвъ спящій на кораблѣ.

Да двигается-ли? И вообще двигаемся-ли мы?

Приемтритеся—возьмите точку, двѣ и нѣтъ прежнее положеніе къ окружающимъ предметамъ, возьмите напр. этаго генерала дурака, порящаго дичь передъ мировымъ судьей и женщиною, служащую писмоводителемъ судьи... довольно и этого. Движеніе цѣлыхъ созвѣздій наблюдаются сквозь тряпки очень рѣдкой ткани.

Дикая реакція, гадкая реальнѣя—да, да и тысяча разъ да... жертвы падутъ на право и на лѣво... но гдѣ же великій тормазъ, чтобы остановить движеніе? Развѣ отнимаютъ у крестьянъ землю, развѣ ихъ исключаютъ изъ выборовъ? Развѣ самое слѣдствіе по Каракозовскому дѣлу не указываетъ, что въ московской молодежи была мысль пропаганды между фабричными работниками - крестьянами, первой попытки органическаго сочетанія тѣхъ двухъ социальныхъ отѣнковъ, о которыхъ мы говорили?

— Да, по эту то молодежь и схватили и сослали. Жаль ее, но мѣста сосланныхъ пусты не останутся.

Вспомнимъ, что было при Николаѣ... и не при немъ-ли началась та вулканическая и кротовая работа подъ землей, которая вышла на свѣтъ, когда онъ сошелъ съ него?

Въ прошлое пятнлѣтье мы немного избаловались, пора-спустились, забывавъ, что намъ были даны не *права*, а *поблажки*. Пора опять сосредоточиться.

Досадно, что исторія идетъ такими грязными и глухими

проселками, но вѣдь одно *сознаніе* идетъ прямымъ путемъ. Не мѣняя нашей программы и мы поидемъ ея дорогой, лавируя съ пей, тѣсясь съ пей. Да и какъ-же иначе, когда реакція торжественно признала ее и она дѣйствительно сдѣлалась — по выраженію брюссельскихъ “Отголосковъ” — “*Знаменемъ противъ знамени Зимняго дворца*”.

Мы-ли будемъ держать его или другіе пасъ смѣнять, не въ этомъ дѣло, знамя наше, знамя “Земли и Воли” водруженное нами, признано враждебнымъ станомъ.

И—ръ.

БѢЛЫЙ ТЕРРОРЪ

(Продолженіе)

ГЛАВА IV.

Дѣйствія Муравьевской сѣдственной комиссіи. — Ермоловъ, Мотковъ и прочіе “чистошердечно-кающіеся”. — Большинство вынуждено подтвердить нѣкоторыя изъ ихъ показаній. — Муравьевъ заканчиваетъ следствие надъ “главными преступниками” и передаетъ его верховному уголовному суду. — Приговоръ Муравьева. — Князь П. П. Гагаринъ и образъ его дѣйствій.

Что же дѣлала верховная сѣдственная комиссія подѣ председательствомъ знаменитаго палача? До сихъ поръ мы видѣли только ея неудачные опыты надъ Каракозовымъ; но мы уже знаемъ, что “слѣпон” случаи навелъ ее на слѣды людей, близкихъ Каракозову, и предаль въ ея руки ту “среду, по выраженію полицейскихъ публицистовъ, изъ которой вышелъ преступникъ”. Эти люди съ первой же половины Апрѣля томались въ Петропавловскихъ казематахъ, окруженные широкою рѣкой, крѣпкими стѣнами и стражей вѣрною. Муравьевъ накиннулся на нихъ со всею яростью и неутомимостью своего звѣрскаго характера. На допросахъ онъ, по русской пословицѣ, “и рвалъ, и металъ”, по ели еи дикія, солдатско-кабачныя ругательства, угрозы пытать, все жнзы повытянуть, все составы переломать, на медленномъ онѣ живьемъ изжарить; если оставленія безъ пищи или на одномъ хлѣбѣ и водѣ цѣлыя недѣли и другія подобныя мѣры не могли запугать такихъ людей, каковы, напримѣръ, Юрасовъ или Страденъ, то пашнсь натуры слабыя, робкія, ничтожвыя, не могшія вынести перваго столкновенія съ суровою дѣйствительностью крѣпости, допроса и цѣлаго ряда все возможныхъ пытокъ. Первымъ былъ Ермоловъ. Онъ упалъ духомъ до поразительной степени, въ немъ исчезъ всьми слѣдъ энергіи и та рьяность, которая обманывала прежде многихъ не дальнзоркихъ и довѣрчивыхъ людей. Онъ сдѣлался жалокъ и буквально превратился въ моруую тряпку, изъ которой сѣдователь мось выжимать все, что ему было нужно. Добившись нѣкоторыхъ показаній отъ Ишутина и подпаго раскаянья отъ Ермолова, комиссія получила возможность дѣйствовать не ощунью, не на угадъ, но по опредѣленному и довольно ловко задуманному плану. Впрочемъ этотъ планъ не отличался ни оригинальностью, ни повизной или особеннымъ остроуміемъ замысла, ни даже искуснымъ исполненіемъ (о послѣднемъ мы судимъ по результатамъ). Онъ состоялъ въ спутываннн, въ обманѣ, поддѣлкѣ показаній, въ подаванн очныхъ ставокъ, въ застращиваннн. Напримѣръ, А. въ сильномъ подозрѣнн; наконецъ комиссіи удается получить отъ Б. два, три показанія на А. Тогда ему объявляютъ, что Б. его обвиняетъ въ томъ-то; перечисляютъ все обвиненія и подозрѣнн, какія только имѣются;

говорятъ, что показываетъ на васъ Б. и подтверждаютъ такіе то. А. или сознается, или же не вѣрннть и требуетъ очной ставки. Ему обыкновенно отвѣчаютъ, что Б. на допросѣ, по читаютъ его показанія и подпись неказываютъ, послѣ чего А., по большей части, кое-что признаетъ, кое-что отрицаетъ; его разъясненія очень часто даютъ пищу для обвиненія новыхъ лицъ или для усиленія вины старыхъ; больше же всего получается матерьяла противъ Б., котораго сѣдователь съумѣлъ выставнть доносчикомъ Такимъ образомъ растетъ и строится грозная батарея обвиненій, наговоровъ, уликъ; стѣнн запутываются все гуще и непроницаемѣе и бѣстся въ нихъ цѣлый рой мухъ и мошекъ, вошедшихъ въ званіе “государственныхъ преступниковъ”. Я не стану перечислять всѣхъ хитростей и уловокъ этой гнусной, шулерской игры, гдѣ ставкою были десятки человѣческихъ жнзней, такъ какъ читателю, я надѣюсь, уже достаточно ясенъ ея смыслъ. Подробное перечисленіе всѣхъ этихъ передергиваній и подтасовокъ повею бы насъ слишкомъ далеко. Результатомъ нль было между прочимъ то, что Ишутинъ заподозрнлъ Худякова и взвелъ на него много тяжкихъ обвиненнн. Однако Худяковъ, не смотря ни на какія истязанія и жандармскіе кулаки, не далъ вынытываемыхъ признаній.

Въ концѣ Апрѣля были взяты Мотковъ. Еще въ Москвѣ, при арестованнн еио полковникомъ Военковымъ, онъ обнаружилъ такой упадокъ духа, такую потерю мужества, которые въ будущемъ не обѣщали ничего хорошаго. И это опасенне вполнѣ оправдалось. Его показанія, также какъ и показанія Ермолова, запутывали большое количество новыхъ лицъ (Ермоловъ при своихъ показаннхъ приложилъ, конечно по требованню Муравьева, списокъ лицъ, которыя принадлежали къ *организации* или же посѣщали сходки). На сколько были колонтъ этотъ списокъ — судить не наше дѣло... (Не могу, однако не упомянуть, что въ списокъ было внесено много лицъ, совершенно непричастныхъ, фактически, офиціозно и неоспоримо доказавшихъ свое алібі и бывшихъ извѣстными Ермолову только по слухамъ). Онъ былъ отосланъ въ Москву и по немъ произошлись аресты. Онъ же служилъ и уликой, и главнѣйшимъ доказательствомъ противъ допрашиваемыхъ: дескать, смотрите, подлинный, присланъ отъ самаго Муравьева, а вотъ и наша фамилія, значитъ запраться ужъ нечего. Но между Ермоловымъ и Мотковымъ существуетъ громадная разница, выиспить которую передъ читателемъ я считаю необходимымъ, какъ потому, что нахожу данный фактъ очень поучительнымъ для нѣкоторыхъ, такъ и по многимъ, не менѣе уважительнымъ причинамъ, изложенне которыхъ я считаю неумѣстнымъ. И Ермоловъ и Мотковъ считались вполнѣ честными людьми, очень стойкими и неспособными продать *своихъ* ни изъ-за трусости, ни изъ-за чечевичной похлѣбки. И тотъ и другой оказались не тѣми, чѣмъ ихъ считали, но и того и другого мы не посмѣемъ поставнть на одну доску. Ермоловъ дѣйствовалъ, какъ человекъ совершенно потерявший голову, совершенно подавленный и уничтоженный обрушившимся на него несчастьемъ. Встрѣчались ли вы людей сильно боящихся пожара, которые увидали свои домъ въ огнѣ? въ числѣ ихъ попадаются такіе субъекты, съ которыми въ эти минуты дѣлайте что хотите: прибейте нль, оберните, они сами подставятъ вамъ шею, они сами отдадутъ вамъ шкатулку съ своими драгоценностями. До полнаго

уничтожения своего я, своей личности доходить мнѣ въ трудныя минуты своей жизни. Это люди жалкіе; они внушаютъ мало уваженія и еще меньше довѣрія, но никто не посмѣетъ бросить въ нихъ камень и упрекнуть ихъ въ подлостяхъ. Ермолова можно причислить къ классу этихъ людей. Онъ дѣлалъ свои *révélations*, не выгораживая себя, не пзображая свою личность тою невинною и вѣчною добродѣтельною, которой у насъ придается эпитетъ *казанской сироты*. Онъ не старается впрямь доказать свои поканія и уличить Н., и если Н. отрицается и отвергаетъ его паговоры, то Ермоловъ или сознается въ своей ошибкѣ, или же говоритъ, что вѣрно не упомянуть и утверждать положительно своихъ словъ не можетъ, но иногда не подыскивать новыхъ уликъ, новыхъ фактовъ обвинительныхъ или доказывающихъ старое обвинение. Иное дѣло Мотковъ. Онъ шелъ къ извѣстной, заранее намѣченной и опредѣленной цѣли, онъ рѣшилъ, *во что бы то ни стало*, спасти себя, а тому, кто разъ приметъ это рѣшеніе, путь ясенъ*. Чемъ добивалась коммисія отъ подсудимыхъ? Полнаго признанія? Да, по этому ей было слишкомъ мало; она требовала отъ сознающагося—обвиненія новыхъ лицъ, и чѣмъ болѣе выдавали показанія, чѣмъ болѣе количество лицъ впутывали, чѣмъ болѣе количество уликъ и обвиненій представляли, тѣмъ въ болѣеи густотѣ попадали къ Муравьеву, тѣмъ слаще улыбалась вамъ надежда и вы уже начинали вышгать плоды своего добраправія: юоче, сдобныя буючки и разныя деликатессы сыпались на вашу главу. А мягкое и нѣжвое, даже, можно сказать, родительское обхожденіе столь строгаго пачаительства! † И Мотковъ впрямь заслужилъ благоволеніе коммисіи, уловивъ ея мысль и споспѣшествуя раскрытію зла. Онъ не только впуталъ новыхъ лицъ, совершенно непричастныхъ, о которыхъ коммисія не слыхала и не справлялась, онъ доказывалъ *юрисо* правдивость своихъ обвиненій и паговоровъ, онъ уличалъ васъ, онъ дѣлалъ вашими слѣдователями и слѣдователемъ злостными, ловящими каждую вашу фразу, вашимъ обвинителемъ, свидѣтелемъ противъ васъ; чтобъ унечь своего пріятея, онъ припоминалъ десятки новыхъ обвинительныхъ фактовъ, припоминалъ и цитировалъ ваши слова, выкапывалъ тысячи забытыхъ и ничтожныхъ мелочей-уликъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выгораживалъ себя, выставялъ свои поступки въ самомъ ярко-бѣломъ цвѣтѣ невинности и давалъ имъ самый безобидный смыслъ. Уличая васъ въ какомъ нибудь революціонномъ поступкѣ, онъ припоминалъ вамъ, какія при этомъ были на васъ панталоны, съ какой булавкой галстухъ, какая была погода и какія книги лежали на вашемъ столѣ, какую папиросу вы курили, какъ отряхали пепель, кто находился въ комнатѣ, все припоминалъ Мотковъ, чтобъ доѣхать пріятея! Онъ повредилъ очень многимъ, многихъ едва не подвелъ подъ висѣлицу, напр. инженернаго офицера Михайлова. Онъ его видѣлъ раза два; коммисія о Михайловѣ, если не ошибаюсь, даже не освѣдомлялась, что однако не помѣшало Моткову донести, будто бы Михайловъ составилъ

* Во избѣжаніе ложнаго истолкованія моихъ словъ, замѣчу слѣдующее: вѣроятно каждый изъ обвинявшихся имѣлъ цѣлью спасти себя, что конечно преступно только съ точки зрѣнія Муравьева. Но очень не многие рѣшились достигнуть этого, завязывая другимъ петлю и услужливо стлкаявая ихъ въ яму.

† Въ сущности надежды обманчивыя, и Муравьевъ одинаково распорядился какъ съ каавшимися, такъ и съ уворными.

планъ предпоагавшагося людиповскаго завода (для мальцевскихъ иговокъ) и варпанки (плавильной печи), или, другими словами, обвинилъ его въ принадлежности къ организаціи и въ активномъ содѣйствіи мѣрамъ, клонящимся къ достиженію экономической и соціальной революціи и ниспроверженію правительства во всемъ государствѣ. Еслибы Моткову удалось доказать свои обвиненія, Михайлова, какъ военнаго инженера, передали бы военному суду и черезъ 24 ч разстрѣляли; но къ счастью, всѣ успія Моткова оказались тщетными. Михайловъ сумѣлъ довести его до абсурда и необходимости замолчать, и совершенно отвернулъ всѣ обвиненія. (Съ Мотковымъ очныя ставки многимъ давались, такъ какъ Муравьевъ убѣдился въ немъ. Эпизодъ съ Михайловымъ очень интересенъ въ своихъ *подробностяхъ*).

Рядомъ съ Мотковымъ выступаетъ Дмитрій Ивановъ, сначала съ неукротимою болглвостью повѣствовавшій передъ москвскою слѣдственною коммисіею, но скоро отправленный для "чистосердечныхъ признаній" предъ свѣтлые очи Муравьева. Онъ успѣлъ списать благорасположеніе обѣихъ слѣдственныхъ коммисій и въ заключеніе даже удостоиться монаршаго благоволенія. Это-то благоволеніе, объявленное 4-го Октября на Смоленскомъ Полѣ и опубликованное во всѣхъ русскихъ газетахъ, можетъ служить лучшею рекомендаціею для Дм. Иванова и самымъ неограниченнымъ комментариемъ его дѣятельности, что избавляетъ меня отъ истинно-грустнаго труда говорить объ немъ....

Кромѣ этихъ двухъ лицъ, нельзя не упомянуть о Петерсопѣ, Борисовѣ и Соболевѣ. Болѣе всѣхъ поражаетъ Петерсопъ какою-то тупою, идиотическою наглостью. Онъ *бульварно* изъ любви къ искусству оговорилъ Никифорова или болѣе, или менѣе, какъ въ *нампренн* повторить *неудавшійся выстрѣлъ 4 го Апрелья*, за что Никифоровъ и былъ приговоренъ Муравьевымъ въ повѣшанію (конечно Никифоровъ энергически отрицалъ чудовищную клевету, по Муравьеву, для произнесенія приговора, не требовалось признанія подсудимаго и никакихъ другихъ доказательствъ, кромѣ доноса, оговора). О Борисовѣ и Соболевѣ, которые вкупѣ съ Дм. Ивановымъ замѣшали множество совершенно постороннихъ и непричастныхъ лицъ, вслѣдствіе показаній которыхъ начато въ послѣднее время нѣсколько новыхъ дѣлъ, будетъ упомянуто въ своемъ мѣстѣ.

Послѣ показаній Ермолова, Моткова, Ишутина и другихъ, большинство было поставлено въ невозможность не признать нѣкоторыхъ обвиненій. Показанія пачать давать даже Каракозовъ, но показанія сбивчивыя, противурѣчивыя, уничтожающія одно другое, что онъ дѣлалъ съ благородною цѣлью имѣть полную возможность отказаться отъ нихъ въ рѣшительныя минуты. Всѣмъ подсудимымъ дѣло казалось безнадежнымъ, разрушительнымъ и подавляющимъ образомъ дѣйствовало на многихъ заключеніе. Пища была отвратительная: супъ пополамъ съ грязью, мутный и водянистый, въ которомъ плавалъ маленькій кусокъ говядины, похожей и по виду и по вкусу на грязную тряпку, да нѣсколько зеренъ риса; котлета, напоминавшая жеваную подошву, о которой никто не можетъ вспомнить безъ тошноты. Между тѣмъ на каждого отпускалось 25 к. с., а на тѣхъ, которые сидѣли въ Алексѣевскомъ равелинѣ, 70 или 80 к. с. (Этихъ счастливицевъ было трое: Каракозовъ, Ишутинъ и Худяковъ; послѣдній попалъ туда по протекціи Кагкова). Вотъ что значатъ русскіе

законы и въ преступлении чины, и по чинамъ облады! Допросы были единственными развѣсениемъ Муравьевъ пещетовствовали. Онъ почти никогда не говоритъ тихо, но кричать и ругаться самыми безобразными и непечатными выражениями, не только tête à tête съ подсудимымъ, но въ присутствии присяжныхъ крови и цѣлой колѣсницы генератовъ, и производилъ омерзительное впечатлѣніе — не ужаса, но отвращения непереносимаго. Голосомъ, обрюзглымъ, съ лицомъ выражающимъ скотское звѣрство и туное широкое, съ пѣной у рта, съ глазами, налившимися кровью, обезображенный злобой, онъ былъ такъ гадокъ, какъ только можетъ быть гадокъ человекъ, утративши всякую черту человѣческую. Онъ былъ крайне плохой свидѣтель, неспособный отыскать истины, добился сознания, занулить вопросами, ни на одну струну чуждескаго сердца не могъ онъ подействовать, крѣпъ страха, и потому — то имѣлъ влияние только на робкихъ или ничтожныхъ пугалъ, на Моголовыхъ и Ермоловыхъ. Другихъ сто дѣло жестокаго и на злое заклевываніе, выражаясь метафорически, нѣхъ уста. Впрочемъ, Муравьевъ, какъ я уже замѣтилъ, не особенно нуждается въ сознании; онъ ограничивался тою же самыми разсказами Моголовыхъ и очевидной клеветой Петерсоновъ. Его опричь были искусны, но какія употребляли мѣры дознанія и они, лучше всего доказываетъ слѣдующій фактъ (Онъ доказываетъ также, на сколько вообще безпристрастно производится судство). Этотъ фактъ относится къ области неоспоримыхъ, официальныхъ, а также формальныхъ заявленныхъ фактовъ, и потому обязательна для всѣхъ т. е. и для читателей *Северной Почты* и вѣдѣсныхъ полицейскихъ вѣдомостей. Худяковъ во время одного допроса оторвалъ бѣлочку отъ своихъ показаній и положилъ ее въ ротъ. Замѣтивши это, свидѣтель Пинифораки* бросился на Худякова, билъ его по лицу до крови и приказалъ жандармамъ «*пунуть его какъ собаку*». Расправа обиденная и домашняя, но увы, теперь она совершилась чуть-ли не въ присутствии цѣлой судственной комисси, словомъ, при обстоятельствахъ, не допускавшихъ возможности скрыть это обычное дѣло. Составленъ былъ формальный актъ и нестата поусердствовавший негодянъ былъ удаленъ отъ дѣла и участія при производствѣ слѣдствія, верховный же уголовный судъ принялъ этотъ фактъ во вниманіе, что послужило однимъ изъ смягчающихъ обстоятельствъ. Если таковы были опричьники Муравьева, то предоставляю судить читателямъ, каковъ былъ самъ началь съ глазу на глазъ съ подсудимымъ, изъ котораго ему хотѣлось, во что бы то ни стало, вынудить признаніе †.

Наконецъ Муравьеву, со всѣми патяжками и неправдами, удалось привести къ концу слѣдствіе надъ главными преступниками; ему удалось раскрыть этотъ чудовищный заговоръ, раскинувшій свѣтъ по всему лицу Россіи и Европы, имѣвшій цѣлью испроверженіе правительствъ на всемъ земномъ шарѣ, экономическій переворотъ, социальную революцію, дѣлежъ собственности и т. д., и т. д. Общимъ выводомъ изъ

* Если я невольно искажилъ фамилію, то прошу знающихъ исправить мою ошибку. Несомнѣнно только то, что она греческая и съ окончаніемъ «раки».

† Вотъ свидѣтельство лица, очень высоко поставленнаго, заподозривъ которое въ взмѣнѣ или въ сочувствіи нигилизму не посмѣлъ ни одинъ Катковъ, сколько ихъ тамъ ни есть въ Россіи. Это лицо, впоследствии занявшее мѣсто Муравьева, писалъ въ началѣ дѣла: «Я принужденъ быть выдти изъ этой слѣдственной комисси, такъ какъ дѣло ведется пристрастно, недобросовѣстно. Приводить лицъ заранее обвиненныхъ, осужденныхъ и приговоренныхъ».

своихъ неустомимыхъ пысканій, заключительнымъ словомъ Муравьева былъ приговоръ, который онъ представилъ верховному уголовному суду. Этотъ приговоръ, замѣчательный по своей развратной жестокости и необузданной кровожадности, можетъ служить лучшимъ комментариемъ его дѣятельности во время польскаго возстанія. Невольнымъ ужасъ, поднимающій волосы на головѣ, охватываетъ человека при мысли, сколько ненужныхъ злодѣяній совершилъ этотъ гнусный злодѣй и сколько невинной крови пролилъ онъ, — ненужныхъ и невинной даже съ точки зрѣнія и Гагарина и принца Олденбургскаго. Муравьевъ приговорилъ къ смертной казни одинадцать человекъ: *Карагозова, Кобылина, Пинутина, Худякова, Странденна, Юрасова, Николаева, Забѣлова, Пинифорова, Федосьева и Моткова**. Остальныхъ въ каторжной работѣ — вѣчной и срочной на 20 лѣтъ и немного меньше, словомъ, пожаловаться никто не могъ, никто не былъ обдѣленъ и обечитанъ. Этотъ приговоръ былъ объявленъ подсудимымъ, которые сначала приняли его за окончательное рѣшеніе ихъ участи. Большинство выслушало его совершенно спокойно; многие съ большимъ вошеиеніемъ и только одинъ Ермоловъ опять не выдержалъ — онъ затрожалъ и истерически зарыдалъ, такъ что его почти безъ чувствъ вынесли изъ залы.

Однако утвердить этотъ кровавый и безосновательный приговоръ, верховный уголовный судъ не могъ. Для того, чтобы убить одинадцать человекъ, изъ которыхъ многие были виноваты только тѣмъ, что нѣхъ оговорили, нужно быть такимъ-же занятымъ, жестокимъ и тупоумнымъ злодѣемъ, каковъ былъ Муравьевъ. Князь Гагаринъ †, не смотря на свои рабьяцкія традиціи, холоцекую поборность монаршей волѣ и свою былую дѣятельность, не можетъ быть названъ Муравьевымъ. Это не кровожадный звѣрь, не уродливый злодѣй, рѣжущій людей, не задумывая, и не давая промаху и наслаждающійся муками жертвы; это искусный дипломатъ, опытный министръ и ловкій царедворецъ, по выраженію древнихъ пинтовъ; если того требуетъ расчетъ, онъ зарѣжетъ и давитъ, не останавливаясь передъ количествомъ, но онъ совершитъ это красиво, онъ духами смочитъ кровавые пятна и шелкомъ перевяжетъ ненужковыя веревки. У него есть свой моральный кодексъ; у него есть умъ, у него много таланта, который не дозволяетъ ему дѣйствовать также не литро и по медвѣжьимъ, какъ дѣйствовалъ Муравьевъ. Онъ слишкомъ уменъ для роли Муравьева и если ночь часъ не отбѣжета отъ нея, то — повторяю — эта роль будетъ сыграна имъ изящно и даже величаво; его поступки будутъ удачно мотивированы и лишены того казарменно-острожнаго, остраго запаха, той дикой обстановки залечнаго мастера... Да, князь Гагаринъ искусный царедворецъ и просвѣщенный человекъ: онъ свѣрляется съ барометромъ и термометромъ; онъ внимательно прислушивается къ камертону; онъ зорко слѣдитъ за направлениемъ вѣтра и дѣйствуетъ такъ, какъ *должно* дѣйство-

* Онъ никому не дѣлалъ пощады и плохія математики были люди, рассчитывавшіе спасти себя выгнечей своихъ товарищей.

† Замѣтимъ разъ и навсегда, что кн. Гагаринъ заключалъ въ своемъ лицѣ весь верховный уголовный судъ. Онъ былъ единственнымъ дѣйствующимъ и дѣйствительнымъ членомъ, остальные играли совершенно пассивную роль, исполняя очень добросовѣстно декоративную часть (Спрашивается ради чего, какъ не ради украшения, необходимаго аксессуара, присутствовала здѣсь изъ ума выжившая мумія Карниолана-Пинскаго? Пти-же онъ изображалъ собой скиню Завѣта?) Потому я не буду дѣлать ошибки, часто замѣняя верховный уголовный судъ именемъ его председателя.

... в данную минуту. А в данную минуту не требовалось смерти такого количества жертв; против Муравьева замечалась реакция. Александр II пил чай у князя Суворова, пробыл у него целый вечер, и Муравьев в свою очередь встал в видимую опалу, ergo, открывался широкій простор грешному великодушью и фальшивой справедливости—ничемъ певичнымъ людямъ, смерть благодушно могла замѣниться каторгой.

Да, есть много способов *подстановленія* одного алгебраическаго выраженія другимъ однозначнымъ, и людей, не знакомыхъ съ алгеброй, легко обмануть этимъ фокусомъ. (А многие-ль у насъ знаютъ эту алгебру?) Но тутъ—поучительно то, что сами профессора раздѣляютъ иногда грубое заблужденіе профановъ. Въ самомъ дѣлѣ, сослать, на примѣръ, въ каторгу или замуровать въ Шлюсбургскомъ застѣпкѣ; погубить и разбить жизнь человека, раздавить его самого, какъ ничтожнаго червяка, неправда-ли, вѣдь это не такъ ужасно и безчеловѣчно, какъ отрубить ему голову? Это даже великодушно и милосердно. Не удивительно, что такъ думаетъ масса, не знакомая ни съ алгебраическими тонкостями, ни съ тонкостями юридическихъ способовъ челоукоубійства, для которой послѣднее существуетъ только въ самой грубой и матерьяльной формѣ. Но удивительно, что совѣтъ такихъ моралистовъ, какъ кн. Гагаринъ, очень часто *искренно* идетъ на жадкія сѣлки и мирится замѣной петли вѣчнымъ застѣпкомъ или каторгой, какъ будто - бы в—с, равное а, не есть тоже самое а?

Но какія-бы побужденія ни управляли кн. Гагаринъ, какъ-бы ни былъ жестокъ и несправедливъ постановленный приговоръ, я отдаю ему должную справедливость. Переходъ въ его руки изъ лапъ Муравьева для подсудимыхъ былъ равносильнъ переходу отъ смерти къ жизни, изъ могильнаго мрака и скорби къ свѣту и надеждѣ. Они сразу почували, что псаломъ и пытка не висятъ болѣе надъ ними и не грозятъ жапдармскіе кулаки и пагайки. Съ ними стали обращаться, какъ съ людьми, которые заслуживаютъ вниманія и уваженія; угрозы, ругательства, солдатское *ты* уступили мѣсто деликатной вѣжливости; ихъ *слушали*; имъ дозволяли оправдываться и ихъ оправданія принимались во вниманіе, какъ заслуживающія довѣрія. Каждое слово, каждая рѣчь подсудимаго, какъ-бы она ни была длинна или неважна подъ часъ, выслушивалась кн. Гагаринъ съ глубокимъ вниманіемъ, безъ малѣйшихъ знаковъ нетерпѣнія или неудовольствія. Вообще отношенія его къ подсудимымъ были на взглядъ очень добросовѣстны и на требованіе Муравьева выслать ему на допросъ нѣкоторыхъ изъ переданныхъ верховному уголовному суду, онъ отвѣчалъ положительнымъ отказомъ. Подсудимые видѣли въ немъ не палача и не безпощаднаго и немилосерднаго врага, но челоука и даже защитника. Такимъ сумбуръ явиться кн. Гагаринъ въ ихъ глазахъ, но сущность его кротости и правосудія читатель увидитъ нѣсколько ниже.

ГЛАВА V.

Дѣло переслѣдуется.—Приговоръ Каракозову и Кобылину.—Казнь Каракозова.—Ощипозная ложь.—Какъ отпосился народъ къ Каракозову.—Смысль послѣдней молитвы Каракозова.—Ея результаты.—Легенда о пигмистахъ.

Разсмотрѣвши слѣдственное дѣло, князь Гагаринъ не могъ не придти къ слѣдующему заключенію: слѣдствіе было произведено пристрастно, съ заранѣе предвзятою мыслью, для

доказательства которой употреблены самыя безсовѣстныя уловки, натяжки и ухищренія. Всякое обвиненіе и наговоръ принимались за доказанные факты; обѣгались вопиющія противурѣчія и соглашались самыя несогласимыя факты; личныя-же показанія подсудимаго, его сознанія принимались только тогда, когда они служили къ его обвиненію; въ противномъ-же случаѣ они положительно игнорировались, равно какъ и всѣ факты, уничтожающіе или ослабляющіе виновность. Стоило напр. какому нибудь шальному пегодаю, въ родѣ Петерсона, обвинить васъ въ намѣреніи убить государя и васъ признавали виновнымъ, не смотря на то, что не было никакихъ другихъ доказательствъ, кромѣ голословнаго обвиненія.

Дѣло было вновь переслѣдовано и подсудимые вновь переспрошены. Тогда только открылись имъ глаза и они увидѣли, жертвою какой гнусной интриги и цѣлой системы обмановъ были они!... Большинство взяло назадъ свои показанія, объявивши, что допросы производились пристрастно и что показанія были вырваны силой угрозъ и жестокаго дознанія.

Прежде всего верховный уголовный судъ рѣшилъ покончить съ Каракозовымъ и Кобылинымъ, такъ какъ виновность одного была слишкомъ очевидна и не пуждалась въ новыхъ доказательствахъ, невиновность же другого была до такой же степени очевидна и несомнѣнна. Каракозовъ торжественно отрекся отъ всѣхъ своихъ показаній. Онъ объявилъ, что дѣйствовалъ отдѣльно, ни съ кѣмъ не совѣтуясь и никому не сообщая о своемъ намѣреніи. Что же касается до его показаній противъ Кобылина, то они даны вслѣдствіе жестокаго и пристрастнаго допроса, ложность ихъ доказывается ихъ сбивчивостью и несогласимыми противурѣчьями. Приговоръ верховнаго уголовного суда извѣстенъ: Каракозовъ, большой и почти умирающій, приговоренъ къ висѣлицѣ; Кобылинъ, послѣ пятимѣсячнаго заключенія и томительнаго существованія между жизнью и смертью, освобожденъ отъ суда и слѣдствія.

Описанія казни Каракозова,* сдѣланныя руками полицейскихъ публицистовъ, грѣшатъ противъ истины искаженіемъ фактовъ, ложными толкованіями и скромными умолчаніями. Надо отдать справедливость этимъ строчителямъ казенныхъ объявленій и лирическихъ восторговъ, вдохновляемыхъ милостивымъ поощреніемъ пачаительства: они обладаютъ замѣчательною фантазією и способностью видѣть и слышать то, чего не слышатъ и не видятъ остальные смертные. Я нахожу необходимымъ возстановить истину и объяснить смыслъ нѣкоторыхъ, ложно понятыхъ фактовъ.

Утро было дѣйствительно сѣрое, угрюмое, и при появленіи Каракозова толпа хранила глубочайшее молчаніе. Онъ былъ блѣденъ и едва держался на своемъ высокомъ и неудобномъ сидѣннѣ. Но это происходило не отъ боязни смерти. Кто видѣлъ Каракозова не за долго до роковаго дня, тотъ можетъ подтвердить, что эта блѣдность и слабость происходили вслѣдствіе болѣзни и положительнаго истощенія физическихъ силъ. Каракозовъ не боялся и *не могъ* бояться смерти: онъ давно покончилъ всѣ свои расчеты съ жизнью и подписалъ свой смертный приговоръ не только прежде кн. Гагарина и

* Пачаистъ этой казни хоронилъ его палача, "впезапно скончавшагося въ сердцахъ", по удачному выраженію одной газетки, которая невзначай сказала этотъ каламбуръ.

ранѣе 3-го Сентября, по гораздо ранѣе 4-го Апрѣля, въ то еще время, когда бытъ мирнымъ гражданиномъ, вкушавшимъ сладостѣйные плоды “дрованныхъ вольностей” Не удави его благодунный монархъ, онъ бы умеръ естественною смертію много-много черезъ мѣсяць или полтора (еще въ клиникѣ, въ Февралѣ мѣсяцъ, онъ страдалъ *прекращеніемъ питанія*, помимо другихъ болячек). Умолчали полицейскіе публицисты и о томъ, что эта мертво-молчаливая толпа ждала отъ мала до велика царскаго помилованія. Эту казнь, ненужную и бесполезную, оуждали люди благонамѣренные, даже многіе полицейскіе чины, не потому чтобы они сочувствовали Каракозову, но потому что простой арифметическій расчетъ воспрещалъ убивать этого полумертвого челоуѣка. Прости его царь — дѣло вѣдь сводилось на личные счеты, съумѣй явить онъ рыцарское, въ сущности же фальшивое великодушіе, и онъ бы увлекъ, онъ поразилъ бы эту массу, онъ подавилъ бы ее своею добротою, мягкосердечіемъ, незлобіемъ. Масса всегда увлекается мишурою, паружнымъ блескомъ, фальшивою доблестью и очень мало среди нея людей, способныхъ понять и по достоинству оцѣнить свершающіеся факты. Эта нѣмая толпа заревѣла бы смерть Каракозову, который осмѣлился поднять руку на такого добродѣельнѣйшаго монарха, но этотъ монархъ опять поддался рабскому, ложному страху и жаждѣ мелочной, личной мести — чувствамъ, на которыя, кажется, только и способна его благодунная патура.

Каракозовъ молился, и эта молитва соблазнила пропихательные умы многихъ — хвостъ поджавшихъ либералишекъ, которые никакъ не могли сообразить, какою глубиной и вѣрнымъ расчетъ управлялъ этимъ сознательнымъ поступкомъ умирающаго. Какъ хорошо понималъ онъ народъ, любовь къ которому привела его на эти подмостки, уложивъ въ простой досчатый гробъ и свезя, покрытаго рогожен, на Голодай!.....

Умри Каракозовъ, не перекрестивъ лба, оттолкнувши попасъ чашей и крестомъ, какъ того хотѣли люди, выдающие себя за квинтъ-эссенцію либерализма, какою бы вопль негодованія поднялся въ этой безмолвной толкѣ, не знавшей, провлинать или сожалѣть неповиноваго ей челоуѣка, который осмѣлился поднять руку на *самого царя!* Какое бы торжество было у этихъ Муравьевскихъ выкидышей — Катковскихъ и Ко. и всего синкита московскихъ профессоровъ и ихъ достойныхъ последователей. Всѣ сорокъ сороковъ московскихъ опять бы затревожили: “не мы ли говорили, что онъ атеистъ, безбожникъ, вигинистъ. А вотъ отъ чего эти стриженные дѣвки, да разные грѣховодные социализмы пошли? — Послабѣние большое, полиция мало смотритъ, книжки беззаконныя, печестирья и богомерзья распространяются. А что проповѣдуется въ журналахъ, въ школахъ? Вотъ гдѣ ядъ, вотъ гдѣ язва”... ну и пр. Пѣсня старая и знакомая, составляющая альфу и омегу ученія *Московскихъ Видомостей*. Теперь клеветники должны были молчать, и когда тѣло Каракозова повисло въ воздухѣ, вся эта площадь, вся эта громадная масса народа, вся до единого челоуѣка ахнула и перекрестилась и много глубокаго значенія было въ этомъ ровномъ, мѣрномъ, общемъ вздохѣ. Тутъ же, возлѣ его неостывшаго, неснятаго труна пошептались толки: “а вѣдь онъ православный, а не что бы какою... Русскій, братцы вы мои, русскій, совсѣмъ простой челоуѣкъ! И таково это онъ, голубчикъ мой, жалостно поклонился, что

у меня индо что въ сердцѣ повернулось”. И немедленно въ народномъ умѣ явилось сопоставленіе между жертвой и пачочомъ. “Муравьевъ-то, заговорилъ народъ, какъ собака издохъ, не исповѣдывавшись и не причастясь. Да оно собакѣ и собачья смерть!... А этотъ и преступникъ, да умеръ такъ, что хоть всякому православному такъ умереть. Въ полномъ разумѣ, въ полномъ покаяніи и святыхъ таинъ принять сподобилъ Господь. За великій грѣхъ свои казни на землѣ получилъ, вѣчныя муки претерпѣлъ, значить взысканъ будетъ на небесахъ”. Всѣ слышали, что Каракозовъ инстинктъ и съ минуты его смерти пошла въ народъ стѣдующая легенда, которая — ручаюсь — стоялась на Смоленскомъ Полѣ, въ тѣ минуты, когда Каракозовъ, блѣдный, безъ шапки, въ простомъ сѣромъ армякѣ, крестясь, шелъ на смертную, лобную казнь. Вотъ вырвати ея содержаніе.

“Есть, братецъ ты мой*, разсказывалъ мнѣ рабочій, сета такая и называется она надѣнстами, значить, всѣмъ надѣнть землей хочеть. И такіе это порядки промежъ ними, то не надѣнстами, ведутся, что одно слово, любо - дорого послушать. Всѣ они значить это одѣты просто, по нашенски, по мужицки: мужичины въ красныхъ рубахахъ, въ шароварахъ, въ армякахъ, въ зипунникахъ; женщины почитай всѣ мѣщанками, али такъ бабами деревенскими. И не подумай, братецъ ты мой, чтобы все это мужики одни были. Оно точно, есть и мужики, даже старшой-то ихъ, что то не всѣми заправляетъ, и тотъ мужикъ; иначе выходить промежъ нихъ почитай все больше благородные: дворяне тамъ это разные, графы, князья... И таково, братецъ ты мой, чудно это, что всѣ эти барышкы, графини тамъ лахмытками одѣты, ну вотъ словно самаи что ни есть послѣдняя дѣвка горничная. Собираются они въ Глухомъ переулкѣ въ глухую ночь, потому — полиціи значить очень переухватать ихъ желательнѣе и всѣмъ дворникамъ вышеть такой указъ: за каждою, дескать, надѣнста погнѣнныя награжденія и шкалинь водки, какъ выходить поймаешь его, такъ и воюки въ кварталъ. А собираются они, братецъ ты мой, чтобы павнаго своего послушать, то не павнаго-жъ брата-мужика, а онъ значить, съ бородами, въ сѣромъ зипунѣ, въ ланоткахъ сидитъ и такая имъ рѣчи говоритъ. Мы, говорить, всѣ подъ Богомъ равны, что царь, что мужикъ — одинъ чортъ! А ведутся, говорить, у насъ, братцы вы мои, порядки не праведные: этотъ бѣденъ, тотъ богатъ; этотъ пальцемъ объ палецъ не толкнеть, все пиры задаеть, словно сыръ въ маслѣ катаеться, вѣтъ на серебрѣ, ходигъ въ золотѣ, тотъ бьется какъ рыба объ ледъ, все Богъ счастья не даеть: зипуншва драный, полушубокъ рваный, кафтаншво лаганын, самъ голъ, какъ соколъ, голоденъ, хотоденъ, дѣтшвы не ѣвши, коровенка не кормлена, латенка не топена. А все почему? — порядки! Бытъ Иванъ батракомъ, корилъ хозяина: такой-сякой, нѣтъ на теби пропасты! Станъ Иванъ хозяиномъ — съ батраковъ семь шкуръ дереть, самъ брагу пьеть, ходитъ промежъ нихъ, похаживаетъ, самъ бороду поглаживаетъ: батраки, что вошь, всѣ дѣла-дѣлають, никакою корысти не видять, а хозяинъ знай, поврикиванъ, барыши сосчитывай, батраковъ усчитывай: чѣмъ мошна туже, тѣмъ батраку хуже. Глядишь, Иванъ строитъ новые хоромы, старые вшиь хромы... стелеть полъ, а батракъ все голъ; вывелъ

* Этотъ разсказъ я заимствовалъ изъ записной книжки своего пріятели. Читатели могутъ понять, что я все это время былъ лишень возможности бесѣдовать съ рабочими.

стѣны, сбавить пѣны, владеть печь—не жалѣйте плеч; а какъ вывели трубы—варовить всѣмъ въ зубы У Пива пирь горон стоитъ день деньской, гостен полонъ домъ, всего наварено, всего нажарено, браги хмѣльные, вина пѣльные, бвасы крѣпкіе. А у баграба дураба развагилась изба, голосит дѣтба—дан хлѣбушка. Эй батрочокъ, поидемъ въ кабочокъ, выпьемъ пиванчель. Такъ то, братцы! Рази-жь это порядокъ? Богомъ то не таи велѣво, да цркъ такъ привязано. Вотъ што!.. И значигъ братцы вы мои, надо ми порядки неправоудные перемѣнить, такъ сдѣлать, чтобъ всѣмъ живось хорошо сытно, не голодно, не холодно, чтобъ не было нищихъ, да бѣдныхъ, тои не покрытов, избъ безъ крыши и пачать золотыхъ, хозяевъ да баграбовъ, а чтобъ всѣ были хозяева всѣмъ земля дана, для всѣхъ мѣса растутъ, хлѣбушка родитъ, для всѣхъ тождь идетъ, вода течеть, солнце свѣтитъ. Вся бѣда, говоритъ, завелась отъ нечестивости неправоуднаго, царен нечестивыхъ (потому на нихъ, надѣлнстовъ, волниа и зарится зубы течитъ) А пока что, говоритъ—вѣ работайте лежать на боку вешь грѣхъ, когда у мужиковъ спина не разибається руки устаи забываютъ. И вариды, говоритъ, хороше неслыа носить, пензя заморскія вина пить, и мѣнциа кушанья ѣсть. Ходите, въ чемъ народъ ходитъ, несте, чѣо народъ шеть, ѣште, чѣо народъ ѣеть. Да мало-ль что онъ имъ говоритъ, только всего, братецъ ты мой, не перескажешь и не упоминашь. А надо полагать, мѣлькъ умныи и всяческое учение пронзочеть, въ насчетъ былъ, потому теперь это бываетъ, вопъ хоша бы у насъ Афанасій своего парнишу отдалъ, гдѣ барчаи учатся, и доведу, говоритъ, до всѣхъ, значить, науъ доведу”.

— Какъ-же, спросить я, не переловать надѣлнстовъ? Вѣ въ Гухомѣ переучь всѣ дома наперечеть извѣствы поинципу и дворннхамъ же награждение обѣщано? —“Да рази-ли они Гуды какіе, что изи за поинципа продовать пойдуть!.. ну, а поинципо, братецъ ты мой, надѣлнсты значить праведутъ и выведуть, оченно они хитрыи народъ”.

Противъ этого доказательства я не возражалъ, тѣмъ боіе что и Калковъ держитъя того же мнѣнія, а я вѣрно стою за авторитета.

ГЛАВА VI

Почетъ с родимыхъ — Иштутинъ отрицаетъ всѣ свои показанія на Худякова — Пост реонт остается вѣрнѣ добровольно-принятои имъ роль доносчика — Писолевъ и его защита — Защита Мотлова — Образъ дѣлствій адвокатовъ — Объявленіе приговора

Повоинчивъ съ Каракозовымъ, верхоннымъ уголовной суди принявъ за рѣшеніе участи остальныхъ тридцати четырехъ человекъ

Я уже упомянулъ, что большинство отказалось отъ своихъ показаній (или отъ части ихъ), мотивируя этотъ отказъ жестокимъ и пристрастнымъ допросомъ. Даже многие изъ ордена “добровольно явившихся” отступились отъ большей части своихъ повѣствованій, но не отъ всего и не всѣ. Люди болѣе правдивые попустили иначе. Иштутину объявили, что Худяковъ отрицаетъ его показанія и дана очную ставку*, на которой онъ убѣдился изъ отвѣтовъ Худякова, что подозрѣвать его несправедливо и чистосердечно объявилъ: “Всѣ мои показанія на Худякова съ перваго и до послѣдняго слова лодны; давалъ же я ихъ въ томъ убѣжденіи, что Худяковъ

выдаетъ, такъ какъ между нами было условлено на допросахъ вводить самыя тяжкія обвиненія” Вотъ какъ разсѣкаются гордіевы узлы, сплетенные обманомъ и насиліемъ.

Антиподомъ Иштутинъ является Петерсонъ. Отъ избытка усердия, онъ продолжаетъ утверждать, что Шильфоровъ намѣревался убить государя и сообщалъ (!) ему, Петерсону объ этомъ намѣреніи. На очной ставкѣ Шильфоровъ, доказавши Петерсону, что онъ лжетъ, спросилъ его съ изумленіемъ, чѣо заставило его выдумать небылицу, за которую Шильфорова морать пѣсочью мѣсяцевъ въ крѣпости и даже приговаривати къ висѣлицѣ? Писолевъ, что за цѣль теперь—то такъ упорно отстаивать клевету? На это Петерсонъ торжественно объявилъ, что донося на Шильфорова, онъ дѣйствовалъ по своимъ принципамъ, слѣдовать которымъ будетъ неуклонно всю жизнь. Остеретантесъ же, госнода, Петерсона и его принципозъ!

Съ достоинствомъ, не унижаясь и не бравируя, безъ желанія поразить судей своимъ героизмомъ или тронуть ихъ сострадательностью, дѣйствовать Юрасовъ, Сиралевъ, Загибатовъ и некоторые другие. Я нахожу ихъ поведеніе самымъ достойнымъ и принципнымъ дѣломъ, и не могу того же сказать о Шильфоровѣ, всѣ поступки котораго клонились только къ тому, чтобы ухудшить собственную участь. Такъ могъ дѣйствовать развѣ врагъ его, обманувшійся на время допросовъ въ его кошу. Поэтому, я не считаю себя вправе обвини молчаніемъ способъ его защиты, если только возможно такъ выразиться, и не высказать того взгляда, который раздѣляютъ многие изъ числа его товарищей по суду и обвиненно (знать общаго ихъ мнѣнія, я, конечно, не могу). Это мнѣніе, вѣроятно раздѣляютъ съ ними всѣ здравомыслящие люди.

Шильфоровъ отрицалъ свое участие въ обществѣ “адв” и знаніе о намѣреніи Каракозова убить императора. Онъ утверждалъ, что не могъ раздѣлять ни возрѣнн этого общества, ни царубійственныи стремленн Каракозова, такъ какъ, по его крайнему разумѣнію, и то и другое не только не подвигало ни на шагъ святое для него дѣло свободы, но тормозило, задерживало его развитіе и на время окончательно могло остановить его ходъ. Впрочемъ, Шильфоровъ ничуть не отрицаетъ принципа царубійства, напротивъ, онъ признаетъ, что бываютъ периоды въ жизни народовъ, когда подобная мѣра необходима, и потому неизбежна и спасительна, и горе тѣмъ слабонервнымъ людямъ, которые останавливаются въ раздумьи передъ нею. Онъ указываетъ на англійскую и французскую революцію, на примѣры Карла I и Людовика XVI, въ подтвержденіе своей мысли онъ приводилъ доказательства, не отличающіяся новизной и не составляющія тайны, но которыя должны были все болѣе и болѣе убѣждать судей въ его злонамѣренности. Вообще онъ признаетъ крайнія мѣры, если только онъ могутъ принести пользу народу и упрочить тѣ начала, въ которыхъ онъ видитъ единственный исходъ и спасеніе. Для достиженія этой цѣли онъ прибѣгаетъ ко всякимъ средствамъ, какия только окажутся нужными. Вотъ его убѣжденія, и ихъ онъ смѣло исповѣдуетъ не только передъ верхоннымъ уголовнымъ судомъ, но и передъ цѣлымъ міромъ. Когда кн. Гагаринъ намекнулъ ему, впрочемъ въ выраженіяхъ очень опредѣленныхъ, чтобы онъ отказался отъ своихъ словъ, такъ какъ призываніе ихъ неизбежно ухудшитъ его участь, Шильфоровъ топнулъ ногой и произнесъ: “за свои убѣжденія я готовъ

* Кн. Гагаринъ не дожидая мѣрвъ вской методы.

тысячу смертей принять!" Князь покачал головой и сказал, словно давая ему время опомниться и исправить роковую для него ошибку "очень жаль!... очень жаль!..." Съ судьями Николаевъ принялъ самыя рѣзкія тоны онъ оспаривалъ ихъ мнѣнія, чуть не упрекалъ въ невѣжество и незнаніи законовъ, давалъ имъ поученія, на замѣчанія отвѣчалъ просьбой не учить его, такъ какъ онъ знаетъ очень хорошо то, о чемъ говоритъ, и въ знаніи законовъ поспорить съ людьми изъ своихъ судей "Я самъ, прибавлялъ онъ, въ видѣ упрека, долженъ былъ бы черезъ мѣсяцъ защищать диссертацию на магистра юридическихъ наукъ, а вы посылаете меня въ Сибирь!" Безъ живой, сердечной симпатіи нельзя было глядѣть на коренастую и бородастую фигуру и честное лицо этого смѣлаго человѣка, который съ рѣзкимъ, рѣшительнымъ и никакихъ возраженій не допускающимъ видомъ, проповѣдывалъ великія революціонныя идеи двумя принципами, двумя министрамъ и дремлюшей развалинѣ дряхлаго инвизитора, безучастно и бессмысленно жуящая свою старческую жвачку. Вся жизнь этихъ людей была направлена на борьбу съ этими идеями, на безпощадное истребленіе огнемъ и мечомъ ихъ посядителей и проповѣдниковъ и, быть можетъ, въ первый разъ стоялъ передъ ними человѣкъ, который такъ смѣло и открыто исповѣдывалъ свои убѣжденія.

Поступать такъ, какъ поступалъ Николаевъ, значитъ собственными руками выдавать себя врагамъ и завязывать петлю на своей шеѣ. Въ третьемъ отдѣленіи, въ обществѣ доносчиковъ, сыщиковъ, слѣдователей и инвизиторовъ бессмысленно это рыцарское безстрашіе и безчестна эта безцѣльная самоотверженность. Бессмысленно, потому что вѣчетъ за собою непоправимое зло, не принося микроскопическои крупицы пользы; безчестно, потому что даромъ губить одну изъ единицъ той силы, которая такъ слаба на Руси и которой необходимо сохраненіе каждаго своего атома, каждой своей частицы. Вы, которые считаете свое дѣло "святымъ и великимъ", вы, которые, ради его, готовы употребить "всякія средства", какъ же осмѣливаетесь вы такъ легкомысленно, такъ ребячески жертвовать собою, забывая здравый смыслъ и собственную логику? Развѣ вы не знаете, что чѣмъ болѣе гибнетъ васъ, чѣмъ меньше остается, тѣмъ слабѣетъ ваше дѣло, тѣмъ отдаляется его успѣхъ и упрочивается торжество враждебныхъ вамъ силъ? Не доблестно, но преступно и неразумно, изъ за удовольствія минутъ презрѣніемъ въ глаза своихъ враговъ, — заковать свои руки и ноги, изъ рабочихъ силы превратиться въ каторжника и обречь на бездѣйствіе всѣ свои способности. Гораздо доблестнѣе уйти отъ враговъ, вырваться здоровымъ и невредимымъ изъ ихъ лапъ, употребить *всѣ мѣры*, такъ какъ съ разбойниками церемониться печего, чтобы быть на свободѣ и идти неуловимо и неизмѣнно къ своей цѣли.

Мои слова не проповѣдь на тѣму "цѣль оправдываетъ средства"; ихъ можно резюмировать такъ: "всякія средства позволительны съ тѣмъ, кто не гнушается никакими средствами и преслѣдуетъ самыя гнусныя цѣли, пагубныя для цѣлаго народа и для каждаго въ частности". (Мои слова не признаніе *мѣръ*, къ которымъ прибѣгли Мотковъ и Ивановъ. Эти мѣры называются предательствомъ и вредятъ дѣлу болѣе безстрашныхъ признаній Николаева. Это замѣчаніе дѣлается для недобросовѣстныхъ читателей).

Вотъ доказательство моихъ словъ Николаевъ, который могъ отдѣлаться очень легко и попасть подъ амнистию, приговоренъ за открытое исповѣданіе убѣжденій, очевидно не терпимыхъ въ такомъ благоустроенномъ государствѣ, какъ Россия, въ 12^{ти} лѣтней каторгѣ Александръ II ни на секунду не уменьшилъ этого срока, тогда какъ Захарову, Шаганову и Моткову, стоявшимъ въ одной категоріи съ Николаевымъ, сроки сбавлены на половину. Вѣроятно и въ Сибири участь его будетъ тяжелей многихъ надзоръ строже и неуспѣхи и всѣ дальнѣйшія амнистіи сурово обойдутъ его.

Мотковъ представляетъ диаметрально противоположность Николаева. Онъ исключительно желалъ повліять на чувствительность судей, онъ указывалъ имъ на свое бѣдное и многочисленное семейство, на свои трудныя обстоятельства и чтобы окончательно смягчить ихъ сердца, выдавалъ въ лирическія изображенія своихъ сапогъ и панталонъ, такъ что слушатели становились дѣйствительно и грустно, и нехорошо, такъ бываешь при встрѣчѣ съ бѣднякомъ, который на показъ выставляетъ свои раны и язвы... Очень многие изъ адвокатовъ прибѣгли къ подобной-же защитѣ. Ихъ защитительныя рѣчи были составлены по одному рецепту съ *просительными листами*: "по вѣнечерпанной благодати и безпредѣльному милосердію, снисходя къ крайней нищетѣ и пламенной жаждѣ окончить курсъ наукъ по программѣ высочайше утвержденного устава, дабы приносить пользу престолу, отечеству" и т. д. Клиентовъ своихъ они изображали такими жалкими дурачками, что вчужѣ становилось конфузно.. Очень многие дѣйствовали крайне недобросовѣстно, выгораживая только своихъ кліентовъ, изображая ихъ сосудами всяческихъ добродѣтелей, до краевъ наполненными благонамѣренностью, смиренномудріемъ, благочестіемъ, вротостью и преданностью къ предрѣшавшимъ властямъ. Всѣхъ же остальныхъ они выставляли разбойниками, поджигателями, злодѣями, нетерпимыми ни въ какомъ обществѣ, мѣсто которыхъ въ тюрьмѣ, на каторгѣ и на вислицѣ, и даже настаивали на увеличеніи имъ наказанія. Напримѣръ, защитительная рѣчь адвоката Каракозова была обвинительнымъ актомъ самаго безпощаднаго свойства, болѣе суровымъ, чѣмъ самыя приговоры верховнаго уголовного суда. Вотъ какъ далеко за терзательными столами совѣстливости и принципа заходила холуйская угодиливость и подлая трусость. Но и между адвокатами встрѣчается нѣсколько очень честныхъ и свѣтлыхъ личностей, съ яснымъ умомъ и большимъ запасомъ здраваго смысла. Способъ ихъ защиты былъ самый раціональный и единственно возможный въ данномъ случаѣ. Они выбирали позицію очень смѣлую, но и очень крѣпкую; они выходили изъ положенія: "*заговора не было*", но частями разбирали знамя или самую паголю, обмана самаго безсовѣстнаго и оно, словно картонныя домики, разлеталось съ первымъ прикосновеніемъ ихъ строгой, здравой и добросовѣстной критикѣ. Невинность своихъ кліентовъ они выводили изъ *общей* невинности; ихъ дѣло они разсматривали, какъ частный фактъ, подтверждающій общую мысль, общее положеніе, и доказательства ихъ невинности, вытекающія изъ ихъ дѣла, они приводили, какъ второстепенныя.

Черезъ 21 день послѣ казни Каракозова былъ объявленъ приговоръ остальнымъ 34 лицамъ, подѣжавшимъ рѣшенію верховнаго уголовного суда. Послѣ муравьевской конфирмаціи онъ уже никого не могъ ужаснуть, хотя ужаснуться

было чего. Смертная казнь назначалась одному Ишутину. Он сначала оторопел немного, задумался. “Эх, Николай Андреевич, голубчик, не робей, потерпи ужь до конца”, заговорили ему. “Оно вѣдь и точно, гореваньемъ бѣдѣ не поможешь” и попрежнему сталъ бодръ Николай Андреевичъ. Когда въ компану, гдѣ собрались “рѣшенье”, вошелъ Мотковъ, Юрасовъ всталъ и шизо — шизо поклонился ему: много дескать, довольны вами, г. Мотковъ, очень вы постарались за насъ.

Да, такіе безмотивные поклоны краснорѣчивѣе цѣлаго тома рѣчей блистательнѣйшаго оратора и врядъ-ли ихъ возможно забыть въ теченіи цѣлой жизни, какъ бы долга и богата событіями ни была она.

ГЛАВА VII.

Приговоръ верховнаго уголовного суда.

Марево разсѣялось

Послѣ передовыхъ статей *Московскихъ Вѣдомостей*; послѣ поголовныхъ хватаній и обысковъ, совершавшихся во всѣхъ концахъ Россіи, во всѣхъ ея “укромныхъ” уголкахъ; послѣ официальной статьи *Свѣтлой Почты*, писанной въ канцелярии слѣдственной комиссіи подъ диктовку Муравьева и въ общихъ чертахъ озвучивавшей съ открытіями комиссіи, въ представленіи общества создався чудовищный заговоръ — Заговоръ Монстръ, раскинувшій сѣти по всему обширному лицу Россійской имперіи, имѣвшій сношенія и тѣсную связь со всѣми европейскими революционными комитетами, поставившій цѣлью ниспроверженіе законныхъ правительствъ во всей вселенной и избіеніе всѣхъ государей до мадагаскарскаго и дагомейскаго королей включительно. Въ этотъ заговоръ были замѣшаны не только нигилисты, мировые посредники, мушкетеры и стриженные дѣвки, но лица слѣшкомъ и слѣшкомъ высоко поставленныя. Смѣщенъ Долгорукій, удаленъ Суворовъ, сметѣнъ Голубицкій, а это что нибудь да значить, мрачно замѣчали поитныи отъ устъ *Московскихъ Вѣдомостей*; а сами *Московскія Вѣдомости* — съ не менѣе мрачнымъ и многозначительнымъ видомъ, подмаргивали и подмигивали на Константина Николаевича и стриженныхъ дѣвокъ, на принца Пантеона и *Вятскія Губернскія Вѣдомости* и между всѣми этими предметами находили тѣспѣйшую связь, правда таинственную, но тѣмъ болѣе гибельную и ужасную, словомъ отрывали такую адекую махинацію, такую злодѣйскую интригу, что даже у храбрыхъ волосы становились дыбомъ. Сама полиція, слѣдуя-ли приказанію свыше, или увлекаясь общими прихвѣромъ, дѣлалась алармистомъ и распускала слухъ, что арестовано 8,000 человекъ*. (Почему 8 тысячъ, а не 80 и не 800, почему, наконецъ, не 8 милліоновъ, это составляетъ непропускаемую тайну. Паскально вѣроятна послѣдняя цифра, на столько-же была вѣроятна и первая, но по моему, 8 мил. гораздо ужаснѣе и на нервы дѣйствуетъ сильнѣе. Нѣтъ, видно московской полиціи далеко до *Московскихъ Вѣдомостей*!) И вдругъ “Марево разсѣялось” и вмѣсто сотенъ и тысячъ оказалось 36 человекъ, изъ которыхъ двое попали въ этотъ счетъ случайно, по ошибкѣ!... Г. Катковъ, подобно дамѣ, пріятной

* Я не имѣю положительныхъ данныхъ для опредѣленія точной цифры всѣхъ взятыхъ со времени 4 Апрѣля, но смѣю утверждать, безъ боязни сдѣлать важную ошибку, что эта цифра превышаетъ нѣсколько сотенъ, а пожалуй, составитъ и цѣлую тысячу, если не съ хвостикомъ.

во всѣхъ отношеніяхъ, могъ воскликнуть: ахъ какой афронтъ! но лобъ его изъ одного матеріала съ царемъ пушкой, которую, какъ то справедливо замѣчаетъ и Феодоръ Гинка, нить не повернуть. Высокая персона въ жирныхъ эпогетахъ, таинственные руки, управлявшія всею этою адскою махинаціей, равно какъ и сама адекая махинація со всѣми своими сѣтями, корнями и цѣлымъ лесенкономъ “жальныхъ словъ”, изданнымъ редакціей *Московскихъ Вѣдомостей* для всего пресмыкающагося царства третьяго отдѣленія, оказались сказочными многами, произведеніемъ поддѣйской фантазіи муравьевствующаго публициста* (вотъ они, плоды то классическаго образованія!) Остались только стриженные волосы, бриллианты, синіе очки и другіе невзвѣжные предметы, надъ которыми могутъ изощряться на досугѣ московскіе бутарни и перья неперившихся безветристовъ.

Да, *Марево разсѣялось*, ожиданія общества не удовлетворились, но тѣмъ не менѣе въ мозгу его еще и воздемъ сидятъ “организация, адъ” и иные ужасы. Рамка ихъ тѣспѣе, видъ менѣе ужасенъ, но и теперь девять десятыхъ общества убѣждено, что заговоръ былъ. Это несомнѣнно: мы и приговоръ читали, мы и преступниковъ видѣли. Подобное убѣжденіе можетъ держаться только вслѣдствіе невѣжества читать, т. е. понимать читаемое, въ силу непривычки мыслить и привычки принимать на вѣру всякое печатное слово. Отъ того такъ легко и надуть это общество всѣми литературнымъ проидамъ, алчущимъ и жаждущимъ казенныхъ объявленій и чернилца.

Это грубое заблужденіе я считаю нужнымъ разсѣять и потому прошу всѣхъ, вѣрующихъ въ заговоръ, снова прочесть со мною вмѣстѣ приговоръ верховнаго уголовного суда. Дѣло стоитъ и труда, и вниманія. Если заговоръ былъ, то мы проверимъ его силы и его стремленія; если его не было, то мы обнаружимъ безовѣстнѣйшій обманъ и, пожалуй, научимся менѣе довѣрять правительству и его агтамъ, и измышлениямъ и станемъ вдумываться въ читаемое, всматриваться въ смыслъ, доискиваться сути. Приводить цѣлкомъ весь приговоръ, я нахожу совершенно излишнимъ, я приведу тексты самыхъ существенныхъ его мѣстъ съ необходимыми пропусками и сокращеніями, которые я сдѣлаю не для искаженія смысла, но для экономіи времени и мѣста. Лучшее всего, если читатель возьметъ въ руки приговоръ, чтобы свѣряться съ текстомъ и проверять каждое мое слово и каждое мое заключеніе. Я долженъ замѣнить, что приговоръ не даетъ возможности проверить нѣкоторыя частности; но уже самое молчаніе его и постоянное витаніе въ области общихъ мѣстъ и общихъ фразъ, должно ясно указать читателю, на чьей стороне истина и на какой шаткой, зыбучей почвѣ построено это картонное зданіе, имѣвшее однако довольно гнѣзды, чтобы раздавить нѣсколько десятковъ людей.

“Еще въ 1863 году (неправда-ли, какъ давно? а въ какомъ мѣсяцѣ? не въ Декабрѣ-ли? даже можетъ быть, 31 Декабря? тогда еще невѣстнѣйшій это многозначительное, классическое еще) составилъ въ Москвѣ кружокъ (замѣтите, кружокъ) изъ молодыхъ людей, зараженныхъ социалистическими идеями. Чтобы осуществить ихъ на практикѣ, эти люди начали устраивать школы (одну), ассоціаціи (двѣ), основывать общества (два), старались пріобрѣсти фабрику и устроить заводъ. Затѣмъ нѣкоторые члены обществъ взаимнаго вспоможенія, а также переводчиковъ и переводчицъ задумали

мали организовать свою дѣятельность на опредѣленныхъ *началахъ* (ergo у нихъ не было даже никакихъ опредѣленныхъ началъ и дѣйствовать они, значить, по русскому выраженію, зря, подъ вліяніемъ личной фантази и прихоти); для этого они стали собираться на сходкахъ, обсуждать *различные вопросы и предположенія*, составлять и разсматривать проекты уставовъ, и хотя такихъ проектовъ было вѣскольо, но ни одинъ еще не былъ окончательно принятъ, однако-же *плькторыми* изъ участвовавшихъ въ сходкахъ были *заявлены цѣли*(?!), и *предлагаемы* средства самыя безправственныя, самыя преступныя: въ числѣ цѣлей заявлялись не только экономическій переворотъ, посредствомъ устной и письменной пропаганды (мудрено что-то), но и социальная революція (безподобно это но), дѣлежъ собственности и переворотъ государственный насильственными мѣрами, въ числѣ средствъ (для экономическаго, социальнаго и государственнаго переворота) предлагались: обворованіе кунца черезъ подставнаго служителя, ограбленіе почты, заведеніе тайной типографіи, освобожденіе изъ каторжныхъ работъ государственнаго преступ. Чернышевскаго, романъ котораго “Чю дѣлать?” имѣлъ на многихъ изъ подсудимыхъ самое гибельное вліяніе и пр. Большая часть этихъ предложеній **НЕ БЫЛА ПРИНЯТА**, но по нѣкоторымъ и **БЕЗЪ ОБЩАГО** согласія были дѣлаемы **ПРИГОТОВЛЕНІЯ**; такъ Ермоловъ купилъ типографскій шрифтъ, Страденъ **ГОТОВИЛСЯ** ѣхать въ Сибирь за Чернышевскимъ. Но самыя тяжкія преступленія были задуманы не на общихъ сходкахъ, а въ *совѣщаніяхъ* между нѣсколькими лицами, напр. умыселъ и приотвѣленія В. Федосѣева отравить своего отца, для передачи наследства тайному обществу, и наконецъ въ **НЕБОЛЬШОМЪ** кружкѣ были возбуждаемы разсужденія о томъ, слѣдуетъ-ли, по примѣру европейскаго революціоннаго комитета, въ числѣ средствъ для произведенія **ВСЕОБЩЕЙ**(?!!) революціи, **ДОПУСКАТЬ** царизма и истребленіе правительства **ВООБЩЕ**(!!!) Разсужденія объ этомъ предметѣ были возбуждены Пушкинымъ, который *сообщилъ* своимъ товарищамъ: Каракозову, Ермолову, Страдену, Юрасову, Загибалову, Шагапову и Могькову *свидѣнія*, полученныя имъ отъ Лудикова объ упомянутомъ европейскомъ комитетѣ. *Разсужденія по вопросу о царубійствѣ* однимъ **БЫЛИ ОТВЕРГНУТЫ СОВЕРШЕННО**, а другими отложены(?) на неопредѣленное время, кроме Каракозова (да вѣдь Каракозовъ не разсуждалъ, а дѣйствовалъ: кажется, есть малепькая разница?), который **БЕЗЪ ВѢДОМА ТОВАРИЩЕЙ** и совершилъ 4 Января преступленіе”.

Мы должны остановиться и хорошенько разсмотримъ этотъ параграфъ, такъ какъ онъ заключаетъ въ себѣ всю сумму обвиненій и всю массу открытій, сдѣланныхъ обѣими слѣдственными коммиссіями и верховнымъ уголовнымъ судомъ. Онъ резюмируетъ дѣятельность “тайнаго общества”, раскрываетъ намъ его силы, его организацію, его стремленія; словомъ, онъ исчерпываетъ всю *суть* дѣла и есть его альфа и омега

Первымъ проявленіемъ противупublicной дѣятельности и первымъ обвиненіемъ является устройство школъ. Приговоръ о школахъ *говоритъ* глухо, намекая, что ихъ было много, и упоминаетъ только объ одной. Это самый недобросовѣстный оборотъ, который обыкновенно употребляется

безчестными публицистами и всевозможными плутами, по вовсе не идетъ правительству. Дѣло въ томъ, что школъ и было только что одна “Мусатовскаго” (это фамилія ея патрона, участвовавшего въ ней только именемъ), существовавшая около года на Нинводеркѣ (въ Москвѣ) и закрытая по недостатку средствъ. Въ ней обучались дѣти *не старше 12-лѣтняго возраста* и раздѣлялись на два отдѣла: первый заключалъ въ себѣ нежелающихъ или немогшихъ идти далѣе бесплатной школы; второй — готовившихся въ гимназію. Въ первомъ учили грамотѣ, письму, грамматикѣ, ариотметкѣ, выкладкамъ на счетахъ, Закону Божию и давали необходимыя элементарныя понятія изъ естественныхъ наукъ, исторіи и географіи; во-второмъ предметы читались сообразно гимназической программѣ (приготовляли не выше III класъ). Эта школа въ точномъ смыслѣ не была даже бесплатной, которая такъ безнаочно преслѣдуется правительствомъ. Въ ней плата не была опредѣлена, но она существовала: платили, сколько могли; совершенные бѣдняки были избавлены отъ всякаго взноса, имъ всѣ учебныя пособия выдавались даромъ. Священникъ посѣщалъ школу съ очень похвальной аккуратностью и заботливо вникалъ ученикамъ, какъ “единъ Богъ во святой Троицѣ” и какъ содалъ онъ все изъ ничего. Школа была открыта съ разрѣшенія правительства*, о чемъ даже упоминается и въ приговорѣ, и посѣщаема начальствомъ. Спрашивается — какимъ образомъ въ школахъ, гдѣ учились дѣти отъ семи до двѣнадцати-лѣтняго возраста, по не старше, “преподаваніе различныхъ предметовъ могло клониться къ возбужденію противъ верховной власти”? Эти свѣденія коммиссія и верховный уголовный судъ почерпнули изъ (вѣроятно чистосердечныхъ) разсказовъ кн. Черкезова; “но на *судебномъ слѣдствіи обнаружено*, что свѣденія объ этомъ преподаваніи онъ *имѣлъ только по слухамъ*” и нѣтъ никакихъ доказательствъ, чтобы кто нибудь подтвердилъ эти слухи, (изъ дѣла же положительно видно, что они были отвергнуты единогласно). Ясно, что обвиненіе въ устройствѣ антиправительственныхъ школъ, мы можемъ признать клеветой и покончить съ ней.

“Различныхъ ассоціацій” оказывается двѣ: швейная и переплетная†.

(Окончаніе въ слѣд. листѣ).

Одинъ изъ сосланныхъ подъ надзоръ полиціи.

УКАЗЪ (24 Мая 1866 г.) О ГОСУДАРСТ. КРЕСТЬЯНАХЪ.

“Крестьяне государственные соединяются въ сельскія общества. (Сводъ Зак. изд. 1857 г., Т. IX, Р. IV, ст. 663) Земли и угодія, принадлежащія къ каждому селенію, какимъ-бы образомъ онѣ въ началѣ ни были приобретены, по прежнему-ли дачамъ и крѣпостямъ, или отведены отъ казны для водворенія и надѣленія, считаются общественнымъ имуществомъ”. (Тамъ-же ст. 669)

Развитіе этого исторически образовавшагося законоположенія приводитъ къ новому узаконенію. Для насъ тутъ важно *собственное*, хотя и прикрытое казенно-юродической риторикой, *признаніе* правительствомъ необходимости перехода казенныхъ земель въ общественную собственность.

* Школы открытыхъ безъ разрѣшенія правительства не было, иначе-бы обвинительный актъ непременно указалъ ихъ. Повторяю, что “этими людьми” не было открыто ни одной школы, кромѣ Мусатовскаго. Если-же допустить, что таковыя были, то очевидно “преподаваніе въ нихъ не клонилось къ возбужденію противъ верховной власти”, иначе-бы верховный судъ наименовалъ беззаконныя расадники революціи и не выразился-бы: “въ одной школѣ преподаваніе” и т. д.

† Всего изъ десяти работниковъ!

Мы видимъ изъ приведенныхъ нами статей Николаевского свода законовъ, что въ бозѣ почившій императоръ, который вовсе не реформировалъ, а налагалъ на Россию сѣнь казеннаго чиновничества, встрѣясь съ фактомъ русской народной жизни, вѣсь ея — волеи или неволеи — въ Законъ, т. е. признать *обычное право* (custom law) русского народа на владѣніе землей.

Новымъ указомъ, 24 Ноября 1866 года императоръ реформирующій подтвердилъ это обычное право русского народа, сопоставивъ его при томъ съ положеніемъ о крестьянахъ помещичьихъ

“Озабочиваясь улучшеніемъ быта всего сельскаго населенія Имперіи Нашей, Мы указомъ, даннымъ 5-го Марта 1861 года, поручили министру государственныхъ имуществъ составить предположенія о примѣненіи главнѣйшихъ началъ Положенія 19-го Февраля 1861 года о крестьянахъ временно-обязанныхъ и собственникахъ къ крестьянамъ государственнымъ и вообще водвореннымъ на казенныхъ земляхъ, въ той мѣрѣ, какъ это будетъ признано возможнымъ и необходимымъ для вышата обезпеченія ихъ быта”

Какъ ни сложна эта фраза, все-же изъ нея естественно выводится заключеніе, что правительство еще разъ подтверждаетъ *обычное право* русского народа на заселеніе равномѣрно казенныхъ и частныхъ земель и, въ обоихъ случаяхъ, на извѣстныхъ условіяхъ, переходъ земель въ общественную собственность.

Къ законоположенію Николаевского свода — реформирующее правительство прибавляетъ *владѣнныя записи* :

“1) Сельскія общества государственныхъ крестьянъ сохраняютъ все предоставленныя имъ въ надѣль и состоящія въ ихъ пользованіи земли и угодья. Въ тѣхъ же обществахъ, гдѣ земли, находящіяся въ пользованіи крестьянъ, не ограничены отъ земель, остающихся въ непосредственномъ распоряженіи казны, пространство крестьянскаго надѣла опредѣляется по соразмѣрности съ существующимъ пользованіемъ, но не свыше въ уѣздахъ малоземельныхъ 8 десятинъ, а многоземельныхъ 15 десятинъ на душу.

2) На владѣніе означенными выше землями и угодьями выдается каждому обществу особый актъ, именуемый владѣнною записью”.

Очевидно, что владѣнныя записи идутъ параллельно съ такъ называемыми *данными*, при общественныхъ выкупахъ частныхъ земель.

Очевидно также, что все постановленіе должно быть скопировано съ Постановленія 19 Февраля 1861 года, и что казна ставитъ себя на правахъ частнаго землевладѣльца.

Мы не станемъ входить въ разсмотрѣніе постановленій совпадающихъ съ Постановленіемъ 19-го Февраля 1861 года, но мы обращаемъ вниманіе читателя на постановленія о государственныхъ крестьянахъ, не совпадающія съ постановленіемъ 19 Февраля, и ставящія государственныхъ крестьянъ въ еще болѣе обременительное положеніе, чѣмъ крестьяне вышедшіе изъ крѣпостной зависимости.

Вспомните, что выкупъ земель крѣпостными крестьянами основывался на *ссудѣ*, данной правительствомъ, и погашаемой въ теченіи 49 лѣтъ годовыми взносами.

Указъ 22 Ноября предоставляетъ государственнымъ крестьянамъ право выкупа, но *ссуды* не имѣется, погашенія годовыми взносами не имѣется; крестьяне могутъ *приобрести* государственныя бумаги и разомъ внести капиталъ въ казну :

“13) Сельскимъ обществамъ и владѣльцамъ полевыхъ участковъ земель, обремененныхъ государственною оброчною податью, предоставляется освобождаться отъ платежа всей или части сей подати, посредствомъ взноса въ губернское или уѣздное казначейство, государственными процентными бумагами, такого капитала, проценты съ всего равняются бы той суммѣ оброчной подати, отъ коей общество или владѣлецъ участка желаютъ освободить свои земли. Вносимымъ процентными бумагами капиталъ долженъ составлять не менѣе 100 руб., по нарицательной цѣнѣ бумагъ”.

Если-бы государственные крестьяне могли *приобрѣтать*

процентныя бумаги отъ частныхъ лицъ, на основаніи уплаты ими оныхъ годовыми взносами—еще дѣло могло-бы идти впередъ; но это предположеніе едва-ли осуществимо на дѣлѣ. А между тѣмъ :

“14) Земли, которыя посредствомъ взноса въ казну соответствующаго капитала, на основаніи предыдущей 13-й статьи, будутъ освобождены отъ всей причитавшейся на нихъ оброчной подати, а равно участки земли, проданные селскимъ обществами съ обращеніемъ въ казну вырученной за оныхъ суммы на основаніи статьи 4-й настоящаго указа, составляя полную собственность ихъ владѣльцевъ, исключаются изъ числа земель, подлежащихъ платежу государственной оброчной подати”.

Слѣдственно, если *приобрѣтеніе* государственныхъ бумагъ крестьянами изъ частныхъ рубль на основаніи уплаты годовыми взносами — невозможно, то что же остается? Остается безконечная оброчная подать — безъ выкупа.

Замѣчательно, сверхъ того, что въ послѣднее время оброчная подать, на неизвѣстныхъ основаніяхъ, постоянно повышается. Такъ, въ 1863 году она составила 27,348,082 руб. 90¼ коп., а въ 1864 г. 29,634,207 руб. 93 коп.* И это въ то время, какъ по движенію народонаселенія — приращенія онаго не видно. По ревизіи 1851 г. государственныхъ крестьянъ, платившихъ оброчную подать, считается 8,850,324 души мужскаго пола, (Tengoborski, Etudes, Tom. I, pag. 327, Paris 1854).

Въ русскомъ переводѣ Коппа, по документамъ 1862 года, государственныхъ крестьянъ считается 8,443,015 душъ, платившихъ оброчной подати 25,385,388 руб. (3 р. 7/10 коп. на душу). Въ 1864 году подать приходилась-бы 3 р. 48 коп. на душу, ибо приращенія народонаселенія не показано †.

Кромѣ странной перспективѣ вѣчной оброчной подати, при новыхъ льготахъ даруемыхъ государственнымъ крестьянамъ на безпрепятственную продажу ихъ земель (надѣловъ), принимается слѣдующее основаніе :

“Вырученныя за проданныя земли деньги обращаются въ казну и вмѣстѣ съ тѣмъ область оброчной съ общества подати уменьшается въ размѣрѣ пяти копѣекъ на каждый рубль поступившей въ казну продажной суммы”.

Но какому же это расчету? Пунктъ 14-й говоритъ, что когда въ казну вносится капиталъ, то плата подати прекращается, но по этому пункту (4-му, д) обращеніе въ казну суммы полученной за продажу земли, составляетъ полную уплату капитала; какому же образомъ остается дальнѣйшій платежъ оброчной подати (хотя бы и уменьшенной съ размѣра 5 к. на рубль капитала)?

Между тѣмъ необходимость перехода частныхъ и казенныхъ земель въ общественную собственность и народнаго общественнаго самоуправленія—все-же правительствомъ признаются; но до дѣйствительной реформы оно никакъ дойти не можетъ.

С М Ъ С Б.

НОВАЯ “БАРХАТНАЯ КНИГА” *Русскихъ Дворянскихъ Родовъ* — вышла въ Женевѣ подъ скромнымъ названіемъ *Записокъ кн. Петра Долгорукова* †. Первый томъ ихъ, въ родѣ книги *Бытій и Дѣяній* высшаго русскаго барства, является чрезвычайно кстати. Родословныя деревья у насъ всегда заготовлялись какъ сѣки передъ Рождествомъ... сколько заплачено, столько и золотыхъ яблоковъ. Но въ послѣднее время, въ виду близкой и не совсѣмъ честной кончины помещичества, у насъ стали выдумывать не отдѣльныя

* Мѣсяцесловъ на 1865 годъ (съ портретомъ вел. кн. Михаила Николаевича).

† Лѣсная подать продолжаетъ взиматься себѣ.

‡ Mémoires du Prince Pierre Dolgoroukow, Genève, 1867, T. I (512 pag.).

деревя, а пѣвыи лѣсъ, какое-то *доблестное барство-тори*. почетное въ настоящемъ, почтенное въ прошедшемъ, патриотическое, историческое и пр. Слышали мы прежде отъ сѣдыхъ дворецкихъ и разныхъ прививаюкъ: "Ну это быть *настоящій русскій баринъ*, русскій баринъ въ полномъ значенн"... Но въ наше время эти выраженія поднялись изъ людскихъ и дѣвичьихъ въ *переднюю* литературу, и потому становится очень интереснымъ узнать: чѣмъ быть въ свое время *настоящии русскій баринъ* и о какомъ *полномъ значенн* этого слова толкуютъ наши аристократическихъ дѣвъ страпче и помѣщицы пшаря.

Первый томъ Записокъ князя Долгорукова, представителя одной изъ нашихъ древнѣйшихъ княжескихъ фамилій, весь посвященъ перечню главныхъ семей, окружавшихъ императорскій престолъ въ началѣ XVIII вѣка и управлявшихъ съ нимъ Россіей. Это одни факты, факты подробные, тщательно собранные, почти безъ комментариев—они оканчиваются регистромъ Биропа: значить, обнимаютъ *медовыи мѣсяцъ* новой империи. Читая этотъ чудовищный, неистовый, уголовный *Sarment hoggendum* — падо иной разъ невольно класть книгу, чтобъ придти въ себя отъ ужаса и омерзения. Вы покидаете тутъ весь человѣчскій миръ: это другія животныя, другіе гады, лишенные всего человѣческаго, кромѣ способности доносить, работѣнствовать, красть и дѣлать это ближнему. Не число певичныхъ жертвъ, не кровь льющаяся какъ изъ ведра, не рѣки слезъ, не пытки и каторги удручаютъ читателя... всѣ лѣтписи позны крови и неправды, вся исторія какая-то хирургическая, перемечающаяся операція... но въ разсказѣ *дѣтства и отрочества* нашего *настоящаго барства*, душитъ подлость, отсутствие всякаго убѣжденія, всякаго достоинства, стыда, чести, цинизмъ холопства, сознательность преступленій. Доминиканецъ, съ вѣтромъ жарящій еретика и азіатскій рабъ съ своей религіей повиновения, въ тысячу разъ больше человѣкъ, чѣмъ вся эта шапка *аристократовъ-пегодлевъ*, продавшіеся гуртомъ за крѣпостное право и въ разбивку за власть и деньги.

И эти-то доносчики, сводники, лбедники, палачи, пытавшіе друзей и родныхъ, битые, сѣченые, оплеванные Биропомъ, казнобрады, взяточники, изверги съ мужиками, изверги съ подчиненными, составляютъ почву *настоящихъ русскихъ баръ*. И ихъ-то потомки осмѣливаются теперь бросать камень польскимъ панамъ. Польскіе паны имѣли страшные пороки своего времени, были дики и горды, тѣснили и грабили народъ, но за то они имѣли и доблести феодаловъ — ихъ не билъ никто ни одинъ король и не бдилъ по зубамъ ни одинъ временщикъ, какъ нашихъ холоповъ въ андреевскіи дептъ, воровъ въ княжескихъ мантияхъ и всѣхъ разбойниковъ гвардейской окричины, чередовавшихся между государевымъ совѣтомъ и каторжной работой. Въ исторіи, повторяемъ, ничего подобнаго не было: такъ какъ нечистоты лондонскихъ стоковъ образовали особый слой въ устьяхъ Темзы, съ особымъ населеніемъ инфузорій, такъ изъ русской жизни выплынуть и развился, при посредствѣ ложной цивилизаціи и глубокаго растлѣнія, свой кряжъ *настоящаго русскаго барства*—*strata petropolitana*... которую надо какъ можно скорѣе заважить землей, искупить обновленной жизнью и рядомъ человѣческихъ дѣяній, а не вызывать изъ грязной могилы, или вызывать, какъ это сдѣлалъ кн. П. В. Долгоруковъ, отдавая безпощадно на позоръ и стыдъ.

Грѣхи предковъ только тогда не падаютъ на потомковъ, когда потомки не гордятся своимъ происхожденіемъ. Гербъ облызываетъ, наоминаетъ; кто имъ дорожить, тотъ не можетъ разорвать своей связи съ преданіемъ; на томъ иногда дограетъ лучъ прошлой славы... и всегда выступаютъ пятна прошлаго позора.

Съ петербургскимъ ждемъ второй части великаго обличенія и разоблаченія нашей аристократической дворни, и тогда разомъ сдѣлаемъ выписки изъ чрезвычайно интересныхъ *Записокъ* кн. П. В. Долгорукова.

Мы видѣли пращуровъ нашихъ петербургскихъ и московскихъ матадоровъ, взглянемъ на ихъ дѣдовъ... и искрепно просимъ автора поскорѣе познакомить съ отцами.

НАШЕ ПРАВОСУДІЕ.

Всѣ обвиненные по извѣстному дѣлу о вооруженномъ возстанн въ Казани, приговорены Казанской уголовной палатой къ каторжной работѣ на слѣдующіе сроки:

На десять лѣтъ.

Владиміръ Поиновской (арестованъ въ началѣ Мая 1863).
Александръ Сергѣевъ (арестованъ въ началѣ Мая 1863).
Семенъ Жемановъ (арестованъ въ концѣ Апрѣля 1863).
Алексѣи Щербаковъ (арестованъ 1го Сентября 1863)*.
Аркадіи Бирюковъ (арестованъ въ началѣ Мая 1863).

На восемь лѣтъ:

Иванъ Красноперовъ (арестованъ въ началѣ Марта 1863).
Николай Орловъ (арестованъ въ началѣ Іюня 1863).
Василій Дерповъ (арестованъ въ началѣ Іюня 1863).

На шесть лѣтъ:

Егоръ Красноперовъ (арестованъ въ началѣ Іюня 1863).
Петръ Алѣевъ (арестованъ въ половинѣ Сентября 1863).

На четыре года:

Рудольфъ Миттерманъ (арестованъ въ началѣ Мая 1863).
Викторъ Лаврскій (арестованъ въ началѣ Іюня 1863).

Правительствующи Сенатъ, не смотря на ходатайство уголовной палаты о смягченн наказанн, **УВЕЛИЧИТЬ СРОКИ ПКАЗАНІЯ** въ слѣдующемъ порядкѣ:

Двумъ первымъ, осужденнымъ палатой на десятилѣтнюю каторгу, Сенатъ опредѣлить 14 лѣтъ каторги.

Двумъ бѣжавшимъ и одному оставшемуся (томъ-же категоріи) — 12 лѣтъ каторги

Кому палата присудила восемь и шесть лѣтъ — Сенатъ опредѣлить 10.

Кому четыре года — тѣмъ по шести.

Что-же это — отцы отечества, видно совсѣмъ выжили изъ ума и изъ совѣсти!

— Въ Декабрѣ мѣсяцѣ разстрѣляны въ Варшавѣ казакъ изъ дворянъ, *Митрофанъ Подхалюзинъ*, за участіе въ польскомъ возстанн, и это больше чѣмъ черезъ годъ послѣ усмиренія, *уширотворенія*. Русские журналисты, въ виду этого, не стыдятся указывать на жестокости турецкаго управленія. Гдѣ же турки казнятъ смертью черезъ годы послѣ возмущенія? Подхалюзина *выдала Австрія!* Вотъ характеръ — такъ характеръ!

...На тронѣ я Рославъ и въ узлахъ я Рославъ...

Ее быють, быють... вся въ фонаряхъ, вся въ снѣгахъ, въ ломотьяхъ, растеряла провинціи и репутацію, а все такъ-же подла какъ прежде, все такъ-же вылаетъ на казнь, какъ во времена Бакунина... только тогда въ Россіи не казнили.

* Жемановъ и Щербаковъ бѣжали въ Ноябрь 1866.

— Далѣ русскія газеты насъ пзвѣщаютъ, что въ Рязани приговорили къ убѣенію Юрлова и Обновленскаго... Что въ Омскѣ разстрѣляли крестьянина *Портнягина*, "который не сознался въ убійствѣ и у котораго отработаны у убитаго вещи НЕ ОКАЗАЮСЬ, но въ дѣлѣ имѣлись улики, показывающія, что убійство это должно быть совершено имъ".

Что за Геркулисовы столбы жестокости, тупости, глупости и безсердечія!

— Въ Оренбургѣ разстрѣляли солдатъ *Архипъ Майоровъ*, за дерзость противъ начальника, собиравшагося его сѣчь, по чьему приговору, въ газетахъ не сказано.

— По опредѣленію военно-полевого суда въ Иркутскѣ, по дѣлу о возмущеніи Поляковъ въ Восточной Сибирѣ, къ смертной казни приговорено 7 человекъ изъ первой категоріи, именно: Аримовичъ (Квятковский), Шарамовичъ, Целинский, Пляшевичъ, Вронскій, Реймеръ и Котковскій и кромѣ того 19 человекъ по жребію (изъ десяти одинъ) изъ 2ой и 3ей категорій. Затѣмъ 194 человекъ приговорены къ наказанію плетью по сту ударовъ и къ ссылкѣ въ рудни и безъ срока; 92 человекъ, обвиненные въ сообщничествѣ съ мятежниками, приговорены къ наказанію по 799 и 830 ст. Уст. о ссыльных; 133 человекъ оставлены въ подозрѣніи; 260 совершенно освобождены и четверо преданы обыкновенному суду. — (*Моск. Вѣд.*, 15 Декабря 1866, № 264).

— *Процессъ г. Чичерина въ Парижѣ.* — "Въ засѣданіи 3-го (15-го) Января коммерческаго суда, департамента Сены, производился процессъ газеты *Nation* противъ совѣтника русскаго посольства въ Парижѣ, г. Чичерина. Поводомъ къ этому процессу послужили слѣдующіе факты. Въ 1863 году, г. Леонсъ Дюпонъ купилъ газету *Nation*, принадлежавшую г. Морель и К-ни. Онъ издавалъ ее до 5 Февраля 1865 г., когда онъ былъ объявленъ банкротомъ. Г. Пинэ, назначенный администраторомъ конкурса, получилъ отъ г. Леонса Дюпона контрактъ слѣдующаго содержанія: "Г. Чичеринъ уполномочиваетъ г. Дюпона приобрести газету *Nation*, и обязывается вручить ему въ должное время сумму въ 40,000 франковъ, требующуюся для этого приобретения. Г. Чичеринъ, кромѣ того, обязывается доставлять г. Дюпону сумму нужную для покрытія расходовъ по изданію, съ тѣмъ, однако, чтобъ сумма эта ни въ какомъ случаѣ не могла превышать 10,000 франковъ въ мѣсяць. Г. Дюпонъ, на дѣлѣ, становится владѣльцомъ газеты: ему будетъ принадлежать завѣдываніе матеріальною и политическою ея частями. Не смотря на это г. Леонсъ Дюпонъ обязанъ отдавать отчетъ въ своемъ управленіи г. Чичерину, и если будетъ чистый доходъ, предоставлять его ему. Г. Леонсъ Дюпонъ, сверхъ того, обязывается сообразоваться во всемъ, что касается польскаго вопроса, съ принятымъ имъ на себя изустнымъ обязательствомъ, принимать сообщенія г. Чичерина относительно этого вопроса, и, вообще, всего, что касается русской политики. Г. Леонсъ Дюпонъ получаетъ жалованья, какъ главный редакторъ, сумму 12,000 франковъ въ годъ. Въ случаѣ несогласія между договаривающимися сторонами, г. Чичеринъ предоставляет себѣ право вѣрить управленіе газетою другому редактору, съ условіемъ дать г. Леонсу Дюпону, въ видѣ вознагражденія 12,000 франковъ, и съ этой поры всякое право г. Дюпона на газету немедленно прекращается. Контрактъ написанъ въ Парижѣ, въ двойномъ экземплярѣ. 6 (16) Юня, 1863 г. Подписано: Леонсъ Дюпонъ, Чичеринъ". Администраторъ конкурса, заключивъ изъ этого документа, что настоящимъ владѣльцемъ газеты *Nation* — г. Чичеринъ, имѣющій въ своемъ распоряженіи только номинальнаго редактора, потребовалъ его передъ коммерческимъ судомъ, для уплаты 175,033 франковъ 58 сантимовъ, по проверенному и анробованному счету газеты, и зачислилъ искъ свой черезъ адвоката Бетало, адвокатомъ г. Чичерина былъ г. Дашо. Судъ постановилъ слѣдующее: "Принимая во вниманіе, что 6 (18) Юня 1863 г., Чичеринъ уполномочилъ Леонса Дюпона приобрести газету *Nation* и обязался вручить ему въ свое время ибну этого приобретения и доставлять ему сумму, достаточную для покрытія расходовъ по изданію, ограничивая ее однако 10,000 франковъ, въ мѣсяць, что Леонсъ Дюпонъ долженъ былъ быть владѣльцомъ газеты, завѣдывая матеріальною и политическою ея частями, что было, сверхъ того, положено, что Леонсъ Дюпонъ обязанъ отдавать отчетъ въ управленіи своемъ Чичерину, и что, еслибы были чистые доходы, онъ долженъ представлять ихъ ему; принимая во вниманіе, что Леонсъ Дюпонъ въ сущности состоялъ въ службѣ у Чичерина съ 12,000 фр. ежегоднаго жалованья; принимая во вниманіе, что изъ этого контракта оказывается, что Чичеринъ заключилъ коммерческій договоръ, принимая во вниманіе, что уклоняясь отъ подсудности,

Чичеринъ ссылается на свое званіе и утверждаетъ, что по неоспорному припису, дипломатическіе агенты не подлежатъ вѣдѣнію судовъ тѣхъ странъ, при которыхъ они аккредитованы; принимая во вниманіе, что если и правда, что Чичеринъ состоитъ дипломатическимъ агентомъ, и что представители иностранныхъ правительствъ пользуются правами, на которыя онъ ссылается, для того, чтобъ они не были тревожимы въ отправленіи своихъ обязанностей, но эти права никакъ не могутъ оставаться при нихъ, когда они совершаютъ коммерческія дѣйствія для своихъ частныхъ интересовъ, что Чичеринъ дѣйствовалъ не въ качествѣ совѣтника посольства, и что въ этомъ случаѣ, совершая коммерческое дѣйствіе, онъ поставилъ себя въ диную стическую преимуществу, — судъ объявляетъ себя компетентнымъ. По существу дѣла и по неавѣтъ ответчика, судъ призналъ требованія истца законными и прижиздаетъ Чичерина къ уплатѣ судебныхъ издержекъ". — (*Голосъ*, № 8, 10/22 Января 1867).

Г. Чичеринъ отказывается платить, а посольство и петербургское правительство поддерживаютъ его, и ограждаютъ отъ всякой ответственности. Явно, что г. Чичеринъ, человекъ небогатый, дѣйствовалъ тутъ не лично отъ себя, а отъ имени правительства, дававаго черезъ него, деньги на подкупъ. Объ этомъ даже проговорилась, въ своемъ № 23 Января, газета *Le Nord* (съ позволенія сказать), газета, имѣющая, какъ веѣмъ извѣстно, *полновѣстныя* причины услуживать с.п. бургскому правительству. Такимъ образомъ, с.п.-бургское правительство уличено въ подкупъ газетъ, что само по себѣ уже весьма неблагоприятно; а сверхъ того, въ отказѣ платить долгъ, и въ прикрытіи себя чудовишною дипломатическою неприкосновенностію, этою гнилою хламцою времени минувшихъ. Подкупать и вслѣдъ за тѣмъ отказываться платить долгъ — вѣдь это явное мошенничество!

Процессъ г. Чичерина надѣлалъ шума по многимъ причинамъ: 1) тутъ дѣло идетъ о честности или плугѣ правительства большой державы; 2) дѣло идетъ объ отживающихъ привилегіяхъ дипломатіи, и потому всѣ дипломаты въ немъ заинтересованы; 3) наконецъ, г. Чичеринъ женатъ на баронессѣ Мейендорфъ, бабушка которой, старая графиня Стакельбергъ, уже тридцать лѣтъ какъ живетъ въ Парижѣ и имѣетъ обширныя связи въ Сент-Жерменскомъ предмѣстіи.

Посмотримъ, чѣмъ кончится это грязное дѣло...

— *Король - Губернаторъ.* Между русскимъ и датскимъ дворами, за три недѣли до свадьбы принцессы Дагмары, 4/16 Октября, заключенъ договоръ о *взаимной выдачѣ лицъ, преслѣдуемыхъ судомъ каждой страны.* Веѣмъ извѣстно, что такое въ Россіи судъ политическій! И король Датскій, чтобы повыгоднѣе пристроить дочку, не побоялся подписать эту *увеселую рядную запись*, пожертвовалъ и своимъ достоинствомъ личнымъ, и достоинствомъ нации датской!!! Теперь Давія — русская губернія, а король ея — русскій губернаторъ Христианъ Рильгельмычъ Голштейнъ..... Но сколько подобный договоръ можетъ породить личныхъ несчастій, бѣдствій, страданій! Едва ли принесетъ онъ счастье и юной, брачной четѣ.....

— А. Я. ЩЕРБАКОВЪ. Студентъ казанскаго университета Алексій Яковлевичъ Щербаковъ, за политическія мнѣнія свои, приговоренъ былъ казанскою уголовною палатою въ десятилѣтней каторгѣ. *Сенатъ*, вопреки всякой справедливости и вопреки всякому приличію, *увеличилъ наказание* и опредѣлилъ *двѣнадцати лѣтнюю каторгу (!!!)*. Къ счастью, г. Щербаковъ успѣлъ бѣжать изъ тюрьмы, и нынѣ находится за границею, въ совершенной безопасности, о чемъ съ величайшимъ удовольствіемъ спѣшимъ довести до свѣденія его родныхъ и пріятелей.

— Фотографическія карточки Николая Гавриловича ЧЕРНЫШЕВСКАГО продаются у фотографа Буассона, Boissonas, Genève, Place Bel-Air, 2. Цѣна карточки 1 фр. 25с.

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 235 & 236.

1 MARS 1867.

Выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, 40, Rue-Féverrie и въ главныхъ депо — у Г. ГЕОРГА, 10, Couraterie, Genève; у П. ТРЮБНЕРА, 60, Paternoster Row Londres. Цѣна за двойной листъ 1 Франкъ безъ пересылки. Прилагаемъ почтовой тарифъ:

Въ Германію	15c.
— Австрію	15c.
— Англію	15c.
— Бельгію	5c.
— Францію	5c.
— Италію	3c.
— Грецію (черезъ Марсель)	5c.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10c.
— Швецію	25c.
— Швейцарію	5c.

Parait à Genève une fois chaque mois. Le dépôt principal est chez H. GEORG, à Genève, Couraterie, No. 10. A Londres, chez N. TRUBNER et Co., 60, Paternoster Row. Le prix de deux No. est 1 franc, le port de la poste non compris.

Tarif postal.

Allemagne	15c.
L'Autriche	15c.
Angleterre	15c.
Belgique	5c.
France	5c.
Italie	3c.
Grèce (voie de Marseille)	5c.
Turquie et Prine, Danubiennes (voie de Marseille)	10c.
Suède	25c.
Suisse	5c.

ОГЛАВЛЕНІЕ: Письмо изъ Петербурга — Бѣлый Терроръ (Окончаніе). Слѣсъ: "Москвит" мать и мачиха — Пророкъ-издатель —

Перемена чина — Письмо полковника Савицкаго — Объявленія.

ПИСЬМО ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА*.

Въ настоящую минуту, въ Петербургѣ идетъ яркая борьба между четырьмя партиями: а) ретроградями; б) константиновцами; в) конституционалистами и г) олигархами. Взаимная ненависть между этими партиями достигла до удивительныхъ размѣровъ...

Въ 1861 году бразды правленія находились въ рукахъ ретроградь и Россія была весьма близка къ перевороту; ретроградь, неумѣные, оторопѣные, не зная за что вѣяться: власть у нихъ ускользала уже изъ рукъ..... Константинъ Николаевичъ вызванъ былъ съ острова Вайта; его подручники получили власть, и съ величайшею ловкостью воспользовались, во первыхъ, явленіемъ, въ Россіи весьма обыкновеннымъ во все время, то есть пожарами; во-вторыхъ, польскимъ возстаніемъ, вспыхнувшимъ необдуманно и весьма преждевременно...

Константиновцы, еще до завладѣнія ими браздами правленія, принимавшіе самое дѣятельное участіе въ уничтоженіи гнуснаго крѣпостнаго права и въ освобожденіи крестьянъ съ землею, во время своего пятилѣтняго владычества (1861—1866) сдѣлали весьма многое: они уничтожили тѣлесныя наказанія, сократили срокъ военной службы, ввели судопроизводство гласное и открытое, уничтожили предварительную цензуру, дозволили журналамъ разсуждать о политическихъ вопросахъ внѣшнихъ и внутреннихъ; наконецъ, хотѣли ввести реальное воспитаніе рядомъ съ классическимъ, чтобы ни одна изъ этихъ двухъ системъ, равно необходимыхъ, не заглушала другую. Если посмотрѣть на константиновское, пятилѣтнее управленіе издали, со стороны, то невольно подумаешь: что за великіе государственные люди, и какъ правы журналы, поощряемые постоянными акафистами (журналы эти, увлеченные *златымъ* краснорѣчіемъ этихъ господъ: *Goloss* и *Indépendance Belge*, про которую уже давно сказано: *qu'elle n'est ni belge, ni indépendante*). Константиновцы издають въ Брюсселѣ *Отголоски русской печати*, подъ редакціей г. Шедо-Ферроти (т. е. барона Федора Пв. Фиркса) бывшего офицера путей сообщенія, и потому *опытною* въ разныхъ дѣлахъ, но ничего не понимающаго въ

дѣлахъ государственныхъ, въ конку оныхъ столь паивно и забавно воображаетъ себя добою... Онъ состоялъ агентомъ русскаго министерства финансовъ въ Бельгіи, но вслѣдствіе неудовольствія на него Шувалова и ретроградь, на дняхъ вышелъ въ отставку, утѣренный, что Константинъ Николаевичъ не оставитъ его своимъ покровительствомъ.

Но если смотрѣть вблизи и внимательно, точасъ раскусишь суть дѣла. Константиновцы, люди умные, понимаютъ необходимость преобразовать Россію и ввести учрежденія либеральныя, но будучи вмѣстѣ съ тѣмъ людьми крайне самолюбивыми и властолюбивыми, они хотятъ на всю жизнь свою сохранить самодержавіе, то есть самодурствованіе по произволу. Введеніе законнаго порядка вещей они отсылаютъ на будущее, послѣ себя. Такимъ образомъ, все что касается политики, преслѣдуется строже и суровѣе, чѣмъ при самомъ Николаѣ. Воринка, укравшій платокъ изъ кармана, судится гласно; злодѣи, изъ корысти убившіи или увѣчившіи чело-вѣка, предается суду присяжныхъ, а честный гражданинъ, добросовѣстно желавшій улучшить бытъ своей родины и соотечественниковъ своихъ, не судится, а подвергается тайному допросу, пыткамъ, побоямъ и наконецъ приговору жестокому, безпощадному. Послѣ выстрѣла 4 Апрѣля, сосланы на каторгу юности, не только ни въ чемъ не виновныя, но даже всегда возстававшіе противъ всякой попытки убійства; *сосланы они на каторгу для того, чтобы задать страхъ другимъ.*

Константиновцы не воруютъ, взятокъ не берутъ, но для удержанія власти, или для отищенія врагамъ, они способны на всякую мерзость; примѣръ тому сыновья Чернышевскаго, приговореннаго къ каторгѣ на основаніи писемъ, очевидно фальшивыхъ, поддѣланныхъ. Дѣло Чернышевскаго ляжетъ темнымъ пятномъ на царствованіе Александра II...

Константиновцы разрѣшили журналамъ печатать о всемъ, но если какой-нибудь журналъ скажетъ слово объ униженіи (состоянии, въ какомъ находится русское духовенство, оное получаетъ предостереженіе; если оное упоминаетъ, что полицейская служба не состоитъ въ большомъ почетѣ, его запрещаютъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Константиновцы дали Россіи земскія учрежденія, но если какое-нибудь губернское собраніе пачнетъ серьезно относиться къ своему дѣлу,

* Получивъ съ величайшею благодарностью эту корреспонденцію, помещаемъ ее безъ всякихъ измѣненій съ нашей стороны.—Ред.

серьезно изучать причины общаго безденежья, общей педурядицы, его распускаютъ. "Даруемъ вамъ право свободно дѣйствовать, писать и говорить, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы вы дѣйствовали, писали и говорили, какъ намъ угодно!" Вотъ современная система Константиновцевъ.

Послѣ изгнанія, изъ министерства, Головинна, столь блистательно неоправдавшаго своей высокой умственной репутаціи, нынѣ между министрами, шесть константиновцевъ: военный министръ Дмитрій Милютинъ, человекъ замѣчательныхъ способностей, отличившійся администраторъ, человекъ двуличный, подъ видомъ скромности исполненный тщеславія, подъ видомъ добродушія — эгоистъ, подъ видомъ простосердечія — ловкій придворный; кн. Павелъ Павловичъ Гагаринъ, председатель комитета министровъ, Homme à toute sauce, старикъ 80-ти лѣтній, но еще довольно бодрый, очень умный, очень способный; языкъ его, язвительный и рѣзкій, долго вредилъ его карьерѣ, но онъ себя обуздалъ, и сдѣлался ловкимъ придворнымъ, тѣмъ болѣе ловкимъ, что важная представительность, навывъ свѣтскій и обхождение величаво-вѣжливое придають ему какой-то мишурный блескъ характера мнимо-независимаго. Прочіе четыре министра-константиновцы люди мало-даровитые и пустые: министръ финансовъ Рейтернъ, государственный контролеръ Татаринъ, министръ польскаго отдѣленія собственной канцеляріи государя Набоковъ и морской министръ Краббе, бывшій адъютантъ Меншикова, который его употреблялъ съ успѣхомъ... Бывшій министръ Царства Польскаго, Николай Милютинъ, былъ ничто иное, какъ живой мертвецъ: это былъ человекъ замѣчательнаго ума, страшно властолюбивый, но одаренный блистательными способностями; онъ былъ главною пружиною освобожденія крестьянъ съ землею: это будетъ ему вѣчною славою въ исторіи; онъ сочинитель устава земскихъ учреждений; человекъ энергическій, характера рѣзкаго, часто непріятнаго; онъ вовсе чуждъ наружной мягкости своего брата Дмитрія, но за то чуждъ и его двуличности.

Изъ прочихъ членовъ комитета министровъ, восемь ретроградовъ: начальникъ III отдѣл. гр. Петръ Андр. Шуваловъ въ настоящее время главный коноводъ этой нелѣпой партіи, главный добрякъ принцъ Ольденбургскій; старикъ Адлербергъ, который уже нѣсколько лѣтъ какъ умеръ, но его все забываютъ скоронить; безковечный гр. Павинъ, столь часто, но не блистательно являвшійся на страницахъ Колокола, министръ почтъ гр. Иванъ Матв. Толстой; министръ государственныхъ имуществъ Зеленый, обязанный своею карьерою Муравьеву-вѣшателю, что дѣлаетъ изъ него какую-либо характеристичку, и председатели департаментовъ госуд. совѣта: законъ, баронъ Корнъ, госуд. экономіи, Чевкинъ.

Четыре министра принадлежатъ къ партіи попутнаго вѣтра, то есть исправляютъ должность политическихъ флюгеровъ, и куда подуетъ вѣтеръ, туда они кланяются и шаркаютъ — министры: внутреннихъ дѣлъ, Валзевъ; юстиціи, Замятинъ; просвѣщенія (или правильнѣе: народнаго затмѣнія) гр. Дмит. Андр. Толстой и путей сообщенія, Мельниковъ.

Вице-канцлеръ, князь Горчаковъ, стоитъ особнякомъ, и о немъ я буду говорить особо.

Партія ретроградовъ съ горькимъ соболазнованіемъ взираетъ на всѣ реформы, болѣе или менѣе неполно-совершенныя, но все-таки зачатія въ послѣдніе десять лѣтъ. Идеалъ этой партіи: блаженное (или правильнѣе: блажное) николаевское

время, время продѣлокъ Бенкендорфа, Дуббеля, Алексѣя Орлова, время самодержавія тайной полиціи, самоуправства губернаторовъ, обильныхъ взятокъ, безгласнаго казнокрадства, цензуры и азіатскаго безмолвія.

Припущенные, въ 1857 году, раздѣлить власть съ константиновцами; совершенно ими устранимые въ концѣ 1861 года, ретрограды въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, съ простію грызми надѣтые на нихъ памордники, и ждали удобнаго случая. Выстрѣлъ 4 Апрѣля былъ этимъ случаемъ. Одиночный фактъ былъ выставленъ политическимъ страшилищемъ; увлеченіе большого юноши превращено въ какой-то огромный, всемірный заговоръ, и сдѣлалъ вѣрный расчетъ на лекавѣрие государя, подареннаго отъ природы, не только способностію вникать въ предметы и читать въ сердцѣ человѣческомъ, но даже и способностію разсуждать ясно и здраво о томъ, что дѣлается вокругъ него и что ему попадаетъ на глаза. Александръ Николаевичъ всегда вѣреть всему, что ему говорятъ, и кто его чаще видитъ, тотъ имѣетъ и болѣе вліянія. Сверхъ того, какъ всѣ люди слабые, онъ чрезвычайно страшится, чтобы его не почили слабымъ, и весьма ревнивъ къ своей самодержавной власти. Онъ не имѣетъ довольно ума, чтобы понять, что одинъ человекъ не можетъ править имперіей, и что самодержавіе, всегда и вездѣ, ничто иное, какъ владычество нѣсколькихъ лицъ болѣе или менѣе лукавыхъ, которые, преклоняясь передъ государемъ, держать его въ своей оцѣпѣ, а часто и въ желѣзныхъ тискахъ.

Въ теченіи десяти лѣтъ должность главнаго начальника III отдѣленія занималъ князь Василій Андр. Долгоруковъ, человекъ бездарный и тупоумный, по вовсе не злой; мягкій характеромъ, весьма вѣжливый въ обхожденіи, джентельменъ въ своемъ обращеніи со всѣми. Ретроградъ по своимъ мнѣніямъ, послушный всѣмъ совѣтамъ коновода ретроградовъ гр. Панина, Долгоруковъ весьма не сочувствовалъ реформамъ, но не имѣлъ ни довольно ума, ни довольно характера, чтобы стать имъ поперекъ на пути. Онъ мечталъ, своимъ вѣжливымъ обхожденіемъ, облагородить тайную полицію, то есть мечталъ превратить грызъ въ бламанже, заблужденіе довольно забавное! Ретрограды съ большимъ лукавствомъ воспользовались эпизодомъ 4 Апрѣля; Долгоруковъ являлся имъ орудіемъ плохимъ, недостаточнымъ; одни хотѣли замѣнить его Муравьевымъ-вѣшателемъ, но этого боялись даже его единомышленники; онъ имѣлъ притомъ многу враговъ. Другіе хотѣли назначить Чевкина, но рассчитали, что онъ въ два мѣсяца со всѣми перессорится; третьи Панина, перемеловавъ его въ генералы отъ кавалеріи*, но поняли, что это значило бы уже играть въ совершенно открытую игру, значило бы разомъ обнаружить свои истинныя стремленія, и потому рѣшились назначить гр. Петра Андр. Шувалова, человека среднихъ лѣтъ (онъ родился въ 1827 году), и менѣе извѣстнаго чѣмъ Панинъ, этотъ полоумный Агамемнонъ ретроградовъ. Слѣдствіе по дѣлу 4 Апрѣля ввѣрили Муравьеву въ томъ убѣжденіи, что онъ изъ мухи сдѣлаетъ слона, и въ надеждѣ, по окончаніи слѣдствія, отбросить въ сторону этого тигра не довольно ручпаго.

Шуваловъ не одаренъ большимъ умомъ, но вовсе не глупъ; онъ хитѣръ, ловкій придворный, но не имѣетъ, не только способностей государственнаго мужа (какія онъ въ себѣ

* Панинъ, въ числѣ прочихъ полоумныхъ свойствъ своихъ, воображаетъ себя полководцемъ и во время восточной войны занимался, для своего собственнаго удовольствія, составленіемъ проектовъ военныхъ дѣйствій.

воображает на основаніи своего баснословнаго самолюбія и необузданнаго властолюбія), но еще лишень даже настоящаго политическаго такта; ловкій при дворѣ, подобно отцу своему оберъ-гофмаршалу, онъ въ политикѣ близорукъ; умственный кругозоръ его ограниченъ; онъ льститъ себя несбыточною надеждою въ возможности силою подавить требованія вѣка и дать отпоръ неотразимому духу времени. Въ пемь, подъ лоскомъ навика свѣтскаго, подъ блескомъ мишуры салонной, много свойствъ аракетевскихъ: бездушие, жестокость, алчная жажда къ власти неограниченной, безконтрольной; онъ и спитъ и видитъ сдѣлаться Аракетевымъ Александра II и быстро стремится къ своей цѣли... Ему много вредитъ жена его (рожденная Черткова, вдова графа Михаила Орлова-Деписова), женщина ума ограниченаго, самонадѣянности педѣртой, чванная, мелко-самолюбивая, сварливая; она ему дѣлаетъ много враговъ.....

Шуваловъ, въ 1861 году, былъ вторымъ начальникомъ III отдѣленія, допрашивалъ и мучилъ Михайлова, но вскорѣ провалился политически во время волпеній между петербургскими студентами: присакавъ къ университету съ пожарными трубами, онъ сдѣлался смѣшнымъ и потерялъ мѣсто. Три года спустя, старая пріязнь отца его съ Валуевымъ доставила ему должность остзейскаго генераль-губернатора, а эпизодъ 4 Апрѣля, ловко эксплуатированный, открылъ ему возможность стремиться въ Аракетевы. Въ первое время, его разладица съ Муравьевымъ - вѣшателемъ, бросала на него весьма выгодную тѣнь, но все это было ничѣмъ инымъ, какъ столкновеніемъ личныхъ властолюбіи: Шувалову было досадно, что не ему поручено слѣдствіе, а Муравьеву было горько, что начальникомъ III отдѣленія сдѣлали не его, а человѣка, тридцатью годами моложе. Вскорѣ Муравьевъ умеръ, а между тѣмъ къ Шувалову и предводимымъ имъ ретроградомъ приспѣла помощь неожиданная... Цесаревна Марія Федоровна, хотя не красавица, въ полномъ смыслѣ слова, но женщина необыкновенно пріятная лицомъ, взглядомъ, обхожденіемъ, разговоромъ; женщина очень умная, но властолюбивая и совершенно преданная понятіямъ ретрограднымъ. Отецъ ея, датскій король, преисполненъ аристократической снѣси, пенависти къ либерализму и къ современнымъ идеямъ, а мать родомъ изъ этаго гессенъ-кассельскаго дома, который разбогатѣлъ въ XVIII вѣкѣ продавая своихъ подданныхъ въ англійскую армію: за солдата, который возвращался увѣченимъ, платилось столько-то процентовъ прибавки, а за солдата убитаго или умершаго, платилась еще бѣльшая прибавка! Гофмаршаломъ двора цесаревны находится Владиміръ Скарятинъ, двоюродный дядя Шувалова, сынъ Якова Фед. Скарятинъ, одного изъ убійцъ Павла I, и шарфомъ котораго Павелъ былъ задушенъ.

За то Шуваловъ и раздѣлялся! Безъ его согласія, Валуевъ не смѣетъ назначить ни одного губернатора. Въ послѣднее время губернаторами все назначаютъ люди богатые: въ Харьковѣ, Дурново, чрезвычайно богатый по своей бабушкѣ (изъ рода Демидовыхъ); въ Симбирскѣ старшій сынъ Орлова-Давыдова; въ Петербургѣ личный другъ Шувалова — графъ Николай Левашовъ, человѣкъ ума недалкаго, совершенно безтактный, характера невыносимаго, злой, раздражительный, вѣчно - злобствующій, онъ хуже самаго Чевкина, котораго прозвали: *ѣжъ въ генеральскихъ эполетахъ*. Губернаторомъ въ Казань назначенъ одинъ изъ Скарятинскихъ, двоюродныхъ

дядей Шувалова (ихъ не должно смѣшивать со Скарятинскимъ-вѣстовицкимъ, борзонищемъ олигарховъ).

Послѣ 4 Апрѣля, между двумя ретроградомъ происходилъ слѣдующій разговоръ: "Подобно теперь государя вывести съ ошибочнаго пути, по которому онъ шель только лѣтъ: что за реформы, что за гласная гласность, къ чему все эти сдѣлки? Вѣдь прежде жили безъ нихъ". — "Вы правы, отвѣчалъ другой, но за то Шуваловъ приметъ за дѣло; онъ поворотитъ государя на хорошій путь; теперь уже не будутъ намъ жужжать въ уши реформами". — "Ну, а какъ государь будетъ упирается?" — "Не бойтесь: Шуваловъ смѣетъ его держать въ рукахъ; по стрункѣ пойдетъ, голубчикъ!"

И точно, голубчикъ идетъ по стрункѣ: Шуваловъ царствуетъ. Друга своего Грейга онъ назначилъ товарищемъ министра финансовъ, но это лишь для виду. Грейга предназначаетъ Шуваловъ въ морскіе министры, когда сдѣлаетъ шагъ и мать Константину Николаевичу, а въ министры финансовъ онъ прочитъ своего двоюроднаго брата гр. Петра Григор. Шувалова, женатаго на Галариной, которыи, финансовыми статьями въ разныхъ журналахъ, явно доказалъ, и свою умственную неспособность и свое незнаніе финансоваго дѣла, того самаго Петра Григор. Шувалова, который, въ послѣдніе годы жизни императрицы Александры Федоровны, завѣдывалъ расходами двора ея. Теперь Шуваловъ (Аракетевъ) прогналъ товарища министра юстиціи, Стояновскаго; на мѣсто его посадилъ своего пріятелиа гр. Константина Палея, и очень озабоченъ стараніемъ удалитъ Дмитрія Милютина, и замѣнить его киевскимъ Безаломъ, въ товарищи которому, по военному министерству, онъ прочитъ своего друга графа Владиміра Бобринскаго (старшій братъ котораго женатъ на сестрѣ Шувалова). Палею своего онъ прочитъ въ министры двора, когда схоронятъ давно умершаго старика Адлерберга; роднаго брата своего, графа Павла, женатаго на Бѣлосельской, онъ прочитъ въ московскіе генераль-губернаторы, а шурина своего, графа Александра Бобринскаго, въ статсъ-секретаря у пріятелиа прошеній. Такимъ образомъ, онъ надѣется *обшуваловить* всю Россію.

Начальство этого временщика неслыханно: подобнаго не бывало со временъ Аракетева. Въ одномъ изъ засѣданій совѣта министровъ, онъ, опираясь на слова рескрипта 13 Мая, гдѣ сказано "о удаленіи чиновниковъ неблагонадежныхъ", объявилъ, что ему, какъ начальнику тайной полиціи, лучше всего будто бы извѣстны свойства и направленія каждаго лица, и потому, дескать, *слѣдуетъ ему предоставить право увольнять, по его благоусмотрѣнію, чиновниковъ вслѣдъ вѣдомствъ!* Нѣкоторые министры, для сохранения своихъ мѣстъ, подчинились-бы этому начальному требованію, но Константинъ Николаевичъ, какъ братъ царскій, Горчаковъ, какъ старикъ, и Дмит. Милютинъ, какъ министръ самостоятельный, возстали противъ, и дерзкая попытка временщика осѣклась—до поры, до времени.

Ретрограды весьма неблагоклонно смотрятъ на земскія учрежденія. Ихъ успіями оттянуто, во многихъ губерніяхъ, утвержденіе губернаторами уѣздныхъ смѣтъ. Между тѣмъ они составили законъ, утвержденный государственнымъ совѣтомъ и подписанный государемъ 21 Ноября, по которому земскимъ собраніямъ запрещалось налагать подати, по части промышленности, выше извѣстной нормы. Нельзя отрицать, что невозможно предоставлять каждому уѣздному

собранию право учреждать налоги, по во-первых, право это следовало бы перенести въ собрания губернскаго; во-вторыхъ несправедливо данъ закону обратное дѣйствіе; въ-третьихъ невозможно и нехѣло было уничтожить, 21 Ноября, раскладки, долженствующія войти въ силу 1 Января. По ретроградности знали, чего хотѣли. За невозможностію отмѣнить законъ о земскихъ учрежденіяхъ, они хотѣли, по крайней мѣрѣ, сдѣлать его неудобноисполнимымъ; поставить земскія учрежденія въ положеніе неисходное, заварить всеобщую кашу, и потомъ свалить всю вину на земство, аки, будто бы, неслучившееся. Это все равно, что приказавъ челоуѣка къ стѣнѣ, упрекать его, зачѣмъ онъ отказывается отъ прогулки.

Тамъ, гдѣ губернаторы люди вѣжливые, характера мягкаго, съ тактомъ, обошлось безъ столкновеній между ними и земствомъ. Напримѣръ въ Москвѣ, гдѣ генералъ-губернаторъ, кн. Владиміръ Долгоруковъ, хотя челоуѣкъ ума самаго ограниченаго, но мягкій и вѣжливый, земское собраніе вѣжливо просило правительство объ отмѣненіи закона 21 Ноября. Не то было въ Петербургѣ... Этотъ, вѣчно-раздраженный, вѣчно-злословящій и безтактный, графъ Левашовъ въ короткое время уже успѣлъ перессориться со всѣми. При открытіи собранія, 2 Января, онъ произнесъ рѣчь самую дерзкую, самую нахальную, въ какой онъ, тономъ раздраженнаго школьнаго учителя, читалъ паставленія членамъ земства, какъ школьникамъ. Присылаемые къ нему на утвержденіе смѣты и прочее, онъ возвращалъ съ замѣтками дерзкими, почти грубыми, и тѣмъ сильно раздражилъ собраніе. Предсѣдатель собранія, губернский предводитель, графъ Орловъ-Давыдовъ, челоуѣкъ глуповатый, чванливый, надутый, неповоротливый и не имѣющій ни малѣйшаго вліянія, но предсѣдатель губернской управы, Инк. Фед. Крузе, челоуѣкъ очень—умный и вполне—почтенный. Онъ былъ цензоромъ лѣтъ десять тому назадъ, и уволенъ за то, что не притѣсняетъ писателей и не давилъ мысль челоуѣческую. Безкорыстіе его всѣмъ извѣстно. Родство его съ Мухановыми (онъ женатъ на Альфонской, родной племянницѣ Муханова, что на Вислѣ бывшаго) давало ему возможность получить выгодное мѣсто: онъ не хотѣлъ продавать своей совѣсти, хотя бѣдѣнъ и имѣеть дѣтей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ правительство предлагало ему издавать журналъ за границею, назначая большой окладъ: онъ благородно отказался. Это челоуѣкъ замѣчательный и по уму своему и по высокимъ свойствамъ души. Онъ старался смягчить сношенія и предупредить столкновенія, но собраніе было по справедливости недоволено Валуевымъ, который, по приказанію своего нынѣшняго барина, Шувалова, изъ 26 ходатайствъ земской управы передъ высшимъ правительствомъ, имѣлъ дерзость возвратити 12, съ невообразимымъ отзывомъ: *что не считаетъ нужнымъ давать имъ дальнѣйшій ходъ*. Если принять въ соображеніе: 1) что подъ словомъ высшее правительство здравый смыслъ заставляеть разумѣть государя, а не г. Валуева; 2) что въ самомъ рескриптѣ 13 Мая, этомъ арсеналѣ стародуровъ, предписано: *обращать особенное вниманіе на ходатайства земства и вообще на мѣстныя потребности и нужды*; 3) что г. Валуевъ не имѣлъ права поступать самодержавно, то его выходки оказываются прямымъ посягательствомъ на власть царскую. Валуевъ, какъ извѣстно, флюгеръ, направляемый вѣтромъ придворнымъ, и въ настоящее время онъ покорно повиснетъ Шувалову. Справедливое не-

удовольствіе собранія было превращено въ истинное, и весьма понятное, раздраженіе нахальствомъ и грубостію с. п.-бургскаго губернатора графа Левашова. Губернская управа, въ своемъ докладѣ собранію, предложила, должна была, и не могла не предложить, на основаніи 11-ой статьи положенія о земскихъ учрежденіяхъ, принести сенату жалобу на министра внутреннихъ дѣлъ. Меньшинство собранія, угодники правительства, своей оппозиціей этому законному предложенію, и другому столь-же законному, признать, что законъ 21 Ноября, какъ и всѣ законы, обратнаго дѣйствія имѣть не можетъ, еще раздражили большинство собранія. Въ этомъ меньшинствѣ особенно смѣшны и жалокъ генерал-адъютантъ Философовъ, баринъ, принимающій свою салонную болтовню за умъ, а пошлыи шутки за остроуміе; его бездарность уже доказана тѣмъ, что онъ былъ воспитателемъ великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей.....

Тогда, въ собраніи, сдѣлано было предложеніе, просить правительство о пересмотрѣ закона 21 Ноября, черезъ выборныхъ отъ земства во всѣхъ губерніяхъ. Это былъ единственный логическій исходъ изъ этаго дѣла, и можно навѣрно сказать, что безъ созванія земскаго собора, Россія никогда не устроитъ своихъ финансовыхъ дѣлъ и никогда не возвратитъ себѣ своего прежняго политическаго значенія. Это предложеніе разумное и дѣльное было внесено графомъ Андреемъ Павлов. Шуваловымъ, двоюроднымъ дядею Аральцева II (или Петра IV, какъ прозвали Шувалова-жандарма). Гр. Андрей Павловичъ, одинъ изъ богатѣйшихъ людей Россіи, зять покойнаго фельдмаршала Воронцова, челоуѣкъ вполне—честный, энергическій, и всегда себя державшій, въ отношеніи ко двору, самымъ независимымъ и благороднымъ образомъ*.

Въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ именно сказано, что недоразумѣнія между ними и министромъ разрѣшаются первымъ департаментомъ сената, но Валуевъ сильно разсердился, узнавъ, что собраніе приноситъ на него жалобу въ сенатъ, то есть исполняетъ законъ. Что же касается до его графскаго величества Петра IV, то можно себѣ вообразить бѣшенство этого временщика, при извѣстии о предложеніи, сдѣланномъ собранію его дядею, о созваніи гласныхъ изъ всѣхъ губерній. Онъ полетѣлъ къ государю, навралъ ему съ три короба всякаго вздора, напугать его (что весьма легко сдѣлать: Александръ Николаевичъ вездѣ видитъ революцію и трепещетъ передъ нею), однимъ словомъ, послушный и покорный ему государь согласился на все. Велѣно: собраніе распустить, петербургскую губернію лишить земскихъ учрежденій; Крузе отставить отъ службы. Эти пелѣвые повелѣнія объявилъ собранію графъ Левашовъ, съ нахальнымъ видомъ, нахальнымъ тономъ и въ рѣзкихъ выраженіяхъ. Собраніе земства, то есть выборныхъ людей самаго образованнаго и самаго многочисленнаго изъ городовъ Россіи разогнали, словно толпу пьяныхъ, буйствующую передъ кабакомъ, а с. п.-бургскую губернію лишили земскихъ учрежденій, точно такъ, какъ сажаютъ школьникова на хлѣбъ и на воду.....

Негодованіе всеобщее... радуются лишь ретроградности, скор-

* Младшій братъ его, также помѣщикъ богатѣйшій, графъ Петръ, женатый на Парышкиной, былъ с. п.-бургскимъ губернскимъ предводителемъ съ 1857 по 1863 годъ. Онъ челоуѣкъ умный, честный, но совершенно безхарактерный, и всѣ очень забавлялись, въ 1860 году, боязнію Панина, трепетавшаго при мысли, что пріѣзжіе изъ губерній дворяне съѣзжаются для бесѣды у графа Петра Павловича!

блшше о николаевскомъ времени; особенно радуются чиновники и саповники о возвращеннн блаженнаго времени безгласности, взятои и вазнобрацтва.

Сверхъ того велѣно : гр. Андрея Шувалова выслать на три года за границу; Крузе сослать на три года въ Оренбургъ, чтобы удалить его отъ друзей... Сослать гр. Андрея Шувалова въ губернію не хотѣли; боялись, что его огромное богатство и энергія характера приобрѣтутъ ему тамъ большое вліяніе; за границей же онъ неопасенъ : ничего не напечатаетъ..... Крузе, человекъ очень умнаго, весьма способнаго и высоко-честнаго, но бѣднаго, ссылаютъ въ дальнюю губернію, потому, что жизнь его тамъ будетъ обставлена неудобствами, непріятностями и матеріальными лишеніями для него и для его семейства. Нечего сказать, у Петра IV ума не много, но лукавства бездна!

Однако согласились сослать Крузе, вмѣсто Оренбурга, въ деревню. Но что великоблшше всего, это повелѣніе передать бумаги и суммы земства въ тѣ учрежденія, гдѣ они находились прежде. Государь и опекуны его Шуваловъ не размыслили, бѣдные, что изъ этихъ учреждений нѣкоторыя уже закрыты и не существуютъ болѣе!!! Какъ же имъ передавать бумаги и деньги?...

Что за срунда, что за ералашъ!...

Новое добазатрѣтельство, что Александръ Николаевичъ самъ не понимаетъ, что подписываетъ и что приказываетъ съ чужаго голоса. Принятая правительствомъ мѣра оправдываетъ лишь одинъ журналъ : *Nord*, журналъ, похвалы котораго, въ глазахъ порядочныхъ людей, хуже всякой брани!

Ретрограды ни мало не заботятся скрывать своихъ цѣлей : они громко говорятъ о необходимости пересмотра положенія о земскихъ учрежденіяхъ, чтобы обратить управы въ прежнія губернскія правленія, а собранія сзывать лишь для выбора членовъ управы; они говорятъ о наложеніи на крестьянъ особыхъ податей для вторичнаго вознагражденія прежнихъ помѣщиковъ; о предоставленіи судамъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ губернаторамъ и даже исправникамъ, права, за нѣкоторые проступки, наказывать простолюдиновъ опредѣленнымъ количествомъ розогъ; наконецъ, и прежде всего, о возстановленіи цензуры.

Петру IV хотѣлось имѣть свой журналъ, потому что *Сверная Почта* не пользуется ни малѣйшимъ авторитетомъ и возбуждаетъ общій смѣхъ. За продажными журналистами дѣло не стало-бы, по всякій человекъ, не совсѣмъ лишенный здраваго смысла, понимаетъ, что подобный порядокъ вещей, если-бы онъ былъ введенъ, не простоятъ долго, а поведетъ къ перевороту, и между писателями не совершенно бездарными, не нашлось ни одного, который бы счелъ выгоднымъ и неопаснымъ для своей будущности продать перо свое на подобныя затѣи. Петръ IV основать газету *Народный Голосъ*, исполненную всякой безсмыслицы и галиматіи; говоря пошлымъ языкомъ кабаковъ, она мнитъ вести рѣчь народную! Эта газета судить о народѣ изъ передней III отдѣленія, и не понимаетъ вовсе ни ума, ни могущества народа русскаго. Впрочемъ эта газета до такой степени опоницалась, что и Петръ IV отъ нея отрекается; ей уже дано предостереженіе, и *Nord* увѣряетъ, будто *Народный Голосъ* не служитъ никому офиціознымъ органомъ.

Этотъ *Nord* самъ забавенъ своею пошлостію; онъ печатаетъ все, что ему присынается изъ III отдѣленія. Даютъ

земскія учрежденія : *Nord* восторгается и умиляется передъ мудростію правительства; закрываютъ земское собраніе : *Nord* опять кричитъ о мудрости правительства. Между своими сотрудниками *Nord* имѣетъ : г. Скрипичина, стараго охотника до особенныхъ путей, и двухъ страстующихъ по Европѣ наблюдателей : г. Юрія Маврина и г. Моллера; послѣдній, подъ псевдонимомъ *Алека*, печатаетъ корреспонденціи въ *Руссколь Вѣстникъ*. Въ Петербургѣ одинъ изъ корреспондентовъ *Nord*'а, Катабази, офиціально служащій при вице-канцлерѣ, сынъ того сенатора, который принужденъ былъ оставить должность попечителя харьковскаго университета за то, что сходился во вкусахъ съ г. Скрипичинымъ. Нынѣ онъ занимаетъ старшее кресло въ первомъ департаментѣ сената, чѣмъ обязанъ Замятину, шурипу котораго, Пеклюдовъ, женатъ на его дочери. Сынъ Катакази — достойное чадо родителя своего.

О Валуевѣ много говорятъ нечего : внимательно угождая всегда тѣмъ, кто имѣетъ перевѣсъ при дворѣ, онъ, временно-посаженный на министерство, держится на немъ вотъ уже шесть лѣтъ и просидитъ еще, потому что всякій временникъ и всякая преобладающая партія будутъ имѣть въ немъ своего подручника. Ума педальнаго, но весьма начитанный, трудолюбивый, умѣющій хорошо говорить по-русски, что для старыхъ членовъ госуд. совѣта столь же поразительно, какъ если-бы имъ ввели слона въ засѣданіе, Валуевъ, высокаго роста, осанистый, сановитый, изысканно одѣтый, съ головою высоко поднятою, съ рѣчью важною, умѣетъ самымъ величавымъ образомъ, усердно, во всемъ, угождать временщикамъ и людямъ ему нужнымъ.

Министръ юстиціи Замятинъ тотъ же Валуевъ, переложившій на пошлую прозу. Онъ вовсе не имѣетъ сановитости и величавости Валуева, но такой же придворный угодникъ. Возведеніемъ своимъ въ министры онъ обязанъ тому, что былъ товарищемъ министра, а это мѣсто получилъ онъ при Панинѣ... Этотъ послѣдній, деспотъ и причудникъ, зналъ, что Замятинъ будетъ ему во всемъ послушенъ, и кланяясь, будетъ усердно исполнять всякія его повелѣнія. Между тѣмъ начались реформы; Панинъ былъ удаленъ за то, что противился уничтоженію тѣлесныхъ наказаній. Замятинъ, заступивъ его мѣсто, и видя власть въ рукахъ юпстаивинцевъ, содѣйствовалъ реформамъ; теперь власть въ рукахъ Петра IV, и Замятинъ сдѣлался шуваловцемъ. Онъ взялъ было себѣ въ товарищи настоящаго юриста, Стояповскаго, но когда Петръ IV замѣтилъ ему, что магистратура составлена дурпо, не холопствуетъ, держитъ себя независимо, Замятинъ, съ дивною наивностію, отвѣчалъ : *да вѣдь выбирали люди не я, а Стояповскій!!!* Тотчасъ Стояповскаго сдали въ кладовую (т. е. въ сенатъ), а на мѣсто его назначенъ пріятель Петра IV, гр. Константинъ Пазень, ретроградъ и остзеецъ.

Графъ Панинъ, потерявъ портфель юстиціи, всюду совался для получения мѣста, и по смерти Блудова, назначенъ начальникомъ втораго (то есть законодательнаго) отдѣленія собственной канцеляріи. Можно себѣ вообразить, какіе проекты законовъ способна породить колобродная голова гр. Виктора Никитича?... Онъ ближайшій и довѣреннѣйшій совѣтникъ Петра IV, наущатель на все мѣры ретроградныя, жестокія, пелѣныя и прочія... Впрочемъ, какъ часто бываетъ съ людьми ума разстроенаго, онъ иногда очень хитеръ; во время Каракозовскаго дѣла, слушая рѣчь защитника

г. Кобылина, онъ проливалъ слезы. У одного изъ членовъ госуд. совѣта спросили въ послѣдствіи, что это значитъ? Тотъ отвѣчалъ: “теперь никто уже не въ правѣ будетъ сказать государю, что графъ Панинъ прогивится реформамъ, сдѣланнымъ е. в.; эти реформы такъ наѣнили его, что извекаютъ изъ глазъ его слезы умиленія!” Обезпечивъ себя такимъ образомъ, онъ будетъ писать проекты законовъ, какіе ему вздумается.

Баронъ Модестъ Корфъ, во всю жизнь свою бѣгавшій за министерскимъ портфелемъ, какимъ - бы то ни было, послѣ Одиссеи многолѣтней и неудачной, поймалъ наконецъ мѣсто въ родѣ искомаго имъ... нынѣ три года, что онъ председательствуетъ въ департаментѣ законовъ госуд. совѣта. Человѣкъ довольно умный, хорошо воспитанный, хорошо образованный, до невѣроятности нескателный, онъ неутомимо добивается наградъ, отличій, и прочаго. Покойный кн. Шмар. Васил. Васильчиковъ говаривалъ: “Корфъ, когда благодарить за полученную награду, тутъ-же, кланяясь, спрашиваетъ другую”. Способностей государственныхъ онъ не имѣетъ, по считаетъ себя гениемъ; всегда былъ ретроградомъ, и нынѣ, на исходѣ седьмого десятка лѣтъ своихъ, еще нѣсколько прежняго боится всякихъ реформъ; въ особенности двухъ: уничтоженія чиновъ и преобразованія госуд. совѣта.

Министръ просвѣщенія и оберъ - прокуроръ синода, графъ Дмитрій Андр. Толстой, человѣкъ очень умный, съ обширными познаніями, трудолюбивый, ловкій, нескателный, и если можно такъ выразиться, *гезуитъ православіа*. Воспитанникъ Лицея и товарищъ Головинна, онъ, въ молодыхъ лѣтахъ, былъ введенъ этимъ послѣднимъ въ кругъ близкихъ людей вел. князя Константина Николаевича, и былъ директоромъ канцеляріи морскаго министерства. Онъ не ужился съ Головиннымъ, который самодержавствовалъ при великокняжескомъ дворѣ: имѣя привычку, если хотѣлъ удалить кого-нибудь, спускать его въ гофмейстеры ко двору государя, Головиннъ тоже сдѣлалъ и съ Толстымъ, когда константиновцы забрали себѣ въ руки власть, въ концѣ 1861 года. Толстой, снѣдаемый честолюбіемъ и жаждою дѣятельности, не могъ праздно, сложа руки, разгуливать въ гофмейстерскомъ мундирѣ. Не видя въ то время возможности поймать министерскаго портфеля, онъ вздумалъ сдѣлаться оберъ-прокуроромъ синода. Это важное мѣсто занималъ ген.-адъютантъ Ахматовъ, николаевецъ ничтожный и пустѣйшій, въ молодости своей обязанный флигель-адъютантствомъ своею репутаціи благочестія, а репутаціей благочестія обязанъ *дружбѣ* своей съ Андреемъ Муравьевымъ, какъ извѣстно, охотникомъ бродить *особенными путями*. Присутствіе Ахматова въ Синодѣ было скандаломъ. Товарищъ Ахматова, кн. Сергій Никол. Урусовъ, человѣкъ прямой, честнѣйшій и благороднѣйшій (о немъ я буду говорить далѣе), не желалъ быть оберъ-прокуроромъ синода. Гр. Дмит. Толстой, для полученія этого мѣста, написалъ книгу весьма замѣчательную и чрезвычайно богатую фактами: *Du Catholicisme romain en Russie*, и назначенъ былъ оберъ-прокуроромъ. Политическихъ убѣжденій онъ не имѣетъ, а всегда идетъ по направленію вѣтра. Когда ретрограды воспользовались событіемъ 4 Апрѣля для завладѣнія властію, за невозможностію прогнать разомъ всѣхъ константиновцевъ, они успѣли удалить изъ министерства одного изъ самыхъ вліятельныхъ изъ нихъ, и если не всегда самаго практическаго, то по крайней мѣрѣ самаго

предпріимчиваго и самоадѣлнѣйшаго — Головинна. Ретрограды посадили на министерство Толстого, зная, что у него и съ Головиннымъ и съ великимъ княземъ есть старые счеты; сверхъ того, они уже видѣли, что онъ, по снуду, усердно угождаетъ ханжеству императрицы, которая, все болѣе и болѣе изолируется отъ людей и отъ общества, черезъ то все менѣе и менѣе можетъ знать и потребности Россіи, и направленіе общественнаго мнѣнія. А между тѣмъ, все-таки императрицу менажировать нужно: всегда можетъ сказать свое слово.

Министръ почтъ и телеграфовъ, гр. Иванъ Матв. Толстой, по уморительной надменности своей получившій прозвище “Павиннъ Матвѣевичъ”, являетъ въ особѣ своей яркое сочетаніе пошлѣйшей неспособности и политическаго туномія съ самоадѣлнѣестью презабавною. Въ 1838 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до отъѣзда цесаревича (нынѣшняго государя) въ путешествіе по Европѣ, Иванъ Матвѣевичъ былъ боленъ горячкою. Двоюродная сестра его, гр. Екатерина Федоровна Тизенгаузенъ, пріятельница тогдашней императрицы, рассказывала вездѣ, что онъ, въ бреду горячки, все нѣтъ: *Боже царя храни!* Вотъ, дескать, какъ юноша преданъ царю своему! Его назначили къ цесаревичу секретаремъ по иностранной перепискѣ, а по возвращеніи изъ путешествія, штаб-мейстеромъ къ цесаревичу. Александръ II боится умныхъ людей и терпѣть ихъ не можетъ; общество иль стѣсняетъ его, какъ настоящее бремя. Можно посудить, какъ онъ полюбилъ Ивана Матвѣевича, и сдѣлалъ его своимъ ежедневнымъ собесѣдникомъ. По возшествіи на престолъ, онъ его навязалъ Горчакову въ товарищи, по ловкѣй вице-канцлеръ, черезъ три года, умѣлъ сбить Толстого съ рукъ, неспросивъ ему пожалованіе въ оберъ-гофмейстеры, а первые придворные чины, по этикету, несомнѣнны съ званіемъ министерскаго товарища. Толстой захотѣлъ самъ сдѣлаться министромъ, и сдѣлался министромъ почтъ; мѣсто чрезвычайно важное въ правительствѣ самодержавномъ, потому что тутъ перлюстрація писемъ, слѣдовательно полная возможность мирволить друзьямъ, вредить врагамъ и вообще обдѣлывать всякіи дѣлашки. Неспособность его въ управленіи доходитъ до исполненскыхъ размѣровъ; почтовая часть въ Россіи въ совершенномъ разстройствѣ; въ пей полная неурядица, и высокая неспособность Ивана Матвѣевича недавно награждена графскимъ титуломъ.

Министръ путей сообщенія, Мельниковъ, слылъ прежде, неизвѣстно почему, весьма хорошимъ администраторомъ и врагомъ злоупотребленій, но со времени поступленія его въ министры ясно, что онъ продолжаетъ старую, *весьма извѣстную* систему вѣдомства путей сообщенія. Все по старому, то есть... Въ вашемъ *Колоколѣ* объ этомъ напечатана была въ прошломъ году весьма любопытная статья.

Муравьевъ-вѣшатель, въ бытность свою министромъ госуд. имуществъ, искалъ себѣ товарища, и боясь красныхъ, взялъ на это мѣсто Зеленаго, въ сущности сѣрвато-безпѣвнаго. Зеленыи наследовалъ, послѣ своего дикаго патрона, званіе министра госуд. имуществъ; и всѣми силами старается продлить существованіе этого вѣдомства, которое, послѣ закона 19 Февраля 1861 года — настоящій анахронизмъ. Но если существованіе этого вѣдомства для Россіи вредно и убыточно, за то оно весьма выгодно для Зеленаго и его чиновниковъ.

Говоря о министрахъ, слѣдуетъ упомянуть о государствен-

номъ секретарѣ, кн. Сергіѣ Пик. Урусовѣ. Это личность, въ высшей степени почтенная. Умъ ясный, безкорыстіе прямѣрное, отчужденность отъ всякихъ интригъ, прямизна неуклопная и въ словахъ и въ поступкахъ, совершенная независимость характера, и воля твердая, скрытыя подъ формами самыми мягкими и ультра-вѣжливыми. Юристъ по страсти, онъ долго служилъ оберъ-секретаремъ въ московскомъ сенатѣ; общественное мнѣніе требовало его въ оберъ-прокуроры, но министръ юстиціи Панинъ, врагъ характеровъ независимыхъ, слышать не хотѣлъ о томъ, а между тѣмъ Урусовъ поставилъ себя на такую ногу, что и оберъ-прокуроры и сенаторы въ дѣлахъ казусныхъ прибѣгали къ нему, в мнѣніе скромнаго оберъ-секретаря иногда рѣшало дѣла, имѣя болѣе вѣса, чѣмъ цѣлыя департаменты сенаторовъ. Чуждый интригамъ, Урусовъ оставался вдали отъ Зимняго дворца, но за него стала хлопотать, безъ его вѣдома, его сестра, умная, милая и ловкая Анастасія Пик. Мальцова, и выдвинула своего брата. Онъ могъ быть оберъ-прокуроромъ синода, но не захотѣлъ имѣть дѣло съ духовнымъ сословіемъ, въ средѣ коего еще болѣе интригъ и дразнъ, чѣмъ между мірянами. Интриганы не любятъ Урусова, плуты его ненавидятъ, но всѣ уважаютъ человѣка, который, при дворѣ, остался прямымъ и независимымъ.

Теперь поговорю о конституціонистахъ и объ олигархахъ.

Конституціонисты хотятъ конституціи безсловной. Они убѣждены, что нынѣшніе дворяне много выиграютъ въ уничтоженіи устарѣлыхъ перегородокъ, раздѣляющихъ сословія. Дворянство въ Россіи столь многочисленно, что, за малыми исключеніями, вся образованная интеллигенція къ нему принадлежитъ; для самихъ дворянъ будетъ и почетнѣе и въ политической отношеніи гораздо выгоднѣе быть обязанными, своимъ участіемъ въ дѣлахъ государственныхъ, не слѣдному случаю рожденія, а сознательному выбору своихъ согражданъ, безъ различія сословій. Партия конституціонистовъ имѣетъ своимъ органомъ *Московскія Вѣдомости*, которая, съ большою осторожностію, и никогда не произнося даже слова "конституція", стремится къ этой цѣли. Странно, по видимому, что эта партія не можетъ себѣ найти другаго журналиста, какъ вѣчно - бѣснующійся Катковъ, которому непремѣнно нужно вѣчно лаять и всегда кого-нибудь кусать; который, въ своихъ наѣздахъ, всегда идетъ далѣе самаго даже правительства, и всякаго, кто не раздѣляетъ его мнѣній, объявляетъ государственнымъ преступникомъ и даже измѣнникомъ отечеству. Но выборъ, конституціонистами, *Московск. Вѣдомостей* объясняется мѣстными обстоятельствами. Конституціонисты равно ненавидимы обѣими партіямъ, перемежающимися у кормила правленія: и ретроградомъ, и константиновцамъ; ретроградъ не хочетъ конституціи вовсе, никогда и нигдѣ; константиновцы перестраиваютъ, правда, государственное зданіе на конституціонный ладъ, но хотятъ, на все время своей жизни, сохранить самодержавіе, не замѣчая, что намордникъ этотъ уже сгнилъ, а поваго никакъ не сдѣлаешь. Если-бы конституціонисты учредили свой журналъ, его-бы задушили равнѣ года, а *Московскія Вѣдомости*, эту столь доходную оброчную статью университета, уничтожить нельзя. Можно, пожалуй, перемѣнить редактора, и вмѣсто вѣчно-бѣснующаго Каткова посадить какого-нибудь писанишку мармеладнаго, но что же выйдетъ? Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мармеладный господинъ будетъ замѣненъ человекомъ

дѣятельнымъ, да еще пожалуй и съ болѣшимъ тактомъ, чѣмъ Катковъ.

Въ прошломъ году, Катковъ прочиталъ слишкомъ уже рѣзкія нотации в. к. Константину Николаевичу и Валую; его отъ редакціи отставили; преемникъ его отказался помѣщать политическія статьи. Невозможно-же, въ самомъ дѣлѣ, Москвѣ съ ея 350,000 жителей, Москвѣ, правительному, промышленному и политическому средоточію Россіи, остаться безъ политическаго журнала? Негодование Москвичей принудило правительство отступить на понятный дворъ; Каткова возстановили на редакціи; великій князь и Валуевъ остались — какъ говорится — съ носомъ...

Съ тѣхъ поръ обстоятельства перемѣнились. Главные русскіе фабриканты, оппоненты принциповъ свободной торговли, захотѣли имѣть свой органъ. Они знали, что П. Сер. Аксаковъ неподкупенъ, но знали также, что онъ раздѣляетъ ихъ мнѣніе въ пользу тарифовъ, и убѣдили его издавать журналъ *Москва*. Въ Петербургѣ этому обрадовались по двумъ причинамъ: во-первыхъ, въ виду близкаго возникновенія восточнаго вопроса, многочисленныя связи Аксакова съ болгарами, сербами, иллирійцами и даже чехами, могутъ быть весьма полезными Россіи; во-вторыхъ, журналъ *Москва* будетъ держать Каткова въ постоянномъ страхѣ передъ петербургскими властями, и точно, Катковъ сталъ гораздо умѣреннѣе; теперь, вздумай-ка онъ совершить, по прежнему, гайдамацкій наѣздъ, — тотчасъ его отстранять, а первопрестольная столица безъ журнала не останется; благо есть *Москва*. Аксаковъ силенъ своими связями; жена его, бывшая фрейлина императрицы, бывшая воспитательница великой княжны Маріи Александровны, и тесть его, Фед. Пв. Тютчевъ, другъ вице-канцлера, пріятель многихъ вліятельныхъ лицъ, имѣютъ сильную поддержку при дворѣ. Сверхъ того Аксаковъ знаетъ, что какъ-бы вел. князь, Валуевъ и прочіе ни сердились на него, журналъ его едва-ли запретятъ, потому что это значило-бы имъ положить руки на самихъ себя, расчистивъ путь наѣздамъ своеправнаго и дерзкаго Каткова. На дняхъ Аксаковъ и его друзья заказали панциду по Кандіотамъ, столь героически навшимъ при защитѣ Аркадіонскаго монастыря. Вице-канцлеръ, на старости лѣтъ уже начавшій выживать изъ ума и сдѣлавшійся трусомъ, хотѣлъ было воспрепятствовать служенію панциды; Аксаковъ напечаталъ статью, за которую получилъ предостереженіе, но Иванъ Сергѣевичъ, хорошо зная силу и могущество свое, отвѣчалъ, три дня спустя, другою, превосходнѣйшею статью, гдѣ онъ пелѣную систему предостереженій разобралъ, какъ говорится, по косточкамъ*.

(Окончаніе въ слѣд. листѣ).

БѢЛЫЙ ТЕРРОРЪ.

(Окончаніе).

Швейная была открыта въ концѣ 1864 года, Е. Л. Ивановою, которая и считалась *хозяйкой*, что нѣсколько противурѣчитъ понятію объ ассоціаціи. Составъ ея измѣнялся очень часто; по *наѣму* въ ней постоянно работали отъ одной до трехъ мастерицъ. Она еще не успѣла вылиться въ окончательную форму, но было сдѣлано все, чтобы правильно распределить заработную плату и разумно устроить жизнь.

* Эту статью Аксакова мы помѣстимъ въ слѣд. листѣ "Колокола".—Ред.

Открывая швейную, никто не думалъ демонстрировать : не до политики было. Дѣло сводилось на добываніе хлѣба честною работою и на огражденіе себя отъ эксплуатаціи хозяекъ. Впрочемъ, объ такомъ предметѣ толковать въ двухъ словахъ невозможно, да и не годится... Прибавлю только, что въ послѣднее время существованія швейной, въ ней работало пять мастерицъ, которыя всѣ и были арестованы; три изъ нихъ и по настоящую минуту заключены въ Сущевской части.

Въ переплетной работало четверо мастеровыхъ (всѣ простолюдины). Хозяиномъ ея былъ Фаленъ, слѣдовательно, ассоціаціей она не можетъ быть названа. Но мы сдѣлаемъ уступку и допустимъ, что хозяинъ, счетныя книги и пр., одна легальная проформа; все таки на повѣрку выходитъ, что пугающая фраза “различныя ассоціаціи” все тотъ-же плутовской оборотъ рѣчи, все также педостойная мистификація и запугиваніе несмышленаго общества. Гигантскій призракъ соціально-экономической революціи умалчается до микроскопическихъ размѣровъ *двухъ крохотныхъ* (да и то еще сомнительныхъ) *ассоціацій съ десятью работниками!*

Учреждено два общества : *переплетчиковъ и переплетницъ и взаимнаго вспоможенія*. О первомъ верховный уголовный судъ совершенно умалчиваетъ; но изъ его названія ясно, что никакихъ политическихъ цѣлей оно не преслѣдовало, въ чемъ удостовѣряетъ самое молчаніе обвинительнаго акта. Цѣль общества *взаимнаго вспоможенія*, такъ же опредѣленно выражается паиваніемъ. Надо замѣтить, что это общество въ дѣйствительности еще не существовало и было не болѣе, какъ эмбриономъ. Что никакихъ противуправительственныхъ цѣлей оно не имѣло въ виду, это доказывается тѣмъ, что : 1) открыть его “предполагалось съ разрѣшенія правительства”, 2) къ членамъ его верховный уголовный судъ относится очень снисходительно и освобождаетъ ихъ — выводъ очевиденъ. Но чтобы окончательно убѣдить читателей, я напомню имъ слѣдующій фактъ, почерпнутый изъ того же приговора : “Преступныя цѣли были заявлены” тогда только, когда “нѣкоторые члены общества взаимнаго вспоможенія, а также переплетчиковъ и переплетницъ задумали организовать свою дѣятельность на болѣе опредѣленныхъ началахъ”*. Отсюда слѣдуетъ : 1) эти общества не имѣли преступныхъ цѣлей и общихъ опредѣленныхъ началъ; 2) нѣкоторые изъ ихъ членовъ были “злонамѣренными” людьми, что за доказательство “злонамѣренности” самихъ обществъ никакъ не можетъ быть принято, ибо каждое общество заключаетъ въ себѣ таковыхъ злокачественныхъ нечестивцевъ.

Остальные дѣйствія сводятся на “старались, разсуждали, разсматривали, предполагали, желали, ожидали, надѣялись”, вѣроятно и фли и пили для поддержанія столь преступной жизни†. Никакой общей цѣли они, какъ то ясно изъ обвинительнаго акта, не имѣли, никакой общей идеей не были

* Строчки и почти всѣ слова, отмѣченные кавычками, взяты изъ текста приговора верховнаго уголовного суда. Прошу еще разъ читателя-скептика свѣрять и слнчать настоящую главу съ оффиціальнымъ документомъ, который находится во всѣхъ русскихъ газетахъ.

† Что касается до меня, то я “старался” взорами умертвить Муравлева и уподобиться василиску; “предполагалъ” повѣсить все третье отдѣленіе; “намѣревался” писать передовыя статьи въ “Моск. Вѣдомостяхъ” въ духѣ “Колокола” и “желалъ” быть предсѣдателемъ верховнаго уголовного суда. О своихъ-же разсужденіяхъ скромно умалчиваю... Къ счастью, князь Гагаринъ не могъ проникнуть въ мои замыслы, намѣренія, предположенія и пр., а иначе вѣроятно бытъ-бы мнѣ на 12-лѣтней каторжной работѣ “за преступныя цѣли и безправствительныя средства”.

сплочены, въ ихъ поступкахъ рѣзко проявляется это отсутствіе общей идеи, единства, органической связи; между ними царитъ видимый расколъ или вѣрнѣе то, что называється : кто въ лѣсъ, кто по дрова*; ни къ какимъ рѣшеніямъ они не приходятъ, все только “разсуждаютъ, разсматриваютъ, да стараются”. “Задумали организовать свою дѣятельность на болѣе опредѣленныхъ началахъ”, да тѣмъ и покончили : никакихъ началъ не установили, ни къ какимъ результатамъ не пришли. Даже *проекта устава* не выработали, ограничились тѣмъ, что “составляли, разсматривали и ни одного окончательно не приняли”. Дѣйствовать никто не рѣшился; нѣкоторые, увлекаясь вѣроятно минутнымъ порывомъ, “безъ общаго согласія дѣлали приготовленія”. Но и въ нихъ та-же трусливость, та-же нерѣшимость, то-же отсутствіе твердо выработаннаго сознанія, рѣзко опредѣлившихъ убѣжденій. Они немедленно поддаются вліянію противныхъ идей, враждебныхъ ихъ возрѣніямъ, и не задумываясь долго, даютъ уничтожить свои начинанія : “такъ Ермолюкъ”, читаемъ мы, “купилъ типографскій шрифтъ, но Ивановы уничтожили его”. Этотъ разладъ и это преобладаніе благонамѣренности неоспоримо доказывается тѣмъ фактомъ, что самыя красныя и революціонныя предложенія, или какъ выражается кн. Гагаринъ, “самыя безирравствительныя и преступныя цѣли и средства” были энергически отвергнуты и вызвали протестъ большинства. Въ силу этого, даже та вишняя, пріятельская связь, которая существовала между членами сходокъ, порвалась (сходки были закрыты, о чемъ умалчиваетъ приговоръ) и “самыя тяжкія преступленія были задуманы въ совѣщаніяхъ между нѣсколькими лицами”, т. е. въ самомъ тѣсномъ кружкѣ. (Не ясно-ли, что на сходкахъ объ этихъ предположеніяхъ и заикаться не осмѣливались : такъ вотъ оно въ дѣйствительности-то каково было это пагубное, поджигательное, противуобщественное направленіе!) Но и въ тѣсномъ кружкѣ, въ средѣ восьми или девяти человекъ, эти предложенія встрѣчаютъ не болѣе ласковый приемъ : и тутъ большинство вотируетъ противъ и отрицаетъ ихъ! Ишутинимъ въ “небольшомъ” кружкѣ (7 человекъ) “возбужденъ вопросъ о царубійствѣ”, но очевидно, что большинство, за исключеніемъ развѣ Каракозова, испугалось *даже разсужденій, толковъ* и поспѣшило замолчать. “Одними, какъ говорятъ приговоръ, эти разсужденія были совершенно отвергнуты, “другими отложены на неопредѣленное время”. (Смыслъ послѣднихъ словъ удивительно странный и звучитъ ложью). Остается особнякомъ Каракозовъ, который говоритъ мало, выражается “отрывочными фразами”, словопреній не любитъ, думаетъ и вырабатываетъ свои убѣжденія собственнымъ умомъ и, разъ пришедши къ извѣстному убѣжденію, разъ принявши извѣстное рѣшеніе, *дѣйствуетъ*. Ясно, что онъ не имѣетъ ничего общаго съ этими *разсуждающими* людьми; ясно, что они боятся его и зная его характеръ, зная, что онъ не “собирается”, “не готовится”, а *дѣйствуетъ*, пугаются его поѣздокъ въ Петербургъ и злымяютъ депутатовъ. Каракозовъ о своихъ намѣреніяхъ никому не сообщаетъ; этой привычки онъ не имѣетъ, совѣтуется онъ только съ собою : это цѣльный и страшно сильный человекъ. Какое отсутствіе пониманія и простона логична обнаружилъ тѣ, которые хотѣли повліять на него, остановить его рѣшеніе. Они видимо терялись, пугались и не знали, что дѣлать.

* Пусть строго памятуя читатели, что свои выводы я дѣлаю на основаніи оффиціальнаго акта и только

Остаповить Каракозова было только два средства : доносъ и ядъ. Тотъ, кто рѣшился - бы предупредить его поступокъ, долженъ былъ выбрать одно изъ нихъ и всего лучше ядъ. Доказать доносъ было - бы невозможно, или очень трудно и рискованно... Его "*товарищи*", какъ называютъ ихъ приговоръ, не рѣшились... Они даже могли гнѣниться мечтой : авось ихъ соображенія окажутся издоромъ : вѣдь Каракозовъ ничего не говоритъ о своемъ намѣреніи совершить царубійство. И тутъ-то внезапно и "*безъ ихъ отъдома*" прозвучала выстрѣль 4 Апрѣля. Преступление В. Федосѣева принадлежить къ разряду *замысловъ* и есть много оснований думать, что въ область дѣйствительности оно бы не перешло. Между Федосѣевымъ и Каракозовымъ разница громадная : первый очевидно колеблется, борется, не рѣшается, открывается брату и дозволяетъ разбить банки съ ядомъ, т. е. положительно отъзывается отъ своего намѣренія. Какъ великъ былъ кружокъ, въ которомъ задумалось отцеубійство, приговоръ умалчиваетъ : вѣроятно два, три человѣка, а можетъ быть всего одинъ, о которомъ говорится : Николаевъ. Ясно, что ни царубійство, ни отцеубійство не были дѣломъ общества многихъ лицъ. Первое вытекло изъ чисто индивидуальныхъ условій; второе — также, такъ какъ В. Федосѣевъ лицо чисто пассивное, дѣйствовавшее не по собственной инициативѣ; Николаевъ — же одинъ обвиняется "въ доставленіи средства къ совершенію отцеубійства". Возрѣнія Николаева намъ также отчасти извѣстны. Всѣ преступленія массы сводятся къ "старались разсуждали и готовились". Мы уже могли убѣдиться, что всѣ эти "разсужденія" и пр. такъ-таки и остались бы разсужденіями. Самая форма, въ которой предлагались вопросы : отвѣченно-теоретическая, заоблачная и мечтательная, ясно уже доказываетъ, какъ далека она была отъ практическаго разрѣшенія. Не забудемте, что эти разсужденія извѣстны комиссіямъ и суду изъ рассказовъ "чистосердечно-каявшихся" : кто-же опредѣлитъ, какая доля въ нихъ преувеличенія, фантазіи, искаженія? На сходкахъ говорили десятки людей : кто-же упомянуть съ точностью ихъ слова? Попробуйте сказать рѣчь и десять человѣкъ, которые васъ слушали, разно передадутъ ее. Кто-же поручится, что невинныя разсужденія о томъ, что рабочимъ жить плохо, что для улучшения ихъ быта придумываются такіе-то вотъ средства и что было - бы очень недурно примѣнить ихъ у насъ; что это невинное разсужденіе и споръ, вызванный имъ, гдѣ могло высказаться множество и здравыхъ и нелѣпыхъ мнѣній, не были перетолкованы и переданы суду, какъ нѣчто, съ точки зрѣнія этого суда, такое, что возможно выразить слѣдующею формулой : "были заявлены цѣли самыя преступныя и средства самыя безнравственныя".

Однако, гдѣ-же пресловутая "*организация*?" гдѣ-же "*адъ*" съ своими членами? Объ "*организации*" въ приговорѣ нѣтъ ни слова, между тѣмъ, какъ именовываются ея члены. Отсюда мы и можемъ умозаключить, что подъ именемъ организации кн. Гагаринъ разумѣетъ тѣхъ *нѣкоторыхъ*, "задумавшихъ организовать свою дѣятельность на опредѣленныхъ началахъ". Ей-же приписывается учрежденіе школъ, ассоціацій и пр. Объ "*адѣ*"-же положительно не говорится; два, три раза это слово проскользнуло въ приговорѣ, да Ишутинъ обвиняется въ "основаніи тайнаго, революціоннаго общества : "*адъ*", котораго ни въ дѣйствительности, ни въ приговорѣ не оказывается.

Изъ всего сказаннаго, неизбѣжно вытекаютъ два главные вывода :

- 1) "*Организации*" не существовало;
- 2) "*Ада*" не существовало.

Или приведемъ къ одному знаменателю :

Заговора не было и никакого революціоннаго общества не существовало.

Чтобы разсѣять всякія сомнѣнія читателя, чтобы окончательно убѣдить его въ непреложной истинности этихъ выводовъ, перейдемъ опять къ приговору верховнаго уголовного суда, къ его дальнѣйшимъ подробностямъ. Поэтому, снова становясь на его почву, я буду называть "*организациею*" тотъ кружокъ, которому тщетно силится придать это имя кн. Гагаринъ. Мы уже видѣли дѣятельность "*организации*", теперь рассмотримъ дѣятельность каждаго ея члена въ отдѣльности, но прежде всего опредѣлимъ ея численныя силы. На то и другое намъ даетъ нужные матеріалы приговоръ, къ которому и обращаемся снова.

Изъ этого оффиціального акта мы узнаемъ, что лицъ, оказавшихся, по мнѣнію *Муравьева*, преступными и потому подлежащими суду — **ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ**. Фактъ этотъ чрезвычайно важенъ. Изъ всего огромнаго количества арестованныхъ послѣ 4 Апрѣля, самое пристрастное и жестокое слѣдствіе, для котораго достаточно было бездоказательнаго наговора, находить виновными только 36 человѣкъ; остальныхъ или освобождаетъ, или признаетъ "неважными, замѣшанными косвенно", и не считаетъ ихъ достойными даже упоминанія. Съ ними раздѣляется полиція, III отдѣленіе, т. е. съ ними расправятся "административнымъ путемъ".

Послѣ переслѣдованія дѣла верховнымъ уголовнымъ судомъ, оказалось : двое (Кобылинъ и Вознесенскій) попали въ списокъ обвиняемыхъ по *ошибкѣ*; одинъ (Икинфоровъ) по оговору; двѣнадцать (Худяковъ, В. Федосѣевъ, Марьсь, Маевскій, Шостаковичъ, Лаунгаузъ, кн. Черъезовъ, Петерсонъ, Маликовъ, Бибииковъ, Оболенскій и Никольскій) къ организации не принадлежали и замѣшаны случайно, но неважными обстоятельствамъ (исключая четырехъ, изъ которыхъ двое обвиняются въ довольно преступныхъ *замыслахъ* и двое въ укрывательствѣ государственныхъ преступниковъ). Такимъ образомъ оказывается, что къ организации, включая въ это число и Каракозова, принадлежитъ *Двадцать одинъ* человѣкъ.

Нечего сказать—сила!...

Но мы читаемъ слѣдующія замѣчательныя строки : "Подсудимые : Кичинъ, Соболевъ, Сергіевскій, Борисовъ, Воскресенскій, Кугуевъ, Подумордвиновъ, хотя также принадлежали къ числу членовъ "*организации*", но никто изъ нихъ не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о цѣляхъ и предположеніяхъ общества, на сходкахъ котораго они бывали рѣдко и не могли себѣ составить понятія даже о томъ, что такое социализмъ, нигилизмъ и коммунизмъ (точь въ то-ль гг. Воейковъ и Арановъ). Будучи вовлечены въ это общество главными его членами (трудно рѣшить, кто добродушный и наивнѣй : главные-ли члены, увлекающіе такихъ простоватыхъ и незлобивыхъ ребятъ, или же сами ребята, "не могшіе составить себѣ понятія даже" и проч.), подъ благовиднымъ предлогомъ учрежденія общества взаимнаго вспоможенія, для котораго предполагалось испросить разрѣшеніе правительства, (вотъ видите-ли, само правительство находить этотъ предлогъ "*благовиднымъ*" : ясно, что общество взаимнаго вспомошества

вовапія не было ни революціоннымъ, ни “нагубнымъ” и т. д.), они, вступая въ это общество, имѣли въ виду только общіе имъ облегченіе своей крайней нищеты и убѣжденіе, что безъ посторонней помощи, они не могутъ кончить образованія, которое одно могло облегчить ихъ будущность”.

Скажите по совѣсти : есть ли возможность признать за членовъ организаціи этихъ злополучныхъ, плаксивыхъ и неразвитыхъ людей? Цѣли ихъ самыя мирныя, законныя, съ политикой пеняющія ни одной точки соприкосновенія. Они даже жалуются, “что во младости и неопытности, пахотаясь въ крайней нищетѣ, по желая докончить курсъ наукъ узаконенный, дабы снискать пропитаніе на службѣ престолу и монарху, были вовлечены и пр.” Намъ остается пожалѣть о бѣдственномъ ихъ рокѣ, но изъ числа членовъ организаціи неизбѣжно исключить.

Кромѣ того мы знаемъ изъ всего предыдущаго, что Каракозовъ стоялъ особнякомъ, дѣйствовалъ самостоятельно, не спрашиваясь ни чьего совѣта и никому не сообщая о своихъ намѣреніяхъ, и что ни къ “аду”, ни къ организаціи и ни къ какому другому обществу онъ не принадлежалъ, что признано и доказано самимъ верховнымъ уголовнымъ судомъ. И такъ, на основаніи точныхъ и неспоримыхъ официальныхъ данныхъ, изъ числа членовъ организаціи мы должны исключить девять человекъ. Сколько же остается? — **ДВѢНАДЦАТЬ!!!**... Этотъ выводъ сдѣланъ не мною : верховный уголовный судъ въ своемъ окончательномъ *опредѣленіи* степени виновности каждаго подсудимаго и наказанія “за доказанныя преступленія” (какое лицемѣрное кощунство!) называетъ, безъ всякихъ ограниченій и оговорокъ, “членами организаціи” только двѣнадцать человекъ. Занишемъ же официальный фактъ :

Революціонное общество “Организація” состояло изъ двѣнадцати членовъ.

Теперь мы знаемъ математически вѣрно численныя силы организаціи, знаемъ ея дѣятельность, изъ которой можемъ вывести опредѣленіе ея нравственныхъ силъ. Но въ этой дѣятельности, грозившей такими бѣдствіями нашему дорогому отечеству, мы должны все выяснить и не оставить ни одной тѣни. Для этого намъ остается разсмотрѣть дѣятельность каждаго члена организаціи въ отдѣльности; такимъ образомъ мы получимъ и мѣрку преступности каждаго, и въ общей сложности — дѣятельность *цѣлаго революціоннаго общества.*

Начинаю снова выписки изъ приговора :

1) Николаевъ, Шагановъ, Ермоловъ занимались писаніемъ проектовъ устава; Мотковъ поправлялъ проектъ Ермолова и хранилъ у себя проектъ Шаганова, *по вмѣстѣ съ тѣмъ принималъ мѣры для протободѣйствія насильственному перевороту.* Николаевъ добывалъ реценты для отравленія отца Федотѣва.

2) Малининъ, Дм. Пвановъ, Ланкинъ и А. Пвановъ старались вообще разстроить “организацію”, пренятствовали ей сходкамъ и образовали кружокъ, ей враждебный, имѣвшій цѣлью социальную пропаганду, *безъ насильственнаго переворота въ государство.* Что касается обвиненія нѣкоторыхъ изъ нихъ въ знаніи о разговорахъ (!) относительно образованія болѣе преступнаго общества “адъ”, то *судебнымъ слѣдствіемъ доказано*, что имъ были извѣстны только *разсказы Моткова* относительно образованія этого общества, и что они, имѣя намѣреніе противодействовать этому обществу

и даже *донести* на него, не успѣли еще убѣдиться, *дѣйствительно-ли предполагено основать его.*

Изъ этого параграфа мы видимъ, что треть организаціи, т. е. четыре ея члена дѣйствуютъ въ качествѣ ея враговъ : и ихъ не прикажете ли вычеркнуть изъ организаціи, кн. Гагаринъ? Этотъ же параграфъ подтверждаетъ ту истину, что “адъ” не существовалъ; что онъ вѣроятно сложился въ фантазіи Моткова и Пшутина, изъ которыхъ первый и излагалъ въ тѣсномъ пріятельскомъ кружкѣ свои мечты. Онъ же излагалъ ихъ передъ Муравьевымъ и кн. Гагаринымъ. Что Муравьевъ повѣрилъ баснѣ, это понятно; но кн. Гагаринъ не повѣрилъ, да и повѣрить не могъ. Нѣтъ ни одного подсудимаго, который бы обвиненъ былъ въ принадлежності къ “аду”* : зачѣмъ же пелѣнную сказку возводить въ тяжкое обвиненіе и не исключить ее совершенно изъ обвинительнаго акта? Затѣмъ, отвѣчу я, что въ такомъ случаѣ пришлось бы исключить самую возможность появленія этого акта, такъ какъ онъ весь состоитъ изъ подобныхъ обвиненій.

3) Странденъ *готовился ѣхать въ Сибирь за Чернышевскимъ.*

4) Юрасовъ и Загнбаловъ не выказывали никакой особой дѣятельности (какую же “особую”, т. е. особую дѣятельность выказали другіе то члены организаціи)?

Всѣ эти лица, кромѣ четырехъ противодействовавшихъ организаціи, разсуждали о царубійствѣ, но “*всѣ однако возражали противъ ВСЯКИХЪ ПРЕДПОЛОЖЕНІЙ о царубійствѣ*”. Юрасовъ, Ермоловъ, Странденъ и *даже* Пшутинъ противодействовали Каракозову и останавливали его.

5) Пшутинъ возбудилъ разсужденія о царубійствѣ и основалъ никогда не существовавшія общества (за что и былъ приговоренъ къ повѣшанію).

Теперь мы должны опредѣлительнѣе формулировать математически точные выводы изъ предыдущихъ параграфовъ.

Изъ двѣнадцати членовъ организаціи четверо (треть) были ея врагами (см. выше) и потому мы неизбѣжно должны исключить ихъ изъ организаціи. (Пояснить этотъ очевидный выводъ я считаю оскорбительнымъ для читателей). Отсюда :

Такъ называемая Организація состояла изъ **ВОСЬМИ ЧЛЕНОВЪ.**

Половина этихъ членовъ (4) писала и взаимно поправляла и хранила проекты уставовъ. Другая половина положительно ничего не дѣлала, такъ какъ готовится къ побѣдѣ не только въ Сибирь, но и въ Патагонію и даже на луну, и основывать общества, въ дѣйствительности никогда и нигдѣ, ни во времени, ни въ пространствѣ не существовавшихъ, не значить дѣйствовать, а дѣло дѣлать.

Вся организація, безъ изъятія даже Пшутина, “который возбудилъ вопросъ о царубійствѣ” и т. д., противится и принимаетъ мѣры противъ :

1) Насильственнаго переворота въ государствѣ.

2) Всякихъ разсужденій о царубійствѣ.

Для вѣщей ясности канитальнаго вывода сопоставьте факты, признаваемые въ одно и тоже время верховнымъ уголовнымъ судомъ, и потому непреложные и обязательные для всякаго подданнаго русскаго императора.

А. Тайное революціонное общество “Организація” имѣетъ цѣлью испровергнуть правительство во всемъ государствѣ, произвести экономическій и социальный переворотъ посред-

* Обвинялись многие, да никто обвиненъ то не былъ.

ством устной и письменной пропаганды и насильственных мѣръ: царубійства, революціи, дѣлежа собственности и т. д.

а) Тайное революціонное общество “*Организація*” противится и припимаетъ мѣры противъ насильственного переворота въ государствѣ, то есть противъ революціи, дѣлежа собственности и всякихъ *даже предположеній о царубійствѣ*.

В. Организація существуетъ, слѣдовательно она *организована*.

б) Организація не *организована*, даже общихъ опредѣленныхъ началъ и дѣльнаго проекта не выработано, слѣдовательно организаціи не существуетъ.

С. Ишутинъ обвиненъ между прочимъ за основаніе тайнаго революціоннаго общества “*ада*”: ада существуетъ.

с) Никто, кромѣ Ишутина, не обвиненъ въ принадлежності къ аду. Самъ Ишутинъ обвиненъ косвенно. Вотъ текстъ приговора: “... и какъ основателя *общества*, дѣйствіи коихъ клонились” и пр., т. е. организація и ада, такъ какъ общества переводчиковъ и переводчицъ и взаимнаго вспоможенія, что уже доказано официальными данными, быти общества мирнаго, закономъ разрѣшаемаго и непмѣвша никакихъ иныхъ цѣлей, кромѣ добыванія работы и хлѣба: ада не имѣетъ ни одного члена, кромѣ основателя; одно лицо не можетъ составлять общества: ада не существуетъ.

Д. Ишутинъ возбуждаетъ вопросъ о царубійствѣ.

д) Ишутинъ противится всякимъ разсужденіямъ о царубійствѣ и “вызываетъ Каракозова въ Москву”*.

Е. Ишутинъ основываетъ тайныя революціонныя общества *Ада* и *Организацію*.

е) Ни *Ада*, ни *Организаціи* не существуетъ.

Возьмите любое мѣсто въ приговорѣ верховнаго уголовного суда: фактъ, строчку, фразу и вы немедленно пойдете другой фактъ, другую строчку, другую фразу, которые совершенно, диаметрально противорѣчатъ первымъ и взаимно исключаютъ другъ друга. Продолжайте сопоставленія, утомлять которыми читателя я не могу болѣе; возьмите любое обвиненіе и любого обвиненнаго, раздѣлите пополамъ листъ и ставьте на одной сторонѣ черты факты *за*, на другой—*противъ* и вы убѣдитесь ясно, наглядно, осязательно, что *за* имѣются факты положительные, *противъ*—не доказанные, т. е. отрицательные, и если найдутся одинъ или два положительныхъ (т. е. доказанныхъ и реальныхъ), то на другой сторонѣ (*за*) будетъ найдено еще большее число такихъ-же реальныхъ фактовъ и въ итогѣ у васъ всегда (исключеній почти нѣтъ) получится *за* положительная величина, *противъ*—отрицательная. Въ этомъ убѣждаетъ самое простое разсужденіе, самая простая, азбучная ариѳметика, доступная пониманію пятилѣтняго ребенка. Чтобы покончить съ логикой знаменитаго приговора, я

* Смотри въ приговорѣ эпизодъ встрѣчи Моткова и Ишутина съ Худяковымъ. —“Какъ, развѣ онъ въ Петербургѣ?”—спросилъ Ишутинъ испуганнымъ голосомъ. “Послѣ этого извѣстія Мотковъ (вѣроятно вмѣстѣ съ Ишутинимъ) просилъ Худякова слѣдить за Каракозовомъ, и если онъ старается скрыть свое пребываніе въ Петербургѣ, изъ чего можно заключить, что онъ дѣйствительно имѣетъ намѣреніе совершить царубійство, то ПОВЕСТИ НА ЕГО СЛѢДЪ ПОЛИЦІЮ”. Этотъ официально признанный фактъ, доказываетъ еще разъ: 1) Точныхъ свѣдѣній о намѣреніяхъ Каракозова не имѣли самые близкіе ему люди; 2) Зная его характеръ, они только догадывались объ его намѣреніи и по его дѣйствіямъ хотѣли убѣдиться въ своихъ догадкахъ; 3) Ишутинъ и всѣ другіе “члены” мнимой организаціи не только не раздѣляли воззрѣній Каракозова, но рѣшались на доносъ, на предаваніе его въ руки полиціи. И послѣ этого насъ стараются увѣрить въ “адахъ и организаціяхъ” и тому подобныя сказки! И послѣ этого осуждаютъ людей на смерть и на каторгу за недонесеніе: еслибъ убѣдились—донесли бы!....

долженъ въ послѣдній разъ остановить вниманіе читателя на постоянно встрѣчающейся фразѣ: “*Противились и припимали мѣры противъ насильственнаго государственнаго переворота*”, что въ примѣненіи къ подсудимымъ припималось “за смягчающее обстоятельство” и такимъ образомъ принципы строгой справедливости и милосердія соблюдались въ глазахъ простодушныхъ зрителей. “Противитесь и припимать мѣры” возможно противъ когонибудь или чегонибудь существующаго, дѣйствительнаго, реальнаго, вапримѣръ, противъ нападенія разбойниковъ, паводненія, бури и т. п. Противитесь и припимать мѣры противъ чегонибудь или когонибудь воображаемаго, въ дѣйствительности не существующаго, возможно только при сумашествіи и бѣлой горячкѣ, вообще при разстройствѣ головного мозга. Общество восьми человекъ* (и даже восьми тысячъ, которыя изобрѣла московская полиція), ни добровольнаго, ни насильственнаго переворота въ русской имперіи, содержащей 400,000 кв. геогр. миль и 75,000,000 населенія, произвести не могло, что очевидно для каждаго, умственно неповрежденнаго человека. Отсюда самый благонамѣренный читатель долженъ умозаключить: или подсудимые, или судья страдаютъ потерей умственныхъ способностей (сумашествіемъ); или-же существуетъ другое громадное революціонное общество, стремящееся къ насильственному государственному перевороту, которому возможно “противитесь” и противъ замысловъ котораго возможно “припимать мѣры”. Но такъ какъ дѣйствительность отрицаетъ эти умозаключенія, то намъ остается одинъ выводъ:

Приговоръ верховнаго уголовного суда весь построенъ на лжи и есть чудовищный обманъ.

Разъ усвоивъ эту истину, мы открываемъ смыслъ знаменитой фразы “*противились*” и пр.: подсудимые *противились* допускать теоретическую возможность теоретической, отвлеченной, заоблачной идеи насильственнаго, государственнаго переворота, могущаго произойти въ далекомъ и неизвѣстномъ будущемъ, и *припимали мѣры* противъ всякихъ отвлеченныхъ разсужденій и туманныхъ споровъ объ этомъ предметѣ. (Вотъ каковы были въ дѣйствительности члены этого страшнаго, кроваваго общества, болѣе крайняго, по мнѣнію дальновидныхъ россіянъ, чѣмъ клубъ якобинцевъ, болѣе свирѣпаго, чѣмъ сто тысячъ Дантовыхъ и Маратовъ, умноженныхъ на такое-же количество Робеспьеровъ).

Неужели же и теперь, спрашиваю я, не ясно для читателя, что этотъ канибальскій, чудовищный приговоръ, весь построенъ на самой безсовѣстной лжи? Что людей приговорили къ вѣчной, и болѣе или менѣе продолжительной каторгѣ—не за дѣйствія, но “за разговоры”? Что сами члены, этой такъ называемой организаціи, пугались своихъ разговоровъ и всѣ противодѣйствовали крайнимъ и насильственнымъ мѣрамъ, т. е. самой мысли о нихъ, такъ какъ никто въ дѣйствительности и не приобѣгалъ, да и не могъ приобѣгнуть къ этимъ мѣрамъ? Что такимъ образомъ весь заговоръ сводится на *разговоръ*, что приговоръ 24 Сент. заключаетъ въ себѣ еще болѣе суровый приговоръ кн. Гагарину и всему верховному уголовному суду и доказываетъ, что заклятые злодѣи, заслуживающіе висѣлицу и каторгу—не осужденные, но судьи?

Кн. Гагаринъ совершилъ замѣчательный фокусъ: весь *Ада* онъ окупилъ въ Лету и вызвалъ блѣдный, туманный

* Въдѣ это были бѣдники и мирные граждане, а не особы царской фамиліи, не Валуевы, не Гагарины и не Панины.

призракъ "организаціи", который исчезаетъ не только при блескѣ солнечныхъ лучей, но и при томъ тускломъ свѣтѣ ночника, которымъ я осѣтилъ его.

Впрочемъ и этотъ слабый, неполный и далеко неудовлетворительный очеркъ можетъ разсѣять заблужденіе читателей, вѣрившихъ въ заговоръ, и доказать ту неоспоримую истину, что онъ, этотъ заговоръ, *есть та каллигуловская голова, которую измыслило правительство, чтобъ однимъ ударомъ меча покончить со всеми честными и свѣтлыми стремленіями, зародышами, начинаніями и возможностями.* Удалось - ли ему — покажетъ будущее; я же не воиду ни въ какія разсужденія объ этомъ предметѣ, считая ихъ вредными и потому неумѣстными въ настоящее время и при настоящихъ обстоятельствахъ.

И пусть рѣшатъ сами читатели, какъ далеко ушелъ князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ отъ графа Михаила Николаевича Муравьева, приговоривъ "за разговоры" одного къ висѣлицѣ, двухъ къ вѣчной каторгѣ, одного къ двадцатилѣтней, трехъ къ двѣнадцатилѣтней и т. д., поддержавъ пелѣную басню о заговорѣ, который имѣлъ цѣлью истребленіе царей и правительствъ, рѣки крови и всякіе ужасы; и какъ велико и искренно правосудіе и милосердіе благодушнаго царя, утвердившаго этотъ позорный актъ, замѣнившего могилу на Голодаѣ, въ которой нѣтъ "ни печали, ни воздыханія" — живой могилой въ Шлюссельбургѣ, полной мрака, ужаса и отчаянія.....

И пусть сами читатели подведутъ итоги

ГЛАВА VIII.

Нѣкоторыя дополнительныя подробности. — Публичное объявленіе приговора на Смоленскомъ Полѣ. — Опять московская полиція "отличается" — Третья категория. — Причины ея заточенія. — Еще разъ "чистосердечно-покаяющіеся". — Дѣло о литературно-музыкальномъ стрѣ въ пользу пугдающихся студентовъ Петровской Земледѣльческой Академіи. — "Добровольно-политическіе". — Аресты продолжаются и въ перспективѣ рисуются новыя "слѣдственные дѣла о иигилистахъ". — Нѣсколько заключительныхъ словъ къ читателю.

Теперь мнѣ остается перейти къ нѣкоторымъ частностямъ "для возстановленія исторической истины".

Арестованныхъ офицеровъ допрашивали: не принадлежали-ли они къ какому-то "военному заговору", который будто бы крылся или кроется въ войскахъ и по поводу котораго, какъ слышно, еще въ прошломъ году было произведено нѣсколько арестовъ. Эти аресты, какъ видно, не повели ни къ какимъ открытіямъ. Что это за таинственный военный заговоръ, извѣстный "по слухамъ" правительству? Не есть-ли это новое измышленіе доносчиковъ или самаго правительства, задумавшаго, быть можетъ, съ "корпечъ вырвать" какія нибудь воображаемые революціонныя зародыши въ средѣ офицеровъ? Предупреждаемъ послѣднихъ, что правительство замышляетъ противъ нихъ что-то недоброе, что оно чего то доискивается, доканываетъ, донохивается. Горе тѣмъ, въ кого оно мѣтитъ; если съ "гражданскими" оно расправляется такъ кротко за "разговоры" — какъ же поступитъ оно съ "военными"!.....

Показаній подсудимыхъ не давали читать даже ихъ адвокатамъ. Ограничивались тѣмъ, что вышивали нѣкоторые листики изъ дѣла. Хороша обѣщанная гласность и хорошо

обѣщанное правосудіе: у адвокатовъ отнимаютъ средствъ для защиты ихъ клиентовъ! Этотъ фактъ лучше всякихъ разъясненій доказываетъ, что подсудимые судимы и наказаны неправо и незаконно; что ихъ показанія заключаютъ въ себѣ массу оправданій, но не обвиненій, которыя правительство, по очень понятнымъ причинамъ, держитъ въ глубочайшемъ секретѣ.

Павелъ Федосѣевъ, какъ видно изъ обвинительнаго акта, привлеченный къ дѣлу, какъ свидѣтель, ни въ чемъ не обвинялся, но напротивъ, онъ "уговорилъ своего брата оставить преступное намѣреніе и пораженный ужасомъ, хотѣлъ разбить стклянки съ ядомъ". За что же его, какъ преступника, полиція отправила къ отцу (въ Кирсановъ и въ Олябрѣ!) *по этапу*? Не за то-ли, что онъ не могъ взнести прогонныхъ и сѣточныхъ денегъ на содержаніе двухъ жандармовъ, съ которыми, какъ преступника, рѣшили его отправить. И за что, наконецъ, приговорили его къ ссылкѣ на родину?

Зная этотъ фактъ, мы вѣримъ, что *никто* (просимъ сообщить его фамилію), косвенно замѣшанный въ дѣло, *безъ суда и слѣдствій отданъ въ солдаты.*

Никифоровъ оправданъ и освобожденъ отъ суда, но "за неосмотрительность поведенія, давшаго поводъ къ столь важному обвиненію", предоставленъ въ распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ, который и распорядился сослать его въ вятскую губернію; а такъ какъ Никифоровъ, человекъ бѣдный и къ тому же имѣетъ несчастье быть мѣщаниномъ, то его и пошлютъ въ концѣ Октябрю, въ какой нибудь отдаленнѣйшій уѣздъ вятской губерніи по этапу (впрочемъ, Федосѣевъ дворянинъ и единственной гарантіей отъ этапа — кошелекъ. Вотъ разница между Гагаринымъ и Валзуевымъ: первый лишаетъ всего состоянія, второй занимается мелкимъ грабежомъ). Не правда-ли, какая *строгая* логика у русскаго правительства: на васъ донесъ шальной негодяй или подкупленный шпионъ, вы оправдались, вы доказали свою педантичность, вы освобождены отъ суда, но за то, что на васъ могли донести, васъ ссылаютъ въ какую нибудь непроходимую дѣбрь вятской губерніи, да еще *по этапу* и въ Октябрѣ.

*Маликовъ**, *Бибиловъ†*, *Оболенскій‡* и *Никольскій* освобождены отъ суда или, другими словами, оправданы, но отданы въ распоряженіе Валзуева, который и порѣшилъ: Маликовъ ссылается въ Архангельскую губернію, Бибиловъ въ Вологодскую, Оболенскій въ Костромскую, Никольскій или въ Вятскую или въ Вологодскую.

Всѣмъ имъ, если кошелекъ не набитъ туго, грозить *этапъ*. Кого пошадилъ Гагаринъ, тѣхъ добьетъ Валзуевъ.

Даже кн. *Вадбольскій* переводится въ Рязанскую губ. и съ *Голофтлевыми* вѣроятно будетъ поступлено подобнымъ же образомъ. Оба они были мировыми посредниками Козельскаго уѣзда и обоихъ вина состоитъ въ "знакомствѣ съ Маликовымъ и Бибиловымъ". Вотъ она *строгая* — то послѣдовательность!

Маккавцевъ, оправданный слѣдственною (даже) комиссіей и освобожденный отъ судебныхъ преслѣдованій, ссылается

* Бывшій судебный слѣдователь Холма (псковской губ.). Прежде занималъ ту же должность въ Козельскомъ уѣздѣ Калужской губ., но по происканію извѣстнаго эксплуататора Мальцева, у котораго на откупѣ всѣ власти, пачиная съ губернатора Спаскаго и до земскаго исправника и его помощника, едва не потерялъ мѣста и былъ переведенъ въ Псковскую губернію.

† Мировой посредникъ козельскаго уѣзда.

‡ Секретарь земской управы того же уѣзда.

въ Костромскую губернію подъ надзоръ полиціи, въ силу *собственноручной резолюціи благодуснаго монарха*, написавшаго: “за политическою неблагонадежностію, водворить на мѣстѣ жительства, отдавъ подъ строгій надзоръ мѣстной полиціи”. (Можно подумать, что Александръ II лично знакомъ съ Маккавѣевымъ и хорошо знаетъ образъ его мыслей). Говорятъ, будто бы царь “освободитель” не очень-то былъ доволенъ приговоромъ (исужели князь не попалъ въ тонъ и взялъ слишкомъ ниже подлежащаго?) и находилъ, что “даже миловать трудно”. Если это справедливо, то зачѣмъ-же было подвергать онагѣ Муравьева или не поручить судъ и расправу Кауфману? Неосмотрительно!

Будетъ “водворенъ на мѣстѣ жительства”, т. е. сосланъ въ Енисейскую губернію. *Елисейевъ*, одинъ изъ очень извѣстныхъ литераторовъ. Онъ оправданъ еще слѣдствіемъ и вина его заключается въ томъ, что у него кто-то изъ осужденныхъ обѣдалъ и кто-то завтракалъ: преступность его очевидна*!...

Кичинъ едва не сошелъ съ ума въ Петропавловской.

Марксъ тоже близокъ къ помѣнательству. Въ московскихъ частяхъ двое сошло съ ума. Фамилия одного изъ нихъ *Орфановъ*.

Марксъ въ своихъ показаніяхъ выражался слѣдующимъ образомъ: “я достать стрихнина для отравленія *бъшеной собаки или литератора Каткова*”. Судъ очень предупредительно замѣнилъ *бъшеную собаку* “мышами”.

Вознесенскій, по возвращеніи въ Москву, тотчасъ-же слегъ въ Екатерининскую больницу. Замѣчательно, что ему заключеніе въ крѣпости, стоявшее здоровъ, вѣнчено въ наказаніе “за посѣщеніе общества взаимнаго вспомошествованія, не разрѣшеннаго правительствомъ”. Мы уже знаемъ, что это общество еще не существовало. Члены-учредители собирались для составленія и обсужденія проекта устава, который должны были представить на разрѣшеніе правительства: есть-ли въ этомъ что нибудь преступное даже съ полицейской точки зрѣнія? Прежде-ли испрашивается у правительства утвержденіе общества и потомъ составляется уставъ, или же наоборотъ?

Заканчиваю этотъ списокъ незаконныхъ дѣйствій русскаго правительства. Я знаю, что онъ крайне не полонъ, какъ и вся предлагаемая статья: пусть-же пополнить и исправить ихъ, кто можетъ.

4го Октября, ровно черезъ полгода послѣ грустной катастрофы 4 Апрѣля, на Смоленскомъ Полѣ, на томъ-же мѣстѣ, гдѣ казнили Каракозова, возвышались одиннадцать позорныхъ столбовъ и висѣлица. У этихъ позорныхъ столбовъ должны были стать люди, “вознамѣрившіеся совершить экономическій, социальный и государственный переворотъ и ниспровергнуть *всѣ* законныя правительства, истребить *всѣхъ* земныхъ царей”; эти одиннадцать позорныхъ столбовъ сконцентрировали вокругъ себя тотъ ужасный и могущественный заговоръ, при мысли о которомъ трепетали сердца простодушныхъ россіанъ и они зывали къ Муравьеву: “крови!” возсылая одновременно съ этимъ “теплымъ мольбы” къ Иверской и всѣмъ московскимъ святителямъ и чудотворцамъ (въ ихъ числѣ и къ Михаилу Каткову).

* *Елисейевъ*, кажется, попалъ подъ амнистію и не сосланъ, въ чемъ убѣждаетъ насъ его объявленіе объ изданіи “Исторіи русской литературы XVIII столѣтія”.

Ред.

Приговоренные взошли на эшафотъ гордо, съ достоинствомъ и съ выраженіемъ презрѣнія къ палачамъ (конечно не къ тѣмъ, которые дѣйствовали въ качествѣ исполнителей). Это были люди очень молодые, полные жизни и силъ, одному только Марксу было 50 лѣтъ. Никакого “благоговѣнія” * не изображалось на ихъ лицахъ, когда они прилаживались ко кресту. Священникъ подходилъ къ каждому и прикладывалъ къ его губамъ крестъ, такъ что вѣрѣе будетъ сказать: не они прикладывались ко кресту, а крестъ прикладывался къ нимъ. Ишутинъ такъ-же не “сгибался подъ какою-то *невидимою тяжестью*”, когда разыгрывали съ нимъ гнусную комедію одѣванія въ саванъ и надѣванія петли. Въ казнь эту никто не вѣрилъ и всѣ положительно знали, что придетъ помилованіе и смягченіе. (Конечно, Ишутинъ и остальные осужденные знать этого не могли. Всѣ они подавали къ государю просьбу о помилованіи, о смягченіи приговора, но прочной надежды не могли имѣть).

Въ тогъ-ли день или на слѣдующее утро, не знаю положительно — приговоренные были отправлены на каторгу и въ ссылку. Очень многихъ изъ нихъ ждали въ Москвѣ родители, жены, братья, сестры. Всѣмъ имъ оберъ-полицмейстеръ обѣщаль свиданіе и даже увѣрялъ, что пришлетъ съ извѣстіемъ курьера, какъ только ссыльныхъ привезутъ въ Москву. Въ его канцеляріи и въ слѣдственной комиссіи обнадеживали, что осужденные проживутъ трое сутокъ въ одной изъ частей (Рогожской), именно для того, чтобы проститься навсегда съ своими близкими. Но ихъ провели почью, въ закрытыхъ каретахъ, подъ прикрытіемъ большого ковра. Объ ихъ прїездѣ узнали очень немногіе родственники, сторожившіе на дебаркадерѣ желѣзной дороги, но допущены не были даже къ каретамъ. Спрашивается: для чего эта тупая, изувѣрская жестокость, до которой даже Николай рѣдко возвышался? Сама московская полиція, не смотря на всю свою невообразимую гнусность и желаніе отличиться, усердіе заявить, такъ не посмѣла-бы распорядиться: очевидно, она дѣйствовала въ силу инструкцій свыше. Въ крѣпости-же, въ промежутокъ между объявленіемъ приговора въ судѣ (24 Сентября) и исполненіемъ его на Смоленскомъ Полѣ (4 Октября), свиданія съ осужденными дозволялись. Московская полиція была очень озабочена, замѣтивъ, что ссыльные снабжены до нѣкоторой степени теплой одеждой, происхожденія очевидно не казеннаго, и въ лицѣ двухъ представителей, Воейкова и Позняка (первый олицетворяетъ исполнительную тупость и шпионство самое грубое; второй — полицейскаго Одиссея), — рѣшилась раскрыть виновниковъ этого преступления. Пока еще трудно сказать, увѣнчается-ли успѣхомъ славное патриотическое предпріятіе, поведетъ-ли оно къ новымъ розыскамъ, арестамъ, заточеніямъ и ссылкамъ, или-же ихъ доблестное рвеніе не получитъ простора, такъ какъ снабженіе теплой одеждой иначе и произойти не могло, какъ съ разрѣшенія начальства и черезъ его посредство. Съ дороги, не доѣзжая, какъ говорятъ, до Нижняго, Ишутинъ былъ возвращенъ и замурованъ въ плюссельбургскіе застѣпки.

Замурованъ не одинъ Ишутинъ: цѣлая, такъ называемая, третія категорія, по неважности обвиненій не подпавшая, къ своему несчастію, рѣшенію верховнаго уголовного суда, томится въ омерзительныхъ помѣщеніяхъ московскихъ частныхъ домовъ (съ Апрѣля и Мая; самые-же поздніе съ Іюня.

* Никакъ не могутъ эти борзописцы разныхъ “Голосовъ” и пр. “Вѣдомостей” воздержаться отъ безсовѣстной лжи, въ которую они-же первые не вѣрятъ.

Вновь взятые врядь-ли могут быть причислены къ этой несчастной категоріи). Трудно отвѣчать на вопросъ: въ чемъ заключается ея вина? Одни обвиняются въ участіи въ швейномъ, другіе въ чтеніи романа "Что дѣлать", третьи въ пенюшеніи кривоноша, четвертые въ знакомствѣ съ Пашутинымъ, Странденнымъ и другими осужденными, пятые... но читатель уже чувствуетъ тяжесть остальныхъ обвиненій: всѣ они въ этомъ-же родѣ. (Только на одного или двухъ человекъ комиссия взводитъ очень грозныя обвиненія и порѣшила *упрятать ихъ, во чтобы то ни стало*). Но не въ численныя преступленія вина третей категоріи. Ларчикъ отарывается очень просто: московской слѣдственной комиссіи крайне выгодно тянуть дѣло до безконечности и разыскивать воображаемыя нити и корни. Лица, составляющія комиссію или-же прикомандированныя къ ней, всѣ эти Позняки, Павловскіе, Воейковы, Михайловскіе, Сухаревы, вся эта жадная свора висѣльничковъ и шпионовъ, сверхъ жалованья, получаютъ очень большое содержаніе (говорятъ, что даже писарямъ дается не менѣе двухъ и трехъ рублей въ сутки). Прибавьте къ этому перспективу чиновъ, крестовъ, банговъ, пряжекъ и прочихъ всеміростивѣйшихъ падежъ, которыми уже украсились нѣкоторые изъ "ревностѣйшихъ"; можно стяжать и денежную награду "за отличное усердіе"... Иные уже заканчиваютъ, другіе упрочиваютъ свою карьеру; золотое юношество, à la MM. Michajlowsky и Soucharoff, только дѣлаютъ ее и стараются блеснуть полицейскими доблестями.

Благодаря "чистосердечно-кающимся", можно надѣяться, что слѣдственная комиссія долго еще просуществуетъ. Они продолжаютъ дѣйствовать въ ея интересахъ, своими признаніями давая новыя матерьялы для новыхъ слѣдственныхъ дѣлъ и запутывая новыя количества людей самыхъ разнообразныхъ профессій, званій и состояній, которые никакъ не могли предположить, чтобы ихъ возможно было впутать, какимъ бы то ни было способомъ, въ совершенно чуждое имъ дѣло.

Для образца расскажемъ одно изъ таковыхъ дѣлъ.

Въ Февралѣ мѣсяцѣ, въ залѣ артистическаго клуба дано было литературно-музыкальное утро, въ пользу бѣдныхъ студентовъ Петровской Земледѣльческой Академіи. Оно было дано съ разрѣшенія правительства; участіе въ немъ принимали литераторы и артисты, хорошо знакомые и любимые московской публикой: Плещеевъ, Островскій, Садовскій, Герберъ и др., т. е. люди благонамѣренныя и никогда не отказывающіе въ своемъ содѣйствіи добродѣлю; это утро даже удостоилось присутствіемъ полковника Джолю, казалось бы — чего еще? Сборъ былъ раздѣленъ между бѣдными студентами, росписки отъ нихъ получены. Черезъ семь съ половиной мѣсяцевъ Борисовъ и Соболевъ допосытъ, что сборъ поступилъ въ кассу организаціи...

Невозможно также не упомянуть о новомъ типѣ совершенно "новыхъ людей", — о "добровольно-политическихъ". Они гораздо опаснѣе "чистосердечно-кающихся", такъ какъ страстное желаніе во что бы то ни стало попасть въ *политическіе преступники* заставляетъ ихъ рѣшаться на самоотверженные поступки: они сами накликали на себя полицію, отдавались ей въ руки и обвиняли себя въ ужасныхъ замыслахъ и въ небывалыхъ преступленіяхъ. Къ этому новому типу относятся исключительно особы "прекраснаго пола". Въ мирное время онѣ сгорали не менѣе пламенною жаждой попасть въ такъ называемыя *нигилистки*, для чего и

совершали разныя изумительныя дѣянія, достойныя кнѣзя г. Юношнина и Стебнидкаго. Этотъ типъ насчитываетъ никакъ не болѣе четырехъ или пяти представителей и неизбежно долженъ исчезнуть очень скоро. Я упомянулъ объ немъ въ виду тѣхъ гнусныхъ и омерзительныхъ сценъ, которыя съ цѣлю "подорвать нигилизмъ" распускаетъ московская полиція о всѣхъ арестованныхъ женщинахъ безъ исключенія. Въ этомъ пошевомъ дѣлѣ ей оказываютъ самыя важныя и безкорыстныя услуги наше "золотое юношество", наша "салонная свитоучь", рысающая по баламъ, раутамъ и принимающая участіе въ благотворительныхъ спектакляхъ гр. Солтоуба и въ филантропической дѣятельности генеральши Стрекаловой.

Аресты, какъ я уже записалъ въ началѣ статьи, продолжаются; дѣлу "о нигилизмѣ" и конца не предвидится*. Въ Петербургѣ также предсказываютъ новое слѣдствие: извѣстный доносчикъ и шпионъ, студентъ Корево или Корейво, прикомандированный къ московской слѣдственной комиссіи для розысковъ и посѣщавшій московскій университетъ, слѣвавшийся въ настоящее время разсадникомъ мракобѣсія, появившійся нѣсколько дней тому назадъ въ Петербургѣ, "подгнѣжалъ" во многихъ въ трактирахъ и кафе съ либеральными разсужденіями, наконецъ былъ узнанъ. Теперь оказывается, что онъ взялъ въ вѣрность для *добровольныхъ признаній*. Люди опытные утверждаютъ, что вѣроятно начнется скоро новое дѣло. Не знаю, на сколько все это справедливо; могу только завѣрить читателей, что этотъ слухъ идетъ изъ непосредственныхъ, полицейскихъ источниковъ.

Многіе надѣются, что свадьба пасѣдника прекратитъ хотя на очень короткое время дѣятельность третьяго отдѣленія и облегчитъ участь нѣкоторыхъ. Что касается до меня, я этому положительно не вѣрю.

Въ настоящей статьѣ изложены официальные факты, не составляющіе тайны и ближе другимъ извѣстные самой полиціи. Я счелъ нужнымъ огласить ихъ въ *Колоколь*, такъ какъ большинству, массѣ общества они совершенно неизвѣстны; въ Москвѣ-же и Петербургѣ ходятъ въ видѣ разнорѣчивыхъ разсказовъ и слуховъ, ложно толкуемые, ложно понимаемые. Свои выводы о заговорѣ и его членахъ я дѣлалъ на основаніи официального акта—приговора верховнаго уголовнаго суда; читая ихъ, *проницательный читатель*, фигурирующій въ романѣ "Что дѣлать", можетъ указать мнѣ начало статьи и уничтожить въ величайшей непослѣдовательности и противорѣчій съ собою. Возражать ему я не стану: пусть онъ остается съ своей проницательностью и торжествуетъ побѣду и да опочіетъ непробудно на славно пожатыхъ лаврахъ.

На неполноту свѣденій я уже указывалъ и просилъ по-полнять ихъ. Этотъ недостатокъ падаетъ вѣдъ моей воли;

* Въ эпоху, когда солидарность съ "заговоромъ" видѣли вездѣ и во всемъ, "малороссійская община" подверглась гоненію, обыскамъ, конфискаціямъ. Въ ней зрѣли язву сепаратизма и гнѣздо "вольполюбныхъ замысловъ". Но въ дѣйствительности, ни съ сепаратизмомъ, ни съ либерализмомъ она не имѣетъ ничего общаго и въ большинствѣ своихъ членовъ представляетъ самое утѣшительное явленіе для г. Каткова. Такъ напр., въ ней вотировалось предложеніе: допускать въ ея члены только студентовъ, которые получаютъ въ общемъ выводѣ не менѣе $\frac{3}{4}$ и изъяты университетскимъ начальствомъ отъ платы за лекціи и только таковымъ выдавать пособія изъ общинной кассы! (Вотъ она, суть-то, гдѣ!) Интереснѣе всего, что иппцы Баршева и Чичерина, осмѣлившіеся сдѣлать это нечестное и безчестное предложеніе, были арестованы, но подозрѣнію въ красныхъ замыслахъ. Библиотека "малороссійской общины" и до сего дня запечатана семью печатями и полиція, неизвѣстно для чего, хранитъ грозное statu quo.

пребрежность-же языка, отсутствіе всякой литературной отдѣлки, спѣшность работы и тысячи другихъ пороковъ, ставящихъ статью, “Бѣлой Терроръ”, ниже всякой газетной статейки, читатель великодушно извинитъ, “принимая во вниманіе”, что авторъ не имѣетъ ничего общаго съ профессіей литератора и никогда не мнитъ отличаться на аренѣ россійской журналистики.

И такъ прощайте и прощайте навсегда, мои случайные читатели. Голымъ рокомъ въ гиперборейскія страны (не знаю, погонялъ-ли онъ меня по элану или-же на почтовой парѣ), которыя такъ благодѣтельно влияют, по мнѣнію русскаго правительства, на благоправіе и “политическую благонадежность”, я не вполне убѣжденъ, что эти строки дойдутъ до свободной Швейцаріи и увидятъ себя въ свободномъ журналѣ *Колоколъ*. Во всякомъ случаѣ, я-то ихъ врядъ-ли когда нибудь увижу.

Одинъ изъ сосланныхъ подѣ надзорѣ полиціи.

10 Октября 1866.

С М Ъ С Ъ.

“МОСКВА” МАТЬ И МАЧИХА

Не вамъ, не вамъ — водружать, идѣль — то ни было, хоругвь освобожденія — омонтеъ прежде, покайтесь, приобрѣтите одинъ языкъ и одну мѣру — или оставяйтесь откровенно рабами; вы и въ этомъ званіи можете быть “бичами правдѣнія”, но не освободителями. Кто свекорысно хочетъ себѣ и своимъ воли, и въ то-же время набиваетъ колодки на сосѣда, тотъ не достоинъ свободы. Тѣмъ-то и было велико сначала христіанство, потомъ та великая революція 1789 года, (о которой и наши Пигмеи говорятъ теперь (высока), что если они не снали и не освободили всего сѣвта, то всё-же вѣрили въ общее спасеніе и освобожденіе, звали къ нимъ всѣхъ, безъ звѣрскаго ненависти одной породы къ другой, безъ зоологическихъ пристрастій и антипатіи.

Можно быть въ одно и тоже время *любящей матерью и злой Мачихой* — но при этомъ нельзя сѣтовать, что въ глазахъ всякаго честнаго человѣка несправедливая любовь вызоветъ, если не ненависть, то отвращеніе.

За тѣмъ представляемъ двѣ слѣдующія выписки изъ “Москвы”. Говоря о духовно-революціонной демонстраціи (которой мы вполне сочувствуемъ), бывшей въ московскомъ греческомъ монастырѣ, издатель замѣчаетъ:

“Но эта-же самая панихида вызываетъ насъ невольпо и на грустные размышленія. Мы слышали, что исполненіе такого простаго, естественнаго желанія, какъ желаніе помануть соборно въ церковь братолюбивыхъ и христіолюбивыхъ страдальцевъ, встрѣтило было неожиданныя затрудненія и попадобилось даже испрашивать разрѣшенія изъ Петербурга. Какъ! даже для того, чтобъ собраться въ православный храмъ и помолиться о православныхъ, погибшихъ православія ради, общество должно испрашивать дозволенія у начальства? для того, чтобы совершить подобное богослуженіе, мѣстной духовной власти можетъ быть вмѣнено въ обязанность входить въ дипломатическія соображенія и справляться о томъ, будетъ-ли такое дѣйствіе согласно съ политическими видами министерства и какъ покажется оно Петербургу? Нельзя не пожалѣть о такой зависимости церковныхъ пастырей и о такомъ странномъ *смѣшеніи* правъ и обязанностей общества и правительства!

“Что происходитъ отъ такого смѣшенія? Общество, усвоивая себѣ точку зрѣнія правительственную, *нерѣдко принимаетъ на себя исполненіе вовсе ему несвойственныхъ обязанностей III отдѣленія*, и чрезъ это суживаетъ самый кругъ своей дѣятельности и уклоняется отъ своего призванія. Правительство “исправляетъ должность” общества, выступаетъ изъ тѣхъ предѣловъ, гдѣ оно, правительство, призвано дѣйствовать и гдѣ только и можетъ быть сильно, и простирается на такія области жизни, куда не могутъ достигать высшія орудія государственной власти и гдѣ правительство поповоль должно оказаться несостоятельнымъ... Оно ослабляетъ общество, держа его вѣчно въ пеленкахъ и водя на помочахъ”.

Рядомъ съ этой дѣльной, умной рѣчью *матери* не угодно-ли послушать ласки *мачихи*, не угодно-ли посмотрѣть на ея злую злобу, пьянящую умъ, ничѣмъ не насытимуую — ни тѣмъ, что она пасынковъ забила до полусмерти, ни тѣмъ, что въ крови и синихъ пятнахъ “они еще дышутъ и смѣютъ говорить по своему”. Вотъ она-же ихъ!

“Постоянный житель Кіева не можетъ не замѣтить, говоритъ корреспондентъ “Москвы”, что въ послѣднее время польская рѣчь стала *смѣлѣе* раздаваться по Кіеву: слышится она и на улицахъ и въ ресторанахъ, и во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, и мало того, эта польская рѣчь сопровождается еще, по отношенію къ русскому, *тѣмъ палымъ, вызывающимъ взлудомъ*, на который такъ способенъ родовитый полякъ. По всему видно, что наши поляки подняли голову: Голуховщина и всякаго рода химеры вскружили ихъ головы. Говорятъ, что въ уѣздѣ Вольнской губерніи, пограничныхъ Галиции, польскіе паны-помѣщики въ послѣднее время стали вызываться, по отношенію къ русскому дѣлу, съ наивностью чисто-польскою: “погодите”, грозятъ они мировымъ дѣтелямъ, “вотъ къ веснѣ придетъ къ намъ Голуховскій съ Наполеомъ, они выгонятъ всѣхъ васъ отсюда”. Господа полиція — вступайте въ ваши права.

Какое ужасное растлѣніе и какое прочное, внесли три года казеннаго патріотизма. Люди, нисколько не принадлежащіе ни къ полиціи, ни къ *Московскимъ Влдоностямъ*, такъ-же легко доносятъ или служатъ распространенію дозосовъ, какъ любой Катковъ, почившій на голубыхъ лаврахъ своихъ.

Отчего-же полякамъ *шептать* по польски? или зачѣмъ-же имъ дѣлать глазки русскимъ? Вѣдь это только наши дѣды и праотцы — цаловали руку, которая ихъ била по зубамъ и сѣкла по окончанію сныны.

Летаргическій сонъ, въ которомъ пребывалъ издатель *Дня*, возстановилъ его силы, но не отрезвилъ его — а вѣдь нѣкогда и для него, рядомъ съ святынями грановитой палаты и Кремля, были святы права человѣка и ненавистна рука правительства, врывающаяся въ послѣднія твердыни личности, позоря ее насиліемъ, брѣя бороду сѣдому Хомякову, сбивая съ головы мурмолки и запрещаая, какъ *непристойность* — нашу патриотическую поддевку?...

Счастье, что “Москву” въ Турціи, кромѣ русскіхъ консуловъ, никто не знаетъ и не читаетъ, ну, а то, какъ неравно Садыкъ-наша укажетъ правосѣрному султану два православныхъ листа, а тотъ и начнетъ, во имя турко-любія и магометолюбія — изводить не только людей, но и языкъ греческій, и одежду, преслѣдовать взгляды, казнить надежды... Нѣтъ, не вы разобьете шатеръ вольнаго славянскаго союзничества —

съ помощью будочниковъ и полицейскихъ вбиваютъ не свая будущию—а оцѣниютъ мѣсто торговой казни.

Поюдите освобождать другихъ, начните съ самихъ себя, попарьтесь хорошенько въ банѣ, смѣните пару, другую, вѣшниковъ: на васъ слишкомъ много пезровщины и арактсевичины.

И вотъ отчето мы съ внутренней болью читаемъ въ иностранныхъ журналахъ о какомъ-то великомъ и сбыточномъ планѣ образоватъ, подъ опекой Россіи, дунайское союзническое государство, которое примыкаю—бы къ вольному городу Константинополю.

Мы объ этой федерации сами мечтали передъ Крымской войной, проповѣдывали объ ней, не смотря на смѣхъ съ обѣихъ сторонъ—и теперь вѣрнемъ въ нее, но это не дѣло руль домучивающихъ лежачаго врага, отнимающихъ у побѣжденнаго и слезы, и слова, и одежду сътованія...

Что въ самомъ дѣлѣ указывать на правительство, когда общество, когда *гласные* общественнаго мнѣнія доносятъ на то, что поляки говорятъ по польски и не смотрятъ влюбленными глазами—на русскихъ чиновниковъ?

Вотъ гдѣ тормазъ, останавливающий Россію, мѣшающій ей ринуться въ великое будущее, которое ей навязывается, мѣшающій ей великими дѣлами искупить старые грѣхи и заглохнуть свѣжия преступленія... Пѣтъ, не намъ водружать хоругвь освобожденія: ваша любовь полна ненависти!—И-ръ.

Пророкъ-издатель.

“Меркнетъ заря на Западѣ, брезжетъ заря на Востокѣ. Гаснутъ послѣдніе лучи древней славы и могущества Рима, и выступаетъ, изъ долгой ночи, *древняя слава и значеніе Царьграда*”. Такъ въ день богоявленія Господня провозвѣщаль Іезекіиль-Актаковъ, пророкъ-издатель и редакторъ “Москвы” въ Москвѣ.

Хороша будущность міра, печего сказать... изъ кроваваго Рима пасть въ подлую Византію, изъ инквизиціи—въ холопство, изъ общества холостыхъ поповъ—въ общество ве женатыхъ евнуховъ...

Въ чемъ *древняя слава Царьграда*? въ чемъ его *значеніе*, не турецкое, а византійское?—мы не знаемъ. Впрочемъ не слѣдуетъ забывать, что пророки, по общественному знанію своему, ясиѣ видятъ будущее, чѣмъ прошедшее. Къ тому же опи во всѣ времена любили стращать и юродствовать. Мессію-ли возвѣщаетъ пророкъ или Атигу, искупленіе или наводненіе, онъ равно пугаетъ современниковъ... и любитъ, что женщины бьютъ себя въ грудь, мужчины посыпаютъ голову пепломъ, а камни лежатъ около да плачутъ.

Нуужели такъ на роду написано, что вялое великое начинаніе яллется въ сопровожденіи великаго бреда?

Пророкъ-редакторъ “Москвы” знаетъ наше мнѣніе о Западѣ и о Папѣ, онъ тоже знаетъ нашу вѣру въ *будущую славу и значеніе* Россіи, но зачѣмъ-же онъ ея свѣжій, молодой полетъ усапашаетъ гробомъ новопленнымъ, въ котромъ долѣнаетъ заживо сгнившая Византія?..... Вѣдь и въ антиминсъ для повои церкви (беру нарочно сравненіе, дорогое благочестивому сердцу издателя-пророка) вшиваютъ частицы мощей какаго-нибудь святаго, а не грѣшнаго всѣми грѣхами, какъ Византія.

Великое счастье, что Россія избѣгнула римскаго крещенья и отравленныхъ даровъ католической церкви: мы это не сегодня стали говорить. Великій позоръ ждетъ Европу, если она вмѣсто Грековъ вступится за Турковъ. Великое дѣло сдѣлаетъ Россія, если протянетъ имъ руку—но—по оставте въ покоѣ Византію: изъ нечистыхъ могилъ падутъ только міазмы. Мы рускіе, а не греки du Bas-Empire, и горе намъ, если попадемъ прямо, изъ французской болѣзни, въ византійскую. По счастью оно и невозможно: все это “украшеніе въ стилъ”, какъ говаривалъ одинъ русскій генералъ въ 1848 году.

Вообще, надобно оставить мертвыхъ, если не занимаешься анатоміей, а го тотчасъ дойдешь до бѣды—и даже косвенно похвалишь императора Николая и Паскевича “исполнявшаго по *крайнему разумію*” его волю... какъ это сказано въ 2 № “Москвы”.

Даншилъ, если не былъ редакторъ, то былъ тоже пророкъ, а какъ себи держалъ отпослеть тогдашнихъ Николаевъ! И-ръ.

— *Перемѣна фамиліи*. Въ 33 № *Голоса* мы читаемъ: “Е. П. В., снисходя на всеподданнѣйшее прошеніе предсѣдателя Саратовской губернской земской управы, отставнаго поручика Михаила *Каракозова*, высочайше соизволивъ предоставить ему, вмѣсто настоящаго фамиліи, приять фамилію *Михайлова-Расловлева*”.

Мы полагаемъ, что послѣ этого будутъ также просить дозволенія на перемѣну фамилій: князя Барятинскіе, графъ Орловъ-Давыдовъ и гг. Тенловы, предки коихъ причинили Петру Ш *колику въ животъ* (см. Манифестъ 4 Іюля 1762), прекратившую его жизнь; также: князя Волконскіе, Путятинны, Яшеилин, графы Палены, Панины, Зубовы, Беннингсены, гг. Аргамаковы, Бологовскіе, Жеребцовы, Марипы, Муравьевы, Полтавскіе, Скарятинны, Талызины, Татарниковы, Уваровы, Ушаковы, Шубинны, предки коихъ причинили имп. Павлу *апоплексическій ударъ* (см. Манифестъ 12 Марта 1801), низведшіи его въ могилу.

Письмо полковника Савицкаго.

М. Г. Хотя на клеветы *Варшавскаго Дневника* самый лучший отвѣтъ—презрѣніе и молчаніе, но такъ какъ эту клевету повторили русскіе журналы, то считаю необходимымъ просить Васъ помѣстить въ *Колоколь* эти строки, чтобы бывшимъ друзьямъ моимъ въ Россіи, съ которыми я прервалъ всякія сношенія, не желая подвергать ихъ какому-либо неспріятельству, сказать: гдѣ я и что дѣлаю.

Оставивъ родину, вслѣдствіе проплагаго возстанія Польши, я поселился въ Швейцаріи и послѣ почти трехлѣтняго, безвыѣднаго пребыванія въ Женевѣ приобрѣлъ Швейцарское гражданство. Въ прошломъ Ноябрь мѣсяцѣ я получилъ отъ друзей моихъ приглашеніе прибыть въ Галицію, для занятія кафедры математики и химіи. Газеты обманули меня, увѣряя что Австрія вновь стала конституціоннымъ государствомъ. Я отправился; но лишь явился въ Галицію, меня арестовали, не смотря на мой швейцарскій паспортъ и обыскали самымъ тщательнымъ образомъ. Вслѣдъ за тѣмъ, мнѣ было объявлено, что хотя *апостольское* правительство ничего противъ меня не имѣю, но “изъ боязни русскаго правительства, которое старается приискать какую нибудь причину для ссоры съ австрійскимъ, считаетъ необходимымъ выслать меня изъ Галиціи, чтобы сдѣлать уютное Россіи”.

Обязанность *Варшавскаго Дневника*, клеветать на всѣхъ, къ кому неблаговолилъ русское правительство. Какъ старая пиявка дѣлаетъ, газетка эта рассказываетъ русскимъ журналамъ сказки объ ужасныхъ тайныхъ обществахъ, о поджигателяхъ, о всемірныхъ революціонерахъ, бѣданныхъ по свѣту съ пожарами, ядомъ и револьверами, а тѣ, зная очень хорошо, что это вздорная сказка, какъ дѣти повторяютъ “ахъ! какъ это ужасно! ахъ! какъ это ужасно!”

Примите увѣреніе и пр.—И. Савицкій.

продаются

БЫЛОЕ И ДУМЫ, ИСКЛАНДЕРА, (1848—1852). Томъ VI, Часть Iая—6фр. Часть IIая—3фр. Обѣ вмѣстѣ 8фр.

— Фотографическія карточки Пиксая Гавриловича ЧЕРНЫШЕВСКАГО продаются у фотографа Буассона, Boissonas, Genève, Place Bel-Air, 2. Цѣна карт. 1фр. 25с.

— *Слѣдующій 237 л. Колокола выйдеть 15 Марта.*

— *La feuille suivante paratra le 15 Mars.*

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 237.

15 МАРТА 1867.

Выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Подучается въ Вольной Русской Типографіи, 40, Rue-Évêque и въ главныхъ депо — у Г. Георга, 10, Corratierie, Genève; у Н. Трюбнера, 60, Paternoster Row, Londres. Цѣна за листъ 50 сантим. безъ пересылки. Прилагаемъ почтовой тарифъ :

Въ Германію	15с.
— Австрію	15с.
— Англію	15с.
— Бельгію	5с.
— Францію	5с.
— Италію	3с.
— Грецію (черезъ Марсель) ..	5с.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10с.
— Швецію	25с.
— Швейцарію	5с.

Paraît à Genève une fois chaque mois. Le dépôt principal est chez H. GEORG, à Genève, Corratierie, No. 10. A Londres, chez N. TRÜBNER et Co, 60, Paternoster Row. Le prix de chaque No. est de 50 centimes, le port de la poste non compris.

Tarif postal :

Allemagne	15с.
L'Autriche	15с.
Angleterre	15с.
Belgique	5с.
France	5с.
Italie	3с.
Grèce (voie de Marseille) ...	5с.
Turque et Princ. Danubiennes (voie de Marseille)	10с.
Suède	25с.
Suisse	5с.

ОГЛАВЛЕНІЕ : Общество поджигателей — Письмо изъ Петербурга (Окончаніе) — Частныя письма объ общемъ вопросѣ (Продолженіе). Смѣсь : Выписки

изъ русскихъ газетъ о просвѣщеніи и зѣлствѣ — Indér. Belge — Князя Мевшиковы — С. Я. Жемановъ и ссылка въ Тихомолку — Ощій фондъ.

Въ 46 № *Голоса* перепечатана статья изъ *Варшавскаго Дневника* о существованіи за границей общества зажигателей и поддѣльвателей русскихъ кредитныхъ билетовъ. Тамъ между прочимъ сказано : “Существованіе общества поджигателей, къ которому принадлежатъ Герцень и Бакупинъ съ шайкой, неопровержимый фактъ, а потому и было запесено въ всеподданнѣйшій отчетъ генераль-полицмейстера”...

Что сказать о правительствѣ, прибѣгающемъ къ такимъ средствамъ, о пегодяѣ генераль-полицмейстерѣ, падушемъ государя (Треновъ, что-ли это?...) и о пегодяѣ Краевскомъ, перепечатавшемъ эту пелѣную клевету?

Порядочные люди не повѣрятъ : до другихъ намъ дѣла пѣтъ. Мы уже отвѣчали Каткову на подобную клевету, и звали его на судъ : онъ отлынивалъ. Отлыниють и эти мерзавцы. Мы полагаемся на здравый смыслъ и на общественное мнѣніе, и съ глубокимъ презрѣніемъ смотримъ на то, что печатають : фельдмаршалъ Бергъ, генералы-полицмейстеры и литературный приставодержатель Краевскій.

Александръ Герцень.

Флоренція, 8 Марта 1867.

ПИСЬМО ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА.

(Окончаніе).

Партія олигарховъ состоитъ изъ многихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, нѣкоторыхъ капиталистовъ и небольшою числа ихъ кліентовъ и блюдолизовъ. Она хочетъ такой конституціи, въ которой вся власть была-бы сосредоточена въ рукахъ людей богатыхъ; дворянство стояло-бы отдѣльнымъ сословіемъ, съ особыми правами передъ прочими сословіями; крестьяне были-бы совершенно устранены отъ всякаго участія въ выборахъ; выборныя должности были-бы безвозмездными, и слѣдовательно доступными лишь людямъ богатымъ; наконецъ, изъ двухъ палатъ или думъ, одна-бы составлена была изъ членовъ потомственныхъ. Само собою разумѣется, что всѣ эти стремленія не высказываются явно, а тѣмъ менѣе печатно, но онѣ, подъ покровомъ извѣстныхъ припѣтыхъ фразъ, со-

ставляютъ суть желаній олигарховъ, которые особенно возмущаются мыслию о равноправности съ крестьянами, своими бывшими крѣпостными. Недавно, на обѣдѣ, въ Симбирскѣ, данпомъ по случаю открытія гимназіи чешаго пансіона, одинъ изъ дворянъ, говоря о своемъ сословіи и о крестьянахъ, воскликнулъ : *гусь свиный не товарищъ!* Идѣтъ, произнесшій эти слова, долженъ быть весьма симпатичнымъ газетѣ *Вѣсть*.

Долгое время партія эта, обильная людьми богатыми, но крайне бѣдная людьми способными, добивалась имѣть журналъ и писателей. Наконецъ, она принуждена была взять писакъ внѣ своего круга, и основала газетку *Вѣсть*, пошлаю и смѣшную. Нашелся Скарятинъ, человекъ занимавшійся дѣлами въ Сибири... Товарищемъ Скарятина, въ редакціи, былъ Юматовъ (третьяго дня съ нимъ разставшійся); Юматовъ, подъ псевдонимомъ *Китти*, писалъ о свѣтскихъ балахъ и праздникахъ, статейки, имѣвшія огромный успѣхъ въ кругу горничныхъ и буфетчиновъ.....

Газета *Вѣсть* была основана въ 1862 году, на деньги нѣкоторыхъ изъ олигарховъ : нынѣшнихъ петербургскихъ предводителей, губернскаго, гр. Орлова-Давыдова, и уѣзднаго, кн. Петра Никит. Трубецкаго; царскосельскаго предводителя Ал. Плаг. Платонова (сынъ извѣстнаго князя Зубова); Пнк. Ал. Безобразова, и другихъ. Безобразовъ, человекъ весьма не глупый, съ познаніями, по рѣшительности помѣшанный на дворянствѣ; ему все мерещится какая-то пебывалая русская аристократія; онъ пишетъ о *опьковлхъ* правахъ русскаго дворянства, которое еще сто пять лѣтъ тому пазадъ сѣбли публично, а съ тѣхъ поръ сѣбуть въ тихомолку въ тайпой полиціи. Графъ Орловъ-Давыдовъ считаетъ себя умнымъ человекомъ, потому что учился въ Эдинбургскомъ университетѣ и посѣщалъ Вальтеръ-Скотта въ замкѣ Абботсфордъ; тяжелый, умственно - неповоротливый, чванный, падутый, опь обладаемъ несчастною страстію произносить скучнѣйшіе спичи. Кн. Петръ Никит. Трубецкій не имѣетъ ни ума, ни дара слова, но выйдя за мужъ за богатую княжпу Бѣлосельскую, опь состоитъ подъ ея опекою; она, крошечная ростомъ, но исполнитъ честолюбіемъ, непремѣнно хочетъ играть роль, и цѣль ея — имѣть въ Петербургѣ вліятельный политическій салонъ.

Впрочемъ, большая часть крупныхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ паходятъ олигархическія стремленія — пельпыми, и принадлежать къ партіи конституціонной.

Олигархи, и съ ними, па этотъ разъ, за одно, и вся ретроградная партія, общими, дружными усилиями стараются замять дѣло о поддѣлкѣ кредитныхъ билетовъ въ обширномъ размѣрѣ, дѣло, въ которое замѣшано нѣсколько помѣщиковъ, въ томъ числѣ богатый помѣщикъ Екатеринославской губерніи, Иванъ Абрамовичъ Шаховъ, и двое бывшихъ уѣздныхъ предводителей : Плюмскій, Солнцевъ, и Бахмутскій, Гавриловъ. Судебный слѣдователь Июмскаго уѣзда, Лещинскій, прекрасно дѣйствовавшій въ этомъ слѣдствіи, боясь мщениа перешелъ на службу въ другую губернію, но лишь только прибылъ туда, умеръ отравленнымъ!!! Дѣло это докладывалъ въ Харьковской уголовной палатѣ товарищъ председателя, Цвѣтковъ, человекъ честный, и онъ потомъ поспѣшилъ уѣхать изъ Харькова, гдѣ ему угрожали смертію. Харьковская уголовная палата не польстилась па подкупъ, не убоилась угрозъ, и всѣхъ подсудимыхъ приговорила къ каторгѣ. Губернскій прокуроръ Браилко также дѣйствовалъ прекрасно. Но теперь дѣло перешло въ Сенатъ, и тамъ его будутъ всѣми силами стараться перевернуть или замять.....

Надобно теперь сказать нѣсколько словъ о славянофилахъ. Вы жили въ Москвѣ двадцать лѣтъ тому назадъ; вы помните, что при всѣхъ своихъ увлеченіяхъ, странностяхъ, подѣ часъ и юродствахъ, славянофилы принесли огромную пользу Россіи, тщательною и честною разработкою многихъ вопросовъ. Когда, въ 1858 году, эпоха дѣйствій и реформъ замѣнила эпоху кабинетныхъ работъ и словесныхъ прѣшній, славянофилы пристали къ константиновцамъ, и честно помогли имъ совершить дѣло освобожденія крестьянъ съ землею, тогда какъ олигархи до сихъ поръ еще не могутъ опомниться отъ отчаянія, что двѣ трети ихъ соотечественниковъ не были осуждены на голодный пролетариатъ. Въ ряды константиновцевъ вступили : кн. Владиміръ Ал. Черкасскій, самый способный изъ славянофиловъ, но не самый разборчивый, потому что во время его управленія, въ Варшавѣ, департаментомъ внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, *Дневникъ Варшавскій* продолжалъ подлѣйшимъ образомъ клеветать, и на польскую эмиграцію, и на русскую; Юрій Фед. Самаринъ, одинъ изъ способнѣйшихъ между славянофилами, и безспорно самый злой изъ нихъ; Ал. Ив. Кошелевъ, котораго никакъ нельзя назвать *не — виными*, потому что онъ разбогатѣлъ въ откупкахъ. Но Ив. Сер. Аксаковъ остался въ сторонѣ; мнѣнія его иногда достигаютъ до предѣловъ юродства, но непоколебимая независимость характера не допускаетъ его ни до малѣйшей уступки.

Вице-канцлеръ кн. Горчаковъ не принадлежитъ ни къ какой партіи : онъ стоитъ особнякомъ. Старецъ семидесятилѣтній, здоровье его, никогда не бывшее очень крѣпкимъ, примѣтно разрушается; въ послѣдніе годы, онъ удивительно перемѣнился и уналъ духомъ. Кинучая дѣятельность зрѣлаго возраста, такъ сказать метавшаяся во всѣ стороны, п доходившая до того, что во время пребывания (1827 — 1832) повѣреннымъ въ дѣлахъ во Флоренціи, его прозвали *le surchargé d'affaires de Russie* — уступила мѣсто полнѣйшему упадку духа. Въ настоящее время, старикъ лишь о томъ заботится, чтобы мирно дожить вѣкъ свой па министерствѣ злачномъ и покойномъ, избѣгая всякихъ тревогъ

и пелій, всякихъ заботъ, всякой войны, всякой конституціи, но сохрпяя и за собою и за правительствомъ — марево либеральности, и безмятежно бесѣдовать съ хорошепыми барынями, что весьма любитъ “князь Сердечкинъ”, какъ пазываютъ старика вице-канцлера. Онъ особенно прославился своими рѣзкими депешами къ Англіи и Франціи въ 1863 году, по поводу польскаго возстанія, по депешамъ этимъ были пущены уже въ то время : 1) когда Толлебенъ навѣрилъ его, что Кропштадтъ достаточно укрѣпленъ и не можетъ быть взятъ моремъ набѣгомъ; 2) когда онъ узналъ положительно, что Франція не рѣшится воевать безъ поддержки Англіи, и что Англія не хочетъ возстановаенія Польши, изъ боязни создать новую союзницу для Франціи; 3) что Австрія, въ двушпной политикѣ своей дотогѣ льстившая полякамъ надеждами, рѣшилась, видя ихъ беззащитность, преслѣдовать ихъ. Можно было похрабриться безопасно, п вице-канцлеръ ловко этимъ воспользовался. Но тутъ онъ началъ веревницу ошибокъ. Изъ боязни Пруссіи, которая, рано или поздно, не преминетъ предѣвить притязанія па Остзейскія губерніи, вице-канцлеръ допустилъ растерзать Данию, не предвидя, что два года спустя Даниа дастъ Россіи ея будущую императрицу; потомъ, изъ боязни Франціи, онъ допустилъ, вопреки всѣмъ договорамъ и вопреки самымъ элементарнымъ выгодамъ Россіи — не только сплотить Молдавію п Валахію во-едино, но еще обратитъ ихъ въ государство съ нотомственной династіею, да еще подѣ властію какого государя?... Католика! И это въ странѣ православной, въ странѣ, гдѣ православіе было, въ теченіи столѣтій вѣковъ, главнымъ щитомъ туземцевъ противъ мусульманъ, и на границѣ Россіи, для которой католичество есть главный врагъ, ея непримиримый врагъ! Плохой, весьма плохой политикъ былъ императоръ Николай; канцлеръ его Пессельродъ, нѣмецъ родомъ и душой, не былъ подобно кн. Горчакову, русскимъ и по рожденію и въ душѣ, но никогда Николай и Пессельродъ не допустили - бы подобной ошеухи для Россіи! Теперь и греки и славяне, подѣ игомъ турецкимъ, кипятъ пламеннымъ желаніемъ освободиться; стремленія ихъ встрѣчаютъ живѣйшее сочувствіе въ Россіи, во всѣхъ слояхъ общественныхъ, а вице-канцлеръ лишь дунаетъ, какъ-бы, если нельзя замять дѣло, по крайней мѣрѣ оттянуть его. Теперь, со стороны западныхъ державъ, дѣлаютъ Россіи предложеніе : требовать у Турціи разныхъ льготъ христіанамъ, но за то поручиться въ сохраненіи державы Оттоманской. Такимъ образомъ, Турція, по своему обычаю, все обѣщаетъ и ничего не исполнитъ, а Россія, вмѣстѣ съ прочими христіанскими державами, принуждена была-бы воспротивляться освобожденію христіанъ изъ подѣ ига мусульманскаго! Кн. Горчаковъ, вмѣсто того, чтобы это предложеніе, въ высшей степени лукавое и гнусное, отвергнуть немедленно, отвергнуть съ негодованіемъ, его обсуживаетъ и ведетъ на этомъ основаніи переговоры! Русскій посланникъ въ Вѣнѣ, гр. Стальбергъ, человекъ честный, очень умный и весьма способный, не взирая на свое остзейское происхожденіе искренно-преданный Россіи, недавно выразилъ свое сочувствіе Кандіотамъ, и за это получилъ замѣчаніе отъ вице-канцлера. Это тотъ самый гр. Стальбергъ, который, въ бытность свою посланникомъ въ Италіи, своею политикою умною, истинно русскою, значительно способствовалъ объединенію Италіи.

Зато Константинъ Николаевичъ пылаетъ желаніемъ войны:

во-первыхъ, чтобы вырвать иностранныя дѣла изъ рукъ кн. Горчакова, и на его мѣсто посадить кого нибудь изъ своихъ подручниковъ; а во-вторыхъ, въ надеждѣ, что при войнѣ, авось, гдѣ-нибудь, выпадетъ ему на долю кака-нибудь корона. Онъ не можетъ равнодушно вспомнить, что отецъ его дважды номѣнялъ ему сдѣлаться королемъ: въ 1849 году, королемъ Венгрии, когда Гѣргей и прочіе генералы венгерскіе предлагали ему корону св. Стефана, а въ 1852 году, королемъ Греческимъ, когда, въ бытность его въ Венециі, туда являлась, таинственно, депутація грековъ, предлагавшихъ королю Оттона свергнуть съ престола и возвести его на оный. Въ то время Головинъ уже бралъ уроки греческаго языка, но Николай Павловичъ слышать не хотѣлъ ни о какомъ переворотѣ, гдѣ-бы то ни было.

Вице-канцлеръ желалъ было воспротивиться балу, данному въ Петербургѣ въ пользу Кандіотовъ, балу, имѣвшему уснѣхъ самый блистательный, но принужденъ былъ уступить передъ влияніемъ Константина Николаевича и цесаревны, которая рѣшительно стала на сторону христіанъ восточныхъ, отчасти изъ желанія увеличить свою популярность, отчасти изъ дружбы къ брату своему, королю Эллиновъ. Общественное мнѣніе сильно возстаетъ въ пользу христіанъ восточныхъ; за нихъ стоятъ и конституціонисты, и константиновцы, и даже часть ретроградовъ; одни лишь олигархія, съ ихъ смѣлотною газетою *Вѣсть*, не сочувствуютъ имъ: вѣдь у грековъ, у сербовъ, у болгаръ, нѣтъ дворянства, нѣтъ касты, такъ можетъ-ли имъ сочувствовать органъ г. Святкина, порождающій смѣхъ когда трактуетъ о предметахъ серьезныхъ, и зѣвоту — когда хочетъ быть остроумнымъ. Ни одинъ разумный русскій не желаетъ, для Россіи, расширенія предѣловъ ея, и безъ того уже едва-ли не слишкомъ обширныхъ, особенно въ виду завоеваній сдѣланныхъ въ средней Азии, и завоеваній, можетъ быть, еще тамъ предстоящихъ въ слѣдствіе неотразимыхъ историческихъ судебъ Россіи, міровое призваніе которой состоитъ въ передачѣ просвѣщенія изъ Европы въ Азію. Но также ни одинъ разумный русскій не можетъ хладнокровно допустить, чтобы Дарданеллы, ключъ моря Чернаго, попали въ руки одной изъ большихъ державъ. Общественное мнѣніе въ Россіи желаетъ распадѣнія Европейской Турціи на нѣсколько державъ отдѣльныхъ, независимыхъ, по племенамъ. Пусть Греція присоединитъ къ себѣ Эпиръ, Эссалию, Албанію и всѣ острова Архипелагскіе съ Калдіей и Родосомъ; пусть Сербія присоединитъ къ себѣ Боснію и Герцеговину; пусть Болгарія станетъ отдѣльною державою, и Румынія сохранитъ свою независимость, только не подъ властію государя-католика... но Константинополь непременно долженъ сдѣлаться городомъ независимымъ и вольнымъ, а Дарданеллы должны быть навсегда открытыми и военнымъ и торговымъ судамъ всѣхъ странъ міра.

Константины Николаевичъ желалъ бы замѣнить князя Горчакова, или Головинымъ, или кн. Орловымъ (брюсельскимъ), или кн. Алексѣемъ Лобановымъ (бывшимъ посланникомъ въ Царьградѣ). Партія ретроградовъ желаетъ замѣнить Горчакова—Будбергемъ (парижскимъ), ярымъ ретроградомъ, энергическимъ, упрямымъ...

Горчаковъ до того боится слетѣть съ мѣста, что когда избранный имъ товарищъ, личный другъ его, Николай Мухановъ, произведенъ былъ въ первый придворный чинъ, что, по этикету, пессимѣстно съ званіемъ министерскаго

товарища, то Горчаковъ, изъ боязни, чтобы ему не подсунули челоуѣка, который могъ-бы сдѣлаться министромъ, поспѣшилъ, къ неопisanному изумленію всеобщему, взять себѣ въ товарищи незначительнаго чиновника, начальника своей канцеляріи, Вестмана, бюрократа малоспособнаго и пустѣшаго, давно гоняшагося за мѣстомъ посланника и никогда его не получившаго, а тутъ его вдругъ назначаютъ товарищемъ министра! По министерству и по Петербургу раздался всеобщій хохотъ!

Голосъ, журналъ константиновцевъ, сильно ратуетъ за войну; въ прошломъ Ноябрѣ онъ спрашивалъ правительство: неужели оно безсильно воевать? Горчаковъ требовалъ приостановленія *Голоса* на два мѣсяца, и Шуваловъ (Петръ IV) всегда готовый придавить гласность, настаивалъ на томъ-же. Валугевъ не хотѣлъ, не желалъ ссориться съ вел. княземъ, и представлялъ, что приостановленіе *Голоса* послужитъ въ пользу *Петербургскимъ Вѣдомостямъ*, прибавитъ имъ подписчиковъ. Надобно сказать, что *Петербургскія Вѣдомости*, журналъ либеральный, независимый, честный, именно по причинѣ своей честности и независимости не только не имѣетъ въ официальныхъ сферахъ поддержки, но еще тамъ встрѣчаетъ вражду, и потому принужденъ выражаться крайне осторожно, чтобы не наткнуться на запрещеніе. Честность и независимость его, которыя, въ конституціонномъ порядкѣ вещей, составляли-бы его силу, при самодержавіи являются причиною слабости; но всемогущій Шуваловъ заставилъ государя приказать приостановить *Голосъ* на два мѣсяца, а чтобы не обпаружить истинной причины тѣва, привязались къ статейкѣ, въ которой сказано было, что полицейскій мундиръ не пользуется въ Россіи уваженіемъ, (что ясно, какъ солнце). Константинъ Николаевичъ, узнавъ о приостановленіи своего *Голоса*, взбѣлся страшно, и выхлопоталъ отмѣну этого распоряженія; чтобы скрыть отъ публики закулисную придворную борьбу, объявили, въ новый годъ, общую амнистію всѣмъ журналамъ. *Голосъ* тотчасъ опять началъ проповѣдывать войну; Горчаковъ снова обратился къ Шувалову; требовалъ, чтобы по крайней мѣрѣ дали предостереженіе *Голосу*, но Шуваловъ, проученный опытомъ и не желая новой ссоры съ вел. княземъ, не хотѣлъ слышать о томъ. Вице-канцлеръ настаивалъ, но Петръ IV наклеилъ ему пось, и предостереженія не было дано.

У насъ, въ Петербургѣ, обезьяничаютъ съ Парижа; оттуда взяли систему газетныхъ предостереженій, и если-бы французскіе министры вздумали, входя въ залу своихъ совѣщаній, дѣлать антрша (entreschat), то несомнѣнно, что всѣ наши министры, собравшись въ засѣданіе, начали-бы свои совѣщанія — исполненіемъ антрша (не исключая и усоншаго Адлерберга)... Можно себѣ представить оцѣненіе нашихъ псевдо-государственныхъ людей, когда система предостереженій, два года тому назадъ ими принятая за конечный выводъ образованія и ума челоуѣческаго, вдругъ, въ Парижѣ, самимъ авторомъ своимъ объявлена несостоятельною! Этотъ законъ о печати составленъ былъ Головинымъ, въ то время министромъ просвѣщенія, но теперь константиновцы отрекаются отъ этого несчастнаго дѣла своего, и вѣрная служанка ихъ, *Indépendance Belge*, раза два въ недѣлю тычетъ въ Валугева упрекомъ, зачѣмъ онъ сочинилъ этотъ законъ, что несправедливо: законъ этотъ Валугеву былъ предписанъ, а онъ повиновался, по своему обычаю.

Теперь, въ Петербургъ и въ Москвѣ, очень заняты вопросом о театрахъ. Тридцатилѣтнее управленіе Геденова — которому званіе театральнаго директора доставило блестящую карьеру и познакомило его съ тузами — вверило театры въ страшный дефицитъ. Геденовъ держался покровительствомъ фельдмаршала Волконскаго и Дуббельта, особенно внимательныхъ въ балетному училищу; лишь только Дуббельтъ былъ удаленъ отъ дѣлъ, прислушались къ ревизовѣ театральныя счетовъ: оказался огромный дефицитъ. Геденова замѣнили Андреемъ Сабуровымъ (умершимъ въ прошломъ году), полагая, что человекъ, необъяснимыми догелъ путями наживший миллионы, обогатитъ театры. Оказалось, что и въ 1862 году, Сабуровъ хотѣлъ соблазнить дѣвцу изъ театральнаго училища; исторія надѣлала шума; Сабуровъ утѣшилъ дѣву, подаривъ 60,000 руб. с. одному изъ самыхъ влиятельнѣйшихъ лицъ при дворѣ, но императрица потребовала отрѣшенія Сабурова отъ управленія театромъ. На мѣсто его назначенъ былъ графъ Борхъ, знатный баринъ, вслѣдствіе отлично воспитанный, вѣжливости самой утонченнои, но администраторъ неспособнѣйшій, одинъ изъ тѣхъ баричей, которымъ судьба, съ рожденія ихъ, на лбу написана: «ты ни къ чему не способенъ; быть тебѣ оберъ-камергеромъ!» Театры пришли въ совершенный упадокъ, и поговариваютъ о назначеніи новаго директора: одинъ хотѣлъ Свен. Геденова, *достойнаго сына* бывшаго директора; другие гр. Алексѣя Толстаго. Тотстой человекъ умный, писатель не безъ дарованія — онъ близокъ къ государю, допускается въ самый интимный кружокъ императрицы (что въ Петербургѣ рѣдкость), и его объявляютъ великимъ писателемъ, а когда онъ получитъ чинъ тайнаго совѣтника, то будетъ произведенъ и въ генералы. У насъ все такъ дѣлается: Дмитрій Милютинъ, напримѣръ, издалъ, четырнадцать лѣтъ тому назадъ, прекрасную книгу: *Исторія войны 1799 года*, но онъ еще былъ въ то время полковникомъ; Академія наукъ и Московскій университетъ приняли его въ свои члены *теперь*, когда онъ сдѣлался полнымъ генераломъ и военнымъ министромъ! Одинъ мой знакомый говаривалъ: «въ Китаѣ есть пословица: чинъ чина почитанъ».

Для постановки драмы гр. Алексѣя Толстаго: *Смерть Иоанна Грознаго*, издержали 30,000 рублей сер. Мало того: нѣсколько времени тому назадъ, какой-то господинъ написалъ пустѣйшую пьесу: *Князь Серебряный*; графъ Борхъ, вовсе не знакомый съ литературою, а еще менѣе съ русскою, смѣшалъ пьесу съ романомъ гр. А. Толстаго: *Князь Серебряный*; принять его, столь интимнаго при дворѣ, за автора пьесы, и на постановку ея допустилъ издержать 8,000 р. с., тогда какъ для пьесъ хорошихъ, изящныхъ, отказываютъ въ издержкахъ подъ предлогомъ скудости казны!!!

Въ Москвѣ театръ идетъ также очень плохо. Начальникъ его, Вас. Сер. Пеклюдовъ, шурилъ министра юстиціи...

Если вы у меня спросите: кто бытъ-бы лучшимъ директоромъ театровъ: Степанъ Геденовъ или гр. Алексѣи Толстой? Я-бы вамъ отвѣчалъ: *оба хуже!* Театральная администрація уже явно выказалась не состоятельною; необходимо перейти къ системѣ свободныхъ театровъ; въ этомъ отношеніи, какъ и въ прочихъ, одна лишь свобода плодотворна: она все живить и все развиваетъ... Теперь хотѣтъ, и по справедливости, имѣть театръ народный: гдѣ-же бюрократамъ или придворнымъ баричамъ его устроить?...

Въ настоящее время, засѣдаетъ Финляндскій сеймъ, а у

насъ, русскихъ, слюнки текутъ по губамъ. Правительство, на прошломъ сеймѣ, было недовольно предсѣдателемъ, барономъ Гриненбергомъ, и на этотъ разъ назначило генерала Норденстамма. До сихъ поръ, въ Финляндіи, одни лютеране пользовались политическими правами — что нехорошо; теперь хотѣтъ распространять эти права на всѣхъ христіанъ, но почему-же только на христіанъ? Что религія имѣетъ общаго, не только съ гражданскими правами, но и съ личными качествами? Менерберъ и Мендельсонъ были евреи, а Видофъ и Леоптій Дуббельтъ были христіане!

Въ Финляндіи доселѣ существуетъ раздѣленіе сейма на четыре сословія; шведская система средневѣковая, отжившая, вполнѣ неудобная, и съ нынѣшняго года отмѣненная въ Швеціи, гдѣ ее замѣнили двумя палатами съ выборами безсословными...

Какъ ни вертись петербургское правительство, какія штуки оно ни выкидываетъ, но неминуемо придетъ оно къ банкротству, если не дастъ Россіи конституціи, а этой послѣдней все таки ему не миновать послѣ банкротства! Разница въ томъ лишь, что теперь отъ правительства зависитъ начертать конституцію, а послѣ банкротства — Земство возьметъ себѣ такую, какую захочетъ. Кто поживетъ — увидитъ.....

Вотъ статья Аксакова въ 18 № журнала *Москва*, о которой мы упоминали въ прошломъ листѣ *Колокола*:

«Мы получили предостереженіе. Мы, можетъ быть, получимъ и другое, потомъ и третье; можетъ быть и оба разомъ за двѣ статьи въ одномъ No. Могутъ и совѣтъ запретить нашу газету. Оно всегда возможно и всегда неожиданно. Можетъ ничего этого и не случится и мы просуществуемъ благополучно. Мы тутъ ничего не знаемъ, ничего не можемъ. Наша газета не оффиціальная и не оффицозная. Мы не уполномочены выражать только правительственныя мнѣнія. Намъ не вѣнялось въ обязанность разсматривать предметы единственно съ правительственной точки зрѣнія и говорить чужимъ голосомъ. Мы даже откровенно и прямодушно заявили въ 1 No нашей газеты, что будемъ высказывать только наши мнѣнія и нашимъ голосомъ, не смотря на то — совпадаютъ или не совпадаютъ онѣ съ мнѣніями правительственными. Мы не получили за такое заявленіе никакого предостереженія; мы въ правѣ даже считать нашу программу одобренною... Навлекать на себя предостереженія мы не желаемъ, но мы не властны и предотвратить ихъ. Намъ не чѣмъ руководиться; намъ ничего не указано, чтобы мы могли принимать въ соображеніе. Намъ указаны основныя положенія въ Сводѣ Законовъ, но за нарушеніе ихъ мы подвергаемся суду, а не предостереженію. Мы суду не преданы, потому что мы дѣйствительно не выступили изъ предѣловъ должнаго уваженія къ основнымъ началамъ нашего законодательства. Мы подверглись только административной карѣ. Но предоставляя право административной кары личному «усмотрѣнію» министра внутреннихъ дѣлъ, законъ не опредѣлилъ никакихъ внѣшнихъ признаковъ, по которымъ можно бы было избѣгать этой кары. Законъ логиченъ. Вначѣ и быть не можетъ, личное усмотрѣніе не претусматривается. Мы безирекословно покоряемся такому законному порядку вещей и всѣмъ происходящимъ изъ него послѣдствіямъ, но устранить отъ себя эти послѣдствія мы не въ силѣ. Намъ не дано проникать ни въ чей образъ мыслей, или предугадывать чье либо усмотрѣніе. Намъ не дано даже и отгадывать настоящее значеніе кары, налагаемой по усмотрѣнію. Намъ объявлено предостереженіе, это правда, въ которомъ указаны основанія, но извлечь для себя изъ этого указанія какое-либо руководство на будущее время — мы затрудняемся. «Принято въ соображеніе», что статья наша въ 8 No. «исполнена рѣзкихъ и сужденій о существующихъ у насъ отношеніяхъ между церковью и правительствомъ». Сужденія названы рѣзкими, но они не названы неправильными, или неумѣстными или неопозволительными по существу. Дѣло идетъ, стало быть, объ одной рѣзкости. Мы признаемъ, что она рѣзка, мы обязаны это признать, хотя бы были лично и другаго мнѣнія. Но мы не знаемъ — потому ли наши сужденія рѣзки, что рѣзка заключающаяся въ нихъ и предостереженіемъ не отрицаемая правда, или эта квалифікація относится только до рѣзкости выраженій. Мы бы желали знать, но не знаемъ, какъ опредѣлить для себя степень рѣзкости дозволенной и недозволенной, и что собственно обязаны мы почитать рѣзкимъ или не рѣзкимъ. Мы не имѣемъ камертона, съ которымъ могли бы согласовать звукъ нашего голоса, еслибы даже этого и хотѣли. Если же наши сужденія правильны по существу — а они не признаны неправильными — и только рѣзки по выраженію, то усмотрѣнію

административной власти подлежат, следовательно, и литературная форма. Мы желали бы исполнить требования власти, но мы опасаемся явиться непослушными, если намъ не будетъ сообщено нормальной литературной формы и указаний официального камертона. Намъ поставлено также въ вину, что мы допустили «и оумѣстныя отзывы о такихъ сношеніяхъ высшихъ, духовныхъ и гражданскихъ властей, о которыхъ редакціи могли бы сообщены только частныя, неполныя или невѣрныя свѣденія». Отзывы наши найдены административною властью неумѣстными. Мы не имѣемъ права не соглашаться. Они неумѣстны. Но для нашего отраженія на будущее время, намъ полезно было бы знать, потому ли они неумѣстны, что основаны на частныхъ и непереносимыхъ свѣденіяхъ и были ли бы они уместны, еслибы основаны были на несомнѣнныхъ и документальныхъ данныхъ? .. Намъ обвиняютъ въ томъ, что мы, говоря о сношеніяхъ властей, поюлились на частныя, неполныя и невѣрныя свѣденія. Но мы и отнеслись къ этимъ сношеніямъ какъ къ слухамъ и высказали свое мнѣніе только условно. Мы бы съ величайшею благодарностью напечатали опроверженіе этого слуха, еслибы намъ было сообщено, что онъ ложенъ. Наши свѣдѣнія названы неполными и невѣрными. Мы не преклономъ приговору власти, но это не устраняетъ нашего недоумѣнія. Мысль о панихидѣ по Кандидатамъ принадлежитъ намъ. Мы просили отслужить панихиду, намъ было сказано, что препятствій не предвидится, и мы оновѣ тили въ своей газетѣ, что панихида тогда-то будетъ; потомъ намъ было объявлено, что есть препятствіе и панихиды не будетъ; потомъ, за нѣсколько часовъ до обѣдин, намъ было объявлено, что препятствіе устранено и что панихида будетъ. Мы очень рады впрочемъ, что, основываясь на предостереженіи, можемъ объявить наши извѣстія невѣрными. Мы вовсе не желаемъ распространять невѣрныхъ свѣденій, но мы не можемъ не желать также, чтобы намъ было разъяснено—зъ чѣмъ они невѣрны и въ чѣмъ неполны.

«Намъ нѣтъ ни удовольствія, ни выгоды подвергаться административной карѣ. Но намъ не можетъ быть извѣстно — когда и за что мы получимъ предостереженіе. Мы принуждены идти на угадъ. Мы преклоняемся передъ закономъ; мы не осуждаемъ и не хвалимъ своего положенія. Но мы не можемъ не спросить себя: благоприятно ли такое положеніе для искренности печатнаго слова? Если оно благоприятно, то нѣтъ и рѣчи. Если же неблагоприятно, то кто же тутъ наиболѣе теряетъ, на кого неискренность публичнаго слова ложится всею своею невыгодой?»

ЧАСТНЫЯ ПИСЬМА ОБЪ ОБЩЕМЪ ВОПРОСѢ.

(Письмо между четвертымъ и пятымъ).

Вовсе я не оставляю моего намѣренія, въ рядѣ писемъ, изложить вамъ главныя теоріи социализма; но мнѣ кажется, что въ прошлыхъ письмахъ я не кончилъ моего предварительнаго разговора съ вами; я думаю, что еще разъ вставка необходима — я желалъ-бы въ ней провѣрить наши наблюденія надъ современной общественностью и ея отношеніями къ социальной задачѣ. Эта вставка не отвлечетъ насъ отъ нашего общаго вопроса; напротивъ того, она забѣжитъ впередъ, придвинетъ насъ къ искомымъ выводамъ и, не смотря на опасность повтореній, необходима именно потому, что не уяснивъ заранѣе отношеній современной общественности къ социальной задачѣ—едва-ли мы можемъ выработать себѣ вѣрный взглядъ и на самыя социальные теоріи.

Самое слово теоріи нѣсколько пугаетъ своею отвлеченностью; а устранить его нельзя даже изъ практической жизни, гдѣ теорія является какъ приложение извѣстныхъ понятій къ общественной дѣятельности. Существенную разницу вы встрѣтите только въ направленіи теорій, изъ которыхъ одно можетъ быть чисто догматическое, гдѣ предписывается предположенное построение, по которому общественная жизнь *должна бы* развиваться; а другое, соединяя въ опредѣленную группу всѣ существующія общественныя элементы и стремленія, заключаетъ о ихъ цѣли и о практическихъ возможностяхъ ея достиженія. Если теорія перваго разряда можетъ бросить міру яркую мысль, которая только впоследствии, перерабатываясь, войдетъ новымъ элементомъ въ общественную жизнь—то мы должны простить ей неприложимость къ ея современности и даже ея неприложимость

вообще; польза ея вліянія все-же не пропадаетъ. Теорія втораго разряда, выводя общественныя отношенія къ социальной задачѣ и къ существующимъ даннымъ, имѣетъ въ виду постановку возможностей дальнѣйшей общественной перестройки (реформы).

Впрочемъ, я вѣрю, что не вы испугаетесь слова—теорія и не вы захотите упрекнуть насъ, что мы кромѣ теорій ничего не высказывали и никогда не объясняли какого дѣла мы ждемъ и хотимъ въ настоящее время—*особенно для Россіи**. Это побуждаетъ меня еще разъ подтвердить съ вами теорію, которая опредѣлила-бы отношеніе современной общественности къ социальной задачѣ и яснѣ поставила вопросъ возможностей русской перестройки.

Если вы припомните мое первое письмо къ вамъ, гдѣ я взялъ въ основаніе, что цѣнность равна *труду и вещи*, то мы легко заключимъ, что человѣкъ долженъ пользоваться вещью, къ которой прилагаетъ свой трудъ, владѣть вещью въ силу, т. е. по мѣрѣ своего труда. Для того, чтобы *каждый* человѣкъ могъ пользоваться вещью по мѣрѣ своего труда, частная собственность должна перейти, *ликвидироваться* въ собственность общественную, которая одна способна дать пользованіе каждому. Этого понятія не можетъ избѣгнуть никакая социальная теорія, въ какия-бы уклопенія она ни впадала, потому что это понятіе составляетъ основное отношеніе къ социальной задачѣ всякой общественности, исторически развившейся до необходимости перестройки. Этого понятія практически не можетъ избѣгнуть и никакая существующая общественность, какъ-бы она ни скрывала его, даже отъ собственнаго сознанія, подъ старыми формами и затверженными словами.

Пойдемте далѣе. Ликвидация частныхъ собственности въ собственность общественную и пользованіе каждымъ — не можетъ совершиться помимо ликвидации поземельной собственности; напротивъ того, только съ поземельной собственности можетъ начаться эта ликвидация. Иначе—съ чего бы она началась?

Если-бы она началась съ ликвидации частныхъ движимыхъ имуществъ (капиталовъ) въ общественную собственность и пользованіе каждымъ, оставляя недвижимую вещь — землю — въ частной собственности, ликвидация не могла-бы совершиться: самое основное начало всегда оставалось-бы не ликвидированнымъ; следовательно все остальное мѣнялось-бы только *относительно* этого *начальнаго конца*, какъ его координата, и оставляло-бы ликвидацию частной собственности въ собственность общественную и пользованіе каждымъ — недостижимымъ идеаломъ. Впоследствии мы встрѣтимся съ социальными теоріями, которыя ставили задачу въ освобожденіи, въ отрѣшеніи работника отъ земли и въ ассоціаціи независимой отъ поземельнаго владѣнія. Но мы не должны забывать, что земля есть также вещь, къ которой трудъ необходимо приложимъ, и что мы не можемъ, относительно земледѣльческаго вопроса, избѣгнуть социального разрѣшенія соединенія въ одни руки труда и пользованія вещью; что земледѣльческая артель (община) такое-же живое дѣло, какъ и всякая поземельческая (ремесленная, движимая) артель; и еще болѣе, что точкой отправления можетъ быть только

* Вспомните, что въ началѣ изданія «Колокола» — мы работали, почти исключительно, для практической цѣли освобожденія крестьянъ съ землѣю; а это освобожденіе начато, но еще далеко не кончено, теорія и практика этого дѣла — далеко не исчерпаны.

земледельческая артель, потому что без ликвидации частной поземельной собственности, остальная ликвидация невозможна. Ассоциационные попытки движимых артелей могут принести свою огромную пользу, но не привлекут частной собственности к ликвидации и, без перехода частной поземельной собственности в собственность общественную, не могут служить основанием стройной общественной (перестройки). Очевидно—пересоздание “старого Адама” не может совершиться иначе, как ставя в своем начале ликвидацию частной поземельной собственности.

Так перестройка и *началась* в России. Как-бы неопредѣленно она ни была поставлена, сколько-бы сущность дѣла ни скрывалась под старыми формами и затверженными словами—но все-же она *началась* и остановиться не может. Я тѣмъ болѣе скажу, что она остановиться не может, что бывшее отношеніе цѣнностей подорвано и дальнѣйшее экономическое движеніе — или приведетъ къ совершенному упадку и раззоренію, или должно пересоздать общественныя отношенія. Я думаю, что Россія имѣетъ еще довольно силы, чтобы—вмѣсто раззоренія—перейти къ перестройкѣ.

Можетъ быть, вы меня спросите — что я понимаю подъ тѣмъ, что бывшее отношеніе цѣнностей подорвано? Да то, что доля частной поземельной собственности перешла въ руки труда, въ его общественную собственность и пользование каждаго, и будетъ совершенно ликвидирована въ данное число лѣтъ. Доля же осталась частной собственностью, нуждается въ трудѣ, лишена дѣйствительной производительности и ведетъ своихъ владѣльцевъ къ раззоренію. Обѣ противоположныя постановки поземельной собственности станутъ необходимо мѣшать другъ другу; освобожденіе крестьянъ не можетъ считаться совершеннымъ и перестройка необходимо поставитъ себя цѣлью окончательную ликвидацию частной поземельной собственности въ собственность общественную.

Замѣйте, что казна (правительство) недавно отпустила на волю съ землею (надѣлами) своихъ, такъ называемыхъ государственныхъ крестьянъ* и такъ-же не довершила дѣла, какъ и при освобожденіи крѣпостныхъ помѣщичьихъ, т. е. доля казенной поземельной собственности ликвидируется въ собственность общественную, доля остается частной казенной собственностью. Такимъ образомъ казна ставитъ себя на правахъ частнаго землевладѣльца, но тѣмъ не менѣе, фактически признаетъ ликвидацию своей собственности въ собственность общественную — необходимою задачею русской перестройки.

Сверхъ того, это доказываетъ огромную разницу между общественной поземельной собственностью (которая въ своей полной законченности можетъ быть только суммой общинныхъ владѣній) и собственностью казенной, въ которую частныя собственности никогда не могутъ ликвидироваться. Назовите казну какъ хотите : казною, правительствомъ, царѣмъ, императоромъ, etc.—все-же она непосредственно пользоваться всею землею не можетъ; у нея на это рукъ нѣтъ. Для своего пользованія она должна поставить посредствующихъ агентовъ, т. е. чиновниковъ, которые долю продавали бы въ народное пользованіе, долю обрабатывали, хотя-бы наймомъ, въ пользу казны, долей пользовались-бы сами. Это значило-бы, подъ особыми условіями, переменить владѣніе частныхъ собственниковъ на владѣніе казенныхъ

чиновниковъ, то есть, въ сущности значило-бы—ничего не переменить,* оставить цѣнность фальшивого и соединеніе вещи и труда въ одни руки и пользование каждаго матеріаломъ по мѣрѣ труда — дѣломъ невозможнымъ. Очевидно, что ликвидация частныхъ собственности въ собственность казенную (даже, при странномъ предположеніи, что казна можетъ служить посредствующимъ звеномъ для перехода въ общественную собственность) не представляетъ никакой необходимости, и что, напротивъ того, перестройка требуетъ равно ликвидации и частной и казенной собственности въ собственность общественную.

Отъ этого то народъ, въ сущности, не можетъ примириться ни съ помѣщичьей, ни съ казенной (императорской) собственностью и властью. Но онъ, совершенно рационально, начинаетъ бороться съ первой, ибо она первая на пути, подлежащая движенію. Онъ даже, инстинктивно, беретъ себя императорскую власть въ помощь въ своихъ начинаніяхъ перестройки, въ своихъ попыткахъ ликвидации частной собственности, равно путемъ революционнымъ и путемъ экономическимъ. Послѣдній путь является только теперь; по народныя стремленія къ перестройкѣ, дѣло не новое и всегда начинались съ попытокъ сдвинуть частную поземельную собственность. Вспомните, что сама Пугачѣвщина дѣйствовала подъ знаменемъ царской власти, (законной или незаконной — все равно) и вамъ не покажется удивительнымъ, что, при экономическомъ пути ликвидаций, народъ движется тѣмъ же способомъ, т. е. употребляетъ, въ пользу ликвидации частной поземельной собственности въ собственность общественную, знамя императорской власти. Но это отношеніе не доказываетъ возможности народнаго примиренія съ казенной поземельной собственностью и отношеніемъ къ чиновничьей, вообще къ казенной (императорской) власти. Тѣмъ болѣе это примиреніе невозможно, что теперь само правительство указываетъ народу, и еще вдобавокъ искажая свое указаніе новымъ притѣвленіемъ, что онъ имѣетъ право на ликвидацию казенной собственности въ собственность общественную.

Ближайшій выводъ изъ всего сказаннаго — тотъ, что отнынѣ первый вопросъ, являющійся на пути русскаго развитія — это вопросъ права малоземельныхъ и безземельныхъ на заселеніе огромной доли частной и казенной поземельной собственности, еще не поступившей въ ликвидацию для перехода въ собственность общественную.

Теперь, мнѣ кажется, мы довольно ясно опредѣлили основное экономическое отношеніе русской перестройки къ социальной задачѣ и приходимъ къ другому вопросу : какимъ образомъ народное право на заселеніе земель, не поступившихъ въ ликвидацию, придетъ къ своему практическому осуществленію? Тутъ невольно является необходимость разбора современной русской дѣйствительности — сопоставки сословныхъ отношеній, и положенія правительства, и значенія новыхъ учреждений, и дѣла молодого поколѣнія и всѣ вопросы, естественно примыкающіе къ социальной задачѣ.

Какъ это не трудно — попытаемся.

И. Огаревъ.

(Продолженіе впереди).

* Замѣйте въ Россіи постоянный, нисколько не пзмѣняющій дѣла, переходъ помѣщичества въ чиновничество и на оборотъ — чиновничества въ помѣщичество и ихъ нераздѣлимое тожество.

* Мы говорили объ этомъ узаконеніи въ 233 & 234 л. “Колокола”.

СМЪСЪ.

Мы находимъ въ русскихъ газетахъ впеваанный выходъ въ отставку шести профессоровъ : Соловьева, Бабста, Чичерина, Дмитриева, Канустина и Рачинскаго. Причина такой впеваанной отставки неизвѣстна. Неужели правительство нашло ихъ слишкомъ либеральными? Или и они не выдержали гнета либеральнаго русскаго правительства?

Кстати къ вопросамъ университетовъ и просвѣщенія, мы находимъ, что вопросъ о производимомъ обученіи въ частныхъ домахъ студентами университетовъ и гимназистами былъ представленъ на блиносмотрѣніе *Государя Императора**. (Москва № 37, по словамъ *Петер. Вѣд.*) :

“Его величество, соизволивъ признать полезнымъ допустить въ существующемъ законѣ о домашнихъ учителяхъ нѣкоторыя измѣненія и дополненія, которыя должны имѣть цѣлью, съ одной стороны, возможное облегченіе недостаточныхъ родителей въ способахъ воспитанія ихъ дѣтей, а съ другой — предоставленіе родителямъ на лежащаго удостовѣренія въ томъ, что принимаемые ими въ свои семейства молодые люди совершенно благонадѣжны. Желая исполнить эти высочайшія указы, министерство народнаго просвѣщенія составило проектъ правилъ, которые и прироводило на обсужденіе въ университеты. Въ московскомъ университетѣ, какъ извѣстно, проектъ этотъ не былъ одобренъ. Киевскій университетъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ :

“Въ видахъ облегченія недостаточныхъ родителей въ способахъ воспитанія ихъ дѣтей и въ при каіи домашнихъ учителей, съ одной стороны, не воспрепятствовать студентамъ университетовъ заниматься обученіемъ въ частныхъ домахъ, а съ другой — предоставить попеченію родителей и опекуновъ, какъ непосредственную заботу о благонадѣжности принимаемыхъ ими домашнихъ учителей, такъ и надзоръ за добросовѣстнымъ выполненіемъ этими учителями своихъ обязанностей”.

Вотъ бы и все; все удовлетворены совершенно просто — и студенты, и родители, и опекуны и дѣти. Но не тутъ было! Слѣдующія положенія противурѣчатъ этому началу свободного образованія и вводятъ полицейскія постановленія, нахлупшія третьимъ отдѣленіемъ. Вотъ онъ :

“1) Для руководства родителей и опекуновъ, желающихъ для своихъ дѣтей выбрать домашнихъ учителей изъ среды студентовъ, возложить на университетское начальство, тѣмъ изъ студентовъ, которые заявятъ желаніе заниматься обученіемъ въ частныхъ домахъ и будутъ найдены благонадѣжными, по просьбѣ ихъ, выдавать особыя свидѣтельства, которыя впрочемъ, должны имѣть характеръ свидѣтельствъ не разрѣшительныхъ, а рекомендабельныхъ.

“2) Свидѣтельства эти могутъ быть двоякаго рода : а) на первоначальное обученіе, т. е. обученіе чтенію, письму и ариметикѣ, и на рещиторство, и б) на обученіе въ частныхъ домахъ наравнѣ съ домашними учителями.

“Гдѣ и другія свидѣтельства должны быть выдаваемы за подписью ректора университета и только такимъ студентамъ, которые своимъ поведеніемъ не потеряли довѣрія университетскаго начальства.

“Свидѣтельство выданное студенту, можетъ быть отъ него отобрано, если онъ своимъ слѣдующимъ поведеніемъ утратитъ довѣріе университетскаго начальства.

“О такихъ молодыхъ людяхъ, которые послѣ поступленія въ студенты, окажутся въ виду гражданскаго начальства неблагонадѣжными, полиція обязана сообщить ректору университета для того, чтобы преградить такимъ лицамъ полученіе рекомендабельныхъ свидѣтельствъ на домашнее въ частныхъ домахъ обученіе”.

— Въ *Одескомъ Вѣстникѣ* разсказанъ слѣдующій случай изъ дѣятельности земскихъ учрежденій :

“Одно изъ многочисленныхъ уѣздныхъ собраній окончило свои засѣданія 12 Октября; кони со всѣхъ его постановленій отиравлены были въ губернскую управу 20 Октября, для заглашенія о пуждахъ уѣзда и для выраженія, на ряду съ прочими уѣздами взгляда собранія по вопросамъ, отнесеннымъ къ разряду губернскихъ. Губернское собраніе, приступивъ къ занятіямъ 28 Октября, не нашло въ своей канцеляріи постановленій упомянутого нага уѣзднаго собранія. Казалось бы, слѣдовало потребовать разъясненія, куда могли дѣваться результаты трудовъ очереднаго уѣзднаго собранія? А между тѣмъ, гг. гласные отъ того уѣзда и весь составъ губернскаго собранія отнеслись совершенно равнодушно къ тому, что цѣлый уѣздъ de facto былъ утравченъ

* Пора бы, кажется, перестать писать “Государь Императоръ”, а только одно изъ двухъ. Чтѣ сказали бы во Франціи, если бы, вмѣсто *l'Empereur*, стали писать *Monsieur l'Empereur*, или въ Германіи *der Herr Koenig*? Вѣдь вся бы публика разохоталась.

отъ участія въ подачѣ своего мнѣнія, на ряду съ прочими членами той — лю семьи. Впослѣдствіи оказалось, что все постановленія ободеннаго земскаго собранія пролежали, съ 16 Октября по 10 Ноября въ губернской почтовой канторѣ, за неявкою получателя, извѣщеннаго повѣсткою еще 17 Октября”.

Но въ *Одескомъ Вѣстникѣ* разсказаны и другіе любопытные случаи. На примѣръ :

“Одесская обща думъ, въ виду полезной дѣятельности мѣстнаго брантъ-майора Садыкова и недостаточности получаемого имъ содержанія, положила прибавить ему одновременно 1156 р. Градоначальникъ отвѣтилъ на это, что, на основаніи 1142 и 1143 ст. Ш т. Св. Зак., сужденіе о трудахъ и достоинствахъ чиновника и удостоеніе его наградою зависитъ отъ непосредственнаго его начальства, а по ст. 1131 всякое приношеніе отъ общества и сословій, подъ какимъ бы то видомъ ни было, лицамъ должностнымъ — запрещается. Затѣмъ, такъ какъ Садыковъ состоитъ подъ начальствомъ полицмейстера, “отъ котораго не послѣдовало засвидѣтельствованія объ отлученіи службы Садыкова, ни объ удостоеніи его наградою”, то градоначальникъ не считаетъ себя въ правѣ утвердить приговора думы; что-же касается до увеличенія содержанія вообще должности брантъ-майора, то обща думъ въ правѣ сдѣлать это увеличеніе, съ утвержденія начальства, но безъ различія лица занимающаго должность. Не смотря на такое недобротелательство къ г. Садыкову, общество, разсмотрѣвъ статью закона, которая, какъ оказалось, къ дѣлу не относилась, рѣшилось остаться при своемъ мнѣніи и предложенный расходъ въ 1156 р. въ росписъ внести”.

Одесскому градоначальнику, по случаю увеличенія промышленности и народонаселенія — будто бы увеличенія и числа преступленій, вдумалось, для предупреденія и пресѣченія оныхъ учредить адресный столъ и требовать, для учрежденія и содержанія онаго при его канцеляріи, отпуска изъ городскихъ суммъ 5,000 руб. сер.—

“Обща думъ единогласно, положила : вопросъ объ ассигнованіи денегъ на адресный столъ отложить до полученія данныхъ, “изъ коихъ можно было бы вывести убѣжденіе о необходимости его учрежденія”.

Мѣстная администрація не внушаетъ, слѣдовательно, отчужденнаго довѣрія.

А вотъ остальное уже нѣсколько по хуже :

“Одесская городская дума разсматривала докладъ комиссіи о росписи. Между прочимъ, прочла требованіе министерства внутр. дѣлъ — о высылкѣ туда, къ 1 Февраля 1867 г., 4 т. руб. изъ одесскихъ городскихъ суммъ, на удовлетвореніе расходовъ по министерству. “Изъ доклада комиссіи, сказалъ тогда одинъ гласный, вытекаетъ, что къ обязанностямъ города не относится удовлетвореніе расходовъ по министерству внутреннихъ дѣлъ, между тѣмъ изъ требованія министерства надо заключить, что городъ обязанъ нести этотъ расходъ; и еудобно, послѣ такого требованія, не вносить его въ росписъ, по слѣдуетъ ходатайствовать, чтобы на будущее время отъ расхода этого былъ городъ освобожденъ.” — “Одно изъ двухъ”, замѣтилъ другой гласный. “или городъ обязанъ нести расходъ : тогда надо вносить его въ росписъ, или не обязанъ : тогда и ходатайствовать не о чемъ” — “Да какимъ образомъ расходъ этотъ палъ на обязанность города, не объяснитъ ли комиссія !” — говоритъ 3-й гласный. Оказывается, что статья этого расхода вписана была въ росписъ на основаніи предложенія товарища министра внутреннихъ дѣлъ, еще въ 1864 г., что это послѣднее предложеніе относилось только къ расходу на 1865 годъ, и что поэтому вносить его въ росписъ на 1867 г. комиссія сочла уже не нужнымъ. Распорядительная дума другаго основанія къ расходу, кромѣ вышеприведеннаго, не представила. “Значитъ, мы должны давать деньги неизвѣстно на что и на какомъ основаніи,” замѣтилъ, послѣ этого, одинъ гласный. “Вѣроятно есть основанія”, отвѣтилъ ему другой, “боль скоро министерство говоритъ, что опредѣлено отнести на городскія суммы.” Затѣмъ заключеніе комиссіи дума отвергла (за него было 23 голоса противъ 19) и слѣдующее постановленіе было написано : “Согласно требованію министерства внутреннихъ дѣлъ — внести въ росписъ на 1867 г. 4 т. рублей, на удовлетвореніе расходовъ по сему министерству, по вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду, что города обязаны нести тѣ только расходы, которые опредѣлены закономъ (ст. 1—5 т. XII уст. гор. хоз.), и что въ числѣ расходовъ, лежащихъ по закону на обязанности г. Одессы (узакоп. 24 Ноября 1834 г. и 22 Юня 1859 года) нѣтъ издержки на удовлетвореніе расходовъ по министерству внутреннихъ дѣлъ, — поручить распорядительной думѣ ходатайствовать, чтобы на будущее время Одесса была освобождена отъ настоящаго расхода.”

Но за то как же не увидеть при всем этом необходимости падения указа 21 Ноября, падении правительственного вмешательства въ дѣла земства и — необходимой пріятности поѣзди министра внутреннихъ дѣлъ за границу. Особенно, если мы къ этому присовокупимъ:

Намъ habeas corpus и личную безопасность. Московскій оберъ-полицменстеръ объявляетъ слѣдующее дѣло и высочайшее повелѣніе содержателямъ гостиницъ: “Предоставить московск. генералъ-губернатору содержателей гостиницъ изобличенныхъ въ неоднократномъ нарушеніи правилъ дѣла объявленія о прибывающихъ на житье и пр., закрывая ихъ заведенія, *высылать ихъ во внутреннія губерніи, или если эти лица иностранцы — за границу*”.

А виновать въ этомъ не одинъ моск. оберъ-полицменст., ибо “въ № 13 Собранія уаконовъ и распоряженій правительства напечатаны слѣдующіе указы:

“Донесеніе министра внутреннихъ дѣлъ правительствующему сенату — по дѣлу о введеніи въ городахъ Рязань и Екатеринославль, денежнаго штрафа съ домо-владельцевъ и управляющихъ домами за необъявленіе полиціи о прѣзжающихъ и отъѣзжающихъ.

“1. Донесеніе министра внутреннихъ дѣлъ правительствующему сенату: — о введеніи въ городъ Козловъ денежнаго штрафа съ домохозяевъ за необъявленіе полиціи о прѣзжающихъ и отъѣзжающихъ.”

А впрочемъ, чтожъ тутъ и говорить, когда это высочайшая воля.

— *Въстовой походъ противъ гласности изъ глубокаго уваженія къ ней:* “При всемъ глубокомъ уваженіи нашемъ къ гласности, при всемъ желаніи ей широкаго развитія въ нашемъ отечествѣ, вышеприведенный фактъ наводитъ насъ на вопросъ: полезно - ли для дѣла гласности и справедливо - ли печатать и оглашать на всю Россію собственныя имена и фамиліи лицъ въ скандальныхъ процессахъ, да и вообще въ процессахъ? Желательно бы знать, какъ думаетъ объ этомъ наша публика и журналистика. Види, если лицо, привлеченное къ процессу по постыдному факту, оказалось невиннымъ и оправдано, какъ князь Мещерскій, то э что же еще прибликовать его имя и фамилію во всеобщее свѣденіе, въ связи съ такимъ фактомъ, какъ покража трехъ школъ?...”

Мы совершенно согласны, что публиковать можно только имена крестьянъ, мѣщанъ, купцовъ и разночинцевъ — а ужъ никакъ не имена графовъ, князей и бароновъ.

— *Indépendance Belge, 8 Марта (№. 67),* сообщаетъ слѣдующую корреспонденцію изъ Петербурга: “Мы не ошиблись, настаивая въ нашемъ прошломъ письмѣ, на важность послѣдствій, которыя вызоветъ рѣшеніе правительства прекратить самостоятельность нашего земства, и на неизбежную необходимость правительства возвратиться къ болѣе кроткимъ мѣрамъ. Дѣйствительно, прекращеніе петербургскаго земства остановило всѣ торговыя и промышленныя дѣла, пачатая многими капиталистами съ земствами другихъ провинцій. Мы уже говорили въ одномъ изъ прежнихъ писемъ, что земства приняла на себя постройку разныхъ вѣтвей желѣзныхъ дорогъ и что всѣ начинанія шли какъ нельзя лучше. Вдругъ — все остановилось. Русскіе и иностранные капиталисты, вступавшіе въ контракты съ земствами, совершенно справедливо задали себѣ вопросъ: гдѣ же гарантія условій, когда земская самостоятельность провинцій можетъ быть прекращена просто императорскимъ указомъ? Поэтому прекращеніе петербургскаго земства естественно имѣло вліяніе и на остальные финансовыя предпріянія, болѣе или менѣе связанныя съ предпріятіями земства. Дѣло стало чрезвычайно важно, и правительство пришло къ вопросу: не будетъ-ли уничтоженіе указа, прекращающаго самостоятельность нашего земства — единственнымъ способомъ поправить зло, причиненное рѣшеніями, немножко необдуманнми?”

Удивительны пути русскаго правительства для поправленія своихъ разстроенихъ финансовъ!

— *Князя Меншиковы.* Замѣчательно, что врагами Россіи надо считать не одно польское шляхетство, но и столько же, если не больше, и русское помещицество. Выписываемъ изъ № 51 *Голоса* — примѣръ того, что въ самомъ дѣлѣ значитъ вообще баринъ относительно народа:

“Приводимъ здѣсь слѣдующій утѣшительный фактъ, относящійся къ дѣлу народнаго образованія. Готландскій подданный, Францъ Яковлевичъ Блессъ, желая способствовать дѣлу народнаго образованія въ Ростовскомъ уѣздѣ, пожертвовалъ на устройство при савинской волости, марковскомъ приходѣ, школы 2,000 руб., изъ каковой суммы употребилъ 450 руб. на покупку для школы дома въ селѣ Василевѣ бывшего князя Меншикова и проданнаго симъ послѣднимъ на съезъ, и, затѣмъ, при заявленіи представилъ въ уѣздную управу удостовѣреніе въ покупке дома и деньги 1,550 руб. Въ заявленіи его сказано: школа устроивается для дѣтей обоаго пола, къ которымъ бы они селеніямъ ни принадлежали; правомъ бесплатнаго обученія должны пользоваться дѣти рабочихъ, находящихся на суконной фабрикѣ г. Высоцкаго. Расходование денегъ, для отдылки и содержанія школы, по его заявленію, должно производиться тремя выборными отъ обществъ: василевскаго, савинскаго и марковского, съ тѣмъ, чтобы предполагаемые расходы первоначально покрывались волостнымъ правленіемъ, а самый расходъ контролировался управою. Часть дома, для сокращенія расходовъ, предложено имъ отдавать за плату подъ помѣщеніе волостнаго правленія. Избраніе учителей изъ свѣдѣнниковъ или старшинскихъ лицъ зависить отъ приговора селеній савинской волости, дѣти которыхъ будутъ учиться въ школѣ. Самый приговоръ черезъ управу долженъ представляться въ училищный совѣтъ. Уражденіе училища допускается при совершенномъ недостаткѣ дальнѣйшихъ средствъ къ содержанію, и тогда инициативка школы обращается въ общій капиталъ народнаго образованія. Зависнне заканчивается желаніемъ, чтобъ ростовская земская управа отнеслась къ князю М. меншикову съ просьбою уступить для школы десятину или полторы земли, гдѣ расположено домъ, съ цѣлью дать дѣтямъ въ свободное время занятіе разведеніемъ небольшого сада. Управа при заявленіи приняла отъ Ф. Я. Блессъ деньги 1,550 руб. сер. и, въ то же время, предписала савинскому правленію предложить обществамъ: савинскому, василевскому и марковскому назначить трехъ выборныхъ для произведетва необходимыхъ и распоряженій въ постройкѣ и для устройства всего нужнаго для школы, а къ князю Александру Сергѣевичу Меншикову отнеслась съ просьбою не отказать, изъ оставшейся за надѣломъ крестьянъ земли въ его распоряженіи, пожертвовать подъ школу до двухъ десятинъ, дабы тѣмъ сократить непродуцительный расходъ на перенесеніе купленнаго дома, причемъ надѣлась, что въ подобной жерявѣ не встрѣтитъ отказа отъ известнаго своимъ просвѣщеніемъ князя А. С. Меншикова; но отвѣты получены неудовлетворительные. Савинскій старшина увѣдомилъ, что крестьяне отказались назначать выборныхъ изъ опасенія, что дальнѣйшее содержаніе школы вадеть тогда на ихъ отвѣтственность, а князь Меншиковъ письменно выразилъ нежеланіе дробить землю и измѣнять между, причемъ указалъ, что, впроятно, жертву земли подъ школу не трудно будетъ сдать временно-обязаннымъ ему крестьянамъ селца Василева. При личномъ свиданіи съ г. Блессъ, отвѣты савинскаго правленія и князя Меншикова ему были предъявлены, и онъ словесно просилъ представить собранію объ опредѣленіи порядки, которымъ можетъ быть въ скорѣйшемъ времени приведено въ исполненіе его желаніе устройства школы, причемъ присовокупилъ, что, въ случаѣ недостаточности средствъ на дальнѣйшее содержаніе ея, онъ оставляетъ за собою право дать дальнѣйшее пособіе”.

А между тѣмъ мы имѣемъ достовѣрное свѣдѣніе, что кн. Алекс. Серг. Меншиковъ имѣетъ годоваго жалованья до 25,000 руб. сер. и дохода своего болѣе 60,000 руб. сер. (шестьдесятъ тысячъ руб. сер.), а единственный сынъ его, Владиміръ, имѣетъ болѣе 150,000 руб. сер. дохода.

Кажется, какъ бы не поступиться двумя десятинами!

— *С. Я. Жемановъ.* Мы сей часъ получили свѣденіе, что преслѣдуемый правительствомъ за небывалыя политическія преступленія, С. Я. Жемановъ — благополучно прибылъ за границу.

— *И. В. Альбертини и П. Л. Лавровъ* сосланы: первый въ Архангельскъ, второй въ Вятку. Безъ суда, въ тихомолку, такъ называемымъ административнымъ порядкомъ идутъ въ ссылку русскіе литераторы.

— Въ *Общій фондъ* изъ Италіи прислано 25 франковъ.

ПРОДАЮТСЯ

БЫЛОЕ И ДУМЫ, ИСКАНДЕРА, (1848—1852). Томъ VI, Часть Iая—6фр. Часть IIая—3фр. Обѣ вмѣстѣ 8фр.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré-l'Evêque, Genève.

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 238.

1 АПРѢЛЯ 1867.

Выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré-l'Evêque и въ главныхъ депо — у Г. Георга, 10, Corraferie, Genève; у Н. Грюбнера, 60, Paternoster Row, Londres. Цѣна за листъ 50 сантим. безъ пересылки.

Прилагаемъ почтовой тарифъ :

Въ Германію	15c.
— Австрію	15c.
— Англію	15c.
— Бельгію	5c.
— Францію	5c.
— Италію	3c.
— Грецію (черезъ Марсель) ..	5c.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10c.
— Швецію	25c.
— Швейцарію	5c.

Paraît à Genève une fois chaque mois. Le dépôt principal est chez H. GEORG, à Genève, Corraferie, No. 10. A Londres, chez N. GRÜBNER et Co., 60, Paternoster Row. Le prix de chaque No. est de 50 centimes, le port de la poste non compris.

Tarif postal :

Allemagne	15c.
L'Autriche	15c.
Angleterre	15c.
Belgique	5c.
France	5c.
Italie	3c.
Grèce (voie de Marseille) ...	5c.
Turquie et Princ. Danubiennes (voie de Marseille)	10c.
Suède	25c.
Suisse	5c.

ОГЛАВЛЕНІЕ : Копчина М. В. Петрашевскаго — На площади Св. Марка — Двѣ рѣчи гр. А. П. Шувалова — Пройдохи въ Россіи. Смѣсь : Пѣвъ русскихъ газетъ :

Дѣло крестьянки Волоховой, Пропажя 40,000 десят. земли, 1,500,000 пуд. соли и 100,000 пуд. казен. желѣза — Прогрессъ въ гласности — Стелла-Савицкій.

МИХАИЛЪ ВАС. БУТАШЕВИЧЬ-ПЕТРАШЕВСКІЙ скороноснѣжно скончался 6 Декабря 1866 года, въ селѣ Бѣльскомъ, Енисейскаго округа, 45^{ти} лѣтъ*.

Да сохранить потомство память челоуѣка, погибшаго, ради русской свободы, жертвой правительственныхъ гоненій.

Мы просимъ о доставленіи вамъ его біографіи.

НА ПЛОЩАДИ СВ. МАРКА.

Мы выходили, нѣсколько челоуѣкъ, изъ дома, гдѣ останавливался Гарибальди въ Венеціи. Одинъ итальянецъ, пріятель времени Римской республики 1848 года, отойди со мной подъ арку, какъ-то таинственно сказалъ миѣ : “У меня на душѣ вопросъ, сильно занимающій меня”.

— Что такое?

— Скажите миѣ, скажите откровенно, я васъ прошу объ этомъ, потому что самъ пахожусь въ тревожномъ сомнѣніи, что вы со стороны Грековъ и Славянъ?

— Да какъ же иначе... вы меня знаете не со вчерашняго дня?

— Оно такъ... по... вѣдь какъ тамъ хотите, вы все-жѣ будете на одной дорогѣ, встрѣтитесь съ русскимъ правительствомъ...

— Вы ошибаетесь, не мы встрѣтимся съ русскимъ правительствомъ, а русское правительство съ нами... да и не съ одними нами, а и съ Гарибальди, вы слышали?

— О да... да...

Пожалуй найдутся и русскіе, которые спросятъ, что *Колоколъ*, съ турецкой или съ греческой стороны? Мы ни разу не говорили ни о Критскомъ возстаніи, ни о Славянскомъ движеніи, но теперь пора и намъ сказать за кого мы. Мы вполнѣ, безусловно за Грековъ, хотищихъ слиться съ Греками; за Славянъ, стремящихся освободиться отъ чужаго ярма. Мы также горячо и искренно желаемъ имъ успѣха, какъ желали для католической, не русской Польши отдѣленія ея отъ Россіи.

* По официалнымъ извѣстіямъ 60 лѣтъ, но это неправда.

Двухъ мѣрь* у насъ пѣтъ, наши убѣжденія не зависятъ ни отъ географической долготы и широты, ни отъ патриотической алчности и скондомства, а потому-то мы также братски привѣтствуемъ Грековъ на Критѣ, какъ привѣтствовали въ 1863 году Поляковъ на Вислѣ.

И—ръ.

ДВѢ РѢЧИ ГРАФА А. П. ШУВАЛОВА.

Одинъ изъ пріятелей нашихъ доставилъ намъ панечатаппыя въ Берлинѣ : *Двѣ рѣчи гр. А. П. Шувалова*, произнесенныя имъ въ петербургскомъ земскомъ собраніи по поводу закона 21 Января. Мы перепечатаываемъ ихъ здѣсь. Политическія мнѣнія наши во многомъ расходятся съ мнѣніями графа, но мы не можемъ не отдать полной справедливости его энергіи и гражданскому мужеству, качествамъ, къ сожалѣнію столь рѣдкимъ между нашими земляками, которые отважно идутъ на встрѣчу нулямъ и пушкамъ, а трусятъ передъ неудовольствіемъ правительства и передъ гнѣвомъ тайной полиціи.

I.

Въ засѣданіи 7 Января.

Мм. Гг.,

“При открытіи Сессіи, почтенный нашъ предсѣдатель высказалъ ту мысль : что Земскія Учрежденія уже тѣмъ припосагъ

* въ русскихъ газетахъ повторена новость изъ Патраса о томъ, что “Кандіотскіе инсургенты, повашіеся въ плѣнъ къ туркамъ, освобождены Отоманскимъ правительствомъ”. Мы не сочувствуемъ турецкимъ расправамъ, намъ противно анахроническое существованіе въ Европѣ этого народа, съ его религіознымъ и всякимъ застоємъ, съ его узкой, закабаленой совѣстью, съ его безнадежностью выйти изъ своего “домостроя”, но тѣмъ не меньше нельзя не улыбнуться при мысли, какъ неловко было читать эту новость обществу, бражничавшему въ честь Муравьева (доказавшаго впоследствии, что онъ былъ толы о туной извергъ, безъ всякихъ способностей) и его журнальнымъ лейбъ-трубачамъ въ родѣ Каткова. Неправославный обладатель православныхъ понимаетъ, что инсургентовъ, взятыхъ въ плѣнъ, съ оружіемъ въ рукахъ, нельзя ни судить плащъ-маюрами и всякой гарнизонъ, ни вѣшать, ни разстрѣливать, ни посылать на каторгу... а благосопитанный, благогерманизированный, благовѣрный и благочестивый самодержецъ всея Россіи—не понимаетъ этого. Только стирая мрачные слѣды недавнихъ гоненій и преслѣдованій, можемъ мы, честно и прямо глядя, явиться помощниками правому дѣлу. Безъ раскаянія и отрѣченія отъ муравьевскаго гноя, мы представимъ на востокѣ противное зрѣлище какого-то кроваваго паяца, у котораго одна ластовка сшита изъ указовъ о ссылкахъ за мысль, а любовь къ своему краю, а другая изъ благородныхъ сочувствій къ освобождающимся Грекамъ и всѣмъ Славянамъ—и не Полякамъ.

вѣрную пользу Россіи, что правительственные мѣры подвергаются гласному обсужденію въ нашихъ собраніяхъ и тѣмъ самымъ могутъ быть оцѣнены болѣе основательно общественнымъ мнѣніемъ. Конечно, оно такъ, но невозможно однаковъ не замѣтить, что правительственные мѣры приняты обсуждаются нами только тогда, когда онѣ уже появились въ формѣ Закопположеній, выработанныхъ, до появленія ихъ въ окончательной этой формѣ, не только безъ нашего содѣйствія, но и безъ нашего вѣдома... въ таинѣ канцелярии.

“Смѣю думать даже, Мн. Г., что эта несоотвѣтственность способа составленія Закопновъ съ способомъ ихъ примѣненія, является одной изъ страннѣйшихъ особенностей переходнаго нашего времени, а также и не малымъ препятствіемъ, какъ для государственныхъ, такъ и для общественныхъ дѣятелей.

“Мы отвѣтственны передъ нашими довѣрителями въ полезномъ, то есть въ сознательномъ примѣненіи Закопновъ, мы обязаны вникать въ ихъ настоящій духъ, понимать ихъ настоящую цѣль, а между тѣмъ мы остаемся чужды и тѣмъ побудительнымъ причинамъ и тѣмъ дающимъ, при которыхъ они составлены.

“Правительственные же органы лишаются подотвѣтнаго содѣйствія людей заинтересованныхъ, и общественнаго мнѣнія, тогда именно, когда это содѣйствіе можетъ быть для нихъ и руководителемъ и подспоріемъ; понятно, что они уже смотрятъ на наши сужденія, какъ на безплодную и раздражительную критику совершившихся фактовъ.

“Эти мысли невольно вызываются Закономъ 21-го Ноября, какъ по его особому значенію, такъ и по той, если могутъ такъ выразиться, поразительной неясности, съ которой онъ былъ выпущенъ на свѣтъ... Прихожу къ вопросу.

“Законъ 21 Ноября произошелъ, какъ мы видимъ изъ соглашения двухъ правительственныхъ органовъ, министра финансовъ и министра внутреннихъ дѣлъ; онъ и долженъ разсматриваться съ двухъ сторонъ: 1) чисто денежной, 2) возбуждающей общегосударственный вопросъ. Денежная сторона Закона проситъ, г. министръ финансовъ защищаетъ тутъ внѣшній доходъ; но было бы еще проще прямо вамъ сказать, что въ настоящемъ ихъ положеніи, финансы государства не въ состояніи выдержать въ пользу земства какое либо уменьшеніе въ важнѣйшихъ изъ государственныхъ доходовъ. Вѣроятно мы бы поторговались съ г. министромъ, по уже такъ давно въ Россіи привыкли сморѣть на кабакъ, какъ на неприкосновенное сокровище, какъ на краеугольный камень государственнаго хозяйства, что я не сомнѣваюсь, Мн. Г., что мы бы все и безъ большаго ропота поборились необходимости, выказанной намъ откровенно и ясно.

“Правительство предпочло идти другимъ путемъ и возбудить общегосударственный вопросъ введеніемъ въ систему Земскихъ налоговъ новаго начала, и тутъ явствуетъ уже влияние г. министра внутреннихъ дѣлъ.

“Управа наша, въ своемъ докладѣ, выказываетъ намъ весьма дѣльно и ясно всю несправедливость установленія высшей нормы налога, въ видѣ привилегій, для нѣкоторыхъ только предметовъ; но слѣдуетъ прибавить, что эта мѣра распространена и на все предметы обложенія, представляется, если не столь несправедливой, то во всякомъ случаѣ еще болѣе несостоятельной, уже потому, что безъ предварительнаго установленія высшихъ нормъ государственныхъ и мѣстныхъ расходовъ, установленіе высшей нормы обложенія,

не можетъ быть ничто иное, какъ бессмыслица или явный обманъ.

“Однаковъ, я вполне готовъ согласиться съ г. министромъ, что полезно и даже необходимо, чтобы въ Россіи, какъ и въ другихъ благоустраенныхъ государствахъ, для всехъ предметовъ обложенія устанавлилась-бы законодательнымъ порядкомъ нормальная пропорція ихъ участія въ исправленіи налоговъ и повинностей. Конечно, оно далеко отъ высшей нормы обложенія введенной Закономъ 21 Ноября, но и тутъ я готовъ видѣть лишь не совершенно удачную попытку примѣненія принципа, вполнѣ хорошаго; тѣмъ не менѣе, какъ-бы ни была легка, и даже кратковременна сдѣланная ошибка, она уже имѣла весьма важныя и неблагопріятныя послѣдствія...

“Введеніемъ новыхъ привилегій, относительно налоговъ, поставлено значительное препятствіе скорѣйшему разрѣшенію вопроса, требующаго однаковъ неотлагательно этого разрѣшенія и зачатого уже почти повсемѣстно въ Россіи, а именно: преобразованію на болѣе справедливыхъ основаніяхъ, натуральныхъ повинностей, лежащихъ столь тяжелымъ бременемъ на крестьянскомъ состояніи.— Возбужденъ горячливо вопросъ существенный, важнѣйшій для всего государства, когда того не требовала немедленная практическая необходимость.

“Еще до начала дѣйствія Земскихъ Учрежденій, безграничное почти право Земскихъ Собраній устанавливать и разпредѣлять налоги, было предметомъ опасенія для многихъ изъ насъ, мы опасались влияния личныхъ интересовъ... возбужденія корыстныхъ страстей... но не нами загнута этотъ вопросъ... по чему же? — Призывая чрезмѣрнымъ, право предоставленное у насъ мѣстнымъ собраніямъ, мы однаковъ не считаемъ возможнымъ, съ пользою для края, передать это право какому-либо изъ государственныхъ учреждений, существующихъ нынѣ въ Россіи... Мы ожидали отъ времени эту возможность и ожидали, долженъ сказать, терпѣливо, отчасти потому, что между тѣмъ вопросъ выработывался на практикѣ; но преимущественно потому, что опыты научили насъ довѣрять благоразумно краю, и я здѣсь не упущу данный мѣ случай, не сказавши, что сравнительная малочисленность случаевъ, гдѣ чрезмѣрное это право употребилось во зло, можетъ служить лучшимъ отвѣтомъ на возгласы тѣхъ недоброжелателей, или клеветниковъ русскаго народа, которые сомнѣваются или приговариваются въ томъ, что они сомнѣваются въ его зрѣлости для самоуправленія.

“Въ заключеніе скажу, Мн. Г., что по моему крайнему убѣжденію, вопросъ возбужденный Закономъ 21 Ноября, поднятъ преждевременно; но когда онъ однажды поднятъ, то долженъ быть разрѣшенъ окончательно и удовлетворительно. Разрѣшенъ же онъ можетъ быть удовлетворительно только совокупными трудами администраціи и Русскаго Земства; впрочемъ, я не предлагаю немедленно собранію обратиться съ ходатайствомъ въ этомъ смыслѣ, но предоставляю себѣ просить слова еще разъ до окончанія преемій по предмету Закона 21 Ноября.

II.

Въ засѣданіи 10 Января.

Мн. Г.,

“Предметъ, занимающій насъ сегодня, уже былъ рассмотрѣнъ, можно сказать, всесторонне, какъ въ здѣшнемъ, такъ

и въ другихъ Земскихъ Собраніяхъ, и наконецъ въ печати, и я постараюсь не употребить во зло ваше терпѣніе. Я возвращусь къ Закону 21 Ноября, и отчасти въ сказанному мною въ другомъ засѣданіи, но на столько лишь, на сколько оно мнѣ будетъ необходимо, чтобы мотивировать то предложеніе, на которое я желалъ-бы васъ склонить, Мм. Гг.

“Поборники Закона 21 Ноября, по крайней мѣрѣ большая часть изъ нихъ, видятъ въ немъ безборыстное отцовское попеченіе и заботливую защиту противъ нашихъ увлеченій какихъ-то угнетенныхъ жервъ, въ число которыхъ они помѣщаютъ даже и насъ самихъ.

“То значительное мѣсто до 75%, которое занимаютъ въ нашихъ раскладахъ, въ нашихъ смѣтахъ обязательные расходы, и тотъ незначительный процентъ земскихъ сборовъ, который остается на необязательные расходы, представляются прямымъ опроверженіемъ подобнаго возрѣнія и достаточнымъ доказательствомъ того, какъ мало мы виновны въ увлеченіяхъ нашихъ бюджетовъ, а также и того, что, если дѣйствительно наши карманы нуждаются въ защитѣ, то во всякомъ случаѣ не противъ насъ самихъ; я прибавлю, что министръ финансовъ, должно быть, нѣсколько озадаченъ и крайне удивленъ тому рыцарскому характеру, который придается тутъ его мѣропріятіямъ.

“Нѣтъ, Мм. Гг., никто не заботится о сбереженіи нашихъ кармановъ, впрочемъ, кому до нихъ и дѣло! Законъ 21 Ноября, имѣетъ въ виду обезпеченіе государственныхъ доходовъ и съ этой цѣлью имъ и разграничиваются, на болѣе точныхъ основаніяхъ, источники на покрытіе общеправительственныхъ потребностей отъ источниковъ на покрытіе мѣстныхъ нуждъ. Справедливость и здравый смыслъ заставляютъ меня призвать, что въ законѣ этотъ принципъ вѣренъ. Но замѣйте, Гг., одинъ только принципъ!

“Повсемѣстно, по крайней мѣрѣ во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ, существуютъ подобныя раздѣленія на самыхъ положительныхъ основаніяхъ и понятно, что не могутъ быть довольно ясны, довольно строгіе законы, на которыхъ устанавливаются, какъ основаніе податей, такъ и распредѣленіе и порядокъ ихъ употребленія.

“Понятно также, что этими законами ограждаются интересы правительственный, мѣстный и частный, а потому я считаю несправедливымъ ставить Закону 21 Ноября въ упрекъ, то, что онъ излишне защищаетъ общедминистративные интересы противъ нашихъ увлеченій. Но мы въ правѣ сожалѣть, что одновременно не защищается мѣстный интересъ отъ административныхъ увлеченій и точно также интересъ частный отъ увлеченій, какъ однихъ, такъ и другихъ.

“Повторяю, не вѣрны въ Законъ 21 Ноября, примѣненіе и развитіе принципа разграниченія интересовъ, на которомъ онъ основывается, но самъ принципъ совершенно вѣренъ и потому я не предложу вамъ, Мм. Гг., ходатайства объ отгмѣнѣ этого Закона. Я считалъ-бы подобный исходъ затруднительнымъ и даже нежелательнымъ; я полагалъ-бы болѣе полезнымъ ходатайствовать о его пересмотрѣ и развитіи, конечно на началахъ равноправности и огражденія правъ правительственныхъ, мѣстныхъ и частныхъ.

“Если-бы правительство уважительно подобное ходатайство и пришлось-бы привести въ исполненіе то, что я предлагаю; конечно, подобный трудъ, предоставленный Земству, будетъ вѣроятно одностороннимъ, но предоставленный администра-

ции, онъ будетъ менѣе одностороннимъ. Естественный способъ достиженія удовлетворительнаго результата было-бы: предоставить это дѣло общимъ силамъ и совместному труду, какъ административной власти, такъ и Земства Русскаго. Говорю Земства Русскаго потому, что вопросъ разработанный отдѣльно, но разными Губернскими Собраніями, можетъ имѣть тотъ-же самый недостатокъ, т. е. быть односторонне разработаннымъ.

“Я не намѣренъ входить въ большія подробности о порядкѣ исполненія предлагаемаго мною ходатайства; оно своевременно можетъ быть рассмотрѣно людьми болѣе компетентными, если только ходатайство будетъ уважено, но долженъ прибавить еще одно слово и повторить уже сказанное мною здѣсь въ другомъ засѣданіи: давно мною не въ насъ въ Земствѣ озабочены проблемой существующимъ въ нашихъ установленіяхъ, тѣмъ именно, что не основаніе, не распредѣленіе, ни даже порядокъ употребленія налоговъ нашихъ, не опредѣлены на совершенно прочныхъ законныхъ основаніяхъ, но никто изъ насъ не возбуждалъ до сихъ поръ этого вопроса,—мы ожидали!... не видя въ государственномъ строю такихъ учрежденій, которыя могли-бы удовлетворительно разработывать подобныя вопросы. Я это повторилъ сегодня, Мм. Гг., чтобы обратить еще разъ вниманіе на то, что вопросъ поднятъ не нами, а самимъ правительствомъ. Но разъ поднятъ вопросъ первостепенный, существенный для всего края, онъ не можетъ остаться не разрѣшеннымъ окончательно, и въ такомъ случаѣ откровенность становится для насъ исполненіемъ прямого долга нашего, нашей даже самой простой обязанности, какъ бы на насъ ни смотрѣли: представители-ли мы народныхъ интересовъ, или довѣренныя исполнители воли и мысли правительства, по выраженію представителя правительственной власти при открытіи сессіи,—этотъ долгъ я и постараюсь исполнить по силамъ.

“Предложеніе графа Шувалова было окончательно формализовано и принято въ слѣдующемъ видѣ: Гласный графъ Андрей Павловичъ Шуваловъ предлагаетъ Собранію ходатайствовать о пересмотрѣ и развитіи Закона 21 Ноября 1866 года, на началахъ равноправности и огражденія правъ всѣхъ и каждаго совокупными силами и одновременнымъ трудомъ центральной Администраціи и Земства”.

ПРОЙДОХИ ВЪ РОССІИ.

Французъ д'Аллоувиль, долго жившій въ Россіи, пишетъ въ своихъ запискахъ: “Россія — обѣтованная земля для шарлатановъ и пройдохъ, на все готовыхъ, облеченныхъ въ броню начальства и дерзости: имъ часто везетъ гораздо болѣе, чѣмъ честнымъ людямъ. Бывшій лакей выдалъ себя гавъ за потомка знаменитой фамиліи де-Линьи-Люксенбургъ, угасшей за нѣсколько вѣковъ тому назадъ; ему повѣрили и дерзкій самозванецъ пользовался покровительствомъ императрицы Маріи Федоровны и Елисаветы Алексѣевны”. (Mémoires secrets de 1770 à 1830, par le comte d'Allonville, tome V, page 83).

Мы читаемъ въ № 60 Голоса:

“21 Февраля, въ католической церкви, что на Невскомъ Проспектѣ, происходило, съ приличнымъ церемоніальномъ, погребеніе отставнаго русской службы майора, бывшаго въ послѣднее время городничемъ въ городѣ Лугѣ, 85-ти-лѣтняго графа Лудовика Карловича де-Линьи-Люксенбургъ. Графъ Люксенбургъ прибылъ въ Россію въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія

съ отцомъ своимъ, графомъ Карломъ де-Линьи-Люксенбургомъ, бывшимъ полковникомъ королевской французской службы при Людовикѣ XVI и послѣднимъ представителемъ младшей линии некогда знаменитаго герцогаго дома той-же фамилии, изъ котораго четыре человека, именно: Карль IV, Генрихъ VII, Вячеславъ и Сигизмундъ, были германскими императорами; изъ этого же дома происходилъ извѣстный полководецъ, маршалъ Люксенбургъ, Герцогъ Монморанси. Будучи командиромъ одного кавалерійскаго полка, графъ Карль особенно любилъ одного изъ сержантовъ, который, неизвестно по какимъ причинамъ дезертировалъ, былъ пойманъ, приговоренъ къ разстрѣливаю и помилованъ единственно по личному ходатайству графа Карла, нарочно извѣннаго для этого въ Парижъ. Прошло много лѣтъ; графъ Карль, испуганный вѣнчана, по декрету революціоннаго комитета, эмигрировалъ и нашелъ радушный приемъ въ Россіи, во дворцѣ герцога вюртембергскаго, знавшаго его еще во Франціи. Сынъ его, сынъ умершій, графъ Лудвигъ Карловичъ де-Линьи-Люксенбургъ, въ чинѣ русскаго штабротмистра, состоя яри летучемъ отрядѣ генерала Чернышева (впоследствии графа и князя), отбилъ, въ 1813 году, въ лейпцигской битвѣ французское знамя и доставилъ его къ начальнику корпуса, послѣднему шведскому принцу, Бернадоту, къ которому былъ прикомандированъ отрядъ Чернышева. Принимая знамя, Бернадотъ былъ пораженъ красотой и благородною осанкою молодого офицера. Онъ спросилъ его имя, и, улыбаясь, обнявъ его со слезами на глазахъ, и сказалъ, надывая ему на шею орденъ Меча: — «Клянисьтея вашему отцу отъ сержанта, никогда спасеннаго имъ отъ разстрѣливанія. Судьбы наши измѣнились; но, я надѣюсь, мы опять сойдемся». — По вступленіи на шведскій престолъ, Бернадотъ приглашалъ графа Карла Люксенбурга къ своему двору, но старикъ не могъ принять этого предложенія, удерживаемый въ Россіи семейными обстоятельствами. Бернадотъ пожаловалъ тогда графу орденъ Рыцаря первой степени и пожизненную пенсію. По смерти графа Карла Люксенбурга, Бернадотъ препроводилъ присланныя къ нему регалии назадъ, въ семейство Люксенбурговъ, чтобы они хранились въ ихъ фамилии, въ знакъ воспоминанія. Сынъ (?) графа Карла Люксенбурга, сынъ умершій, воспитанный вѣнчана ст принцемъ Адамомъ Вюртембергскимъ, былъ лицо весьма загадочное, и одно время носились о немъ темные слухи, что онъ, будто-бы, не кто иной, какъ несчастный дофинъ Лудовикъ XVII. Достоверно извѣстно, что въ 1814 году, при вступленіи союзныхъ войскъ въ Парижъ, онъ представлялся императрицѣ Жозефинѣ, которая обѣщала устроить его судьбу и назначила графу Лудовику явиться къ ней на слѣдующее утро, чтобы представить его союзнымъ государямъ, но въ ту-же ночь Жозефина умерла скоропостижно. Происшествіе это описано съ явными даже намѣками на дофина въ «Mémoires d'un pair de France.» До сихъ поръ живы еще люди, пользовавшіеся довѣріемъ графа Карла Люксенбурга, которымъ онъ сознавался, что, скрываясь въ самый разгаръ терроризма въ Парижѣ и отыскивая средства куда-нибудь удалиться изъ Франціи, онъ былъ однажды приглашенъ Жозефиною Богариё, у которой засталъ и Г-жу Таленъ. Дамы эти упростили его взять на свое попеченіе мальчика, происхожденіе котораго обѣщали объяснить впоследствии. Онѣ снабдили графа деньгами, свободнымъ пропускомъ и выпроводили благополучно изъ Парижа. На границахъ Франціи, сходство мальчика съ дофиномъ, объявленнымъ тогда уже умершимъ, возбудило подозрѣніе муниципальныхъ властей, и оба бѣглеца были арестованы и содержались подъ стражею болѣе года, пока, по ходатайству Жозефины и Г-жи Таленъ, не были освобождены тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Кошонотъ (Coschon). Проживъ нѣкоторое время въ Вюртембергѣ, графъ Карль женился и, по совѣту тогдашняго герцога, отправился въ Петербургъ, въ которомъ и прожилъ до конца жизни. Проѣздомъ черезъ Митаву, онъ представлялся королю Лудовику XVIII-му, которымъ былъ принятъ, однако, очень сухо. Замѣчательно еще одно обстоятельство, касающееся умершаго маіора графа Лудовика Люксенбурга: несмотря на принятіе его въ русскую службу и утвержденіе въ графскомъ достоинствѣ, онъ не имѣлъ свидѣтельства о крещеніи, хотя у изголовья его постели постоянно висѣлъ портретъ королевы Марии-Антуанеты, которую онъ настоячиво называлъ своею матерью. На сколько правды и на сколько вымысла въ этомъ генеалогическомъ преданіи — предоставляемъ судить историкамъ-специалистамъ.»

Вотъ объясненіе всему этому*.

Одинъ изъ братьевъ императрицы Маріи Федоровны, герцогъ Лудовикъ Вюртембергскій (женатый на сестрѣ знаменитаго князя Адама Чарторыжскаго), былъ величайшимъ негодлемъ, и продѣлки его иногда достигали уголовныхъ размѣровъ. У него служилъ, сперва лакеемъ, потомъ камер-

* Эти свѣденія слышалъ я отъ: 1) графа Петра Алекс. Толстаго; 2) маркизы де-Виллеро, мужъ которой, французскій эмигрантъ, служилъ въ русской гвардіи; 3) графа Карла де-Растиньякъ и 4) графа Карла Францовича де-Сень-При, оба, въ молодости, во время эмиграціи, служили въ русской гвардіи, а Сень-При женатъ былъ на русской и дочь его была за русскимъ (выпущенъ оберъ-камергеромъ ип. Васил. Андр. Долгоруковымъ).

дверомъ, французъ, красавецъ собой, бойкій на языкъ, вкрадчивый, отчаянный пройдоха, пофренный и совѣтникъ герцога въ его продѣлкахъ. Въ девятидесяти годахъ прошлаго вѣка умеръ въ эмиграціи, въ Германіи, французскій полковникъ графъ Карль де-Линьи (de Ligny), фамилія котораго не имѣла ровно ничего общаго съ фамиліею графовъ де-Линьи-Люксенбургъ, угасшей въ шестнадцатомъ вѣкѣ, и никогда, во Франціи, онъ не смѣлъ называться Люксенбургомъ, по извѣстнаго тщеславія, подъ рукою рассказывать пріятелямъ, будто происходитъ отъ Люксенбурговъ. Пріятели улыбались и тѣмъ дѣло кончалось. По смерти его, оставшіеся по немъ вещи и бумаги успѣлъ завладѣть пройдоха-каммердинеръ герцога Лудовика Вюртембергскаго. Въ бумагахъ находились офицерскіе патенты, а въ вещахъ — портретъ Маріи-Антуанеты, о которомъ упомянуто въ *Голосѣ*. Пройдоха объявилъ герцогу Лудовику, что онъ поѣдетъ въ Россію, гдѣ будетъ называться графомъ де-Линьи-Люксенбургъ, и требовать, въ этомъ качествѣ, рекомендательнаго письма къ сестрѣ герцога, императрицѣ Маріѣ Федоровнѣ, грозясь, въ противномъ случаѣ, обнаружить и выдать разныя продѣлки герцога. Герцогъ испугался, далъ писмо: пройдоха былъ принятъ ласково въ Россію, получилъ пенсію, но самъ въ службу не вступалъ, а ступался, чтобы не встрѣчать людей, видѣвшихъ его лакеемъ. За то сына своего Лудовика (умершаго въ прошломъ февралѣ), онъ опредѣлилъ офицеромъ въ русскую службу подъ именемъ графа де-Линьи-Люксенбургъ. Этотъ Лудовикъ былъ отважнѣйшимъ луномъ: графъ Сень-При, имѣвшій случай его видѣть, говорилъ мнѣ: «многіе начальныхъ лакеевъ случалось мнѣ встрѣчать на моемъ вѣку, но подобнаго никогда не видалъ». Онъ имѣлъ начальство явиться въ Митаву, гдѣ жилъ въ игноріи Лудовикъ XVIII, и просить аудіенціи у короля, который отказался его принять, и велѣлъ ему сказать, что де-Линьи-Люксенбургъ угасли еще въ шестнадцатомъ вѣкѣ, а графъ де-Линьи, котораго онъ называетъ своимъ отцомъ, умеръ бездѣтнымъ въ эмиграціи. Тогда сынъ пройдохи началъ подъ рукою распускать слухъ, будто онъ — Лудовикъ XVII, спасенный изъ Тампльской тюрьмы (во Франціи являлось болѣе десяти человекъ, выдававшихъ себя за Лудовика XVII). По смерти императрицы Жозефины, онъ сталъ распускать слухъ, будто она ему втайнѣ покровительствовала. Смерть Жозефины вовсе не была скоропостижною: она три дня лежала больною въ постели... Лудовикъ XVII умеръ въ Тамплѣ вовсе не во время террора, прекратившагося 28 іюля 1794; онъ умеръ десять мѣсяцевъ спустя, 8 іюня 1795 года... Книга: *Mémoires d'un pair de France*, книга апокрифная, книгопродавческая спекуляція; многіе приписывали ее борзописцу Lamothe-Langon, который, въ тридцатыхъ годахъ, сосрѣзнялъ цѣлый рядъ апокрифныхъ записокъ разныхъ лицъ, по ученый библіофилъ Quégar, въ своей *France littéraire*, пишетъ, что первыя двѣ части этой книги сочинены адвокатомъ Guillard, а двѣ послѣднія написалъ L'Héritier. Слухъ, что мшичій Люксенбургъ выдаетъ себя за Лудовика XVII, дошелъ до императора Александра I; онъ приказалъ Аракчееву призвать къ себѣ пахала и объявить ему, что если онъ не уймется, то будетъ разжалованъ въ солдаты безъ выслуги. Аракчеевъ, видно, исполнилъ порученіе съ своею обычною мягкостію, потому что храбрыи воишь, выслушавъ его наставленіе, такъ испу-

гался, что принужденъ былъ снѣшить возвращеніемъ къ себѣ на квартиру, для необходимой перемены бѣлья! Разсказъ о Бернадотѣ — тоже басня. Помѣшать разстрѣлянію *кавалерійскаго* сержанта Бернадота за *дезертирство*, никто не могъ, по двумъ причинамъ. Во первыхъ, Бернадотъ никогда въ кавалеріи не служилъ, а служилъ въ пѣхотныхъ полкахъ; сперва въ Royal-marine, потомъ въ gardes-françaises, откуда былъ произведенъ офицеромъ въ армию. Во-вторыхъ, Бернадотъ никогда не имѣлъ надобности дезертировать, потому что служилъ по собственной волѣ, волонтеромъ, вступивъ въ военную службу по влеченію своему, и вопреки воли отца, адвоката въ городѣ По, который и сына предназначалъ на поприще адвокатуры. Сношенія Бернадота съ придворною — лакеемъ тоже басня, равно какъ и пожалованіе ленты ордена Вазы: правда, что умершій въ февралѣ Лудовикъ Карловичъ показывалъ друзьямъ знаки ордена Вазы, имъ купленные въ какомъ-то магазинѣ, увѣряя, что Бернадотъ пожаловалъ ихъ отцу его....

Князь Петръ Долгоруковъ.

СМѢСЬ.

— *Дѣло крестьянки Волоховой.* — Дѣло это читателямъ нашимъ извѣстно, несчастная женщина оправдана. Какъ должно быть странно для русскаго народа видѣть въ судѣ — судъ, а не лобное мѣсто, не “бѣлото”, на которомъ изтязаютъ.

Отчетъ процесса окапчивается такъ:

... “Г. защитникъ * закончилъ свою рѣчь словами: “Я, гг. присяжные, не прошу у васъ смягчающихъ обстоятельствъ для подсудимой; и убѣждаю, что вы ее оправдаете”.

“Затѣмъ, послѣ рѣчи г. предсѣдателя, въ которой онъ, разсказывалъ обстоятельства дѣла — присяжные удалились въ залу совѣщаній и, возвратившись черезъ 10 минутъ, на вопросъ суда: виновна ли подсудимая крестьянка Мавра Егорова въ предумышленномъ убійствѣ мужа своего Алексѣя Волохова, отвѣчали: и ѣтъ, не виновна.

“Зала потряслась отъ рукоплесканій; предсѣдатель громко поздравилъ, оставивъ восторги публики. Когда предсѣдатель объявилъ подсудимую отъ суда свободною, она бросилась целовать руки у защитника и, поклонившись судьямъ и присяжнымъ, проговорила со слезами: благодарствую, что вы меня, невинную освободили отъ суда”.

Мы не знаемъ, многие-ли поймутъ до какой глубокой степени потрясли насъ эти строки. Мы ихъ прочли десять разъ, съ волненіемъ въ груди, со слезами на глазахъ. Ни даль, ни дѣга не могли ослабить ту связь родства, которая съ дѣтства связала насъ съ народомъ русскимъ. Впрочемъ, можетъ найдутся еще люди, которые поймутъ это!..

— Кстати къ замѣчанію корреспондента *Indépendance Belge*, которое мы помѣстили въ прошломъ листѣ *Колокола*, замѣчанію о застоѣ финансовыхъ дѣлъ вслѣдствіе закрытія петербургскаго земскаго собранія — надо упомянуть и объ отчетѣ министра финансовъ, заключающемся въ рѣчи, произнесенной 7 Января 1867 г. въ совѣтѣ государственныхъ кредитныхъ установленій, подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Николаевича и начинающейся словами: “Ваше императорское высочество и милостивые государи”.

Далѣе ораторъ разсказываетъ основанія правительственныхъ нуждъ и дѣлей:

“Чрезвычайные расходы по случаю польскаго мятежа, настоятельная надобность въ содѣйствіи правительства къ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, въ видахъ развитія внутренней и заграничной торговли, и состояніе нашей денежной системы объясняютъ, почему необходимы были въ послѣдніе годы, частые государственные займы. Назначеніе сихъ займовъ показываебтъ, что

* Защитникъ Волоховой, князь Урусовъ, съ тѣхъ поръ сталъ любимой знаменитостью русской адвокатуры.

не всѣ поступающія по онымъ суммы плутъ на расходы безвозвратные, напротивъ того, надержки по сооруженію казною желѣзныхъ дорогъ и по уплатѣ гарантіи частнымъ обществамъ таковыхъ дорогъ впоследствии усилить средства государственнаго казначейства”.

И потомъ излагаетъ вѣчную истину:

“Съ другой стороны, постоянное погашеніе государственныхъ долговъ уменьшаетъ въ каждомъ году сумму ихъ”.

Въ этой вѣчной истинѣ мы не сомнѣваемся, но полно правда-ли, что она примѣняется къ русскому правительству?

Въ рѣчи, по случаю вѣчной истины, сказано, что въ 1866 году уплатился долгъ, заключенный по указамъ 22го Юля 1828 и 11го Мая 1829 г. въ 22,113,000 руб., съ ежегоднымъ платежомъ 5% интереса и 1% погашенія. Слѣдственно, долгъ могъ быть въ 37 лѣтъ погашенъ безъ особыхъ усилій. Но въ отчетѣ за 1865 годъ, мы находимъ:

Всего долговъ къ 1865 г. состояло 425,008,173 руб.

А къ 1866 522,209,238 руб.

Слѣдственно, въ 1865 г. прибавилось 97,201,065 руб.

По нынѣшнимъ падшимъ курсамъ, на франки это выйдетъ (считая 1 р. въ 3 фр. 15 сантим.) весь долгъ въ 1,644,959,099 франк. 70 сантимовъ; а по цѣнѣ займовъ обходится гораздо дороже. Въ одинъ-же годъ, изъ этого итога, долгу прибавилось 306,183,355 фр. 75 сантим.; а уплатилось (не слишкомъ видно изъ какихъ источниковъ, ибо при погашеніяхъ въ 37 лѣтъ не много могло оставаться еще уплачивать) 69,655,950 фр. Слѣдственно долгу въ 1865 г. прибавилось на 236,527,405 фр.

Пельзя сказать, чтобы такія цифры, при правительственной боязни передъ земскими учрежденіями и при власти закрыть ихъ, внушали какое нибудь довѣріе кредиторамъ. Пельзя сказать, чтобы они кого нибудь заинтересовали входить въ какия нибудь новыя сдѣлки.

Министерская рѣчь, особенно въ приложенномъ отчетѣ, вдобавокъ такъ старается перенутать цифры разныхъ наименованій, всевозможныхъ манеръ, всевозможныхъ бумагъ, числа населеній, числа десятинъ, составъ частныхъ или общественныхъ банковъ и счетовъ правительственнаго (государственнаго банка) — что мы еще не встрѣчали человѣка, котораго бы эта метода счтанія въ пересыпочку удовольстворяла.

— Петербургскій корреспондентъ *Indépendance Belge*, отъ 10 Марта, сообщаетъ также, что въ Петербургѣ со дня на день ожидаютъ публикаціи бюджета 1866 — 67. Говорятъ, что бюджетъ этотъ пополнится дефицитомъ въ 17 милліоновъ рублей сер. (68 000,000 фр.?) и что правительство еще не рѣшилось какимъ средствомъ покрыть его. Проектовъ много; между прочимъ говорить о третьемъ лоттерейномъ займѣ и о продажѣ Петербурго-московской желѣзной дороги. Оба проекта не удовлетворяютъ общественнаго мнѣнія. Третій лоттерейный заемъ совершенно уронитъ билеты двухъ первыхъ лоттерейныхъ займовъ; а продажа желѣзной дороги, въ случаѣ войны, лишитъ правительство самой важной стратегической линіи. Всѣ говорятъ, что покрытіе такими средствами временнаго недостатка — означаетъ банкротство и недостойно серьезнаго правительства.

А между тѣмъ война по случаю восточнаго вопроса сильно тревожитъ умы въ Россіи. “Не смотря на скрытность русскаго правительства”, говоритъ тотъ-же корреспондентъ *Indépend. Belge*, “общество начинаетъ угадывать его политику. Но наиболѣе распространенному мнѣнію, она состоитъ въ требованіи совершеннаго невмѣшательства Европы въ борьбу

христіанскихъ подданныхъ Турціи противъ оттоманскаго правительства. Официальныя газеты, а именно *Съверная Почта* и *Русскій Пивалидъ* выражаются въ этомъ направленіи, не скрывая, что онѣ считаютъ паденіе Турціи неизбѣжнымъ послѣдствіемъ свободы дѣйствія, предоставленной едиповѣрцамъ Россіи. Онѣ также полагаются на энергію Сербовъ и Черногорцевъ. Во всякомъ случаѣ очевидно, что петербургскій кабинетъ не хочетъ пропустить возможности окончательнаго разрѣшенія восточнаго вопроса, все зависящее отъ дѣйствій Европы, въ особенности Франціи: *совершенное невмѣшательство Европы, или иначе вооруженное вмѣшательство Россіи въ пользу турецкихъ христіанъ.*

“Общественное мнѣніе все становится страстище и страстище въ пользу совершеннаго освобожденія восточныхъ христіанскихъ населеній, и Гарибальди, вслѣдствіе своего участія въ кандійскомъ возстаніи — сталъ въ Россіи самымъ популярнымъ героемъ.

“Къ 19му Февраля ожидали огромныхъ переменъ въ либеральномъ смыслѣ, а главное снова открытіе петербургскаго земскаго собранія; но ничего подобнаго не случилось — и собраніе не открыто, и внутренній министръ не уѣхалъ, и начальникъ таинной полиціи остался на мѣстѣ. *Statu quo* въ Россіи удручители; его выносили только въ надеждѣ на близкія переменъ”.

Вся эта корреспонденція *Indépendance Belge* показалась намъ достаточно интересною, чтобы сообщить еѣ читателямъ *Колокола*.

— Министръ народнаго просвѣщенія — графъ Толстой занимается проектами великихъ реформъ по министерству, о которыхъ говоритъ журналъ министерства народнаго просвѣщенія. Только что всѣ эти реформы мѣтятъ на распространеніе мрака, а не просвѣщенія.

Цѣль ихъ уничтожить свободу преподаванія. Отнынѣ, каждый преподаватель долженъ будетъ заключить свое преподаваніе въ рамку, предписанную министерствомъ, съ означеніемъ *педагогической цѣли, до которой преподаватель можетъ достигать.*

Далѣе, гимназій, которыхъ значеніе въ послѣднее время такъ увеличилось, будутъ снова сведены на значеніе школъ, исключительно для приготовленія къ университетскимъ экзаменамъ, и гдѣ вольноприходящіе не будутъ допускаемы, а только пансионеры на казенномъ содержаніи.

Министръ хочетъ также устроить особыя техническія школы для крестьянскихъ дѣтей, дабы воспретить имъ поступленіе въ гимназій; мужикъ не долженъ достигать научнаго образованія. Хоть бы вспомнилъ сіятельный министръ о Ломоносовѣ и о томъ, что русская литература своимъ началомъ обязана крестьянскому, а не графскому сыну.

Наконецъ, первоначальныя школы предположено отдать подъ исключительное руководство поповъ.

И такъ, если Головинъ ввелъ что хорошее въ народное образованіе, все это исчезнетъ при новомъ министрѣ — и да здравствуютъ попы и Ш^е отдѣленіе.

— *Пропажа 40,000 десятинъ земли.* Въ отчетѣ Калезинскаго земства (Тверской губерніи), за 1865 и 1866 годъ, сказано, что гласныхъ въ Калезинскомъ земствѣ было: помѣщиковъ 18, горожанъ 1, крестьянъ 16; управа сначала состояла изъ 2хъ помѣщиковъ, 1го купца и 1го крестьянина;

но въ послѣдствіи, *купецъ долженъ былъ отказаться и на его мѣсто выбранъ также помѣщикъ.*

Не далѣе ушли у насъ въ знаменитой безсознательности! Видно все еще руководствуются *пустыми Вѣстями.* Но все же лучше, что при ихъ охраненіи сознательности, у нихъ въ уѣздѣ пропало 40,000 десятинъ земли. Кто это такую штуку въ карманъ спряталъ? За одно можно поручиться, что не крестьяне. Впрочемъ выписываемъ все происшествіе:

“Во второе засѣданіе поступилъ — докладъ комисіи, избранной калезинскимъ земскимъ собраніемъ, для составленія руководства уѣздной управѣ”, — въ которомъ выражено: “комиссія долгомъ считаетъ обратить вниманіе управы на тѣ свѣденія, которыя должны быть собраны управою къ первому очередному собранію”, — “1) о земляхъ удобныхъ и неудобныхъ собрать точныя свѣденія (поименовывающія земли, принадлежащія казѣ и крестьянамъ; о помѣщичьихъ не упоминается); 2) о промышленныхъ заведеніяхъ города и уѣзда”, — и пр. Здѣсь слѣдуетъ примѣчаніе, на которое слѣдуетъ обратить особенное вниманіе: — “если по истеченіи назначеннаго управою для доставленія свѣденій, срока, ѣмъ-либо таковыя не будутъ доставлены или показаны невѣрно, то собирать и исправлять ихъ на счетъ *виновныхъ.* При умысленномъ сокрытіи къ-либо подискивающихъ сбору въ пользу земства земель и имуществъ, управѣ предоставляется право вѣдаться съ таковыми судебнымъ порядкомъ”. — Ровно черезъ пять мѣсяцевъ послѣ этого, управа представила собранію отчетъ о своей *пяти мѣсячной дѣятельности,* въ которомъ сказано: — “до сего времени получено управою только 131 свѣденіе, составленныя болѣею частью неакуратно и, по повѣркѣ имѣющихся въ управѣ поземельныхъ данныхъ съ межовымъ атласомъ уѣзда, е *н е з в а с т я* недостатокъ земли до 40,000 десятинъ, почему управа и проситъ, по вниманію къ многочисленности и трудности занятій, по приведенію въ извѣстность земель и проверки ихъ на мѣстѣ, назначить особую комисію”. — Въ чьихъ же и какихъ земляхъ оказался такой *ничтожный дефицитъ?* А вотъ сейчасъ увидимъ. — “По выслушаніи отчета собраніемъ сдѣлано было опредѣленіе: для собранія и составленія свѣденій о земляхъ избраны комиссія изъ гласныхъ Д. П. Шубинскаго и П. П. Страшилова съ назначеніемъ имъ *суточного содержанія* каждаго по два рубля, назначивъ выдачу этихъ денегъ изъ запаснаго капитала, который и составить, какъ на этотъ предметъ, такъ и на другіе непредвидимые случаи, немедленнымъ сборомъ опредѣленнаго процента со всего имущества земства”. — Теперь слѣдуетъ только сравнить это распоряженіе съ приведеннымъ выше примѣчаніемъ, чтобы понять, въ чьихъ земляхъ могъ оказаться такой *ничтожный дефицитъ* въ сорокъ тысячъ десятинъ. Затѣмъ, въ отчетѣ о дѣйствіяхъ за вторую половину 1866 года, между прочимъ, сказано: — “доложено собранію, что гласными Д. П. Шубинскимъ доставлены въ управу общія и подробныя свѣденія о земляхъ уѣзда, изъ которыхъ значится, что къ настоящему времени приведено имъ въ извѣстность 266,000 десятинъ, и за этимъ остается сдѣлать *выскаки* еще о 6,000 десятинахъ. При исполненіи такихъ занятій выдано г Шубинскому изъ суммъ управы 240 рублей”. — Изъ всего выписаннаго видно, что въ годъ своей дѣятельности управа по самому главному вопросу не сдѣлала ничего, почему и напять былъ особенный *выскатель,* которому *з е н с т в о* должно было заплатить особенную сумму. Относительно остальныхъ шести тысячъ десятинъ, если имъ не суждено совсѣмъ сгинуть съ лица земли, то точно также за *выскаки* ихъ должно будетъ заплатить земство”.

Далѣе мы находимъ въ Калезинскомъ земствѣ странное понятіе объ уравнительности. Слишкомъ-ли мало преподаютъ ариѳметику въ помѣщичьей средѣ Калезинскаго уѣзда, или уже слишкомъ много преподается надувательство — по во всякомъ случаѣ такихъ уравненій не найдешь ни даже въ курсѣ штыкъ-юнкера Войтяховскаго. Вотъ онѣ:

“Для уравнительнаго способа оцѣнки земель, онѣ раздѣлены на два разряда: а) земельлацѣльческія усадебныя нахатныя, состоящія въ одной окружной межѣ и поступившія въ надѣлы крестьянамъ всѣхъ наименованій и б) откопая пустоши, земля, отрѣзанная отъ крестьянскаго пользованія, состоящія подъ лѣсомъ и подъ вырубками”. *Первыя оцѣнены по 24 рубля десятина, вторыя по 12 рублей.* Для поясненія этой уравнительности требуется замѣтить, что *земли второго разряда, за весьма немногими исключеніями принадлежатъ всѣ помѣщикамъ и составляютъ самую доходную статью ихъ хозяйства,* потому что крестьяне (такъ называвшіеся) казенные, но чрезвычайному малоземелю (отъ полутора до двухъ десятинъ на душу), почти не имѣютъ покосовъ и принуждены арендовать пустоши за 20—40 верстъ отъ своихъ селеній, и только у помѣщиковъ; прибавьте, что при этомъ владѣль-

домъ пустош не затрачиваются ни трудъ, ни капиталъ, ни время: все дѣло владѣльца—получить вперёдъ арендную плату. Странныя (неужели всё безъ разбора? по крайней мѣрѣ, исключеній невидна) въ уѣздѣ, принадлежащія землевладѣльцамъ, въ расчетъ при обложеніи *не должны быть принятаемы; усадьбы помѣщичьи не подлежатъ никакой оцѣнкѣ*”.

Но одна изъ величайшихъ штукъ Калужскаго уѣзда—это *Высочайшее понятіе о безвозмездности*:

“Вслѣдствіе представленія урны, почетнымъ гражданиномъ Полежаевъ удостоился высочайшаго благоволенія за *безвозмездную отдачу дома* къ удовлетворенію потребностей земства; на наемъ, реновированіе и отопленіе дома почетнаго гражданина Полежаева назначено 800 рублей”. Въ сметѣ на 1867 годъ: “на наемъ и содержаніе дома купца Полежаева—1,200 рублей”..

Тутъ одно только поясненіе возможно, что высочайшее понятіе о безвозмездности—равно высочайшей подмаховкѣ первой бумаги, подхвуптой продажною рукою.

Докончимъ Калужскую выписку:

“Земство, по сметѣ 1867 года, стоитъ городу съ уѣздомъ 30,694 руб 47 к. Вотъ какъ уравнительно распределена эта сумма 1) съ гильдейныхъ, торговыхъ, промысловыхъ свидѣтельствъ и б. леговъ — 4,503 р. 87 к.; 2) съ свидѣтельствъ и патентовъ на право торговли виною — 3,427 руб. 20 коп.; 3) съ крестьянъ — 14,572 руб 42 коп.; 4) съ торговыхъ и промышленныхъ заведеній — 1,125 руб 45 коп.; 5) съ трактирныхъ и питійныхъ заведеній — 703 руб. 70 коп.; 6) съ городскихъ пуществъ — 1,645 руб. 89 коп.; и 7) съ помѣщичьихъ — 4,676 руб 72 коп. Т. е. помѣщичьи - владѣльцы 58,450 десятинъ наилучшей и наиболее доходной земли въ уѣздѣ и усадьбы, изъ которыхъ найдется не одна, стоящая, безъ превеличенія, цѣлой сотней городскихъ домовъ, должны внести на общіе расходы земства меньше, чѣмъ шестую часть всей суммы

“Куплено для канцеляріи . черпильцъ, песочницъ, лампъ... и другихъ канцелярскихъ принадлежностей на 351 руб. 51¼ коп.” Для канцеляріи министерства какого - нибудь? пѣтъ, для калужской земской управы... *risum teneatis amici!*

“Но довольно на этотъ разъ. Естествененъ вопросъ: что - же, помню фразы и разглазоствій, которыхъ стало на 93 страницы отчета, сдѣлала управа въ смыслѣ дѣла, городскими и сельскими обществами видимаго, за цѣлый годъ своего существованія? Вотъ единственное заявленіе о томъ отчетѣ: “По приглашенію управы, жители уѣзда приступили немедленно къ починкѣ дорогъ (объ этомъ приглашеніи, немедленно помъ приступленіи и вообще о натуральныхъ повинностяхъ придется не мало кое-чего сказать), но городская дума, не смотря на неоднократныя сообщенія, совершенно не думала о починкѣ городскихъ дорожныхъ участковъ, почему и вынудила управу обратиться къ содѣйствію полиціи и произвести починку тѣхъ участковъ паймомъ на счетъ города. Означенная починка обошлась во 102 руб. 95 коп., выданныхъ изъ суммъ земства, и на предложеніе доставить деньги, городская дума отвѣтила, что она не считаетъ къ тому себя обязанною” Пріятно въ отчетѣ говорится и о мѣрахъ противъ эпидеміи и случайныхъ болѣзней, но если считать дѣломъ и то, что дѣлалось дѣйствительно для противодѣйствія эпидеміи въ прошедшемъ году, то.. Ну, да ужъ дѣло прошлое, видно Богъ проститъ; а впередъ то чтобы не повторялось того - же... Лучше бы ужъ этого не называть дѣломъ”..

Изъ Калужна пишутъ еще, что въ уѣздѣ свирѣпствуетъ тифъ, *развезенный* по семьямъ духовенства ихъ дѣтьми изъ *духовнаго училища*. Хорошо видно содержаніе и училищное и домашнее! Слава св. синоду и министру просвѣщенія! По крайней мѣрѣ не забудетъ народъ проклясть ихъ во вѣки.

— Въ *Голосѣ* пишутъ:

“Мы сообщили извѣстіе о пропажѣ 1,500,000 пудовъ соли въ Пижмѣ-Новгородѣ, теперь въ “Московскихъ Вѣдомостяхъ” пишутъ, что кромѣ этихъ полутора миліона пудовъ соли изъ казенныхъ магазиновъ похищено еще болѣе ста тысячъ пудовъ казеннаго желѣза, оставшагося непроданнымъ на нижегородской ярмаркѣ и сложеннаго въ казенные магазины для постепенной распродажи его въ течение года”.

Эта пропажа не хуже пропажи 40,000 десятинъ; только такъ какъ это не на бумагѣ, а на фактѣ — то спрашивается сколько чѣихъ рубль участвовало въ этомъ небольшомъ уносѣ 1,600,000 пудовъ?... Или Муромцы да и только!

— Но всего лучше отличается Валуевъ въ своихъ довыходныхъ циркулярахъ:

“Циркуляръ распоряженія г. министра внутреннихъ дѣлъ къ губернаторамъ: Объ изготовленіи новыхъ кандаловъ по новымъ образцамъ (По деп. пол. исп., отд. II, ст. 3. 10 Февраля 1867 года, No. 1498). При циркулярномъ предложеніи министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 6 Іюля 1853 года, за No. 109, препровождены къ вашему превосходительству образцы новыхъ кандаловъ, употребляемыхъ для заковки арестантовъ, причемъ указанъ и самый порядокъ изготовленія сихъ укрѣпленій.

“По имѣющимся въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ свѣдѣніямъ, построенные по такимъ образцамъ кандалы, при недостаточной длинѣ цѣпи, въ высшей степени замедляютъ движеніе, потому что, когда цѣпь будетъ подвязана къ поясу, то обручи кандаловъ, упираясь въ ноги, причиняютъ физическую боль арестантамъ. Вслѣдствіе сего министерство, признавъ необходимымъ, по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами, заковывать арестантовъ въ кандалы, подобные тѣмъ, какіе употребляются для крѣпостныхъ арестантовъ безъ объясненнаго неудобства, просило начальника Тульской губерніи сдѣлать рапортъ о изготовленіи, по препровожденнымъ министерствомъ образцамъ, необходимаго количества образцовыхъ новыхъ кандаловъ для разсылки къ руководству въ губерніи областинаго правленія.

“А какъ, по донесенію тульскаго губернатора, упомянутые образцы уже изготовлены и съ нимъ вмѣстѣ разрѣшено ему отправить оные по принадлежности, то я считаю нужнымъ сообщить о вышензложенномъ вашему превосходительству и покорнѣйше прошу васъ, по полученіи въ губерніи правленія новыхъ образцовъ новыхъ кандаловъ, распорядиться, чтобы укрѣпленія сии были изготовлены, для мѣстнаго употребленія, по симъ образцамъ, при этомъ въ руководство циркулярнаго предложенія министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 6 Іюля 1853 и 30 Сентября 1865 года, за NNo. 109 и 7640, и наблюдать, чтобы кандалы, согласно 173 ст. уст. о содер. подѣ стр. имѣли вѣсу отъ 5 до 2½ фунтовъ.

“Къ сему присовокупляю, что министерствомъ финансовъ предложено казеннымъ палатамъ отпускати, по требованію губерніиныхъ начальствъ, деньги изъ губернской экстра-ординарной суммы на заготовку упомянутыхъ укрѣпленій по новымъ образцамъ”.

Изъ какой центральной Азіи вѣлъ Валуевъ свои образцы? Впрочемъ мы боимся сказать про него, что онъ беретъ свои образцы изъ центральной Азіи — какъ - бы не надѣлать ему вреда! Чего добраго подумаютъ, что онъ иностранецъ, а гугъ еще циркуляръ:

“Относительно высылки за границу иностранцевъ. (14 Февраля 1867 года, No. 516). Въ 1851 г.ду, согласно требованію III отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи, циркулярно было предложено гг. начальникамъ губерній (см. сборникъ циркулярновъ министерства внутреннихъ дѣлъ, т. III § 353), чтобы назначаемые къ высылкѣ за границу, по какому - бы то ни было случаю, не исключая и приговоровъ судебныхъ мѣстъ, иностранцы, отнюдь не были удалены изъ предѣловъ Россіи безъ вѣрошенія на сіе, согласно 405 ст. общ. губ. учреж. разрѣшенія III отдѣленія.

“Уснатривая изъ имѣющихся въ дѣлахъ министерства внутреннихъ дѣлъ и III отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи свѣдѣній, что съ вѣкотораго времени указанный порядокъ высылки иностранцевъ за границу соблюдается не всегда одинаково, я имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство въ ближайшій за точнымъ исполненіемъ онаго на будущее время, съ тѣмъ чтобы иностранцы ни въ какомъ случаѣ не высылались за границу безъ предварительнаго сповѣнія о томъ съ III отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи”.

Желали бы мы знать—кто Валуеву выдаетъ заграничный паспортъ: III - отдѣленскій Шуваловъ, или онъ самъ себя выдаетъ? Или это только государь-реформаторъ повторяетъ достолюбезныя заведенія Николая Iго?

— Мы прочли въ 13мъ № *Вѣсти*:

“Читная газета”... (какая мѣстная газета? Къ чему такое секретничанье, когда газета издается въ Россіи и вовсе не запрещена?)... “Мѣстная газета сообщаетъ, что выкупная операція въ Югозападномъ краѣ окончена тамошними мировыми съѣздами; но дѣятельность ихъ, по словамъ этой газеты, втѣмъ еще не окончилась: имъ предстоитъ устранить неустройство воточныхъ и сельскихъ управленій и *дать строго обдуманное направленіе второму періоду устройства крестьянскаго быта*”.

Чего хотять эти господа? Ужъ не думаютъ - ли они начать учрежденіе новой помѣщичьи - чиновничей власти? Иначе

такая фраза не могла бы сорваться съ языка; безъ задней мысли о помѣщицки-чиновничьей власти — эта фраза не осуществима. И такъ мировая судо-полиція сидеть мужику, деревнѣ, селу на печи, вмѣсто барина и исправника! Нечего сказать — утѣшительно! Да вѣдь эта вѣстовая фраза обдасть страхомъ и непанистью всякаго порядочнаго человѣка. Правда — ли только это? Хоть бы кто нибудь изъ друзей увѣдомилъ!

Берегитесь господа! Это нашествіе офицеровъ алчущихъ и жаждущихъ всего кромѣ правды.

— Въ “Николаевскомъ Вѣстникѣ” приведенъ слѣдующій случай, напоминающій доброе старое время, когда, въ угоду разнымъ вліятельнымъ лицамъ, стѣсняли на станціяхъ проѣзжающихъ. “27 Января, знатная дама, Г-жа К., проѣзжала изъ Херсона въ Елизаветградъ. Станціонные смотрители, въ ожиданіи проѣзда путешественницы, задерживали нѣкоторыхъ проѣзжающихъ, отговариваясь предписаніемъ, имѣть въ готовности во всякое время дня и ночи для Г-жи К. свѣжихъ лошадей. На нѣкоторыхъ-же станціяхъ усердіе господъ смотрителей шло еще далѣе. Два николаевскіе куица, возвращавшіеся съ харьковской ярмарки, увѣрили — по свидѣтельству автора замѣтки, сообщенной въ николаевскую газету — что въ Елизаветградѣ плъ не впустили на станцію, подъ тѣмъ предлогомъ, что они могутъ зачехать полы и мебель, только что вымытые и вычищенные по случаю проѣзда Г-жи К.”.

Видно тяжелы пути реформы, пока они только пути высочайшіе — должно быть не въ ихъ дѣю. Да и кака-же либеральная реформа можетъ удалиться въ стравѣ, у *Голосовъ* которой не хватаетъ силы называть притѣснителей по имени?

— Въ № 253 *Московскихъ Вѣдомостей* помѣщена корреспонденція изъ Петербурга за подписью г. Х., въ которой, между прочими примѣрами для доказательства своей мысли, г. корреспондентъ приводитъ и циркуляръ о наблюдении за тѣмъ, чтобы ссыльные не занимались частнымъ воспитаніемъ дѣтей.

“Не вдаваясь въ подробный разборъ статьи г. Х., я нахожу, однакоже, умѣстнымъ сообщить нѣсколько замѣчаній, поясняющихъ истинный смыслъ и значеніе циркуляра, не совсемъ правильно имъ понятаго.

“Въ Тобольской губернии, переполненной всякаго рода ссыльными, изъ которыхъ одни отличаются глубоководною нравственностію, другіе проникнуты вреднымъ поштинскимъ направлениемъ, администрація всегда считала и считаетъ прямою своею обязанностію имѣть за ними самый бдительный надзоръ и отнюдь не дозволить имъ заниматься частнымъ преподаваніемъ. Въ этихъ видахъ сдѣлано было нѣсколько циркулярныхъ предписаній городскимъ полиціямъ. Между тѣмъ, въ послѣднее время, стали поступать отъ разныхъ органовъ министерства народнаго просвѣщенія заявленія о примѣрахъ недозволеннаго закономъ обученія дѣтей ссыльными. Для окончательнаго пресѣченія подобныхъ отступленій отъ закона и для предостереженія самихъ жителей, признано было необходимымъ подтвердить прежнія распоряженія новымъ циркуляромъ. Что циркуляръ относился только до ссыльных и до тѣхъ изъ жителей, которые бы дозволили себѣ нарушеніе существующаго закона*, подтверждается слѣдующею выдержкою изъ него: “...предлагаю г. окружнымъ начальникамъ и городничимъ имѣть дѣйствительное и неослабное наблюденіе за поведеніемъ и отношеніями къ мѣстнымъ жителямъ лицъ, сосланныхъ на житье съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ и вообще отданныхъ подъ надзоръ полиціи, отнюдь не дозволяя, чтобы подобныя лица занимались частнымъ воспитаніемъ дѣтей...”

* Съ которыхъ это поръ губернаторское или даже министерское предложеніе равносильно государственному закону?

“Слѣдовательно, крайнія послѣдствія, которыхъ такъ опасается г. корреспондентъ отъ прогрессивнаго усердія, возрастаннаго, какъ комъ спѣга, сверху внизъ, *нелмыслимы и не могутъ имѣть мѣста*. Составленіе классныхъ росписаній и наблюденіе за преподаваніемъ вообще никогда не входили и не будутъ входить въ кругъ обязанностей полиціи. На то есть особыя органы министерства народнаго просвѣщенія. Наблюдать же за тѣмъ, чтобы ссыльные не занимались преподаваніемъ какъ въ *Березовѣ* и *Обдорскѣ*, такъ и во всѣхъ другихъ городахъ губернии, полиція всегда обязана. Съ этимъ соглашается и самъ почтенный корреспондентъ.

“Губернаторъ ДЕСПОТЬ-ЗЕНОВИЧЪ.

“Тобольскъ, 22 Декабря 1866”.

Этотъ господинъ бывшій нѣкогда крайній либераль!

— *Прогрессъ въ гласности*. — 22 Февраля текущаго года, въ Рязани, раздавались по улицамъ афиши новаго рода. Во время катанья, полицейскіе солдаты, стоящіе обыкновенно для порядка, вручали проѣзжающимъ афиши, напечатанныя очень крупнымъ шрифтомъ, слѣдующаго содержания: “Завтрашняго числа, 23 Февраля, въ 11 час. утра, на городскихъ лугахъ, имѣеть быть исполненъ смертный приговоръ, разстрѣляніемъ, надъ преступниками Юрловымъ и Обновленскимъ”.

— Сочиненія *Льюиса* и *Милля* о системѣ *Огюста Конта*, издаанныя въ одномъ бо́льшомъ томѣ, подъ общимъ заглавіемъ: “*Огюсть Контъ и положительная философія*” задержаны по распоряженію начальства, и въ продажу пушены быть не могутъ.

— *Невскій Вѣстникъ**, сборникъ, который предполагалъ издать В. С. Курочкинъ, за нѣсколько дней до выхода въ свѣтъ, конфискованъ и уничтоженъ.

— *Рефлексы Головнаго Мозга* г. Сѣченова, напечатанныя въ *Медицинскомъ Вѣстникѣ*†, когда были изданы отдѣльной брошюрой — конфискованы. Прошло много времени, по ни одинъ прокуроръ не рѣшился вѣсть на себя постыдной и пошлой роли обвинителя. Процессъ противъ этой брошюры не былъ начатъ, въ силу чего г. Сѣченовъ предъявилъ требованіе допустить ихъ въ продажу. До сихъ поръ въ продажу *Рефлексы Головнаго Мозга* не допущены, а процесса противъ нихъ не начали!...

— *Стелла Савицкій*. Правительственный журналъ *Дневникъ Варшавскій*, эта помойная яма всякой лжи и всякихъ клеветъ, выдумалъ, будто Стелла-Савицкій, при поѣздкѣ своей въ Галицію, имѣлъ чемоданъ наполненный пожами, линжаллами и пр., только что не прибавилъ, будто въ чемоданѣ его находилась цѣлая батарея нарѣзныхъ пушекъ... Полагая, что старымъ товарищамъ и многочисленнымъ приятелямъ Стеллы въ Россіи сдѣлаетъ удовольствіе извѣстіе о его нынѣшнемъ мѣстопребываніи и занятіяхъ, мы скажемъ имъ, что бывшій полковникъ генеральнаго штаба поступилъ, на четыре года, студентомъ въ медицинскій факультетъ Страсбургскаго университета, съ цѣлю сдѣлаться, черезъ четыре года, медикомъ и хирургомъ, и трудомъ, честнымъ и ученымъ вмѣстѣ, упрочить свою будущность. Много нужно силы воли чтобы, на тридцатипятилѣтнемъ возрастѣ, сѣсть на студентскую скамью на четырехлѣтній срокъ.

* Въ прошломъ году г. Некрасовъ намѣревался издать этотъ сборникъ при “Современникѣ”. Почему это предпріятіе не состоялось, мы не знаемъ.

† Они назначались въ “Современникъ”, по ценсурѣ были тамъ воспрещены.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 40, Rue-l'Evêque, Genève.

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 239.

15 АПРѢЛЯ 1867.

Выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré-Évêque и въ главныхъ депо — у Г. Георга, 10, Corraterie, Genève; у Н. Трювнера, 60, Paternoster Row, Londres. Цѣна за листъ 50 сантим. безъ пересылки.

Прилагаемъ почтовой тарифъ :

Въ Германію	15с.
— Австрію	15с.
— Англію	15с.
— Бельгію	5с.
— Францію	5с.
— Италію	3с.
— Грецію (черезъ Марсель) ...	5с.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10с.
— Швецію	25с.
— Швейцарію	5с.

Paraît à Genève une fois chaque mois. Le dépôt principal est chez H. GEORG, à Genève, Corraterie, No. 10. A Londres, chez N. TRUVNER et Co., 60, Paternoster Row. Le prix de chaque No. est de 50 centimes, le port de la poste non compris.

Tarif postal :

Allemagne	15с.
L'Autriche	15с.
Angleterre	15с.
Belgique	5с.
France	5с.
Italie	3с.
Grèce (voie de Marseille) ...	5с.
Turquie et Princ. Danubiens (voie de Marseille)	10с.
Suède	25с.
Suisse	5с.

ОГЛАВЛЕНІЕ : Жаль—Письмо къ Н. С. Аксакову—Частныя письма объ общемъ вопросѣ (Продолженіе). Смѣсь : Желѣзныя дороги—Болгарскій адресъ и жапдармы—предостереженіе—Дѣло Мастухова и Прогополова—Покража соли—Соперники—Реформа семинаріи—Скачки—Дорогой гость—Выборы въ Москвѣ.

ЖАЛЬ.

Да, ужасно жаль, что именно теперь, въ ту минуту, когда передъ Россіей раскрывается съ неожиданной быстротой великое историческое дѣло, правительство—не умѣющее ни остынуть отъ Польскаго возстанія, ни придти въ себя отъ Карабозовскаго выстрѣла*—тащится безсмысленной, тупой реакціей, топчетъ лучше входы, раздѣываетъ сегодня что само вчера сдѣлало и сѣя дома смерть и гоненія, хочеть вдали пожинать лавры освободителя.

Такимъ Гарикомъ, смѣющимся одной половиной лица и плачущимъ другой, ему не удастся быть; но натуральному вчеченію оно съ головой уйдегъ въ тревожную и ненужную борьбу съ русскимъ развитіемъ и съ тѣмъ вмѣстѣ исказить и загрязнить Греко-славянское дѣло.

... Время наше что-ли не пришло?

Но вѣдь историческую стрѣлку можно до известной степени подвигать. Наши опекуны это знаютъ и именно теперь, когда надобно ринуться впередъ, двигаютъ ее назадъ. Видно мы еще недовольно очистились отъ нашихъ и чужихъ грѣхов... видно ихъ довольно на нашемъ неразумьи и на нашей совѣсти.

Такой совокупности, такого сѣпленія обстоятельствъ, событий, даже случайностей, Россія не дождется вѣками... Ей стоитъ сбросить съ себя, на прокатъ взятый мундиръ, которымъ она пугала своихъ и чужихъ, выдавая себя за вѣмецкаго офицера; стоитъ поступиться дикими привычками самоуправства, въ половину сбитыми силой обстоятельствъ; поступиться дикой алчностью на поземельные захваты, чтобы прямо и смѣло, безъ дипломатическихъ прозрачныхъ обмановъ, безъ уколовъ изъ подтишка, безъ ударовъ изъ за сины, безъ пальто Меншикова и мороченья англійскаго посла, стать во главѣ *Восточнаго движенія*.

Вѣдь это дверь въ новый томъ всемірной исторіи, и мы не взойдемъ въ нее, не растворимъ ее à deux battans, потому что погруженные въ мелкія дразги дома, озабоченные добиваніемъ Польши, искаженіемъ народнаго воспитанія,

* Вскорѣ будетъ построена часовня въ память неудавшагося выстрѣла, по настоящему желанію государя! Что-же этотъ памятникъ увѣковѣчитъ—возможность выстрѣла, или его неудачу?

упиетемъ Земскихъ Собраній, свободной рѣчи и немигнуемаго социальнаго развитія — мы не имѣемъ возможности сосредоточиться на главномъ вопросѣ. На вопросѣ, который увлекъ и поглотилъ бы все, обмылъ бы все, и который мы, пожалуй, сгубимъ вмѣсто помощи Мы слишкомъ полиція, слишкомъ смирительный домъ, чтобы быть исторіей и ареопагомъ народовъ. Мы боимся за изношенную до дыръ голштинскую порфиру, перешитую изъ Петровской, а ее-то и надобно бросить къ черту, для того, чтобы начать свою, русскую жизнь. Въ ея-то швахъ, въ ея вытертомъ горностаѣ сидятъ всѣ эти Шуваловы, Валуевы, Толстые—самъ водяной трихинъ Муравьевъ могъ только воспитаться въ ея гнилой медрѣ. Человѣкъ, носящій ее, поневоля вмѣсто того, чтобы твердымъ шагомъ идти впередъ — стоитъ на одномъ мѣстѣ и чешется... А исторія идетъ не дожидаясь.

Мало скорбей въ жизни, которыя бы такъ сокрушали человѣка, такъ подавляли, какъ бесплодное пониманье, рядомъ съ невозможностью убѣдить сбившихся съ дороги, что они сбились съ нел и ищутъ выхода тамъ, гдѣ его нѣтъ.

Слабую надежду нашу, что наши слова у кого-нибудь да отзовутся въ сердцѣ, основываемъ мы на известной притчѣ евангельскаго вертоградара, бранившася, но шедшаго на работу.

Сграпна участь нашего дальняго звона. Теперь стараются не слышать его. Прежде слушали его, съ тѣмъ удивленіемъ, съ которымъ всѣ непривыкшіе къ языку свободаго человѣка, слушаютъ въ первый разъ заявленныя прогесты... потомъ насъ стали ругать, чтобы мы не говорили. Во все это время мы неуклюжио шли своей дорогой, нашу неизмѣнность признали за нами злѣйшіе враги и часть того, что мы проповѣдывали непрерывно, такъ или иначе — осуществилось. Мы не хотимъ сказать, что это дѣлалось вслѣдствіе нашихъ словъ, а заявляемъ какъ доказательство, что нашъ истинникъ былъ вѣренъ и мы чуяли куда потянетъ вѣтеръ, прежде чѣмъ опъ поднимался, какъ на примѣръ въ Американскомъ союзѣ.

Вотъ почему мы не можемъ молчать при предстоящихъ событіяхъ. Мы чуемъ поднимающуюся волну и боимся, что ею не воспользуются въ хмѣлю реакціи и безумія.

Восточный вопрос застигнул насъ въ минуту страшнаго нравственнаго запустѣнія, въ холодный, вялый, но принявшій правильный видъ — періодъ гоненій всего живаго, юнаго, свободнаго. Острая горячка циническаго, комическаго, кроваваго торжества раболѣпья и азиатскихъ восторговъ о спасеніи государя, смѣнилась покойнымъ, хроническимъ терроромъ олигархической реакціи, грозящей уничтожить и раздавить все сдѣланное со смерти Николая. Зимній дворецъ и ея флигеля полны злодѣями... И эти-то злодѣи *дома*, пойдутъ освобождать Славяно-эллинскій міръ?

Конечно, исторія не останавливается за чистотой рукъ, она не разборчива и такъ привыкла къ обществу всякихъ разбойниковъ и искателей приключеній, что и ими достигаетъ своихъ цѣлей, но дурныя начала кладутъ ядовитый ферментъ страшныхъ болѣзней и надолго искажаютъ характеръ событій.

Россія не можетъ переработать звѣрскую сторону — петровскаго переворота.

Франція не можетъ обсохнуть отъ крови, пролитой во время террора.

Венеція страстно рвалась къ Италіи — откуда-же фальшивая нота, печальный звукъ въ ея радости, откуда смущенье, на лицѣ Итальянца?...

Оскорбленіе истины и разума, ложь, двойственность имѣютъ свою границу, за которую ходить не поведетъ къ добру...

Нельзя искоренить языкъ, брать штрафы съ дѣтей, ломать католическія кресты, выбрасывать богородицъ изъ нишей, срывать трауръ съ женщинъ, переводить насильственно выѣски... нельзя купаться въ этомъ мелочномъ, гадкомъ, грязномъ, бездушномъ преслѣдованіи и плакаться о православныхъ церквахъ, о замѣнѣ русской азбуки латинской. Нельзя морить на каторгѣ Михайловыхъ, Мартыиновыхъ, держать въ оковахъ Чернышевскихъ, и посылать публично набранныя складчины Грекамъ, и позволять всякимъ братьямъ “птицеловамъ”, произносить возмутительные тосты. Нельзя, не краснѣя, посылать фрегаты для спасенія чужихъ эмигрантовъ — *на право*, и цѣлые партіи сосланныхъ за политическое разномысліе — *на лѣво*.

Вѣдь Россія не лезтъ *Московскихъ Вѣдомостей*, который однимъ столбцомъ душитъ побѣжденнаго Поляка, а на другомъ печатаетъ революціонныя воззванія въ Грекамъ и Галичанамъ.

П—ръ.

ПИСЬМО КЪ П. С. АКСАКОВУ.

Флоренція, 10 Марта 1867.

Милостивый Государь,

Иванъ Сергѣевичъ,

Мы съ вами совершеннѣйшіе противники, насъ связываетъ правда, одна общая любовь, но мы такъ разво ее понимаемъ, что на этомъ-то общемъ чувствѣ всего яснѣе видна непреходимая рознь насъ дѣлящая.

Но вы честный человекъ и любите правду. Вы меня считаете преступникомъ, злодѣемъ — но мнѣ сдается, что вы не считаете меня ни лгуномъ, ни безумнымъ. Потому-то я и рѣ-

шаюсь обратиться къ вамъ съ просьбой помѣстить въ *Москву* слѣдующія строки, нисколько не выходящая изъ предѣловъ вамъ предоставленной гласности.

Въ 46 № *Голоса* сказано: “существованіе общества поджигателей, къ которому принадлежатъ Герценъ и Бакунинъ, сдѣлалось *неопровержимымъ фактомъ* и потому было занесено въ всепод. отчетъ генераль-полицмейстера” — и пр.

Существовало ли не существовало общество зажигателей, я не знаю, хотя сильно сомнѣваюсь, но я не только въ немъ никакого, ни прямаго, ни косвеннаго участія не бралъ, но *вообще ни къ какому обществу* не принадлежалъ и не принадлежу: почему — могутъ догадаться тѣ, кто читалъ хоть часть писаннаго мною съ 1849 года.

Ложь эта (какъ и знаменитая Тульчинская агенція) является не въ первый разъ. Я звалъ на судъ обвинителей, я требовалъ доказательствъ. На судъ никто не явился, доказательствъ никто не представилъ. *Не понимаю зачѣмъ они щадятъ меня?*

Я самъ сдѣлалъ бы процессъ имъ, хоть бы какомунибудь Краевскому на пр.*, но — по возмощень — ли у насъ такой процессъ?

Напечатаніемъ этихъ строкъ въ вашемъ журналѣ вы искренно обяжете меня, а обижать своихъ противниковъ не часто случается человеку.

Александръ Герценъ.

P. S. Письмо это пролежало у меня пять дней и я его отправилъ изъ Пиццы 15 Марта.

Издатель *Москвы* оправдать мое довѣріе, и напечатать мое письмо въ 58 л. *Москвы*. Онъ присовокупилъ къ нему слѣдующія строки, доказывающія, что П. С. Аксаковъ былъ бы плохой общественный обвинитель, что ему дѣлаетъ большую честь:

“Мы не имѣемъ причины отказать г. Герцену въ помѣщеніи этого письма. Но напрасно думаетъ онъ, что подобнаго рода голословными отрицаніями можетъ онъ оправдаться вполне отъ взводимыхъ на него наветовъ. Пусть онъ не участвовалъ въ обществѣ поджигателей, мы охотно этому вѣримъ, но тѣмъ не менѣе его именемъ назвалась знаменитая Тульчинская агенція и стало быть имѣла къ тому какойнибудь поводъ. Что г. Герценъ открывалъ въ *Колоколь* подписку въ пользу польскаго народнаго жонда, употреблявшаго собранныя имъ деньги, между прочимъ, на содержаніе жандармовъ - вѣшателей, отравителей и поджигателей; что г. Герценъ былъ въ единомысліи съ Бакунинимъ, затѣявшимъ знаменитую неудавшуюся экспедицію въ помощь Полякамъ, это факты неопровержимые. Отъ солидарности съ Поляками г. Герценъ не отрекался. Слѣдовательно вопросъ только въ томъ, однимъ-ли мечомъ или также и огнемъ производился тотъ ущербъ Россіи, въ нанесеніи котораго г. Герценъ принималъ, если не непосредственное, то косвенное и нравственное участіе.

“Пусть въ этомъ покается предъ Россією г. Герценъ. Не можетъ же онъ не понимать, что для покаянія въ его преступленіяхъ предъ Россією нѣтъ компромиссовъ.

* Пмя Краевского пропущено въ “*Москву*”. Да и самъ Платъ “*Голоса*” уже омылъ руки.

“И намъ хотѣлось-бы думать, что для него еще возможно нравственный возвратъ, потому что въ искренность и чистосердечіе его заблужденій мы не переставали вѣрить”.

Еслибъ эти строки, состоящая сплошь изъ Ахилловыхъ пятокъ писалъ кто нибудь, а не П. С. Аксаковъ, я жестко отвѣчалъ-бы на нихъ. Но у меня есть какая-то неискорбяемая память сердца и въ силу ея уваженіе къ прошедшему, съ которымъ связаны дорогія воспоминанія и къ лицамъ соприкосавшимся съ нимъ.

И потому, не пользуясь выгодами, которыя мнѣ даетъ издатель *Москвы*, я спокойно и просто буду ему отвѣчать въ слѣдующемъ *Колоколѣ*. Теперь ограничусь моею искренней благодарностью за помѣщеніе моего письма.

И—ръ.

Видца, 5 Апрѣля, 1867.

ЧАСТНЫЯ ПИСЬМА ОБЪ ОБЩЕМЪ ВОПРОСѢ.

Письмо между четвертымъ и пятымъ.

(Продолженіе).

Повторимте еще разъ нашъ вопросъ: “какимъ образомъ народное право на заселеніе земель, непоступившихъ въ ликвидацию, придѣтъ къ своему практическому осуществленію?”

Народъ еще не имѣетъ средствъ наличнаго денежнаго капитала, или кредита. Первый отвѣтъ, который является на нашъ вопросъ — это созданіе народнаго (общественнаго) поземельнаго кредита. Объ этомъ мнѣ, конечно, не въ первый разъ приходится говорить; но другіе интересы въ нашемъ дорогомъ отечествѣ поамѣсть заглушаютъ постановку народнаго кредита, а именно: поземельный кредитъ крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ-дворянъ; товарищества для пріобрѣтенія земель въ западномъ краѣ и т. п. — вещи, большаго преуспѣянія которыхъ опыты не показываетъ, а между тѣмъ созданіе народнаго кредита ими положительно остановлено. Мнѣ это кажется несомнѣнно. Наше демократическое правительство умѣло разрушить старый кредитъ, но преимуществу дворянскій кредитъ, лежащій на отвѣтственности правительства, но куда — именно вслѣдствіе этой отвѣтственности — стекались, для составленія фондовъ, всѣ излишки, вырученные торговлей и не входившіе въ оборотные капиталы, и почти всѣ капиталы, вырученные чиновничьимъ грабежомъ (а ихъ было и есть не мало). Теперь демократическое правительство, подражая иностраннымъ учрежденіямъ, которыя выросли на своихъ собственныхъ, особыхъ обычаяхъ, предоставило составленіе кредита частнымъ начинаніямъ по мимо своей отвѣтственности. Какъ истинно демократическое правительство, оно должно было предложить народу, за своею отвѣтственностью, подобный же кредитъ, какъ старый дворянскій кредитъ — и вѣроятно не было бы недостатка ни въ помѣщаемыхъ капиталахъ, ни въ заемщикахъ; но тотъ кредитъ, который правительство предоставило народу со времени освобожденія — далѣко не имѣетъ значенія кредита и есть только ликвидация старыхъ долговъ Опекунскихъ Совѣтовъ, переводъ, далеко неправый, старыхъ помѣщичьихъ долговъ на народъ, безъ возможности для народа расширить кредитъ, организовать новый. Правительство, имѣя цѣлью

свои собственные займы, неизвѣстно на сколько пужные для благоденствія народа, только разрушило старый кредитъ, предоставляя новому образоваться какъ себѣ знаетъ. Тутъ, съ одной стороны разрушился обычай, т. е. привычка къ извѣстной системѣ кредита; съ другой стороны явились два (ословія, имѣющіе потребность въ кредитѣ — дворянство (частные землевладѣльцы) и крестьянство (общинные и мелкие землевладѣльцы, какъ напр. украинское крестьянство).

Дворянство съ трудомъ можетъ, или даже вовсе не можетъ привлечь капиталы для своего кредита, потому что съ уничтоженіемъ правительственной отвѣтственности, даже поземельный залогъ частнаго землевладѣльца — сдѣлался недостаточнымъ обезпеченіемъ для капиталиста. Капиталистъ думаетъ: “пу — заемщикъ не заплатитъ и его землю продать, или отдадутъ мнѣ? Во-первыхъ мнѣ она не нужна, а во-вторыхъ — если покупателей достаточно не пайдется, то она пойдетъ въ тридешево, и банкъ, т. е. я — очутимся въ убыткѣ”. А думать это капиталистъ въ правѣ, потому что покупателей — въ западномъ краѣ нѣтъ, а въ восточномъ недостатокъ*.

Крестьянство, напротивъ того, не думаетъ просить подобнаго кредита, потому что ему никто его не предлагалъ.

Тутъ вотъ какая странность: крестьянство смиренно; а между тѣмъ всѣ его боятся, всѣ боятся предоставить ему выгоду, равно олигархи и реформирующее правительство. Это чувствуется крестьянствомъ инстинктивно. Помѣщикъ и чиновникъ еще продолжаютъ сидѣть на его плечахъ, не смотря на его освобожденіе. По этому ему въ голову не приходитъ просить объ основаніи для себя кредита, но необходимость кредита имъ положительно сознается. Конечно, на первый разъ она имъ сознается только какъ дѣло, которое помогло бы ему привести сколько нибудь къ выкупу свои огромныя повинности; но за симъ оно легко поняло бы, что кредитъ составляетъ для него возможность выкупа частной и казенной собственности въ собственность общественную. Это былъ бы второй шагъ народнаго развитія, который навелъ бы его на необходимость общинной разработки полей, общиннаго земледѣнія, потому что при артельномъ выкупѣ новыхъ земель — мысль о совокупномъ трудѣ явится сама собою†.

* Для доказательства чего привожу слѣдующія два примѣчанія изъ “отчетовъ за 1865 годъ государственнаго банка, конторъ и отдѣленій его”, помѣщенныхъ вслѣдъ за рѣчью министра финансовъ (7 Января 1867 года):

“На сроки въ Январѣ и Февралѣ 1866 г. назначено было въ продажу 111 просроченныхъ имѣній, изъ которыхъ продано одно. Продажа остальныхъ была остановлена, а именно: 46 имѣній за поступленіемъ отъ заемщиковъ слѣдующихъ суммъ; 13 за совершеніемъ выкупа крестьянскихъ надѣловъ, съ удержаніемъ банковыхъ долговъ изъ выкупныхъ суммъ, 1 за передачею имѣній въ казенное вѣдомство съ уплатою банковаго долга, 5 за переводомъ долговъ на крестьянскіе надѣлы; 2 за переложеніемъ займовъ на новые сроки, 41 по неявкѣ желающихъ и 2 по распоряженію министра финансовъ.

“На сроки въ Ноябрь и Декабрѣ 1865 года назначено было въ продажу 375 просроченныхъ имѣній, изъ коихъ продано 16 имѣній. Продажа остальныхъ была остановлена, а именно: 132 имѣнія за поступленіемъ отъ заемщиковъ слѣдующихъ суммъ, 18 за совершеніемъ выкупа крестьянскихъ надѣловъ, съ удержаніемъ банковыхъ долговъ изъ выкупныхъ суммъ, 22 за переводомъ долговъ на крестьянскіе надѣлы, 30 за неполученіемъ къ установленнымъ срокамъ описей имѣній(1) и 162 по неявкѣ желающихъ”.

Тутъ въ глаза бросается собственное признаніе правительства въ неявкѣ покупателей. Только что — же они сдѣлали съ этими имѣніями? Этого нигдѣ не показано. Замѣчательно тутъ также, что изъ просроченныхъ имѣній, помѣщики дѣйствительно заплатили долгу меньше 37%; а дѣйствительно продается съ торговъ 3½%.

† А это утѣшило бы не только “Моск. Вѣд.”, но даже газету “Вѣсть”, потому что община являлась-бы крупнымъ владѣльцемъ и производила-бы en grand.

Но кто же, спросите вы, можетъ предложить кредитъ крестьянству? Да мнѣ кажется все тѣже, которые составили вклады покойныхъ Онегупскихъ Совѣтовъ, т. е. изппны торговыхъ капиталовъ и чиновничьи грабежи, которые еще имѣются въ рукахъ шаткихъ и заштатныхъ чиновниковъ*.

Я не говорю о справедливостяхъ, вслѣдствіе которыхъ многимъ пришлось бы просто отдать народу у него взятое; я только говорю о возможностяхъ. Когда вкладчики большихъ и малыхъ капиталовъ поймутъ что для нихъ выгода, т. е. вѣрнѣе и спокойнѣе, организовать народный, общественный поземельный кредитъ, за пародною круговою порукою, установленною на выработанныхъ условіяхъ,—чѣмъ рисковать вкладамъ въ шаткій кредитъ частнаго землевладѣнія, или въ постоянно понижающійся кредитъ правительства, когда вкладчики уяснятъ себѣ это, тогда народный кредитъ сдѣлается возможнымъ и выкупъ частной и казенной собственности въ собственность общественную дѣломъ достижимымъ.

Можетъ быть вы меня здѣсь остановите и скажете мнѣ, что я такимъ образомъ организуя новую касту капиталистовъ и мнѣ хочется разобрать съ вами это предположеніе прежде, чѣмъ мы приступимъ къ разбору возможной организаціи народнаго кредита.

Въ данное время, если потребность пароднаго кредита не воспользуется частными денежными капиталами, то они необходимо уйдутъ на иное помѣщеніе и народъ останется безъ кредита, а страна останется скорѣе въ убыткѣ, чѣмъ въ барышѣ, потому что капиталы уйдутъ на покупку шаткихъ правительственныхъ бумагъ, или на помѣщичій кредитъ, довольно невѣрный, или на заграничныя помѣщенія. Но ликвидація такихъ капиталовъ въ общественную собственность, въ социальное (мірское) построеніе — составляетъ одинъ изъ тѣхъ дальнихъ вопросовъ человѣчества, постановка которыхъ теперь положительно невозможна.

Здѣсь опять, по моей неотразимой привычкѣ, я патнулся на отступленіе и не могу не высказать вамъ всей мысли окончательно.

Есть вопросы, стоящіе на ряду *теперь*; ихъ разрѣшеніе

* Правительство старается отбѣлаться отъ своихъ чиновниковъ, певольно признавая, что они составляютъ способъ управления, разоряющій казну и страну. Это стремленіе правительства очевидно; но правительство приводитъ его въ исполненіе такъ нерѣшительно, съ такою боязнью, что не сберечь ему своихъ капиталовъ на этомъ пути. Такимъ образомъ явился указъ 22 Декабря 1866 года о сокращеніи штатовъ министерства государственныхъ имуществъ, въ которомъ мы находимъ, что:

1) Государственные крестьяне переходятъ въ вѣдомство общихъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждений. Тутъ мы не можемъ не замѣтить, что правительство не хочетъ видѣть, что сокращая чиновничество одной службы, оно непременно усилитъ число чиновничества другой службы, потому что оно все же не сокращаетъ своей администраціи; для того чтобы дѣйствительно сократить чиновничество, оно должно сократить свою администрацію, передавая еѣ во власть общественнаго самоуправленія.

2) Сокращаетъ оно дѣйствительно почти весь первый департаментъ министерства госуд. имуществъ; ва то второй департаментъ переименовывается во “временной отдѣлъ по поземельному устройству государственныхъ крестьянъ”, департаментъ сельскаго хозяйства — въ “департаментъ земледѣлія и сельской промышленности”; канцелярія министра — въ “департаментъ общихъ дѣлъ” и т. д. Неужели подобныя игрушки въ названія значатъ что нибудь, кромѣ волнѣйшаго шутовства? Но какъ-бы то ни было — все же явится достаточное количество штатныхъ и заштатныхъ чиновниковъ, (которымъ еще годъ будетъ производиться жалованье на основаніи ст. 1012 т. III св. зак. изд. 1857 г.). Если чиновники хорошенько подумаютъ, то найдутъ, что для нихъ было бы гораздо выгода помѣщать свои — хорошо-ли худо ли — нажитые капиталы въ дѣло народнаго кредита, въ которомъ окажется струя живая, растущая, — чѣмъ въ дѣло дворянскаго или правительственнаго кредита, идущаго по наклонности постояннаго упадка.

можно искать въ современно-существующихъ данныхъ. Есть вопросы, пожалуй — имѣющіе высшую степень общественнаго значенія, по разрѣшенія которыхъ въ современныхъ данныхъ не отыщется и постановка которыхъ еще не можетъ дойти до подлежащей ясности. Тѣмъ не менѣе — нельзя ихъ не провозглашать, нельзя не помогать ихъ разрожденію, нельзя не расчищать ихъ пути отъ препятствій.

На примѣръ, вопросъ свободы женщины, или лучше сказать равноправности мужчины и женщины — требуетъ, чтобы люди новаго міра помогали его развитію, утрачили препятствія всѣми способами, которые на сію минуту сводятся на очень небольшое число, какъ то — возможность достиженія женщиною научнаго образованія и научной дѣятельности, возможность организаціи женскаго труда и посредствомъ его женской независимости; но тутъ еще далеко до гражданской равноправности и участія женщины въ гражданской дѣятельности. А между тѣмъ, сущность вопроса заключается не въ чѣмъ другомъ, какъ въ гражданской равноправности; но дѣло еще держится въ тискахъ всякихъ предразсудковъ — религіозныхъ, семейныхъ, наконецъ даже въ уклоненіи большинства женщинъ отъ пониманія и признаанія вопроса, и конечно, его ясная постановка *теперь* еще не возможна.

Мы даже паходимъ болѣе начала гражданской равноправности женщины и мужчины въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ мужчины уходятъ на заработки артелями; а женщины, оставаясь дома, составляютъ мірскіе сходки, рѣшаютъ поземельныя раздѣлы и раскладку повинностей и выбираютъ изъ своей среды всѣ должностныя лица, кромѣ старосты*. За то, въ этомъ есть *только начало* гражданской равноправности мужчины и женщины, а по недостатку образованія, пѣтъ ея развитія. Но все же дѣло благонамѣренныхъ людей помогать разрожденію этого начала возможной пропагандой, не менѣе дѣятельной, какъ и пропаганда женской научной дѣятельности, женскаго труда и женской независимости въ другихъ сословіяхъ, хотя бы ясная постановка вопроса въ настоящее время и не была еще возможна.

Такимъ образомъ — научная организація воспитанія составляетъ одинъ изъ существеннѣйшихъ вопросовъ, котораго совершенно разработанная постановка — еще неприложима. Научная организація воспитанія должна охватить всѣ возрасты всѣхъ сословій — отъ первоначальной школы, до академическаго ученія, ставя предметомъ человѣку, вмѣсто затверженностей, наблюденіе и пониманіе. По этому вопросу опять держится въ тискахъ всѣмъ, что большинство привыкло принимать на вѣру. Вопросъ дѣйствительно заключается въ положительной наукѣ (пожалуй — хотя бы такъ называемой положительной философіи, нынѣ запрещенной не вско-императорской цензурой). А если вы хорошенько вникните въ его сущность, то увидите, что безъ него социальное построеніе общества едва-ли придетъ къ своей постановкѣ, будучи раздираемо на клочки всякаго рода государственными вѣрваніями. Вы опять увидите здѣсь, что въ обычаяхъ владѣнія русскаго народа — гораздо больше социальнаго начала, чѣмъ въ какой бы то ни было организаціи; но *только начала*, а для его развитія необходима организація положительнаго научнаго воспитанія. Но какимъ-же образомъ мы придемъ къ постановкѣ этой организаціи? Опять таки,

* Матеріалы для Географіи и Статистики Россіи, собранные описателями. Рязанская губернія. Составилъ М. Барановичъ. С.-Петербургъ, 1860. Стр. 306.

расчищая для положительной науки путь равноправности относительно всѣхъ убѣжденій, принятыхъ на вѣру, всѣхъ религій, равно теологическихъ и государственныхъ; а въ этой равноправности науки и вѣры заключается единственное основаніе дѣйствительной свободы печати.

Конечно, я не исчислилъ вамъ *всѣхъ* дальнихъ вопросовъ человеческого развитія; но все же я указалъ вамъ, хотя бы на два примѣра. Теперь же вернемтесь къ вопросамъ, вытекающимъ изъ современныхъ данныхъ, которые именно и явятся вопросами расчищающими пути дальнѣйшихъ положеній и развитій.

И тутъ безъ всякаго сомнѣнія, на первомъ планѣ, поставится вытекающая изъ современныхъ данныхъ—потребность народнаго кредита.

Н. Огаревъ.

(Продолженіе впереди).

СМѢСЬ.

Катится Русь по желѣзнымъ дорогамъ, но всё еще дѣло какъ-то не налаживается. То постройка чугунки обойдется вдвое, то поѣздъ соскочитъ съ рельсовъ, то въ сибѣ застрянетъ, то за недостаткомъ вагоновъ товаръ сидеть на мѣстѣ (и тогда какая торговля!) то поѣздъ озабываетъ такъ, что даже газеты не получаютъ сути цѣлыя (тутъ что то уже и почтовое вѣдомство похрамываетъ при разсылкахъ). Примѣровъ этому конца нѣтъ, такъ что если всё выписывать, то мѣста не хватитъ. Одинъ изъ случаевъ самыхъ замѣчательныхъ по убытку напесенному краю, былъ въ Февралѣ:

“Прошло едва 5 мѣсяцевъ, какъ открыта Козловская желѣзная дорога, и вотъ, сообщаетъ корреспондентъ “Голоса”, Козловъ стонетъ, именно стонетъ отъ этой дороги. Въ настоящее время въ городѣ лежитъ до 5 милл. пудовъ груза, а оттуда отходить не болѣе 10 или 20 вагоновъ. Грузъ этотъ почти весь проданъ на московской биржѣ по контрактамъ. Купцы въ отчаяніи, несутъ громадные убытки, но на всѣ ихъ жалобы имъ отвѣчаютъ, что къ 1 Марта вагоны вѣроятнo будутъ. Послали жалобы и къ губернатору, но и губернаторъ ничего не можетъ сдѣлать, ибо управленіе желѣзной дороги не связано никакими обязательствами до 1 Марта”.

Одинъ изъ примѣровъ самыхъ замѣчательныхъ по своему казенно-чиновничьему складу, случился на дорогѣ изъ Москвы въ Троицкую лавру и описанъ въ *Моск. Вѣдомостяхъ* г. Богдановичемъ. Послѣ безчисленныхъ затрудненій, сидѣній въ сибѣ, голоданій и пр. путешественники жаловались начальнику Хотьковской станицы.

“Явился начальникъ станицы, молодой еще и статный человекъ; хладнокровно покручивая усы, онъ взглянулъ на вопиющихъ какимъ-то сонно-чиновнымъ взглядомъ и спросилъ чего имъ угодно. Спросите у утопающаго чего ему угодно. Поднялся крикъ. Начальникъ станицы тотчасъ объявилъ, что онъ офицеръ, хотя на немъ было статское платье; затѣмъ пояснилъ, что весь этотъ случай до него не касается, что у него обязанность другая, что онъ въ сторонѣ; однимъ словомъ обнаружилъ къ нашей печальной судьбѣ совершенное равнодушіе. Это еще болѣе взорвало пассажировъ. Позволяю себѣ одно замѣчаніе: я увѣренъ, что г. начальникъ Хотьковской станицы, увидавъ въ частной своей жизни чью-нибудь бѣду, непременно пособилъ-бы бѣдствующимъ, предложилъ-бы мнѣ помощь, которая была-бы въ его силахъ, отдалъ-бы свои хлѣбъ, свои три комнаты, выразилъ-бы сожалѣніе, сочувствіе, сдѣлалъ-бы какія-нибудь распоряженія. Все-бы онъ это конечно сдѣлалъ изъ потребности помочь ближнему, но на службѣ должностной человекъ перѣдко обращается въ сухую формулу, въ механическое исполненіе такого-то параграфа инструкціи или такого-то предписанія начальства.

“Этимъ я и могу только объяснить мертвую стойкость невозмутимаго стационнаго зрителя, озабоченнаго собственною личностью и собственнымъ достоинствомъ, а вовсе не дѣйствительно жалкою участью его почтихъ гостей. Между тѣмъ потребность изъ продовольствія возрастала”.....

И такъ и на новыхъ рельсахъ старое чиновничество и офицерство!

Къ чему-же ведетъ всё это? Да къ тому, на примѣръ, что правительствомъ, построившее николаевскую желѣзную дорогу за двойную цѣну противъ стоимости, теперь, ради поправленія своихъ финансовъ, ищетъ продать её иностраннымъ банкирамъ (*Голосъ* № 78). Что оно своихъ финансовъ не поправитъ такою продажей—это для всѣхъ въ Россіи очевидно. Что оно отдастъ самую *дорогую* вѣтвь желѣзныхъ дорогъ въ лапы иностраннаго банкирства—это чрезвычайно тревожитъ общественное мнѣніе. Между тѣмъ правительство хлопочетъ о сѣти желѣзныхъ дорогъ, предлагаетъ пособія желѣзно-заводчикамъ на заведеніе постройки машинъ, сдѣлать постройки разныхъ новыхъ вѣтвей *земству*. Не очевидно ли—чтобъ дѣло пошло впередъ, надо вообще отказаться отъ казеннаго управленія, очистить желѣзныя дороги, и старыя и новыя, отъ казеннаго, чиновничьяго, офицерскаго, жандармскаго вмѣшательства, сдать всё постройки новыя дороги и управленіе старой николаевской чугунки—*земству*, съ правомъ управлять дѣйствительно, нанимать кондукторовъ и надзирателей и пр. и пр... и тогда дѣло пойдетъ на ладъ, и сами земства и населенія оживятся. Пора правительству понять, что для него во всѣмъ наступаетъ пора *ликвидации*.

— Болгары подали Султану адрессъ о дарованіи имъ самостоятельности и конституціи. Для образчика помѣщаемъ слѣдующій отрывокъ:

“Государь! ни одинъ Болгаръ, понимающій интересъ своей страны и своей національности, не можетъ смотрѣть благосклонно на стремленіе возстановить Византійскую имперію или увеличить ея владѣнія въ ущербъ другимъ, ибо если утрата какой-нибудь области на юго-востокѣ или сѣверо-западѣ имперіи составляетъ посягательство на достоинство славнаго престола в. н. в., то она также вредитъ единству народа болгарскаго.

“Однакожь, мы стали бы говорить противъ нашихъ убѣжденій, еслибы, въ видахъ пустой лести, вздумали утверждать передъ в. н. в., что движеніе Грековъ на границахъ Албаніи и Македоніи, т. е. до предѣловъ распространенія болгарскаго элемента, или движеніе Сербовъ на верхнихъ границахъ Болгаріи, не найдутъ поддержки также въ Болгаріи этихъ областей.

“Мы далеки отъ мысли при брѣбнѣ лестию столь-же лестную благосклонность в. н. в. къ нашему народу. Мы даже увѣремъ васъ, государь, что несмотря на ущербъ, причиняемый ему замыслами выше упомянутыхъ сосѣднихъ народовъ, нашъ народъ приметъ естественно сторону тѣхъ и другихъ *не потому, что одни съ нимъ единой вѣры, а другие единого племени, но потому, что онъ не пользуется свободой* и у него нѣтъ ничего дороже, что бы онъ могъ защищать, и даже наслѣдственнаго очага. Вотъ почему простой Болгаръ будетъ и впередъ смотрѣть какъ на своего освободителя на каждаго чужеземнаго завоевателя его страны, также какъ онъ смотрѣлъ до сихъ поръ.

“Какимъ-же образомъ не допустить Болгара принять сторону чужеземца? Какъ внушить ему желаніе защищать имперію какъ свою собственную землю?

“Отвѣтъ очень простъ. Даровать ему самостоятельность, которой онъ требуетъ, и подтвердить его права, которыя привяжутъ его къ имперіи какъ къ его собственному отечеству. *Еслибы это было сдѣлано давно, смѣемъ утверждать, много несчастій было бы предотвращено*”.

Въ то-же время, какъ Болгары подаютъ Султану такой человеческій адрессъ, Русскій Императоръ разводитъ усиленное число жандармовъ въ Польшѣ и на Кавказѣ, по цѣлой странѣ вообще и по желѣзнымъ дорогамъ въ особенностію. Для образчика выпишемъ тоже нѣсколько отрывковъ изъ “*Положенія о варшавскомъ и кавказскомъ жандармскихъ округахъ*”, составленныхъ изъ 3го и 6го округа корпуса жандармовъ и введенныхъ въ дѣйствіе съ 1 Января 1867 года:

“1. Варшавскій и кавказскій жандармскіе округа составляютъ:

“Окружныя управленія.

“Губернскія жандармскія управленія.

“Уѣздныя жандармскія управленія, въ одномъ варшавскомъ округѣ.

“*Жандармское полицейское управленіе всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ Царствѣ Польскомъ.*

“Варшавскій жандармскій дивизионъ.”

“Жандармскія команды : крѣпостныя въ варшавскомъ округѣ и губернскія въ кавказскомъ округѣ.

“2. Губернскія жандармскія управленія полагаются : въ варшавскомъ округѣ въ каждой изъ 10 губерній Царства Польскаго, и въ кавказскомъ округѣ въ губерніяхъ : Тифлисской, Кутаисской, Бакинскои, Эриванской и Ставропольской.

“3. Уѣздныя жандармскія управленія варшавскаго округа состоятъ по одному на каждые два изъ 84 уѣздовъ Царства Польскаго и, сверхъ того, одно собственно для Варшавскаго уѣзда. Изъ общаго числа 43 уѣздныхъ управленій, 10 состоятъ въ уѣздахъ городовъ губернскихъ, а остальные 33 въ уѣздахъ не губернскихъ.

“4. Жандармскія команды содержатся по одной : въ варшавскомъ округѣ, въ крѣпостяхъ : Новогеоргиевскѣ и Ивангородѣ, и въ кавказскомъ округѣ, въ городахъ Тифлисѣ и Ставрополѣ.

“5. Губернскія и уѣздныя управленія и жандармскія команды именуются по тѣмъ губерніямъ, уѣздамъ, крѣпостямъ и городамъ, въ коихъ находятся.

“Примѣчаніе : Управленія варшавскаго округа, назначаемыя для двухъ уѣздовъ, называются жандармскими управленіями такихъ - то уѣздовъ.

“8. Варшавскій и кавказскій жандармскіе округа состоятъ въ вѣдѣніи шефа жандармовъ, однаково со всѣми прочими округами корпуса жандармовъ, подчинилъ ему : по строевой части, чрезъ штабъ корпуса, а по наблюдательной, чрезъ III отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи.

“14. Обязанности командировъ частей и вообще начальствующихъ и должностныхъ лицъ въ варшавскомъ и кавказскомъ жандармскихъ округахъ, въ строевомъ, дисциплинарномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, опредѣляются общими постановленіями, соотвѣтственно степени власти, каждому присвоенной, а въ наблюдательномъ отношеніи, составляющемъ служебное назначеніе жандармовъ, особыми инструкціями.

“15. Въ наблюдательномъ отношеніи, жандармскіе чины исполняютъ и всѣ предписанія намѣстника, обращенныя къ нимъ непосредственно, хотя - бы помимо бланкашаго своего начальства, донося о послѣдствіяхъ исполненія подобныхъ порученій какъ намѣстнику, такъ и своему начальству.

“16. Начальствующія лица объѣзжаютъ мѣстности, ввѣренныя ихъ наблюдению : начальникъ округа лично, или чрезъ довѣренныхъ лицъ, не менѣе двухъ разъ въ годъ; губернскіе жандармскіе начальники и начальникъ полицейскаго управленія желѣзныхъ дорогъ, лично, не менѣе трехъ разъ въ годъ, а начальники уѣздныхъ управленій и участковые офицеры желѣзныхъ дорогъ сколь возможно чаще и никакъ не менѣе : первые — одного раза, а послѣдніе — двухъ разъ въ мѣсяцъ; нижніе же чины уѣздныхъ жандармскихъ управленій обходятъ свои участки по усмотрѣнію ближайшаго своего начальства и съ назначенія губернскихъ жандармскихъ начальниковъ.

“19. Исполняя всѣ обязанности, возлагаемыя существующими законоположеніями и инструкціями, которыя имъ будутъ даны, жандармскіе чины руководствуются въ то же время, въ дѣлѣ наблюденія, указаніями и разъясненіями непосредственнаго только жандармскаго начальства.

“21. Уѣздныя жандармскія управленія исполняютъ обязанности собственно въ наблюдательномъ отношеніи. Въ возстановленіи же нарушеннаго порядка они содѣйствуютъ въ томъ только случаѣ, когда будутъ приглашены къ сему мѣстными властями, а безъ этого принимаютъ сами непосредственное участие въ охраненіи общественнаго спокойствія только тогда, когда не будетъ на мѣстѣ чиновъ исполнительной полиціи.

“22. Полицейское управленіе желѣзныхъ дорогъ независимо отъ наблюдательныхъ, исполняетъ и обязанности полиціи исполнительной, принимая непосредственное участие къ предупрежденію и пресѣченію* нарушеній общественнаго благочинія.

“23. Уѣздныя жандармскія управленія, а равно полицейское управленіе желѣзныхъ дорогъ, размѣщаются по уѣздамъ и станціямъ желѣзныхъ дорогъ не менѣе какъ по два человека на каждый пунктъ; начальники же уѣздныхъ управленій, а равно участковые офицеры желѣзныхъ дорогъ, размѣщаются по городамъ и станціямъ съ назначенія шефа жандармовъ.

“24. Въ необходимыхъ случаяхъ, нижніе чины уѣздныхъ жандармскихъ управленій назначаются, по требованіямъ мѣстныхъ губернаторовъ, для сопровожденія государственныхъ преступниковъ, но не далѣе какъ до перваго попутнаго губернскаго города, гдѣ они зачѣняются другими жандармами для конвоированія арестанта, на тѣхъ же основаніяхъ. Подобные паряды не обременяетъ, однакоже и зависятъ отъ согласенія мѣстной губернской власти съ губернскимъ жандармскимъ начальникомъ, который соображаетъ возможность командированія жандарма безъ ущерба для наблюдательной службы.

* И такъ до сихъ поръ, изъ свода законовъ, вездѣ проводится статья о предупрежденіи преступленій! Какое - же можетъ быть предупрежденіе преступленій — кроме народнаго образованія съ одной стороны и съ другой — общественной свободы?

† Это ясно доказываетъ, что жандармы играютъ роль политическихъ наблюдателей, а не охранителей общественнаго спокойствія.

“25. Варшавскій жандармскій дивизионъ и жандармскія команды, крѣпостныя и губернскія, несутъ обязанности полиціи исполнительной, назначая необходимое для сего число чиновъ по требованіямъ комендантовъ губернаторовъ и варшавскаго оберъ-полицеймейстера, а потому, на время исполненія этихъ обязанностей, подчиняются непосредственно поименованнымъ лицамъ. Независимо отъ обязанностей въ чертахъ городовъ и крѣпостей, жандармскій дивизионъ и команды исправляютъ и тѣ порученія, которыя на нихъ будутъ возложены непосредственнымъ начальствомъ, или намѣстникомъ.

“26. Въ случаяхъ особенной важности, или же необходимости командированія жандармовъ секретнымъ образомъ, они посылаются на почтовыхъ или на вольнопасенныхъ лошадяхъ въ дилижансахъ, почтовыхъ каретахъ, на пароходахъ и по желѣзнымъ дорогамъ, съ возвращеніемъ издержекъ отъ казны. Подобные расходы утверждаются начальникомъ штаба корпуса жандармовъ, по соглашенію съ III отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи.

“29. Офицеры и классные чиновники, предназначаемые въ жандармскіе округа, испытываются до перевода при штабѣ корпуса какъ въ нравственныхъ качествахъ, такъ и въ служебныхъ достоинствахъ; съ этою цѣлю, прикомандировываются къ штабу только тѣ изъ нихъ, которые окончили курсъ наукъ по ниже среднихъ учебныхъ заведеніямъ и прослужили въ офицерскомъ званіи не менѣе пяти лѣтъ.

“30. Штабъ и оберъ-офицеры и классные чиновники польскаго происхожденія или католическаго исповѣданія не должны быть переводимы въ варшавскій и кавказскій жандармскіе округа*. Возбраняется также переводить въ оныя бывшихъ въ штрахъ по суду и сѣдствію, равно имѣющихъ денежные долги.

“40. Все содержаніе варшавскаго жандармскаго округа относится на счетъ суммъ Царства Польскаго и доходовъ г. Варшавы; по всѣ распоряженія по отпуску предметовъ довольствія остаются на обязанности подлежащихъ хозяйственныхъ учрежденій военнаго министерства”.

Чего это бонится государь, вмѣсто того чтобы хорошенько проштудировать Болгарской адрессъ, въ которомъ сказано : “Даровать самостоятельность, подтвердить права, которыя привяжутъ народы къ имперіи какъ къ собственному отечеству, и что еслибы это было сдѣлано давно, то было бы и предотвращено много несчастій?...”

Къ довершенію вся эта наблюдательная команда (по пункту 40) станетъ жить на счетъ суммъ Царства Польскаго и доходовъ г. Варшавы! Кавказъ пощажѣнъ покамѣстъ.

Но чего это, въ самомъ дѣлѣ, бонится государь, или плохо приходится и Рейтервъ не помогаетъ, не смотря на дозволеніе пивныя бочки продавать по улицамъ?

— Вотъ какое чудо изобрѣлъ Совѣтъ Главнаго управленія по дѣламъ печати :

“ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ г. редакторамъ освобожденнымъ отъ предварительной цензуры поврежденныхъ изданій.

“Г. министръ императорскаго двора сообщилъ г. министру внутреннихъ дѣлъ, что въ нѣкоторыхъ петербургскихъ періодическихъ изданіяхъ, освобожденныхъ отъ предварительной цензуры, печатаются статьи, имѣющія явную цѣлю распространеніе въ публикѣ ложныхъ и предосудительныхъ слуховъ объ управленіи императорскими театрами и нагло (?) порицаніе дѣйствій театральнаго администратіи подъ видомъ намековъ, предположеній и запросовъ весьма оскорбительнаго свойства, которые въ отношеніи учрежденія правительства, по правиламъ о книгопечатаніи, допускаемы быть не могутъ”...??!

Каковы милый слогъ! “Налое порицаніе въ отношеніи учрежденія правительственнаго!” Тутъ нагло только то, что министръ императорскаго двора смѣетъ говорить о какой бы то ни было редакціи журнала — съ обычной пошлостью квартальнаго надзирателя. Продолжаемъ выписку предостереженія:

“Таковы, между прочимъ, статьи, напечатанныя въ Январѣ сего года по поводу постановки на сцену трагедіи : “Смерть Іоанна Грознаго” въ газетѣ “Народный голосъ” №. 14, подъ рубрикою “Слухи и вѣсти изъ нашей жизни” и въ “Петербургскомъ листкѣ” №. 10, подъ заглавіемъ “Правда-ли это?”, а также, въ №. 17 послѣдней газеты, статья : “Роскомъ въ талантахъ и ихъ содержаніи”.

“Всѣдствіе сего генералъ - адъютантъ графъ Адлербергъ I просилъ принять мѣры къ воспрепятствованію распубликованія подобныхъ статей на будущее время(!)...

* А говорятъ еще, что и правительство патрiотично и православно! Между тѣмъ оно отъ роли шпионовъ забываетъ только поляковъ и католиковъ.

“По разсмотрѣнн вышезложеннаго въ Совѣтъ *главнаго управленія по дѣламъ печати*, Совѣтъ положилъ: *сдѣлать распоряженіе, чтобы не были допускаемы въ подлежащихъ разсмотрѣнію цензуры изданійхъ статьи подобныя тѣмъ, на которыя указано въ упомянутомъ отношеніи министра императорскаго двора и поставить объ этомъ распоряженіи въ извѣстность редакторовъ повременныхъ изданій, изъятыхъ отъ предварительной цензуры, объяснивъ имъ, что при дальнѣйшемъ помѣщеніи подобныхъ статей, авторы оныхъ и редакторы изданій, напечатавшихъ эти статьи, будутъ подвергнуты соотвѣтствующему изысканію”...*

Ай да Адлербергъ! ай да Валуевъ! ай да Совѣтъ по дѣламъ печати! Это уже не только подражаніе французскому, это идетъ гораздо дальше: вскорѣ появится циркуляръ запрещающій говорить противъ заведенія гдѣ бы то ни было кабака, потому что кабаки тоже *правительственное учрежденіе*.

— Вотъ юридическій казусъ совершенно оригинальный:

“Сотрудникъ “Русскихъ Вѣдомостей”, мѣщанинъ Николай Пастуховъ, принесъ мировому судѣ жалобу на оскорбленіе, нанесенное ему квартальнымъ надзирателемъ Ильинскимъ, когда онъ, въ качествѣ сотрудника, пришелъ къ Ильинскому узнать касательно слуховъ о какихъ-то пещерахъ близъ Дрогомиловскаго моста. Мировой судья приговорилъ Ильинскаго къ аресту на одну недѣлю. Товарищъ прокурора подалъ на этотъ приговоръ протестъ, который былъ найденъ мировымъ съѣздомъ не заслуживающимъ уваженія; приговоръ же мирового судьи утвержденъ. На это рѣшеніе съѣзда товарищъ прокурора подалъ опять протестъ, а Ильинскій кассационную жалобу, въ которыхъ они доказывали неподсудность мировымъ учрежденіямъ настоящаго дѣла, подлежащаго разсмотрѣнію полицейскаго начальства, въ порядкѣ, установленномъ для дѣлъ о преступленіяхъ по должности. Правительствующій сенатъ находитъ, что въ жалобѣ, поданной мировому судѣ, Пастуховъ заявилъ, что надзиратель в кварт. Хамови. части нанесъ ему оскорбленіе за то, что онъ, въ качествѣ сотрудника “Русскихъ Вѣдомостей”, пришелъ узнать отъ него положительныя свѣденія объ открытыхъ въ кварталѣ его пещерахъ. Ясно, что Пастуховъ обратился къ Ильинскому, какъ къ лицу оффиціальному, который, по должности своей, могъ дать ему эти свѣденія, и что и самъ онъ признавалъ оскорбленіе отъ Ильинскаго, какъ идущее отъ лица оффиціального. А такъ, какъ преступленія по службѣ не подлежатъ разбирательству мирового судьи, *то сенатъ опредѣлилъ: ‘приговоръ мирового съѣзда 1 округа г. Москвы отмѣнить, а дѣло передать на разсмотрѣніе начальства квартальнаго надзирателя, въ порядкѣ, указанномъ 1085 ст. Уст. Уг. Суд.’*”

Теперь берегитесь господа Москвичи, или вообще Россіяне! Если квартальный надзиратель ни съ того ни съ чего ударить кого въ зубы, то виноватъ будетъ не ударившій, а ударенный, потому что квартальный надзиратель — не то что обыкновенные люди — ѣсть, пить и всякое другое дѣло дѣлаетъ *исключительно по службѣ*.

“Отцы отечества въ мундирахъ красныхъ!
Какъ это нѣтъ у васъ понятій ясныхъ,
И не впередъ васъ изъ апелляціонныхъ
Подвинуло названье кассационныхъ?
Не даромъ въ васъ пародъ, на зло призракамъ,
Обычное находитъ сходство съ ракомъ.”

(Вѣтхій сатирикъ).

— 22го Марта, въ уголовномъ отдѣленіи петербургскаго окружнаго суда разсматривалось курьезное дѣло коллежскаго секретаря Протопопова. — 1866 года, 4го Юля, канцелярскій чиновникъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, Протопоповъ, оскорбленный тѣмъ, что мѣсто ему обѣщанное, было дапо графу Комаровскому и что къ начальнику департамента — кто-то написалъ анонимное письмо для оклеветанія его, Протопопова, и подозрѣвая въ написаніи этого письма вице-директора департамента графа Коскуля, вошелъ въ директорскую комнату и ударилъ графа Коскуля ладонью по лицу, при чемъ на верхней части лѣваго виска произведено окровавленное ссаденіе кожи.

Защитникъ подсудимаго, Харгулари, защищалъ его тѣмъ,

что поступокъ былъ совершенъ въ припадкѣ сумашествія, и судъ присяжныхъ оправдалъ Протопопова, при громкѣ рукоплесканій со стороны публики, не смотря на замѣчаніе судьи, что въ судѣ хлопать неприлично и что, если это будетъ продолжаться, то онъ велитъ вывести публику. Должно быть аплодированье въ судѣ неприлично тоже потому, что судъ правительственное учрежденіе и, вѣроятно, Адлербергъ вскорѣ запретитъ аплодисменты въ театрѣ. Оно такъ и слѣдуетъ: не смѣй порицать, не смѣй — и аплодировать.

По при этомъ судѣ случился еще особенный казусъ, который мы выписываемъ изъ *Голоса*:

“Публики собралось огромное число, такъ что трибуны, назначенныя для нея, были переполнены, и поставленнымъ у входовъ жандармамъ отдавъ былъ приказъ не впускать болѣе никого. Къ двери подошелъ военный штаб-офицеръ и требовалъ отъ часового, чтобы тотъ выпустилъ его; часовой отказалъ, основываясь на данномъ ему приказѣ; штаб-офицеръ замѣтилъ ему, что развѣ онъ не видитъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло, что передъ нимъ стоитъ полковникъ? Часовой, говоря, отвѣчалъ, что онъ никого выпустить не имѣетъ права. На сколько точны и вѣрны эти подробности, не знаемъ и за нихъ не ручаемся, по дѣло въ томъ, что эти объясненія кончились самою прискорбною развязкою: штаб-офицеръ погрозилъ ударить, или, какъ говорятъ иные, даже ударилъ часового. Свидѣтелей этого происшествія было не мало, и по донесеніи о томъ судебнымъ приставомъ предсѣдателю суда, о немъ былъ составленъ протоколъ... Не можемъ не остановиться, при этомъ, на странномъ сближеніи фактовъ. Штаб-офицеръ пришелъ слушать дѣло о нанесеніи чиновникомъ своему начальнику оскорбленія дѣйствіемъ (ударомъ по лицу) и въ то-же время самъ нанеситъ оскорбленіе трюкомъ также дѣйствіемъ: мѣсту — куда пришелъ, власти — отдавшей приказъ часовому, и лицу — строго исполнявшему этотъ приказъ”.

— Дѣло о покражѣ 750,000 пудовъ казенной соли въ Нижнемъ - Повгородѣ, кажется, по не многу разъясняется:

“Домашнимъ образомъ арестованы теперь по обвиненію въ расхищеніи соли: предсѣдатель казенной палаты (пьянъ уволенный), тайный совѣтникъ Вердеревскій, и совѣтникъ той-же палаты, Авоискій, и въ городской тюрьмѣ приставъ солонныхъ магазиновъ, Терснй. Въ домѣ одного миллионера производился самый подробный и тщательный обыскъ, продолжавшійся, какъ говорятъ, часа четыре. Искали, ужъ разумеется, не соли, а чегонибудь, что могло бы служить доказательствомъ, что онъ прикосновенъ къ дѣлу, какъ покупавшій завѣдомо краденую соль. У Вердеревскаго оказались три солиныхъ варницы въ Балахнѣ; у всѣхъ трѣхъ арестованныхъ оказалось по пароходу, которые, слышно, сильно пропитаны солью”...

А что-же сдѣлалось съ краденымъ желѣзомъ?

Молодцы! Но подождемъ окончанія слѣдствія и суда.

— А вотъ примѣръ, какъ хорошо жить безземельному населенію въ Россіи и на сколько оно въ русскомъ обычаѣ:

“На дняхъ, пишетъ одинъ изъ москвичей въ “Русскихъ Вѣдомостяхъ” мнѣ довелось быть свидѣтелемъ одного разбирательства у мирового судьи. Привели проживавшаго безъ паспорта бывшего двороваго человека, челоѣкка не совѣтъ молодого, но и нестарого. Подсудимый, кромѣ того, что не имѣлъ вида, сознался и въ прошеніи милостыни. Судья, по соволупности преступленій, приговорилъ обвиненнаго къ аресту въ тюрьмѣ на мѣсяць и послѣ объявленія приговора спросилъ: — “доволенъ ли ты моимъ рѣшеніемъ?” — Доволенъ-то доволенъ, ваше благородіе, а еще бы доволенъ бы былъ, кабы вы да меня ужъ до тепла посадили подъ арестъ-то.”

— “Въ харьковскомъ земскомъ собраніи, по поводу заявленія гласнаго, г. Делари, о скорѣйшей необходимости приступить къ дѣйствительному пособію дѣлу народнаго образованія, было сдѣлано гласнымъ Данилевскимъ весьма любопытное обзорное ходъ народнаго образованія въ Харьковской губерніи. По изысканіямъ преосвященнаго Филарета, въ *Харьковской губер. въ 1732 было 135,000 жителей и 47 сельскихъ школъ. Теперь въ губерніи 1,590,000 жителей и около 285 школъ.* Следовательно въ эти 134 года народонаселеніе губерніи увеличилось въ 12 разъ, а число школъ только въ 6 разъ, или иначе съ 1732 года число школъ не увеличилось, а уменьшилось вдвое. Тогда одна школа приходилась почти на 5,000 челоѣккъ. Имѣя въ виду, что всѣхъ учащихся въ школахъ около 10,000 челоѣккъ, оказывается, что одинъ учащійся приходится на 145 или 150 челоѣккъ не учащихся, и если дѣло образованія народа останется въ такомъ-же положеніи, то можно положительно сказать, что крестьяне губерніи, т. е. 5/6 всего народонаселенія ея, станутъ грамотными только чрезъ 150 лѣтъ, или только въ 2020 году послѣ Рождества Христова”.

— Соперники большого колокола и большой пушки. — Корреспондент *Порда*, говоря о своемъ трехдѣльномъ пребываніи въ Москвѣ, указываетъ, какъ на двѣ рѣдкости, не на большой колоколъ, не на большую пушку, а на Филарета, 84-лѣтняго первосвященника, и на *Каткова*, болѣе юнаго, но столь же великаго первоиздателя. Передъ паденіемъ одного изъ предшественниковъ Каткова — императора Николая, какой-то американскій шутъ заврался до того, что двѣ свиновья пуди, которыми сморѣлъ Николай, назвалъ *mild eyes*, къ большому удовольствію *Шунша*. То же испытываетъ теперь Катковъ. Корреспондентъ посѣдилъ его и точно будто опъ лазилъ въ кибку Салтычихи — не надвигается любезности и кротости яраго редактора-инквизитора. Ужъ не клопнется ли къ концу великая карьера муравьевскаго Гомера? Онъ что-то блѣднѣетъ, вывѣтривается, его начинаютъ “муссировать” бельгійскіе корреспонденты и что всего хуже — его ставятъ злымъ *Вѣсти* не только соперникомъ большого колокола, но и *малого*, именно нашего. Одинъ добъзжачій большой барской охоты пачинаетъ думать, что у *Московскихъ Вѣдомостей* и *Колокола* одна редакция (хорошъ комплиментъ намъ!) и называетъ Катковскія статьи *Колокольными*. Ужъ не Катковъ ли не только выдумалъ, но и въ самомъ дѣлѣ завелъ Тульчинскую агенцію?

Видно и Каткову страшна стала пропасть, въ которую онъ нхалъ ежедневно Россію, и онъ паткнулся на предѣлъ — и нашлись люди больше Катковы, чѣмъ онъ самъ.

А назадъ-то воротиться тоже нельзя, Серафимъ Абадонна. придется ему “печальной мыслью бродить въ минувшемъ” — и краснѣя за настоящее, получать отъ своихъ же однокорытчиковъ обиды и толчки.

Съверное ремесло быть *репетиторомъ*.

— *Реформа семинарій*. Реформирующее правительство строго соблюдаетъ постепенность въ своихъ реформахъ, принимая за постепенность — боязнь придти къ опредѣленной реформѣ. Такимъ образомъ является высочайше утвержденный комитетъ для преобразованія духовно-учебныхъ заведеній. Улучшеніе, которое предлагаетъ этотъ комитетъ состоятъ въ выборности состава семинарскаго правленія, которое избирается духовенствомъ епархіи на шесть лѣтъ, т. е. на срокъ семинарскаго курса; а правленіе въ свою очередь выбираетъ должностныхъ лицъ и преподавателей. Разумѣется все это съ утвержденіемъ епархіальнаго архіерея, съ которымъ комитетъ старается породить у епархіи какую то родственную близость. Очевидно дѣло проходить черезъ посредство монашествующаго чина и семинарія все же остается учебнымъ заведеніемъ касты. Спросили — бы бѣлое духовенство — оно, вѣроятно, захотѣло бы реформы по проще и по рѣшительнѣе. Оно было бы гораздо больше радо, еслибъ его дѣти получали просто общее образованіе и могли бы потомъ избирать себѣ поприще по желанію, и все это въ деспотизма монашествующаго чина. И чѣмъ проще бѣлое духовенство, напр. сельское духовенство, тѣмъ больше оно было бы радо полной реформѣ, потому что знаетъ, что выгодно быть духовнымъ лицомъ только въ большихъ городахъ да въ столицахъ, а иначе духовный санъ и бѣдность нераздѣльны.

— Московское скаковое общество предложило устроить на счетъ города постоянный призъ для скакуновъ, рожденных въ Россіи, въ честь О. И. Комисарова-Костромскаго; по городу не согласился на томъ основаніи, что соединеніе имени спасителя царской жизни съ такими преміями совершенно неумѣстно и что имя лица, спасающаго жизнь царя, останется навсегда дорого для всего русскаго народа, безъ всякихъ какого-бы то ни было рода памятниковъ.

Даже часовень!* А между тѣмъ въ Россіи, какъ насъ извѣщаютъ, сильно поговариваютъ, что Комисаровъ возведенъ въ санъ царскаго спасителя генераломъ Тотлебеннымъ.

* Смотрите примѣчаніе на первомъ столбцѣ этого листа.

— *Отне exit in fumo.* — Нашъ дорогой гость И. С. Тургеневъ, говоритъ *Моск. Вѣдомости*, будетъ читать въ пользу Галичанъ отрывокъ изъ своего “Дыма”. Мы увѣремъ, что И. С. Тургеневъ будетъ протестовать противъ титула “дорогаго гостя” *Моск. Вѣдомостей*. Его благородная и энергическая оцѣнка полицейской редакціи этого органа, служить намъ залогомъ.

Поздравляемъ нашего знаменитаго “Охотника” съ началомъ политической дѣятельности; агитація въ пользу Галичскаго возстанія, мы надѣмся, будетъ успѣшнее болгарской и отъ души желаемъ, чтобы не смотря на отрывки “Дыма”, она не кончилась какъ Болгарь и Травіата — *кашлемъ*, а здоровой грудью пошла бы впередъ.

— *Новый Журналъ*. М. П. Погодинъ издаетъ съ 13 Марта новый журналъ подъ заглавіемъ *Русскій*. Если онъ желаетъ стараго пріятеля своего *Ведрина* сотрудникомъ, онъ очень радъ будетъ посылать ему — по отъ своихъ заморскихъ чувствованій и отрывки своихъ дневниковъ.

Интересно, какое мѣсто займетъ *Русскій* старикъ, между Харибдой Аксамова и Сциллой Каткова?

— Въ *Томскѣ* произведено много арестовъ въ кругу купеческомъ и чиновническомъ, но по какому случаю, неизвѣстно.

— Помѣстивъ столько разнородныхъ фактовъ, которые могутъ всякаго благонамѣреннаго русскаго человека привести въ уныніе, постараемся помѣтить хотя одно утѣшительное явленіе. Утѣшительнымъ явленіемъ, по крайней мѣрѣ намъ, показались выборы кн. Щербатова московскимъ городскимъ головою на второе четырехлѣтіе. Показались они намъ утѣшительнымъ явленіемъ по нѣкоторымъ словамъ, произнесеннымъ на этихъ выборахъ. На пр., въ отвѣтъ на рѣчь, сказанную старшиною купеческаго сословія Боксанжого, въ которой онъ благодарилъ Щербатова за всѣ улучшения по городскому хозяйству и которую закончилъ слѣдующими словами: “Однаково заботились вы о нуждахъ всѣхъ сословій, безразлично протягивали вы руку именитому вельможѣ и скромному ремесленнику. Всѣ сословія полюбили васъ отъ всего сердца и общее желаніе видѣть васъ вторично городскимъ головою, выразилось въ новомъ, блистательномъ избраніи васъ въ ту же должность и на предстоящее четырехлѣтіе”*. Въ отвѣтъ на эту рѣчь Щербатовъ, между прочимъ, сказалъ:

“Бывъ призванъ избраніемъ вашимъ къ осуществленію идеи, лежащей въ основаніи преобразованія городского управленія высочайше намъ дарованнаго, идеи соединенія, не скажу разрозненныхъ, но недостаточно до того сближенныхъ элементовъ русскаго городского общества, я съ любовью отнесся къ этой плетѣ и вѣрилъ и вѣрю, что во имя общей пользы сословія могутъ слиться въ одно живое, цѣлое, содѣйствуя другъ другу въ достиженіи общей цѣли”.

То, что учтивымъ образомъ называется слияніемъ сословій, по просту значить уничтоженіе сословныхъ различій; и откуда бы ни началось движеніе въ пользу этого уничтоженія — все же оно неминуемо пропикнетъ въ общественное мнѣніе и въ законодательство, и съ тѣмъ вмѣстѣ должно переработаться наследственное право, распасться казенное чиновничество и слиться въ одну общую методу воспитанія учебныхъ заведеній, раздѣленные по кастамъ.

Сколько бы ни вышывалось въ эти рѣчи официальнаго, неизбѣжнаго; но нельзя не слышать въ нихъ того звука, который постоянно раздается въ нашемъ слухѣ: “Шѣтъ! не погнбло русское развитіе и никто его не остановитъ. И потому у насъ, изъ глубины искренняго чувства и сознанія, раздается только одинъ возгласъ: на работу, друзья, на работу!”

* Въ этой рѣчи также заявлено, что общество положило на проценты съ собраннаго капитала содержать въ память Щербатова одного стипендіанта въ Московскомъ Университетѣ, одного въ мѣщанскомъ училищѣ и учредить кровати — одну въ Андреевской богадѣльнѣ и одну во Временной городской больницѣ. Желающіе могутъ найти подробности во всѣхъ русскихъ газетахъ.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 40, Rue-l'Évêque, Genève.

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 240.

1 Мая 1867.

Выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré-l'Evêque и въ главныхъ депо — у Г. Георга, 10, Corratierie, Genève; у Н. Трювера, 60, Paternoster Row, Londres. Цѣна за листъ 50 сантим. безъ пересылки. Прилагается почтовой тарифъ :

Въ Германію	15с.
— Австрію	15с.
— Англію	15с.
— Бельгію	5с.
— Францію	5с.
— Италію	3с.
— Грецію (черезъ Марсель) ..	5с.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10с.
— Швецію	25с.
— Швейцарію	5с.

Paraît à Genève une fois chaque mois. Le dépôt principal est chez H. GEORG, à Genève, Corratierie, No. 10. A Londres, chez N. TRÜBER et Co., 60, Paternoster Row. Le prix de chaque No. est de 50 centimes, le port de la poste non compris.

Tarif postal :

Allemagne	15с.
L'Autriche	15с.
Angleterre	15с.
Belgique	5с.
France	5с.
Italie	3с.
Grèce (voie de Marseille) ..	5с.
Turquie et Princ. Danubiennes (voie de Marseille)	10с.
Suède	25с.
Suisse	5с.

ОГЛАВЛЕНІЕ : Отвѣтъ И. С. Аксакову—Частныя письма объ общемъ вопросѣ (Окончаніе письма между четвертымъ и пятымъ). Смѣсь : Credit et Debit—

Соль и Желѣзо—Первый что?—Новый романъ Тургенева “Дымъ”—Новое злодѣйство—“Mehr Licht”—Общій фондъ—Объявленія—Отъ Издателей.

ОТВѢТЪ И. С. АКСАКОВУ.

Почтеннѣйшій Иванъ Сергѣевичъ,

Начну съ того, что еще разъ поблагодарю васъ за помѣщеніе моего письма изъ Флоренціи въ *Москву*. Мое довѣріе къ вамъ было основательно. Не раздѣляя большей части вашихъ мнѣній, я всегда уважалъ васъ. Уваженіемъ между противниками разнь ихъ дѣлящая естественно подымается въ ту сферу, въ которой можно высказываться безъ личностей и желчи, съ грустью и сожалѣніемъ въ невозможности убѣдить—по безъ колаго, злаго слова, укрѣпляющаго еще сильнѣе споръ. Я вамъ благодаренъ и за другое, въ вашими примѣчаніями дали мнѣ снова случай объяснить наше положеніе (наше : т. е. *издателей Колокола*) отвести не только “навѣты” и клеветы, но поправить совершенно ложное пониманіе всей нашей дѣятельности.

Случайно 58 листъ *Москвы* пришелъ ко мнѣ изъ Жевевы 5 Апрѣля и я принялся за отвѣтъ вамъ на другой день, т. е. по старому календарю 25 Марта. Въ этотъ день мнѣ стукнуло *пятидесять пять лѣтъ*. Каждый останавливается на этихъ порогахъ и граняхъ и оглядывается. Остановился и я, ваша отмѣтка натолкнула еще больше на разборъ. Вызвалъ я и прежнія родныя тѣни сороковыхъ годовъ и едва отступившій въ былое очерки начала шестидесятыхъ; перебралъ я свѣтлое время пробуждавшейся Россіи и полного успѣха лондонской вольной печати и печальные годы побіенія насъ камнями, на которыхъ часто оставались слѣды пальцевъ очень недавно жавшихъ съ дружбой и сочувствіемъ наши руки... и скажу вамъ съ глубокой искренностью, обдуманно, спокойно и честно, безъ малѣйшей примѣси самолюбія, безъ малѣйшаго желанія самооправданія : въ моемъ прошедшемъ много ошибокъ, много слабостей, много увлеченій, во совѣсть моя, относительно Россіи, чиста, я ни ей, ни основамъ всего правдивнаго быта нашего, всей нашей религіи не измѣнилъ ни разу. Съ главнаго тракта, подорожная которому очищена до конца 1862 сочувствіемъ всей Россіи, мы никогда не сбивались. Мы остались тѣже; измѣнились не мы, вся атмосфера измѣнилась, всѣ вы. Развѣ солдата оставшагося при своемъ знамени, когда всѣ другіе перебѣжали, называютъ измѣнникомъ?

Годъ X.

Каяться мнѣ не въ чемъ, развѣ въ ипомъ неумѣренномъ или жесткомъ словѣ; совсѣмъ напротивъ, я зову къ покаянью, я жду кающихся. Мы звонимъ къ исповѣди, къ пробужденью совѣсти. Словомъ примиренья и брани, слезами и оскорбленіемъ будимъ мы васъ... и *volens volens*, съ нами или безъ насъ, вы проснетесь.

Какой грѣхъ противъ Россіи лежитъ на моей душѣ?

Съ отрочества я отдалъ ей мою жизнь, для нея работалъ какъ умѣлъ всю молодость и двадцать лѣтъ на чужбинѣ продолжалъ ту же работу. Я проповѣдывалъ Россію на Западѣ, тогда когда о Россіи, благодаря николаевской *формѣ*, никто не смѣлъ заикаться, безъ брани. Сюрбля объ вашей общей апатіи и безпомощности, я поставилъ первый русскій, безценсурный станокъ въ Лондонѣ и печаталъ безустанно, когда всѣ боялись читать; оттого-то, когда пришла бодрость, вы нашли готовый органъ. Печаталъ я подъ ваши рукоплесканья и печаталъ осыпаясь бранью потомъ. Остановиться я не могъ и не хотѣлъ, такъ какъ не могъ ни устать, ни перестать любить и понимать. Остановиться, значило умереть, значило второй разъ оставить отечество и ужъ безъ той земли, которую я вопреки Дантону унесъ на своихъ подошвахъ, по выраженію одного изъ умнѣйшихъ противниковъ нашихъ.

Изъ за черныхъ грязей, въ которыя вы попали, я видѣлъ *будущій путь*. Разумъ былъ покоенъ, страдало сердце, страдало, если хотите, нетерпѣніе и оскорбленное эстетическое чувство исторіи.

Каждое соприкосновеніе съ Западомъ, каждой рядъ событій въ Европѣ, столько-же оправдывали и укрѣпляли меня, какъ зарницы рѣвшія въ новой тѣмѣ вашей и тотъ-же внутренней голосъ шепталъ мнѣ на ухо : “будущее не здѣсь, не ты-ли самъ проповѣдывалъ это”.

Въ чемъ-же мнѣ каяться?

Развѣ языкъ нашъ измѣнился, развѣ мы не тоже проповѣдуемъ теперь, что проповѣдывали въ первыхъ книжкахъ *Полярной Звѣзды* и въ первыхъ листахъ *Колокола*? Зачѣмъ вы нашимъ протестомъ противъ азіатскаго, вѣтхозавѣтнаго уничтоженія Польши, противъ дикихъ мѣръ, предаваемыхъ вами справедливому позору въ Кандіи и Галиціи, задвинули положительную, создающую сторону нашей пропаганды?

Зачѣмъ въ нашемъ безчеловѣчномъ патріотизмѣ, вы забыли наше участіе въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ съ землею, въ борьбѣ за свободу слова, за гласный судъ, за терпимость раскола; зачѣмъ вы, изъ за нашихъ словъ оскорбленной любви и стыда—забыли нашу рѣчь о Россіи въ Европѣ и то, что мы первые указали на союзъ Россіи съ Америкой?

По привычкѣ прежнихъ помѣщиковъ, вы стерли всё прошлое за рѣзкій упрекъ, за независимое слово, въ которомъ звучало негодованіе свободнаго челоука — *вамъ каются!*

На какомъ основаніи вы—рѣчь тутъ само собою не пельючительно объ васъ, а о большинствахъ людей, раздѣляющихъ ваши мнѣнія — съ тою-же несчастною опрометчивостью, съ которой пожертвовали насъ, пожертвовали по *голословнымъ* полицескимъ навѣтамъ всякой идеей независимости и свободы мнѣній—до такой степени, что не нашли не только ни протеста, ни сочувствія, но даже *не наши молчанія*, когда ссылали на каторгу и везли къ позорному столбу Михайловыхъ и Чернышевскихъ? Теперь вы знаете куда привелъ крестовой походъ противъ матеріализма, нигилизма и социализма.

Вы не догадываетесь кому вы работали въ руки... Посмотрите, Катковъ начинаетъ пугаться, такъ какъ прежде его испугался Чичеринъ и др. Катковъ обойдетъ и изъ за вясѣлянцъ Муравьева, обвернутыхъ *Московскими Вѣдомостями*, выглядываетъ во всемя безобразія дворовая *Вѣсть*.

Кому-же каются?

Кому просить объ отпущеніи грѣховъ?

Польскій вопросъ, чуть-ли не хуже. Давно-ли вы всё стали такъ храбро за право снѣнато? Или съ какого числа и мѣсяца вы догаданы, что Польша Россия? Неужели мнѣ вамъ напоминать, что въ 1862 году органъ близкій *Москов* принимаетъ польскую національность за живую и правомѣрную? Что одинъ изъ свирѣпѣйшихъ враговъ Польши съ 1862, передъ своимъ обращеніемъ, пилъ въ Прагѣ тостъ за возстановленіе Польши? Что два петербургскіе журнала... да что приводить частныя примѣры—неужели вы не знали, что прозвѣтъ объ отдѣленіи конгрессовой Польши, былъ на столѣ у государя, что шла рѣчь о возстановленіи конституціоннаго Королевства и о назначеніи одного изъ великихъ князей—королемъ?

Правительство было увлечено въ другіе пути взрывомъ обиженного чувства народности, вслѣдствіе западныхъ "голословныхъ" нотъ, но какъ-же Польша-то утратила свои права отъ родомонтадъ дипломатии и раздражительности нашего патріотизма? Развѣ она перестала быть католической, европейской, совершенно западной, насильственно четвертованной между ненавистной ей Россіей, всепожирающей Пруссіей и всеудушающей Австріей? Ужь Польскую-то національность никакъ нельзя назвать стертой, она жива во всемя, въ чертахъ лица, въ *чертахъ* мысли, въ страсти сердца, въ характерѣ, въ религіи, въ ручьяхъ крови, не имѣющихъ никогда времени просохнуть.

— "По сила оружія!" — Stop — этого я не допущу, мы слишкомъ съ вами стоимъ за Грековъ и Славянъ, чтобъ импепно теперь пакаунѣ пль возстанія опираться на свирѣпое право меча.

— "Да, видите, ихъ притязанія, границы"... Еслибъ вина была со стороны Польши, вамъ то что-же было предупредж-

дать ихъ ошибки и боясь, что они потребуютъ многого, отнимать у нихъ всё.

Возстановить Польшу надобно было, чтобъ развязать себѣ наконецъ руки. Приданое ей дать надобно было, лишь-бы сдѣлать изъ нея отрѣзанный ломоть. Проводить се съ хлѣбомъ и собою — лишь-бы освободиться отъ нея, а не держать ее противъ воли и мять ее рапное тѣло зубами вѣпившагося бульдога... До этого понимая не только не доросла наша дипломатія, но ни даже вы передовые люди.

Поляковъ, которые хотѣли-бы остаться подъ державой Россіи, я не видаю, а видѣлъ я поляковъ довольно на мосмѣ вѣку... Что-же, кромѣ вѣчной боини сдѣлаете вы этимъ насильственнымъ усвоеніемъ? Посмотрите на народы, которые хотятъ быть побѣждены, они послѣ первой борьбы, какъ женщины жаждущія наслія, бросаются на юнкерскую койку берлинскаго Доль Жуана Бисмарка.

Мы говорили откровенно наше мнѣніе полякамъ, что отдѣляясь отъ Россіи, они отдѣляются отъ *новой жизни*, въ которую непременно Россія увлечетъ Славяскій міръ, и будутъ поповоль дѣлать судьбу міра латинскаго*. Но этого они и хотятъ. Время насильственныхъ крещеній à la Charlemagne прошло.

Мы не вѣримъ, чтобъ можно было приколачивать гвоздями, оружіемъ захваченные куски земель и дѣлать изъ нихъ *живые* части организма. Вы думаете иначе, будете спорить, но отбросьте употребленіе уголовного суда и церковныхъ аподемъ какъ доказательства. Прудонъ проповѣдывалъ федерализмъ, какъ единственную, свободную и разумную государственную форму. Его всячески бранили, но не пазывали измѣннвомъ. Брайтъ недавно сказалъ: "Да отдайте вы эту Ирландію Америкѣ или оставьте ее независимой"—и никто не считаетъ Брайта дурнымъ англичаниномъ.

Мы говорили тоже во время возстанія, что говорили прежде, отчего-же прежде на насъ не накладывали покаянія? Языкъ нашъ сталъ жестче, это правда, но вспомните теперь, что было въ Россіи очень недавно, горяча вы не давали себѣ отчета, и едва замѣтили, что вы всё запачкались польской кровью. Пора-же протрезвиться и понять, что оации въ стпхахъ и прозѣ, въ булебякахъ и тостахъ герою застѣнковъ и пытокъ—были отвратительны, что метода добыванья побѣжденныхъ, ссылка на каторжную работу людей взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ, казни плѣнныхъ и рапныхъ, казни послѣ усмиренія—чудовищны. При всемя нашемъ чипопочитаніи, мы никакъ не можемъ понять, отчего жандармы-вѣшатели вамъ такъ гнусны, а вѣшатели-генералы такъ любы?

И какъ всегда бываетъ, наказаны были вы, палка другимъ концомъ ударила по Россіи.

Не трудно было догадаться, что правительство, казнямъ котораго въ Польшѣ рукоплескало общество и журналистна, съ божіей споспѣшествующей милостью перенесетъ ихъ въ Россію. Смертная казнь сдѣлалась у насъ одной изъ привилегій всѣхъ генераль-губернаторовъ и военныхъ начальниковъ, ихъ главнымъ разсѣяніемъ. Кровь потекла во всѣхъ провинціяхъ, вездѣ учредились военно судныя бойни—середь мира и тишины, въ страпѣ незнавшей смертной казни—кромѣ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда цари-вѣшатели мстили, какъ ихъ подражатели польскіе жандармы. Вы одни—я да не забудетъ этаго вамъ народъ русскій во вѣки вѣковъ—не только

* IV Письма, Польшѣ въ "Колоколѣ" за 1859 годъ.

ужаснулся этимъ казнямъ, но имѣли мужество сказать это Поздно. Кровь поправилась.

Это не всё—пеужели вы думаете, что еслибѣ общественное мнѣніе отъ Самары до Москвы не вѣстало правительству чудовище, ненавидимое прежде всей Россіей, для усмиренія Литвы, еслибѣ разгульная наша журналистика, не связалась съ полиціей, чтобъ проповѣдывать гнуснѣйшее французское изобрѣтеніе de la complicité morale, еслибѣ она не доносила какія юбки носятъ польскія женщины и какъ польскія дѣти говорятъ съ родителями по польски, правительство осмѣлилось - бы Муравьева посадить презусомъ въ караюзовскомъ процессѣ, и осганавливать на улицѣ русскіхъ честныхъ женщинъ и дѣвицъ, за то что у нихъ нѣтъ крипилищъ и есть синія очки?

Хорошо, что Муравьевъ оказался не только бездушнымъ злодѣемъ, но безмозглымъ хвастуномъ, грубымъ и пеловкимъ сыщикомъ, а то можете-ли вы назначить предѣлъ *умиротворенія* русской мысли?..

Подготовивъ правительство, та-же литературная демагогія попыталась совратить простой смыслъ русскаго народа двухлѣтнимъ патравливаніемъ его на поляковъ.

Это великій грѣхъ, и онъ дѣйствительно требуетъ великаго и громкаго покаянья.

Я иногда съ удивленіемъ думаю, какъ мы глубоко пали въ языкѣ, въ манерахъ, какъ огрубѣли наши чувства. Для меня остается тяжелой, патологической задачей, какимъ образомъ *до сихъ поръ*, почти ни одинъ журваль не можетъ сказать слова о польскомъ дѣлѣ, не ругаясь? Это манія, болѣзнь, проказа. Неужели это приведетъ къ какому нибудь пониманію историческаго событія, или къ облегченію натянутого положенія? Кромѣ *панскаго* ряда въ *Вѣсти*, я знаю одно исключеніе, именно статьи относительно поляковъ, очень строгія, но полныя человѣческаго пониманья, П. Желудкова. Въ его глазахъ полякъ не только врагъ Россіи, но человѣкъ имѣющій свою поэзію, всегда готовый пострадать, не на словахъ, а на дѣлѣ за свой идеалъ, отважный и гордый, бросающій съ дѣтской беспечностью свое достояніе, словомъ, существо совершенно не похожее на тѣхъ иконописныхъ канибаловъ, которыхъ намъ малюютъ наши суздальскіе и кіево-печерскіе литературные богомазы.

За тѣмъ я оставляю общую часть и перехожу прямо къ вашимъ замѣчаніямъ.

Сначала повторю весь текстъ вашихъ замѣчаній:

“Мы не имѣемъ причины отказать г. Герцену въ помѣщеніи этого письма. Но напрасно думаетъ онъ, что подобнаго рода голословными отрицаніями можетъ опъ оправдаться вопиѣть отъ взводимыхъ на него павѣтовъ. Пусть онъ не участвовалъ въ обществѣ поджигателей, мы охотно этому вѣримъ, но тѣмъ не менѣе его именемъ называлась знаменитая Тульчинская агенція и стало быть имѣла къ тому какой нибудь поводъ. Что г. Герценъ открывалъ въ *Колоколѣ* подписку въ пользу польскаго народнаго жопда, употреблявшаго собранныя имъ деньги, между прочимъ, на содержаніе жандармовъ - вѣшателей, отравителей и поджигателей; что г. Герценъ былъ въ единомыслии съ Бакунинымъ, злѣвѣвшимъ знаменитую неудавшуюся экспедицію въ помощь Полякамъ, это факты неопровержимые. Отъ солидарности съ Поляками г. Герценъ не отрекался. Слѣдовательно вопросъ только въ томъ, однимъ-ли мечемъ или также и огнемъ

производился тотъ ущербъ Россіи, въ панесеніи котораго г. Герценъ принималъ, если не непосредственное, то косвенное и правствепное участіе.

“Пусть въ этомъ покается предъ Россіею г. Герценъ. Не можетъ - же опъ не понимать, что для покаянія въ его грѣшеніяхъ предъ Россіей нѣтъ компромиссовъ.

“И намъ хотѣлось-бы думать, что для него еще возможно нравственный возвратъ, потому что въ искренность и чистосердечіе его заблужденій мы не переставали вѣрить.— *Ред.*”

Простите меня, но я еще разъ скажу, что вы рѣшительно не годитесь въ Фукье-Тивили православія и пародности, и я этому отъ души радъ. Нѣтъ ни одного положенія, ни одного предположенія, нѣтъ ни одного факта, который бы могъ выдержать какую-нибудь критику.

Меня обвиняютъ; я требую доказательствъ въ обвиненіи, *внесеномъ* какъ “неопровержимый фактъ” въ докладъ; я говорю “не падите меня, а скажите просто на чемъ основана неопровержимость треповскаго факта”. Что-же естественнѣе этого? А вы возражаете, что я *голословно* оправдываюсь. Что такое *голословно*? Обвиняемый говоритъ, конечно словами, что это неправда; дѣло обвинителя доказать противное. Чего же вы требуете отъ меня? У меня нѣтъ другаго средства оправдываться, какъ голос *слово* честнаго человѣка, не замѣченнаго во лжи, и нѣтъ другой силы, какъ *довѣрие* къ моему *голому* слову общественнаго мнѣнія. *Дѣло*, съ моей стороны, было бы явиться въ Россію и требовать суда; я годъ тому назадъ писалъ, что поѣхалъ-бы, еслибѣ вѣрилъ, *что въ случаѣ оправданія меня отпустятъ съ миромъ*, на этотъ вызовъ отвѣта не было. А не было потому, что это вовсе не согласно съ нашими понятіями о судѣ и правдѣ, потому что не П. П. Гагаринъ, не жапдармскій Шуваловъ, а вы говорите: “*Пусть онъ не участвовалъ въ обществѣ зажигателей, тѣмъ не менѣе его именемъ называлось знаменитое Тульчинское агенство*” и пр. На этомъ юридическомъ понятіи и подавно правительство скажетъ: “Пусть опъ и оправданъ въ зажигательствѣ, да все-же онъ ѣсть скромное по середамъ и пятницамъ, а потому и заточить его въ Соловецкій монастырь”.

Помняуйте, что за *пусть*, если я не жегъ городовъ и деревень, такъ не называйте меня зажигателемъ, и если я участвовалъ не въ зажигательствѣ, а въ Тульчинской агенціи, такъ и говорите...

Но благо вы назвали *знаменитую* Тульчинскую агенцію, я и эту игрушку испорчу вамъ... довольно сію поиграли *Моск. Вѣдомости*.

Въ Тульчѣ нѣкогда жили братья Кельсіевы, оба были эмигранты и никогда ничего не жгли, кромѣ напировъ; одинъ изъ нихъ ушелъ въ Турцію отъ гошеній по студентскому дѣлу, за которое уже былъ сосланъ въ Пермь. Другой изучалъ расколъ и некрасовцевъ, и оба учили русской грамотѣ бѣдныхъ казацкихъ дѣтей. Къ нимъ присоединились двое другихъ русскіхъ эмигрантовъ... Страшныя несчастія поразили, почти уничтожили семью Кельсіевыхъ... маленькая община распалась и уничтожилась. Корреспонденція одного парижскаго журпала, дѣлая выписку изъ допесенія какаго-то французскаго консула, съ жаргопомъ естественнымъ французамъ, говорила объ Agence de M. Herzen à Toulcha. Мы посмѣялись, и шути говорили объ “агенціи” до тѣхъ поръ, пока увидѣли въ *Моск. Вѣдомостяхъ*, что насъ обвиняютъ въ такихъ-то кзняхъ чеіезъ *Тульчинскую* агенцію,

а тульчинскую агенцію въ связяхъ съ зажигателями въ одну сторону и съ Маццини и пр. въ другую. Что В. Кельсиевъ, доказавшій свое мужество и эперію побѣдой въ Москву — человекъ эксцентрическій и очень талантливый, мечталъ о пропагандѣ социальныхъ началъ между раскольниками и не унывая бился съ нуждой — это все такъ. Но чтобъ когданибудь ему мысль зажигательства приходила въ голову, этому я никогда не повѣрю, такъ какъ не повѣрю участию Бакунина въ “обществѣ зажигателей”*. Да вѣдь и вы не вѣрите этому? И правительство не вѣритъ, а Катковъ не только не вѣритъ, но по обширнымъ ученымъ связямъ своимъ знаетъ, что это все вздоръ. Зачѣмъ-же эти шалости?

Идемъ далѣе. Вы говорите, что я отрываю подписку въ *Колоколъ* въ пользу польскаго пародоваго жонда. Вы не любите “голословныхъ” показаній, а потому не можете-ли вы указать *листъ Колокола*, или чего-нибудь другаго, гдѣ-бы мы открывали какую-нибудь подписку, кромѣ для “общаго фонда” и для общества “Земля и Воля”, по просьбѣ ея комитета. Досадно, что нѣтъ возможности вамъ послать поименаго собранія *Колокола* съ 1863 года. Такая посылка была бы для насъ по многому очень важна. Вы одолжили бы насъ, еслибъ, хоть для нашего уличенія, испросили бы дозволеніе на полученіе его.

Вотъ что еще было. Разъ я получилъ отъ извѣстнаго флорентинца, Долифи, вексель въ 7,000 фр. отъ Тосканскаго общества вспоможенія полякамъ. Вексель этотъ, не зная кому передать, я отослалъ назадъ. Другой разъ я получилъ черезъ графа Риччарди отъ его знакомыхъ изъ Неаполя, помнится 2,000 фр. для польскихъ эмигрантовъ, и деньги эти вручилъ Польскому комитету въ Лондонѣ — такъ какъ Филаретъ митрополитъ, Блудова Антонина, вы сами и многіе другіе доставляли (и прекрасно дѣлали) деньги собранныя въ Россіи Аеняскому комитету и Галицкимъ помамъ†. За тѣмъ я долженъ сказать вслѣдствіе, что если мнѣ случалось грошевыми деньгами помогать польскимъ братьямъ по эмиграціи, то я гораздо больше получалъ денегъ отъ поляковъ для русскихъ выходцевъ. Я могъ бы назвать вамъ имена, еслибъ не боялся оскорбить тѣхъ, которые давали.

Я вообще не люблю говорить о фондѣ для русскихъ, мнѣ становится стыдно и грустно, такъ туго развязывается нашъ торовитой кошелекъ для помощи своимъ на чужбинѣ. Конечно, на деньги собранныя нами въ продолженіе пяти лѣтъ (около трехъ тысячъ рублей) трудно было поднять Россію и поддержать Польшу, развѣ въ самомъ дѣлѣ ихъ хватило бы только на то, чтобъ поджечь какой-нибудь амбаръ или овинъ.

О зажигательствѣ впрочемъ мы тоже имѣемъ съ вами не совсѣмъ одинакое понятіе. Вы говорите: “вопросъ только въ томъ, однимъ-ли мечемъ или также и огнемъ производился ущербъ Россіи”, въ которомъ я принималъ участие. Не говоря о томъ, что я не могу не улыбнуться отъ воинственнаго вида, который мнѣ придаютъ эти слова, но я пахожу, что ваше “только” еще несчастіе вашего “пусть”. Мечемъ сражались часто люди противъ войска своего правительства, оставался друзьями своего народа, польская война собственно была междоусобіемъ — особенно съ вашей точки зрѣнія — но деревни и города жгутъ одни враги его, или сумасшедшіе

* Я на дняхъ получилъ отъ Бакунина письмо, самымъ положительнымъ образомъ отвергающее пегубную клевету.

† Были еще небольшія суммы въ 20, 40 фр., присланныя исключительно для польскихъ раненыхъ и эмигрантовъ.

фанатики. Лавирона, павшаго въ Римѣ, борясь со стороны Италіи, никто не называетъ врагомъ Франціи; ну, а еслибъ онъ въ Овернѣ или въ Бретани, въ отмѣстку за неудачу революціи, или для возбужденія умовъ, жегъ деревни, вся Франція отступилась бы отъ него.

Перейдемъ теперь къ дамаскинскому мечу при бедрѣ моемъ — его закалъ не лучше тульчинской агенціи.

Еслибъ вы брали ваши свѣденія о насъ въ *Колоколъ* и въ другіхъ изданіяхъ нашихъ, а не въ кучахъ сора (безъ брелантовъ) какого-нибудь артиллерійскаго генералъ-литератора и не въ помойной ямѣ *Варшавскаго Дневника*, вы знали бы, какъ мы относимся къ поднятію оружія въ Польшѣ.

Мы были съ самаго начала противъ возстанія, и не только въ статьяхъ, но во всѣхъ разговорахъ. Свидѣтелей послѣ отеческаго умиротворенія трудно вызвать, лучшие изъ нихъ какъ Сфраковскій, Падлевскій — вы знаете гдѣ... однако есть и живые, на которыхъ мы смѣло можемъ сослаться. Мы умоляли поляковъ всѣхъ партий, всѣхъ оттѣнковъ не возмущать дѣла русскаго развитія и идти къ свободѣ и независимости инымъ путемъ, идти вмѣстѣ съ нами. Но отворотить возстанія мы не могли, да и врядъ-ли могъ кто-нибудь. Время было до того полно грозы, до того душно и патавучо въ Варшавѣ, что Лидерсъ и его штабъ, столько-же хотѣли отбрыгаго возстанія, какъ Центральныи комитетъ и его штабъ.

Знаете-ли вы, что значить стоять между двумя противниками, которыхъ вы любите и которые идутъ на смертный бой; вы ихъ убѣждаете, вы ихъ просите, вы бравитесь, и дѣлаете уступки, вы вначете, вы грозите, вы выбиваетесь изъ силъ и съ какимъ-то отчаяніемъ убѣждаетесь, что тутъ предѣлъ дѣйствій одного человека на другаго... дуэль неминуема.

Что-же по вашему, такъ и бросить ихъ на произволъ собственному безумію и чужой клеветѣ? Или еще лучше бросить одного побитаго, даже опрокинувшись на него, забыть все хорошее что вы въ немъ любили, забыть, что онъ былъ оскорбленъ, правъ, и приговаривать: “по дѣламъ ему, ништо ему... не суйся”.

Нѣтъ, этого вы не посоветуете...

Съ мучительной болью и съ тяжелымъ сознаніемъ своего безсилія, смотрѣли мы на приближающійся взрывъ — ни съ той, ни съ другой стороны ничего не было сдѣлано, чтобъ предупредить его; мы видѣли какъ увлеченные, фанатизированные люди неслись на вѣрную гибель, гибни, другіе шли на ихъ мѣсто... и иногда усталые, обезсиленные, готовы были рыдать.

За это бросали въ насъ грязью.

Каждая казнь послѣ побѣды заставляла насъ содрогаться, и каждая сопровождалась рукоплесканіями какого-то неистоваго хора пирующихъ кашибаловъ въ Москвѣ и Петербургѣ и циническимъ подстрѣкательствомъ *Московскихъ Вѣдомостей*...

И намъ за то, что мы одни стали на мѣстѣ народпой совѣсти, каются! — Что вы это?

Не за горами тотъ часъ, въ который поймутъ и оцѣнятъ нашъ разрывъ съ общественнымъ мнѣніемъ того печальнаго времени, когда въ угарѣ и опьяненіи вы не умѣли различить Пожарскаго отъ Муравьева и къ прозаическимъ доносамъ *Московс. Вѣдом.*, прибавляли стихотворную брань Суворову, за то, что виленскій извергъ ему былъ гадокъ.

Нѣтъ, Иванъ Сергѣевичъ, не блудными дѣтьми Россіи, не посядѣвшими Магдалинами съ попурой головой воротимся

мы, если воротимся, а свободными людьми, требующими не оправдания, не прощения, а признания дѣла всей ихъ жизни.

Для насъ нѣтъ заднихъ дверей, въ которыя стучатся угномившіеся грѣшники, пусть ими проползаютъ съ своимъ покаяньемъ двойные реенгаты и измѣнники, какъ этотъ ничтожный, дрянной *Джунковскій*, котораго чудотворное обращеніе въ православіе изъ папскихъ агентовъ du bas étage, наполяетъ благоуханіемъ крина сельнаго благочестивыя души въ Москвѣ и Петербургѣ

Не при жизни, такъ на нашей могилѣ настанетъ день, не нашего раскаянья, а раскаянья передъ нашими тѣнями, за оскорбленную въ насъ любовь къ Россіи!

Я оставаиваюсь... Простите, если письмо мое длинно; простите, если я васъ оскорбилъ какимъ-нибудь словомъ, такого намѣренія у меня не было. Совершенно холодно я не могу говорить объ этомъ предметѣ, опъ слишкомъ наболѣлъ, слишкомъ взошелъ въ плоть и кровь.

Еслибы вы могли мнѣ отвѣчать, я былъ-бы счастливъ, я увидѣлъ-бы въ этомъ доказательство, что предварительная цензура у насъ уничтожена въ самомъ дѣлѣ въ виду освобождения мысли и слова*.

Съ своей стороны я готовъ объяснить каждую строку, каждое выраженіе...

Въ прошломъ письмѣ я сказалъ вамъ, что одолжать противниковъ, случается не часто, но не часто случается намъ уважать ихъ такъ искренно какъ я уважаю васъ.

ИСКАНДЕРЪ.

Вицца, 6 Апрель, 1867.

ЧАСТНЫЯ ПИСЬМА ОБЪ ОБЩЕМЪ ВОПРОСѢ.

(Окончаніе письма между четвертымъ и пятымъ).

Я вамъ сказалъ, что потребность народнаго кредита одно изъ современныхъ, существующихъ дѣяній. Эта потребность явилась фактомъ на европейскомъ западѣ, и до сихъ поръ не могла достигнуть дѣйствительнаго развитія. Она является фактомъ въ Россіи, и еще далеко не пришла не только къ какой-бы то ни было организаціи, но даже не дошла до простой постановки вопроса.

Если на европейскомъ западѣ, она гдѣ нибудь была выражена съ нѣкоторою полною—это въ 1849 г. въ Прудонскомъ *народномъ банкѣ*. Но здѣсь мы находимъ два идеала, которые насъ опять отпослать къ дальнѣйшимъ вопросамъ человѣчества—и можетъ быть въ этомъ заключается причина ихъ современнаго неусиѣха. Одинъ изъ этихъ идеаловъ—даровой кредитъ, или, выражаясь опредѣленнѣе, сведеніе процента, которымъ пользуется капиталистъ, на *издержки товарной мѣны* (frais d'échange). Я васъ прошу обратить особенное вниманіе на этотъ идеалъ (не входя нисколько въ споръ о его достижимости или недостижимости), потому что онъ для насъ весьма важенъ относительно опредѣленія русской современности и нашего вопроса о томъ: "создадимъ-ли мы новую касту капиталистовъ, образуя народный кредитъ на основаніи кредита обычнаго, или привычнаго?"

Другой идеалъ Прудонскаго народнаго банка—это ликвидація правительства *политическаго* въ правительство *экономическое*. Я не стапу входить въ разборъ *на сколько* это

* Валуевъ хотѣлъ разсѣять наши сомнѣнія, "Москва" оставлена на три мѣсяца.

дальнѣй вопросъ человѣчества; я только замѣчу вамъ, что это также одинъ изъ дальнихъ вопросовъ, для которыхъ разсчитка путей необходима и котораго постановка неизбежна и потребность очевидна.

Одно еще я долженъ замѣтить, прежде чѣмъ приступлю собственно къ нашей задачѣ, что идеалъ дароваго кредита—наглядно говоритъ о своей недостижимости, *прежде* ликвидаціи политическаго правительства въ экономическое, потому что нѣтъ достаточной причины, чтобы какое бы то ни было политическое правительство, отъ архидеспотическаго до ультра-республиканскаго—допустило даровой кредитъ, совершенно совпадающій съ чисто экономическимъ правительствомъ.

Покаместъ для насъ одно ясно, что у насъ нѣтъ ни силъ перерожденія, ни революціонныхъ средствъ, чтобы сей часъ перейти отъ удушающаго политическаго правительства къ правительству экономическому и отъ кредита, можно сказать грабанаго, или учтивѣ—кредита процентнаго къ кредиту даровому; а какъ бы то ни было—создать народный кредитъ—дѣло необходимости, дѣло жизни, дѣло безъ котораго нельзя идти дальше

Слѣдственно, создадимъ-ли мы новую касту капиталистовъ, или не создадимъ—вопросъ чрезвычайно важный, а между тѣмъ все таки второстепенный, потому что главная задача—во что бы то ни было—создать народный кредитъ.

Исторія не развивается по программѣ; она идетъ впереди своими неизбежными результатами изъ существующихъ обстоятельствъ. Она имѣетъ свое $a + b = c$ —не потому что это какое нибудь предположеніе, а потому что *de facto* явились a и b , и c выражаетъ ихъ сумму, и по мимо этой необходимости—ничего нельзя сдѣлать, а такъ какъ у насъ нѣтъ дѣйствительныхъ данныхъ для постановки экономическаго правительства и дароваго кредита, то мы необходимо должны прибѣгнуть къ кредиту обычному, лишь-бы организовать кредитъ народный, который для послѣдующаго результата, для искомыхъ цѣлей—будетъ основнымъ обстоятельствомъ и расчислкою путей достиженія.

Сказавши, что вопросъ созданія новой касты капиталистовъ—вопросъ чрезвычайной важности, но все-же, относительно созданія народнаго кредита вопросъ второстепенный,—я еще не все высказалъ.

Новой касты капиталистовъ тутъ не создается, но удерживается, на нѣкоторое время, старая каста, существующая каста капиталистовъ, которой и безъ того вычеркнуть нельзя, и въ то-же время пускается въ развитіе каста, если не новая, то все-же самая живая и всепоглощающая—народъ, общественность.

Что у насъ нѣтъ дѣйствительныхъ данныхъ для постановки дароваго кредита—слѣдуетъ не только изъ того, что наше правительство наименѣе экономическое; но слѣдуетъ уже и изъ того, что наши капиталисты—равно крупные и мелкие, предлагая деньги для кредита, только и могутъ имѣть въ виду пользованіе извѣстнымъ процентомъ. Это отношеніе не можетъ измѣниться покаместъ капиталистъ (какъ его опредѣляетъ обыкновенное понятіе)—является совершенно отдѣльно отъ производителя, лучше сказать противоположно производителю, является сберегателемъ денежныхъ излишковъ, задерживающимъ долю денегъ изъ обращенія и производительности, слѣдственно преднамѣренно увеличивающимъ

потребность денег для обращения и производительности, что искусственно возвышает цену денег, из роли посредствующего представителя обмениваемых произведений — переводит их в роль самостоятельного товара, за приобретение которого надо платить его сберегателю вознаграждение, как будто сбережение требовало затраты и труда, подобно производительности; а это в свою очередь искусственно изменяет остальные экономическія отношения.

Но что мы в данную минуту не можем иначе определять положения капиталиста, и изъ этого положенія должны воспользоваться его капиталами для образования народнаго кредита — на это вы едва ли въ состояніи возражать.

Разберемте же это положеніе:

1) Что правительство теперь не вступится въ образованіе народнаго кредита (кроме своего обычнаго, окончательнаго разрѣшенія на составленіе банка) это очевидно и изъ его самоотрѣченія отъ прежняго, казеннаго банкаго учрежденія, и изъ его боязливыхъ реформъ, и изъ его собственныхъ экономическихъ недостатковъ. Слѣдственно образованіе народнаго кредита должно быть предоставлено частнымъ начинаніямъ, личнымъ силамъ. И тутъ — чѣмъ больше будетъ число вкладчиковъ, чѣмъ больше число мелкихъ капиталовъ, такъ что даже само крестьянство можетъ принять участіе въ вкладкахъ, — тѣмъ меньше можно ожидать чтобы изъ вкладчиковъ составила особая каста капиталистовъ, или чтобы ими именно продержалась старая сословная рознь, если для нея поддержки не найдется другихъ условій.

2) Если кредитъ будетъ долгосрочный, на основаніи годовыхъ взносовъ процента и погашенія, то онъ всегда будетъ имѣть тяготѣніе къ пониженію процента и увеличенію числа лѣтъ долга. Это показываетъ опытъ изъ существованія учрежденій долгосрочнаго кредита. Это можно вывести и изъ того, что кредитъ долженъ дешеветь и при увеличеніи числа вкладчиковъ, и при уменьшеніи числа заемщиковъ. Если бы подобный долгосрочный народный кредитъ осуществился — необходимо явился бы сначала срокъ прилива вкладчиковъ, особенно при допущеніи мелкихъ вкладовъ, и тогда, по мѣрѣ удовлетворенія заемщиковъ, вкладчикамъ становилось бы выгодно уменьшать процентъ и продолжать существованіе кредитнаго учрежденія, и не только уже существующимъ заемщикамъ выгодно было бы платить продолжительное время minimum процента, но на этомъ minimum процента привлекся бы и новый кругъ заемщиковъ. Между тѣмъ, съ пониженіемъ процента, вкладчикамъ самимъ сталъ бы выгодно переходить отъ денежнаго капитализма въ производительность и оборотъ. Тогда необходимо система кредита, въ которомъ капиталистъ снабжаетъ нуждающагося, должна перейти въ систему кредита взаимнаго содѣйствія.

Тутъ также нѣтъ мѣста образованія новой касты капиталистовъ, или какой нибудь особой сословной розни, потому во все время движенія народнаго кредита, должно произойти развитіе земледѣльческаго сословія, т. е. собственно народа — иначе оно невысказано — и слѣдственно народный уровень приблизится не къ сословной розни, а къ сглаженію сословной розни.

Вы мнѣ скажете, что все это только проблематическое, только предположеніе. Но я вамъ и не говорилъ, что народный кредитъ есть фактъ; я вамъ говорилъ, что потребность народнаго кредита есть фактъ и что ея осуществленіе будетъ именно

разсчиткой путей къ достиженію сглаженія сословной розни, перехода правительства политическаго въ правительство экономическое, пониженія кредитнаго процента до возможнаго предѣла minimum'a и перехода собственности частной въ общественное владѣніе*.

3) Но вы спросите какимъ же образомъ организовать народный кредитъ — и потребуемъ программы. Я не думаю, чтобы подобная программа могла быть дѣломъ частнаго лица; если программа народнаго кредита должна осуществиться, то она должна быть выработана на сходкахъ повѣренныхъ отъ крестьянства, т. е. отъ заемщиковъ и повѣренныхъ отъ вкладчиковъ, къ какимъ-бы сословіямъ они ни принадлежали. Начало, безъ сомнѣнія, можетъ быть совершенно мѣстное и едва ли земскія учрежденія не окажутся дѣйствительными возможными центрами для сближенія вкладчиковъ и заемщиковъ.

И. Огаревъ.

С М Ъ С Ъ .

CREDIT et DEBIT.

Debit. — Противуположный намъ по направленію, но честнѣйшій и чистѣйшій органъ русской печати Москва, получилъ третье предостереженіе и приостановленъ на три мѣсяца. Опасно путаться въ закулисныя дѣла, тамъ, гдѣ роль impresario играетъ дряхлый Серафимъ Адлербергъ †... Остановка Москвы накануне приѣзда славянскихъ гостей на этнографическую выставку въ Москвѣ, пона значенія, вустъ они знаютъ, что значитъ русская свобода слова.

Credit. — Владимирскій оружный судъ:

“16-го Марта въ гражданскомъ отдѣленіи владимірскаго окружнаго суда разсматривался важный процессъ, въ которомъ истцами являются общества имщиковъ Московской - Переяславской слободы, и бывшей Владимирской Ямской слободы, пылъ государственныхъ крестьянъ Слободской волости. Дѣло шло о лѣсной дачѣ известной подъ названіемъ “Прокудино - Алексипскій боръ” въ 9,000 дес., которая пожалована была царемъ Михаиломъ Федоровичемъ упомянутымъ имщикамъ, и рѣшеніемъ покровскаго уѣзднаго суда, состоя-

* Позвольте хотя въ подстрочномъ примѣчаніи еще разъ теоретически проверить это положеніе:

Собственность въ смыслѣ справедливости — равна суммѣ вещей, раздѣленной на число народонаселенія, $= \frac{x}{y}$. Отсюда понятіе собственности уже не выдерживаетъ критики, потому что тутъ двѣ переменныя. x мѣняется съ увеличеніемъ или уменьшеніемъ y ; $x = f(y)$. Но и y не есть постоянная, по переменная — независимая относительно x , функция цѣлаго ряда явленій, которыя еще требуется определить и весьма не легко перечислить. Сюда входятъ — и открытія новыхъ странъ, и разработка пустопорожнякъ земель, и метеорологическія вліянія на производительность, и измѣняемость промышленныхъ потребностей, и пр. и пр.

Во всякомъ случаѣ $x = f(y)$ выдерживаетъ понятіе владѣнія, но не собственности (къ этому относится въ письмѣ 1-мъ, “Колоколь” No. 216, стр. 1726, колонна 2-я), потому что понятіе владѣнія совпадаетъ съ понятіемъ переменной зависимой и переменной независимой, между тѣмъ какъ понятіе собственности предполагаетъ y постояннымъ, неизмѣняемымъ, и тогда измѣняемость x зависитъ отъ другихъ вводимыхъ данныхъ, т. е. собственность измѣняется не по отношенію къ числу народонаселенія, а по другимъ вводимымъ причинамъ — юридическимъ (напр. наследственность) но не справедливымъ, легальнымъ придуманнымъ — но не естественно вытекающимъ изъ понятія общественной justice.

Далѣе, измѣняемость x представляется въ формѣ $x + p = f(y + t)$ т. е. владѣніе + производительность функция народонаселенія + трудъ, что также даетъ совершенно рационально и $p = f(t)$, т. е. производительность функция труда. Такимъ образомъ социальное отношеніе человечества выдерживаетъ только понятіе владѣнія, но не собственности, и это коренное понятіе владѣнія — мы находимъ у русскаго крестьянства въ его отношеніи къ землѣ.

† Причина Валугевымъ дана не та, а статья о пробѣ Дайберъ, но намъ сдается, что раздраженіе идетъ не отъ такого духовнаго предмета.

жились в 1813 г., признана ихъ собственностью, но въ началѣ двадцатыхъ годовъ, по распоряженію тогдашняго министра финансовъ графа Гурьева, отобрали въ казенное управленіе и съ тѣхъ поръ состояла въ исключительномъ владѣніи вѣдомства государственныхъ имуществъ.

“Владимірское общество было чрезвычайно заинтересовано этимъ важнымъ и замѣчательнымъ процессомъ, и стеченіе публики въ залъ суда, какъ намъ сообщаютъ, было громадное. Докладъ дѣла начался въ 12 ч. и продолжался съ небольшою перерывомъ два часа; судебныя пренія продолжались столько-же; повѣренными со стороны истцовъ были два извѣстные московскіе адвокаты, присяжные повѣренные А. П. Петровъ и К. А. Рихтеръ; интересы казны защищала юрисконсультъ при министерствѣ государственныхъ имуществъ г. Корниловичъ. Въ четыре часа судъ удался для совѣщаній, которыя продолжались около трехъ часовъ. Въ семь час. вечера, при столь-же многочисленномъ стеченіи публики, предсѣдатель въ отдѣленіи суда товарищъ предсѣдателя Д. Р. Готманъ провозгласилъ слѣдующую резолюцію суда: “Признать рѣшеніе нокровскаго суда вошедшимъ въ окончательную законную силу, лѣсную-же дачу “Прозудино-Александрскій боръ” — собственностью ямщиковъ Московской Ямской Переяславской слободы и государственныхъ крестьянъ Слободской волости, а посему подлежащую изъятію изъ вѣдомства казеннаго лѣснаго управленія; дѣломъ настоящего иска, изъ цѣны показанныхъ тяжущимися, признать высшую 788,377 руб., а судебныя издержки возложить на управленіе государственныхъ имуществъ”.

Крестьяне были такъ удивлены справедливостью рѣшенія, что отслужили молебень.

— *Соль и Желѣзо.* Русская публика чрезвычайно занята дѣломъ о покражѣ соли и желѣза. Являются въ газетахъ разныя подробности и даже противоположныя извѣстія. Такимъ образомъ въ числѣ подробностей мы находимъ въ корреспонденціи *Современной Лѣтописи*, что украдено не полтора миллиона, а только миллионъ четыреста пятьдесятъ тысячъ пудовъ соли, и корреспондентъ замѣчаетъ, что “разница хотя и не важная, но все-таки разница”. Тотъ-же корреспондентъ замѣчаетъ, что желѣза украдено — не 170 тысячъ пудовъ, а на сумму 170 тысячъ рублей; вѣсомъ-же только 53 тысячи пудовъ. Самое дѣло “Нижегородецъ”, корреспондентъ *Современ. Лѣтописи* описываетъ слѣдующимъ образомъ :

“Казенную соль, по распоряженію правительства, уже нѣсколько лѣтъ перестали подвизать въ нижегородскіе запасы: какъ выработка ея на казенномъ Дѣдухинскомъ заводѣ, такъ и развозка и самая распродажа ея предоставлены частнымъ лицамъ. Накопившіеся въ Виличѣ остатки (милліона въ три пудовъ) было предложено оставить на мѣстѣ, съ тѣмъ чтобы въ случаѣ, если торговцы солью поднимутъ черезчуръ цѣну на этотъ предметъ первой пародной необходимости, выпускомъ соли изъ казенныхъ запасовъ можно было во всякое время установить нормальную цѣну. Но въслѣдствіи было предписано продать всю оставшуюся соль. Не стали раскупать на расхватъ; наконецъ соли не достало, хотя по книгамъ и числилось ея еще полтора милліона пудовъ, и хоти и некоторые торговцы заплатили за нее задатки. Видя что развязка дѣла недалеко, что дотянуть ее до весны, когда можно свѣзти бѣду на вѣселее водоразлитіе, нельзя, Вердеревскій отправилъ Терскаго въ Москву по своимъ дѣламъ, такъ поспѣшно, что онъ не успѣлъ проститься съ женой, боясь опоздать къ поѣзду желѣзной дороги. Пользуясь его отсутствіемъ, Вердеревскій пріѣхалъ въ его домъ и увѣривъ его жену, что для спасенія ея мужа и его самого, нужно пересмотрѣть бумаги, отперъ столъ парочно привсерными ключами и отмычками. Въместо своихъ записочекъ онъ нашелъ конвертъ съ подписью “секретно” на имя мѣстнаго жандармскаго полковника Коптева. Онъ его вскрылъ, и прочелъ откровенное изложеніе, какимъ образомъ съ 1862 года была крадена соль. Жена смеялась въ чемъ дѣло, закричала, на крикъ прибѣжали сестра Терскаго, прислуга, и началась борьба женщины съ Вердеревскимъ, кипившаяся, какъ уже было сказано въ “Московскихъ Вѣдомостяхъ,” тѣмъ, что пиявка, укусивъ ему руку, достала заветную бумагу. Жена Терскаго немедленно яслала за жандармскимъ полковникомъ Коптевымъ, и пока онъ не пріѣхалъ, женщины не выпускали Вердеревскаго вонъ изъ квартиры Терскаго. Ояъ, какъ онъ рассказываютъ, сдѣлался тихъ и совершенно имъ послушенъ, сѣлъ на указанное мѣсто и сидѣлъ смиренно. Пріѣхавшій полковникъ взялъ бумагу, которую Вердеревскій успѣлъ разорвать. На другой день Вердеревскій пріѣхалъ къ губернатору и объявилъ, что соляной приставъ скрылся и что соли въ амбарахъ нѣтъ. Началось свидѣтельство — соли дѣйствительно не оказалось. Но на другой день неожиданно-негаданно пріѣхалъ изъ Нижній Терскій и, явившись къ губернатору, рассказалъ все дѣло какъ оно было. Онъ немедленно отправленъ въ тюрьму.

“Слѣдственная коммиссія сначала дѣйствовала нерѣшительно. Такъ напримѣръ,

вмѣсто того чтобы приступить прямо къ аресту личности и илѣнія Вердеревскаго, она послала въ уголовную палату запросъ: можно ли наложить этотъ арестъ. Уголовная палата должна была дать отвѣтъ, что такъ какъ въ ней дѣла о кражѣ соли не производятся, то и отвѣта она никакого дать не можетъ. На подобныя переписки ушло не мало времени. Дѣло пошло иначе только съ тѣхъ поръ какъ въ составъ коммисіи назначенъ энергичскій судебный слѣдователь В. П. Анненковъ, сынъ здѣшняго уѣзднаго предводителя. Съ этого времени слѣдствіе пошло бодро: Вердеревскій и совѣтникъ солянаго отдѣленія казенной палаты Вавойскій арестованы, хотя и домашнимъ арестомъ. Они находятся подъ карауломъ”.

Напротивъ того *Голосъ*, № 95, получилъ противоположное извѣстіе, за которое впрочемъ не ручается. Вотъ оно :

“Въ № 94-мъ нашей газеты мы сообщили нѣкоторыя подробности по дѣлу о пропавшей соли въ Нижнемъ-Новгородѣ, заимствованныя нами изъ “Современной Лѣтописи”. Подробности эти, какъ читатели видѣли, все противъ г. Вердеревскаго; мы передали ихъ, насколько, разумѣется, не принимая на себя отвѣтственности за истину. Но не желая быть односторонними въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, мы не считаемъ себя вправе не привести свѣденія и совершенно противоположныя тѣмъ, которыя нами сообщены уже. Такъ мы получили слѣдующій рассказъ о томъ, какъ дѣло происходило въ квартирѣ г. Терскаго во время его отсутствія :

“Въ среду, 8-го Февраля, часовъ въ 11 утра, жена пристава Т. прислала къ предсѣдателю палаты своего человека осведомиться, не знаетъ-ли онъ, куда дѣвался ея мужъ, противъ обыкновенія непочевавшій дома, и не отлучался-ли онъ изъ города по казенному порученію? Предсѣдатель приказалъ сказать ей, что г. Т. приходилъ къ нему накануне, вмѣстѣ съ крестьяниномъ Авушнымъ, который вызвался пойти покупщика на балахнинскій лѣсопильный заводъ, принадлежащій дочерн предсѣдателя, и тогда-же былъ, по этому случаю, отправленъ имъ въ Москву; но что самого г. Т. никогда не посылалъ и рѣшительно не знаетъ, гдѣ онъ находится. Вслѣдъ за тѣмъ, младшая сестра г. Т. обратилась къ предсѣдателю съ такимъ-же вопросомъ. Въ отвѣтной запискѣ предсѣдатель просилъ ее повидаться съ нимъ для личнаго объясненія, что она немедленно исполнила и, между прочимъ, рассказала, что утромъ прикащикъ ея брата доставилъ ей какіе-то долговые документы при собственноручномъ его письмѣ, которое онъ заключилъ слѣдующими загадочными словами: *Прощай, милая сестра! Помни меня, какъ я тебя любилъ.* “Эти слова, прибавила сестра Т., показались мнѣ и моему семейству предсмертнымъ прощаньемъ брата и повергнули въ отчаяніе его жену, которая убедительно проситъ васъ немедленно повидаться съ нею”. Тогда предсѣдатель поѣхалъ немедленно навѣстить его жену.

“Г-жа Т. вышла съ заплаканными глазами, но вскорѣ успокоилась и тотчасъ-же предложила осмотрѣть бумаги своего мужа, надѣясь найти въ нихъ разгадку своихъ прискорбныхъ недоумѣній.

“Сначала предсѣдатель отклонилъ это предложеніе; но, подумавъ, что въ бумагахъ солянаго пристава, болѣе пятнадцати лѣтъ исправляющаго эту должность, можетъ встрѣтиться какое-нибудь фактическое указаніе на причину его внезапной отлучки, согласился исполнить ея желаніе и предоставилъ ей открыть ящики письменнаго стола.

“Однакожь, ключей отъ этого стола не оказалось. Ни одинъ изъ тѣхъ, которые г-жа Т. попеременно приносила и вкладывала въ замочныя отверстія, не пригодился. Хозяйка употребила для этого столовый ножъ, пробовала силою оторвать верхнюю доску отъ подстоля, но ни на что не удачу, прекратила наконецъ свои попытки и рѣшила, что нужно позвать слесаря.

“— Пошлите за нимъ, сказалъ предсѣдатель, но мнѣ некогда его дожидаться, потому что нужно еще захватить домой и потомъ навѣстить больнаго брата. Я возвращусь черезъ часъ, а вы, между тѣмъ, все приготовьте.

“Ровно въ 3 часа пополудни онъ снова пріѣхалъ къ г-жѣ Т.

“— Ключи нашлись, сказала она. Ихъ отыскала няня висящими на стѣнѣ.

“Загнѣ она собственноручно отперла все ящики и предсѣдатель, по вторичному ея настоянію, вмѣстѣ съ нею приступилъ къ осмотру бумагъ.

“Г-жа Т. утверждала, что *предсѣдатель разорвалъ найденную въ столѣ секретную бумагу, адресованную на имя жандармскаго полковника Коптева.* Это чистая выдумка. Съ самаго прибытія предсѣдателя къ г-жѣ Т., онъ оставался съ нею наединѣ глазъ на глазъ, въ кабинетѣ ея мужа, и никто изъ домашнихъ не входилъ въ эту комнату. Разбирая бумаги, лежавшія въ среднемъ ящикѣ письменнаго стола, предсѣдатель нашелъ и передалъ г-жѣ Т., запечатанный конвертъ подъ вышеозначеннымъ адресомъ. Она взяла этотъ пакетъ изъ его рукъ; нѣсколько минутъ разсматривала его со всехъ сторонъ, какъ-бы не рѣшаясь нарушить тайну печати, по потомъ сложила печать, какъ-бы въ порывѣ душевной тревоги объ участи своего мужа и, прочитавъ бумагу, всплеснула руками, вырвала и громко воскликнула: “Боже мой! вы погубили моего мужа!” Естественно любопытствуя узнать, чѣмъ онъ навлекъ на себя такое страшное обвиненіе, предсѣдатель хотѣлъ взять у г-жи Т. и прочитавъ эту бумагу, но она вырвала ее изъ его рукъ и при этомъ движеніи сама разорвала ее

падвое, а потомъ, какъ-бы оптеаясь пиния, сжала оба риторические полуиста и громко закричала. Изъ обѣихъ дверей ринулись на помощь г-жа Т., обѣ сестры ее мужа, двѣ старухи и двѣ горничныя — и отлично разыграли задуманную ими сцену.

“Старшая сестра Т., не выходя изъ заданной ей роли, немедленно послала пригласить полковника Контева, чтобъ заявить ему о случившемся скандалѣ. Въ ожиданіи г. Контева, председатель сѣлъ на диванъ подъ батальнымъ огнемъ простынь укоризнь. По этъ буря утихла, какъ только раздались звонокъ, возвѣстившій прибытіе г. Контева.

“Хозяйка встрѣтила его спокойно, не принесла на председателя никакихъ жалобъ, и председатель слышалъ, какъ она, извиняясь въ причиненномъ ему безпокойствѣ, умоляла его только употребить мѣры къ отысканію ее мужа. Она даже убѣдительно просила председателя умолчать о пакетѣ, и когда председатель началъ было объяснять ему содержаніе этой образцовой комедіи, то г-жа Т. номѣшала его объясненію съ покорникомъ Контевымъ и увела его въ кабинетъ.

“Возвратясь домой, председатель тотчасъ-же вошелъ съ официальнымъ представленіемъ къ губернатору о подробномъ осмотрѣ бумагъ Т.

“На сколько все это вѣрно, мы точно такъ-же не ручаемся, какъ и за все, что было нами передано прежде”.

До окончанія сѣдствія и суда, мы безъ сомнѣнія не хотимъ вывести нашего заключенія объ этомъ дѣлѣ, какъ бы насъ ни тревожила старая басня о томъ, что большая муха обыкновенно проскакиваетъ сквозъ паутину, а маленькая попадается. По насъ поражаютъ одинъ фактъ, что Вердеревскаго не арестовывали до извѣснаго срока. Онъ былъ арестованъ вечеромъ кажется того дня, когда въ Петербургѣ скоропостижно умеръ бывшій Нижегородскій генералъ-губернаторъ П. А. Огаревъ.

Правдивныи-же выводъ изъ всего этого происшествія мы можемъ сдѣлать одинъ—пока въ Россіи существуетъ казенное управленіе, пока чиновничество составляетъ *солъ мира сею*—казнобродство останется явленіемъ совершенно естественнымъ. Если гласность суда сколько нибудь и поможетъ дѣлу, то все же она не въ состояніи пресѣчь зла, которое можетъ быть пресѣчено только гласностью общественнаго управленія. Вдобавокъ, что касается до настоящаго случая покражи соли, надо замѣтить, что и самъ гласный судъ, нездѣтвіе географической постепенности правительственныхъ реформъ—еще не достигъ до Нижегородской губерніи.

— *Первый что?* Въ русской журналистикѣ поднятъ очень интересный вопросъ: что государь, первый-ли дворянинъ или первый всего народа? Самъ государь помнится называлъ себя первымъ дворяниномъ, но по англійскимъ законамъ собственное показаніе ничего не значить. Увидимъ чѣмъ кончится прѣше, удержится-ли онъ въ дворянствѣ, или перейдетъ въ народъ. За тѣмъ все еще останутся вопросы: что государь, первый ли оберъ-офицеръ или первый солдатъ, первый-ли цѣмецъ изъ русскихъ, или первый русскій изъ цѣмцевъ?

— Новый романъ Тургенева “Дымъ”, приобрѣтенъ, говорить *Вѣсть*, “Русскимъ Вѣстникомъ” за “цѣть тысячъ” руб. Вотъ и награда Тургеневу за Дымъ, а Каткову за то, что его чадь террора и доносительства проходить, и онъ исподволь пачинаетъ признаваться (*Моск. Вѣд.*, № 63), что:

“Не только наши бѣдныя мѣнья, но и самые возвышенныя предметы могутъ подвергаться злоупотребленіямъ. Развѣ тѣ лжеученія, которыя губили нашу молодежь, не были злоупотребленіемъ самыхъ великодушныхъ чувствованій, и не во имя-ли любви къ ближнему и состраданія къ немущимъ прокладывали цивилизмъ доступъ себѣ къ молодымъ и незрѣлымъ умамъ? Самые дикія ученія коммунизма не суть-ли въ основѣ своей извращенныя явленія религіознаго свойства? Начало собственности есть великое начало; безъ него не можетъ стоять гражданское общество, безъ него невозможна цивилизація; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобъ оно не могло быть предметомъ злоупотребленія и орудіемъ обмана”.

Новое злодѣйство. “Произведеннымъ военнымъ судомъ по полевымъ уголовнымъ законамъ, рядовые кавказской рабочей бригады Петръ Березинъ и Иванъ Неугодиновъ оказались виновными въ явномъ неповиновеніи и дерзости противъ ротнаго командира во фронтѣ и подстрекательствѣ къ тому другимъ, главнокомандующій кавказскою армією санкціоновалъ рядовыхъ Березина и Неугодинова “калнить смертію—разстрѣлять”

Когда-же русская кровь подыметъ урызженіемъ совѣсти въ груди, въ мозгу этихъ цѣмцевъ? Ужъ не Муравьевъ-ли—и этотъ *Михаилъ Николаевичъ?*

— “*Mehr Licht!*” Эти послѣднія слова умирающаго Гёте привели намъ въ голову по прочтеніи слѣдующей поэзіи освѣщеніи улицъ въ Москвѣ:

“На основаніи сдѣланнаго Думою распредѣленія часовъ освѣщенія по мѣсяцамъ и ночамъ, оберъ-полицейскій составляетъ табели за мѣсяць впередъ о часахъ зажиганія и тушенія фонарей на каждую ночь. Въ три ночи поименно полиція можетъ требовать освѣщенія только въ случаяхъ о общественной надобности—какого-либо праздника или ожидаемаго пріѣзда высочайшихъ особъ. Объ освѣщеніи города въ ночь, не вошедшую въ календарь, и о продленіи часовъ горѣнія фонарей распорядители освѣщенія оповѣщаются по телеграфу по крайней мѣрѣ за 2 часа. Табели о часахъ тушенія и зажиганія, до наступленія мѣсяца, публикуются въ “Полицейскихъ вѣдомостяхъ”. Эти четыре условія введены въ проектъ правилъ и новъ, все остальное оставлено безъ перемены”.

— Въ *Общій фондъ* получено изъ Ниццы 100 франковъ.

ПРОДАЮТСЯ:

БЫЛОЕ И ДУМЫ, ИСКАНДЕРА, (1848—1852).
Томъ IV, Часть I—6 фр. Часть II—3 фр. Обѣ вмѣстѣ 8 фр.

ЕЩЕ РАЗЪ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ ИСКАНДЕРА

Съ приложеніемъ неопечатаннаго разсказа

ТРАГЕДІЯ ЗА СТАКАНОМЪ ГРОКА

Цѣна: 1 томъ или 3 фр. 75 сантимъ — Prix: 3 fr. 75 c. ou 1 Thlr.

ВЪРОИСНОВѢДАНІЕ ДУХОВНЫХЪ ХРИСТІАНЪ,
обыкновенно называемыхъ *Молоканами*. Цѣна 2 франк.

— *Полное Собраніе КОЛОКОЛА, ОБЩАГО ВѢЩА и ПОДЪ СУДЪ, отъ 1857—1865, перепл., 75 франковъ.*

Въ Женевѣ *Колоколъ* продается у: Георгіа, Corraterie, въ Лондонѣ у N. Trübner et Co., 60, Paternoster Row; въ ПАРИЖѢ А. L. Herold, 67 Rue Richelieu; Брюсселѣ С. Minquardt, F. Claassen; Вевѣ Richard Lesser, 15, Rue du Lac; Лозаннѣ Martignier et Chavannes; Лейпцигѣ F. A. Brockhaus; Берлинѣ Ferd. Schneider, 11, Victoria Strasse, Schneider et Co., 19, Unter den Linden, В. Behr, 27, Unter den Linden; Гамбургѣ Perthes Besser et Mauke, Hoffmann et Campe; Любекѣ Fr. Asschenfeldt; Штетинѣ Von der Nahmer; Фюренциі Eugène Vieusseux; Аѣннѣхъ K. Wilberg; Капрѣ W. Hammerschmidt; Константинополѣ F. Schimpff et Comp., Köhler et Weiss.

— Въ Швейцаріи *Колоколъ* продается у: Martignier et Chavannes à Lausanne; R. Lesser à Vevey; Schabelitz. Hanke à Zürich; Dalp à Berne; Huber à Rorschach; Urfer à Interlaken.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Съ слѣдующаго листа Колокола мы начнемъ помѣщать рядъ неопечатанныхъ прежде отрывковъ изъ *Былаго и Думы* и литературныя статьи подъ заглавіемъ *Безъ связи*.

Въ избѣжаніе недоразумѣній, мы просимъ посылающихъ намъ статьи или корреспонденціи, заявлять впередъ—желаютъ-ли они получать плату или нѣтъ.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré-l'Evêque, Genève.

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 241.

15 Мая 1867.

Выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, 40, Rue l'Evêque и въ главныхъ депо — у Г. Георга, 10, Corrairie, Genève; у П. Трюбера, 60, Paternoster Row, Londres. Цѣна за листъ 50 сантим. безъ пересылки. Прилагаемъ почтовой тарифъ:

Въ Германію	15c.
— Австрію	15c.
— Англію	15c.
— Бельгію	5c.
— Францію	5c.
— Италію	3c.
— Грецію (черезъ Марсель)	5c.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10c.
— Швецію	25c.
— Швейцарію	5c.

Parait à Genève une fois chaque mois. Le dépôt principal est chez H. GEORG, à Genève, Corrairie, No. 10. A Londres, chez N. TRÜBNER et Co., 60, Paternoster Row. Le prix de chaque No. est de 50 centimes, le port de la poste non compris.

Tarif postal			
Allemagne	15c.
L'Autriche	15c.
Angleterre	15c.
Belgique	5c.
France	5c.
Italie	3c.
Grèce (voie de Marseille)	5c.
Turquie et Princ. Danubiennes (voie de Marseille)	10c.
Suède	25c.
Suisse	5c.

ОГЛАВЛЕНІЕ. Письмо М. А. Бакунина — Смерть — Кн. Щербатовъ и Лилленфельдъ. Смерть — Славянская агитація — Жертвы бѣдности — "Debatte" и "Голосъ" — Слѣдствие — Басня И. А. Крылова — Къ Б? — Петръ IV — Отцы сдѣлались дѣдами — Общій фондъ. — Литературное Прибавленіе. — Объявленіе о книжкахъ.

ПИСЬМО М. А. БАКУНИНА

20 Апрелья 1867, Неаполь.

Любезный Герцень,

Сей часъ получилъ три нумера *Колокола*, изъ которыхъ впервые узналъ, что *Голосъ* переиздалъ изъ *Варшавскаго Дневника* статью о существованіи за границею общества зажигателей и поддѣльвателей русскихъ кредитныхъ билетовъ, въ которой, между прочимъ сказано. "Существованіе общества поджигателей, къ которому принадлежатъ Герцень и Бакунинъ съ шайкою, неопровержимый фактъ, а потому и было занесено во всеподданнѣйшій отчетъ генераль-полицмейстера" и пр. (какого, варшавскаго или петербургскаго?)

Съ большимъ удовольствіемъ прочелъ нѣсколько строкъ тобою напечатанныхъ въ томъ-же номерѣ въ отнѣтъ на пелѣную клевету. Прочелъ также твое письмо къ г. Аксакову, которому я не сталъ бы писать; вѣдь онъ былъ послѣ Каткова однимъ изъ главныхъ поощрителей Муравьева и поборниковъ русскаго грабежа и палачества въ Польшѣ, острамившаго русское имя и отодвинувшаго на нѣсколько лѣтъ освобожденіе Россіи. Прочелъ его отвѣтъ, перепечатанный въ 239 л. *Кол.* Въ немъ сказано: "Что г. Герцень открывалъ въ *Колоколѣ* подписку въ пользу польскаго народнаго жонда, (еслибы это была правда, я бы съ своей точки зрѣнія не видѣлъ бы въ этомъ ни малѣйшаго зла, но вѣдь это чистая ложь, выдуманная ради полемической потребности, значитъ, съ точки зрѣнія обвинителя, злоумышленная и, какъ бы сказать по учтивѣ, *неблагодѣтельная* клевета) "употреблявшаго собранныя имъ деньги, между прочимъ, на содержаніе жапдармовъ-вѣшателен, отравителей и поджигателей". Палачи, забрызганные своею собственною грязью и польскою певичною кровью, чтобъ успокоить свою видпо не совѣмъ еще заглохшую совѣсть и чтобъ не умереть отъ стыда, продолжаютъ клеветать на свои благородныя жертвы! "Что г. Герцень былъ въ единомысліи съ Бакунинымъ, затѣявшимъ знаменитую неудавшуюся экспедицію въ помощь полякамъ, это факты

неопровержимые. Отъ солидарности съ поляками г. Герцень не отрекался. Слѣдовательно вопросъ только въ томъ, однимъ ли мечемъ или также огнемъ производился тотъ *ущербъ Россіи*, въ панесеніи котораго г. Герцень принималъ, если не непосредственное, то косвенное и правдивое участіе".

Ты довольно силенъ, Герцень, чтобъ не нуждаться въ чужой помощи, и потому я буду отвѣчать за себя одного. Еслибы ты не началъ этой полемики, я продолжалъ бы молчать, какъ молчалъ до сихъ поръ, не заботясь о томъ, что говорятъ обо мнѣ гг. Скряпины и Краевскіе*, Катковы и Аксаковы и пр. Панадны ихъ, воощряемые высочайшею улыбкою, меня не удивляютъ: ils font leur métier. Отвѣчать имъ, значило бы признавать за ними право на уваженіе, а я уваженію къ нимъ имѣть не могу.

Отвѣчать ради публики русскаго также не наложу нужнымъ. "Порядочные люди, ты самъ говоришь, не повѣрятъ; а до другихъ намъ дѣла нѣтъ".

Никто лучше русскаго полиціи не знаетъ, что между тобою и мною никогда не бывало никакихъ заговоровъ, и что никогда, ни я, ни ты поджигательствомъ домовъ и дѣланіемъ фальшивыхъ бумажекъ не занимались. А что полиціи удалось увѣрить въ подобной пелѣности черезъ чуръ ужъ не храброго и недальновиднаго монарха, это не наше, а его царское дѣло, дѣло его замѣчательнаго простодушія, которому дѣйствительно нѣтъ предѣловъ. Повѣрилъ-же онъ, передувивши въ теченіи послѣднихъ пяти лѣтъ въ десять, чуть-ли не во сто разъ больше людей, чѣмъ его грозный родитель въ продолженіи тридцати двухъ лѣтъ царствования, повѣрилъ и вѣрить *даже теперь* не на шутку, что онъ все таки благодѣшныи монархъ, отецъ, благодѣтель, освободитель Россіи!

Еслибы полиціи вздумалось увѣрить его, что мы съ тобою собираемся украсть Иванъ-колоколъ или Царь-пушку, вѣдь онъ бы точно также повѣрилъ.

Но въ отвѣтъ своемъ, г. Аксаковъ касается другаго вопроса, а именно твоего и моего участія въ польскомъ дѣлѣ. Считаю

* Вотъ этотъ ужъ ничего не говорить! — Изд.

себя обязаннымъ сказать нѣсколько словъ для разъясненія этого вопроса, не передъ г. Аксаковымъ, до котораго мнѣ равно нѣтъ никакого дѣла, но передъ порядочными людьми въ Россіи, потому что, мнѣ кажется, что даже и между ними этотъ вопросъ не разъясненъ еще достаточно опредѣленно и ясно. Опять таки, и по тѣмъ-же причинамъ, буду отвѣчать за себя одною.

Въ будущемъ номерѣ вашего журнала приступлю, если вы мнѣ позволите, къ разсмотрѣнію этого важнаго вопроса, съ моею точки зрѣнія. Напередъ предупреждаю васъ, друзья, что мои мнѣнія будутъ иногда расходиться съ вашими; по это, не правда-ли? не помѣшайте вамъ ихъ напечатать, съ тѣми оговорками и примѣчаніями, которыя вамъ покажутся необходимыми.

Да, я дѣйствительно принимать участие въ польской неудавшейся экспедиціи черезъ Балтійское море, экспедиціи нѣсколько не затѣянной мною, но мною вполнѣ одобренной. Въ будущихъ номерахъ скажу на какихъ основаніяхъ и съ какою именно цѣлью я принимать въ ней участие. Теперь-же копирую это письмо слѣдующею неновѣдью:

Да, я желаю полнѣйшаго успѣха послѣдней польско-революціи и во мнѣрѣ силъ, готовъ быть содѣйствовать ея торжеству; во-первыхъ потому, что хотя программа ея и далеко не соответствовала нашимъ желаніямъ и нашимъ социалистическимъ убѣжденіямъ, и хотя, именно вслѣдствіе того, она измѣнила собственному народу и вмѣстѣ съ тѣмъ повредила дѣлу освобожденія сосѣднихъ народовъ Малорусскаго и Вѣнкорусскаго племенъ — эта революція была въ отношеніи къ Петербургскому государству дѣломъ святымъ и правымъ; а во-вторыхъ потому, что ея успѣхъ нанесъ бы ущербъ значительный, не Россіи, какъ говоритъ г. Аксаковъ, а Всероссійской имперіи; все-же, что наноситъ ущербъ послѣдней и способствуетъ къ разрушенію этой губительной татаро-пѣмечной тюрьмы, то клонится непременно къ освобожденію и къ благу заключенныхъ въ пей русскихъ народовъ.

М. Бакунинъ.

Изъ письма къ издателямъ Колокола.

3 Мая 1867.

Въ послѣднихъ письмахъ, друзья, вы браните меня за то, что я поставилъ имя г. Аксакова на ряду съ именами Каткова и К-ни, и говорите, что между ними и имъ — пропасть, что его неподкупная честность несомнѣнна. Зная его лично, вы можете судить о немъ лучше чѣмъ я, а я такъ уважаю вашъ судъ, что по вашему требованію готовъ взять рѣзкое и пожалуй несправедливое слово назадъ. Къ тому-же у меня не можетъ быть никакихъ личныхъ чувствъ ни за, ни противъ г. Аксакова, вѣдь мы съ нимъ ни разу не встрѣчались въ жизни. Я зналъ близко и любилъ и уважалъ отъ души его славнаго брата Константина Сергѣевича, не смотря на все разномысліе такъ глубоко раздѣлявшее насъ. Я былъ съ тѣхъ

поръ какъ себя помню революционеромъ, онъ, не смотря на горячее, истинно героическое сердце, жертвуя безпрестанно своею природою теоріи, быть послушнымъ славянофиломъ и смиреннымъ православнымъ христианиномъ. Безкритичною, страстною преданностію ученію Хомякова и Кирѣевскихъ, онъ заткнулъ бы за поясъ любого пылѣвшаго славянофила, что однако никогда не мѣшало ему быть въ высшемъ значеніи этого слова порядочнымъ человекомъ, не мѣшало ставить общечеловѣческіе законы и коренные инстинкты выше всего на свѣтѣ, выше даже самаго патриотизма. Онъ былъ старомосковскій фанатикъ, это правда, но фанатизмъ его останавливался всегда съ уваженіемъ передъ челоуѣческимъ правомъ, не заглушалъ въ немъ ни голоса совѣсти, ни требовавшей справедливости. Его старомосковское изувѣрство всегда подчинялось высшей религіи того, что въ наше время называлось "гуманностію". Какъ истинный поборникъ православія, онъ на пр. вмѣстѣ съ Хомяковымъ и братьями Кирѣевскими предавалъ теоретической анафемѣ католическую Польшу; но на практикѣ, повинаясь высшему челоуѣческому инстинкту, постоянное присутствие котораго въ немъ именно и дѣлало его порядочнымъ человекомъ, онъ, съ опасностью потерять свою собственную свободу, вмѣстѣ съ Станкевичемъ, нѣсколько разъ посѣщать въ московскомъ острогѣ поляковъ ссылаемыхъ въ Сибирь за такъ называемыя политическія преступленія, и оставляя всѣ теоріи у порога тюрьмы, становясь настоящимъ самымъ собою, являлся къ нимъ полный горячаго и почти-тельнаго участія, съ готовностію сдѣлать для нихъ все что могъ. Я помню его мягкую, сочувственную улыбку, помню какъ онъ бывалъ тронутъ, когда двоюродный братъ его, лезуитамъ изуродованный Карташевскій, своимъ днѣмъ, но полнымъ подавленной страсти голосомъ начиналъ нѣтъ: "Jeszcze Polska nie zginęła". Его православно-московскій фанатизмъ не мѣшалъ ему понимать святую и законную сторону польско-государственного фанатизма. Константинъ Сергѣевичъ, вмѣстѣ съ своими вышеупомянутыми друзьями, были ужъ тогда врагомъ петербургскаго государства и вообще государственности, и въ этомъ отношеніи онъ даже опередилъ насъ. Я нѣсколько разъ спрашивалъ себя: Последнее польское возгнаніе и пустой шумъ, поднятый по этому случаю, европейскою дипломатіею, могли-ли бы или вѣтъ побудить его броситься, вмѣстѣ со всѣми прочими корифеями славянофильской партіи, въ лагерь ненавистнаго ему петербургскаго императорства? Не берусь рѣшать этого вопроса, такъ много чудовищныхъ перемѣнъ осуществилось на нашихъ глазахъ, что трудно было бы отвѣчать за теоретическую стойкость и послѣдовательность до конца даже Константина Сергѣевича Аксакова. Но вотъ за что отвѣчаю: какъ бы сильно, страстно и ложно ни было его увлеченіе, онъ никогда не сдѣлался бы поощрителемъ и подстрекателемъ налача Муравьева, не жалъ бы рукъ гвардейскимъ грабителямъ и шпионамъ; съ негодованіемъ, отвращеніемъ и ужасомъ отвернулся бы онъ отъ побіенія безоружныхъ поляковъ, и скорѣе отказался бы отъ своихъ, чѣмъ позволилъ бы имъ наругаться надъ благород-

ными пащими жертвами. Пакопецъ, постѣ потѣхъ, онъ не поѣхалъ бы въ Варшаву* организовать Польшу. Еслибъ у него не достало политическаго смысла, чюбъ понять, что подь сѣнью петербургскаго императорства, при условіяхъ необходимыхъ для существованія Всероссійскаго государства, нѣтъ ни возможности, ни мѣста для серьезной народной организаціи, и что при такой обстановкѣ, всякая демократическая попытка непремѣннымъ образомъ должна обратиться въ мѣру государственную, а слѣдовательно противународную, то благородный, чуткій инстинктъ его сказалъ бы ему, что для *порядочнаго* русскаго человѣка не можетъ быть теперь мѣсто въ Варшавѣ.

Всего этого не боялся и не почувствовалъ Н. С. Аксаковъ. Увлеченный тѣснымъ, дикимъ и къ тому-же губительнымъ для Россіи государственнымъ патріотизмомъ, онъ позабылъ все человѣческое, и самъ поставилъ себя преступникомъ противъ человечества, преступникомъ противъ свободы, блага и достоинства Россіи, которыя впѣ и противъ человечества невозможны. Онъ принесъ всю свою правительственную и умственную силу на поддержку государственнаго преступленія совершеннаго и совершаемаго правительствомъ и его палачами въ Польшѣ, и послѣ того не переставалъ клеветать на Россію, увѣряя, что это преступленіе необходимо для ея спасенія.

И не смотря на все это, я готовъ повторить съ вами, что г. Аксаковъ человѣкъ честный, но только подь однимъ условіемъ — вы должны согласиться со мною, что все что мы придадимъ его честности, будетъ отнято нами у его способности разумѣнія.

М. Бакушинъ.

С М Ъ Т А.

Изъ общей государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1867 годъ — оказывается, что прямыхъ налоговъ, увеличенныхъ противъ 1866 г. слишкомъ на 5 милліоновъ рублей серебромъ — 41,865,131 руб. 89 коп.; это даетъ одного прямаго налога съ податныхъ состояній слишкомъ рубль серебромъ съ души †. Далѣе оброкъ съ государственныхъ крестьянъ и поселянъ, живущихъ на казенныхъ земляхъ — 36,092,078 р. 50½ коп. Это даетъ слишкомъ 3 р. 37 к. съ души ‡. Противъ 1866 г. оброкъ увеличенъ слишкомъ на 2,600,000 руб. сер. Конечно, оброкъ меньше бывшихъ помѣщичьихъ оброковъ, но казна — то почему смотреть на себя какъ на помѣщика? — Питейный акцизъ составляетъ огромную сумму 125,053,316 руб. сер. — Расходы по военному министерству безъ малаго 114 милліоновъ. Платежей процентовъ и погашеній по государственнымъ долгамъ 68,586,684 руб. 40½ коп. — такъ что подумаешь, что съ прошлаго года слишкомъ 5 милліоновъ уплачено. А между

тѣмъ, не смотря на всю мельчайшую аккуратность росписи, гдѣ помѣчены даже четверти копѣйки, мы находимъ въ *Indépendance Belge*, что дефицитъ, являющійся въ росписи около 15 милліоновъ, уже покрытъ англо-голландскимъ займомъ; по что дѣйствительный дефицитъ, скрытый въ росписи, составляетъ 55,296,000 руб. с. (г. е. 221,184,000 франковъ). Послѣ этого, что — же значить и копѣчная аккуратность и пресловутая гласность!

Но правительство подкапывается подь гласность и въ другомъ дѣлѣ. *Indépendance Belge*, по случаю предполагавшагося, 29 (17) Апрѣля, открытія С. - Петербургскаго земскаго собранія, сообщаетъ, что въ положеніи о засѣданіяхъ произошло маленькая перемена: до сихъ поръ прѣнія были публичны, а по новому положенію публичность прѣній будетъ зависѣть отъ предсѣдателя собранія, и такъ какъ предсѣдатель собранія губернской дворянской предводитель, а такіе господа весьма заискиваютъ милостей при дворѣ, то ясно, что публичность засѣданій будетъ зависѣть отъ правительственнаго произвола.

Таже *Indépendance Belge* благоговѣетъ передь Валзуевымъ и его циркуляромъ начальникамъ губерній (отъ 17 Февраля). *Indépendance Belge* полагаетъ, что Валзуевъ въ этомъ циркулярѣ вообще стремится указать, что настала пора равномѣрной раскладки податей и повинностей и что дворянскія землевладѣльческія имѣнья должны быть обложены на равномѣрномъ основаніи съ прочими сословіями. *Indépendance Belge* видитъ въ значеніи этого циркуляра послѣдній ударъ, нанесенный дворянству. Читателю даже можетъ показаться, что Валзуевъ совершенно согласенъ съ мнѣніемъ кн. Щербатова, о которомъ мы говоримъ въ этомъ — же № *Колокола*. Но мы отчасти сомнѣваемся въ такомъ либеральномъ направленіи г. министра внутреннихъ дѣлъ. Его необычайно длинный циркуляръ направленъ на объясненіе, лучше сказать на защиту указа 21 Поября о предѣлахъ взиманія налоговъ по земству съ людей торговыхъ и фабрикъ, т. е. съ капитала и заводской промышленности. Известно, что земскимъ учрежденіямъ этимъ указомъ запрещено обложеніе въ пользу земства капиталовъ, какъ они есть, и фабрикъ по цѣнности ихъ производства и дозволено взиманіе опредѣленнаго процента съ торговыхъ свидѣтельствъ и съ цѣнности фабричнаго имѣнья (т. е. здания, заведенія) но не съ суммы капитала и не съ производства фабрики. Во всемъ длинномъ циркулярѣ министръ говоритъ, что поступило много жалобъ со стороны самыхъ земскихъ собраній и особо отъ торговой и заводской промышленности на прежнее обложеніе ихъ земскими собраніями (*но не называетъ никого*) и доказываетъ, что указъ 21 Поября явился хотя внезапно, но былъ необходимъ. (По другимъ свѣденіямъ жалобы поступили совершенно часно отъ нѣкоторыхъ сахарныхъ заводчиковъ изъ дворянъ). Что же касается до мнѣнія министра о равноправности распределенія поземельныхъ налоговъ, выраженнаго въ нѣсколькихъ строкахъ, — вотъ оно:

“у насъ до сихъ поръ нигдѣ еще не собраны и не разработаны свѣденія,

* Когда-же ѣздилъ Н. С. Аксаковъ? — Изд.

† Если принять податныхъ сословій мужскаго пола 25,863,203 души (русское изданіе Кольба).

‡ Государственныхъ крестьянъ считалось 10,712,439 (idem).

земля необходимы для правильной разверстки сборовъ. Отъ земскихъ учреждений зависитъ устраненіе этого кореннаго недостатка. Поземельная собственность обременена во многихъ случаяхъ не только вслѣдствіе значительнаго, но и вслѣдствіе неуравнительнаго обложенія. Ея доли, и доходность этихъ долей, не приведены въ надлежащую извѣстность. Правильнымъ основаніемъ уѣзной раскладки можетъ служить только правильная, уѣзная роспись имуществъ, въ которой не только земли, но и фабричныя, заводскія и другія торговыя или промышленныя помѣщенія показываются съ обозначеніемъ вычисленной, на извѣстныхъ началахъ, ихъ доходности. Мѣстные условия могутъ требовати, въ этомъ отношеніи, разнообразныхъ правилъ, и для установленія этихъ правилъ ближайшія соображенія земскихъ учреждений могли-бы принести существенную пользу".

Тутъ очевидно только то, что министръ цитируетъ, что земскія учреждения могутъ принести пользу въ *собрании свидѣній*, которыхъ министерство не можетъ собрать, а обложеніе заводской и торговою промышленности должно быть основано на извѣстныхъ началахъ, т. е. правительствомъ опредѣленныхъ. Равномѣрное же основаніе налоговъ, объ этомъ упоминается такъ вскользь, что во всемъ циркулярѣ съорѣе представляется что то туманное, охота показать либеральную струнку и скрытое желаніе отнять у земскихъ учрежденій всякую самостоятельность. Нѣтъ, г. министръ, если уже правительство признало за земскими учреждениями право самообложения, то нечего правительству и выѣшиваться въ приложеніи этого права, и если мѣстные земскія управленія дѣлали ошибки, то, конечно, не указы, выходящіе вслѣдствіе окольных частныхъ интригъ и не административные циркуляры — въ правѣ и въ силѣ исправить эти ошибки, а развѣ само земство въ его цѣлости, т. е. *Земскій Соборъ*.

Кн. ЩЕРБАТОВЪ И ЛИЛІЕНФЕЛЬДЪ.

Въ петербургскомъ дворянскомъ собраніи кн. Щербатовъ предлагалъ введеніе новаго распредѣленія натуральныхъ повинностей. До сихъ поръ дворянство не участвовало въ нихъ; онѣ совершенно ложились бременемъ на крестьянство. Щербатовъ предлагалъ равномѣрное распредѣленіе натуральныхъ повинностей на землевладѣльцевъ изъ дворянъ, соотвѣтственно цѣпности землевладѣнія. Находя затруднительнымъ, въ большей части мѣстностей, переводъ натуральныхъ повинностей на денежные, вслѣдствіе недостатка денегъ — между тѣмъ какъ матеріальныя средства къ выполненію повинностей имѣются подъ руками, Щербатовъ на этотъ разъ и ограничился предложеніемъ только болѣе справедливаго, равномѣрнаго распредѣленія натуральныхъ повинностей. Собраніе ему рукоплескало съ восторгомъ, а большинствомъ голосовъ рѣшило противъ предложенія.

Щербатову возражалъ изъ дворянъ Лиліенфельдъ. Рѣчь его замѣчательна по дерзко-помѣщичьему взгляду на вещи и потому, что г. Лиліенфельдъ не останавливается ни передъ какими противорѣчіями и бодро шагаетъ черезъ. Его основная точка зрѣнія, что помѣщики представляютъ — образованіе и капиталъ, а крестьянство — неразвитость и отсутствіе капитала, и что слѣдовательно образованіе и капиталъ не можетъ

пестить повинность въ томъ-же видѣ, какъ неразвитость и отсутствіе капитала. А въ концѣ рѣчи самъ-же г. Лиліенфельдъ упоминаетъ, что Щербатовъ именно говорилъ о правѣ выкупа натуральныхъ повинностей, т. е. переюженія ихъ на повинности денежные, и о томъ, что обложеніе помѣщичьихъ имуществъ натуральными повинностями послужитъ *лучшимъ переходомъ* для переюженія натуральныхъ повинностей на денежные. Стало нечего было говорить о *видовомъ* различіи повинностей.

Самая важная сторона вопроса, по мнѣнію г. Лиліенфельда — *юридическая*. Слѣдовательно, помѣщикъ, владѣя 1000 душевыми надѣлами и получая по 10 рублей сер. съ надѣла, получаетъ 10,000 руб. оброка; а если онъ будетъ платить за натуральныя повинности, онъ получитъ только 9,000 руб. — И изъ за чего? Изъ за *гуманности*? А гдѣ-же юридическая сторона? Не дурно! По ночтеннымъ *вѣстовой* ораторъ не желаетъ понять, что юридическая сторона собственно можетъ выразиться въ *справедливости*, а справедливость требуетъ *уравновѣсиванія* налога падающаго на людей. Слѣдственно, что - же изъ этого что г. Лиліенфельдъ отдастъ, въ счетъ налога, изъ 10,000 руб. сер. — 1000 руб.? Вѣдь крестьяне все-же станутъ ему платить 10,000 руб., между тѣмъ какъ, при несправедливой разверсткѣ натуральныхъ повинностей, они платили не 10 а 11,000 руб., ибо лишняя натуральная повинность равняется 1000 рублямъ. Тамъ, гдѣ юридическое основаніе — только несправедливость, оно основаніе ложное.

Но г. Лиліенфельдъ думаетъ, что дворянство также и теперь платитъ свои натуральныя повинности — камнемъ, щебнемъ, пескомъ, хворостомъ для фашинь, строевымъ лѣсомъ для мостовъ и перевозовъ. Ну по бревну - то съ помѣщика, оно выйдетъ не совсѣмъ равносильная тяга натуральныхъ повинностей съ крестьянъ, особенно если припомнить, что и это бревно повезетъ мужикъ *обязательно*.

Мимоходомъ г. Лиліенфельдъ замѣчаетъ, что *доходовъ, какъ остальнымъ дворянамъ извѣстно, помѣщики имѣнія, въ петербургской по крайней мѣрѣ губернии, въ настоящее время никакихъ не приносятъ*. Такъ вотъ оно капиталъ - то и образованіе! Изъ чего-же они играютъ въ *игрушку* поземельной собственности? Пусть-же бросятъ ее, если она равна нулю; а если-же это неправда и она приноситъ доходъ, пусть несутъ общественную тягу наравнѣ съ другими.

Для вѣщаго доказательства своего мнѣнія, г. Лиліенфельдъ приводитъ фактъ, что даже во Франціи, частью въ Германіи и въ Бельгіи — долею сохранены натуральныя повинности. Для провѣрки — мы искали въ юридическихъ и статистическихъ матеріалахъ Франціи — гдѣ и какъ сохранена натуральная повинность — и не нашли. Всѣ повинности денежные. Такимъ образомъ легко представлять факты, зная что собраніе, въ данную минуту, не можетъ провѣрить — точно-ли это факты. А потомъ, еслибъ и сохранялись во Франціи натуральныя повинности, кто-же говорить, что онѣ падаютъ *только на крестьянъ*?

Не дурно так - же и то, что разбирая разные роды натуральных повинностей (дорожную, подводную, постоянную и пастбищную), г. Лиленфельд замѣчаетъ, что даровой постои солдатъ по крестьянскимъ избамъ, для крестьянъ чрезвычайно выгоденъ!

Послѣ такой справедливой и правдивой рѣчи—какъ-же, въ самомъ дѣлѣ, дворянству, рукоплескавшему Щербатову, — было не отвергнуть большинствомъ его предложенія?

О милое дворянство!

С М Ъ С Ъ.

— *Славянская антація*—сильно продолжается въ Россіи, представители всѣхъ славянствъ ѣдутъ изъ Австріи въ Москву поговорить объ этнографіи, и вѣроятно о географіи и не только математической, но и политической, ѣдутъ посмотрѣть на выставку, на которой *Москва* и П. С. Аксаковъ будутъ представлять Фенелу и молчать въ Кремлѣ, такъ какъ та молчала въ Португалии. Все это, очень хорошо, хотя обѣды въ 12 руб. сер. съ человѣка неумѣстны и даже становятся *mauvais genre*. Пора намъ русскимъ заявлять свои сочувствія не только животомъ, но и другими частями тѣла. Въ желудкѣ нашемъ никто не сомнѣвался, ни злѣйшіе враги Россіи, ни ея друзья. Въ томъ, что не смотря на несчастіе освобожденія, у *раззоренныхъ*, все еще есть лишніи деньги, и это всѣмъ извѣстно, — а потому неприлично исключать небогатыхъ людей, изъ празднества высокимъ ценсомъ тѣни. Удивлять стерледами и кулебяками послѣ того, какъ стерледи ѣли Муравьеву и кулебяки Каткову, какъ-то стало противно.

Успѣха — этнографическому, всеславянскому собору — мы желаемъ отъ души. Можетъ и правительство наше увлечется хорошимъ примѣромъ и послушавшись какъ скверно славянамъ подъ гнетомъ австріаковъ и турокъ, вспомнить что есть еще несчастные славяне ихъ соотчичи, раззоряемые безпорядкомъ, задавленные ибмцами, разстрѣливаемые генералитетомъ — и сзоветъ ихъ на *общую думу*, вмѣстѣ погоревать, погужить... да посоветоваться съобща какъ горю пособить.

Какъ тамъ ни агитируй въ Туречинѣ, да Галичинѣ, все таки начать надобно и дома. Однимъ *казанскимъ* Соборомъ не отдѣлаешься теперь передъ войной...

— *Жертвы бѣдности* — Въ 100 № *Спб. Вѣд.* рассказали слѣдующее :

“Еврейчъ, по существующимъ законамъ, содержать христіанскую прислугу у себя не дозволяется; между тѣмъ, въ городахъ западнаго края евреи содержатъ въ домахъ проституцій христіанокъ. Неразительнѣе же всего то, что жертвы эти поступаютъ къ нимъ почти дѣтьми, съ 13—14-лѣтняго возраста, становясь продажнымъ товаромъ и жертвуя съ ранняго возраста днъ выгодъ еврея, пзъ насущнаго хлѣба и какой-нибудь одежды, записанной на ея счетъ по самой дорогой цѣнѣ, единственнымъ своимъ достояніемъ — честью и здоровьемъ.

“Совершеннолѣтіе и гражданская полноправность, по существующимъ законамъ, признаются равно и для мужчины и женщины по достиженіи двадцати-одного года. Проститутки же поступаютъ къ еврейкамъ не только не достигнувъ

21 года, но еще дѣвочками, ранѣе 16-ти лѣтъ, то есть того возраста, который признается русскимъ закономъ для женщины физически-безвреднымъ къ переходу изъ отрочества въ супружескую жизнь. Еслибы запрещено было содержать въ домахъ проституцій вообще женщинъ моложе 21 года, а въ еврейскихъ проституціонныхъ притонахъ запрещено содержать христіанокъ, тогда много бы ю бы спасено отъ гибели и позора несчастныхъ жертвъ молодости, соблазна и неопытности, много успѣли-бы отрезвиться отъ чада молодости и въ 14—15 лѣтъ не попадали-бы въ больницы и не поспли-бы позорнаго имени публичныхъ женщинъ.

“Особенно неприятно поражаютъ въ больницѣ надписи надъ кроватями ‘публичная женщина такая-то’. Ну, возможно ли такъ немилосердно клеймить позоромъ 15—16-лѣтнюю дѣвушку

“Многія изъ несчастныхъ дѣвушекъ, вылечившись въ больницѣ, желали-бы возвратиться на путь честной жизни; но какъ, къ кому и куда обратиться съ своимъ раскаяніемъ? Несчастная подумаетъ, подумаетъ, всплакнетъ о своей горькой долѣ, вспомнитъ родительскій домъ, отца, мать, а тутъ подвернется товарка, развеселая дѣвушка, для которой все трепъ-трава. ‘Что плачешь?’ — скажетъ она — все на свѣтѣ вздоръ, какой чортъ возьметъ насъ въ честный домъ?’ — и все желаніе исправленія пропадетъ. Приѣдетъ содержательница къ несчастной жертвѣ, заплатитъ въ больницу за ея леченіе, выдадутъ бѣдняжкѣ бурнусишко, платокъ на голову — и погубшая опять выходя на панципу, въ пользу владѣлицы души и тѣла ея—развѣвшейся еврейки ...

“Если общества наши пахнутъ необходимымъ, смотри на мученіе людемъ животныхъ, заботишься объ этихъ безответныхъ жертвахъ человѣческой жестокости, то неужели общество будетъ оставаться равнодушнымъ къ отвратительному промыслу нашихъ евреевъ несчастными дѣвочками?”

Намъ что-то сдается, что такихъ евреевъ найдется довольно и между православными въ Петербургѣ и другихъ городахъ, а что протестантскихъ евреевъ, ведущихъ обширный торгъ “юнымъ товаромъ”, видимо не видимо на берегахъ Балтики, въ этомъ и сомнѣнія нѣтъ.

— *Въ южу мѣру мѣрите...* Голосъ расходился по поводу дописа какой-то австріиской газеты на славянъ, ѣдущихъ на московскую выставку :

“*Debatte* дѣлаетъ формальный доносъ на чеховъ, изъявившихъ желаніе отправиться ‘въ Мекку панславизма’. Братство, на основаніи панславизма (восклицаетъ ибмечкая газета) заговоръ противъ Австріи (!). Кто принимаетъ въ немъ участіе, тотъ дѣлаетъ вызовъ цѣлой Австріи. Крикъ негодованія — вотъ единственно возможный отвѣтъ австріискихъ народовъ тѣмъ, которые сдѣлались сообщниками столь гнуснаго покушенія на существованіе Австріи.

“Бѣдная Австрія! до чего ты дожила!” (Голосъ No. 108).

А что мы пережили и очень недавно? Развѣ инымъ языкомъ говорили *Москов. Вѣд.*, развѣ ихъ доносы были меньше вредны... замѣните слово *Австрія*, словомъ *Имперія* и самъ Катковъ приметъ эту гадкую выходку за отрывокъ изъ *Москов. Вѣд.* Чему-же такъ дивиться чужой грязи, когда своя на губахъ не обсохла.

Впрочемъ мы совершенно съ *Голосомъ* согласны, и особенно съ его послѣдними словами : “что всѣ шпіонскія нащоптыванія газеты (*имряль*) не что иное, какъ совершенно *излишнія мерзости*” даже и тогда когда ихъ шепчутъ на снательное ухо Шувалова.

— *Сумашествіе*. Указомъ 28 Марта Царство Польское окончательно присоединяется къ Россійской имперіи, на общихъ основаніяхъ законодательства и раздѣленія на губерціи. — Что для Россіи отъ этого не лучше, а для Польши убійственно — это несомнѣнно. Для кого-же лучше?

— *Басня П. А. Крылова.* — Не можем не повторить, напечатанную в *Русском Архиве*, превосходную и совершенно неизвестную басню Крылова, вероятно не пропущенную прежней ценсурой :

ПЕСТРЫЯ ОВЦЫ.

Левъ пестрыхъ не взлюбилъ овецъ.
Ихъ просто-бы ему перевести не трудно;
Но это было-бы несправедливо —
Онъ не на то носилъ въ лапахъ венецъ,
Чтобъ подданныхъ дѣлать, но имъ давать расправу.
А видѣть пеструю овцу терпѣнья вѣтъ.
Какъ сбыть ихъ и сберечь свою на свѣтъ славу?
И вотъ къ себѣ зоветъ
Медвѣдя онъ съ лисою на совѣтъ
И имъ за тайну отрываясь,
Что, видя пеструю овцу, онъ вслѣдъ разъ
Глазми цѣлый день страдаетъ,
И что придетъ ему совѣтъ лишиться глазъ,
И какъ такой бѣдѣ помочь, совѣтъ не знаетъ.
“Всесильный левъ, сказалъ насупившись медвѣдь
На что тутъ много разговоръ?
Вели, безъ дальнихъ сборовъ,
Овецъ передуть Кому о нихъ жалѣть?”
Лиса, увидѣвши, что левъ нахмуритъ брови,
Смирно говоритъ. “О царь! нашъ добрый царь!
Ты вѣрно запретишь гнать эту бѣдную тварь
И не прольешь павлиной крови;
Осмѣлюсь я совѣтъ иной произнести:
“Дай повелѣнье ты луга имъ отвести,
Гдѣ бы быть обильный кормъ для матокъ,
И гдѣ-бы поскакать, побѣгать для агилтокъ.
А такъ какъ въ пастухахъ у насъ здѣсь недостатокъ,
То предложи овецъ волкамъ пастъ.
Не знаю, какъ то мнѣ сдается,
Что родъ ихъ самъ собой переведется,
А между тѣмъ пуская блаженствуютъ онѣ,
И что бы ни сдѣлалось, ты будешь въ сторонѣ”.
Лисицы мѣние въ совѣтъ силу взяли,
И такъ удачно въ ходъ пошло, что, наконецъ,
Нетолько пестрыхъ тамъ овецъ,
И гладкихъ стало мало.
Какіе у звѣрей пошлн на это толки?
Что левъ бы быть хорошъ, да все злодѣи волки.

Какъ стары и какъ новы — этотъ добрый царь-скотъ и эти злые волки съ портфелею.

— *Кто Б.?* Въ Петербургѣ въ русскомъ купеческомъ клубѣ, какой-то ярыга и дѣйств. стат. совѣтникъ Б., оскорбилъ даму. Старшина не вступился за нее. Ободреннымъ ярыга нагналъ даму въ савякъ, и похлосталъ ее. Судъ посадилъ его на три мѣсяца въ тюрьму. Но кто-же этотъ Б.? Неужели *Вѣсти* удалось убѣдить власть имущихъ, что только фамилии бѣдныхъ людей и не чиновныхъ могутъ печататься вообщѣ?

— *Петръ IV.* Изъ Петербурга пишутъ, что Шуваловъ и часть зѣвшихъ ретроградовъ, готовятъ сильныи походъ противъ новыхъ судебныхъ учрежденій. Что-же и ждать другаго отъ начальника шпионовъ и его союзниковъ.

— *Отцы сдѣлались дѣдами...* А дѣды болтаютъ себѣ — болтаютъ безъ конца и связи... да каляны покуриваютъ, а *продывленную* воду сливаютъ Каткову въ передникъ. Экой этотъ Иванъ Сергѣичъ — лучший, сказалъ бы я изъ всѣхъ Иванъ Сергѣичей въ мірѣ, еслибы не боялся обидѣть Аксакова. И нужно ему эдакіе дымы кольцами пускать. Вѣдь надѣлила-же

его природа всякими талантами — умѣть объ охотѣ писать, умѣть перомъ стрѣлять по всякимъ глупымъ тетеревамъ и куропаткамъ живущимъ въ “дворянскихъ гнѣздахъ”, да “затишьяхъ”. Нѣтъ, хочу, говорить, быть публицистомъ — ѣдимъ, злымъ, желчнымъ — а самъ добрышная душа, ни жести, ни злобы, ни развѣдающихъ “костыковъ”, ничего такого. Но нельзя-же взять совѣтъ безличныи и не очень новые мѣха, да въ нихъ налить продывленную воду, назвать ихъ Патугинымъ или Потугинымъ, заставить постоянно сочтены какъ научковую грушу, и выдавать ихъ за живыхъ людей, да еще будто за такихъ, которые въ министерствѣ финансовъ служили и отличья получали... Читашь, читаешь что несетъ этотъ Патугинъ, да такъ и помянешь Кузьму Прудкова — “Увидишь фонтанъ — заткни и фонтанъ, дай отдохнуть и водѣ”... особенно продывленной.

Представьте себѣ эту куклу постоянно горящую не о томъ, о чемъ съ ней говорятъ — возитъ поврежденный маятъ, безъ живота отъ любви, безпрестанно мечется въ траву, а кукла его допинаетъ слѣдующими сентенціями, навоинствующими Сковороду, да и то не ту, на которой варятъ блины, а мало-россійскаго философа :

“Толковали мы съ однимъ изъ нашихъ пылкихъ ‘выюношей’ о различныхъ, какъ они выражаются, вопросахъ. Ну — съ, гнѣвался онъ очень, какъ водится; бракъ, между прочимъ, отрицалъ съ истинно-дѣтскимъ ожесточеніемъ. Представляя и ему такіе резоны, савіе... какъ объ стѣну! Вижу: подѣхать ни съ какой стороны невозможно. И блесни мнѣ тутъ счастливая мысль! Позвольте доложить вамъ, началъ я — съ ‘выюношами’ надо всегда говорить почитательно — я вамъ, многостивныи государь, удивляюсь, вы занимаетесь естественными науками, — и до сихъ поръ не обратилъ вниманія на тотъ фактъ, что всѣ плотоядныи и хищныи животныи, звѣри, птицы, всѣ тѣ, кому пужно отправляться на добычу, трудятся на тѣ доставленіемъ живой пищи и себѣ и своимъ дѣтямъ... а вы вѣдь человѣкъ причисляете къ разряду подобныхъ животныхъ? — Конечно причисляю, подхватилъ ‘выюноша’, человекъ вообще ничто иное какъ животное плотоядное — И хищное, прибавилъ и. — И хищное, подтвердилъ онъ. — Прекрасно сказано, продолжалъ я. Такъ вотъ я и удивляюсь тому, какъ вы не замѣтили, что всѣ подобныи животныи пребываютъ въ единобрачій? Выюноша дрогнулъ — Какъ такъ? — Да также. Помните льва, волка, испугу, ястреба, коршуна, да и какъ-же имъ поступать иначе, соблаговолитъ сообразить? И вдвоемъ-то дѣтей едва выкормишь. Задумался мой выюноша — Ну, говорить, въ этомъ случаѣ звѣрь человеку не указъ. — Тутъ я обозвалъ его идеалистомъ, и ужъ оторчился — же онъ! Чуть не заплакалъ. Я долженъ былъ его успокоить и обѣщать ему, что не выдамъ его товарищамъ.

“Но вы, кажется, не слушаете меня?”

Увидишь фонтанъ — заткни и фонтанъ!

Да и какъ-же идти министерству финансовъ, когда тамъ служатъ люди съ такою потугой! Довольно что и поэтъ Бенедиктовъ былъ по контрольной части.

ОБЩІЙ ФОНДЪ.

Въ общемъ фондѣ къ 15 Мая остаются переданныя намъ изъ другаго фонда въ прошедшемъ Сентябрѣ двѣсти пятьдесятъ семь франковъ и росписки въ ссудахъ на сумму тысячи четырехсотъ франковъ. Деньги мы передали въ Русскую Типографію г. Чернецкому и просимъ имѣющихъ право на ссуды и помощь или желаніе возвратитъ заимобразно взятое, обращаться къ нему. Мы съ 15 Мая прекращаемъ всякій сборъ и готовы передавать деньги “по назначенію”, не будемъ имѣть ни кассы, ни участвовать въ ея распределеніи*.

* Расходъ изъ 257 фр., будетъ печататься. Впрочемъ, еслибы передавшие эту сумму, желали взять на себя ея употребленіе, мы были-бы очень благодарны

— Слѣдующій листъ Колокола выйдеть 15 Іюня.

— La feuille suivante paraîtra le 15 Juin.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ.

БЕЗЪ СВЯЗИ

(Отрывки изъ путешествія)

I.

ZU DEUTSCH.

Гснун 15 Января, 1867.

... Три дня леть проливной дождь, выйти невозможно, работать не хочется... В окошкѣ книжной лавки выставлена "Переписка Гейне" два тома. Вотъ спасенье, я взялъ ихъ и принялся читать впредь до расчищения неба.

Много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ Гейне писалъ къ Мозеру, Иммерману и Варнгагену.

Странное дѣло, съ 1848 года мы все шлились да отступали, все бросали за бортъ да ежились, а кой-что сдѣлалось и все исподволь измѣнилось. Мы ближе къ землѣ, мы ниже стоимъ, т. е. тверже, плугъ глубже врѣзывается, работа не такъ казиста, чернѣе—можетъ оттого, что это въ самомъ дѣлѣ работа. Донъ-Кихоты реакціи пропорции много нашихъ воздушныхъ шаровъ, дымные газы улетучились, аэростаты опустелись, и мы не носимся больше какъ духъ божій надъ водами съ дѣвницей и пророческимъ иѣсповѣніемъ, а дѣпляемся за деревья, крыши и за мать сыру землю.

Гдѣ эти времена, когда "юная Германия" въ своемъ "прекрасномъ-высоко" теоретически освобождала отечество и въ сферахъ чистаго разума и искусства, покоичивала съ миромъ преданій и предрасудковъ? Гейне было противно на ярко-освѣщенной морозной высотѣ, на которой величественно дремать подъ старость Гете, грези не совѣмъ складные, по умные сны второй части Фауста, однако и онъ ниже книжного магазина не опустился, это все еще академическая ашля, литературные кружки, журнальные приходы, съ ихъ сплетнями и дряками, съ ихъ книжными Шенлохами въ видѣ Коты или Гофмана и Кампе, съ ихъ геттингенскими архіереями филологіи и епископами юриспруденціи въ Галле или Бонѣ. Ни Гейне, ни его кругъ, парода не знали, и народъ ихъ не зналъ. Ни скорбь, ни радость низменныхъ полен не подымалась на эти вершины—для того, чтобъ понять стонъ современныхъ человѣческихъ трысницъ, имъ надобно было переложить его на латинскіе нравы и черезъ Гравховъ и протегаріевъ, добраться до ихъ мысли.

Балатавры міра *сублимированного*, они выходили иногда въ жизнь, начиная какъ Фаустъ, съ полливной и всегда какъ онъ съ какимъ нибудь духомъ нѣвольнаго отрицанья, который имъ, какъ Фаусту мѣшалъ своей рефлексіей просто глядѣть и видѣть. Оттого - то они тогчасъ возвращались отъ живыхъ источниковъ къ источникамъ историческимъ, тутъ они чувствовали себя больше дома. Занятія ихъ, это особенно замѣчательно, не только не были *дѣломъ*, но и не были *наукой*, а такъ сказать ученостью и литературой цуще всего.

Гейне подчасъ бунговалъ противъ архивнаго воздуха и аналитическаго наслажденія, хотѣлъ чего-то другаго, а письма его совершенно *нѣмецкія письма*, того нѣмецкаго періода, на первой страницѣ котораго Бетина-дитя, а на послѣдней Рахель еврейка. Мы свѣжѣ дышемъ встрѣчалъ въ его письмахъ страстные порывы юдаизма, тутъ Гейне въ самомъ дѣлѣ увлекающійся человѣкъ—но онъ тотчасъ стынетъ, холодѣетъ къ юдаизму и сердится на него за свою собственную, далеко не безкорыстную измѣну.

Революція 1830 и потомъ переѣздъ Гейне въ Парижъ, сильно двинули его. *Der Pan ist gestorben* говоритъ онъ съ восторгомъ и торопится *tuda*—туда куда и я нѣкогда торопился такъ болѣзненно страстно—въ Парижъ; онъ хочетъ видѣть "величій народъ" и сѣдаго Лафайета развѣзжающаго на сѣрон лошади. Но литература вскорѣ беретъ верхъ, паружно и внутренно письма наполняются литературными сплетнями, личпостями въ пересыпочку съ жалобами на судьбу, на здоровье, на первы, на худое расположеніе духа, сквозъ котораго просвѣчиваетъ безмѣрное, оскорбительное самолюбіе. И тутъ-же Гейне беретъ фальшивую ноту. Холодно вздутый ригорическій бонапартизмъ его становится также противень, какъ брезгливый ужасъ гамбургскаго, хорошо вымытаго жиды передъ народными трибунами не въ книгахъ, а на самомъ дѣлѣ. Онъ не могъ переварить, что рабочьи сходки, не представлялись въ чопорной обстановкѣ кабинета и салона Варнгагена, "фарфороваго" Варнгагена фонъ Эпзе, какъ онъ его самъ называлъ.

Чистотой рукъ и отсутствиемъ табачнаго запаха, впрочемъ и ограничивается чувство его собственнаго достоинства. За это винить его трудно. Чувство собственнаго достоинства, не нѣмецкое, не еврейское и по несчастно тоже не русское.

Гейне кокетничаетъ съ прусскимъ правительствомъ, заискиваетъ въ немъ черезъ посла, черезъ Варнгагена, и ругаетъ его*. Кокетничаетъ съ Баварскимъ королемъ и осыпаетъ его сарказмами, больше чѣмъ кокетничаетъ съ "высокой" германской дѣтой и выкупаютъ свое дрянное поведеніе передъ ней ѣдкими пасмѣшками.

Все это не объясняетъ-ли отчего учено-революціонная вспышка въ Германии такъ быстро лопнула въ 1848 году? Она тоже принадлежала литературѣ и исчезла какъ ракета, пущенная въ Кроль гарденѣ—она имѣла своихъ вождей-профессоровъ и своихъ генераловъ отъ филологіи, она имѣла свои народы въ ботфортахъ и береткахъ, народы студентовъ измѣпившихъ революціонному дѣлу, какъ только оно перешло изъ метафизической отваги и литературной удали на площадь.

Кромѣ нѣсколькихъ забѣжавшихъ или завлеченныхъ работниковъ, народъ не шелъ за этими блѣдными *фюрерами*, они ему такъ и остались посторонними.

— Какъ вы можете выносить всѣ обиды Бисмарка—спросилъ я, за годъ до войны, у одного лѣваго депутата изъ Берлина, въ самое то время, когда графъ набивалъ себѣ руку для того, чтобъ повышибить зубы по крѣпче Грабова и К-шн.

— Мы все сдѣлали что могли *innerhalb* конституции.

— Ну такъ вы бы по примѣру правительства попробовали *ausserhalb*.

— То есть что-же? сдѣлать воззваніе къ народу, остановить платежи налоговъ?... Это мечта... ни одинъ человѣкъ не двинулся бы за насъ, не поддержалъ бы насъ... и мы дали бы повое торжество Бисмарку, свидѣльствуя сами нашу слабость.

— Ну такъ и я скажу какъ вашъ президентъ при всякомъ заушеніи: Воскликните троекратно *Es lebe der Koenig!* и разойдитесь съ миромъ!

И—ръ.

* Не тоже-ли дѣлалъ и геиш на содержаніи прусскаго короля? Его двупостасность павлекла на него колкое слово. Послѣ 1848, король ГанOVERскій ультра консерваторъ и феодалъ, пріѣхавъ въ Цондамъ. На лѣстницѣ дворца его встрѣтили разные придворные и Гумбольдтъ въ ливрейнномъ фракѣ. Злой король остановился, и улыбаясь сказалъ ему: "Immer derselbe, immer Republicaner und immer im Vorzimmer des Palastes".

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Въ Женевѣ у Н. Georg, 10, Corraterie и въ Русской Типографіи, 40, Pré-l'Évêque.
Въ Лондонѣ N. Trübner & Co., 60, Paternoster Row.
Въ Парижѣ А. Franck, 67, rue de Richelieu.
„ Lemoine, libraire, 26, Place Vendôme.
Въ Ниццѣ Visconti, libraire.
Въ Берлинѣ Behr'sche Buchhandlung, 27, Unter den Linden.
„ F. Schneider et Ce, 19, Unter den Linden.
„ Adolf et Ce, 59, Unter den Linden.
Въ Дрезденѣ L. Wolf's Buchhandlung.
Въ Франкфуртѣ С. Jügel's Buchhandlung,
Въ Гейдельбергѣ Bangel et Schmitt Buchhandlung.
Въ Константинополѣ S. H. Weiss, libraire, 323, Grand' rue de Pera.
Въ Венеціи Н. F. et M. Münster, Libreria Piazza St. Marco.
Въ Флоренціи Librairie Vieusseux.
Въ Бернѣ (Suisse) J. Dalp, libraire.
Въ Цюрихѣ (Suisse) Schabelitz'sche Buchhandlung.
Въ Вевѣ (Suisse) В. Benda, Ancienne librairie R. Lesser.

ПРОДАЮТСЯ :

КОЛОКОЛЪ, Лондонское изданіе, отъ 1го до 196го листа, въ переплетѣ, цѣна 75 франковъ.
ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА, Кн. I, II, III, IV, V, VI и VII.
БЫЛОЕ и ДУМЫ, ИСКАНДЕРА, Томъ I, II, III и IV. (1ая часть IV Тома 6фр. 2ая—3фр. Обѣ вмѣстѣ 8фр.).
ПИСЬМА ИЗЪ ФРАНЦІИ и ИТАЛІИ, ИСКАНДЕРА (1847—1852), съ портретомъ автора.
ПРЕРВАННЫЕ РАЗСКАЗЫ, ИСКАНДЕРА.
СЪ ТОГО БЕРЕГА, ИСКАНДЕРА.
СТАРЫЙ МІРЪ и РОССИЯ (Письма А. Герцева къ В. Ливтову, переводъ съ французскаго).
РУССКІЙ НАРОДЪ и СОЦІАЛИЗМЪ, Письмо ИСКАНДЕРА къ Н. Мишле, (переводъ съ французскаго).
КТО ВИНОВАТЪ? Романъ въ двухъ частяхъ, ИСКАНДЕРА (Лондонское изданіе съ дополненіями).
ЗА ПЯТЬ ЛѢТЪ, (1855—1860) Соціальные и политическія статьи ИСКАНДЕРА и Н. Огарева, Часть I и II.
СТИХОТВОРЕНІЯ, Н. Огарева, съ портретомъ автора.
14 ДЕКАБРЯ 1825 и ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ. Издаво Редакціей “Полярной Звѣзды”, по поводу книги барона Корфа.
ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ, кн. II.
ЗАПИСКИ КНЯГИНИ Е. Р. ДАШКОВОЙ. (переводъ съ англійскаго).
ЗАПИСКИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II, (переводъ съ французскаго).
РУССКАЯ ПОТАЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX СТОЛѢТІЯ.
ЗАПИСКИ И. В. ЛОПУХИНА, составленныя имъ самимъ.
ГОЛОСА ИЗЪ РОССИИ, Кн. I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII и IX.
ДЕСЯТИЛѢТІЕ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФІИ въ Лондонѣ.
ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТОВЪ, Выпускъ I, Записки Н. Д. Якушкина; вып. II, Записки князя Трубецкаго.
КНЯЗЬ М. ЩЕРБАТОВЪ и А. РАДИЩЕВЪ, съ предисловіемъ ИСКАНДЕРА.
СБОРНИКЪ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ СВѢДЕНІЙ О РАСКОЛНИКАХЪ, Выпускъ I, II, III и IV.
СОБРАНИЕ ПОСТАНОВЛЕНІЙ ПО ЧАСТИ РАСКОЛА. Томъ I, Выпускъ I и II.
ВЪРОИСПОВѢДАНІЕ ДУХОВНЫХЪ ХРИСТІАНЪ, обыкновенно называемыхъ МОЛОКАНАМИ.
ЕЩЕ РАЗЪ, Сборникъ статей ИСКАНДЕРА 1865.
ЗАПИСКИ РУФИНА ПИТРОВСКАГО (1843—1846).
ЗАПИСКИ ДЕНИСА ВАСИЛЬЕВИЧА ДАВЫДОВА.
ЗАПИСКИ АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА ЕРМОЛОВА.
ЗАПИСКИ Кн. П. В. ДОЛГОРУКОВА на французскомъ языкѣ : MÉMOIRES DU PRINCE PIERRE DOLGOROUKOW, Tome Premier in 8-vo de 500 pages; prix : 8 francs.

КОЛОКОЛО

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 242.

1 Іюня 1867.

Выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré-l'Évêque и въ главныхъ депо — у Г. Георга, 10, Corratierie, Genève; у Н. Грюнвера, 60, Paternoster Row, Londres. Цѣна за листъ 50 сантим. безъ пересылки.

Прилагаемъ почтовой тарифъ :

Въ Германію	15с.
— Австрію	15с.
— Англію	15с.
— Бельгію	5с.
— Францію	5с.
— Италію	3с.
— Грецію (черезъ Марсель) ..	5с.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10с.
— Швецію	25с.
— Швейцарію	5с.

Parait à Genève une fois chaque mois. Le dépôt principal est chez H. GEORG, à Genève, Corratierie, No. 10. A Londres, chez N. TRÜBNER et Co., 60, Paternoster Row. Le prix de chaque No. est de 50 centimes, le port de la poste non compris.

Tarif postal :

Allemagne	15с.
L'Autriche	15с.
Angleterre	15с.
Belgique	5с.
France	5с.
Italie	3с.
Grèce (voie de Marseille) ...	5с.
Turquie et Princ. Danubiennes (voie de Marseille)	10с.
Suède	25с.
Suisse	5с.

ОГЛАВЛЕНІЕ : Полноте вратъ—Настоящее и ожиданія—Письмо г. И. Шахова. Смѣсь : Кровавое царствованіе—Этнографическая агитация—Новыя стѣпленія—Ки. Меншиковъ намѣтитъ—Частное дѣло—Положительная философія—Поправка—Общій фондъ.—Литературное Прибавленіе.—Объявленія.

Не смотря на наше объявленіе въ прошломъ листѣ, количество матеріала заставляетъ насъ издать этотъ листъ раньше обещаннаго.—Ред.

ПОЛНОТЕ ВРАТЬ.

Вотъ что напечатано въ 96 № *Моск. Вѣдомостей* :

“Изъ Цюриха пишутъ въ “Варшавскій Дневникъ”, что тамошняя полиція получила. 23 Апрѣля (н. ст.), отъ союзнаго совѣта въ Бернѣ секретное предписаніе удвоить строгій надзоръ надъ типографіей польскаго центрального комитета въ Готтингенѣ, и надъ лицами, работающими въ этой типографіи. Такое же предписаніе получила женевская полиція касательно типографіи Гердена. Полагаютъ, предписаніе это произошло вслѣдствіе поступленія въ главный союзный совѣтъ спеціального доноса, будто бы въ одной изъ вышеупомянутыхъ типографіи хотятъ устроить заведеніе для поддѣлки ассигнацій”.

Что все это ложь и вранье, объ этомъ смѣшно и говорить. Что эта ложь выдумана въ Варшавѣ, видно изъ того, что шпionъ-корреспондентъ воображаетъ, что союзный совѣтъ изъ Берна можетъ давать *предписанія* Цюриху и Женевѣ. Къ тому же, *больше года* русская типографія въ Женевѣ принадлежитъ Л. Чернецкому, зная секретныя предписанія, можно бы было знать и о явной передачѣ типографіи.

Но чортъ съ ними, съ шпionами *Варшавскаго Дневника*, насъ дивитъ низость средствъ, къ которымъ на закатѣ своемъ прибѣгаетъ Катковъ. У насъ нѣтъ *честныхъ* противниковъ... Неужели Катковъ думаетъ, что еслибъ намъ написалъ ктонибудь, что онъ укралъ часы у Леонтьева, мы тотчасъ бы и напечатали, защитившись выносными знаками? А вѣдь мы не сомнѣваемся, что у Леонтьева часы есть*.

* Въ томъ-же листѣ “Моск. Вѣд.” напечатано : “Цюрихскій корреспондентъ “Варшавскаго Дневника” пишетъ, что едва лишь начавшій выходить журналъ польской эмиграціи “Гмина”, прекратился по недостатку подписчиковъ, а украинофильское изданіе “Украинскій Мѣсячникъ”, многократно объявленный, еще не пачиналъ выходить по той-же причинѣ какъ и “Гмина”.

А на дѣлѣ двойной номеръ “Гмины” вышелъ на дняхъ.

Годъ X.

НАСТОЯЩЕЕ И ОЖИДАНИЯ.

I.

Скоро десятилѣтіе *Колокола*. Не худо повторить самыя завѣтныя ожиданія и взглянуть на настоящее положеніе Россіи, съ полной увѣренностью, что какъ-бы ни было подчасъ отвратительно настоящее, какъ-бы ни туго шло развитіе, но ожиданія остаются тѣже и логическій ходъ историческихъ результатовъ не можетъ миновать своей необходимости.

Начнемъ съ совершенно выѣшней обстановки — по отношеніямъ иностранныхъ дѣлъ. Самъ *Голосъ* негодуетъ, что дозволяя всякія сборы въ пользу Кандіотовъ, правительство отступаетъ назадъ какъ скоро вопросъ доходитъ до дѣйствительной помощи въ дѣлѣ освобожденія греческихъ и славянскихъ племенъ отъ турецкаго владычества. Иначе сказать : за чѣмъ-же правительство, общая помощь, вейдетъ на войну, когда всѣ симпатіи страны — въ пользу войны? Но надо замѣтить, что тутъ мнѣнія весьма раздѣлены. Многие думаютъ, что вовлечь Россію въ военное вмѣшательство по восточному вопросу — вовсе не нужно, что достаточно если Греція и Славянство достигнутъ полной самостоятельности собственными силами, что *покорете* славянскихъ и иныхъ племенъ Россіей, или лучше сказать ея правительствомъ, не дастъ христіанскимъ народонаселеніямъ и славянамъ, пребывающимъ подъ турецкимъ и австрійскимъ владычествомъ, ничего лучшаго, что это тоже турецкое иго въ другой формѣ. Изъ этого можно заключить одно, что если русское правительство совершенно честно обязуется, что его вмѣшательство не будетъ имѣть цѣлью никакаго земельнаго приращенія, а только удаленіе турецкаго и австрійскаго владычества и предоставленіе славянскимъ и инымъ племенамъ права свободной, самостоятельной конфедераціи—тогда это вмѣшательство возможно и полезно; иначе оно ненужно и вредно. Съ этимъ мы готовы согласиться, но это приводитъ насъ къ другимъ вопросамъ.

Что-же собственно заставляетъ бояться русскаго вмѣша-

тельства въ восточное дѣло — и заставляетъ бояться не только иностранцевъ, но и честныхъ русскихъ людей? Это безъ сомнѣнія завоевательныя понозвенія правительства — съ одной стороны; а съ другой стороны, при его завоевательномъ движеніи — усиленіе реакціоннаго, деспотическаго направленія. Какія же были наши ожиданія, отъ которыхъ мы и теперь не отказываемся и станемъ проповѣдывать ихъ безъ уклоненій? — Это ожиданія *децентрализаціи*, ожиданія областнаго, конфедеративнаго движенія. Когда нибудь — можетъ и не въ слишкомъ отдаленное время — поймутъ-же люди, что между *сепаратизмомъ* и *конфедераціей* такая огромная разница, что тутъ даже вѣтъ ничего сходнаго.

Анализъ, конечно, основанъ на сравненіи. По этому я прибѣгаю къ способу сравненія*.

Есть двѣ страны, огромныя по пространству, огромныя по народонаселенію, между которыми множество элементовъ — не только различныхъ — но совершенно противоположныхъ, а между тѣмъ есть и элементы на столько *подобные*, что обѣ страны, мало по малу, должны придти къ подобному устройству. Это Россія и Американскіе соединенные штаты, два народа, пришедше въ разныя времена заселить ряды пустопорожнихъ земель, и потому заселявшіе ихъ постепенно, что уже само по себѣ влечетъ необходимость учрежденія областей и ихъ общаго союза. Но областныя учрежденія русскихъ самобытныхъ племенъ, явившесъ гораздо раньше, не могли внести въ жизнь тѣхъ сознательныхъ понятій гражданства, къ которымъ была способна *колонія* образованной страны, уже испытанной великою революціей 1647 г. Наши древнія областныя учрежденія, сплочиваясь въ пераздельный союзъ, отбивались отъ татаръ, и тѣ областныя самостоятельности, которыхъ не могли разрушить татары, были разрушены царями и императорами. Сверхъ того, спокойствія страны и единодержавія ради — было введено крѣпостное право. Въ соединенныхъ штатахъ — крѣпостное право, или совершенно съ нимъ равнозначительное право невольничества — привилось инымъ путемъ, долею въ иныхъ размѣрахъ и въ отношеніи къ народонаселенію не только разноплеменному, но даже совсѣмъ восточному. Очевидно, что тутъ крѣпостное право должно было привести къ иному результату, чѣмъ у насъ, сколько бы мы ни встрѣтили подобія въ начальныхъ основаніяхъ. Не смотря на право невольничества, Сѣверная Америка, отбиваясь отъ владычества Англіи, не пришла ни къ какой централизаціи, ни къ какому царству или императорству; она перешла въ свободные соединенные штаты, гдѣ каждый штатъ имѣетъ право на самоуправленіе, а въ дѣлахъ касающихся всего союза — подчиняетъ общему конгрессу. Можетъ быть, именно различіе чернаго и бѣлаго племени было причиною, что штаты, несмотря на крѣпостное право, сплотились не въ царство, а въ конфедеративную республику. Одно могло

* Мы преимущественно руководствовались брошюрами: *Les états confédérés par F. W. Sargent de Philadelphia* и *C. Goedel, Sklaverei und Emancipation*

быть всегда очевидно, что это крѣпостное право надъ африканскими насильственными переселенцами — въ соединенныхъ штатахъ не продержится; за это ручалось — отвращеніе отъ собственнаго права сначала между землевладѣльцами южныхъ штатовъ; впоследствии, когда они по привыкли къ этому праву до возведенія его въ религіозный догматъ, отвращеніе отъ этого права перешло къ поселенцамъ сѣверныхъ штатовъ, вопросъ ставился яблокомъ раздора и очевидно было, что или право погибнетъ, или штаты распадутся на двѣ половины. Последняя война привела къ тому, что штаты не распались, но рабство погибло. Можетъ быть форма, до которой достигло настоящее освобожденіе негровъ, еще на столько же не дошла до своей дѣйствительной суредѣленности, на сколько у насъ не дошло до нея освобожденіе крестьянъ, уничтоженіе крѣпостнаго права; замѣчательно, что уничтоженіе крѣпостнаго права совершается *у насъ* и *у нихъ* одновременно, и что *ни мы, ни они* не можемъ остановиться на полу-освобожденіяхъ и стремимся довести дѣло до его полнаго общественнаго развитія. Замѣчательно также, что со времени уничтоженія крѣпостныхъ правъ — начинается, въ виду другихъ историко-географическихъ условій — болѣе тѣсный союзъ между Россіей и Сѣверо-американскими штатами. Вліяніе штатовъ на Россію становится неизбѣжнымъ — и надо признаться чрезвычайно желательнымъ и полезнымъ: довольно мы позаимствовали у Европы — мундировъ, канцелярій, языковъ, даже художествъ и познаний; и если намъ суждено еще заимствовать, то пора принять достойное подражаніе изъ за тихаго океана — свободную жизнь, свободные области и ихъ безимперскій союзъ. Въ то время когда штаты болѣе и болѣе приходятъ къ убѣжденію, что для дѣйствительнаго освобожденія черныхъ необходимо ихъ надѣлать землею; а Россія, приходитъ къ убѣжденію, что для ея дѣйствительной свободы — людей освобожденныхъ съ поземельнымъ надѣломъ — слѣдуетъ надѣлать правомъ самоуправления; въ это время Сибирь становится проводникомъ сношеній между штатами и Россіей. Пусть же Сибирь первая подъ ихъ вліяніемъ, изъ каторжной тьмы переходитъ къ свѣту свободной области. Еще разъ повторяемъ — мы говоримъ не о сепаратизмѣ, а о федераціи и замѣнѣ императорскаго чиновничьяго центра — *Земскимъ Соборомъ*.

Если бы децентрализація шла рядомъ съ освобожденіемъ крестьянъ — неужели было бы возможно польское возстаніе, неужели Польша не захотѣла бы вступить въ права свободной области, на ряду съ другими, безъ особыхъ своихъ завоевательныхъ цѣлей? Неужели она не пожертвовала бы для этого своимъ шляхетскимъ принципомъ и не перешла бы къ учрежденіямъ народнымъ, общиннымъ — скорѣе чѣмъ искать нѣмецкихъ или иныхъ покровительствъ? Но императорскій центръ слишкомъ тяготѣлъ надъ ней — и всѣ несчастія междоусобія и кровопролитія обрушились на нее — изъ за императорской централизаціи.

Выйдетъ ли изъ этихъ бѣдственныхыхъ столкновеній новыи

историческій результатъ для областного развитія Россіи и Польши — этаго мы не знаемъ, этаго мы не можемъ видѣть съ такой достовѣрностью, какъ видимъ то, что послѣднее междоусобіе въ Соединенныхъ штатахъ послужило новымъ шагомъ къ ихъ развитію, шагомъ, который разомъ уничтожилъ раздѣленіе породъ и поставилъ себѣ задачей основаніе права на поземельное владѣніе.

Мы также не знаемъ какое именно предстоитъ областное дѣленіе русской федераціи; мы не любимъ предположительныхъ плановъ и не считаемъ на способность пророчества. Для насъ достовѣрна цѣль, вытекающая изъ всѣхъ географико-историческихъ данныхъ, а самое распределеніе — когда придетъ его время — дѣло не отдѣльныхъ личностей, а опять таки *Земскаго Собора*.

Теперь-же вернемся къ другимъ вопросамъ, болѣе внутреннимъ вопросамъ настоящаго и ожиданій.

Н. Огаревъ.

Въ редакцію газеты "Колоколь".

Г. Редакторъ,

Въ издаваемой вами газетѣ "Колоколь", въ № 237, вы напечатали письмо изъ Петербурга отъ неизвѣстнаго, въ которомъ онъ сообщаетъ, что я "Иванъ Аврамовичъ Шаховъ, богатый Екатеринославской губерніи помѣщикъ, замѣшанъ въ дѣлѣ поддѣлки кредитныхъ билетовъ". Считаю для себя оскорбительнымъ, что имя мое выставлено въ такомъ позорномъ дѣлѣ, я не могу не возразить на несправедливое обвиненіе, зведенное на меня лицомъ неизвѣстнымъ — не смотря на то, что мнѣ крайнѣе не хотѣлось бы обращаться въ вашу газету, но вынужденный обстоятельствами, я прошу помѣстить въ ней мое возраженіе.

По смыслу самой логики нельзя считать меня замѣшаннымъ въ дѣлѣ поддѣлки кредитныхъ билетовъ, во-первыхъ потому, что всѣ замѣшанные въ этомъ дѣлѣ сидятъ подъ арестомъ и уже осуждены, я же всегда пользовался совершенною свободою, и въ настоящее время нахожусь въ Женевѣ. Во-вторыхъ потому, что при строжайше произведенномъ слѣдствіи и потомъ безукоризненномъ и безпристрастномъ (что сознаетъ самъ корреспондентъ) разсмотрѣніи и рѣшеніи Харьковскою уголовною палатою дѣла, — палата не признала меня не только замѣшаннымъ въ этомъ дѣлѣ, но положительно находить меня *неприкосновеннымъ*.

Корреспондентъ сообщаетъ вамъ, что я богатый Екатеринославской губерніи помѣщикъ; это также несправедливо, потому что прошло уже четыре года, какъ я не имѣю никакой собственности въ той губерніи и не принимаю никакого участія въ дѣлахъ общественныхъ.

Хотя до меня и не касается извѣстіе неизвѣстной мнѣ личности, о томъ что Лѣщинскій и Цвѣтковъ перешли на службу въ другія губерніи ради того, что боялись мщенія и угрозъ (чьихъ-же?), но я считаю долгомъ сказать, что чиновники эти оба переведены на высшія должности и съ болѣшимъ окладомъ жалованія.

Не могу не сказать вамъ, что подобныя корреспонденціи часто приносятъ вредъ издаваемымъ журналамъ, онѣ отвлекаютъ отъ истины, подрываютъ кредитъ и уваженіе газеты, и тѣмъ самымъ ведутъ ее къ самоубійству, то есть къ уничтоженію.

Съ истиннымъ почтеніемъ и пр.

Иванъ Шаховъ.

Р. S. Возраженіе это пишу единственно въ защиту моего имени, которое никогда ничѣмъ не было запятнано, а потому прошу васъ извинить тѣ литературныя погрѣшности, которыя вкрались вслѣдствіе тревожнаго и ненормальнаго состоянія моего духа; я имѣю въ виду одно, выставить голые факты, для убѣжденія читающей вашу газету публики, въ совершенной моей левинности и непричастности къ подобнаго рода преступленіямъ.

С М Ъ С Ъ.

— *Кровавое царствованіе*. — Мы не можемъ не сдѣлать слѣдующихъ выписокъ изъ дѣла до того безобразнаго, что оно дѣйствительно оставляетъ въ раздумьи — чѣму больше дивиться, кровожадности военнаго суда, или его глупости. Въ Нижнемъ Новгородѣ былъ 19 Апрѣля (1 Мая) полевой судъ надъ канониромъ Григорьемъ *Исаковымъ* :

"Исаковъ былъ отданъ въ 1855 году въ рекруты изъ Балахнинскаго уѣзда. По прошествіи полагаемаго срока службы, Исаковъ былъ уволенъ въ безрочный отпускъ. Дома въ деревнѣ онъ велъ себя добропорядочно; по затѣмъ покинулъ свое семейство и удался въ лѣса, ища уединенія для молитвы. (Сколько можно судить Исаковъ еще до отдачи въ солдаты принадлежалъ къ одной изъ раскольничьихъ сектъ). Какъ долго скитался онъ, неизвѣстно, наконецъ онъ былъ пойманъ и назвался именемъ Мухомъ. Полиція заподозрѣла военнаго бѣглеца и онъ былъ доставленъ въ Нижний-Новгородъ. Здѣсь Исаковъ сознался во всемъ, назвалъ свое настоящее имя и при этомъ объяснилъ, что 'онъ властей не признаетъ и считаетъ ихъ послѣдователями антихриста, а вѣруетъ только въ постановленія церкви, существовавшія до патріарха Никона'. Исакова предали суду. Онъ содержался около 2-хъ лѣтъ. Въ это время смотритель гауптвахты поручикъ Шишло приказалъ однажды выбрить бороду у Исакова. Исаковъ воспротивился этому. Г. Шишло приказалъ насильственно выбрить бороду Исакову. Когда эта операція была совершена, Исаковъ схватилъ лежавшій у печки камень и бросилъ имъ въ голову смотрителю гауптвахты. За это преступленіе онъ и преданъ по высочайшему повелѣнію военному суду по полевымъ законамъ".

Теперь посмотримъ что было въ судѣ:

"Въ 10 час. и 40 мин. былъ введенъ преступникъ въ камеру суда. Все смолкло при его появленіи и по крайней мѣрѣ 10 мин. это безмолвіе не нарушалось. Всѣ пытливо смотрѣли на Исакова. Аудиторъ Калининъ первый нарушилъ молчаніе. Онъ сошелъ съ мѣста, взялъ преступника за плечо и подвелъ ближе къ столу. Священникъ призванный для назиданія подсудимаго, надѣлъ подрясникъ и съ крестомъ въ рукѣ подошелъ къ преступнику. Тогда съ своего мѣста сошелъ председатель полковникъ Таубе, за нимъ послѣдовали ассессоры суда, а затѣмъ и постороннія присутствующія лица приблизились къ подсудимому Исакову, на видъ лѣтъ не болѣе 45.

— "Ты долженъ свидѣтельствовать истину предъ Богомъ и судомъ и безъ утайки сказать все справедливо, о чемъ будутъ спрашивать тебя судьи", сказалъ священникъ.

— "Я съ тобой готовъ говорить", отвѣчалъ подсудимый, — "только уберечь воть это", и подсудимый, движеніемъ руки показалъ на крестъ.

— “Почему ты отвергаешь крестъ, когда присягая на вѣрность службы, ты называлъ во время присяги этого крестъ и Евангеліе”, замѣтилъ ему священникъ.

“Подсудимый отвѣчалъ: “аще кто не признаетъ Христа во плоти явившагося — тотъ есть антихристъ”. После этого священникъ старался вразумить Исакова и объяснить ему святость присяги, службы и пр. Исаковъ этой рѣчи повидимому не слушалъ. Тогда аудиторъ приступилъ къ исполненію судебного обряда и началъ читать составъ лицъ военно-судной комисси. “Доволенъ-ли ты этими лицами и не желаешь-ли по какимъ-либо причинамъ отстранить ихъ—какъ своихъ судей”.

— “Пусть судятъ. Только это не такія-ли судьи какъ въ Балахнѣ? Тамъ меня привели, обыскали, пашли у меня деньги и взяли ихъ себѣ, и сказали: ‘подержимъ тебя и отпустимъ’. А вмѣсто того, вотъ куда я попалъ. Потомъ, увидѣвъ зеркало, подсудимый съ наивностью ребенка спросилъ: ‘что это такое?’ — ‘Это законы’, сказали ему. — ‘Законы!’ какъ-бы съ удивленіемъ произнесъ онъ и потомъ, задумавшись, сказалъ: — ‘пу судите, по законамъ вашимъ’.

“Аудиторъ Орловъ прочелъ обвинительный актъ, при этомъ показанъ былъ ему камень, брошенный имъ въ поручика Шишло. Подсудимый молча выслушалъ свое обвиненіе и совершенно безмолвствовалъ. Предсѣдатель, полковникъ Таубе, сталъ допрашивать подсудимаго.

— “Ты присягалъ, нарушилъ присягу и рѣшился поднять руку на начальника”.

— “Я вашей присяги не уважаю, все это отъ сына тьмы — антихриста, и все вы есть слуги антихристовы. Я блюду вѣру св. Владимира, а послѣ Николая, все стало антихристово, и поэтому служить не хочу, отъ присяги отказываюсь и никакого беззаконія творить съ вами не буду”.

“Послѣ этихъ словъ, аудиторъ Калининъ началъ давать подсудимому сокращенные вопросы, извѣдалъ ихъ изъ слѣдственнаго дѣла. Подсудимый отвѣчалъ неохотно и шепталъ про себя молитвы.

— “Зачѣмъ ты бросилъ камень въ офицера?” спросилъ аудиторъ.

— “Бросилъ...” отвѣтилъ подсудимый.

— “Съ какимъ-же ты намѣреніемъ камень бросилъ? убить что-ли желалъ офицера?”

— “Какъ убить?” спросилъ подсудимый.

“Въ эту минуту, г. президентъ, полковникъ Таубе, сошелъ съ своего мѣста и сѣлъ къ аудиторскому столу. — “Говори, какъ ты бросилъ камень, убить хотѣлъ? — Ты, братецъ, еслибъ вотъ сюда ударилъ, и въ это время, движеніемъ руки показавъ на плечо штабсъ-капитана Беклемишева, а то вѣдь ты паровилъ вотъ куда, въ голову. Стало быть хотѣлъ убить? а, убить хотѣлъ?”

— “Нѣтъ, какъ-бы не того, убить не надо; зачѣмъ убить... Нѣтъ, не того... пошто убивать... знамо грѣхъ!...” отвѣчалъ съ разстановкой подсудимый. “Камень у печки былъ, ну и бросилъ. Арестанты говорили. Брось въ Шишло или въ военнаго начальника Курлова, тебѣ и переведутъ или выпустятъ. Ну и бросилъ”, отвѣчалъ подсудимый.

— “Ты зналъ, что г. Шишло начальникъ?” спросилъ подсудимаго г. Таубе.

— “Сказывали ровно про начальника, что онъ будетъ начальникъ. Знамо, все начальникъ.. отвѣтилъ подсудимый, и потомъ совершенно неожиданно началъ аскетическую рѣчь. ‘А ты знаешь-ли’, отнесся онъ къ полковнику Таубе, ‘что въ писаніи сказано?’ и прочелъ нѣсколько текстовъ изъ св. писанія. Потомъ сказалъ: — ‘Еслибъ увидѣлъ антихриста, убилъ-бы его!’

— “Стало быть ты хотѣлъ убить г. офицера?” снова спросилъ г. Таубе.

— “Ну, коли надо вамъ, пишите—убить хотѣлъ”.

“Послѣ этого прочелъ свою защитительную рѣчь г. Орлеанскій.

“Въ концѣ засѣданія г. президентъ, попросилъ публику на время удалиться. Прошло часовъ около трехъ, покуда совѣщались судьи. Совѣщаніе кончилось, публику снова пригласили въ присутствіе, ввели подсудимаго и объявили ему — смертный приговоръ.

“Подсудимый выслушалъ хладноравно приговоръ. Онъ, кажется врядъ-ли и повялъ его. Повидимому, онъ думалъ совершенно о другомъ... — ‘Теперь ступай на свое мѣсто’ сказалъ ему аудиторъ.

— “А бумажки-то отдайте мнѣ. Вотъ эти, мол-то бумажки”, и подсудимый указавъ на столъ, гдѣ лежали какіе-то бумажные клочки. Что это за бумажки, которыми такъ интересовался подсудимый? Оказалось, что это были молитвы, писанныя его рукой и отобранныя у него во время обыска”.

И неужели они убьютъ этого несчастнаго, или это была неудавшаяся шутка, потому что они и не испугали фанатика. Раскольники въ немъ признаютъ святаго мученика и будутъ правы.

— *Этнографическая агитация въ Москвѣ.* По поводу панславистской выставки, намъ рассказываютъ русскіе журналы о всякомъ вздорѣ, о молчаніи великаго князя Владимира, о болтовнѣ Баршева, выставившаго въ своей *эктинь* образецъ того, что языкъ русскихъ школярей остался вѣреть, если не старой старинѣ, то старинѣ Тредьяковского — но не говорятъ ни слова о первой встрѣчѣ нашихъ гостей аустрославянъ. Прежде великаго князя и меньшаго ректора, они встрѣтили окровавленные поля славянской Польши, прирѣзанной славянской Россіей. Ихъ встрѣтили сначала не стерляди *au naturel*, не русскіе мужики изъ *parier maché* — а польскія женщины, съ тѣмъ трауромъ на лицѣ, который полиція не сниметъ нагайкой и бездѣтные старики со слезами на впалыхъ щекахъ, которыя полиція не можетъ осушить. Ихъ, прежде Погодяева и Бодянскаго, встрѣтилъ Бергъ и австрийскіе нѣмцы парящіе надъ Москвою... Они должны были себя почувствовать какъ дома, какъ въ Шильбергъ.

Въ Кавдіи тоже не дурна *выставка* — крови и мученическихъ тѣлъ. Помогли, нечего сказать... Есть-же такія тяжелыя руки и дурные глаза, что все портятъ, все губятъ къ чему бы ни притронулись.

Veni par eux tout degèneré...

хотятъ помочь — пускаютъ ко дну. Колдовства тутъ впрочемъ большаго нѣтъ, это слѣдствіе нравственной нечистоты, двойства и лжи.

— *Право собираться — новыя стѣпенія.* Намъ пишутъ изъ Петербурга: “Почему вы пропустили безобразныя мѣры отдающія подъ надзоръ полиціи всякія собранія? По новому закону “беззаконными” собраніями считаются не только тайныя политическія и не политическія общества, но вообще *всякаго рода собранія*, съ какойнибудь цѣлью, безъ предварительнаго разрѣшенія. Полициі велѣно вездѣ искать преступныя общества, дикія наказанія назначаются участникамъ, и, наконецъ, обѣщано *прощеніе и вслѣшное списхожденіе доносчикамъ*”.

Только то? А плата какъ — съ общества, или съ головы?

Все это гнусно, все это чисто Валуевъ, неподдѣльно Шуваловъ, чему же дивится нашъ корреспондентъ? Развѣ эти мѣры не принадлежатъ къ ряду гнусныхъ мѣръ послѣдняго пятилѣтія? И потомъ, развѣ прежде существовало какоенибудь право собраній — *droit de réunion*?... Полноте!

— *Князь Меншиковъ памфлетистъ.* — Намъ пишутъ изъ Парижа, что тамъ издана русская книжка о “Дѣйствіяхъ русскихъ войскъ въ Крыму въ 1854 и 1855 годахъ*”.

Книжка эта исполнена грубѣйшей лести къ великимъ міра * Paris, Librairie militaire, J. Dumaine, Libraire-Editeur de l'empereur, Rue et Passage Dauphine, 30, 1867.

еего, даже къ Николаю Павловичу. И все-же она не могла быть напечатана въ Россіи. Извѣстно, что въ Парижѣ нѣтъ русской типографіи, и потому князь Меншиковъ (Alma mater!) въ честь коего преимущественно написана книжка долженъ былъ заводить ее на свой счетъ. Изъ этого случая, да еще изъ грустнаго дѣла Соколовскаго, посаженнаго въ острогъ по изданной имъ книгѣ “Отщепенцы”, еще неразсмотрѣнной цензурою, можно видѣть, насколько мы подвинулись со времени Николая.

— *Частное Дѣло.* Въ Европѣ, люди какъ бы ни были высоко поставлены, отвѣчаютъ на письма, въ томъ случаѣ, если письма написаны *не дерзко*, или не составляютъ повторенія того, на что уже былъ данъ отвѣтъ. Въ петербургскихъ вершинахъ даже и тѣ особы этого не исполняютъ, которыя специально были воспитателями въ Зимнемъ дворцѣ, и стало находится въ подозрѣніи воспитанія.

Дѣлать нечего, надобно печатать.

Апрѣля 20, нынѣшняго года, я послалъ страховое письмо В. П. Титову, члену государственнаго совѣта, слѣдующаго содержанія :

М. Г.

Владиміръ Павловичъ,

“На дняхъ прочелъ я въ газетахъ печальную вѣсть о кончинѣ Н. А. Мельгунова. Смерть этого стараго пріятели, страннѣйшимъ образомъ ставитъ меня въ необходимость беспокоить васъ моимъ письмомъ. Мое уваженіе къ вамъ, основанное на личномъ знакомствѣ, сдѣланномъ именно въ домѣ Мельгунова, и на той извѣстности, которою вы пользуетесь, заставляеть меня думать, что вы сдѣлаете для очистки памяти Мельгунова все зависящее отъ васъ, и во всякомъ случаѣ удостоите меня отвѣтомъ.

“Покойный Мельгуновъ оставилъ у меня въ 1857 году открытое письмо къ вамъ, на случай своей смерти. Я прилагаю копію съ него, боясь утратить на почтѣ оригиналь.

“Оно требуетъ объясненія.

“Дѣло вотъ въ чемъ—Н. А. Мельгуновъ сверхъ денегъ взятыхъ у меня займы, просилъ поручиться за него тысячахъ въ 6 франковъ у Ротшильда. Ротшильдъ оный не заплатилъ, и послѣдній взыскалъ съ меня капиталъ, проценты, протори и пр., на что я и имѣю письменныя доказательства. Всего Мельгуновъ мнѣ остался долженъ (безъ процентовъ) 13,800 фр. Ожидая со дня на день денегъ то отъ Карцова, то отъ Н. Ф. Павлова, и регулярно телеграфируя мнѣ въ Лондонъ о томъ, что оный ихъ не получилъ—покойный Мельгуновъ прислалъ мнѣ прилагаемое письмо къ вамъ, увѣряя меня, что въ случаѣ его кончины, вы вступитесь въ это дѣло. Я Мельгунова зналъ за честнаго человѣка, оный многими говорилъ о своемъ долгѣ и навѣрное Каролинѣ Карловнѣ Павловой. Въ письмѣ къ вамъ, боясь моего имени, оный называетъ только Ротшильда.

“Вы видите, что я пользуюсь тремя условіями, по которымъ мнѣ можно отказать : у меня нѣтъ векселя въ карманѣ, у меня нѣтъ правъ въ Россіи—и за то есть десятилѣтняя давность. По этому-то долгъ Мельгунова, становится долгомъ чести, и я обращаюсь къ вамъ, какъ къ указанному покойнымъ другу, прося васъ снестись съ его наслѣдниками или душеприкащиками.

“Если мое письмо не дойдетъ до васъ, или вашъ отвѣтъ до меня, попытаюсь довести его до васъ черезъ журналы.

“Позвольте и пр.

А. Герценъ.

“Женева 20 Апрѣля 1867”.

Бѣдный Мельгуновъ меломанъ, увлеченный Моцартомъ какъ всегда, оный передѣлалъ “Титово Милосердіе” и его дружбу. Членъ совѣта вѣрно думаетъ, что лишенный всѣхъ правъ, я не имѣю права получать отвѣты.

ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ФИЛОСОФІЯ.

Съ 1 Юля въ Парижѣ будетъ выходить новое періодическое изданіе : *La Philosophie positive*, издаваемое извѣстнымъ Лигре и нашимъ соотечественникомъ г. Вырубовымъ. Желаетъ отъ души успѣха превосходному предпріятію и обращаемъ на него вниманіе нашихъ читателей.

Вотъ программа новаго изданія.

“Развить основныя идеи А. Конта, этого великаго мыслителя, который первый ввелъ научныя методы въ область философіи и приложить ихъ къ всѣвозможнымъ вопросамъ, вызываемымъ совершенствованіемъ и образованіемъ въ наукахъ, искусствахъ, словесности и гражданственности—иными словами, преобразовать философію, безъ теологіи и метафизики—такова цѣль этого изданія. Имъ впервые разъ положительное ученіе беретъ участіе, въ періодической формѣ—въ борьбѣ мябній, стремящихся овладѣть обществомъ. На томъ-же основаніи, на которомъ оно исключаетъ все теологическое и метафизическое, оно идетъ—вышедшее изъ революціи—на встрѣчу общественному обновленію, основывая это обновленіе исключительно на дѣйствительномъ знаніи законовъ міра, человѣка и исторіи”.*

— *П о п р а в к а.* — Въ 240 листѣ *Колокола* вкралась важная ошибка, вслѣдствіе невѣрнаго свѣденія, по дѣлу о покражѣ соли въ Нижнемъ-Новгородѣ. У насъ сказано, что Вердеревскій былъ арестованъ вечеромъ *того дня*, когда въ С.-Петербургѣ по утру скоростижно скончался генералъ-адъютантъ Огаревъ, бывший Нижегородской генералъ-губернаторъ. Но это несправедливо : генералъ-адъютантъ Огаревъ умеръ въ С.-Петербургѣ 7 Февраля. Въ *тотъ-же самый* день въ Нижнемъ, въ 4 часа по-полудни, предсѣдатель каз. палаты Василій Вердеревскій отпраздновалъ въ Москву солянаго пристава Терскаго, на другой день, 8 Февраля, оный поѣхалъ къ г-жѣ Терской чтобы завладѣть бумагами ея мужа. и

* Цѣна годовой подписки въ Парижѣ 20 фр., въ Франціи 25, полугодовой 12 фр. и 16. Librairie Germain Boillier, 17, Rue de l'école de Medecine.

произошла пзвѣстная суета, въ которой жандармскій штабъ-офицеръ Контевъ и Нижегородскій губернаторъ ген.-лейтен. Одиновъ явили такое желаніе замѣть дѣло. Вердеревскій былъ арестованъ *три недѣли спустя*, т. е. между 27 Феврал. и 5 Мартомъ. Арестъ его домашній — онъ вѣроятно успѣлъ схечь и бумаги и письма, и можетъ быть онъ и брать его Алексѣй Вердеревскій, разжалованный въ солдаты, назначенный къ ссылке въ Сибирь, но живущій въ Балахнѣ и въ Нижнемъ, выйдутъ сухи изъ воды. Алексѣй Вердеревскій уличенъ былъ въ похищеніи нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей по провіантской части, во время Крымской кампаніи. Если не ошибаемся, Алексѣй Вердеревскій въ сороковыхъ годахъ служилъ по III отдѣленію при Бенкендорфѣ и *пользовался его довѣренностію*.

ОБЩІЙ ФОНДЪ.

Изъ 257 франк. выдано въ ссуду подъ росписку г. П. С. въ Женевѣ — 50 фр.; послано въ Бернъ г. А. Ш. — 100 фр.; въ Парижъ г. Е. Г. 10 фр. Остается 97 франковъ.

— *Слѣдующій листъ Колокола выйдетъ 15 Юня.*

— **La feuille suivante paraîtra le 15 Juin.**

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ.

БЕЗЪ СВЯЗИ

(Отрывки изъ путешествія)

II.

съ того свѣта.

... Villa Adolphina... Адольфина?... что бишь такое?... Villa Adolphina, grands et petits appartements, jardin, vue sur la mer...

Вхожу—все чисто, хорошо, деревья, цвѣты, англійскіе дѣги на дворѣ, толстые, мягкіе, румяные, которымъ отъ души желаю никогда не встрѣчаться съ антропофагами... выходитъ старушка и спросивъ о причинѣ прихода, вачиваетъ разговоръ съ того, что она не *служанка* “а больше по дружбѣ”, что Mme Adolphine поѣхала въ больницу или въ богадѣльню, въ которой она патронесса. Потомъ ведетъ меня показывать “необыкновенно удобную квартиру”, которая первый разъ еще не занята во время сезона и которую сегодня утромъ приходили осматривать два американца и одна русская княгиня, въ силу чего служащая “больше по дружбѣ” старушка—искренно совѣтовала мнѣ не терять времени. Поблагодаривъ ее за такое внезапное сочувствіе и предпочтеніе, я обратился къ ней съ вопросомъ. Sie sind eine Deutsche?

— Zu Diensten, und der Gnädige Herr?

— Ein Russe.

— Das freut mich zu sehr. Ich wohnte so lange, so lange, in Petersburg. Признаться сказать такого города кажется нѣтъ и не будетъ.

— Очень пріятно слышать. Вы давно оставили Петербургъ?

— Да не вчера таки, мы вотъ ужъ здѣсь живемъ на худой конецъ лѣтъ двадцать. Я съ дѣтства была подругой съ Mme Adolphine, и потомъ никогда не хотѣла ее покинуть.

Она мало хозяйствомъ занимается, все у нея идетъ такъ, векому присмотрѣть. Когда meine Gönnerin купила этотъ маленькій *paradis*, она меня тотчасъ выписала изъ Брауншвейга...

— А гдѣ вы жили въ Петербургѣ? спросилъ я вдругъ.

— О мы жили въ самой лучшей части города гдѣ *lauter Herrschaften und Generäle* живутъ. Сколько разъ я видѣла покойнаго государя, какъ онъ въ коляскѣ и въ саняхъ на одной лошади проѣзжалъ — *so ernst...* можно сдзать настоящій potentatъ былъ.

— Вы жили на Невскомъ, на Морской?

— Да, т. е. не совсѣмъ на Невскомъ, а тутъ возлѣ у Полицейскаго моста.

Довольно... довольно, какъ не знать, думаю я, и прошу старушку чтобъ она сказала, что я приду къ самой Mme Adolphine переговорить о квартирѣ.

Я никогда не могъ безъ особаго умиленія встрѣчаться съ развалинами давнишняго времени, съ полуразрушенными памятниками—храма-ли Весты или другаго бога, все равно...

Старушка “по дружбѣ” пошла меня провожать черезъ садъ къ воротамъ. “Вотъ нашъ сосѣдъ тоже долго жилъ въ Петербургѣ”... она указала мнѣ большой, кокегльво убранный домъ, на этотъ разъ съ англійской надписью: Large and small app. (furnished or unfurnished)... Вы вѣрно помните Флоріани? Coiffeur de la cour былъ, возлѣ Мылловной — онъ имѣлъ одну неприятную исторію... былъ преслѣдованъ, чуть не попалъ въ Сибирь... знаете за излишнее свисхожденіе, тогда были такія строгости.

Ну, думаю, она непременно произведетъ Флоріани въ мои “товарищи несчастья”.

— Да, да, теперь я смутно вспоминаю эту исторію, въ ней были замѣшаны синодскій оберъ-прокуроръ, и другіе богословы и гвардѣйцы...

— Вотъ онъ самъ.

... Высохшій, беззубый старичишка въ маленькой соломенной шляпѣ, морской или дѣтской, съ голубой лентой около тульи, въ коротенькомъ, свѣтло гороховомъ полупальто и въ полосатыхъ штанишкахъ... вышелъ за ворота. Онъ подвѣлъ скупосухіе, безжизненные глаза и пожевывала тонкими губами, кивнулъ головой старушкѣ “по дружбѣ”.

— Хотите я его позову?

— Нѣтъ, покорно благодарю... я не по этой части—видите бороду не брѣю... Прощайте. Да скажите пожалуйста ошибся я или нѣтъ, у Monsieur Floriani, красная ленточка.

— Да, да — онъ очень много жертвовалъ!

— Прекрасное сердце.

Въ классическіе времена, писатели любили сводить на томъ свѣтѣ давно и недавно умершихъ, за гѣмъ чтобъ они покалякали о томъ и о семъ. Въ нашъ реальной вѣкъ все на землѣ и даже часть *того свѣта на этомъ свѣтѣ*. Елисейскіе поля растянулись въ Елисейскіе берега, Елисейскія взморья и рассыпались тамъ сямъ по сѣрымъ и теплымъ водамъ, у

подножія горъ на рамкахъ озеръ, они продаются акрами, обрабатываются подь виноградъ... Часть умершаго въ тревожной жизни отправляетъ здѣсь первый курсъ переселенія душъ и гимназическій классъ Чистилища.

Всякій человекъ прожившій лѣтъ пятьдесятъ скоронилъ цѣлый міръ, даже два — съ его исчезновеніемъ онъ свыкъся и привыкъ къ новымъ декораціямъ другаго акта — вдругъ имена и лица давно умершаго времени являются чаще и чаще на его дорогѣ, вызывая ряды тѣней и картинъ, гдѣ-то хранившихся, на всякой случай, въ безконечныхъ катакомбахъ памяти, заставляя то улыбнуться, то вздохнуть, иной разъ чуть не расплакаться...

Желающимъ, какъ Фаустъ, повидаться “съ матерями” и даже съ “отцами”, невужно викакихъ Мефистофелей, достаточно взять билетъ на желѣзной дорогѣ и ѣхать къ Югу. Съ Кана и Граса начиная — бродятъ грѣющіяся тѣни, давно утекшаго времени, прижатія къ морю, онѣ покойно сторбнвшисъ ждуть Харона и свой чередъ.

На порогѣ этой Citta, не то чтобъ очень dolente стоитъ привратникомъ высокая, сторбленная и величавая фигура лорда Брума. Послѣ долгой, честной и исполненной безплоднаго труда жизни, онъ всѣмъ существомъ и одной сѣдой бровью ниже другой — выражаетъ часть Дантовской надписи: “Voì ch' entrate, съ мыслью домашними средствами поправить застарѣлое, историческое зло lasciate ogni speranza”. Старикъ Брумъ, лучший изъ вѣтхихъ дѣвми — защитникъ несчастной королевы Каролины, другъ Роберта Оуэна, современникъ Канинга и Байрона, послѣдній, ненаписанный томъ Маколей — поставилъ свой домъ между Грасомъ и Каномъ, и очень хорошо сдѣлалъ. Кого было бы какъ не его поставить примиряющей вывѣской въ преддверіи временнаго Чистилища, чтобъ не отсрашать живыхъ?

Загѣмъ мы en plein въ мірѣ умолкшихъ теноровъ, потрясавшихъ наши восемнадцатилѣтнія груди лѣтъ тридцать тому назадъ — ножекъ, отъ которыхъ гаяло и замирало наше сердце вмѣстѣ съ сердцемъ цѣлаго партера, вожекъ оканчивающихъ теперь свою карьеру въ стоптаныхъ, собственноручно вязаныхъ изъ шерсти туфляхъ, пошлепывающихъ за горячничной изъ безцѣльной ревности и по хозяйству изъ очень цѣлеобразной скупости...

... И все-то это съ разными промежутками продолжается до самой Адриатики, до береговъ Комскаго озера и даже нѣкоторыхъ нѣмецкихъ водяныхъ пятенъ (Flecken). Здѣсь villa Taglioni, гамъ Palazzo Rubini, тутъ Campagne Fanny Elsner и другихъ лицъ... du preterit défini et du plus que parfait.

Возлѣ актеровъ сошедшихъ со сцены маленькаго театра — актеры самыхъ большихъ подмостковъ въ мірѣ, давно исключенные изъ афишъ и забытые — они въ тиши доживаютъ вѣкъ Цинцинатами и философами противъ воли. Рядомъ съ артистами, нѣкогда отлично представлявшими царей, встрѣчаются цари, скверно разыгравшіе свою роль. Цари эти захватили съ собой, какъ индѣйскіе покойники, берущіе на тотъ свѣтъ

своихъ женъ, двухъ-трехъ преданныхъ министровъ, которые такъ усердно помогли имъ пасть и сами свалились съ ними. Въ ихъ числѣ есть вѣнценосцы освищенные при дебютѣ и все еще ожидающіе, что публика придетъ къ больше справедливой оцѣнкѣ и опять позоветъ ихъ. Есть и такіе, которымъ impresario историческаго театра не позволилъ и дебютировать, мертворожденные, имѣющіе *счера*, но не имѣющіе *сегодня* — ихъ біографія оканчивается до ихъ появленія на свѣтѣ, астеки давно ниспровергвутаго закона престолонаслѣдія — они остаются шевелящимися памятниками угасшихъ династій.

Далѣе идутъ генералы, знаменитые побѣдами одержанными надъ ними, тонкіе дипломаты, погубившіе свои страны, игроки погубившіе свое состояніе и сморщенные, сѣдые старухи, погубившія во время оно сердца этихъ дипломатовъ и этихъ игроковъ. Государственные фосили, все еще понюхивающіе табакъ, такъ какъ его нюхали у Поццо ди Борго, лорда Абердина и князя Эстергази, вспоминаютъ съ “ископаемыми” красавицами временъ Mme Resamier залу Ливенши, юность Лаблаша, дебюты Малибранъ и дивятся что Патти смѣетъ послѣ этого цѣтъ... И въ тоже время люди зеленого сукна прихрамывая и крехтя, полурасшибленные параличомъ, полузатопленные водяной, толкуютъ съ другими старушками о другихъ салонахъ и другихъ знаменитостяхъ, о смѣлыхъ ставкахъ, о графинѣ Киселевой, о Гомбургской и Баденской рулеткѣ, объ игрѣ покойнаго Сухозанета, о тѣхъ патриархальныхъ временахъ, когда владѣтельные принцы нѣмецкихъ водъ были въ долѣ съ содержателями игръ и опасный, средневѣковой грабежъ путешественниковъ — перекладывали на мирное поприще банка и *rouge ou noir*...

... И все это еще дышитъ, еще движется, кто не на ногахъ — въ перамбулаторѣ, въ колязкѣ укрытой мѣхомъ, опираясь вмѣсто клюки на слугу, а иногда опираясь на клюку за неимѣніемъ слуги. Списки иностранцевъ этихъ странъ похожи на старинные адрессъ-календари, на ключья изорванныхъ газетъ “временъ наваринскихъ и покоренія Алжира”.

Возлѣ гаснувшихъ звѣздъ грехъ первыхъ классовъ — сохраняются другія кометы и свѣтила, занимавшія собою, лѣтъ тридцать тому назадъ праздное и жадное любопытство, по особому кровавому сладострастью, съ которымъ люди слѣдятъ за процессами ведущими отъ труновъ къ гильотинѣ и отъ кучей золота на каторгу. Въ ихъ числѣ разные освобожденные отъ суда за “неимѣніемъ доказательствъ”, отравители, фальшивые монетчики, люди кончившіе курсъ нравственнаго леченія гдѣ нибудь въ центральной тюрьмѣ или колоніяхъ, “контюмасы” и пр.

Всего меньше встрѣчаются въ этихъ теплыхъ чистилищахъ, тѣни людей всплывшихъ середь революціонныхъ буръ и неудавшихся народныхъ движеній. Мрачные и озлобленные горцы *якобинскихъ* вершинъ, предпочитаютъ суровую бизу, угрюмые Лакедомоняне — они скрываются залондонскими туманами...

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Обращаемъ особенное вниманіе нашихъ читателей на то, что Вольная Русская Типографія въ Женевѣ принимаетъ сверхъ заказовъ для печатанія на русскомъ, и на польскомъ, сербскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ. Типографія снабжена новыми шрифтами и можетъ ручаться не только за точное и красивое выполненіе, но и за сравнительную дешевизну заказовъ.

Подробный тарифъ цѣнамъ печати на разныхъ языкахъ, въ разномъ форматѣ и на разной бумагѣ—желающіе могутъ найдти въ Бюро Типографіи, 40, Pré-l'Évêque, Genève.

Въ Женевѣ у Н. Georg, 10, Corraterie и въ Русской Типографіи, 40, Pré-l'Évêque.

Въ Лондонѣ N. Trübner & Co., 60, Paternoster Row.

Въ Парижѣ А. Franck, 67, rue de Richelieu.

„ Lemoine, libraire, 26, Place Vendôme.

Въ Ниццѣ Visconti, libraire.

Въ Берлинѣ Behr'sche Buchhandlung, 27, Unter den Linden.

„ F. Schneider et C°, 19, Unter den Linden.

„ Adolf et C°, 59, Unter den Linden.

Въ Дрезденѣ L. Wolf's Buchhandlung.

Въ Фравкфуртѣ С. Jügel's Buchhandlung.

Въ Гейдельбергѣ Bangel et Schmitt Buchhandlung.

Въ Константинаполѣ S. H. Weiss, libraire, 323, Grand' rue de Pera.

Въ Венеціи Н. F. et M. Münster, Libreria Piazza St. Marco.

Въ Флоренціи Librairie Vieusseux.

Въ Бернѣ (Suisse) J. Dalp, libraire.

Въ Цюрихѣ (Suisse) Schabelitz'sche Buchhandlung.

Въ Вевѣ (Suisse) В. Benda, Ancienne librairie R. Lesser.

ПРОДАЮТСЯ :

КОЛОКОЛЬ, Лондонское изданіе, отъ 1го до 196го листа, въ переплетѣ, цѣна 75 франковъ.

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА, Кн. I, II, III, IV, V, VI и VII.

БЫЛОЕ и ДУМЫ, Искандера, Томъ I, II, III и IV. (1ая часть IV Тома 6фр. 2ая—3фр. Обѣ вмѣстѣ 8фр.).

ПИСЬМА ИЗЪ ФРАНЦІИ и ИТАЛІИ, Искандера (1847—1852), съ портретомъ автора.

ПРЕРВАВШИЕ РАЗСКАЗЫ, Искандера.

СЪ ТОГО БЕРЕГА, Искандера.

СТАРЫЙ МІРЪ и РОССИЯ (Письма А. Герцена къ В. Ливтону, переводъ съ французскаго).

РУССКІЙ НАРОДЪ и СОЦІАЛИЗМЪ, Письмо Искандера къ П. Мишле, (переводъ съ французскаго).

КТО ВИНОВАТЪ? Романъ въ двухъ частяхъ, Искандера (Лондонское изданіе съ дополненіями).

ЗА ПЯТЬ ЛѢТЪ, (1855—1860) Соціальныя и политическія статьи Искандера и П. Огарева, Часть I и II.

СТИХОТВОРЕНІЯ, Н. Огарева, съ портретомъ автора.

14 ДЕКАБРЯ 1825 и Императоръ Николай. Издаю Редакціей “Полярной Звѣзды”, по поводу книги барона Корфа.

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ, кн. II.

ЗАПИСКИ КНЯГИНИ Е. Р. ДАШКОВОЙ, (переводъ съ англійскаго).

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II, (переводъ съ французскаго).

РУССКАЯ ПОТАЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX СТОЛѢТІЯ.

ЗАПИСКИ И. В. ЛОПУХИНА, составленныя имъ самимъ.

ГОЛОСА ИЗЪ РОССИИ, Кн. I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII и IX.

ДЕСЯТИЛѢТІЕ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФІИ въ Лондонѣ.

ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТОВЪ, Выпускъ I, Записки П. Д. Якушкина; вып. II, Записки князя Трубецкаго.

КНЯЗЬ М. ЩЕРБАТОВЪ и А. РАДИЩЕВЪ, съ предисловіемъ Искандера.

СБОРНИКЪ ПРАВТЕЛСТВЕННЫХЪ СВѢДЕНІЙ О РАСКОЛНИКАХЪ, Выпускъ I, II, III и IV.

СОБРАНІЕ ПОСТАНОВЛЕНІЙ ПО ЧАСТИ РАСКОЛА. Томъ I, Выпускъ I и II.

ВЪРОИСПОВѢДАНІЕ ДУХОВНЫХЪ ХРИСТІАНЪ, обыкновенно называемыхъ МОЛОКАНАМИ.

ЕЩЕ РАЗЪ, Сборникъ статей Искандера 1865.

ЗАПИСКИ РУФИНА ПЛОТРОВСКАГО (1843—1846).

ЗАПИСКИ ДЕНИСА ВАСИЛЬЕВИЧА ДАВЫДОВА.

ЗАПИСКИ АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА ЕРМОЛОВА.

ЗАПИСКИ Кн. П. В. ДОЛГОРУКОВА на французскомъ языкѣ : MÉMOIRES DU PRINCE PIERRE DOLGOROUKOW, Tome Premier in 8-vo de 500 pages; prix : 8 francs.

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 243.

15 Ю н я 1867.

Выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, 40, Fré-l'Évêque и въ главныхъ депо — у Г. ГЕОРГА, 10, Corratierie, Genève; у П. ГРЮБНЕРА, 60, Paternoster Row, Londres. Цѣна за листъ 50 сантим. безъ пересылки. Прилагаемъ почтовой тарифъ :

Въ Германію	15с.
— Австрію	15с.
— Англію	15с.
— Бельгію	5с.
— Францію	5с.
— Италію	3с.
— Грецію (черезъ Марсель) ..	5с.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10с.
— Швецію	25с.
— Швейцарію	5с.

Paraît à Genève une fois chaque mois. Le dépôt principal est chez H. GEORG, à Genève, Corratierie, No. 10. A Londres, chez N. TRÜBNER et Co., 60, Paternoster Row. Le prix de chaque No. est de 50 centimes, le port de la poste non compris.

Tarif postal :

Allemagne	15с.
L'Autriche	15с.
Angleterre	15с.
Belgique	5с.
France	5с.
Italie	3с.
Grèce (voie de Marseille) ...	5с.
Turquie et Princ. Danubiennes (voie de Marseille)	10с.
Suède	25с.
Suisse	5с.

ОГЛАВЛЕНІЕ : Выстрѣлъ 6 Іюня — Мазурка. Счѣсь : Сумѣ нищаго позавидовали! — Дикій закопъ — Да здравствуетъ разумъ! — Катковское Vive la Pologne! — “Страхонудъ” — Воровство — Принцъ Альтенбургскій — Опять вранье — Свѣтопреставленіе — Первое Предостереженіе — Владиміръ Титовъ — Общій фондъ. Литературное Прибавленіе : Безъ связи — Августѣйшіе путешественники. Объявленія.

ВЫСТРѢЛЬ 6 ІЮНЯ.

Опять выстрѣлъ. Мы объ немъ распространяться не будемъ. Наше мнѣніе объ этомъ пути извѣстно, ни вопль безумныхъ крикуновъ, ни брань сильныхъ міра сего, не заставятъ насъ ни превозносить этого рода попытокъ, влекущихъ за собой страшныя бѣдствія, ни произнести слова осужденія мученикамъ, которые обрѣкаютъ себя на смерть и которыхъ совѣсть чиста, именно потому, что они фанатики.

Само собою разумѣется, что выстрѣлъ 6 Іюня не будетъ имѣть никакого вліянія на духъ нашего изданія. Наши убѣжденія сложились давно, и никакая случайность не можетъ ихъ погнуть ни на право, ни на лѣво.

Для Россіи въ этомъ событіи великій урокъ.

Судить Березовскаго будутъ открыто, а не въ тайномъ застѣнкѣ, какъ судили Каракозова, судить его будутъ судьи, а не подобранные генералы.

Первый слѣдователь, глядя на плохой пистолетъ, замѣтилъ, что у Березовскаго по всей вѣроятности сообщниковъ нѣтъ. Къ дѣлу Каракозова примѣшали, зная ихъ невинность, сотни молодыхъ людей. Одно замѣчаніе г. Лимейрака въ “Конституціонелѣ” о нравственномъ соотношеніи выстрѣла съ криками “да здравствуетъ Польша!” — вызвало крикъ негодованія, не только въ либеральныхъ журналахъ, но въ династическихъ и клерикальныхъ.

Въ заключеніе обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на полицейскую продѣлку Шувалова, который спросилъ Березовскаго — не переписывался-ли онъ съ отцомъ? То есть сдѣлалъ опытъ запутать въ Польшѣ и Россіи родныхъ, знакомыхъ, ихъ родныхъ и ихъ знакомыхъ — въ дѣло такъ явно стоящее отдѣльнымъ!

Мы совѣтуемъ очень подумать объ этомъ.

И—ръ.

МАЗУРКА.

Мы всегда относились довольно равнодушнѣ къ національнымъ болѣзнямъ послѣдняго времени, мы и не враждебны имъ. Онѣ вѣроятно лежатъ въ физиологическомъ пути развитія; но мы не можемъ забыть, что ими замѣнились вопросы революціонныя и соціальныя и затмили умы народовъ и людей до того, что во имя ихъ могли встрѣчаться въ томъ-же станѣ Гарibaldi и Бисмаркъ, греки изъ Кандіи и греки изъ Шго отдѣленія. Противъ національныхъ стремленій, также не слѣдуетъ идти — какъ не слѣдуетъ горячиться за нихъ. Въ нихъ выражается низшая степень человѣческаго стремленія къ обобщенію, къ соединенію съ своими — въ противоположность чужимъ. Она сильна положительно и какъ все страстное, но неразумное — еще сильнѣе отрицательно пенавистью, завистью, ревностью, властолюбіемъ. Стихійное влеченіе группироваться по зоологическимъ признакамъ, представляетъ ребяческую фазу, бороться противъ которой также негѣпо, какъ бороться противъ прорѣзанія зубовъ — а потому выставкой — ли восковыхъ мужичковъ и избъ изъ картонной бумаги, или чѣмъ другимъ сзываетъ Москва Славянъ, мы ничего не имѣемъ противъ этаго.

Но вотъ что насъ глубоко огорчаетъ.

При приѣмѣ въ Петербургѣ “Славянскихъ гостей”, пожаловавшихъ на выставку (какъ выражается канцелярскій служитель, писавшій одну изъ корреспонденцій *Голоса*, ихъ повезли въ Оперу). Какъ ни несчастно ея названіе “Жизнь за царя”, но за неимѣніемъ другой, хорошей, русской оперы надобно было избрать пьесу, на вывѣскѣ которой политическое идолопоклонство и *человѣкъ* демонстрація. Имя оперы придало представленію что-то служебное — и добрые гости наши, сильно поцривыкнувшіе къ обычаямъ милой Австріи, такъ хорошо это поняли, что явились въ театрѣ, осѣнивъ себя крестами, кто св. Анны на шеѣ, кто Владиміромъ въ петлицѣ. Славяне всѣхъ славянскихъ земель *несли крестъ царя*, въ то время, какъ актеры воспѣвали сладость смерти за него. Все это ничего... но вотъ раздастся *мазурка*, знаменитая,

великая мазурка Глянки... Публика *шикаетъ*... чему? Тому (поисплетъ *Голосъ*), что на этомъ праздникѣ Славянь, что на этой "жизни за царя" *нѣтъ Поляковъ*.

Въ этомъ жестокосердомъ отсутствіи такта, въ этой грубо-безжалостной выходкѣ, мы съ ужасомъ увидѣли всѣ пенавистныя намъ, всѣ скверныя стороны русскаго характера... Такъ и пашуло Муравьевщиной, Катковщиной, крѣпостниками, квартальными... Беспощадень, мелокъ, злопамятенъ, овѣмеченный, обѣофицеренный монголо-славянинъ.

Объяснять почему поляки не могли, не *должны были* быть, излишне. Они слишкомъ много *невосковыхъ* фигуръ клали въ саванѣ, чтобъ смотрѣть на рамазановскіе и не знаю каковскіе въ Москвѣ. Нуъ выставка слишкомъ богата въ Сибири и въ рудникахъ... и крестъ царскій на ихъ шеѣ, не на красной лентѣ, а на пеньковой веревкѣ. Да оставьте-же этому народу, взявши у него все — его трауръ, его отсутствіе на вашихъ пирахъ.

Еслибъ русскіе хотѣли примириться съ поляками, они бы ихъ звали на это примиреніе — словами любви, кротости, смиренія, чл. ничего подобнаго не слышали. Нѣтъ, тутъ хотѣлось другаго... пусть *она*, въ крови, въ слезахъ идетъ на зрѣлище и пусть она, потерявшая все, осиротѣлая вдова, бездѣтная мать, ненавидящая царя, пусть смотритъ на *жизнь за него* и аплодируетъ ей. Намъ это будетъ пріятно!

Шикай правительство, Бергъ и Адлербергъ, Валуевъ и Шуваловъ, мы не сказали бы ни слова, по вѣдь шикалъ городъ, его "образованная часть", и отъ этого у насъ сердце обливается кровью.

Какъ ни стара грустная отмѣтка, что правительство всегда соотвѣтствуетъ своему народу, а нельзя ее не упомянуть. Когда Николай пировалъ свое вѣнчаніе на царство и тѣла казненыхъ имъ мучениковъ не успѣли предаться тѣнию, а осужденные на каторгу дойти до сибирскихъ степей, онъ требовалъ, чтобъ семьи, изъ среды которыхъ вырваны были жертвы, являлись на балахъ.

... Жевщина, у которой слезы дрожатъ на рѣсницѣ и которая пляшетъ по высочайшему приказу, униженная, обиженная, слабая, сломанная и одѣтая въ бальномъ нарядѣ, — какіе лавры и литавры могутъ больше польстить дикому сладострастію власти... Изъ этого-же чувства другой деспотъ, только гораздо искуснѣйшій воинъ чѣмъ Николай, изнасиловалъ послѣдняго императорскаго отрока, водрузивъ свою туну на Софійскомъ соборѣ.

Ну, а гости?... маститый Палацкій, краснорѣчивый Ригеръ... они своимъ молчаніемъ подтвердили что-ли приговоръ? Трудно сказать, люди эти всю жизнь такъ привыкли бояться полиціи и властей, что имъ можетъ и въ голову не пришло, что ихъ обязанность состояла въ томъ, чтобъ протестовать во имя отсутствующаго народа. Можетъ они это сдѣлаютъ въ Москвѣ. Подождемъ.

Протестовать, словно какъ то неловко, больно много хлѣба они, меду-вина въ русскомъ гостепрійствѣ... это ничего...

Только одинъ молодой король до того закутился въ Парижѣ, что забылъ о несчастной сестрѣ исходящей въ этомъ педугѣ и о братѣ, котораго чуть не растрѣляли-ли. Пиръ—виномъ, а дѣло—дѣломъ. Именно имъ то, "дорогимъ гостямъ" всеславянскимъ, приходилось всего лучше, середь ликованій, вспомнить не шиканіемъ, а слезой, что одной сестры нѣтъ, и что одинъ братъ казненъ.

И—ръ.

Р. S. Рѣчь о Польшѣ была поднята впоследствии въ Москвѣ, по какъ?—Одинъ Погодинъ сказалъ человѣческое слово: "Мы жалѣемъ объ этой розни, *мы плачемъ о ней*". Этого не могъ ему спустить Черкасскій и отпустилъ въ присутствіи всѣхъ славянскихъ гостей, слѣдующую дикую фразу въ своей рѣчи: "Каждый изъ насъ готовъ сказать, что будетъ радъ видѣть поляковъ—но пусть возвратится полякъ въ нашу среду, не строптивымъ членомъ ея, а какъ *блудный сынъ, кающійся въ своихъ грѣхахъ*, (рукоплесканія)! Тогда мы готовы приять его, и въ жирномъ тельцѣ для пира въ честь его не будетъ недостатка".

Не посѣчь-ли поляковъ прежде примиренія *дѣтскими розами* черкаскаго изобрѣтенія? Нѣтъ, ваше сіятельство, вы ужъ сами скушайте вашего жирнаго тельца—съ народами, пока у нихъ есть такіе ораторы и философы какъ вы и такіе рукоплескатели какъ тѣ, которые вамъ рукоплескали — мириться рано.

СМѢСЬ.

— *Сумъ нищаю позавидовали*. Въ то время, какъ мы думали, что въ Россіи сельское хозяйство должно перейти въ руки народа, мы встрѣтили въ № 48 *Вѣсти* — слѣдующую жалобу:

— "Говоря о хлѣбной торговлѣ въ Тверской губернии, князь Мещерскій пишетъ между прочимъ въ "Русскій Инвалидъ", что въ послѣднее время, т. е. послѣ освобожденія крестьянъ, часть этой торговли перешла въ крестьянскія руки, вмѣсто та часть, которая прежде заключалась въ сношеніяхъ мѣстныхъ помѣщиковъ съ мѣстными купцами для сбыта помѣщичьяго хлѣба; въ настоящее время новоторжскіе купцы почти вовсе не покупаютъ хлѣба отъ помѣщиковъ; крестьяне-же, отдѣльные капиталисты или нѣсколько человекъ вмѣстѣ, закупаютъ у помѣщиковъ хлѣбъ и по большей части прямо отъ себя и собственными средствами сбываютъ его въ Петербургъ по желѣзной дорогѣ. Другіе-же крестьяне, менѣе зажиточные и менѣе предприимчивые, ограничиваются продажей закупленнаго ими у помѣщиковъ хлѣба въ купеческія руки въ Торжкѣ и случается, что тотъ-же самый крестьянинъ раза четыре втеченіе года совершаетъ эту торговую операцію. Равнѣры этой усиливающейся крестьянской торговли съ одной стороны ограничиваютъ просторъ дѣятельности незначительныхъ мѣстныхъ купцовъ, съ другой стороны, по мнѣнію купечества, всего осязательнѣе и нагляднѣе проявляютъ несостоятельность торговаго устава и изобрѣтеннаго имъ надзора за торговлею: крестьянинъ не несетъ тягостей купца, а между тѣмъ пользуется его барышами; спрашивается, гдѣ тотъ надзоръ, который можетъ помѣшать крестьянамъ продавать ежедневно извѣстное количество хлѣба, подъ предлогомъ, что этотъ хлѣбъ ихъ избытокъ".

Хотя-бы подумали эти враги народа русскаго, что едва-ли найдется какой-нибудь уставъ, гдѣ-бы то ни было, который бы воспрещалъ или стѣснялъ торговлю хлѣбомъ изъ рукъ его производителей. Если купцы платятъ гильдейскія пошлины, то конечно не за торговлю хлѣбомъ, которая, по нашему

торговому уставу (ст. 295, кн. I, Т. XI, ч. II, св. зак. изд. 1857 г.) признается торговлею свободною, а по какой либо другой торговле. Впрочем если уже так завидно — отчего же дворянство не умѣет торговать хлѣбомъ, а крестьянство умѣет? Вѣдь съ дворянъ за торговлю хлѣбомъ — тоже никакой пошлины не берется.

— *Дикій законъ.* Вотъ текстъ закона о “сообществахъ”, о которомъ говорилъ одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ :

“Статьи XIV т. уст. о предуп. и пресѣч. прест. 166—169 замѣняются слѣдующими :

“1) Запрещаются всякія противозаконныя сообщества, подъ опасеніемъ суда и отвѣтственности по всей строгости законовъ, почему всѣмъ начальствамъ и полиціи поставляется въ обязанность неупустительно наблюдать, чтобы нигдѣ и ни подъ какимъ предлогомъ таковыхъ сообществъ не учреждалось.

“2) Противозаконными сообществами признаются : а) всѣ тайныя общества, съ какою бы цѣлью они ни были учреждены ; б) всѣ преслѣдующіе вредную цѣль сборища, собранія, сходбища, товарищества, кружки, артели и проч., подъ какимъ бы наименованіемъ они ни существовали, образовавшіеся или дѣйствующіе по соглашенію между собою нѣсколькихъ лицъ, и в) всѣ тѣ общества, которыя, по исходайствованіи вадлежащаго на оныя разрѣшенія, уклоняются отъ цѣли ихъ учрежденія, или станутъ прикрывать благовидными дѣйствіями такое направленіе, которое въ какомъ либо отношеніи вредно для государственнаго благоустройства или общественной нравственности.

“III. Въ замѣну 318—324 статей Уложенія о наказаніяхъ (главы VI раздѣла IV о тайныхъ сообществахъ и запрещенныхъ сходбищахъ), постановить слѣдующія о противозаконныхъ сообществахъ правила :

“1) Основатели, учредители, начальники и главные руководители какихъ бы то ни было противозаконныхъ сообществъ, если дѣйствія ихъ или распространяемыя ими ученія направлены къ испроверженію или измѣненію, какими бы то ни было средствами, порядка государственнаго устройства, подвергаются за сіе, буде они не учинили другихъ преступленій, влекущихъ за собою болѣе строгое наказаніе (ст. 242 и 249), лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы въ рудникахъ отъ двѣнадцати до пятнадцати лѣтъ.

“2) Соучастники противозаконныхъ сообществъ, не состоящие или не бывшіе въ числѣ ихъ основателей, учредителей, начальниковъ или главныхъ руководителей, подвергаются, по мѣрѣ ихъ участія въ преступныхъ дѣйствіяхъ или въ распространеніи противныхъ порядку государственнаго устройства ученій лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на заводахъ отъ шести до восьми лѣтъ ; или лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Сибирь, или отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты по 3-й степени 31 ст. Уложенія, или же заключенію въ тюрьмѣ отъ восьми мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ, съ оставленіемъ, по освобожденіи изъ тюрьмы, подъ строгимъ надзоромъ полиціи въ продолженіи пяти лѣтъ.

“3) Основатели, учредители, начальники и главные руководители противозаконныхъ сообществъ, дѣйствующихъ въ направленіи противномъ истинамъ и правиламъ христіанской вѣры, или нарушающихъ общественную нравственность или же преподающихъ ученія, противныя благочестію или нравственности, подвергаются за сіе, буде они не учинили другихъ преступленій, влекущихъ за собою болѣе строгое наказаніе (ст. 176—178, 181, 183, 184, 186, 187, 189, 995—10,000 Уложенія) лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ, или отдачѣ въ рабочій донъ по 4 степени 33 ст. Уложенія.

“4) Соучастники въ указанныхъ въ предъидущей 4-й ст. сообществахъ, если они не принадлежатъ или не принадлежали къ числу ихъ основателей, учредителей, начальниковъ, или главныхъ руководителей подвергаются за сіе : заключенію въ тюрьмѣ на время отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ, или отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ, по освобожденіи же изъ тюрьмы, они оставляются подъ строгимъ надзоромъ полиціи въ продолженіи трехъ лѣтъ.

5) Всѣмъ тѣмъ, кои до обнаруженія ихъ преступленія, или противозаконныхъ дѣйствій того сообщества, къ которому они принадлежатъ, раскаясь въ своихъ заблужденіяхъ, доносятъ о томъ правительству, съ полною искренностію, прежде открытія этого сообщества, наказаніе можетъ быть снято одною или нѣсколькими степенями, на основаніи ст. 135 Уложенія или, смотря по обстоятельствамъ, они могутъ быть даже и вовсе освобождены отъ всякаго взысканія, съ оставленіемъ, однакоже, подъ надзоромъ полиціи въ продолженіе одного года.

“6) Освобожденные, на основаніи предъидущей статьи, отъ взысканія, въ случаѣ образованія ими вторичнаго новаго или прежняго противозаконнаго сообщества, а также вступленія въ таковое или содѣйствія оному, подвергаются : наказаніямъ выше сего въ ст. 1—4 опредѣленнымъ, но въ высшей оныхъ мѣрѣ.

“7) Лица, способствовавшія преступной цѣли противозаконнаго сообщества денежными приношеніями или же иными какими-либо дѣйствіями, если цѣль эта не была имъ извѣстна, по съ ихъ стороны не были соблюдены, при вступленіи въ сообщество, или въ продолженіе его существованія, должныя предосторожности, подвергаются : денежному взысканію отъ двадцати пяти до трехъ сотъ рублей.

8) Лица, виновныя въ покушеніи къ образованію противозаконныхъ сообществъ, подвергаются за сіе : въ первый разъ — заключенію въ тюрьмѣ отъ восьми мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ и оставленію, по освобожденіи изъ тюрьмы, подъ строгимъ надзоромъ полиціи въ продолженіи трехъ лѣтъ ; во второй разъ — лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Сибирь, или отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты по 2-й степени 31-й статьи Уложенія.

“9) Всѣ тѣ, кои, зная о существованіи противозаконныхъ сообществъ, дѣйствующихъ въ направленіи, имѣющемъ цѣлю измѣнить порядокъ государственнаго устройства, или какими-либо средствами къ тому клонящемся, не доносятъ о томъ правительству, подвергаются за сіе, буде они не подлежатъ наказанію по статьямъ 243 и 249 Уложенія, заключенію въ тюрьмѣ отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ, или денежному взысканію отъ ста до пятисотъ рублей.

“10) За недонесеніе правительству о существованіи или образованіи противозаконнаго сообщества, хотя бы и неимѣющаго цѣлю измѣнить порядокъ государственнаго устройства, виновные подвергаются : денежному взысканію отъ пяти до пятидесяти рублей.

“11) Тѣ, которые въ жилищахъ своихъ или же въ домахъ и другихъ мѣстахъ, имъ принадлежащихъ или состоящихъ въ ихъ управленіи, будутъ заведомо допускать собранія противозаконныхъ сообществъ, подвергаются : наказаніямъ, въ предъидущихъ статьяхъ соучастникамъ сихъ сообществъ опредѣленнымъ. На нѣтънѣ написано : Его импер. величество воснослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта о противозаконныхъ сообществахъ нысочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.”

Законъ этотъ писанъ подъ вліяніемъ Шувалова. Петръ IV тоже хочетъ какъ и Петръ I — оставить потомству историческое завѣщаніе.

— *Да здравствуетъ разумъ!* Какъ рѣзко разграничиваются и все рѣзче и рѣзче, страны, взшедшія въ возрастъ пониманья и разума, и тѣ которыя еще бѣснуются въ мракѣ кровавыхъ безсмыслицъ, изувѣрствъ, дикихъ религій и дикихъ страстей. Величайшій политическій преступникъ нашего времени, Джеферсонъ Девисъ, вынужденъ на поруку и поѣхалъ въ Канаду. Приговоренный къ смерти феніанъ Бюркъ, помилованъ королевой и всѣ англійскія газеты рукоплещутъ (ни *Мос. Вѣдомост.*, ни *Вѣсти* въ Англии не издается) и рукоплещутъ не просто радуясь, что именно такого-то не казнятъ, а на разныя лады говорятъ о томъ, что замѣна висѣлицы другимъ наказаніемъ, въ этомъ случаѣ, сдѣлаютъ невозможнымъ смертную казнь во всѣхъ политическихъ процессахъ.

... А у насъ?...

— *Катковское Vive la Pologne!* Отъ любви до ненависти одинъ шагъ. Катковъ взбѣшенный словами Погодина и *Ригера* (это должно быть славянскій переводъ фамиліи Ригера), напечаталъ вотъ какую штуку : “Лучше, въ тысячу разъ лучше, чѣмъ допустить польскую политическую національность подъ русской державой — было бы отпустить чисто польскія части *на полную волю*”.

Давно бы пора догадаться!

Просьба. Милый, малый, молодой, веселый, жартующій журнальчикъ, издающійся въ Вѣнѣ подъ заглавіемъ “Страхопудъ” написалъ къ одному изъ насъ “просьбу”, и дабы мы невѣденіемъ не отзывались, прислалъ ее въ нашу редакцію.

За присылку благодаримъ и вообще на "Страхопудъ" вовсе злобно не смотримъ. Вотъ его просьба :

"Г. Герцена, издателя «Колокола», принявшаго на себя незавидную роль защитника Польши, покорнѣе прошу русскія Галичане, прѣхать, хотбы только на короткое время, въ Галицію, для испытанія, что такое «Польша» въ случаѣ, если г. Герценъ, яко «человѣкъ правдо-любивый» и «правду говорящій», не желая яко «agent moskiewski» быти заключеннымъ въ тюрьму, несогласится на наше предложеніе, то пусть изучаетъ Польшу по крайней мѣрѣ изъ «Gazety Narodowej» и «Tygodnika Niedzielnego» Изъ сихъ газетъ узнаетъ г. Герценъ предметъ своей защиты. — Вотъ славный человѣкъ г. Герценъ! Якая у него доброта сердца страдающему, певинному, и смрному русскому народу, онъ неспъзываетъ своего сочувствія, ибо то дѣлають люди обыкновенныи, съ обыкновенною добротою сердца, — человѣкъ же необыкновенной доброты сердца, сочувствуетъ страдающему и гордому преступнику. Якій высокій умъ у Герцена. Онъ защищаетъ певинныхъ страдающихъ, ибо защищать певинныхъ нетрудно, и для этого непадобно высокаго ума, но защищать виноватыхъ, гордыхъ и перозкалившихся — трудно, и для этого требуется высокаго ума"...

Резолюція. Въ Галицію ѣхать не могу, названныхъ журналовъ читать не хочу, а "Страхопуду" замѣчаю, что не слѣдуетъ писать пустыхъ просьбъ не зная что *человѣкъ защищалъ и какъ защищалъ.* О каковомъ рѣшеніи процатавъ въ *Колоколь*, "Страхопуду" сообщить — Изд.

Вопросы, запросы, загадки и сфинксы

— ? Какъ пропали на одвомъ баѣ у квягини Воронцовой брильянты?... Какъ они нашлись? у кого? Кто заказывалъ пуговицы?... Мы все ждали, ждали, но дѣлю объ этомъ воровствѣ все еще не начереду, не пришлетъ-ли кто подробностей. Да кстати *насъ просятъ :*

Узнать за что принцъ Албертъ Саксенъ Алтенбургскій — вынсава изъ гвардіи и пославъ куда-то въ даль, на Кавказъ что ли?

— *Рѣзкое соизволеніе государя и высочайшая загадка.* Севать по выслушаніи дѣла объ отчетѣ и докладѣ с.-иб. губ. земской управы, внесенныхъ по высочайшему повелѣнію... "опредѣлилъ обстоятельства дѣла (о закрытіи управы) представить на благоусмотрѣніе е. и в. Государь по всеп. докладу управляющаго мив. юстиц. о вышеизложенномъ опредѣленіи сената, высочайше соизволилъ на приведене сею опредѣленія въ исполненіе" (*Голосъ* № 136). А опредѣленіе севата состоитъ въ томъ, *чтобъ представить государю.* Слыхали-ли вы сказку о бѣломъ быкѣ. — Нѣтъ — Я нѣтъ, вы нѣтъ — слышали-ли вы сказку о бѣломъ быкѣ?

— *Меньше братья шалютъ на вакаціяхъ.* Въсть № 58, беспощадно обличаетъ отсталость и незрѣлость нашихъ этнографическихъ гостей. "Россия, говоритъ одинъ изъ нихъ, гѣмъ счастлива, что у нея сильное дворянство". И въ подѣрженіе того, что у нихъ такіа нелѣпая мнѣнія, приводитъ слѣдующія слова, писавыя въ альбомѣ квягини Е. Э. Грубецкой :

"Благо народу, который имѣетъ своего царя и не лишенъ своего дворянства".

"Г. П. Ливчакъ, редакторъ *Страхопуда*, сынъ галицкой Руси, лишенный своего дворянства"

Послѣдняго мы вовсе не понимаемъ, былъ-ли онъ под судомъ, и лишился дворянства или ему просто жаль, что въ Галиціи нѣтъ видовъ на созданіе русскаго помѣщичьяго класса съ крѣпостническими поцолзновениями?

Ужъ не слишкомъ-ли угощаютъ у насъ меньшую братію?

— *Опять вранье "Варшавскаго Дневника" :*

"Въ 'Варшавскій Дневникъ' сообщаютъ изъ Цюриха (говорятъ 'Голосъ' и 'Московскія Вѣдомости'), что общество славянскихъ социалистовъ въ Женевѣ, пользуясь пребываніемъ принца Наполеона въ Цюрихѣ (въ Женевскомъ кантонѣ), отправило къ нему депутацію для врученія ему диплома на званіе почетнаго члена общества и съ просьбой помочь дальнѣйшему изданію журнала «Гминя» Принцъ выслалъ депутаціи 20 франковъ чрезъ своего лакея и не захотѣлъ ни видѣться съ нею, ни принять отъ нея лестный дипломъ"

Мы просимъ нашихъ польскихъ друзей дать коллективнымъ опроверженіемъ урокъ мошеннической редакціи, въ числѣ которой вѣроятно нѣтъ ни одного поляка — или что же это за полякъ? Какъ его имя?

— *Свѣтопреставленіе* Рѣшительно настаютъ послѣдніе дни и пора думать о покаяніи. чудеса и знаменія совершаются, горы осѣдаютъ и деревни возникаютъ. Стихи помогаютъ казноврадамъ, геологія за одно съ чиповниками и уменьшая соль міра сею, увеличиваетъ число солящихъ. Читайте сами :

"Оползель горы въ Нижнемъ Новгородѣ*. Намъ пишутъ изъ Нижняго Новгорода, что тамъ 7-го Мая осѣлась земля на нагорномъ берегу Оки, гдѣ находятся соляные магазины. Пространство въ 250 сажень длины двинулось съ мѣста къ рѣкѣ, совершенно разрушило одинъ соляной магазинъ, а до десяти магазиновъ сдвинуты съ мѣста; въ нѣкоторыхъ, говорятъ, была соль. Земля дала множество разѣлпнъ, деревья, которые росли на горѣ, упали и лежатъ на ней во всю длину. — (Московскіе Вѣд. № 105)

— Архангельскій корреспондентъ 'Петербургскихъ Вѣдом.' сообщаетъ слухъ о томъ, что полиція нашла въ Кемскомъ уѣздѣ большую деревню, которая доселѣ была неизвестна!

— *Первое предостереженіе.* Господинъ В. П. Ивановъ-Желудковъ! Неужели въ самомъ дѣлѣ Молдаване такъ-таки захотѣли присоединиться къ Россіи? Хорошо-ли вы знаете по румански?... вы такъ бойко и мило пишете, что намъ жаль будетъ, если злокачественный патриотизмъ столкнетъ васъ съ прямыхъ путей разума въ лабиринты присоединеній и усвоеній. Россія прежде должна дома очиститься и передѣлаться, а потомъ передѣлывать границы и мѣшаться въ чужія дѣла.

— *Частное дѣло.* Владиміръ Титовъ рѣшился отвѣчать на мое письмо отъ 20 Апрѣля, вѣроятно прочитавши въ *Колоколь* отъ 1 Юня легкое вравоученіе за молчаніе. Владиміръ Титовъ слишкомъ высоко поставленъ, чтобъ отвѣчать какъ всѣ люди, а потому сообщилъ мнѣ черезъ русскаго посланника и женевскую полицію, слѣдующую глумлюю и грубую бумагу — безъ числа и подписи :

"Сообщеніе господину Александру Герцену въ Женевѣ, 7, Quai Mont-Blanc.

"Вслѣдствіе письма господина Герцена, отъ 20 Апрѣля 1867 г. къ г. дѣйствительному тайному совѣтнику, члену государственнаго совѣта, В. П. Титову, сообщается (*къмъ?*) господину Александру Герцену нижеслѣдующее :

"По дружбѣ съ молодыми лѣтъ существовавшей между покойнымъ П. А. Мельгуновымъ и В. П. Титовымъ, сей послѣдній ковечно желалъ бы содѣйствовать къ очисткѣ платежа, который не первымъ числится и даже можетъ почтаться какъ сказано въ письмѣ г. Герцена "долгомъ чести".

"Не смотря на то, обстоятельства дѣла таковы, что участіе

* читатели наши вѣрно не забыли дѣла о колоссальной покражѣ соли въ Нижнемъ.

въ этомъ В. П. Титова не имѣло - бы основанія и не при- несло никому-бы пользы.

“По наслѣдству и долгамъ Мельгунова учреждена теперь въ Москвѣ опека; адресъ опекуна : Михаилъ Ивановичъ Блючаревъ въ Трехъ Прудномъ переулкѣ свой домъ.

“Но кромѣ того, что въ открытомъ письмѣ Мельгунова сообщенномъ г. Герценомъ значится заимодавцемъ *одинъ Ротшильдъ*, опека очевидно не въ правѣ привимать къ удо- влетворенію подобныя документы, въ особенности отъ В. П. Титова, немогущаго ничѣмъ удостовѣрить, чтобы покойный когда либо *говорилъ ему объ этомъ письмѣ или долѣ*.

“Съ 1857 года прошло до кончины Мельгунова десять лѣтъ. Въ этотъ значительный періодъ времени, покойникъ нѣсколько разъ видѣлъ В. П. Титова, съ нимъ переписывался, получалъ подъ его поруку у банкировъ ссуды, въ слѣдствіе которыхъ умеръ оставшись должнымъ В. П. Титову болѣе шести тысячъ рублей сер., но ни *одинъ разъ не упоминалъ онъ ему ни о долгахъ своихъ г. Герцену. ни объ открытомъ письмѣ къ В. П. Титову отъ Марта 1857, ни о желаніи назначить его своимъ душеприкащикомъ*.

“Вотъ все, что извѣстно В. П. Титову, и въ случаѣ запроса черезъ журналы, онъ не имѣлъ-бы равнымъ образомъ ничего отвѣчать, кромѣ вышеизложеннаго”.

Господицъ сообщитель—вѣроятно слуга Владиміра Титова въ Петербургѣ—писавшій это подметное сообщеніе, хочетъ набросить тѣнь подозрѣнія на достовѣрность *и долга и письма*, на долгъ у меня есть документы отъ Ротшильда, письмо Мельгунова такъ - же цѣло. Еслибъ Владиміръ Титовъ былъ сколько нибудь порядочный человѣкъ, онъ не допустилъ-бы, ни этотъ грязный намекъ, ни болтовню о томъ, что покойный Н. А. Мельгуновъ, остался долженъ ему Владиміру Титову въ Петербургѣ “болѣе шести тысячъ руб. сер.”. Какое мнѣ дѣло до финансовъ, какого нибудь Владиміра Титова. Дипломатическая карьера приучающая людей къ скромности и учтивости—Владиміра Титова въ Петербургѣ, не научила ни общежитію, ни молчаливости.—А. Г.

7 Юня 1867.

ОБЩІЙ ФОНДЪ.

Изъ оставшихся 97 франк. вывано въ ссуду подъ росписку г. В. Ф. въ Женевѣ — 50 фр. Остается 47 франковъ.

— *Слѣдующій листъ Колокола выйдетъ 1 Юля.*

— **La feuille suivante paraîtra le 1 Juillet.**

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ.

БЕЗЪ СВЯЗИ

(Отрывки изъ путешествія)

III.

въ ZEHNINGHOFF'Ъ.

... Въ Фрибургѣ я пріѣхалъ часовъ въ десять вечера... прямо къ Zehninghoff'у. Тотъ - же хозяинъ, въ черной бархатной скурѣ, который встрѣчалъ меня въ 1851 году, съ тѣмъ-же правильнымъ и высокообразно учтивымъ лицомъ русскаго оберъ-перемоншмейстера или авглійскаго швейцара, подошелъ къ омнибусу и поздравилъ васъ съ пріѣздомъ.

... И столовая тоже, тѣже складные четырехугольные диванчики, обитые краснымъ бархатомъ по угламъ.

Четырнадцать лѣтъ прошло передъ Фрибургомъ какъ четырнадцать дней! Также гордость каедральнымъ органомъ, также гордость цѣльнымъ мостомъ.

Въявіе новаго духа, беспокоящаго, мѣняющаго стѣны, расбрасывающагося, поднятаго эввинкціальными бурями 1848 года—мало коснулось городовъ стоящихъ въ нравствен- ной и физической сторонѣ, въ родѣ іезуитскаго Фрибурга и піэтистическаго Невшателя. Города эти тоже двигались, но черепашинымъ шагомъ, стали лучше—но намъ кажутся отста- лыми въ своей каменвой одеждѣ сшитой не по модѣ... А вѣдь многое въ прежней жизни было не душно, прочиѣе, удобнѣе — ова была лучше разотчена для *малаго* числа избравныхъ, и именно по этому не соотвѣтствуетъ огромному числу ввовъ приглашенныхъ далеко не такъ избалованныхъ и не такъ трудныхъ во вкусѣ.

Конечво, при современномъ состояніи техники, при еже- дневныхъ открытіяхъ, при облегченіи средствъ, можно было устроить привольно и просторно новую жизнь. Но западный человѣкъ, владѣющій мѣстомъ, довольствуется малымъ. Вообще на него наклевали, и главное наклевалъ онъ самъ, то при- страстіе къ комфорту и ту избалованность, о которой говорятъ. Все это у него риторика и фраза какъ и все прочее—были-же у него свободныя учрежденія безъ свободы, отчего-же не имѣть блестящую обстановку для жизни узкой и неуклюжей. Есть исключенія. Мало-ли что можно найти у англійскихъ аристо- ратовъ, у французскихъ камелій, у іудейскихъ князей міра сего... къ тому-же все это личное и временное : лорды и банкиры не имѣютъ будущности, а камелии наслѣдниковъ. Мы говоримъ о *всемъ свѣтѣ*, о золотой посредственности, о хорѣ и корь-де-бале, который теперь на сценѣ и жуируетъ— оставляя въ сторонѣ отца лорда Стаблей, имѣющаго тысячу двадцать франковъ дохода въ день и отца того двѣнадцати- лѣтняго ребенка, который на двяхъ бросился въ Темзу, чтобъ облегчить родителямъ пропитавье.

Старый, разбогатѣвшій мѣщанивъ любитъ толковать объ удобствахъ жизни, для него все еще ново, *что онъ баринъ, qu'il a ses aises*, “что его средства ему позволяютъ, что это его не разоритъ”. Онъ дивится деньгамъ и знаетъ ихъ цѣну и летучесть, въ то время какъ его предшесивенники, по богат- ству не вѣрили ни въ ихъ истощаемость, ни въ ихъ достоин- ство—и потому раззорились. Но раззорились они со вкусомъ. У “буржуа” мало сметли, соображенія, смысла широко вос- пользоваться накопленными капиталами. Привычка прежней узкой, наслѣдственной, скупой жизни осталась. Онъ пожалуй и тратитъ большія деньги, но не на то, что надоно. Поколѣніе прошедшее прилавкомъ, усвоило себѣ не тѣ размѣры, не тѣ планы, въ которыхъ привольно и не можетъ отъ нихъ отстать. У нихъ все дѣлается будто на продажу, и они естественно имѣютъ въ виду какъ можно большую выгоду, барышъ и казовый конецъ. “Проприетеръ” инстинктивно уменьшаетъ размѣръ комнатъ и увеличиваетъ ихъ число, не зная почему дѣлаетъ небольшія окны, низкіе потолки, онъ пользуется каж- дымъ угломъ чтобъ вырвать его у жильца или у своей семьи. Уголъ этотъ ему невужень, но на всякій случай онъ его отни- маетъ у кого нибудь. Онъ съ особеннымъ удовольствіемъ устраиваетъ двѣ неудобныхъ кухни, вмѣсто одной порядочной, устраиваетъ мавсарду для горничной, въ которой нельзя ни работать, ни повернуться, во за то сыро. За эту экономію свѣта и пространства, онъ украшаетъ фасадъ, грузитъ ме- белью гостинную и устраиваетъ передъ домомъ цвѣтникъ съ фонтаномъ — наказаніе дѣтямъ, вьявкамъ, собакамъ и паемщикамъ.

Чего не испортило скряжничество, то додѣлываетъ перасторопность ума. Наука, прорѣзывающая мутный прудъ обыденной жизни, не мѣшаясь съ вей, бросаетъ на право и на лѣво свои богатства, во ихъ не умѣютъ удить мелкіе лодошники. Вся польза идетъ гуртовщикамъ и цѣдится каплями для другихъ, они мѣняютъ шаръ земной, а частная жизнь тащится возлѣ ихъ паровозовъ въ старой колымагѣ, на своихъ клячахъ... Камивъ, который бы не дымился, какая то мечта—миѣ одивъ жевевскій хозяивъ успокоительно говоритъ: “камивъ этотъ *только* дымить въ бизу” т. е. именно тогда когда всего больше надобно топить, и это какъ будто биза случайность или новое изобрѣтеніе, какъ будто она не дула до рожденія Кальвина и не будетъ дуть послѣ смерти Фази. Во всей Европѣ, исключая ни Испаніи, ни Италиі, надобно вступая въ зиму писать свое завѣщаніе, какъ писали его прежде отправляясь изъ Парижа въ Марсель, и въ половинѣ Апрѣля служить молебень иверской божіей матери.

Скажи эти люди, что они не занимаются суетой суетствій, что у нихъ другаго дѣла много, а имъ прощу и дымящіеся камивы и замки, которые разомъ отворяютъ дверь и кровь, и вонь въ сѣняхъ и пр.—во спрошу въ чемъ ихъ дѣло, въ чемъ ихъ высшіе интересы? Ихъ вѣтъ... они только выставляютъ ихъ для скрытія вевообразимой пустоты и безсмыслія...

Въ среднія вѣка люди жили ваисквервѣйшимъ образомъ и тратились ва совершево веужвыя и веидущія къ удобствамъ постройки. Но средніе вѣка не толковали о страсти къ удобствамъ—напротивъ, чѣмъ неудобнѣе шла ихъ жизнь, тѣмъ она ближе была къ ихъ идеалу, ихъ роскошь была въ благолѣпнн дома божія и дома общиннаго, и тамъ они ужъ ве скупились, ве жались. Рыцарь строилъ тогда крѣпость, а не дворець, и выбиралъ ве ваудобвѣйшую дорогу для вея, а веприсупннюю скалу. Теперь защищаться не отъ кого, въ спасеніи души отъ украшенія церквей никто не вѣрять, отъ форума и ратуши, отъ оппозиціи и клуба, мирный гражданинъ порядка отсталъ, страсти и фаватизмы, религіи и героизмы, все это уступило мѣсто матеріальному благосостоянію, а оно то и не устроилось.

Для меня во всемъ этомъ есть что то печальное, трагическое—точно этотъ міръ живетъ кой-какъ въ ожиданіи, что земля разступится подъ ногами и ицеть ве устроиться, а забыться. Я это вижу не только въ озабоченныхъ морщинахъ, но и въ боязни передъ серьезной мыслью, въ отвращеніи отъ всякаго разбора своего положенія, въ судорожной жаждѣ ведосуга, веѣнней ррррррррности. Старикки готовы играть въ игрушки, “лишь-бы дѣло ве шло ва умъ”.

Модный оттягивающій пластырь—всемирныя выставки. Пластырь и болѣзнь вмѣстѣ, какая то перемежающаяся лило-радка съ переменными центрами. Все весется, плыветъ, идетъ, летитъ, тратится, домогается, устаеть, живеть еще веудобнѣе, чтобъ слѣдить за *усплхомл*—чего? ну, такъ за усплхомъ. Какъ будто въ три четыре года можетъ быть такой прогрессъ во всемъ, какъ будто при желѣзныхъ дорогахъ такая крайность возитъ пзъ угла въ уголъ—домы, машины, ковюшви, пушки, чуть не сады и огороды...

... Ну, а выставки надобдять—примутся за войну, пачнутъ разсѣваться гждами труповъ, лишь-бы ве видать какую-то червую точку на небоскловѣ...

И—ръ.

ВВЕДЕНИЕ ПЕРЕДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ.

Nous sommes aujourd'hui; ce que nous avons été hier. . . continuons.
СІЕСЪ 1789.

У насъ было явился вопросъ à la Шпекинъ, *печатать* или *не печатать* вашъ отчетъ о первой части путешествія государя послѣ выстрѣла 6 Юня. Вопросъ этотъ разрѣшился тѣмъ, что послѣ выстрѣла путешествие пошло еще веселѣе. Дѣйствительный успѣхъ путешествія вачипается съ него, тутъ и оваціи и адреса и открытая коляска. Къ тому же тутъ все люди военные, какой-же *военный* думаетъ ва другой дель о пулѣ, попавшей ве въ него, а въ ухо лошади Мокарова зятя.

Пора впрочемъ перестать стрѣлять—а то будущему Карамзиву придется новую исторію до того наполнить пулями, двуствольными пистолетами и дичью адресовъ п телеграмъ, что овъ долженъ будетъ просить у И. Тургенева права ее назвать: *Разказами о дурныхъ охотникахъ*.

10 Юня.

АВГУСТѢЙШІЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

(Статья вторая)

I.

ГОСУДАРЬ ВЪ AVENUE MARIGNY.

А гдѣ-же *первая*? Въ первомъ листѣ *Колокола*, она вапечатана ровно *десять лѣтъ* тому ваздѣ по случаю путешествія “вдовствующей императрицы-родительницы”. Черезъ десять лѣтъ намъ приходится сказать иѣсколько словъ о путешествіи ужъ конечно “не вдовствующаго” императора. Тутъ что-то мистическое, вообще между нами и великимъ путешественникомъ есть таивственныя соотношенія, о которыхъ мы непременно посоветуемся съ Юмомъ. Мы вмѣстѣ были въ Вяткѣ въ 1837 году, и онъ прѣбавши въ Парижѣ, остановился въ той-же улицѣ, въ которой остававливались мы въ 1847, такъ что государь могъ-бы ваписать *последнее* “письмо изъ Avenue Marigny” въ *Современникъ*, еслибъ Валувъ не запретилъ его.

Но къ дѣлу. Начало путешествія, или какъ русскіе газетные надзиратели выражаются “высочайшаго прослѣдованія” вамъ извѣстны, а *цль*?

— Нѣтъ! а интересно бы знать?

— Очевъ.

— Ну а какъ ее вовсе вѣтъ?

Во-первыхъ, мы рѣшительно ве вѣримъ, чтобъ государь прѣбхалъ въ Парижѣ *за дпломъ*. За дпломъ теперь никто не ѣздитъ, министрами и перепиской, графами и телеграфами можно покончить не только всякое дѣло, но всякое бездѣлье. Александру Николаевичу захотѣлось погулять, Наполеону показать такую рѣссе de resistance какъ Le Tzar, вотъ “моль каиныхъ подымаемъ”... А съ Турціей что будетъ то будетъ, ей къ фатализму не привыкать стать.

Во-вторыхъ... мы ваходимъ первую причину достаточной, а по Лейбвицу, гдѣ есть достаточная причина, тамъ другихъ искать ве надобно.

Александръ Николаевичъ сослужилъ Наполеону службу, а самъ душу отвелъ отъ петербургской скуки. Византийски-дармштатская пабожность дошла до удушующихъ размѣровъ въ Зимнемъ дворцѣ, а тутъ вмѣсто развлечения австрийскіе и турецкіе славяне, съ которыми надобно говорить *по-итъмецки* чтобъ повять ихъ русскія чувства и ихъ бесѣды съ православными постницами ея величества. Какой тамъ благочестивѣйшій самодержецъ ни будь, столько благочестія ве вывесешь. Жить ве возможно.

Напрасно французы сердятся, что государь не привезъ съ собой пренеподобную императрицу, это большое счастье и большой тактъ. Пусть она молится о его здоровіи и сохраненіи отъ всѣхъ козней и недуговъ Франціи — а онъ вемного вздохнетъ на свободѣ. Его дѣло мужское... и точно, времени онъ не пропустилъ ни секунды. Изъ Агриппинной Колови беспокоится, телеграфируетъ, чтобъ Бюдбергъ бѣжалъ въ кассу Varietée и взялъ бы ложу. Швейдершу захотѣлось посмотрѣть въ дюшессѣ Герольдштатской. Что-же тутъ такого? Вещь она не новая, но хорошая, т. е. Mlle Schneider. Ей лѣтъ сорокъ, а что говорилъ его величество король англійскій Георгъ IV, большой знатокъ по этой части, о трехъ f. — вы думаете, — фантазія, физіономія, фигура... итъ, просто fat, fair, forty. И такъ пріѣхавши въ 4½ часа въ Парижъ, мы перемѣнили бѣлье, и въ 8 въ Varietée.

Государю по справедливости хотѣлось по образуподобию покойнаго Александръ Павловича вѣзды въ Парижъ сдѣлать верхомъ. Последнюю станцію онъ кажется ужъ сядѣлъ на конѣ. Но ему объяснили, что этого нельзя, потому что Александръ I взялъ Парижъ войсками, а теперь Парижъ беретъ Александръ II любезностями — сдѣлать Паряжу сдѣлало бы вѣхать на встрѣчу верхомъ, по размѣры не позволяютъ. Дѣлать нечего, свѣшилъ императоръ, а тутъ закрытая карета, да маршъ маршемъ въ Avenue Marigny.

Надобно-же было развлечься, вотъ Mlle Schneider и пригласилась. Изъ театра, пѣшкомъ домой. На другой день на выставку — тутъ русскія лошади свидѣтельствуютъ до какого совершенства ихъ родители довели свое ремесло и русскіе камни говорятъ въ пользу геологическихъ переворотовъ, сдѣлавшихся въ земляхъ находившихся подъ удѣльнымъ управленіемъ и министерствомъ государственныхъ имуществъ. Изъ конюшни государь завелъ Наполеона въ трактиръ закусить*, кушавье все было русское, даже шампанское, говорятъ, нарочно привозили изъ Тверской губерніи.

Вѣдь это для насъ съ вами ничего... а вы взойдите въ положеніе человѣка — отецъ былъ нравный, сына лѣтъ до тридцати держалъ въ ежевыхъ рукахъ, а послѣ утомительная скука величія, жизнь-священнодѣйствіе... за тѣмъ святая жена, Адлербергъ... медвѣдь, медвѣдь... Адлербергъ, завести земскую управу... прогнавъ земскую управу — тутъ и Барановъ не поможетъ. Къ тому-же беспрестанно надобно разить враговъ престолотечества и — у себя въ собственномъ домѣ встрѣчать людей подозрительныхъ по своимъ связямъ съ полиціей, какъ Шуваловъ... а вмѣсто десерта — шептанья монастырокъ ея величества, толкующихъ о Кирилѣ, Меодии и сынѣ ихъ Погодиѣ... что хотите говорите, все-же лучше смотрѣть, какъ пляшетъ вышедшая изъ ребичества Шнейдеръ и какъ поетъ вышедшая изъ голоса Тереза, все же лучше идти съ хорошимъ человѣкомъ въ трактиръ къ Коррещенкѣ... или наконецъ одному въ Jardin Mabile.

Представьте пану — говорятъ, что онъ везетъ на выставку съ Антоцели свое изобрѣтеніе “безгрѣшнаго зачатія” — представьте его проповѣдующаго въ Jardin Mabile l'immaculée conception. Для него зрѣлище Mabil'я показалось бы развертымъ небомъ. Или, если ваше православіе отказывается слѣдить за главою римской церкви, представьте что было бы съ Филаретомъ, еслибы онъ увидѣлъ лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, “канканоплясаніе женъ мабилійскихъ въ вертоградѣ ихъ?”

Не будемъ строги къ строгимъ міра сего!

Кстати къ строгостямъ; поляки по большей части выѣхали изъ Парижа, Чарторижскій en tête, одинъ изъ нихъ даже удался вертикально, поднявшійся въ воздушномъ шарѣ. Это намъ подало прекрасную мысль пачать въ Сибири агитацію, пусть отъ мала до велика, отъ Мулы до Шамана, отъ Вотяка до Остяка, всѣ зовутъ государя осчастливить Сибирь посщеніемъ. Можетъ для его пріѣзда начальство велитъ всѣмъ полякамъ выѣхать оттуда.

* О Коррещенкѣ и Mabile, мы прочли въ Journal de Genève.

II.

A LA PORTE!

Въ мирныя времена, предшествовавшія 1848 году, Николай Павловичъ, любившій обтекать развѣя стравы и дивить своей талей, досинными панталонами и славно вычищенными ботфортами нѣмецъ — былъ онъ однажды въ Вѣнѣ. Тогда еще царствовалъ въ Австріи не вывѣшвій государь, такъ удачно начавшій счастливое правленіе свое тѣмъ, что перевѣшалъ военно-пѣнныхъ генераловъ, славшихся Паскевичу, а глупенькой, большой и юродивый предшественникъ его. Былъ парадъ. Когда куда пріѣзжалъ Николай, менѣе пятидесяти тысячъ человѣкъ не сгонялось. Идетъ полкъ за полкомъ, идетъ наконецъ и Кейзеръ Николая полкъ; австрійскій императоръ дремалъ на огромной сѣрой лошади, отвѣсивши еще больше свою габсбургскую губу — вдругъ шумъ — увидѣвши свой полкъ, Николай, съ свойственной ему храбростью, сталъ передъ нимъ, принялъ рапортъ, провелъ молодцемъ солдатиковъ и повесся во весь карьеръ доложить императору, что все обстоитъ благополучно. Въ Австріи все дѣлается тихо и во весь карьеръ ѣздить шагомъ. Дремавшій Фердинандъ открылъ глаза и обомлѣлъ, на него лѣтитъ Николай “съ видомъ сумрачнымъ и строгимъ”, съ обнаженной саблей — ближе, ближе. Фердинандъ повернулъ свою лошадь, въ первый разъ далъ ей шпоры, да тягу. Николай блѣдный съ досады за нимъ — тотъ отъ него вдоль по вѣнскимъ улицамъ. “Bruder” кричитъ ему, “не бось treue Schwesterliebe widmet dir mein Herz.” Наконецъ гдѣ то перехватили Фердинанда — во на парадъ онъ не поѣхалъ, а воротился во дворецъ и легъ въ постель.

О Азаисъ, о Азаисъ съ твоими “компенсаціями”! Кому могло придти въ голову, что черезъ двадцать пять лѣтъ, сынъ покойнаго Николай Павловича, сыграетъ такую-же сцену, на болѣе мирномъ поприщѣ, и именно въ Palais de Justice, во дворцѣ возмездій. Государь пріѣхалъ въ судъ не по дѣлу, а взглянуть все-ли въ порядкѣ. Какіе-то адвокаты прокричали Vive la Pologne! Сдѣлали они это скорѣе какъ комплиментъ, зная, что во всѣхъ манифестахъ и развѣхъ указахъ — государь говоритъ о своей любви къ Польшѣ и о своихъ истинно-родительскихъ попеченіяхъ объ ней. Крикъ этотъ не понравился сторожамъ-блюстителямъ благочинія, и они закричали: à la porte! на друзей Польши. Государь воображая, что à la porte! кричатъ на него и вспомнивъ вѣроятно, что и онъ другъ Польши, — повернулъ оглобли и назадъ — со всей свитой... Разные старики, парики, каратели заблужденій человѣческихъ, Шестестанжи, Тролонги — ждутъ, ждутъ, а ужъ государь катитъ въ другое мѣсто, гдѣ также будутъ кричать: Vive la Pologne! Онъ можетъ впрочемъ доѣхать отъ Портъ-Сентъ-Мартенъ, до Отоманской порты — этотъ анекдотъ его сдѣлаетъ незабвеннымъ въ Парижѣ.

Отдѣлался бы онъ поскорѣй отъ Польши, да и гулялъ бы себѣ спокойно по выставкамъ. Только не такими шутками, какъ вержболовская таможенная амнистія. Впрочемъ, когда-же было обдумать что нибудь дѣльное, пока чемоданы осматриваютъ. Злые языки говорятъ, что это не амнистія — а виза паспорта въ Парижъ. Такъ ее французы и поняли.

II—ръ.

P. S. Журналы отъ 12го рассказываютъ, что по дорогѣ изъ Версаля опять кричали при проѣздѣ Александра II съ Наполеономъ “Да здравствуетъ Польша!” — Наполеонъ сказалъ “Они несправимы” — государь отвѣчалъ “лучшее доказательство что ихъ падо оставить”. И потомъ попросилъ (что ему дѣлаетъ величайшую честь), чтобъ выпустили арестованныхъ за этотъ крикъ. Въ Россіи и Сибири, тылячи поляковъ, даже не кричавшихъ — а только думавшихъ “Да здравствуетъ Польша!” Мы полагаемъ, что и ихъ всѣхъ освободятъ, мнѣніе государя не можетъ мѣниться съ градусами широты и долготы.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Обращаемъ особенное вниманіе нашихъ читателей на то, что Вольная Русская Типографія въ Женевѣ принимаетъ сверхъ заказовъ для печатанія на русскомъ, и на польскомъ, сербскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ. Типографія снабжена новыми шрифтами и можетъ ручаться не только за точное и красивое выполненіе, но и за сравнительную дешевизну заказовъ.

Подробный тарифъ цѣнамъ печати на разныхъ языкахъ, въ разныхъ форматахъ и на разной бумагѣ—желающіе могутъ найдти въ Типографіи. L. Czerniecki, 40, Pré-l'Évêque, Genève.

Въ Женевѣ Н. Georg, 10, Corraterie и въ Русской Типографіи, 40, Pré-l'Évêque.

Въ Лондонѣ N. Trübner & Co., 60, Paternoster Row.

Въ Парижѣ А. Franck, 67, rue de Richelieu.

„ Lemoine, libraire, 26, Place Vendôme.

Въ Пизцѣ Visconti, libraire.

Въ Берлинѣ Behr'sche Buchhandlung, 27, Unter den Linden.

„ F. Schneider et Ce, 19, Unter den Linden.

„ Adolf et Ce, 59, Unter den Linden.

Въ Дрезденѣ L. Wolf's Buchhandlung.

Въ Франкфуртѣ С. Jügel's Buchhandlung.

Въ Гейделбергѣ Bangel et Schmitt Buchhandlung.

Въ Константинополѣ S. H. Weiss, libraire, 323, Grand' rue de Pera.

Въ Венеціи Н. F. et M. Münster, Libreria Piazza St. Marco.

Въ Флоренціи Librairie Viensseux.

Въ Бернѣ (Suisse) J. Dalp, libraire.

Въ Цюрихѣ (Suisse) Schabelitz'sche Buchhandlung.

Въ Вевеѣ (Suisse) B. Benda, Ancienne librairie R. Lesser.

ПРОДАЮТСЯ :

КОЛОКОЛЪ, Лондонское изданіе, отъ 1го до 196го листа, въ переплетѣ, цѣна 75 франковъ.

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА, Кн. I, II, III, IV, V, VI и VII.

БЫЛОЕ и ДУМЫ, ИСКАНДЕРА, Томъ I, II, III и IV. (1ая часть IV Тома 6фр. 2ая—3фр. Обѣ вмѣстѣ 8фр.).

ПИСЬМА ИЗЪ ФРАНЦІИ и ИТАЛІИ, ИСКАНДЕРА (1847—1852), съ портретомъ автора.

ПРЕРВАННЫЕ РАЗСКАЗЫ, ИСКАНДЕРА.

СЪ ТОГО БЕРЕГА, ИСКАНДЕРА.

СТАРЫЙ МІРЬ и РОССИЯ (Письма А. Герцена къ В. Лянгову, переводъ съ французскаго)

РУССКІЙ НАРОДЪ и СОЦІАЛИЗМЪ, Письмо Искандера къ П. Мишле, (переводъ съ французскаго).

КТО ВИНОВАТЪ? Романъ въ двухъ частяхъ, Искандера (Лондонское изданіе съ дополненіями).

ЗА ПЯТЬ ЛѢТЪ, (1855—1860) Соціальныя и политическія статьи Искандера и П. Огарева, Часть I и II.

СТНХОТВОРЕНІЯ, П. Огарева, съ портретомъ автора.

14 ДЕКАБРЯ 1825 и Императоръ Николай. Издано Редакціей “Полярной Звѣзды”, по поводу книги барона Корфа.

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ, кн. II.

ЗАПИСКИ КНЯГИНИ Е. Р. ДАШКОВОЙ, (переводъ съ англійскаго).

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II, (переводъ съ французскаго).

РУССКАЯ ПОТАЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX СТОЛѢТІЯ.

ЗАПИСКИ И. В. ЛОПУХИНА, составленныя имъ самимъ.

ГОЛОСА ИЗЪ РОССИИ, Кн. I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII и IX.

ДЕСЯТИЛѢТІЕ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФІИ въ Лондонѣ.

ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТОВЪ, Выпускъ I, Записки П. Д. Якушкина; выи. II, Записки князя Трубецкаго.

КНЯЗЬ М. ЩЕРБАТОВЪ и А. РАДИЩЕВЪ, съ предисловіемъ Искандера.

СБОРНИКЪ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ СВѢДЕНІЙ О РАСКОЛЬНИКАХЪ, Выпускъ I, II, III и IV.

СОБРАНИЕ ПОСТАНОВЛЕНІЙ ПО ЧАСТИ РАСКОЛА. Томъ I, Выпускъ I и II.

ВЪРОИСПОВѢДАНІЕ ДУХОВНЫХЪ ХРИСТІАНЪ, обыкновенно называемыхъ МОЛОКАНАМИ.

ЕЩЕ РАЗЪ, Сборникъ статей Искандера 1865.

ЗАПИСКИ РУФИНА ПИОТРОВСКАГО (1843—1846).

ЗАПИСКИ ДЕНИСА ВАСИЛЬЕВИЧА ДАВЫДОВА.

ЗАПИСКИ АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА ЕРМОЛОВА.

ЗАПИСКИ Кн. П. В. ДОЛГОРУКОВА на французскомъ языкѣ : MÉMOIRES DU PRINCE PIERRE DOUGOROUKOW, Tome Premier in 8-vo de 500 pages; prix : 8 francs.

КОЛОКОЛЪ

(LA CLOCHE)

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 244 & 245.

1 Юля 1867.

Выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ въ Женевѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré-l'Evêque и въ главныхъ депо — у Г. Георга, 10, Corratierie, Genève; у Н. Трювнера, 60, Paternoster Row, Londres. Цѣна за двойной л. 1 фр. безъ пересылки. Прилагаемъ почтовой тарифъ :

Въ Германію	15с.
— Австрію	15с.
— Англію	15с.
— Бельгію	5с.
— Францію	5с.
— Италію	3с.
— Грецію (черезъ Марсель)	5с.
— Турцію и Дунайскія княжества (черезъ Марсель)	10с.
— Швецію	25с.
— Швейцарію	5с.

Parait a Genève une fois chaque mois. Le dépôt principal est chez H. GEORG, à Genève, Corratierie, No. 10. A Londres, chez N. TRÜBNER et Co., 60, Paternoster Row. No. Double 1 franc, le port de la poste non compris.

Tarif postal :

Allemagne	15с.
L'Autriche	15с.
Angleterre	15с.
Belgique	5с.
France	5с.
Italie	3с.
Grèce (voie de Marseille)	5с.
Turquie et Princ. Danubiennes (voie de Marseille)	10с.
Suède	25с.
Suisse	5с.

ОГЛАВЛЕНІЕ : Первое десятилѣтіе—До свиданья—Изъ письма къ М. Бакунину—Настоящее и ожиданія—Березовскій—Международный конгрессъ въ Женевѣ. Смѣсь : Котамъ игра мышамъ слезы—Послѣдній опытъ затруднить чтение—Венгерская амнистія—Цепзурный бредъ—Неудавшійся дѣтскій праздникъ—Треповъ. Литературное прибавленіе : Апогей и перигей, изъ VI части “Былаго и Думы”.—Оглавленіе “Колокола” за 1867 годъ.—Объявленія.

1857—1867

Перваго Юля 1857 вышелъ первый “Колоколъ” въ Лондонѣ. Сегодняшнимъ листомъ заключается наше десятилѣтіе.

Десять лѣтъ! Мы ихъ выдержали и главное выдержали пять послѣднихъ, они были тяжелы.

Теперь мы хотимъ перевести духъ, отерѣть потъ, собрать свѣжія силы и для этого пріостановиться на полгода. Слѣдующій листъ “Колокола” выйдетъ 1 Января 1868, имъ мы начнемъ второе десятилѣтіе.

Мы хотимъ еще разъ спокойно, безъ развлеченій срочной работой, взглянуть въ то, что дѣлается дома, куда волна идетъ, куда вѣтеръ тянетъ, мы хотимъ провѣрить въ чемъ мы были правы и гдѣ ошибались.

Мы слишкомъ часто оглядывались, особенно въ послѣднее время, чтобъ нужно было снова повторять нашъ символъ вѣры и основы того взгляда, который мы проводили въ “Колоколѣ”, они были неизмѣнны, по крайней мѣрѣ официальные враги наши въ этомъ не сомнѣвались. “Колоколъ” былъ и будетъ, прежде всего, органомъ русскаго социализма и его развитія, социализма аграрнаго и артельного, сельскаго и городскаго, государственнаго и областнаго.

Соціальному развитію Россіи, для насъ подчинено все, формы и лица, колебанія и ошибки—но такъ какъ оно невозможно безъ свободнаго слова и свободнаго схода, безъ общаго обсуживанія и совѣта, то мы звали и будемъ звать всѣми силами собраніе Земскаго Собора. Въ немъ мы видимъ не больше какъ ворота, но ворота отворенныя, и это очень важно—до сихъ поръ русское развитіе пробирается тайкомъ черезъ заборъ, пока сторожа не смотрятъ или спятъ...

Все остальное грязь и пыль на дорогѣ, бревна и камни подъ колесами; все остальное можно бы оставить въ тѣни, на собственное разложеніе, еслибъ отъ этихъ бревенъ и камней не гибли лучшія личности, еслибъ въ этой топи не тонули неустрашимые сѣятели “заутра”, вышедшіе на работу. А по этому рядомъ съ “общей частію” снова пойдетъ отдѣлъ обличеній.

Пауза наша имѣетъ для насъ еще то значеніе, что она насъ поставитъ въ возможность вымѣрять на сколько великъ или слабъ, живъ или мертвъ интересъ къ изданію “Колокола”, и на сколько замѣтятъ его временное отсутствіе..... Впрочемъ къ концу года мы намѣрены еще разъ напомнить о себѣ и издать, если удастся—рядъ новыхъ статей разнаго содержанія въ особой книжкѣ подъ заглавіемъ “Сборникъ Колокола”. При немъ будетъ и программа нашего журнала на 1868.

Можетъ къ нашему возвращенію на сцену или во время нашего домоваго отпуска попробуютъ свои силы—новые, больше юные и свѣжіе борцы. Пора молодымъ талантамъ сломить свою печать молчанія. Условія, сдѣланныя въ Россіи безцензурному книгопечатанію безобразны, лучшіе журналы пришиблены, лучшія газеты подъ непрерывнымъ ударомъ предостереженій и остановокъ. Отъ чего - же такъ мало печатаютъ за границей? Наша типографія и нѣсколько другихъ предлагаютъ легкую возможность. Мы съ радостью будемъ привѣтствовать всякій русскій органъ. Намъ тѣсно не будетъ, свѣтъ не клиномъ сошелся.

А. Герценъ, Н. Огаревъ.

P. S. Еслибъ какія нибудь достаточныя причины, событія, сообщенія, поправки, заставили насъ прервать наше молчаніе, мы издадимъ прибавочный листъ—никакъ не позже 1 Августа.—Изд.

ДО СВИДАНЬЯ!

Смолкает Колокол на время,
Пока въ Россіи старый слухъ
Къ свободной правдѣ снова глухъ,
Пока помѣщичіе племя
Царю испуганному въ ладъ
Стремится все вести назадъ,
И вновь касается окова
До человѣческаго слова.
Но вспять бѣгущая волна
Не сгубитъ дерзостнымъ наплывомъ
Разъ насажденные по нивамъ
Свободы юной сѣмена.

* * *

Смолкает Колокол на время,
Но быстро тягостное бремя
Промчится какъ ненужный сонъ,
И снова нашъ раздастся звонъ,
И снова съ родины далёкой
Привѣтъ услышится широкой,
И можетъ въ нашъ послѣдній часъ
Еще свѣтло дойдетъ до насъ—
Какъ Русь торжественно и стройно,
И непорывисто смѣла,
Съ сознаньемъ доблести спокойной
Звонитъ во всѣ колокола.

Н. Огаревъ.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ М. БАКУНИНУ.

... Не страшное ли дѣло, что на всѣхъ славянскихъ сходкахъ и пирахъ, на всѣхъ поминкахъ и торжествахъ *одно имя* забыто — имя того русскаго, который двадцать лѣтъ тому назадъ громогласно и всенародно, въ Прагѣ, съ тѣми же Палацкими и Ригерами, проповѣдывалъ братскіи союзъ Славянъ, чуть не сложилъ свою голову подъ нѣмецкимъ топоромъ и пошелъ въ цѣпяхъ на “вѣчную” тюрьму изъ Грачина въ Петербургъ?... Человѣкъ этотъ, вырвавшись черезъ годы и годы изъ тюремъ и оковъ, снова принялся съ тою-же вѣрой и любовью за свою общеславянскую проповѣдь, и только *его* то имя не было произнесено? Твое, опальное имя, Бакунинъ, отсутствуетъ на первомъ общеславянскомъ сборѣ.

Я знаю, что ты всего меньше заботишься объ этомъ, тѣмъ больше, что торжество это идетъ не твоими путями, но это не мѣшаетъ твоимъ друзьямъ не только заботиться объ этомъ, но и говорить... Тебѣ вмѣнили тогда въ преступленіе не только въ Вѣнѣ, но и въ Петербургѣ, то, что восхваляютъ теперь въ твоихъ товарищахъ 1848 года. Какъ будто вы стояли не на одномъ и томъ-же полѣ, какъ будто пушки Виндштресса не такъ-же были направлены на тебя, какъ на нихъ?

Заброшенный бурями, куда то за Прочиду, ты мнѣ напоминаешь сочинителя драмъ, сидящаго въ убогомъ углу своемъ — въ то время какъ гдѣ-нибудь на помостѣ, освѣщенномъ яркими огнями, въ золотѣ и бархатѣ актеры говорятъ *его слова*, и тысячи рукоплещутъ имъ, не думая вовсе объ авторѣ.

Такова судьба “раннихъ сѣятелей”, минутами это больно, досадно... а въ сущности пусть выстраданное ими легко достается другимъ! Развѣ они не были съ лихвой награждены и внутреннимъ сознаніемъ и утренней зарей новаго дня, которую они первые видѣли. Никто не говорилъ, что тѣ, кто сѣяли, тѣ будутъ жать... Вотъ было бы горе, еслибъ сѣяшіе не дождались всходовъ... а они-то и колышутся и волнуются, перемѣшанные съ лебедой, передъ нашими глазами.

Остальное не важно.

Къ тому-же, ты знаешь, что на десятъ путешественниковъ бывшихъ въ Palazzo Ducale въ Венеціи, девять помнятъ одинъ портретъ изъ всего ряда Дожей—это портретъ Мартино Фальеро, *потому что его имя*, и вмѣсто его бросается въ глаза пустая рама, въ которой написанъ *приговоръ*. Тебя *хотѣли забыть*, а хотѣтъ забыть и помнитъ это одно и тоже.

Кстати къ памяти... помнишь наши долгіе разговоры передъ февральской революціей, въ которыхъ я, какъ прозекторъ, указывалъ ростъ смерти западнаго “старика”, а ты съ надеждой и упованьемъ ростъ едва обличившейся жизни славянскаго недоросля. Я и въ него не очень вѣрилъ, *а вѣрилъ въ одну Россію и ея социальные зачатки*. Мы спорили, надъ нами смѣялись. Въ нашемъ спорѣ были общія стороны, онѣ-то стали теперь общими мѣстами полуофициальныхъ сходокъ и полуофициальныхъ газетъ въ Россіи.

Я не могу удержаться отъ улыбки читая наши стародавніи мысли, разбавленныя водой изъ Фонтанки и изъ Патріаршихъ прудовъ, повторяемыя на тысячи ладовъ на московскихъ пирахъ, на петербургскихъ обѣдахъ, на сходкахъ и конференціяхъ, въ передовыхъ статьяхъ журналовъ и въ рѣчахъ злѣвшихъ враговъ нашихъ. Иногда, какъ Тарасъ Бульба, я ихъ не тотчасъ узнаю, всѣ онѣ прошли богословіемъ и одѣлись въ стихари, натерлись поснымъ масломъ и пропахли ладаномъ; самые свѣтскіи изъ нихъ въ мундирныхъ фракахъ разныхъ вѣдомствъ. Согласись, Бакунинъ, что по мнѣ великой ироніи, есть глубокое наслажденіе въ этомъ карнавальномъ зрѣлищѣ чиновничьяго обсуживанія вопросовъ о Западѣ и Востокѣ и православно-революціонной пропаганды, имѣющей цѣлью поднять Славянъ съ хоругвью Кирила и Меодія... Вотъ какую кору пробило семя... и нечего сердиться, что на росткахъ осталась грязь. Природа и исторія не отличаются особенной чистотностью, онѣ словно любятъ грязными руками дѣлать чистую работу... а дѣло-то просто въ томъ, что чистыхъ силъ слишкомъ мало подъ руками... онѣ и хватаются за все, не разбирая, лишь бы вышло на свѣтъ *то что на свѣтъ просится*. Старый Гегельстъ, ты не забылъ о его нѣмецкой *Wedenkllichkeit* на счетъ безцеремоннаго соединенія очень противоположныхъ жизненныхъ отправленій въ одномъ и томъ-же органѣ.

Не мытьемъ, такъ катаньемъ, лишь-бы дѣло шло.

А дѣло идетъ.

Чтои доказать надлежало.

НАСТОЯЩЕЕ И ОЖИДАНИЯ.

II.

Въ предыдущей главѣ мы старались указать, что въ тоже время, какъ русское крестьянство, съ поконъ вѣка опиравшееся на свое поземельное владѣніе, приходитъ къ началу своего общественнаго освобожденія,—въ тоже время соединенные штаты освобождаютъ невольниковъ и вводятъ въ русло общественнаго пониманія мысль о необходимости первоначальнаго поземельнаго надѣла для работниковъ*, въ тоже время Россія и Штаты вступаютъ въ союзъ и необходимо должны имѣть другъ на друга вліяніе.

Но теперь мы перейдемъ къ другому вопросу: какимъ образомъ изъ настоящаго положенія русской народъ можетъ перейти, развивая свое социальное начало, къ дѣйствительной гражданской свободѣ и самоуправленію? Что вопросъ этотъ связанъ съ вопросомъ областнаго, федеративнаго устройства, это въ глаза бросается, потому что никакая иная общаго организационная не можетъ соответствовать его разрѣшенію. Но чтобы воплотить постановить *ожиданія*, необходимо прослѣдить именно *настоящее* положеніе — равно нашихъ губернскихъ земскихъ учреждений, какъ и нашихъ деревенскихъ, общинныхъ учреждений и ихъ отношеній, ихъ не праздничныхъ, не официальныхъ, а дѣйствительныхъ отношеній къ правительству.

Какъ-бы плохо, т. е. какъ-бы недостаточно ни было, но съ 1861 года узлы начинаятъ распутываться. Крѣпостное право было главнымъ узломъ, привязывавшимъ народъ къ правительству. Посредствомъ него царизмъ все держалъ на возжахъ. Мелкій чиновникъ ставилъ себѣ идеаломъ получить въ награду землю и крѣпостныхъ людей и переходилъ въ помѣщика, помѣщикъ, уже владѣвшій крѣпостными людьми, ставилъ себѣ идеаломъ играть роль въ правительствѣ и переходилъ въ чиновника. Такимъ образомъ каста помѣщичества и каста чиновничества сливались, были одно; аристократія собственно не было, но была каста, которая служила правительству орудіемъ заправленія народомъ. Николай Павловичъ это очень хорошо чувствовалъ, когда окончательно завязать узелъ возжей учрежденіемъ министерства государственныхъ имуществъ, чиновники котораго стали помѣщиками надъ крестьянами бывшими внѣ крѣпостнаго права и крѣпостное право сдѣлалось повсемѣстнымъ. Уже изъ этого хода дѣла чувствуется, что какъ скоро началъ распутываться узелъ крѣпостнаго права, такъ и всѣ остальные узлы правительственныхъ возжей стапуть другъ за другомъ развязываться, и что-бы правительство ни дѣлало для удержанія — сила вещей такъ велика, что всякое дѣйствіе послужитъ къ распутыванію узловъ до исчезновенія возжей. Тѣмъ не менѣе мы должны здѣсь повторить, что изъ этого разсказа о закрѣпленіи

* Не могу здѣсь не замѣтить еще по ходу дѣла освобожденія невольниковъ въ Соединенныхъ штатахъ—образованіе комитета освобожденія (Freedmen's Bureau) 3 Марта 1865 г. признаннаго конгрессомъ и утвержденнаго президентомъ. Комитетъ имѣлъ въ своемъ завѣдываніи все что касалось до эмигрантовъ, вольноотпущенныхъ и земель конфискованныхъ и оставленныхъ. Онъ въ особенности имѣлъ порученіе утверждать за вольноотпущенными изъ чужихъ и за бѣдными изъ бѣлыхъ по 40 десятинъ (acres) земли на душу, на три года, съ правомъ приобретать оную куплею по прошествіи этого времени. Генералъ Говардъ, которому была поручена надзоръ за этимъ дѣломъ, употреилъ все стараніе чтобы образовать вольныя частныя общества для его споспѣшествованія. Дѣятельность этихъ обществъ развилась въ огромныхъ размѣрахъ. (La question des Nègres et la reconstruction du Sud aux Etats unis par Serments).

и раскрѣпленіи, все-же выводъ тотъ, что правительство и централизація составляли и составляютъ главное зло въ жизни русскаго народа. (Припомнимъ кстати, что и самое крѣпостничество началось царскими данными, закрѣпленіемъ ради заправленія, созданіемъ орудій заправленія)

А какъ-же, скажутъ намъ иныя, вѣдь правительство начало освобожденіе крестьянъ, а не помѣщики? — Да мы никогда и не вступались за помѣщиковъ, милостивые государи; мы только не вступаемся и за правительство. Мы знаемъ, что часто говорится, особенно при случаяхъ сильно возбуждающихъ негодованіе, что общество хуже правительства; также говорится, что правительство всегда достойно своего общества. Мы находимъ, что оба хуже и что нельзя оставлять орудія зла, не разрушая орудующей силы, или оставлять орудующую силу не разрушая орудій. Что-же касается до благотельнаго вліянія правительства на освобожденіе крестьянъ, то мы находимъ, что возжи закрѣпленія были такъ натянуты, что уже дальше нельзя было жить—и мы за начало освобожденія благодарны опять таки силѣ обстоятельствъ.

Первое, что почувствовалось по уничтоженіи крѣпостнаго права, это была качественная недостаточность правительственнаго чиновничества для завѣдыванія дѣлами при *измѣнившихся отношеніяхъ между людьми*, почувствовалась необходимость выборнаго управления, т. е. самоуправления и не канцелярскаго, не коллегіальнаго устройства судовъ. Вслѣдствіе этого явились мировыя посредничества, мировыя суды, суды присяжныхъ, земскія учрежденія. На эти учрежденія потребовались и *общественныя расходы*.

Но при этой реформѣ, или при этомъ началѣ реформы, правительство сохранило и большую часть своей администраціи, и слѣдственно сохранило большую часть прежнихъ расходовъ на чиновничество. Это, кромѣ всего остальнаго, уже доказывается постояннымъ возвышеніемъ *казенныхъ* податей. Вѣроятно, нѣтъ не стапеть сомнѣваться, что казенныя подати — тѣже общественныя, или правильнѣе сказать *народныя* подати, которые всей своей тяжестью падаютъ на крестьянство и бѣдное сословіе городовъ. Къ прежнимъ народнымъ казеннымъ податямъ, идущимъ на казенное управленіе, прибавились народныя общественныя подати, идущія на *самоуправленіе*. Казалось-бы, по мѣрѣ возникновенія послѣднихъ должны уменьшаться первыя,—ни чуть не бывало! Казенныя подати, не смотря на предполагаемое уменьшеніе казеннаго чиновничества, и не смотря на непріращеніе народонаселенія и на неувеличеніе промышленности, не перестаютъ ежегодно повышаться. Даже освобожденіе казенныхъ крестьянъ отъ казны (при чемъ должно было-бы сократиться до послѣдняго предѣла чиновничество министерства государственныхъ имуществъ), даже и это освобожденіе не помогло, и подати съ казенныхъ крестьянъ увеличились (см. *Колоколъ* 1 Февраля 1867 г. № 233 и 234). Но все-же мы не можемъ не замѣтить, что не смотря на всѣ эти поборы — крестьянству жить стало легче. Для доказательства этой истины слѣдуетъ только обратить вниманіе на жалобы помѣщиковъ о недостаткѣ рабочихъ рукъ. Стало крестьянскій трудъ *теперь* удовлетворять крестьянскимъ нуждамъ. Помѣщики могли-бы жить или на счетъ крѣпостнаго права, или, какъ въ Европѣ, на счетъ бездомниковъ; въ Россіи приблизительно нѣтъ ни того, ни другаго—и помѣщикамъ пора исчезнуть. Но тутъ, говорятъ, земледѣліе страдаетъ,

торговля страдает. Торговля страдает отъ недостатка сбыта, отъ недостатка спроса, вслѣдъ за этимъ страдаетъ и земледѣіе. Да это еще не одна причина экономическихъ страданій. Въ *ожиданіи* ихъ устраненія, кромѣ большаго развитія путей сообщенія, остается еще желать дѣйствительныхъ, экономическихъ крестьянскихъ ассоціацій, развитія общиннаго труда — и въ основаніи всего : *учрежденія и развитія народнаго кредита*. А толковать о громадномъ помѣщичьемъ земледѣіи — пожалуй можно кому угодно — но отъ этаго капиталовъ у помѣщиковъ не прибудетъ, кредита не прибудетъ и роль ихъ все-же покончена. Если что нибудь еще не покончено, это народная ненависть къ нимъ, которая перевертывается въ другое зло — въ ненужную любовь къ царю. Это зло естественно должно разрушаться по мѣрѣ исчезновенія помѣщиковъ. Это необходимо совершится съ переходомъ частныхъ земель въ общественныя, на основаніи общинныхъ пріобрѣтеній и общиннаго труда. И еще разъ повторю : ожиданіе, которое здѣсь на *первомъ* мѣстѣ — это учрежденіе народнаго кредита.

Что-же касается до учрежденія мировыхъ и гласныхъ судовъ, то новая юридическая почва расчищена, и ее уже никакимъ канцелярскимъ щепнемъ не завалишь. Но еще замѣтно сильное стѣсненіе выборнаго начала въ сословнической рамкѣ. Тѣмъ не менѣе народный смыслъ, народныя направленія уже высказываются и теперь — въ постоянныхъ стремленіяхъ къ оправданію подсудимаго; мы не думаемъ, чтобы этотъ смыслъ и направленія не имѣли своей великой будущности. Но все-же окончательное устройство судовъ должно быть дѣломъ Земскаго Собора, а не царизма, не центральнаго правительства. Правительство, въ своемъ преобразованіи судовъ, поступаетъ точно также какъ въ преобразованіи управленія изъ казеннаго въ общественное, въ преобразованіи податей изъ казенныхъ въ общественныя. Метода у него вездѣ одна. При преобразованіи управленія и податей, оно сохранило свое чиновничество и повысило казенные сборы; при преобразованіи суда въ гласный, оно сохранило свой судъ секретный, усилило военные суды и смертные казни, и въ такъ пазываемыхъ политическихъ преступленіяхъ продолжаетъ руководствоваться административными рѣшеніями и доходить до варварства, до котораго (послѣ пяти висѣлицъ) не доходилъ Николай Павловичъ. При бѣльшемъ развитіи суда, при бѣльшемъ проникновеніи его въ смыслъ народный, судъ и правительство должны стать въ непріязвенныя отношенія, потому что правительство станетъ вмѣшиваться и мѣшать основаніямъ преобразованія, хотя и признаетъ его за свое. Суды-же честно не будутъ въ состояніи ни отступить, ни уступить, и народъ не уступитъ правительству новаго суда, также какъ не можетъ уступить начала и роста своего освобожденія.

Правительство уже попробовало свое вмѣшательство въ новыя земскія учрежденія — закрытіемъ петербургскаго земскаго собранія. Что оно опять будетъ открыто — это не подвержено сомнѣнію; продолжая его закрытіе, правительство само не будетъ знать что дѣлать. Положимъ — оно само начало преобразованіе, тѣмъ труднѣе вернуться вспять. Но сверхъ того закрытіе произошло подъ предлогомъ будто бы земское собраніе переступило законныя права и предѣлы. Это доказать очень трудно — всѣ общественные вопросы такъ тѣсно между собою связаны, что законныхъ предѣловъ нельзя обозначить.

Земскому собранію нужно будетъ понизить, повысить или опредѣлить какой-нибудь налогъ : вопросъ коснется всего государственнаго склада, и это неустранимо, и предписанный предѣлъ не можетъ сохраниться. Одно заключеніе, которое можно вывести изъ закрытія петербургскаго земскаго собранія — то, что вообще земскія учрежденія еще не достигли надлежащей самостоятельности. Но разъ распространеныя на всю Россію, рушить ихъ правительство не въ состояніи, а ихъ стремленіе достигнуть до надлежащей самостоятельности становится естественнымъ и неодолимымъ. Нельзя-же будетъ правительству закрыть всѣ земскія собранія, не закрывши самаго себя со всѣми своими преобразованиями и не перешедши отъ земскихъ учрежденій къ Земскому Собору. Тутъ приходитъ другое заключеніе, что настоящая несамостоятельность земскихъ учрежденій заключается въ томъ-же, въ чемъ заключается несамостоятельность другихъ преобразованій — равно судебныхъ и самаго освобожденія крестьянъ; сверхъ стѣснительной рамки сословничества, она заключается въ томъ, что земскія учрежденія представляютъ только *начало* преобразованія, а не дѣйствительное преобразование. Во всемъ что до сихъ поръ преобразовывалось — старое сдвинуто съ мѣста, а новое еще далеко не сложилось и не высказалось; но разъ *начало* вошло въ жизнь, оно необходимо пойдетъ къ своимъ результатамъ а результаты будутъ тѣ, что захочетъ правительство закрыть земскія учрежденія — оно придетъ къ Земскому Собору; не захочетъ оно закрыть ихъ — сами земскія учрежденія дойдутъ до Земскаго Собора. Между тѣмъ они разработаютъ необходимый вопросъ объ элементахъ, изъ которыхъ можетъ сложиться областная Русь — и Земскій Соборъ явится съ яснымъ федеративнымъ распределеніемъ.

Переходя къ отношеніямъ низшихъ сословій къ высшимъ и къ земскимъ учрежденіямъ, мы не можемъ не повторить, что отношенія низшихъ сословій къ земскимъ учрежденіямъ далеко не сложились, а ихъ отношенія къ высшимъ сословіямъ далеко не пришли къ той формѣ свободныхъ отношеній, которая одна человѣчески возможна и которая одна способна дать развитие и промышленности и свободному гражданскому устройству, т. е. къ формѣ совершенной равноправности.

Выборное начало земскихъ учрежденій приняло народный элементъ не за основаніе, а скорѣе за какую-то случайность, которой имѣть бы не хотѣлось, а не допустить невозможно. Отсюда избираемые, не только какъ большинство, а почти цѣликомъ относятся къ группѣ высшихъ сословій. Намъ скажутъ — это потому, что люди изъ народа еще не могутъ ни разсуждать, ни говорить. Мы считаемъ это за одну изъ величайшихъ несправедливостей. Дѣло собственно не въ парламентскомъ краснорѣчїи и не въ карамзинской фразѣ, дѣло въ томъ, чтобы народъ могъ самъ отстаивать свои интересы; а на это люди изъ народа всего способнѣе и безъ сомнѣнія найдутъ свой языкъ, котораго логика не останется безуспѣшною, и ихъ равноправное допущеніе какъ избирателей и какъ избираемыхъ — было бы теперь самымъ огромнымъ шагомъ русскаго народнаго развитія. Но при настоящей стѣсненности выборнаго начала — движеніе народнаго ума задержано, защита народныхъ интересовъ болѣе чѣмъ сомнительна. А если мы при этомъ взглянемъ на самую внутреннюю организацію сель, волостей и городовъ, то мы увидимъ, что ихъ выборное управленіе, хотя и выборное, но еще такъ зависитъ — съ одной стороны отъ чиновничества,

съ другой стороны отъ помѣщичества, что оно въ сущности несостоятельно. Отсюда мы находимъ, что чиновничество (или губернаторства съ правительствомъ во главѣ) имѣеть цѣлью только сохраненіе власти, хотя бы она приносила дѣйствительный вредъ; а помѣщичество, кромѣ немногихъ исключеній, думаетъ о томъ какъ бы воскресить, въ иной формѣ, старое крѣпостное право, положимъ въ формѣ мировыхъ и земскихъ учреждений.* Изъ всего этого очевидно, что народъ живетъ рожью, а до надлежащаго развитія не доходитъ хотя и потому что добро, которое ему будто бы хочетъ дѣлать правительство и высшія сословія—полно ложью.

Тутъ нельзя не упомянуть объ ужасномъ положеніи на родныхъ школъ. Можетъ быть было не много зрѣлаго въ начинаніяхъ молодого поколѣнія, когда оно заводило свои воскресныя школы; но въ этихъ начинаніяхъ было искреннее желаніе народнои пользы и ихъ развитіе принесло бы дѣйствительную пользу. Теперь все стремленіе отдать народныя школы подъ помѣщичій надзоръ и подъ руководство поповскаго доктринаризма. Этому стремленію сочувствуетъ правительство. Осуществленіе его съ одной стороны принесетъ вредъ, отдавая народное образованіе подъ самое узкое и бесплодное вліяніе. Съ другой стороны оно поможетъ разомъ повсемѣстному учрежденію школъ и слѣдственно образованію массы грамотныхъ людей въ непродолжительное время. На этомъ основаніи новому и повѣйшему поколѣнію предстоитъ какъ можно прилежнѣе заняться изданіемъ книгъ полезныхъ для народнаго чтенія — равно по спеціальнымъ земледѣльческимъ и ремесленнымъ вопросамъ и по общимъ вопросамъ общественныхъ учреждений.

Кстати-же къ вопросу о школахъ, мы съ наибольшей скорбью смотримъ на это молодое поколѣніе нашихъ разночинцевъ, которое востепенулось было при мысли объ освобожденіи крестьянъ, и которое правительство и высшія сословія съ остервененіемъ постарались забить всяческими средствами — политическими безудными преслѣдованіями, налогами на университетское ученіе, леонтьево-катковскими классическими гимназіями (гдѣ главную и удушающую умственную способность роль — играетъ латынь), наконецъ — поощреніемъ къ чиновническимъ карьерамъ, что тѣмъ болѣе легко, что это сословіе собственно не имѣеть доступа къ земскимъ учреждениямъ, доступа, который разомъ и поставилъ-бы его на болѣе реальную почву и вызвалъ-бы болѣе опредѣленнаго труда и больше гражданскаго и политическаго смысла. На этотъ отдѣлъ русской жизни, мы дѣйствительно не можемъ смотрѣть безъ глубокой скорби — столько свѣжихъ силъ тутъ забиты властями и централизаціей и приведены къ избранію каторги или пути холопскихъ повышеній. Мы надѣемся—и это одно изъ лучшихъ ожиданій—что повѣйшее поколѣніе все-же найдетъ въ себѣ средства достигнуть надлежащаго сосредоточенія, дѣйствительнаго, а не около скользящаго научнаго труда и приспособленія своей силы и знанія къ общественнымъ потребностямъ и вопросамъ дальнѣйшаго народнаго развитія.

Но на этомъ ожиданіи мы еще не можемъ закончить нашей статьи. Намъ кажется, что не смотря на отсутствіе

* Мы удивляемся, что изъ живущихъ въ Россіи до сихъ поръ никто не написалъ разбора законоположеній земскихъ учреждений и ихъ современной дѣятельности и не напечаталъ хотя-бы за границей. Разборъ этотъ возможенъ только для живущаго въ Россіи, а изданіе его теперь имѣло-бы страшную пользу.

реальныхъ корреспонденцій, мы все-же безошибочно представили скорбное положеніе настоящаго и все-же пришли къ заключенію, что для отчаянія нѣтъ мѣста и что успѣхъ ожиданій въ будущемъ несомнителенъ — равно вслѣдствіе несокрушимой вѣры въ него и вслѣдствіе наблюденій и выводовъ разсудка.

Мы не можемъ не повторить еще разъ, что для насъ ожиданіе на первомъ планѣ — это учрежденіе народнаго кредита. Что-же касается до ожиданій въ дальнѣйшемъ времени, это—

1) Организация земледѣльческой артели (общиннаго земледѣлія)

2) Организация на ея основаніи ремесленной общины (промышленной) артели

3) На основаніи обеихъ—организация торговой артели*.

Въ осуществленіе ихъ мы вѣримъ—какъ въ историческую необходимость.

Н. Огаревъ.

БЕРЕЗОВСКІЙ.

Изъ всѣхъ подробностей, напечатанныхъ въ разныхъ журналахъ, ясно подтверждается то, что всѣ *трезвые* люди говорили съ самаго начала. Березовскій *стоитъ одинъ*, какъ стоялъ Каракозовъ — юноша, фанатикъ, личность въ родѣ Карла Занда, Алибо... Кроткій и тихій нравомъ, онъ отличался еще въ школъ припадками упрямства; задумчивый и скромный, онъ никогда не принималъ участія ни въ разсѣваніяхъ своихъ товарищей, ни въ ихъ сходкахъ, онъ держалъ себя въ Парижѣ поодаль — вѣроятно уважая въ себѣ оружіе провидѣнія, и храня его чистоту. Мистическое направленіе ясно изъ его отвѣтовъ. Местъ-ли за родину или за своихъ — двинула этаго человѣка, кто разберетъ? Понятно одно, что такой человѣкъ, попавши на такую мысль, остановиться не могъ. Разные журналы и въ томъ числѣ *Indépendance* (№ 163), говорятъ: “что его братъ былъ повѣшенъ, отецъ сосланъ, сестра погибла”—можетъ, но этаго вовсе не нужно было, чтобъ поднять фанатическаго мстителя за свою страну.

Когда это люди начнутъ смотрѣть спокойно и съ достоинствомъ на эти кровавыя *слѣдствія* политическаго неурядиства, на эти страшные отвѣты праву сильнаго — всегда идущаго отъ груды труповъ, отъ ручьевъ крови, оставляющаго за собой глубокія рапы, смертныя обиды? Чего тутъ хвалить, чего тутъ порицать? Думать надобно о тѣхъ неодолимыхъ темныхъ силахъ, которыя скребутъ на сердцахъ и будятъ женщину среди сладострастія, цвѣтовъ и опрокинутыхъ чашъ—для того, чтобъ она схватила мечъ и отрубила голову Олоферну. Эти самозванные исполнители судебъ вѣв суда и осужденія. Ихъ можно убивать, если сила въ рукахъ, или канонизировать, если сила очутится въ ихъ рукахъ. Они не поймутъ ни того, ни другаго. Оправданіе ихъ лежитъ въ совокупности безобразныхъ обстоятельствъ; наказаніе въ неусиѣхъ—остальное не много прибавить.

Мы не думаемъ, чтобъ Березовскаго казнили. Вѣроятно государь сдѣлаетъ *парадъ* заступничества... котораго онъ не сдѣлалъ дома во время Каракозова; но если-бы его и ждалъ ножъ гильотины... пусть общество обороняется какъ знаетъ,

* О современномъ положеніи русской торговли и торговыхъ сословій, мы намѣрены представить отдѣльную статью, какъ скоро будемъ имѣть въ рукахъ нужное количество матеріаловъ; потому просимъ всѣхъ, кто можетъ, доставлять намъ оныя.

какъ степень его судебнаго смысла развита, но не будемъ толковать о справедливости, о вѣщности Аршинны не тѣ.

Знаменитый Георгъ Форстеръ, писалъ своею женою во времена пущаго террора девятистыхъ годовъ: “Не все здѣсь идетъ красиво, но революція ураганъ, который уноситъ людей и народы далеко за предѣлы обычной жизни, и тутъ намъ поступить нельзя судить по законамъ исправительной полиціи”.

Дѣйствительно, есть мновенія въ жизни народовъ, въ которыя весь нравственный бытъ поколеблеть, въ первы подняты и жизнь человѣку такъ мало, стоитъ... *своя жизнь...* что онъ дѣлается убійцей.

“Въ Юль 1792, рассказываетъ М^{ме} Roland, поведение двора было очень подозрительно и все разсуждали о томъ, какъ бы предупредить его намѣренія. Шабо говорилъ что прекрасно - бы было естѣль дворъ вздумалъ посягнуть на жизнь какихъ нибудь представителей - патриотовъ, что это подниметь народъ и пр. Гранжневъ не сказалъ ни слова въ присутствіи другихъ, но на единѣ онъ сообщилъ ему — что онъ былъ пораженъ правдой его разсужденій, но, говорилъ онъ, дворъ слишкомъ хитеръ, чтобъ дать намъ въ руки такой поводъ, надобно помочь дѣлу: найдите людей, которые взялись бы за исполненіе, *я обрѣкаю себя*”. — Какъ вы? — “Безъ сомнѣнія, тутъ нѣтъ ничего особеннаго, жизнь моя не имѣетъ никакой важности, и я съ наслажденіемъ пожертвую ею.— Другъ мой, вы не будете одинъ, замѣнилъ восторженно Шабо—я хочу раздѣлить эту славу съ вами!—Какъ угодно, одного довольно, но *двое* лучше; только славы никакой не будетъ. Вѣдь нашего рѣшенія цыкго не долженъ знать. Приготовимъ-же средства”.

“Нѣсколько дней спустя, Шабо сообщилъ Гранжневу, что у него все готово и что онъ нашелъ людей.—“Ну такъ назначимъ время: мы подемъ завтра вечеромъ въ комитетъ —я выйду въ десять съ половиной, надобно пройти таин-то глухой улицей, тамъ приготовьте вашихъ людей —Смотрите, говоритъ Гранжневъ, распорядитесь, *чтобъ люди били насъ на повалъ*, я вовсе не хочу быть изуродованнымъ”. Въ назначенный часъ Гранжневъ явился. Шабо не было. Гранжневъ думалъ, что онъ перемѣнилъ намѣреніе, и сталъ шуткомъ прогуливаться взадъ и впередъ по глухому переулку... никакихъ убійць нѣтъ. Онъ ходилъ, ходилъ, да и пошелъ домой”.*

Можно-ли этихъ людей судить судами и наказывать по кодексу?...

Въ русскихъ газетахъ выстрѣлъ Березовскаго сдѣлать мало шума, усталъ отъ 4го Апрѣля сказала, два раза нельзя поднимать *такое горе*; тѣмъ не меньше общій тонъ необыкновенно подль—не подобострастіемъ, къ которому привыкли народы, считающие себя “необыкновеннымъ народомъ и своего царя необыкновеннымъ царемъ”, (какъ выражается *Голосъ*),— а ярымъ, полицейскимъ бѣшенствомъ, съ которымъ ищутъ общности и хотятъ замѣшать въ дѣло Березовскаго — Польшу, революцію, Европу, шаръ земной и главное своихъ журнальныхъ враговъ. *Голосъ* превзошелъ *Моск. Вѣдом.*

Катковъ долженъ быть счастливъ, онъ создалъ школу, онъ заразилъ дѣлою покаяніемъ фискаломаніи и полицейскимъ тикомъ.

И—ръ.

* *Memoires de Mme Roland, Biblioth. Nationale t. I, pag. 183—84*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕССЪ ВЪ ЖЕНЕВѢ.

Многие извѣстные и почетные граждане разныхъ странъ, приняли рѣшеніе созвать въ началѣ Сентября, *Международный сходъ* съ цѣлю обсуживанія средствъ сохранения мира, они приглашаютъ всѣхъ друзей *свободной демократіи* участвовать въ немъ.

Для этого участія достаточно записать свое имя и заплатить одну или нѣсколько котизаций по *25 сантимамъ*.

Книжка для вписыванія именъ отърыта у Вересова и Гарига, писать на нѣхъ имя: Messieurs A. Vérosoff et L. Garrigues Place Bel-Air, Ancien Hôtel des Postes, Genève.

СМѢСЬ.

Котамъ игра, мышамъ слезы. Повости изъ Крита ужасны. Омеръ наша побитыя снова подъ Пракіономъ, сжегъ всѣ деревни не защищаемыя военною силою и перебилъ ихъ учителей. Консулы засвидѣтельствовали своимъ правительствамъ, о совершившихся ужасахъ. И въ это время Горчаковъ, Бисмаркъ, Метернихъ и пр., положили въ Парижѣ *спокойно ожидать* какъ дальше пойдетъ Критское дѣло. Оно умно, осторожно, человѣчественно—и очень полезно Омеръ нашѣ. За чѣмъ-же было дозволить якобинскія воззванія Филарета, демагога Николая Николаевича, зажигательныя прокламаціи Краевского?

... Даже теперь, въ сію минуту скопише революціонеровъ двора его императорскаго величества, говорить Болгарамъ: “Держитесь, только тотъ освобождается, кто держится какъ Греки въ двадцатыхъ годахъ”.—Да вѣдь это говорилъ Чарторижскому... Нѣтъ, нѣтъ, это въ русскихъ газетахъ... Охъ, вы Болгары, на русское правительство надѣйтесь... а на Омеръ нашу восматривайте. Москворѣцкимъ краснорѣчіемъ и невскими посулами худо отвѣчать пулямъ и огню.

— *Посильный опытъ затруднить чтеніе.* Въ совѣтѣ мин. народ. просв., сообщаетъ циркуляръ по Виленскому учебному округу, постановлено: “Что касается открытыхъ для пользованія постороннихъ лицъ библиотекъ, помѣщающихся въ настоящее время въ читальныхъ домахъ, то въ отношеніи къ нимъ библиотечамъ необходимо постановить слѣдующія правила 1) чтобы выборъ книгъ и журналовъ для сихъ библиотекъ производился не иначе какъ съ разрѣшенія директорова гимназіи и училищъ, такъ какъ книги и журналы, приобретаемые для сихъ библиотекъ, должны составлять собственность учебныхъ заведеній и затѣмъ, по содержанію своему, удовлетворять потребностямъ тѣхъ заведеній, и 2) чтобы публика нп въ какомъ случаѣ не была допускаема къ чтенію въ помѣщеніи библиотекъ, но чтобъ ей предоставлено было пользоваться книгами лишь для чтенія на дому; книги-же должны быть выдаваемы въ опредѣленные дни и часы, и отнюдь не въ теченіе класснаго времени. На учрежденіе публичной библиотекы въ училищномъ домѣ каждый разъ должно быть испрашиваемо разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія”.

За то въ Финляндіи возстановлена какая-то *временная цензура*... хорошо что не *вѣчная*. Какое милое, образованное, либеральное царствованіе!

— *Венгерская амнистія* Даже Австрія сумѣла наконецъ дать дѣйствительную амнистію, такую, по которой могли возвратиться Клапка и Церцель. Была-ли у насъ какая нибудь серьезная амнистія съ 1801 года, когда Александръ I сотнями возвращалъ изъ Сибири невинныхъ, сосланныхъ туда юродивымъ Павломъ. Мертвымъ старцамъ 14 Декабря, разрѣшеніе возвратиться въ Россію, было окружено страшными униженіями и обидными мѣрами...

— Полагаю-съ.. вѣдь нашъ мужикъ страшный лѣнтяй... охъ пожауй и добрый малый — но пьяница и лѣнтяй. Освободи его съразу, работать перестанетъ, полей не засѣетъ, просто съ голоду умретъ.

— Да вамъ-то что-же за забота? Вѣдь вамъ, полковникъ, никто не поручаетъ продовольствие народа русскаго...

Изъ всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ возраженій, полковникъ наименше ждалъ того, которое я ему сдѣлалъ.

— Оно конечно-съ, съ одной стороны...

— Да вы не бойтесь съ другой, вѣдь не въ самомъ дѣлѣ онъ умретъ съ голоду оттого, что хлѣбъ сѣять будетъ не для барина, а для себя?

— Вы меня извините, я счелъ долгомъ сказать..... мнѣ кажется впрочемъ я слишкомъ много отнимаю у васъ вашего драгоценнаго времени... Позвольте откланяться.

— Покорнѣйше благодарю за посѣщеніе.

— Помилуйте, не беспокойтесь

— У е мон' кабъ?—Далеконько живете-съ.

— Не близко.

Я хотѣлъ этой великолѣпной сценой пачать эпоху вашего цвѣтенья и преуспѣванія. Такія и подобныя сцены повторялись непрерывно; ни страшная даль, въ которой я жилъ отъ Вестъ Энда — въ Путнеѣ, Фуламѣ..., ни постоянно запертыя двери по утрамъ, ничего не помогало. Мы были въ модѣ.

Кого и кого мы не видали тогда!... Какъ многіе дорого заплатили бы теперь, чтобъ стереть изъ памяти, если не своей, то людской, свой визитъ... Но тогда; повторю, мы были въ модѣ и въ какомъ-то глѣбѣ туристовъ я былъ отмѣчевъ между достопримѣчательностями "Путнея".

Такъ было отъ 1857 до 1863, но прежде было не такъ. По мѣрѣ того, какъ росла послѣ 1848 и утверждалась реакція въ Европѣ, а Николай свирѣпѣлъ не по днямъ, а по часамъ—русскіе начали избѣгать меня и побаиваться... Къ тому-же въ 1851 стало извѣстно, что я официально отказался ѣхать въ Россію. Путешественниковъ тогда было очень мало. Изрѣдка являлся кто-нибудь изъ старѣхъ знакомыхъ, рассказывалъ страшныя, уму непостижимыя вещи, съ ужасомъ говорилъ о возвращеніи и исчезалъ, осматриваясь, нѣтъ-ли соотечественника. Когда въ Ниццѣ ко мнѣ заѣхалъ въ каретѣ и съ лондонскимъ Я. И. Сабуровъ, я самъ смотрѣлъ на это, какъ на геройскій подвигъ. Проѣзжая тайкомъ Францію въ 1852, я въ Парижѣ встрѣтилъ кой кого изъ русскихъ, это были послѣдніе. Въ Лондонѣ не было никого. Проходили недѣли, мѣсяцы...

Ни звука русскаго, ни русскаго лица.*

Писемъ ко мнѣ никто не писалъ. М. С. Щепкинъ былъ первый, сколько-нибудь близкій человекъ изъ дома, съ которымъ я увидался въ Лондонѣ. О свиданіи съ нимъ я рассказывалъ въ другомъ мѣстѣ.† Его пріѣздъ былъ для меня чѣмъ то въ родѣ родительской субботы, мы справляли съ нимъ поминки всему московскому, и самое настроеніе обоихъ было какое-то похоронное. Настоящимъ голубемъ ковчега, съ маслиной во рту былъ не онъ, а докторъ В—скій.

Онъ былъ первый русскій, пріѣхавшій къ намъ послѣ смерти Николая, въ Чомле - Лоджъ въ Ричмондѣ, постоянно удивляясь, что она называется такъ, а пишется Cholmondeley

* Я разумѣется не говорю о двухъ-трехъ эмигрантахъ.

† "Колоколь" 1863 годъ.

Lodge*. Вѣсти привезенныя Щепкинымъ были мрачны, онъ самъ былъ въ печальномъ настроеніи. В—скій смѣялся съ утра до вечера, показывая свои бѣлѣйшіе зубы — вѣсти его были полны той надежды, того "сангвинизма", какъ говорятъ англичане, который овладѣлъ Россіей послѣ смерти Николая и сдѣлалъ свѣтлую полосу на суровомъ фонѣ петербургскаго императорства. Правда, онъ - же привезъ плохія новости о здоровьи Грановскаго и Огарева, но и это терпелось въ яркой картинѣ проснушагося общества, котораго онъ самъ былъ образчикомъ.

Съ какой жадностью слушалъ я его рассказы, переспрашивалъ, добивался подробностей... Я не знаю, зналъ-ли онъ тогда или оцѣнилъ-ли послѣ то безмѣрное добро, которое онъ мнѣ сдѣлалъ?

Три года Лондонской жизни утомили меня. Работать не видя близкаго плода тяжело, къ тому - же я слишкомъ разобщенно стоялъ со всякой родственной средой. Печатавъ съ Чернецкимъ листъ за листомъ и сыпая груды отпечатанныхъ брошюръ и книгъ въ подвалы Трюбвера, я почти не имѣлъ возможности переслать что-нибудь за русскую границу. Не продолжать я не могъ, русской стапокъ былъ для меня дѣломъ жизни, доской пзъ отчаго дома, который переносили съ собой ревніе гермавы—съ вѣмъ я жилъ въ русской атмосферѣ, съ пичъ быть готовъ и вооруженъ. Но при всемъ томъ глухо пропадавшій трудъ утомлялъ, руки опускались. Вѣра слабѣла минутами и искала знаменій, и не только ихъ не было, но не было ни одного слова сочувствія изъ дома.

Съ крымской войной, съ смертью Николая, настаетъ другое время, изъ за сплошнаго мрака выступали новыя массы, новыя горизонты, чуялось какое-то движеніе, разглядѣть издали было трудно—очевидецъ быть необходимо. Онъ-то и явился въ лицѣ В—скаго, подтвердившаго что эти горизонты не миражъ а были, что барка тронулась, что она на ходу. Стоило взглянуть на свѣтлое лице его... чтобъ ему повѣрить. — Такихъ лицъ вовсе не было въ послѣднее время въ Россіи...

Удрученный непривычнымъ для русскаго чувствомъ, я вспомнилъ Канта, сившаго бархатную шапочку при вѣсти о провозглашеніи республики 1792 года и повторившаго "нынѣ отпущаешп" Сумеона богопріимца. Да, хорошо уснуть на зарѣ... послѣ длинной ненастной вочи, съ полвой вѣрой, что настаетъ чудесный день!

Такъ умеръ Грановскій...

... Дѣйствительно наставало утро того дня, къ которому стремился я съ тринадцати лѣтъ—мальчикомъ въ камлотовой курткѣ, сидя съ такимъ - же "злоумышленникомъ" (только годомъ моложе) въ маленькой комнатѣ "Стараго дома" — въ университетской аудиторіи, окруженный горячимъ братствомъ въ тюрьмѣ и ссылкѣ, на чужбинѣ — проходя разгромомъ революцій и реакцій, на верху семейнаго счастья, и разбитый, потерянный на авглійскомъ берегу съ моимъ печатнымъ монологомъ. Солнце садившееся, освѣщая Москву подъ

* Милый В—скій попадалъ въ удивительныя просаки съанглійскимъ языкомъ. "Отсюда, говорилъ онъ моему сыну, судя по картѣ, не далеко 'Кевъ?' — Я не слыхивалъ такого мѣста. — "Помилуйте, тамъ огромный ботаническій садъ и первая оранжерея въ Европѣ". — Спросимъ у садовника Спросили, и онъ не знаетъ. — В—скій развернулъ планъ. — "Да вотъ онъ возлѣ самаго Ричмон'!" — Это былъ Кью.

Воробьевыми горами* и увозящее съ собою отроческую клятву... выходило послѣ двадцатилѣтней ночи.

Какой-же тутъ покой и сонъ... *За дѣло!* И за дѣло я приишлся съ удвоенными силами. Работа не пропала больше, не исчезала въ глухомъ пространствѣ, грогкія рукоплесканія и горячія сочувствія неслись изъ Россіи. *Полярная Звезда* читалась на расхватъ. Пепривычное ухо русское примирилось съ свободной рѣчью, съ жадностью искало ея мужественную твердость, ея безстрашную откровенность.

Весной 1856 приѣхалъ Огаревъ, годъ спустя (1 Юля 1857) вышелъ первый листъ *Колокола*. Безъ довольно близкой періодичности нѣтъ настоящей связи между органомъ и средой. Книга остается — журналъ исчезаетъ, но книга остается въ библиотекѣ, а журналъ исчезаетъ въ мозгу читателя и до того усваивается имъ повтореніями, что кажется ему его собственной мыслию. Если-же читатель начветъ забывать ее, новый листъ журнала, никогда не боящійся повтореній, подскажетъ и подовинтъ ее.

Дѣйствительно, влияние *Колокола* въ одинъ годъ далеко переросло *Полярную Звезду*. *Колоколъ* въ Россіи былъ привять отвѣтомъ на потребность органа неискраженнаго ценсурой. Горячо привѣтствовало насъ молодое поколѣніе, были письма, отъ которыхъ слезы наворачивались на глазахъ... Но и ве одно молодое поколѣніе поддержало насъ...

...“*Колоколъ* власть”, говорилъ мнѣ въ Лондонѣ, *horribile dictu*, Катковъ и прибавилъ, что онъ у Ростовцева лежитъ на столѣ для справокъ по крестьянскому вопросу... и прежде его повторяли тоже и Т. и А. и С. и К., генералы изъ либераловъ, либералы изъ статскихъ совѣтниковъ, придворныя дамы съ жаждой прогресса и флигель-адыютанты съ литературой — самъ В. П. — постоянный какъ подсолвичникъ въ своемъ поклоненіи всякой силѣ — умильно смотрѣлъ на *Колоколъ* какъ будто онъ былъ начиненъ трюфлями... Не доставало только для полнаго торжества — искреннаго врага. Мы были въ вѣвѣ и долго ждать его не пришлось. Не прошелъ 1858 годъ, какъ явилось “обвинительное письмо” Ч. Съ высокимъ холодомъ негибающаго доктринара, съ *goideur* судіи неумытлага позвалъ онъ меня къ отвѣту и какъ Биронъ вылилъ мнѣ въ Декабрѣ мѣсяцѣ ушатъ холодной воды на голову. Приемы этаго Сенъ-Жюста бюрократизма удивили меня. А теперь... черезъ семь лѣтъ † письмо Ч. мнѣ кажется пѣвтомъ учтивости, послѣ крѣпкихъ словъ и крѣпкаго патриотизма *михайловскаго* времени. Да и общество было тогда иначе настроено, “обвинительный актъ” возбудилъ взрывъ негодованія, намъ пришлось унимать раздраженныхъ друзей. Мы получали десятками письма, статьи, протесты. Самому обвинителю писали ея прежніе пріятели поодиночкѣ и коллективно письма полные упреконъ — одно изъ нихъ было подписано общими друзьями нашими, (изъ нихъ три четверти ближе теперь къ Ч., чѣмъ къ намъ), онъ самъ, съ античной доблестью прислалъ это письмо для храненія въ нашей оружейной палатѣ.

Во дворцѣ *Колоколъ* получилъ свое гражданство еще прежде. По статьямъ его государь велѣлъ пересмотрѣть дѣло “стрѣлка Кочубей”, подстрѣлившаго своего управляющаго. Императрица плакала надъ письмомъ къ ней о воспитаніи ея дѣтей и говорятъ, что самъ отважный статсъ-секретарь

* “Былое и Думы”, часть I-ая.

† Писано въ 1864

Б — въ, въ припадкѣ заносчивой самостоятельности повторялъ: что онъ ничего не боится “жалуйтесь государю, дѣлайте что хотите — пожалуй пишите себѣ въ *Колоколъ*, мнѣ все равно”. Какой-то офицеръ обоиденный въ повышенія, серьезно просилъ насъ напечатать объ этомъ съ особеннымъ внушеніемъ государю. Анекдотъ Щепкина съ Геденовымъ переданъ мною въ другомъ мѣстѣ — такихъ анекдотовъ могъ-бы я рассказать десяткомъ*.

... Горчаковъ съ удивленіемъ показывалъ напечатанный въ *Колоколъ* отчетъ о тайномъ засѣданіи государственнаго совѣта по крестьянскому дѣлу. “Кто-же, говорилъ онъ, могъ сообщить имъ такъ вѣрно подробности, какъ не кто нибудь изъ присутствовавшихъ?”

Совѣтъ обеспокоился, и какъ-то между “Бутковымъ и государемъ” келейно потолковалъ какъ-бы увяты *Колоколъ*. *Безкорыстный* Муравьевъ совѣтовалъ подкупить меня, жи-рафъ въ андреевской левтѣ Панинъ, предпочиталъ сманить на службу, Горчаковъ, игравшій между этими “мертвыми душами” роль Межуева, усомнился въ моей продажности и спросилъ Панина: “Какое-же мѣсто вы предложите ему?” — Помощника статсъ-секретаря. — “Ну, въ помощника статсъ-секретаря онъ не пойдетъ” — отвѣчалъ Горчаковъ и судьбы *Колокола* были предоставлены волѣ божіей.

А воля божія ясно обваружилась въ ливнѣ писемъ и корреспонденцій — изъ всѣхъ частей Россіи. Всякій писалъ, чѣдъ понало, одинъ чтобы сорвать сердце, другой чтобы себи увѣрить, что онъ опасный человекъ... во были письма, писанныя въ порывѣ негодованія, страстные крики въ обличіе ежедневныхъ мерзостей. Такія письма выкупали десятки “упражненій”, такъ какъ иное посѣщеніе платило за всѣхъ “колонель рюссъ”.

Вообще, *баластъ* писемъ можно было раздѣлить — на письма безъ фактовъ, но съ большимъ обиліемъ душъ и красворѣчія, на письма съ начальническимъ одобреніемъ или съ начальническими выговорами, и наконецъ на письма съ важными сообщеніями изъ провинціи.

Важныя сообщенія, обыкновенно писанныя изящнымъ канцелярскимъ почеркомъ имѣли почти всегда еще болѣе изящное предисловіе, исполненное возвышенныхъ чувствъ и неотразимой лести. “Вы открыли новую эру россійскаго слова и такъ сказать мысли, вы первый съ высоты Лондонскаго амвона стали гласно клеймить людей, тираниствующихъ надъ вашимъ добрымъ народомъ — ибо народъ вашъ *добрый*, вы ве даромъ его любите. Вы не знаете сколько сердець бьются любовью и благодарностью къ вамъ въ дальвей дали нашего отечества...

Отъ знойныя Колхиды — до льдовъ

... скромной Оки, Клязьмы или *такой-то* губерніи. Мы ва васъ смотримъ какъ на единственнаго защитника. Кто можетъ, кромѣ васъ, обличить изверга — по званію и мѣсту, стоящаго выше закона — изверга въ родѣ нашего предсѣдателя (назепной, уголовной, удѣльной палаты... имя, отчество, фамилья, чинъ). Человекъ ве получившій образованья, доплзшій изъ визьмевныхъ сферъ канцелярскаго служенія — до почестей — онъ сохранилъ всю грубость стариннаго крющотвора, не отказываясь вовсе отъ благодарности, подписаной княземъ Хованскимъ (какъ говорятъ у насъ старики). Грубость этаго сатрапа извѣстна во всѣхъ окольныхъ губерніяхъ, чиновники

* Оставляются до полнаго изданія.

бѣгутъ казенной палаты, какъ окаяннаго мѣста, онъ держитъ не только съ нами, но и съ столоначальникамъ Жену свою онъ оставилъ, и держитъ въ содержаніи къ общему соблазну вдову (имя, отчество, фамилья, чинъ полоннаго супруга), которую мы прозвали губернской Мивой-Ивановной, потому что ея руками всё дѣлается въ палатѣ. Пусть-же звучный голосъ Колокола разбудитъ и испугаетъ этого нашу среш оргій его, въ преступныхъ объятіяхъ сороколѣтней Иродіады. Если вы впечатаете объ вемъ, мы готовы вамъ доставлять обильныя свѣденія, у насъ довольно "свищей въ ермошкахъ". какъ выразился безсмертный авторъ геніальнаго "реvizора".

P. S. "Съ тѣмъ неподражаемымъ рѣзцомъ, которымъ вы умѣете писать ваши ѣдкія сатиры, не забудьте черкнуть, что подполковникъ внутренней стражи, 6 Декабря на баѣ у дворянскаго предводителя — куда прѣхалъ отъ градскаго головы подшефе — къ концу ужина такъ вализался, что при савовитыхъ дамахъ и ихъ дочеряхъ вачалъ произносить слова, болѣе свойственныя торговой баѣ и площади, чѣмъ салону предводителя образованнѣйшаго сословія въ обществѣ"

Рядомъ съ письмами, сообщавшими танны поведени предсѣдателя и предсѣдательской жены и явное пьянство подполковника, приходили письма чисто поэтическія, безкорыстныя и безсмысленныя. Многія изъ нихъ я уничтожилъ и раздарилъ друзьямъ, но нѣкоторыя остались, я ими непремѣнно подѣлюсь съ читателями въ концѣ этой части

Одно изъ лучшихъ было (по видимому) отъ молодого офицера въ самой первой эманциповкѣ, оно начиналось съ общихъ мѣстъ и съ словъ: "Милостивый Государь" — очень скромно и лестно... мало по малу пулъсь подымался, пошли совѣты, потомъ увѣщанія — жаръ возрастает ... на четвертой страницѣ (большаго формата) дружба наша дошла до того, что незвакомецъ говорилъ мнѣ "Милый мой и мой шеръ". — "Оттого, заключалъ храбрыи офицеръ, я и пишу тебѣ такъ откровенно, что подобно тебѣ отъ души" Читая это письмо я такъ и вижу молодого человѣка, садящагося поужинавши, за письмо и за бутылку, чего вѣдудь очень не слабого... по мѣрѣ того, какъ бутылка пустѣеть, сердце наполняется, дружба растетъ и съ послѣднимъ глоткомъ, добрый офицеръ меня любитъ и исправляетъ, любитъ и хочетъ меня поцаловать... Офицеръ, офицеръ, обогрите только губы, и я не буду имѣть ничего противъ нашей быстрой дружбы in contumaciâ.

Впрочемъ, говоря объ офицерахъ, я долженъ сказать, что самые симпатичныя и здоровые духомъ люди изъ посѣщавшихъ насъ — офицеры. Молодые люди изъ не военныхъ были по большей части вѣрсты, вервыи, очень поглощены дѣлами своихъ литературныхъ кружковъ и не выходили изъ нихъ. Военные, были скромнѣе и проще, они чувствовали за собой недостаточное воспитаніе кадетскихъ корпусовъ, и какъ бы зная свою дурную репутацію, рвались впередъ и старались чему-нибудь научиться. Въ сущности они вовсе не были хуже приготовлены чѣмъ другіе — и по великому закону нравственныхъ противудѣйствій, подъ гнетомъ деспотизма корпусовъ, воспитали въ себѣ сильную любовь къ независимости. Въ офицерскомъ мірѣ, послѣ крымской войны, начиналось серьезное движеніе, оно равно доказывается и казенными, какъ Сливацкій, Арягольдтъ... и убитыми, какъ Потебня и сосланными на каторгу, какъ Красовскій, Обручевъ и пр.

Конечно многие и многие поворотили съ тѣхъ поръ оглобли и взопли въ разумъ и въ воины артикуль, все это дѣло обыкновенное...

Кстати къ ренегатамъ. Одинъ молодой энтузіастъ изъ офицеровъ, бывшій у меня въ одно время съ благороднѣйшимъ и чистѣйшимъ Сѣраковскимъ и двумя другими товарищами, прощаясь, вывелъ меня въ садъ и крѣпко обнимая, сказалъ: "Если вамъ понадобится когда-нибудь, за чѣмъ-нибудь человекъ, преданный вамъ безусловно, вспомните обо мнѣ"...

— Сохраните себя и въ своей груди тѣ чувства, которыми вы полны и пусть никогда васъ не будетъ въ рядахъ идущихъ противъ народа.

Онъ выпрямился. "Это невозможно... но... если вы услышите когда-нибудь, что-нибудь такое обо мнѣ, не шадите меня, пишите ко мнѣ, пишите открыто и напомните этотъ вечеръ"...

... Сѣраковский бытъ уже раненый вздернуть на висѣлицу, часть молодыхъ людей бывшихъ въ то же время въ Лондонѣ вышла въ отставку, разсѣялась... Одно имя встрѣчалось мнѣ только своими повышеніями — имя моего энтузіаста. Недавно онъ на водилъ встрѣтить одного стараго знакомаго — бранить Польшу, хвалить правительство и видя, что разговоръ не вяжется, генералъ спохватившійся сказалъ:

— "А вы кажется все еще не забыли нашихъ глупыхъ фантази въ Лондонѣ... помните бесѣды въ Alpha road? Что за ребячество и что за безуміе!"...

Я не писалъ ему. — Зачѣмъ?

II.

... Между моряками были тоже отличные, прекрасные люди, и не только тѣ славные юноши, о которыхъ мнѣ писать Ф Баннъ изъ Нью-Йорка, но вообще между молодыми штурманами и гардемаринами было повое, свѣжей силой. Ирмѣръ Трувелера дополнить лучше всякихъ комментариевъ нашу мысль.

... У меня съ морскими вѣдомствами было замѣчательное столкновеніе. Одинъ капитанъ парохода бывалъ у меня съ своимъ капитанъ-лейтенантомъ и другими офицерами, и даже звалъ на свой пароходъ нировать бакія-то пмивныи. Дни за два до этого шира, узналъ я, что на его пароходѣ дали какому-то матросу сію лишковъ за танкомъ вѣшное ниво, другаго матроса они приготовились истязать за побѣгъ. Я написалъ капитану сѣдующее письмо и воеать его по почтѣ на бортъ парохода:

Милостивый государь,

Вы были у меня, и я посѣщеніе ваше принялъ за знакъ сочувствія вашего къ нашему труду, къ нашимъ вачаламъ, и я теперь не пересталъ такъ думать, а потому рѣшился съ вами откровенно объясниться на счетъ одного обстоятельство, сильно оторчившаго насъ и заставившаго сомнѣваться въ томъ, чтобъ мы понимали другъ друга.

На дняхъ говоря съ г. Тхоржевскимъ, я узналъ отъ него, что на пароходѣ, находящемся подъ вашимъ начальствомъ,

матросы сильно наказываются линьками. При чемъ я слышалъ исторію несчастнаго моряка, хотѣвшаго бѣжать и схваченнаго англійской полиціей (по гнусному закону дѣлающему изъ матроса раба).

Здѣсь невольно возникаетъ вопросъ — неужели законъ обязываетъ насъ къ исполненію свирѣпыхъ его распоряженій и какая отвѣтственность лежала бы на васъ, если бы вы не исполнили требованій, естественно противныхъ всякому человѣческому чувству? При всей дикой нечеловѣчности нашихъ военныхъ и морскихъ постановленій, я не помню, чтобы они подъ строгой отвѣтственностью вмѣняли въ обязанность тѣлесно наказывать *безъ суда*, напротивъ, они стараются *ограничить* произволъ пачальническихъ наказаній ограничивая число ударовъ. Остается предположить, что вы дѣлаете эти истязанія — *по убѣжденію, что они справедливы*, но тогда подумайте, что - же общаго между нами открытыми врагами всякаго деспотизма, насилія и на первомъ планѣ тѣлесныхъ наказаній — и вами.

Если это такъ, какъ я долженъ объяснить ваше посѣщеніе?

Вамъ можетъ показаться странвымъ мое письмо — та нравственная сила, которую мы представляемъ, мало извѣстна въ Россіи, но къ ней надобно пріучиться. *Гласность* будетъ стоять возлѣ всѣхъ злоупотребляющихъ властью, и если ихъ совѣсть долго не проспится, нашъ *Колоколь* будетъ служить будильникомъ.

Дайте намъ право надѣяться, что вы не приведете насъ къ жесткой необходимости повторить нашъ совѣтъ печатно и примите увѣреніе, что Огаревъ и я, мы душевно были бы рады снова пролить вамъ руку, но не можемъ этого сдѣлать, пока она не броситъ ливька.

Park house, Fulham.

На это письмо капитанъ парохода отвѣчалъ :

“М. Г. Ал. Ив.

“Я получилъ ваше письмо и сознаюсь, что оно было для меня неприятно, не потому чтобы я боялся встрѣтить свое имя въ *Колоколь*, а собственно потому, что человекъ, котораго я вполне почитаю мнѣ быть обо мнѣ дурнаго мнѣнія, котораго я нисколько не заслуживаю.

“Если бы вы знали сущность дѣла, о которомъ вы такъ горячо пишете, то вѣрно не написали бы мнѣ столько упрековъ. Я объясню вамъ все и представлю доказательства, которымъ вы поверите, если назначите мнѣ время, когда и гдѣ могу васъ увидѣть.

“Примите и пр.” —

Green Drey Dock, Блэк-Воль.

Вотъ мой отвѣтъ :

М. Г.

“Повѣрьте, что мнѣ очень больно, что я долженъ былъ писать къ вамъ о предметѣ неприятномъ для васъ, но помните, что вопросъ объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній для насъ имѣетъ чрезвычайную важность.

Русскимъ солдатамъ, русскимъ мужикамъ только тогда вздохнуть свободно и разовьются во всю ширь своей силы, когда ихъ перестанутъ бить. Тѣлесное наказаніе, равно растлѣваетъ наказуемаго и наказывающаго — отнимая у одного чувство человѣческаго достоинства, у другаго чувство человѣческаго сожалѣнія. Посмотрите на результатъ помѣщичьяго права

и полицейски - военныхъ экзекуцій. У насъ образовалась цѣлая каста палачей, цѣлая семья палачей — женщины, дѣти, дѣвушки, розгами и палками, кулаками и башмаками бьютъ дворовыхъ людей.

Великіе дѣятели 14 Декабря такъ поняли важность этого, что члены общества обязывались не терпѣть дома тѣлесныхъ наказаній и вывели ихъ въ полкахъ, которыми начальствовали. Фовъ - Визинъ писалъ полковымъ комамдирамъ, подъ влияніемъ Пестеля, приказъ о постепенномъ выводѣ тѣлесныхъ наказаній.

Зло это такъ вкоренилось у насъ, что его послѣдовательно не выведешь, его надобно разомъ уничтожить, какъ крѣпостное состояніе. Надобно чтобы люди поставленные какъ вы, отдѣльными начальниками, взяли благородную инициативу. Это можетъ быть трудно — что - же изъ этого? тѣмъ больше славы. Если бы я могъ надѣяться, что наша переписка приведетъ къ этому результату, я благословилъ - бы ее, это была бы для меня одна изъ высшихъ наградъ — моя андреевская лента.

Еще слово. Вы говорите, что могли бы показать обстоятельства дѣла, т. е. доказать, что наказаніе было справедливо. Это все равно. Мы не имѣемъ права сомнѣваться въ вашей справедливости. Да и что - же бы было писать къ вамъ, если бы у васъ матросы наказывались *несправедливо*. Тѣлесные наказанія и тогда надобно уничтожить, когда они по смыслу татарски - нѣмецкаго законодательства, совершенно справедливы.

Позвольте мнѣ быть увѣреннымъ, что вы видите всю чистоту моихъ намѣреній и почему я адресовался къ вамъ. Мнѣ кажется, что вы можете сдѣлать эту церемію у васъ, другіе послѣдуютъ, это будетъ великое дѣло. Вы покажете примѣръ русскимъ, что древнеславянская кровь больше сочувствуетъ народнымъ страданіямъ, чѣмъ Петербургъ.

Я сказалъ все, что было на сердцѣ, дайте мнѣ надежду, что слова мои сколько нибудь западутъ въ душу и примите увѣреніе въ желаніи всего благаго”.

... На праздникъ я не поѣхалъ. Многіе находили, что я очень хорошо сдѣлалъ и что не смотря на всѣ доблести капитана и его лейтенанта, не надобно было класть пальца въ ротъ. Я этому не вѣрю и никогда не вѣрилъ. Послѣ 1862 конечно я не поставилъ бы ноги на палубу русскаго корабля, но тогда еще не настаивалъ періодъ Муравьево - Катковскій.

Праздникъ не удался. Переписка наша все испортила. Говорятъ, что капитанъ не былъ главнымъ виновникомъ наказаній, а капитанъ - лейтенантъ. Поздней ночью, послѣ попойки, онъ мрачно сказалъ : “такая судьба, другіе и не такъ дерутъ матросовъ, да все съ рукъ сходитъ, а я въ кои - то вѣки употребилъ мѣру построже, *да тотчасъ и попалъ въ бѣду...*”

... Такъ дошли мы до конца 1862 года.

Въ дальнихъ горизонтахъ стали показываться дурныя знаменія и черныя тучи... Да и вблизи совершилось великое несчастіе, чуть - ли не единственное политическое несчастіе во всей нашей жизни.

III.

1862.

... Бьетъ тоже десять часовъ утра и я такъ - же слышу посторонній голосъ, ужь не воинственный, густой и строгій,

а женскій, раздраженный, нервный и немного со слезами: “Мнѣ непременно, непременно нужно его видѣть... Я не уйду пока не увижу—”.

И за тѣмъ входитъ молодая русская дѣвушка или барышня, которую я прежде видѣлъ раза два.

Она останавливается передо мной, пристально смотритъ мнѣ въ глаза, черты ея печальны, щеки горятъ; она на скоро извиняется и потомъ: “Я только что воротилась изъ Россіи, изъ Москвы, ваши друзья, люди любящіе васъ поручили мнѣ сказать вамъ, спросить васъ...” Она приостанавливается, голосъ ей измѣняется.

Я ничего не понимаю.

— Неужели вы, вы котораго мы любия какъ горячо, вы?...

— Да въ чемъ-же дѣло?

— Скажите бога ради, да или нѣтъ,—вы участвовали въ петербургскомъ пожарѣ?

— Я?

— Да, да — вы — васъ обвиняютъ... по крайней мѣрѣ говорятъ, что вы знали объ этомъ злодѣйскомъ намѣреніи.

— Что за безуміе, и вы это можете принимать такъ серьезно?

— Всѣ говорятъ!

— Кто это всѣ? — какой нибудь Николай Филипповичъ Павловъ? (Мое воображеніе въ тѣ времена дальше не шло!)

— Нѣтъ, люди близкіе вамъ, люди страстно любящіе васъ, вы для нихъ должны оправдаться; они страдаютъ, они ждутъ...

— А вы сами вѣрите?

— Не знаю. Я за тѣмъ и пришла что вы знаю, я жду отъ васъ объясненія...

— Начните съ того, что успокойтесь, сядьте и выслушайте меня. Если я тайно участвовалъ въ поджогахъ, почему-же вы думаете, что я бы вамъ сказалъ это, такъ по первому спросу? Вы не имѣете права, основанія мнѣ повѣрить... Лучше скажите, гдѣ, во всемъ писанномъ мною, есть что нибудь, одно слово, которое-бы могло оправдать такое нелѣпное обвиненіе? Вѣдь мы не сумасшедшіе, чтобъ рекомендоваться русскому народу поджогомъ толкучаго рынка!

— Зачѣмъ-же вы молчите, зачѣмъ не оправдываетесь публично? — замѣтила она, и въ глазахъ ея было видно раздуміе и сомнѣніе. Заклеймите печатно этихъ злодѣевъ, скажите, что вы ужасаетесь ихъ, что вы не съ ними или...

— Или что? Ну полноте, сказалъ я ей улыбаясь, играть роль Шарлоты Корде, у васъ нѣтъ книжала и я сижу не въ ваннѣ. Вамъ стыдно, и нашимъ друзьямъ вдвое, вѣрить такому вздору, а намъ стыдно въ немъ оправдываться, да еще по дорогѣ стараясь утопить и разобидѣть какихъ-то намъ совершенно незнакомыхъ людей, которые теперь въ рукахъ тайной полиціи и которые очень можетъ быть столько-же участвовали въ пожарахъ, сколько и мы съ вами.

— Такъ вы рѣшительно не будете оправдываться?

— Нѣтъ.

— Что-же я напишу туда?

— Да вотъ то что мы съ вами говорили.

Она вынула изъ кармана послѣдній *Колоколъ* и прочла— “Что за огненная чаша страданій идетъ мимо насъ? Огонь-ли это безумнаго разрушенія, кара-ли очищающая пламенемъ? Что довело людей до этого средства и что эти люди? Какія тяжелыя минуты для отсутствующаго, когда обращаешь туда,

гдѣ вся любовь ея, все чѣмъ живетъ человекъ, онъ видитъ одно нѣмое зарево”. Страшныя, темныя строки, ничего не говоряція противъ васъ и *ничего за васъ*. Вѣрите мнѣ, оправдывайтесь—или—вспомните мои слова, *друзья ваши и сторонники ваши васъ оставятъ*.

... Такъ какъ колонель русскъ былъ тамбуръ-мажоромъ нашего успѣха, такъ мирная Шарлота Корде явилась провозвѣстницей нашего распаденья съ общественнымъ мнѣніемъ, и притомъ въ обѣ стороны. Въ то время, какъ приподняшіе голову реакціонеры называли васъ извергами и зажигателями, часть молодежи прощалась съ нами какъ съ отсталыми на дорогѣ. Первыхъ мы презирали, вторыхъ жалѣли и печально ждали, какъ суровыя волны жизни сгубятъ уплывшихъ далеко и только часть причалитъ назадъ къ берегамъ.

Клевета росла и вскорѣ подхваченная печатью разошлась по всей Россіи. Тогда только что начинался фискальный періодъ нашей журналистики. Я живо помню удивленіе людей простыхъ, честныхъ, вовсе не революціонеровъ, передъ печатными доносами, это было совершенно ново для нихъ. Обличительная литература круто повернула оружіе и сразу перегнулась въ литературу полицейскихъ обысковъ и шпіонскихъ ваушничавій.

Въ самомъ обществѣ произошелъ переворотъ. Освобожденіе крестьянъ отрѣзило однихъ, другіе просто устали отъ политической агитація, имъ захотѣлось прежняго покоя—сытость одолѣла ими передъ обѣдомъ, который доставался съ такими хлопотами.

Нечего сказать, коротко у васъ дыханіе и длинна выносливость!

Семь лѣтъ либерализма истощили весь запасъ радикальныхъ стремленій. Все накопившееся и сжатое въ умѣ съ 1825 года, потрачено на восторги и радости, на предвкушеніе будущихъ благъ. Послѣ усѣченнаго освобожденія крестьянъ, слабымъ вервамъ казалось, что Россіи далеко зашла, что она идетъ слишкомъ быстро.

Въ то же время *радикальная* партія юная и потому самому теоретическая, начинала рѣзче и рѣзче высказываться, пугая безъ того испуганное общество. Она показывала казовымъ концомъ своимъ такія крайнія послѣдствія, отъ которыхъ либералы и люди постепеннаго развитія, крестьяне и отплевываясь, бѣжали зажимая уши и прятались подъ старое, грязное, но привычное одѣяло полиціи. Студентская опрометчивость и помѣщичья непривычка выслушивать другихъ, не могли не довести ихъ до драки.

Едва призванная къ жизни сила общественнаго мнѣнія обличилась въ дикомъ консерватизмѣ, она заявила свое участіе въ общемъ дѣлѣ, толкая правительство во всѣ тяжкія террора и преслѣдованія.

Наше положеніе становилось труднѣе и труднѣе. Стоять на грязи реакціи, мы не могли, вѣкъ ея у насъ пропадала почва. Точно потерянные вигязи въ сказкахъ, мы ждали на перенутьи. Пойдешь на право — потеряешь коня, но самъ цѣль будешь; пойдешь на лѣво — конь будетъ цѣль, но самъ погибнешь; пойдешь впередъ — всѣ тебя оставятъ; пойдешь назадъ — этого ужъ нельзя, туда для васъ дорога травой заросла. Хоть бы явился какой вибудь колдунъ или пустынный, который бы снялъ съ насъ тяжесть раздумья...

И—рѣ.

ОГЛАВЛЕНИЕ КОЛОКОЛА

ЗА

1867

№№. 231 & 232. — 1 Января.

Порядокъ торжествуетъ. Бѣлый терроръ. Смѣсь: Скоты, Распоряженіе пн-жегородскаго генер.-губернатора Огарева о кривошвахъ, Флора принятая за опальную богородицу, Штрафъ съ дѣтей за разговоръ по польски, Гоненія литературы, По части народнаго просвѣщенія, Циркуляръ Тобольск. губернатора, Изъ судебныхъ сценъ, "Кіевскій Телеграфъ". "Москва". Нѣмцы. La Nation. Австръ-актъ. Общій фондъ. Объявленія. Оглавленіе "Колокола" за 1866 годъ.

№№. 233 & 234. — 1 Февраля.

Важная погрѣшность. Порядокъ торжествуетъ. Бѣлый терроръ (Продолженіе). Указъ (24 Нояб. 1866 г.) о Государст. крестьянахъ. Смѣсь: Новая "Бархатная книга" русскихъ дворянскихъ родовъ. Наше правосудіе. Процессъ г. Чичерина въ Парижѣ. Король-губернаторъ. Увѣдомленія.

№№. 235 & 236. — 1 Марта.

Письмо изъ Петербурга. Бѣлый терроръ (Окончаніе). Смѣсь: "Москва" мать и мачиха. Пророкъ-издатель. Переимѣна фамили. Письмо полковника Савицкаго. Объявленія.

№. 237. — 15 Марта.

Общество поджигателей. Письмо изъ Петербурга (Окончаніе). Частныя письма объ общемъ вопросѣ (Продолженіе). Смѣсь: Выписки изъ русскихъ газетъ о просвѣщеніи и земствѣ. Indér. Belge. Князь Меншиковы. С. Я. Жемаповъ и ссылка въ тихомолку. Общій фондъ.

№. 238. — 1 Апрѣля.

Копытна Мнх. Вас. Петрашевскаго. На площади Св. Марка. Двѣ рѣчи графа А. П. Шувалова. Пройдохи въ Россіи. Смѣсь: Изъ русскихъ газетъ: Дѣло крестьянки Волоховой, Пропажа 40,000 десят. земли, 1,500,000 пуд. соли и 100,000 пуд. казен. желѣза. Прогрессъ въ гласности. Стелла-Савицкій.

№. 239. — 15 Апрѣля.

Жаль. Письмо къ Н. С. Аксакову. Частныя письма объ общемъ вопросѣ (Продолженіе). Смѣсь: Желѣзныя дороги. Болгарскій адресъ и жандармы. Предостереженіе. Дѣло Пастухова и Протопопова. Покража соли. Соперники. Реформа семинаріи. Скачки. Дорогой гость. Выборы въ Москвѣ.

№. 240. — 1 Мая.

Отвѣтъ Н. С. Аксакову. Частныя письма объ общемъ вопросѣ (Окончаніе письма между четвертымъ и пятымъ). Смѣсь: Credit et Debit. Соль и Желѣзо. Первый что! Новый романъ Тургенева "Дымъ". Новое злодѣйство. "Mein Licht" Общій фондъ. Объявленія. Отъ Издателей.

№. 241. — 15 Мая.

Письмо М. А. Бакунина. Смѣта. Кн. Щербатовъ и Ливенфельдъ. Смѣсь: Славянская агитація. Жертвы бѣдности. "Debatte" и "Голосъ". Сумасшествіе. Басня Н. А. Крылова. Кто Б? Петръ IV. Отцы сдѣлались дѣдами. Общій фондъ. Литературное Прибавленіе. Объявленіе о книгахъ.

№. 242. — 1 Іюня.

Полите вратъ. Настоящее и ожиданія. Письмо г. Ш. Шахова. Смѣсь: Кровавое царствованіе. Этнографическая агитація. Новая стѣсненія. Кн. Меншиковъ памфлетствъ. Частное дѣло. Положительная философія. Поправка. Общій фондъ. Литературное Прибавленіе. Объявленія.

№. 243. — 15 Іюня.

Выстрѣлъ 6 Іюня. Мазурка. Смѣсь: Сумѣ ницаго позавидовали! Дикій законъ. Да здравствуетъ разумъ! Катковское Vive la Pologne! "Страхопудъ". Воровство. Принцъ Альтенбургскій. Опять вранье. Свѣтопреставленіе. Первое Предостереженіе. Владиміръ Титовъ. Общій фондъ. Литературное Прибавленіе: Безъ связи. Августѣйшіе путешественники. Объявленія.

№№. 244 & 245. — 1 Іюля.

1857 — 1867. До свиданья. Изъ письма къ М. Бакунину. Настоящее и ожиданія. Березовскій. Международный конгрессъ въ Женевѣ. Смѣсь: Котамъ игра — мышамъ слезы. Посильный опытъ затруднить чтеніе. Венгерская амнистія. Цензурный бредъ. Неудавшійся дѣтскій праздникъ. Треповъ. Литературное прибавленіе: Апогей и Перигей — изъ VI части "Былаго и Думы". Оглавленіе "Колокола" за 1867 годъ. Объявленія.

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЙ ЛИСТЪ КЪ ПЕРВОМУ ДЕСЯТИЛѢТІЮ.

Цѣна 1 фр.

1 Августа 1867.

Цѣна 1 фр.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ БУДУЩЕЙ ИСТОРИИ НАШИХЪ ЗАВОЕВАНІЙ ВЪ АЗИИ.*

Объ завоеванныхъ русскихъ въ Азій много говорятъ за границей (правда, вздор), но очень немного въ Россіи. Тамъ ходъ нашей азіатской политики мало извѣстенъ, да и самая политика не возбуждаетъ къ себѣ вниманія ни новизною — потому что служить простымъ продолженіемъ системы Еруака и Хабарова, ни важностью результатовъ, хотя *Русскій Инвалидъ* и Крыжановскій распинаются за послѣднее. Такимъ образомъ любопытные факты, съ которыхъ въ послѣдствіи будетъ начинаться исторія многихъ странъ, легко могутъ прийти въ забвеніе, а это было-бы жаль. Хорошо бы сдѣлалъ кто-нибудь, написавъ исторію русскаго движенія въ Азій хотъ съ 1843 года. Но правительство едва-ли позволитъ это... развѣ такому сладкоглазливому чиновнику, какъ Петръ де Семеновъ, нынѣшній "начальникъ географіи" и директоръ статистическаго комитета, который почти ничего не пишетъ, кромѣ лестныхъ мѣръ сею, своимъ друзьямъ и себѣ самому... Правительство такъ секретничаетъ съ азіатскими дѣлами, что даже кульджинскіи трактаты 1851 г., съ Китаемъ, обнаружены только въ 1861 г., хотя это не болѣе, какъ договоръ о торговлѣ. Попробуемъ-же обнаружить хотъ нѣсколько "примѣчаній" для будущаго историка, совершенно отрывочныхъ, но, смѣемъ увѣрить, вполне достовѣрныхъ. — А пророчески, заглянемъ и на Кавказъ, т. е. тоже въ русскую Азій.

1. Восточная Сибирь.

4го Января 1854 г., Николай Павловичъ подписалъ, вопреки Нессельроде, муравьевскій проектъ о занятіи Амура. Это число вырѣзано потомъ на золотой доскѣ при серебря-

* Только-что мы отпечатали двойной листъ Колокола, которымъ заключили Первое Десятилѣтіе его, какъ получили чрезвычайно занимательныя и бойкія "Примѣчанія къ будущей исторіи нашихъ завоеваній въ Азій". Безъ сомнѣнія мы не отвѣчаемъ за оцѣнку лицъ, это остается на совѣсти писавшаго, но все изложеніе носитъ въ себѣ печать истины и наблюдательности. Благо есть мѣсто, и мы прибавили нѣсколько строкъ.

Если мы снова получимъ статью такого интереса, какъ "Примѣчанія", мы издадимъ вторую прибавочную страницу. — Изд.

ныхъ часахъ сазиковской работы, которые въ 1861 г. бывшіе сослуживцы Муравьева подарили ему. Николаю Павловичу, какъ видно, хотѣлось подѣ шумокъ войны, громившей западныя границы имперіи, сдѣлать пріобрѣтеніе на востокѣ, въ странѣ, безъ которой Сибирь безсмысленна, потому что лишена выхода. Но замѣчательно, что онъ при этомъ долго не звалъ: что *нужно* взять и что *можно* взять. Долго ломалъ онъ голову надъ этимъ вопросомъ, прикладывая линейку къ картѣ (буквально) и находилъ, что самая *естественная* граница была бы отъ Абагайту до устья Ляо по прямой линіи, ибо эта граница была бы короче всѣхъ прочихъ, а между тѣмъ отрѣзала бы 4/5 Маньчжуріи †, т. е. болѣе, чѣмъ всѣ остальные возможные границы. У Николая была страсть забирать то, что плохо лежитъ, особенно у такихъ безответныхъ людей, какъ китайцы... Ему однакожь замѣтили, что для исполненія его проекта придется зашевелить такія страны, которыя недавно населены отѣдлыми маньчжурами и китайцами, а слѣд. всегда будутъ тянуть къ Китаю, т. е. доставятъ намъ много хлопотъ; по этому Муравьевъ ухалъ, получивъ разрѣшеніе "дѣйствовать по обстоятельствамъ и только не просить денегъ".

Деньги однакоже ему были даны и именно вотъ какимъ образомъ. Разрѣшено было не держать нѣгатаго числа чиновниковъ (ясное доказательство, что ихъ было много), а отпускаемое на нихъ жалованье частію употребить на поощреніе остальныхъ, а частію на образованіе военнаго капитала, въ которомъ отчетъ представлялся только самому Николаю Павловичу. Потомъ отданы въ подобное-же распоряженіе Муравьева остатки отъ смѣжныхъ суммъ интендантства ‡, выручки отъ соловареннаго завода и пр. Войска Муравьевъ

† Нынѣшній паша носилъ въ Константинополь, Игнагъевъ, бывший въ 1857 г. военнымъ агентомъ въ Лондонѣ, даже увѣривъ англичанъ въ существованіи именно подобной границы, почему она и была нанесена на одну изъ картъ цѣлаго свѣта, издаваемыхъ въ Англии. Это очень интриговало лорда Эльгина въ Гань-дэпѣ, въ 1858 году.

‡ Смѣга интендантства составлялась и справки утверждались самимъ Муравьевымъ, слѣд. отъ него зависѣлъ размѣръ остатковъ. Это любопытно, какъ образчикъ финансово-административной прихоти.

не просит, во-первых потому, что был увѣренъ въ безкровности завоеванія, и во-вторыхъ потому, что только лишь создалъ забайкальскихъ казаковъ и хотѣлъ похвастаться, что это дѣйствительно войны, а не толпа поселянъ, которая ходитъ только на охоту за бѣлками.

Кстати объ образованіи забайкальскаго войска. Муравьевъ, объѣзжая нерчинскій край въ 1849 г., убѣдился, въ какомъ жалкомъ положеніи находятся крестьяне, приписанные къ горнымъ заводамъ, принадлежавшимъ кабинету его вѣдѣнія. Онъ рѣшился ихъ вырвать изъ хищныхъ лапъ горныхъ чиновниковъ. Но какъ же достигнуть этого? Отпустить ихъ просто на волю, какъ сдѣлали 10 лѣтъ послѣ со всѣми, Николай Павловичъ не согласился — бы; вотъ Муравьевъ и придумалъ казачество, благо оно отдавало еще ему 100,000 дубль въ непосредственное распоряженіе, какъ командующему войсками. Изъ Петербурга прислали офицеровъ обучать новое воинство артиклями, собирали полки и батальоны на нѣсколько недѣль лѣтомъ, отрывая отъ сельскихъ работъ, и занимали ученьями. Но еще въ 1860 г. эти любопытные ратники напоявали собою рекрутъ, которые пачальнику говорятъ “баринъ, сударь” и почесываютъ при этомъ затылокъ. О боевыхъ ихъ качествахъ и говорить не стоить: само правительство наконецъ отобрало у нихъ оружіе и признало по прежнему крестьянами, только оброчными, а не барщинными.

И такъ завоевательныя средства у Муравьева были: нѣсколько сотъ тысячъ (въ 1857 г. — 420,000 руб.), 4 полка старыхъ, кое-куда годныхъ казаковъ и 12 батальоновъ башибузуковъ, которымъ обыкновенно говорилось въ насмѣшку: “царь не знаетъ, что вы ему служите”. Къ нимъ онъ могъ присоединить не болѣе двухъ батальоновъ регулярнаго войска и двѣ батареи... Этою впрочемъ было довольно, что — бы въ ту пору завоевать всю Маньчжурію, ибо китайцы ужасно боялись даже холостыхъ выстрѣловъ изъ пушекъ, а въ видѣ оружія имѣли дреколья съ наконечниками, обращенными съброю краскою, подъ желѣзо.

Въ 1851 г. Муравьевъ упросилъ китайцевъ дозволить сдѣлать суда по Амуру, будго бы для Камчатки. Построили два парохода (Арзунъ и Шилку, изъ которыхъ послѣдній дѣлалъ потомъ лишь по 200 в. въ годъ), множество барокъ, нагружали скотомъ и хлѣбомъ плоты и отправили два регулярные батальоны и нѣсколько казаковъ на визовья Амура, при чемъ заселили Маринскъ и Николаевскъ.

Въ 1855 г., подъ тѣмъ-же предлогомъ “снабдить Камчатку да кресты и войска на устьяхъ Амура, которыя охраняютъ безопаснѣе имперіи” послали еще экспедицію; съ нею двинулись и нѣсколько десятковъ крестьянскихъ семействъ, заселившихъ 3—4 деревни ниже Маринска.

Въ 1856 г. новыхъ занятій не дѣлали; но за то устроили первую драму въ завоеваніи амурскаго края. О ней то мы скажемъ, потому что официальныя лѣтописцы не посмѣютъ сказать. Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ.

Муравьевъ лѣто 1856 провелъ въ Москвѣ и Петербургѣ,

на коронаціи, дѣлами въ Иркутскѣ заправлялъ Заборинскій, а собственно на Амурѣ Корсаковъ, нынѣ благополучно сатрапствующій на берегахъ Ангары. Командѣ въ 600 человекъ, подъ начальствомъ майора Обухова, велѣно было осенью вернуться изъ Николаевска за Байкаль, пройдя для этого весь Амуръ (3100 верстъ) въ лодкахъ, на бичевѣ Корсаковъ, желая при этомъ выиграть какъ можно болѣе времени, назначилъ командѣ идти по 40 верстъ въ день и по такому расчету снабдилъ продовольствіемъ магазины вдоль по Амуру. Кромѣ того солдатамъ приказано было на ночлегахъ рубить дрова для пароходовъ на будущій годъ. Очевидно, что исполнить этихъ распоряженій было нельзя, и послѣдствіи вышли такого рода: Между Кумарой и Кугомандой, которыя отстоятъ одна отъ другой 400 верстъ, солдаты застали ледъ; идти бичевою или на веслахъ было нельзя, а продовольствія имѣлось всего на 10 дней. Побились, побились, да и пришли къ убѣжденію, что нужно идти въ разбродъ, чтобы охотиться по лѣсамъ, а больныхъ вести на салазочкахъ, кое-какъ сбитыхъ. Тяжести все побросали и остались въ легкой одеждѣ, которая едва защищала отъ морозовъ и сырости. 12 или 15 дней шли несчастные, все прѣбли, а до Кутаманды еще далеко. Тогда начали ѣсть отрядныхъ собакъ, подошвы, ранцевые ремни. Самъ Обуховъ три дни питался собственной моськой. Наконецъ взялись за людей, потому что звѣрей встрѣчалось мало... Въ 1857-9 годахъ, въ одномъ батальонѣ можно было встрѣтить унтеръ-офицера и солдата, сдѣвшихъ юнкера и потому обложенныхъ эпитеміею. Это людоедство случилось такъ: они втроемъ составили было артель для охоты, но охота не удавалась. Протаскавшись дни четыре безъ пищи, они порѣшили пристрѣлить одного изъ самихъ себя, по жребію, въ пользу двухъ остальныхъ. Досталось юнкеру, и товарищи долго не рѣшались убить юношу; наконецъ онъ заснулъ и тутъ былъ порѣшенъ выстрѣломъ... Весною 1857 г. можно было также видѣть много крестовъ на побережьи Амура: то были могилы прошлогоднихъ страдальцевъ. Графъ Путягинъ и Аввакумъ служили по нимъ панихиды, но конечно по очень немногимъ: вѣдь изъ 600 человекъ вернулись за Байкаль только 270, а остальные все померли отъ болѣзней и съ голоду...

Корсаковъ однако-же на коронацію былъ произведенъ въ генералы и утвержденъ атаманомъ.

Въ 1857 году заселили верховья Амура до бурейнскихъ горъ; но какъ и кѣмъ заселили? Казаками, которыхъ судьбу описалъ четыре года спустя Максимовъ, хотя конечно слишкомъ мрачными красками*. Казачество насъ сдѣдало тогда.

Въ 1858 году — айгунскій трактатъ. Амуръ сталъ нашъ.

* Максиму, какъ и Завалишину, не слѣдуетъ много вѣрить. Первый изъ нихъ прѣхалъ въ восточную Сибирь предубѣжденный, по порученію Константина Николаевича, второй положительно писалъ и пишетъ изъ личностей, потому что съ 1857 г. ему оказывалось со стороны Муравьева и Корсакова вниманіе меньше прежняго. А оказывалось потому, что Завалишинъ, какъ старый морякъ, слишкомъ радушно встрѣтилъ Путягина въ Читѣ. Экаго рода личности у насъ рѣшительно запутываютъ исторію. Завалишинъ писалъ статьи объ Амурѣ, даже не издавши его, а только собиравъ слухи въ Читѣ.

не только de facto, но и de jure. Послали кроме того экспедицію на рѣку Усури, для развѣдомъ, и заселили все пространство отъ Зеи до Усури. Это былъ годъ торжества Муравьева, но годъ бѣдствій для поселенцевъ. Холодные, голодные, почти безъ домовъ, безъ хлѣба, скота и проч., они спасены были только въ силу того, что Богъ, какъ сказалъ Филаретъ, поступаетъ съ нами не по правосудію а по милосердію. Одни курьеры замучили своими поѣздками поселенцевъ, а дороговизна была такова, что за 20 яицъ, 2 бутылки молока и хлѣбъ въ 8 фунтовъ платили 5 руб. сер., за барана 8 руб. сер. и проч.

А тутъ еще Буссе!

Буссе, не тѣмъ будъ помянуть, былъ слабъ и мало способенъ, а впрочемъ незлой человекъ. Его Муравьевъ назначилъ губернаторомъ на Амуръ вѣроятно для того, чтобъ почетнымъ образомъ спустить изъ начальниковъ штаба. Онъ губернаторствовалъ 7 лѣтъ и не сдѣлалъ ничего для новаго края. Всѣ его подвиги состояли лишь въ томъ, что онъ отнималъ припасы и лодки у частныхъ лицъ, наивно увѣряя, что казни *онъ нуженъ, чѣмъ имъ*, да въ томъ, что заказавъ амурской компаніи, для Благовѣщенска фонари и пожарныя трубы, потомъ отказался, такъ что компанія, исполнивъ заказъ, понесла на нѣсколько тысячъ убытку. Этого рода подвиги были, впрочемъ, самыми обыкновенными на Амурѣ Бѣлоголовый не Родшильдъ, съ нимъ шутить было можно...

1859 годъ былъ ознаменованъ заселеніемъ рѣки Усури и попыткою провести границу въ пріусурійскомъ краѣ. Для послѣдней цѣли отправленъ былъ генеральнаго штаба подполковникъ Будогосскій, которому даны команды и 14,000 руб. сер. денегъ. Ни разграниченія онъ не сдѣлалъ, ни денегъ не воротилъ; но за то прославился варварствомъ даже въ Сибири, гдѣ нагайка и плеть были самою обыкновенною вещью. Одинъ солдатъ въ Хабаровкѣ былъ запертъ нѣтъ на смерть, нѣсколько другихъ до полусмерти, да и офицеры онъ не щадилъ. Руководствуясь личными отношеніями, онъ хотѣлъ даже *уморить голодомъ* своего сослуживца, Ельца, но это ему не удалось. Голодный, оборванный Елецъ, выйдя къ морю, дѣйствительно скитался недѣли двѣ по берегу, отчаяваясь въ приходѣ судна, которое бы отвезло его въ Николаевскъ, но наконецъ былъ спасенъ случаемъ. Транспорть "Байкаль" зашелъ въ Ольгинскую гавань и принялъ его на бортъ. Бумага - же къ губернатору въ Николаевскъ пришла, по *предназначенному* распоряженію Будогосскаго, только въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, т. е. тогда, когда было бы поздно отправлять корабль за Ельцомъ.

Будогосскій 8 Сентября 1859 г. былъ произведенъ въ полковники, получилъ 500 руб. пожизненной пенсіи и теперь гдѣ - то командуетъ полкомъ, кажется у Коцебу, который однако-же не потерпѣлъ его въ генеральномъ штабѣ.

Въ 1859 году было еще одно любопытное событіе, касающееся Амура. Въ это время амурскій край былъ въ величайшей славѣ и множество крестьянъ изъ восточной и средней

Россіи желали переселиться туда. Многие крѣпостные даже выкупались для этаго отъ своихъ господъ, которые были рады сбыть ихъ, чтобы примержевать къ себѣ ихъ надѣлы до выхода ожидавшагося указа, да положить сотни двѣ - три рублей за *душу*. Составились двѣ большія партіи колонистовъ, въ 500 семействъ, которыхъ правительство и рѣшило переселить на Амуръ. Первая партія прошла черезъ всю Сибирь и теперь живетъ между Усури и Маринскомъ; но со второй случился "маленькій казусъ", отлично рекомендующій нашу администрацію. Въ енисейской губерніи 1859 годъ былъ неурожайный. Муравьевъ писалъ министру государственныхъ имуществъ (Муравьеву - же, но пѣшателю), чтобы не торопился слишкомъ съ переселенцами и назначилъ имъ малые переходы или-же приостановилъ въ западной Сибири, до подножнаго корма. Министерство госуд. им. распорядилось такъ: приказало изъ Омска повернуть колонистовъ вверхъ по рѣкѣ Иртышу, вмѣсто того, чтобы направить ихъ въ Барабу, а затѣмъ предоставило генералъ - губернатору *западной* Сибири распорядиться съ ними какъ хочетъ. Гасфордъ въ это время собирался формировать пѣшіе казачьи батальоны, ему люди были нужны, вотъ онъ и рѣшилъ: поселить ихъ на Иртышѣ и обратить въ казаковъ. Провели поселенцевъ въ Семипалатинскъ и расположили по деревнямъ, будто-бы на зиму, до дальнѣйшаго движенія на Амуръ по лучшей дорогѣ; потомъ губернатору Панову поручено было склонить переселенцевъ къ подвизанію алта о томъ, что "они добровольно желаютъ остаться на Иртышѣ". По тутъ былъ встрѣченъ единодушный отпоръ. Бывшіе крѣпостные даже соглашались снова вернуться къ помѣщикамъ, лишь-бы нейти въ казаки. Тогда шестерыхъ изъ нихъ посадили въ острогъ, и Пановъ, по предписанію свыше, призывалъ ихъ къ себѣ каждый день для усовѣщеванія (Пановъ вообще человекъ мягкій). Но усовѣщеванья не повели ни къ чему а между тѣмъ нужно было снѣшить окончателю дѣла, ибо приближалась весна. Тогда посланъ былъ къ переселенцамъ адъютантъ Юшинъ, которому приказано было объявить этимъ несчастнымъ, "что если они не подпишутъ просьбы о добровольномъ водвореніи ихъ на рѣкѣ Иртышѣ, то завтра же придетъ казачья сотня и насильно ихъ разведетъ въ назначенныя мѣста, а зачинщики пойдутъ въ рудники". Нечего дѣлать, поселенцы подписали актъ "добровольнаго согласія, просьбу" и нынѣ разрабатываютъ песни, соедініе Семипалатинску.

Стоило бы еще сказать нѣсколько словъ о "сынкахъ", т. е. штрафованныхъ солдатахъ, которыми Муравьевъ думалъ заселить Амуръ въ угоду Сухозанету и Лауницю; но объ нихъ уже сказано кое-что Максимовымъ и другими. Да и штрафованные сами наказали Мурьева за то, что онъ такъ деспотически прогналъ ихъ черезъ всю Сибирь, переженилъ на каторжныхъ и публичныхъ женщинахъ и потомъ отдалъ въ работники казакамъ. Они захватили одну изъ казенныхъ баровъ и нѣкоторое время занимались пиратствомъ на низовьяхъ Амура, при чемъ отрѣзали кухню самаго генераль-

губернатора. Мы не будем о них говорить въ предположеніи, что и официальный историкъ не скроетъ неудачной мѣры, которую само правительство спѣшило исправить уже въ 1861 году. А какъ послѣ 1859 года ни какихъ новыхъ захватовъ земель въ восточной Сибири не было*, то и перейдемъ теперь въ западную.

Оренбургъ, 20 мая 1867.

P. S. Но прежде чѣмъ дѣйствительно перейти въ западную Сибирь, расскажем еще одинъ фактъ, любопытный для исторіи нашего движенія въ восточной. Когда занятіе Амура началось, американцы, взглянувъ на карту, предположили, что колонизація береговъ такой большой рѣки пойдетъ столь же быстро, какъ напр. Калифорнія, и потому сообразили, что для облегченія дѣла весьма полезно соединить желѣзною дорогою верховья Амура съ Байкаломъ. У янки задумано, значитъ сдѣлано. Написали проектъ дороги и представили Муравьеву; тотъ послалъ въ Петербургъ. Черезъ нѣсколько времени получается отвѣтъ изъ Сибирскаго комитета съ приложеннымъ къ нему докладомъ Чевкина, что “де желѣзную дорогу пропустить рано(?), что американцы *пожалуй* надуютъ, что они вытянутъ капиталъ изъ восточной Сибири, а потомъ откажутся отъ дѣла” и проч. (американцы предлагали акціи продавать въ Америкѣ, а не въ Россіи)... “Все это, что написалъ Чевкинъ, — вздоръ, замѣтилъ Бутковъ, передавая конвертъ Ѳ. Беклемишеву для доставленія по назначенію: вы такъ и скажите Николаю Николаевичу. А сущность въ томъ, что нельзя намъ пустить на Амуръ и въ Сибирь республиканцевъ: они разовьютъ тамъ свой духъ и Сибирь отвалится отъ насъ”.

Вотъ онѣ тайныя пружины политики, высказанные неспособнымъ къ тайнѣ Бутковымъ! Не положе ли это на несогласіе открыть университетъ въ Сибири, несогласіе дважды заявленное правительствомъ подъ тѣмъ же предлогомъ, что *рано*? Не выражаетъ ли это *рано* то же опасеніе за какой то духъ... конечно неприятный людямъ бездушнымъ.

II. Западная Сибирь.

Ходъ завоеваній въ западной Сибири въ теченіи XIX столѣтія замѣчателенъ тѣмъ, что никто, никогда не знаетъ: по какому случаю онѣ начались, когда и гдѣ кончатся? Этою даже не знало само правительство въ Петербургѣ, пока наконецъ, для обузданія завоевательныхъ тенденцій генералъ-губернаторовъ, не рѣшилось условиться о границѣ съ Китаемъ и передать южныя пограничныя земли въ оренбургское вѣдомство. Обыкновенно выставляли поводомъ къ движенію впередъ то, что-де хищники беспокоятъ передовую линію, слѣдовательно ее нужно прикрыть спереди... линіею-же, то есть рядомъ свачага укрѣпленій, а потомъ и станціи, заселенныхъ казаками. Однѣ изъ первыхъ движеній за

* Но могло быть, ибо еще Муравьевъ, черезъ Десночь-Зеновича, теперешлаго тобольскаго губернатора, пыталъ пограничныхъ монгольскихъ князьковъ не желаютъ-ли они вѣдунтоваться противъ Китая?

старую, екатерининскую линію сдѣланы были Броневскимъ, гѣмъ самымъ, который извѣстенъ за гомерическаго кутягу. Броневскій* ходилъ въ степь для заложенія первыхъ укрѣпленій и потомъ торжествовалъ свои военные подвиги въ Омскѣ, разъѣзжая на эшафотной колесницѣ, съ колесомъ вмѣсто трубы въ рукахъ и въ сопровожденіи громадной толпы народа, батальона солдатъ и пушекъ, изъ которыхъ потомъ стрѣлялъ ядрами въ домъ коменданта (это вѣрно). Не мудрено, что подобнымъ широкимъ натурамъ было тѣсно на Иртышѣ и ихъ тянуло въ степь.

Мы начнемъ наши примѣчанія съ 1840хъ годовъ, когда генералъ-губернаторомъ былъ князь Горчаковъ (Петръ Дм.). Какъ оренбургское, такъ и сибирское начальство были тогда заняты ловлею извѣстнаго султана Кеписары, волновавшаго степь. Эта ловля была очень занимательна, *интересна*... но исключительно для ловившихъ. Подъ предлогомъ, что Кеписара предводительствуетъ конницею и что за нимъ гоняться въ степи трудно, все равно, что въ полѣ за вѣтромъ, высылали нѣсколько лѣтъ сряду цѣлые полки казаковъ 9-дву-конь, чтобы побольше требовать фуража, т. е. денегъ, ибо какой-же въ степи фуражъ, кромѣ даримой Богомъ травы? ни овса, ни даже сѣна въ ней нѣтъ. Начальники—и не только полковые но даже сотенные—паживались страшнымъ образомъ. Артиллеріи поручикъ Аббакумовъ, командуя небольшими частями, нажилъ 30,000 рублей, есаулъ Волковъ, вернувшись съ “охоты” въ Омскъ, выстроилъ себѣ прекрасный домъ и основалъ кожевенный заводъ, а подполковникъ Карбышевъ приобрѣлъ кругленькую сумму 200,000 рублей.

Вообще степь завоевана казаками и все по той же системѣ, à la Ерманъ. Казаки, которыхъ полковникъ Слущкій наивно называлъ *апостолами цивилизаціи* въ киргизской степи, шли за Иртышъ на службу и на грабежъ, дѣлавшій службу выгодною. Киргизы ихъ до такой степени боялись и боялись доселѣ, что если аулу приходится кочевать только *въ виду* (а въ степи видно далеко) казанкаго пикета, то на пикетъ посылаются баранъ или два, смотря по многочисленности аула. Казаки хвастаются тонкостями въ грабительствахъ. Такъ напр. съ тордостью рассказываетъ ими слѣдующій анекдотъ. Нѣсколько казаковъ съ пикета урвали корову и заперли ее въ цейхгаузъ, а преслѣдовавшимъ объявили: ищите, а если не найдете, то штрафъ за безчестіе. Когда же киргизы указали на запертый чуланъ, то получили въ отвѣтъ: да у насъ и ключа отъ цейхгауза нѣтъ; поѣзжайте за нимъ на сосѣдній пикетъ къ офицеру. Киргизы поѣхали, но во время ихъ отсутствія и не смотря на присмотръ оставшихся, казаки успѣли вывести изъ чулана корову, разобрать заднюю стѣну. Разумѣется, когда ключъ былъ привезенъ, въ чуланѣ не нашлось ничего, и киргизы заплатили, сверхъ пропавшей коровы, еще двухъ барановъ за безчестіе. Волы уводимые въ сапогахъ, бараны, отбиваемые стадами—не рѣдкость даже и нынѣ. Городокъ Аягузъ пришлось переносить съ мѣста на

* Броневскій былъ начальникомъ штаба сибирскаго корпуса.

мѣсто, чтобы сдѣлать его торговымъ, и все таки дѣль не была достигнута, благодаря казачьему управленію. Первоначально мѣсто подъ городъ выбрано было у самой большой караванной дороги изъ Чугучака въ степь; но едва городъ возникъ, караваны стали ходить въ 30 верстахъ сѣвернѣе; перевесли его на новое мѣсто, — татары вернулись на старый путь.

Въ 1854 году — опять въ томъ-же, какъ первая амурская экспедиція — основано было укрѣпленіе Вѣрное, у подножія Алатаускихъ горъ, а въ 1855 году около него возникла станція. Эта колонія отвѣла лучшія земли у киргизовъ Большой орды и вмѣстѣ навсегда замкнула въ наши предѣлы киргизскую степь. Гасфордъ торжествовалъ; онъ думалъ получить титулъ “Зайсийскаго” графа, подобно Муравьеву, получившему титулъ Амурскаго... Но титула не дали, и вотъ онъ сталъ обдумывать дѣйствительную войну — съ коканцами. Обширные доклады были написаны, чтобы убѣдить государя, что безъ взятія “крѣпостей” Такмака и Пишпека, лежащихъ у нашихъ границъ и служащихъ центрами инициативы коканскихъ киргизовъ, спокойствіе невозможно. Самыя крѣпости были представлены чѣмъ-то серьезнымъ. Снарядили отрядъ въ 2000 человекъ (по степному очень большой), сформировали осадный паркъ, огромный обозъ съ хлѣбомъ и другими предметами, и все это предположено было ринуть на пожатіе лавровъ въ 1860 г... Вдругъ нось! — Сухозанеть, нелюбившій Гасфорда, прислалъ ему въ сотрудники, въ менторы Циммермана, который и взялъ “приступомъ” и “правильною осадю” Токмакъ и Пишпекъ. Это — любопытное въ комическомъ смыслѣ завоеваніе.

Токмакъ былъ лопатинное стойло, нѣчто въ родѣ жаровни изъ глины. Его запрещено было брать легкимъ отрядамъ въ предыдущіе годы собственно потому, чтобы придать всей войнѣ больше важности. Онъ и слазся Циммерману безъ выстрѣла, хотя Циммерманъ получилъ за то генерала. Пишпекъ былъ немножко побольше, но до такой степени ничтоженъ, что, когда Циммерманъ предположилъ противъ него *осаду*, долженствовавшую украсить релянцію, то единственная осадная траншея была поведена, на смѣхъ военному искусству, по прямой линіи къ укрѣпленію, такъ что даже въ раненые въ ней были ранены въ ноги. Черезъ три дни Пишпекъ сдася, и Циммерманъ почувчалъ легиу, да добивался потомъ Георгія. Въ большое затрудненіе поставило великаго воеводу то — какіе-жъ трофеи послать въ Петербургъ? Не было даже ключей отъ крѣпости, потому что ворота изнутри подпирались бревномъ, къ почтовой пересылкѣ въсколько неудобнымъ. Вотъ наши въ комендантской копюшнѣ замокъ и при немъ ключъ, который и послати съ курьеромъ. Завоевавъ двѣ крѣпости, Циммерманъ бросилъ ихъ и уѣхалъ въ Россію, а коканцы немедленно возстановили Пишпекъ, и 20,000 рублей, израсходованные на экспедицію, пропали совершенно напрасно.

Системы и цѣли государственной очевидно въ военныхъ дѣйствіяхъ не было: да и какой-же хотѣть тутъ системы,

когда въ Петербургѣ даже плохо знали географію средней Азіи. Когда релянція о Пишпекѣ появилась въ газетахъ, генераль-адъютанты, министры спрашивали: что это такое и гдѣ лежитъ? на Кавказѣ или въ Китаѣ? Даже укрѣпленіе “Вѣрное” обыкновенно считалось кавказскимъ (3500 вѣрствъ). Петръ де Семеновъ приобрѣлъ славу ученаго, глубокомысленно выдавая себя за знатока этихъ отдаленныхъ пустынь, гдѣ “Вѣрное” лежитъ будто бы среди абрикосовыхъ рощъ. Онъ восхвалялъ ихъ величіе, горную ихъ природу, кровавыя войны между туземцами, въ которыхъ ему приходилось быть миротворцемъ, забывая даже то, что онъ большую часть времени въ Сибири врозель за картами у Панова или въ Омскѣ. Подвигъ Циммермана показался въ Петербургѣ чѣмъ-то въ родѣ измаильскаго штурма; Сухозанеть о немъ телеграфировалъ государю за границу.

Съ 1860 года, т. е. съ удаленія Гасфорда и замѣны его безвѣстнымъ и поврежденнымъ Дюгамелемъ, правительство начало подумывать о томъ, что дѣлать въ степи, на чемъ остановиться? Прежде всего рѣшились покончить съ Китаемъ, чтобы отнять у генераль-губернаторовъ всякую возможность къ военнымъ подвигамъ въ этомъ направленіи. Снарядили комиссію для разграниченія и послали ее въ Чугучакъ; но тутъ вышелъ забавный скандалъ. Начальникомъ комиссіи былъ Бабковъ, который по первой заповѣди о блаженствѣ будетъ непременно въ царствѣ небесномъ. Онъ забылъ въ Омскѣ попросить себѣ полномочіе, которое было совершенно необходимо въ дѣлѣ съ такими формалистами, какъ китайцы; а потому, когда комиссія прибыла въ Чугучакъ, китайскіе уполномоченные отказались имѣть съ ней дѣло, требуя кредитивныхъ грамотъ за государственною печатью. Бабковъ, совершенно растерявшійся, не зналъ что дѣлать, и наконецъ придумалъ. Выпросилъ у консула Скачкова фактуру семипалатинской таможни и ее предъявилъ какъ кредитивную грамоту, потому что на ней былъ государственный гербъ. Но китайцы смекнули въ чемъ дѣло. “Что это вы предлагаете намъ счетъ изъ лавочки вмѣсто государственной грамоты? Вы, какъ видно, обмащники...” Переговоры тянулись потомъ два года и кончились въ сущности ничѣмъ, ибо въ 1863 году началось возстаніе Дунганей, и китайцамъ стало не до пограничной комиссіи.

Мы замѣтили, что правительство съ 1860хъ годовъ начинаетъ подумывать о киргизской степи, и дѣйствительно, его стремленіямъ въ этомъ случаѣ нельзя не вѣрить: онъ выразился въ снаряженіи особой экспедиціи для изученія края, его обычаевъ, нравовъ и проч. Но вотъ вопросъ: имѣли ли само правительство ясную идею о томъ, къ чему должно стремиться въ этомъ краѣ, завоеваніе котораго окончилось едва 10—12 лѣтъ назадъ? Очень сомнительно; оно никогда не отличалось подобной предусмотрительностью и дѣйствовало весьма безсистемно. По этому мы и не удивляемся, что посланная въ 1864—5 г. комиссія Гирса и К° пока не выработала ничего прочнаго. (Да и самый дѣльный, самый знающій членъ ея, Гутковский, умеръ въ пасторшемъ году).

Трудно пока сказать, чего хочет правительство, чего должны ждать от него киргизы. Будут ли заводиться школы, или станут хлопотать о мечетях? станут ли утверждать ашар, шариах или же введут нечто в родъ гасфордской релігіи, смѣси исламизма и протестантства? Останутся ли по прежнему указы, въ которыхъ всеѣмъ вѣрочали непремѣнные члены, и старшіе султаны смѣни куклами, или, на оренбургскій манеръ, вся степь будетъ подчинена султанамъ, безъ приказовъ и непремѣнныхъ членовъ? Взавъ въ соображеніе нашу любовь къ чиновничеству, нельзя, кажется, сомнѣваться, что указы и канцеляріи восторжествуютъ, т. е. отъ положенія Сперанскаго отступленій большихъ не будетъ, хотя канцеляріи—язва степи и всегда будутъ ненавистны народу, потому что онъ кочевой и живетъ воздухомъ степи, имѣющей остаться степью на вѣки.

Мы не станемъ здѣсь говорить о подвигахъ сибирскаго воинства подъ начальствомъ Черниева, совершенныхъ въ послѣднее время: они принадлежатъ уже оренбургскому періоду управленія нашей туркестанской границей. Но мы позволимъ себѣ спросить почтеннаго покорителя Ташкента: зачѣмъ штурмовалъ онъ Аульгата, когда жители его сами изъявляли готовность покориться? Неужели кровь лилась для реляцій? Это слишкомъ ужъ по кавказски.

Самара, 22 Мая 1867.

III. Оренбургскій край.

Нигдѣ безсистемность, безпутность русской азіатской политики не сказала такъ рѣзко, какъ въ Оренбургѣ. Это легко пойметъ всякій при одномъ наименованіи оренбургскихъ генералъ губернаторовъ за послѣдніе 25-30 лѣтъ и изъ коротенькихъ замѣтокъ объ ихъ управленіяхъ.

Сначала *Перовскій* въ 1-й разъ. Патура широкая, онъ хватаетъ прямо за корень, идетъ въ Хиву, чтобы сразу и степь замирить навсегда, и англичанамъ запереть дорогу въ среднюю Азію. Но это ему не удается. Кто-то увѣрилъ его, что въ Хиву нужно идти зимою, и онъ идетъ; не дойдя половины дороги, теряетъ половину солдатъ и 12,000 верблюдовъ, набравшихъ у киргизъ, за тѣмъ возвращается въ Оренбургъ съ сознаніемъ, что дѣлалъ неудачный набѣгъ... въ собственныя владѣнія. А англичане тѣмъ временемъ приближаются и въ Бухару, и въ Хиву... *Перовскій* считаетъ, что "степь должна всегда оставаться степью, а киргизы—вомадами"; онъ не позволяетъ за Ураломъ впахать и клочка земли, скосить десятину луговъ. Онъ даже не устраиваетъ тамъ ни одного укрѣпленія, за исключеніемъ впрочемъ китайскаго вала, которымъ думалъ отгородить пространство между Орскою, Верхнеуральскою и Звѣриноголовскою и который доселѣ, на протяженіи 18^{ти} верстъ, стоитъ памятникомъ невѣдства и безумія.

Перовскій смѣненъ, его заступаетъ *Обручевъ*. Тутъ, совершенно напротивъ, захватываютъ всю сѣверо-западную часть степи, выгоняютъ изъ нея киргизъ и заселяютъ казаками,

причемъ *Обручевъ* олицетворяетъ весь свой формулярный списокъ въ видѣ *Бородина*, *Лейпцига*, *Феръ-Шампенуаза*, *Нарижа* и пр.—жалчайшихъ деревушекъ, въ которыхъ только дисциплина заставитъ жить казаковъ. Въ противоположность *Перовскому* *Обручевъ* строитъ въ степи постоянныя укрѣпленія и не любитъ подвижныхъ, дорого-стоющихъ и недостигающихъ цѣли отрядовъ. При этомъ на одномъ изъ этого рода докладовъ по подобнымъ дѣламъ *Николай* пишетъ собственноручно: "кажется, что въ Сыръ-дарьѣ лучше будетъ устроить укрѣпленіе, чѣмъ на Эмбѣ", какъ будто 400 вѣстесковъ между Эмбою и Сыромъ для него ничего не значатъ. Это знаменитое кажется и положило начало цѣлѣйшей сыръ-дарьинской линіи, и стало быть, завоеваніемъ въ Туркестанѣ. Оно ясно доказываетъ, что *Николаю Павловичу* только казалось, что Сыръ-дарья лучше для округленія степи, но что прочнаго убѣжденія онъ не имѣлъ. *Обручевъ* же вовсе не думалъ идти такъ далеко. Онъ русскія владѣнія предполагалъ ограничить съ юга безплодными и безводными стенами *Усть-Урта*, *Кара-Кума* и *Бедпакъ-Дала*, руководствуясь *Mémoires de Narouéon*, гдѣ говорится, что степи—самыя неприступныя изъ раницъ (вообще для регулярныхъ армій).

Обручевъ, раззоривши Башкиръ посылкой изъ въ степь съ подводами для перевозки казенныхъ тяжестей, сдѣлалъ въ архивъ, и на его мѣсто во 2-й разъ посаженъ *Перовскій*. Тутъ опять прежняя исторія: степь не заселяютъ, ее держатъ въ покорности подвижными отрядами, какъ будто цѣль наша завтра же уйдти вошь, оставивъ киргизъ свободными. Но столкнувшись на Сырѣ съ коканцами, *Перовскій* вынужденъ взять у нихъ *Ахмечеть*. Возникаетъ цѣлый рядъ укрѣпленій, даже флотилія на Аральскомъ морѣ... впрочемъ изъ такихъ пароходовъ, которые нужно возить на людяхъ вмѣсто того, чтобы они возили людей:

Перовскій сталъ старъ, занимался развратомъ и, хотя остался "рыцаремъ чести", но ничего не видѣлъ вокругъ себя, а потому просилъ о присылкѣ другаго, свѣжаго человѣка. Послали сѣдаго какъ лунь *Катенина*, который при этомъ обѣщалъ не завоевывать больше клочка земли, чтобы не бросать денегъ въ бездонную яму, чтобы не приходилось бревна возить изъ Оренбурга въ фортъ *Перовскій* (1400 в.) на вьюкахъ. *Катенинъ* прѣзжаетъ, живетъ большимъ баринномъ, обжирается, ѣдетъ въ степь съ пышностью сатрапа персидскаго*, и пишетъ оттуда знаменитое письмо къ *Ив. Толстому*, бывшему товарищу *Горчакова*, гдѣ доказываетъ, что "воевать намъ нужно, что нельзя остановиться раньше, какъ у *Мешхеда*, *Герата* и *Балка*". *Катенина* слушаютъ, какъ слушали вѣхъ другихъ (за недостаткомъ государственнаго опредѣленнаго взгляда), посылаютъ экспедиціи въ землю туркменовъ (*Дандевиль*), въ устье Аму-дарьи (*Черняевъ*), къ сторонѣ Хивы (*Мейеръ*), въ *Каратевскія* горы и пр. По

* Отправляясь въ степь, *Катенинъ* объявилъ, что не желаетъ парадныхъ встрѣчъ. Тѣмъ не менѣе пограничная комиссія собрала 60 тысячъ рублей съ одного западнаго отряда орды именно для этой цѣли. Куда дѣлись эти деньги, долженъ знать *В. Григорьевъ*, биографъ *Грановскаго*.

такова непослѣдовательность въ дѣйствіяхъ правительства, что рядомъ съ этими предпріятіями, имѣющими завоевательную цѣль, отправляется въ Бухару и Хиву посольство Игнатьева для заключенія торговыхъ трактатовъ, какъ будто мы думали уважать цѣлость, независимость этихъ ханствъ, какъ будто хлопотали замѣнить въ средней Азии *le droit de conquête par le droit des gens*.

Катенинъ, любившій насвистывать въ своемъ кабинетѣ, когда его считали занимающимся дѣлами, умираетъ, объѣвши въ Уральскѣ разныхъ рыбныхъ сластей и оставивъ 100,000 долгу казнѣ. Въ сознаніи необходимости посадить въ Оренбургъ дѣльца и *честнаго* челоуѣка, посылаютъ туда *Безака*, котораго только года за четыре выгнали изъ артиллерійскаго вѣдомства за какія то денежные дѣла. Безакъ подвигается въ степи *à pas lents* и едва-ли не первый занимается устройствомъ страны. Онъ переводитъ киргизъ изъ вѣдомства иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ они состояли чуть-ли не девпносто лѣтъ, устраиваетъ почтовые сообщенія съ Сырѣ дарьей и освобождаетъ башкиръ отъ военной службы, состоявшей въ перевозкѣ тяжестей на подводахъ. Безакъ распорядителенъ, онъ записываетъ дурныхъ чиновниковъ въ черную книжку, объявляетъ даже объ этомъ въ газетахъ; отъ него ждутъ чего то серіознаго. Но вдругъ только-что украшенный андреевской лентою Анненковъ оказывается неспособнымъ въ югозападномъ краѣ—Безака берутъ отъ банкиръ и киргизовъ и посылаютъ въ Кіевъ.

Тогда является *Крыжановскій*, его родственникъ, ужасная попрошайка, любитель подъемныхъ денегъ и всякаго рода пособій, покровитель своихъ родныхъ* и, по общему, единодушному и справедливому мнѣнію—шарлатанъ и хвастунъ. Хвастовство его простирается до того, что онъ вслухъ говорить, что въ Россіи нѣтъ другаго генерала, который можетъ занять мѣсто главнокомандующаго въ европейской войнѣ и прибавляетъ, что мѣсто это ему обѣщано государемъ. Мы могли бы пройти его молчаніемъ, какъ челоуѣка, который не найдетъ мѣста въ исторіи по совершенному ничтожеству своей дѣятельности; мы и промолчали бы, если бы его біографія не служила доказательствомъ того, что въ Россіи люди выходятъ не способностями, не твердымъ характеромъ, а именно ихъ отсутствіемъ, совершенной безцвѣтностью и однимъ лишь умѣньемъ поддѣлываться къ сильнымъ міра сего. Разсмотримъ-же эту біографію, на сколько, конечно, то нужно для объясненія административнаго поприща теперешняго оренбургскаго генералъ-губернатора.

Крыжановскій челоуѣкъ совершенно случайный и попалъ въ широкую сферу, какъ говорится, фуксомъ. Его дѣю было завѣдывать артиллерійскою школою, и тутъ онъ былъ, по-

* Изъ множества ихъ приведемъ хоть одного Юна, котораго Крыжановскій тянетъ, какъ говорится, за уши и исторія котораго попала въ газеты. Этотъ зять Крыжановскаго объявлялъ, что онъ “открылъ на Сырѣ-дарь русскую Помею, которая по просвѣщенному распоряженію генералъ-губернатора охраняется отъ дальнѣйшаго разрушенія”. Расчетъ на славу былъ вѣрноп; но увы! русская Помея оказалась мусоромъ, неимѣющимъ историческаго значенія и давно извѣстнымъ.

жалуй, на мѣстѣ. Сухозанетъ, знавшій его въ Севастополѣ, слышавшій его лестные о себѣ отзывы въ Петербургѣ и желавшій окружить себя людьми преданными, ему всѣмъ обязанными, думалъ было назначить его директоромъ канцеляріи военнаго министерства, но получилъ любопытный щелчокъ, который и былъ пьедесталомъ для Крыжановскаго. Нынѣшній оренбургскій губернаторъ не хотѣлъ идти въ эту должность безъ прибавки жалованья въ 10,000 руб. и увольненія отъ обязанности дѣлать доклады товарищу министра, Милютину. Сухозанетъ недѣли двѣ съ нимъ торговался, и наконецъ они сошлись на 8,000 рублѣхъ и увольненія отъ Милютина. Затѣмъ Сестрицы изъ приличія написавъ вел. князю Михаилу Николаевичу, какъ генералъ-фельдцейхмейстеру, не встрѣчается-ли препятствій къ переводу Крыжановскаго на другое мѣсто? Тотъ отвѣчалъ, что нѣтъ, по ходившіе по городу слухи о торгѣ передалъ государю. Этотъ разсердился и во время одного изъ докладовъ спросилъ у Сухозанета :

— Правда-ли, в. в-во., что у васъ въ министерствѣ готовятся важныя измѣненія въ составѣ директоровъ?

— Такъ государь, отвѣчаетъ Сухозанетъ : генералъ Лихачевъ просится изъ директоровъ канцеляріи.

— Кого же имѣете вы въ виду на мѣсто его?

— Генерала Крыжановскаго, государь.

— Ну и вы съ нимъ говорили объ этомъ?

— Говорилъ, государь.

— Я слышалъ даже, что онъ требуетъ какихъ-то особыхъ условій?

— Да, государь Крыжановскій челоуѣкъ не богатый, онъ проситъ прибавки къ жалованью.

— Сколько-же нужно ему?

— Восемь тысячъ рублѣй.

— Ну, и вы обѣщали ему?

— Обѣщавъ.

— Но изъ какихъ-же суммъ?

— У меня есть въ распоряженіи суммы военнаго министерства.

— А другихъ условій не было?

— Онъ проситъ уволить его отъ докладовъ Милютину.

— Вы и это ему обѣщали?

— Обѣщавъ, государь.

— Позвольте-же спросить, в. в-во. — возразилъ наконецъ Александръ Николаевичъ — въ какой арміи служите вы, въ русской или въ турецкой? Вы, стражъ военныхъ законовъ и дисциплины, позволяете себѣ явно ихъ нарушать... А чтобы намъ было памятно это, такъ объявляю вамъ, что генералъ Крыжановскій директоромъ у васъ не будетъ. Хотѣли сдѣлать, такъ должны были обратиться не къ нему, а ко мнѣ”.

Сухозанетъ, расплаканный, поѣхалъ изливать горе свое къ Герингенцвейгу, государь же *изъ деликатности*, чтобы не обидѣть Крыжановскаго, котораго исторія огласилась, сдѣлалъ его начальникомъ штаба въ Варшавѣ. Вотъ начало карьеры его.

Начальникомъ штаба въ Варшавѣ Крыжановскій пробылъ недолго. Не съ его головой было вести дѣла во время борьбы съ возстаніемъ въ краѣ. Его убрали въ Петербургъ, и тутъ онъ сталъ заискивать у того самаго Милютина, которому прежде не хотѣлъ дѣлать докладовъ. Милютинъ выпросилъ ему, какъ покаявшемуся, мѣсто помощника по военной части у Муравьева; но Крыжановскій и здѣсь показалъ, что онъ человѣкъ совершенно пустой. Обѣзжая войска для смотрень, онъ вездѣ говорилъ: ‘я, у меня’ и т. п., давая понять, что онъ уже назначенный Муравьеву преемникъ. Мало того, тайкомъ поѣхалъ изъ Гродно въ Варшаву и здѣсь сталъ спрашивать у Берга совѣтовъ: какъ бы дѣйствовать въ согласіи съ нимъ, какъ держаться одной политики(!), т. е. по просту хотѣлъ подмазаться къ Бергу на всякій случай. Бергъ, испытанный придворный интриганъ, не хотѣлъ дѣлать не-пріятностей всеильному тогда Муравьеву связью съ его ненадежнымъ помощникомъ: онъ написалъ въ Вильно письмо, что-де очень жалѣеть объ удаленіи Муравьева и никогда не повѣрилъ бы ему, если бы не слышалъ отъ Крыжановскаго. Тогда Муравьевъ разсвирѣпѣлъ, и Крыжановскій полетѣлъ за границу. Наконецъ Безакъ указалъ на него, какъ на преемника себѣ въ Оренбургѣ, чтобы назначеніемъ родственника прикрыть кое-какіе грѣшки. Вотъ исторія назначенія его генералъ-губернаторомъ въ краѣ съ 4 милліонами населенія самаго разнороднаго, гдѣ нужно хорошо знать и быть инородцевъ, и законы, для нихъ существующіе, въ краѣ, гдѣ приходится дѣлать завоеванія уже не безлюдныхъ степныхъ пространствъ, а густо-населенной страны, гдѣ есть своего рода цивилизація, сильный торговый классъ и не менѣе сильное мусульманское духовенство...

Крыжановскій ничею не понимаетъ ни въ гражданской, ни даже въ военной администраціи, пишетъ безпрестанно проекты и посылаетъ ихъ въ Петербургъ, откуда они обыкновенно возвращаются съ ироническими отвѣтами. Министры его не ставятъ въ грошъ, и онъ у нихъ обилъ всѣ пороги. (Конечно, большинство министровъ довольно этимъ; какіе генералъ-губернаторы, какъ Муравьевъ или Катенинъ, державшіе сношенія съ самимъ государемъ и державшіеся прилично, не унижаясь, имъ острыя пошья). Дм. Милютинъ держитъ его, кажется, лишь для того, чтобы насмѣшливой снисходительностью посильнѣе унижить, т. е. отомстить за прежнее поведение*. Въ краѣ надъ нимъ смѣются, да и нельзя не смѣяться. Черняевъ прямо сказалъ адъютанту Крыжановскаго, пришедшему пригласить его къ генералъ-губернатору въ Ташкентъ: ‘зачѣмъ я пойду? что скажетъ онъ путнаго? Онъ такой-же губернаторъ, какъ я; да я еще

* А пропус, нельзя не замѣтить исключительнаго вліянія Милютина въ назначеніи генералъ-губернаторовъ. Всѣ они военные генералы, всѣ командующіе войсками. Создавая военно-окружныя управленія, Милютинъ очевидно имѣлъ въ виду это, т. е. прямо мѣтилъ забрать въ свои руки назначеніе въ тѣхъ важнѣйшихъ дѣйствующихъ лицъ въ провинціяхъ. Отъ чего бы напр. теперь въ Оренбургѣ не имѣть штатскаго генералъ-губернатора? Вѣдь всѣ войска этого края въ Туркестанской области, гдѣ есть военный губернаторъ изъ генераловъ.

ханъ*, такъ унижаться мнѣ передъ нимъ не слѣдуетъ”. — И пошелъ не въ мундирѣ, а въ кителѣ.

Но мы уклонились отъ сущности дѣла, отъ хода завоеванія и эпизодовъ, сопровождавшихъ его и могущихъ быть интересными для будущаго историка. Досадно признаться, а еще никогда и нигдѣ, кромѣ Кавказа, обманъ, шарлатанство не достигали такихъ размѣровъ, какъ въ Туркестанской области. Черняевъ честный человѣкъ и способный, — но допустилъ своихъ подчиненныхъ раскрасить 400,000 рублей и любилъ писать реляціи по кавказски. Онъ перещеголялъ даже Циммермана въ дѣлѣ представленія трофеевъ своихъ побѣдъ: — посланные въ Петербургъ ключи Ташкента были просто заказаны слесарю 4го линейнаго оренбургскаго батальона. Смѣявшій его Романовскій оказался человѣкомъ положительно ненадежнымъ. Онъ не только морочилъ правительство реляціями — объ Ирджарской битвѣ, которую востраннія газеты сравнивали съ Шлесси и которая была выиграна 2—3 ротами и 4 орудиями изъ любопытства солдатъ, безъ приказанія и даже безъ вѣдома начальствъ; о взятіи Ходженла, гдѣ по реляціи одна рога сдѣлала 22 версты кажется въ 1½ часа, не только, говоримъ мы, онъ пускалъ правительству пыль въ глаза реляціями, но и первый уронилъ русское имя въ Ташкентѣ и вообще въ Туркестанѣ. Задавшись мыслію рисоваться предъ обществомъ (слава Черняева возбуждала зависть), онъ безпрестанно издавалъ прокламаціи и говорилъ рѣчи, возбуждавшія недоумѣнія, смѣхъ и наконецъ негодованье народа. Одну изъ такихъ рѣчей онъ сказалъ ташкентцамъ, чтобъ обругать ихъ муфтія, главу ихъ духовенства; но тутъ попался. Огорченный ругательствами старикъ обратился къ толпѣ съ вопросами: ‘обидѣлъ-ли я кого изъ васъ, правовѣрные, въ двадцать лѣтъ?...’ Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!... — ‘Сдѣлалъ-ли кому неправду?...’ Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!... — ‘Наущалъ-ли къ непокорности законамъ?...’... — Нѣтъ, нѣтъ!... и волненіе сдѣлалось такъ велико, что въ толпѣ пошелъ гулъ противъ новаго губернатора, спѣшившаго удалиться. А какъ Романовскій пригомы былъ въ долѣ съ русскими купцамъ по части торговой; то скоро у мѣстныхъ жителей и составилось понятіе, что къ нимъ присланъ не правитель, а откупщикъ, точно такъ-же, какъ были присылаемы беки отъ коканскаго хана... Хорошо, что правительство убрало Романовскаго черезъ 10 мѣяцевъ послѣ его вступленія въ должность.

Мы могли бы наполнить цѣлыя листы ‘анекдотами’ объ оренбургскихъ завоеваніяхъ; но полагаемъ достаточнымъ сказанныхъ выше. ‘Анекдоты’, т. е. рельефные факты мы приводимъ и приводили не для того, чтобы посмѣшить другихъ, а чтобъ сохранить лучше въ ихъ памяти общій

* Любопытна комедія, по случаю которой Черняевъ былъ ханомъ. Правительство, боясь англичанъ, не сразу присоединило Ташкентъ, взятый приступомъ. Оно объявило его самостоятельнымъ ханствомъ; но ташкентскіе старшины выорали къ хану русскаго генерала Черняева, который слѣд. одно время de jure былъ равенъ не только Крыжановскому, но Карму Румынскому, Нашѣ египетскому и разнымъ царькамъ, стоящимъ по табели о рангахъ выше генералъ-губернаторовъ.

любить всю картину завоеваний, которой очерк принадлежит истории. Какие-же общие причины заставляли и заставляют нас завоевывать край, который, по сознанию самих его жителей, созданъ богами во гниѣ, ибо состоитъ изъ обширныхъ пустынь и небольшого лишь числа оазисовъ, у подножия горъ? Скажемъ откровенно: губернаторамъ и генераламъ правятся легкія побѣды, дешевые лавры; они-то и ведутъ правительство, *не имѣющее общей программы, сознательно выработанной*. Въ цѣломъ составѣ административной машины за послѣдніе 20 лѣтъ, быть можетъ, только двое понимали вещи по ихъ существу. Ковалевскій и Муравьевъ; но за то они и сданы въ архивъ, облитые желчью разныхъ чиновниковъ I, II и III классовъ съ большою отъ зависти печеню. Кажущееся вниманіе, которое оказываетъ правительство завоеваніямъ въ Туркестанѣ, есть только кажущееся, бесплодное по своему существу, потому что правительство не знаетъ покореннаго края. Фальшивыя депутации, по назначенію, а не по выборамъ, въ родѣ снаряженной Крыжановскимъ и Романовскимъ, не поведутъ ни къ чему, развѣ только къ случайнымъ открытіямъ лжи, въ родѣ сдѣланнаго наслѣдникомъ, которому депутаты сказали по русски, что “переводчики обманываютъ весь Петербургъ, передавая не то, что говорятъ они, депутаты”, обманываютъ конечно по распоряженію свыше.

Соборъ, господи, соборъ всей русской земли, на которомъ нужды всѣхъ народовъ ея могли-бы быть высказываемы передъ русскимъ народомъ, передъ цѣлымъ свѣтомъ, и быть удовлетворяемы не по прихотямъ генераловъ и бюрократовъ, а по ихъ дѣйствительной настоятельности! Тогда и завоеванія будутъ сознательны, тогда они и стоить будутъ дешевле, и обманъ исчезнетъ предъ свѣтомъ гласности. И пусть не морщатся отъ этой мысли князь Горчаковъ или военный министръ, которыхъ таланты мы уважаемъ; пусть утѣшатся хоть тѣмъ, что вѣдь лорды Стэндей, Пальмерстонъ и проч., есть и были *ограниченными* министрами, а между тѣмъ на всѣхъ міровой политики и въ своей странѣ всѣли больше, чѣмъ всѣ русскіе министры прошедшіе, настоящіе и... неужели сказать—и будущіе!

Соборъ, господи, соборъ! Въ немъ вы почерпнете и сознание нашихъ силъ, нашего могущества, котораго вамъ (во не народу) недостаетъ со времени Крымской войны.

Ст. Татищевская, 24 мая 1867.

I V. Кавказъ.

Въ началѣ этихъ замѣтокъ мы упомянули вскользь, что взглянемъ à propos на Кавказъ. Пожалуй, взглянемъ. Но тутъ нѣтъ возможности не только съ достаточною подробностью охватить 60-лѣтній обманъ, которымъ морочили и раззоряли русскую землю; но даже и пятую часть этого обмана, т. е. послѣдніе 10—12 лѣтъ предъ замиреніемъ края.

Намъ нѣтъ нужды говорить, какъ генералы à la Завадовскій предпринимали набѣги въ горы для оубитія стадъ, которыя потомъ отправляли къ себѣ въ имѣнія.

Намъ нѣтъ нужды говорить, что въ 1851 году нынѣшняго государя мѣстныя власти не пустили смотрѣть укрѣпленіе Ахметовское, говоря, что на дорогѣ стоитъ непріятель, тогда какъ въ гущинѣ по дорогѣ стояло дурное состояніе укрѣпленія. Намъ не нужно припоминать мистификацію, сдѣланную по этому случаю Едлинскимъ, который былъ посланъ противъ несуществовавшаго непріятели, стрѣлялъ по немъ картечью и за это получилъ Станислава на шею.

Намъ нѣтъ нужды говорить, что Муравьевъ, пріѣхавъ въ 1854 г. въ Тифлисъ, писалъ Николаю Павловичу, что не нуждается въ полкрѣпленіяхъ для войны съ Турками, потому что нашелъ 40,000 солдатъ на огородахъ у лицъ начальствующихъ.

Не стоить упоминать о томъ, что въ цѣлой кавказской арміи перестрѣлки съ непріятелемъ завизывались главнымъ образомъ для получения потомъ свидѣтельствъ на убитыхъ лошадей, сломанное оружіе и выпущенные патроны, тогда какъ лошади были цѣлы, оружіе поломано внѣ перестрѣлокъ, а патроны проданы горцамъ черезъ армянь.

Не стоить говорить о томъ, что полковникъ Пресображенскій сжегъ свой пейхгаузъ (пустой) въ Майкопѣ, чтобы получить во-второй разъ всю обмундировку на Кубанскій полкъ (5200 чел.), обмундировку, которая была цѣла и сохранялась въ ст. Тенгинской. Не стоить упоминать и о томъ, что полковникъ Левашевъ повторилъ ту-же штуку не огнемъ, а водою, утопивъ свои годовыя вещи въ Кубани (при чемъ Евдокимовъ, улыбаясь, замѣтилъ: “ну, наконецъ савропольскій полкъ получить сукно моченое”).

Не заслуживаетъ упоминанія то, что какой-нибудь Горшковъ, прокомандовавъ 5 лѣтъ полкомъ, увезъ съ Кавказа 120,000 рублей, что для этого у него 600 семейныхъ солдатъ 5 лѣтъ сряду обывали трехдневную барщину, не ходя на царскую службу.

Это все “анекдоты” извѣстныя каждому на Кавказѣ, отъ генерала, котораго они поучали, до солдата, который ими тѣпился на бивуакахъ.

Но вотъ “анекдоты” менѣе популярныя.

Въ 1860 году кн. Барятинскій далъ 500,000 рублей, изъ суммъ черноморскаго войска, Новосельскому, чтобы завести пароходство на Кубани, при чемъ условились: одинъ—доставитъ пароходы и содержать сообщенія до станицы Тифлиской, а другой, отъ имени казны,—сдѣлать Кубань удобною къ судоходству, особливо при устьяхъ. Для пущей важности обращена была въ портъ жалкая деревушка Тѣмрюкъ. Но Кубань осталась нерасчищенной (да и велья ее расчистить), пароходовъ Новосельскій не доставилъ, пароходство доселѣ нѣтъ:—гдѣ-же полмилліона рублей?

Въ 1862 году гр. Евдокимовъ стоялъ цѣлый февраль у Ханскаго брода на Бѣлой. Тамъ строили мостъ, который былъ снесенъ страшною прибылью водъ, при чемъ переправленные на другой берегъ войска стояли бивакомъ въ лужахъ, безъ продовольствія. Всѣ проклинали графа, всѣ дивились, что онъ строитъ мостъ у Ханскаго брода, гдѣ

ч рѣка быстра, и противоположный берегъ лѣсистъ, т. е. покровительствуетъ черкесамъ въ нанесеніи намъ потерь, тогда какъ 12 верстъ ниже, около Бѣлорѣченской станицы, можно было построить мостъ безъ всякихъ усилій. Никто не догадывался, что у графа былъ важный стратегическій планъ, что онъ готовилъ важное пораженіе... конечно казнь, а не горцамъ. Только тѣмъ объяснилось, что устройство моста у Ханскаго брѣда нужно было для увеличенія восьмиверстнаго разстоянія Бѣлорѣченской отъ Шехской до 28 верстъ. Это-же увеличеніе нужно было для того, чтобы на торгахъ на перевозку 70,000 четвертей провіанта изъ Бѣлорѣченской въ Шехскую купцы запросили по 1 р. 80 коп. отъ четверти, а графъ Евдокимовъ, отказавъ утвердить торги, какъ невыгодные казни, могъ отдать перевозку своему родственнику, комиссіонеру Добровольскому, который и нажилъ при этомъ за 100,000 рублей. плата отъ четверти 8—10 копѣекъ, такъ какъ перевозка совершалась по прямой линіи и въ всякой возможности нападеніи торцевъ.

А вотъ еще казусъ мало извѣстный. Государь пожаловать Евдокимову 7000 десятинъ въ ставропольской губерніи Разумѣется, землю позволили выбрать. Какъ-же графъ Евдокимовъ выбралъ? Руководствуясь тѣмъ, что неудобныя земли въ счетъ нейдутъ, онъ приказалъ на планѣ 4000 десятинъ тѣхъ около станицы Есентуьской окрасить какъ неудобную землю и присоединить ихъ къ 7000 официально удобной земли. Нацѣль былъ утвержденъ, и теперь графъ главный тѣсовладѣлецъ во всемъ округѣ кавказскихъ минеральныхъ водъ.

Или вотъ еще "анекдотъ". Евдокимовъ завелъ конно-воловоій транспортъ въ 300 подводъ для перевозки будто-бы казенныхъ тяжестей за войсками. Транспортъ этотъ, кромѣ телѣгъ, существовалъ на бумагѣ; но продовольствовался круглый годъ овсомъ и сѣномъ. Десять или пятнадцать под-

водъ дѣйствительно бывшихъ въ комплектѣ, находились у графа въ Есентукахъ и въ Ставрополѣ, гдѣ помогали ему по хозяйству. Вдругъ узнаеть объ этомъ начальство въ Тифлисѣ и пишетъ конфиденціально его сиятельству, что-де такъ и такъ. Его сиятельство догадается; онъ заднимъ числомъ отписываетъ въ Тифлисъ то-же самое и прибавляетъ, что для повѣрки дошедшихъ слуховъ уже сдѣлать распоряженіе о собраніи всего транспорта въ ст. Засовской, гдѣ велитъ его осмотрѣть. Карцовъ усноаивается, а между тѣмъ черезъ 3—4 дня получаетъ донесеніе, что въ Засовской, случился пожаръ, весь транспортъ сгорѣлъ и начальникъ его едва спасъ казенныя деньги, хотя лишился жены.

Нечего дѣлать, пришлось, въ наказаніе за подозрительность, отпустить изъ казны деньги на похороны новаго транспорта. Начальнику, за потерю жены и сбереженіе денегъ дали кромѣ того Владимира, и виновными оказались только 127 семействъ казаковъ, погорѣвшихъ до тла.

Или вотъ еще обетоятельство, недостаточно популярное. Святонполкъ-Мирскій, возведенный въ княжеское достоинство и званіе генераль-адъютанта по нѣкоторымъ домашнимъ связямъ съ кн. Барятинскимъ, постоянно ругалъ Евдокимова, какъ человека, у котораго руки въ грязи. Ну, а какою ручкою подписывалъ его сиятельство справки на овесъ и сѣно, когда собирался въ 1862 году, въ Чечню? И за чѣмъ это продовольствие было тогда принято интенданствомъ на себя, тогда какъ обыкновенно деньги отпускались полковымъ командирамъ?...

Но мы - бы не кончили, если - бы стали вспоминать все кавказское, хоть за 10 лѣтъ. Спросимъ-же теперь: противъ кого воевали мы на Кавказѣ 60 слишкомъ лѣтъ? — Не противъ Россіи-ли, раззоряя ее?

Фортъ Хабарный, 28 Мая 1867.

БЛАГО ЕСТЬ МѢСТО.

СУДЪ ВЪ ПАРИЖѢ И УБИЙСТВО ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Какая разница между простымъ судопроизводствомъ по дѣлу *Березовскаго*, съ дикимъ испровержениемъ всѣхъ понятій суда и справедливости въ дѣлѣ *Каракозова*!

Становится тяжело и стыдно, не за судей, свѣтой у Каракозова не было—не за судъ, *мы его не знаемъ*, они были сдѣлали воровски, въ тиломоту, не за правительство, составленное изъ невѣждъ и интригантовъ, изъ холопей въ барствѣ, изъ вѣмцевъ въ панславизмъ, изъ бюрокраговъ безъ совѣсти и генераловъ безъ смысла—становится тяжело за насъ рабовъ, и стыдно за распутную журналистику, за чудовишное общественное мнѣніе, которое послѣ 4 Апрѣля навело тупоумный испугъ правительства на преступленіе муравьевской комисіи и послѣ 6 Юня сдѣлало безсильный, но подлый опытъ замѣшать въ дѣло людей неучаствовавшихъ въ покушеніи Березовскаго... Мы не можемъ вспомнить безъ омерзения гнусныя статьи *Голоса*... Какой урокъ дали французскіе судьи нашимъ нарушникамъ негодямъ!

Свободной Россіи *мы* не увидимъ. Весь нашъ трудъ въ ломкѣ препятствій и расчищеніи мѣста. Мы умремъ въ сѣняхъ, и это не отъ того, что при входѣ въ хоромы стоятъ жапгармы, а оттого, что въ нашихъ жилахъ бродитъ кровь нашихъ праѣдовъ—сѣченыхъ вѣнгомъ и битыхъ багатами, доносчиковъ Петра и Бирона, нашихъ дѣдовъ—палачей, въ родѣ Аракчеева и Матвицкаго, нашихъ отцовъ *судившихъ* декабристовъ, *судившихъ* Польшу, служившихъ въ III отдѣленіи, забивавшихъ въ гробъ солдатъ, засѣлавшихъ въ могилу крестьянъ*. Отъ того, что въ жилахъ нашихъ *лидеровъ*, нашихъ журналилъхъ запѣвалъ догниваетъ такая-же гадкая кровь, благопріобрѣтенная ихъ отцами въ переднихъ, сѣзжихъ и канцелярцахъ...

Въ каждомъ изъ насъ есть атомъ Аракчеева, есть капля Муравьева.

Гдѣ-же намъ повѣять *судъ* въ политическомъ дѣлѣ?

Гдѣ-же правительству повѣять необходимость амнистіи послѣ всѣхъ черныхъ дѣлъ, совершенныхъ безмысленно?

Ц—ръ.

* Недавно въ "Голосѣ" были ооразы помѣщичьихъ злодѣйствъ (о которыхъ "Вѣсть" отзывалась такъ снисходительно). Пятнадцать лѣтъ, десять лѣтъ тому назадъ умри и женщины, прикованныя къ стѣнѣ, мужики въшались за палець, а неповѣщенные преступники, дѣлавшие это—живы, вѣдять въ гости, имѣють добродѣтели...

ПИСЬМО КЪ ЧИТАТЕЛЮ КОЛОКОЛА.

Вы спрашиваете, что мы разумѣемъ подъ названіемъ "Земскаго Собора"? Неужели такой-же Земскій Соборъ, какіе бывали встарину, изъ которыхъ каждый работалъ не ради народнои свободы, а крѣпче и крѣпче усаживалъ на новомъ мѣстѣ правительство съ его централизацией?

Вѣроятно, послѣдняго въ нашей мысли не заподозрили. Вы могли видѣть, что русскую политическую будущность мы ставимъ въ федеративномъ устройствѣ, въ союзѣ областей, а это уже сразу устраняетъ всякое преобладаніе централизации. Но вы, можетъ быть, спросите—на какихъ же основаніяхъ мы строимъ, изъ какихъ элементовъ вытягиваемъ мысль о будущемъ Земскомъ Соборѣ съ его областнымъ, децентрализованнымъ союзомъ, съ его необходимостью установить гражданскую равноправность, общинное поземельное владѣніе и артельный трудъ? Не слишкомъ-ли далѣко мы хватаемъ? Есть-ли тутъ что возможное, что быточное?

Посмотримъ!

Для этого надо взглянуть въ самыя начатныя основы русской, народнои, общественной жизни. Забудемъ на минуту внимательство помѣщичества, внимательство чиновничества съ его правительственнымъ средоточіемъ. Возьмемъ народную жизнь—какъ она сама посебѣ, какъ она сложилась-бы безъ препятствій, какъ ей хочется сложиться, какая ея цѣль; послѣ, т. е. опредѣливъ направленіе этого движенія, (эту динамическую норму)—мы можемъ взвѣсить препятствія и обозначить исходы.

Складъ народнои жизни, собственно *обычай* самоуправленія древней областной Руси, сохранился и въ новой царско-императорской Россіи (мы здѣсь говоримъ не о *привычкахъ* общежитія, которыя могли измѣниться). Всѣ также деревни и сѣты, соединенные въ волости; всѣ также города, раздѣленные на городъ и посады; всѣ также сельско-волостныя и посадо-городскія избирательныя правленія. Такъ что, при пособіи новыхъ земскихъ учреждений, принимая ихъ за точку отправления, за точку, —возобновленіе всей существенной жизненности *обычая* становится возможнымъ не только въ прежнемъ, но даже въ улучшенномъ видѣ, т. е. съ помощью всего запаса научнаго образованія, развившагося послѣ упадка древней областной Руси. Оно должно совершиться именно подъ влияніемъ этого образованія, потому что никакое новѣйшее, дѣйствительно научное пониманіе не можетъ имѣть *ничего противъ* выше сказаннаго *обычая* и *все за него*.

Не надо также полагать, чтобы прежние Земские Соборы имѣли отдѣльно сословный, дворянскій характер. Но крайней мѣрѣ не все русскіе историки такъ думаютъ. На примѣръ у Щапова мы находимъ очевидные факты, что и крестьянство на Соборахъ имѣло своихъ представителей, котырые сильно боролись противъ централизации. Но мы сверхъ того думаемъ, что если партіи одотѣли въ пользу централизации, то мы должны приписать это явленіе не только необходимости государственной самозащиты отъ Татаръ и Запада, но и тому, что въ областной удѣльной Руси были свои матерьякія, удѣльныя централизации, гдѣ удѣльныя княжескія правительства породочно мѣшали народному выборному началу, которое по этому не могло развиться до настоящей гражданской равноправности и до настоящаго самоуправления, развъ только въ Новгородѣ и Псковѣ. А вслѣдствіи этого большинство народа должно было тяготѣть къ государственной централизации, обуславливавшей защиту отъ вѣшнихъ, иноплеменныхъ враговъ, скорѣе чѣмъ къ сохраненію областей съ удѣльными княжескими правительствами и вытекавшими изъ нихъ налогами и притѣсненіями. Теперь все эти удѣльныя княженія невозможны и областное начало должно стремиться къ иному складу.

Не подумайте однако, чтобы мы современные Земские учрежденія считали за дѣйствительное право народной свободы и народнаго самоуправления. Для этого онѣ еще слишкомъ стоятъ подъ властью централизованнаго правительства и его чиновничества. Изъ заслуга въ томъ, что онѣ вводятъ раздѣль между чиновничествомъ и выборнымъ началомъ; ихъ заслуга въ томъ, что онѣ именно возобновили выборное начало и указываютъ, даже при довольно сбивчивомъ уничтоженіи крѣпостничества, на возможность безусловнаго Земскаго Собора.

Основной складъ выборности въ Россіи необходимо долженъ тяготѣть къ образованію областей. Деревни и сѣла, соединенные въ волости, представляютъ совершенно организованный порядокъ выборности и самоуправления. Съ паденіемъ чиновничества — городъ необходимо утратить свое военно-кавалерійское управительственное значение и сохранить только значение экономическое, г. е. значение центральнаго рынка. Если земскія учрежденія станутъ стремиться — а иначе онѣ не могутъ, даже просто изъ необходимости самохраненія — къ устраненію чиновничьей, административной власти и къ замѣнѣ ея выборнымъ строемъ самоуправления, то онѣ необходимо должны увеличить силу сельскаго выборнаго начала и сосредоточить ее въ экономическомъ центрѣ городского рынка. Городъ можетъ сосредоточить въ себѣ представительство экономическихъ интересовъ извѣстнаго округа. Наибольшіи рынки могутъ сосредоточить въ себѣ представительство иѣсколькихъ округовъ. Это и составитъ область.

Замѣчательно что наши настоящія губерніи, управляемыя военно-чиновничьимъ порядкомъ, были распредѣлены, по географической картѣ, императорскимъ карандашемъ. Естественной классификаціи въ нихъ нѣтъ. Почему такой то городъ — губернский городъ, и почему къ нему причислены таме-то уѣзды — разумной причины этого мы никогда не дождемся. Мы даже не дождемся причины почему такой-то городъ — городъ, между тѣмъ какъ часто близъ лежащее село представляетъ все условія главнаго окружнаго рынка. Настоящее распредѣленіе уѣздовъ и губерній удержаться не-

можетъ. Народъ долженъ получить полную свободу рѣшить на волостныхъ сходкахъ — какая волость пойдетъ въ соединеніе съ какою волостью и гдѣ онѣ поставятъ свои окружной центральный рынокъ. Причисленіе же этихъ окружныхъ рынковъ къ областному рынку, соединеніе округовъ въ область должно зависѣть отъ будущаго Земскаго Собора. Частной фантазіей — будь-то императорская, министерская или фантазія совершенно неизвѣстнаго лица — этого вопроса рѣшить нельзя. Если Земскія учрежденія отстаютъ себя противъ правительственно-чиновничьяго вѣшательства, отстаютъ себя какъ начало выборнаго самоуправления, — онѣ необходимо должны придти къ свободной организациі округовъ и къ Земскому Собору, который опредѣлитъ-бы дѣленіе на Области.

Какое основаніе это дѣленіе приметъ будущій Земскій Соборъ — теперь опредѣнить едва-ли возможно. Въ дѣленіе можетъ войти основаніе породы, можетъ войти основаніе почвы, или климата, или водныхъ границъ и торговыхъ отношеній. Съ нашей точки зрѣнія, конечно, наименѣе существенный элементъ областнаго дѣленія составляетъ порода. Породы могутъ слиться въ одну гражданственность, но промышленная жизнь имѣетъ свои предѣлы, которые именно и въ состояніи опредѣнить географическій союзъ интересовъ. Мы даже вовсе не упоминаемъ о возможности областнаго дѣленія на основаніи религиозныхъ толковъ. Внутри Россіи уживаются дружно люди самыхъ противоположныхъ вѣроисповѣданій — татары и христіане, иконопашны и раскольники. Престѣдовало различныя толки — правительство, а не народъ. Теперь же пора понять, что прене объ истинѣ должно быть предоставлено на правѣ безнаказанной, свободной гласности — равно для всехъ религиозныхъ ученій и для науки. Но изъ всего сказаннаго очевидно, что вопросъ дѣленія на области — вопросъ Земскаго Собора.

Нельзя также незамѣнить, что на основаніи самохраненія, на основаніи отстраненія себя отъ правительственнаго чиновничества, Земскія учрежденія не могутъ не стремиться къ безсостовности. Мы уже не разъ имѣли случай указать, что русское дворянство и царско-императорское чиновничество никогда не были другъ отъ друга отдѣльнымъ сословіемъ. Феодальной аристократіи у насъ не было. Упразднить правительственное чиновничество у насъ захотѣли тѣ, которые захотѣли отстоять самостоятельность своей человѣческой личности. И они вандужа. Интересъ самостоятельной личности важнѣе минимума интереса выгоды, котырыхъ нѣтъ и котырые съ каждымъ днѣмъ приходятъ въ упадокъ. По этому стремленію къ безусловному выборному началу, къ естественной классификаціи округовъ, къ Земскому Собору и областному дѣленію — неизбѣжно.

Внутренній складъ нашей сельской общины необходимо поставитъ вопросомъ Земскому Собору — организацию артелей земледѣльческой, промышленной и торговой, какъ три сочетанія, имѣющія корень въ народномъ пониманіи — противъ этого вы едва-ли станете возражать намъ. Корню естественно развиваться въ цѣлое растеніе.

Какъ примѣчаніе скажемъ еще что будетъ-ли окружное и областное дѣленіе самоуправления и суда совпадать или нѣтъ — это также вопросъ будущаго, до котораго теперь касаться невозможно.

Препятствія движению къ естественному окружному и областному дѣленію и общему Земскому Собору — будутъ постоянно являться въ военно-чиновничьемъ, правительственно-централизованномъ влияніи. Но влияние это удержаться не можетъ, потому что внутренній ростъ Земства не остановится. Определить же время, которое централизованное правительство продержится — вадьюсь вы отъ насъ не потребуете. Пророческая сила отдѣльнаго человѣка давно исчезла и замѣнилась выводомъ заключеній на основаніи положительныхъ данныхъ. А собрать эти положительные данныя еще не въ нашей власти.

Всѣ что мы можемъ сказать, что теперь существуетъ только начало и что для насъ развитие его путемъ Земскаго Собора несомнѣнно.

Н. Огаревъ.

ПОЛЬСКОЕ ДѢЛО.

Въ послѣднемъ листѣ *Гмины* было письмо ея издателей къ намъ, по поводу десятилѣтія *Колокола*. Письмо это и небольшая статья о ‘Панславизмѣ’ въ прошломъ ея листѣ, даютъ новое доказательство близости ихъ взгляда къ нашему. За письмо мы только дружески благодаримъ, отвѣчать мы будемъ послѣ. Намъ очень трудно писать о Польшѣ, мы не свободны въ этомъ вопросѣ, намъ нѣтъ простора въ немъ. *Гмина* въ отношеніи къ нему лучше поставлена, если и ей приходится терпѣть отъ нетерпимости стараго патріотизма, то все-же она *говоритъ своимъ*.

Въ заключеніи мы напомнимъ *Гминѣ*, что *двадцать лѣтъ* къ ряду мы проповѣдуемъ, что славянскому міру только и есть будущность что въ *федеральномъ союзничествѣ*, а потому то намъ и дорого сознательно понятое сочувствіе со стороны юной Польши.—*Изд. Колокола.*

С М Ъ С Ъ.

— Въ 75 листѣ *Москвы* напечатано, что *Zukunft* и другія австрійскія газеты извѣстивъ своихъ читателей о прекращеніи *Колокола*, прибавляютъ: “будто бы *Герцену* русское правительство обѣщаетъ свободное возвращеніе въ Россію”.

Колоколъ не прекращался, правительство не обѣщало, я не возвращаюсь, и вамъ остается еще разъ высказать ваше удивленіе охотѣ перепечатывать всякій вздоръ, да еще откуда — изъ австрійскихъ газетъ.

Можемъ ли мы, при *теперешнихъ обстоятельствахъ*, возвратиться въ Россію, не сдѣлавшись измѣнниками своего собственнаго дѣла? Въ чемъ-же мы показали, что у насъ есть склонность къ ренегатству?

Мы страстно желаемъ возвратиться въ Россію... но ужь конечно не по милости Шувалова, не по ходатайству Валуева и не по благословенію Толстаго.

И—ръ.

— Какой удивительный военный судъ: подполковникъ Кнорингъ за растрату казенныхъ денегъ и навесеніе тяжкой обиды словами и *дѣйствіями* поручику Давыдову, по смягчающимъ вину обстоятельствамъ, — *оставленъ*; а Давыдовъ за навесеніе оскорбленія подполковнику Кнорингу — *разжалованъ въ рядовые*. Конфирмація суда принадлежитъ е. и. в. главнокомандующему Кавказской арміей. Что можетъ быть *нелѣпнѣе!*

— Эмануиль Араго, въ защитѣ Березовскаго, цитировалъ слѣдующія двѣ статьи изъ Свода Уголовныхъ Законовъ:

“Ст. 1425. Въ преступленіяхъ этого рода слѣдуетъ доносить не только о главныхъ зачинщикахъ, но и о тѣхъ, кто сколько-нибудь помогалъ имъ, или давалъ совѣты, или кто *имѣлъ намѣреніе совершить преступленіе, хотя и не совершилъ его*: слѣдуетъ доносить не только основываясь на очевидныхъ и достовѣрныхъ доказательствахъ, но и въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ можно основываться только на чьихъ либо разсказахъ и какихъ либо слухахъ”

“Ст. 1426 Если кто скажетъ на исповѣди всему духовнику, что имѣлъ дурной умыселъ противъ чести или жизни императора, или хочетъ произвести бунтъ или измѣну, и если онъ на исповѣди не заявитъ ни раскаянія о томъ, что имѣлъ умыселъ, ни желанія отрѣчься отъ оного, а заявитъ только свой умыселъ, чтобы утвердиться въ немъ, полагаясь на храненіе тайны духовникомъ, то духовникъ обязанъ немедленно довести объ этомъ, ибо подобная исповѣдь не-правильна, такъ какъ исповѣдавшійся *не заявилъ никакого раскаянія въ своихъ преступленіяхъ*”.

Не имѣя подъ рукою надлежащаго тома Свода Законовъ, мы съ ужасомъ переводимъ изъ рвчи Араго эти двѣ отвратительныя статьи русскаго законодательства.

— *Дневникъ Познанскій* (№ 159) пишетъ, что въ Варшавѣ *ходятъ слухи*, что правительство хочетъ дать шляхтѣ право собирать подати и уплаты ликвидационныхъ листовъ съ крестьянства — по мимо правительственнаго чиновничества; такимъ образомъ шляхетство станетъ отвѣчать за уплаты передъ правительствомъ, а въ случаѣ неуплаты со стороны крестьянъ, можетъ заставлять ихъ справлять уплату въ свою пользу — натурою, т. е. это значитъ возобновленіе барщины. *Дневникъ Познанскій* полагаетъ, что правительство хочетъ ввести эту мѣру для того, чтобы посорить крестьянъ со шляхтою. Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ *Дневника Познанскаго*. Сорить шляхту или русское помѣщичество съ крестьянствомъ нечего; между ними никогда не было *мира*. Если же правительство хочетъ прибѣгнуть къ этой мѣрѣ — оно просто боится народа и хочетъ опереться на помѣщичество посредствомъ возобновленія крѣпостнаго состоянія. Но мы спрашиваемъ неужели слухи о такой чудовищной мѣрѣ — правда? Есть съ чего придти въ отчаяніе! Одно только замѣтимъ, что подобная мѣра пахнетъ цугачевщиной. Какъ же это — спасать грековъ и славянъ — и въ то-же время душиять своихъ подданныхъ?

— “Скорость нужна только для того, чтобы блохъ ловить”, говаривалъ мнѣ, когда я былъ мальчикомъ, мой учитель математики. Хотя я съ нимъ и не совершенно согласенъ, но есть случаи, въ которыхъ онъ правъ. Иностранныя и отечественныя газеты, мѣсяць тому назадъ, со слезами разсказали, что государь императоръ просилъ императора государя о пощадѣ дней Березовскаго. Намъ казалась эта выходка, взятая изъ извѣстной комедіи: “Въ гостяхъ антелъ, дома сатана”, не совсѣмъ достовѣрной, какъ же просить поминovanja не осужденному. Ну, а если это правда, какъ фурворчался благодушный монархъ съ своей *скоростью*.

Письмо въ Редакцію.

М. Г.

Случайно прочелъ я въ *Siech's* взятое изъ польскихъ газетъ извѣстіе, что два графа Берга, какъ намѣстника въ Варшавѣ, сочтены, что русская партія въ Петербургѣ и Москвѣ не хочетъ долѣе держать его. потому что онъ принадлежитъ къ умѣреннымъ, г. е. одинаковъ къ интересамъ собственнорусскимъ и исключительно польскимъ и называется генеральное направленіе правительства несвоевременнымъ и неполитичнымъ. Я не знаю, на сколько графъ Бергъ полякъ или русскій; вѣрнѣе, что онъ ни то, ни другое: по крайней мѣрѣ поляки отъ него не больше видятъ милостей, какъ и русскіе. Но позволяю себѣ привести одинъ фактъ, достовѣрность котораго не подлежитъ сомнѣнію и который можетъ служить поясненіемъ къ упомянутой мною журнальной статьѣ. Въ прошломъ Юнѣ русскіе, живущіе въ Варшавѣ, составили адресъ, который хотѣли поднести государю по прибытіи его изъ Парижа. Богѣ 600 подписей стояло подъ нимъ. Авторомъ былъ тайный совѣтникъ Соловьевъ, который, какъ старшее лицо по гражданскому управленію, и передалъ адресъ графу Бергу для представленія по принадлежности. *Но графу Бергу адресъ не понравился, и онъ его задержалъ...* Сирочивается, кого-же долѣе быль считать Александръ Николаевичъ въ Варшавѣ лицомъ имѣющимъ верховную власть: себя или генерала Берга?... Легко также понять, какъ русское общество могло отнестись къ подобному своеволію, оно, которое очень хорошо знаетъ расположеніе г. намѣстника къ эст-лив- и курляндцамъ, которымъ еще недавно давали такое множество маюратовъ въ Польшѣ, что можно подумать будто край этотъ готовится для передачи Пруссіи и что Горчаковъ и Бисмаркъ подписали уже объ этомъ трактатъ.

Благоволите, М. Г., письму этому дать гласность, если прибавленіе къ *Колоколу*, о которомъ упоминается въ 245 д., будетъ издано и если содержаніе этихъ строкъ вы признаете заслуживающимъ вниманія.

— *Колоколъ* такъ часто упоминаетъ о необходимости народнаго кредита, что мы не можемъ не выписать изъ русскихъ газетъ слѣдующаго образчика того что существуетъ теперь: “Въ Ямпольской волости (Подольской губерніи) образованъ ученицкій капиталъ въ суммѣ 150 руб., сер. а запасный мірской въ 464 руб. раздается крестьянамъ въ сеуду по 26 %. Когда начальникъ края, во время объѣзда, замѣтилъ, что это еврейскій процентъ, — крестьяне объяснили, что получили большое облегченіе, потому что уплачиваютъ въ свою кассу только по $\frac{1}{2}$ коп. въ недѣлю, а евреи съ нихъ брали 1 $\frac{1}{2}$ и по 2 коп.” — Каково положеніе! Но мы не можемъ также не прибавить, что результаты изъ этого слѣдующіе: 1) Запасные мірскіе капиталы, увеличиваясь посредствомъ сбора процентовъ, могутъ постоянно сбавлять мѣру процента; 2) Настоящее положеніе доказываетъ огромную потребность кредита;—3) Огромность процента (вытекающая изъ желанія вскорѣ увеличить отдѣльный мірской капиталъ) въ этомъ случаѣ указываетъ не на несостоятельность крестьянства, а на возможность и силу обезпеченія, которое представить всякій хорошо организованный народный кредитъ;—4) наконецъ послѣдній выводъ тотъ, что организованный народный кредитъ одинъ можетъ представить кредитные бумаги,

обезпеченныя цѣлымъ краемъ, цѣлой промышленной жизнью народныхъ массъ — въ замѣнѣ шаткихъ цѣнностей правительственныхъ долговъ, падающихъ на эти массы забвѣвающимъ налогомъ

— *Благо есть листок* — мы хотимъ взглянуть въ нѣкоторыя недѣли, но не безвредныя явленія въ русской литературѣ. На пр., вотъ январская книжка “всѣмірнаго труда”. Между прочимъ въ ней статья о “принципахъ жизни” Николая Соловьева. Автору хотѣлось поговорить обо всемъ, а между тѣмъ читаешь, читаешь и не скоро доберешься что такое и о чемъ именно говоритъ авторъ, пока наконецъ не наткнешься на то, что все его усилія направлены противъ материализма, позитивизма, утилитаризма и ради вызванія на свѣтъ изъ старыхъ кладовыхъ пылью пооблаченного идеализма. Начивается статья будто бы разсужденіемъ объ упадкѣ вкуса — и тутъ рѣшительно нельзя доискаться о чемъ именно идетъ рѣчь. А вѣдь такъ бы легко было автору доказать упадокъ вкуса въ русской литературѣ, — стоило только привести въ примѣръ помѣщенную въ той-же январской книжкѣ “всѣмірнаго труда” драматическую хроніку въ стихахъ Островскаго — и больше упадка вкуса искать было-бы нечего.

Но мы перейдемъ отъ разсужденія Соловьева о чемъ то — къ его настоящей цѣли которая заключается въ восстановленіи теории принциповъ жизни, но выражается такимъ образомъ:

“Принципы есть богѣ или менѣе формулированные законы правственнаго міра. Ихъ можно скорѣе угодить *заповѣди*, ясно и опредѣленно выраженному *афоризму*; но съ теоріей ихъ смѣшивать нельзя”.

Конечно, ихъ нельзя смѣшивать съ той теоріей, которая ставитъ себѣ задачею — изъ наблюдаемыхъ фактовъ — вывести свойства, законы цѣлаго ряда мировыхъ явленій или явленій отдѣльнаго ряда. Такъ я теорія собственно наука, которая приводитъ *результаты* наблюдений къ человѣческому сознанию и объясняетъ ихъ связи и цѣлостъ. Но это не доказываетъ, чтобы предположеніе гдѣ-то самихъ по себѣ существующихъ принциповъ правственнаго міра — не составляло не научной, а самой заоблачной теоріи. Развѣ на одно мы можемъ согласиться, что это предположеніе скорѣе можно назвать фантазіей, чѣмъ теоріей — можетъ быть!

“Отвергать идеализмъ” говоритъ авторъ принциповъ, “это тоже, что проповѣдывать сенсуализмъ: сенсуализмъ есть ничто иное, какъ материализмъ *оставшійся на единъ самъ съ собою*”.

Что такъ е значеніе *материализмъ на единъ самъ съ собою*, этого, конечно, не понять ни одинъ человѣкъ съ здравымъ смысломъ. Но что понять каждый добросовѣстный человѣкъ — это то, что авторъ принциповъ никогда не изучалъ материализма ни прошлаго, ни нынѣшняго столѣтія; и вѣдь онъ увидалъ бы, что материалисты были совершенно далеки отъ того сенсуализма, который совпадаетъ съ развратомъ и на который мы цѣло стараемся намекнуть авторъ принциповъ.

Если позитивизмъ въ чемъ различается отъ материализма — это въ отрицаніи возможности для человѣческихъ способностей постановить какое бы то ни было начало міра, и потому позитивизмъ не ищетъ его даже въ *вещество* (*matière*, откуда и названіе материализма). Но развитіе того и другаго ученія естественно совпадаютъ, потому что ищутъ основы самой

истории рода человеческого въ физиологическихъ законахъ человеческого организма и познаний въ самыхъ механическихъ законахъ природы. Не дожьешь же г. Соловьевъ забывать, что материализмъ пропало стоить, если и отвергъ предсуществующіе прищипы, то дошелъ до того нравственнаго результата обществённости, который поставилъ своимъ знаменемъ: свободу, равенство и братство. Изъ этого переходъ къ *соціализму* является естественнымъ историческимъ послѣдствіемъ.

Авторъ принциповъ воюетъ не только противъ матеріализма, но и противъ позитивизма и противъ социализма, не понимая ни того, ни другаго ни третьяго. Иначе онъ никогда бы не нашелъ въ нихъ отрицанія гармоніи, музыки, или вообще искусства. Если они не выводили существованія искусства изъ *принциповъ*, то они всегда признавали его существованіе, какъ одинъ изъ результатовъ отношения законовъ природы и человеческой дѣятельности. Утилитаризмъ можетъ быть не говорить объ искусствѣ, потому что преслѣдовалъ другую задачу, но и онъ никогда не отвергалъ его.

Иногда кажется, что г. Соловьевъ пишетъ исключительно противъ “русскаго слова”, но приволити выписки изъ статей г. Писарева, въ которыхъ нѣтъ ни малѣйшей безсмыслицы, хотя г. Соловьевъ и хочетъ выказать ихъ съ этой стороны.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ прежнихъ статей автора принциповъ, иначе — и если ему угодно — мы были бы готовы вступить въ подробную полемику потому что мы находимъ его направленіе, какъ чрезвычайно ретроградное, — *правственно опаснымъ для русскаго развитія*.

Кстати, изъ новыхъ французскихъ изданій, мы рекомендуемъ нашимъ читателямъ *Revue*, выходящую разъ въ недѣлю (одинъ листъ по 10 сантимовъ) подъ заглавіемъ: *La revue nouvelle*

— *Чинъ чина почитай* Какъ утѣшительны русскіе нравы — можно видѣть изъ новаго приказа военнаго министра. Начинаешь читать и вачало производить почти впечатлѣніе хорошаго направленія. “На основаніи судебныхъ уставовъ 20 Ноября 1864 года, военнопослужащіе, въ случаѣ совершенія, *вмѣстѣ съ гражданскими лицами*, преступленій, неотносящихся до нарушенія законовъ дисциплины и военной службы, предаются уголовному суду гражданскаго вѣдомства”. * — Кажется, послѣдствіемъ этого такъ вогъ и выйдетъ повышение судебного правосудія, поощреніе духа военщины въ общественномъ мнѣніи... Не тутъ было! Далѣе въ приказѣ военнаго министра жалуются, что были случаи (какіе именно не упоминаютъ) идѣ военские чины были привлечены къ разбирательству у мировыхъ судей, “причемъ лица привлеченныя къ суду, по недоразумѣнію, подчинялись рѣшеніямъ мировыхъ судей”, или приносили жалобы “суду гражданскаго вѣдомства”. За симъ военный министръ и начинаетъ брызгать сурренивлю “правилъ военскаго чиновочитанія и военскаго дисциплины” и кончатъ приказъ слѣдующею забавностью, которая была бы просто смѣшно, еслибы отъ нея многи не пришлось грустно. “Обратившій на себя въ послѣднее время вниманіе военскаго начальства *случай объ одномъ нижнемъ чинѣ*, который въ присутственной камерѣ мирового судьи, по приглашенію *сего послѣдняго*, осмѣлился състѣ въ присутствіи офицера, указываетъ на необходимость предварити

военнопослужащихъ, что нарушение военскаго чиновочитанія, даже *подъ предлогомъ исполненія требованій судебныхъ чиновъ*, будетъ подвергаться виновныхъ строгой ответственности” — Неужели военный министръ думаетъ, что входя въ камеру (!) гражданскаго суда, военные чины не обязаны уважать его обычай и исполнять его требованія? Но не говоритъ о томъ, что пора бы выучиться думать по человечески, еще кажется, пора бы выучиться и писать по-русски.

— *Чинъ чину подавай*. — Съ своей стороны министръ внутреннихъ дѣлъ (впрочемъ больше упражнявшійся въ русскомъ стилѣ) хлопочетъ, въ повомъ циркулярѣ губернаторамъ, о недоимкахъ, которыя должно быть накаплиются порядкомъ. Главное содержаніе циркуляра (довольно длиннаго) то, что министръ проводить, по всемъ правиламъ риторическихъ сравненій, различіе между казенными палатами и полиціей. Существенное же въ этомъ различіи то, что казенная палата собираетъ свѣденія о недоимкахъ, а полиція собираетъ недоимки — и горе, если кто занесетъ погу въ чужую рамку! Отсюда два послѣдніе пункта выходятъ слѣдующія: 1) “Въ случаѣ особо значительнаго накопленія въ какой либо мѣстности недоимокъ, казенныя палаты, по своему усмотрѣнію, могутъ командировать подвѣдомственныхъ имъ чиновниковъ, для собранія свѣденій о ходѣ дѣла по поступленію податей и сборовъ и взысканію недоимокъ, съ тѣмъ, чтобы эти чиновники отнюдь не касались самаго взысканія недоимокъ, лежащаго на непосредственной обязанности полиціи; и 2) казенныя палаты обязываются, вмѣстѣ съ представленіемъ вѣдомостей о поступленіи податей, представлять министерству финансовъ и все тѣ свѣденія, какія ими будутъ собраны, означенными выше способами, о причинахъ накопленія недоимокъ и о мѣрахъ ко взысканію оныхъ”.

Что же скажутъ на это бѣдныя казенныя палаты? Причины недоимокъ — огромность и дурное распредѣленіе податей, да къ этому еще надо прибавить расходъ оныхъ въ казнѣ, въ приносящій пользы народу; а мѣры ко взысканію такихъ недоимокъ и податей — полиція и притѣсненіе.

— *А какова полиція* — свидѣтельствуетъ происшествіе бирскаго уѣзда, уфимской губерніи, въ селѣ Березовѣ. Неправильный *Васильевъ* становой *Ватламовъ* и уѣздный врачъ *Неберъ* во время ярмарки зазвали (весьма уважаемаго въ окрестности) купца *Севастьянова*, для того, чтобы стянуть съ него 10 000 р. с. денегъ; а такъ какъ онъ не давалъ, то они его выпороли, давъ ему болѣе 300 ударовъ розгами, такъ что мѣстами кожи не оставалось и полосы на тѣлѣ слились въ кровавую массу — “Неужели это правда” — всерьезъ началъ начальникъ губерніи. — “Послушайте, *полюбите это дѣло*: я уѣхъ негодевать прогоню. *Ради бога не заводите дѣла*”. Предложена была мировая (въ 3,000 р.) — “Я кровью своей не торгую”, отвѣчалъ купецъ. До назначенія формальнаго свѣдѣнія, несчастный принужденъ былъ обращаться съ просьбами къ генералъ-губернатору и къ министру — и только тогда назначенъ былъ слѣдователь Уголовная палата поступила мягко; назначила виновнымъ незначительное исправительное наказаніе. Какова же полиція! И каковъ же губернаторъ, бывший отчаяннымъ либералъ, *Константиль Николаевичъ Боорыкинъ!*

* А если не вмѣстѣ съ гражданскими лицами — тогда что?

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ПЕРЕМѢЩЕНІЕ И' УВЕЛИЧЕНІЕ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФІИ

Л. ЧЕРНЕЦКАГО.

Съ 1-го Сентября Русская Типографія переносится въ лучшую часть города — въ бывшее зданіе Почты возль Корратери, **Place Bel-Air, Ancien Hôtel des Postes, au 1er.**

Обращаемъ особенное вниманіе нашихъ читателей на то, что Вольная Русская Типографія въ Женевѣ принимаетъ сверхъ заказовъ для печатанія на русскомъ, и на польскомъ, сербскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ. Типографія снабжена новыми шрифтами и можетъ ручаться не только за точное и красивое выполненіе, но и за сравнительную дешевизну заказовъ.

Подробный тарифъ цѣнамъ печати на разныхъ языкахъ, въ разныхъ форматахъ и на разной бумагѣ — желающіе могутъ найдти въ Типографіи. L. Czerniecki, Ancien Hôtel des Postes, Genève.

А PARAÎTRE AVANT LA REPRISE DU JOURNAL

L'ALMANACH DU KOLOKOL

Articles sociales, politiques et littéraires,

Sous la rédaction

de

A. HERZEN & N. OGAREFF.

EN VENTE .

CHEZ TOUS LES LIBRAIRES

COLLECTION COMPLÈTE DU "KOLOKOL"

Toutes réclamations et demandes doivent être adressées (franco) à M. Tchorzowski, B^d Plainpalais, 7, Genève.

КОЛОКОЛЬ, Первое Десятилѣтіе (Полное Собраніе), каждый годъ и каждый листъ отдѣльно.

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА, Кн. I, II, III, IV, V, VI и VII.

БЫЛОЕ и ДУМЫ, ИСКАНДЕРА, Томъ I, II, III и IV. (1ая часть IV Тома 6 фр. 2ая — 3 фр. Обѣ вмѣстѣ 8 фр.).

ПИСЬМА ИЗЪ ФРАНЦІИ и ИТАЛІИ, ИСКАНДЕРА (1847—1852), съ портретомъ автора.

ПЕРВАННЫЕ РАЗСКАЗЫ, ИСКАНДЕРА.

СЪ ТОГО БЕРЕГА, ИСКАНДЕРА.

СТАРЫЙ МІРЬ и РОССИЯ (Письма А. Герцена къ В. Лигтону, переводъ съ французскаго).

ЗА ПЯТЬ ЛѢТЪ, (1855—1860) Соціальныя и политическія статьи Искандера и Н. Огарева, Часть I и II.

СТИХОТВОРЕНІЯ, Н. Огарева, съ портретомъ автора.

14 ДЕКАБРЯ 1825 и Императоръ Николай. Издано Редакціей "Полярной Звѣзды", по поводу книги барона Корфа.

РУССКАЯ ПОТАЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX СТОЛѢТІЯ.

ДЕСЯТИЛѢТІЕ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФІИ въ Лондонѣ.

ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТОВЪ, Выпускъ I, Записки П. Д. Якушкива; вып. II, Записки князя Трубецкаго.

КНЯЗЬ М. ЩЕРБАТОВЪ и А. РАДЦЕВЪ, съ предисловіемъ Искандера.

ЕЩЕ РАЗЪ, Сборникъ статей Искандера 1865.

ЗАПИСКИ Князя П. В. ДОЛГОРУКОВА на французскомъ языкѣ :

MEMOIRES DU PRINCE PIERRE DOLGOROUKOW, Tome Premier in 8-vo de 500 pages; prix : 8 fr.

А LA LIBRAIRIE H. GEORG, CORRATERIE, 10, à GENÈVE

Se trouve un grand choix de livres russes, polonais, collections du KOLOKOL et les publications de l'Imprimerie russe à Genève.

Слѣдующій листъ "Колокола" выйдетъ 1-го Января 1868 года.

La feuille suivante paraîtra le 1 Janvier 1868.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, 40, Pré-Évêque, Genève.